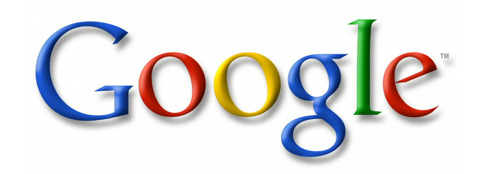
Google

P Slav
176
25
Slav 30.2
SIGILL : COLL : HARVARD : CANTAB : NOV : ANGL : 1650.
CHRISTO ET ECCLESIAE

ВѢСТНИКЪ

ЕВРОПЫ

ВОСЕМНАДЦАТЫЙ ГОДЪ. — ТОМЪ IV.

ГОДЪ XLVII. — ТОМЪ CCLXXVI. — 1/13 ІЮЛЯ, 1883.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРІИ – ПОЛИТИКИ – ЛИТЕРАТУРЫ

СТО-ВТОРОЙ ТОМЪ

ВОСЕМНАДЦАТЫЙ ГОДЪ

ТОМЪ IV

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ": ГАЛЕРНАЯ, 20.

Главная Контора журнала: на Васильевскомъ Острову, 2-я линія, № 7.

Экспедиція журнала: на Вас. Остр., Академ. переулокъ, № 7.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

1883

(793)

ВОЛХОНСКАЯ БАРЫШНЯ

ПОВѢСТЬ.

VII *).

— Илья Петровичъ, что такое «почвенникъ»? — спросила Варя, когда они довольно далеко отъѣхали отъ плуга.

— Почвенникъ? — протянулъ Тутолминъ, и съ удивленіемъ посмотрѣлъ на дѣвушку.

— Да, почвенникъ, — повторила она настоятельно.

Въ этой настоятельности Тутолмину почудилась капризная нотка.

— Да не костюмъ отъ господина Ворта, — насмѣшливо сказалъ онъ.

Варя вспыхнула.

— Я васъ серьёзно спрашиваю, Илья Петровичъ, — произнесла она и въ ея дрогнувшемъ голосѣ послышались слезы.

— Серьёзно, — вымолвилъ Илья Петровичъ, нѣсколько устыдившійся своей грубости: — на что же это вамъ *серьёзно*, милая барышня?

— Да ужъ надо, — уклончиво отвѣтила дѣвушка, и подумала про себя: какъ онъ, однако же, фамильяренъ.

— Какъ вамъ сказать... — и онъ, подумавъ, добавилъ, усмѣхаясь: — почвенникъ — человѣкъ подъ которымъ почва.

— Вы опять шутите, — печально сказала она: — а между тѣмъ мнѣ ужасно бы хотѣлось знать... Неужели только потому, что я такая глупая, вы не хотите сдѣлать меня умнѣе?

---

*) См. выше: іюнь, 465 стр.

Упрекъ этотъ подѣйствовалъ на Илью Петровича. «А и въ самомъ дѣлѣ, что это я ломаюсь,—подумалъ онъ,—можетъ, и вправду человѣку тьма опротивѣла», и онъ съ невольнымъ любопытствомъ заглянулъ Варѣ въ лицо. А она пристально и тоскливо смотрѣла въ даль и, тщетно осиливая упрямое волненіе, кусала губы.

— Вовсе вы не глупая,—серьёзно произнесъ Тутолминъ,— а дѣло вотъ въ чемъ: что́ бы вы возмечтали о субъектѣ, который, не имѣя объ ариѳметикѣ понятій, захотѣлъ бы алгебраическую теорему постигнуть?

— Я васъ не понимаю,—сказала Варя, быстро оживившаяся при первыхъ звукахъ серьёзной рѣчи.

— А однако это весьма просто. Вы смекаете, что́ обозначаетъ «народный вопросъ»?

Дѣвушка затруднилась.

— Народный вопросъ... Это, вообще, о мужикахъ...—нерѣшительно отвѣтила она.

Тутолминъ снисходительно улыбнулся.

— Вотъ и видно, что ариѳметикѣ не обучены. Ну, какъ же я васъ буду въ «теоремы» посвящать?.. Скажите вы мнѣ, милая барышня.

— Но вѣдь это же послѣдователи принципа какого-то,— робко вымолвила Варя.

— Какого же-съ?—саркастически освѣдомился Илья Петровичъ, котораго вдругъ непріятно рѣзнула наивность дѣвушки.

— Погодите...—припоминая, произнесла она:—да! все для народа и все... ну, однимъ словомъ, все чтобы народъ сдѣлалъ для себя самъ.

— Ловко!—отрѣзалъ Илья Петровичъ и засмѣялся.—Нѣтъ, дѣло не такъ просто,—продолжалъ онъ,—не такъ оно просто, драгоцѣнная барышня, и не такъ безсовѣстно. Это, можетъ, у васъ въ гимназіи—вѣдь вы въ гимназіи изволили обучаться?— можетъ, у васъ въ гимназіи, какой-нибудь штатный снотолкователь и внушалъ вамъ; только онъ напрасно. Ежели есть у «почвенника» враги, ежели есть у него лихіе люди—такъ это именно вотъ изъ тѣхъ гусей, которые «самопомощь»-то эту провозглашаютъ... Вы удивлены, милая барышня?.. Вы туго понимаете?.. Да, такіе вопросцы посложнѣе вопросовъ вашего затѣйливаго туалета... Это ужъ по совѣсти надо говорить... А однако-жъ и туалетъ вашъ въ этой же сферѣ крутится. Вы опять удивлены?.. Между тѣмъ, это воплощенная простота, хорошая вы моя. И вашъ туалетъ на горбѣ «народнаго вопроса» танцуетъ, и вашъ

щегольской экипажецъ, и вотъ тѣ дивы заморскія, на которыхъ такъ опростоволосился мой закадыка Захаръ Иванычъ...

Но тутъ Илья Петровичъ взглянулъ на Варю и нахмурился. Въ ея лицѣ и вообще во всей ея позѣ напряглось такое жадное вниманіе и съ такой пытливой сосредоточенностью устремлены были на него ея глаза, что ему сразу сдѣлалось стыдно. «Какъ глупо!»—внутренно воскликнулъ онъ, подразумѣвая свои шпильки и уколы, перемѣшанные съ многозначительными намеками... И вмѣстѣ съ этимъ глубокая внимательность дѣвушки пріятно защекотала его самолюбіе. Легкое возбужденіе снова поднялось въ немъ. Онъ почувствовалъ, что находится въ ударѣ. Факты и мысли, какъ въ ключѣ, бились въ его воображеніи и, казалось, только ждали предлога, чтобъ воплотиться въ слово и рядомъ стройныхъ картинъ встать предъ слушателемъ. И какимъ слушателемъ! жаждущимъ, молящимъ, изнывающимъ въ нѣмомъ и чуткомъ ожиданіи... «Принципіальный» человѣкъ проснулся въ немъ.

— Народный вопросъ, милая барышня, имѣетъ исторію длинную, но въ современномъ его видѣ недавно гуляетъ по нашимъ нервамъ, — строгимъ и нѣсколько пересохшимъ голосомъ произнесъ онъ.—Но ужъ начинать, такъ начнемъ съ Адама, и прежде чѣмъ «вопроса» коснуться, потолкуемъ о почвѣ, этотъ вопросъ взроетившей... — и онъ кратко и выразительно перечислилъ ей внѣшніе факты русской крестьянской исторіи. Государственное собираніе земли на Москвѣ; немощь въ крестьянскомъ обиходѣ, вызванная этимъ собираніемъ; разбродъ какъ слѣдствіе этой немощи; насильственное прикрѣпленіе къ землѣ; безпрерывный стонъ народный, заглушаемый визгомъ политической суетни; торжественное шествіе государственной машины подъ гулъ побѣдоносныхъ и иныхъ кампаній, — вотъ какими чертами онъ опредѣлялъ эту исторію. А дошедъ до временъ пугачевщины — съ ироніей сказалъ:

— Это репримандъ нумеръ первый.

Затѣмъ, въ его живомъ и рѣзкомъ изложеніи опять потянулись однообразные факты. Систематическое расширеніе крѣпостного права. Рѣдкія вздрагиванія крестьянскаго горба, изнывавшаго подъ тяжестью государственныхъ забавъ. Англійскій пластырь на зіяющихъ язвахъ. Наивное свирѣпство помѣстнаго дворянства и плотоядной бюрократіи. Наконецъ, цѣлая сѣть кровавыхъ расправъ, съ особенной настойчивостью расползавшаяся по тихимъ захолустьямъ и идиллическимъ дворянскимъ гнѣздамъ,—все это выростало и тянулось предъ Варей, стройной и сокрушающей ве-

реницей, и неотступно заполоняло ея воображеніе.—«Тамъ поваръ, какъ куренка, рѣзалъ свою барыню; тамъ сѣнная дѣвка подсыпала барину зелья въ питье; тамъ мужики дубьемъ расправлялись съ своимъ мучителемъ; тамъ, просто на просто «властей не признавали» и объявляли завѣдомую войну изъѣдавшему ихъ режиму; такъ назрѣвалъ и насыщалъ атмосферу тяжкимъ предвѣстіемъ грозы крестьянскій протестъ,—говорилъ Тутолминъ, и на этомъ прервалъ свою рѣчь насмѣшливымъ примѣчаніемъ:

— Это былъ второй репримандъ.

На освобожденіи крестьянъ онъ покончилъ съ ихъ исторіей.

— Теперь у насъ иная пѣсня потянется,—сказалъ онъ,—теперь мы доберемся до «народнаго вопроса», милая барышня... —И прямо указалъ на Радищева. «Это первый печальникъ народный,—вымолвилъ онъ,—первый, если можно такъ выразиться, *принципіальный* печальникъ, то-есть, сознательный, идейный»... —Затѣмъ съ ироніей упомянулъ о «бѣдной Лизѣ» Карамзина, о чувствительныхъ европейскихъ вліяніяхъ во вкусѣ изысканныхъ пасторалей Ватто, о «романтическомъ» народолюбіи декабристовъ, о «народности», возвѣщенной правительствомъ Николая... Когда же дошелъ до сороковыхъ годовъ и коснулся литературнаго направленія, выростившаго «Записки Охотника» и «Антона Горемыку», иронія его пропала и замѣнилась нѣсколько пренебрежительной снисходительностью. Онъ признавалъ за направленіемъ *воспитывающее* значеніе и въ этомъ смыслѣ—извѣстную заслугу, но не много давалъ ему цѣны, какъ серьёзному выраженію крестьянскихъ нуждъ и крестьянскихъ стремленій. Впрочемъ, упомянулъ онъ объ этомъ вскользь, и Варя больше по тону его догадалась, что онъ не большой поклонникъ «художниковъ» сороковыхъ годовъ.

Но за то въ его голосѣ явно зазвучали теплыя нотки, когда онъ заговорилъ о нѣмцѣ Гакстгаузенѣ, о трудахъ Бѣляева, о первыхъ изслѣдователяхъ народнаго быта, народной поэзіи, народныхъ понятій о правѣ и религіи. И тутъ, какъ бы мимоходомъ посвятивъ Варю въ теченіе западно-европейскихъ соціалистическихъ идей—теченіе, захватившее своими волнами прогрессистовъ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ, онъ въ широкихъ и ясныхъ чертахъ представилъ ей идеальный путь народнаго развитія. «Община—въ экономической жизни, пѣсня и сказка—въ бытовой, обычай—въ юридической,—вотъ вѣхи, по которымъ долженствовало направиться этому развитію»—говорилъ онъ. И тутъ же пояснилъ, что и то, и другое, и третье, онъ понимаетъ въ смыслѣ *принципа*, въ смыслѣ *типа*, а отнюдь не въ смыслѣ

формы, нынѣ застывшей на извѣстной зарубкѣ. (Варя совершенно ничего не поняла изъ этой тирады, но переспросить не осмѣлилась).

Покончивъ съ идеалами, Тутолминъ воскликнулъ:—но тутъ-то и начинается вопросъ,—и съ напускной шутливостью, плохо скрывавшей его волненіе, обратился къ Варѣ.

— Вы, конечно, не понимаете, что такое «вопросъ»? Вотъ что, милая барышня: ежели вамъ захочется сто-рублевое платье купить, а папашенька сіе воспрещаетъ,—это и будетъ обозначать «вопросъ». Въ данномъ случаѣ «вопросъ сторублеваго платья».

Варя даже не усмѣхнулась. Она только слушала, да вникала неотступно, да смертельно боялась проронить хотя одно слово.

Илья же Петровичъ перешелъ къ «вопросу». Прежде всего онъ указалъ ей на страшное несоотвѣтствіе дѣйствительности съ идеальными построеніями. Неудержимо увлекаемый предметомъ рѣчи, глубоко взволнованный рядомъ воспоминаній, мучительныхъ и мрачныхъ, онъ въ какомъ-то тоскливомъ паѳосѣ раскрывалъ передъ Варей безконечныя перспективы народныхъ скорбей. И народъ вставалъ предъ нею на подобіе Прометея, прикованнаго къ скалѣ... Всеобщее разореніе; безшабашная оргія кулаковъ, заполонившихъ деревни и свирѣпство патентованныхъ піявокъ тлетворное дуновеніе себялюбивыхъ началъ, входящихъ въ села подъ флагомъ римскаго права; тяжкое изнеможеніе общины подъ напоромъ неумолимыхъ государственныхъ воздѣйствій; соблазны фабричнаго быта, разъѣдающіе основы деревенскаго міровоззрѣнія; голодъ, болѣзни, нищета; нивы истощенныя хлѣбомъ, пожраннымъ Европой; розги становыхъ и плети урядниковъ на ряду съ ужаснымъ молоткомъ судебнаго пристава,—въ такомъ выраженіи предстали предъ дѣвушкой невзгоды, терзающія Прометея. А Тутолминъ, когда перечислилъ всю эту благодать, когда растревожилъ свои нервы до мучительной и ноющей боли какой-то — остановился и сказалъ съ дѣланной насмѣшливостью:

— Въ этомъ и состоитъ вопросъ, драгоцѣнная барышня.

Варя ничего не сказала. Она чувствовала только, что невыразимая печаль какой-то угрюмой и темной тучей надвигалась на нее и слезы, горькимъ клубкомъ, подкатывались къ ея горлу... Рысакъ шелъ развалистымъ шагомъ, звонко стуча копытами, и изрѣдка натягивая на себя свободно опущенныя возжи. Съ сѣраго неба накрапывалъ мелкій и теплый дождь. Жаворонки низко перелетывали надъ полями и отрывисто выводили свои пѣсни. На далекой рѣчкѣ суетливо крякали утки.

— Говорите,—прошептала Варя.

— Что же говорить,—грустно сказалъ Илья Петровичъ,—старая исторія: ты на гору—чортъ за ногу... Ахъ, да,—спохватился онъ:—вы о «вопросѣ»-то напоминаете?—Очень вѣдь вразумительно, какъ онъ произошелъ и въ чемъ состоитъ. Произошелъ онъ отъ того, что вамъ хочется платья, а папашенка вамъ сіе воспрещаетъ. А состоитъ—въ вашихъ мѣропріятіяхъ по пріобрѣтенію сего платья и въ тѣхъ подвохахъ, которые вы по поводу сего пріобрѣтенія предпринимаете.

— Ваше сравненіе не совсѣмъ удачно, — сказала дѣвушка и просто посмотрѣла на Тутолмина:—отъ платья я могу отказаться и, слѣдовательно, этимъ отказомъ рѣшить *мой* вопросъ... А вашъ вопросъ...—и тихо добавила:—развѣ можно отъ него отказаться?...

— Правда, моя хорошая,—живо произнесъ Илья Петровичъ и ласково взглянулъ на Варю:—а за эту правду, я ужъ вамъ изъясню, чтó обозначается словомъ «почвенникъ». По секрету вамъ сказать и слово-то это недавнее; да и въ употребленіи оно мѣстномъ. Однако же вообразимъ, что намъ до этого дѣла нѣтъ. Вообразили?.. Теперь приступимъ—и онъ съ комической торжественностью началъ:—Ежели какой интеллигентъ и вообще дѣятель, строитъ свои идеалы сообразно идеаламъ крестьянскимъ—онъ почвенникъ. Ежели, и въ политическомъ и въ экономическомъ и въ бытовомъ обиходѣ, онъ стремится къ воплощенію самобытныхъ началъ, скрашенныхъ соотвѣтствующими научными указаніями—онъ опять почвенникъ. Ежели идею развитія онъ полагаетъ въ развитіи исконныхъ формъ народнаго—экономическаго и иного—міровоззрѣнія и народнаго быта—онъ снова и снова почвенникъ, милая барышня. Поняли?..

Но Варя вспыхнула и, въ нерѣшительномъ смущеніи кивнувъ головкой, натянула возжи. Рысакъ встрепенулся, жадно расширивъ ноздри, Тутолминъ откинулся назадъ и шарабанъ стремительно покатился къ усадьбѣ.

У домика Захара Иваныча, Илья Петровичъ слѣзъ. Но онъ не сразу вошелъ въ комнаты. Онъ невольно подождалъ, пока Варя подъѣхала къ крыльцу и ловко осадила рысака. Суровый и гладко обритый человѣкъ въ кашемировомъ сюртукѣ поспѣшно вышелъ ей на встрѣчу и помогъ сойти съ высокой подножки шарабана. Конюхъ въ щегольской безрукавкѣ, съ шапкою въ рукахъ, подбѣжалъ къ рысаку и принялъ его подъ уздцы. Варя слегка оправила костюмъ и, важно кивнувъ суровому человѣку, скрылась за блестящею дверью подъѣзда.

Непріязненное чувство охватило Тутолмина. Ему показалось,

что онъ совершилъ какую-то измѣну, выложивъ передъ этой надменной барышней запасъ сокровеннѣйшихъ своихъ помысловъ и мечтаній. И вдругъ неодолимое презрѣніе къ себѣ, къ своей податливости и впечатлительности поднялось въ немъ. «Разнѣжился!—воскликнулъ онъ съ злобою,—въ развиватели поступилъ!.. Романическаго героя захотѣлъ прообразить... Какъ же! Красивая щеголиха любознательность изволила выказать... благосклонность изъявила... въ шарабанѣ рядомъ съ замухрышкой какимъ-то соблаговолила прокатиться»,—и онъ посмотрѣлъ на свое куцое пальтишко, кой-гдѣ испещренное пятнами, и сердито плюнулъ.

А Варя прямо прошла въ свою комнатку, разсѣянно сбросила на руки Надежды пальто и шляпу, и опустилась въ кресло. Голова ея пылала. Отрывки сумрачныхъ картинъ, имена, факты, слова Тутолмина,—смутно бродили передъ нею въ какомъ-то странномъ и привлекательномъ сочетаніи. Многаго она не понимала,—какъ, напримѣръ, не поняла его послѣднихъ словъ о «почвенникѣ»;—обо многомъ слышала прежде въ совершенно иномъ духѣ и родѣ; со многимъ какъ будто и не могла помириться,—не могла помириться съ его отзывомъ о декабристахъ, которыхъ знала по «Русскимъ женщинамъ», съ его непочтительнымъ отношеніемъ къ «художникамъ» 40-хъ годовъ, изъ которыхъ Тургенева боготворила, хотя и не читала его «Записокъ Охотника»,—но совокупность его рѣчей и мнѣній какъ будто открыла передъ ней какія-то неизъяснимыя глубины. Ей казалось, что даль внезапно расширилась передъ нею и раскрыла безконечныя перспективы, и перспективы эти сверкали въ чудныхъ переливахъ загадочнаго и таинственнаго освѣщенія, и неотступно влекли ее къ себѣ. Сердце ея ширилось и замирало, и млѣло въ какомъ-то сладкомъ и порывистомъ трепетѣ...

И повсюду вставалъ образъ взволнованнаго, симпатичнаго и нервнаго человѣка. Она чувствовала, какъ между этимъ человѣкомъ и ею властительно образовываются какія-то нити, крѣпкія и нѣжныя, и ей было тепло и отрадно отъ этого чувства. Она припомнила его голосъ, глубокій и мягкій, его простое обращеніе, которое въ началѣ показалось ей такимъ грубымъ и фамильярнымъ («нѣтъ, это не фамильярность!»—воскликнула она теперь), его ласковое участіе. И она начала представлять себѣ подробности разговора, его насмѣшливый тонъ въ началѣ, его увлеченіе потомъ... И вдругъ сухая и рѣзкая полоса прикоснулась къ ней. «Боже мой, какая же я глупая,—воскликнула она и съ отчаяніемъ всплеснула руками:—ничего-то я не

знаю, ничему-то насъ не учили!» —и она снова стала возобновлять въ своей памяти имена и факты, сообщенные ей Тутолминымъ. Но они бродили передъ ней какъ тучки, разорванныя вѣтромъ. Стройность, послѣдовательность, смыкавшія ихъ въ законченныя и живыя картины—исчезли. И только ихъ смыслъ, ихъ внутреннее значеніе, по прежнему волновали душу дѣвушки таинственнымъ и неяснымъ очарованіемъ.

Тогда она въ нѣкоторомъ даже ужасѣ стала припоминать свои познанія. Но они, какъ нарочно, либо упрямо не являлись на отчаянный призывъ ея памяти, либо представали въ жалкомъ и наивномъ убранствѣ. Явился Пипинъ Короткій—маленькій и розовый старичишка — въ сообществѣ съ молодцоватымъ Карломъ Бургундскимъ; впорхнулъ разфранченный Людовикъ XIV подъ ручку съ толстой дамой—Анной Австрійской и въ сопровожденіи пронырливаго старика въ длинной фіолетовой рясѣ— Мазарини. Вошелъ тяжелой поступью угрюмый Кромвель, окруженный толпою важныхъ и чопорныхъ пуританъ съ библіями въ рукахъ; пріѣхалъ въ какихъ-то носилкахъ рыхлый и дебелый царь московскій въ ризѣ и митрѣ; величественно приплыла благосклонная Екатерина II, окруженная раззолоченной и напудренной знатью... И сверкающій кортежъ медлительно разгуливалъ подъ звуки различныхъ маршей и гимновъ, и фигурировалъ на какихъ-то раскрашенныхъ подмосткахъ, высоко возносившихся надъ землею. Внизу, въ неясныхъ и смутныхъ очертаніяхъ двигались массы. Массы эти орали какъ оглашенныя, палили изъ ружей, дрались, кричали «ура» и «виватъ», перебѣгали съ мѣста на мѣсто безтолковыми волнами...

Вотъ и все. Затѣмъ передъ Варей пробѣжала ощипанная и кургузая физика—необыкновенно похожая на цыпленка; математика, строгая и сухая, какъ треска; пышная и надоѣдливая географія съ своими метрами, футами, меридіанами, тропиками, штатами, городами, градусами...

Варя схватилась за голову и въ тоскѣ приникла къ столу. Ей стало нестерпимо жаль этихъ лѣтъ, проведенныхъ въ гимназіи,—потерянныхъ лѣтъ и глупыхъ, какъ теперь ей казалось, и гимназическая жизнь предстала передъ ней не въ видѣ лакированныхъ пейзажиковъ, какъ представала прежде, а скучная, пошлая, пустая. Механическое усвоеніе разнообразныхъ наукъ; сладкое замираніе надъ романами; дразнящія мечты въ перемежку съ пустыми и наивными разговорами подругъ... «Господи, какъ это мелко и ничтожно!»—воскликнула Варя и горько усмѣхнулась. А между тѣмъ и тогда были порывы и неясныя

стремленія къ какому-то свѣту. Некрасовъ волновалъ ее; передъ рѣчами отца она благоговѣйно склоняла голову; она знала наизусть многія стихотворенія изъ «Полярной Звѣзды», которую однажды вручилъ ей Алексѣй Борисовичъ, съ строгимъ наказомъ не давать никому...

И она достала изъ ящика тетрадку, въ которую переписывала стихи, и небрежно зашелестила ея листами. Вотъ—

Добро-бъ мечты, добро бы страсти,
Съ мятежной прелестью своей,
Держали насъ въ своей напасти...

Вотъ и еще... Но среди *такихъ* мотивовъ явно превозмогали иные. Съ досадой и съ какимъ-то чувствомъ обиды она прослѣдила эти «иные» мотивы, но на послѣдней страницѣ она прочитала:

Если ты любишь, какъ я, безконечно,
Если живешь ты любовью и дышешь,
Руку на грудь положи мнѣ безпечно—
Сердца біенья подъ нею услышишь.
О, не считай ихъ...

И вдругъ задумалась и вспыхнула стыдливымъ румянцемъ и туманно посмотрѣла вокругъ себя. Но спустя минуту снова очнулась. И снова пришла въ отчаяніе. Ее приходили звать къ обѣду. Она не пошла. Она легла на кровать, и крѣпко прижимаясь къ подушкѣ, плакала, плакала неутѣшно...

Спустились сумерки. Въ комнатѣ было тихо. Столовые часы однообразно и мѣрно звенѣли своимъ маятникомъ. Варя поднялась и рѣшительно подошла къ столу.

«Добрый, хорошій Илья Петровичъ,—порывисто писала она на листкѣ прелестной репсовой бумаги отъ Даціаро,—помогите мнѣ, спасите меня отъ пустоты. Я ничего не знаю, ничего не помню, но я страстно,—слышите ли—*страстно*, настойчиво, глубоко, хочу *знать*. Научите меня. Скажите, чтó читать. Приходите къ намъ чаще... Вы не повѣрите, какъ я измѣнилась. Я будто родилась вновь... Ахъ, вы не знаете, какое искреннее, какое горячее спасибо я вамъ говорю. Вы свѣтъ мнѣ открыли. Вы дали мнѣ жизнь... Вы... вы... хорошій вы человѣкъ, Илья Петровичъ!.. Крѣпко жму вашу руку.

Варвара Волхонская».

А голый, бронзовый мальчишка, копавшійся на столовыхъ часахъ, лукаво поглядывалъ на Варю, прикасаясь къ своимъ губамъ изящнымъ бронзовымъ пальчикомъ.

VIII.

Прошли недѣли. На деревьяхъ затрепетали листья; въ саду появились соловьи. Съ каждымъ днемъ солнце становилось жарче и небо ласковѣй простиралось надъ землею. Поля одѣлись всходами. Шумныя грозы не разъ тревожили воздухъ. Камышъ на озерѣ зазеленѣлъ, какъ лукъ. Дикія утки плескались въ заводяхъ. Въ рощѣ закуковала кукушка. Кроткія горлинки мелодично оглашали аллеи. Яблони начинали зацвѣтать... Зори погорали въ небѣ долго и пламенно. Иногда мерцала шаловливая зарница. Изъ села по вечерамъ долетали пѣсни и печально погасали за холмами.

Кучеренокъ Прошка аккуратно ѣздилъ въ городъ и привозилъ Варѣ книги. Она брала ихъ по выпискѣ Тутолмина. Часто той или другой не оказывалось въ городской библіотекѣ, больше промышлявшей Рокамболемъ, и тогда летѣли требованія въ Москву и Петербургъ.

Прислуга находила, что барышня измѣнилась, и прислугѣ не нравилось это. Особенно строгую Надежду возмущали новые пріемы Вари. Ея сдержанность, мягкость ея тона, участіе къ мужикамъ и бабамъ, иногда приходившимъ на заднее крыльцо попросить хины, а особливо осторожное и ласковое отклоненіе послугъ,—все это подымало желчь въ Надеждѣ и ужасно противорѣчило стародавнимъ ея понятіямъ о барскомъ достоинствѣ. «Какая вы барышня!»—съ глубокимъ чувствомъ обиды говорила она, когда Варя безъ ея помощи застегивала пуговицы своихъ гетръ, или убирала голову.

Замѣчалъ и Алексѣй Борисовичъ перемѣну въ дочери. Но онъ нашелъ, что перемѣна эта въ новомъ и привлекательномъ освѣщеніи представляетъ дѣвушку. Въ ней, напримѣръ, теперь уже не было прежней рѣзкости манеръ, то надменныхъ, то черезъ-чуръ шаловливыхъ,—манеръ, правда, очень граціозныхъ и очень идущихъ къ ней, но придававшихъ ея фигурѣ слишкомъ уже колоритный, слишкомъ законченный обликъ. И вотъ эта-то «законченность» смѣнилась теперь мягкостью и какою-то загадочной теплотою, неясно сквозившею въ тихихъ движеніяхъ дѣвушки, въ сосредоточенномъ ея взглядѣ, въ ея рѣчахъ, разсѣянныхъ и кроткихъ... Алексѣй Борисовичъ догадывался и о причинахъ перемѣны. Но смотрѣлъ на эти причины скорѣе съ интересомъ «художника, нежели съ опасеніями отца. «Весна и девятнадцать лѣтъ... — съ легкою дозой цинизма разсуждалъ

онъ,—пусть балуется. Притомъ же вѣдь эти «лапотники» (такъ онъ прозвалъ Илью Петровича) ужасные... вислоухіе!»—и онъ съ удовольствіемъ вспоминалъ свои волокитства, въ которыхъ онъ уже, во всякомъ случаѣ, не бывалъ «вислоухимъ».

Но иногда онъ съ непріязненнымъ удивленіемъ думалъ о вкусахъ Вари. «Откуда у ней эта неразборчивость,—размышлялъ онъ, отрываясь отъ какихъ-нибудь «Типовъ Шекспира» въ великолѣпномъ нѣмецкомъ исполненіи,—ужъ во всякомъ случаѣ не отъ меня. Развѣ отъ матери?.. Непремѣнно отъ матери. Той вѣдь нравилось все вульгарное,—и добавлялъ съ усмѣшкой—любопытно, любопытно»... И снова погружался въ смакованіе прелестной гравюры, изображавшей кроткую Дездемону, или лэди Макбетъ съ негодующимъ выраженіемъ на гордомъ лицѣ.

Но онъ встрѣчался съ Тутолминымъ рѣдко и съ неохотою. Нужно сознаться, что въ глубинѣ души онъ боялся этихъ встрѣчъ. Онъ боялся тѣхъ познаній, съ которыми Илья Петровичъ вступалъ въ разговоры о политикѣ, исторіи, общественной жизни и т. п. Онъ признавался внутри себя, что его свѣдѣнія отстали, что интересы его къ этимъ вопросамъ охладѣли, что они нагоняютъ на него скуку... Разсужденій же объ искусствѣ Тутолминъ явно и рѣшительно избѣгалъ и кромѣ того, Волхонскаго коробила внѣшность Ильи Петровича—его манеры, его языкъ, грубый и аляповатый, его далеко не изысканный и даже грязноватый костюмъ, его привычка ѣсть съ ножа, его неряшливые ногти.

Тутолминъ совершенно раздѣлялъ эти чувства Волхонскаго. Какъ тотъ не переносилъ его внѣшности, такъ Илья Петровичъ брезгливо относился къ вылощенному виду Алексѣя Борисовича. Эти бѣлоснѣжные воротнички à la Delavar или jeune France, эти кокетливо подвязанные галстухи, эти безпрестанныя смѣны изящныхъ костюмовъ, эти руки, выхоленныя и нѣжныя, этотъ тонкій запахъ илангъ-илангъ, всегда вѣявшій отъ старика—все претило ему и невыносимо досаждало его демократическимъ вкусамъ. Въ соотвѣтствіе съ этимъ и къ идеаламъ Волхонскаго онъ относился, и къ его красивой и плавной рѣчи, унизанной пикантными ядовитостями, и къ его эпикурейскимъ наклонностямъ.

Но онъ близко и хорошо сошелся съ Варей. Онъ читалъ ей, разсказывалъ... И съ наслажденіемъ примѣчалъ плоды неустанныхъ своихъ воздѣйствій. Онъ съ какой-то жадностью слѣдилъ, какъ мысль дѣвушки росла и развивалась, и въ ея умной головкѣ возникали основы стройнаго міросозерцанія. Шагъ за

шагомъ, черточка за черточкой, медленно и, казалось, прочно подвигалась работа. Многое давалось слишкомъ легко, передъ другимъ представали непреодолимыя трудности. Тамъ и сямъ сказывались въ дѣвушкѣ привычки, наклонности, отсутствіе навыка къ послѣдовательному мышленію. Часто Тутолмину приходилось довольствоваться ея вѣрою, инстинктивнымъ пониманіемъ, проникновеніемъ какимъ-то. Но помимо этихъ преградъ, новый человѣкъ выросталъ въ дѣвушкѣ ясно и неотразимо. Правда, иногда нѣкоторыя неожиданности смущали Илью Петровича и заставляли его съ тревогой вглядываться въ «новаго человѣка»— такъ бросалась ему въ глаза слишкомъ большая вѣра дѣвушки въ его личныя достоинства, слишкомъ восторженное преклоненіе ея передъ его авторитетностью, его превосходствомъ. Но это были смутныя тѣни на поверхности гладкой и прозрачной. Обыкновенно онѣ уступали мѣсто какому-то отрадному и горделивому чувству самодовольства, и если оставляли по себѣ какой-либо слѣдъ, то лишь въ томъ волненіи, сладкомъ и мечтательномъ, которымъ переполнялось все существо Тутолмина.

И за этими сладкими ощущеніями, за этими рѣчами и наблюденіями своими—Илья Петровичъ какъ-то незамѣтно позабылъ о существованіи своей «памятной книжки». Онъ уже не спорилъ съ Захаромъ Иванычемъ о значеніи капитализма въ Россіи (чему тотъ былъ очень радъ); онъ уже записывалъ пѣсни и бытовыя обрядности,—которыя отъ времени до времени приносилъ ему Мокѣй,—съ видомъ какого-то неотступнаго долга; онъ не начиналъ давно задуманнаго очерка «изъ быта батраковъ»,— онъ при первой возможности уходилъ въ домъ, въ садъ, и говорилъ, гулялъ съ Варей, катался съ ней по полямъ. Незамѣтно для себя, ею одной, ея плѣнительнымъ образомъ всюду его преслѣдовавшимъ, онъ переполнилъ свое существованіе.

Что̀ происходило съ ней—трудно сказать. Она и сама не знала, какія ощущенія заполонили ея душу и придали ея нервамъ изумительную чуткость. Въ ней что-то совершалось и зрѣло съ медлительной непрерывностью, но что́?—въ этомъ она не могла дать себѣ отчета. Все окружающее приняло въ ея глазахъ какое-то особое, неизвѣстное ей дотолѣ выраженіе. Слушала-ли она соловьиную пѣсню, мелкимъ серебромъ стоявшую надъ садомъ, смотрѣла-ли на вечернее небо, въ которомъ пламенѣлъ закатъ и неясно мерцали звѣзды, слѣдила-ли за полетомъ жаворонка, въ сверкающемъ трепетѣ взлетавшаго къ солнцу, гуляла-ли по тѣнистымъ аллеямъ сада въ сумракѣ и тишинѣ душистой ночи,—вездѣ преслѣдовала ее какая-то задумчивая и

пріятная печаль. И особенно она полюбила даль, замыкавшую необозримыя Волхонскія поля. Любила она ее въ переливчатомъ блескѣ солнечнаго утра, и въ туманныхъ очертаніяхъ знойнаго полдня, и въ заревѣ заката, жаркомъ и пышномъ, и въ ту пору пасмурной погоды, когда эта даль синѣла, синѣла безъ конца и своимъ загадочнымъ просторомъ рвала и терзала душу невыносимой тоскою...

И когда она была одна и ждала обычнаго появленія Тутолмина—неспокойное волненіе охватывало ее. Дыханіе стѣснялось. Сердце билось въ надоѣдливой тревогѣ... Но появлялся онъ и волненіе проходило. Безъ всякаго трепета жала она его руки, и смотрѣла ему въ лицо, и начинала бесѣду. И все существо ея погружалось въ тихое и ясное блаженство.

Книгъ она почти не читала. Все, чтó было въ нихъ, обыкновенно разсказывалъ ей Тутолминъ. И въ его изложеніи книги эти ложились на ея душу рѣзкими и незабываемыми чертами. Иногда онъ читалъ ей. Когда же сама она принималась читать, съ нею совершалось что-то странное. Не то, чтобы она ощущала скуку или плохо понимала,—нѣтъ, но мысли и факты, представляемые книгой, воспринимались ею какъ-то сухо и недовѣрчиво. Именно—сухо. Имъ недоставало какой-то плоти, какихъ-то живыхъ и привлекательныхъ красокъ, которыя приносило съ собою изложеніе Тутолмина или его чтеніе—и они толпились передъ ней стройными, но безжизненными колоннами, холодные и черствые, какъ мертвецы. И книга выскользала изъ рукъ и взглядъ неотступно уходилъ въ глубь сада, гдѣ въ тѣни пахучихъ липъ щелкалъ голосистый соловей, и меланхолическая иволга тянула свои переливы...

Иногда ей казалось, что она любитъ и тайное опасеніе закипало въ ней. И она представляла его себѣ близкимъ человѣкомъ, мужемъ... Но какая-то враждебная струя быстро охлаждала ея мечтанія и гдѣ-то далеко, въ самой глубинѣ души, смутно шевелилось непріязненное чувство. И вслѣдъ за этимъ какая-то досада вставала въ ней—она злилась на себя, на свою мечтательность, и—мгновенно воображала Илью Петровича уже не мужемъ и не близкимъ человѣкомъ, а чѣмъ-то важнымъ, свѣтозарнымъ, недосягаемымъ.

Разъ выдался хорошій денекъ, недавно прошла гроза. Громъ еще рокоталъ въ неясныхъ и внушительныхъ раскатахъ. На дальнемъ горизонтѣ чернѣла туча... Но небо очистилось и съ

веселой ласковостью простирало свѣжую свою синеву. Солнце сіяло. Въ тепломъ воздухѣ, ясномъ и прозрачномъ, какъ хрусталь, стоялъ крѣпкій запахъ березы и тонкое благоуханіе цвѣтущихъ травъ расплывалось непрерывными волнами. Листья деревьевъ, обмытые дождемъ, блистали кропотливымъ блистаніемъ и радостно лепетали. Птичьи голоса звенѣли особенно задорно. Яркая зелень полей и муравы, вспрыснутая влагой, била въ глаза мягкостью и сочностью своихъ тоновъ. Озеро недвижимо сверкало. Мокрый камышъ какъ будто замеръ въ чуткомъ и осторожномъ безмолвіи.

Варя съ Тутолминымъ прошли садъ и вышли на поляну. Кругомъ разстилалось поле яровой пшеницы. Легкій вѣтерокъ ходилъ вдоль поля голубыми волнами и пригибалъ къ землѣ молодые стебли. Дальше извивалась рѣка въ недвижимомъ блескѣ. За рѣкою вставали холмы и виднѣлась блѣдно-зеленая рожь. Проселочная дорога тянулась по ней черною лентою и пропадала въ прихотливыхъ зигзагахъ. Вверхъ по теченію рѣки открывалась даль. Теперь въ ней легкими волнами курились испаренія и солнечные лучи заманчиво трепетали въ нихъ... Очертанія церквей привѣтливо сверкали въ отдаленіи. Смутно чернѣли поселки... Густая зелень кустовъ рѣзко обозначалась среди полей. Въ голубой высотѣ звенѣлъ жаворонокъ.

Варя сѣла на копну сѣна и Илья Петровичъ помѣстился около нея. Она облокотилась на руку, съ которой спустился рукавъ вышитой малороссійской рубашки, и смотрѣла вокругъ и слушала. Тутолминъ читалъ ей новый очеркъ знаменитаго «народника-беллетриста». Онъ читалъ съ увлеченіемъ, съ жаромъ; онъ весь отдавался разсказу, въ которомъ ему чудился возвратъ автора къ вѣрованіямъ и идеаламъ «почвенниковъ». Онъ этимъ разсказомъ крупнаго и сильнаго противника особенно хотѣлъ поразить Варю, и особенно оттѣнить тѣ принципы, которые развивалъ ей доселѣ.

А она застыла въ жадномъ и страстномъ вниманіи. Но не разсказъ знаменитаго «народника-беллетриста» слушала она; не картины его суровой и рѣшительной кисти — подобной кисти Рѣпина, возникали передъ ней,—она слушала *звуки* голоса Тутолмина, слушала радостное щебетанье жаворонка мелькавшаго въ небѣ, слушала отдаленный птичій гамъ, висѣвшій надъ садомъ, и унылое кукованье кукушки, притаившейся въ ближней рощѣ... И картины какого-то огромнаго счастья надвигались на нее плѣнительною вереницей и волны изумительнаго восторга затопляли ея душу.

И все ея существо переполнилось знойнымъ желаніемъ. Она внезапно обвила руками шею Тутолмина, и вся въ какомъ-то изнеможеніи, трепетномъ и стыдливомъ, вся пронизанная какою-то горячей и мелкой дрожью, приникла къ его груди. «Люблю тебя»... прошептала она едва слышно.

Онъ опустилъ книгу. «Любишь?..» въ растерянномъ недоумѣніи произнесъ онъ. И вдругъ почувствовалъ, что радостное стѣсненіе перехватило ему дыханіе. И до такой степени стали ему ясны теперь и безпокойныя тревоги и сладкія ощущенія, волновавшія его душу во все время сближенія съ Варей, и такъ невыразимо дорога стала ему эта дѣвушка... Онъ прикоснулся губами къ ея затылку, отъ котораго пахнуло на него тонкими духами, и тихо погладилъ ея голову. «Дорогая моя, невѣста моя»,—сказалъ онъ. Она подняла лицо и блестящими, радостными глазами посмотрѣла на него, щеки ея пылали, полуоткрытыя губы какъ бы пересохли отъ жажды... Тутолминъ въ умиленіи смотрѣлъ на нее.

Прошло нѣсколько мгновеній.

— Мы теперь будемъ на «ты», да? — слабо прошептала Варя.

— О, непремѣнно! Разъ если любишь—разговоръ короткій, родимая моя,—отвѣтилъ Илья Петровичъ.

Варя хотѣла-было спросить: «любитъ ли онъ ее и какъ», но не спросила, а тихо отняла руки и положила голову на его плечо. А онъ, счастливый и безмятежный, началъ развивать передъ ней свои планы. Она непремѣнно должна ѣхать въ Петербургъ и слушать лекціи на высшихъ курсахъ. Курсы дадутъ ей факты — научную основу для ея стремленій, полезныя знакомства и связи. Онъ поѣздитъ по деревнямъ, соберетъ матеріалы для книги, которую думаетъ написать—«О проявленіяхъ артельнаго духа въ по-реформенной деревнѣ, въ связи съ стойкостью русскихъ общинныхъ идеаловъ вообще», — а къ зимѣ возвратится въ Петербургъ, и они заживутъ тамъ на славу. Впереди же... о, впереди масса работы, масса честнаго и свѣтлаго труда—рука объ руку съ вѣрными «однокашниками», съ товарищами, испытанными въ лихую и жестокую годину.

Варя слушала его, кивала головкой, и улыбалась кроткою и блаженной улыбкой.

Назадъ они возвращались рука съ рукою. Вкругъ нихъ болтливо лепетали березы, и нѣжныя липы задумчиво шептались и гремѣли неугомонные соловьи; надъ ними висѣло поблѣднѣвшее небо и тихо двигались румяныя облака; вдали сквозило голубое

озеро и бѣлѣлась у берега лодка красивая какъ игрушка... «Милый мой, поѣдемъ на лодкѣ!» сказала Варя и бѣгомъ пустилась къ берегу. Илья Петровичъ послѣдовалъ за ней. Они отчалили; иловатое дно зашуршало подъ лодкой. Весла блестѣли и разносили звенящія брызги... Садъ удалялся съ своимъ шумомъ и съ пахучею тѣнью безконечныхъ аллей... Купы зеленаго камыша медлительно тянулись имъ на встрѣчу... Въ прозрачной водѣ прихотливо извивались водоросли.

Лодка долго плавала по озеру. Она заходила и въ молчаливыя заводи — кругомъ которыхъ сторожко и важно стоялъ частый камышъ, и гдѣ особенно ясно отдавались удары веселъ о корму и мѣрный всплескъ воды. Она приставала и къ островамъ, на которыхъ непроходимой чащею росъ гибкій тальникъ и гнѣздились дикія утки. Она приближалась и къ тому берегу, надъ которымъ въ глубокой дремотѣ стояла рожь, и возвышались холмы круглые какъ куполъ. Иногда утки, встревоженныя ея приближеніемъ тяжко взлетали изъ камыша и рѣзко крякали. Тогда серебристый смѣхъ Вари вторилъ этой шумной тревогѣ и долго стоялъ въ воздухѣ, и весло гремѣло о корму гулко и часто. А солнце зажигало западъ, и небо, розовымъ сводомъ, опрокидывалось надъ озеромъ. Въ усадьбѣ ослѣпительно блестѣли окна. Шпицъ колокольни пламенѣлъ какъ свѣча. Отраженіе водяной мельницы стояло въ водѣ ясно и живо. Смутный шумъ колесъ меланхолически разносился въ чуткомъ воздухѣ. Откуда-то изъ-за сада тоскливо тянулась пѣсня.

Заблаговѣстили къ вечернѣ. Протяжный колокольный гулъ плавно огласилъ окрестность и звенящимъ отзвукомъ разнесся по водѣ. И Варя встала во весь ростъ, и заслонившись ладонью отъ заходящаго солнца, оглядѣлась. И вдругъ—и садъ, съ вершинами деревъ позлащенныхъ закатомъ, и тихое озеро и холмистое поле и усадьба, и крылья англійской мельницы, недвижимо распростертыя въ блѣдномъ сѣверномъ небѣ, и село пріютившееся подъ ракитами, и сквозныя облака пронизанныя горячимъ золотомъ, — все это предстало Варѣ чѣмъ-то важнымъ и внушительнымъ и вмѣстѣ — безконечно дорогимъ и безконечно близкимъ. И она смотрѣла вокругъ широкими глазами, и запоминала и любовалась, вся охваченная теплотою какого-то серьёзнаго и умилительнаго настроенія... А Тутолминъ покинулъ весла и не сводя восторженнаго взгляда съ лица дѣвушки, залитаго розовымъ сіяніемъ, крѣпко и значительно сжималъ ея руки. Вода неутомимо журчала подъ кормою и робко плескалась и убѣгала вьющимися струйками... Ласточки носились надъ водою.

Алексѣй Борисовичъ встрѣтилъ Варю на балконѣ. Онъ небрежно разрѣзывалъ новую книжку Nouvelle Revue и, отъ времени до времени, прихлебывалъ чай, стоявшій передъ нимъ на серебряномъ подносикѣ. Около него лежали вскрытыя письма и цѣлый ворохъ газетъ и журналовъ.

— Что, m-lle, съ лапотникомъ на лонѣ природы услаждались?—съ обычной своей усмѣшкой сказалъ онъ, не безъ удовольствія посмотрѣвъ на дѣвушку: — что, онъ не сочинилъ еще новаго «отрывка» о міровомъ значеніи артельнаго мордобоя?

— Ахъ, какъ это тебѣ не надоѣстъ, папá—возразила дѣвушка:—лучше разскажи, что новаго,—вѣдь это почту привезли?

— Что новаго! Новости наши вѣчныя. Въ русскихъ журналахъ до того всѣ закоулки пропахли мужикомъ...

— Опять...—съ упрекомъ сказала Варя.

Алексѣй Борисовичъ засмѣялся.

— Что дѣлать, милая, никакъ не могу пріучиться къ мысли, что лапоть парадируетъ въ роли «властителя думъ»... Прости!.. Ну что еще, — въ газетахъ обычный трепетъ и виляньe въ перемежку съ намеками на то, чего не вѣдаетъ никто. Сферы дѣлаютъ мужичку глазки,—что̀, однако, не особенно должно безпокоить нашего брата-плантатора... Потомъ обычные пейзажи—воровство, кражи, казнокрадства, похищенія, растраты... Ахъ, моя прелесть, что же и дѣлать со скуки благороднымъ россіянамъ—не кобелей же въ самомъ дѣлѣ топить...—Pardon,—поправился онъ въ скобкахъ, но тотчасъ же съ лукавствомъ добавилъ:—ты, впрочемъ, вѣроятно, привыкла къ *народнымъ* выраженіямъ...

— Опять...—повторила Варя.

— Прости, прости... забываю, что ты еще не *обнародилась* до похвальбы грязными манжетками...

— Папá!

— Ну что еще... Много получилъ писемъ. Изъ Петербурга все больше точки и остервенѣлые доносы на скуку. Впрочемъ, Фонтанка воняетъ по прежнему. Въ заграничныхъ — жалуются на курсы и на кухню. Представь себѣ, подлецы-нѣмцы — до того онаглѣли, даже на желудки наши покушаются! Вотъ пишетъ Савельевъ изъ Карлсбада: «...когда приходитъ время обѣда — меня начинаетъ тошнить: такъ все скверно готовятъ и баснословно дерутъ; напримѣръ, за бифстексъ (1/3 нашего) 1 fl. 60 kr., что̀ составитъ по курсу 1 р. 36 к.; и тотъ вареный на бульонѣ, чтобы не жарить его въ маслѣ, изъ экономіи;—къ нему картофель жареный въ салѣ, по 5 крейцеровъ за штуку; яйцо, отъ

6 до 8 крейцеровъ за штуку; булочка въ два глотка—два крейцера: по крейцеру за глотокъ»... и такъ далѣе. Каково!.. Скоро, кажется, до того дойдемъ—Европа насъ въ лакейскую не будетъ допускать!.. Ну что еще... Ну, разумѣется, по курортамъ различные Балалайкины шныряютъ, или какъ тамъ у Щедрина?.. Ахъ, да!.. вотъ...—и онъ съ живостью взялъ листочекъ съ графской коронкой: —ты помнишь своего кузена, Мишу Облѣпищева? графа Облѣпищева?

— А,—быстро отозвалась Варя,—ну, конечно, помню: онъ такой милый.

— Такъ вотъ онъ пишетъ. Проситъ позволить пріѣхать ему погостить въ Волхонку, съ товарищемъ, съ какимъ-то Лукавинымъ. Не помню,—въ недоумѣніи промолвилъ Алексѣй Борисовичъ,—какой это Лукавинъ. Пишетъ: «Представляетъ изъ себя возникающую лозу, упитанную милліонами, но за всѣмъ тѣмъ—милъ и благороденъ».

— Лукавинъ... знакомая фамилія...

— Ахъ, ты думаешь, что это... извѣстный? Можетъ быть. Но въ такомъ случаѣ это его сынъ. Посмотримъ сей отпрыскъ злата, оправленнаго въ золото...

— Но... ты думаешь его пригласить?

— Отчего же? Домъ великъ. А если ты затрудняешься ролью хозяйки и вообще забыла нѣкоторыя наши «барскія» привычки, и «пріобыкла» къ инымъ... такъ я тебѣ «Хорошій тонъ» отъ господина Гоппе выпишу.

Варя невольно разсмѣялась.

— Приглашай, приглашай,—сказала она.

— А ты совершенно забросила музыку,—уже серьезно замѣтилъ Волхонскій,—хотя бы «бычка» изучала подъ руководствомъ господина... какъ бишь его?.. Вѣдь ты помнишь Мишеля —онъ безъ музыки жить не можетъ.

— Надо рояль настроить, папà.

Алексѣй Борисовичъ сейчасъ же распорядился послать въ городъ за настройщикомъ.

Варя прошла къ себѣ, и не снимая шляпы сѣла у окна. Сладкій запахъ сирени доходилъ до нея. На садъ ложились тѣни. Въ кустахъ бузины щебетала малиновка.

Варя думала о своемъ кузенѣ. «Каковъ-то онъ теперь!» думала она и съ удовольствіемъ вспомнила время своего сближенія съ нимъ. Ей было тогда тринадцать лѣтъ. А онъ былъ такой тоненькій и хрупкій, и граціозный въ своемъ пажескомъ мундирѣ. Одно время онъ былъ влюбленъ въ нее. Но это прошло

быстро и незамѣтно. Истинной его любовью пользовалась только одна музыка. За роялью онъ забывалъ все на свѣтѣ... Но однако же никогда она не забудетъ одной прогулки. Ей и теперь мерещится иногда зимняя лунная ночь съ крѣпкимъ морозомъ, необыкновенно высокое синее небо, простертое надъ безконечными снѣгами, мелкое сверканье инея на сугробахъ, протяжный визгъ полозьевъ, заунывный звонъ колокольчика, медленно замирающій въ сумрачной дали... Вмѣстѣ съ Мишей и бабушкой (той самой, которая и до сихъ поръ отстаиваетъ аракчеевскіе порядки, а Алексѣя Борисовича иначе не называетъ какъ фармазономъ) они устроили этотъ пикникъ въ одну изъ Рождественскихъ ночей. Варя и теперь помнитъ, какъ близко сидѣлъ около нея румяный Мишель, и какъ горячо соприкасались ихъ ноги, и какъ острая струя морознаго воздуха вѣяла ей въ лицо, а на душѣ было свѣжо и грустно. Позади голубымъ блескомъ свѣтились колокольни губернскаго города, и смутно замиралъ городской шумъ...

Вдругъ она очнулась и мгновенно вспомнила сцену на полянѣ. Она живо вообразила себѣ и небо, и даль, и пѣсню жаворонка, и лепетъ березъ, пронизанныхъ заходящимъ солнцемъ, и румяныя облака... Но сердце ея билось ровно, и образъ Тутолмина въ какомъ-то туманѣ возникалъ передъ нею. И странное чувство какой-то неудовлетворенности робко шевельнулось въ ней.

IX.

— Ну, какъ твои «одры»?—спросилъ однажды Захара Иваныча Тутолминъ.

— Какіе одры?

— Ну эти, какъ ихъ тамъ... плуга-то твои?

Захаръ Иванычъ усмѣхнулся.

— Да идутъ себѣ,—сказалъ онъ не безъ гордости.

— Идутъ? — въ удивленіи протянулъ Илья Петровичъ, — и Пантешка пашетъ?

— И Пантешка пашетъ.

— И пластъ не раскидывается?

— И пластъ не раскидывается.

— Чудеса! Что же ты со всѣмъ этимъ натворилъ, буржуй окаянный?

— Ничего не натворилъ. А лемеха установилъ; рабочимъ назначилъ премію; вмѣсто щепокъ топлю антрацитомъ...

— И идетъ?—недовѣрчиво произнесъ Тутолминъ.

— И идетъ.

Илья Петровичъ съ неудовольствіемъ прикусилъ губы.

— Ну, этимъ ты погоди важничать,—немного спустя промолвилъ онъ:—плугъ-то, можетъ быть, у тебя и пашетъ, а ужъ въ общемъ ты оборвешься, буржуй! Какъ ни вертись, а мужикъ тебя слопаетъ.

Въ это время Захару Иванычу подали лошадь.

— Да чего лучше,—сказалъ онъ, вставая и снисходительно посмѣиваясь:—поѣдемъ со мной въ поле, поглядишь, какъ хлѣба у меня растутъ на воздѣланныхъ нивахъ; какъ твой «каменный» мужикъ мягко съ орудіями «капиталистическаго производства» обращается... Поѣдемъ!

Илья Петровичъ согласился.

И куда они ни пріѣзжали, отовсюду вѣяло порядкомъ и удачей. Озимая пшеница,—разсѣянная механическимъ способомъ, по землѣ, удобренной компостомъ и сѣменами, отобранными на машинѣ,—буйно и внушительно волновалась темными волнами. Изъ густо-зеленыхъ ея перьевъ выметывался бѣлый и жирный колосъ. Рожь превосходила ростъ человѣческій. Она была въ полномъ цвѣту, и, вмѣстѣ съ запахомъ, подобнымъ запаху спирта, разливала въ воздухѣ волнообразный палевый туманъ. Затѣмъ они осмотрѣли яровыя. Синяя пшеница была чиста и высока. Просо отливало сочной и яркой зеленью. Турненсъ и картофель заполоняли нивы шереховатой и грубой листвою.

Захаръ Ивановичъ радостными глазами осматривалъ поля.

— Тутъ прежде сѣяли рожь,—говорилъ онъ, указывая на озимую пшеницу,—и продавали ее три съ полтиной четверть. А я въ прошломъ году съ этого поля пшеницу продалъ по шестнадцати рублей!.. На семъ мѣстѣ испоконъ вѣку овсы произрастали,—продолжалъ онъ, приближаясь къ яровой пшеницѣ,—пшеницу же сѣяли и бросили: не рожалась. У меня она второй годъ родится; а цѣна ей — пятнадцать рублей... Турнепсомъ быковъ кормлю,—разсказывалъ онъ далѣе.—Картофель на винокуренный заводъ поставляю: важно берутъ съ тѣхъ поръ, какъ нѣмцы рожь стали вывозить. Просо на пшено передѣлываю—локомобили зимою-то свободны, я ихъ и приспособляю къ рушкѣ. Толку на водяной...

— Эка у тебя нутро-то играетъ! — насмѣшливо замѣтилъ Тутолминъ, поглядѣвъ на Захара Иваныча.

— Другъ! Съ чего ему не играть-то; результаты вижу!

— Такъ. А ты, буржуй, здорово отупѣлъ. Ну какіе же это къ лѣшему результаты?

— А что же?

— Иллюзіи.

— Какія такія иллюзіи?

— А такія. Талантъ свой зарываешь въ землю—злаки-то и прутъ оттуда какъ оглашенные. А все-таки талантъ въ землѣ,—подчеркнулъ онъ.

— Какъ въ землѣ?—въ нѣкоторой обидѣ вымолвилъ Захаръ Иванычъ.

— Какъ? Очешно просто. Кому какое дѣло, что у тебя быки турнепсъ лопаютъ? Развѣ Даціаро лишнюю копѣйку зашибетъ. А Власъ Карявый съ того не просвѣтлѣетъ...

— Ой ли! А ежели просвѣтлѣетъ... А если Волхонскіе мужики у меня ужъ два рансомовскихъ плуга купили?

— Въ долгъ?

— Да ужъ тамъ какъ ни купили...—уклончиво возразилъ Захаръ Иванычъ.

— Нѣтъ это не все равно,—горячо промолвилъ Тутолминъ,—на филантропіи никакой прогрессъ еще не двигался.

— Да не въ филантропіи дѣло, Илья,—мягко сказалъ Захаръ Иванычъ:—дѣло въ томъ, что потребности просыпаются. Привычки къ новымъ приспособленіямъ...

— Значитъ «обобществлять» трудъ изволите?..

— Значитъ.

— Любопытно,—пробормоталъ Илья Петровичъ.

Затѣмъ черезъ степь они проѣхали на пашню. Трава была уже скошена, и безчисленные стога важно возвышались своими конусообразными вершинами. Но отава не расходилась обычными подрядьями и не лѣзла въ глаза неизбѣжными клочками плохо скошенной травы, а отливала гладкой скатертью, красиво испещренной мелкой и четкой рябью. Захаръ Ивановичъ даже лошадь остановилъ.—Смотри, Илья, до чего прелестно работаютъ косилки!—воскликнулъ онъ, блаженно улыбаясь.

А впереди смачно чернѣлась пашня. Они въѣхали въ нее. Колеса мягко утонули въ рыхлыхъ пластахъ, и дрожки закачались какъ въ люлькѣ. «Каково!» вымолвилъ Захаръ Иванычъ. На-встрѣчу имъ тянулись плуга. Длинныя вереницы быковъ важно переступали вдоль загона, медлительно пережевывая на ходу свою жвачку. Погонщики хлопали кнутами и кричали: «цабе, цабе»...—«цобъ, дьяволъ тебя обдери!»

Когда Захаръ Иванычъ подъѣхалъ къ заднему плугу, тотъ остановился. «Помогай Богъ!» произнесъ Захаръ Иванычъ. Плугарь поклонился. «Эхъ, плуга, песъ ее побери!» сказалъ онъ, и все лицо его, темное отъ грязи и пота, изъявило удовольствіе.

— Хороша?—улыбаясь спросилъ Захаръ Иванычъ.

— Больно хороша, окаянная,—живая!.. Только я чтò думаю, Захаръ Иванычъ (въ это время подошли и другіе плугари), чтò мы, мужики, думаемъ, — и онъ закопошился надъ плугомъ, — взять бы теперь, къ примѣру, этотъ отрѣзъ, и ежелибъ на него связочку поаккуратнѣй... А то видишь—ручка-то у него круглая, чуть что попадется ему на-встрѣчу, онъ и вертится въ связкѣ-то... Мы и то клинушки въ нее продѣваемъ... (дѣйствительно, около всѣхъ «отрѣзовъ» виднѣлись клинушки).

— Да вѣдь тутъ винтъ есть?

— Есть. Есть-то онъ есть, а державы въ ёмъ нѣту-ти. Ты гляди—какъ ее, круглую вещію, винту содержать?.. Никакъ ее содержать невозможно. Нѣмецъ-то хитеръ, а тутъ, прямо надо сказать, опростоволосился.

— Може, у нихъ земли мягкія, — снисходительно замѣтили другіе:—пусти-ка ты ее въ огородъ, она и у тебя безъ клиньевъ будетъ ходить.

И Захаръ Иванычъ, съ широкой улыбкой на сіяющемъ лицѣ, согласился, что точно, для нашихъ земель отрѣзъ нужно переладить. Восхищался и Тутолминъ этой сообразительностью мужиковъ.—«Вѣдь ежели бы имъ въ общину эти плуга,—они бы закопались въ житѣ!» — воскликнулъ онъ, и тутъ же спросилъ Захара Иваныча:

— А ты тѣ-то два плуга—въ міръ продалъ?

— Нѣтъ, хозяйственнымъ мужичкамъ.

Илья Петровичъ гнѣвно посмотрѣлъ на него.

— Скотина ты,—рѣшительно сказалъ онъ.

— Да не берутъ въ міръ-то; чтò ты съ ними подѣлаешь... —оправдывался Захаръ Иванычъ.

Но Тутолминъ не вѣрилъ.—«Оттого и не берутъ, что совѣсть у тебя, у буржуя, не чиста,—ворчалъ онъ,—видятъ, не ихній ты слуга, а барскій, и не берутъ. Къ подвохамъ-то къ нашимъ пора имъ привыкнуть: вѣка обучались!»

Паровой плугъ тоже работалъ великолѣпно. Пантешка нѣсколько утратилъ развязность своихъ маперъ и былъ уже въ синей, а не красной рубахѣ. Но тутъ Захаръ Иванычъ все-таки нашелъ безпорядокъ: пары были подняты до 115 фунтовъ,

между тѣмъ какъ уже 90 отмѣчалось на манометрѣ красной черточкой. Локомобили глухо ворчали и дрожали какъ въ лихорадкѣ. — «Что вы дѣлаете! — въ отчаяніи закричалъ Захаръ Иванычъ, — вѣдь третій разъ васъ ловлю... Ей богу, штрафовать буду... Вѣдь вашихъ и костей-то здѣсь не розыщешь!» — Машинистъ пасмурно хмурилъ брови и ругался на кочегаровъ. Кочегары сваливали вину на пылкій уголь...

— Для чего это они? — полюбопытствовалъ Илья Петровичъ, когда плугъ остался далеко позади.

— Вся бѣда въ преміи и въ лѣни, — сказалъ огорченный Захаръ Иванычъ; — съ большимъ паромъ плугъ успѣшнѣй работаетъ, и, слѣдовательно, для нихъ выгоднѣй; а для лѣни опять-таки способнѣе, меньше заботъ съ топливомъ.

— Да развѣ они не знаютъ, что эта игра можетъ скверно кончиться?

— Лучше насъ съ тобой. Да что ты подѣлаешь съ этими отвратительными россійскими свойствами!.. Тотъ же кочегаръ Труфлій — это шаршавенькій-то — ужасный трусишка, и какъ-то на дняхъ его ни за что не уговорили идти ночью рыбу ловить. Тамъ, видишь-ли, «водяной» его слопаетъ!.. Здѣсь же ежечасно взрывъ можетъ послѣдовать, а онъ сидитъ около топки, да въ рубахѣ блохъ ищетъ!.. Изумительнѣйшіе чудаки!

— А гдѣ Мокѣй? — вдругъ вспомнилъ Тутолминъ: — я его недѣли двѣ не вижу.

— Эге! Мокѣй давно ужъ во своясяхъ.

— Опять ушелъ?

— И деньги впередъ забралъ.

— Тоже чирій вскочилъ?

— Нѣтъ; говоритъ, жена умираетъ. Можетъ, и правда: въ селѣ, дѣйствительно, ходитъ горячка.

— Что же есть помощь? Есть докторъ? — встрепенулся Тутолминъ и вдругъ какое-то жгучее ощущеніе стыда хлынуло на него неукротимыми волнами.

— За докторомъ два раза ужъ посылалъ. Фельдшеръ пріѣзжалъ, ходилъ по избамъ...

— Да что же это... Да какъ же ты... — заволновался Илья Петровичъ.

— Да я-то что подѣлаю? Я и узналъ-то только четвертый день.

— Нѣтъ, хорошъ я!.. — съ горечью произнесъ Тутолминъ: — люди издыхаютъ какъ собаки — безъ помощи, безъ свѣта, въ грязи, въ гноѣ, а я... — и онъ не могъ договорить отъ душившаго его волненія.

— Да бѣда вовсе не такая страшная... Ты, напрасно волнуешься, Илья,—говорилъ Захаръ Иванычъ съ участіемъ заглядывая въ лицо Тутолмина:—еще никто и не думалъ умирать. И каждое лѣто въ это время народъ болѣетъ...

— Каждое лѣто!—съ негодованіемъ воскликнулъ Тутолминъ: —если каждое лѣто болѣетъ—объяснимъ закономъ, придумаемъ формулу, и успокоимся... И успокоимся?.. Каждое лѣто!.. Да что же это такое, Захаръ? Да ужели же такъ легко обратиться у насъ въ подлеца?.. Да ужели же... Ахъ, проклятые нервы,— спохватился онъ, весь охваченный дрожью.

Дома его ожидалъ изящный конвертикъ, съ монограммой, увѣнчанной темно-синей коронкой. Онъ въ досадѣ разорвалъ его и прочиталъ записку.—«Дорогой мой!—писала Варя: — скучно мнѣ безъ тебя; не милъ мнѣ безъ тебя этотъ сухой господинъ Постниковъ!.. Приходи, скучно, жду. Твоя В.»

Злоба закипѣла въ Тутолминѣ.

«У насъ подъ бокомъ люди околѣваютъ, драгоцѣнная барышня,—писалъ онъ ей въ отвѣтъ,—а мы,—благодаря терпкимъ горбамъ этихъ людей, получившіе возможность нарѣжиться въ миндальныхъ мечтаніяхъ,—толчемъ розовую воду и смакуемъ книжки. Не приду я къ Вамъ.

«Илья Тутолминъ».

Въ postscriptum'ѣ значилось: «*Въ селѣ горячка. Крестьяне умираютъ безъ малѣйшей помощи*».

Но не успѣлъ еще Илья Петровичъ, отославши записку, нѣсколько успокоиться, и не успѣлъ онъ натянуть сверхъ старенькой своей блузы неизмѣнное куцое пальтишко, какъ въ дверяхъ неожиданно появилась Варя. Она была въ своемъ малороссійскомъ костюмѣ и простенькій платокъ покрывалъ ея голову. Въ лѣвой рукѣ она держала биткомъ набитую корзинку. Лицо ея было блѣдно и встревожено.

— Пойдемъ же скорѣе,—торопливо сказала она.

— Куда?—въ удивленіи спросилъ Тутолминъ.

— Какъ куда! — Туда гдѣ болѣютъ, гдѣ нуждаются въ помощи.

Радостное умиленіе охватило Илью Петровича.

— Славная ты моя, — вымолвилъ онъ, съ любовью поглядѣвъ на возбужденное личико дѣвушки.—Что же у тебя въ корзинкѣ?

Она застѣнчиво приподняла салфетку, закрывавшую корзину.

— Булки тутъ, — нерѣшительно сказала она, — бисквиты, варенье, пирожки...

Тутолминъ разсмѣялся.

— Не подходитъ, моя родимая, — ласково произнесъ онъ, — а уксусъ взяла? А чай, сахаръ, лимоны, вино?

— Не догадалась, — прошептала дѣвушка.

— Ну, это мы все достанемъ, — и онъ съ веселой поспѣшностью началъ рыться въ буфетѣ.

Когда они вышли, Варя съ опасеніемъ оглянулась. «Ты знаешь, — сказала она, — папà ужасно мнѣ надоѣдаетъ своимъ глумленьемъ. Я не хочу, чтобъ онъ зналъ о моемъ путешествіи». И они глухой дорожкой, минуя усадьбу, прошли въ село.

X.

На порядкѣ было пусто. Только среди улицы тоскливо бродили куры, да въ тѣни пыльныхъ равитъ отчаянно зѣвала какая-то жучка, истомившаяся въ непроходимой скукѣ.

— Гдѣ же народъ? — спросила Варя, удивленная этой пустынностью села.

— Паръ мечутъ; просà полятъ; у иныхъ покосъ еще не отошелъ. А можетъ и болѣютъ многіе, — отвѣтилъ Тутолминъ, котораго, при входѣ въ деревню, охватило строгое и унылое настроеніе.

Наконецъ у кузницы они набрели на толпу. Дѣвчонки сидѣли въ кружокъ и, наблюдая за крошечными своими братишками и сестренками, играли «въ камешки». Но только лишь онѣ замѣтили «господъ», какъ тотчасъ же схватились съ мѣста и пустились въ разсыпную. Болѣе маленькія подняли крикъ. Одна дѣвочка, впрочемъ, осталась. Она крѣпко зажала въ колѣни бѣловолосаго мальчугана съ лицомъ, вымазаннымъ кашей, и смѣло смотрѣла на подходившихъ «господъ».

— Ты, дѣвка, чья? — спросилъ ее Илья Петровичъ, и лицо его сразу сдѣлалось добродушнымъ.

— Мамкина.

— А мамка твоя чья?

— Батькина.

— Хорошо. А сколько тебѣ годовъ?

— Семой.

— А зовутъ тебя какъ?

— Лушкой.

Разбѣжавшіяся дѣвчонки стояли въ отдаленьѣ и перешептывались. Иныя изъ нихъ нерѣшительной поступью приближались къ Лушкѣ, крикъ унялся.

— А пряника хочешь?—спросила Варя.

Лушка подумала.

— Нѣтъ,—сказала она, быстро мотнувъ головою.

— Отчего?—удивилась дѣвушка и въ недоумѣніи посмотрѣла на Тутолмина.

— Ты, ну-ко, испортишь.

Варя разсмѣялась.

— Это кто же тебѣ разсказывалъ, что можно испортить?—спросила она.

— Мамка сказывала.

— Ты знаешь, гдѣ Мокѣй живетъ?—вмѣшался Илья Петровичъ.

Лушка похлопала глазами и ничего не отвѣтила.

— Мокѣй, который на барскомъ дворѣ жилъ,—подчеркивая каждое слово повторилъ Тутолминъ,—Мокѣй—ямщикъ.

— Шильникъ!—живо воскликнула дѣвочка.

— Ну, стало быть, «шильникъ»,—съ усмѣшкой согласился Тутолминъ.

Лушка тотчасъ же указала на Мокѣевъ дворъ.

По уходѣ «господъ» дѣвчонки быстро собрались въ кучку и горячо стали разсуждать о происшествіи. Больше всѣхъ размахивала руками Лушка. Но онѣ не побѣжали вслѣдъ за «господами» и не стали кричать и выказывать заповдалое молодечество, какъ тó сдѣлали бы мальчишки, а съ преувеличенной развязностью сѣли въ кружокъ и степенно заорали:

Я по тра-а-вкѣ шла,
Па мура-а-вкѣ шла,
Чижало несла,
Чижалехонько!
Чижа-а-лехонька,
Жалу-у-бнехонька.
Жалубнѣй тово
Дѣвка плакала!
Па сва-а-емъ дружку,
Па Ива-а-нушкѣ—
У Иванушки
На головушки
Вились кудрюшки!..

— Что это значитъ, что дѣвочка говорила о порчѣ?—спросила Варя, когда они подходили къ Мокѣевой избѣ. Но Тутол-

минъ не отвѣтилъ. Глубокая морщина лежала у него надъ бровями.

Они вошли въ сѣни. Тамъ никого не было. Илья Петровичъ отворилъ дверь въ избу: оттуда пахнулъ на нихъ удушливый и прѣлый запахъ, да неясный стонъ послышался...—«Гдѣ же Мокѣй?» въ недоумѣніи произнесъ Тутолминъ. Вдругъ со двора донесся до нихъ дробный звукъ отбиваемой косы.—«Мокѣй, гдѣ ты?»—закричалъ Тутолминъ и пошелъ на дворъ. Варя съ какимъ-то чувствомъ страха и вмѣстѣ наивнаго любопытства послѣдовала за нимъ. Мокѣй сидѣлъ на порогѣ клѣти и отбивалъ косу. Онъ очень удивился гостямъ и какъ будто сконфузился. Варя тоже испытывала смущеніе.

— Ну, что баба?—освѣдомился Илья Петровичъ.

— Баба-то?..—разсѣянно отозвался Мокѣй и вдругъ, суетливо откладывая косу, произнесъ съ искательной улыбкой:—а пѣсенки я вамъ, баринъ, важныя заучилъ... кхе, кхе... сказать?

— Какія пѣсни!—сурово промолвилъ Тутолминъ:—ты бабу-то покажи... Что у ней горячка, чтоль?

— Ахъ, ужъ эта баба мнѣ!—плаксиво воскликнулъ Мокѣй:—руки она мнѣ всѣ повязала, эта баба... Теперь бы у Захаръ Иваныча жить, а я вотъ...—и онъ безпомощно развелъ руками.

— Она гдѣ у тебя?—съ участіемъ спросила Варя, въ глазахъ которой заблестѣли слезы.

— Въ избѣ она... да что!—онъ махнулъ рукою,—измучила лихоманка.

— Проведи насъ къ ней.

— Хе, хе, грязновато будто у насъ, барышня... Не ровёнъ часъ, ножки...

Но Варя рѣшительно направилась къ избѣ. Она отворила дверь, ступила на высокій порогъ и... отшатнулась. Воздухъ, удушливый и тяжкій, поразилъ ее. Но ей тотчасъ же сдѣлалось стыдно своей слабости. Она вошла. Въ избѣ было темно: на зеленоватыхъ стеклахъ единственнаго оконца черным роемъ кишѣли мухи. Подъ ногами ощущалась сырость. Пахло печенымъ хлѣбомъ и острымъ запахомъ амміака. Жара стояла нестерпимая. По столу важно расхаживали тараканы.

Вдругъ слабое всхлипываніе ребенка послышалось, затѣмъ глубокій кашель, стонъ... Варю съ ногъ до головы пронизала холодная дрожь. Въ глазахъ у ней потемнѣло... Но она скрѣпилась и пошла въ глубину избы. Больная лежала на нарахъ растерзанная и худая. Неподалеку отъ ней висѣла люлька, прикрытая грязными отрепьями. Оттуда невыносимо пахло. Варя

приложила руку ко лбу больной. Онъ былъ раскаленъ. Въ вискахъ безпокойно билась кровь. Все лицо покрыто было потомъ. «Испить бы...»—прохрипѣла больная и попыталась вздохнуть. Кашель короткимъ и сухимъ стономъ вылетѣлъ изъ горла. Она поднесла ко рту руку... На пальцахъ заалѣла кровь. Варя слабо вскрикнула. Илья Петровичъ подбѣжалъ къ ней. Она, въ нѣмомъ ужасѣ, указала ему на больную.

А Мокѣй суетился около люльки. — Эка!—съ неудовольствіемъ бормоталъ онъ, неловко дѣлая соску изъ хлѣба:—нишкни, нишкни... Онъ-те, баринъ-то, онъ-те!..—и замѣчалъ въ скобкахъ тономъ подобострастнымъ и мягкимъ:—хе, хе, говорилъ я, грязновато... говорилъ... Ишь у насъ удобьи-то!.. У насъ не токмо— и въ хлѣву-то у вашей милости чище... Мы развѣ понимаемъ что?..—и добавилъ съ презрѣніемъ: —сказано—мужикъ!—А потомъ подошелъ къ женѣ:—«Эка, эка...—зашепталъ онъ, заботливо и торопливо прикрывая ея распахнутую грудь:—эко-ся... Овдоть!.. Овдотья... привстань-ко малость... привстань! Господа вотъ пришли... привстань, матушка.

— Да не трогай ее,—сердито произнесъ Тутолминъ:—что это она кровью кашляетъ?

— Кровь?—отвѣтилъ Мокѣй и вдругъ заспѣшилъ:—есть, это есть... какъ съ весны понѣ, такъ краска эта и пошла!.. Иной разъ какъ тебѣ... Иной разъ вотъ какъ шибанетъ!

— И лихоманка?

— И лихоманка. Такъ тебѣ трясетъ, такъ... бѣда!.. А то еще водопой теперь... Страсть какъ одолѣваетъ водопой.—Я и то говорю Захаръ-Иванычу: «Захаръ Иванычъ! кабы не жена, я тебѣ не токмо что»...

Ребенокъ опять запищалъ безпомощно и жалко. Мокѣй поспѣшилъ къ нему.

— Чахотка у ней,—угрюмо сказалъ Тутолминъ, обращаясь къ Варѣ. А Варю точно кольнуло что. Она безсознательно прислонилась къ печкѣ, и вся затрепетала, потрясаемая рыданіями. Слезы ручьями обливали ея лицо. Сердце мучительно разрывалось... Илья Петровичъ вывелъ ее въ сѣни, далъ воды... Но горькія спазмы душили ее и трепетъ не утихалъ. Иногда она переставала плакать, сердце у ней ужъ застывало въ какой-то каменной и тоскливой неподвижности... Какъ вдругъ раздирающій кашель доносился до нея и горе закипало въ ней неукротимымъ ключемъ и снова рыдала она въ невыносимой мукѣ, и снова сжимала свою голову, и ломала руки, и дрожала охваченная ужасомъ...

А Мокѣй даже развеселился, ухаживая за барышней.— «Экъ ее, разрываетъ, эка,—думалъ онъ,—то-то бы въ хоромахъ-то сидѣла!»...—и усердно таскалъ воду.

Наконецъ Варя успокоилась. Ее только изрѣдка пожималъ ознобъ, да сердце у ней ныло и болѣло сосущею болью. Тутолминъ далъ Мокѣю кое-что изъ припасовъ, посовѣтовалъ перенесть больную въ клѣть и спросилъ:

— Да гдѣ же у тебя семейскіе?

— Разбрелись кой-куда,—отвѣтилъ Мокѣй:—матушка съ снохой просо полютъ; братъ на покосѣ, ребятенки скотину стерегутъ... Кой-куда!—и съ веселой усмѣшкой добавилъ:—такъ какъ же насчетъ пѣсни-то!..

— Послѣ, послѣ,—промолвилъ Тутолминъ и они двинулись далѣе.

Въ рѣдкомъ дворѣ не было больныхъ. Иные лежали въ избѣ, въ тяжкой духотѣ и затхлости, облѣпленные мухами, изнывающіе въ неутолимой жаждѣ... Другіе задыхались въ клѣтяхъ, подъ тулупами и зипунами. Попадались и такіе, что черезъ силу ходили, странно и неувѣренно колеблясь на слабыхъ ногахъ; или сидѣли гдѣ-нибудь на порогѣ клѣти, задыхаясь въ пароксизмѣ и безпрестанно поникая отъ мучительной головной боли... Своими движеніями они напоминали отравленныхъ мухъ. Лица ихъ были желтыя и влажныя. Мутные глаза смотрѣли тоскливо. Изъ полуоткрытаго рта вырывались сдержанные стоны...

Но все-таки слухи были преувеличены. Горячки не было. Была какая-то чудная лихорадка, въ ознобѣ доходившая до смертельнаго холода, а въ жару сопровождаемая бредомъ и безконечной жаждой.

Варя раздавала припасы, дѣлала кислое питье, прикасалась своей нѣжной ладонью къ пылающимъ лицамъ, и все спѣшила куда-то съ неловкой торопливостью, да въ смущеніи озиралась по сторонамъ и смотрѣла на невиданную обстановку съ какимъ-то недоумѣвающимъ любопытствомъ. Больнымъ она обѣщала завтра же прислать хины (и, странное дѣло, это слово «прислать», сказанное дѣвушкой видимо безъ всякой задней мысли, какъ-то нехорошо подѣйствовало на Илью Петровича).

Они возвращались поздно. Солнце уже закатилось. Въ село пригнали стадо. Народъ понемногу появлялся среди улицы. Янтарныя облака таяли и въ причудливыхъ очертаніяхъ толпились надъ закатомъ. Вѣтеръ спалъ. Ласточки весело щебетали. Гдѣ-то вдали гремѣла телѣга. Съ полей доносился теплый запахъ цвѣтущей ржи. Въ воздухѣ гудѣлъ шмель, точно басовая струна

гитары... Но они шли молча и въ печальной задумчивости. Варя испытывала усталость. Нервы ея были какъ-то странно утомлены. Въ головѣ стояла мутная туча. Черты измученнаго и блѣднаго лица были строги и непріязненны.

Она тихо прошла черезъ заднее крыльцо. Въ комнатѣ Надежды слышались голоса.

— Смотри же, Лукьянъ,—говорила Надежда,—ты ужъ постарайся для гостей-то.

— Оно отчего не постараться,—грустнымъ басомъ отвѣтилъ поваръ Лукьянъ:—постараться мы завсегда можемъ, Надежда Аверьяновна... Староньи-то только наши—въ родѣ какъ подлость отъ нихъ одна!

Надежда вздрогнула и ничего не отвѣтила.

— Теперь притащится эта гольтепà, напримѣръ,—медлительно продолжалъ Лукьянъ, видимо поощренный сочувственнымъ вздохомъ Надежды:—и вдругъ я этой самой гольтепѣ подамъ соусъ сенъ-менегу, и вдругъ они этотъ самый соусъ стрескаютъ, напримѣръ... Какое же у него, у гольтепы, понятіе, чтобъ на счетъ соуса, а?.. Что ни говори, оно, матушка, больно, Надежда Аверьяновна.

Надежда вздохнула еще глубже, но опять ничего не отвѣтила.

— Аль опять соусъ кырпадинъ приготовить,—сдерживая негодованіе, говорилъ Лукьянъ:—мы это можемъ, Надежда Аверьяновна!.. Мы это все можемъ: слава Богу, въ аглицкомъ клубѣ воспитывались... Только какимъ же теперича манеромъ, гольтепа этотъ самый кырпадинъ слопаетъ?.. Обидно-съ!

— Нѣтъ, ужъ ты постарайся,—произнесла Надежда,—ихъ сіятельство припожалуютъ. А ужъ съ нимъ и не скажу тебѣ кто—милліонщикъ какой-то.

— О, Господи,—въ преизбыткѣ усердія воскликнулъ поваръ,—аль мы не понимаемъ, Надежда Аверьяновна! Ужели мы не понимаемъ—ежели графъ, аль милліонщикъ какой-нибудь къ примѣру, и—вдругъ, гольтепа въ сапожищахъ... Оченно мы это понимаемъ!—и добавилъ съ грустью:—а!.. времена!.. Бывалоче какой управитель Исай Дормедонычъ—можетъ, сколько народу отъ него пострадало,—и тутъ—стоитъ себѣ, бывалоче, у притолки, да за спинкой суставчиками перебираетъ... А баринъ-то кричитъ, да гнѣвается, да подойдетъ, подойдетъ эдакъ: «Дышать не смѣй, такой сякой анаѳемскій сынъ!»... Вотъ оно что было. А теперь!—Не токмо самъ, напримѣръ, за одинъ столъ, да и

нахлѣбника-то своего гольтепу тащить... Обидно, Надежда Аверьяновна!

У Вари даже не нашлось силъ улыбнуться. Только какой-то стыдъ за Илью Петровича слабо шевельнулся въ ней и замеръ... Она прошла на балконъ. Алексѣй Борисовичъ читалъ съ лампой и сидѣлъ сумрачный и недовольный.

— Облѣпищевъ прислалъ телеграмму,—сухо сказалъ онъ,—завтра пріѣдутъ,—и не много помолчавъ добавилъ:—тебѣ пріятно будетъ, если всякая canaille будетъ указывать на тебя пальцами?

— Почему, папá?—равнодушно спросила Варя.

Алексѣй Борисовичъ пожалъ плечами.

— Вы ужасно наивны, m-lle,—сказалъ онъ,—я думалъ, что только въ институтахъ выдѣлываютъ дѣвицъ, воображающихъ, что французскія булки прямо на нивахъ родятся...

— Но что такое?

— Какъ «что такое»!—вспылилъ Волхонскій:—сегодня мнѣ съ такой гадкой осторожностью заявилъ кучеръ Никитка, что ты направилась въ село съ этимъ... какъ бишь его?.. Милая моя, если après nous le déluge—чтó въ сущности и справедливо,—то, пока мы живы-то—не déluge, и потому никакихъ нѣтъ резоновъ, чтобъ различные хамы пальцами на насъ указывали. Мы не въ долинѣ Баттюековъ, и не въ Бѣлой Арапіи. Ты знаешь мои мнѣнія: свобода во всемъ. Но, надѣюсь, ты не заставишь же меня краснѣть отъ кучерскихъ намековъ.—Это, впрочемъ, между строкъ,—мягко добавилъ онъ.

Варя повернулась и пошла къ себѣ на верхъ. Сердце у ней какъ будто закаменѣло. Но она чувствовала себя глубоко несчастной. И это чувство какъ будто поднимало ее въ собственныхъ глазахъ. Она даже выпрямилась съ холодной гордостью и сложила губы въ надменную усмѣшку. И въ то же время мысль о m-me Roland съ быстротою молніи промелькнула въ ней. Но она вспомнила, что Тутолминъ какъ-то съ пренебреженіемъ отзывался о m-me Roland, и ей сдѣлалось досадно.

А за ея плечами все стоялъ какой-то кошмаръ, и темными крыльями вѣялъ на нее и, отъ времени до времени, обнималъ ее судорожной дрожью.

XI.

На другой день Варя получила отъ Тутолмина записку, въ которой онъ извѣщалъ ее, что «самъ ѣдетъ разыскивать упорно неявляющагося доктора». «Вотъ это отлично!» — подумала дѣвушка и вздохнула облегченнымъ вздохомъ. Она взяла книгу и отправилась на балконъ, но ей не читалось... Что-то мрачное и холодное стояло въ ней и отвратительно вліяло на расположеніе ея духа. Она знала, что это слѣдствіе вчерашнихъ посѣщеній и что стоитъ ей только дать волю своему воображенію, какъ ужасныя подробности этихъ посѣщеній встанутъ предъ ней съ неумолимой яркостью. Она знала это и... упорно отгоняла тоскливыя картины, спутывала ихъ настойчиво возникавшія очертанія, старалась уйти отъ нихъ, одолѣваемая неяснымъ страхомъ.

День былъ сухой и знойный. Раскаленное солнце свѣтило въ какомъ-то туманѣ. Горячій вѣтеръ подымалъ шумъ въ деревьяхъ и волновалъ поверхность озера. Въ небесахъ, какъ птицы, неслись суровыя облака. На пыльныхъ дорогахъ, отъ времени до времени, ходили вихри.

Варя нетерпѣливо вскочила и позвала проходившую Надежду. «Приказать осѣдлать Домби!» — повелительно сказала она, невольно припоминая вчерашній разговоръ ея съ Лукьяномъ. Надежда произнесла: «слушаюсь» и проворно побѣжала въ лакейскую: «видно взялась за умъ-то, графа поджидаючи», съ тайной радостью думала она, смакуя повелительный тонъ Вари.

А между тѣмъ Варя совершенно забыла о графѣ. Она сѣла на Домби и поѣхала садомъ. Березы и липы тревожно шумѣли надъ нею. Горячій вѣтеръ билъ ей въ лицо. Въ кустахъ орѣшника робко звенѣла малиновка. Смѣлая синица взлетала по верхушкамъ и ея рѣзкій пискъ отдавался металлической жестью. Гдѣ-то иволга прокричала кошкой... Домби всхрапывалъ и осторожно переступалъ по аллеѣ.

А Варя сидѣла въ сѣдлѣ недвижимая и нѣмая. Какіе-то обрывки туманныхъ думъ носились въ ея головѣ. Иногда свѣтлая полоса неожиданно вторгалась и согрѣвала ея душу — вспоминалась встрѣча съ Тутолминымъ за ольховой рощей, сцена на полянѣ, катанье на лодкѣ, озеро, залитое кроткимъ сіяніемъ зари... Но полосу снова смѣняло мрачное и холодное настроеніе, и снова томительныя картины неотступно тѣснились въ ея головѣ. И она снова упрямо отгоняла ихъ, убѣгала отъ нихъ съ боязнью и тоскою... И вдругъ, какъ иногда часто бываетъ, зна-

комое слово попалось ей на языкъ. «Карёжиться!» — произнесла она, вспоминая записку Тутолмина, — «что это значитъ?.. это, должно быть, кривляться, ломаться...» — И повторила непріязненно подчеркивая: *карежиться въ миндальныхъ мечтаніяхъ*!.. И горькое чувство обиды засочилось въ ней разъѣдающей струйкой. Она заплакала.

Вдругъ вѣтеръ затрепеталъ въ березахъ, какъ пойманная птица и пронзительно загудѣлъ. Домби заржалъ внушительно и тихо. Варя оглядѣлась: черезъ вершины деревьевъ сквозило угрюмое небо; солнце погасло. Съ озера вѣяло холодомъ. Слезы Вари мгновенно высохли. Она быстро миновала садъ и выѣхала въ поле. Кругомъ разстилался необозримый просторъ. Нивы шумѣли и расходились пасмурными волнами. Зловѣщія тѣни легли на нихъ. Тучи курились туманными клубами и поспѣшно надвигались на Волховку. Въ отдаленіи невнятно рокоталъ громъ. Перепела тревожно кричали. Трескъ коростеля въ ближней лощинѣ то относился, то приносился вѣтромъ. Шумъ сада стоялъ въ ушахъ Вари, глухо и страшно. Бурный вѣтеръ трепалъ ленты ея шляпы.

А она чувствовала какое-то странное удовлетвореніе въ этомъ жуткомъ приближеніи грозы. Она поставила Домби въ упоръ вѣтру, и широко раскрытыми глазами смотрѣла, какъ тучи ширились и чернѣли, и багровая молнія все чаще и чаще разрывала ихъ нѣдра... Внутренній ея міръ какъ-будто закрылся для нея; и только какая-то превозмогающая струна звучала въ немъ трагической и суровой нотой, и этотъ непрестанный звукъ какъ-то странно совпадалъ съ тѣми звуками, которые слышались ей и въ грозномъ рокотаніи грома, и въ шумѣ сада, дикомъ и внушительномъ, и въ пугливомъ шопотѣ безпредѣльныхъ нивъ... И она внезапно вспомнила картину Доре, фотографію съ которой Гупиль недавно прислалъ Алексѣю Борисовичу. Среди безчисленной толпы, охваченной какимъ-то изступленнымъ энтузіазмомъ и кричащей, шла женщина во фригійской шапкѣ. Она въ дикомъ упоеніи грозила мечемъ и пѣла, буйно потрясая знаменемъ. Вдали крутился мракъ, вставало зловѣщее зарево, угрюмо чернѣлись башни... Потомъ снова деревенскія впечатлѣнія хлынули на нее... Но теперь они уже свободно заполонили ея восторженное воображеніе. И уже не съ сѣренькими и мелочными подробностями предстали они, — далекое зарево пожара освѣщало ихъ пламеннымъ и грознымъ свѣтомъ и они величественнымъ апоѳеозомъ воздвигались передъ Варей, и охватывали ея душу безконечнымъ и блаженнымъ ужасомъ... Вдругъ

крупныя капли дождя тяжело шлепнулись на нее. Домби безпокойно шевельнулъ ушами. Молнія загорѣлась синимъ огнемъ и скользнула ослѣпительно... И небо разорвалось, вспыхнуло, смѣшалось въ мутномъ безпорядкѣ. Варю оглушилъ невыносимый трескъ. Ей казалось, тучи обрушились на нее. Она ударила Домби хлыстомъ и понеслась къ саду. Дождь барабанилъ по листьямъ и какъ будто гнался за нею. Деревья пугливо кивали вѣтвями...

Она заѣхала въ покинутый курень, гдѣ прежде обитали садовники, и переждала въ немъ грозу.

Послѣ грозы погода изумительно похорошѣла. Въ ясномъ небѣ медлительно бродили серебряныя облака. Озеро синѣло и тихо плескалось. Деревья весело лепетали. Влажный блескъ листьевъ мелькалъ четкимъ бисеромъ. Въ воздухѣ носился теплый и свѣжій запахъ сѣна, смѣшанный съ лекарственнымъ ароматомъ липовыхъ цвѣтовъ. Птицы встрепенулись и переполняли аллеи звонкимъ щебетаньемъ.

И на душѣ у Вари прояснилось. Недавнее возбужденіе покинуло ее. Нервы улеглись... Воображеніе поникло... Она снова поѣхала въ поле, посмотрѣла на сочныя нивы, беззаботно игравшія съ ласковымъ вѣтромъ, дозволила Домби сорвать жирный пукъ пшеницы, который онъ однакоже тотчасъ же и бросилъ, прослѣдила глазами голубой извивъ рѣки, обвела дали пристальнымъ и какимъ-то дѣловымъ взглядомъ и возвратилась къ усадьбѣ. Не доѣзжая дома, ее поразили звуки рояли. Они неслись откуда-то съ вышины и, казалось, толпились въ сверкающей синевѣ яснымъ и граціознымъ хороводомъ. И на душѣ у ней стало еще свѣтлѣй и еще безмятежнѣе.—«Откуда это?»—произнесла она, какъ вдругъ угадала пьесу—одну изъ серенадъ Шуберта—и догадалась, кто играетъ.—«Это, конечно, Мишель»,—воскликнула она съ сіяющими глазами и поспѣшила къ подъѣзду.

На верху ее встрѣтила Надежда. Ликъ ея былъ переполненъ торжественностью и движенія пріобрѣли какую-то особливую важность: «ихъ сіятельство пожаловали. Прикажете одѣваться?» — сказала она. Варя одѣлась быстро и просто. Ей все поскорѣе хотѣлось сойти внизъ и посмотрѣть Облѣпищева.—«Каковъ-то онъ?»—думала она съ любопытствомъ, и картины рождественскаго катанья привлекательными обрывками возникали въ ея памяти.

— Кузина!—раздался пѣвучій и мягкій голосъ, когда Варя появилась въ дверяхъ гостиной, и Облѣпищевъ, быстро покинувъ рояль, поспѣшилъ ей на-встрѣчу:—какая же ты прелесть! Какъ ты похорошѣла! Какая ты пикантная!—говорилъ онъ по-французски, крѣпко цѣлуя ея руки.

Она посмотрѣла на него. Тонкій профиль, прозрачная блѣдность лица, глубокіе глаза съ какимъ-то темнымъ и неподвижнымъ блескомъ—вотъ что бросилось ей въ глаза. Онъ былъ очень малъ, очень строенъ, одѣтъ во все черное, носилъ моноклъ въ петлицѣ жакета и имѣлъ порядочную лысину. И Варя вдругъ почувствовала къ нему какую-то жалость.

У окна сидѣлъ и говорилъ съ Алексѣемъ Борисовичемъ Лукавинъ. При входѣ Вари онъ всталъ. Облѣпищевъ подвелъ его къ Варѣ.

— Позволь представить тебѣ, моя прелестная,—вымолвилъ онъ въ какомъ-то нервномъ и торопливомъ возбужденіи:—другъ мой Pierre...—и добавилъ съ едва уловимой гримаской,—Петръ Лукьянычъ Лукавинъ. Рекомендую: дохода полмилліона, а съ Тедески торгуется, какъ лошадиный барышникъ.

— Графъ ни на шагъ безъ подвоха,—возразилъ Лукавинъ, улыбаясь и низко раскланялся съ Варей. Варя и на него посмотрѣла. Онъ стоялъ рядомъ съ Облѣпищевымъ и какъ будто напрашивался на сравненіе. И контрастъ былъ такъ великъ, что Варя не могла сдержать улыбки. Статная, крѣпкая и осанистая фигура Лукавина, плотно и ловко обтянутая великолѣпнымъ сюртукомъ, превосходила на цѣлую голову изящнаго и хрупкаго графа. Но за то лицо Лукавина не отличалось нѣжною тонкостью очертанія и нервы не сквозили въ немъ непрестанной игрою чуткихъ мускуловъ—оно было пышно и румяно и печать великорусской смышленности явно лежала на немъ. Зубы такъ и сверкали ослѣпительной бѣлизною, сѣрые глаза смотрѣли умно и насмѣшливо, коротко остриженная бородка придавала нѣсколько купеческій обликъ... «Какъ онъ типиченъ!»—невольно подумала Варя.

Подали обѣдъ. Къ обѣду пришелъ и Захаръ Ивановичъ. Облѣпищевъ помѣстился рядомъ съ Варей. Онъ почти ни до чего не дотрогивался. Ложки три супу, да кусочекъ куриной котлетки, вотъ все, что проглотилъ онъ за весь обѣдъ. И все какъ-то жался и болѣзненно морщился, какъ-бы отъ озноба. Но рѣчь его, порывистая и капризно разнообразная, не утихала ни на минуту. Онъ то разсказывалъ о новостяхъ Ниццы—откуда только что пріѣхалъ,—то о впечатлѣніяхъ дороги, то сообщалъ

какую-нибудь сплетню политическаго свойства, то восторгался новой пьеской Рубинштейна. И эти капризные переходы, этотъ пѣвучій и гибкій тонъ графа, эта мягкая и нѣсколько грустная насмѣшливость, которой онъ безпрестанно освѣщалъ свои разсказы—ужасно нравились Варѣ. Въ ней самой просыпалось какое-то мечтательное и ласковое настроеніе, и подъ вліяніемъ этого настроенія Мишель все болѣе и болѣе казался ей меньшимъ братомъ, больнымъ и милымъ и нѣсколько загадочнымъ.

А Лукавинъ преисправно уничтожалъ и супъ, и котлеты, и цыплятъ à la crapaudine, которыми щегольнулъ-таки Лукьянъ, и ананасъ, поданный съ шампанскимъ, и дыню-канталупу... А въ промежуткахъ говорилъ съ Захаромъ Иванычемъ и съ Волхонскимъ. Впрочемъ, больше съ Захаромъ Иванычемъ, чѣмъ съ Волхонскимъ. Онъ разспрашивалъ Захара Иваныча о хозяйствѣ, о качествахъ земли, спрашивалъ, можно ли устроить въ окрестности сахарный заводъ, какой процентъ сахара можно ожидать въ здѣшней свекловицѣ, каковы должны бы быть условія сбыта, великъ ли подвижной составъ у ближней желѣзной дороги, какъ можно эксплуатировать отбросы... И видимо оставался доволенъ обстоятельными и дѣльными отвѣтами Захара Иваныча.

Пить кофе перешли въ гостиную. Графъ свернулся на paté, которое по его просьбѣ придвинули бокомъ къ роялю, отъ времени до времени прикасаясь длинными и прозрачными своими пальцами къ клавишамъ, медленно кусалъ ломтикъ ананаса, предварительно опуская его въ вазочку съ шампанскимъ. Варя помѣстилась около него.

— Какъ живется тебѣ, Мишель, разскажи мнѣ,—тихо спросила она, съ участіемъ заглядывая ему въ лицо.

— Ты знаешь, моя прелесть,—залепеталъ Мишель, оживленно приподнимаясь на paté,—я вѣдь собственно не настоящій человѣкъ. Я, такъ называемый, *причисленный*... Я не живу, а числюсь; числюсь, мой ангелъ. Ты недоумѣваешь? О, это такъ и нужно, чтобы ты недоумѣвала. Это вообще устроено для недоумѣній. Какъ и все, по словамъ одного ученаго, но противнаго нѣмца. Видишь ли—есть лавочки. И въ лавочкахъ есть люди, важные и воображающіе, что они необыкновенно заняты дѣломъ. Тогда я смиренно прячу подъ мышку свою треуголку и являюсь въ лавочку. Я графъ Облѣпищевъ,—говорю я важнымъ людямъ,—у меня имя, связи, имѣніе, послѣдовательно заложенное въ четырехъ поземельныхъ банкахъ и у Лукьянъ Трифоныча Лукавина, и такъ какъ position oblige, то пожалуйте мнѣ ярлычекъ... Тогда важные люди даютъ мнѣ коллежскаго ассесора—не куклу,

милая, а настоящаго коллежскаго ассесора, хотя разумѣется не человѣка, а чинъ—даютъ мнѣ еще маленькій значекъ, обозначающій—прости за плеоназмъ—орденъ какого-нибудь міродержавца, съ острова Отаити, даютъ мнѣ вѣчный отпускъ и перспективу періодическихъ чинополученій... И я числюсь. О, моя прелесть, какое это пикантное ощущеніе!.. Разъ въ Абруццахъ я отсталъ отъ спутниковъ... Но я тебѣ надоѣлъ своей болтовней?

— О нѣтъ,—быстро произнесла Варя.

— Отсталъ и сбился съ дороги. Солнце погорало, торжественно и шумно, точно Beqviem, горы дремали въ золотомъ туманѣ, облака курились и таяли, вдалекѣ пламенѣло озеро, гдѣ-то задумчиво звенѣлъ мулъ... а до меня никому не было дѣла и я шелъ, извилистой тропою, одинокій и забытый...—онъ печально поникнулъ головой.

— Но ты...—начала было Варя, вся потрясенная жалостью.

— Но я, разумѣется, никогда не забываю уповать на милосердіе Божіе и на распорядительность моей maman,—продолжалъ онъ и въ тонѣ его вдругъ проскользнула жесткость:—вообрази, она вздумала недавно вдвинуть меня въ жизнь!.. О, это было преуморительно. Она говоритъ: «Вы, графъ, должны быть мировымъ судьею»... Понимаешь ли—*должны*. Ты, моя прелесть, посмакуй это слово. Оно терпкое и вкусомъ походитъ на корку вотъ этого ананаса. Хорошо. Я, разумѣется, посмаковалъ и поѣхалъ въ деревню. И представь себѣ: деревенскій людъ уже изнывалъ по моей особѣ, и только-что появился я въ земскомъ собраніи, какъ едва не захлебнулся въ искательныхъ улыбкахъ...

Варя усмѣхнулась.

— Ты находишь неправильнымъ мое выраженіе? Ты думаешь, что въ улыбкахъ нельзя захлебнуться?—живо спросилъ графъ и не давая ей отвѣтить, продолжалъ меланхолически:—о, какая ты счастливая, кузина: ты не воспитывалась въ пажескомъ корпусѣ, ты не учила грамматики!.. (Она попыталась возразить, но онъ снова перебилъ ее) ты не учила грамматики... Ты знаешь, что за остроумный приборъ эта грамматика?—Это сапоги, которые до того *научно* обнимаютъ твои ноги, что въ нихъ невозможно ходить... или, лучше всего—культурная мамаша, которая странствуетъ за своимъ ребенкомъ съ новѣйшей и раціональнѣйшей книжкой въ рукахъ — «Принципы къ руководству ухода за дѣтьми»—пошутилъ онъ въ скобкахъ—въ трехъ томахъ, цѣна за каждый томъ три цѣлковыхъ... Ребенку кушать хочется — мамаша въ книжку смотритъ: «Нѣтъ, mon enfant, потерпи 53 минуточки»... терпѣть! да ему, можетъ быть, животишко подводитъ,

драгоцѣннѣйшая madame!..—Ребенокъ отъ сонливости глазенки провертѣлъ кулачишками, а мамаша снова къ книжкѣ, и снова не полагается спать бѣдняжкѣ, а полагается бодрствовать и кушать и какой-то патентованный бульонъ на воробьиныхъ лапкахъ... О бѣдовое дѣло эта грамматика!.. Ты не замѣчала ли въ своей комнаткѣ: — раскрытая книга лежитъ на коврѣ вверхъ тисненымъ переплетомъ; бархатная скатерть полуспущена и широкими складками драпируется на полу; съ рѣзного кресла въ красивомъ безпорядкѣ ниспадаетъ твое бальное шелковое платье; на столѣ, рядомъ съ бронзовой чернильницей стоитъ граненый графинъ съ водою; тяжелая гардина откинута; кошка лежитъ на атласной подкладкѣ драпри и лѣниво мурлычетъ. А утреннее солнце ярко и горячо освѣщаетъ этотъ живописнѣйшій безпорядокъ. Оно и въ графинѣ сверкаетъ прихотливой радугой, и блеститъ на крышкѣ чернильницы, и свѣтитъ на коверъ, на стальной отливъ твоего платья, на переплетъ книги... и мелкая пыль бьется золотымъ столбомъ, и крутится, и толпится въ его лучахъ... И нѣга тебя обнимаетъ и встаютъ предъ тобой странныя мечтанія, мерещится палитра, арматура загадочнаго вооруженія, недопитый бокалъ съ янтарнымъ рейнвейномъ, бархатный костюмъ художника... И какія-то крылья навѣваютъ на тебя смутныя грезы, и веселая эпоха какого нибудь Возрожденія силится предстать предъ тобою... О, дивно иногда живется безъ грамматики, моя прелесть!.. Но придетъ твоя Марѳа — или какъ ее, — впрочемъ, пусть будетъ Марѳа, это такъ идетъ къ ней, къ твоей воображаемой горничной—помнишь: *Марѳо, Марѳо, что печешися о многомъ?..*—И придетъ эта Марѳа съ шваброй въ рукѣ, и водворитъ порядокъ, и закричитъ на кошку: *брысь, проклятая!* и смететъ пыль, и оправитъ скатерть а въ сердце твое, мой ангелъ, нагонитъ сухого и скучнаго холода... И грезы твои разлетятся какъ птицы... О, это остроумный приборъ — и онъ опять поникъ въ задумчивости.

Варя не рѣшилась заговорить. Только интересъ ея къ графу разгорался все больше и больше, и нервы какъ-то странно ныли. А Облѣпищевъ махнулъ головой, какъ будто отгоняя дремоту, и взялъ разсѣянный аккордъ.

— Но о чемъ я началъ говорить?—вдругъ съ прежней живостью произнесъ онъ. — Да, о потопленіи, о потопѣ улыбокъ. — Итакъ меня выбрали. И представь: какая добрая, эта моя maman,—она мнѣ сюрпризомъ приготовила камеру. Я возвратился изъ собранія и ужъ камера готова. О, это былъ восхитительный сюрпризъ! Ты не знаешь, въ Петербургѣ на вербной продаютъ: ты

покупаешь просто обыкновенную баночку; но стоитъ только открыть крышку этой баночки—мгновенно выскакиваетъ оттуда преинтересный, прелюбопытнѣйшій чертенокъ... И такъ, maman устроила мою обстановку (онъ вздохнулъ); я тебѣ разскажу о ней... То есть, не о maman—вѣдь ты знаешь ее, эту величавую совокупность льда и стали (онъ это сказалъ нѣсколько понизивъ голосъ), а про обстановку разскажу. Полъ былъ паркэ; монументальный столъ отъ Лизере занималъ середину. На столѣ высился бронзовый арабъ съ толкачемъ въ рукахъ и съ ступой у подножія. Это—звонокъ, и maman выписала его отъ Шопена. Почему арабъ, и почему не земецъ, напримѣръ, и не газетчикъ—не могу тебѣ объяснить. Но не въ этомъ дѣло.—Добрая половина камеры была загромождена лакированными скамьями. Впереди стояли кресла для сливокъ. Все это было отлично и все ужасно понравилось мнѣ. И къ тому же въ своемъ костюмѣ—fantaisie, который прислалъ мнѣ Сарра ко дню перваго моего упражненія, и въ золотой цѣпи на шеѣ, я ужасно походилъ... какъ бы тебѣ сказать... ну, на хорошенькую левретку походилъ, которая, помнишь, вѣчно торчала на колѣняхъ у бабушки... Кстати, не разсыпалась она, то есть, бабушка, а не левретка?

Варя отрицательно покачала головой.

— Надо проѣхать къ ней, потревожить проклятыя кости графа Алексѣй Андреича... И такъ, я походилъ на левретку. Впрочемъ, барыни—тѣ самыя, которыя подымаютъ платокъ, когда maman заблагоразсудится уронить его, а въ Петербургѣ фамильярничаютъ съ нашимъ швейцаромъ и таскаютъ изъ нашихъ вазъ визитныя карточки разныхъ особъ, чтобы хвалиться ими дома, гдѣ онѣ изображаютъ самую накрахмаленную аристократію,—эти барыни находили, что я ужасно напоминаю Ромео... Гдѣ онѣ видѣли этого Ромео?.. А ты никогда не воображала, какъ Джульета просыпается въ подземельи, и въ брезжущемъ полусвѣтѣ видитъ мертваго Ромео... О, я воображалъ, и мнѣ было ужасно хорошо. Такое, знаешь ли, трагическое сладострастіе возникаетъ, и въ такомъ мучительномъ блаженствѣ разрывается сердце... (онъ вздрогнулъ и сдѣлалъ болѣзненную гримасу).—Итакъ часъ пробилъ. Мои аристократки вооружились вѣерами и заняли позицію. Maman съ спиртомъ въ рукахъ торжественно водрузилась въ рѣзномъ креслѣ... Оно походило нѣсколько на тронъ, но это въ скобкахъ, въ скобкахъ, кузина... Я тронулъ пружину. Усердный арабъ грянулъ толкачемъ. Швейцаръ — здоровенный верзила въ аракчеевскомъ жанрѣ—распах-

нулъ двери, и изо всѣхъ силъ упираясь въ груди грузно валившихъ мужиковъ, пропускалъ ихъ по одиночкѣ!.. Я опять тронулъ пружину. Арабъ опять громыхнулъ толкачемъ. Аристократки тихо визжали,—прости!—Швейцаръ страшно нахмурилъ брови и погрозилъ заднимъ рядамъ. Началась фантасмагорія. Выходитъ мужикъ въ лаптишкахъ и въ рваномъ кафтанѣ.—Вы, Антипъ Кособрыкинъ?»—Мы-съ.—«Вы обвиняетесь въ нарушеніи публичной тишины и спокойствія».—Молчитъ въ тяжкомъ недоумѣніи.—«Вы обвиняетесь»... Сугубо молчитъ. Меня начинаетъ одолѣвать конфузливость. Аристократки ахаютъ и негодуютъ. Maman нюхаетъ спиртъ. Швейцаръ таращитъ глаза и к утитъ кулаки, какъ бы испрашивая полномочій. Къ счастью чары разрушаетъ обвинитель-урядникъ. Онъ энергически и какими-то очень простыми словами уясняетъ Антипу, въ чемъ дѣло. Тогда Антипъ оживляется, говоритъ быстро и убѣдительно, размахиваетъ руками, утираетъ полою носъ и вообще входитъ въ ажитацію. Въ его рѣчи мелькаютъ и какіе-то *потъжане, и сыскъ конз въковъ*, и *ейный деверь*, и *на то енъ и дружка, чтобъ, къ примѣру, порядокъ содержать, а эдакъ-то всякій ошелохвостится!*—Вы не понимаете, моя прелесть? А я понялъ, понялъ я, что и я сижу дуракъ дуракомъ, и арабъ мой бухаетъ своимъ толкачемъ съ дуру—не потому ли, что обоихъ насъ сочинилъ иностранецъ?—и maman моя... О, она очень остроумная, эта maman!—и вдругъ, вообрази, я разомъ порѣшилъ эту пастораль: «по обоюдному непониманію, дѣло откладывается до умнѣйшихъ временъ»—сказалъ, и вышелъ изъ камеры.

И онъ пробѣжалъ рукой по клавишамъ и засмѣялся.

— А, знаешь, кузиночка,—вымолвилъ онъ:—вотъ діалогъ этотъ мой съ Антипомъ,—есть такіе искусники, что на музыку его могутъ переложить!—и онъ застучалъ по клавишамъ:—вотъ это будетъ означать: *чаво?* а это: *ахъ ты, равнеосный гражданинъ Антипъ!* а вотъ это allegretto ma non troppo изобразитъ: *а посему, руководствуясь 79 и 81 ст. Уст. Уголов. Судопр. и на основаніи 112 и 115 ст. Уст. о наказ. налаг. Миров. Судьями...*

Варя улыбнулась.

— Ты смѣешься? Нѣтъ, ты не смѣйся,—и онъ грустно вздохнулъ,—ты лучше пойди, поплачь къ себѣ. А знаешь, когда я люблю плакать? Когда вечеромъ мрачныя тучи покроютъ небо и густо столпятся надъ закатомъ, а подъ ними узкимъ и пламеннымъ румянцемъ горитъ заря. И въ полѣ ходятъ трепетныя тѣни и погасаютъ, и заря какъ будто прощается, какъ будто

умираетъ и на вѣки покидаетъ холодную землю... Есть картина такая: *Вечеръ на островѣ Рюгенѣ,* Клевера, кажется... Такъ вотъ передъ этой картиной я разъ стоялъ и плакалъ. Я плакалъ, а на меня смѣялись. И толстый купчина, съ пятномъ на животѣ, смѣялся, и накрахмаленный жидокъ изъ банкирской конторы смѣялся, и барыня въ гремящемъ платьѣ смѣялась, и мадмуазелька съ лорнеткой въ одной рукѣ и съ любовной запиской въ другой и та смѣялась... А ты не читала Байроновой «Тьмы?» Я читалъ, а потому и плакалъ предъ картиной. Ты не читай... А ты знаешь, моя прелесть, я слишкомъ много говорю и навѣрное скоро расплачусь... Но ты ужасно мнѣ нравишься... А какъ ты находишь Лукавина? О, какъ онъ поетъ, моя милая!.. Вотъ погоди.—И онъ никогда, никогда не расплачется. И замѣть, какой онъ здоровый. Таковы были варвары, которыхъ изображалъ брюзга—Тацитъ. А мы съ тобой римляне, моя ненаглядная, изнѣженные, истерзанные римляне—и онъ съ печалью улыбался, тихо прикасаясь къ клавишамъ.

— А гдѣ господинъ Тутолминъ?—спросилъ Волхонскій у Захара Ивановича.

Варя вздрогнула и оглянулась. И вдругъ вспомнила, что она любитъ. Но мысль эта не отозвалась въ ней, какъ отзывалась прежде—жуткимъ и блаженнымъ замираніемъ, она только напомнила ей *фактъ*; напомнила еще деревенскихъ больныхъ—и то, что Илья Петровичъ привезетъ доктора и больные выздоровѣютъ... И она снова наклонилась къ графу.

— Онъ уѣхалъ за докторомъ,—сказалъ Захаръ Иванычъ.

— Кто боленъ?—живо произнесъ Волхонскій.

— Да вся деревня больна. Въ каждомъ почти дворѣ лихорадочный.

— Ахъ, деревня,—протянулъ успокоенный Алексѣй Борисовичъ,—надѣюсь, вы распорядились купить хины и раздать?

— Покупать не покупалъ. Но у меня есть немного.

Легкая тѣнь неудовольствія скользнула по лицу Волхонскаго.

— Пожалуста, пошлите купить,—сказалъ онъ,—положеніе обязываетъ, вы знаете это. И чтобы не путаться по конторѣ, то вотъ...—Онъ поспѣшно поднялся и, спустя нѣсколько минутъ, принесъ Захару Иванычу сторублевку.—Пожалуста,—повторилъ онъ. Захаръ Иванычъ началъ прощаться.

— Вы мнѣ дозвольте осмотрѣть ваше хозяйство,—вымолвилъ Лукавинъ,—я большой охотникъ.

Ликъ Захара Иваныча засіялъ.

— Съ величайшимъ удовольствіемъ,—произнесъ онъ.

— Многонько платите? — спросилъ Лукавинъ Волхонскаго, когда Захаръ Иванычъ скрылся за дверями.

— Тысячу двѣсти.

— А имѣньице велико ли?

— Четыре тысячи десятинъ.

— Дешевенько. Вы ему набавьте. Дѣльный онъ у васъ парень.

— Но тутъ особыя условія, Петръ Лукьянычъ, — сказалъ Волхонскій: — онъ вѣдь у меня — свой человѣкъ.

— Это въ разсчетъ не идетъ, — съ тонкой усмѣшкой возразилъ Лукавинъ: — нынче, Алексѣй Борисычъ, честь не велика въ салонахъ обращаться. Нынче голова цѣнится. А головка у вашего управителя золотая-съ.

— Но я вѣдь не говорю, — живо произнесъ Волхонскій, — я вовсе не думаю, чтобы... вы понимаете? Я только хочу сказать, — онъ у меня свой въ смыслѣ родного.

— Да; ну это ваше дѣло. Это бываетъ-съ. А вамъ стоило бы обратить вниманіе на его мысли о сахарномъ заводѣ. Мысли важныя.

— Но это — *ваши* мысли? — льстиво сказалъ Алексѣй Борисовичъ.

— Я только вопросъ ему предложилъ. А у него ужъ цѣлый проектъ въ головѣ сидитъ; онъ и свекловицу сажалъ для опыта: двѣнадцать процентовъ сахара — помилосердствуйте!

— Капитала нѣтъ, — со вздохомъ произнесъ Волхонскій.

— Пустое дѣло, — сказалъ Лукавинъ, — семьсотъ, восемьсотъ тысячъ, при извѣстной солидности предпріятія, добыть легко.

— Ахъ, не греми ты этими противными своими словами, — нетерпѣливо воскликнулъ графъ, — не слушай его, дядя: онъ вѣдь точно ребенокъ — не уснетъ безъ гремушки, безъ своихъ противныхъ валютъ и дисконтовъ. Идите лучше сюда.

— А вы чѣмъ руководитесь въ своихъ дѣйствіяхъ, — смѣясь, и нѣсколько книжно, спросила Варя у Лукавина, когда онъ подошелъ и сѣлъ около нея: — грезами или дѣйствительностью?

— Во снѣ — грезами, — отвѣтилъ онъ, усмѣхаясь.

— А на яву?

— Гроссъ-бухомъ, — отвѣтилъ за него Облѣпищевъ.

— На это у насъ есть конторщики, — возразилъ Лукавинъ.

— А чѣмъ же? — полюбопытствовала Варя.

— Жизнью, Варвара Алексѣевна, фактами, какъ пишутъ въ книжкахъ.

— И чувствуете себя довольнымъ?

— Какъ будто не видишь,—вмѣшался графъ.

— Ничего-съ,—отвѣтилъ Лукавинъ и характерно тряхнулъ волосами.

— Нѣтъ, зачѣмъ ты съ Тедески торгуешься?—капризно присталъ къ нему Облѣпищевъ.

Петръ Лукьянычъ отшучивался.

— Отецъ научилъ.

— Но вѣдь тому простительно, тотъ «Лукьянъ Трифонычъ».

Алексѣй Борисовичъ заступился за Лукавина.

— Но для чего же необдуманно тратить деньги, мой милый, —сказалъ онъ.

— О, дядя!—патетически воскликнулъ Облѣпищевъ и умолкъ. Вообще въ его отношеніяхъ къ Лукавину замѣчалась какая-то двойственность: на ряду съ обращеніемъ дружескимъ и шутливымъ, вдругъ аляповато и рѣзко выступала раздражительная насмѣшливость. Варя это замѣтила, и въ недоумѣніи посмотрѣла на «пріятелей». Приводилъ ее въ недоумѣніе и Алексѣй Борисовичъ. Въ тонѣ его явно звучали какія-то черезъ-чуръ благосклонныя нотки, когда онъ говорилъ съ Лукавинымъ. И даже обычная ядовитость какъ будто покинула его, это Варѣ не понравилось.

XII.

Вечеромъ все маленькое общество собралось у рояля. Облѣпищевъ выглядѣлъ теперь уже не такимъ нервнымъ и говорилъ мало. Черный бархатный костюмъ какого-то невиданнаго покроя привлекательно оттѣнялъ матовую бѣлизну его лица. Онъ перебиралъ ноты, высокимъ ярусомъ наваленныя у его ногъ, и категорически отмѣчалъ ихъ недостатки. То было «шаблонно», это «тривіально», это «переполнено трескомъ»... «Да гдѣ ты такіе вкусы развила, моя прекрасная?»—воскликнулъ, наконецъ, онъ обращаясь къ Варѣ.

— Ты знаешь, я вѣдь плохо понимаю музыку, — отвѣтила она, краснѣя.

— А вотъ эту вещичку ты поешь, Pierre,—замѣтилъ Облѣпищевъ, не обращая вниманія на отвѣтъ Вари и развертывая на пюпитрѣ ноты:—немолодая вещь, но не дурна. Будешь?— вопросительно сказалъ онъ, обращаясь къ Лукавину.

— Пожалуста! — попросила Варя. Лукавинъ вѣжливо поклонился. Варя отошла отъ рояля и усѣлась на открытое окно.

Она ждала. Въ окно видно было небо глубокое и звѣздное. Изъ сада доносился слабый шорохъ деревьевъ и безпрестанно замирающій соловьиный посвистъ. Озеро въ неясномъ и загадочномъ мерцаніи уходило въ даль, незамѣтно сливаясь съ темнотой. Варя посмотрѣла въ комнату. Въ молочномъ свѣтѣ лампъ, мраморный профиль Облѣпищева выдѣлялся особенно тонко и благородно; Лукавинъ стоялъ мужественно и прямо какъ Антиной, и отъ его красиваго лица вѣяло какой-то самоувѣренной силой; Алексѣй Борисовичъ задумчиво утопалъ въ креслѣ, изящный и эффектный; полный и цвѣтущій Захаръ Иванычъ, скрестивъ руки на брюшкѣ, съ любопытствомъ поглядывалъ на Лукавина... Вдругъ руки графа быстро пронеслись по клавишамъ и звуки рояля, шаловливой и спутанной вереницей, затолпились въ высокой комнатѣ. Но вслѣдъ за ними протянулась нота, знойная и печальная, и оборвала ихъ звонкое лепетанье, и медлительно угасла. «Что моя нѣжная, что моя милая»,—запѣлъ Лукавинъ,—

Что ты глядишь на осеннія тученьки?..
Сна-ль тебѣ нѣтъ, что лежишь ты, унылая,
Грустно подъ щечки сложа свои рученьки...

И Варя почувствовала, какъ его голосъ, звучный и мягкій какъ бархатъ, съ тихой отрадой льется ей въ душу.—«Э, какъ давно не слыхала я музыки»,—произнесла она сквозь безпомощную улыбку и слезы у ней закипѣли. «Я зашепчу твою злую кручинушку»—пѣлъ Лукавинъ,—

Сяду у ногъ у твоихъ я на постелюшку,
Пѣсню спою про лучину-лучинушку,
Сказку смѣшную скажу про Емелюшку...

Захаръ Иванычъ покрутилъ головою и усмѣхнулся. Варя, въ досадѣ, отмѣтила эту усмѣшку. «Ему, кромѣ своей интензивности, на свѣтѣ ничего не мило»—подумала она. Но тотчасъ же забыла и о существованіи Захара Иваныча, и снова замерла въ чуткомъ вниманіи. И вкрадчивые звуки ласково и нѣжно ластились къ ней, и приникали къ ея сердцу осторожной струйкой, и наводили на нее какую-то сладкую и плѣнительную истому. «Стану я гладить рукой эту голову»,—продолжалъ Петръ Лукьянычъ, ниспуская голосъ до какихъ-то изнемогающихъ нотокъ,—

Спи ты, моль, дитятко, баиньки-баюшки...

А Варя сидѣла какъ очарованная и, точно въ полу-снѣ, крѣпко и тревожно сжимала свои руки.

Разошлись рано. Прежде всѣхъ раскисъ графъ: послѣ пѣнія его снова стало поводить какъ въ ознобѣ и тусклыя тѣни забродили по его лицу. Онъ началъ-было какую-то фантазію дикими и торопливыми аккордами, постепенно переходившими въ тоскливое и задумчивое adagio, но оборвалъ эту фантазію рѣзкимъ диссонансомъ и простился. За нимъ послѣдовали и другіе.

Но Варѣ не хотѣлось спать. Она завернулась въ плэдъ и тихо сошла въ садъ. Въ ея ушахъ все еще стояла музыка. Какія-то неясныя грезы вились въ ея головкѣ и ночной воздухъ вѣялъ на нее жуткими и таинственными струями. Въ саду загадочная темнота ее обступила. Въ этой темнотѣ смутными очертаніями возвышались деревья, блистало черное озеро въ мрачной неподвижности, выдвигался угрюмый фасадъ дома, длинный и несоразмѣрный, тускло и трепетно мерцали звѣзды... И повсюду бродили тѣни, переплетаясь въ причудливомъ колебаньѣ. Иногда, какъ будто чья-то рука прикасалась къ глазамъ Вари: тьма сгущалась, ближній кустъ сирени выдавалъ себя только слабымъ, едва уловимымъ шорохомъ, да особеннымъ запахомъ холодной влажности; очертанія высокихъ березъ сливались съ небомъ; озеро облекалось мракомъ... И тогда особенно жутко становилось Варѣ, и сердце ея стучало сильно и пугливо. Иногда же тѣни раздвигались медлительно и странно, мракъ рѣдѣлъ, вода далеко уходила въ глубь ночи, березы подымались ясными контурами, и купы сирени рѣзко обозначались на синей темнотѣ.

Варя съ боязливой осторожностью переступала по дорожкѣ. Она какъ будто опасалась внести тревогу въ этотъ капризный міръ тѣней, неслышно скользившихъ вокругъ нея и словно прикасавшихся къ ея лицу легкимъ и прохладнымъ прикосновеніемъ. Вдругъ звучный плескъ волны раздался у ея ногъ. Она слабо вскрикнула и отступила, оглянувшись по направленію къ дому. Тамъ ясно и ровно горѣла свѣча въ ея комнатѣ. Тогда она невольно усмѣхнулась и остановилась какъ вкопанная. И музыка снова наполнила ея слухъ. Звуки рояля причудливо мѣшались съ мѣрнымъ и однообразнымъ плесканіемъ озера, съ неяснымъ лепетаньемъ листьевъ, непрестанно будившимъ чуткую темноту, и въ какомъ-то сказочномъ сочетаніи носились вокругъ нея, манили ее куда-то, переполняли все ея существо тайнымъ и сладостнымъ томленіемъ... И она жадно вслушивалась въ этотъ неясный призывъ. Словно какія чары ласковой и медлительной струею вливались въ ея душу и повергали ее въ смутный сонъ.

И долго она стояла на берегу озера, нѣмая, неподвижная, внимательная. Иногда ей казалось, что времени не существуетъ,

что въ пространствѣ неуловимо носятся призраки, и что она сама какъ будто таетъ и превращается въ призракъ, готовый улетѣть въ это безконечное пространство. И вдругъ слезы приступали къ ея горлу, сердце тоскливо сжималось, ей хотѣлось бѣжать отсюда, видѣть людей, слышать человѣческій голосъ... Но тогда какая-то струна звучала сильно и плѣнительно и заглушала это стремленіе и Варя стояла какъ прикованная, безпомощно отдаваясь напору томительныхъ мечтаній и звуковъ, мѣрныхъ и таинственныхъ, какъ шопотъ волшебнаго заговора.

И чѣмъ дальше, тѣмъ чаще выступалъ изъ темноты сильный, струнный звукъ. Онъ звенѣлъ какъ будто особо отъ тѣхъ, что толпились въ головѣ Вари, и—тó прерывался, разсыпаясь мелкой трелью и уныло погасая, то возникалъ снова, смѣло и самоувѣренно. И по мѣрѣ того, какъ онъ усиливался—чары какъ будто уплывали отъ Вари, сонъ ее покидалъ, грезы отлетали отъ нея какъ ночныя птицы, встревоженныя яркимъ блескомъ солнца. Наконецъ, она разобрала этотъ властительный звукъ—это былъ колокольчикъ. Въ далекомъ полѣ кто-то ѣхалъ. Тогда Варя глубоко вздохнула и медленно пошла къ дому. Какая-то слабость овладѣвала ею, нѣжно утомляя члены.

Но когда она легла, сонъ не сходилъ къ ней. Она думала о графѣ, о его разговорахъ, полныхъ какой-то причудливой прелести и странныхъ какъ фантастическая сказка. Представляла себѣ его лицо, измѣнчивое и печальное... И снова какая-то жалость прокралась въ ея сердце. Потомъ Лукавинъ прошелъ въ ея воображеніи красивымъ, но холоднымъ и неинтереснымъ силуэтомъ. А затѣмъ она вспомнила о Тутолминѣ. И опять это воспоминаніе не отозвалось въ ней прежнимъ ощущеніемъ... Самый образъ Тутолмина какъ будто потускнѣлъ и появился теперь передъ Варей въ какихъ-то черезъ-чуръ уже простыхъ и будничныхъ очертаніяхъ. Душа ея не рвалась къ нему, сердце не замирало въ блаженной тревогѣ. Она думала о немъ спокойно и сухо. Думала *наружно*, если можно такъ выразиться, не углубляясь въ суть, не анализируя, съ какой-то невольной осторожностью, незамѣтной для себя самой, минуя тѣ струны, которыя могли бы звучать страстно и безпокойно. Думала о томъ, какъ она поѣдетъ на курсы, выйдетъ за него замужъ, будетъ уже не Волхонская, а *Варвара Алексѣевна Тутолмина* (она даже произнесла это громко, и осталась довольна звучностью произношенія). Дальше мысли ея обрывались. И вдругъ ей сдѣлалось скучно. Тогда она опять вообразила себѣ блѣднаго Мишеля, съ его рѣчами, странно вліяющими на нервы. Затѣмъ вспомнила

о томъ, какъ еще много нужно ей прочитать и «осмыслить» изъ прочитаннаго. «Точно уроки!»—подумала она, и сѣренькая гимназическая жизнь предстала предъ нею.—«Уѣдутъ гости—займусь тогда»—рѣшила она и на этомъ рѣшеніи заснула.

На утро Варя проснулась очень поздно. Голова ея была нѣсколько тяжела и мысли смутны. Солнце проникало изъ-за драпри. Въ распахнутое окно вливался душистый воздухъ. Надежда прибирала комнату. Варя спросила у ней, гдѣ гости. Оказалось, что Лукавинъ съ Алексѣемъ Борисовичемъ и Захаромъ Иванычемъ уѣхали въ поле («Папá въ полѣ!»—недовѣрчиво воскликнула Варя)... графъ же только-что вышелъ и теперь сидѣлъ на балконѣ.

Варя поспѣшно одѣлась и вышла къ графу. Онъ разсѣянно перелистывалъ Мильтоновъ «Рай» съ великолѣпными рисунками Доре и скучающимъ взглядомъ обводилъ окрестности. Красный шелковый платокъ небрежно повязывалъ его шею, отражаясь на лицѣ нѣжнымъ и прозрачнымъ румянцемъ.

При входѣ Вари онъ оживился и повеселѣлъ.

— О, какъ ты славно спишь, моя прелесть,—сказалъ онъ, крѣпко цѣлуя ея руки.

— Я долго не спала съ вечера,—оправдывалась Варя, и съ безпокойствомъ посмотрѣла на лицо графа.—Ты не боленъ?—спросила она.

— Ахъ, когда же я бываю «не боленъ»,—съ печальной усмѣшкой возразилъ графъ,—никогда. И ты знаешь, чтó странно: болѣзни въ сущности никакой нѣтъ,—все въ порядкѣ; и вмѣстѣ—все безсильно, расшатано, истерзано... Что дѣлать, милая, мы вѣдь слишкомъ чистопородны. Ты просмотри бархатную книгу: сотни лѣтъ и ни унца здоровой демократической крови!.. То ублажаемъ хана витіеватыми рѣчами, то строчимъ бумаги въ посольской избѣ, то поемъ обѣдню съ Иваномъ Грознымъ, то обучаемся наукамъ въ нѣмецкой землѣ, и прожигаемъ жизнь въ Парижѣ... Ни одной капли рабочей крови!.. Ни одного «мезальянса», который обновилъ бы насъ!.. Съ незапамятныхъ лѣтъ живутъ Облѣпищевы,—живутъ въ голову, въ языкъ, въ ноги—сколько десятилѣтій скользившія по паркету,—живутъ въ нервы, но никогда въ мускулы!.. И вотъ теперь можете полюбоваться,—вытянулъ свои руки и снова сложилъ ихъ,—малѣйшее волненіе приводитъ меня въ дрожь... Когда я въ первый разъ увидалъ Римъ—я плакалъ какъ ребенокъ; въ французской палатѣ

депутатовъ со мной чуть истерика не сдѣлалась, — правда, въ то время говорилъ Гамбетта...—и, добавилъ, усмѣхаясь:—ахъ, отчего моя великолѣпная мамаша не сочеталась съ Лукьяномъ Лукавинымъ!

— Вотъ еслибы она услыхала тебя,—замѣтила Варя.

— Что же тогда?—произнесъ графъ, съ насмѣшливой внимательностью посмотрѣвъ на Варю.

— Какъ что́,—по всей вѣроятности на сцену выступилъ бы спиртъ...

— Ты думаешь? — протянулъ онъ, и неопредѣленно улыбнулся.

— А жива мать Петра Лукьяныча?—спросила Варя, нѣсколько смущенная этой улыбкой.

— А тебя это интересуетъ?.. О, крѣпка какъ ломовая лошадь, и гостей своихъ встрѣчаетъ босикомъ,—у нея, видишь ли, «пальцы прѣютъ». Впрочемъ ее выпускаютъ только къ дѣйствительно статскимъ, — съ генералами военными она невозможна: слишкомъ ужъ пыхтитъ... А дѣйствительные статскіе совѣтники сны ей разгадываютъ, руки у ней цѣлуютъ, и она очень довольна.

— Однако, какой ты злой, Мишель! И съ какой стати важные люди будутъ унижаться передъ Лукавинымъ, — признайся, вѣдь это у тебя pour passer le temps вышло?

— О, наивность ты моя! Да давно ли ты съ Гебридскихъ островов?.. Мало того—сны разгадываютъ, самъ собственными своими очами видѣлъ, какъ субъектъ въ лентѣ и въ звѣздѣ — правда станиславской—Лукьяну шубу подавалъ.,. Прелесть ты моя, да развѣ же мы не хватили революціонныхъ понятій... égalité, помилуй!.. Мы не только шубу, честь свою преподнесемъ его степенству, лишь бы... О, какъ это гнусно, однакожъ!— внезапно добавилъ онъ съ дрожью въ голосѣ.

День былъ душенъ. Солнце палило безжалостно. На балконѣ становилось невыносимо жарко. Графъ и Варя перешли въ гостиную. Тамъ было прохладно. Широкія маркизы заслоняли окна. Пышныя растенія распространяли душистую влагу. Облѣнищевъ снова расположился около рояля и попросилъ Варю сѣсть около него. И опять онъ заговорилъ неумолкая. И опять его рѣчь, причудливо измѣняясь въ тонѣ и выраженіи, какъ-то странно стала дѣйствовать на Варю, и грустно ей было, и хорошо, и не въ силахъ она была оторваться отъ лица графа, на которомъ трепетно ходили тѣни кактусовъ и зеафорцій, стоявшихъ у окна, и—о чемъ бы ни подумала она, представало предъ ней въ ка-

комъ-то иномъ, особливомъ, освѣщеніи, фантастическомъ и неясномъ, словно сквозь узорчатыя стекла стариннаго нѣмецкаго собора...

— Странное это дѣло—выродившійся человѣкъ! — говорилъ Облѣпищевъ: — онъ несетъ въ себѣ идеи вѣка, познанія вѣка, кряхтитъ подъ ними, изнемогаетъ, но несетъ... Сердце его чутко, совѣсть чутка, о нервахъ говорить нечего... И никому-то онъ не нуженъ, никому до него нѣтъ дѣла... Ты не воображала картину, — чудовищная машина-исторія катитъ себѣ по человѣческимъ спинамъ, посреди оханій и мучительныхъ стенаній... И благоразумные люди умненько сторонится отъ ней, торгуетъ, любитъ, плодится, пляшетъ, ѣстъ, пьетъ, распѣваетъ романсы на мотивъ après nous le déluge... Но спицы безжалостныхъ колесъ, разрывая толпу, разрываютъ и сердце чуткаго человѣка. Горитъ его сердце... И вотъ онъ, хилый, хрупкій, нервный—хватается блѣдными руками за ужасныя спицы, и силится остановить глупую громадину, направить ее на иной путь, гдѣ бы не было этой безконечной подстилки изъ человѣческаго мяса... Я вотъ часто вижу его, этого чуткаго человѣка. Руки замерзли, судорожно охватывая желѣзныя полосы; лицо искажено неизъяснимымъ отчаяніемъ; хрупкое тѣло гнется, и готово разбиться и захрустѣть подъ тяжестью исполинскаго колеса... О, этотъ трескъ костей человѣческихъ, какъ онъ ужасенъ!

— Но развѣ же только однѣ хрупкія руки хватаются за эти спицы, милый? И развѣ чуткость въ одномъ «выродившемся» человѣкѣ?—тихо прерывала его Варя.

— Въ немъ одномъ,—рѣшительно говорилъ графъ,—чтобы бросаться подъ колеса, забывая счастье, жизнь, любовь, солнце, — нужно быть больнымъ Шиллеромъ, а не здоровымъ Гёте. Милая моя, здоровый человѣкъ не бросается—онъ приспособляется. Его нервы не одолѣютъ, у него не загорится сердце непрестанной, неутихающей болью...

— И «чуткіе» не побѣдятъ?—спрашивала Варя.

— Никогда. Гдѣ антилопа побѣждала тигра? «За днями идутъ дни, идетъ за годомъ годъ»—и вѣчно торжествуетъ, моя прелесть, одинъ и тотъ же принципъ—принципъ вражды, силы, злобы:

...И будто гдѣ-то я затерянъ въ морѣ дальнемъ—
Все тотъ же гулъ, все тотъ же плескъ валовъ
Безъ смысла, безъ конца, не видно береговъ...
Иль будто грежу я во снѣ безъ пробужденья,
И длинный рядъ бѣсовъ мятется предо мной:
Фигуры дикія, тяжелаго томленья

И злобы полныя, враждуя межъ собой,
Въ безвыходной и безконечной схваткѣ
Волнуются, кричатъ и гибнутъ въ безпорядкѣ.
И такъ за годомъ годъ идетъ, за вѣкомъ вѣкъ,
И дышетъ произволъ, и гибнетъ человѣкъ.

— Но какъ это печально,—пролепетала дѣвушка, и вдругъ какая-то трезвая и бодрая струя коснулась ея: она вспомнила о Тутолминѣ:—но ты преувеличиваешь, ты боленъ!—воскликнула она и щеки ея запылали,—на свѣтѣ вовсе не такъ грустно, и вовсе нѣтъ такого безумнаго предопредѣленія... Я не знаю — но въ немъ такъ много надеждъ, такъ много свѣтлаго...

— Ахъ, моя прелесть, я не имѣю тучныхъ щекъ, чтобъ мечтать объ Аркадіи, — съ нѣкоторымъ неудовольствіемъ перебилъ ее графъ, — и притомъ, что̀ мои мечтанія? Ты замѣчала, надъ пышнымъ закатомъ—когда птицы поютъ, провожая свѣтлый день, и деревья лепечутъ, какъ будто произнося: «Gut Nacht! gut Nacht!»—и вдругъ неожиданно встаетъ бронзовое облако и омрачаетъ румяный вечеръ, и кропитъ землю теплыми слезами... Развѣ птицы замолкали; развѣ деревья переставали лепетать?.. А что нужды, если въ твою душу, вмѣстѣ съ облакомъ, вторгалась легкая тѣнь и наводила на тебя грусть и жаль тебѣ было пышнаго заката... Завтра ты снова встанешь бодрая и свѣжая... А облако... облако, моя милая, давно ужъ растаяло и разлилось въ слезахъ...

И вдругъ онъ спросилъ Варю:

— Ты любила, кузина?

Варя вспыхнула до корней волосъ и промолчала. Но Облѣпищевъ и не ждалъ отъ нея отвѣта: онъ взялъ длинный и печальный аккордъ и прикоснулся лицомъ къ клавишамъ.

— Я любилъ,—медленно сказалъ онъ, выпрямляясь, и повторилъ, какъ бы вдумываясь въ свои слова: — я любилъ... — затѣмъ онъ сосредоточенно и тоскливо посмотрѣлъ въ неопредѣленное пространство. На его глазахъ заблестѣли слезы.

— Разскажи, — прошептала Варя, ласково погладивъ его руку:—разскажи, мой милый... Тебѣ будетъ легче.

Онъ съ благодарностью посмотрѣлъ на нее, и, немного помолчавъ, началъ:

— Это было не здѣсь. Мы зимовали въ Женевѣ. Я только-что вышелъ изъ корпуса и отдыхалъ. То-есть, мнѣ говорили, что я отдыхалъ, — въ сущности я изображалъ своими нервами скрипку, по которой разгуливалъ смычекъ графини... Но это въ сторону. Все-таки было весело. Maman день и ночь разсуждала,

подъ какимъ соусомъ подать меня въ свѣтъ; примѣривала на меня и мундиръ посольскаго юнца, и гвардейскій, и юстиціи, и археографическій изъ второго отдѣленія... Но въ антрактахъ я былъ свободенъ и намордникъ мой прятался подъ подушку. У насъ было знакомство. Были двѣ-три генеральши, довольно сомнительной породы, но очень богатыя (одна, впрочемъ, впослѣдствіи времени оказалась штабсъ-капитаншей); была одна графиня съ лицомъ, поразительно напоминавшимъ бутылку изъ-подъ шампанскаго, и съ дочерью стройной и пронзительной, какъ уланская пика; былъ старичекъ-сенаторъ, лечившійся отъ сонливости, одолѣвавшей его при видѣ краснаго сукна—любопытное извращеніе извѣстнаго физіологическаго факта, наблюдаемаго при другомъ случаѣ; былъ предводитель дворянства, непомѣрно глупый и толстый, но однако же отчаяннѣйшій либералъ... Впрочемъ, воздухъ ли Женевы вліялъ на насъ, но всѣ мы либеральничали на пропалую.—И вотъ среди насъ-то появлялась одна дѣвушка. Что тебѣ сказать о ней?—Она никогда не либеральничала. Она говорила глубокимъ, гортаннымъ голосомъ и иногда пѣла. Лицо у ней было смуглое и неизъяснимо гордое. Помню, какъ всѣ притихали при ней и осторожно вдумывались въ слова,—что́, разумѣется, не мѣшало имъ изрекать вѣчныя глупости... Вотъ и все. Но я ужасно полюбилъ ее. Я бредилъ ею. Когда она бывала у насъ, я не сводилъ съ нея взгляда. Я угадывалъ шелесть ея темнаго платья иногда за двѣ, за три комнаты. Но она, конечно, не замѣчала меня. Да замѣчала ли она кого?—Она была, какъ царица, недоступна.

— Но разъ она перестала бывать въ нашемъ домѣ. Причина ужасно всѣхъ поразила. Изъ Россіи пришли неслыханныя, потрясающія вѣсти... Нашъ salon вдругъ какъ-то приникъ и моментально утратилъ фрондерское свое обличье. Помню, графиня все ходила, преодолѣвая волненіе, по нашей свѣтлой залѣ съ видомъ на голубое озеро, и, посадивъ меня въ позицію, назидала. Вечеромъ приступили къ дебатамъ. И вотъ во время этихъ-то дебатовъ первый разъ показала наша царица свои львиные когти. Сначала она какъ-будто изумилась, когда генеральша,—та самая, которая оказалась впослѣдствіи времени штабсъ-капитаншей,—круто повернула фронтъ, и съ сочувственнымъ вздохомъ помянула времена графа Бенкендорфа. Но когда весь salon подхватилъ этотъ вздохъ, когда всѣ эти вчерашніе вольнодумцы, спѣша и захлебываясь другъ передъ другомъ, стали выгружать свои подлинныя чувства — безъ всякихъ уже карбо-

нарскихъ плащей и фригійскихъ шапокъ,—она внезапно встала и... ушла, надменно поднявъ голову...—Онъ замолчалъ.

— И все?—спросила Варя.

— И все, и нѣтъ,—вымолвилъ графъ,—я уже болѣе не видалъ ее. Я бѣгалъ по Женевѣ, искалъ, разспрашивалъ—все было напрасно. Прошелъ годъ. Я торчалъ въ Мадритѣ въ качествѣ «причисленнаго»... И одно время узналъ о ея свадьбѣ. Женихъ былъ молодъ, богатъ, имѣлъ положеніе, связи... Казалось, все окончилось благополучно. И затѣмъ все кануло какъ въ воду. Знаешь, точно камень: ударится, взволнуетъ свѣтлую поверхность... И снова тихо, и только далеко, далеко отраженная волна плеснется въ сонный берегъ и разсыплется звонкими брызгами.

— И все?

— О, нѣтъ. Я тебѣ не буду разсказывать, какъ я развѣнчивалъ мою царицу, какъ воображалъ ее среди пеленокъ, въ бесѣдѣ съ поваромъ, въ разговорахъ съ прачкой... Объ этомъ тебѣ разскажетъ Гейне.—Но не особенно давно я узналъ о ней: графиня съ злорадной улыбкой подала мнѣ газету. «Вотъ до чего доводитъ эксцентричность, графъ»,—произнесла она, видимо подразумѣвая недуги твоего покорнѣйшаго слуги... Бѣдная maman, она называетъ это эксцентричностью! Но я не спорилъ съ ней,—я вѣдь не могу съ ней спорить,—я заболѣлъ, долго жилъ въ Ниццѣ, долго... Но это, впрочемъ, не интересно. Она промчалась по нашему безпутному небосклону, ослѣпительной звѣздою и трагически угасла.

— Но за что же?—въ ужасѣ спросила Варя.

— За «эксцентричность», моя прелесть,—горько сказалъ графъ, и спустя немного продолжалъ:—потомъ я узнавалъ подробности... Шагъ за шагомъ возстановлялъ странную жизнь этой дѣвушки—я не могу называть ее madame—и, знаешь, къ чему я пришелъ, моя ненаглядная: безъ трагической ноты эта жизнь не была бы полна. Эта нота какъ будто гамму собой дополнила. Иначе была бы трудовая, мѣщанская проза, безъ величія, безъ геройства... Вообрази Ромео и Джульету въ благополучномъ сожитіи или Отелло, окруженнаго карапузиками... Слишкомъ много прозы!.. А теперь вотъ звучитъ эта гамма душу леденящимъ созвучіемъ, и стоитъ предо мной моя царица въ дивномъ гнѣвѣ, и я не смѣю ее любить, смѣю только боготворить ее, преклоняться передъ нею...

— Какъ ее звали?—спросила Варя, чувствуя, что въ слѣдъ за словами графа и въ ея душѣ возникаетъ свѣтозарный образъ величавой и загадочной женщины.

— Женни, — отвѣтилъ графъ и, покинувъ диванчикъ, пересѣлъ на табуретъ.

— Вотъ послушай: я попытался звуками изобразить эту жизнь, — произнесъ онъ.—Но не ожидай чего-нибудь самостоятельнаго, о, нѣтъ... Ты знаешь, у меня нѣтъ композиторскаго таланта, нѣтъ оригинальности, я хочу сказать, у меня есть только вкусъ, да «чуткость», моя прелесть,—онъ грустно вздохнулъ,— что дѣлать, m-lle Каллiопа, по всей вѣроятности, прозѣвала часъ моего рожденiя въ балагурствѣ съ герромъ Вагнеромъ, и вотъ теперь суждено мнѣ, бѣдному, выжимать апельсины... Знаешь какъ въ Италiи,—тамъ не чистятъ ихъ, а просто сосутъ и бросаютъ. И такъ не ожидай оригинальности. Но прежде сообщу тебѣ текстъ: «Ни одной тревожной думы на душѣ. Небо сине. Въ сердцѣ горитъ любовь. Соловьиная пѣсня навѣваетъ радужныя грезы»...

И онъ прикоснулся къ клавишамъ. Рояль запѣлъ. Грацiозные звуки съ веселой безмятежностью обступили Варю. Она разбирала среди нихъ что-то знакомое, гдѣ-то слышанное, но это знакомое струилось едва замѣтно и, сливаясь съ новыми звуками, являлось въ какомъ-то ясномъ и свѣжемъ сочетанiи. Воображенiю Вари представлялась березовая роща, насквозь пронизанная солнечнымъ блескомъ, веселое мельканiе душистыхъ листьевъ, соловьиная пѣсня замирающая въ отдаленьѣ, яркая зелень луга... Но вдругъ какая-то тѣнь смутно нависла надъ пейзажемъ. — «Облако?» —подумала Варя, и отчетливо увидала, какъ потускнѣли стволы березъ и исчезъ глянецъ съ клейкихъ листочковъ... Соловей замолкъ... Она вслушалась. Свѣтлые звуки стихали, отступали куда-то, погасали съ робкой торопливостью. И внезапно въ какой-то смутной дали возникъ невыразимо печальный и долгiй стонъ. Съ каждой минутой онъ приближался, однообразно повышаясь, и властительно вытѣснялъ идиллiю. Поспѣшная вереница грацiозныхъ нотокъ безпорядочнымъ узоромъ вилась около него и въ смущенiи разбредалась. И съ каждой минутой этотъ скорбный звукъ все болѣе и болѣе пробуждалъ въ Варѣ какiя-то глубокiя воспоминанiя.—«Да что же это?» — думала она въ тоскливомъ недоумѣнiи. Вдругъ мотивъ зазвучалъ сильно и уныло. У Вари какъ-то радостно упало сердце: она угадала его. — «Какъ это хорошо!» прошептала она, и смахнула слезы.

— Ты была на Волгѣ? — говорилъ Облѣпищевъ, — день жаркiй и душный. Раскаленный воздухъ неподвиженъ. Рѣка въ невозмутимомъ покоѣ уходитъ въ даль. Песчаныя отмели ярко

желтѣютъ, на нихъ рядами сидятъ птицы. Тамъ и сямъ бѣлѣютъ паруса, поникшіе въ сонномъ изнеможеніи... Все тихо. И вдругъ въ знойный воздухъ тоскливо врѣзается пѣсня:

Эхъ, дубинушка, ухнемъ...
Эхъ, зеленая сама пойдетъ!..

И унылое настроеніе охватываетъ тебя, и съ тупою болью ты смотришь на эту знойную даль, на Волгу, на поникшіе паруса... И кажется тебѣ, что и барки эти, и сонная Волга, и пустынные берега, изниванные птицами, и вонъ тотъ курганъ, что, вѣроятно, помнитъ Стеньку Разина, а теперь нависъ надъ рѣкою въ мрачной задумчивости, — все раздѣляетъ твое унынiе, и твою медленную боль... А пѣсня стонетъ и тянется, и безконечно надрываетъ твою душу.

И онъ снова заигралъ. Однообразный стонъ «Дубинушки» медлительно замиралъ подъ его пальцами, уступая мѣсто звукамъ сильнымъ и широкимъ. И Варю заполонили эти звуки какой-то величавой и строгой серьезностью. Правда, тоска сказывалась и въ нихъ, но уже не казалась Варѣ подавленнымъ стенаніемъ, какъ въ «Дубинушкѣ»,—она походила на призывъ и гудѣла точно набатный колоколъ... Варя знала, что это былъ напѣвъ какой-нибудь старинной пѣсни, но какой именно — не помнила. И она вопросительно посмотрѣла на графа.

— Разбойничья пѣсня,—сказалъ онъ, и, не отрываясь отъ фортепьяно, проговорилъ внушительнымъ речитативомъ:

Какъ на славныхъ на степяхъ было саратовскихъ,
Что пониже было города Саратова,
А повыше было города Камышина,
Собирались казаки-други во единый кругъ,
Какъ донскіе, гребенскіе и яицкіе...

Но тутъ характеръ музыки снова измѣнился. Протяжный напѣвъ сталъ прерываться. Тамъ и сямъ среди него подымались какіе-то гордые звуки и, утихая, уступая дорогу могучему напѣву, опять возникали. И съ каждымъ такимъ возникновеніемъ, неслышно, но неотступно образовывался новый мотивъ. Онъ ширился, развивался, ускорялъ темпъ, какъ будто торопилъ медленную пѣсню, захватывалъ ее съ собой, шелъ съ нею рядомъ... И вдругъ раздался громко и торжественно. Варя даже вздрогнула отъ неожиданности: это была марсельеза. И снова она вспомнила картину Доре. Но теперь среди восторженной толпы шла и потрясала знаменемъ гнѣвная Женни. И все существо Вари переполнилось любовью къ этой таинственной женщинѣ.

Но побѣдоносная музыка прекратилась скоро и внезапно. Лицо графа явило видъ неизъяснимаго волненія. Инструментъ зарыдалъ подъ нервнымъ прикосновеніемъ его рукъ... И надрывающій напѣвъ русской свадебной пѣсни, причудливо переплетаясь съ мотивами извѣстнаго тріо изъ «Жизни за Царя», — больно и настойчиво защипалъ сердце Вари. Затѣмъ пронесся какой-то смутный гулъ, подобный отдаленному шуму волнъ и напоминившій Варѣ одно мѣсто изъ бетховеновскаго «Эгмонта»; потомъ раздался рѣзкій и сильный металлическій ударъ... и все смолкло. Но графъ не покидалъ клавіатуры; съ лицомъ, бѣлымъ какъ мраморъ, и съ недоброй усмѣшкой на губахъ, онъ стремительно опустилъ руки на клавиши и, подражая пріемамъ тапера, заигралъ съ преувеличенной, съ нервической быстротою. Торопливый темпъ опереточнаго вальсика нахально закрутился въ воздухѣ. Иногда грозный гулъ, подобный отдаленному волненію безчисленной толпы, пытался бороться съ этимъ темпомъ, пытался потопить пошленькіе его звуки въ своемъ внушительномъ рокотѣ... Но вальсикъ вырывался какъ изступленный, дерзко и нагло заглушалъ этотъ рокотъ своей подленькой игривостью, и мало-по-малу рокотъ утихалъ, дробился, поспѣшалъ съ неуклюжей готовностью за растороипыми звуками вальсика... И въ концѣ концовъ все превратилось, въ какой-то шумный и приторный хаосъ, цѣликомъ прообразившій вечеринку Марцинкевича.

Наконецъ, Облѣпищевъ оторвался отъ фортепьяно и закрылъ лицо руками. «Жизнь Женни», — пролепеталъ онъ въ волненіи. Варя, вся въ слезахъ, вся потрясенная какой-то жгучей жалостью, гладила его голову, называла его ласковыми именами, участливо сжимала ему руки... О, чего бы она не отдала, чтобы всѣ вокругъ нея были веселы и счастливы, и чтобы никто не извлекалъ изъ рояля такихъ надрывающихъ звуковъ.

— А какъ тебѣ нравится эпилогъ, моя прелесть, — сквозь слезы произнесъ графъ, съ любопытствомъ взглядывая на Варю: — не правда ли, это очень удачно?.. Это если хочешь — философія пьесы. Когда я игралъ ее N. (онъ назвалъ музыкальную знаменитость) — N. сказалъ мнѣ: да это пиръ во время чумы, мой милый гномъ... Не знаю почему, онъ всегда зоветъ меня «гномомъ». Развѣ я похожъ на гнома, моя дорогая? — и онъ кокетливо улыбнулся съ слезами на глазахъ.

Варя ничего не сказала. Она провела рукою по лицу и въ тихой задумчивости вышла изъ комнаты. Въ головѣ ея роились великодушныя мечтанія.

XIII.

Долгихъ усилій стоило Ильѣ Петровичу разыскать земскаго Гиппократа. А когда онъ, наконецъ, нашелъ его, и съ обычной своей горячностью, напустился, упрекая его въ бездѣйствіи, Гиппократъ только руками развелъ.

— Батюшка мой, да вы съ луны?—флегматично вымолвилъ онъ, отрываясь на минуту отъ ящика, въ который упаковывалъ медикаменты.

— Я не съ луны—я изъ деревни, гдѣ люди дохнутъ безъ всякой помощи,—отрѣзалъ Тутолминъ.

— А гдѣ они не дохнутъ, позвольте васъ спросить?—язвительно освѣдомился медикъ и, не получивъ отвѣта, продолжалъ: —я, батенька, десятый день изъ телѣжки не выхожу. А участочекъ у меня: сорокъ верстъ такъ, да сто-сорокъ эдакъ—итого *пять тысячъ-шестьсотъ* квадратныхъ!.. А голова у меня одна, и руки только двѣ; вотъ оно какое дѣло, горячій вы человѣкъ.

— Но у васъ фельдшера́...

— Есть-съ. Есть, любезнѣйшій вы мой; три фершела есть—не фельдшера, а именно *фершела*—одинъ при больничкѣ гангрену разводитъ, другой пьетъ запоемъ, а третій—у третьяго, голубь вы мой, тифозная горячка третій день, и будетъ ли онъ живъ—вѣдомо Господу. Я же, извините вы меня великодушно, двѣ ночи не спалъ, да два дня не жралъ.

Тутолминъ стихъ и во всю дорогу обращался къ доктору съ глубокой почтительностью. Его какъ бы подавляла эта непосильная преданность своему дѣлу, обнаруженная флегматичнымъ и сѣренькимъ человѣкомъ.

— Но что же дѣлаетъ земство?—любопытствовалъ Илья Петровичъ,—отчего мало докторовъ, почему нѣтъ медикаментовъ?

— Денегъ нѣту-съ. Оттого и докторовъ нѣтъ, что денегъ нѣту. Народъ мы дорогой, жалованье намъ не маленькое, а обкладать-то ужъ нечего: земли обложены, лѣса обложены, купчина защищенъ нормой, а доколѣ норма оставляетъ его на произволъ судебъ, и купчина обложенъ...

— Но бюджетъ, кажется, очень великъ.

— Это вы, батенька, справедливо сказали: бюджетъ великъ. Но вы знаете, сколько одникъ канцелярій на шеѣ этого аппетитнаго бюджета? Изрядно, голубь вы мой,—и докторъ началъ откладывать пальцы:—управская—разъ, съѣзда мировыхъ судей

—два, крестьянскаго присутствія—три, воинскаго присутствія—четыре, училищнаго совѣта—пять...

— Но вѣдь это можно бы измѣнить, сократить...

— Эге, вы вона куда! Вы зачѣмъ же, любезнѣйшій, въ теорію-то улепетываете... Вы не улепетывайте, а держитесь на почвѣ. Почва же такова: обязательныхъ расходовъ *сорокъ-два процента* — понимаете ли: о-бя-затель-ныхъ!—администрація и канцелярія («пріидите и володѣйте нами», въ скобкахъ попутилъ онъ) *двадцать-два процента*; ремонтъ зданій, страховка и расширеніе оныхъ—*шесть процентовъ*...

И Тутолминъ ясно увидѣлъ, что если «не улепетнуть въ теорію», то и земство не виновато.

— Но тогда ужъ возвысить бюджетъ приходится,—нерѣшительно сказалъ онъ.

— Тэ, тэ, тэ..., это другими словами, налоги возвысить? Превосходно-съ. Въ высшей даже степени превосходно и просто. У меня и то есть одинъ благопріятель,—великолѣпно онъ такъ называемый вопросъ народнаго образованія разрѣшаетъ: собрать, говоритъ, по рублю съ души единовременно и гуляй душа!.. Батюшка вы мой, въ томъ-то и штука, что повышай не повышай—толку не будетъ. Только счетоводство одно будетъ... Недоимка одна сугубая...

— Но въ такомъ случаѣ какъ же вы хотите обойтись безъ теоріи,—заволновался Илья Петровичъ,—вспомните «народоправства» Костомарова... въ Новѣгородѣ, напримѣръ...

— А, это другое дѣло!—съ простодушнымъ лукавствомъ произнесъ докторъ,—поговорить мы можемъ. Поговорить мы всегда съ особымъ удовольствіемъ... Ну что, что тамъ у Костомарова?.. Я, признаться вамъ, батенька, не токмо такъ-называемыхъ «книгъ свѣтскихъ», «Врача» ужъ третій мѣсяцъ въ глаза не вижу. А что касается ученыхъ какихъ-нибудь сочиненій, то передъ Богомъ вамъ клянусь—невиновенъ съ самой академіи.

И точно, «теоретическій» разговоръ, который затѣялъ-было Илья Петровичъ, погасъ чрезвычайно быстро.

— Вы лучше разскажите, какова барышня у васъ въ Волхонкѣ?—вымолвилъ докторъ, преодолѣвая зѣвоту,—говорятъ, чистѣйшій маньификъ. Вотъ бы, канальство, посвататься!.. Я, батенька, выискиваю-таки бабенку. Скучно, знаете. Дѣла—гибель, а пріѣдешь домой, и позабавиться нечѣмъ. То-ли дѣло мальчуганчика бы эдакаго завесть, или дѣвчурку....

Тутолмина покоробило: онъ не ожидалъ такихъ признаній отъ добросовѣстнаго земскаго работника. Отсутствіе «принциповъ»

въ этомъ работникѣ смертельно оскорбило его. «Затираетъ!»—подумалъ онъ съ горечью и невольно сравнилъ Гиппократа съ Захаромъ Иванычемъ:—и буржуя моего затретъ,—мысленно продолжалъ онъ,—и выищетъ онъ себѣ манерную самку, и наплодитъ съ ней краснощекихъ ребятишекъ... «Эхъ, болото, болото!» —Но когда показалась Волхонка и засинѣло волхонское озеро, мысли Ильи Петровича измѣнили грустное свое настроеніе. Онъ подумалъ о Варѣ: «эта не самка!» чуть не промолвилъ онъ вслухъ, внезапно охваченный чувствомъ какого-то горделиваго довольства, —«мы не изобразимъ съ ней мѣщанскаго счастья»...

Однако же въ деревнѣ Тутолмину снова пришлось измѣнить свое мнѣніе о Гиппократѣ. Этотъ «копьюватый» человѣкъ (какъ объ немъ было уже подумалъ Илья Петровичъ) съ такой внимательностью осматривалъ больныхъ, такъ безбоязненно обращался среди вони и грязи, до того ясно и быстро устанавливалъ дружественныя отношенія съ крестьянами, что Тутолминъ опять почувствовалъ къ нему глубокое уваженіе. Это уваженіе еще усилилось, когда Гиппократъ наотрѣзъ отказался заѣхать въ усадьбу, и настойчиво заспѣшилъ въ ближнюю деревню, гдѣ свирѣпствовалъ дифтеритъ. Илья Петровичъ только въ недоумѣніи посмотрѣлъ на него: онъ никакъ не могъ помирить такое самоотверженіе съ отсутствіемъ «принциповъ»—можетъ, скрывается?—предполагалъ онъ, задумчиво шагая по направленію къ усадьбѣ (экипажъ онъ уступилъ доктору), но тутъ же вспоминалъ безхитростный обликъ доктора и снова повергался въ недоумѣніе. «Э, ну его къ чорту!—наконецъ, воскликнулъ онъ, подходя уже къ самому флигелю:—явно, разбойникъ, буржую моему подобенъ»... И любовное отношеніе къ доктору, смѣшанное съ какою-то раздражительной досадой, окончательно установилось въ немъ.

Захаръ Иванычъ только-что возвратился съ поля, и Тутолминъ захватилъ его за какими-то длинными выкладками. Они повидались.

— Вотъ, Илья, сила-то грядущая!—вымолвилъ Захаръ Иванычъ, откладывая карандашъ.

— Какая такая? Ужъ не та-ли, что щедринскій помѣщикъ изобрѣлъ: сама доитъ, сама пашетъ, сама масло пахтаетъ...—иронически отозвался Илья Петровичъ.

— Э, поди ты... я тебѣ о Лукавинѣ говорю.

— Аль пріѣхали?

— Пріѣхали. Ну одинъ-то не по моей части: онъ, кажется,

все больше по части художествъ—Варварѣ Алексѣевнѣ все ручки лижетъ...

— Что ты сказалъ?—переспросилъ Тутолминъ, внезапно ощущая какую-то сухость въ горлѣ; и когда Захаръ Иванычъ повторилъ, какая-то жесткая злоба поднялась въ немъ.—Ну, а другой что лижетъ?—грубо произнесъ онъ.

— Э, нѣтъ, братъ, другой не изъ такихъ. Другой не успѣлъ еще путемъ оглядѣться, какъ со мной всѣ поля обрыскалъ. Сметка, я тебѣ скажу! взгляды! соображеніе!

— Еще бы! Ты, поди, растаялъ. Эхъ, погляжу я на тебя...

Но Захаръ Иванычъ не обратилъ вниманія на укоризненный тонъ Тутолмина.

— Ты посмотри на этотъ проектецъ,—возбужденно заговорилъ онъ, снова подхватывая листъ бумаги и быстро чертя по немъ карандашомъ:—это, напримѣръ, сахарный заводъ. Вотъ затраты: это—оборотный капиталъ; это—убытки отъ превращенія сѣвооборота... это вотъ отбросы...

— Такъ,—саркастически вымолвилъ Илья Петровичъ,—значитъ, тебѣ мало «одровъ», ты еще настоящую фабрику вздумалъ воздвигать...

— Не фабрику, Илья...

— Заводъ. Это все равно. Тебѣ мало твоихъ батрацкихъ машинъ, ты еще всю окрестность хочешь заразить фабричнымъ ядомъ... Ты хочешь въ конецъ перегадить нравы, опоганить народное міровоззрѣніе, расплодить сифилисъ... Подвизайтесь, Захаръ Иванычъ!

— Какъ же ты не хочешь понять, Илья,—корнеплоды необходимы. Ты посмотри: нынче, гессенская муха пшеницу жретъ, завтра жучекъ, послѣ завтра червячекъ какой-нибудь... Помилуй! Вѣдь насъ силой загонятъ въ корнеплоды... Такъ лучше къ этому порядку вещей приготовиться.—А скотъ!—ты посмотри, намъ вѣдь его кормить стало нечѣмъ...

Но Илья Петровичъ сидѣлъ неподвижный и угрюмый.

— Дѣйствуй,—съ злобой говорилъ онъ,—поступай къ Лукавину въ рабы. Давите народъ, Захаръ Иванычъ, поганьте его!.. Надолго ли?—посмотримъ, милостивѣйшій государь.

Захаръ Иванычъ разсмѣялся.

— Ну, чудакъ ты,—сказалъ онъ.—А къ Лукавину я, дѣйствительно, могъ бы поступить. Ты знаешь, какая штука: онъ меня сегодня отводитъ и говоритъ: берите съ меня три тысячи цѣлковыхъ, почтеннѣйшій, и покидайте вашего маркиза...

— Какъ это благородно!—воскликнулъ Илья Петровичъ.

— Ахъ, кто тебѣ говоритъ о благородствѣ,—въ нѣкоторой досадѣ возразилъ Захаръ Иванычъ:—тебѣ говорятъ, какова сила...

— Наглости?

— Нѣтъ сообразительности, смекалки, милый мой. Я, разумѣется, пойтить-то къ нему не пойду...

— А слѣдовало.

— Не пойду,—повторилъ Захаръ Иванычъ,—а заводъ съ его помощью какъ-нибудь устрою.—И вдругъ онъ ударилъ себя по лбу:—А, знаешь, еслибы ему жениться на Варварѣ Алексѣевнѣ!—воскликнулъ онъ.

— Опомнитесь, Захаръ Иванычъ,—язвительно проговорилъ Тутолминъ.

— Да, вѣдь я какъ... Господи Боже мой,—оправдывался Захаръ Иванычъ,—я говорю въ видѣ предположенія. Я говорю, еслибы она полюбила его... и вообще...

— Что между ними общаго!—закричалъ Тутолминъ яростно на Захара Иваныча.

— Какъ что...—въ изумленіи произнесъ Захаръ Иванычъ,—богатъ, красивъ—онъ очень красивъ... Ты-то что, Илья! Графъ какой мозглякъ передъ нимъ, а и то она таетъ. Барышня, братъ...

— Что, барышня?—внезапно опавшимъ голосомъ спросилъ Илья Петровичъ.

— Да вообще...

— Вообще, подлость,—рѣзко перебилъ Тутолминъ и, шумно поднявшись съ мѣста, ушелъ въ свою комнату.

А Захаръ Иванычъ никакъ не могъ догадаться, чѣмъ онъ такъ разсердилъ пріятеля. Онъ подумалъ и тихо подошелъ къ двери его комнаты.

— Илья,—сказалъ онъ,—Илья...

— Что вамъ угодно?—отвѣтилъ тотъ.

— Но ты не осмыслилъ вопроса, Илья; ты не обсудилъ его воздѣйствій на крестьянъ,—вкрадчиво вымолвилъ Захаръ Иванычъ, стоя у двери,—ты не сообразилъ всѣхъ пользъ...

— Я давно обсудилъ.

— Но ежели они будутъ садить корнеплоды...

— Я давно обсудилъ, повторяю вамъ.

— Но согласись, Илья...

— Я давно обсудилъ, что всѣ вы тутъ трещотки и фарисеи!—раздражительно воскликнулъ Илья Петровичъ.

Захаръ Иванычъ хотѣлъ-было что-то сказать, но подумалъ и не рѣшился. Онъ взялъ фуражку, взялъ листъ бумаги

съ карандашомъ и вышелъ на цыпочкахъ изъ комнаты.—«И милый человѣкъ,—думалъ онъ,—а какъ отъ жизни-то отсталъ... Вотъ тебѣ и книжки!»—и уютно помѣстившись на крылечкѣ, старательно началъ вычислять стоимость рафинаднаго отдѣленія.

А Тутолминъ лежалъ на постели, гнѣвно плевалъ въ потолокъ и чувствовалъ себя очень скверно.

Вечеромъ, суровый и гладко выбритый человѣкъ, въ кашемировомъ сюртукѣ, явился къ Захару Иванычу и доложилъ, что «господа просятъ его пожаловать съ гостемъ чай кушать». Илья Петровичъ было-отказался. Но Захаръ Иванычъ такъ просилъ его и, вмѣстѣ съ тѣмъ, такъ хотѣлось самому ему повидать Варю, что онъ не выдержалъ и напялилъ свой парадный сюртучекъ. Кромѣ сюртучка, онъ надѣлъ еще свѣжую рубашку отчаянной твердости и бѣлизны, и отчаяннаго же фасона: воротнички достигали до ушей. Но ему казалось, что это послѣднее слово моды, а онъ на этотъ разъ не хотѣлъ ударить лицомъ въ грязь.

Какъ же за то и вспыхнула Варя, когда онъ пѣтушиной походкой вошелъ въ гостиную. По обыкновенію, она сидѣла около графа и внимала неутомимой его болтовнѣ. При входѣ пріятелей, графъ вопросительно посмотрѣлъ на нее.—«Тутолминъ»...—прошептала она, потупляя глаза и не подымаясь съ мѣста.—«Боже мой, какіе несчастные воротнички!»—восклицала она мысленно. Произошло обоюдное знакомство. Илья Петровичъ тотчасъ же замѣтилъ смущеніе Вари и ея сосѣдство. Въ горлѣ у него снова пересохло; на лбу появилась непріязненная морщина. А между тѣмъ, онъ волей-неволей долженъ былъ присоединиться къ нимъ: Захаръ Иванычъ, какъ только вошелъ, сейчасъ же затѣялъ разговоръ о заводѣ, и, не только Лукавинъ, но даже Алексѣй Борисовичъ стремительно пристали къ этому разговору.

— Вы изволите участвовать въ...—графъ назвалъ журналъ.

— Точно такъ,—сухо отчеканилъ Тутолминъ.

Варя посмотрѣла на него удивленными глазами. И опять воротнички привлекли ея вниманіе.

— Если не ошибаюсь, я читалъ вашъ очеркъ...—продолжалъ графъ и упомянулъ заглавіе очерка.

— Можетъ быть,—съ сугубой сухостью вымолвилъ Илья Петровичъ.

Но Облѣпищевъ или не замѣчалъ, или не хотѣлъ замѣчать этой сухости. Присутствіе новаго человѣка пріятно возбуждало

его нервы. Любезно наклоняясь къ Тутолмину и съ обычной своей граціей жестикулируя, онъ заговорилъ:

— Но всегда меня поражало это ваше пренебреженіе къ формѣ,—простите... Это, разумѣется, можетъ составлять эффектъ; но, согласитесь, только въ видѣ исключенія. Знаете, исключеніе, обращенное въ привычку, чрезвычайно надоѣдливая матерія,— и поправился, мягко улыбнувшись: иногда! иногда!

Тутолминъ угрюмо молчалъ. Варя посматривала на него съ безпокойствомъ (его костюмъ уже переставалъ рѣзать ей глаза).

— И къ тому же новизна-то не приводится въ систему!— продолжалъ графъ, все болѣе и болѣе оживляясь—Шекспиръ отвергъ классическіе образцы, но за то далъ свой. Лессингъ насмѣялся надъ чопорными куклами Готтшеда, но написалъ Эмилію Галотти... Наконецъ, нашъ Пушкинъ... Да, наконецъ, совершенно въ другой области искусства можно прослѣдить это послѣдовательное развитіе формъ. Мы имѣемъ строго законченное архитектурное построеніе въ формѣ Парѳенона. Но разъ форма эта пріѣдается,—простите за вульгарное слово (Тутолминъ язвительно усмѣхнулся),—не хижина зулуса какого-нибудь появляется ей на смѣну, а римскій сводъ. Этотъ сводъ въ свою очередь уступаетъ мѣсто готическому. Но съ каждымъ разомъ мы видимъ систему: переходъ отъ строгой простоты греческаго портика къ узорчатымъ стрѣламъ кёльнскаго собора ясенъ какъ серебро. Такъ же какъ ясенъ переходъ отъ «Капитанской дочки» къ «Пѣснѣ торжествующей любви». Но переходъ обратный, переходъ отъ Парѳенона къ хижинѣ зулуса какого-нибудь, отъ самаго *принципа* формы къ полнѣйшей стихійности... Воля ваша!

— Вы гдѣ изволили обучаться?—быстро перебилъ его Илья Петровичъ. Варя встрепенулась въ испугѣ. Графъ въ изумленіи посмотрѣлъ на него.

— Въ пажескомъ корпусѣ,—сказалъ онъ.

— И по заграницамъ ѣздили?

— Путешествовалъ...

— Бывали въ музеяхъ, видѣли Мадонну Сикстинскую, Венеру въ Луврѣ?

— Видѣлъ... Но я не понимаю...

— И языками владѣете? Въ подлинникѣ Шекспира читаете? Декамеронъ, поди, штудируете на сонъ грядущій? Римскія элегіи изучаете...

— Простите, но я...

— Отлично-съ,—рѣзко остановилъ его Тутолминъ:—а я, смѣю доложить вашему сіятельству, сынъ стряпчаго,—знаете, взяточ-

ники этакіе существовали въ старину,—а учился я у дьячихи... А въ университетъ пѣшкомъ приперъ, съ родительскимъ подзатыльникомъ вмѣсто благословенія. Да университета-то не кончилъ по случаю голодухи, ибо на третьемъ курсѣ острое воспаленіе кишокъ схватилъ отъ чухонскихъ щей... Въ дѣтствѣ читалъ «Путешествіе Пиѳагора», да сказку про солдата Яшку, красную рубашку,—вашему сіятельству неизвѣстна такая?...

— Все, разумѣется, имѣетъ raison d'être... — началъ-было явно опѣшенный графъ.

— Но графъ и не думаетъ винить васъ, Илья Петровичъ... —вмѣшалась Варя.

— О, я и не воображалъ въ вашемъ домѣ встрѣтить прокурора, мадмуазель,—язвительно произнесъ Тутолминъ:—я только имѣю интересный вопросъ къ его сіятельству...

— Чѣмъ могу служить?—съ преувеличенной вѣжливостью вымолвилъ графъ. А Варя надменно закинула головку: она глубоко негодовала.

— Служить-то вы мнѣ ничѣмъ не можете,—безцеремонно сказалъ Тутолминъ,—я только хотѣлъ васъ спросить: отчего, это всѣ вы, изучающіе Мадоннъ и Шекспировъ, предпочитаете курорты навѣщать, а не являетесь въ литературу?

— Но странное дѣло, таланты...

— Что до талантовъ! Хотя бы принципъ представляли. Принципъ изящной формы. Мы, глядишь, посмотрѣли и усвоили бы его... А то вѣдь намъ не то жратву добывать (графъ сдѣлалъ гримасу; «извините за вульгарное слово»,—съ насмѣшливымъ поклономъ замѣтилъ Тутолминъ), не то «сущность» ловить, гдѣ-нибудь въ самой что ни на есть «безформенной» деревушкѣ... Гдѣ ужъ тутъ до Парѳенона-съ!.. А вы бы насъ и научили, изящные-то люди...

— Но у васъ есть образцы...

— Есть, это вѣрно. А если...

— Но вы не понимаете своихъ выгодъ,—сказалъ графъ,—вы выходите на битву безъ латъ... Вы забываете, что форма то же оружіе... Гейне...

Тутолминъ всталъ во весь ростъ.

— Выхожу съ открытой грудью и горжусь этимъ, ваше сіятельство, — почти закричалъ онъ, — мнѣ некогда было сковать мои латы, да еще вопросъ: пригодны ли онѣ для нашей битвы... Но я не шляюсь по курортамъ... Не изнываю по музеямъ въ томительной чесоткѣ... Не транжирю мужицкихъ денегъ на такъ называемое «покровительство» изящныхъ искусствъ, до которыхъ

мужику такое же дѣло, какъ намъ съ вами до китайскаго императора...

Варя съ упрекомъ посмотрѣла на него. Тогда онъ круто оборвалъ и раздражительно взялся за шапку.

— До свиданья-съ!—проронилъ онъ.

— Куда же вы?—воскликнули всѣ хоромъ. Одинъ графъ молчалъ и обводилъ его растрепанную фигуру юмористическимъ взглядомъ.

— Не могу, у меня есть дѣло,—охрипшимъ голосомъ вымолвилъ Илья Петровичъ, и, неловко поклонившись, направился къ выходу. Варѣ вдругъ стало ужасно жаль его. Она наклонилась къ графу и, прошептавъ ему нѣсколько словъ (изъ которыхъ онъ понялъ, что ей до конца хочется соблюсти долгъ любезной хозяйки), поспѣшно догнала Илью Петровича. Онъ уже натягивалъ пальто: въ передней никого не было.

— Милый мой, что же это такое?—въ тоскливомъ недоумѣніи воскликнула Варя, бросаясь къ нему. Онъ грубо отвелъ ее рукой.

— Ступайте! Поучайтесь у этой шеколадной куклы изящнымъ искусствамъ!—задыхаясь отъ гнѣва, сказалъ онъ.

Варя побѣлѣла какъ снѣгъ.

— Илья!—воскликнула она съ упрекомъ. Но онъ сердито распахнулъ дверь и скрылся. Варя стояла подобно изваянію. Все въ ней застыло. И холодное, тупое, жестокое настроеніе медленно охватывало ея душу. Она провела рукою по лицу; хотѣла вздохнуть, улыбнулась блуждающей и недоброй улыбкой, и тихо возвратилась въ гостиную.—«Какъ ты блѣдна, моя прелесть!»—сказалъ графъ, когда она съ какой-то осторожностью сѣла около него. Но она взглянула на него разсѣяннымъ взглядомъ и ничего не отвѣтила. Руки ея холодѣли.

А. Эртель.

НАЦІОНАЛЬНАЯ КИТАЙСКАЯ КУХНЯ

I. [1]

Приступая къ настоящему этюду изъ области китайскихъ обычаевъ, я предупреждаю многихъ изъ моихъ друзей-китайцевъ, что иной правдивый разсказъ относится къ общей массѣ ихъ соотечественниковъ, нисколько не затрогивая китайской интеллигенціи, не мало освоившейся въ средѣ европейцевъ.

Начну съ того, что скажу—для каждаго китайца первостатейное блаженство состоитъ въ томъ, чтобы сытно и вкусно покушать. Всѣ заботы, всѣ помыслы его, всѣ треволненія въ житейскомъ быту, все то, для чего онъ существуетъ и для чего

---

[1]) Настоящая статья получена редакціею отъ покойнаго К. А. Скачкова незадолго до его смерти (26-го марта, 1883). Авторъ давно уже пріобрѣлъ себѣ почетную извѣстность, какъ одинъ изъ лучшихъ знатоковъ Китая и китайской жизни. Кончивъ курсъ по восточному отдѣленію Ришельевскаго лицея, Скачковъ почти всю долголѣтнюю службу провелъ въ Китаѣ, гдѣ онъ, въ продолженіе болѣе чѣмъ тридцати лѣтъ, исполнялъ разныя должности, между прочимъ, русскаго консула въ Чугучакѣ и Тянь-цзинѣ, и генеральнаго консула въ Шанхаѣ. Разстроенное здоровье принудило его возвратиться въ Россію, и принять въ Петербургѣ мѣсто старшаго драгомана въ азіатскомъ департаментѣ министерства иностранныхъ дѣлъ. Послѣ покойнаго осталось много его работъ о Китаѣ и его отношеніяхъ къ Россіи; большая скромность автора не позволяла ему хлопотать объ изданіи его трудовъ на казенный счетъ, и надобно очень желать, чтобы по крайней мѣрѣ послѣ его смерти для русской литературы и науки не пропалъ драгоцѣнный трудъ, собиравшійся цѣлую жизнь. Въ людяхъ, знавшихъ его лично, онъ оставилъ наилучшую память достоинствами своего глубоко честнаго и правдиваго характера.—*Ред.*

онъ кружится въ сферѣ человѣчества, направлено собственно къ одной и единственной цѣли: «покушать». Правда, и мы, не китайцы, тоже заботимся удовлетворить свой аппетитъ; но наша потребность напитаться, не говорю объ обжорахъ, далеко не поставлена на первомъ, преобладающемъ планѣ. На вопросъ, что̀ влечетъ китайцевъ къ столь характерному отличію отъ насъ, необходимо сказать, что тутъ многое зависитъ отъ ихъ прирожденнаго взгляда на природу живого существа. По убѣжденію китайцевъ, только сытый человѣкъ уменъ, а голодный—дуракъ. Такое убѣжденіе—въ своемъ основаніи нисколько не самодурство «сытаго», который «голоднаго не понимаетъ». Нѣтъ, оно связано со всѣмъ психологическимъ складомъ китайца, для котораго его желудокъ составляетъ главнѣйшую функцію. Это духовное начало, разработанное въ древнихъ китайскихъ изслѣдованіяхъ, философскихъ и медицинскихъ, откуда представляется имъ совершенно яснымъ, какъ свѣтлый день, что источникъ всего умственнаго матеріала живого существа, человѣка и всякой твари, находится не въ мозгахъ головы, а въ утробѣ. Я не шучу! Мнѣ не разъ случалось спорить даже со свѣтилами китайской учености, доказывая имъ, что столь животный взглядъ унижаетъ всякое достоинство человѣка, рожденнаго по образу и по подобію Божію. Но мнѣ возражали, что ссылка на какое-то приведенное мной подобіе не имѣетъ опредѣленнаго и серьёзнаго смысла; по ихъ убѣжденію, Творцомъ вселенной должно признавать то начало, безформенное, неосязаемое и незримое, которое воспроизвело матерію, сформировавшую и по днесь формирующую все видимое и осязаемое во вселенной. Это разъ. А во вторыхъ, по понятіямъ китайцевъ, кто же усомнится въ названномъ гнѣздѣ всего умственнаго матеріала, когда каждый легко понимаетъ и на себѣ чувствуетъ, что только тотъ способенъ мыслить, кто сытъ; то-есть, безъ надлежащаго поддержанія желудка въ его нормальномъ состояніи, безъ постояннаго освѣженія его пищей и питьемъ, онъ лишается своей жизненной дѣятельности, онъ впадаетъ въ полную тупость, неспособность; а при такомъ состояніи желудка, существо имъ обладающее ощущаетъ на себѣ, и очень быстро, лишеніе всякой энергіи и умственнаго склада, что̀ только и отличаетъ его отъ куска дерева, отъ обломка камня. На извѣстный опытъ сорока-дневнаго поста доктора Таннера китайцы смотрятъ какъ на ловко удавшееся шарлатанство, будучи убѣждены, что онъ, по изобрѣтенному имъ рецепту, постоянно пилъ воду, настоенную безцвѣтными питательными веществами. Еслибы онъ питался одной чистой водой, пишутъ ки-

тайцы, то сперва и вскорѣ онъ впалъ бы въ идіотизмъ; а потомъ, можетъ статься, продолжительно оставался бы будто живымъ, но непремѣнно представлялъ бы изъ себя вполнѣ безсмысленный трупъ. При обдумываніи чего-либо, наше инстинктивное влеченіе заставляетъ приложить указательный палецъ ко лбу, а китаецъ для той же цѣли прикладываетъ палецъ къ животу. При такомъ взглядѣ на верховность желудка, китайцы пришли къ заключенію, что чѣмъ насыщеннѣе онъ, тѣмъ разсудительнѣе, мудрѣе содѣлывается его владѣтель; пришли къ заключенію, что тучность, чреватость человѣка, какъ и всякой твари безразлично, представляетъ собой лучшее зеркало его ума; это самая точная вывѣска его полнаго благоразумія, мудрости. А такъ какъ только мудрость, при благочестивой жизни, ведетъ къ высшему совершенству и, наконецъ, къ неземному блаженству, то и символъ такого счастья изображается у китайцевъ чрезмѣрной тучностью. Оттого-то, по ученію буддистовъ, идолъ Будды Шагемуни, этого идеала высшаго блаженства, изображается необыкновенно, до крайней уродливости тучнымъ, при улыбкѣ полнѣйшаго довольства, насыщенія. Высшія іерархическія власти буддистовъ по бо́льшей части отличаются своимъ обжорствомъ. Старожилы города Селенгинска, конечно, помнятъ кочевавшаго около Гусиныхъ озеръ, въ 1830—1840 годахъ, бурята Хамбо-лама (ламайскаго архимандрита), который за завтракомъ безъ затрудненія пожиралъ цѣлаго барана. Такое пресыщеніе не поражаетъ ли своимъ противорѣчіемъ нашъ извѣстный уставъ о постѣ и молитвѣ?—китайцы не хотятъ вѣрить, что христіанскіе пустынники и отшельники истощаютъ свою плоть до возможной крайности.

Впрочемъ, при всемъ почетѣ у китайца къ своей утробѣ, его голова тоже имъ не забыта, она тоже принимаетъ участіе въ жизненной дѣятельности, но ей, въ ея мозгахъ, отведено скромное мѣсто, не болѣе какъ только источника, вмѣстилища матеріала для функцій фантазіи. Во всѣхъ китайскихъ рисункахъ, и въ особенности при иллюстрированныхъ романахъ и сказкахъ, для изображенія процесса сновидѣнія, воздушныхъ за́мковъ мечтателя, и т. п., обыкновенно проводятъ зигзагомъ черту, на подобіе молніи, отъ темени головы къ небу, что́ и выражаетъ собой бесѣду фантазирующаго съ небесными силами.

Однакожъ, если я не останавлюсь на этихъ строкахъ, то невольно долженъ буду углубиться въ область китайской психологіи, что́ стало бы неумѣстно, когда я задался говорить о китайской пищѣ.

Итакъ, что́ и какъ ѣдятъ китайцы?

II.

Чтó китайцы ѣдятъ? Отвѣчать не легко. Говоря въ самомъ обширномъ смыслѣ, они ѣдятъ все то, чтó болѣе или менѣе съѣдобно безъ ощутительнаго вреда человѣческому желудку. Впрочемъ, изъ такого общаго опредѣленія необходимо сдѣлать исключенія въ нѣкоторыхъ продуктахъ, хотя весьма съѣдобныхъ и весьма питательныхъ, но тѣмъ не менѣе для китайскаго желудка негодныхъ. Такъ, для китайцевъ отвратительно молоко, молочные скопы, все молочное, и отвратительна говядина.

Относительно говядины должно сказать, что очень давно, до Рождества Христова, въ заботахъ о покровительствѣ земледѣлію, въ Китаѣ былъ установленъ обрядъ «чествованія воловъ», какъ главнѣйшихъ сотрудниковъ земледѣльца. Объ этомъ обрядѣ я напишу когда-нибудь особо, а теперь, не желая отдаляться отъ своего предмета, скажу одно, что послѣдствіемъ такого чествованія, ради признательности къ сказанному животному и ради вящшаго его размноженія, воспослѣдовало во всей имперіи воспрещеніе убивать быковъ и коровъ. Я полагаю, что не что иное, какъ только названная мѣра, остающаяся въ силѣ около 20 столѣтій, уже давно отучила китайцевъ отъ говядины. Но между китайцами почти во всѣхъ губерніяхъ имперіи разсѣяны татары, первыя поселенія которыхъ мѣстными историками относятся къ временамъ 7-го и 8-го столѣтій. Такъ какъ они охотно питаются говядиной, то имъ разрѣшено убивать названныхъ животныхъ «весьма старыхъ и безнадежно больныхъ». Но, за отсутствіемъ надлежащаго надзора, бываетъ, что они кладутъ подъ ножъ и очень молодыхъ, и очень здоровыхъ. Особенно нынѣ, при порядочной массѣ разселившихся въ китайскихъ портахъ и въ Пекинѣ иностранцевъ, постоянно требующихъ для своего стола говядину, мѣстные татары весьма услужливо ее заготовляютъ для базаровъ. Въ Шанхай пригоняются быки изъ окрестностей порта Нингпо, гдѣ, въ горныхъ ущельяхъ, они хорошо откармливаются. Ихъ мясо превосходное и въ 1875—1879 годахъ продавалось недороже 22 коп. за фунтъ.

Не столь легко сказать, отчего китайцы ненавистники всего молочнаго. А что эта деликатная пища для ихъ желудка дѣйствительно невыносима, я припоминаю слѣдующій случай. Въ бытность мою въ сѣверо-западномъ Китаѣ, въ городѣ Чугучакѣ, въ моемъ семействѣ часто бывала одна почтенная китаянка, старушка лѣтъ за 60. Хотя она, подобно своимъ землякамъ, отлича-

лась обжорствомъ, но не смотря на изобиліе у насъ въ молочныхъ продуктахъ, никогда къ нимъ не прикасалась. Однажды, поджидая китаянку, одно изъ лицъ моей семьи вздумало подшутить надъ ней. Нарѣзавъ тонкіе ломти булки и намазавъ ихъ сливочнымъ масломъ, оно сложило по два ломтя вмѣстѣ, масломъ внутрь. Вошедшая китаянка, завидѣвъ на столѣ булки, не замедлила ими полакомиться; и она, конечно, очистила бы всю сухарницу, но изобрѣтатель сказанной шалости не выдержалъ себя, сознавшись, что булки съ масломъ. Услышавъ столь роковое для нея слово, испуганная женщина поблѣднѣла и съ того же мгновенія ее стало въ такой мѣрѣ тошнить, что я вынужденъ былъ прибѣгнуть къ медицинской помощи.

Предположить, что отъ молочныхъ продуктовъ китайцы такъ же отвыкли, какъ и отъ говядины, было бы несправедливо, когда они безразлично отвергаютъ ихъ, какъ отъ коровъ, такъ и отъ овецъ и козловъ, хотя въ пищѣ мясо послѣднихъ любятъ. Наконецъ, отвращеніе къ молочнымъ продуктамъ животныхъ поразительно противорѣчитъ съ влеченіемъ китайцевъ къ молоку женщины. Нѣжные родители, имѣющіе средства, оставляютъ своихъ дѣтей при грудяхъ кормилицы до 7—9 лѣтъ возраста. И взрослые уже, въ зрѣлыхъ годахъ, и старики иногда охотно кормятся груднымъ молокомъ, для чего держатъ при себѣ кормилицъ. Между богатыми китайцами шикъ похвастаться, что такой-то имѣетъ столько-то кормилицъ. Такая пища, при отсутствіи всякой діэты, китайскими медиками почитается универсальнымъ средствомъ противъ острыхъ болѣзней, и отъ безсилія, и дряхлости. Но по нѣкоторымъ наблюденіямъ мнѣ всегда казалось, что откармливаніе женскимъ молокомъ дѣтей уже не младенцевъ, ведетъ ихъ если не къ идіотизму, то къ тупоумію; а насколько полезно оно для не-дѣтей, я отказываюсь отвѣчать, ничего не зная въ медицинѣ.

Впрочемъ, подобно говядинѣ, и коровье молоко всегда можно достать въ Пекинѣ и въ нѣкоторыхъ губернскихъ городахъ Китая. Оно въ употребленіи въ войскѣ между манчжурами. Но, должно замѣтить—только тѣ манчжуры охотники до молока, которые пока не окитаились, принадлежа къ семействамъ, недавно переселившимся изъ манчжурскихъ степей. Собственно для нихъ существуютъ лавки, называемыя «чайными» (ча-ѣ-пу), гдѣ варятъ кирпичный чай съ молокомъ, коровьимъ масломъ, пшеничной мукой и поваренной солью; тамъ же всегда можно купить свѣжее молоко и простоквашу. Ради удобствъ для солдатовъ, эти лавки пользуются особеннымъ покровительствомъ полиціи, и за-

пираются очень поздно ночью. Будучи охотникомъ до всего молочнаго, но брезгая покупать его въ чайныхъ лавкахъ, въ Пекинѣ я всегда держалъ при своемъ домѣ дойную корову съ ея теленкомъ, покупая ихъ изъ тѣхъ же лавокъ, и тамъ же нанималъ коровника. Кстати замѣтить, что ни одна китаянка не рѣшится доить корову; такое дѣйствіе было бы неизгладимымъ пятномъ для ея цѣломудрія. Нынѣ, поселившіеся въ Китаѣ иностранцы, не довольствуясь мѣстными коровами, которыя мало-молочны, нерѣдко выписываютъ коровъ изъ Калифорніи.

Такимъ образомъ оказывается, что самаго-то лучшаго и здоровато для пищи, какъ говядина и все молочное, китайцы не берутъ въ ротъ.

А между тѣмъ, эта нація признаетъ себя передовою въ гастрономіи. Такъ, по крайней мѣрѣ, мы читаемъ въ ихъ кулинарныхъ руководствахъ. Впрочемъ, тѣ же руководства и поясняютъ, что̀ должно разумѣть подъ словомъ гастрономія. Изъ нихъ видно, что китайцы, при практичности своей во всемъ житейскомъ, подъ этимъ терминомъ разумѣютъ не пристрастіе къ тонкимъ, роскошнымъ яствамъ, а поварское искусство вкусно покормить изъ всякаго матеріала, былъ бы только онъ съѣдобнымъ. Только при такомъ взглядѣ на пищу и объясняется, что чего-чего не ѣдятъ китайцы. Начитавшись о китайской гастрономіи, однажды, сидя въ Пекинѣ у себя на верандѣ, я увидѣлъ на лимонномъ деревѣ большого, безобразнаго паука. Приказавъ слугѣ выбросить эту гадину, меня побудило спросить, ѣдятъ ли ее? Слуга, понюхавъ паука, отвѣтилъ рѣшительно, что для пищи онъ не годенъ. То-есть оказывается, что китайскій желудокъ настолько уменъ, что по спеціальному запаху отличаетъ годное отъ негоднаго для пищи.

Мой вопросъ нисколько не удивилъ и не обидѣлъ китайца. Вѣдь ѣдятъ же они, напримѣръ, саранчу. Однажды, живя на дачѣ, вблизи Пекина, на вершинѣ горы, я увидѣлъ подъ горой густое облако летѣвшей саранчи; въ тотъ же день мнѣ понадобилось поѣхать въ Пекинъ. Въ пути я насмотрѣлся на диво. Встрѣтивъ нѣсколько десятковъ группъ китайцевъ, которые то копошились, то пробирались впередъ, я полюбопытствовалъ, что̀ имъ нужно. Оказалось, что прилетѣвшая саранча, не успѣвъ пока разорить мѣстность, уже принесла неожиданные барыши мелкимъ торгашамъ и лакомство народу. Среди толпы стояла переносная печурка, на которой на сковородѣ поджаривалась саранча. Запасъ нѣсколькихъ мѣшковъ съ этимъ ехиднымъ насѣкомымъ свидѣтельствовалъ, что спросъ на такое лакомство великъ.

И дѣйствительно раскупали саранчу на расхватъ по полкопѣйки за пятокъ, и тутъ же пожирали ее. Ѣдятъ китайцы и куколокъ шелковичныхъ коконовъ; но предпочитаютъ живыхъ и особенно для закуски послѣ водки. Ѣдятъ они, даже публично на улицѣ, извѣстную породу тунеядныхъ насѣкомыхъ,—мерзко ихъ назвать,—добывая ихъ въ изобиліи на головѣ и въ своей одеждѣ. Замѣчу кстати, что нѣтъ ни одного, ни мужчины, ни женщины, положительно во всѣхъ сословіяхъ этой нечистоплотной націи, котораго тѣло было бы свободно отъ этой гадины. По понятіямъ китайцевъ, отсутствіе ея означаетъ, что кровь человѣка испорчена, что ему прожить на свѣтѣ не долго; или же, что онъ постоянно голодаетъ или безнадежно боленъ. Извѣстно, что китайцы смѣются надъ щепетильностью иностранцевъ за ихъ отвращеніе отъ такой гадости. Послѣ сказаннаго, было бы странно и удивляться, какъ китайцы ѣдятъ, впрочемъ, жаренными, нѣкоторыя породы змѣй, всякихъ лягушекъ, крысъ и мышей, галокъ, собакъ, морскихъ каракатицъ; сырое касторовое масло, разнаго рода мелкихъ ракушекъ, и многое другое не ѣдомое у насъ,—все перечесть не легко. Впрочемъ, необходимо оговориться, что, изъ перечисленнаго, не все принято для стола людей богатыхъ; ихъ ѣдятъ преимущественно бѣдняки. Туши крысъ, мышей, собакъ красуются на постоялыхъ дворахъ на показъ, взамѣнъ вывѣски, вмѣстѣ съ тушами ословъ и лошадей. Однажды лѣтомъ, въ сильную жару, проѣзжая верхомъ въ окрестности Пекина, я очень проголодался. Остановившись на первомъ встрѣченномъ постояломъ дворѣ, я потребовалъ немедленно подать мнѣ чего-либо поѣсть. Былъ поданъ соусъ съ мясомъ. Я съѣлъ его быстро и потребовалъ еще порцію, и уже сытый спросилъ, какое я ѣлъ мясо. «Чжэши сяо гоу цзы» (это молодая собачка), было мнѣ отвѣчено. Такимъ образомъ, хотя и случайно, я узналъ, что мясо лучшаго друга людей вкусно и слегка сладковато.

Замѣчательно, что при разсказанномъ цинизмѣ китайцевъ по отношенію къ пищѣ, они, наравнѣ какъ и говядину, и молочные скопы, съ отвращеніемъ отказываются ѣсть рыбью икру, даже осетровую, и рыбьи молоки, столь вкусныя лакомства для нашего желудка. По ихъ понятіямъ, то и другое суть самые грязные, предосудительные продукты рыбы. Я не могу забыть дней нашей масляницы, въ 1853 году. Для нашей небольшой колоніи въ Пекинѣ она была настоящей масляницей. И дѣйствительно, не пробуя свѣжей икры уже пятый годъ, мы внезапно были обрадованы, когда къ нашимъ блинамъ было поставлено глубокое блюдо прекрасной осетровой икры. У каж-

даго изъ насъ невольно вырвался вопросъ: откуда она взялась, когда между китайцами никто ее не ѣсть, и у нихъ нигдѣ нѣтъ ея въ продажѣ? Но нашъ почтенный соотечественникъ, художникъ Ч., не замедлилъ объяснить свою находку. Изучая бытъ китайцевъ, г. Ч. любилъ бродить по улицамъ и закоулкамъ Пекина. Въ счастливый для насъ день, рано утромъ, онъ попалъ на рыбій рынокъ. Засмотрѣвшись, какъ проворно рыбаки на своихъ ларяхъ очищаютъ рыбу, онъ случайно увидѣлъ подъ ларемъ лужу икры. Оказалось, что рыбаки ее выбрасываютъ какъ нѣчто поганое. Но выраженное желаніе со стороны г. Ч. купить эту икру, рыбаки его осмѣяли, отвѣтивъ, что никто ему не помѣшаетъ взять икру даромъ. Она и была принесена къ намъ; а благодаря руководству въ книгѣ (Manuel, Roret), нашъ поваръ хорошо промылъ икру. Потомъ мы частенько стали лакомиться икрой; но наконецъ китайцы смекнули, что за нее мы не откажемся платить; а взявъ плату разъ, они стали болѣе и болѣе повышать на нее цѣну, такъ что въ слѣдующей масляницѣ фунтъ ея намъ обходился уже до 70 копѣекъ.

III.

Не напрасно-ли я повелъ свою рѣчь о пищѣ китайцевъ съ ея дурной стороны, когда прежде всего можно было бы сказать о питательныхъ и вкусныхъ продуктахъ? Впрочемъ, эту оговорку я дѣлаю только для нашихъ читателей, нисколько не заботясь о китайцахъ, для которыхъ въ пищѣ гадко — говядина, молоко и икра, и очень вкусны—не хочу и повторять...

Между питательнѣйшими продуктами, вся китайская нація ставитъ на первомъ планѣ свинину, рисъ и картофель.

Свинина есть квинтъ-эссенція для китайской утробы. Всѣ предпріятія, всѣ помыслы китайца клонятся наиболѣе къ одной конечной цѣли — вкусить свинины. За то нельзя не отдать должной справедливости китайскому умѣнью отлично откармливать названное животное; мясо его дѣйствительно превосходное. Оно отличается своей бѣлизной и изобиліемъ нѣжнаго сала; въ откормленномъ животномъ тучность достигаетъ до того, что оно почти теряетъ способность движенія.

Играя одну изъ виднѣйшихъ ролей въ кулинарномъ искусствѣ у китайцевъ, это животное весьма распространено въ ихъ имперіи. Не будетъ несправедливо сказать, что въ Китаѣ, что ни шагъ, то вотъ и свинья. Содержаніе свиней представляетъ

одинъ изъ выгоднѣйшихъ въ Китаѣ промысловъ; въ рѣдкомъ домѣ не найдти свиней съ поросятами, и это животное пользуется, подобно собакѣ, тѣми-же правами гражданства, свободно ходить даже по многолюднымъ улицамъ, чтó для него особенно заманчиво, такъ какъ по характеристическому свойству каждой азіятской мѣстности, улицы въ китайскихъ городахъ, и въ Пекинѣ въ особенности, представляютъ клоаки грязи, мусора и другихъ нечистотъ. На вопросъ, отчего собственно свиньи пользуются такимъ преимуществомъ въ свободѣ, нѣкоторые ученые китайцы мнѣ отвѣчали, что это животное есть глава всѣхъ другихъ домашнихъ животныхъ; а почетъ въ такой главѣ животныхъ исходитъ оттого, съ гордостью говорятъ они, что и сами китайцы произошли отъ свиньи. Такимъ образомъ, хотя теорія знаменитаго Дарвина слишкомъ смѣло признала, судя по аналогіи, о вѣроятности происхожденія человѣка отъ обезьяны; но китайцы еще смѣлѣе, тоже должно быть по аналогіи, признаютъ за своего родоначальника четвероногое существо, отталкивающее насъ своимъ неряшествомъ. Не входя въ ученыя изысканія, я не съумѣю объяснить, откуда взялось столь не лестное о себѣ заключеніе у націи, всегда тщеславящейся своимъ передовымъ положеніемъ предъ всѣми остальными народами. Впрочемъ, о вкусахъ не спорятъ, и никто не въ правѣ осуждать жителей поднебесной за ихъ національное влеченіе.

Кромѣ ежедневнаго употребленія свинины между богатыми китайцами, она требуется какъ важнѣйшая принадлежность для пищи въ ихъ національномъ культѣ, во славу своихъ предковъ. Это поминовеніе совершается въ ночь новаго года, когда въ каждомъ семействѣ считается необходимой принадлежностью поѣсть пшеничныя пельмени съ начинкой свининою (чжу-бобо). Подобно насыщенію у насъ блинами на масляницѣ, съѣсть очень много пельменей, просидѣвъ за ними до очень поздней ночи, признается между китайцами нѣкотораго рода заслугой предъ предками. Въ день новаго года, при происходящихъ взаимныхъ поздравленіяхъ, обыкновенный предметъ разговора составляетъ ночное истребленіе пельменей. Въ достаточныхъ семействахъ такая трапеза повторяется въ теченіе трехъ и даже десяти сутокъ наступившаго года. Этотъ обычай считается между китайцами настолько необходимымъ и неизмѣннымъ, даже между людьми бѣднѣйшими, что въ томъ несчастномъ семействѣ, гдѣ въ названную ночь даже не понюхали пельменя, ни одинъ изъ его членовъ, боясь стыда, ни передъ кѣмъ не сознается въ такомъ постѣ. Всю недѣлю до новаго года на городскихъ базарахъ безъ пере-

рыва оглашается воздухъ рычаніемъ продаваемыхъ свиней. И сколько ихъ истребятъ китайцы въ одну ночь! Если принять вѣроятное число жителей въ Китаѣ въ 400 мильоновъ, и предположить, что каждый съѣдаетъ свинины только по фунту, — а есть ѣдоки и по 10 фунтовъ, то оказывается, что для названной ночи уничтожается 10 мильоновъ пудовъ свинины; а принявъ, что каждая туша вѣситъ только 15 пудовъ, должно заключить, и едва-ли ошибочно, что всего въ Китаѣ истребляется, ради одной ночи, слишкомъ 650 тысячъ штукъ представителей родоначальника имперіи. Впрочемъ въ послѣднія 30—40 лѣтъ, благодаря значительному обѣднѣнію въ народѣ вслѣдствіе все возрастающаго его пристрастія къ опіуму, вліяющему и на перемѣну въ его домашнемъ, когда-то весьма патріархальномъ быту,—многія семейства не только не видятъ никакого мяса въ теченіе всего года, а даже и въ ночь новаго года питаются только сладкой надеждой вкусить свинины когда-то въ будущемъ, —такія семейства обыкновенно встрѣчаютъ новый годъ въ самомъ мрачномъ настроеніи духа.

Кромѣ свинины между китайцами пользуется почетомъ баранина. Лучшихъ барановъ пригоняютъ преимущественно изъ Монгольскихъ степей. Это мясо, не въ примѣръ нашей баранины, отличается бѣлизной, нѣжностью и не имѣетъ тяжелаго запаха. Она вполнѣ замѣняетъ собой нашу телятину. Чтожъ касается до телятины, требуемой въ Китаѣ только иностранцами, то ее можно пріобрѣсти какъ рѣдкость, случайность, послѣ павшей коровы, съ которою ея теленокъ не разлучается. Такая телячья туша обходится рублей въ 30 и дороже. Какъ на вкусную и питательную пищу можно указать на мясо дикихъ козъ, которыхъ очень много доставляется зимой мералыми изъ Монголіи и Манчжуріи; ихъ тоже водится не мало во всѣхъ горныхъ мѣстностяхъ Китая почти до самой южной его полосы. Въ частомъ употребленіи, преимущественно между людьми небогатыми, мясо зайцевъ и кроликовъ, лошадей и козловъ. А между бѣдняками не отказываются отъ всякаго мяса, было бы оно только съѣдобно —какъ собаки, осла и верблюда, крысы и прочихъ. Но я не слыхивалъ, чтобъ китайцы ѣли кошекъ.

Китай богатъ провизіей птицъ. Между ними видное мѣсто занимаютъ фазаны. При множествѣ видовъ этой птицы, лучшими по своей красотѣ признаются такъ называемые серебряные. Фазаны водятся почти вездѣ въ Китаѣ, въ мѣстностяхъ, гдѣ произрастаетъ тростникъ, но особенно въ нихъ изобиліе на берегахъ величественной рѣки «Да-цзяна». Между иностранцами въ

Китаѣ, одно изъ здоровыхъ и благодарныхъ развлеченій есть охота. Изъ Шанхая любители-охотники обыкновенно отправляются на лодкахъ, на нѣсколько дней, на названную рѣку. Я бывалъ свидѣтелемъ, какъ послѣ 4—5 дневнаго плаванія, 3—4 изрядныхъ стрѣлковъ возвращались домой съ запасомъ до 500 фазановъ, около сотни утокъ и 2—4 дикихъ козъ. Къ зимѣ фазаны настолько жирѣютъ, что ихъ можно жарить безъ масла. Одной изъ особенностей употребленія китайцами въ пищу фазана можно указать на слѣдующее. Къ столу подаютъ сырого фазана, въ нарѣзанныхъ кусочкахъ, и тутъ же ставятъ оловянную или жестяную посуду (хо-го-цзы). Это нѣчто въ родѣ большой, глубокой чашки, съ трубой на ея серединѣ, какъ въ нашемъ самоварѣ. Наполнивъ чашку бульономъ, кладутъ въ трубу горячій деревянный уголь. Обѣдающіе по кусочку мяса варятъ въ бульонѣ. Оно готово, когда побѣлѣетъ, и его тотчасъ же ѣдятъ, обмочивъ въ сою.

Хотя фазаны вкусны, но при обѣдѣ болѣе почетное мѣсто принадлежитъ домашнимъ уткамъ. Для ихъ откармливанія въ Китаѣ много заведеній. Лучшимъ кормомъ считается сорго, благодаря которому тучность птицы доводятъ до того, что въ ней почти не видно мяса, все пропитано жиромъ. Вареныя крупныя утиныя яица китайцы умѣютъ проквашивать въ прокъ въ соѣ. Они получаютъ цвѣтъ коричневый, чистый глянецъ, на вкусъ соленыя. Между иностранцами, вообще не отказывающимися отъ нихъ, ихъ прозвали «гнилыми яйцами».

Дикія утки, рябчики, куропатки и другая дичь, извѣстная у насъ и доставляемая въ Китай преимущественно изъ лѣсныхъ мѣстностей Манчжуріи, и курицы принадлежатъ къ обыденной пищѣ въ состоятельныхъ домахъ. Гусей китайцы не особенно любятъ. Порода курицъ мало отличается отъ нашей обыкновенной. Ознакомившись съ Китаемъ, я недоумѣвалъ, нигдѣ тамъ не встрѣчая тѣхъ крупныхъ курицъ, которыя съ 1850 годовъ получили въ Европѣ извѣстность подъ именемъ кохинхинскихъ. Посѣтивъ нѣсколько разъ Кохинхину, Тонкинъ и Сіамъ, я не находилъ ихъ и тамъ, получая на свои разспросы у туземцевъ одни и тѣ же отрицательные отвѣты. Оттого я пришелъ къ заключенію, что названная порода даже и въ Кохинхинѣ представляетъ собой рѣдкость.

Относительно цыплятъ должно сказать, что въ нихъ на китайскихъ базарахъ не бываетъ недостатка. Въ мѣстныхъ заведеніяхъ откармливанія куръ, цыплятъ разводятъ искусственно, причемъ обходятся безъ спеціальныхъ для того печей, о которыхъ

китайцы не знаютъ, довольствуясь особо приспособленными помѣщеніями, нагрѣваемыми какъ въ нашей жаркой банѣ. Въ нихъ за каждый разъ обыкновенно вылупливается не менѣе тысячи цыплятъ. Кстати замѣтить о продѣлкѣ, оригинально характеризующей заботливость цыплятоводовъ, чтобъ на ихъ живой товаръ былъ постоянно хорошій спросъ. Исходя изъ того справедливаго положенія, что каждый цыпленокъ можетъ быть пѣтухомъ или курицей, они пользуются очень простымъ, но варварскимъ средствомъ избавиться отъ долговѣчности куриныхъ младенцевъ, въ надеждѣ продать ихъ вскорѣ. Только-что вылупившагося изъ яйца цыпленка, при полученной имъ способности стоять на своихъ лапкахъ, еще теплаго, сажаютъ въ корыто холодной воды. Послѣ такого купанья бѣдный цыпленокъ дѣлается хворымъ, хотя и не теряетъ аппетита; но пожирѣвъ онъ вскорѣ околѣваетъ.

Замѣчательно, что въ Китаѣ нѣтъ мѣстныхъ индѣекъ. Китайцы едва ихъ знаютъ и не умѣютъ приноровиться къ уходу за ними. Въ давно минувшія времена, когда, единожды въ 10-ти лѣтній срокъ, въ Пекинъ пріѣзжали на смѣну старыхъ, новые члены нашей миссіи, каждый разъ считалось неизмѣннымъ правиломъ привозить изъ Кяхты по нѣскольку паръ индѣекъ. Я помню, съ какой бережливостью, въ 1849 году, нашъ кяхтинскій караванъ, при которомъ я ѣхалъ чрезъ Монголію въ Пекинъ, везъ шесть паръ индѣекъ. Онѣ прибыли благополучно въ Пекинъ, но не прошло и мѣсяца, какъ ни одной изъ нихъ не осталось въ живыхъ. Такимъ образомъ, подобно прежнимъ примѣрамъ, и на тотъ разъ не удалось расплодить ихъ. Правда, эта птица вообще не надежна, но главной причиной такой неудачи было то обстоятельство, что китайцы, глазѣя на столь рѣдкую для нихъ птицу, не оставляли ее въ покоѣ, забавляясь кормить ее, а наконецъ и закармливали. Нынче при массѣ иностранцевъ въ Китаѣ, эта птица во множествѣ разведена ими; но климатъ ли ей вредитъ или же по другимъ причинамъ, падежъ на нее бываетъ частый и весьма значительный. Такъ, напримѣръ, жена одного изъ англійскихъ тузовъ въ Пекинѣ однажды повѣдала мнѣ такое горе: изъ ея стада, около тысячи индѣекъ, въ одинъ несчастный день она лишилась 865 штукъ.

Не менѣе птицъ Китай изобилуетъ и рыбами. Омываемый съ востока и юга моремъ и очень богатый рѣками и озерами, онъ щеголяетъ почти всѣми извѣстными у насъ рыбами, за исключеніемъ впрочемъ стерлядей, которыхъ китайцы не знаютъ. Рыболовство очень распространено въ странѣ, и для него тутъ

придумано множество приспособленій, часто замѣчательныхъ по изобрѣтательности и вмѣстѣ простотѣ механизма. Да еще, китайцы умѣютъ пріучать нѣкоторыхъ водяныхъ птицъ, какъ напримѣръ утокъ и баклановъ, быть ихъ вѣрными сотрудниками въ ловлѣ рыбы. Должно замѣтить, что въ сѣверныхъ губерніяхъ Китая, отдаленныхъ отъ моря и бѣдныхъ водяными басейнами, рыбы не много, оттого она дорога; а въ Пекинѣ, гдѣ есть рыба только привозная, въ невимнюю пору года она считается роскошью, зимой же столица хорошо снабжается мерзлой рыбой, и между прочимъ крупными осетрами изъ Манчжуріи. Тоже изъ многихъ мѣстностей Китая туда привозится рыба копченая, соленая и вяленая. Китайцы охотники до плавательныхъ перьевъ акулы. Впрочемъ надобно быть хорошимъ практикомъ, чтобъ умѣть выбрать изъ пера только тонкія, нѣжныя перышки, которые и идутъ въ пищу сильно разваренными. Въ продажѣ они дороги; а для невзыскательныхъ обѣдовъ употребляютъ и неотборныя перышки, и даже плавательныя перья отъ нѣкоторыхъ другихъ морскихъ рыбъ.

Далѣе, Китайское море, рѣки и озера изобилуютъ раками, очень многихъ разновидностей, съ омаровъ до очень мелкихъ раковъ-пауковъ. Къ столу ихъ всегда подаютъ очищенными, въ соусѣ. Такое же изобиліе въ устрицахъ, тоже нѣсколькихъ видовъ. Китайцы ѣдятъ ихъ живыми, вареными, жареными, солеными и маринованными. Много и черепахъ, употребляемыхъ для бульона въ супѣ.

Море же питаетъ китайцевъ своимъ произведеніемъ, извѣстнымъ подъ именемъ «морской капусты». Это—водоросль, плавающая на волнахъ океана. Въ Китайскомъ морѣ она встрѣчается рѣдко, но ею изобилуетъ особенно сѣверная часть Японскаго моря и около береговъ нашего при-амурскаго края; а на пространствѣ Тихаго океана, по линіи до самой Калифорніи, я не встрѣчалъ ея. Сборомъ морской капусты занимается множество промышленниковъ, японцевъ, китайцевъ и русскихъ, и главный сбытъ принадлежитъ Китаю, гдѣ для бѣднѣйшаго класса народа она составляетъ чрезвычайно важное подспорье въ пищѣ, хотя и мало питательное. Средній ежегодный ввозъ въ Китай простирается до 140 тысячъ пудовъ.

Къ морскому же происхожденію должно сопричислить и ласточкины гнѣзда. О ласточкиныхъ гнѣздахъ, употребляемыхъ въ пищу китайцами, въ Европѣ распространено темное понятіе. У насъ многіе представляютъ себѣ, что названный продуктъ есть дѣйствительное наружное гнѣздо, въ родѣ наприм., извѣстныхъ намъ

гнѣздъ ласточки, столь часто встрѣчающихся въ углахъ крышъ и оконъ. Но должно замѣтить, что сколько бы китайцы ни были циниками въ выборѣ себѣ пищи, однако не станутъ же они питаться какой-то несъѣдобной массой изъ мелкихъ вѣтокъ, съ глиной и съ пухомъ, съ разнымъ соромъ, изъ которыхъ складывается подобное гнѣздо. Несомнѣнно, что вышеупомянутое съѣдобное гнѣздо представляетъ что-либо поделикатнѣе, и даже нѣчто хорошее, когда оно заслужило не только между китайцами, а даже и между иностранцами въ Китаѣ, достаточно разборчивыми къ пищѣ, очень почетное мѣсто въ кулинарномъ дѣлѣ.

Подъ именемъ ласточкина гнѣзда (янь-во) китайцы разумѣютъ не самое гнѣздо, а только массу, содержимую въ немъ. Эти гнѣзда принадлежатъ особой породѣ морскихъ ласточекъ, водящихся на островѣ Явѣ. При инстинктѣ этихъ ласточекъ для самосохраненія искать безопасности, онѣ вьютъ свои гнѣзда на мѣстахъ наиболѣе недоступныхъ для врага, на отвѣсныхъ скалахъ морского берега. А для того, чтобъ гнѣздо не было ни сдуто вѣтромъ, ни подмыто волною, инстинктъ указалъ птицѣ средство очень крѣпко скрѣплять гнѣздо со скалой и дѣлать его непроницаемымъ. Средство скрѣпленія состоитъ въ томъ, что ласточка вымачиваетъ внутренность уже сложеннаго изъ вѣтокъ гнѣзда липкой жидкостью, которая быстро сохнетъ, обращаясь въ твердую массу. Она представляетъ собой внутреннюю кору гнѣзда. Эта кора, хорошо очищенная отъ внѣшней части гнѣзда, и есть тотъ самый продуктъ, который употребляется въ пищѣ. На вопросъ, что за жидкость и какъ она вливается въ гнѣздо, было много предположеній, одно другого неправдоподобнѣе; но наконецъ натуралисты пришли, повидимому, къ точному заключенію. По ихъ наблюденіямъ оказывается, что морскія ласточки, свивъ свое наружное гнѣздо изъ вѣтокъ, мало-по-малу оплевываютъ его внутренность приносимымъ ими сокомъ, высасываемымъ изъ тростника, растущаго по берегу моря. Не легко себѣ представить столь гигантскій трудъ! Вѣдь такими плевками для своего гнѣзда ласточки должны собрать столько растительнаго сока, чтобъ, уже въ его отвердѣломъ состояніи коры, онъ вѣсилъ около четверти фунта, обыкновенно составляющихъ вѣсъ такой массы гнѣзда. И промышленники, занимающіеся сборомъ этихъ гнѣздъ, тяжело продаютъ свой трудъ. Идя на такую охоту, они каждый разъ рискуютъ своей жизнью, карабкаясь по склонамъ, почти отвѣснымъ, чтобъ сбить гнѣзда; да и при удачѣ, сбитыя гнѣзда часто пропадаютъ въ морскихъ

волнахъ. Для продажи гнѣздо хорошо очищается отъ его внѣшней оболочки. Такое гнѣздо, то-есть, правильнѣе говоря, его внутренняя кора, представляетъ собой форму почти круглую, вогнутую, на подобіе корки разрѣзаннаго апельсина, величиной съ крупный апельсинъ, цвѣтомъ почти бѣлая, съ нѣсколькими слѣдами крови, очень крѣпкая, съ раковистымъ изломомъ, нѣсколько блестящимъ; въ продажѣ она бываетъ цѣльная или разбитая въ куски. Вслѣдствіе опасности и трудности добывать эти гнѣзда, въ продажѣ, даже и въ своей мѣстности, на островѣ Явѣ, онѣ цѣнятся дорого, а въ Китаѣ за фунтъ, вполнѣ хорошихъ, крупныхъ и цѣльныхъ, надобно заплатить отъ 30 до 50 рублей. Въ кулинарномъ дѣлѣ ласточкины гнѣзда употребляются китайцами только для варки бульона, обыкновенно съ домашней уткой; и хотя ихъ подаютъ плавающими въ бульонѣ, но даже посредственные гастрономы самыхъ гнѣздъ не ѣдятъ, довольствуясь превосходнымъ вкусомъ бульона, который отъ разваренной эссенціи гнѣзда получаетъ ароматъ и свойственный эссенціи острый вкусъ. Насколько китайцы лакомы къ ласточкинымъ гнѣздамъ, можно заключить по ихъ таможеннымъ отчетамъ, въ которыхъ обыкновенно показывается средній ежегодный ввозъ до 90 тысячъ нашихъ фунтовъ.

Впрочемъ, подобно наибольшей части провизіи, въ китайскихъ лавкахъ много продаютъ фальшивыхъ ласточкиныхъ гнѣздъ. При необходимой принадлежности для каждаго параднаго обѣда въ ихъ бульонѣ, между людьми небогатыми обыкновенно бульонъ приготовляютъ изъ фальшивыхъ гнѣздъ. По словамъ китайскихъ торговцевъ, такія гнѣзда фабрикуются изъ мезги отъ птичьихъ, обыкновенно гусиныхъ перьевъ, въ смѣси съ рыбьимъ клеемъ. Имъ даютъ совершенно одинаковую форму съ настоящими гнѣздами, даже подмазываютъ слегка птичьей кровью. Но они полегче и цвѣтомъ сѣрѣе. Надобно быть знатокомъ, чтобъ не купить ихъ за настоящія.

IV.

Я уже упомянулъ выше, что изъ растительной провизіи наиболѣе любимой и питательной пищей у китайцевъ на первомъ мѣстѣ должно поставить рисъ. Извѣстно, что Китай есть страна риса, и благодаря климату и умѣлости народа въ дѣлѣ земледѣлія, этотъ злакъ растетъ всюду въ имперіи, а въ южныхъ губерніяхъ онъ даетъ ежегодно по два урожая. Для пищи китайцы любятъ рисъ преимущественно въ разсыпчатой кашѣ, ко-

торую они очень хорошо готовятъ на парахъ. Эта каша настолько любима ими, что безъ нея, за исключеніемъ бѣдняковъ, необходится ни одинъ обѣдъ. Одинъ изъ моихъ пріятелей, занимавшій высокій постъ въ военной іерархіи, часто обѣдавъ у меня, обыкновенно повторялъ: сколько ни кормите меня изысканными кушаньями, но безъ рисовой каши я останусь голоденъ. Рисовая каша составляетъ столь существенную принадлежность китайскаго обѣда, что даже самое слово обѣдъ есть синонимъ слова каша. Одинъ и тотъ же іероглифъ: «фань» означаетъ кашу и обѣдъ. Самымъ обыденнымъ вопросомъ между китайцами: «чи лао фань ни на мэй ю?» (то-есть, кушали ли вы кашу), чтó означаетъ «обѣдали ли вы». Но должно замѣтить, что при всей привязанности китайцевъ къ обыкновенному бѣлому рису, они отдаютъ однако значительное преимуществу рису буро-желтому. Ни въ Европѣ и нигдѣ внѣ Китая такой рисъ неизвѣстенъ въ употребленіи, да онъ и не составляетъ особаго вида, а есть тотъ же самый рисъ, но видоизмѣнившійся, благодаря только неряшеству. Это старый бѣлый рисъ, залежавшійся до затхлости.

Такой рисъ извѣстенъ подъ названіемъ старой крупы (лао-ми). Онъ есть мѣстное произведеніе Пекина и своему происхожденію обязанъ тому устройству и порядкамъ, которыми отличаются казенные хлѣбные магазины въ столицѣ поднебесной имперіи. Правительство этой имперіи, выдавая паекъ провіанта для восьми корпусовъ стоящаго въ столицѣ войска и для значительной доли служащихъ тамъ гражданскихъ чиновъ, ежегодно снабжается рисомъ, и отчасти пшеницей и просомъ, изъ своихъ среднихъ губерній, взамѣнъ извѣстной части денежной подати. Обыкновенно такой годовой ввозъ провіанта простирается до $7^1/_2$ милліоновъ пудовъ. Для склада его въ Пекинѣ есть магазины, надзоръ за которыми состоитъ изъ сложнаго штата чиновниковъ, съ контролеромъ во главѣ. Но, должно сказать, ни одна интендантская часть въ Китаѣ не хромаетъ столь зазорно, какъ магазинная. Обыкновенно всѣ чины, состоящіе при магазинахъ, вполнѣ освобождаютъ себя отъ своихъ обязанностей, предоставляя всѣ заботы наемной артели, которая при каждомъ магазинѣ со старшиной (хуа-ху) во главѣ распоряжается провіантомъ такъ, чтобъ и овцы были цѣлы, и волки сыты. Они распоряжаются столь нахально и безконтрольно, что магазинные запасы всегда въ огромномъ недочетѣ. Случается и хуже. Въ 1855 году, когда къ пекинской (чжилійской) губерніи подступали съ юга инсургенты, вслѣдствіе чего предвидѣлось страшное бѣдствіе въ остановкѣ

снабженія Пекина рисомъ, была назначена на тотъ разъ серьёзная генеральная ревизія казенныхъ провіантскихъ магазиновъ. Эта ревизія обнаружила, что кромѣ очень значительнаго недочета въ провіантѣ, оказался даже недочетъ въ самомъ существованіи одного магазина; не только весь провіантъ, а даже и самый магазинъ исчезъ безслѣдно. На мѣстѣ, гдѣ должно бы стоять пространное зданіе магазина, разворованнаго по кирпичамъ, очутилась площадь; а между тѣмъ штатъ чиновниковъ оставался въ наличности, и на ремонтъ зданія аккуратно получались деньги. Впрочемъ, не желая отдаляться отъ своего предмета, когда-нибудь особо я разскажу о разнаго рода хищеніяхъ государственнаго достоянія въ Китаѣ. Итакъ, въ казенныхъ магазинахъ, устроенныхъ дурно и при отсутствіи вентиляціи, рисъ настолько залеживается, что его самый нижній слой гніетъ, а значительный слой надъ гнилью готовится въ такому же состоянію; онъ бурѣетъ и пропитывается затхлостью. Вотъ эта-то крупа и составляетъ для китайца очень лакомую кашу; вкусъ ея терпкій. Такой затхлый рисъ столь уважается китайцами, что пекинцы платятъ за него дороже, чѣмъ за свѣжій бѣлый рисъ. А, вѣроятно, въ угожденіе пекинцамъ и на зависть провинціаламъ, вывозъ его изъ столицы строго воспрещенъ.

Точно также къ мѣстному произведенію Пекина принадлежитъ красный рисъ (хунъ-ми), называемый богдоханскимъ. Онъ помельче бѣлаго, цвѣтомъ темно-розовый. Объ его происхожденіи извѣстно, что въ 1680 годахъ, богдоханъ Канъ-си, прогуливаясь по рисовому полю на своей загородной дачѣ «Юань-минъ-юань», увидѣлъ колосъ съ красными зернами. Сорвавъ его, въ слѣдующую весну онъ собственноручно посѣялъ его зерна въ своемъ рисовомъ питомникѣ. Урожай оказался значительнымъ. Довольный успѣхомъ, богдоханъ приказалъ подавать красную рисовую кашу только къ его столу. Такимъ образомъ сперва на придворныхъ поляхъ, а потомъ и при нѣкоторыхъ кумирнахъ стали сѣять его. Впрочемъ, красная крупа разваривается на парахъ слишкомъ упорно, оттого ея каша не входитъ во всеобщее употребленіе.

Мѣстности въ сѣверной полосѣ Китая мало представляютъ удобствъ для рисовой культуры, и, при его климатическихъ условіяхъ, рисовое поле даетъ въ годъ только одинъ урожай, вслѣдствіе чего рисъ сѣютъ немного и онъ не дешевъ. Оттого въ недостаточныхъ слояхъ общества рисъ замѣняется другой крупой. Такъ, преимущественно для каши, китайцы употребляютъ пшено, чаще желтое. Бѣдные люди питаются кашицей изъ сорго, весьма тяжелой для пищеваренія, и разными горохами. Въ Пе-

кинѣ извѣстны до 28 видовъ гороха. Изъ нихъ желтый горохъ идетъ преимущественно на издѣліе сои, а мелкій зеленый на издѣліе макаронъ. Мука гороховая и тоже кукурузная идутъ часто въ подмѣсь къ пшеничной мукѣ. Кукурузу ѣдятъ и въ ея сыромъ видѣ, и въ кашицѣ. Манну и гречу употребляютъ въ пищу мало.

Между мучными произведеніями, въ Китаѣ есть только пшеничная мука. Рожь и овесъ не сѣютъ. Въ Пекинѣ, во время оно, я выписывалъ изъ Кяхты ржаной хлѣбъ. Въ Сѣверномъ Китаѣ пшеничная мука составляетъ наибольшую потребность въ бѣдныхъ сословіяхъ. Изъ нея дѣлаютъ лапшу. Изъ горсти муки съумѣетъ сварить лапшу каждый китаецъ въ какихъ-нибудь четверть часа, что̀ представляетъ большое удобство для утоленія голода, особенно въ рабочей артели. Китайцы любятъ лапшу; ее ѣдятъ безъ бульона; а слегка подмаслить, считается бѣдными людьми большой роскошью.

Пшеничная же мука идетъ на изготовленіе булокъ, кренделей и сладкихъ печеній.

Между множествомъ сортовъ булокъ, китайцы особенно предпочитаютъ мягкія, называемыя «мянь-тоу», сваренныя на парахъ, и сухія «шао-бинъ», хорошо пропеченныя и подсыпанныя анисомъ.

Въ числѣ кренделей въ Пекинѣ всего болѣе пользуются извѣстностью мягкіе, очень сдобные и промасленные «ю-чжа-гуй». Упомянувъ о нихъ, кстати разскажу о характеристической чертѣ между китайцами — соперничать въ своихъ промыслахъ.

Когда почти все булочное производство въ Пекинѣ находится въ рукахъ не мѣстныхъ мастеровъ, а иногородныхъ изъ нѣкоторыхъ уѣздовъ губерній Шаньдунъ, и особенно Шаньси, только крендели «ю-чжа-гуй» съ давнихъ временъ, чуть ли не съ водворенія въ Пекинѣ столицы (слишкомъ за 300 лѣтъ назадъ), принадлежали къ спеціальности булочниковъ-пекинцевъ. Дорожа такой репутаціей, а потому и прибылью для своихъ земляковъ, пекинцы весьма тщательно скрывали способъ печенія названныхъ кренделей отъ всѣхъ не-пекинцевъ. Для этой цѣли въ ихъ цехъ крендельщиковъ принимались въ ученики и въ рабочіе только свои земляки, хотя булочники шаньсійцы не разъ предлагали имъ значительныя деньги, только бы пріобрѣсти отъ нихъ нѣсколькихъ мастеровъ. Такъ проходили столѣтія, а печенья «ю-чжа-гуй» оставались мѣстнымъ секретомъ. Однажды, лѣтъ 50 тому назадъ, къ лавкѣ крендельщика сталъ каждый день приходить бѣдный мальчуганъ, глухо-нѣмой. Онъ очень усердно

прислуживалъ въ лавкѣ, ради одной чашки кашицы въ день. Года черезъ два лавочникъ оцѣнилъ столь дешеваго труженика, заставивъ его работать въ своей булочной. Еще годъ и смышленный мальчикъ оказался хорошимъ мастеромъ; но державъ его у себя будто изъ милости, корыстолюбивый лавочникъ не давалъ ему жалованья и содержалъ въ черномъ тѣлѣ. Мальчикъ, никому не жалуясь на судьбу, не оставлялъ усердія въ теченіе семи лѣтъ, послѣ чего, уже весьма опытный въ мастерствѣ, разстался съ хозяиномъ. И что же? Вскорѣ цехъ булочниковъ-пекинцевъ былъ пораженъ извѣстіемъ, что въ одной изъ шаньсійскихъ булочныхъ въ Пекинѣ же появились въ продажѣ настоящіе крендели «ю-чжа-гуй»; а затѣмъ обнаружилось, что они выходятъ изъ рукъ мастера уже нисколько не глухо-нѣмого, томившагося около десяти лѣтъ въ кабалѣ у пекинскаго булочника. Въ теченіе стольких лѣтъ хитрый мальчикъ выдержалъ свое притворство! И дѣйствительно, еслибы онъ выронилъ хотя одно слово, то, благодаря шаньсійскому нарѣчію, очень отличающемуся отъ пекинскаго, немедленно обнаружилось бы, кто онъ родомъ. Такимъ образомъ шаньсійскій цехъ съумѣлъ сдѣлать очень удачный выборъ для изученія секрета. Новый мастеръ вскорѣ разбогатѣлъ и слава кренделей сдѣлалась удѣломъ тоже и шаньсійцевъ.

Сладкія печенья приготовляютъ изъ лучшей пшеничной муки. Величиной никогда они не бываютъ крупнѣе нашихъ небольшихъ булокъ. Ихъ дѣлаютъ почти всегда на кунжутномъ маслѣ (рѣдко на коровьемъ), съ сахаромъ или съ медомъ, съ разными начинками и рѣдко съ вареньемъ. Не смотря на изобиліе въ странѣ плантацій сахарнаго тростника, на обширный вывозъ за-границу сахара въ сырцѣ и въ леденцѣ, китайцы не умѣютъ даже посредственно рафинировать сахаръ и не фабрикуютъ его въ головки. У нихъ лучшій сахарный песокъ не достаточно бѣлъ; слѣдующіе сорта болѣе и менѣе дурно очищены и съ подмѣсью муки; а послѣдній сортъ, называемый чернымъ (хэй-танъ), перемѣшанъ съ соромъ и грязью. А между тѣмъ китайцы охотники до нашего сахара; не кладя въ чай, они любятъ его грызть, какъ конфекты. Что касается до меда, то Китай не богатъ имъ; въ странѣ пчеловодство мало распространено, и если составляетъ предметъ промысла, то только въ губерніи «Сы-чуань». Въ гуртовой продажѣ медъ можно найти безъ подмѣси; а въ мелочной онъ всегда смѣшанъ съ мукой, и имѣетъ назначеніе не для пищи, а собственно для дамскаго туалета. Подобно помадѣ имъ смазываются, такъ сказать, проклеиваются волосы, для приданія головной прическѣ лоска и прочной гладкости. Относительно

варенья можно замѣтить, что въ Китаѣ нѣтъ ягодъ, оттого этотъ сладкій продуктъ отличается своимъ однообразіемъ. Въ Сѣверномъ Китаѣ почитается лучшимъ свареное изъ особаго вида мелкихъ дикихъ персиковъ («шань-ли-хунъ»); а Южный Китай, и особенно Кантонъ, славится своимъ инбирнымъ вареньемъ. Его очень много вывозятъ за-границу. Въ Петербургѣ его можно найдти въ фруктовыхъ лавкахъ.

Между сладкими печеньями есть нѣсколько сортовъ, которые введены іезуитами въ употребленіе между китайцами въ исходѣ прошлаго столѣтія; оттого въ лавкахъ ихъ называютъ заморскими печеньями. Это названіе осталось въ потомствѣ въ память признательности. И не только между булочниками незабыта благодарность къ ихъ католическимъ учителямъ; китайцы имъ благодарны тоже за науку часового мастерства, и за введеніе въ употребленіе нюхательнаго табаку. Нюхательный табакъ, котораго прежде китайцы не знали, по сію пору привозится въ страну изъ Португаліи; но нынѣ продаютъ много поддѣльнаго табаку изъ мѣстныхъ табачныхъ листьевъ. Насколько китайцы неподвижны въ своихъ обычаяхъ, насколько уважаютъ ихъ, можно видѣть изъ слѣдующаго: такъ какъ только съ легкой руки іезуитовъ въ Китаѣ были сдѣланы три вышеупомянутыхъ нововведенія, и ихъ учениками, конечно, были только китайцы-католики, то и по сію пору, не смотря на вѣковую давность, къ цѣхамъ сладкихъ печеній, часового мастерства и торговли нюхательнымъ табакомъ принадлежать только китайцы-католики; не-католиковъ къ ихъ ученье не принимаютъ.

Изъ пшеничной муки низшаго качества, обыкновенно въ подмѣси съ гороховой мукой, китайцы дѣлаютъ прѣсные блины (лао-бинъ). Это блины крупные, около фута въ діаметрѣ; они безъ масла. Бѣдные китайцы питаются ими, какъ у насъ чернымъ хлѣбомъ, закусывая лукомъ и другими овощами. Отправляющіеся въ дальній путь, не брезгливые путешественники берутъ съ собой запасъ такихъ блиновъ, засовывая ихъ подъ сѣдло или подъ сидѣйку телѣги. Тамъ блины прѣютъ, оставаясь теплыми.

Едва ли не наравнѣ съ рисомъ и съ пшеницей китайцы большіе охотники до картофеля. Нашъ обыкновенный картофель въ Китаѣ не растетъ; ему тамъ жарко. А онъ замѣняется крупнымъ бататомъ (ipomaea batatas). Его клубни большіе, длинные, сѣрые или красноватые, мучнисты, сладки. Они хорошо варятся, но китайцы ѣдятъ и въ сыромъ видѣ. Его отечество Манильскіе острова, откуда онъ привезенъ въ Китай въ исходѣ прош-

лаго столѣтія. Онъ въ употребленіи во всѣхъ слояхъ населенія; но, вслѣдствіе его дешевизны, онъ почитается пищей очень простой; оттого даже въ небогатыхъ семействахъ его никогда не подадутъ къ обѣду при гостѣ. Кромѣ описаннаго въ Китаѣ есть еще картофель (convolvulacaea bat.), тоже очень крупный, длинный. Хотя этотъ послѣдній считается почетнѣе перваго и употребляется какъ приправа для кушанья даже на парадныхъ обѣдахъ, но онъ хуже разваривается и деревянистъ.

Какъ и между всѣми азіятцами, овощи составляютъ первую принадлежность китайской пищи. Между ними всего болѣе потребляется капуста (байцай). Наша капуста даже въ Сѣверномъ Китаѣ растетъ очень дурно. Мѣстная капуста не даетъ кочня, но она вкусна, и отличается свойственнымъ ей ароматомъ; вкусна тоже квашенная и въ посолѣ. Огромное ея употребленіе между китайцами наглядно свидѣтельствуется тѣмъ, что во множествѣ огородовъ, обыкновенно находящихся около каждаго города и села, осенью послѣ уборки другихъ овощей, вся земля засаживается разсадой капусты. Тоже во всеобщемъ употребленіи порей. Лукъ и чеснокъ въ употребленіи между китайцами менѣе, чѣмъ въ остальномъ населеніи въ Азіи. Китайцы не охотно ѣдятъ зеленый лукъ и его клубни, предпочитая имъ бѣлую, застарѣлую нижнюю часть корешка лука (лао-цунъ), который они очень умѣло взращиваютъ, въ ущербъ росту клубня, постепеннымъ его окучиваніемъ. Множество сортовъ тыквы, огурцовъ, арбузовъ и дынь они разводятъ въ огородахъ и на поляхъ. Китайцы не солятъ огурцовъ. Ихъ дыни не сладки, мелки и мало ароматны. Только въ китайскомъ Туркестанѣ, особенно въ Хами, растутъ такія же сладкія дыни какъ наши. Осенью ихъ привозятъ въ Пекинъ для богдоханскаго двора и немного для продажи. Вообще всѣ овощи, разводимые въ Европѣ, извѣстны и въ Китаѣ, за исключеніемъ цвѣтной капусты, спаржи и артишоковъ, да еще хрѣна. Дикая спаржа и дикій хрѣнъ произрастаютъ въ Китаѣ, но въ народѣ ихъ не употребляютъ. Кромѣ приготовленія разныхъ салатовъ и приправъ къ кушанью, овощи и преимущественно ихъ корни, и тоже бобы, въ небольшихъ ломтикахъ проквашиваются въ соленой соѣ. Это нѣкоторое подобіе пикулей; подъ названіемъ «соленаго овоща» (сянь-цай) они въ непременномъ употребленіи при пищѣ, вмѣсто поваренной соли, во всѣхъ сословіяхъ, отъ богачей до бѣдняковъ. Наиболѣе употребительными и дешевыми солеными овощами, сяньцаями, бываютъ ломтики рѣпы или рѣдьки; но есть и дорогія, приготовляемыя изъ смѣси разныхъ овощей. Между ними особенно

славятся такъ-называемыя «па-бао-сянь-цай» (восьми драгоцѣнностей); онѣ состоятъ изъ разныхъ бобовъ и другихъ овощей, въ смѣси съ инбиремъ; при своей дороговизнѣ употребляются для пищи только въ богатыхъ домахъ.

Для болѣе или менѣе изысканныхъ обѣдовъ полагается непремѣнной принадлежностью десертъ. Онъ состоитъ изъ плодовъ, сладкихъ печеній и конфектъ, каленыхъ и кедровыхъ орѣховъ и изъ сѣмянъ арбуза и тыквы. Хотя Китай при своемъ тепломъ климатѣ богатъ плодами, но между ними разнообразія не много, и лучшими славятся только въ губерніи Шаньдунъ, на ея горныхъ мѣстностяхъ и отчасти въ Пекинской (Чжиллійской). Оттуда ихъ развозятъ почти по всей имперіи. Обѣ названныя губерніи особенно замѣчательны своими грушами и яблоками, персиками и абрикосами, сливами, финиками и смоквами; между нѣсколькими сортами винограда вкуснѣе другихъ крупный, бѣлый, но онъ столь нѣженъ, что даже очень осторожная перевозка на пароходѣ, не далѣе Шанхая, бываетъ почти всегда ненадежна. Крупныя смоквы хорошо засушиваются; финики бываютъ засахаренные, соленые и копченые. Двѣ южныя губерніи, Фучжоуская и Кантонская, и плодороднѣйшая юго-западная губернія Сычуаньская, извѣстны своими апельсинами, лимонами, бананами и личжи. Китайскія конфекты состоятъ изъ засахаренныхъ плодовъ, всегда въ небольшихъ ломтикахъ; онѣ не отличаются пріятнымъ вкусомъ. Орѣхи доставляются въ изобиліи изъ Манчжуріи и немного изъ Шаньдунской губерніи. Китайцы хорошо просаливаютъ орѣхи, не разбивая их скорлупы.

Наконецъ, я едва не упустилъ сказать, что китайцы любятъ грибы; но за отсутствіемъ въ ихъ странѣ лѣсовъ, этотъ продуктъ привозится изъ Манчжуріи засушеннымъ; ихъ выборъ очень не разнообразенъ, но есть и бѣлые грибы. Должно также упомянуть объ употребленіи въ пищу вареныхъ ростковъ бамбука. Они считаются деликатной пищей, но при условіи, если ростки очень молодые; лучшіе выкапываютъ изъ-подъ земли, какъ только они показались на старомъ корнѣ.

V.

Напитки составляютъ у китайцевъ необходимую принадлежность при пищѣ.

Самымъ употребительнымъ у китайцевъ напиткомъ, конечно,

должно поставить чай. Чай пьется ими у себя дома и внѣ дома, при занятіи, на службѣ, въ гостяхъ, при входѣ въ лавку и прочее. Было бы обидой для китайца, если, принимая его, не подать ему чашки чая. Предъ обѣдомъ, въ теченіи всего обѣда и послѣ обѣда, гостю постоянно подается чай, смѣняя охладѣвшій горячимъ. Но китайцы обыкновенно не пьютъ употребляемые нами черный и зеленый чаи. Эти чаи фабрикуются въ Китаѣ собственно для вывоза за границу. Они пьютъ только желтый чай. И хотя между желтыми чаями есть много сортовъ, но китайцы предпочитаютъ обыкновенный, простой желтый чай, наслаждаясь напиткомъ высшихъ сортовъ только ради дорогого гостя или по случаю особаго торжества. Дѣло въ томъ, что высшіе сорта, хотя и очень ароматны, но не вкусны и вредно дѣйствуютъ на нервы. А при рѣдкости употребленія китайцами высшихъ сортовъ желтаго чая, ихъ бываетъ мало въ продажѣ и они очень дороги. Я не могу забыть о напрасныхъ ожиданіяхъ одного изъ моихъ пріятелей въ Россіи. Пообѣщавъ прислать ему самый лучшій желтый чай, я не нашелъ его ни въ одномъ изъ портовыхъ городовъ въ Китаѣ, не смотря на мои личные распросы между крупными чайными торговцами. Никто изъ нихъ не отказывался угодить мнѣ, но только съ условіемъ, чтобъ я согласился заказать его на фабрикѣ; а на фабрикѣ его могутъ приготовить не иначе, какъ только въ первую половину лѣта и не менѣе цѣлой партіи, то-есть по крайней мѣрѣ пять или шесть цыбиковъ. Конечно, такой заказъ обошелся бы слишкомъ дорого.

Простой желтый чай, любимый китайцами, лишенъ натуральнаго аромата; въ продажѣ его обыкновенно надушиваютъ пачками цвѣтовъ или жасмина, или маслины пахучей (olea flagrans). Этотъ чай носитъ названіе «лю-бай-сы» (640), вслѣдствіе постоянной его цѣны за китайскій фунтъ (составляющій $1^1/_4$ нашего фунта) 640 чоховъ (мѣдной монеты), составляющихъ 32 копѣйки. А когда онъ дорожаетъ, то въ лавкахъ за него нарицательную цѣну не измѣняютъ: онъ остается тѣмъ же «лю-бай-сы», но за то его фунтъ считается въ болѣе или менѣе уменьшенномъ вѣсѣ, такъ что иногда онъ ниспускается даже до полуфунта, то-есть дорожаетъ вдвое.

Извѣстно, что китайцы пьютъ чай въ небольшихъ чашкахъ, безъ сахару и безъ всякихъ приправъ. Тѣ тонкости въ приготовленіи этого напитка, о которыхъ обыкновенно разсказываютъ бывавшіе въ Китаѣ, какъ, напримѣръ, о настоѣ его въ чашкѣ

съ закрытой крышкой, о приготовленіи для него лучшей рѣчной воды, кипяченой на деревянныхъ угляхъ, и проч. въ дѣйствительности между китайцами употребляются крайне рѣдко, да и то только при церемонномъ гостѣ; а обыкновенно чай заваривають на водѣ, какая есть подъ рукой, заваривають не въ чашкѣ, а въ оловянномъ или мѣдномъ чайникѣ, который и грѣется на переносной печкѣ или на кухонной плитѣ, затопленной каменнымъ углемъ. Такъ чай прѣетъ съ утра до ночи; а пьютъ его въ простой чашкѣ, безъ крышки.

Употребляя для напитка только желтый чай, китайцы тѣхъ мѣстностей страны, гдѣ нѣтъ чайныхъ фабрикъ, обыкновенно никогда не видывали и не знаютъ о существованіи ни чернаго, ни зеленаго чая. Иногда мнѣ случалось въ Пекинѣ лично удостовѣряться въ такой странности изъ взаимныхъ между собой разговоровъ тѣхъ китайцевъ, которымъ приходилось пить у меня черный чай, который они и пили-то очень неохотно. Получивъ по чашкѣ чаю, они передавали другъ другу свои замѣчанія, что русскіе люди пьютъ чай, произрастающій въ Россіи и въ Пекинъ привозимый ими самими. Въ Пекинѣ очень трудно купить даже изрядный черный чай; въ чайныхъ лавкахъ онъ рѣдокъ; его продаютъ въ аптекахъ, какъ медицинское средство, и конечно по аптекарской цѣнѣ. До 1860 года, когда сообщеніе Пекина съ китайскими портами было для насъ крайне затруднено, мы, русскіе, жившіе въ столицѣ, обыкновенно выписывали для своего употребленія черный чай цѣлыми цыбиками изъ города Калгана (за 200 верстъ отъ Пекина), гдѣ сосредоточиваются значительные его запасы изъ Средняго Китая для отправокъ въ Кяхту. При такихъ заботахъ оказывалось, что, напримѣръ, въ Петербургѣ, благодаря чайнымъ магазинамъ, было легче запасаться чаемъ, чѣмъ намъ въ Пекинѣ; да онъ и обходился намъ не дешево. А между тѣмъ, въ рѣдкихъ письмахъ изъ Петербурга намъ не приходилось прочитывать выраженіе чувства зависти, что вотъ въ Китаѣ-то мы, должно быть, купаемся въ чаѣ, прося прислать его для лакомства.

Крѣпкіе напитки считаются между китайцами болѣе или менѣе необходимой принадлежностью при пищѣ. Но въ нихъ весьма мало разнообразія. Китайцы не выдѣлываютъ виноградныхъ винъ и не варятъ ни пива, ни меда. За обѣдомъ, даже очень парадньмъ, подается только водка. Водка двухъ сортовъ: перегоняемая изъ зеренъ сорго, называемая «шаоцзю», и дѣлаемая чрезъ броженіе риса или мягкаго проса, называемая

«хуанъ-цзю». Первая очень крѣпка, а вторая слаба. На этихъ же водкахъ приготовляются разныя настойки. Китайцы пьютъ водку непремѣнно подогрѣтую, теплую. Взамѣнъ нашей рюмки у нихъ въ общемъ употребленіи нѣчто въ родѣ оловяннаго шкалика, формой двухъ конусовъ, соединенныхъ своими вершинами; верхній конусъ служитъ вмѣстилищемъ напитка, а нижній стойкою. Кстати замѣтить, что китайцы не производятъ стеклянныхъ издѣлій. Только въ недавнее время одинъ кантонецъ устроилъ небольшой стеклянный заводъ, благодаря указаніямъ благодѣтеля американца.

Китайцы, говоря вообще, очень умѣренны въ крѣпкихъ напиткахъ; свою жажду они всего болѣе утоляютъ чаемъ. Въ теченіе слишкомъ тридцати лѣтъ, какъ знаю китайцевъ, я никогда не встрѣчалъ между ними пьянаго. Въ Пекинѣ и вездѣ въ провинціяхъ очень много лавокъ съ продажей водки распивочно, но онѣ не имѣютъ никакого подобія съ нашимъ кабакомъ; тамъ и чисто, и чинно. Однако-жъ нельзя сказать, что китайцы не охотники до водки. Даже китаянки, будучи всѣ, безъ исключенія и съ юныхъ лѣтъ, курильщицами табаку, не отказываются тоже отъ крѣпкихъ напитковъ. Въ Китаѣ существуетъ обычай, чтобъ въ первое утро послѣ свадьбы теща спросила у своей молодой невѣстки, что она желаетъ пить поутру, чай или водку; если невѣстка укажетъ на водку, то каждое утро ей дается шкаликъ водки, и за то она лишается утренняго чая.

Замѣчательно, что не смотря на изобиліе въ странѣ винограда, китайцы не дѣлаютъ вина. Въ прошломъ столѣтіи въ Пекинѣ іезуиты сами дѣлали красное вино, и не мало пытались пріучить китайцевъ къ винодѣлію, но всѣ попытки ихъ оказались напрасными. А между тѣмъ китайцы охотники до вина, и особенно до шампанскаго; но на эти напитки, предлагаемые иностранными торговцами, между ними почти нѣтъ покупателей,— этотъ товаръ считается слишкомъ дорогимъ. Впрочемъ, въ недавнее время, и особенно въ Шанхаѣ и въ Хонконгѣ, стали открываться китайскія лавки, гдѣ можно найти виноградное вино. Но было бы опасно польститься на его крайнюю дешевизну. Оно состоитъ по большей части изъ остатковъ изъ бутылокъ и рюмокъ, сливаемыхъ прислугой въ домахъ иностранцевъ, и съ подмѣсями разныхъ спецій. Одинъ изъ чиновныхъ китайцевъ въ Тяньцзинѣ, у котораго я бывалъ часто, при подаваемомъ чаѣ обыкновенно угощалъ меня и шампанскимъ, кислымъ. Совѣстясь отказываться отъ любезностей хозяина, я однажды послалъ

къ нему въ подарокъ ящикъ шампанскаго, при предложеніи пить его только со мной, чтó онъ и исполнялъ пунктуально. Только этимъ средствомъ я былъ избавленъ отъ его бурды.

Въ числѣ легкихъ прохладительныхъ напитковъ можно упомянуть объ оржадѣ, который китайцами приготовляется изъ абрикосовыхъ зеренъ; онъ слишкомъ сладокъ; дѣлаютъ также жидкій рисовый отваръ и отваръ изъ муки корня ненюфара. Этотъ напитокъ очень полезенъ для разслабленнаго желудка. Досыта упиваясь чаемъ, китайцы не знаютъ ни кофе, ни шоколада.

Такъ, нисколько не претендуя на полноту, я сказалъ о главныхъ продуктахъ въ пищѣ китайцевъ. Теперь будетъ кстати перейдти къ разсказу о томъ, какъ китайцы ѣдятъ.

К. Скачковъ.

ДИТЯ МОРЯ

Очерки изъ новѣйшаго романа Іеронима Лорма.

I.

— «Какъ кстати иногда бываетъ дождь, это явленіе природы, къ которому всѣ рѣшительно привыкли относиться недружелюбно, за исключеніемъ развѣ земледѣльцевъ, извощиковъ и продавцовъ зонтиковъ. Какъ часто приходится городскому жителю, принужденному вращаться въ сутолокѣ большого свѣта, въ глубинѣ души благословляетъ дождь и слякоть; для такого человѣка дождь имѣетъ двойное преимущество: съ одной стороны онъ гарантируетъ отъ непрошеныхъ посѣтителей, а съ другой даетъ возможность разсчитывать почти навѣрняка застать дома того, кого хочешь навѣстить».

Такъ размышлялъ молодой юристъ Бруно Сальдингеръ, отправляясь въ первый разъ съ визитомъ къ дамѣ, которая... никогда не приглашала его къ себѣ въ гости. Это была вдова Гермина Понсерб, женщина неоспоримой красоты, но нѣсколько сомнительной репутаціи. Такая репутація достается, впрочемъ, на долю всякой женщины, явившейся съ чужбины, скрывающей прошлую жизнь и все-таки умѣющей пробить себѣ дорогу въ блестящія сферы большого свѣта.

Бруно Сальдингеръ познакомился съ нею въ домѣ банкира Ульменгольца, одного изъ финансовыхъ тузовъ, занимавшаго, благодаря своему огромному состоянію и несмотря на недостатокъ образованія и неотесанность, выдающееся положеніе въ сіятельныхъ сферахъ столичнаго общества. О прошлой жизни и богатствѣ Ульменгольца извѣстно было, что онъ происходилъ изъ

дальней приморской провинціи и, еще будучи бѣднымъ и незначительнымъ торговцемъ, открылъ въ той мѣстности янтарь и занялся добываніемъ его. Этотъ промыселъ, неизвѣстный до того въ тѣхъ краяхъ, постепенно развился до огромныхъ размѣровъ. По прошествіи многихъ лѣтъ, въ теченіе которыхъ Ульменгольцъ пользовался правительственной привиллегіей на добываніе янтаря и нажилъ милліоны, онъ ликвидировалъ свои дѣла въ этой мѣстности, переѣхалъ въ столицу и основалъ значительный банкирскій домъ.

Въ новомъ мѣстѣ его жительства не замедлило вызвать всеобщаго удивленія то обстоятельство, что человѣкъ, составившій себѣ огромное состояніе безъ чьей бы то ни было посторонней помощи, очевидно только благодаря сильному, предпріимчивому уму, оказывался простоватымъ, даже недалекимъ, тщеславнымъ, хвастливымъ, словомъ, человѣкомъ, обнаруживавшимъ на каждомъ шагу отсутствіе природныхъ дарованій и недостатки воспитанія и развитія. Столичное общество видѣло всѣ недостатки этого parvenu, но это не мѣшало Ульменгольцу занимать выдающееся положеніе въ этомъ же обществѣ. Могущество его коммерческаго кредита извиняло всѣ личные его недостатки; тузы финансоваго и политическаго міра тѣснились въ его роскошныхъ салонахъ и украшали собою его блестящіе обѣды.

Молодой юристъ Бруно Сальдингеръ тоже стоялъ въ тѣсномъ соприкосновеніи съ коммерческими сферами столицы. Отецъ его, владѣтель небольшой банкирской конторы, пользовался всеобщимъ уваженіемъ въ этихъ сферахъ, хотя и не обладалъ значительнымъ состояніемъ. Бруно, старшій сынъ и любимецъ своей очень образованной матери, съ молоду отличался эстетическими наклонностями и, къ величайшему прискорбію стараго Сальдингера, сталъ выказывать непреодолимое отвращеніе ко всякаго рода коммерціи. Бруно хотѣлъ посвятить себя филологіи или исторіи искусства и отцу стоило не малыхъ трудовъ убѣдить его поступить на юридическій факультетъ, въ видахъ матеріальнаго обезпеченія. Но по окончаніи курса, онъ не занялся, какъ того желалъ отецъ, адвокатурой, но поступилъ на государственную службу. Онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ злосчастныхъ молодыхъ людей, у которыхъ, при недостаточности матеріальныхъ средствъ, преобладаетъ сознательное стремленіе къ самымъ высшимъ жизненнымъ благамъ; стремленіе это они считаютъ вполнѣ законнымъ, такъ какъ оно основано не на легкомысліи и на жаждѣ наслажденій, но на всемъ ихъ міросозерцаніи, на врожденной страсти вносить художественную красоту во всѣ формы жизни.

Бруно отказывалъ себѣ во всѣхъ обычныхъ удовольствіяхъ, столь доступныхъ молодымъ людямъ въ его положеніи. Онъ упорно воздерживался отъ посѣщенія тѣхъ столичныхъ кружковъ, средоточіемъ которыхъ являются красивыя актрисы съ очень посредственнымъ талантомъ, или художники болѣе интересные по своей личности, чѣмъ по своимъ произведеніямъ. Столь же мало интересовался онъ тѣми богатыми домами, гдѣ люди выказываютъ себя людьми образованными только въ досужее время, въ немногіе часы, свободные отъ дѣловыхъ и должностныхъ занятій. Къ числу послѣднихъ принадлежалъ домъ банкира Ульменгольца, и потребовалось все вліяніе матери на Бруно, чтобы уговорить его провести вечеръ у банкира. Между послѣднимъ и семействомъ Сальдингера существовали тѣсныя отношенія, благодаря тому, что младшій братъ Бруно, Альфредъ, служилъ въ конторѣ Ульменгольца, занималъ тамъ видное мѣсто, подавалъ надежду сдѣлать тамъ блестящую карьеру.

Альфредъ Сальдингеръ былъ въ такой же степени похожъ на отца, какъ Бруно на мать. Въ то время какъ послѣдній выказывалъ непреодолимое стремленіе къ цѣлямъ излишнимъ и безполезнымъ съ практической точки зрѣнія,— Альфредъ отличался дѣловитостью и практической смѣлостью; вся фигура его, крѣпкая, коренастая, дышала положительностью. Тѣмъ не менѣе Альфредъ ничуть не былъ сухимъ, безчувственнымъ практикомъ: его чувства лишь не проявлялись наружу. Сильнѣйшее изъ нихъ была глубокая любовь къ старшему брату, въ которомъ онъ особенно цѣнилъ недостававшіе ему самому способности и таланты. Въ то же время онъ глубоко огорчался за любимаго брата, имѣвшаго весьма мало надежды достичь когда-либо своихъ идеаловъ счастья.

Когда Бруно въ первый разъ входилъ въ салоны Ульменгольца, его встрѣтилъ на порогѣ внимательный хозяинъ съ серьёзнымъ и почтительнымъ поклономъ, какимъ онъ обыкновенно привѣтствовалъ лишь богатыхъ или сановитыхъ людей,— и сейчасъ же подвелъ его къ хозяйкѣ дома. Сусанна Ульменгольцъ вовсе не была рождена для роли хозяйки великосвѣтскаго салона; неглупая отъ природы, довольно пріятная по наружности, она, однако, не въ состояніи была свыкнуться съ обычаями и пріемами общества, въ которое она попала, чувствовала себя въ немъ неловко и постоянно попадала въ просакъ. Банкиръ, конечно, сознавалъ непригодность своей жены для роли хозяйки; въ критическіе моменты, когда она въ простотѣ душевной готова была сказать какую-либо неловкость,

раздавался его предостерегающій окликъ: «Сузи, не распространяйся». Она умолкала и съ трепетомъ оглядывалась, какъ бы желая убѣдиться, не сдѣлали-ль уже слова ея какой-нибудь бѣды. Самыми опасными моментами были тѣ, когда она давала волю своей материнской нѣжности и начинала говорить о достоинствахъ своего единственнаго сына, Джемса, 23-хъ-лѣтняго юноши, съ красивымъ лицомъ и пріятными манерами, довольно искусно скрывавшими внутреннюю пустоту, черствость души и низменныя страсти.

Когда Бруно подходилъ къ г-жѣ Ульменгольцъ, Джемсъ стоялъ около матери, разговаривая съ какой-то дамой. Онъ быстро оглядѣлъ Бруно въ пенснэ и затѣмъ снова обратился къ дамѣ, лицо которой сразу показалось молодому юристу особенно интереснымъ.

— Жаль, что вы не пришли раньше, г-нъ Сальдингеръ,— громко заговорила г-жа Ульменгольцъ, — вы бы еще застали здѣсь комика изъ придворнаго театра. Онъ долженъ былъ спѣть намъ куплеты, но его позвали на вечеръ къ министру, онъ успѣлъ угостить насъ лишь своимъ краснымъ носомъ...

— Сузи, не распространяйся!—раздался голосъ банкира.

Пользуясь замѣшательствомъ хозяйки, Бруно поклонился и смѣшался съ толпою гостей, среди которыхъ ему изрѣдка попадались знакомые. Онъ очень обрадовался, наткнувшись въ одной изъ группъ на брата, который сталъ весело болтать, называя Бруно всѣхъ сколько-нибудь замѣтныхъ красотою и туалетомъ дамъ. Но Бруно не могъ освободиться отъ впечатлѣнія, произведеннаго на него скромно одѣтой дамой, которая разговаривала при входѣ его съ Джемсомъ и которая все время была окружена толпою мужчинъ. Альфредъ могъ сообщить только, что ее зовутъ Гермина Понсеро, что она вдова и недавно пріѣхала изъ Франціи; самъ онъ не былъ ей представленъ. Замѣтивши, что Бруно такъ заинтересовался ею, онъ поспѣшилъ познакомить его съ Джемсомъ, съ которымъ онъ стоялъ на пріятельской ногѣ, позволяя себѣ даже иногда трунить надъ нимъ.

Обмѣнявшись съ Бруно нѣсколькими фразами, Джемсъ тотчасъ изъявилъ согласіе познакомить его съ г-жею Понсеро. Обоимъ братьямъ казалось довольно забавнымъ, что Джемсъ, послѣ пятиминутнаго знакомства, представилъ Бруно г-жѣ Понсеро, какъ своего лучшаго друга. Представленіе совершилось на французскомъ языкѣ, на которомъ и Бруно счелъ своей обязанностью говорить, но едва только Джемсъ отошелъ, дама заговорила на чистомъ и звучномъ нѣмецкомъ языкѣ; она объяснила, что она

нѣмка, послѣдовавшая во Францію за своимъ покойнымъ мужемъ.

Ея разговоръ показался Бруно въ высшей степени интереснымъ по своей своеобразности. Она много говорила о морѣ, съ которымъ, казалось, у нея были связаны многія воспоминанія прошлой жизни, и надежды на будущее. Это придавало ей въ глазахъ молодого человѣка какую-то оригинальность и поэтическую прелесть.

— Слушая васъ,—сказалъ онъ ей,—мнѣ представляется, что объ насъ узнали на днѣ морскомъ, и одна изъ нимфъ явилась взглянуть вблизи на нашу столичную суету.

Послѣ нѣсколькихъ подобныхъ восторженныхъ выраженій Бруно, Гермина сдѣлалась сдержаннѣе и измѣнила свой непринужденный тонъ. Она заговорила съ другими гостями, и Бруно въ тотъ вечеръ больше не удалось возвратить ее къ прежней наивной откровенности. Въ концѣ вечера онъ также напрасно пытался добиться приглашенія посѣтить ее.

Непріятное чувство овладѣло имъ и не оставляло его въ теченіе нѣсколькихъ дней, слѣдовавшихъ за этимъ вечеромъ; это чувство принимало характеръ ревности, когда онъ вспоминалъ, какъ около нея увивался Джемсъ. «Неужели этотъ изящный болванъ счастливѣе меня, или, можетъ быть, даже составляетъ причину моей неудачи?» Этотъ вопросъ долго вертѣлся въ его головѣ, наконецъ онъ не выдержалъ и обратился съ нимъ къ Альфреду.

Альфредъ съ обычной серьезностью покачалъ головой и коротко отвѣтилъ: «Нѣтъ!»

Но Бруно требовалъ болѣе обстоятельнаго отвѣта.

— Я знаю навѣрно только то,—пояснилъ тогда Альфредъ,—что Джемсъ тоже не бываетъ у г-жи Понсеро и что это его крайне огорчаетъ. Онъ подстерегаетъ моменты, когда она бываетъ съ визитомъ у его матери. Г-жа Ульменгольцъ рада доставить удовольствіе своему сыну и старается удерживать красивую барыню, какъ можно дольше. Конечно, сидя въ конторѣ, я не могу знать, о чемъ они разговариваютъ въ салонѣ.

— Въ сущности, мнѣ все равно, гдѣ они встрѣчаются... да и къ самому предмету ихъ разговоровъ я, по правдѣ сказать, довольно равнодушенъ,—пробормоталъ Бруно съ видимымъ неудовольствіемъ. Онъ больше не возвращался къ этому предмету, но отъ наблюдательности Альфреда не скрылось, что мысли его брата, обыкновенно витавшія въ возвышенныхъ сферахъ эстетики или философіи, сильно заняты женщиной, по его мнѣнію, не-

достойной такого человѣка, какъ Бруно. Альфредъ былъ удивленъ и отчасти огорченъ своимъ открытіемъ.

II.

Въ то дождливое утро, когда начинается нашъ разсказъ, Альфредъ сидѣлъ за своимъ бюро въ конторѣ Ульменгольца, видимо погруженный въ чтеніе газетъ. Въ конторѣ царствовала тишина, прерываемая лишь скрипомъ перьевъ. Отъ времени до времени Альфредъ, управлявшій конторой, отрывался отъ газеты, чтобъ сдѣлать лаконическое замѣчаніе или наставленіе писавшему въ этой же комнатѣ корреспонденту фирмы, длинному, худощавому безбородому виртембергцу, Флоріану Тюхеле, извѣстному во всемъ домѣ своей страстью ко всему таинственному.

Однако, мысли Альфреда были очень далеки какъ отъ газеты, такъ и отъ всего, что̀ происходило въ конторѣ. Онъ думалъ о г-жѣ Понсеро и о той таинственности, которой она окружаетъ себя.—«О ней неизвѣстно ничего дурного,—говорилъ онъ самъ себѣ, — но дурно уже то, что никто не знаетъ о ней ничего опредѣленнаго. Терпѣть не могу секретовъ!»

Его размышленія были прерваны вошедшимъ въ контору банкиромъ. Ульменгольцъ сталъ по обыкновенію бѣгло просматривать надписи только-что полученныхъ и еще не вскрытыхъ писемъ. Одно изъ писемъ обратило на себя его вниманіе, онъ быстро взялъ его и вышелъ въ сосѣдній кабинетъ. Черезъ нѣсколько минутъ онъ позвалъ къ себѣ Альфреда.

— Вы знаете, г. Сальдингеръ,—обратился къ нему шефъ,— что въ тѣхъ случаяхъ, когда фирмѣ приходится передавать наличныя деньги изъ рукъ въ руки, я посылаю ихъ черезъ васъ лично. Теперь мнѣ приходится переслать одной особѣ весьма незначительную сумму, но несмотря на это мнѣ все-таки не хочется сдѣлать исключенія изъ общаго правила, тѣмъ болѣе, что въ настоящемъ случаѣ только вы съумѣете выполнить это порученіе съ надлежащимъ тактомъ и деликатностью. Сходите къ г-жѣ Понсеро и вручите ей 12 фунт. стерлинговъ, присланныхъ на ея имя отъ фирмы Рокслетъ въ Лондонѣ. Захватите съ собой и англійскія и нѣмецкія деньги; 12 фунтовъ составляетъ 80 талеровъ. Если она, какъ надо думать, предпочтетъ получить нѣмецкими деньгами, то дайте ей понять, что въ мѣняльной конторѣ у нея оттянули бы что-нибудь за промѣнъ, тогда какъ мы не пользуемся ничѣмъ. Идите сейчасъ,—заключилъ онъ,

взглянувъ на часы, — послѣ биржи вы сообщите мнѣ, какъ вы исполнили порученіе.

Взявъ съ собою деньги, Альфредъ вышелъ. Хотя Ульменгольцу очевидно хотѣлось, чтобъ порученіе было выполнено какъ можно скорѣе, Альфредъ все-таки отправился предварительно къ брату. Съ несвойственнымъ ему оживленіемъ, запыхавшись, влетѣлъ онъ въ комнату, гдѣ работалъ Бруно. — Идемъ къ г-жѣ Понсеро,—закричалъ онъ,—одѣвайся скорѣе!

Онъ разсказалъ брату о своемъ порученіи и на отказъ Бруно сталъ убѣждать его, что посѣщеніе вдвоёмъ не покажется страннымъ.

— Мы братья, мы можемъ имѣть неотложное дѣло, которое не позволило намъ разстаться даже во время дѣлового визита. А тамъ дальше увидимъ,—убѣждалъ Альфредъ.

Бруно раздумывалъ, не рѣшался и наконецъ поддался искушенію. Молодые люди отправились.

— Досадно, что приходится путешествовать пѣшкомъ въ такой дождь, — замѣтилъ Альфредъ, — но я не уполномоченъ Ульменгольцемъ взять извощика, хотя эта барыня живетъ довольно далеко. Такова манера людей, подобныхъ моему патрону: благодаря этому мелочному скряжничеству они достигаютъ богатства. Но разъѣзжать на собственный счетъ по его дѣламъ— такого подарка я ни за что ему не сдѣлаю.

— Дождь кстати, — сказалъ Бруно,—мы, вѣроятно, застанемъ ее дома. Имѣешь ли ты понятіе о томъ, отъ кого пришли эти 12 ф., и что это за дѣло?

— Это опять тайна,—отвѣчалъ Альфредъ,—мнѣ начинаетъ казаться, что нашъ Флоріанъ Тюхеле, съ своими постоянными секретами, заразилъ весь міръ.

— Мнѣ кажется,—возразилъ Бруно, — что наибольшій секретъ является ежедневно передъ тобой, въ лицѣ твоего, не особенно симпатичнаго шефа. Думаешь ли ты дѣйствительно, что онъ достигъ своихъ богатствъ одной скупостью и жадностью? Нѣтъ! Его дѣло требовало предусмотрительности, знанія людей, словомъ, весьма значительныхъ дѣловыхъ способностей: какъ совмѣстить все это съ его личностью?

Альфредъ помолчалъ съ минуту.

— Я думаю, — началъ онъ наконецъ, — что я напалъ на слѣдъ. Ульменгольцъ, очевидно, долженъ былъ имѣть для своего янтарнаго промысла компаньона, человѣка умнаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ настолько простодушнаго, чтобы дать другому воспользоваться плодами своего ума. Другого объясненія я не нахожу.

Когда братья достигли дома г-жи Понсеро, Бруно снова овладѣла нерѣшительность и онъ сталъ сомнѣваться въ умѣстности своего визита. Но Альфредъ, угадывавшій его мысли, слукавилъ и объявилъ, что для врученія денегъ ему необходимъ свидѣтель.

Во второмъ этажѣ этого невзрачнаго дома они нашли дверь, съ прибитой на ней дощечкой, на которой значилось имя «Шалуппъ». Дѣвушка, отворившая имъ, на вопросъ Альфреда, попросила дать карточку или сказать имя.

— Мы не съ визитами, — возразилъ съ намѣренной грубостью Альфредъ, — мы принесли деньги. Доложите такъ, — и двери сами собой раскроются.

Однако, онъ ошибся. Имъ пришлось ждать довольно долго, пока появилась какая-то особа, но не г-жа Понсеро.

Это была стройная, граціозная дѣвушка, съ чрезвычайно смуглымъ лицомъ, не безобразнымъ, но и не особенно красивымъ, въ какомъ-то странномъ головномъ уборѣ — назвалась пріятельницей г-жи Понсеро, и на плохомъ, мало понятномъ нѣмецкомъ языкѣ спросила пріятелей о цѣли ихъ посѣщенія.

Альфредъ сталъ объяснять свое дѣло, но едва произнесъ онъ имя Ульменгольца, какъ дѣвушка, не дожидаясь окончанія его рѣчи, скрылась. Не прошло и минуты, какъ дверь снова отворилась, и молодыхъ людей пригласили въ маленькій, прелестно убранный салонъ. Здѣсь передъ странной формы шкафомъ стояла Гермина.

Лицо ея при дневномъ свѣтѣ было покрыто пріятнымъ, легкимъ румянцемъ. Стройная, но не худощавая фигура ея была облечена въ платье свѣтлозеленаго цвѣта. Густые золотистые волосы были оригинально причесаны, такъ что казались какъ бы распущенными.

Открытая шея была украшена однимъ крупнымъ коралломъ, висѣвшимъ на черной лентѣ. У ея ногъ, на низенькомъ стулѣ, пріютилась четырехлѣтняя дѣвочка съ черными кудрями, продолжавшая, не смотря на присутствіе постороннихъ, свой разговоръ съ куклой. Воздухъ въ комнатѣ былъ пропитанъ какимъ-то страннымъ ароматомъ, вполнѣ гармонировавшимъ со всей обстановкой.

Гермина встрѣтила молодыхъ людей не особенно привѣтливо; строгое выраженіе ея сжатыхъ губъ ни на мгновеніе не измѣнилось. Когда Альфредъ, передавая порученіе своего шефа, вмѣстѣ съ тѣмъ попытался объяснить причину прихода Бруно, она бросила на послѣдняго испытующій взглядъ; и теперь только стро-

гое выраженіе уступило мѣсто легкой улыбкѣ, съ какой привѣтствуютъ знакомыхъ. Бруно былъ очарованъ, и въ мигъ неловкость, которую онъ чувствовалъ до тѣхъ поръ, исчезла. Но Гермина, не успѣвъ замѣтить дѣйствія своей улыбки, уже снова обратилась къ Альфреду, объясняя, что она разсчитываетъ скоро уѣхать въ Англію и потому желаетъ получить англійскія деньги. Такимъ образомъ Альфредъ не имѣлъ случая выставить на видъ грошовое безкорыстіе г-на Ульменгольца.

Пока Гермина, усѣвшись за изящный письменный столикъ, расписывалась въ полученіи денегъ, Альфредъ обратился къ маленькой дѣвочкѣ, и съ первыхъ же словъ между ними завязался дружескій разговоръ. Съ раскраснѣвшимися щечками и устремленными на него блестящими чорными глазенками, малютка оживленно болтала.

— Нужно тебѣ знать,—говорила она, указывая на куклу,— что у Миранды есть сестра, Гильнара, но только она служитъ боцманомъ на большомъ кораблѣ, что плаваетъ въ большомъ, большомъ морѣ.

Гермина давно уже стояла передъ Альфредомъ, съ листомъ бумаги въ рукѣ, очевидно не рѣшаясь прервать милую болтовню ребенка. Она волей-неволей должна была такимъ образомъ обратиться къ Бруно. Пригласивши его сѣсть, она выразила удивленіе, что ребенокъ, обыкновенно пугливый и дикій, такъ скоро подружился съ чужимъ человѣкомъ. Бруно въ отвѣтъ разсказалъ слѣдующій эпизодъ изъ жизни Альфреда, въ которой главную роль игралъ ребенокъ. Отецъ ихъ, во время своего пребыванія въ Англіи, очень близко сошелся съ семействомъ одного пастора; и впослѣдствіи, возвратившись въ свой родной городъ, выхлопоталъ для своего друга мѣсто въ существовавшей тамъ англійской церкви. Пасторъ прибылъ съ женой и восьмилѣтней дочерью Элеонорой-Сабиной, которую тогда тринадцатилѣтній Альфредъ окрестилъ сокращеннымъ именемъ Эльбины. Эльбина была живая дѣвочка, чрезвычайно умная, сильная и ловкая. Однажды они играли вмѣстѣ на берегу рѣки. Эльбина предложила Альфреду сдѣлать какой-то особенно трудный скачокъ, Альфредъ оступился и упалъ въ воду. Не смотря на свой дѣтскій возрастъ, Эльбина бросилась въ рѣку и съ большой опасностью для себя спасла Альфреду жизнь. Этотъ случай еще больше привязалъ Альфреда къ маленькой англичанкѣ. Это былъ романъ на выворотъ, такъ какъ въ обыкновенныхъ романахъ роль спасителя играетъ юноша. Но роману не суждено было развиться. Пасторъ съ семействомъ возвратился въ Англію, а

переписку между дѣтьми родители не допустили. Но съ тѣхъ поръ Альфредъ чрезвычайно любитъ дѣтей и въ свою очередь умѣетъ скоро пріобрѣтать ихъ любовь.

Гермина съ участіемъ взглянула въ сторону Альфреда, все еще погруженнаго въ бесѣду съ дѣвочкой.

— Какъ я завидую ему,—сказала она,—что онъ можетъ чувствовать себя счастливымъ хотя въ то время, когда возится съ дѣтьми. Я сама больше ничего не желала бы, какъ поселиться вмѣстѣ съ моей Изидорой на какомъ-нибудь мирномъ островкѣ среди бушующихъ волнъ морскихъ. Океанъ — это моя родина, весь остальной міръ для меня чужбина. И все-таки мнѣ нельзя покинуть этотъ міръ, пока я не добилась того, чего ищу, т.-е. мщенія, возмездія и, прежде всего, того, что̀ всего труднѣе найти на свѣтѣ: справедливости!

Она встала въ волненіи и въ эту минуту на лицѣ ея появилось такое чудное выраженіе, что Бруно не могъ оторвать своихъ глазъ отъ нея и, какъ бы боясь, что она очнется и отвернется отъ него, онъ сказалъ:

— Помогаетъ ли вамъ кто-нибудь?—Есть ли у васъ руководитель для вашего труднаго дѣла?

— Покамѣстъ еще нѣтъ никого,—отвѣтила она съ оживленіемъ.—До сихъ поръ люди предлагали мнѣ свои услуги лишь цѣною позора и нравственныхъ мученій. Мое дѣло — юридическое, но до сихъ поръ я не нахожу юриста.

— Можетъ быть, найдете во мнѣ,—воскликнулъ Бруно,—я —докторъ правъ.

— Въ самомъ дѣлѣ? — спросила она медленно, какъ бы сомнѣваясь,—я этого не знала. Здѣсь вѣдь каждаго называютъ докторомъ.

Въ эту минуту Альфреду показалось кстати закончить свою бесѣду съ дѣвочкой. Онъ положилъ въ карманъ роспиську и раскланялся съ поспѣшностью дѣлового человѣка. Бруно не послѣдовалъ за нимъ, такъ какъ Герминѣ, повидимому, хотѣлось продолжать только-что завязавшійся разговоръ.

III.

Защищаясь зонтикомъ отъ накрапывавшаго дождя, Альфредъ бодро направлялся къ центру города. На оживленныхъ улицахъ уже горѣли газовые фонари, но ночь еще не наступила и свѣтъ ихъ боролся съ сѣрыми сумерками дождливаго дня. Это прида-

вало еще большую непригядность сѣрой физіономіи повседневной жизни. Мимо блестящихъ оконъ магазиновъ равнодушно сновалъ занятой людъ; на минуту угрюмая нищета останавливалась поглазѣть передъ ними. Въ воздухѣ стоялъ непрерывный шумъ отъ катившихся экипажей. А сѣрое небо глядѣло одинаково сумрачно на копошившуюся въ сырости и уличной грязи толпу.

Альфредъ пришелъ въ контору, когда ее уже собирались закрывать. Онъ засталъ тамъ одного только Тюхеле, который съ таинственнымъ видомъ передалъ ему, что Ульменгольцъ звалъ его къ себѣ наверхъ. Квартира банкира занимала весь верхній этажъ надъ конторой. Слуга провелъ Альфреда въ кабинетъ черезъ блестяще освѣщенную и роскошно убранную залу. Большой столъ, накрытый для параднаго обѣда, сіялъ бѣлизною скатерти и блескомъ серебряныхъ приборовъ; въ комнатѣ носился ароматъ цвѣтовъ. Альфредъ вспомнилъ, что его давно уже ждутъ дома къ обѣду.

Ульменгольцъ вышелъ къ нему уже совсѣмъ одѣтый для обѣда.

— Ну, чтоже? — спросилъ онъ съ нетерпѣніемъ,—какъ вы справились съ порученіемъ?

— Вполнѣ по вашему приказу, — отвѣтилъ Альфредъ, никакъ не понимавшій, почему его патронъ такъ интересуется этимъ ничтожнымъ дѣломъ.

— Она взяла талеры? — спросилъ Ульменгольцъ съ напряженнымъ видомъ.

— Нѣтъ,—возразилъ Альфредъ,—она взяла фунты, такъ какъ, по ея словамъ, она скоро уѣзжаетъ въ Англію.

— А,—вскричалъ банкиръ, видимо обрадованный,—она ѣдетъ въ Англію! И когда?

Этого Альфредъ не зналъ. Ульменгольцъ одобрительно покачалъ головой.—Это хорошо,—сказалъ онъ наконецъ,—чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше.

Съ этими словами онъ отпустилъ Альфреда, который поспѣшилъ домой.

Домашняя жизнь семейства Сальдингеровъ,—гдѣ мужчины, каждый на своемъ поприщѣ, вели ежедневную борьбу за существованіе, — была распредѣлена самымъ точнѣйшимъ образомъ. Глава семейства, Арнольдъ Сальдингеръ, перенесъ въ домашній бытъ ту доходящую до педантизма аккуратность, за которую онъ пользовался извѣстностью въ дѣловомъ мірѣ. И на этотъ разъ Альфредъ засталъ своего отца недовольнымъ тѣмъ, что

оба брата опоздали къ обѣденному часу и пришлось сѣсть за столъ безъ Бруно. За обѣдомъ Сальдингеръ-отецъ нѣсколько разъ возвращался къ тому же вопросу, но мать и сынъ ничего не возражали ему, занятые каждый своими мыслями. Альфредъ втайнѣ радовался, что Бруно удалось наконецъ встрѣтить нѣчто давно желанное,—женщину возвышающуюся надъ обыкновеннымъ уровнемъ, женщину достойную его любви. Мать ничего не знала о томъ, что̀ случилось съ Бруно, но видя спокойное лицо младшаго сына и зная его любовь къ брату, она была увѣрена, что съ нимъ не случилось ничего дурного.

Послѣ обѣда, когда мать и сынъ остались одни, она прервала молчаніе.

— Тутъ кроется какая-то тайна,—съ Бруно случилось что-нибудь особенное. Я не добивалась узнать, въ чемъ дѣло, и только могу радоваться, что Бруно хотя не надолго вырвался изъ столь тяжелой для него регулярности нашей обыденной жизни.

Альфредъ кивнулъ головой въ знакъ согласія, и она продолжала.

— Бѣдный Бруно! Онъ такъ богато надѣленъ природой и такъ скудно награжденъ судьбой. Замѣтилъ ли ты, что избранники природы обыкновенно бываютъ пасынками счастья,—и наоборотъ. Взять, напримѣръ, Джемса Ульменгольца. Его, такъ скудно одареннаго умомъ и способностями, счастье осыпало своими щедротами. А развѣ нашъ Бруно не заслужилъ лучшей участи? Казалось бы, что онъ рожденъ для богатства. Посмотри, какъ онъ благороденъ, какъ онъ добросовѣстенъ въ своей службѣ, которая въ сущности противна ему въ душѣ...

Рѣчь г-жи Сальдингеръ была прервана приходомъ служанки, которая подала Альфреду визитную карточку.

— Легокъ на поминѣ!—воскликнулъ Альфредъ, взглянувъ на карточку,—мы только что говорили о Джемсѣ, и вотъ онъ самъ пожаловалъ. Но, что ему нужно отъ меня? Это онъ въ первый разъ оказываетъ мнѣ честь посѣтить меня.

Альфредъ отправился въ свою комнату, куда провелъ и Джемса. Оказалось, что послѣдній бросилъ дома обѣдъ и прибѣжалъ сюда, встревоженный какимъ-то сообщеніемъ отца. Нѣсколько времени онъ колебался, долго раскуривалъ сигару, наконецъ, приступилъ къ цѣли своего посѣщенія.

— Послушайте,—началъ онъ,—отецъ сказалъ мнѣ, что вы были сегодня по дѣлу у г-жи Понсеро, и выразилъ свою радость по поводу того, что она скоро уѣзжаетъ въ Англію. Но это именно обстоятельство для меня крайне непріятно. Я, конечно, не думаю,

что она съ вами распространялась о своихъ личныхъ дѣлахъ, но мнѣ бы хотѣлось по крайней мѣрѣ узнать, какъ произошло ваше свиданіе съ нею, какая у нея обстановка,—вообще всѣ подробности вашего свиданія и разговора съ нею.

Альфредъ вытянулъ удобно ноги, положилъ руки въ карманы и разсѣянно взглянулъ на потолокъ. Наконецъ, онъ протянулъ равнодушнымъ тономъ:

— Что же можетъ *произойти*, какъ вы выражаетесь, при дѣловомъ визитѣ? Она получила деньги, я получилъ росписку— и все!

— Но вынесли ли вы, по крайней мѣрѣ, впечатлѣніе, что тамъ никто не бываетъ, что она дѣйствительно не принимаетъ никого изъ мужчинъ, какъ это утверждаютъ. Если это правда, то и васъ не должны были допустить къ ней безъ всякихъ затрудненій.

Въ интересахъ Альфреда было скрыть посѣщеніе его брата, но вмѣстѣ съ тѣмъ, ему захотѣлось посмѣяться надъ молодымъ бонвиваномъ и еще больше подзадорить его любопытство. Онъ насказалъ ему о трудностяхъ, которыя ему пришлось преодолѣть, чтобы добиться свиданія съ красавицей, затѣмъ описалъ обаятельную обстановку, въ которой жила г-жа Понсеро, ея красоту, туалетъ и проч., хотя въ концѣ-концовъ долженъ былъ сознаться, что его описаніе весьма блѣдно въ сравненіи съ дѣйствительно вынесеннымъ впечатлѣніемъ. Джемсъ слушалъ его съ напряженнымъ вниманіемъ, затѣмъ медленно раскурилъ новую сигару и, помолчавъ немного, заговорилъ:

— Это еще не все, любезный Сальдингеръ, васъ могутъ послать къ ней еще разъ, еще нѣсколько разъ, поэтому-то вы и важны для меня. Это собственно и есть цѣль моего посѣщенія.

Альфредъ невольно улыбнулся откровенному эгоизму молодого Ульменгольца.

— Любезный другъ,—снова началъ Джемсъ,—я хочу вамъ довѣрить одну весьма важную тайну. Дѣло вотъ въ чемъ: я люблю Гермину Понсеро до безумія и ничто не заставитъ меня отказаться отъ нея.

— Точь въ точь какъ Флоріанъ Тюхеле,—воскликнулъ Альфредъ, смѣясь.—Онъ всегда сообщаетъ секреты, которые уже всѣмъ извѣстны.

— Да, но никто не знаетъ, что я въ состояніи для нея сдѣлать, и я ей самой не разъ говорилъ это: я хочу сдѣлать ей «un sort», какъ говорятъ въ Парижѣ, я хочу окружить ее блестящей обстановкой, осыпать царской роскошью! И когда я го-

ворю ей это, она смотритъ на меня внимательно и пожимаетъ плечами, какъ будто желая еще бо́льшаго. Но чего же, наконецъ, ей еще нужно?!

— Можетъ быть, самой простой вещи, во всякомъ случаѣ, самой дешевой,—женитьбы.

Джемсъ засмѣялся.

— Отецъ лишитъ меня наслѣдства,—это ей хорошо извѣстно. При такихъ условіяхъ она не можетъ желать женитьбы. Это было бы сумасшествіемъ!

Альфредъ посмотрѣлъ на него внимательно.

— Вы любите женщину до безумія,—сказалъ онъ,—и желаете ея безчестія!

Въ свою очередь Джемсъ взглянулъ на него съ удивленіемъ.

— Мнѣ кажется, г. Сальцингеръ, что вы идеалистъ,—сказалъ онъ тономъ явнаго пренебреженія.—Подобныхъ женщинъ можно любить Богъ знаетъ какъ страстно и самоотверженно, но при этомъ нужно сообразоваться съ тѣмъ міромъ, къ которому онѣ принадлежатъ. Если отецъ мой, предоставляющій мнѣ во всемъ полную свободу, категорически объявилъ, что не допуститъ моей женитьбы съ Герминой, то это несомнѣнный знакъ, что на ея прошломъ лежитъ какое-то пятно. Мой отецъ, конечно, знаетъ, въ чемъ дѣло, хотя отъ него трудно чего-нибудь добиться. Если, слѣдовательно, репутація ея запятнана, то она должна не задумываясь принять мои блестящія предложенія. Но она ихъ отвергаетъ, значитъ тутъ есть какая-нибудь скрытая причина, до которой я, во что бы то ни стало, хочу добраться. Причиной можетъ быть какая-нибудь тайная любовь, такъ какъ и у этихъ женщинъ бываютъ свои — недолговѣчныя, конечно—привязанности и страсти. Но, можетъ быть, что ея строптивость не больше какъ разсчетъ, спекуляція. Разъ она мнѣ сказала нѣчто такое, что̀ даетъ поводъ предполагать послѣднее. Ей нужно мужа,—сказала она,—который могъ бы выполнить все, чего она захочетъ. Я спросилъ ее, можно ли достигнуть этого при помощи денегъ? О да,—отвѣтила она, смѣясь,—но только не вашими деньгами, г. Джемсъ Ульменгольцъ. Вы видите, слѣдовательно, любезнѣйшій Сальдингеръ, что она все-таки добивается денегъ.

Альфредъ задумался, что̀ гость его принялъ за выраженіе сочувствія, и оживленно продолжалъ:

— Послушайте, вы во время своихъ дѣловыхъ посѣщеній у нея, можете, при нѣкоторой ловкости, узнать то, что мнѣ нужно. Тутъ все-таки можетъ быть кроется тайный обожатель... Все это мы должны разслѣдовать обстоятельно. Я надѣюсь еще сегодня

вечеромъ узнать кое-что объ этой обворожительной женщинѣ. Было бы хорошо, еслибы и вы присутствовали при этомъ. То, что вы услышите, можетъ вамъ пригодиться при сношеніяхъ съ ней. Вамъ легче будетъ оріентироваться, и можетъ быть, вамъ, благодаря этимъ свѣдѣніямъ, удастся добиться отъ нея истины.

Джемсъ прищурилъ глаза и многозначительно улыбнулся.

Альфредъ все еще былъ погруженъ въ размышленія. Онъ уже сталъ раскаяваться въ томъ, что способствовалъ сближенію своего мечтательнаго брата съ женщиной, о которой одинъ изъ представителей элегантнаго порока могъ такъ презрительно отзываться. Внезапное молчаніе гостя и хитрое выраженіе его лица вывели Альфреда изъ задумчивости.

— Гдѣ же вы разсчитываете собрать свѣдѣнія о Герминѣ Понсеро?—спросилъ онъ.

— У Іоны Гимельзона,—отвѣтилъ Джемсъ,—сегодня послѣ театра у него соберется небольшое мужское общество: будутъ ужинъ, пуншъ, ландскнехтъ и, весьма вѣроятно, нѣсколько дамъ изъ «Демоніума».

— Демоніумъ? Что это?—спросилъ Альфредъ разсѣянно.

— Гдѣ вы живете, любезнѣйшій,—воскликнулъ Джемсъ,—что не знаете Демоніума! Это—наше лучшее café chantant, первоклассное учрежденіе въ національно-нѣмецкомъ вкусѣ, увѣряю васъ. Тамъ вы можете видѣть нашихъ лучшихъ комическихъ балеринъ и укротительницъ змѣй.

— Что же вы надѣетесь узнать такимъ путемъ о Герминѣ? —спросилъ Альфредъ изумленно.

— А вотъ что: Гимельзонъ утверждаетъ, что если Гермина живетъ здѣсь и если она не принадлежитъ къ міру тайныхъ совѣтницъ, то донна Рамилья должна знать о ней что-нибудь. Донна Рамилья, первая балерина Демоніума, знаетъ исторію всѣхъ вдовъ, мужей которыхъ никто не знавалъ. Ее-то Гимельзонъ и пригласилъ, чтобы сдѣлать мнѣ удовольствіе. Вы можете безъ церемоній пойти со мною, вы вѣдь знакомы съ Гимельзономъ.

Альфредъ согласился и обѣщалъ въ десять часовъ зайти за Джемсомъ, чтобы вмѣстѣ отправиться на вечеринку. Ему теперь казалось, въ интересахъ брата, чрезвычайно важнымъ узнать подробности о прошлой жизни Гермины. Альфредъ зналъ своего брата, зналъ его способность беззавѣтно отдаваться всякому влеченію, надѣлять всевозможными идеальными качествами любимыхъ людей, и не безъ основанія страшился его сближенія съ Герминой. Если Джемсъ правъ, думалъ онъ, если Гермина дѣй-

ствительно одна изъ тѣхъ бездушныхъ кокетокъ, которыя играютъ своими поклонниками и затѣмъ бросаютъ ихъ какъ ненужную вещь... такого разочарованія Бруно не переживетъ! Поэтому, внутренно рѣшилъ Альфредъ, нужно дѣйствовать пока еще не поздно, пока Бруно еще не очутился передъ пропастью.

Когда Альфредъ явился въ домъ Ульменгольца, Джемсъ еще не былъ готовъ; его попросили пройти въ залу. Обѣдъ давно уже кончился и гости разошлись; банкиръ отправился въ клубъ сыграть свою партію бостона. Въ залѣ находилась хозяйка, да еще какая-то старушка, такая-же простая какъ г-жа Ульменгольцъ, съ которой она по вечерамъ играла въ «шестьдесятъ-шесть»; она отдыхала въ обществѣ этой старушки отъ трудовъ дня, когда на ней лежала тяжелая обязанность—быть хозяйкой великосвѣтскаго салона.

Альфреда она встрѣтила очень дружелюбно; она всегда чувствовала влеченіе къ семейству Сальдингеровъ, которое, пользуясь всеобщимъ уваженіемъ, жило мирной и скромной жизнью. Она слегка пожурила Альфреда за то, что онъ не заглядывалъ къ ней по вечерамъ. Затѣмъ спросила о здоровьѣ его матери и прибавила со вздохомъ:

— Мы здѣсь промежъ себя, мнѣ незачѣмъ обдумывать свои слова, и я вамъ должна признаться, что завидую вашей матушкѣ: у ней сыновья удались такъ, какъ дай Богъ моему.

— Развѣ вы находите что-либо нехорошее въ вашемъ сынѣ?—спросилъ Альфредъ, слегка удивившись, такъ какъ онъ всегда думалъ, что въ глазахъ родителей Джемсъ—идеалъ совершенства.

— Видите ли,—отвѣчала старуха,—я этого собственно не могу хорошенько объяснить вамъ. Я знаю только, что онъ ничего не дѣлаетъ. Правда, онъ можетъ прожить, не работая, но все-таки это не хорошо. Въ священномъ писаніи говорится, что всѣ должны работать... Но ваша мать—сильная женщина, у нея хватило силы воспитать своихъ дѣтей.

Оказалось въ дальнѣйшемъ разговорѣ, что у нея не доставало «силы»—въ свое время сѣчь Джемса, сколько слѣдовало.

Педагогическія теоріи г-жи Ульменгольцъ были прерваны появленіемъ Джемса. Онъ пожелалъ матери спокойной ночи, и молодые люди отправились.

IV.

Среди столичной jeunesse dorée того времени,—это было въ 60-хъ годахъ, когда въ высшихъ слояхъ всего нѣмецкаго общества старались во всемъ подражать Парижу и когда существовалъ одинъ только идеалъ, Наполеонъ III,—среди этой молодежи Іона Гимельзонъ игралъ не послѣднюю роль. Онъ былъ сынъ очень богатыхъ и набожныхъ еврейскихъ родителей, съ дѣтства готовившихъ его въ раввины и поэтому строго слѣдившихъ за его первоначальнымъ воспитаніемъ. Еще будучи въ гимназіи, онъ, благодаря своей хитрости, съумѣлъ совмѣстить науку съ болѣе пріятными занятіями и, когда пришло время поступить въ университетъ, оказалось, что ему некогда, такъ какъ онъ былъ занятъ свѣтскими знакомствами. А такъ какъ между этими знакомствами были нѣкоторыя дѣйствительно блестящія, то опекуны рѣшились на время отложить его занятія. Между тѣмъ, онъ сдѣлался совершеннолѣтнимъ и раввинская карьера была окончательно отложена. Но тѣмъ не менѣе онъ, изъ оригинальности, сохранилъ нѣкоторыя привычки и внѣшнія формы, свойственныя ученому сословію: по своей внѣшности онъ походилъ скорѣе на кандидата богословія, чѣмъ на бонвивана; покрой его платья давалъ ему чрезвычайно солидный видъ; рѣчь его сохраняла оттѣнокъ пасторскаго его краснорѣчія, такъ что крайнее распутство мыслей выражалось у него въ солидной и добродѣтельной формѣ. Этимъ онъ рѣзко отличался отъ своего кружка, и даже пріобрѣлъ въ немъ извѣстное вліяніе.

Когда Альфредъ и Джемсъ явились къ Гимельзону, они застали уже довольно большое общество за карточнымъ столомъ. Альфредъ былъ представленъ Іонѣ по всѣмъ правиламъ этикета и услышалъ отъ него слѣдующее дружеское привѣтствіе.

— Я радъ видѣть васъ у себя, какъ и всегда радъ, когда вижу молодого человѣка съ высокими стремленіями.

Джемсъ и Альфредъ стали у стола смотрѣть за игрой. Въ сосѣдней комнатѣ, двери которой были заперты, накрывали на столъ, о чемъ можно было догадаться по доносившемуся оттуда звону столоваго серебра и хрусталя. Джемсъ спросилъ хозяина, навѣрно ли будутъ приглашенныя дамы.

— Я звалъ васъ на исключительно мужскую вечеринку,—торжественно отвѣтилъ Іона,—изъ этого вполнѣ естественно слѣдуетъ, что я позаботился и о женскомъ обществѣ, конечно, насколько эти два понятія совмѣстимы.

Завязался разговоръ объ «артистическихъ» достоинствахъ ожидаемой донны Рамильи, причемъ Джемсъ выразилъ удивленіе, что она, несмотря на свои дарованія, не танцуетъ въ циркѣ Ренца. Другой изъ гостей высказалъ предположеніе, что ея «недрессированная» прошлая жизнь внушаетъ опасенія даже содержателю цирка. Гимельзонъ покачалъ головой и произнесъ съ паѳосомъ:

— Донна Рамилья—испанка, и навѣрно высокаго происхожденія. Несомнѣнное доказательство этому я вижу въ томъ обстоятельствѣ, что синьора эта ни слова не понимаетъ по-испански. особенно, если вспомнить, что нерѣдко высокорожденныя нѣмецкія дамы тоже не знаютъ нѣмецкаго языка.

Какой-то безбородый юноша, возбужденный разговоромъ объ испанской балеринѣ, спросилъ вполголоса, гдѣ она живетъ. Этотъ вопросъ вызвалъ всеобщій хохотъ, и остался безъ отвѣта.

Большинство гостей снова-было обратились къ карточному столу, и игра была уже снова въ полномъ разгарѣ, когда лакей открылъ дверь и доложилъ:

— Госпожа Шалуппъ съ племянницей.

Всѣ присутствующіе встали съ своихъ мѣстъ и Іона пошелъ на встрѣчу дамамъ. Альфреда сразу поразила произнесенная фамилія: недальше какъ утромъ онъ встрѣтилъ эту-же фамилію на дверяхъ квартиры, обитаемой Герминой Понсеро...

Когда группа гостей, окружившая дамъ, нѣсколько разсѣялась, Альфредъ, державшійся поодаль, замѣтилъ прежде всего незнакомую пожилую даму въ шелковомъ, полинявшемъ платьѣ. Она не произносила ни слова и, не переставая улыбаться, то и дѣло обмахивалась какимъ-то старомоднымъ вѣеромъ.

Вторая дама стояла къ Альфреду спиною, и когда она вдругъ обернулась, онъ сразу узналъ въ ней то граціозное существо, съ страннымъ головнымъ уборомъ, которое въ это утро вело съ нимъ переговоры. На ней было простое, но весьма изящное платье и никакихъ украшеній. Эта простота производила весьма хорошее впечатлѣніе. Увидѣвши Альфреда, она остановилась въ изумленіи, потомъ мрачно сдвинула брови и направилась въ противуположный конецъ залы.

— Вотъ вы подите, угадайте, что это канатная плясунья,— сказалъ Джемсъ на ухо Альфреду.—Она и ходитъ, точно важная дама. Да, все у этихъ женщинъ притворство; онѣ лгутъ каждымъ своимъ движеніемъ!

— И отъ подобной женщины вы хотите узнать подробности о Герминѣ?—спросилъ Альфредъ также тихо.

— Да, хочу; для меня вполнѣ достаточно, если эта госпожа вообще знаетъ о ней что-нибудь.

Альфредъ опустилъ голову; онъ не могъ не признать вѣрности такого довода, и это крайне смутило его. Не завелъ-ли онъ Бруно въ западню? Какого рода могла быть женщина, имѣвшая своей подругой и сожительницей канатную танцовщицу?

Гости прошли въ столовую, и ужинъ начался. Донна Рамилья сѣла за столъ, гдѣ предсѣдательствовалъ самъ хозяинъ, а старшей дамой, по его просьбѣ, занялись два молодыхъ человѣка, рѣшившихся пожертвовать собой въ пользу остального общества. Противъ ожиданія оказалось, что именно почтенная фрау Шалуппъ сдѣлалась средоточіемъ всеобщей веселости. Она обнаружила необыкновенную прожорливость и безъ разбора поглощала огромныя количества всевозможныхъ яствъ и питей, которыя подносили ей услужливые молодые люди. Всѣ эти подвиги она продѣлывала съ необыкновенной серьёзностью, будучи увѣрена, что такъ дѣлается въ большомъ свѣтѣ. Наконецъ колоссальный аппетитъ фрау Шалуппъ достигъ своихъ естественныхъ границъ: она объявила, что чувствуетъ себя «немножко нездоровой».

— Обыкновенно, я очень крѣпка въ подобныхъ случаяхъ,— сказала она,—но сегодня ночной воздухъ должно быть скверно на меня подѣйствовалъ.—Словомъ, ей необходимо было отправиться домой.

Донна Рамилья, громче всѣхъ смѣявшаяся надъ обжорствомъ своей «тетушки», теперь встала, чтобъ сопутствовать ей, но противъ этого поднялся всеобщій протестъ.

— Для г-жи Шалуппъ приготовлена карета, — объявилъ хозяинъ,—и съ ней отправится одинъ изъ моихъ людей; онъ на всякій случай возьметъ съ собой провіанту для вашей уважаемой тетушки. До сихъ поръ мы только смѣялись, теперь мы будемъ ужинать, и вы должны остаться!

«Артистка» сопротивлялась не долго. Теперь только начался настоящій ужинъ, и донна Рамилья, осушивъ съ видимымъ удовольствіемъ нѣсколько бокаловъ шампанскаго, развеселилась и разговорилась. Всѣ съ удивленіемъ увидѣли, что она обладаетъ остроуміемъ и не лишена извѣстнаго образованія; даже въ ея ломанномъ нѣмецкомъ языкѣ, къ которому она примѣшивала какія-то незнакомыя слова, гости стали находить какую-то своеобразную прелесть.

Она разсказала, что, прежде чѣмъ пріѣхать въ столицу, она поручила своему агенту найти для нея квартиру «съ теткой»,

такъ какъ не хотѣла жить одна въ столичномъ городѣ. Г-нъ Шалуппъ, онъ же агентъ, обратилъ свою жену въ тетку. Онъ торгуетъ пухомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ занимается многими другими дѣлами.

Затѣмъ она расчувствовалась.—Ахъ,—говорила она,—какъ хорошо было бы снова очутиться въ порядочной обстановкѣ! Въ молодости она не была предназначена для этихъ грязныхъ подмостковъ. Положимъ, она вовсе не особенно высокаго происхожденія,—всего на все дочь эстляндскаго боцмана; дѣтство провела вмѣстѣ съ отцомъ въ убогой хижинѣ на берегу Балтійскаго моря или на кораблѣ, гдѣ онъ служилъ,—тутъ же ей впервые пришла мысль о ея теперешней профессіи. За то потомъ... Ахъ, потомъ она очутилась въ хорошей обстановкѣ, среди истинно хорошихъ людей... Но все это умерло и кончилось и не возвратится!.. Поэтому—лучше веселиться! Бо́льшаго отъ жизни не получишь. Она осушила бокалъ и мужчины апплодировали.

Перешли въ прежнюю комнату и игра возобновилась. Донна Рамилья закурила папиросу. Джемсъ усѣлся прямо противъ нея вмѣстѣ съ Альфредомъ; воспользовавшись минутой всеобщаго молчанія, онъ прямо, безъ предисловій, предложилъ ей вопросъ, знаетъ-ли она Гермину Понсеро?

При этомъ вопросѣ донна Рамилья стала усиленно затягиваться папиросой, какъ бы желая скрыться въ клубахъ дыма. Когда дымъ разсѣялся, она вперила въ Альфреда свои чудные глаза. Взглядъ этотъ, долгій и пристальный, сначала мрачный и угрожающій, затѣмъ какъ-бы молящій о пощадѣ, былъ до того неожиданъ, что все общество молча и напряженно разсматривало обоихъ. Альфредъ, сразу догадавшійся, что́ означаетъ этотъ взглядъ, отвѣтилъ чуть замѣтнымъ знакомъ согласія. Донна Рамилья очевидно успокоилась. Она заставила Джемса еще разъ повторить произнесенное имя и отвѣтила на своемъ ломанномъ языкѣ:

— Я не знаю дамы, носящей это имя, и даже самое имя слышу въ первый разъ. Кто она и что она?—Донна Рамилья стала сама разспрашивать Джемса, въ какихъ онъ отношеніяхъ съ этой дамой, для какой цѣли онъ разспрашиваетъ о ней, и т. под. Но Джемсъ уклонился отъ отвѣта. Съ этой минуты въ залѣ воцарилась какая-то натянутость. Всѣмъ бросилось въ глаза, что какъ разъ послѣ вопроса Джемса донна Рамилья потеряла свою первоначальную веселость. Джэмсъ, вѣроятно, удовлетворился бы полученнымъ отвѣтомъ, еслибъ нѣмой разговоръ между донной и Альфредомъ не возбудилъ его подозрѣній. Гимельзонъ,

какъ внимательный хозяинъ, постарался опять расшевелить гостей, и свелъ разговоръ на дамъ полусвѣта вообще. Одинъ изъ гостей, молодой художникъ, замѣтилъ, что эти дамы большей частью извѣстны въ театральныхъ кружкахъ, и если донна Рамилья не знаетъ г-жи Понсеро, значитъ, такой и не существуетъ. Гимельзонъ подхватилъ эту мысль.

— Нашъ другъ, Джемсъ Ульмѣнгольцъ, — высказалъ онъ своимъ проповѣдническимъ тономъ,—внѣ всякаго сомнѣнія сдѣлался поэтомъ. Я уже давно убѣждаю его, что воображаемая имъ Гермина Понсеро не существуетъ, а если и существуетъ, то уже ни въ какомъ случаѣ не принадлежитъ къ высокому кругу знакомствъ нашей милой гостьи...

Но милая гостья, повидимому, утомилась этимъ разговоромъ и, не дожидаясь окончанія гимельзоновской тирады, встала и объявила, что хочетъ ѣхать домой. При этомъ она выразила боязнь ѣхать такъ поздно ночью одной. Всѣ гости наперерывъ предложили свои услуги и объявили, что ждутъ какъ милости позволенія проводить ее.

— Въ такомъ случаѣ, господа, — сказала она, —позвольте мнѣ выбрать того изъ васъ, который мнѣ кажется наименѣе пьянымъ.

Она долгимъ взоромъ обвела все общество, какъ бы затрудняясь въ выборѣ, и наконецъ остановилась на Альфредѣ; по ея маневру нельзя было догадаться, что она уже заранѣе намѣтила его въ умѣ.

Въ то время какъ часть гостей снова сѣла за карты, другая рѣшилась уйти вмѣстѣ съ донной и Альфредомъ. Джемсъ былъ въ числѣ оставшихся; простившись съ Альфредомъ, онъ шумно опустился на свое прежнее мѣсто.

Уходившіе гости, въ сопровожденіи лакея шумно спустились съ лѣстницы; внизу выходная дверь оказалась запертой, лакей, ворча и ругая швейцара, побѣжалъ наверхъ доставать ключи. Оставшіеся въ потьмахъ гости весело болтали и шутили.

Донна Рамилья стояла около Альфреда и, пока возвратившійся лакей отворялъ дверь, она шепнула ему:

— Весьма возможно, что я еще застану вашего брата у Гермины.

Когда они сѣли въ дожидавшуюся у входа карету, танцовщица съ живостью обернулась къ нему, крѣпко пожала ему руку въ знакъ благодарности за то, что онъ не выдалъ ея секрета. На своемъ ломанномъ, но уже понятномъ для него языкѣ она скоро заговорила:

— Я—существо погибшее! Гадкое желаніе продолжать свою скверную жизнь я удовлетворяю такими же скверными средствами. Чувство чести вмѣстѣ съ дѣтскимъ счастьемъ упали въ море. Но еслибъ я знала, что солидный господинъ, который сегодня былъ у Гермины, окажется на распутной вечеринкѣ, я не пришла бы. У меня еще осталось нѣчто святое на землѣ,— и это Гермина!.. я—раба ея!.. Въ этомъ чужомъ городѣ у нея нѣтъ никого кромѣ меня, она не можетъ оттолкнуть меня... Но она погибнетъ, если сдѣлается извѣстнымъ, что она моя госпожа и подруга. Мы поэтому никого не принимаемъ... Только передъ именемъ старика Ульменгольца мы открыли двери, тогда какъ сынъ его напрасно добивался позволенія посѣтить насъ.

Всю дорогу она не переставала говорить все тѣмъ же торопливымъ, страстнымъ голосомъ. Она жаловалась на свою участь, на то, что упала ниже, чѣмъ того заслужила; въ несовсѣмъ понятныхъ для Альфреда выраженіяхъ она жалѣла объ участи Гермины, которая еще болѣе, чѣмъ она, достойна сожалѣнія.

Когда они достигли дома, Альфредъ высадилъ ее изъ кареты, и обождалъ, пока она не вошла въ домъ. Затѣмъ онъ снова сѣлъ въ карету. Но едва только она тронулась, дверцы съ шумомъ открылись, и кто-то прыгнулъ къ нему въ карету.

V.

Это былъ Джемсъ.

— Я не ношу съ собою револьвера,—заговорилъ онъ съ яростью, не давая Альфреду времени опомниться:—иначе я бы васъ убилъ: вы измѣнникъ, вы низкій обманщикъ! я довѣрился вамъ, какъ другу, а вы между тѣмъ сдѣлались орудіемъ кокотокъ, вы и вашъ братецъ, вашъ высоко нравственный братецъ! Я видѣлъ взгляды, которыми вы обмѣнивались съ этой низкой тварью, и это мнѣ внушило подозрѣніе, я сдѣлалъ видъ, что остаюсь, но бросился за вами и я слышалъ, что она сказала вамъ о вашемъ братѣ. Я поѣхалъ за вами. Я теперь знаю, гдѣ живетъ Гермина — адресъ ея вѣдь записанъ и въ конторѣ—но, какъ джентльменъ, я не хотѣлъ ворваться къ ней противъ ея воли. Я знаю, что она живетъ съ этой тварью и, конечно, мнѣ на руку, что она оказалась не лучше, чѣмъ я ее считалъ... А вашему братцу передайте: пусть остерегается! я не потерплю его ухаживаній!...

Прежде чѣмъ Альфредъ успѣлъ хоть единымъ словомъ от-

вѣтить на градъ оскорбленій, сыпавшихся изъ устъ бѣшеннаго Джемса, послѣдній открылъ дверцы и выпрыгнулъ на улицу. Карета катилась дальше, какъ ни въ чемъ не бывало: полупьяный кучеръ ничего не замѣтилъ. Альфредъ возвратился домой такъ поздно, какъ съ нимъ никогда еще не случалось. Онъ сейчасъ же отправился въ комнату брата. Бруно еще не спалъ. Опустивъ голову на руки, онъ сидѣлъ передъ письменнымъ столомъ, погруженный въ глубокія размышленія. Приходъ Альфреда вырвалъ его изъ забытья и привелъ его въ необыкновенно возбужденное состояніе. Его, повидимому, нисколько не удивило позднее возвращеніе брата. Вмѣсто всякаго привѣтствія онъ выразилъ только свою радость, что видитъ брата еще сегодня ночью. Оба молча усѣлись другъ противъ друга. Бруно, очевидно, приготовлялся къ пространному объясненію,—отъ времени до времени онъ пожималъ руку брата, что было не въ его привычкахъ. Наконецъ, какъ бы преодолѣвъ себя, онъ проговорилъ:

— Я счастливъ, Альфредъ!..

— Что же произошло?—спокойно спросилъ Альфредъ.

— Сказать тебѣ правду,—началъ Бруно послѣ нѣкотораго молчанія,—несмотря на обаяніе, которое на меня произвела красота Гермины, несмотря на страстное желаніе познакомиться съ ней ближе, я шелъ къ ней съ недовѣріемъ. Моя служебная практика слишкомъ часто знакомила меня съ женщинами сомнительной репутаціи и научила меня относиться къ нимъ крайне подозрительно. Эту подозрительность я и перенесъ на Гермину. Я думалъ, идя къ ней, что мнѣ достаточно будетъ увидѣть ее вблизи, чтобъ разочароваться въ ней. Но вышло иначе: вышло то, что я теперь связанъ съ ней навѣки!

— Что же, однако, произошло?—снова спросилъ Альфредъ, но уже не съ прежнимъ спокойствіемъ.

— Я могъ бы сказать, что случилось чудо, еслибъ все это не было такъ просто и естественно. Мнѣ наоборотъ кажется чудомъ мое прежнее недовѣріе, въ особенности, когда вспомню, что о Герминѣ нигдѣ не говорятъ, кромѣ какъ у Ульменгольца.

— Это правда,—вставилъ Альфредъ.—У Ульменгольцовъ источникъ всѣхъ этихъ слуховъ.

— Но я ихъ заставлю замолчать,—продолжалъ Бруно спокойно.—У меня есть теперь несомнѣнныя доказательства, что старикъ Ульменгольцъ изъ личныхъ интересовъ нарочно распространяетъ эти слухи. Теперь для меня все ясно, и я долженъ все тебѣ разсказать, чтобы ты не подумалъ, что я ослѣпленъ своей любовью къ Герминѣ.

— Когда мы остались одни съ Герминой,—началъ Бруно, —она разсказала мнѣ то дѣло, изъ-за котораго она пріѣхала сюда изъ Франціи и дала мнѣ кипу писемъ и бумагъ, къ нему относящихся. Я провелъ нѣсколько часовъ, просматривая эти бумаги и слушая въ промежуткахъ объясненія Термины. Я пришелъ къ убѣжденію, что не будь она такимъ невиннымъ и неопытнымъ ребенкомъ, она не только не окружила бы себя таинственностью, но напротивъ того, выступила бы совершенно открыто передъ всѣмъ міромъ, громко заявляя свои требованія. Всѣ лучшіе люди были бы на ея сторонѣ. Ея дѣло не только замѣчательное юридическое дѣло, это, можно сказать, поэтическій процессъ!..

— Въ сумерки, когда я, по желанію Термины, прервалъ свои занятія, въ комнату вошла та самая дѣвушка, которая впустила насъ. Ее зовутъ Рупертой, и она танцовщица изъ Деmоніума. Она съ собачьей вѣрностью предана Герминѣ и ея ребенку. Никогда я не видалъ подобной привязанности!—«Руперта—моя единственная поддержка,—сказала мнѣ Термина,—и единственный другъ. Я ей не могу ничѣмъ помочь, пока не номогу сама себѣ. Во избѣжаніе непріятностей, мы никого къ себѣ не пускаемъ». Затѣмъ Термина повела меня въ сосѣднюю комнату, которая представляетъ собой гротъ нимфы, какимъ мы его рисуемъ въ своемъ воображеніи. Все убранство и мебель этого фантастическаго и въ то же время уютнаго уголка она съ большими хлопотами и расходами вывезла изъ Франціи, такъ какъ не думала скоро ѣхать обратно и не хотѣла разставаться съ этимъ дорогими для нея предметами. Квартиру ей уже раньше приготовила Руперта.

— Имъ не слѣдовало бы поселяться вмѣстѣ, — нечаянно вырвалось у Альфреда.

— Почему?—удивленно спросилъ Бруно.

— Я тебѣ послѣ объясню, — сказалъ Альфредъ,—ты увидишь, что мои сегодняшнія похожденія составляютъ дополненіе къ твоему разсказу. Продолжай, покамѣстъ. Ты все еще не отвѣтилъ на мой вопросъ, и я все еще не знаю, въ чемъ заключается суть дѣла.

Прошло нѣсколько минутъ молчанія, въ продолженіе которыхъ Бруно съ улыбающимся лицомъ мечталъ, очевидно снова переживая событія этого дня; наконецъ онъ снова заговорилъ:

— Висячая лампа, горѣвшая надъ обѣденнымъ столомъ, освѣщала этотъ чудный фантастическій уголокъ, и мы втроемъ—Термина, ея ребенокъ и я—сѣли обѣдать. Термина говорила о

событіяхъ дня, сравнивала жизнь во Франціи съ здѣшней, касалась многихъ другихъ предметовъ. Она имѣла для меня прелесть чего-то необыкновеннаго, и въ то же время, чѣмъ больше она говорила, тѣмъ понятнѣе, ближе и дороже она дѣлалась мнѣ. Она дѣйствительно какое-то чудо: при всемъ своемъ поэтическомъ обаяніи она проста и естественна, при всей своей прямотѣ и откровенности она въ высшей степени деликатна и мягка. Знаешь ли, что̀ я открылъ въ себѣ, когда сидѣлъ съ ней? То, чего я никогда не предполагалъ въ себѣ, но что̀, вѣроятно, было во мнѣ всегда,—склонность къ мирной семейной жизни. Эта мирная жизнь стояла передо мной, воплощенная въ образѣ прелестной, благородной женщины,—на меня повѣяло какимъ-то сильнымъ, новымъ, увлекательнымъ ощущеніемъ, но въ то же время чѣмъ-то понятнымъ, роднымъ!.. Поэтому-то я и не опьянѣлъ, какъ это бываетъ при внезапномъ счастьѣ, но полонъ спокойной радости въ виду открывшейся передо мной свѣтлой полосы новой жизни!.. Когда она разсказала мнѣ всю свою удивительную исторію, я убѣдился и высказалъ это ей, что въ ея дѣлѣ нравственное право на ея сторонѣ,—это ясно какъ день. Но зато юридическая сторона такъ запутана и затемнена, что освѣтить ее можетъ лишь очень хорошій адвокатъ. Такой адвокатъ или потребуетъ слишкомъ большого вознагражденія, или-же... ничего не потребуетъ. Она взглянула на меня вопросительно, и поняла меня. Прошло еще нѣсколько времени въ разговорахъ, въ молчаніи. Наконецъ я осмѣлился сказать, что берусь быть тѣмъ адвокатомъ, который не потребуетъ никакой награды за веденіе ея процесса. Она отвѣтила мнѣ:—Еслибъ я согласилась взять такого, то онъ долженъ бы быть воплощеніемъ всего, къ чему я стремлюсь. Тогда для меня кончились бы всѣ дѣла и жизнь моя сдѣлалась бы тихой и счастливой!—И все-таки она выбрала меня!—Вотъ какъ это все случилось.

Альфредъ подложилъ угля въ каминъ, потеръ руки, какъ бы чувствуя дрожь, и сказалъ тономъ обманутаго ожиданія:

— Однимъ словомъ, ты хочешь жениться. Я этого, по правдѣ сказать, не ожидалъ. Мнѣ представляется, что я тебя привелъ къ поэтическому источнику любви, а ты самымъ прозаическимъ образомъ шлепнулся въ воду. Я имѣлъ въ виду приключеніе, выходящее изъ ряда обыкновеннаго, которое могло бы развлечь тебя... поэтическую связь съ таинственной нимфой, про которую знали бы одни боги. Я не думалъ, что изъ этого выйдетъ самый обыкновенный, самый мѣщанскій бракъ!

Бруно въ это время досталъ бутылку съ виномъ и налилъ два стакана.

— Пей, Альфредъ,—сказалъ онъ,—вино намъ замѣнитъ сонъ. Я радъ, что не сплю, мнѣ не хотѣлось бы проспать свое счастье. Что же касается твоихъ возраженій—поэтическая связь, таинственная нимфа и т. под., то все это, извини меня, поэзія людей, у которыхъ нѣтъ пониманія истинной поэзіи. Знаешь ли, въ чемъ она заключается, эта истинная и столь рѣдко встрѣчающаяся поэзія нашей жизни? Въ хорошей семейной жизни!

— Да, хорошо было бы, еслибъ можно было ее заранѣе угадать!

— Конечно, внѣшнихъ условій никогда не угадаешь, но внутреннія условія, отъ которыхъ зависитъ счастье семьи, всегда можно видѣть, и если эти условія существуютъ, то это уже само по себѣ высшее счастье. А эти условія сводятся къ двумъ вещамъ: требуется, во-первыхъ, взаимная симпатія; во-вторыхъ, приблизительно одинаковое образованіе, а главное—сходство вкусовъ. Въ этихъ двухъ условіяхъ, которыя, замѣть, до извѣстной степени даже могутъ сгладить противорѣчіе въ характерахъ, я вполнѣ увѣренъ, и эта увѣренность дѣлаетъ меня счастливымъ. Теперь моя ближайшая цѣль — выступить открыто и очистить Гермину отъ лежащей на ней клеветы. Ея исторія покажетъ тебѣ какую роль играетъ тутъ старикъ Ульменгольцъ. Вѣдь этотъ подлецъ зашелъ такъ далеко, что настроилъ сына преслѣдовать Гермину безчестными предложеніями!

Альфредъ уже хотѣлъ-было разсказать Бруно событія этого вечера, но разсудилъ, что лучше отложить свои сообщенія. Самое важное для него было узнать исторію Гермины; можетъ быть, онъ въ ней найдетъ еще средство разубѣдить брата въ его намѣреніяхъ, которыя уже потому не нравились Альфреду, что они были приняты слишкомъ поспѣшно и необдуманно. Бруно приступилъ къ разсказу.

Если отдѣлить отъ его разсказа ту окраску, которую чувства и страсти Бруно невольно придали ей, исторія Гермины представится въ слѣдующемъ видѣ.

С. К.

ПЕТЕРБУРГСКАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМІЯ

при

ГРАФѢ ПРАТАСОВѢ

1836—1855 гг. [1]).

Въ нынѣшнемъ столѣтіи въ исторіи духовно-учебныхъ заведеній встрѣчаются двѣ наиболѣе замѣчательныя эпохи. Въ одну изъ нихъ,—въ концѣ перваго десятилѣтія, во время оберъ-прокурорства въ св. синодѣ князя Голицына, при дѣятельномъ участіи М. М. Сперанскаго и архіепископа Ѳеофилакта Русанова,—

---

[1]) Настоящая статья доставлена намъ отъ близкихъ родныхъ покойнаго Димитрія Ивановича Ростиславова. Имя автора—одного изъ лучшихъ, наиболѣе заслуженныхъ писателей нашихъ по предметамъ быта духовенства—извѣстно читателямъ „Вѣстника Европы“, гдѣ помѣщено было начало настоящаго труда („Петербургская духовная академія до графа Пратасова. Воспоминанія“. Вѣстн. Евр. 1872, іюль, августъ, сентябрь). Д. И. Ростиславовъ род. въ 1809, учился въ рязанской семинаріи и петербургской духовной академіи, съ 1833 былъ въ послѣдней „баккалавромъ“ (адъюнктомъ), потомъ профессоромъ математики и физики. Чтенія его возбудили живой интересъ слушателей, и предметъ, предоставляемый прежде на произволъ студентовъ, сдѣланъ былъ обязательнымъ; но позднѣе, въ сороковыхъ годахъ, успѣхъ лекцій вызвалъ неудовольствіе тогдашняго митрополита Антонія, который находилъ „страннымъ“, что студенты оказывали больше успѣховъ въ физикѣ, чѣмъ въ богословіи. Въ 1852, болѣзнь горла принудила Ростиславова покинуть профессуру; онъ поселился въ Рязани и впослѣдствіи получилъ разрѣшеніе читать безплатныя лекціи по физикѣ въ мѣстной семинаріи. Чтенія его и здѣсь встрѣчены были съ такимъ интересомъ, что въ аудиторію устремились и посторонніе слушатели; Ростиславовъ началъ читать (въ шестидесятыхъ годахъ) публичныя лекціи, распространивъ ихъ предметъ и на другія отрасли естествовѣдѣнія и, какъ говоритъ его біографъ,—„лекторъ,

духовно-учебныя заведенія получили совершенно новое устройство въ научномъ, хозяйственномъ и административномъ отношеніяхъ. Другая эпоха относится къ послѣднему времени. Въ 1867 и 1869 г., изданы новые уставы, которые во многихъ отношеніяхъ радикально измѣнили положеніе духовно-учебныхъ заведеній.

Между этими двумя эпохами помѣщается время, когда графъ Пратасовъ былъ оберъ-прокуроромъ въ св. синодѣ. Тогда самые уставы духовно-учебныхъ заведеній, составленные Сперанскимъ и Өеофилактомъ Русановымъ, казались многимъ уже не вполнѣ удовлетворительными въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, но главнымъ образомъ административная и хозяйственная части почти всѣхъ духовныхъ училищъ находились въ самомъ непривлекательномъ видѣ. Графъ Пратасовъ, особенно въ началѣ своего оберъ-прокурорства, не хотѣлъ оставаться хладнокровнымъ зрителемъ недостатковъ, безпорядковъ и злоупотребленій, господствовавшихъ въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ. При немъ духовно-учебные порядки, конечно, не подвергались такимъ кореннымъ измѣненіямъ, какія были при оберъ-прокурорѣ князѣ Голицынѣ и какія происходили позже; за всѣмъ тѣмъ дѣятельность гр. Пратасова по духовно-учебному вѣдомству надѣлала много шума, и стóитъ того, чтобы ознакомиться съ нею ближе. Знакомство это покажетъ не только ту пользу, которую гр. Пратасовъ доставилъ духовно-учебнымъ заведеніямъ, но и то глубокое различіе, которое находится между его реформами съ реформами позднѣйшими по духовно-учебному вѣдомству.

со стороны полуграмотнаго большинства и фанатиковъ. навлекъ на себя подозрѣніе въ безбожіи и сочувствіи къ протестантизму".

Въ концѣ пятидесятыхъ годовъ, Ростиславову, какъ человѣку компетентному въ вопросѣ, сдѣлано было оффиціально, отъ директора канцеляріи синода, предложеніе изложить свои соображенія по предмету улучшенія духовныхъ училищъ. О составленной имъ запискѣ было ему отвѣчено, что „по своему направленію" она не можетъ получить дальнѣйшаго хода. Ростиславовъ передалъ ее Погодину, и затѣмъ, невѣдомо какимъ образомъ, она вышла въ Лейпцигѣ подъ заглавіемъ: „О духовныхъ училищахъ въ Россіи". Книга произвела большое впечатлѣніе, какъ правдивое слово, и затѣмъ Ростиславовъ издалъ въ Лейпцигѣ другой замѣчательный трудъ: „Черное и бѣлое духовенство въ Россіи", 1865. Главной цѣли эти сочиненія достигли, и въ 1867, при преобразованіи духовныхъ училищъ, его указанія были приняты во вниманіе. Новымъ важнымъ его трудомъ былъ „Опытъ изслѣдованія объ имуществахъ и доходахъ нашихъ монастырей" (1872, 1876). Наконецъ, остается въ рукописи обширное сочиненіе, предметъ котораго составляетъ обозрѣніе степеней вѣротерпимости въ древнихъ и новыхъ религіяхъ, и въ разныхъ областяхъ христіанскаго ученія.— При жизни, имъ было также составлено нѣсколько руководствъ по математикѣ и физикѣ.—Онъ умеръ 18 февраля 1877 года.—*Ред.*

Чтобы читатель безошибочно могъ оцѣнивать дѣятельность гр. Пратасова въ петербургской духовной академіи и вообще по духовно-учебному вѣдомству, считаемъ за нужное: 1) сдѣлать нѣсколько замѣчаній о тѣхъ отношеніяхъ, въ которыхъ находились предшественники гр. Пратасова къ высшему духовенству, къ духовно-учебному вѣдомству вообще и къ петербургской духовной академіи въ частности;—замѣчанія эти лучше всего объяснятъ какъ то изумленіе и негодованіе, которыя обнаружились въ монашествующемъ духовенствѣ отъ безцеремоннаго и начальственнаго обхожденія новаго оберъ-прокурора съ академическими и семинарскими властями, такъ и ту замѣчательную смѣлость, которую гр. Пратасовъ выказывалъ, дѣйствуя въ петербургской академіи какъ полный хозяинъ, какъ настоящій высшій начальникъ; 2) описать то положеніе, въ которомъ находилась петербургская духовная академія въ 1836 г., когда графъ Пратасовъ назначенъ былъ оберъ-прокуроромъ св. синода. Изъ этого описанія читатель увидитъ, заслуживаетъ ли гр. Пратасовъ одобреніе или порицаніе за то, что онъ, какъ тогда говорили, *вторгнулся въ чуждую* якобы ему *область*.

I.

Князь Мещерскій и Нечаевъ, предшественники гр. Пратасова.

Изъ числа 19 лицъ, занимавшихъ должность оберъ-прокурора св. синода, начиная съ установленія ея и оканчивая началомъ 1855 г., самыми замѣчательными и, какъ выражаются, *самыми сильными* были князь Голицынъ и графъ Пратасовъ. Сила и вліяніе ихъ обусловливались не только личными ихъ качествами, поддержкою со стороны Верховной Власти, но и тѣмъ, что ни одинъ изъ прочихъ оберъ-прокуроровъ не состоялъ такъ долго на своей должности, какъ они. Графъ Пратасовъ оберъ-прокурорствовалъ почти 20 лѣтъ, а князь Голицынъ 14 лѣтъ, но онъ и послѣ того продолжалъ имѣть вліяніе на духовныя дѣла въ званіи министра духовныхъ дѣлъ. Далѣе, между обоими этими лицами есть еще особое сходство. Предъ Голицынымъ были оберъ-прокурорами *графъ Хвостовъ*, почитатель іерархической власти, покорнѣйшій слуга архіереевъ—членовъ св. синода, которые и были имъ очень довольны;—и *Яковлевъ*, человѣкъ твердаго характера и честный, рѣшившійся уничтожить вкравшіяся въ синодальное управленіе злоупотребленія, въ числѣ которыхъ былъ

ежегодный секретный раздѣлъ остаточныхъ 100,000 рублей между главными членами синода и ихъ пріятелями, — епархіальными архіереями. Митрополитъ петербургскій Амвросій и архіепископъ ярославскій Павелъ встревожились и хотѣли склонить Яковлева на свою сторону обѣщаніями и угрозами. Первый говорилъ ему: «если вы станете дѣйствовать съ нами заодно, получите и чинъ тайнаго совѣтника, и ленту, и столовыя деньги... и деревню получите». Когда же обѣщанія не подѣйствовали, то Амвросій сказалъ: «такъ знайте же, что близъ Государя у каждаго изъ насъ есть пріятели»... «Насъ много, а вы одни; мы сильны и опаснѣе для васъ, нежели вы для насъ». Павелъ былъ еще откровеннѣе, говоря: «не подражайте Чебышеву и Хованскому; перваго мы проклинаемъ, а второго угнали въ Симбирскъ и едва не въ Сибирь... ничего безъ насъ не докладывайте Государю». Непреклонный и честный Яковлевъ не увлекся обѣщаніями и не побоялся угрозъ, за то не прослужилъ и года въ св. синодѣ. Отставкѣ его радовались іерархи; Платонъ, митрополитъ московскій, въ письмѣ къ Амвросію, митрополиту петербургскому, пишетъ: «обрадованъ вашимъ писаніемъ, что вы обнадежены другимъ оберъ-прокуроромъ; а здѣсь слышно, что онъ уже уволенъ. Слава Богу!» (Прав. Обозр., 1869; письма Платона къ Амвросію). Но напрасно радовались; новый оберъ-прокуроръ князь Голицынъ оказался еще вліятельнѣе и грознѣе своего предшественника. Его, сильнаго царскою дружбою, нельзя было низвергнуть такъ же легко, какъ Яковлева. Пришлось ждать чуть не 20 лѣтъ, пока соединенными усиліями фанатика Фотія, графини Орловой, генерала Аракчеева и митрополита Серафима удалось упразднить министерство духовныхъ дѣлъ.

И графу Пратасову по оберъ-прокурорству предшествовали два лица, имѣвшія нѣкоторое сходство съ графомъ Хвостовымъ и Яковлевымъ.

Князь Мещерскій былъ добрый, кроткій, миролюбивый человѣкъ,—вступать въ борьбу съ іерархическою-монашескою партіею онъ и не думалъ: этому, можетъ быть, способствовала блистательная побѣда, одержанная митрополитомъ Серафимомъ надъ Голицынымъ. Не одинъ разъ приходилось видѣть его покорность, если не уничиженіе, предъ іерархами на такъ-называемыхъ публичныхъ экзаменахъ въ петербургской духовной академіи. На нихъ онъ обыкновенно всегда почти пріѣзжалъ гораздо ранѣе митрополита Серафима; академическое начальство даже и не встрѣчало его въ парадныхъ сѣняхъ; развѣ только экономъ или какой-либо наставникъ встати подвернется. Въ промежутокъ вре-

мени до пріѣзда митрополита князь приходилъ въ залу, гдѣ собраны были студенты, и опять почти никѣмъ изъ начальства не сопровождаемый, поздоровавшись съ студентами, скажетъ имъ нѣсколько привѣтственныхъ словъ и спѣшитъ въ сѣни, чтобы не пропустить пріѣзда митрополита. Во время экзамена онъ, сидя рядомъ съ митрополитомъ Серафимомъ, изрѣдка тихо и понемногу съ нимъ разговаривая, самъ не предлагалъ никакихъ вопросовъ студентамъ, словомъ, велъ себя самымъ скромнымъ образомъ. Кромѣ того, въ каждый экзаменъ бралъ руку митрополита и усердно начиналъ цѣловать ее. Нацѣловавшись, сколько душѣ угодно, онъ выпускалъ руку митрополита и вновь принималъ свою скромную роль. Такое поведеніе оберъ-прокурора казалось страннымъ и неожиданнымъ даже для тогдашнихъ студентовъ академіи, хотя они и сами привыкли, да и въ другихъ видѣли сильную наклонность къ раболѣпству предъ высшими духовными властями. Митрополитъ Серафимъ какъ-будто бы и не замѣчалъ благоговѣйнаго цѣлованія своей руки оберъ-прокуроромъ; даже говорилъ въ то же время съ кѣмъ-либо другимъ. Лучше такого оберъ-прокурора монашеству и желать было не зачѣмъ; оно при немъ въ св. синодѣ дѣйствовало очень самостоятельно.

Князь Мещерскій былъ уволенъ отъ должности оберъ-прокурора въ 1833 г. и замѣщенъ Нечаевымъ, который еще въ званіи чиновника за оберъ-прокурорскимъ столомъ сдѣлался извѣстнымъ своею дѣятельностью и распорядительностью. Говорили тогда, будто покойный императоръ Николай Павловичъ, замѣтивъ бо́льшую противъ прежняго основательность оберъ-прокурорскихъ докладовъ, спрашивалъ о причинѣ такой перемѣны и узналъ, что это происходитъ отъ новаго чиновника за оберъ-прокурорскимъ столомъ. Занявши мѣсто Мещерскаго, Нечаевъ началъ дѣйствовать, какъ прилично оберъ-прокурору, и не выказывалъ того благоговѣйнаго раболѣпства предъ высшими духовными сановниками, какое замѣчалось въ его предшественникѣ. Нечаевъ къ началу публичныхъ экзаменовъ въ петербургской духовной академіи никогда не пріѣзжалъ и потому никогда не встрѣчалъ митрополита. Но академическое начальство очень озабочивалось его встрѣчею. У воротъ и на крыльцѣ академическаго дома стояли караульные, которые, по поговоркѣ, смотрѣли въ оба глаза, чтобы замѣтить, когда экипажъ оберъ-прокурора появится близъ академіи. Оберъ-прокуроръ пріѣхалъ,—его уже непремѣнно встрѣчаетъ экономъ или на крыльцѣ, или въ большихъ сѣняхъ дома. Онъ еще идетъ по этимъ сѣнямъ, а изъ залы или инспекторъ, или самъ ректоръ спѣшитъ встрѣтить его на лѣстницахъ или въ корридорѣ у церкви.

Онъ еще находится въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ залы, но обѣ половинки двери въ нее растворены; дѣлается извѣстнымъ публикѣ прибытіе его превосходительства; м. Серафимъ, снимавшій иногда съ головы клобукъ, торопливо надѣваетъ его; все принимаетъ суетливый характеръ. Входитъ въ залу Нечаевъ; разумѣется, всѣ встали; одѣтый въ парадную форму, онъ медленно, важно, почти торжественно, хоть и прихрамывая на одну ногу, подходилъ къ столу, за которымъ сидятъ члены св. синода, подставляетъ свою правую руку митрополитамъ и архіереямъ для полученія благословенія, но не цѣлуетъ ничьей благословляющей руки, раскланивается съ студентами и садится въ одномъ ряду съ іерархами. Во время описанной процедуры, продолжавшейся по нѣскольку минутъ, экзаменъ пріостанавливался и возобновлялся послѣ того, какъ всѣ усаживались. Сколько бы времени потомъ онъ ни продолжался, Нечаевъ не обнаруживалъ ничего похожаго на желаніе расцѣловать руку м. Серафима, какъ дѣлывалъ князь Мещерскій, но предлагалъ вопросы студентамъ, особенно по исторіи. Вообще въ пріемахъ Нечаева проглядывалъ не покорнѣйшій слуга митрополитовъ и архіереевъ, а начальникъ академіи, считавшій себя если не выше, то и не ниже тѣхъ лицъ, съ которыми онъ сидѣлъ рядомъ за экзаменаторскимъ столомъ.

Свою важность и самостоятельную дѣятельность Нечаевъ обнаруживалъ не на однихъ публичныхъ экзаменахъ въ петербургской духовной академіи, а и во всѣхъ вообще дѣлахъ по св. синоду и коммиссіи духовныхъ училищъ. Онъ хотѣлъ быть *окомъ Государя и стряпчимъ о дѣлахъ государственныхъ* (такъ называлъ оберъ-прокурора св. синода Петръ Великій), улучшить духовно-учебныя заведенія и положеніе бѣлаго духовенства, ограничить произволъ епархіальныхъ властей и пр. и пр... Но, кажется, онъ ошибался, думая, что на той высотѣ, на которой онъ тогда стоялъ, можно поддержать себя только честною и дѣятельною службою. Если самъ онъ не могъ вести интрижки, то ему, по крайней мѣрѣ, нужно было парализировать тѣ изъ нихъ, которыя противъ него были направлены. Сверхъ того онъ будто бы во время проѣзда чрезъ епархіальныя резиденціи позволялъ себѣ слишкомъ гордое и обидное обращеніе съ архіереями,—говорю: *будто бы*, потому что эти обвиненія выходили изъ враждебнаго ему лагеря. Къ несчастію, въ началѣ 1836 г. онъ по случаю болѣзни жены своей уѣхалъ въ Крымъ. Враги его воспользовались этимъ отсутствіемъ и повели противъ него заочную атаку. Нечаевъ, услыхавши о томъ, поспѣшилъ въ Петербургъ, но

опоздалъ; пріѣхавши сюда, узналъ, что онъ уже не оберъ-прокуроръ св. синода, а сенаторъ. Тогдашній профессоръ академіи и протоіерей петропавловскаго собора, Кочетовъ, человѣкъ очень практичный, едва ли не лучше всѣхъ объяснилъ паденіе Нечаева, сказавши: «Степанъ Дмитріевичъ немножко поторопился показать свои когти: ему бы надобно было напередъ запустить лапу и тогда уже начать дѣйствовать рѣшительнымъ образомъ». И дѣйствительно жаль, что Нечаевъ не «запустилъ лапы»; онъ въ званіи оберъ-прокурора св. синода имѣлъ желаніе и могъ бы сдѣлать много полезнаго для бѣлаго духовенства, для духовно-учебныхъ заведеній, но не для монашества.

II.

Вступленіе гр. Пратасова въ должность оберъ-прокурора св. синода.

Удаленіе Нечаева отъ должности оберъ-прокурора св. синода было очень пріятно іерархамъ и всему ученому монашеству не только потому, что въ этомъ случаѣ они одержали побѣду надъ человѣкомъ, котораго считали своимъ врагомъ и которому приписывали намѣреніе разыгрывать роль князя Голицына или, пожалуй, Яковлева, но и потому, что его мѣсто занялъ полковникъ гр. Пратасовъ, который, какъ они ожидали, будетъ готовъ къ ихъ услугамъ. Причиною такого ожиданія было то обстоятельство, что гр. Пратасовъ, исправляя должность оберъ-прокурора за отсутствіемъ Нечаева, казался вовсе неопаснымъ для нихъ человѣкомъ. Въ это время онъ будто бы очень мало входилъ въ подробности дѣлъ и соглашался во всемъ съ мнѣніями членовъ св. синода. Нѣкоторые изъ монашествующихъ и ихъ поклонниковъ съ удовольствіемъ тогда разсказывали, что гр. Пратасовъ, сколько бы къ нему ни приносили протоколовъ, журналовъ и бумагъ св. синода и коммиссіи духовныхъ училищъ, очень скоро ихъ подписывалъ, и что будто бы даже любилъ хвалиться, говоря: «а что? за мною вѣдь нѣтъ остановки въ дѣлахъ; я скоро подписываю все и сдаю». Потомъ, при нерѣдкихъ оффиціальныхъ обѣдахъ въ комнатахъ петербургскаго митрополита, онъ казался простымъ, добрымъ, внимательнымъ, даже предупредительнымъ. Дѣйствовалъ ли такимъ образомъ онъ съ заднею мыслію расположить къ себѣ высшую іерархію, или полагалъ, что ему, какъ временно исправлявшему должность оберъ-прокурора, рано еще было строго исполнять одинъ изъ

пунктовъ инструкціи Петра Великаго оберъ-прокурору св. синода, именно «смотрѣть накрѣпко, дабы синодъ свою должность хранилъ и въ своемъ званіи праведно и нелицемѣрно поступалъ»,— только тогда говорили, что такой образъ дѣйствій гр. Пратасова очень нравился іерархамъ, и что они чрезъ митрополита Серафима сами просили о назначеніи его оберъ-прокуроромъ. Но слишкомъ скоро оказалось, что гр. Пратасовъ далеко не оправдывалъ тѣхъ надеждъ, которыя имѣли относительно его монашествующіе.

Смутное опасеніе объ этомъ мнѣ удалось въ первый разъ слышать отъ тогдашняго баккалавра петербургской духовной академіи іеромонаха Климента Можарова. Не отличаясь ни особеннымъ умомъ, ни ученостью, онъ имѣлъ какое-то чутье угадывать враговъ своего сословія, — чутье, которое такъ нерѣдко и сильно изощряется у людей, вѣчно стоящихъ, какъ говорится, на стражѣ. Потомъ какъ человѣкъ смѣтливый, даже, можетъ быть, немножко пронырливый и склонный къ интригамъ, онъ умѣлъ быть знакомымъ съ тѣми лицами, отъ которыхъ можно узнавать всѣ новости по духовному вѣдомству. Притомъ о. Климентъ былъ рьянымъ защитникомъ всѣхъ привилегій и притязаній монашества; самъ умеръ, не достигши архіерейскаго сана, но очень долгое время имѣлъ право надѣяться быть архіереемъ. И потому мысли, имъ высказываемыя въ извѣстныхъ случаяхъ, можно было считать за мнѣнія многихъ современныхъ ему іерарховъ и вообще всего ученаго монашества. Этотъ-то человѣкъ былъ въ восторгѣ отъ назначенія гр. Пратасова оберъ-прокуроромъ и не скрывалъ своей ненависти къ Нечаеву. Въ іюлѣ или августѣ 1836 г., послѣ какого-то оффиціальнаго обѣда у митрополита, мнѣ случилось съ нимъ разговаривать о новомъ оберъ-прокурорѣ.

— А знаете ли,—сказалъ онъ,—вѣдь *мы* ошиблись на счетъ него, сильно ошиблись.

— Какъ ошиблись?—спросилъ я.

— Да, ошиблись; едва ли онъ не будетъ хуже Нечаева; кажется, промѣняли сокола на ястреба.

— Да не сами ли вы такъ его расхваливали?

— Что дѣлать? «надулъ» онъ всѣхъ насъ.

— Да скажите, что же такое случилось?

— А вотъ видите; вчерашній обѣдъ у высокопреосвященнѣйшаго митрополита открылъ *наши* глаза. Бываю, онъ (т.-е. гр. Пратасовъ) пріѣдетъ очень рано, вѣжливо со всѣми раскла-

няется, ведетъ себя скромно. Ну а вчера заставилъ всѣхъ порядочно подождать себя; потомъ прошелъ черезъ залу, стуча своею саблею и не обращая никакого вниманія на наши поклоны, и послѣ, какъ въ гостиной у митрополита, такъ и за столомъ, оказался вовсе не тѣмъ, чѣмъ до сихъ поръ былъ. Слышно также, что и въ св. синодѣ начинаетъ всѣмъ командовать. Да, кажется, *мы* ошиблись.—Впрочемъ, для успокоенія своего о. Климентъ прибавилъ: «*намъ*, слава Богу, опасаться его (гр. Пратасова) нечего; *нашъ* старецъ (митрополитъ Серафимъ) бодрствуетъ; онъ уже двухъ оберъ-прокуроровъ низвергнулъ; достанется и третьему, если онъ зазнается».

Между тѣмъ еще поранѣе этого разговора гр. Пратасовъ началъ обнаруживать свои, по тогдашнему выраженію, притязанія на вмѣшательство въ дѣла петербургской духовной академіи. Въ ней ректорствовалъ въ то время Виталій Щепетевъ, бывшій ея воспитанникъ, но, такъ сказать, докончившій свое воспитаніе подъ вліяніемъ московскаго митрополита Филарета Дроздова, потому что съ окончанія академическаго курса до перехода въ Петербургъ онъ постоянно находился на духовно-училищной службѣ въ московской епархіи. Онъ былъ человѣкъ умный, съ твердымъ характеромъ, съ практическимъ тактомъ, довольно скромный, нѣсколько гордый съ подчиненными, но умѣвшій быть ласковымъ и вѣжливымъ, хладнокровный и спокойный. Вскорѣ послѣ утвержденія гр. Пратасова оберъ-прокуроромъ, Виталій, послѣ продолжительнаго съ нимъ разговора, о которомъ однакожъ онъ неохотно заводилъ рѣчь, близкимъ къ нему сослуживцамъ не разъ повторялъ: «новый оберъ-прокуроръ не то, что Нечаевъ. Кажется, онъ думаетъ пріѣхать въ академію, чтобы осмотрѣть ее». Но и Виталій, не смотря на свою проницательность, едва ли вполнѣ вѣрилъ въ возможность подобныхъ визитовъ, по крайней мѣрѣ не очень ихъ боялся; къ этому могло располагать его тогдашнее отношеніе академіи къ внѣшнему міру.

Въ самомъ дѣлѣ, начальство ея по части внутренней администраціи признавало почти только одного надъ собою командира, т.-е. петербургскаго митрополита Серафима, и могло себя считать счастливѣйшимъ. Самъ высокопреосвященнѣйшій бывалъ въ академіи разъ или два на экзаменахъ въ годъ. Да и въ этихъ случаяхъ проходилъ по сѣнямъ, по лѣстницамъ и корридорамъ мимо церкви въ залу, а изъ нея по окончаніи экзамена мимо той же церкви пробирался черезъ библіотеку или физическій кабинетъ въ комнаты ректора, чтобы тамъ закусить чего-нибудь

и затѣмъ поблагодарить о. ректора за превосходное состояніе академіи. Въ студенческія комнаты, столовую, больницу и пр. его высокопреосвященство и не заглядывалъ. Да притомъ онъ вѣрилъ, что все вездѣ прекрасно. Потомъ академическое начальство, не обезпокоиваемое своимъ ближайшимъ командиромъ, было вмѣстѣ съ тѣмъ подъ его мантіей безопасно и отъ внѣшнихъ нападеній. Если какой-нибудь вновь пріѣхавшій въ Петербургъ членъ св. синода или новопоставленный архіерей изъявляли желаніе посмотрѣть академію, то они напередъ сказывали о томъ ректору, а иногда докладывали даже митрополиту. По пріѣздѣ въ академію посѣтитель первоначально заходилъ къ ректору; его тамъ позадерживали разговоромъ, а между тѣмъ давали знать инспектору и эконому, чтобы они приготовились къ пріему посѣтителя; но и тутъ показывали только церковь, библіотеку, залу, нѣсколько студенческихъ комнатъ, да столовую; я рѣшительно не помню, чтобы хоть кому-либо позволили сдѣлать подробный осмотръ академіи. Разумѣется, все находили прекраснымъ, благодарили отца ректора и инспектора; затѣмъ, большею частію тогда же или вскорѣ послѣ, заходили къ митрополиту Серафиму, чтобы выразить свое удовольствіе, испытанное при посѣщеніи академіи. Старикъ обыкновенно въ этомъ случаѣ говаривалъ: «да, я знаю, знаю, что у меня тамъ все прекрасно». Что же касается другихъ посѣтителей, особенно изъ свѣтскихъ лицъ, то развѣ ректоръ или инспекторъ показывали своимъ знакомымъ библіотеку, церковь, залу, классы, нѣсколько комнатъ студенческихъ и столовую, напередъ распорядившись, чтобы тамъ все было хорошо, по крайней мѣрѣ, чтобы не было слишкомъ дурно.

Сами оберъ-прокуроры св. синода не слѣдили за тѣмъ, какъ студентовъ учатъ, содержатъ, одѣваютъ и пр. Было даже почти общее убѣжденіе, что на это они и не имѣютъ права. Духовно-учебныя заведенія тогда непосредственно подчинялись не св. синоду, а коммиссіи духовныхъ училищъ, гдѣ засѣдали члены св. синода и оберъ-прокуроръ, но не какъ оберъ-прокуроръ, а какъ членъ, подобный другимъ. Единственная привилегія его состояла въ томъ, что имъ подписывались всѣ исходящія бумаги изъ коммиссіи, но она считалась обязанностью, а не привилегіею. На основаніи этихъ обстоятельствъ и думали, что отношенія оберъ-прокурора къ академіи нисколько не отличаются отъ отношеній къ ней прочихъ членовъ коммиссіи. И такъ какъ члены изъ духовныхъ особъ, по уваженію къ митрополиту Серафиму, какъ ближайшему начальнику петербургской духовной академіи,

и не думали входить въ разсмотрѣніе ея управленія, то полагали, что и оберъ-прокурорамъ не зачѣмъ ѣздить въ нее. Это, повидимому, подтверждалось поведеніемъ самихъ оберъ-прокуроровъ. Князь Мещерскій только и бывалъ въ ней на публичныхъ экзаменахъ. Даже Нечаевъ ни разу не осматривалъ академіи, хотя, по слухамъ, и поговаривалъ о томъ, что онъ когда-нибудь для этого пріѣдетъ въ нее. Но новый оберъ-прокуроръ не обращалъ вниманія на предшествовавшіе примѣры, и вскорѣ послѣ каникулъ потребовалъ себѣ свѣдѣніе о томъ, въ какіе дни и часы преподаетъ тотъ или другой наставникъ свой предметъ. По этому требованію, ужъ, кажется, можно бы догадаться о намѣреніи гр. Пратасова пріѣхать въ академію въ качествѣ начальника. Но людямъ, привыкшимъ въ извѣстнымъ порядкамъ, къ безмятежному спокойствію, не желательно, чтобы кто-либо нарушалъ ихъ, а чего хочется, тому и вѣрится. Намѣреніе гр. Пратасова посѣтить академію одни объясняли простымъ любопытствомъ, даже свѣтскою любезностью, которую его сіятельство хотѣлъ оказать ей; другіе же, особенно монашествующіе, видѣли въ томъ что-то странное, ненормальное. Впрочемъ, такія мысли главнымъ образомъ поддерживались тѣмъ, что визиты оберъ-прокурора не были желательны по многимъ причинамъ, о которыхъ сейчасъ будетъ сказано.

III.

О состояніи петербургской духовной академіи при вступленіи графа Пратасова въ должность оберъ-прокурора Св. Синода.

Наши іерархи, а вмѣстѣ съ ними и монашествующее начальство академіи хорошо понимали, что императорскій флигель-адъютантъ, свѣтскій и придворный человѣкъ, урожденный графъ, будетъ судить объ академіи по тому *идеалу*, который тогда въ свѣтскомъ оффиціальномъ обществѣ считался необходимымъ для всякаго, особенно средняго и высшаго учебнаго заведенія.

Хотя въ описываемое мною время петербургская духовная академія, по внѣшнему своему устройству, была, вѣроятно, лучшимъ изъ всѣхъ духовно-учебныхъ заведеній, но за всѣмъ тѣмъ едва ли не хуже нынѣшнихъ такъ-называемыхъ преобразованныхъ семинарій и рѣшительно уже не подходила подъ тотъ идеалъ, который мною сейчасъ обрисованъ. У дверей съ параднаго крыльца пріѣхавшій въ академію посѣтитель не увидалъ бы ни швейцарской булавы, ни треугольной шляпы, ни швей-

царской ленты черезъ плечо и пр., потому что и самого швейцара не было. Пріѣзжій входилъ въ огромнѣйшія, не очень свѣтлыя сѣни, носившія на себѣ характеръ тѣхъ подземелій, которыхъ описаніе въ былыя времена встрѣчалось чуть не въ каждомъ романѣ блаженной памяти госпожи Радклифъ. Изъ этихъ сѣней было нѣсколько ходовъ въ разныя части зданія; два, наиболѣе красивые, вели къ церкви и смежнымъ съ нею коридорамъ, другіе два вели на студенческую и на начальническую половины, а въ концѣ сѣней находились еще два хода *въ катакомбы*, т.-е., въ подвальный этажъ откуда, пожалуй, какъ изъ какого-либо радклифовскаго подземелья, нелегко было найти выходъ. Счастливъ пріѣзжій, если онъ въ сѣняхъ встрѣчалъ кого-либо изъ академическихъ жителей, который бы указалъ ему надлежащую дорогу, а то случалось, что иной долженъ былъ долгонько похаживать по сѣнямъ въ ожиданіи встрѣчи съ кѣмъ-нибудь. Рѣшившіеся же сами себѣ пролагать дорогу и *добывать языка* не всегда дѣлали удачный выборъ; смѣлѣйшіе, замѣтивъ наиболѣе парадный ходъ къ церкви, туда и отправлялись, но тамъ только въ часы богослуженія и во время классовъ можно было кого-либо встрѣтить. Другіе же менѣе смѣлые попадали даже въ катакомбы.

Пища студентовъ, особенно въ скоромные дни, была довольно порядочная, но сценическая, такъ сказать, обстановка ея не могла назваться хорошею, даже еслибы обсуживать ее не по идеалу свѣтскихъ заведеній. Столовое бѣлье перемѣнялось однажды въ недѣлю и къ концу ея уже никакъ не могло назваться чистымъ, тѣмъ болѣе, что нѣкоторые студенты, не ознакомившись въ семинарскихъ бурсахъ съ назначеніемъ салфетокъ, употребляли ихъ вмѣсто носовыхъ платковъ. Столовая посуда была мѣдная, луженая, ложки деревянныя въ видѣ лодочекъ. Но въ свѣтскомъ посѣтителѣ не могло не произвести дурного впечатлѣнія при самомъ починѣ обѣда слѣдующее обстоятельство. Для сидѣнья студентамъ находилось здѣсь до 40 небольшихъ скамеекъ, которыя не въ обѣденное время задвигались подъ столы. Вотъ бьетъ звонокъ къ обѣду; отворяются обѣ половинки двери въ столовую; студенты спѣшатъ взойти въ нее и размѣститься на назначенныхъ имъ мѣстахъ. Такъ какъ входили всѣ, не соблюдая никакого порядка, то также безпорядочно размѣщались. Придвинутыя 40 скамеекъ надобно было отодвинуть для того, чтобы на нихъ сѣсть; и вотъ начиналась разыгрываться музыка отъ 40 этихъ вовсе не гармоническихъ инструментовъ. Наконецъ, молитвы не пѣли, а чередной старшій прочитывалъ ее; но это дѣлалось въ

то время, когда въ столовой былъ кто-либо изъ начальниковъ; въ другихъ же случаяхъ эта формальность не исполнялась, или исполнялась кое-какъ.

Стѣны, потолки и полы въ комнатахъ, занимаемыхъ студентами, окрашивались черезъ 3—4 года. Уже по этому одному они не могли отличаться *красивостью*, но было еще нѣсколько обстоятельствъ, отъ которыхъ они дѣлались безобразными. По какимъ-то бурсацкимъ преданіямъ, въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ отдѣльныя спальни для воспитанниковъ считались если не грѣхомъ, то вещью ненужною и даже вредною. Отъ этого и въ петербургской духовной академіи въ одной и той же комнатѣ стояли кровати для спанья, столы и табуреты для учебныхъ занятій, шкафы для платья, комоды и сундуки для книгъ и бѣлья, —всѣмъ можно было полюбоваться вдругъ. Кровати располагались по длинѣ стѣнъ и плотно къ нимъ придвигались, отъ чего краска на стѣнахъ студентами или стиралась, или засаливалась; такъ что, вынесши всѣ кровати изъ комнаты, можно было по этимъ засаленнымъ мѣстамъ узнать, гдѣ онѣ стояли. Далѣе, многіе студенты особенно въ ночное время плевали и харкали на стѣны. Наконецъ, ученый народъ не могъ же не дѣлать чернильныхъ пятенъ на столахъ, полахъ и даже стѣнахъ.

Краска на полахъ, подновляемая чрезъ 3—4 года, не могла не стираться ногами студентовъ, особенно близъ дверей и столовъ, за которыми они занимались. Комнаты такимъ образомъ раздѣлялись на отдѣльныя какъ бы области; въ однихъ краска болѣе или менѣе держалась, въ другихъ же доски показывали свой натуральный цвѣтъ. Къ этому еще слѣдуетъ прибавить новое обстоятельство. Подъ каждою кроватью, стоялъ сундукъ, который по нѣскольку разъ въ день выдвигался и задвигался; отъ этого дно каждаго сундука, стирая мало-по-малу краску, производило разнообразные рисунки на полу. Какъ будто для того, чтобы увеличить безобразіе и неопрятность въ комнатѣ, студентамъ дозволено было на свой счетъ пить чай; для этого они имѣли не только свои чайныя чашки, чайники, но и самовары. И опрятной хозяйкѣ нужно не мало хлопотъ и заботъ, чтобы не оставалось никакихъ слѣдовъ чаепитія, но студенты не принадлежали къ числу опрятныхъ хозяекъ, да имъ нечѣмъ было и вытирать столы. Понятно, какіе были результаты всего этого. Подоконники и столы, на которые, за неимѣніемъ поддонковъ, прямо ставили самовары, по мѣстамъ обугливались, покрывались пятнами отъ горячихъ блюдечекъ и чашекъ; остатки чая, за неимѣніемъ полоскательныхъ чашекъ, выливались въ плевальницы,

а то и просто на полъ или на столъ. Въ добавокъ тамъ выглядывалъ самоваръ, иногда нечищенный, Богъ знаетъ, сколько времени; тутъ красовались чайникъ съ отбитымъ носкомъ или чашка безъ ручки и пр. Заглянувши подъ кровать, можно было увидать даже и бутылки, только не съ квасомъ или водою. Прибавьте сюда разбросанныя книги, не прибранное въ шкафъ платье, лишніе сапоги, болѣе или менѣе годные и негодные и пр., и пр. Непривлекательная картина! О томъ, чтобы кровати были аккуратно убраны, нельзя было и думать. Бумазейныя одѣяла, выдававшіяся студентамъ, сами собою не отличались ни видомъ, ни добротою, ни даже прочностью, еще менѣе бѣлизною, потому что студенты, ложась на нихъ днемъ въ сапогахъ, зачернивали ихъ очень скоро. Если же опрятный студентъ отдавалъ ихъ въ мытье, то постель оставалась безъ одѣяла до 20 дней и закрывалась простынею, которую можно было перемѣнять не ранѣе, какъ черезъ 10 дней. Уборкою кроватей занимались сами студенты; но еслибы прислуга съ утра натянула, какъ слѣдуетъ, одѣяла и взбила перья въ подушкахъ, то студентами все это въ теченіи дня было бы примято.

Мебель вполнѣ соотвѣтствовала комнатамъ; единственнымъ матеріаломъ для устройства ея служила сосна; не только краснаго, ясеневаго или дубоваго, даже, кажется, березоваго дерева не было на нее употребляемо. Конечно, при постройкѣ ея плотникъ или столяръ дѣйствовалъ не однимъ топоромъ или пилою; приходилось ему прибѣгать и къ скобели, и даже къ рубанку, но за всѣмъ тѣмъ вся она имѣла характеръ топорной работы; такъ мало было въ ней притязаній на изящество или вкусъ. При устройствѣ ея главная забота, кажется, состояла въ томъ, чтобы ее трудно было изломать, даже еслибы кто и рѣшился сдѣлать это. Въ самыхъ классахъ столы, за которыми засѣдали гг. профессоры и баккалавры (каѳедръ не было), по грубой своей отдѣлкѣ и некрасивой формѣ, приличнѣе были бы для деревенской избы небогатаго крестьянина, нежели для высшаго учебнаго заведенія. Немного получше этой мебели были классные столы или парты, шкафы, комоды, а табуреты едва ли даже и не хуже ея.

Трудно было разсчитывать, чтобы и студенты своимъ внѣшнимъ видомъ могли произвести пріятное впечатлѣніе на то лицо, которое привыкло судить о воспитанникахъ училищъ по идеалу свѣтскихъ заведеній. Тогда въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ господствовала во всей силѣ теорія смиренія и уничиженія. Въ глазахъ монашествующаго начальства для пріобрѣтенія титула бла-

благонравнаго воспитанника, между прочимъ, нужно было имѣть опущенные долу очи, немножко постноватый видъ, нѣсколько угрюмую физіономію, смотрѣть не всѣми, такъ сказать, глазами, а изъ подлобья, кланяться въ поясъ на манеръ монастырскихъ послушниковъ. О томъ, чтобы семинаристы были ловки, развязны, имѣли хорошую выправку и свѣтскіе пріемы, чтобы умѣли сдѣлать приличный поклонъ, заботились о своей прическѣ, смотрѣли прямо въ глаза, говорили бойко, безъ застѣнчивости,—о всемъ этомъ и тому подобномъ почти никто изъ начальствующихъ не заботился; это-де относится къ внѣшности. Конечно, въ духовныя академіи поступали лучшіе семинаристы; многіе изъ нихъ, впрочемъ, не отъ вліянія своего монашескаго начальства, понимали нелѣпость бурсацко-семинарскихъ пріемовъ и старались отъ нихъ освободиться; встрѣчалось между ними немало такихъ, которые умѣли усвоить себѣ свѣтскую ловкость и развязность; сюда особенно принадлежали студенты, поступавшіе изъ семинарій петербургской и западныхъ губерній. Но за тѣмъ еще очень много оставалось студентовъ, которые не освободились отъ семинарщины. Достаточно сказать, что въ это время или очень близко къ нему учились въ петербургской духовной академіи студенты Дм. М., С. В. и И. Л., всѣ они принадлежали къ первому разряду; между тѣмъ инспекторъ находилъ нужнымъ предъ экзаменами, особенно публичными, посмотрѣть, причесалъ ли одинъ изъ нихъ свои волосы и нѣтъ ли въ нихъ и на платьѣ пуха, а другихъ двухъ поучить, какъ они должны стоять предъ экзаменаторами и какъ имъ кланяться. Какъ же послѣ этого не желать, чтобы никто изъ свѣтскихъ вліятельныхъ лицъ не заглядывалъ не только въ семинаріи, но и въ академіи? Вѣдь ясно, что угрюмые, съ опущенными внизъ глазами, или изъ подлобья посматривающіе, неразвязные, неловкіе, мѣшковатые, не умѣющіе прилично поклониться студенты не понравятся свѣтскому посѣтителю.

Къ большей бѣдѣ одежда и бѣлье студентовъ были въ то время слишкомъ въ неудовлетворительномъ состояніи. Почти навѣрное можно сказать, что въ настоящее время въ такъ-называемыхъ преобразованныхъ низшихъ духовныхъ училищахъ казенные воспитанники одѣты и снабжены бѣльемъ лучше, нежели тогдашніе студенты академіи. Не говорю уже о томъ, что послѣдніе не получали отъ казны ни носовыхъ платковъ, ни утиральниковъ, ни теплыхъ носковъ, ни калошъ, ни шинели, ни фуражки; для прикрытія головы выдавалась на два года шляпа, едва ли стоившая пяти рублей ассигнаціями. Суконный сюр-

тукъ назначался на два года; въ немъ ходили въ церковь, въ городъ, одѣвались вообще въ парадныхъ случаяхъ, или когда уже нечего было надѣть. Обыкновенною повседневною одеждою служили нанковые сюртуки, почему-то называвшіеся шлафроками; ихъ выдавали по одному на цѣлый годъ. Только на черезъ-чуръ скромныхъ студентовъ, избѣгавшихъ всякаго порывистаго и живого движенія, такой шлафрокъ могъ къ концу года имѣть *какую доброту*, но и то очень и очень позасаливался; у большинства же къ тому времени, а у многихъ и чрезъ полгода совсѣмъ изнашивался и, какъ говорится, валился съ плечъ. Притомъ для починки платья не нанимали портного; студенты должны были или сами зачинивать свою одежду, или поручать это служителямъ, разумѣется, за деньги. Но у одного не доставало искусства шить, у другого не было ни гроша; отъ этого прорѣхи и на швахъ и въ цѣльныхъ мѣстахъ, оставаясь долго незашитыми, болѣе и болѣе увеличивались. Не шутя говорю, что иногда можно было встрѣчать господина, на которомъ нанковый сюртукъ былъ не только засаленъ, зачерненъ, даже съ грязноватымъ глянцемъ, но и безъ порядочной части рукава или полы. Брюки шили для зимы изъ очень посредственнаго сукна, а для лѣта изъ китайки бланжеваго цвѣта. Впрочемъ, студенты относительно этого платья вели себя по патріархальному; очень многіе и очень часто не только въ жилыхъ комнатахъ сидѣли, но и на лекціи въ классъ ходили безъ брюкъ;—повѣрьте, именно безъ брюкъ. И теперь смѣшно вспомнить, какъ иной дѣтина лѣтъ въ 25, ростомъ 2 аршина и 10 даже вершковъ, который черезъ годъ и менѣе будетъ гдѣ-либо профессоромъ, идетъ бывало по классу при наставникѣ и лѣвою рукою придерживаетъ правую полу своего нанковаго сюртучка, чтобы она, распахнувшись, не показала *міровы* нижняго бѣлья. При столь явно-недостаточной одеждѣ многіе имѣли свою собственную; не говорю уже о шинеляхъ, можно было въ шкафахъ и на самихъ студентахъ увидать тулупы, халаты или сюртуки не изъ казенныхъ матеріаловъ. Какъ же было не желать, чтобы свѣтскія вліятельныя лица никогда не заглядывали въ духовную академію? Хорошо еще, если напередъ узнають о ихъ прибытіи; тогда велятъ пріодѣться въ сюртуки и надѣть на себя брюки. Ну, а если налетитъ кто-нибудь орломъ или ястребомъ неожиданно, непрошенный? вѣдь онъ сразу застанетъ кого въ засаленномъ и разодранномъ рубищѣ, кого въ халатѣ, а то, пожалуй, и въ тулупѣ.

Прислуга же показалась бы всякому еще безобразнѣе одѣ-

тою, нежели студенты. Ее кормили, но не обмундировывали на казенный счетъ, а выдавали ей рублей по осьми ассигнаціями жалованья въ мѣсяцъ. Такое жалованье и въ то время не очень было привлекательно; приходилось нанимать отставныхъ солдатъ —стариковъ, которые не могли найти себѣ болѣе выгодныхъ мѣстъ по своимъ слабостямъ и недостаткамъ. Небольшое свое жалованье употребляя на разныя свои потребности, а частенько и на подкрѣпленіе себя жизненною водою, они немного оставляли на свою экипировку. Отъ этого, конечно, кое-кто изъ прислуги одѣтъ былъ порядочно, но большинство получало отъ студентовъ изношенное ими платье, и оно-то со многими заплатами, еще болѣе прежняго засаленное и зачерненное, красовалось на служителяхъ. Нѣкоторые изъ нихъ казались иногда похожими по своей одеждѣ на нищихъ.

Нельзя не сказать и того, что начальство, привыкши съ давнихъ поръ жить подъ сѣнію митрополита, вело себя, какъ говорится, спустя рукава, не умѣло продать товаръ лицомъ и не владѣло искусствомъ выставить на видъ даже то, что́ у него было дѣйствительно хорошо, отличаться своею изворотливостью, усердіемъ и услужливостью предъ важными посѣтителями.

Наконецъ внѣшняя даже сторона учебной части (о внутренней я ничего пока не говорю) страдала порядочными недостатками. На каждую лекцію назначалось тогда по два часа. Конечно, нелегко было непрерывно говорить столь продолжительныя лекціи; но многіе наставники уже очень заботились о сокращеніи ихъ, являясь въ классъ послѣ звонка спустя не только полчаса, но и цѣлый часъ. Затѣмъ и студенты, конечно, не всѣ, приходили на лекціи послѣ наставниковъ; а очень часто и вовсе не жаловали, такъ что у нѣкоторыхъ баккалавровъ и даже профессоровъ, не пользовавшихся репутаціей, сидѣло иногда менѣе половины студентовъ. Инспекторъ принималъ мѣры противъ такого самовольства, но и студенты умѣли укрываться отъ него въ разныхъ тайныхъ мѣстахъ, которыхъ было не мало въ академическомъ домѣ и садѣ и куда не проникалъ инспекторскій глазъ.

По всей вѣроятности читатели будутъ бранить тогдашнее академическое начальство, почему оно или не хотѣло замѣтить описанные здѣсь недостатки или, замѣчая ихъ, не принимало мѣръ къ ихъ исправленію. Не обвиняйте его, по крайней мѣрѣ, произнося свой приговоръ, примите во вниманіе смягчающія обстоятельства. Начальники тогдашніе и прежніе видѣли недостатки и нѣкоторые изъ нихъ искренно желали исправить ихъ,

но что же станешь дѣлать съ силой, которая солому ломитъ. По господствовавшей тогда въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ теоріи смиренія и уничиженія, хорошо одѣвать и прилично содержать студентовъ не слѣдовало. Одѣнь ихъ хорошо, тогда они ознакомятся съ свѣтскими людьми, позаимствуются отъ нихъ мірскими идеями и потеряютъ характеръ духовныхъ воспитанниковъ; пусть останутся тѣмъ, чѣмъ были («sint, ut sunt»). Пусть, и сидя дома, въ своихъ разодранныхъ и засаленныхъ казенныхъ шлафрокахъ, не слишкомъ высоко думаютъ о себѣ, видя, что они по одеждѣ своей очень похожи на бурсаковъ-семинаристовъ. Зачѣмъ также заботиться о чистотѣ въ комнатахъ? вѣдь не только отцы студентовъ, но и всѣ тогдашніе владыки въ своей молодости жили еще грязнѣе; да и студентамъ по окончаніи академическаго курса, Богъ знаетъ еще, гдѣ и какъ придется жить. Пріучи ихъ въ академіи къ полному довольству и нѣкоторой хоть пышности, тогда имъ тяжелѣе будетъ переносить предстоящія лишенія на службѣ. Еще была болѣе странная теорія—беречь казенныя деньги, но съ заднею мыслью: тогда вмѣнялось въ особую заслугу начальникамъ духовно-учебныхъ заведеній то, что они изъ небогатыхъ окладовъ умѣли уэкономливать остатки и составлять при своихъ заведеніяхъ такъ-называемыя остаточныя суммы; за это собственно давались награды; въ петербургской духовной академіи остаточныхъ суммъ съ накопившимися процентами было до ста тысячъ серебромъ. При господствѣ такого рода теоріи начальникъ академіи, рѣшившійся хлопотать о какихъ-либо улучшеніяхъ относительно студентовъ, получалъ обыкновенно отъ митрополита одинъ отвѣтъ. «Къ чему это? мы еще хуже жили, да вотъ вышли въ люди; берегите лучше деньги, когда-нибудь онѣ пригодятся». Однажды академическое начальство какъ-то уговорило митрополита дозволить сдѣлать представленіе въ коммиссію духовныхъ училищъ объ улучшеніи студенческой одежды, но оттуда получило отвѣтъ, что представленіе академическаго правленія будетъ принято во вниманіе при составленіи новаго положенія объ одеждѣ студентовъ. Послѣ этого за что же сурово обвинять академическое начальство во многихъ тогдашнихъ недостаткахъ?

Впрочемъ, предъ самымъ *нашествіемъ* (такъ называли потомъ первые визиты, которые сдѣлалъ гр. Пратасовъ петербургской духовной академіи) академическое начальство предприняло нѣкоторыя улучшенія отчасти съ разрѣшенія митрополита, отчасти же и не спрашиваясь его. Оно настойчиво потребовало,

чтобы наставники поранѣе ходили въ классъ, а студенты не оставались во время лекцій въ жилыхъ комнатахъ и въ тайныхъ мѣстахъ, а сидѣли непремѣнно въ классахъ. Приказано было также студентамъ не ходить въ классъ, такъ сказать, *дезабилье*, надѣвать казенное платье для соблюденія хоть какого-либо однообразія въ одеждѣ, прибирать въ жилыхъ комнатахъ въ комоды, шкафы и сундуки,—платье, книги, бѣлье, чайники, чашки и пр. Потомъ, начальство деревянныя ложки въ столовой замѣнило ложками изъ начинавшаго тогда входить въ моду нейзильбера или польскаго серебра, купило для кроватей новыя байковыя, очень хорошія одѣяла, дѣйствуя въ этомъ случаѣ даже противъ устава, который назначалъ для каждаго студента только одно бумазейное одѣяло. Наконецъ, наняло для приготовленія студенческой пищи настоящаго повара, а до того времени главнымъ поваромъ состоялъ солдатъ, учившійся кулинарному искусству на академической же кухнѣ. Замѣчательно, что это нововведеніе едва ли не болѣе всего было порицаемо не только въ академіи, но и въ цѣломъ петербургскомъ духовенствѣ. «Вотъ еще,—говорили ревнители старины,—придумали завести ученаго повара! Какъ будто для студентовъ нужно готовить разныя фрикасе и бламанже! Къ чему эта излишняя роскошь?» И только по истеченіи цѣлаго года перестали мало-по-малу повторять свои аскетическіе возгласы, когда цифрами имъ доказали, что студенческая пища, очень улучшившись при настоящемъ поварѣ, между тѣмъ обошлась дешевле прежняго едва ли не двумя тысячами рублей ассигнаціями.

Разумѣется, подобного рода улучшенія не могли измѣнить общую, такъ сказать, физіономію академіи, тѣмъ болѣе, что гр. Пратасовъ былъ, какъ тогда не безъ основанія говорили, предубѣжденъ противъ академическаго начальства. На чемъ основывалось такое предубѣжденіе, ничего положительно сказать не могу. Выше я уже описалъ характеръ тогдашняго ректора; кажется, считать его дурнымъ, неспособнымъ начальникомъ не было достаточныхъ причинъ; страдалъ онъ одною слабостью, которая низвела его послѣ и въ могилу; но въ описываемое время эта слабость обнаруживалась рѣдко, притомъ только въ пріятельскихъ кружкахъ его, и не всѣмъ даже академическимъ наставникамъ была извѣстна. Говорили также, что ректору не мало повредило благоволеніе къ нему московскаго митрополита Филарета Дроздова; у послѣдняго съ гр. Пратасовымъ начались уже тѣ отношенія, которыя можно выразить вошедшимъ нынѣ въ моду словомъ: *пикироваться*. Инспекторъ же тогдашній былъ

вполнѣ достоинъ своего мѣста, принадлежалъ къ очень хорошимъ наставникамъ академіи, имѣлъ на студентовъ моральное вліяніе и считался однимъ изъ лучшихъ тогдашнихъ проповѣдниковъ въ Петербургѣ. Такимъ образомъ не было причинъ быть предубѣжденнымъ противъ академическаго начальства; по всей вѣроятности, или самъ графъ имѣлъ слабость составить невѣрное сужденіе о нихъ по какому-либо мимолетному впечатлѣнію, или ловкая интрига умѣла очернить предъ нимъ людей, заслуживавшихъ уваженіе.

IV.

О первыхъ визитахъ, которые гр. Пратасовъ сдѣлалъ петербургской духовной академіи.

При описанныхъ сейчасъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ начались самыя *нашествія* его сіятельства. Два изъ нихъ можно было назвать еще не нашествіями, а чѣмъ-то похожимъ на рекогносцировку. Въ самый же первый свой пріѣздъ гр. Пратасовъ, кажется, хотѣлъ не столько посмотрѣть академію, сколько себя показать. Онъ считалъ возможнымъ въ продолженіе какого-либо часа узнать посредствомъ личнаго экзамена, каковы успѣхи студентовъ по части богословія и близкихъ къ нему наукъ, и даже доказать, что эти успѣхи очень недостаточны. Пришедши прямо въ классъ высшаго отдѣленія, онъ не сталъ слушать лекціи наставника, а началъ предлагать вопросъ за вопросомъ исключительно изъ катехизиса Петра Могилы, и изъ церковной исторіи, преимущественно объ уніи. Исторія тогда преподавалась по очень дурному учебнику, да и профессоръ еще не дошелъ до временъ уніи, а катехизисъ Петра Могилы, можно сказать, почти вовсе былъ неизвѣстенъ въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ. Не удивительно послѣ этого, что многіе отвѣты студентовъ оказались неудовлетворительными. Особенно графъ не могъ надивиться тому, что студенты не знали такъ-называемыхъ церковныхъ заповѣдей, о которыхъ кромѣ катехизиса Петра Могилы нигдѣ тогда и не было писано.

При второмъ визитѣ графъ не занимался уже экзаменомъ студентовъ, а слушалъ лекціи наставниковъ и, надобно сказать, не выказалъ особенной вѣжливости, по крайней мѣрѣ, къ одному изъ нихъ, именно къ тому о. Клименту, о которомъ я выше говорилъ. Не задолго до того времени о. Климентъ, получивъ званіе архимандрита, счелъ за нужное поблагодарить за такую

милость членовъ св. синода, а кстати уже и оберъ-прокурора. Новый архимандритъ слишкомъ не любилъ вліянія мірянъ на духовныя дѣла, хотя бы эти міряне были и оберъ-прокуроры св. синода; и потому онъ вовсе не считалъ себя обязаннымъ Пратасову за свой новый санъ; но ему хотѣлось поближе взглянуть на оберъ-прокурора, да, кажется, и себя показать ему. Графъ долго говорилъ съ новымъ архимандритомъ о разныхъ ученыхъ предметахъ и объ академіи. Отецъ Климентъ, если только вѣрить его словамъ, «не уронилъ себя» и одержалъ побѣду надъ полковникомъ, даже «задалъ ему форсу». При разставаніи гр. Пратасовъ обѣщалъ пріѣхать на лекцію къ о. архимандриту, который будто бы отвѣчалъ: «благодарю васъ покорно; пожалуйте; мнѣ ваше посѣщеніе будетъ очень пріятно; я буду ожидать васъ». Не смотря на улыбку, которая появилась на лицѣ гр. Пратасова при этомъ фамильярномъ приглашеніи, о. Климентъ все-таки восхищался своимъ отвѣтомъ, впрочемъ, захотѣлъ угостить любознательнаго полковника возможно-лучшимъ образомъ.

Полагая, что графъ пріѣдетъ къ нему на слѣдующій же классъ, о. Климентъ съ особеннымъ усердіемъ приготовилъ лекцію о первомъ вселенскомъ соборѣ, но при этомъ сдѣлалъ большой промахъ. Хотя онъ по своему образу мыслей былъ православнѣйшій человѣкъ, не любилъ ничего похожаго на либераловъ, даже не вѣрилъ въ Коперникову систему; но, какъ надобно думать, лукавый ввелъ его во искушеніе. Разсчитывая на то, что графъ, какъ мірянинъ, имѣетъ свѣтскій взглядъ на историческихъ дѣятелей, и желая угодить такому взгляду, о. Климентъ вздумалъ немножко полиберальничать и, описывая первый вселенскій соборъ, разсказалъ о бурныхъ сценахъ, происходившихъ на немъ, не умолчалъ даже и о *реприманть*, который сдѣлалъ отцамъ собора императоръ Константинъ Великій. Лекція была сказана, а гр. Пратасовъ, какъ нарочно, не пріѣхалъ выслушать ее. Во второй свой визитъ гр. Пратасовъ явился неожиданно на лекцію о. Климента; въ ней предполагалось говорить о нашей Кормчей Книгѣ или, лучше, прочитать важнѣйшія каноническія правила, въ ней помѣщенныя, и сопроводить ихъ своими замѣчаніями; для чего принесена была и самая Кормчая. О. Климентъ въ гр. Пратасовѣ уже не замѣтилъ той вѣжливости, которую онъ встрѣтилъ, благодаря его за свою архимандрію; сдѣлавъ ему приличный поклонъ, онъ услышалъ только: *продолжайте*. Сталъ продолжать и сдѣлалъ промахъ. Сначала дѣло шло о Кормчей Книгѣ вообще; полагая по прежнему, что гр. Пратасову, какъ мірянину, можно понравиться мыслями,

рилъ, когда на другой или на третій день ректоръ пріѣхалъ благодарить его за визитъ. Не знаю почему, только всѣ улучшенія послѣ этого ограничились тѣмъ, что на парадномъ входѣ въ академію поставленъ былъ швейцаръ, впрочемъ, безъ булавы, треугольной шляпы и ленты черезъ плечо; эти принадлежности сочтены были неприличными для духовнаго учебнаго заведенія; тутъ стоялъ просто отставной солдатъ въ военной шинели и фуражкѣ. Послѣ второго пріѣзда графъ былъ недовольнѣе прежняго, замѣтивъ, что все остается по прежнему. Видя безполезность своихъ совѣтовъ и замѣчаній, онъ послѣ этого, кажется, вмѣсто рекогносцировокъ рѣшился сдѣлать настоящее нашествіе и поразить противящихся или, по крайней мѣрѣ, не слушающихся его власти.

Въ третій разъ случайно, или намѣренно, гр. Пратасовъ пріѣхалъ въ то время, когда студенты не сидѣли въ классѣ, а обѣдали въ столовой. Насидѣвшись въ казенномъ платьѣ въ теченіе четырехъ часовъ, многіе изъ нихъ сбросили его и надѣли свое, даже халаты, а другіе хоть и казенное, но ужъ слишкомъ поношенное и засаленное, даже переношенное, пересаленное и близкое къ рубищамъ. И въ жилыхъ комнатахъ распорядились по своему. Иному не захотѣлось прибрать скинутое платье въ шкафъ; онъ бросилъ его на кровать; другой нашелъ нужнымъ полежать немного на своей постелѣ, и чрезъ то примялъ подушки и понадѣлалъ складокъ на одѣялѣ; тотъ, растворивши шкафъ, послѣ не успѣлъ затворить его, и такимъ образомъ сдѣлалъ видимымъ безпорядокъ, тамъ господствовавшій; этотъ не позаботился задвинуть свой сундукъ подъ кровать, въ который ему нужно было зачѣмъ-то заглянуть; многіе же не прибрали своихъ книгъ и тетрадей, а разбросали ихъ по столамъ и кроватямъ, и пр., и пр.

Графъ, вошедши въ столовую, былъ сильно пораженъ разнообразіемъ и, пожалуй, безобразіемъ одежды на студентахъ. Не говорю уже о засаленныхъ, разорванныхъ нанковыхъ сюртучишкахъ, ему пришлось тутъ увидѣть халаты изъ термаламы, даже шинели и два-три тулупа. Послѣднее покажется страннымъ; неужели въ столовой было холодно? Нѣтъ, тутъ былъ особый разсчетъ. Нѣкоторые студенты имѣли обыкновеніе прогуливаться тотчасъ послѣ обѣда и потому, не желая вновь возвращаться въ комнаты за теплымъ платьемъ, ходили въ столовую, накидывая на себя шинели и тулупы. Для графа такой маскарадъ до такой степени былъ неожиданнымъ, что онъ ничего не могъ сказать въ столовой и поспѣшилъ пойти въ жилыя комнаты и чрезъ

о попрепятствовалъ посланной было туда прислугѣ привести все въ надлежащій порядокъ. Такимъ образомъ, предъ нимъ явились отворенные шкафы, не задвинутые подъ кровати сундуки, разбросанныя всюду книги и платье, измятыя постели, даже нѣсколько выглядывавшихъ чайниковъ и чашекъ. «Трактиръ что-ль здѣсь или казарма»?—сказалъ онъ въ негодованіи и быстро пошелъ въ классы, въ залу. Съ нимъ до того времени былъ одинъ экономъ, которому онъ съ досадою сказалъ: «вамъ надобно поучиться». Скоро потомъ явились ректоръ и инспекторъ, и графъ пошелъ въ большіе сѣни и предъ самымъ выходомъ изъ нихъ остановился. Тутъ произошла такого рода сцена.

Представьте себѣ не совсѣмъ правильный четыреугольникъ; на одномъ углу его стоитъ раздраженный графъ, на трехъ другихъ ректоръ, инспекторъ и экономъ академіи—свѣтскій наставникъ; каждый изъ этихъ лицъ отъ своихъ двухъ сосѣдей находился въ $1^1/_2$—2 аршинахъ. Затѣмъ въ нѣкоторомъ разстояніи отъ этой группы, вытянулись въ струнку швейцаръ и унтеръ-офицеръ. Кромѣ того, такъ сказать, въ глубинѣ сцены, изъ-за столбовъ сѣней и изъ сосѣднихъ корридоровъ выглядывали плутовскія головки любопытныхъ студентовъ, которые, не смотря на опасность попасть на глаза своему начальству, съ жадностью прислушивались и приглядывались къ тому, чтó происходило въ главной группѣ. Графъ, по крайней мѣрѣ, повидимому, былъ раздраженъ до самаго нельзя, бранилъ, или, какъ обыкновенно говорятъ, *распекалъ* предстоявшихъ предъ нимъ членовъ [illegible]мическаго правленія, на чемъ свѣтъ стоитъ. Смотря на [illegible] мундиръ и осанку графа можно было бы подумать, что [illegible] ковникъ *распекаетъ* своихъ офицеровъ за то, что ихъ [illegible] одѣтыми не въ военную форму; такъ мало казалось [illegible] чтобы полковникъ могъ бранить, именно бранить, [illegible] предъ нимъ двухъ архимандритовъ, въ полномъ [illegible] ныхъ; на шеѣ одного изъ нихъ висѣли орденъ А[illegible] и [illegible]міра. Ректоръ принялъ позу человѣка, который [illegible] съ нимъ такъ поступать не должно, но вмѣстѣ съ [illegible] маетъ, что тутъ ничего не сдѣлаешь съ [illegible] никомъ. Инспекторъ гордо и съ достоинствомъ, [illegible] кинувъ назадъ голову, выражалъ въ своемъ лицѣ и [illegible] и досаду, и вмѣстѣ съ тѣмъ готовность [illegible] какъ послѣдняя спица въ этой колесницѣ, не [illegible] какой роли. Ре[illegible]торъ [illegible] инспекторъ и [illegible] кое-что [illegible]совъ болѣе и болѣе [illegible] слова [illegible]вательной рѣчи, а [illegible]

ходили на воду въ порогахъ, гдѣ она прыгаетъ клубами съ камня на камень, шумитъ, разбивается, пѣнится и куда-то исчезаетъ. Наконецъ, онъ высказалъ самую сильную угрозу. «Знаете ли, что я съ вами сдѣлаю? Я васъ зашлю... зашлю туда... туда зашлю»... Но эта недосказанная, или, можетъ быть, неудобовысказываемая угроза, кажется, напомнила графу, что онъ немножко поразгорячился и далеконько поувлекся. Успокоиваясь мало-по-малу, онъ еще побранился нѣсколько времени, но уже не съ прежнимъ азартомъ, пошелъ къ ожидавшимъ его санямъ и уѣхалъ. Обруганные члены правленія, поклонившись его сіятельству за его наставительную бесѣду, молча отправились въ свои квартиры; только ректоръ, обратившись къ инспектору и эконому, сказалъ: «что вамъ за охота была говорить? Слова графа относились ко всѣмъ намъ вообще; поэтому мнѣ, какъ начальнику академіи, и слѣдовало отвѣчать ему; безъ меня вы могли бы говорить, ну а при мнѣ вамъ не къ чему было это дѣлать».

Едва ли не прямо изъ академіи гр. Пратасовъ заѣхалъ къ м. Серафиму и описалъ ее самыми черными красками. Вскорѣ затѣмъ пришелъ ректоръ и началъ искать защиты у старика противъ нападеній и притязаній графа, не промолчалъ также и о томъ, что унижать академическое начальство бранью, притомъ при солдатахъ, не слѣдуетъ. Старикъ, что называется, былъ между двухъ огней. Какъ монаху, ему, разумѣется, было непріятно, что полковникъ такъ безцеремонно обращается съ двумя архимандритами; какъ начальнику академіи, ему не могло также нравиться почти-что насильственное вторженіе другой власти въ его собственную область. Но съ другой стороны побѣдитель Голицына и Нечаева, кажется, уже не чувствовалъ въ себѣ достаточной энергіи, чтобы вступить въ открытую борьбу съ новымъ оберъ-прокуроромъ, который слылъ любимцемъ императора, но не Александра I, а Николая I. Онъ избралъ среднюю, такъ сказать, примирительную методу, такъ нравящуюся безхарактернымъ людямъ, особенно старикамъ. «Ну что же,—говорилъ онъ,—исправьте все, чего желаетъ его сіятельство, не жалѣйте денегъ». Но старикъ не очень расщедрился на это исправленіе; отъ скупости ли, или отъ непониманія дѣла, онъ полагалъ, что все исправить можно ничтожною суммою. «Ну что же тамъ,—прибавилъ онъ,—чего стоятъ какихъ-нибудь 200—300 руб.» По штату полагалось тогда 120 человѣкъ студентовъ и болѣе 30 человѣкъ служителей; прежде всего для удовлетворенія требованій графа нужно было хорошенько одѣть этихъ 150 чел. И вотъ отецъ

начальникъ совѣтуетъ не скупиться и находитъ возможнымъ исправить все, если среднимъ числомъ на каждаго студента и служителя будетъ истрачено по 1 р. 34 к. или по 2 руб. не серебромъ, а ассигнаціями! На такія деньги нельзя даже было сшить всѣмъ студентамъ и служителямъ по порядочной фуражкѣ!

Не обошлось, какъ слышно было, безъ сцены и въ св. синодѣ; но тутъ встрѣтился человѣкъ, которому, по русской пословицѣ, не нужно было за словомъ лазить въ карманъ. Съ военною откровенностью и, такъ сказать, неудержимостью гр. Пратасовъ разсказалъ о своихъ визитахъ въ академію, представилъ ее въ отвратительномъ видѣ, обвинялъ ректора во всѣхъ найденныхъ имъ безпорядкахъ и недостаткахъ, и предлагалъ смѣнить его. За ректора вступились, сваливая все на существовавшій еще давно до него порядокъ, впрочемъ замѣтили, что при первой открывшейся архіерейской вакансіи его можно будетъ сдѣлать епископомъ. Но гр. Пратасовъ предлагалъ просто смѣнить и послать его въ какой-либо монастырь, какъ человѣка ненадежнаго и вполнѣ неспособнаго къ занятію епископской каѳедры. Послѣ этого приговора, какъ тогда разсказывали, московскій митрополитъ Филаретъ Дроздовъ всталъ съ своего мѣста и, обратившись къ образу, сказалъ: «только во времена гоненій на церковь, людей, подобныхъ теперешнему отцу ректору здѣшней академіи, считаютъ не способными къ занятію епископскихъ каѳедръ». Слова эти были такъ неожиданны и рѣзки, произнесены съ тѣмъ умѣньемъ придавать вѣсъ каждому слову, которымъ отличался Филаретъ Дроздовъ, что гр. Пратасовъ не рѣшился пока продолжать битву съ этимъ грознымъ противникомъ.

Ректоръ академіи, справедливо оскорбленный грубымъ, можно сказать, солдатскимъ обращеніемъ оберъ-прокурора съ нимъ, находился въ большомъ затрудненіи. Его уже не очень ласково принялъ графъ послѣ перваго своего *нашествія* на академію. Не смотря на то, что оно отличалось начальническимъ характеромъ, тогда еще все думали, что это такъ — ничего, не болѣе, какъ фантазія молодого полковника, и потому ректоръ на другой день послѣ перваго визита гр. Пратасова счелъ обязанностью поѣхать къ нему и только *поблагодарить* его за посѣщеніе. Но услыхалъ очень суровый отвѣтъ: «за что же вы благодарите? это моя обязанность; я былъ у васъ, какъ начальникъ». Какихъ привѣтствій можно было ожидать теперь отъ раздраженнаго полковника? И потому ректоръ не только не торопился, но даже не хотѣлъ было ѣхать къ нему для объясненій. Но ему посовѣтовали измѣнить свое намѣреніе, и въ числѣ совѣтниковъ

былъ самъ митрополитъ Филаретъ Дроздовъ. Ректоръ, скрѣпя сердце, отправился къ грозному новому командиру академіи, но предварительно запасся всѣми свѣдѣніями, которыми можно было смягчить гнѣвъ его и защитить себя. Одинъ пріѣхалъ, — доложили; другой вышелъ, и начался разговоръ.

— Ну что?—сказалъ оберъ-прокуроръ,—что скажете?

— Ваше сіятельство,—отвѣчалъ ректоръ,—въ послѣдній разъ бывши въ академіи, вы очень остались недовольны ею.

— А то развѣ можно быть ею довольнымъ, когда тамъ такое множество безпорядковъ.

— Я пріѣхалъ къ вашему сіятельству за наставленіями, какъ и что̀ исправить; мы вполнѣ готовы; Бога ради скажите, что̀ вамъ не понравилось?

— Все, все, все.

— Конечно, и сами мы знаемъ, что у насъ многое нужно исправить, но едва ли все у насъ дурно; вотъ, напр., пища студентовъ неужели дурна?

— Ну нѣтъ, она хороша.

— Такъ позвольте узнать, что̀ именно нужно намъ исправить?

— Ну да вотъ у васъ одежда студентовъ очень дурна.

— Это совершенно справедливо, ваше сіятельство; мы и сами это знаемъ.

— Знаете, знаете, а почему же не исправляете?

— Не имѣемъ права; что̀ положено по уставу, мы все выдаемъ студентамъ, а сверхъ устава мы ничего не имѣемъ права дѣлать.

И тутъ ректоръ перечислилъ все, что̀ уставъ приказывалъ выдавать студентамъ по части одежды и бѣлья и пр., описалъ, какъ это недостаточно, и указалъ на нѣкоторые предметы, которые особенно нужны.

— Да почему вы, зная всѣ эти недостатки, до сихъ поръ не представляли о нихъ въ коммиссію духовныхъ училищъ?

— Извините, ваше сіятельство, академическое начальство не одинъ разъ уже пыталось исправить и пополнить студенческую одежду, но ему не дозволяли дѣлать это, или даже въ самомъ началѣ останавливали его представленія.

И тутъ же ректоръ разсказалъ о томъ, что̀ было извѣстно ему объ этихъ попыткахъ. Потомъ графъ сталъ указывать на разные другіе безпорядки и недостатки и къ своему удивленію получалъ отъ ректора отвѣты ясные, отчетливые. Тогда онъ перемѣнилъ нападеніе.

— Да вы, чтобы все устроить, вѣроятно, потребуете много новой суммы? Вѣрно этого добиваетесь?

— Нисколько не думаемъ объ этомъ, ваше сіятельство; напр., одежду студентовъ мы улучшимъ на положенный уставомъ окладъ, не испрашивая у васъ ни одной копѣйки.

— Такъ у васъ, значитъ, теперь отъ содержанія студентовъ остается много денегъ?

— Дѣйствительно такъ.

— А позвольте узнать, — съ сарказмомъ спросилъ графъ Пратасовъ:—куда же дѣвается эта сумма? Развѣ расходится по карманамъ?

Тутъ ректоръ, тономъ несправедливо оскорбленнаго человѣка, сказалъ: — извините, ваше сіятельство, вы напрасно насъ такъ обижаете; у насъ остаточная сумма не расходится по карманамъ, а вносится въ опекунскій совѣтъ; всей такой суммы въ академіи набралось до 350,000 р.; извините, ваше сіятельство, по карманамъ она не расходится. Вы насъ напрасно обижаете.

Оберъ-прокуроръ, не смотря на свою горячность и негодованіе, какъ человѣкъ умный, добрый, честный и справедливый, увидалъ, что академическое начальство вовсе не такъ виновно, какъ ему съ перваго раза представлялось. Но не желая еще вполнѣ отказаться отъ начальническаго тона, онъ сказалъ: —если у васъ есть деньги на исправленіе одежды, такъ скорѣе, завтра же дѣлайте представленіе; мы тотчасъ же разрѣшимъ вамъ.

— Завтра этого нельзя сдѣлать,—отвѣчалъ ректоръ.

— А почему бы такъ?

— Потому что при составленіи новаго росписанія студенческой одежды, надобно многое сообразить, обдумать, освѣдомиться о цѣнахъ и пр., ваше сіятельство, какъ вамъ угодно, въ день этого никто не сдѣлаетъ.

— Ну, такъ вотъ вамъ даю срокъ три дня; въ этотъ срокъ непремѣнно все приготовьте.—На этомъ разговоръ и покончился.

V.

Первыя реформы, произведенныя въ петербургской духовной академіи по распоряженію графа Пратасова.

Въ академіи началась поспѣшная работа; считали, разсчитывали, писали, расписывали, переписывали, справлялись о цѣнахъ и количествѣ матеріаловъ, нужныхъ на одежду, спрашивали

студентовъ, въ чемъ они нуждаются, и дѣйствительно успѣли въ три дня покончить заданную работу. Бумаги были написаны не по формѣ, безъ всякаго заглавія; онѣ, сколько мнѣ помнится, начинались чуть ли не слѣдующими словами: «по уставу духовныхъ академій положено выдавать каждому студенту ежегодно то-то; на два года то-то» и пр. Ректоръ повезъ ее къ гр. Пратасову.

— Ну что?—сказалъ графъ, увидѣвши ректора,—все приготовили?

— Все приготовили, ваше сіятельство, вотъ и самый проектъ я привезъ къ вамъ.

Графъ Пратасовъ, взявши бумагу, отчасти прочитавъ ее, а болѣе выслушавши содержаніе ея отъ ректора, во всемъ согласился и сказалъ: «ну, такъ скорѣе же дѣлайте представленіе,—нынѣ же».

— Ваше сіятельство,—отвѣчалъ ректоръ, — позвольте намъ не дѣлать представленія.

— Это что такое значитъ?—съ изумленіемъ и негодованіемъ спросилъ оберъ-прокуроръ.

— Извините, ваше сіятельство; вамъ желательно, чтобы дѣло какъ можно скорѣе было покончено, а формальное представленіе съ нашей стороны только замедлитъ его, даже можетъ встрѣтить препятствія.

— Какъ такъ? Отчего?

— Мы сначала должны представить преосвященнѣйшему митрополиту, дожидаться его резолюціи, потомъ писать новое представленіе въ коммиссію духовныхъ училищъ. Кромѣ того, осмѣливаюсь доложить вашему сіятельству, что, по всей вѣроятности, высокопреосвященный митрополитъ едва ли одобритъ наше представленіе.—И тутъ ректоръ повторилъ то, чтó онъ уже говорилъ о прежнихъ неудавшихся попыткахъ академическаго правленія улучшить студенческую одежду, и потомъ разсказалъ еще о недавнемъ замѣчаніи м. Серафима, что можно все поправить на 200—300 руб. асс.

— Такъ что же дѣлать?—спросилъ оберъ-прокуроръ.

— Пусть коммиссія духовныхъ училищъ, примѣнительно къ представленному мною вамъ проекту, сама сдѣлаетъ распоряженіе, на которое она имѣетъ право, и предпишетъ намъ ввести новое положеніе о студенческой одеждѣ. А насъ, сдѣлайте милость, уволите отъ представленія; увѣряю васъ, что оно надѣлаетъ намъ много хлопотъ и непріятностей и замедлитъ дѣло.

Графъ нашелъ сужденіе ректора основательнымъ и взялъ

себѣ проектъ. Черезъ нѣсколько дней академическое правленіе получило предписаніе привести его въ исполненіе. Впрочемъ, коммиссіи немного было хлопотъ. Вся дѣятельность ея обнаружилась въ томъ, что проектъ буквально былъ переписанъ рукою писца ея, съ прибавленіемъ заглавія въ началѣ предписанія: *Въ правленіе С.-Петербургской духовной академіи*, и потомъ еще словъ: *коммиссія духовныхъ училищъ, усмотрѣвъ, что*, и пр. Кромѣ того въ концѣ, разумѣется, были подписи члена коммиссіи духовныхъ училищъ графа Пратасова, правителя дѣлъ Карасевскаго и, кажется, экспедитора Розанова.

Впрочемъ, нѣтъ, была прибавка; только не помню, была ли она помѣщена въ самомъ предписаніи, или высказана оберъ-прокуроромъ на словахъ. Прибавка состояла въ томъ, чтобы не болѣе, какъ въ двѣ недѣли приготовить всѣ тѣ вещи, которыми найдено нужнымъ на первый разъ снабдить студентовъ. Для оцѣнки этого распоряженія нужно замѣтить, что предписано было на первый разъ сшить каждому изъ студентовъ (число ихъ было около 120) по праздничному сюртуку съ брюками и жилетомъ, по домашнему сюртуку, тоже съ брюками и жилетомъ, по шинели и теплой фуражкѣ, и кромѣ того, снабдить каждаго парою утиральниковъ, тремя парами носковъ, тремя носовыми платками; все это сдѣлать на основаніи существовавшихъ тогда постановленій, т.-е. произвести торги съ переторжкою послѣ предварительнаго объявленія о томъ въ газетахъ и все это непремѣнно кончить въ двѣ недѣли. Одного сукна требовалось до двухъ тысячъ аршинъ. Ректоръ поѣхалъ къ оберъ-прокурору просить о болѣе длинномъ срокѣ, но его и слушать не хотѣли. «Что вы мнѣ говорите, — говорилъ графъ, — будто нельзя обмундировать вашихъ какихъ-нибудь 120 студентовъ въ двѣ недѣли? Да знаете ли, что въ такой срокъ можно обмундировать цѣлый гвардейскій полкъ. Непремѣнно, чтобы въ двѣ недѣли все было готово; я самъ пріѣду и посмотрю, какъ будетъ исполнено это приказаніе». Единственное отступленіе позволено было сдѣлать: не объявлять въ газетахъ о торгахъ и переторжкѣ, а пригласить къ нимъ разныхъ торговцевъ и портныхъ. Зѣвать не стали; на третій или на четвертый день по полученіи предписанія уже было готово представленіе къ митрополиту; причемъ произошла сцена, которая, какъ нельзя лучше, доказала, чего можно было ожидать, еслибы все предоставить на волю м. Серафима.

Является къ нему ректоръ съ представленіемъ, съ кучею торговыхъ листовъ, съ образцами сукна и другихъ вещей.

— Съ чѣмъ это ты пришелъ? — спросилъ м. Серафимъ ректора.

— Съ представленіемъ къ вашему высокопреосвященству, о томъ, чтобы устроить разную одежду и купить разныя вещи для студентовъ, вслѣдствіе предписанія коммиссіи духовныхъ училищъ.

— Да, да, знаю, мы тамъ въ коммиссіи опредѣлили; надобно сдѣлать; графъ непремѣнно требуетъ этого; все ли, смотрите, сдѣлали?—И получивъ отвѣтъ: *все*, разсмотрѣлъ образцы; нѣкоторые изъ нихъ, особенно сукно на праздничные сюртуки показалось владыкѣ слишкомъ уже хорошимъ, но серьезнаго возраженія онъ не сдѣлалъ.

— Ну, давайте представленіе, я подпишу его,—сказалъ онъ ректору.

Старецъ не сталъ читать все представленіе, но бѣгло заглянулъ въ него и, увидѣвши множество цифръ, имѣя уже перо въ рукахъ, спросилъ: «ну а что все это будетъ стоить?»—Сумма превышала 15,000 р., даже, сколько мнѣ помнится, едва ли не было болѣе 17 тысячъ руб. асс. Когда ректоръ сказалъ, что все будетъ стоить 17,000 р., то Серафимъ выпустилъ перо изъ руки и съ смѣсью изумленія и недоумѣнія спросилъ:

— Какъ?.. Что ты говоришь?.. Сколько?..

— 17,000 р.,—отвѣчалъ ректоръ.

— С-е-м-н-а-д-ц-а-т-ъ т-ы-с-я-ч-ъ?.. семнадцать тысячъ? Ты думаешь, что я подпишу? Ну ужъ нѣтъ, — и въ негодованіи, своею старческою рукою сильно отодвинулъ бумаги, которыя и упали на полъ. Ректоръ собралъ, поднялъ и взялъ ихъ въ свои руки. Затѣмъ спросилъ: — если вамъ, ваше в-ство, не угодно утвердить наше представленіе, то мы должны донести о томъ коммиссіи духовныхъ училищъ и словесно доложить графу.

— Это зачѣмъ?— возразилъ старецъ.

— Намъ предписано одѣть студентовъ непремѣнно въ двѣ недѣли; у насъ и безъ того ушло нѣсколько дней на торги и переторжку. Если мы не исполнимъ предписанія, то подвергнемся отвѣтственности. Такъ позвольте уже сдѣлать донесеніе.

— Да правду ли ты говоришь?

— Помилуйте, ваше в-ство, развѣ намъ можно обманывать васъ въ представленіи? Да вотъ не угодно ли посмотрѣть и самое предписаніе коммиссіи духовныхъ училищъ?

Старецъ заглянулъ въ предписаніе, дѣло было ясное. Но все-таки ему не хотѣлось уступать безъ борьбы.

— Да ты подумай самъ,—онъ опять заговорилъ,—сколько вѣдь денегъ за одинъ разъ истратится? Вѣдь с-е-м-н-а-д-ц-а-т-ь т-ы-с-я-ч-ъ!

— Что же дѣлать, ваше в-ство? Вѣдь намъ предписано; такъ угодно его сіятельству; намъ ослушаться его нельзя.

Переговоры еще нѣсколько времени продолжались въ томъ же тонѣ; но старецъ видѣлъ, что надобно покориться злой необходимости, и потребовалъ представленіе для утвержденія. Когда онъ уже опять взялъ перо и хотѣлъ написать свою резолюцію, то пришла ему странная мысль спросить ректора: «ну, а что говорятъ студенты?» Старецъ, кажется, полагалъ, что и студенты, подобно ему, тоже пришли въ ужасъ и негодованіе, узнавши, что на нихъ заразъ тратили 17,000 р. Ректоръ отвѣчалъ: «студенты очень рады этому». Услыхавши такой безотрадный отвѣтъ, старецъ медленно проговорилъ: «мошенники», и утвердилъ представленіе академическаго правленія.

Послѣ этого въ академіи началась хлопотня, принимали и осматривали матеріалы и вещи, снимали съ студентовъ мѣрки; вскорѣ портной, принявшій на себя шитье сюртучныхъ паръ и шинелей, чуть не цѣлыми возами сталъ доставлять приготовляемое платье и примѣривать его. Работа кипѣла. Двѣ недѣли со дня полученія предписанія объ одеждѣ студентовъ кончились; графъ сдержалъ свое слово, пріѣхалъ въ академію; первымъ вопросомъ его было: «ну, все ли готово?» На самомъ дѣлѣ еще много вещей не было сшито, но домашнія, обыденныя сюртучныя пары студенты уже получили, равнымъ образомъ болѣе половины праздничныхъ сюртуковъ и шинелей были изготовлены. При этомъ академическое начальство обнаружило уже опытность въ умѣньи показывать казовый конецъ. Разсчитывая, что графъ Пратасовъ, если пріѣдетъ не во-время лекцій, начнетъ осмотръ студентовъ съ перваго этажа, перейдетъ потомъ во второй, и развѣ уже послѣ того заглянетъ въ третій, оно позаботилось вполнѣ одѣть студентовъ, жившихъ въ первомъ и второмъ этажѣ. И потому на слова графа: «все ли готово?» отвѣчали: *все*. «Ну-на, пойдемте, посмотримъ», сказалъ графъ. Во всѣхъ комнатахъ нижняго этажа видя студентовъ одѣтыхъ въ новые, *съ иголочки*, домашніе сюртуки, онъ видимо былъ доволенъ, приказывалъ разстегивать сюртуки, чтобы видѣть жилеты, повертывалъ студентовъ, какъ малыхъ дѣтей, чтобы посмотрѣть, какъ сидятъ сюртуки на спинѣ, заставлялъ надѣвать не только новые праздничные сюртуки и шинели, но и фуражки и, видя все законченнымъ, остался очень доволенъ, и, какъ разсчитывали, на верхній этажъ и не заглянулъ. Но уходя изъ академіи, онъ не утерпѣлъ, сказавши: «ну, вѣдь вотъ говорили, что въ двѣ недѣли нельзя было приготовить! Вѣдь приготовили же!»

VI.

О преобразованіи петербургской духовной академіи преимущественно по образцамъ, заимствованнымъ изъ баталіона военныхъ кантонистовъ.

Нашествіе оберъ-прокурора на академію произвело чрезвычайно сильный говоръ въ петербургскомъ духовенствѣ. Большинство бѣлаго духовенства, давно недовольное своимъ уничижительнымъ положеніемъ, даже радовалось академическимъ событіямъ, разсказывало о нихъ въ увеличенныхъ и карриикатурныхъ формахъ, торжествовало какъ будто побѣду надъ своими врагами. Но монашествующіе иначе смотрѣли на это. Конечно, тогда было вовсе не рѣдкостью, что нѣкоторые архіереи обращались съ подчиненными имъ ректорами не хуже гр. Пратасова. Въ этомъ отношеніи особенно выдавался московскій митрополитъ Филаретъ Дроздовъ, который на рѣдкомъ изъ экзаменовъ въ своихъ академіи и семинаріяхъ не *ублажалъ* ректоровъ и инспекторовъ такъ, что у нихъ колѣнки дрожали, голосъ пропадалъ и даже слезы показывались. Онъ же, съ небольшимъ за годъ до этихъ событій въ академіи, присутствуя на публичномъ экзаменѣ въ петербургской семинаріи, въ присутствіи митрополита Серафима назвалъ ректора ея дуракомъ при всѣхъ ученикахъ и наставникахъ, вслухъ всей публики; слово: *дуракъ* произнесено было самымъ рѣзкимъ, звонкимъ образомъ. Эта неприличная выходка поразила всѣхъ; ректоръ молчалъ, посѣтители съ изумленіемъ посматривали другъ на друга, самъ Серафимъ минуты двѣ не собрался съ духомъ, искоса поглядывалъ на Филарета и уже потомъ велѣлъ ректору вызвать къ экзаменаторскому столу другого ученика. Но брань, высказываемую архіереями, монашествующіе считали сносною, необидною, даже признакомъ благоволенія. Послѣднія слова я говорю вовсе не шутя. Бывшій въ давнія времена инспекторомъ московской духовной академіи Евлампій, если замѣчалъ, что митрополитъ Филаретъ, присутствуя на экзаменѣ, никого не бранилъ и сидѣлъ смирно, то обыкновенно говаривалъ съ безпокойствомъ: «ахъ! ахъ! владыка что-то сердитъ на насъ». И если потомъ владыка уже дѣйствительно сердился и *распекалъ* даже хотя бы самого Евлампія, то этотъ съ удовольствіемъ говаривалъ: «ну, вотъ, слава Богу, владыка сталъ милостивъ». Но брань гр. Пратасова показалась монашествующимъ слишкомъ обидною, чѣмъ-то похожимъ на оскорбленіе если не святыни, то людей, которые привыкли считать себя святыми и неприкосновенными. Она тѣмъ

болѣе казалась невыносимою, что въ то время многіе, а можетъ быть, и всѣ, особенно ученые монахи, мечтали о томъ, какъ бы возобновить мысль двухъ старинныхъ архіереевъ: петербургскаго Амвросія Юшкевича и ростовскаго Арсенія Мацѣевича.

Оба эти архипастыря при императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ хлопотали о томъ, чтобы св. синодъ освободить отъ оберъ-прокурора и управленіе духовными дѣлами сдѣлать сколько возможно независимымъ отъ мірской власти. Мысль Юшкевича и Мацѣевича не чужда была монашествующему духовенству и въ описываемое мною время. Однажды о. архимандритъ Климентъ Можаровъ, разговаривая со мною о гр. Пратасовѣ, сказалъ: «Господи! Господи! Къ чему это должность оберъ-прокурора св. синода поручаютъ мірянамъ? Почему бы не поручать ее какому-либо епископу, или архимандриту? Потомъ, не гораздо ли лучше было бы, еслибы должности оберъ-секретарей въ св. синодѣ занимали архимандриты и игумены, а должности секретарей —игумены и іеромонахи? Вѣдь вѣдомство наше называется духовнымъ. А между тѣмъ, вошедши въ канцелярію св. синода, между служащими въ ней не увидишь ни одного духовнаго лица; за всѣми столами сидятъ только міряне. Даже въ присутственной залѣ св. синода сколько сидитъ мірянъ?» и пр. Мысли, высказанныя о. Климентомъ, принадлежали не ему одному, а цѣлому его сословію, и потому тогда можно было слышать: «помилуйте! какъ это можно бранить, притомъ при подчиненныхъ,—бранить архимандритовъ? И кто же бранитъ? мірянинъ, полковникъ; это ни на что не похоже». Далѣе м. Серафимъ если прямо и не выражалъ своего неудовольствія на то, что гр. Пратасовъ безъ церемоніи распоряжается въ его академіи, то, по крайней мѣрѣ, косвеннымъ образомъ намекалъ, что онъ сдѣлалъ большую ошибку, выразивъ желаніе видѣть въ св. синодѣ оберъ-прокуроромъ гр. Пратасова. Объ этомъ мнѣ говорилъ тоже о. Климентъ Можаровъ. Онъ состоялъ не только баккалавромъ академіи, но и членомъ петербургскаго комитета духовной цензуры. Сдѣлавши какой-то промахъ по цензурѣ, о. Климентъ счелъ за необходимое объясниться объ этомъ съ митрополитомъ, попросить у него не только прощенія, но и защиты. М. Серафимъ, выслушавъ іеремиіаду о. Климента, сказалъ ему: «не безпокойся, о. архимандритъ; бѣда еще не велика; ошибку твою легко поправить; ну, а вотъ мы сдѣлали такую ошибку, которой уже нельзя поправить». Старецъ прямо не высказалъ, въ чемъ состояла его ошибка, но тогда думали, что онъ своими словами намекалъ на оберъ-прокурорство гр. Пра-

тасова. Тверской архіепископъ Григорій Постниковъ, засѣдавшій въ то время въ синодѣ въ званіи члена, выразился о томъ же предметѣ прямѣе Серафима. Когда ему разсказали о всѣхъ подробностяхъ визитовъ гр. Пратасова въ академію, то со свойственною ему откровенностью, можетъ быть, нѣсколько грубоватой, но искреннею онъ сказалъ: «зачѣмъ же ректоръ академіи пустилъ его (т.-е. Пратасова) въ академію? Я бы не пустилъ его, не дозволилъ бы ему осматривать ее». Но оба эти, равно какъ и другіе протесты высказывались только за глаза гр. Пратасова, въ разговорѣ съ близкими людьми; настоящей же откровенной, прямой оппозиціи вовсе тогда не видно было; никто не осмѣлился, даже изъ митрополитовъ, сказать гр. Пратасову, что онъ не имѣетъ права *распекать* архимандритовъ такъ же, какъ полковые командиры распекаютъ подчиненныхъ имъ офицеровъ.

Извѣстно ли было гр. Пратасову о затаенномъ неудовольствіи ученаго монашества на его дѣйствія въ петербургской духовной академіи, я не знаю. Но если онъ и слышалъ о томъ что-либо, то не обращалъ никакого вниманія, потому что шелъ твердою ногою по предначертанному имъ плану. Оставляя пока всѣ духовно-учебныя заведенія въ прежнемъ положеніи, онъ принялся за петербургскую академію, сдѣлавъ своимъ помощникомъ, своимъ «alter ego» по этой части тогдашняго правителя дѣлъ коммиссіи духовныхъ училищъ и бывшаго потомъ директоромъ духовно-учебнаго управленія Карасевскаго, человѣка добраго, деликатнаго, не заносчиваго, не вспыльчиваго, обращавшагося вѣжливо не только съ ректоромъ и инспекторомъ, но даже съ экономомъ; нуженъ былъ какой-либо особый безпорядокъ, чтобы пробудить въ немъ негодованіе.

Можетъ быть, у гр. Пратасова было много побужденій къ тому, чтобы такъ горячо заниматься внѣшнимъ улучшеніемъ академіи. Но между ними едва ли не на первомъ планѣ стояло желаніе убѣдить Государя Императора пріѣхать въ нее, — и доказать, что онъ, графъ, въ столь короткое время улучшилъ учебное заведеніе, которое при первыхъ его визитахъ найдено было въ самомъ дурномъ положеніи. Въ концѣ-концовъ, разумѣется, имѣлось въ виду получить благодарность Государя и еще какую-либо награду. Поэтому и самъ графъ, и Карасевскій слишкомъ часто напоминали академическому начальству, что Государь Императоръ думаетъ посѣтить академію. Мысль эта была извѣстна и въ городѣ и считалась очень правдоподобною; по крайней мѣрѣ, мнѣ самому ректоръ Щепетевъ показывалъ полученное

имъ безъимянное письмо, въ которомъ человѣкъ, выставлявшій себя его доброжелателемъ, убѣждалъ его всячески стараться о томъ, чтобы въ академія все было въ возможно лучшемъ видѣ, потому что въ нее намѣревался пріѣхать одинъ *высшій посѣтитель* и пр.

Но ни графъ, ни Карасевскій не считали себя компетентными знатоками тѣхъ порядковъ, которые нужно было ввести въ духовную академію, чтобы поставить ее въ уровень съ свѣтскими учебными заведеніями, разумѣется, преимущественно по внѣшней части. Для пріобрѣтенія нужныхъ свѣдѣній въ этомъ отношеніи они сочли за лучшее послать какое-либо лицо изъ академіи въ различныя учебныя заведенія, чтобы тамъ поучиться уму-разуму перенять и пересадить тамошніе порядки на духовную почву. Посылать ректора и инспектора, какъ лицъ монашествующихъ, найдено не удобнымъ; вся бѣда обрушилась на эконома, какъ единственнаго свѣтскаго члена академическаго правленія. И гдѣ-то ему не пришлось побывать и въ это время, и послѣ въ теченіи двухъ-трехъ лѣтъ! Конечно, изъ университета, педагогическаго института, пожалуй даже изъ гимназій, можно было кое-чѣмъ позаимствоваться для духовной академіи. Но что можетъ быть сроднаго между духовною академіей и морскимъ и бывшимъ первымъ кадетскимъ корпусомъ? Особенно же, что можно было перенять для той же академіи изъ Маріинскаго и Екатерининскаго женскихъ институтовъ? А между тѣмъ несчастный академическій экономъ долженъ былъ разъѣзжать по всѣ эти и другія учебныя заведенія. Узнаютъ, бывало, отъ кого-нибудь, что тамъ-то очень хорошъ рукомойникъ для воспитанниковъ, въ другомъ мѣстѣ классные столы слишкомъ удобны и по какому-то чуду никогда не пятнаются чернилами, хотя на нихъ воспитанники пишутъ всѣ свои тетради,—въ третьемъ вентиляція устроена особеннымъ какимъ-то образомъ и пр., и пр., экономъ поѣзжай, посмотри и представь отчетъ, слава Богу, только словесный. Но особенное, даже особеннѣйшее вниманіе ему велѣно было обратить на всѣ порядки, господствовавшіе — *въ баталіонѣ военныхъ кантонистовъ*! Вотъ тутъ-то скрывался настоящій идеалъ училищныхъ порядковъ! Сюда-то академическій экономъ долженъ былъ съѣздить три раза!

Почему же баталіонъ военныхъ кантонистовъ пріобрѣлъ такую громкую извѣстность, что устройство его брали за образецъ даже для духовной академіи? Мнѣ удалось въ немъ быть нѣсколько разъ и многое узнать по личному наблюденію; да и *земля*, по пословицѣ, слухомъ полнится.

Начальствовалъ надъ баталіономъ полковникъ, но выше него и надъ нимъ самимъ стоялъ генералъ-маіоръ Анджиковъ, а еще выше, даже надъ самимъ Анджиковымъ—тогдашній дежурный генералъ Клейнмихель. Впрочемъ, послѣдній рѣдко пріѣзжалъ въ баталіонъ; надзоръ и дисциплина были въ рукахъ Анджикова. Этотъ генералъ, давно уже покоющійся на кладбищѣ, былъ, такъ сказать, энтузіастъ, фанатикъ чистоты и опрятности; замѣченныя имъ паутинки, пылинки, пятнышки на стѣнахъ или полу, даже щепочки на дворѣ баталіона приводили его въ негодованіе. Вотъ одно изъ событій, о которомъ я слышалъ отъ тогдашняго баталіоннаго священника. Однажды Анджиковъ, шедши по двору баталіона, прежде, нежели успѣли къ нему приблизиться разные дежурные начальники, вдругъ остановился и началъ кричать: «Сюда, сюда, помогите, не могу идти, не перелѣзу, перенесите, перетащите меня». Пособіе, разумѣется, скоро явилось. Тогда и открылось, что̀ за ужасное, непреоборимое препятствіе помѣшало его превосходительству продолжать свое шествіе! Предъ его превосходительствомъ лежала щепка, отломившаяся отъ дровъ, которыя незадолго передъ тѣмъ пронесъ инвалидъ. Указывая на щепку, генералъ кричалъ: «не перешагну, перенесите меня!» и пр. Судя по этому, можете уже себѣ представить, какая чистота и опрятность соблюдалась въ комнатахъ, особенно въ спальняхъ баталіона. Смотря здѣсь на лоснящійся крашеный полъ, вымытый, вытертый, чуть-чуть не вышлифованный, никакъ нельзя было подумать, чтобы чья-либо нога тутъ ступала; да можетъ быть, и дѣйствительно не ступала, потому что для проходящихъ по комнатамъ положены были коверные половики. Не знаю, какъ кантонисты пробирались къ тѣмъ кроватямъ, которыя стояли не около коверныхъ половиковъ, но посѣтителямъ не высокаго ранга намекали не сходить съ нихъ. Разумѣется, и одѣяла и подушки вполнѣ подходили подъ тотъ идеалъ, о которомъ я выше говорилъ.

Дисциплина въ баталіонѣ была самая строгая. Анджиковъ, кромѣ особыхъ исключеній, приходилъ въ него ежедневно и рѣдко уходилъ безъ того, чтобы не высѣчь нѣсколькихъ кантонистовъ. Замѣчали даже, что онъ бывалъ суровъ до тѣхъ поръ, пока кого-нибудь, по его приказанію, при немъ же не высѣкутъ. Это зрѣлище успокоивало его кровь и онъ уже дѣлался ласковѣе. Разумѣется, потачки не было, если замѣчалась какая-либо неисправность, но въ случаѣ недостатка виновныхъ генералъ умѣлъ и придраться. Въ баталіонѣ было нѣсколько учителей изъ бывшихъ кантонистовъ же, имѣвшихъ унтеръ-офицер-

скій чинъ; одинъ изъ нихъ очень недурно преподавалъ при мнѣ геометрію; число ихъ простиралось, кажется, до 20, если не болѣе, но они, кромѣ науки, обязывались имѣть надзоръ и за нравственностью, выправкою и вытяжкою кантонистовъ. Однажды Анджиковъ приказалъ высѣчь всѣхъ ихъ до одного за то, что, какъ ему показалось, кантонисты не хорошо смотрятъ. А сѣкли въ батальонѣ съ знаніемъ дѣла, со всѣми церемоніями, особенно берегли всякій клочекъ бѣлья или платья; за то отъ каждаго удара наказываемый непремѣнно бы вспрыгнулъ, еслибы только его не держали такъ, что вырваться не было никакой возможности. Много лѣтъ спустя послѣ того я занимался гимнастикою у г. Дерона и приласкалъ къ себѣ нѣсколько обучавшихся тамъ кантонистовъ. Видя, что какой-нибудь кантонистъ слишкомъ не веселъ, спросишь у кого-либо изъ своихъ пріятелей: «Что онъ такой угрюмый?»—Его вчера высѣкли.—«Ну такъ что же? теперь ужъ зажило».—Нѣтъ, у насъ такъ скоро не заживаетъ; у насъ даромъ не положатъ, а такъ отдерутъ, что долго не забудешь». А въ это время Анджиковъ, кажется, уже умеръ.

Фрунтологія и шагистика въ баталіонѣ стояли на первомъ планѣ и могли служить образцомъ даже для гвардейскихъ полковъ.

Лучше той стойки, выправки, вытяжки, какая замѣчалась въ кантонистахъ, нельзя было и желать. Смотря на стоящихъ во фрунтѣ кантонистовъ, можно было подумать, что это человѣческія статуи; ни однимъ мускуломъ не обнаруживали они движенія; кажется, даже глазами не моргали. И это замѣчалось не только въ взрослыхъ, уже вышколенныхъ и прошколенныхъ ребятахъ, но и въ малыхъ, почти дѣтяхъ. Ходя по спальнямъ, мы встрѣтили выстроенныхъ во фрунтъ нѣсколькихъ малютокъ лѣтъ осьми и ихъ уже научили изображать собою безжизненныя статуи. Если же кантонистъ повертывался направо кругомъ, то онъ дѣлалъ только это движеніе; другого движенія ни въ рукахъ, ни въ ногахъ, ни въ прочихъ членахъ тѣла не замѣчалось; онъ почти какъ-будто на какой-то оси вертится. Когда мы входили въ классы, кантонисты по обыкновенію вставали, но и это движеніе они дѣлали особеннымъ образомъ, хоть команды тутъ не было и мы входили даже неожиданно, но всѣ вставали рѣшительно въ одно мгновеніе, въ тактъ, такъ что всѣ звуки отъ топнувшихъ каблуковъ составляли какъ-будто одинъ мгновенный стукъ.

Но ничѣмъ въ баталіонѣ такъ не любили хвалиться, какъ столовою и порядками, въ ней заведенными. Это была громад-

нѣйшая зала, въ которой устанавливались, кажется, до семи рядовъ обѣденныхъ столовъ съ скамейками по обѣ стороны и съ просторными промежутками между рядами; длина залы была еще болѣе ширины ея. Среднною своею столовая примыкала къ церкви, состоявшей только изъ алтаря и клиросовъ и служила для кантонистовъ, такъ сказать, притворомъ, въ которомъ они молились во время богослуженія. Чтобы удовлетворить двойному назначенію столовой, столы и скамьи послѣ каждаго обѣда разбирались и всѣ части ихъ устанавливались въ опредѣленномъ порядкѣ и на указанныхъ мѣстахъ. Потомъ предъ каждымъ обѣдомъ и ужиномъ ихъ опять устанавливали. Разборкою и установкою столовъ занимались по очереди сами кантонисты; они производили эту операцію съ такою правильностью и точностью, что можно было задать себѣ вопросъ: живыя ли это существа, а не части ли какой-либо машины, которая приводитъ ихъ въ движеніе посредствомъ незамѣтныхъ пружинъ, веревокъ и ремней? Установивши столы, дежурные накрывали ихъ скатертями, клали на нихъ хлѣбъ, ложки и пр. Полковникъ, указывая на бѣлыя и совершенно чистыя скатерти, спросилъ меня: «какъ вы думаете, сколько дней онѣ лежать уже на столахъ?» И когда услышалъ мой отвѣтъ: «вѣроятно, ихъ постлали только вчера», то сказалъ съ нѣкоторымъ торжествомъ: «нѣтъ, извините, не вчера; нынче уже четвертый день, какъ онѣ въ употребленіи».—Какъ же это онѣ у васъ такъ бѣлы и ничѣмъ не запятнаны?—спросилъ я его.— Ну, извините, у насъ не посмѣютъ ихъ марать и пятнать; попробуй-ка кто-нибудь. У насъ скатерти кладутся на столы въ извѣстномъ порядкѣ и послѣ обѣда или ужина внимательно каждая осматривается, не запачкана ли она чѣмъ-нибудь? Если запачкана, то виновный сейчасъ отыщется; вѣдь мѣсто каждаго извѣстно. Тогда зададутъ ему нѣсколько десятковъ розогъ, такъ впередъ будетъ осторожнѣе.

Когда все было готово, въ столовой растворялись на двухъ концахъ залы настежъ двери, предъ которыми сѣни и лѣстницы устилались къ ряду мохнатыми матами изъ корабельныхъ канатовъ. Вскорѣ показались и кантонисты въ сѣняхъ, стараясь вытирать свои сапоги, какъ можно чище; имъ пришлось проходить передъ тѣмъ по двору. Но въ столовую, какъ нѣкое святилище, еще нельзя было входить; слѣдовало ожидать команды. Команда раздалась и кантонисты двинулись двумя рядами за столы перваго ряда, парадно, на вытяжку, маршируя какъ на ученьи, только скорымъ шагомъ. Чтобы такое движеніе совершалось безпрепятственно, верхнія доски скамеекъ у столовъ раздѣлялись

на двѣ части: неподвижную и подвижную; послѣдняя петлями прикрѣплена была къ первой и предъ обѣдомъ и ужиномъ откладывалась на нее; такимъ образомъ между столомъ и скамейками оставалось свободное пространство, въ которомъ и маршировали кантонисты. Когда передовые въ рядахъ кантонистовъ, вошедшихъ съ двухъ противоположныхъ концовъ залы, встрѣтились посреди столовъ, раздалось на обѣихъ половинахъ: *стой*. Затѣмъ повторились у дверей командныя слова для кантонистовъ, долженствовавшихъ сидѣть за столами второго ряда и т. д. Во все это время вошедшіе стояли на вытяжку, какъ во фронтѣ. Когда всѣ вошли, то раздалась новая команда, чтобы кантонисты, стоявшіе спиною къ образу, повернулись къ нему лицомъ. По исполненіи этого обряда раздался барабанный бой на молитву, которую пропѣли общимъ хоромъ очень хорошо. Потомъ еще новая команда: садиться, и приподнятыя половинки скамеекъ поднялись, опустились и стукнули, какъ будто по командѣ, въ тактъ. Тутъ уже, наконецъ, можно было приниматься за обѣдъ. Нельзя не сказать, что пища была приготовлена хорошо; лучшаго чернаго хлѣба во всемъ Петербургѣ трудно было сыскать; щи и гречневая каша были приготовлены вкусно изъ свѣжихъ матеріаловъ. Въ этомъ отношеніи тогдашніе семинаристы содержались гораздо хуже кантонистовъ; тѣхъ часто начальство, прикрываясь заботою о спасеніи ихъ душъ, пріучало къ умерщвленію плоти при помощи тухлой говядины, прогорклаго масла, сляглой муки и крупы и пр. Неудивительно, что, не смотря на суровую дисциплину, лица у кантонистовъ были свѣжѣе, здоровѣе, румянѣе, нежели у семинаристовъ.—По окончаніи обѣда вновь раздавались новыя команды, чтобы кантонистамъ выйти изъ столовой. Надобно правду сказать, что на разныя командныя церемоніи употреблялось гораздо больше времени, нежели на обѣдъ.

И при богослуженіи въ такомъ дисциплинированномъ учебномъ заведеніи, какъ баталіонъ кантонистовъ, нельзя было обойтись безъ военнаго артикула. Кантонисты собирались задолго до начала обѣдни; ихъ выстраивали въ ряды, выравнивали, вытягивали; вѣдь самъ Анджиковъ почти всегда приходилъ къ обѣднѣ и своимъ ястребинымъ взглядомъ смотрѣлъ, не видно ли гдѣнибудь какого-либо отступленія отъ дисциплины. Въ урочный часъ и почти минуту двери, отдѣлявшія церковь отъ залы, отворялись и начиналась божественная служба. Она, разумѣется, совершалась по требнику, но въ пріемахъ священнослужителей, особенно же дьякона, замѣтно было вліяніе порядковъ, господствовавшихъ въ баталіонѣ. Онъ изъ алтаря на амвонъ и обратно,

не шелъ, а почти-что марпировалъ, только парадпымъ шагомъ; конечно, онъ не вытягивался въ струнку, но и не показывалъ той размашистости и покачиванія съ стороны на сторону, которыя такъ свойственны нашимъ отцамъ дьяконамъ. Кантонистамъ дозволялось молиться, но при этомъ измѣнялось только положеніе туловища и рукъ; подошвы же сапоговъ должны были оставаться на одномъ и томъ же мѣстѣ; такъ что когда въ ряду никто не молился, то онъ былъ выравненъ и вытянутъ, какъ на парадномъ ученьи. При томъ отъ времени до времени по рядамъ похаживали офицеры, разумѣется, съ наставленіями не о молитвѣ, а о дисциплинѣ. Случайно мнѣ удалось наблюдать надъ однимъ кантонистомъ, которому хотѣлось чихнуть. Какія онъ дѣлалъ усилія, выражавшіяся болѣзненными гримасами на лицѣ, чтобы удержаться отъ этого; ему удалось удовлетворить требованію природы во время громкаго пѣнія, когда звукъ отъ чиханья не очень былъ замѣтенъ. Но нельзя было безъ удовольствія слушать общее пѣніе; всѣ кантонисты обыкновенно пѣли: символъ вѣры, «Тебѣ поемъ», молитву господню и «Благочестивѣйшаго, самодержавнѣйшаго» и пр. Не смотря на огромное число поющихъ, чуть ли не въ тысячу голосовъ, если не болѣе, пѣніе было стройно, выразительно, даже со вкусомъ.

Но въ это, такъ сказать, святилище военной выправки и вытяжки профанамъ мудрено было проникнуть. Чтобы допустить эконома академіи до осмотра баталіона кантонистовъ, гр. Пратасову нужно было особымъ отношеніемъ просить о томъ Клейнмихеля. Здѣсь эконому было сказано, чтобы онъ явился къ Андживову и потомъ уже (все это дѣлалось не въ одинъ день) къ полковнику, начальнику баталіона. Впрочемъ, и въ другія учебныя заведенія проникнуть было не безъ затрудненій; почти вездѣ требовались протекціи, рекомендаціи, даже ходатайства, напр., въ Екатерининскій институтъ.

VII.

О тѣхъ реформахъ или порядкахъ, которые введены были въ петербургской духовной академіи въ первые годы оберъ-прокурорства гр. Пратасова.

Побывавши въ какомъ-либо учебномъ заведеніи, академическій экономъ долженъ былъ являться къ Карасевскому съ донесеніемъ о томъ, что̀ имъ замѣчено. Карасевскій въ свою очередь докладывалъ гр. Пратасову, пріѣзжалъ къ ректору академіи, чтобы сьобща рѣшить, въ какомъ видѣ сдѣлать то или другое

нововведеніе; дѣло было серьёзное, чуть не государственное!.. Само собою разумѣется, что нововведенія появились не всѣ вдругъ, а постепенно, иныя даже черезъ годъ, два и болѣе послѣ первыхъ *нашествій* гр. Пратасова.

Усилили требованіе, чтобы студенты непремѣнно ходили на лекціи, и избрали для этого болѣе вѣрную мѣру. Прежде приказывалось комнатному старшему, выпроводивъ изъ комнаты всѣхъ своихъ подчиненныхъ, запирать ее и уносить съ собою ключъ и когда инспекторъ желалъ убѣдиться, всѣ ли студенты ушли въ классъ, то онъ почти всегда находилъ комнаты запертыми и могъ утѣшать себя тѣмъ, что его приказанія строго исполняются. Между тѣмъ, въ то время, какъ онъ пробовалъ, заперты ли замки въ дверяхъ, нѣсколько молодцовъ, оставшихся въ комнатѣ, догадавшись о личности стучавшаго, выставляли ему въ насмѣшку языки. Теперь начальство запретило запирать комнаты и такимъ образомъ могло, обойдя ихъ, увидать своими глазами, не сидитъ ли тутъ кто-нибудь во время класса.

Далѣе, студентамъ приказано было поболѣе обращать вниманія на свою внѣшность. Сочли за нужное остричь ихъ волосы на головѣ *подъ гребенку*, какъ это дѣлалось въ баталіонѣ кантонистовъ и въ кадетскихъ корпусахъ. Надобно правду сказать, что остриженные такимъ образомъ молодцы въ 20—25 лѣтъ, особенно рослые, здоровые, широколицые, казались очень смѣшными даже не съ перваго раза. Запрещено было носить и имѣть свое собственное платье, особенно же халаты. Относительно этого въ петербургской академіи дѣло обошлось безъ смѣшныхъ исторій; и начальство дѣйствовало благоразумно, да и студенты не слишкомъ горячо стояли за свою одежду. Но спустя нѣсколько лѣтъ въ казанской духовной академіи одинъ анти-халатникъ ректоръ прибѣгъ къ радикальному средству. Одинъ изъ студентовъ, грузинъ, получилъ въ подарокъ красивый въ восточномъ вкусѣ халатъ отъ какого-то грузинскаго князя. Ректоръ, завладѣвши въ отсутствіе студента халатомъ, отправился на кухню и тамъ своими руками изрубилъ эту контрабандную, анти-академическую одежду. Такая безцеремонная расправа чуть не повела къ болѣе печальному событію. Студентъ-грузинъ, узнавши о казни, которая постигла его халатъ, пришелъ въ крайнее негодованіе; онъ очень дорожилъ княжескимъ подаркомъ и въ пылу восточнаго азарта хотѣлъ идти къ ректору, чтобы отмстить по-восточному за казнь любимой своей одежды. Насилу товарищи кое-какъ уговорили и удержали его; иначе за комедіей могла-бы разыграться трагедія.

Требовалось, чтобы сюртуки были застегнуты пуговицы на три, а при появленіи начальства на всѣ шесть. Конечно, это не исполнялось студентами на просторѣ, даже въ классѣ при наставникахъ не-начальникахъ. Но смѣшно было смотрѣть, какъ при входѣ начальства, или при вѣсти о приближеніи его, всѣ студенты торопливо принимались застегивать свои сюртуки на всѣ пуговицы, вытягивать ихъ, охорашиваться, приглаживать свои остриженные волосы, осматривать, нѣтъ ли гдѣ пуху на платьѣ, не запятнано ли оно назади отъ прикосновенія къ стѣнѣ и пр. Если это случалось во время лекціи, то ее уже не слушали, да и наставнику лучше было прервать ее на время; тутъ дѣло шло уже о болѣе важныхъ и высокихъ интересахъ!

Но не остались безъ приложенія фрунтологія и шагистика... Прежде всего, опишу нововведенія по церкви. Здѣсь для студентовъ отведены были впереди непосредственно за клиросами недоступныя для прочихъ предстоящихъ и молящихся мѣста, покрытыя сшитыми коверными половинками. Студентамъ же за четверть часа до благовѣста звонкомъ давалось знать, чтобы они собирались каждое отдѣленіе въ особомъ классѣ. Послѣ благовѣста, предъ самымъ началомъ богослуженія (въ обѣдню послѣ прочтенія часовъ) служитель растворялъ обѣ половинки дверей въ церкви и въ классахъ; это было знакомъ, чтобы студенты выступали въ церковь. При церемоніальномъ шествіи студентовъ въ церковь, шли они по два въ рядъ, только не младшіе, а малорослые впереди, затѣмъ все повыше и въ каждомъ классѣ заканчивалось шествіе парою какихъ-либо гвардейцевъ. Въ церкви на одной сторонѣ позади праваго клироса устанавливались студенты высшаго, а на другой—позади лѣваго, студенты низшаго отдѣленія, рядами по десяти человѣкъ въ каждомъ и опять маленькіе впереди, а потомъ все выше и выше, наконецъ, въ послѣднемъ ряду помѣщались гвардейцы. Ряды, конечно, не были такъ выравниваемы, какъ въ баталіонѣ кантонистовъ, но другъ отъ друга слишкомъ ясно различались и раздѣлялись порядочными промежутками. А когда студентамъ нужно было *себя показать*, то они выстраивались очень и очень ровно. Конечно, здѣсь не разгуливали по рядамъ офицеры, но послѣ появились сзади студентовъ помощники инспектора.

Во время всенощной, кажется, впрочемъ, не вдругъ, а нѣсколько попозже, введенъ былъ особый церемоніалъ подхожденія къ евангелію или къ образу празднуемаго святого,—церемоніалъ монашескій, но вмѣстѣ съ тѣмъ на военный манеръ. Непосредственно за священникомъ и діакономъ обыкновенно къ еванге-

лію или образу прежде всѣхъ прикладывались студенты; прочихъ предстоящихъ и молящихся служители удерживали пока. Сначала шли студенты высшаго отдѣленія попарно, начиная съ перваго ряда, съ самыхъ маленькихъ и т. д. Каждая пара передъ налоемъ выравнивалась, дѣлала два поклона въ тактъ, затѣмъ подходилъ къ евангелію или образу студентъ съ правой; поцѣловавши ихъ, отходилъ назадъ; потомъ исполнялъ тоже самое другой студентъ; послѣ они оба выравнивались, дѣлали въ тактъ одинъ уже поклонъ и отправлялись на свои мѣста. За этою парою выходила слѣдующая, дѣлала то же самое и пр. За студентами высшаго отдѣленія шли подобнымъ образомъ студенты низшаго отдѣленія.

Въ петербургской академіи этотъ церемоніалъ никогда не подавалъ повода къ соблазнамъ; благоразумное начальство умѣло не обращать вниманія на мелочныя отступленія. Но въ казанской академіи и тутъ умѣлъ отличиться ректоръ, который такъ храбро собственноручно изрубилъ шлафрокъ. У него былъ введенъ такой законъ, чтобы къ евангелію подходили сначала пѣвчіе праваго, потомъ лѣваго клироса, а за ними студенты обоихъ отдѣленій. Однажды пѣвчіе лѣваго клироса не могли идти къ евангелію тотчасъ за правымъ клиросомъ, потому что заняты были пѣніемъ. Студенты не стали ихъ дожидаться и начали прикладываться по установленному порядку. Ректоръ это замѣтилъ, помолчалъ до тѣхъ поръ, пока приложились всѣ студенты и начали прикладываться стороннія лица. Тогда-то онъ выступаетъ изъ алтаря и грубымъ, громкимъ голосомъ говоритъ пѣвчимъ лѣваго клироса:—Что же это вы? Въ Бога не вѣруете? Евангелія не уважаете? Ступайте!—При этомъ неожиданномъ возгласѣ богослуженіе пріостановилось на нѣсколько минутъ. Пѣвчіе, разумѣется, пошли и приложились; тогда-то уже ректоръ возвратился въ алтарь, довольный тѣмъ, что онъ поддержалъ поколебавшуюся было вѣру въ Бога и уваженіе къ евангелію.

По примѣру баталіона кантонистовъ и въ духовной академіи ввели общее пѣніе нѣкоторыхъ частей богослуженія. Обыкновенно общимъ хоромъ всѣ студенты пѣли въ обѣдню: символъ вѣры; «Тебе поемъ»; молитву Господню и «благочестивѣйшаго, самодержавнѣйшаго», а во всенощную: «хвалите имя Господне», «слава въ вышнихъ Богу», «благочестивѣйшаго, самодержавнѣйшаго» и «взбранной воеводѣ».

По совершенномъ окончаніи службы, когда не только произнесено или пропѣто было послѣднее слово, но и замеръ послѣдній звукъ, начиналось обратное шествіе студентовъ изъ церкви

въ комнаты. Если еще оставался сторонній народъ, то служители раздвигали его на двѣ стороны, оставляя свободное мѣсто для студентовъ. Выступали сначала студенты высшаго, потомъ низшаго отдѣленія попарно, маленькіе впереди и т. д. Очень часто начальство, стоявшее обыкновенно въ алтарѣ, выйдя оттуда особою дверью, останавливалось предъ главнымъ входомъ и любовалось, какъ выдисциплинированные студенты, будущіе пастыри и архипастыри, попарно, иногда *нога въ ногу*, выступали изъ церкви, поворачивали налѣво и отправлялись въ свои комнаты. Былъ одинъ ректоръ, который часто послѣ обѣдни отправлялся за студентами въ комнаты, осматривалъ ихъ спальни и пр., но не одинъ; ему непремѣнно сопутствовали въ видѣ свиты, инспекторъ, экономъ, ихъ помощники; приглашались присоединиться къ свитѣ и другіе наставники, особенно же чередные архимандриты. Измѣняя нѣсколько придворный языкъ, студенты такія шествія называли не *выходами*, а *обходами*; притомъ *малымъ*, если свита ректора состояла изъ двухъ-трехъ человѣкъ, и *большимъ*, если свита была многолюднѣе. И большой, и малый обходы доходили, наконецъ, до столовой.

И въ ней точно такъ же, какъ и въ церкви, были введены многіе порядки изъ баталіона кантонистовъ съ нѣкоторыми измѣненіями. Вмѣсто того, чтобы верхнія доски скамеекъ раздѣлять на двѣ части—подвижную и неподвижную, академія нашла лучшимъ всѣ скамьи оставить подвижными; предъ обѣдомъ и ужиномъ ихъ отодвигали отъ столовъ настолько, чтобы въ свободномъ промежуткѣ студенты могли проходить. Ударялъ звонокъ, обѣ половинки одной двери въ столовую растворялись и въ нее вступали студенты, но не по отдѣленіямъ, какъ въ церковь, а по комнатамъ и тутъ по возможности маленькіе впереди, но сзади всѣхъ старшій, хотя бы онъ былъ самаго малаго росту. Пары предъ столами раздѣлялись; одинъ шелъ между столомъ и скамейкой по правую, а другой по лѣвую сторону. Каждый студентъ, дошедши до своего мѣста, останавливался. Когда всѣ, наконецъ, вошли, то начинали пѣть общимъ хоромъ молитву, по окончаніи которой, подвинувъ скамейки поближе къ столамъ, садились и начинали кушать. Впрочемъ, и здѣсь иногда случалась прибавка, свойственная духовно-учебному заведенію. Если въ столовой былъ кто-либо изъ архіереевъ, то, пропѣвши молитву, студенты прибавляли: «Слава Отцу и Сыну и Святому Духу и нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ; Господи помилуй, Господи помилуй, Господи помилуй; владыко, благослови». Архіерей благословлялъ и студенты принимались за свое дѣло. По

окончаніи обѣда студенты снова пѣли молитву и затѣмъ опять попарно выходили изъ столовой. Разумѣется, здѣсь не раздавались командныя слова офицеровъ и барабанный бой, но небольшой колокольчикъ былъ въ употребленіи; имъ давалось знать, когда начинать пѣть молитву.

Не всѣ нововведенія нравились тогда студентамъ; на большую часть тѣхъ, которыя относились къ дисциплинѣ, они положительно досадовали. Конечно, они прежде жили грязновато, немножко по-бурсацки, снабжались отъ казны недостаточною одеждою, но за то жили болѣе свободнымъ образомъ, по крайней мѣрѣ такъ, какъ привыкли. А тутъ вдругъ стали вводить строгую, почти военную дисциплину. Сиди шесть часовъ въ классѣ, хотя, можетъ быть, иногда и нечего было слушать; ходи чуть не маршемъ въ церковь и столовую, выстраивайся почти по военному, стриги свои волосы подъ гребенку, застегивайся на всѣ пуговицы и пр., взрослому человѣку подобныя нововведенія не могли быть пріятными. А тутъ еще потребовали, чтобы, по крайней мѣрѣ, до трехъ часовъ на кровати не ложились, не мяли вытянутаго одѣяла и взбитыхъ подушекъ, чтобы на сюртукѣ не было ни оторванныхъ пуговицъ, ни какихъ-либо прорѣхъ; въ противномъ случаѣ замѣчанія, да выговоры и пр., все это могло прискучить. Но съ другой стороны студенты видѣли, что къ нововведеніямъ начальство было принуждено давленіемъ свыше, что и его житье было нерадостнымъ. А между тѣмъ, кормили хорошо, одѣвали хотя и не по-франтовски, но и вовсе уже не по-нищенски. Смѣялись и досадовали на то, что сюртуки шили длинноваты (разстояніе между поломъ и подоломъ было не болѣе 8—10 вершковъ), что эту длину опредѣляли даже аршиномъ; но все-таки видѣли, что матеріалы на одежду покупались хорошіе, что теперь снабжали ихъ всѣми нужными вещами; имъ уже не нужно было сморкаться въ кулакъ, утираться рукавомъ, идти и въ дождь, и въ холодъ въ одномъ сюртукѣ; у нихъ уже были носовые платки и утиральники, и шинели, и даже теплые носки, и фуражки. Надоѣдало, конечно, слѣдить за каждою прорѣхою или отрывавшеюся пуговицею, но за то не нужно было тратить свои деньги на починку платья; въ академіи уже жилъ постоянно портной, который готовъ былъ къ услугамъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не отдать чести ректору и особенно инспектору, которые гдѣ лаской и привѣтливостью, гдѣ серьёзнымъ замѣчаніемъ, иногда разъясненіемъ причинъ нововведеній умѣли предупредить вспышки со стороны

студентовъ. Все обошлось безъ волненія и безъ такъ-называемыхъ бунтовъ.

VIII.

О назначеніи новаго ректора въ академію.

Начальство академическое, не смотря на свою готовность дѣйствовать по приказаніямъ его сіятельства, не могло съ нимъ поладить. Оставалось ли въ графѣ прежнее предубѣжденіе, о которомъ я говорилъ, или не изгладилось дурное впечатлѣніе, которое на него произвели первые визиты въ академію, только онъ желалъ смѣнить, по крайней мѣрѣ, ректора. Страннымъ теперь покажется, что кандидатами на его мѣсто были два человѣка, нисколько другъ на друга не похожіе, чуть не два противоположныхъ полюса; одинъ изъ нихъ въ то время считался самымъ ученымъ изъ ректоровъ, а другой—вовсе не былъ извѣстенъ своими богословскими свѣдѣніями, даже не могъ ихъ имѣть хотя настолько, чтобы быть учителемъ семинаріи. Начнемъ съ послѣдняго; это бывшій въ то время настоятелемъ Сергіевской пустыни близъ Стрѣльны—архимандритъ Игнатій Брянчаниновъ. Онъ происходилъ изъ дворянъ, воспитывался въ горномъ корпусѣ, и зналъ богословіе немного глубже того, какъ оно тогда преподавалось въ военныхъ училищахъ. Послѣ, какъ слышно, онъ домашнимъ образомъ достаточно ознакомился съ богословскими науками, чтобы сдѣлаться даже епископомъ; но тогда совсѣмъ иначе о немъ говорили; и вотъ его-то имѣлъ будто бы гр. Пратасовъ въ виду, какъ кандидата на ректорскую должность въ петербургскую духовную академію; объ этомъ, какъ о предметѣ вполнѣ достовѣрномъ, говорили и въ академіи, и въ петербургскомъ духовенствѣ. Такое намѣреніе, по понятіямъ, господствовавшимъ въ то время въ свѣтской администраціи, не могло казаться страннымъ. Вѣдь тогда даже лучшихъ учителей гимназій не считали способными къ занятію должностей директора и инспектора; на эти должности опредѣлялись полковники, маіоры, даже капитаны или чиновники, почти не знавшіе, по пословицѣ, ни аза въ глаза, но знакомые съ дисциплиною и способные ввести или поддержать ее въ гимназіяхъ. Почему же и въ духовную академію не назначить ректоромъ не полковника или капитана, а архимандрита, притомъ все-таки обучавшагося въ знаменитомъ военномъ училищѣ? Не былъ онъ спеціалистомъ въ наукахъ, преподававшихся въ академіи? Не велика еще бѣда;

ему вѣдь не хотѣли поручить профессорской каѳедры; онъ былъ бы только ректоромъ,—администраторомъ академіи; а по ученой части ему дали бы въ помощники инспектора классовъ, уже специіалиста. А между тѣмъ онъ, какъ воспитанникъ военнаго училища, очень хорошо знакомъ былъ съ тѣми порядками, которые тогда вводились въ академію. Къ счастью, этотъ проектъ не осуществился, потому ли, что самъ виновникъ его добровольно отказался отъ него, или потому, что встрѣтилъ очень серьёзное сопротивленіе со стороны членовъ св. синода.

Другимъ кандидатомъ на должность ректора петербургской духовной академіи гр. Пратасовъ имѣлъ ректора кіевской академіи Иннокентія Борисова, и тогда уже считавшагося знаменитымъ ученымъ русскимъ богословомъ, а послѣ сдѣлавшагося извѣстнымъ у его почитателей подъ именемъ русскаго Златоуста. Въ началѣ сентябрьской трети 1836 года его назначили епископомъ чигиринскимъ, викаріемъ кіевскаго митрополита, оставляя вмѣстѣ и ректоромъ академіи. Многимъ показалось тогда страннымъ, почему его вызвали въ Петербургъ, чтобы хиротонизовать въ епископа, такъ какъ это можно было сдѣлать съ меньшими хлопотами въ Кіевѣ. По пріѣздѣ въ Петербургъ, Иннокентій получилъ квартиру въ духовной академіи и скоро былъ хиротонизованъ. Кажется, не зачѣмъ бы долѣе оставаться въ Петербургѣ, а слѣдовало бы поскорѣе спѣшить въ Кіевъ, гдѣ престарѣлый митрополитъ Евгеній Болховитиновъ имѣлъ нужду въ помощникѣ. Между тѣмъ Иннокентій Борисовъ жилъ въ Петербургѣ даже до 1837 года. Видимою причиною этого замедленія выставляли то, что будто бы ему поручено было какое-то ученое или духовное дѣло; но придерживаясь словъ дѣдушки Крылова, скажемъ, что «умыселъ другой тутъ былъ».

Нѣкоторые оберъ-прокуроры находили нужнымъ сближаться съ какимъ-либо умнымъ архимандритомъ или архіереемъ, чтобы чрезъ нихъ ознакомиться съ каноническимъ правомъ и съ особенностями духовной учености и администраціи и чтобы чрезъ то крѣпче удержаться на своемъ мѣстѣ. Архимандритъ или епископъ оберегалъ оберъ-прокурора отъ промаховъ по духовному управленію, о которыхъ иногда міряниву трудно догадаться, а оберъ-прокуроръ поднималъ архимандрита или епископа все выше и выше въ церковной іерархіи. Такого рода отношенія были между княземъ Голицынымъ и московскимъ митрополитомъ Филаретомъ Дроздовымъ, пока еще этотъ состоялъ ректоромъ академіи, викаріемъ петербургскимъ и т. д., до уничтоженія министерства духовныхъ дѣлъ. Въ концѣ 1836 года и въ духов-

ной академіи, и въ петербургскомъ бѣломъ и черномъ духовенствѣ носились слухи, что между Иннокентіемъ Борисовымъ и гр. Пратасовымъ устанавливаются такія же отношенія, какія такъ еще недавно существовали между Филаретомъ и Голицынымъ. Графу хотѣлось Иннокентія Борисова сдѣлать викаріемъ петербургской митрополіи и ректоромъ академіи и затѣмъ уже имѣть его всегда вблизи себя и для себя, тогдашняго же викарія петербургскаго Венедикта Григоровича и ректора академіи Виталія Щепетева послать въ Кіевъ для занятія должностей Иннокентія, или распредѣлить ихъ какъ-нибудь иначе. Разумѣется, это былъ только слухъ, но слухъ очень достовѣрный и подтверждавшійся нѣкоторыми событіями. Изъ всѣхъ не только архимандритовъ или молодыхъ епископовъ, но и заслуженныхъ и почетныхъ архипастырей, кажется, никому гр. Пратасовъ не оказывалъ столько вниманія и предупредительности, какъ Иннокентію Борисову въ то время; сколько разъ и Борисовъ бывалъ у гр. Пратасова. Завязывалась-было и укрѣплялась связь самая тѣсная. Самъ Борисовъ въ академіи велъ себя, конечно, не какъ начальникъ, но и не какъ простой, временный квартирантъ. Онъ, такъ сказать, напросился на экзаменъ студентовъ, происходившій въ концѣ трети, сидѣлъ не простымъ зрителемъ, а старался мучить, конфузить вопросами и такъ-называемыми возраженіями и студентовъ, и наставниковъ. Но лучшимъ подтвержденіемъ указаннаго слуха служатъ слѣдующія обстоятельства.

Иннокентій Борисовъ уже 30-го декабря на вопросъ: долго ли онъ еще пробудетъ въ Петербургѣ, отвѣчалъ: «долго, вѣроятно, очень долго; у меня еще есть много здѣсь дѣла». И вдругъ въ новый годъ или на другой день его началъ торопливо собираться въ Кіевъ и дѣйствительно очень скоро уѣхалъ. Архимандритъ Климентъ Можаровъ въ поясненіе такого поспѣшнаго почти бѣгства передавалъ слѣдующій разсказъ ректора Щепетева. Петербургскіе митрополиты въ послѣдній день святокъ, т.-е. 31-го декабря, имѣли тогда обыкновеніе ѣздить вмѣстѣ съ почетными монахами лавры въ Зимній дворецъ, чтобы, по ихъ выраженію, «славить тамъ Христа». Въ этотъ день покойный императоръ принималъ митрополита, какъ всякій православный и набожный домохозяинъ принимаетъ своего уважаемаго приходскаго священника. Серафимъ давно уже слышалъ о планахъ гр. Пратасова и Иннокентія Борисова; послѣдній ему очень не нравился. Открыто вступить въ борьбу съ составителями плана онъ не хотѣлъ. Но будто бы, во время своего славленья въ Зим-

немъ дворцѣ 31-го декабря, онъ просилъ Государя Императора оставить на своихъ мѣстахъ прежняго викарія его и ректора академіи. Вслѣдствіе этой-то будто бы просьбы Иннокентій Борисовъ получилъ приказъ поскорѣе убираться въ Кіевъ. По крайней мѣрѣ, дѣла, которыхъ, по его словамъ, 30-го декабря еще такъ много ему предстояло, вдругъ куда-то пропали и для нихъ уже никто не удерживалъ его въ Петербургѣ.

Потерпѣвши неудачу относительно новаго ректора академіи, гр. Пратасовъ долженъ былъ довольствоваться прежнимъ, даже сдѣлался къ нему ласковымъ; о сценахъ подобныхъ той, которая происходила въ третій визитъ, и помину не было: съ другой стороны ректоръ уклонялся, конечно, самымъ учтивымъ и, такъ сказать, доказательнымъ образомъ отъ нѣкоторыхъ реформъ, на которыхъ гр. Пратасовъ настаивалъ. Къ нимъ главнымъ образомъ принадлежали устройство новой, лучшей, даже блестящей мебели и устройство спальныхъ комнатъ, отдѣльныхъ отъ комнатъ для занятій. Смѣшно кажется, а между тѣмъ справедливо, что оба эти улучшенія считались тогда въ монашествѣ и даже въ духовенствѣ неприличными для духовно-учебнаго заведенія. Хорошею мебелью опасались развить въ студентахъ наклонность къ роскоши, но тутъ все-таки готовы были сдѣлать какую-либо уступку. Относительно же спаленъ и слышать не хотѣли, выставляя главнымъ образомъ то, что здоровье студентовъ чрезъ это совсѣмъ разстроится. Сердобольные люди говорили: «Теперь студентъ, утомившись, приляжетъ на свою кровать, не заснетъ, но все-таки поотдохнетъ; да почему же послѣ обѣда и не соснуть? А при отдѣльныхъ спальняхъ, въ которыя дозволено будетъ входить только ночью, гдѣ бѣдненькому студенту, утомленному умственною работою, будетъ отдохнуть? Остается только расположиться на полу, положивши подъ голову какой-либо фоліантъ изъ библіотеки». Страннѣе всего, что въ этой борьбѣ не прямо, а стороною участвовалъ митрополитъ Дроздовъ. Мнѣ отъ ректора Щепетева удалось слышать, что московскій (такъ тогда называли Филарета) ни за что не велитъ заводить спальни. Графъ Пратасовъ, при всемъ своемъ желаніи поставить академію по внѣшности въ такое блестящее положеніе, въ какомъ находились тогда свѣтскія училища, долженъ былъ на время отказаться отъ него, надѣясь этого достигнуть при новомъ ректорѣ. Прежняго же не преслѣдовалъ болѣе и не препятствовалъ св. синоду назначить его куда-либо въ архіереи. Не задолго до каникулъ 1837 года сдѣлалось свободнымъ мѣсто ви-

карія московскаго митрополита, на которое, по желанію Филарета Дроздова, и былъ опредѣленъ Виталій Щепетевъ.

Наиболѣе достойнымъ преемникомъ его, за исключеніемъ едва ли не одного только Иннокентія Борисова, могъ бы и долженъ бы быть инспекторъ академіи. Внушительная и даже величественная внѣшность его, умѣнье придавать словамъ своимъ оживленіе при помощи жестовъ и измѣненій въ интонаціи голоса, обширныя свѣдѣнія въ преподаваемыхъ имъ предметахъ, — все это, при хорошемъ дарѣ слова, давали ему возможность быть однимъ изъ лучшихъ тогдашнихъ академическихъ наставниковъ. Особенно же онъ заслуживалъ благодарность за то, что первый началъ читать лекціи о русскомъ расколѣ,—первый изъ разнообразныхъ, но почти нисколько необдѣланныхъ матеріаловъ составилъ свои записки по этому предмету. Потомъ, воспитавшись въ петербургской же академіи, занимая въ ней должность баккалавра болѣе семи и должность инспектора около шести лѣтъ, онъ вполнѣ понималъ духъ, недостатки и потребности академіи и искренно желалъ быть ей полезнымъ. На студентовъ имѣлъ сильное моральное вліяніе; наставники, кромѣ двухъ-трехъ человѣкъ, уважали его; тѣ и другіе были увѣрены, что онъ будетъ ректоромъ, даже почти всѣ желали этого. Кромѣ того, какъ выше сказано, въ городѣ между людьми, которыхъ интересовали духовныя дѣла, онъ былъ извѣстенъ, какъ лучшій изъ тогдашнихъ проповѣдниковъ. Но гр. Пратасову онъ все еще не нравился; изъ митрополитовъ же ни одинъ не вступился за вполнѣ достойнаго человѣка; старикъ Серафимъ, довольный тѣмъ, что одержалъ побѣду надъ Иннокентіемъ Борисовымъ, не хотѣлъ начинать новую, открытую борьбу съ оберъ-прокуроромъ изъ-за инспектора; Филаретъ Дроздовъ не долюбливалъ инспектора за неумѣнье и нежеланье низкопоклонничать предъ нимъ, а у кіевскаго митрополита Филарета Амфитеатрова былъ на-готовѣ свой кандидатъ, свой протежѐ, землякъ, даже, какъ поговаривали, едва ли не родственникъ, ярославской семинаріи инспекторъ Николай Доброхотовъ.

Онъ принадлежалъ къ самымъ обыкновеннымъ магистрамъ академіи, не отличался ни природнымъ особеннымъ умомъ, ни начитанностью, ни стремленіемъ къ пріобрѣтенію всестороннихъ знаній, былъ, какъ выражаются, дюжиннымъ человѣкомъ. Въ умѣ его замѣчалась даже иногда какая-то странная медлительность, неповоротливость, вслѣдствіе которыхъ онъ не вдругъ освоивался съ тѣмъ, что̀ ему говорили, не вдругъ отыскивалъ въ головѣ своей нужный и дѣльный отвѣтъ. «Не понимаю», гова-

ривалъ онъ бывало являвшимся къ нему подчиненнымъ, какъ они ни ясно излагали свои мысли, думали даже, но едва ли справедливо, что онъ это нарочно дѣлалъ изъ желанія или помедлить отвѣтомъ, или подшутить надъ нетерпѣливостью подчиненнаго. А дѣйствительно, пошутить, поострить онъ любилъ, но остроты его не отличались изобрѣтательностью; притомъ близкимъ къ нему людямъ часто приходилось слушать повтореніе однихъ и тѣхъ же остротъ; — такъ напр. пересчитывая въ академическомъ казначействѣ 25-ти-рублевыя ассигнаціи, которыхъ въ тысячѣ было сорокъ, онъ говорилъ: «38, 39, тридцать десять, а гдѣ же сороковая? Ха, ха, ха! гдѣ же она?» спрашиваетъ онъ эконома.

Относительно научныхъ свѣдѣній надобно сказать, что онъ даже не могъ ихъ пріобрѣсть настолько, чтобы быть хорошимъ профессоромъ высшаго учебнаго заведенія, потому что не былъ силенъ въ нѣмецкомъ и французскомъ языкахъ и не имѣлъ привычки слѣдить за ученою литературою на этихъ языкахъ. Изъ свѣтскихъ наукъ, необходимыхъ для всякаго образованнаго человѣка, едва ли онъ зналъ основательно хоть одну. Но за то самъ считалъ себя большимъ знатокомъ схоластической философіи, которая тогда преподавалась въ семинаріяхъ и отчасти даже въ академіяхъ. Поводомъ къ тому послужило то обстоятельство, что онъ по окончаніи курса въ кіевской академіи посланъ былъ инспекторомъ въ петербургскую семинарію и былъ тамъ нѣсколько лѣтъ профессоромъ философіи. Какъ же не вообразить себя философомъ, когда семинарская тогдашняя философія заключала въ себѣ не только логику и психологію, но и метафизику, этику, естественное право и даже исторію философскихъ системъ, начиная отъ Ѳалеса до Лейбница, а иногда брала клочки и изъ Канта, произносила даже фамиліи Фихте, Шеллинга и пр.?

На основаніи такого соображенія Доброхотовъ, сдѣлавшись ректоромъ академіи, любилъ на экзаменахъ пофилософствовать, предлагалъ студентамъ такъ-называемыя возраженія, вступалъ въ ученыя пренія съ наставниками философіи, особенно съ Карповымъ, и очень часто въ своихъ диспутахъ употреблялъ свои любимыя: «ха, ха, ха! Да что же это такое? ха, ха, ха!» Едва ли также не профессорство же по семинарской философіи было причиною того, что Доброхотовъ любилъ хоть изрѣдка блеснуть своимъ либерализмомъ на профессорской каѳедрѣ, впрочемъ въ очень скромныхъ размѣрахъ. Напр., на лекціи коснувшись словъ 19-го стиха 20-й главы Евангелиста Іоанна, гдѣ говорится о явленіи воскресшаго Спасителя ученикамъ, которые сидѣли въ

комнатѣ, *дверемъ затворенныхъ*, Доброхотовъ, сказавши, что на основаніи этого текста доказываютъ, будто бы Іисусъ Христосъ взошелъ въ комнату не чрезъ двери, которыя были заперты, а проникъ уже своимъ преобразованнымъ тѣломъ сквозь стѣну,— сказавши это потомъ прибавлялъ: «ха, ха, ха! гдѣ же тутъ говорится объ этомъ? сказано только, что двери комнаты были затворены, а вовсе не то, что Іисусъ Христосъ прошелъ сквозь стѣну, не отворяя дверей; ха, ха, ха!»

Относительно академическаго хозяйства Доброхотовъ страдалъ слабостью, которая была свойственна едва ли не всѣмъ тогдашнимъ ректорамъ семинарій. Они любили не только получать назначенное имъ жалованье, но и пользоваться отъ семинаріи даровыми прислугою, освѣщеніемъ, съѣстными припасами, любили также на казенныя деньги, разумѣется, не гласнымъ образомъ устроивать экзаменскіе обѣды и пр. Такіе поступки тѣмъ болѣе заслуживали нареканіе, что бѣднаго ректора не было ни одного, что они, развѣ за ничтожными исключеніями, кромѣ жалованья отъ семинарій, имѣли хорошіе доходы отъ монастырей, въ которыхъ настоятельствовали. Но они, вѣроятно, смотрѣли на семинаріи съ монастырской точки зрѣнія. Вѣдь настоятель монастыря пользуется всѣмъ отъ него, даже третью часть братскихъ доходовъ беретъ себѣ. Почему же не вообразить, что и семинарія есть монастырь и что, за отсутствіемъ братскихъ въ ней доходовъ, ректору слѣдуетъ пользоваться даровыми прислугою, съѣстными припасами и пр.? Конечно, отъ этого страдали ученическіе желудки; конечно, казенное жалованье и законные доходы ректора были болѣе, нежели достаточны на содержаніе его, но не стоило обращать вниманіе на это. Ученики могли поучиться воздержанію и отъучиться отъ чревоугодія; а остающіеся въ излишкѣ доходы и жалованье могли сберегаться *про черный день*, который, впрочемъ, слишкомъ рѣдко выпадалъ на долю лицъ ученаго монашества.

Въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія ректоры петербургской духовной академіи получали жалованья, доходовъ отъ монастырей, ими управляемыхъ, и отъ редакціи «Христіанскаго Чтенія» гораздо болѣе 10,000 рублей ассигнаціями. При казенной вполнѣ омеблированной квартирѣ, при казенномъ экипажѣ, безсемейному человѣку, кажется, можно было бы довольствоваться этою суммою. Но отцы ректоры не хотѣли разстаться съ описанною сейчасъ слабостью ректоровъ семинарій. Каждый изъ нихъ имѣлъ двухъ-трехъ казенныхъ служителей, пользовался многими съѣстными припасами изъ студенческой кладовой.

Объ экзаменскихъ обѣдахъ и закускахъ нечего и говорить; добывай на нихъ денегъ экономъ, какъ знаетъ. Ректоръ Доброзраковъ позволялъ себѣ требовать отъ него шампанское на угощеніе своихъ пріятелей, притомъ не одною какою-либо бутылкою, а полдюжинами и дюжинами ихъ. Пользуясь незаконно казенными деньгами на свои частные расходы въ болѣе или менѣе широкихъ размѣрахъ, ректоры не могли же не оказывать снисхожденія и къ прочимъ членамъ правленія и даже къ наставникамъ. У инспектора было два казенныхъ служителя, у эконома и секретаря по одному. Затѣмъ въ двадцатыхъ годахъ, особенно при Доброзраковѣ, вошло въ обычай, что даже наставники, помѣщавшіеся въ академіи, пользовались многими казенными съѣстными припасами, особенно хлѣбомъ, масломъ и пр., не платя за нихъ денегъ. Этотъ, можно сказать, грабежъ значительно сократилъ іеромонахъ Геннадій, сдѣланный экономомъ въ 1828 г. Увидавши, какое громадное количество съѣстныхъ припасовъ ежедневно расходуется на начальство и наставниковъ академіи, онъ явился къ Доброзракову и, какъ горячій малороссъ, отдавая ему ключи отъ кладовыхъ, сказалъ: «возьмите ихъ, ищите новаго эконома, а я не могу имъ быть». Доброзраковъ, выслушавъ все, что Геннадій ему сказалъ о множествѣ забираемыхъ припасовъ, понялъ, что кое отъ чего и самому надобно отказаться, и другимъ отказать. Всѣмъ живущимъ въ академіи начальникамъ и наставникамъ съ разрѣшенія митрополита дозволено было забирать для себя въ студенческой кладовой припасы, но съ тѣмъ, чтобы въ концѣ года за нихъ выплачивать сумму, которой они стоютъ; самъ Доброзраковъ подчинился ради примѣра этому распоряженію; но прислуга у членовъ и секретаря правленія оставалась казенною. Она бралась изъ числа той, которая назначалась для студентовъ вообще. Пока академія оставалась внѣ надзора оберъ-прокурорскаго и не требовалось въ ней особенной чистоты и опрятности, дѣло кое-какъ сходило съ рукъ. Но со времени *нашествія* гр. Пратасова все должно было измѣниться; прислуги оказалось недостаточно въ студенческихъ комнатахъ, столовой, больницѣ и пр.; секретарь и экономъ завели свою прислугу, но ректоръ и инспекторъ не хотѣли такъ скоро разстаться съ давнишнимъ обычаемъ. Какъ ни страннымъ покажется, а между тѣмъ говорю совершенную правду, что экономъ, съ одной стороны понуждаемый имѣть лишнюю прислугу для содержанія академіи въ требуемой чистотѣ, а съ другой стороны не имѣя смѣлости сказать начальникамъ, чтобы они отказались отъ казенной прислуги, болѣе года платилъ изъ своего кармана деньги

служителю, находившемуся при одномъ изъ нихъ, и только мало-по-малу, съ большими непріятностями для себя, ему удалось настоять на томъ, чтобы отцы командиры сами на свой счетъ нанимали для себя служителей.

Въ этомъ отношеніи особенно былъ упрямъ Доброхотовъ. Когда экономъ ему докладывалъ, чтобы онъ на свои деньги нанималъ прислугу для себя, то онъ обыкновенно говаривалъ: «вотъ еще что̀ затѣваете! Развѣ я не ректоръ? Развѣ мнѣ на свой счетъ нанимать служителей? Гдѣ это видано, чтобы у ректора была не казенная, а своя прислуга?» Только къ концу своего ректорства, онъ сталъ самъ на свои деньги нанимать одного изъ служителей; но и это не обошлось безъ маленькаго скандальчика. Въ одномъ изъ засѣданій академическаго правленія Доброхотовъ, обратившись къ эконому, сказалъ:

— Я на васъ гнѣваюсь.

— За что это, ваше высокопреподобіе?—спросилъ подчиненный.

— Да вотъ я нынѣ былъ въ больницѣ; больные жалуются, что у нихъ иногда не бываетъ вовсе прислуги, поваръ готовитъ кушанье, а служитель уходитъ въ аптеку за лекарствами.

— Это совершенная правда.

— А сколько положено имѣть служителей при больницѣ?

— Двоихъ кромѣ повара.

— А сколько ихъ нанимается?

— Двое, но на больницу достается одинъ только.

— Какъ же это? нанимается двое, а въ больницѣ одинъ?

— Да именно такъ.

— А гдѣ же другой служитель?

— Вы очень хорошо сами знаете, гдѣ онъ.

— Ну нѣтъ, не знаю.

— Нѣтъ, знаете.

— Да я говорю, что не знаю, и вновь спрашиваю: гдѣ же другой нанимаемый для больницы служитель?

— Этотъ вопросъ вы легко разрѣшите, когда, пришедши въ свои комнаты, увидите Григорія (казеннаго при немъ служителя). Вѣдь вы знаете, что при вашихъ комнатахъ не положено отъ казны служителя, а...

— Ну вотъ еще, запѣли опять старую пѣсню.

Между тѣмъ эта пѣсня не осталась безъ послѣдствій; ее слышали многіе купцы, пришедшіе торговаться на разные предметы, нужные для академіи. И потому ректоръ, возвратившись домой, написалъ эконому записку, состоявшую изъ словъ: «съ нынѣш-

няго дня я своему Григорью плачу жалованье изъ своихъ денегъ, а для больницы наймите другого служителя».

И въ другихъ случаяхъ Доброхотовъ былъ настоящій тогдашній ректоръ семинаріи. Чуть не съ первыхъ дней своего ректорства онъ сталъ говорить эконому: «я люблю, чтобы у меня въ комнатахъ было все хорошо и прилично; ихъ нужно освѣщать лампами; купите все, что̀ нужно для этого; вѣдь не на свой же счетъ мнѣ ихъ покупать». Или: «я люблю бесѣдовать съ наставниками, такого-то числа я позову ихъ на вечеръ, а вы приготовьте то-то и то-то». И когда вечеръ кончался, а экономъ представлялъ ректору счетъ издержкамъ, то получалъ въ въ отвѣтъ: «ха, ха, ха! Вотъ еще что выдумалъ! Да развѣ я не ректоръ?» И если бы въ то время секретарь и экономъ не были извѣстны съ хорошей стороны Карасевскому и гр. Пратасову и, разсчитывая на это, не ограничивали мало-по-малу расходолюбиваго ректора, то академическимъ финансамъ пришлось бы истощаться на многія вовсе ненужныя, незаконныя издержки. Особенно же Доброхотовъ былъ несговорчивъ относительно обѣдовъ на публичныхъ экзаменахъ... «Ну ужъ нѣтъ, извините; я люблю, чтобы у меня экзаменскія закуски (или обѣды) были отличныя». Особенно же тяжелъ могъ быть публичный экзаменъ 1839 г. Онъ продолжался два дня съ обѣдами каждый день человѣкъ на 50—60. Но они были послѣдними обѣдами на казенный счетъ. Когда экономъ вскорѣ послѣ нихъ пришелъ къ ректору съ жалованьемъ за два мѣсяца, то по обычаю первоначально предложилъ своему начальнику расписаться въ полученіи денегъ. Потомъ представилъ длинный счетъ расходамъ... «Это что такое»? —спросилъ ректоръ.—«Счетъ деньгамъ, которыя употреблены на два обѣда и которыхъ мнѣ не откуда взять». И за тѣмъ, взявши счеты, положивши на нихъ сумму, которую слѣдовало получить ректору и скинувши съ нее экзаменскіе расходы, онъ вручилъ очень небольшой остатокъ денегъ и, поклонившись, ушелъ. Ректоръ, совсѣмъ не ожидавшій такой развязки, не нашелся, но съ тѣхъ, кажется, поръ на экзаменскіе обѣды стали заимствовать деньги изъ редакціи «Христіанскаго Чтенія».

Нисколько не скрывая капитальнаго недостатка въ Доброхотовѣ, я считаю нужнымъ сказать, что онъ вовсе не былъ дурнымъ человѣкомъ; онъ былъ рутинеръ, привыкъ думать, какъ и всѣ тогда думали, что ректоръ чуть не все долженъ получать отъ управляемой имъ академіи или семинаріи, вѣрилъ въ это, какъ въ непреложную истину. Внѣ же этихъ привычекъ онъ вовсе не былъ корыстолюбивъ; мнѣ вполнѣ извѣстно, что онъ

не жалѣлъ значительныхъ суммъ на вспомоществованіе не только роднымъ своимъ, но и стороннимъ. Къ этому прибавлю, что онъ былъ по душѣ своей добрый, незлопамятный человѣкъ. Подчиненный могъ не только съ нимъ поспорить, даже крупно поговорить, и послѣ чрезъ какой-нибудь часъ услышать отъ него: «эка вы разгорячились, да и я тоже, ну, пусть будетъ по вашему», или: «послушайтесь меня; я правду говорю; не спорьте». Тѣмъ дѣло и оканчивалось. Съ наставниками онъ обращался весьма хорошо. Если любилъ на экзаменахъ поспорить, пофилософствовать, даже погорячиться, то все это и заканчивалось словами. Никогда и никого онъ не преслѣдовалъ; почти ни къ кому не относился съ холодностью, съ надменностью, съ презрѣніемъ. Его за многое нельзя было похвалить, но какъ-то не хотѣлось и бранить; еще труднѣе было его ненавидѣть. Академическіе наставники при немъ отдохнули отъ того гнета, который тяготѣлъ надъ многими изъ нихъ при Щепетевѣ. Каждый изъ нихъ былъ полнымъ хозяиномъ въ своемъ классѣ, могъ говорить то, что находилъ истиннымъ, не опасаясь, что его заподозрятъ въ ереси, вольнодумствѣ и т. п. И потому неудивительно, что когда Доброхотовъ отъѣзжалъ на епископскую каѳедру въ Тамбовъ, то наставники устроили въ честь его великолѣпный прощальный обѣдъ.

Можно еще замѣтить, что, сдѣлавшись епископомъ, онъ нѣсколько сталъ измѣняться, особенно относительно мнѣній о бѣломъ духовенствѣ. Во время его ректорства отецъ его, священникъ, подвергся опалѣ по донесенію чиновниковъ палаты государственныхъ имуществъ о томъ, что онъ дѣлаетъ обременительные поборы съ прихожанъ, за что на нѣсколько времени удаленъ былъ отъ должности. Въ это время Доброхотовъ посылалъ старику отцу большія деньги на содержаніе его и съ своими подчиненными любилъ говорить о томъ, что бѣлому духовенству непремѣнно нужно положить жалованье. Но вотъ его сдѣлали епископомъ, и взглядъ его на жалованье духовенству измѣнился. Однажды, бывши въ академическомъ казно-хранилищѣ, онъ обратился къ одному изъ присутствовавшихъ тутъ наставниковъ съ словами: «вотъ мы съ вами нерѣдко разсуждали, что слѣдуетъ положить духовенству жалованье, а вѣдь мы жестоко ошибались». Наставникъ, изумленный этими словами, сказалъ: «помилуйте, ваше преосвященство, не вы ли сами находили жалованье это необходимымъ, а теперь совсѣмъ другое говорите».

— Да, правда,—сказалъ Доброхотовъ,—я говорилъ это, но теперь вижу, что ошибался. Вчера я былъ у московскаго митро-

полита, вотъ онъ-то мнѣ все дѣло и разъяснилъ. Теперь, говоритъ онъ, когда священники живутъ платою за требы, они не отказываются отъ требъ, а спѣшатъ ихъ исполнить поскорѣе; чрезъ это поддерживается въ народѣ благочестіе. Но когда священники станутъ получать жалованье, тогда что за охота имъ будетъ спѣшить для исполненія какой-либо требы ѣхать за 5 или 10 верстъ? они не только не поторопятся, но, пожалуй, станутъ внушать, что не зачѣмъ иную требу и исполнять; чрезъ это благочестіе въ народѣ упадетъ и вѣра ослабѣетъ. Не правда ли,— продолжалъ Доброхотовъ,—вѣдь московскій митрополитъ хорошо разсуждаетъ? Нѣтъ, потрудись, и за этотъ трудъ получи плату. Что скажете на это?

Наставникъ отвѣчалъ: «Согласенъ съ вашимъ преосвященствомъ, только удивляюсь, почему такой мѣры не распространяютъ и на другихъ лицъ. Вотъ, напр., архіереи получаютъ теперь жалованье; зачѣмъ это? Не лучше ли положить, что бы имъ давали извѣстную плату за рѣшеніе каждаго дѣла? Тогда бы въ консисторіяхъ не залеживались дѣла не только по мѣсяцамъ, но и по годамъ». Доброхотовъ не счелъ за нужное отвѣчать на это саркастическое замѣчаніе, и обратившись къ секретарю, сказалъ: «а сколько нужно денегъ?»

Окончивъ характеристику Доброхотова, займемся теперь тѣми наиболѣе замѣчательными событіями, которыя случились во время его ректорства въ академіи.

IX.

О посѣщеніи академіи государемъ императоромъ Николаемъ Павловичемъ.

Новый ректоръ почти цѣлый годъ подъ разными предлогами отговаривался предъ Карасевскимъ и гр. Пратасовымъ отъ новыхъ реформъ по академіи; въ этомъ пассивномъ только сопротивленіи оберъ-прокурору онъ былъ поддерживаемъ своимъ патрономъ и землякомъ, кіевскимъ митрополитомъ Амфитеатровымъ. Поэтому гр. Пратасовъ, который давно уже желалъ показать академію императору, рѣшился не ждать окончательнаго введенія въ нее всѣхъ предположенныхъ имъ реформъ, надѣясь, что она и въ томъ видѣ, въ какомъ тогда находилась, понравится высокому посѣтителю. Цѣлую зиму 1837—38 года академическому начальству внушалось быть готовымъ къ встрѣчѣ государя. Онъ большею частью по учебнымъ заведеніямъ ѣздилъ въ 3—4 ч. по-полудни. Это время для академіи было очень благо-

-пріятно; студенты тогда сидѣли на послѣ-обѣдномъ классѣ; а въ комнатахъ, едва только пробивалъ звонокъ въ два часа, какъ прислуга быстро приводила все въ порядокъ; и рѣдкій развѣ день проходилъ безъ того, чтобы кто-либо изъ членовъ правленія въ это время не осмотрѣлъ комнатъ. Кромѣ того, и самъ гр. Пратасовъ, особенно же Карасевскій *благовременнѣ* и *безвременнѣ*, многое множество разъ, пріѣзжали въ академію, чтобы видѣть, все ли тамъ содержится въ чистотѣ и надлежащемъ порядкѣ. При помощи такихъ визитацій они вполнѣ убѣдились, что посѣщеніе академіи государемъ теперь не страшно. Гр. Пратасовъ, который все еще оставался полковникомъ, хотя по власти и вліянію на дѣла почти равнялся министрамъ, — въ теченіе зимы, какъ онъ самъ говорилъ, неоднократно приглашалъ государя удостоить академію своего высочайшаго посѣщенія, увѣряя, что она нынѣ приведена его, разумѣется, стараніями въ надлежащій видъ. И не смотря на все это, графъ чуть было не ошибся въ своихъ разсчетахъ. Пропусти какихъ-нибудь 10—20 минутъ и государь императоръ, по всей вѣроятности, остался бы крайне недоволенъ положеніемъ академіи.

Зима уже проходила; въ теченіе ея въ 3—4 часу академія всегда была готова встрѣтить государя; наступилъ великій четвергъ (31-го марта). Въ этотъ день студенты, пріобщаясь святыхъ таинъ, должны были встать очень рано, простоять въ церкви за утреней и правиломъ, потомъ послѣ небольшого промежутка, за обѣдней, всего около 6—7 часовъ, и, разумѣется, чрезвычайно утомились. Сытный обѣдъ еще болѣе расположилъ ихъ ко сну. Да и негуманно было бы требовать отъ нихъ, чтобы они послѣ стольких трудовъ не отдохнули; притомъ само начальство, наскучивши продолжительнымъ ожиданіемъ императорскаго посѣщенія, перестало уже вѣрить въ него. И вотъ студенты, помолившись Богу въ церкви, покушавши въ столовой, да побалагуривъ между собою, большею частью легли на свои кровати, примяли подушки и одѣяла, а многіе даже, скинувши сюртуки, брюки, жилеты и сапоги, рѣшились съ полнымъ наслажденіемъ предаться въ объятія Морфея; почти все въ студенческихъ комнатахъ засопѣло и захрапѣло. Въ это-то время къ концу уже третьяго часа поспѣшно пріѣзжаетъ въ академію Карасевскій, почти бѣжитъ къ ректору, велитъ разбудить его и говоритъ, что сейчасъ пріѣдетъ графъ съ какимъ-то генераломъ, требуетъ къ себѣ эконома и съ нимъ отправляется въ студенческія комнаты.

Тревога эта поднялась по слѣдующему обстоятельству. Графъ

въ тотъ день пріобщился св. таинъ, съ чѣмъ поздравить его и пріѣзжалъ Карасевскій. Во время ихъ разговора является курьеръ изъ Зимняго дворца съ приказаніемъ графу немедленно явиться къ государю императору. Естественно родился вопросъ: зачѣмъ это требуютъ графа въ дворецъ? Подумали, погадали и дошли до мысли: ужъ не хочетъ ли государь посѣтить духовную академію, куда его такъ давно приглашали? Размышлять долго было некогда, а на всякій случай слѣдовало принять надлежащія мѣры. Графъ и велѣлъ Карасевскому, какъ можно скорѣе, поспѣшить въ академію и сказать, что онъ сейчасъ туда пріѣдетъ съ однимъ генераломъ. Если самъ государь поѣдетъ, то эта маленькая ложь не испортитъ дѣла; а если не поѣдетъ, то графъ хотѣлъ дѣйствительно съ кѣмъ-либо изъ своихъ знакомыхъ посѣтить академію, чтобы этимъ поприкрыть поднятую тамъ тревогу.

Хотя о пріѣздѣ Карасевскаго уже успѣли узнать студенты, но онъ, пришедши въ комнаты, нашелъ все въ страшномъ безпорядкѣ; иные еще лежали на кровати подъ одѣяломъ или на немъ; другіе одѣвались, даже только обувались; кое-кто убиралъ свою кровать; только очень немногіе студенты были вполнѣ готовы, но и у нихъ еще можно было замѣтить заспанные глаза. Карасевскій, увидавши такой безпорядокъ, пришелъ въ ужасъ. «Что это такое у васъ? — воскликнулъ онъ съ негодованіемъ и въ ужасномъ безпокойствѣ.—На что это похоже?» И когда экономъ сталъ-было объяснять, что студенты нынѣ очень утомлены и пр., то его превосходительство не хотѣло и слышать объ извиненіяхъ, а приказывало, какъ можно скорѣе, спѣшить привести все въ надлежащій порядокъ, даже само своими превосходительными руками раза два-три принималось поправлять одѣяла или подушки. Замѣтивъ, что экономъ не очень суетливо распоряжается, онъ тихонько сказалъ ему: «что вы такъ медлите? Знаете ли, что вѣдь ѣдетъ самъ государь? Скорѣй, живѣй! только пока никому не говорите о государѣ». Впрочемъ, дѣло могло обойтись безъ особенныхъ тревогъ. И студенты, и прислуга академіи уже пріобрѣли привычку приводить быстро все въ порядокъ. Минутъ чрезъ 15-ть нечего было бояться, что императоръ встрѣтитъ безпорядокъ въ академіи. Карасевскій, убѣдившись въ этомъ, ушелъ въ комнаты ректора, приказавши тотчасъ же поднимать тревогу, какъ скоро замѣтятъ, что въ академію ѣдетъ графъ одинъ, или съ кѣмъ-нибудь. Вмѣстѣ съ тѣмъ эконому сказано было, чтобы онъ не вдругъ являлся на глаза посѣтителямъ, когда они войдутъ въ сѣни; пусть-де не думаютъ, что ихъ ждали въ академію. Карасевскій такъ заботился объ этомъ своего рода

инкогнито, что своему кучеру велѣлъ отъѣхать отъ параднаго крыльца и укрыться гдѣ-нибудь въ невидномъ мѣстечкѣ.

Швейцаръ и привратникъ наконецъ увидѣли, что съ шлиссельбургскаго шоссе поворотили въ академію двое саней, на однихъ сидѣли два генерала, а другія, запряженныя лошадью гр. Пратасова, ѣхали сзади первыхъ порожними. Ясно было, что ѣдутъ государь и графъ вмѣстѣ. Начались новыя тревоги по всему дому. Государь, вошедши въ большія сѣни, немедленно снялъ съ себя шляпу и шинель, отдавши послѣднюю швейцару. Радклифовскій характеръ сѣней, кажется, заинтересовалъ его; онъ съ минуту или болѣе осматривалъ ихъ и сдѣлалъ какое-то графу замѣчаніе; тотъ и другой улыбнулись. Этотъ небольшой промежутокъ времени далъ эконому возможность разыграть предписанную ему Карасевскимъ комедію. Стоя за неплотно притворенною дверью своей квартиры, онъ вышелъ изъ нея тогда уже, когда посѣтители, осмотрѣвши сѣни, пошли вдоль нихъ къ лѣстницамъ въ церковь; такимъ образомъ государь не имѣлъ повода думать, что его здѣсь уже давно ждутъ. Прежде всего онъ вошелъ въ церковь. Въ ней не было никакихъ особенныхъ украшеній, даже ни одной иконы на боковыхъ и задней стѣнахъ, но она имѣла нѣчто величественное и торжественное. Государь спросилъ графа, почему въ нее пустили такъ мало свѣта? и получилъ въ отвѣтъ: «она устроивалась въ то время, когда въ Россіи преобладалъ мистицизмъ; тогда полумракъ былъ въ модѣ». Государь улыбнулся этому замѣчанію и пошелъ далѣе. Тутъ слѣдовали два класса; въ нихъ въ это время стояли только одни классные столы для студентовъ, притомъ очень обыкновенной работы; но за то солнце ярко свѣтило въ окна и тѣмъ поприкрыло незавидное ихъ убранство. Государь, остановившись и осмотрѣвши все, замѣтилъ, что столы поставлены неудобно, такъ какъ при слушаніи лекцій свѣтъ падалъ изъ оконъ прямо въ глаза студентовъ: «чрезъ это глаза портятся», прибавилъ онъ и указалъ, какъ слѣдуетъ поставить столы. Теперь очередь дошла до жилыхъ студенческихъ комнатъ, расположенныхъ въ бельэтажѣ. Двери уже были вездѣ растворены; студенты знали, что сейчасъ къ нимъ явятся посѣтители; поприбрались, попригладились, построились большею частью въ каждой комнатѣ небольшими группами въ одинъ рядъ. Они, конечно, не отличались военною выправкою, но одѣлись въ хорошіе сюртуки, стояли бодро, глядѣли въ глаза смѣло, безъ семинарской застѣнчивости, безъ бурсацкихъ гримасъ. Вошедши въ каждую комнату, государь говорилъ: «здравствуйте, господа». Ему не отвѣчали общимъ

крикомъ: «здравія желаю», но кланялись прилично, благопристойно, по крайней мѣрѣ, не безобразно; оригинальность этого привѣтствія, котораго государь нигдѣ въ другихъ училищахъ не встрѣчалъ, не произвела, какъ было замѣтно, на него никакого непріятнаго впечатлѣнія. Во второй угловой комнатѣ графъ какъ-то умѣлъ обратить вниманіе его на длинный рядъ комнатъ, которыя при растворенныхъ дверяхъ представляли нѣчто въ родѣ перспективы на протяженіи саженей 20—25. Государь остановился на нѣсколько мгновеній и, посмотрѣвъ, сказалъ: «хорошо». Видъ дѣйствительно былъ довольно красивъ. Можно было замѣтить, что высокій посѣтитель, посмотрѣвши въ каждой комнатѣ на студентовъ, послѣ дѣлалъ быстрый, но проницательный взглядъ на стѣны и на всю обстановку комнаты. Такимъ образомъ прошли по всѣмъ жилымъ комнатамъ бель-этажа. Въ которой-то изъ комнатъ государь сказалъ: «мнѣ желательно бы, чтобы всѣ воспитывающіеся въ академіи студенты поступали въ духовное званіе». Вышедши въ корридоръ, онъ увидалъ трехъ человѣкъ прислуги изъ бравыхъ солдатъ, одѣтыхъ въ мундирные сюртуки, и выстроившихся по военному. На его привѣтствіе они отвѣчали громкимъ солдатскимъ: «здравія желаемъ, ваше императорское величество!» То же самое сдѣлали четыре служителя, мимо которыхъ государь прошелъ, поднявшись въ верхній этажъ. Здѣсь комнаты были нѣсколько пониже, нежели въ бель-этажѣ; но за то студенты низшаго отдѣленія, въ нихъ жившіе, на которыхъ еще не успѣлъ подѣйствовать петербургскій климатъ, имѣли лица свѣжѣе и пополнѣе, нежели студенты высшаго отдѣленія, которыхъ государь видѣлъ въ бель-этажѣ. Такимъ образомъ и здѣсь все сошло съ рукъ хорошо.

Теперь обратимся къ ректору, у котораго, какъ я уже сказалъ, расположился и Карасевскій. Разговоръ у нихъ какъ-то не клеился; одному помѣшали соснуть, другой сидѣлъ, по пословицѣ, какъ на иголкахъ, постоянно посматривая на часы. Ректоръ послѣ сознавался, что ему уже становилось скучно. Вдругъ прибѣгаетъ, запыхавшись, солдатъ съ докладомъ, что ѣдутъ два генерала на однихъ саняхъ, а въ саняхъ графа никто не сидитъ. Тутъ только Карасевскій, полагая, что одинъ изъ генераловъ есть государь, сказалъ о томъ ректору и совѣтовалъ, какъ можно скорѣе, спѣшить на встрѣчу ему. У ректора отъ этого извѣстія, по собственному его сознанію, «задрожали поджилки и по тѣлу пробѣжали муравки». По добродушію своему онъ послѣ говорилъ: «кажется, я спѣшилъ-было и очень, а между тѣмъ ноги какъ будто не слушались». Отъ этого и про-

изошло, что онъ встрѣтилъ государя, когда тотъ выходилъ изъ комнатъ верхняго этажа. Такое замедленіе, впрочемъ, не имѣло неблагопріятныхъ послѣдствій; оно даже послужило въ пользу; изъ него, какъ послѣ говорилъ гр. Пратасовъ, государь заключилъ, что его вовсе не ждали въ академіи, и что, значитъ, въ ней всегда такой же порядокъ, который имъ найденъ. Когда ректоръ съ «дрожавшими подколѣнками и мурашками по тѣлу» приблизился съ монашескимъ поклономъ и гр. Пратасовъ отрекомендовалъ его, какъ ректора, то государь сказалъ: «я ужъ много осмотрѣлъ въ академіи и нашелъ все въ хорошемъ видѣ; если то же самое увижу въ прочихъ комнатахъ, то мнѣ останется только поблагодарить васъ за найденный мною порядокъ». Послѣ этого, зашедши въ умывальню, спустились въ нижній этажъ. И здѣсь двери въ студенческія комнаты вездѣ были отворены и въ нихъ видны были студенты, ихъ кровати и проч. «Тутъ также живутъ студенты?» спросилъ государь и, получивши въ отвѣтъ: «точно такъ, В. И. В.», сказалъ: «я увѣренъ, что и здѣсь такъ же хорошо, какъ тамъ», указывая на верхніе этажи. Потомъ вошли въ столовую, въ которой, разумѣется, столы были накрыты лучшими бѣлыми скатертями и разставлены тарелки съ салфетками. Государь прошелъ почти вдоль всей столовой, бѣгло взглянулъ на росписаніе пищи въ ту недѣлю. На особомъ столикѣ стояли пробныя отъ обѣда кушанья. Великій четвергъ, какъ день, въ который студенты пріобщаются св. Таинъ, считался въ академіи праздничнымъ, а въ праздники всегда къ обѣду приготовлялось четыре блюда. Государь не пробовалъ ни одного кушанья, но посмотрѣвши на нихъ, сказалъ: «обѣдъ хорошъ», и пошелъ изъ столовой. При самомъ выходѣ изъ нея явился исправлявшій въ то время должность инспектора, архимандритъ Климентъ. Онъ въ тотъ день служилъ обѣдню въ какомъ-то соборѣ, послѣ нея у кого-то пообѣдалъ и, прибывши въ академію, услыхалъ, что въ ней давно уже государь. Отецъ Климентъ и безъ того былъ не храбраго десятка, а тутъ и совсѣмъ растерялся. Увидѣвъ государя, онъ очень, очень низко поклонился ему. Государь, услышавъ отъ гр. Пратасова: «это исправляющій должность инспектора академіи архимандритъ Климентъ», только взглянулъ на него; ему не могло не показаться страннымъ, что инспекторъ такъ поздно появился на-лицо. Тогда гр. Пратасовъ предложилъ-было осмотрѣть кухню, больницу, библіотеку и физическій кабинетъ. Но Государь, услышавъ, что находятся, первая въ подвальномъ этажѣ, вторая въ отдѣльномъ флигелѣ, а библіотека и кабинетъ на другой половинѣ дома,

сказалъ: «я увѣренъ, что и тамъ у васъ все хорошо». Въ большихъ сѣняхъ, гдѣ появился и Карасевскій, государь остановился, прежде всего благодарилъ и даже поцѣловалъ графа, который, будучи растроганъ глубоко такою милостью, успѣлъ поцѣловать оба плеча у своего монарха. Потомъ государь поблагодарилъ ректора и сдѣлалъ головою небольшое наклоненіе всѣмъ прочимъ, тутъ стоявшимъ, которые отвѣтили порядочными поклонами, а отецъ Климентъ опять даже очень и очень низкимъ. Государь велѣлъ швейцару накинуть на его плечи шинель, пошелъ къ своимъ санямъ въ сопровожденіи всей свиты; сѣвши въ сани, онъ отвѣтилъ на поклоны ея, приподнявъ руку къ своей шляпѣ, и уѣхалъ.

Проводивши Государя Императора, бывшая его свита возвратилась въ сѣни и составила нѣчто въ родѣ неправильнаго пятиугольника. Сначала никто не говорилъ ни слова, всѣ только поглядывали другъ на друга. Самъ графъ, которому слѣдовало бы первому начать разговоръ, не выговорилъ ни слова, онъ все еще, по поговоркѣ, не могъ опомнится отъ радости, что такъ счастливо окончился визитъ императора. Потомъ, хоть и началъ говорить, но только отрывочныя слова въ родѣ слѣдующихъ: «ну, что? ну, вотъ! А! каково? То-то! то-то?» и пр. И ужъ черезъ нѣсколько минутъ, собравшись съ мыслями, онъ повелъ разговоръ, такъ-сказать, періодическою рѣчью. Поговоривши немного почти одинъ, онъ сказалъ: «ну теперь пойдемте по всѣмъ мѣстамъ, гдѣ былъ государь и станемте припоминать все, что онъ говорилъ». Но это новое шествіе совершалось слишкомъ медленнымъ образомъ. Государь пробылъ въ академіи едва ли болѣе 15 минутъ; а шествіе по слѣдамъ его продолжалось чуть ли не цѣлый часъ. Графъ поминутно вездѣ останавливался, былъ въ какомъ-то энтузіазмѣ, чуть не въ экстазѣ, повторялъ слова: «какъ государь добръ, милостивъ» и пр.; иногда же говорилъ то, чего вовсе не было. Такъ, напримѣръ, пришедши въ классъ высшаго отдѣленія и указавши, какъ государь велѣлъ переставить парты, онъ прибавилъ: «смотрите, какъ онъ ко всему внимателенъ; вѣдь мы вовсе не догадались сдѣлать это; но слава Богу, все кончилось хорошо». Потомъ обратившись къ ректору, сказалъ: «а знаете ли, отецъ ректоръ, какъ меня ругали за то, что я здѣсь за все строго взыскивалъ? Ну, а что было бы нынѣ, еслибы я этого не дѣлалъ? Знаете ли, что я нашелъ здѣсь при первыхъ моихъ посѣщеніяхъ? Напримѣръ, въ столовой студенты сидѣли кто въ тулупѣ, кто въ халатѣ, а кто даже *въ жилетъ безъ рукавовъ?*» Но графъ тотчасъ же, какъ говорится,

спохватился, что онъ сказалъ вещь, не совсѣмъ заслуживающую вѣроятія: жилетовъ съ рукавами не бываетъ, а жилеты безъ рукавовъ—вовсе не новость. Притомъ и въ первые визиты его никто не сидѣлъ въ столовой въ одномъ жилетѣ, не имѣя поверхъ его сюртука, или чего либо другого. Но въ такія торжественныя минуты ему не хотѣлось отказаться отъ словъ своихъ. И потому повторивши ихъ, прибавилъ, указывая на эконома: «вотъ, спросите его». Не дожидаясь, впрочемъ, чтобы другой кто-нибудь спросилъ эконома, онъ сказалъ ему: «помните ли, какъ я нашелъ въ столовой студентовъ? Вѣдь правда это, правда? скажите!» Экономъ очень хорошо помнилъ, что жилеты безъ рукавовъ вовсе не играли той роли, какую имъ приписывало его сіятельство, но счелъ за лучшее не вступать въ полемику съ начальникомъ, находившимся въ экстазѣ,—сдѣлалъ небольшой поклонъ и сказалъ: «да, ваше сіятельство». «Ну, вотъ, о. ректоръ,—подхватилъ графъ,—видите, я правду говорилъ, именно были въ жилетахъ безъ рукавовъ». Энтузіазмъ не оставлялъ графа и въ другихъ комнатахъ.

Полетѣли письменныя донесенія митрополиту Серафиму и коммиссіи духовныхъ училищъ о посѣщеніи академіи государемъ, хотя первому тотчасъ же послѣ отъѣзда графа словесно доложено было о томъ ректоромъ, а одинъ членъ и правитель дѣлъ послѣдней сами видѣли государя въ академіи. Въ донесеніяхъ прописали и выраженное государемъ желаніе, чтобы всѣ студенты духовной академіи поступали въ духовное же званіе. И прописали объ этомъ, Богъ знаетъ для чего, потому что слова эти не вызвали никакого распоряженія и изъ студентовъ по прежнему поступала въ духовенство едва ли половина, да и то рѣдко по сердечному влеченію къ нему, а въ монахи для того, чтобы получить степень магистра и инспекторское мѣсто въ семинаріи,—въ бѣлое же духовенство отъ убѣжденія, что на одной должности наставника семейному человѣку пришлось бы терпѣть чуть не голодъ. Явился также и мѣстный квартальный надзиратель разузнать о томъ, что сдѣлалъ и говорилъ государь въ академіи, и поспѣшилъ увѣдомить о томъ оберъ-полиціймейстера. Затѣмъ, по приказанію графа, сочли нужнымъ, такъ сказать, увѣковѣчить память о посѣщеніи академіи государемъ, вставивши въ одной изъ стѣнъ академической залы мраморную доску, на которой золотыми литерами возвѣщалось объ этомъ событіи.

Поговорили о томъ же и въ городѣ, особенно въ бѣломъ духовенствѣ, между которымъ, впрочемъ, много нашлось охотни-

ковъ представить академію въ каррикатурномъ видѣ; многимъ не хотѣлось вѣрить, чтобы она могла понравиться государю. Тогда почему-то было чуть не общее убѣжденіе, что онъ не любитъ посѣщать высшихъ учебныхъ заведеній, что хорошими училищами считаются только тѣ, гдѣ находится красивая обстановка, воспитанники съ военною выправкою, выученные живо и громко на привѣтствіе отвѣчать: «здравія желаемъ», начальство ловкое, расторопное. И потому заключали, гдѣ-жъ академіи понравиться, когда въ ней мебель чуть не топорной работы, студенты мало дисциплинированы на военный манеръ, однѣ и тѣ же комнаты служатъ и для спанья, и для учебныхъ домашнихъ занятій и пр.? Государю дѣйствительно нечѣмъ было восхищаться въ академіи, еслибы онъ ее сравнивалъ съ свѣтскими блестящими училищами. Но, кажется, у него была другая мѣрка. Ему прежде было наговорено, что всѣ духовно-учебныя заведенія, не исключая и академій, содержатся въ отвратительной нечистотѣ, которая можетъ вывести его изъ терпѣнія. Разсказывали, что еще при оберъ-прокурорѣ князѣ Мещерскомъ онъ рѣшился-было посѣтить академію, но тогдашній генералъ-губернаторъ, узнавши объ этомъ намѣреніи, уговорилъ его не ѣздить, увѣряя, что она въ высшей степени ему не понравится. Потомъ, когда въ холеру 1831 года академическое зданіе нашли нужнымъ отдать подъ общую больницу, то государь напередъ пожелалъ посмотрѣть, что это за домъ? И что-жъ? Подъѣхалъ къ нему вмѣстѣ съ генералъ-губернаторомъ, остановился противъ его фасада, не въѣзжая даже во дворъ, и уѣхалъ; многіе студенты чрезъ растворенныя окна видѣли его и узнали. Послѣ, въ 1833 году, при открытіи Обводнаго канала, онъ тихо проѣхалъ мимо академіи, даже довольно долго посмотрѣлъ на нее; само начальство встревожилось-было,—но визита и тутъ не послѣдовало. Но вотъ, государь, пріѣхавъ въ академію съ гр. Пратасовымъ, увидѣлъ, что это вовсе не помойная какая-то яма, даже не бурса, что и студенты въ ней держатъ себя прилично, что въ комнатахъ если не блистательно, то очень опрятно. И потому вовсе не нужно удивляться, что онъ остался ею доволенъ. Такимъ образомъ нашлась особая причина, чтобы наградить любимаго флигель-адъютанта. И дѣйствительно, съ перваго дня пасхи гр. Пратасовъ былъ уже свиты Его Императорскаго Величества генералъ-маіоромъ.

Д. И. Ростиславовъ.

О СИМВОЛИЗМѢ ВЪ ПРАВѢ

Новые очерки изъ сравнительной исторіи культуры *).

I.

Два могучихъ источника символизма, это—стремленіе подражать природѣ, и перенесеніе отношеній, вызываемыхъ войною, въ гражданскую жизнь. Мы разсмотримъ сначала символы, обязанные своимъ происхожденіемъ первому источнику, а затѣмъ—символическія дѣйствія, перешедшія въ гражданскую жизнь благодаря враждебнымъ отношеніямъ къ сосѣднимъ племенамъ и образовавшіяся по образцу этихъ отношеній.

Подражаніе природѣ совершенно понятно и для насъ, несмотря на то, что мы очень отдалены отъ того момента, когда происходило образованіе символовъ. По первобытному воззрѣнію, человѣкъ долженъ былъ подчиняться велѣніямъ природы, но въ чемъ же проявлялись эти велѣнія, какъ не въ тѣхъ явленіяхъ природы, которыя происходили помимо воли человѣка,—въ случаяхъ?—иначе говоря, случай, обнаруживая предполагавшуюся волю природы, былъ и законодателемъ во взаимныхъ отношеніяхъ между людьми. Случай указывалъ, наставлялъ, какъ поступать и что дѣлать. Самыя характерныя данныя, указывающія на наставническую роль природы по отношенію къ общежитію, собраны у Тэйлора. Мы воспользуемся ими здѣсь.

Индусы не станутъ спасать человѣка, который тонетъ въ священномъ Гангѣ; и жители малайскаго архипелага раздѣляютъ это жестокое понятіе. Изъ всѣхъ народовъ у грубыхъ камчада-

---

*) См. выше: февраль, стр. 474.

ковъ оно имѣетъ самую замѣчательную форму. Они считаютъ большой ошибкой,—говоритъ Крашенинниковъ,—спасать утопленника: тотъ, кто спасаетъ его, утонетъ послѣ самъ. Разсказъ Штеллера еще необыкновеннѣе и вѣроятно относится только къ тѣмъ случаямъ, когда жертва дѣйствительно тонула; онъ говоритъ, что если человѣкъ падалъ случайно въ воду, то для него было большимъ грѣхомъ выбраться изъ нея: если ему предназначено было утонуть, то онъ дѣлаетъ грѣхъ, спасаясь отъ утопленія, и никто не сталъ бы пускать его къ себѣ въ домъ, говорить съ нимъ, давать ему пищу или жену, считая его за умершаго; еслибы человѣкъ упалъ въ воду даже въ присутствіи другихъ, они не стали бы помогать ему вылѣзть изъ воды, напротивъ, еще силою утопили бы его. Въ Богеміи,—какъ говоритъ недавній разсказъ (1864),—рыбаки не отваживаются вытаскивать изъ воды утопающаго человѣка: они боятся, чтобы водяной не отнялъ у нихъ добычи въ рыбной ловлѣ или при первомъ случаѣ не утопилъ бы ихъ самихъ. Такое объясненіе предубѣжденія противъ спасанія жертвъ водяныхъ духовъ,—оканчиваетъ Тэйлоръ,—могутъ подтвердить многіе факты, взятые изъ различныхъ странъ; между прочимъ обыкновенный способъ принесенія жертвы колодцу, рѣкѣ или морю состоитъ просто въ томъ, что вещь, животное или людей бросаютъ въ воду, которая беретъ ихъ себѣ.

Такимъ образомъ изъ приведенныхъ здѣсь данныхъ явствуетъ, что первобытный человѣкъ не только не противодѣйствуетъ вредному вліянію природы на жизнь человѣка, не только не старается устранить тѣ условія, которыя ведутъ къ физической гибели его; но напротивъ, изъ случаевъ, въ родѣ того, что люди утопаютъ, дѣлаетъ заключеніе, что необходимо водѣ приносить извѣстную жертву, или, вѣрнѣе, онъ противодѣйствуетъ природѣ, стремится устранить ея разрушительную дѣятельность умилостивленіемъ ея, принесеніемъ одного человѣка или одного предмета въ жертву за многихъ. Мы будемъ здѣсь касаться стороны религіозной, стороны благоговѣнія передъ природой; для насъ важно указать здѣсь только, что явленіе, часто повторяющееся въ природѣ, первобытный человѣкъ беретъ за мѣрило своей собственной дѣятельности, иначе говоря, подражаетъ природѣ: если люди во множествѣ утопаютъ, то первобытный человѣкъ въ свою очередь считаетъ себя обязаннымъ производить самому, по собственной волѣ, это же дѣйствіе. Природа наставляетъ его и указываетъ ему, что̀ и какъ дѣлать не только въ сферѣ природы, но въ сферѣ чисто людскихъ, общественныхъ отношеній. Для того, чтобы указать

на то значеніе, какое люди еще до настоящаго времени придаютъ случаю, припомнимъ, что наиболѣе такъ сказать непререкаемымъ способомъ пріобрѣтенія недвижимой собственности является пріобрѣтеніе ея естественнымъ путемъ; хоть бы, положимъ, когда вода отрываетъ извѣстный клочокъ земли и присоединяетъ его къ другому берегу. По нашимъ гражданскимъ законамъ (ст. 426) владѣльцу земли предоставляется право пользоваться обсохшею землею, оставшеюся отъ уклоненія воды, а также если берегъ порубежной рѣки отъ наносимаго непримѣтно водою песка получитъ приращеніе, то это приращеніе дѣлается собственностью того, кому принадлежитъ этотъ берегъ. Припомнимъ затѣмъ то уваженіе, которымъ пользовалось и пользуется еще въ настоящее время въ правѣ у всѣхъ народовъ извѣстное правило: prior tempore—potior jure (первый по времени владѣетъ правомъ); случайное появленіе на извѣстное мѣсто раньше другихъ, случайное совершеніе дѣйствія раньше другихъ считается самымъ раціональнымъ основаніемъ для пріобрѣтенія какого-либо права. Просмотрите нашъ X-й томъ — и вы увидите, какое значеніе имѣетъ это положеніе права. У насъ право собственности опредѣляется такимъ образомъ: «кто былъ *первымъ* пріобрѣтателемъ имущества или... кому власть сія отъ *перваго* ея пріобрѣтателя дошла непосредственно..., тотъ имѣетъ на сіе имущество право собственности». Время, случай, какъ извѣстно, рѣшаетъ также и потерю права, между прочимъ по нашему закону: «кто въ теченіе десятилѣтней давности иска не предъявилъ или, предъявивъ, хожденія въ присутственныхъ мѣстахъ не имѣлъ, тотъ теряетъ свое право» (т. X, ст. 692). Приложеніе принципа: prior tempore potior jure (первый по времени владѣетъ правомъ) или принципъ захвата существуетъ и въ русскомъ обычномъ правѣ на сѣверѣ Россіи. «Ужъ если какой-либо изъ крестьянъ,—говоритъ Лалошъ,—нашелъ удобное для подсѣки мѣсто и положилъ на него клеймо (печать), т.-е. по просту *подрубилъ втѣси* на растущихъ здѣсь деревьяхъ, то другой никакъ не предъявитъ претензій на владѣніе этимъ же мѣстомъ; другой можетъ забрать себѣ это мѣсто только послѣ того, какъ первый его броситъ, но раньше нѣтъ: это было бы святотатствомъ» [1]). По указаніямъ г. Соколовскаго, въ землѣ Войска Донскаго, землею въ прежнія времена пользовались также на правѣ перваго захвата. Первоначально каждый казакъ имѣлъ право, гдѣ ему было угодно, распахивать землю, косить траву,

---

[1]) Соколовскій, Исторія сельской общины на сѣверѣ Россіи. 1877, стр. 162.

рубить въ лѣсу деревья и т. д. Еще и нынѣ въ землѣ Уральскаго войска часть земель выдѣлена въ пользованіе станицъ, а остальною землею казаки пользуются по праву перваго захвата. У черноморскихъ казаковъ принципъ этотъ примѣняется еще въ большей мѣрѣ. Этотъ же принципъ перваго захвата существуетъ и при ловлѣ рыбы. У казаковъ, напримѣръ, на рѣкѣ Поноѣ (крайнемъ селеніи на Терскомъ берегу) къ концу августа, по окончаніи главнаго лова семги на морскихъ тоняхъ, всѣ желающіе участвовать въ ловлѣ семги на этой рѣкѣ собираются съ особаго рода сѣтями, гарвами и поѣздами, въ деревню Поной 24 августа—послѣ молитвы, всѣ разомъ бросаются къ лодкамъ, поставленнымъ у берега. Каждый спѣшитъ къ избранному имъ на рѣкѣ мѣсту, достигнувъ котораго *забиваетъ два-три кола* въ знакъ того, что беретъ его въ свое владѣніе. Затѣмъ въ продолженіе всей осени захватившій спокойно пользуется ловомъ на своей «заводи». День для начала ловли назначается по общему согласію. (Совершенно тотъ же порядокъ при ловлѣ рыбы практикуется у уральскихъ казаковъ). Точно также въ селеніи Тулгасѣ, холмогорскаго уѣзда, зимою, когда ловъ вольный, тотчасъ по замерзаніи Двины, каждый спѣшитъ на берегъ съ цѣлью захватить рыболовный участокъ, которымъ онъ и пользуется цѣлую зиму; для охраны владѣнія и здѣсь считается достаточнымъ лишь забить колъ.

Вообще въ обыденной жизни указанное общее положеніе считается высшею справедливостью, критеріемъ правильности или неправильности дѣйствія, такимъ критеріемъ, относительно котораго никакихъ сомнѣній не допускается, а между тѣмъ, повторяемъ, въ этомъ положеніи заключается не что иное какъ благоговѣніе, преклоненіе передъ случаемъ. Но если такъ преклоняются передъ случаемъ, если случай считается самымъ авторитетнымъ средствомъ для рѣшенія всякаго рода вопросовъ общественной и индивидуальной жизни, то понятно, что тогда, когда случай не является на подмогу человѣку, онъ старается его вызывать.

На этомъ основано значеніе жребія въ правовыхъ и другихъ отношеніяхъ. Какъ въ древней Италіи,—говоритъ Тэйлоръ,—оракулы давали отвѣты посредствомъ рѣзныхъ жеребьевъ, такъ новѣйшіе индусы рѣшаютъ свои споры, бросая жребій передъ храмами съ криками: окажи намъ справедливость, укажи невиннаго! Нецивилизованный человѣкъ думаетъ, что жребій или кости при своемъ паденіи располагаются соотвѣтственно тому значенію, какое онъ придаетъ ихъ положенію (стр. 74). У Мо-

равскихъ братьевъ былъ обычай избирать женъ для своихъ молодыхъ людей посредствомъ бросанія жребія съ молитвами. Маорисы бросаютъ жребій для того, чтобы найти вора среди подозрѣваемыхъ людей. Въ древней Греціи вынимаютъ жребій изъ шапки Атрида Агамемнона, чтобы узнать, кто долженъ идти на битву съ Гекторомъ, «на помощь хорошо вооруженнымъ грекамъ». Подобно маорисамъ и у насъ въ землѣ Войска Донского, когда неизвѣстно, кто совершилъ воровство, берутъ обрѣзокъ украденной вещи и кладутъ въ кузнечный мѣхъ; тотъ, кто укралъ, станетъ пухнуть и умереть въ теченіе года; то же самое будетъ, ежели бросить часть того, что украдено подъ мельничный жерновъ [1]). Точно также и германскій жрецъ или отецъ семейства, по разсказамъ Тацита, вынималъ три жребія изъ отмѣченныхъ вѣтокъ плодоваго дерева, разсыпанныхъ на чистой бѣлой одеждѣ и по ихъ знакамъ истолковывался отвѣтъ природы. Такимъ образомъ человѣкъ пріурочиваетъ къ своимъ цѣлямъ такія явленія природы и такіе случаи, которые никакого прямого отношенія въ сущности къ данному факту не имѣютъ. Извѣстно, что тамъ, гдѣ у насъ въ Россіи существуютъ передѣлы общинной земли, они производятся по жребію. Вотъ какъ производится жеребьевка по разсказу одного крестьянина: «Вышли въ поле—и давай дѣлить землю; размѣряли, по чемъ на жеребій приходится, потомъ каждый жеребной участокъ раздѣлили на 21½ жеребей; отмѣряли, сколько саженей придется на каждаго человѣка и отрѣзали сохою; когда всѣ 21½ жеребей нарѣзаны, начали жеребья закладывать; кому первый достался, тотъ и взялъ первую землю; за первымъ второй и т. д. Жеребья деревянные; каждый жребій особо отмѣчается: кто дѣлаетъ зарубку, кто крестикъ, кто полоску, кто два зарубка и т. п.; жеребья кладутся въ шапку; изъ нея ихъ и трясутъ, т.-е. вынимаютъ жеребья» [2]). Однородные разсказы мы имѣемъ о томъ, какъ производится жеребьевка при передѣлахъ земли и въ другихъ мѣстахъ Великороссіи. Такъ, въ другомъ мѣстѣ того же сборника мы читаемъ. «Передѣлъ производится такъ: крестьяне всѣмъ міромъ выходятъ въ поле; всякій домохозяинъ, имѣющій право на надѣлъ, дѣлаетъ себѣ жеребій, отрѣзывая кусочекъ палки и дѣлая на ней особый значокъ: крестикъ, кружокъ, нарѣзку; затѣмъ всѣ жеребья бросаются въ шапку, откуда ихъ поочередно вынимаетъ маленькая

---

[1]) Якушкинъ, Обычное право. стр. XLVI.

[2]) Сборникъ матеріаловъ для изученія поземельной общины. Спб. 1880, т. I, стр. 187.

дѣвочка или мальчикъ, а иногда пользующійся общимъ довѣріемъ и уваженіемъ старикъ; тому, чей жребій вынутъ первый, тотчасъ отрѣзывается отъ края участка столько полосъ, сколько считается въ его дворѣ ревизскихъ душъ и въ концѣ послѣдней полосы на межнинѣ выкапывается небольшая ямка; слѣдующему вынутому жребію отрѣзывается полоса тотчасъ за первымъ и т. д. Та же процедура повторяется въ каждомъ изъ подвергающихся передѣлу участковъ поля [1]). Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ первый жребій называется «рѣзвымъ», а послѣдній «дебовымъ». Бываетъ и такъ, что жребій кидаютъ по палкѣ; кто возьметъ верхній конецъ, тому первая полоса, второму—вторая и т. д. «копаются на палкѣ».

Такъ называемыя испытанія преступниковъ огнемъ, водою, желѣзомъ принадлежатъ къ разряду этихъ же явленій. Англійскій король Яковъ говоритъ въ своей Демонологіи: «повидимому Богъ указалъ сверхъестественный признакъ чудовищнаго нечестія вѣдьмъ въ томъ, что вода должна отказываться принимать въ свое лоно тѣхъ, кто отряхнулъ съ себя священную воду крещенія» и проч. Такое же испытаніе водой извѣстно и въ древней германской исторіи, и его значеніе объяснялось тѣмъ, что стихія сознательно отвергаетъ виновнаго (si aqua illum velut innoxium receperit — innoxii submerguntur aqua, culpabiles supernatant— если вода приметъ его, какъ бы невиннаго — невинные погружаются въ воду, виновные плаваютъ поверхъ). Уже въ IX столѣтіи законы запрещали этотъ обычай, какъ остатокъ суевѣрія. Наконецъ, то же испытаніе водой мы встрѣчаемъ, въ числѣ правильныхъ судебныхъ испытаній, въ индусскихъ законахъ Ману; если вода не допускаетъ обвиняемаго плавать сверху, когда его бросатъ туда, его клятва вѣрна. Такъ какъ этотъ древній индійскій сводъ законовъ, безъ сомнѣнія, былъ составленъ по матеріаламъ еще болѣе древняго времени, то мы можемъ съ нѣкоторою увѣренностью полагать, что это сходство испытанія водой у европейскихъ и азіатскихъ отраслей арійскаго племени указываетъ его начало въ періодѣ отдаленной древности (Тэйлоръ, Первобытная культура, 132). Одною изъ самыхъ обыкновенныхъ классическихъ и средневѣковыхъ ордалій была такъ-называемая косциномантія или, какъ описывается въ Гудибрасѣ, «оракулъ рѣшета и ножницъ, который вертится такъ же вѣрно, какъ сферы». Рѣшето виситъ, привязанное на шнуркѣ или на остріяхъ ножницъ, воткнутыхъ въ его края, и можетъ повертываться или

[1]) Тамъ же, стр. 213, 230, 232.

падать при имени вора, и дѣлать надобные знаки для другихъ цѣлей. Христіанскій судъ божій, по Библіи и ключу, все еще нерѣдко употребляемый, есть варіантъ этого древняго обряда: самое лучшее средство открыть вора по этому способу—читать такимъ образомъ 49-й псаломъ, и когда читается стихъ «Видя вора, соглашаешься съ нимъ», этотъ аппаратъ повернется къ виновному (Тэйлоръ, стр. 120).

Мы, конечно, только намѣтили способы гаданія, оказывающіе вліяніе на установленіе юридическихъ отношеній, нисколько не думая исчерпать здѣсь случаи ихъ примѣненія.

Повиновеніемъ случаю, вызванному волею человѣка, какъ проявленію воли природы, объясняются также и нижеслѣдующія символическія дѣйствія, ведущія за собою установленіе извѣстныхъ юридическихъ отношеній. По древне-германскому праву вступающій въ общину, въ древне-германскую марку, получаетъ отъ сообщинниковъ кусокъ земли съ помощью слѣдующаго символическаго дѣйствія: онъ (или кто-либо изъ его людей) долженъ, стоя на возу, бросить правою рукою молотъ черезъ лѣвую ногу и до тѣхъ поръ, покуда онъ бросилъ, отводится ему надѣлъ; словомъ, его владѣнія простираются настолько, насколько далеко брошенъ молотъ. Точно также каждому члену общины предоставляется взять изъ общинныхъ земель для засѣянія лѣсомъ до тѣхъ поръ, сколько онъ, стоя у своей межи, граничащей съ общиннымъ лугомъ, можетъ досягать молотомъ, брошеннымъ черезъ лѣвую ногу; вообще границы марки простираются до тѣхъ поръ, покуда досягаетъ топоръ, брошенный съ границы марки вокругъ всей марки [1]). Точно также и право господства владѣтельныхъ лицъ опредѣлялось такими же вызванными случаями. «Нашъ майнцскій владѣтель, говорится въ одной древне-германской уставной грамотѣ, долженъ на лошади въѣхать въ рѣку Рейнъ такъ далеко, насколько онъ можетъ и насколько далеко онъ можетъ отсюда бросить молотомъ, до тѣхъ поръ простирается его право суда. Въ позднѣйшее время и береговое право простиралось до того мѣста, до котораго могъ достигнуть брошенный даннымъ лицомъ топоръ. Такимъ образомъ здѣсь отъ чисто случайнаго обстоятельства, отъ вызваннаго случая зависитъ право владѣнія и господства данныхъ лицъ. Чѣмъ позже, тѣмъ право, основанное на случаѣ, все болѣе и болѣе стѣсняется и становится чисто фиктивнымъ, напр., въ томъ случаѣ, гдѣ территорія, по которой можетъ летать курица отъ поля владѣльца по хлѣбному полю

---

[1]) Grimm, Reahtsalterthümer, стр. 56 и далѣе.

(такъ какъ она тамъ наноситъ вредъ), опредѣляется слѣдующимъ образомъ: владѣлецъ долженъ босыми ногами стать на заостренной изгороди и бросить черезъ ногу молотъ и до тѣхъ поръ, покуда онъ достигнетъ имъ, курица можетъ летать. Очевидно, тутъ условіе ставится довольно затруднительное—именно, стать ногами на острыя изгороди и затѣмъ нагибаясь бросить молотъ. Такое же значеніе имѣетъ право, пріобрѣтаемое посредствомъ стрѣлянія изъ лука. Извѣстно преданіе, по которому между Персіей и Тураномъ границы были очень долго спорными и затѣмъ согласились, чтобы Аремъ, лучшій стрѣлокъ, спустилъ съ горы Дамарентъ обозначенную стрѣлу и тамъ, гдѣ она упала, должна быть опредѣлена граница.

Остаткомъ обычая бросать молотъ для установленія права собственности является еще въ настоящее время молотокъ, употребляемый при аукціонныхъ продажахъ. Молотокъ, какъ извѣстно, употребляется въ этихъ случаяхъ въ Германіи [1]), употреблялся и у насъ на основаніи II ч. X т. «Продажа чрезъ аукціонистовъ движимаго имущества, сказано тамъ (ст. 2200), производится съ употребленіемъ молотка. При прекращеніи наддачи (по ст. 2202) аукціонистъ произноситъ слова «никто больше», и если на оныя не будетъ объявлено еще наддачи, онъ ударяетъ молоткомъ, послѣ чего наддача уже не пріемлется». Точно также молотокъ употребляется на основаніи судебныхъ уставовъ (Приведенная выше статья 2 ч. X т. прямо перенесена въ уставъ гражд. судопроизводства съ маленькими измѣненіями относительно лица, производящаго торгъ; см. ст. 1054 уст. гр. суд.). Очевидно, что молотъ, игравшій роль при пріобрѣтеніи недвижимаго имущества, не играетъ въ настоящее время никакой роли и употребляется какъ символическое дѣйствіе лишь при пріобрѣтеніи движимаго имущества. Употребленіе молота для пріобрѣтенія имущества Гриммъ объясняетъ тѣмъ, что молотъ былъ орудіемъ божества громовника-Тора и что этимъ святымъ орудіемъ санкціонировалось всякое правовое дѣйствіе. Мы думаемъ, что качество орудія—то обстоятельство, что оно было священнымъ—имѣло, по крайней мѣрѣ въ самые ранніе періоды культуры, мало значенія для пріобрѣтенія права. Мы видѣли, что молотъ не употреблялся для удара, какъ теперь, а для метанія на извѣстное пространство и особое значеніе въ этомъ юридическомъ дѣйствіи приходится дать метанію. Иначе говоря, пространство владѣнія даннаго лица зависѣло отъ того, какъ далеко былъ брошенъ молотъ. Конечно, болѣе сильный могъ бро-

[1]) Grimm, Rechtsalt. стр. 65; Аѳанасьевъ, Поэтич. воззрѣнія, I, стр. 254.

сить молотъ дальше, чѣмъ менѣе сильный. Во всякомъ случаѣ пріобрѣтеніе права зависѣло отъ случая, вызваннаго человѣкомъ, и не обусловливалось молотомъ, какъ священнымъ орудіемъ. Впослѣдствіи, когда пріобрѣтеніе недвижимыхъ имуществъ стало производиться съ помощью письменныхъ актовъ, сфера употребленія молота ограничилась только движимыми имуществами, при чемъ о метаніи для опредѣленія границъ владѣнія не могло быть и рѣчи, а ударъ молоткомъ сталъ играть ту же роль, какую играетъ во многихъ другихъ случаяхъ звонокъ, т.-е. для обозначенія начала или конца торга.

II.

Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію символическихъ дѣйствій, обязанныхъ своимъ происхожденіемъ враждебнымъ отношеніямъ, существующимъ на раннихъ ступеняхъ культуры между лицами, принадлежащими къ разнымъ племенамъ.

Женщины у африканскаго народа ваніанвезіевъ привѣтствуютъ мужчинъ и даже подростающихъ юношей, наклоняясь всѣмъ корпусомъ до тѣхъ поръ, пока концы ручныхъ пальцевъ не коснутся конца ногъ, или перегибаютъ тѣло на сторону, хлопая въ ладоши [1]). Напротивъ, мужчины этого племени, встрѣчаясь другъ съ другомъ, сначала протягиваютъ другъ другу руки, затѣмъ схватываютъ другъ друга за локти и начинаютъ тереть другъ другу руки. Объ однородныхъ отношеніяхъ между мужчиной и женщиной разсказываетъ и Ливингстонъ. Такъ, разсказывая о женѣ одного начальника, Ливингстонъ говоритъ, что при приближеніи мужа она всегда сторонилась, чтобы дать ему дорогу, даже становилась на колѣни и оставалась въ такомъ положеніи, пока онъ не проходилъ. Очевидно, если прикосновеніе считается признакомъ единенія, то для того, чтобы выразить разъединеніе, тщательно избѣгаютъ всякаго прикосновенія. Независимо отъ соприкосновенія и отъ избѣжанія совмѣстной ѣды, мы видимъ, что женщины для выраженія своего подчиненнаго отношенія должны наклоняться, нагибаться. Но такой же символъ мы встрѣчаемъ въ отношеніяхъ между побѣдителями и побѣжденными. «У большей части дикихъ народовъ, говоритъ Марціусъ, мы находимъ символъ, состоящій въ томъ, что плѣнникъ, падая ницъ, ставитъ ногу своего новаго повелителя на

---

[1]) Стэнли, Какъ я нашелъ Ливингстона, русск. пер., стр. 436 и 437.

свою голову». Очевидно, что наклоненіе головы въ данномъ случаѣ, въ отношеніяхъ между мужчиной и женщиной, есть символъ, совершенно аналогичный съ только-что приведеннымъ, причемъ обходится только безъ послѣдней части, т.-е. безъ того, чтобы высшій ставилъ ногу на голову или на спину низшаго. Въ Тонга-табу туземцы падаютъ ницъ передъ своимъ повелителемъ и кладутъ его ногу на свою шею. То же происходитъ и въ Африкѣ. Путешественникъ Лэрдъ разсказываетъ, что каждый изъ пословъ короля Фундаха преклонился передъ нимъ и положилъ его ногу на свою голову.

Въ древней Америкѣ, именно у чипчасовъ, тѣ, которые приходили къ кацику, должны были припадать къ его ногамъ и притомъ такъ, чтобы лица ихъ касались земли. Не мало примѣровъ того же представляетъ намъ Азія. Принося жалобу, хондъ долженъ припасть къ землѣ лицомъ внизъ со сложенными руками. Впрочемъ этотъ способъ выраженія подчиненія встрѣчается въ самыхъ различныхъ странахъ и въ самые различные періоды жизни человѣчества. У береговыхъ африканскихъ негровъ туземецъ при посѣщеніи начальника или при случайной встрѣчѣ съ нимъ немедленно падаетъ на колѣни и три раза последовательно цѣлуетъ землю.

Происхожденіе этого способа проявленія подчиненія достаточно разъясняется слѣдующимъ (передаваемымъ у Льюиса и Кларка) разсказомъ объ одной группѣ американскихъ шошоновъ, встрѣченныхъ ими. «Двое изъ нихъ, разсказываютъ они, престарѣлая женщина и маленькая дѣвочка, замѣтивъ наше приближеніе и видя невозможность убѣжать отъ насъ, опустились на землю и склонили головы, конечно, примирившись со смертью, которая, какъ онѣ полагали, неминуемо ожидала ихъ».

Врагъ-побѣдитель, такимъ образомъ, какъ будто бы приглашается нанести ударъ, причемъ побѣжденные этимъ выражаютъ, что всякая надежда на спасеніе исчезла [1]). Подчиненіе можетъ также выразиться *снятіемъ орудія вражды* или дареніемъ его непріятелю, такъ какъ за этимъ непремѣнно должно слѣдовать превращеніе боя. У цѣлаго ряда путешественниковъ мы находимъ указанія на то, что снятіе оружія при приближеніи чужеземцевъ является знакомъ миролюбивыхъ намѣреній. У кафровъ вѣстникъ мира узнается потому, что еще на разстояніи двухъ сотенъ шаговъ отъ жилища того поселенія, куда онъ посланъ, онъ кладетъ на землю свою ассагай или копье и подходитъ уже

¹) Спенсеръ, стр. 179, 180, 182.

къ нимъ съ распростертыми руками [1]). Современный генералъ отдаетъ свою шпагу въ знакъ капитуляціи арміи; точно также свободные черные дѣлаются добровольно рабами, совершивъ простой, но выразительный обрядъ ломанія копья въ присутствіи будущаго господина. Ломаніе шпаги еще и въ настоящее время совершается на эшафотѣ у насъ надъ осужденными преступниками, принадлежащими къ дворянскому сословію на основ. 4 п. 963 ст. устава уголовн. судопр. Очевидно, ломаніемъ шпаги въ сущности выражается то же низведеніе осужденнаго изъ того общественнаго положенія, въ которомъ онъ находился.

Сходство обращенія съ женщинами, выражающееся въ приведенныхъ символическихъ дѣйствіяхъ, съ поведеніемъ по отношенію къ врагу достаточно объясняется тѣмъ, конечно, что на извѣстныхъ ступеняхъ культуры жены добываются посредствомъ похищенія, умычки; вслѣдствіе этого и обращеніе съ ними отличается тѣмъ же характеромъ, какое носитъ обращеніе съ плѣнными, съ лицами враждебнаго племени, доставшимися въ качествѣ добычи. Этимъ объясняется и употребляющійся еще въ настоящее время при бракѣ перстень или кольцо. Я разсматриваю кольцо какъ остатокъ цѣпи, которая употреблялась въ первобытныя времена при похищеніи женщинъ. Что кольцо есть одно изъ звеньевъ цѣпи, что это, слѣдовательно, остатокъ того времени, когда употреблялась дѣйствительная цѣпь для приковыванія женщинъ, видно изъ того, что у древнихъ германцевъ женихъ, являясь со своей свитой изъ другого поселенія въ поселеніе своей невѣсты, обхватывалъ палецъ своей будущей жены кольцомъ, сплетеннымъ изъ вѣтви, сорванной на его земельномъ участкѣ, т.-е. женихъ этимъ какъ будто бы привязываетъ невѣсту къ своему участку [2]). Связь кольца съ похищеніемъ женщинъ видна также изъ сосѣдства его съ мечомъ. Англо-саксонская картина VIII вѣка изображаетъ, какъ женихъ передаетъ своей невѣстѣ кольцо на мечѣ или на палкѣ. Затѣмъ въ одномъ стихотвореніи X вѣка, мы опять встрѣчаемъ то же сосѣдство меча съ кольцомъ [3]). Кромѣ кольца, мы встрѣчаемъ также и ленту — опять остатокъ привязыванія, связыванія. Въ русскихъ свадебныхъ пѣсняхъ при заключеніи брака играетъ роль кузнецъ: онъ куетъ бракъ [4]). У римлянъ женихъ передавалъ своей будущей женѣ желѣзный

---

[1]) Спенсеръ, стр. 31—38.

[2]) Unger, Die Ehe in ihrer welthistorischen Entwickelung, Wien 1891, стр. 106.

[3]) Weinhold, Frauen im Mittelalter, стр. 226, 227.

[4]) Аѳанасьевъ, Поэтическія воззрѣнія на природу, т. I, стр. 466, 468.

перстень и только въ болѣе позднія времена—золотой [1]. Все это указываетъ, что этотъ символическій предметъ обязанъ своимъ происхожденіемъ именно тому отдаленному періоду, когда господствовало похищеніе женщинъ и слѣдовательно приковываніе, привязываніе ихъ къ тому мѣсту, куда онѣ были доставлены похитителемъ, и только въ позднѣйшія времена въ Европѣ кольцо стала носить не только привязывавшаяся нѣкогда невѣста, но и женихъ. У евреевъ и англичанъ еще въ настоящее время только женщина носитъ кольцо — золотыя оковы, какъ называетъ его Максъ Мюллеръ.

Вообще, значительная часть обрядовъ, сопровождающихъ совершеніе свадьбы и брака, обязана своимъ происхожденіемъ тому, что на извѣстныхъ ступеняхъ культуры жены берутся обыкновенно изъ другого племени тѣмъ или другимъ способомъ. Такихъ способовъ въ исторіи извѣстно два: похищеніе и купля. Въ качествѣ остатка похищенія является перстень, о которомъ мы только-что говорили, являются и другіе символическіе обряды.

На смѣну похищенія является купля. Еще въ настоящее время въ городѣ Нерехтѣ и его окрестностяхъ выкупаютъ невѣсту за деньги. «Не только бѣдные поселяне, но и богатые,—говоритъ Терещенко,—почитаютъ себѣ за безчестіе отдать дочь безъ денегъ; чѣмъ выше цѣна, тѣмъ болѣе чести для невѣсты, о чемъ провозглашается немедленно въ деревнѣ» (Терещенко, Бытъ русскаго народа, II, 170). Изъ трудовъ коммиссіи о волостныхъ судахъ мы можемъ видѣть, что плата за невѣсту доходитъ иной разъ до 100 рублей (Труды коммиссіи, III, 319, 323). Въ каневскомъ уѣздѣ, кіевской губерніи, мы имѣемъ только остатокъ этого обычая купли: женихъ долженъ поднести отцу невѣсты пшеничный хлѣбъ, испеченный въ видѣ бороны, мѣдный грошъ и рюмку водки. «Такой законъ ужъ изстари ведется,—говорятъ крестьяне,—и вся отцу тутъ плата за то, что дочку выдаетъ». (Тамъ же, V, 233). Очевидно, въ данномъ случаѣ, мѣдный грошъ является уже символомъ, напоминающимъ о прежнемъ обычаѣ купли и продажи. Въ самой первобытной формѣ купля происходитъ еще у русскихъ инородцевъ. У самоѣдовъ невѣсту покупаютъ обыкновенно за нѣсколько песцовъ, лисицъ или оленей; у состоятельныхъ плата за жену гораздо выше, напримѣръ, у авамскихъ самоѣдовъ платятъ 100 оленей, 4—5 волковъ, десятка полтора песцовъ и т. д., у енисейскихъ или карасинскихъ —20 оленей, нѣсколько волковъ, песцовъ, лисицъ, а если нѣтъ,

[1] Friedländer, Sittengeschichte, т. I, стр. 456.

то деньгами отъ 15 до 30 рублей. Переговоры съ отцомъ невѣсты ведутся при посредствѣ свата; какъ скоро отецъ невѣсты изъявитъ согласіе на выдачу невѣсты за предлагаемаго жениха, сватъ подаетъ ему бирку для того, чтобы тотъ надрѣзалъ на ней то число зарубокъ, которое показываетъ, сколько онъ хочетъ взять за дочь свою животныхъ; сватъ срѣзываетъ съ нихъ сколько ему покажется лишнихъ, потомъ условливается о днѣ отдачи выкупа [1]). Точно также и у остяковъ переговоры о платѣ за невѣсту ведутся при помощи свата; цѣна различна въ разныхъ мѣстностяхъ. Вообще дочь богатаго человѣка стоитъ 50—100 оленей, дочь бѣднаго 20—25 оленей. У якутовъ плата за невѣсту простирается до 80 головъ скота; когда будетъ передано все уговоренное количество скота, тогда невѣста переходитъ въ домъ мужа. У тунгусовъ за невѣсту платятъ или деньгами, или оленями, или шкурами звѣрей; плата за невѣсту скотомъ или деньгами существуетъ также у черемисовъ, у чувашей, у вотяковъ, у мордвы, киргизовъ, башкиръ, калмыковъ. Обмѣнъ женщины на скотъ мы находимъ и у современныхъ первобытныхъ народовъ Африки и Америки; у племени кру 3 коровы и 1 овца, это цѣна женщины; у кафровъ за невѣсту платятъ также извѣстнымъ количествомъ скота, 10—70 штукъ [2]) У индійцевъ-навайосовъ мужчина покупаетъ женщину цѣною лошадей, число которыхъ зависитъ отъ цѣнности, которую онъ придаетъ невѣстѣ; точно также и абипонцы, вступая въ бракъ, уплачиваютъ за нее 4—5 лошадей; о патагонскихъ индійцахъ Фалькнеръ разсказываетъ, что они заключаютъ свои свадьбы посредствомъ покупки женъ за лошадей. Весьма понятно, что женщины въ первобытные періоды обмѣниваются на животныхъ, такъ какъ другого средства для обмѣна—денегъ еще не существуетъ и, какъ извѣстно, въ эти періоды всякій продуктъ оцѣнивается на извѣстное количество скота. Но этого мало; эта плата скотомъ и въ особенности оленями и лошадьми указываетъ на то, что плата была сначала символомъ мира между двумя племенами, члены которыхъ заключали брачный союзъ. Олени въ настоящее время у тѣхъ первобытныхъ народовъ, о которыхъ мы говорили, исполняютъ ту же службу, которую исполняли лошади, а о лошадяхъ мы знаемъ, что онѣ въ древнія времена у египтянъ и вообще въ Азіи не употреблялись не для чего другого, какъ только для

---

[1]) Смирновъ, Очерки семейныхъ отношеній по обычному праву русскаго народа. Москва, 1878.

[2]) Waitz, Anthropologie der Naturvölker II, 110, 388; Klemm, Culturgeschichte III, 277.

воинственныхъ цѣлей [1]). Почти также и въ Индіи лошадь употреблялась только во время войны, а не во время мира для перевозки тяжестей. Отсюда ясно слѣдующее: такъ какъ лошади обыкновенно употреблялись при похищеніи женщинъ, т.-е. при нападеніи лицъ одного племени на другое племя, то миръ между ними могъ быть заключенъ только тогда, когда выдавались лошади; отдавая лошадей, они этимъ отказывались отъ дальнѣйшей вражды; слѣдовательно, уже благодаря тому, что лошади и вообще скотъ сначала отдавался для пріобрѣтенія женщинъ, эти предметы стали впослѣдствіи монетой и именно потому, что единственно важный предметъ, который можно было пріобрѣтать изъ другой общины, получался взамѣнъ лошадей и скота. Первымъ предметомъ оборота между двумя общинами былъ обмѣнъ женщинъ одной общины на лошадей, а впослѣдствіи на скотъ, принадлежавшій другой общинѣ. Извѣстно, что и у грековъ, какъ можно видѣть у Гомера, женихъ давалъ отцу невѣсты цѣну ея, состоящую изъ скота и другихъ цѣнныхъ вещей [2]). Точно также и у древнихъ германцевъ цѣна невѣсты состояла, по Тациту, изъ скота, взнузданной лошади, щита, копья и меча [3]) Уже изъ того, что вмѣстѣ съ взнузданной лошадью въ качествѣ платы дается щитъ, копье и мечъ, очевидно, что это есть не что иное, какъ сдача непріятелю, символъ заключенія мира, отказъ отъ дальнѣйшаго веденія войны. Замѣчательно, что въ одной изъ древне-германскихъ формулъ церемонія передачи меча носитъ названіе comendatio per gladium et clamidam; слово comendatio напоминаетъ о другомъ юридическомъ дѣйствіи, которое сопровождалось тѣми же символами, какъ покупка женъ въ древнія времена. Точно такъ же какъ при покупкѣ женъ, при comendatio, препорученіи, т.-е. при вступленіи въ вассалы, вассалъ давалъ своему сюзерену лошадей, оружіе, украшенія, а также и другіе подарки [4]), т.-е. заключалъ съ нимъ миръ.

III.

Все уголовное право на первобытныхъ ступеняхъ культуры, или, иначе говоря, система наказаній за дѣянія, признаваемыя преступными, есть не что иное, какъ перенесенный въ мирный гражданскій быть способъ обращенія съ врагами-плѣнниками.

---

[1]) Hehn, Culturpflanze und Hausthiere, 28.

[2]) Иліада, XI, 241, Одессея XI, 281; Schoemann, Griechische Alterthümer, I, 52.

[3]) Tacitus, Germania, C. XVIII.

[4]) Waitz, Verfassungsgeschichte, IV, 211; Hallam, Middle age, I. 89.

Уже Якушкинъ, говоря объ обычаѣ навѣшиванія краденнаго на шею укравшаго, объ обычаѣ, на которомъ мы остановимся ниже, указываетъ на то, что это наказаніе напоминаетъ торжественный приводъ плѣнника, захваченнаго враждебнымъ ему племенемъ, и дѣлаетъ предположеніе, что этой сферѣ отношеній и слѣдуетъ приписать возникновеніе упомянутаго обычая. О такомъ происхожденіи наказаній особенно свидѣтельствуетъ существующій и по днесь обычай запряганія женщинъ въ телѣгу. Въ 1872 г. въ тамбовскомъ окружномъ судѣ судили крестьянина Θедора Минюшина за то, что онъ употребилъ это наказаніе по отношенію къ женѣ, убѣжавшей отъ него. Нашедши ее, онъ при помощи отца привязалъ ее толстой веревкой къ нахлесткѣ телѣги, погналъ лошадей и заставилъ жену бѣжать рядомъ, стегая ее и лошадей кнутомъ. Въ 1874 году, въ екатеринославской губерніи былъ такой же случай: мужъ привязалъ жену, убѣжавшую отъ него и найденную имъ, къ оглоблѣ вмѣсто пристяжной и шибко погналъ лошадей, осыпая жену ударами нагайки съ узломъ на концѣ. Въ одной слободѣ острогожскаго уѣзда такое наказаніе наложено было *деревенскомъ сходомъ:* крестьянинъ принесъ жалобу, что жена его ведетъ неприличную жизнь, вслѣдствіе дурного вліянія тещи. По рѣшенію деревенскаго схода мать и дочь были выведены на слободскую площадь, гдѣ имъ было приказано очищать ее отъ навоза. Послѣ этого онѣ были запряжены въ телѣгу, наполненную навозомъ, на которую влѣзъ принесшій жалобу мужъ и сталъ на нихъ прикрикивать, чтобы онѣ бѣжали шибче. Къ нему присоединилось потомъ еще два, три человѣка. Женщины, запряженныя въ телѣгу, бѣжали, хотя и не скоро. Онѣ вывезли навозъ за слободу и потомъ подвезли телѣгу, вмѣстѣ съ сидящими на ней крестьянами, къ крыльцу волостного правленія [1]).

Въ этомъ фактѣ, не смотря на сравнительно съ приведенными прежде фактами мягкое обращеніе съ запряженными въ телѣгу женщинами,—не смотря на отсутствіе плети, яснѣе проглядываетъ источникъ происхожденія этого обычая. Мы имѣемъ въ виду утилитарную форму этого факта—очищеніе и вывозку навоза. Наказаніемъ въ данномъ случаѣ, очевидно, является такой способъ обращенія съ женщинами и такая работа, которая возлагалась на рабовъ и рабынь, которыми и были, на самыхъ раннихъ ступеняхъ культуры, забранные въ плѣнъ женщины и мужчины. Я указалъ въ другомъ мѣстѣ, что женщины, забранныя

---

[1]) Якушкинъ, Обычное право, XLII—XLIII.

въ плѣнъ, были первыми живыми существами, утилизировавшимися для работы — и между прочимъ для переноски и перевозки тяжести, — для чего впослѣдствіи только стали употреблять животныхъ.

Разъ мы признаемъ ту исходную точку, что первые способы наказанія были тѣ же, какіе практиковались по отношенію къ врагамъ, мы поймемъ, почему на самыхъ раннихъ ступеняхъ культуры убійство или, иначе говоря, смертная казнь преступника, было универсальнымъ и единоспасающимъ способомъ наказанія, затѣмъ обращеніе въ рабство съ присовокупленіемъ изувѣченій.

Изувѣченіе преступника, производившееся въ началѣ безразлично по отношенію ко всѣмъ частямъ тѣла, стало дифференцироваться съ теченіемъ времени и производиться по отношенію только къ извѣстнымъ частямъ тѣла.

Тотъ органъ, тотъ членъ человѣческаго тѣла, который оказывается прямымъ непосредственнымъ виновникомъ совершоннаго дѣянія, долженъ потерпѣть извѣстное страданіе, — и наказаніе должно коснуться именно его. Такого рода изувѣченіе, совершаемое надъ рукою отцеубійцы, клятвопреступника (ибо при присягѣ и при клятвѣ обыкновенно дѣятельную роль играетъ рука), затѣмъ изувѣченіе губъ и языка кощунствующаго, диффаматора, еретика — явленіе общее всему архаическому періоду. Зубъ-за-зубъ, око-за-око или qua parte peccassent, eadem mulctari —вотъ формула этого способа наказаній. Въ древней Мексикѣ за ложь, произнесенную во вредъ другому лицу, отрѣзывали часть губъ, а иногда и уши. У гондурасовъ воровство наказывалось тѣмъ, что похитителю отрѣзывали руки и уши [1]). Новеллы императоровъ Льва и Константина наказываютъ отрѣзываніемъ языка клятвопреступника (ложно присягнувшаго). Старинные королевскіе ордоннансы во Франціи отрѣзываютъ языкъ, прокалываютъ его, отрѣзываютъ губы въ случаѣ повторительнаго кощунства, и надо замѣтить, что эти ордоннансы, возобновленные Людовикомъ XIV и Людовикомъ XV, самымъ строгимъ образомъ соблюдались до 1748 г. Такое же значеніе имѣетъ изувѣченіе пальцевъ или рукъ, налагаемое на лжесвидѣтеля, который ложно положилъ свои руки на священное писаніе, на невѣрныхъ счетчиковъ (императоромъ Гальбой), на сборщиковъ податей за совершаемое имъ воровство (Юстиніанъ), на авторовъ еретическихъ сочиненій, на фальшивыхъ монетчиковъ (Лотарь, ломбардскій

---

[1]) Спенсеръ, Обрядовыя учрежденія. Русск. пер. Кіевъ, 1880, стр. 89.

король), на воровъ (коранъ и ломбардскіе законы); всѣ эти наказанія относятся именно къ тому члену или órгану, который является физическимъ орудіемъ преступленія. Тотъ же смыслъ въ наказаніи, налагавшемся римлянами на бѣглыхъ рабовъ,— отрѣзываніе ноги или подошвы; подобное же наказаніе налагалось Людовикомъ XIV на рабовъ негровъ изъ французскихъ колоній; въ случаѣ рецидива имъ отрѣзывались колѣна. По ордоннансу Карла VI въ городѣ Вьеннѣ (въ Дофинэ) лица, входившія въ чужіе виноградники и причинившія здѣсь поврежденія, наказывались выбиваніемъ одного или нѣсколькихъ зубовъ.

Не нужно доказывать, что отрѣзываніе рукъ, губъ, ушей у преступниковъ есть не что иное, какъ наказаніе, заимствованное изъ способа обращенія съ врагами. Извѣстно, что трофеями, приносимыми съ войны, были руки врага. Рамзейеръ, описывая войну, происходившую во время его плѣна у ашантіевъ, разсказываетъ, что ашантіи пощадили лишь одного плѣнника, но обрили ему голову, отрѣзали носъ и уши и заставили носить королевскій барабанъ. Одинъ стѣнной рисунокъ въ храмѣ Мединетъ-Абу, въ Ѳивахъ, изображаетъ поднесеніе царю цѣлой кучи рукъ; изображеніе сопровождается надписью, разсказывающею о побѣдѣ египетскаго царя надъ ливанцами, гдѣ говорится, что у побѣжденныхъ отрѣзывали руки и везли ихъ на ослахъ вслѣдъ за возвращающейся арміею. (Спенсеръ, стр. 67, 68). Въ той же надписи разсказывается, что у враговъ отрѣзывали и фаллическіе órганы. Объ этомъ обычаѣ мы узнаемъ изъ Библіи (1-я книга царствъ XVIII, 25, 27). Но, какъ извѣстно, отрѣзываніе дѣтородныхъ органовъ или кастрація употреблялась у многихъ народовъ какъ наказаніе за прелюбодѣяніе и вообще за посягательство на честь женщинъ. Салическій законъ наказывалъ кастраціей рабовъ, застигнутыхъ при прелюбодѣяніи. Такому же наказанію подвергался всякій въ Испаніи за подобное же дѣяніе. Примѣры подобнаго наказанія мы встрѣчаемъ и у римлянъ. Законъ вестготовъ наказывалъ вообще всякое посягательство на добрые нравы кастраціей.

Исторія указываетъ не мало бытовыхъ случаевъ, которые могутъ представляться переходнымъ способомъ наказанія между этимъ и сохранившимся еще въ настоящее время среди русскаго населенія наказаніемъ за прелюбодѣяніе и вообще за дурное поведеніе.

Болѣе позднимъ способомъ наказанія является просто обнаженіе и хожденіе въ сопровожденіи толпы въ обнаженномъ или полуобнаженномъ видѣ по улицѣ лицъ, совершившихъ эти пре-

ступленія [1]); это очевидно, остатокъ того способа наказанія, когда обнажали для того, чтобы поступать болѣе жестокимъ образомъ, и привязываніе отпало, осталось одно только обнаженіе въ этомъ видѣ обнаженія мы встрѣчаемъ древній способъ наказанія за противныя добрымъ нравамъ дѣянія и въ русскомъ крестьянскомъ быту. По обычному праву женщину за развратъ привязываютъ къ столбу у воротъ или, посадивъ въ телѣгу вмѣстѣ съ ея полюбовникомъ, возятъ смѣха ради, называя виновныхъ новобрачными или, *обнаживъ* ихъ, водятъ по улицѣ; при этомъ виновной женщинѣ остригаютъ иногда волосы и почти всегда сѣкутъ ее [2]). Этотъ способъ наказанія, т.-е. обнаженіе и обрѣзываніе волосъ очевидно практиковался еще, судя по Тациту [3]), у первобытныхъ германскихъ племенъ; что касается обрѣзыванія волосъ, то этотъ символъ есть не что иное какъ признакъ вступленія въ бракъ и въ данномъ случаѣ этимъ символомъ пользуются въ качествѣ наказанія для описанія факта; словомъ, въ наказаніи выражается суть преступнаго дѣянія.

Этимъ способомъ наказанія обычное право очевидно переходитъ къ новой системѣ наказаній, заключающейся въ томъ, что *въ наказаніи символическимъ образомъ изображается дѣяніе.* То-есть взамѣнъ juris talionis, взамѣнъ матеріальнаго эквивалента содѣяннаго преступленія на сравнительно болѣе поздней ступени культуры, способомъ наказанія является символическое изображеніе самого преступленія. Такъ, для наказанія вора употребляется навѣшиваніе на него украденнаго. Это употребляется и у первобытныхъ народовъ и у насъ среди крестьянскаго населенія. Вору, пойманному съ поличнымъ, связываютъ руки и надѣваютъ ему на шею или привязываютъ на спину украденную вещь: кусокъ полотна, снопъ хлѣба, живую курицу; ежели онъ укралъ сѣно, его обвязываютъ сѣномъ, ежели укралъ овцу, на него одѣваютъ овечью шубу. Если въ воровствѣ попалась женщина, то ее обнажаютъ, или подымаютъ ей подолъ и навѣшиваютъ на нее украденное; обматываютъ шею холстомъ, ежели похищенъ холстъ; надѣваютъ на шею нанизанный на веревку картофель, если она украла картофель. Якушкинъ, у котораго мы цитируемъ приведенные только-что факты, разсказываетъ о слѣдующемъ случаѣ, бывшемъ въ 1874 году. Крестьянка села Ермакова ярославской губерніи была обвинена въ похищеніи

[1]) Приведенныя до сихъ поръ данныя почерпнуты изъ книги: Chassan, Essai sur la symbolique du droit. Paris. 1847.

[2]) Ср. Якушкина, XL.

[3]) Tac. De mor. Germ. гл. XIX.

полотна. Волостной сходъ призналъ ее виновной и рѣшилъ раздѣть ее до нага и, обернувъ полотномъ, водить по улицѣ; Евдокимова не дала раздѣть себя; тогда ее обнажили до пояса, обернули полотномъ, привязали ей руки къ колу и въ сопровожденіи толпы народа водили по улицѣ; при этомъ звонили въ колокольчики, бубенчики и били въ заслонки.

Въ чистопольскомъ уѣздѣ казанской губерніи на шею вора вѣшаютъ даже мелкій скотъ, какъ, напр., телятъ, поросятъ, овецъ, козъ и проч., конечно, по одной штукѣ, и въ такомъ видѣ водятъ по улицѣ. Когда поймаютъ тамъ конокрада, то украденную лошадь обыкновенно ведутъ за нимъ. Очевидно, что это наказаніе есть не что иное какъ óбразное изображеніе самаго факта совершившагося преступленія.

Такое же óбразное или символическое изображеніе встрѣчается не только по отношенію къ воровству, но и по отношенію ко многимъ другимъ дѣяніямъ, осуждаемымъ и порицаемымъ общественнымъ мнѣніемъ какъ проступки или преступленія. Такъ, когда въ Малороссіи новобрачная оказывается порочною и это обнаруживается на свадьбѣ, тогда въ наказаніе пробиваютъ въ печи дыру, обмазываютъ стѣны грязью, бьютъ окна; кто-нибудь изъ «бояръ» (дружекъ) лѣзетъ на крышу хаты съ ведромъ воды и оттуда каждому раздаетъ воду, чтó означаетъ продажность женщины; или же матери порочной невѣсты надѣваютъ на голову рѣшето, сбрасываютъ ей очипокъ и проч. Есть и другіе способы изображенія въ наказаніи того же факта; такъ, на воротахъ дома родителей новобрачной дружки водружаютъ рогожу или же вѣшаютъ «мазныцю». Бываетъ и такъ, что въ случаѣ нецѣломудрія невѣсты, матери ея подносятъ стаканъ со скважиной, наполненный пивомъ или медомъ; когда мать беретъ стаканъ въ руки, тогда питье течетъ чрезъ скважину.—Впрочемъ, въ этихъ случаяхъ, т.-е. во время свадьбы, не только дурное дѣяніе, но и дѣяніе одобраемое въ свою очередь сопровождается довольно извѣстными óбразными дѣйствіями и символами... [1]).

Я разобралъ символическія дѣйствія, обязанныя своимъ происхожденіемъ двумъ источникамъ,—причемъ считаю необходимымъ указать на то, что уже Спенсеръ въ своемъ сочиненіи о господствѣ обрядовъ указалъ на отношенія къ врагамъ, какъ на важный источникъ символическихъ дѣйствій.

Хотя послѣдующее не имѣетъ прямого отношенія къ тѣмъ

---

[1]) Ср. Сборникъ юридическихъ обычаевъ, статья проф. Кистяковскаго: о цензурѣ нравовъ у народа, стр. 161—191, а также Якушкина, стр. XXXIX.

символическимъ дѣйствіямъ, о которыхъ я говорилъ до сихъ поръ, но я считаю не лишнимъ остановиться здѣсь на любопытномъ явленіи, о которомъ сейчасъ поведу рѣчь какъ имѣющемъ отношеніе къ символизму въ правѣ вообще. Одно изъ любопытныхъ явленій въ юриспруденціи, это разныя количественныя величины, встрѣчающіяся въ юридическихъ нормахъ; здѣсь я хочу обратить вниманіе на количество свидѣтелей, требовавшее въ первобытныя времена, и количество присяжныхъ, требующееся въ настоящее время, ибо извѣстно, что современные присяжные засѣдатели, судьи, суть не что иное какъ первобытные свидѣтели. Почему именно по отношенію къ суду присяжныхъ требуется непремѣнно 12 человѣкъ, а не больше или меньше? Надо замѣтить, что это число встрѣчается уже въ первобытныя времена; такъ въ «Русской Правдѣ» мы читаемъ: «если кто-либо что-либо станетъ взыскивать на другомъ, а тотъ станетъ запираться, то онъ долженъ идти на изводъ передъ 12 человѣками». Очевидно, что это число двѣнадцать, хотя въ нашемъ современномъ судѣ присяжныхъ оно и заимствовано изъ тѣхъ нормъ, которыя существуютъ объ этомъ предметѣ въ европейскихъ законодательствахъ и въ особенности въ классической странѣ суда присяжныхъ—въ Англіи, встрѣчается уже въ древнѣйшихъ памятникахъ русскаго права, какъ мы только-что видѣли. Откуда же взялось это число? Извѣстный юристъ Игерингъ, говоря объ обрядовыхъ формахъ, соблюдавшихся при пріобрѣтеніи собственности въ древнемъ Римѣ, при такъ наз. mancipatio, или при установленіи долговыхъ требованій (nexum), останавливается между прочимъ на томъ, почему при совершеніи этихъ обрядовъ требовалось присутствіе 5-ти свидѣтелей и указываетъ на то, что 5 свидѣтелей, участвовавшихъ при совершеніи этихъ актовъ, явились по всей вѣроятности вслѣдствіе устройства Сервія Туллія, по которому все римское населеніе раздѣлялось на 5 классовъ, такъ что 5 свидѣтелей, участвовавшихъ въ этихъ обрядовыхъ формахъ, были не чѣмъ инымъ какъ представителями 5 классовъ населенія. Это объясненіе, вполнѣ основательное, даетъ намъ возможность объяснить, почему именно 12 человѣкъ требуется для составленія суда присяжныхъ. Надо знать, что первобытныя союзныя государства-федераціи почти всегда составлялись изъ союза 12 племенъ. Изъ Библіи извѣстно дѣленіе еврейскаго народа на 12 колѣнъ. Во времена Тезея, Аттика, какъ разсказываетъ преданіе, состояла изъ 12 территорій, которыя были соединены между собой. Точно также мы находимъ федерацію древне-греческаго населенія у горъ Парнасса и Эты и рѣкъ Сперхея и Пенея, кото-

рая въ свою очередь состояла изъ 12 территорій. Точно также и союзъ эолійскихъ беотійцевъ, который находился подъ гегемоніей Ѳивъ, состоялъ изъ 12 народностей и др. [1]). Ахейскій союзъ въ свою очередь состоялъ изъ 12 автономныхъ территорій. Въ Италіи 12 городовъ тусковъ составляли федераціи. Наконецъ, чтобы не приводить здѣсь слишкомъ много данныхъ по этому предмету, укажемъ еще на народныя сказанія относительно политическаго устройства славянскихъ народовъ. По свидѣтельству Адама Бременскаго, вся земля оботритовъ раздѣлена была на 12 волостей; то же мы знаемъ о Чехіи и Моравіи, а также о Сербіи. Польскій лѣтописецъ, жившій въ XII столѣтіи, передаетъ старинное преданіе, что нѣкогда ляшскимъ племенемъ управляли 12 воеводъ [2]). Этотъ фактъ еще въ настоящее время можно прослѣдить на жизни первобытныхъ народовъ. Такъ, по словамъ Кука, на островѣ Таити, существовала федерація, состоявшая изъ 12 общинъ. Когда черкесы образовали федерацію для борьбы съ русской властью, они образовали для этой цѣли союзъ изъ 12 территорій, лежавшихъ на сѣверѣ кавказскихъ горъ.

Послѣ этихъ данныхъ, которыя можно увеличить многими однородными, становится вполнѣ яснымъ происхожденіе таинственнаго числа 12 присяжныхъ, которое еще въ настоящее время фигурируетъ въ судѣ присяжныхъ у европейскихъ народовъ. Двѣнадцать присяжныхъ являются какъ бы представителями первоначальныхъ двѣнадцати союзныхъ территорій или племенъ, полномочными выразителями ихъ воли.

М. Кулишеръ.

---

[1]) Welker, Staatslexicon IV, стр. 115, 119.

[2]) Бестужевъ-Рюминъ, Русская исторія, т. I, стр. 44, 45.

СТИХОТВОРЕНІЯ

НА ЮГѢ.

О, царство розъ, мой теплый югъ,
Цвѣтущій край родной!
Твой добрый сынъ, твой вѣрный другъ
Вернулся вновь домой.

Какъ тихъ родныхъ небесъ шатеръ
И свѣтлыхъ водъ разливъ!
Какъ чуденъ бархатный коверъ
Зеленыхъ, зыбкихъ нивъ!

Глядитъ мой домикъ веселѣй,
Пріѣзду гостя радъ,
И манитъ свѣжестью своей
Вишневый крошка садъ.

Онъ въ яркой зелени густой
И весь въ цвѣтахъ одѣтъ;
Но только жаль, что въ немъ простой
И стройной елки нѣтъ.

Мнѣ хорошо въ краю родномъ,
Здѣсь каждый кустъ мнѣ милъ,
Но тамъ, на сѣверѣ больномъ,
Я елку полюбилъ.

Межъ гордыхъ сосенъ и березъ,
Въ печаль погружена,
Она стоитъ, завѣтныхъ грезъ
И тихихъ думъ полна.

И я-бъ хотѣлъ глядѣть въ окно,
И любоваться ей,
И все, минувшее давно,
Будить въ душѣ моей.

Пусть въ прошломъ, пережитомъ мной,
Былъ мукъ и пытокъ адъ;
Но дорогъ для души больной
Воспоминаній ядъ.

Н. Щедровъ.

Новочеркасскъ.

АМЕРИКАНСКАЯ ЖУРНАЛИСТИКА

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

«Грустное» проявленіе общественной жизни.—Газеты-гиганты.—Газеты новаго направленія и рѣзкое ихъ отличіе отъ прежнихъ органовъ печати.—Беннетъ-отецъ и Горасъ Грили, какъ реформаторы печати.—Рядъ нововведеній въ области журналистики.—Идеи Гораса Грили.—«New York Tribune».—Беннетъ-сынъ.—Особенности газеты «New York Herald».—Предпріимчивость и благотворительность Беннета.

«Американская печать?.. И вы серьёзно хотите сказать, что до такой степени ею интересуетесь?.. Нѣтъ, я не хочу этому вѣрить; при изученіи этого грустнаго проявленія нашей жизни у васъ и на недѣлю терпѣнья не хватитъ: нельзя послѣдовательно отдаться изученію того, что неминуемо отталкиваетъ всякаго порядочнаго человѣка»...

Такова была бурная вспышка весьма почтеннаго и почитаемаго баптистскаго пастора, въ присутствіи котораго мнѣ случилось упомянуть о томъ, что почти всецѣло поглощало мое вниманіе за нѣсколько недѣль. Эта рѣзкая выходка со стороны пастора тѣмъ болѣе поразила меня, что онъ былъ человѣкъ замѣчательно свѣтлаго ума, весьма развитой, пристально слѣдящій за умственнымъ прогрессомъ нашего вѣка и отнюдь не проявлялъ въ моемъ присутствіи, до той поры, такой рѣшительной нетерпимости къ какимъ бы то ни было проявленіямъ общественной жизни. Было бы излишнимъ приводить здѣсь дальнѣйшее развитіе нашего разговора, перешедшее затѣмъ въ пререкательство и кончившееся тѣмъ, чѣмъ неизмѣнно кончаются всѣ споры лицъ, успѣвшихъ до этого выработать себѣ опредѣленный взглядъ на предметъ: каждый изъ насъ—наслушавшись

вдоволь доводовъ противной стороны—все же въ концѣ-концовъ остался при своемъ. Справедливость требуетъ замѣтить, однако, что я, съ моей стороны, не сдавшись на доводы ученаго пастора, все таки вынесла изъ этого спора не только новыя мысли, но и нѣкоторыя сомнѣнія и вопросы, провѣрка которыхъ не мало послужила мнѣ въ дѣлѣ правильнаго изслѣдованія занимавшаго меня предмета. Вскорѣ затѣмъ я очутилась въ самомъ водоворотѣ интересовъ «джентльменовъ печати»; но не смотря на долгое и всестороннее изслѣдованіе ихъ дѣла, я тѣмъ не менѣе еще не утратила уваженія къ самой себѣ—по весьма понятной слабости, и вопреки мнѣніямъ всѣхъ пасторовъ міра, продолжая еще причислять себя къ людямъ «порядочнымъ». Приступая теперь къ изложенію въ возможно краткомъ видѣ результатовъ своихъ наблюденій, я конечно еще не вполнѣ освободилась отъ сомнѣній—и весьма серьёзнаго свойства; но направлены они уже единственно на то: удастся ли мнѣ, въ концѣ концовъ, совладѣть съ такимъ важнымъ сюжетомъ, удастся ли передать русскому читателю, во всей его цѣльности и ясности, то представленіе американской печати, какое такъ графически отпечаталось за это время въ моей головѣ; удастся ли выставить съ должной вѣрностью результаты, являющіеся слѣдствіемъ неутомимой дѣятельности той блестящей плеяды американскихъ журналистовъ, которая такъ отзывчива на все живое и хорошее, такъ свободна отъ всякаго педантизма, такъ философски выноситъ всѣ сыплющіяся на нее голословныя обвиненія въ томъ, въ чемъ она отнюдь неповинна?..

Человѣку, не имѣвшему въ рукахъ настоящей американской большой газеты, трудно было бы и представить себѣ эту чудовищную вещь. «New York Herald», величайшая изъ американскихъ ежедневныхъ газетъ, хотя и нѣсколько меньше форматомъ, чѣмъ большія петербургскія газеты, за то имѣетъ не четыре, а восемь страницъ самаго убористаго шрифта, который, будучи чуть не втрое мельче шрифта петербургскаго «Голоса», напр., чрезвычайно отчетливъ и неутомителенъ для глаза. Восьмистраничный объемъ однако же весьма рѣдокъ въ газетѣ; въ теченіе трехъ четвертей года онъ появляется двойной, тройной, а въ самый разгаръ торговаго сезона нерѣдко—пятерной. Въ прошломъ году, отличавшемся чуть не безпримѣрнымъ процвѣтаніемъ торговли, «Herald» часто появлялся въ шестерномъ объемѣ, а два раза въ теченіи 1881—1882 года появился *въ семерномъ* размѣрѣ, т.-е. съ 168-ю столбцами убористой печати,

изъ числа которыхъ около 60-ти столбцовъ отводилось подъ общеинтересный текстъ, а остальное—подъ объявленія, классифицированныя по отдѣламъ. Въ настоящемъ году, однако, тотъ же «Herald» принялъ систему экономіи, принимая столько же объявленій, но печатая всего 30—40 столбцовъ общеинтересснаго текста. Такимъ путемъ, «Herald» сберегаетъ въ день отъ 500 до тысячи долларовъ; дѣлается это, какъ мнѣ объясняли, для того, чтобы сберегать деньги на проведеніе океанскаго кабеля въ Европу—предпріятіе, задуманное этою осенью Беннетомъ. Не мѣшаетъ замѣтить, что, несмотря на увеличеніе объема, газета эта за всѣ будничные дни неизмѣнно продается за три сента (приблизительно 6 копѣекъ). Такихъ мамонтскихъ размѣровъ достигаетъ, однако же, одинъ нью-іоркскій «Herald». Слѣдующія той же системѣ газеты Чикаго, Санъ-Франциско и Цинциннати никогда не имѣютъ болѣе 120-ти печатныхъ столбцовъ. «Herald» стоитъ во главѣ газетъ, извлекающихъ главный свой доходъ съ объявленій; понятное дѣло, что ни у какого человѣка не хватитъ времени на основательный пересмотръ полутораста столбцовъ печати изо-дня въ день—никто и не пытается.

Принимая во вниманіе короткое время, имѣющееся у дѣлового человѣка поутру на чтеніе газеты, каждая редакція помѣщаетъ въ началѣ текста—столбецъ-другой мелкаго шрифта, въ которомъ вкратцѣ приводятся всѣ дневныя новости: пробѣжавъ этотъ перечень событій, читатель, спѣша къ своимъ дневнымъ занятіямъ, уже имѣетъ понятіе обо всемъ, что случилось интереснаго за прошлый день, и доканчиваетъ чтеніе газеты уже при большемъ досугѣ.

Въ извѣстномъ мѣстѣ газеты читатель находитъ подробное оглавленіе помѣщенныхъ отдѣловъ и каждый читаетъ лишь только, что его спеціально интересуетъ, прямо бросая остальное уличнымъ тряпичникамъ. Кто бы чего ни искалъ купить или продать, нанять или предложить, тотъ непремѣнно покупаетъ «Herald» или ему подобную газету и въ пять минутъ находитъ то, чего искалъ, если то имѣется на общественныхъ рынкахъ.

Газеты другого, новѣйшаго разбора—блестящею представительницею которыхъ является нью-іоркскій «Sun»—разсчитываютъ преимущественно на подписчиковъ и розничную продажу. Спеціальность «Sun» состоитъ въ томъ, чтобъ давать читателю всѣ дневныя новости въ наиболѣе сжатомъ и интересномъ видѣ. Сообщеніе, которое въ «Herald» возьметъ полтора столбца, въ «Sun» займетъ не болѣе полустолбца, причемъ читатель, съ наименьшею потратою времени, пріобрѣтетъ вполнѣ цѣльное и

ясное представленіе обо всѣхъ интересныхъ происшествіяхъ. «Sun» неизмѣнно появляется въ будничные дни въ четыре страницы, отводя лишь одну послѣднюю подъ объявленія, а по воскресеньямъ—въ восемь страницъ. Ограниченное этою газетою пространство подъ объявленія, конечно, продается въ тридорога, но все же на него много находится охотниковъ на томъ основаніи, что всякій, читающій «Sun», неизмѣнно остановится въ концѣ-концовъ на краткой страницѣ объявленій, и здѣсь есть болѣе шансовъ на то, чтобъ привлечь вниманіе и заманить покупателя невзначай. Сбереженіе времени получается читателемъ громадное,—а это въ американской жизни существенный разсчетъ, тѣмъ болѣе, что заурядный человѣкъ знаетъ, что употребивъ десять минутъ на просмотръ «Sun», онъ не рискуетъ ничего пропустить изъ интересныхъ дневныхъ новостей. Такое рельефное представленіе квинтъ-эссенціи *всѣхъ* новостей требуетъ спеціальнаго искусства и навыка, и потому «Sun» употребляетъ особенный классъ «condensers», т.-е. сократителей—писателей, обладающихъ талантомъ интересно писать, не тратя лишнихъ словъ, и платится таковымъ чуть не вдвое болѣе того, что платитъ репортерамъ «Herald». Эта щедрость возвращается газетѣ съ излишкомъ. Тогда какъ «Herald» расходится ежедневно въ числѣ 125,000 или 130,000 экземпляровъ, «Sun», еженедѣльно публикующій отчеты своего обращенія—печатается за недѣлю въ громадномъ количествѣ 1.100,000 номеровъ. Разница между этими двумя главными представительницами американской печати не ограничивается формою и объемомъ. «Herald» былъ созданъ геніальнымъ журналистомъ—Беннетомъ-отцомъ—въ 1836 году, и съ той поры неизмѣнно остается органомъ своего владѣльца—въ настоящее время, Беннета-сына. «Sun» же принадлежитъ цѣлой компаніи, владѣющей его паями. Эта компанія пользуется, однако же, лишь правомъ дѣлежа доходовъ, въ управленіе же газетою не вмѣшивается, и она ведется опять однимъ лицомъ—M-r Charles Dana, который, собственно говоря, и вознелъ «Sun» на настоящую его высоту.

По направленію своему обѣ эти газеты независимыя, т.-е. не руководятся вліяніемъ той или другой политической партіи или торговой корпораціи и свободно высказываются по всѣмъ вопросамъ, считая своимъ правомъ и обязанностью нещадно обличать и осуждать всѣхъ общественныхъ дѣятелей по мѣрѣ уклоненія этихъ послѣднихъ отъ «стези правды и добра». Правда, что «Sun» замѣтно симпатизируетъ демократамъ, но имъ не потворствуетъ: у всѣхъ еще на памяти тотъ «параграфъ» въ «Sun»,

передъ прошлыми президентскими выборами, которымъ эта газета навѣки уничтожила политическую будущность демократическаго кандидата на президентство, генерала Ганкока, заявивъ, что изъ генерала, въ триста съ лишнимъ фунтовъ вѣса, всево-нечно, долженъ выйти самый «основательный» президентъ. Опять и нынѣшнею осенью «Sun» всѣми своими силами отстаивала кандидатуру демократическаго претендента на нью-іоркское губернаторство—мистера Кливелэнда, бывшаго простымъ провинціальнымъ адвокатомъ. Но та же газета «Sun» опять же чуть ли не первая стала обличать неумѣлость новаго губернатора Кливеленда, разбирать его ошибки въ исправленіи своей новой должности, и, какъ увѣряютъ, добилась того, что новоизбранный губернаторъ принялся прилежно изучать всѣ стороны своего новаго дѣла. Теперь «Sun» опять начинаетъ восхвалять своего прежняго «protégé», и, по собственному выраженію этой газеты, «Sun»[1]) продолжаетъ «сіять на праведныхъ и неправедныхъ»...

Рѣзкая граница раздѣляетъ американскую журналистику послѣднихъ двадцати лѣтъ отъ предшествовавшаго періода. Прежде газеты были по истинѣ органами партій или органами своего издателя; все, что дѣлалось извѣстною политическою партіей, непремѣнно одобрялось газетами того же политическаго толка; газеты наполнялись перебранкой, инсинуаціями, препирательствами между собою. Это послѣднее явленіе многими журналистами, однако же, почитается незамѣнимымъ и вполнѣ законнымъ аттрибутомъ извѣстнаго періода развитія журналистики. Особенно оригинальнымъ представилось мнѣ воззрѣніе на газетную перебранку такого авторитетнаго журналиста, какъ Фредерикъ Гудсонъ—авторъ замѣчательной по полнотѣ и правдивости «Исторіи американской журналистики». Приводя примѣры того, какая крупная газетная брань велась въ Англіи въ семнадцатомъ столѣтіи и въ Америкѣ въ пятидесятыхъ годахъ, когда почтенный Грили обращался къ противнику съ газетною статьей, начиная ее словами: «лжецъ, мерзавецъ—самъ знаешь, что лжешь!».. М-ръ Гудсонъ все же приходитъ къ тому заключенію, что брань, въ извѣстномъ періодѣ газетнаго развитія, даже полезна: «брань придаетъ печати живость; она можетъ быть заведена слишкомъ далеко, но въ концѣ концовъ она сама замолкаетъ. Всякое несогласіе во взглядахъ—есть само по себѣ явленіе здоровое. Газета, которая слишкомъ далеко заходитъ въ этомъ отношеніи—вредитъ себѣ самой, а отнюдь не другимъ газетамъ. Разногласіе и препирательства

[1]) «Sun»—значитъ «Солнце».

существуютъ и въ средѣ всѣхъ другихъ профессій; между духовенствомъ, адвокатами, докторами не болѣе силенъ «esprit de corps», чѣмъ среди журналистовъ: вся разница въ томъ, что эти послѣдніе стираютъ свое грязное бѣлье на глазахъ у публики...» [1]).

Теперь въ американской печати значительно сгладилась ея прежняя рѣзкость; личныя препирательства газетъ, весьма рѣдкія, ведутся весьма вѣжливо. Печать все болѣе и болѣе становится независимою, растетъ непомѣрно, — но журналисты отнюдь не имѣютъ того вліянія, какъ въ прежнее время, когда изъ среды журналистовъ выдавались такіе крупные политическіе воротилы и общественные дѣятели, какъ Turlow Weed, Blaine, Greeley, Raymond и пр.

Настоящее время составляетъ въ нѣкоторомъ родѣ переходный періодъ для американской печати. До конца тридцатыхъ годовъ,—какъ я уже говорила,—здѣшняя повседневная печать находилась въ тѣсной зависимости отъ политическихъ партій и, если и не всегда субсидировалась таковыми, за то неизмѣнно вдохновлялась интересами той или другой политической клики, была тенденціозна, придерживалась проповѣдническаго тона—а когда это оказывалось недостаточнымъ, прибѣгала къ вѣскому содѣйствію площадной перебранки, нерѣдко кончавшейся рукопашною схваткой издателей съ обиженными ими лицами, причемъ рѣшающій вердиктъ оставался за охотничьими ножами и револьверами.

Но вотъ, въ 1836 году, Беннетъ-отецъ основалъ газету «New York Herald», повелъ ее совершенно на иныхъ основаніяхъ, и тѣмъ водворилъ эру «независимой печати». Беспримѣрно быстрый успѣхъ Беннета скоро снискалъ ему подражателей, но не всякій одаренъ былъ дѣловымъ геніемъ этого замѣчательнаго человѣка, и потому многіе на первыхъ порахъ разорились, устремясь по его слѣдамъ. Основанъ былъ «Herald» Беннетомъ-отцомъ при 500 долларахъ наличнаго капитала и нѣкоторомъ содѣйствіи его весьма въ то время немногочисленныхъ друзей; но смерти, Беннетъ оставилъ сыну состояніе въ пять милліоновъ долларовъ и газету, за которую молодому Беннету предлагали затѣмъ 2.200,000 долларовъ. Но это предложеніе было отклонено весьма высокомѣрно. Беннетъ-сынъ зналъ, что говорилъ, утверждая еще тогда, что на его «Herald» цѣны еще не существуетъ. Не прошло съ той поры и десяти лѣтъ, а уже

[1]) Frederick Hudson, History of American Journalism, стр. 68.

теперь дѣловые люди утверждают, что за «Herald» не дорого бы дать и десять милліонов, так как газета эта—такая сила в дѣловом мірѣ страны, что, при искусном управленіи, ее можно довести до того, чтоб она расходилась в милліонном числѣ экземпляров ежедневно. Предпріимчивые люди пытались было учредить компанію для покупки «Herald», но не довели дѣло до конца; кто говорит оттого, что Беннет отказался продать газету; другіе же утверждают, что компаніоны во-время спохватились, что, может статься, без имени издателя — Беннета и самый «Herald» не в состояніи будет удержать своего обаянія. В настоящее же время состояніе Беннета-сына исчисляется приблизительно в десять милліонов долларов и все это пріобрѣтено было помимо всяких спекуляцій, помимо всякой биржевой игры. Чему же, спрашивается, приписать такое безпримѣрное обогащеніе журналиста, начавшаго издавать газету на капитал в 500 долларов?

Секрет Беннета-отца состоял в том, что он здѣсь первый додумался до того, что взрослые люди, покупающіе газету, ищут не кодекса реторически-закругленных, выспренних правоученій, а простых извѣстій—достовѣрных и точных, на основаніи которых каждый мог бы вывести свое собственное заключеніе. И вот Беннет выступил перед читателями, обѣщая им давать в газетѣ своей всѣ новости, самыя свѣжія, неподкрасованныя и достовѣрныя. Обѣщаніе это Беннет сдержал блистательно—так же блистательно и вознаградила его публика. Зоркій глаз Беннета неустанно слѣдил за всѣми новѣйшими открытіями, способными ускорить передачу новостей — и немедленно заручался новыми приспособленіями для своей газеты. Он первый воспользовался удобствами желѣзных дорог, сам съѣздил в Европу на первом пароходѣ, отошедшем туда из Нью-Іорка, немедля установил полную систему корреспонденцій из Стараго Свѣта, и с самаго открытія телеграфов стал ими пользоваться в самых широких размѣрах. Во время войны он опять первый организовал здѣсь, еще за двадцать лѣт до настоящаго времени, свой отряд военных корреспондентов, которые доставляли свои подробныя описанія битв в «Herald», загонявая в бѣшеной своей скачкѣ, с извѣстіями, по нѣскольку лошадей в день. Эта же газета была первая, установившая у себя, в 1859 году, систему «interviews»—репортерских посѣщеній, с цѣлью допроса, всѣх мало-мальски интересных публики лиц. В 1867 году тот же Беннет организовал систему высылки в море своих ма-

леньких паровыхъ яхтъ, которыя встрѣчаютъ подходящія суда на нѣкоторомъ разстояніи отъ нью-іоркскаго порта, выручаются отъ нихъ новостями, извѣстіями о рейсѣ и проч., на всѣхъ парахъ ворочаются въ городъ и доставляютъ въ редакцію «Herald» самыя свѣжія мореходныя новости. Этой системы спеціальныхъ яхтъ придерживается «Herald»—и одинъ лишь онъ—и до сихъ поръ, и доставляетъ тѣмъ неоцѣнимыя удобства публикѣ и крупныя выгоды коммерсантамъ. Беннетъ не жалѣлъ ни денегъ, ни труда тамъ, гдѣ ему хотя бы только мерещилось, что можно ускорить полученіе новостей и добыть извѣстія, прочимъ газетамъ недоступныя. «Herald» съ самаго своего возникновенія — и до сей поры—всецѣло проникнутъ духомъ своего основателя. Беннетъ заявилъ, что газета его будетъ вполнѣ независима — такой она остается и по сю пору; Беннетъ первый ввелъ обычай передачи биржевыхъ новостей, обѣщая читателямъ полную въ этомъ дѣлѣ вѣрность и безпристрастіе, такъ какъ самъ онъ ни въ какихъ финансовыхъ аферахъ, ни въ какихъ повышеніяхъ и пониженіяхъ цѣнностей не заинтересованъ; какъ онъ самъ, такъ и сынъ его вполнѣ сдержали это обѣщаніе. Публика же, по мѣрѣ того какъ она удостовѣрялась въ основательности обѣщаній Беннета, отвѣчала ему полнѣйшимъ довѣріемъ, и биржевыя сообщенія «Herald» до сего времени имѣютъ большую силу, пользуясь безусловнымъ авторитетомъ. Желѣзная воля Беннета-отца превозмогала всѣ препятствія—личная его храбрость разрушала всѣ возводимыя противъ него интриги. Не устрашали его угрозы насилія—не струсилъ онъ, не измѣнилъ своей системѣ даже послѣ покушенія на его жизнь посредствомъ адской машины, присланной ему въ редакцію. Простая случайность спасла въ этомъ случаѣ Беннета и его помощниковъ отъ неминуемаго взрыва и онъ умеръ въ 1872-мъ году естественною смертью, уважаемый до такой степени, что по случаю его кончины на всѣхъ общественныхъ и городскихъ зданіяхъ спущены были въ знакъ траура флаги.

Но какъ ни велика была предпріимчивость Беннета, она далеко не составляла главнаго залога его успѣха. Особенность точки зрѣнія Беннета-отца на газетное дѣло чрезвычайно ярко обрисована была мнѣ П., почтеннымъ редакторомъ одной изъ лучшихъ здѣшнихъ газетъ, который, проводя параллель между двумя знаменитыми издателями-современниками, Беннетомъ и Грили, сказалъ мнѣ: «Разница между этими двумя замѣчательными людьми была радикальная. Приступая къ изданію «Herald'а», Беннетъ заявилъ,

что: «I won't be respectable» [1])... И на этомъ основаніи построилъ гигантское зданіе «Herald'а», вполнѣ сродное по духу американской націи, которая, какъ вы знаете, также за респектабельностью не особенно гонится. Грили же задумалъ такъ вести свою «Tribune», чтобъ газета эта служила руководительницею общественнаго мнѣнія, возвышала духъ народный. Грили былъ геніальный теоретикъ, у него была масса не только почитателей, но самыхъ преданныхъ поклонниковъ—въ особенности въ средѣ фермеровъ, готовыхъ идти по слову Грили положительно на все; но умеръ Грили, исчезло его личное обаяніе—и «Tribune» разомъ лишилась вліянія и читателей. Беннетъ же отецъ, какъ геніальный практикъ, оставившій свою газету на точномъ знаніи постоянныхъ народныхъ требованій и вкусовъ—построилъ зданіе свое на скалѣ, съ которой ничто его не снесетъ, пока не измѣнится самый духъ американской публики, всѣ колебанія котораго такъ неизмѣнно отражаются на ея представительницѣ, газетѣ «New York Herald»...

Чтобъ не возвращаться болѣе къ газетѣ, поставленной на такую высоту блестящимъ теоретикомъ филантропомъ Орасомъ Грили, замѣчу, что она существуетъ и по настоящее время, хотя не имѣетъ и сотой доли своего прежняго обаянія и насчитываетъ всего 30,000 подписчиковъ. Во времена же своего геніальнаго основателя, «New York Tribune» была чрезвычайно выгоднымъ предпріятіемъ. Грили, подъ вліяніемъ своихъ благотворительныхъ и другихъ «идей», пришелъ къ тому заключенію, что газета можетъ быть вполнѣ совершенна лишь тогда, когда каждый изъ ея сотрудниковъ полагаетъ на нее лучшія свои силы. Работаетъ же, какъ извѣстно, каждый человѣкъ наилучшимъ образомъ самъ на себя. Потому Грили рѣшилъ сдѣлать всѣхъ своихъ сотрудниковъ—собственниками газеты; онъ раздѣлилъ свою газету «New York Tribune» на 100 паевъ, каждый изъ которыхъ былъ номинальной стоимостью въ 1000 долларовъ, оставилъ за собою всего десять паевъ и раздѣлилъ остальные паи между редакторами разныхъ отдѣловъ своей газеты. Было время—при жизни Грили, когда эти паи продавались по 6,500 и даже 10,000 долларовъ каждый; теперь же они едва-ли стоятъ болѣе 500 долларовъ. Той же системы паевыхъ держатся нѣкоторыя другія газеты.

Беннетъ-сынъ унаслѣдовалъ дѣловые инстинкты и предпріимчивость отца, хотя и не заслужилъ того же уваженія отъ своихъ

---

[1]) „Я не стану держаться респектабельности"...

сограждан̾ъ и отнюдь не пользуется любовью своихъ сотрудниковъ и рабочихъ по газетѣ. «I have no editors, no associates—I have only employés», надменно заявляетъ Беннетъ-сынъ, и тѣмъ навсегда опредѣлилъ свою точку зрѣнія на этотъ предметъ. Беннетъ-отецъ въ совершенствѣ владѣлъ даромъ распознавать таланты людей и пользоваться ими, не скупясь на одобреніе и вознагражденія, не слушая никакихъ навѣтовъ. Кругозоръ же Беннета-сына исключительно сводится на то, чтобъ удивить міръ какимъ-нибудь неслыханнымъ предпріятіемъ, бросить сотни тысячъ долларовъ съ тѣмъ, чтобъ прогремѣть на весь свѣтъ, предоставляя себѣ затѣмъ право экономничать на грошахъ, выталкивая нищими на улицу людей, состарившихся на его службѣ, и урѣзывая гонораръ тѣхъ самыхъ корреспондентовъ, которые губили свое здоровье, рисковали жизнью, поражали весь міръ своею храбростью и выносливостью въ дѣлѣ исполненія почти нечеловѣческихъ задачъ, возлагаемыхъ на нихъ славолюбивымъ Беннетомъ, никогда не устающимъ снаряжать разныя рискованныя экспедиціи—то въ центральную Африку, то въ пустынныя страны Азіи, то къ сѣверному полюсу и въ другія болѣе или менѣе недоступныя мѣста. Справедливость требуетъ, однако же, замѣтить, что мистеръ Беннетъ не менѣе щедръ и въ дѣлахъ простой благотворительности. Такъ, напр., во время страшнаго голода въ Ирландіи, въ 1879 году, Беннетъ отъ себя пожертвовалъ сто тысячъ долларовъ въ пользу голодающихъ ирландцевъ. Въ то время, впрочемъ, говорили, что Беннетъ бросилъ эти 100,000 долларовъ для рекламы своей газетѣ и самому себѣ. Когда при «Herald» открылось общество взаимнаго вспомоществованія рабочихъ при этой газетѣ, то Беннетъ пожертвовалъ десять тысячъ долларовъ на этотъ фондъ. При каждомъ случаѣ крупныхъ несчастій «Herald» открываетъ при своей редакціи подписки на сборъ денегъ, самъ показывая примѣръ своимъ, болѣе или менѣе крупнымъ пожертвованіемъ. Не далѣе, какъ въ февралѣ настоящаго года, «Herald» открылъ подписку въ пользу пострадавшихъ отъ безпримѣрнаго разлива рѣки Орайо, причемъ Беннетъ пожертвовалъ 5,000 долларовъ; на затопленныя мѣста были отправлены способные корреспонденты, которые присылали оттуда раздирающія описанія бѣдствія; «Herald» такъ и сыпалъ передовыми статьями, увѣщевая публику спѣшить пожертвованіями; имена всѣхъ жертвователей отъ доллара и болѣе аккуратно печатались въ «New York Herald», и чрезъ двѣ недѣли по открытіи подписки, стараніями этой газеты собрано было 35,000 долларовъ.

Чтò бы теперь, однако, ни сдѣлалъ, чтò бы ни предпринялъ

Беннетъ-сынъ, газета его поставлена его отцомъ на такихъ твердыхъ основаніяхъ, что престижа ея уже ничто не способно поколебать. «Вы хоть пополамъ перерѣжьте «Herald»—хоть вверхъ дномъ все зданіе поставьте—онъ все же будетъ выходить своимъ чередомъ»,—говорилъ мнѣ какъ-то одинъ изъ его редакторовъ. И это вполнѣ справедливо. «Herald» идетъ, какъ разъ навсегда заведенная машина, не смотря на то, что Беннетъ, передъ которымъ закрыты двери всѣхъ лучшихъ нью-іоркскихъ семей, живетъ постоянно въ Европѣ, откуда и передаетъ телеграфомъ свои инструкціи въ здѣшнюю редакцію. Личное самодурство и припадки экономіи Беннета отнюдь не затрогиваютъ, однако же, тѣхъ основаній, положенныхъ въ газету отцомъ его, на которыхъ зиждется довѣріе общества къ «Herald»'у. «Herald»—одна изъ весьма немногихъ американскихъ газетъ, которыя употребляютъ спеціалистовъ для составленія передовыхъ статей: вопросы санитарные и медицинскіе обсуждаются въ «Herald»'ѣ, докторомъ Хосмеромъ, знатокомъ дѣла, давно уже состоящимъ на службѣ газеты; бури, метеорологическія явленія объясняются въ ней однимъ почтеннымъ филадельфійскимъ ученымъ; одинъ и тотъ же спеціалистъ чуть ли не тридцать лѣтъ ведетъ хронику живописи и искусствъ и т. д. Морскія извѣстія, атмосферическія знаменія и прочія спеціальные вопросы трактуются въ газетѣ съ большимъ знаніемъ дѣла. «Herald» притомъ добился почти невозможнаго: заставилъ своихъ спеціалистовъ и ученыхъ писать легкимъ, живымъ языкомъ, поучающимъ публику самимъ для нея незамѣтнымъ и пріятнымъ образомъ. Но что касается до обсужденія политики внутренней и внѣшней—«Herald» предоставилъ себѣ широкую свободу, опровергая сегодня то, чтó доказывалъ вчера, ни мало тѣмъ не смущаясь и въ этомъ, впрочемъ, оставаясь вѣрнымъ своему прототипу, американской публикѣ. Предпріимчивость «Herald»'а опять-таки часто заходитъ далѣе условныхъ границъ. Не говоря уже о настойчивости его репортеровъ, не останавливающихся ни передъ чѣмъ, мнѣ достовѣрно извѣстно, что года два тому назадъ случился слѣдующій въ «Herald»'ѣ казусъ. Ожидались важныя извѣстія по кабелю изъ одной европейской столицы по поводу давно ожидаемаго событія. Наступила полночь—телеграммы все нѣтъ, какъ нѣтъ. Появиться «Herald»'у безъ извѣстій объ этомъ предметѣ—считалось постыднымъ. Что же было сдѣлано? Въ самой редакціи сочинена была телеграмма объ интересномъ событіи длиною въ полтора столбца—и появилась на слѣдующій день въ газетѣ, какъ свѣжее сообщеніе отъ европейскаго корреспондента. Успѣхъ былъ полный; но Беннетъ,

узнавъ о такомъ подвигѣ своихъ «employés» — вознегодовалъ. Подобныя продѣлки, однако, говорятъ, случались и прежде. То же, какъ увѣряютъ на сторонѣ, повторилось и этой зимою, когда извѣстіе о смерти Гамбетты появилось здѣсь въ одномъ лишь «Herald»—прежде даже чѣмъ слухъ о томъ проникъ въ европейскую печать...

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Несходство американской ежедневной печати съ газетами Англіи.—Американское воззрѣніе на задачи печати.—Какъ возникаютъ и преуспѣваютъ газеты въ «глуши».—Жизненность американскихъ газетъ. — Ихъ содержаніе.— Способы воздѣйствія на читателей.—Почему газеты такъ популярны.—Газеты, какъ арена всеобщаго обмѣна мыслей.

— Американская печать отнюдь никогда не стѣсняетъ себя никакими убѣжденіями, ни принципами,—презрительно замѣтилъ одинъ мой спутникъ англичанинъ, направлявшійся къ Нью-Іорку послѣ двухмѣсячнаго осмотра страны.

— Нѣтъ, сэръ, вы говорите подъ вліяніемъ традиціоннаго предубѣжденія англичанъ: вы ничего никогда не хотите видѣть хорошаго въ Соединенныхъ Штатахъ,—прервалъ моего собесѣдника сидѣвшій тутъ же юркій джентльменъ изъ Бостона, только-что покончившій разспрашивать другого англичанина о томъ, какъ ему нравится Америка.—Если желаете знать правду, такъ я вамъ прямо скажу: вы, европейцы, не цѣните величія нашей націи и нашей печати именно потому, что не довоспитались до ея высоты... Да, сэръ: не до-вос-питались!—горячился янки, все болѣе и болѣе волнуясь подъ стеклявнымъ взглядомъ англичанина, который, весь вдругъ подеревенѣвъ, смотрѣлъ въ сущности даже не на американца, а какъ-то черезъ него въ пространство, какъ будто на мѣстѣ янки былъ паръ или дымъ сигарный.

Какъ ни парадоксально это можетъ показаться, а обѣ стороны были на этотъ разъ правы.

Если глядѣть на американскую печать глазами англичанъ, привыкшихъ къ докторальному лондонскому «Times», къ непогрѣшимому почти «Daily-News», то дѣйствительно нельзя не шокироваться распущенностью большинства здѣшнихъ газетъ, поверхностностью ихъ сужденій и опрометчивостью ихъ выводовъ. Но для полноты сужденія объ этомъ предметѣ не мѣшаетъ стать и на мѣсто американца, внезапно перенесеннаго въ Лондонъ: огромные листы тяжеловѣсныхъ диссертацій, разбитыхъ на газетныя

статьи, наводить на него первиую зѣвоту: онъ ищетъ новостей и находитъ только сухой перечень событій; перевертываетъ газету въ тщетныхъ поискахъ сплетенъ, пикантно разсказанныхъ скандаловъ, и не находитъ рѣшительно ничего, способнаго разсѣять зачатки сплина, навѣяннаго на него британскими туманами.

Дѣло же, въ сущности, не въ томъ, какая печать—американская или европейская—лучше ведется, а въ томъ, насколько та и другая доставляетъ того, что отъ нея требуется.

Американскіе журналисты выработали свой оригинальный кодексъ правилъ, отступать отъ котораго имъ уже нельзя подъ страхомъ неминуемаго банкротства. Газета, съ американской точки зрѣнія, должна, буквально, быть листкомъ всѣхъ послѣднихъ, самыхъ свѣжихъ новостей. Новость же здѣсь состоитъ не въ томъ, о чемъ говоритъ уже городъ, а въ томъ, что происходило на мѣстѣ, въ провинціи, въ Старомъ или Новомъ свѣтѣ, въ теченіе предъидущаго дня и не сдѣлалось еще достояніемъ публики. Комментаріи къ новостямъ дѣлаются редакціей уже отъ того дня, въ который газета появляется. Такъ что, воскресный утренній листокъ, напримѣръ, упоминая объ убійствѣ или другомъ происшествіи, совершившемся въ субботу, говоритъ, что *вчера*, въ субботу, при такихъ-то обстоятельствахъ, случилось то-то и то-то. Описывается при этомъ данное происшествіе такимъ живымъ языкомъ, съ такою графическою ясностью, что читатель, самъ того не замѣчая, всецѣло переносится мыслью на описываемое мѣсто дѣйствія.

Одна изъ первѣйшихъ аксіомъ американской журналистики состоитъ въ томъ, чтобъ ни въ какомъ случаѣ не помѣщать ничего тяжеловѣснаго, скучнаго. Самые сухіе предметы, какъ напримѣръ морскія наблюденія, биржевая хроника—и тѣ обсуждаются такимъ живымъ, игривымъ, можно сказать, языкомъ, что даже не смысля ничего въ этомъ предметѣ, можно заинтересоваться статьей и вынести изъ нея нѣсколько свѣжихъ идей. Другой тезисъ условнаго катехизиса здѣшней журналистики состоитъ въ томъ, чтобъ не вдаваться въ длинноты и спеціализированье, всегда имѣя въ виду сбереженіе времени, драгоцѣннаго всякому привычному читателю газетъ. Вслѣдствіе того редакціи весьма неохотно—и то въ исключительныхъ случаяхъ,—прибѣгаютъ къ сотрудничеству общепризнанныхъ авторитетовъ по интересующимъ публику вопросамъ.

Эта особенность американскихъ редакцій долго оставалась для меня загадкою, пока не случилось мнѣ упомянуть о томъ въ разговорѣ съ однимъ изъ редакторовъ большой нью-іоркской

газеты. «Мы бы и рады пользоваться разъясненіями ученых джентльменовъ,—сказалъ при этомъ мой собесѣдникъ:—но чтó же прикажете намъ дѣлать со статьями, растянутыми на нѣсколько столбцовъ, которыя неизмѣнно заканчиваются заявленіемъ того, что автору *кажется, что онъ исчерпалъ* данный вопросъ вполнѣ? Ученые господа въ толкъ взять не хотятъ, что публикѣ нѣтъ времени *исчерпывать* предметы; къ тому же они считаютъ дерзостью малѣйшее наше поползновеніе на сжатіе ихъ сообщеній. Нѣтъ, мы лучше обходимся своими силами, безъ ихъ содѣйствія»...

Въ Америкѣ газета является торговымъ предпріятіемъ по преимуществу. Существуютъ, конечно исключенія, въ видѣ органовъ партій и отдѣльныхъ лицъ, но они отнюдь не претендуютъ на форму перворазрядныхъ газетъ. Первою же задачей торговаго предпріятія, разсчитаннаго на успѣхъ—является стремленіе угадать, въ какую сторону склоняется общественный вкусъ, заготовить товары, на которые предвидится наибольшій спросъ, и группировать ихъ въ самую привлекательную форму и притомъ такъ, чтобы глазъ покупщика, не тратя лишняго времени, сразу останавливался на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ привыкъ находить то, чтò ему требуется.

Американская журналистика никогда не упускаетъ изъ вида того, что читатель ищетъ въ газетѣ свѣдѣній, на основаніи которыхъ могъ бы выводить свои собственныя заключенія—а отнюдь не проповѣдей на ту или другую тему. Свѣдѣнія, конечно, въ разныхъ мѣстностяхъ требуются разныя. Къ этому здѣсь журналисты и приноравливаются. Возьмемъ, для примѣра самый первообразный видъ американской газеты, издающейся въ городкѣ съ какими-нибудь десятью тысячами жителей. Въ такихъ закоулкахъ торговля рѣдко идетъ шибко; всякій занятъ своимъ дѣломъ, живя изо дня въ день, тревожась колебаніями на промышленныхъ рынкахъ лишь въ періодичные сроки сбыта своего или закупки чужого товара. Но какъ бы глухо ни было мѣстечко, какая бы сонливость ни охватывала жителей, въ одномъ, по крайней мѣрѣ, отношеніи ихъ любознательность никогда не утрачиваетъ своей интенсивности—именно, по отношенію къ дѣламъ своихъ сосѣдей. И вотъ, въ такомъ отрѣзанномъ отъ свѣта уголкѣ возникаетъ газета. Первый номеръ, конечно, разсылается, въ видѣ объявленія, безплатно. Обыватели, не привыкшіе находить чего-либо особенно занимательнаго въ газетахъ, приходившихъ къ нимъ изъ другихъ городовъ, весьма скептично раскрываютъ новый листокъ, зная напередъ, что мало надежды напасть въ ней на излюбленную тему раздирающихъ трагедій,

убійствъ и грабежей, которыхъ въ ихъ благословенномъ уголкѣ не бываетъ. И что же? Не успѣваетъ лѣнивый на чтеніе мистеръ Браунъ открыть газету, какъ сразу нападаетъ на интересное извѣстіе о томъ, что ближайшій его сосѣдъ и злѣйшій недругъ—мистеръ Смизсъ получилъ отъ тестя изъ Чикаго патентованный капканъ! Читаетъ мистеръ Браунъ—и глазамъ своимъ не вѣритъ, газета вываливается изъ его рукъ: въ его умѣ все время вертится неотвязный вопросъ: «къ чему мистеру Смизсу капканъ?» И вотъ, у ошеломленнаго Брауна являются смутныя воспоминанія о томъ, какъ часто злодѣй Смизсъ угрожалъ ему отплатить за потраву его полей брауновской коровой, какъ онъ готовъ бы пристрѣлить брауновскихъ свиней на своемъ огородѣ; какъ... Да, Смизсу на то именно потребовался капканъ, чтобъ изкалѣчить его, Брауна, корову и свиней... Это такъ—нѣтъ сомнѣнія!.. Тяжеловѣсный Браунъ бросается искать чернильницу, и немедля самому выписать изъ Чикаго такой же точно капканъ... Но долгіе и тщетные поиски за письменными принадлежностями значительно сбавляютъ энергіи; на писанье письма съ заказомъ капкана силъ уже не хватаетъ, и Браунъ, ища наиболѣе удобный субститутъ, идетъ и покупаетъ себѣ револьверъ.— Миссисъ Браунъ, съ своей стороны пробѣгая газету, узнаетъ изъ новаго листка, что отелилась корова, давно не дававшая молока, и къ тому же падшая на ноги, которую она продала прошлою зимою глупенькой молодой женѣ Мэсона за пустячную цѣну, радуясь, что и то взяла. «Одинъ телокъ,—думается, погруженной въ мрачное созерцаніе леди,—теперь можно будетъ продать дороже, чѣмъ стоила вся корова»... Далѣе изъ газеты она узнаетъ, что къ теткѣ Роджерса пріѣхала изъ Нью-Іорка свекровь, и привезла послѣднія французскія моды, и т. д. Что же оказывается въ результатѣ появленія мѣстной газеты? А ни болѣе, ни менѣе, какъ внезапное пробужденіе обывателей отъ одолѣвшей ихъ умственной летаргіи, усиленіе городского движенія, лишніе сборы по рельсовымъ городскимъ дорогамъ, оживленіе торговли, обмѣнъ мыслей, поощреніе печатнаго слова и проч. и проч. Если что можетъ соперничать интересомъ со свѣдѣніями о сосѣдяхъ, такъ это чарующій видъ своего собственнаго имени, красующагося въ печати. И вотъ Роджерсы, прочтя въ слѣдующемъ номерѣ газеты подробное описаніе какого-нибудь пріема туалетовъ леди и проч., разомъ заявляютъ, что газета эта чрезвычайно добросовѣстна, и немедля посылаютъ въ ея контору подписную сумму за цѣлый годъ впередъ. А Смизса, точно по сердцу масломъ помазали, когда указали ему, что его имя выведено «en toutes let-

tres» въ новой газетѣ; онъ сразу соображаетъ, что всѣ теперь, конечно, знаютъ, что ему банкротства нечего бояться, разъ богатый тесть печется о немъ, высылая ему капканы изъ Чикаго!

И вотъ съ двухъ-трехъ дней газета пошла въ ходъ. Нѣтъ того бѣдняка, который бы затѣмъ не бросилъ въ день два цента на ея покупку. Издатель газеты ликуетъ и богатѣетъ, такъ какъ для собранія самыхъ свѣжихъ извѣстій о капканахъ и пріѣзжихъ лэди особенно дорогого штата репортеровъ не требуется.

Понятно, что подобнымъ примитивнымъ листкамъ такъ же далеко до большихъ столичныхъ газетъ, какъ бѣдняку до милліонера. Но въ сущности говоря, методы тѣхъ и другихъ весьма тождественны въ принципѣ, хотя и возведены въ большихъ центрахъ до гигантскихъ размѣровъ. Большія американскія газеты—какъ напримѣръ «New-York Tribune», «Sun» или «Herald»—такъ интересны, что ихъ можно съ интересомъ и не безъ пользы прочитывать съ начала до конца, въ особенности иностранцу, изучающему мѣстные обычаи и нравы. Пропуская многочисленные столбцы съ описаніями потрясающихъ событій и мѣстныхъ сплетенъ, я все-таки нахожу столько интереснаго въ каждой попадающейся мнѣ большой газетѣ, что должна иногда прибѣгать къ усилію надъ собою, чтобы оторваться отъ ихъ чтенія въ виду неотложности другихъ занятій. То же признаніе случалось мнѣ слышать и отъ людей, далеко не преклоняющихся передъ здѣшнею печатью съ тою только разницею, что иные изъ этихъ читателей добавляли, что они бываютъ временами «прикованы къ газетѣ, чувствуя себя положительно ошеломленными такою живой картиной бездны людской испорченности!»...

Въ чемъ же, спрашивается, кроется это обаяніе перворазрядной американской газеты? На мой взглядъ — не въ чемъ другомъ какъ въ ея жизненности. Читая нью-іоркскую газету, будто чувствуешь біеніе пульса этого громаднаго торговаго, общественнаго центра; какъ въ калейдоскопѣ, проносятся передъ глазами интересы, страданія, гнусности, испорченность, величіе и мелочность всѣхъ тѣхъ атомовъ, изъ которыхъ составляется жизнь не только 1.200,000 человѣкъ мѣстныхъ обывателей, но населенія всего земного шара. Исчерпать содержаніе хотя одной большой здѣшней газеты за одинъ день было бы такъ же трудно, какъ привести въ журнальной статьѣ полный реестръ содержанія такихъ гигантскихъ караванъ-сараевъ, какъ, напр., парижскій «Louvre» или «Au Bon Marché». приковывающіе къ себѣ взоры сотенъ тысячъ посѣтителей.

Почетное мѣсто, конечно, отводится газетами самому блестя-

щему товару, специальнымъ телеграфнымъ письмамъ изъ Европы. Чего только тутъ не найдешь: пренія въ парламентахъ, послѣднія лондонскія клубныя сплетни, послѣднее bon-mot такого-то общественнаго дѣятеля, послѣдній скандалъ изъ европейскаго «high-life», сообщеніе о здоровьѣ знаменитыхъ лошадей, дрессируемыхъ къ весеннимъ скачкамъ, ссоры именитыхъ жокеевъ съ своими хозяевами, содержаніе новой пьесы, изготовленной для парижской сцены, послѣдняя нигилистическая сенсація, сокровенные замыслы Бисмарка, перехваченный у Ворта реестръ туалетовъ, сшитыхъ для той или другой актрисы, послѣднее flirtation европейскаго принца, семейный скандалъ того или другого высокопоставленнаго лица, обѣденные спичи, политическія соображенія корреспондентовъ и проч. Каждое телеграфное сообщеніе о назначеніи или перемѣщеніи общественныхъ дѣятелей въ той или другой странѣ почти неизмѣнно сопровождается въ «New-York Herald'»ѣ краткимъ или пространнымъ поясненіемъ насчетъ предшествовавшей дѣятельности этихъ лицъ, ихъ политическихъ тенденціяхъ и личныхъ вкусахъ и привычкахъ; передается ли по телеграфу извѣстіе о большомъ пожарѣ или наводненіи—оно приправляется, отъ лица редакціи, возможно подробнымъ описаніемъ даннаго пункта или дѣйствія; приходитъ ли сообщеніе о новомъ законопроектѣ въ одной изъ европейскихъ странъ—тутъ же слѣдуетъ мелкимъ шрифтомъ очеркъ значенія предстоящей мѣры, съ обозначеніемъ шансовъ на ея удачу или фіаско; говорится ли о вердиктѣ по интересному процессу—неизмѣнно затѣмъ приводится и біографическій очеркъ преступника, списокъ его преступленій и проч. При такой системѣ комментаріевъ къ телеграфнымъ сообщеніямъ мало, конечно, остается матеріала для составителей передовыхъ статей, которыя, надо сказать, отнюдь не считаются важнымъ отдѣломъ въ придерживающихся метода «Herald'»а газетахъ. По убѣжденію американскихъ журналистовъ, передовая статья должна быть кратка, рѣзка и остроумна. Не рѣдкость встрѣтить передовую статью, состоящую изъ одной мѣткой, колкой фразы или дерзкаго вопроса по отношенію къ тому или другому общественному дѣятелю; подобные параграфы,—иначе ихъ и назвать нельзя,—являющіеся подъ громогласнымъ заголовкомъ, нерѣдко въ конецъ, моментально разрушаютъ хитро задуманное дѣло или разомъ свергаютъ съ пьедестала того или другого общественнаго дѣятеля. Параграфъ состоитъ изъ одной меткой фразы, разсчитанной именно на то, чтобъ врѣзаться, какъ остроумная выходка, въ умѣ читателя и пойти затѣмъ гулять по городу, передаваясь отъ одного другому

и подкапываясь подъ годами составленные планы и репутаціи. Въ «New York Herald», напр., отводится около четырехъ столбцовъ подъ передовыя статьи, которыхъ никогда не бываетъ меньше семи-восьми, а иногда мнѣ случалось ихъ насчитывать до 22-хъ. Въ нѣкоторыхъ большихъ газетахъ, какъ, напр., въ «New York Times», предпослѣдняя передовая статья неизмѣнно является юмористической и почти всегда весьма остроумной выходкой. При каждой газетѣ состоитъ спеціалистъ-шутникъ, такъ называемый the funny man, которому въ Европѣ мѣсто было бы развѣ въ «Charivari» или «Kladderadatsch». Эти присяжные комики, однако, затериваются въ толпѣ прочихъ газетныхъ сотрудниковъ, отъ которыхъ ихъ порою и не отличишь. Коренная американская печать такъ искрится неистощимымъ остроуміемъ, что за нею не остается и мѣста для спеціально-юмористическихъ журналовъ, напр., какъ англійскій «Punch», и это фактъ, что подобныя газеты положительно затираются въ нѣсколько недѣль и приходятъ къ неизмѣнному банкротству, такъ какъ нѣтъ той дневной газеты, которая не промышляла бы каламбурами, не прибѣгала бы къ пріемамъ «Charivari».

Нѣкоторыя газеты, не извѣрившіяся еще въ возможность руководить общественнымъ мнѣніемъ—какъ, напр., «New-York Sun» и «Tribune», имѣютъ всегда одну-другую серьёзную статью. «Herald» же, хотя и помѣщаетъ иногда таковыя, но ко всему примѣняя свои своеобразные методы, изобрѣлъ совершенно новый способъ вліять на читателей. Въ экстренныхъ случаяхъ, какъ, напр., когда эта газета желаетъ избранія того или другого кандидата, она появляется въ теченіе двухъ-трехъ дней вся въ заплатахъ: между передовыми статьями, между общеинтересными сообщеніями, телеграммами и прочимъ ортодоксальнымъ содержаніемъ газеты, вставляются курсивомъ параграфы въ три-четыре строки, на всѣ лады долбящіе одну и ту же мысль: «если хотите засвидѣтельствовать о вашемъ умѣ — подавайте вашъ голосъ за такого-то кандидата»... То же дѣлается газетой, когда ей желательно въ конецъ смѣшать съ грязью какого-нибудь противника или общественнаго дѣятеля: какъ-то разъ, помнится, безчисленное множество заплатъ въ «Herald» заявили, что демократическій боссъ, Кэлли,—невѣжда, негодяй и грубіянъ. Къ тому же пріему прибѣгаетъ «Herald» и для самозащиты. Такъ, напримѣръ, въ 1881 году тотъ же Кэлли вздумалъ напечатать въ одной изъ газетъ весьма грубую, но довольно вѣрную характеристику собственника «Herald'»а, Беннета, въ которой яркими красками изображалось самодурство этого господина и порока

его, закрывшіе ему двери въ нью-іоркское общество. Что же дѣлаетъ «Herald»? На слѣдующій затѣмъ день онъ перепечаталъ весь приведенный Кэлли реестръ грѣховъ Беннета; выбралъ всѣ наиболѣе скандальныя мѣста изъ статьи и помѣстилъ ихъ у себя курсивомъ въ видѣ свыше тридцати параграфовъ, которыми Кэлли вздумалъ оповѣстить свѣтъ, что Беннетъ—пьяница и негодяй. Рискованный этотъ пріемъ достигъ, однако же, своего: читатели Нью-Іорка—да и весь Союзъ—издѣвались уже не надъ Беннетомъ, а надъ Кэлли, который не нашелъ ничего остроумнѣе, какъ отвѣчать на изобличенія «Herald'»а ругательною статьею по отношенію къ ея собственнику. Надо отмѣтить, впрочемъ, что щеголяетъ въ такихъ заплатахъ «Herald» весьма рѣдко; за два съ лишнимъ года постояннаго чтенія этой газеты я видѣла ее въ этомъ нарядѣ всего пять-шесть разъ. Никакая другая изъ столичныхъ газетъ не слѣдуетъ этой системѣ; но въ западныхъ штатахъ, заплаты «Herald» находятъ много подражателей.

Когда здѣшнія газеты послѣдовательно принимаются прививать читателю какую идею, онѣ опять не полагаютъ надеждъ на пространныя передовыя статьи, а изо-дня въ день твердятъ на всѣ лады одно и то же, сыплютъ краткими передовыми статьями и шагъ за шагомъ идутъ впередъ, дѣйствуя то убѣжденіемъ, то статистическими данными, то шуткою, то насмѣшкою — ни на одинъ день не покладывая оружія. Читатель въ началѣ пробѣгаетъ такія статьи вполнѣ безучастно, затѣмъ онѣ начинаютъ ему надоѣдать; онъ ворчитъ, что за его же деньги ему неустанно твердятъ то, что ему кажется вздоромъ, затѣмъ онъ начинаетъ досадовать и въ сердцахъ, день за днемъ пропускаетъ статью съ пріѣвшимися доводами; мало-по-малу, привыкнувъ аккуратно пропускать каждый день такую статью, читатель видитъ, что гнѣвъ его тратится даромъ: тѣ же досадныя статьи предъявляются ему въ газетномъ «menu» изодня въ день; эта настойчивость затрогиваетъ, наконецъ, его любопытство и онъ начинаетъ вчитываться въ противныя ему прежде статьи — хотя бы ради того, чтобъ постигнуть, какимъ образомъ можно разнообразить данную нелѣпость такъ, чтобы каждый день представлять ее подъ новымъ соусомъ. Кончается тѣмъ, конечно, что читая постоянно статьи въ томъ же духѣ, читатель, незамѣтно для себя самого, начинаетъ проникаться ихъ вліяніемъ, выдавать навѣянныя на него газетой идеи за свои и дѣйствовать именно въ томъ духѣ, который газетою проводится. «Капля капая по каплѣ—камень протачиваетъ», и никому, кажется, эта истина не извѣстна такъ хорошо, какъ американскимъ журнальнаго дѣла мастерамъ.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда данною газетою поднимается полемика съ другими органами печати по какому-либо вопросу, или принимается она изобличать какое вопіющее зло, то, кромѣ собственныхъ статей, газета ежедневно отводитъ столбецъ другой мелкой печати подъ мнѣнія, появляющіяся въ сочувственныхъ ей листкахъ, по тому же предмету, приводя доводы противниковъ лишь тогда, когда у нея есть вѣское на нихъ опроверженіе; результатъ оказывается тотъ, что заурядный читатель, не на столь заинтересованный вопросомъ, чтобы провѣрять сообщаемыя ему свѣдѣнія по этому предмету просмотромъ газетъ противнаго лагеря, видитъ передъ собой ежедневно рядъ сочувственныхъ извлеченій изъ газетъ самыхъ разнообразныхъ оттѣнковъ и кончаетъ тѣмъ, что самъ проникается тѣмъ же, что̀ его газета настойчиво твердитъ.

Таковы пріемы здѣшнихъ газетъ для того, чтобы вводить въ умъ читателя такой матеріалъ, за которымъ онъ самъ не гонится. За то онѣ въ избыткѣ вознаграждаютъ его по остальнымъ отдѣламъ газеты. Онъ имѣетъ передъ собою подробныя телеграфныя сообщенія обо всемъ, что̀ происходило наканунѣ особеннаго или замѣчательнаго во всѣхъ концахъ и закоулкахъ Союза; эти мѣстныя депеши до того многочисленны, что имъ отводится третьестепенное мѣсто, гдѣ, въ видахъ сбереженія пространства, онѣ печатаются самымъ мелкимъ шрифтомъ. Нѣтъ того интереса мельчайшаго изъ читателей, который бы не нашелъ себѣ откликъ въ газетахъ. Торговецъ находитъ въ нихъ ежедневно указанія на ходъ дѣлъ въ другихъ мѣстностяхъ; владѣлецъ желѣзно-дорожныхъ акцій знаетъ, что за интересомъ его зорко слѣдитъ независимая печать, и что она если и не всегда способна бываетъ предохранить его отъ козней желѣзно-дорожныхъ магнатовъ, то онъ во всякомъ случаѣ узнаетъ все, что̀ далось бы ему самому не иначе какъ при неимовѣрныхъ усиліяхъ, способныхъ поглотить весь досугъ частнаго изслѣдователя; экономная хозяйка дома зачастую найдетъ въ газетѣ не только рыночныя цѣны на провизію, но и указанія того, отчего стоятъ такія цѣны и слѣдуетъ ли въ близкомъ будущемъ ожидать ихъ повышенія или пониженія. Рабочіе имѣютъ послѣднія свѣдѣнія о ходѣ стачекъ или закрытіи фабрикъ въ другихъ мѣстахъ; политики изо дня въ день могутъ слѣдить за малѣйшими колебаніями въ политическихъ сферахъ той или другой мѣстности. Дамы «пріятныя во всѣхъ отношеніяхъ» могутъ разсчитывать на то, что въ большой политической газетѣ появится подробная статья о послѣднихъ парижскихъ модахъ; нѣтъ-нѣтъ пошлетъ предпріим-

чивая газета своего репортера по большимъ магазинамъ своего города и дастъ своимъ прекраснымъ читательницамъ подробныя свѣдѣнія о томъ, гдѣ и что можно найти лучшаго по части модныхъ новинокъ. Свѣтскимъ лэди стоитъ лишь пробѣжать за завтракомъ сотню-другую строкъ «Society news», чтобы знать съ точностью, у кого состоялся въ теченіе предъидущаго дня или вечера пріемъ, кто будетъ принимать сегодня, какіе назначены «jours fixes» въ томъ или другомъ домѣ, какой былъ туалетъ у той или другой лэди на вчерашнемъ балу, кто «изъ общества» заболѣлъ, кто собирается жениться или разводиться, кто съ кѣмъ поссорился, кто уѣзжаетъ за-границу и т. д. Обремененные большими семьями при малыхъ средствахъ отцы семействъ знаютъ, что лишь только подойдетъ время ежегодныхъ поисковъ квартиръ или дачъ, знающая свое дѣло газета непремѣнно отрядитъ репортеровъ, которые осмотрятъ всѣ кварталы города, объѣздятъ всѣ окрестности и представятъ читателямъ полный отчетъ о томъ, гдѣ и что можно найти на данныя деньги, хотя бы и самыя малыя. Обдирающія жильцовъ содержательницы «бордингъ-гаузовъ» уповаютъ на то, что газета ихъ извѣститъ о новѣйшемъ изобрѣтеніи, пущенномъ въ ходъ искуснымъ авантюристомъ въ видахъ обмана несчастныхъ «бордингъ-гаузъ лэди», такъ что тому уже нельзя будетъ даромъ пожить или пообѣдать въ другомъ такомъ же пансіонѣ или же найти себѣ успѣшныхъ подражателей. Даже самыя черты лица подобныхъ пройдохъ и ихъ особыя примѣты приведутся услужливой газетой до мелочей. Артисты прямо могутъ обращаться къ тому отдѣлу газеты, гдѣ сообщаются послѣднія свѣдѣнія изъ области искусства, извѣщается о продажахъ цѣнныхъ картинъ и выставкахъ дома и за-границей; любители публичныхъ чтеній заранѣе предупреждаются газетой о томъ, гдѣ и что предстоитъ по этой части въ теченіи предстоящаго дня или вечера. Религіозно-настроенные граждане каждый понедѣльникъ найдутъ въ своей газетѣ полный отчетъ о хорошихъ проповѣдяхъ, сказанныхъ въ десяткахъ церквей; поднимается ли споръ по какому религіозному вопросу — газета предупредительно открываетъ свои столбцы для всѣхъ, имѣющихъ сказать что-нибудь толковое по данному вопросу. Но это уже переноситъ насъ въ другую область газетнаго дѣла, столь важную по своему значенію, что объ ней слѣдуетъ поговорить подробнѣе.

Не далѣе какъ прошлою осенью возникъ въ Нью-Іоркѣ случай, очень рельефно выставившій ту сторону американской печати, которая представляетъ самое тѣсное соединительное звено между ею и

обществомъ. Констатируя обычный фактъ возвращенія дѣтей въ школу послѣ лѣтнихъ вакацій—рѣзвыми, живыми, здоровыми, какая-то газета выразила желаніе, чтобъ дѣти сохранили свои розовыя щеки и блестящіе глазки на весь зимній семестръ, а не блѣднѣли и желтѣли бы къ Рождеству, по примѣру послѣднихъ годовъ. Съ этого и возникла длинная полемика о томъ, насколько настоящая постановка школьнаго дѣла въ Нью-Іоркѣ отвѣчаетъ требованіямъ общества, насколько она оправдывается результатами. Въ теченіе двухъ-трехъ мѣсяцевъ что ни день, то въ «New-York Herald» и другихъ газетахъ помѣщались письма въ редакцію отъ родителей, которые жаловались на то, что здоровье ихъ дѣтей губится честолюбивыми руководителями школьнаго дѣла, которые не задумываются жертвовать интересами тысячъ дѣтей посредственныхъ способностей для того, чтобъ подготовить и довести до коллегіи десятокъ-другой исключительно даровитыхъ воспитанниковъ, способныхъ служить образчикомъ блестящаго положенія школьнаго дѣла въ городѣ. Большинство родителей и газетъ настаивало на томъ, что величіе свободныхъ учрежденій страны зиждется на томъ, чтобъ *всякому* доставлялась возможность пріобрѣсти среднее образованіе, извѣстное количество знанія, пригоднаго для приложенія въ цѣлямъ практическимъ; теперь же дѣтямъ публичныхъ школъ стремятся съ низшихъ классовъ прививать элементарныя правила такихъ наукъ, въ которыхъ большинству не встрѣтится затѣмъ никакой надобности, тѣмъ болѣе, что многіе дѣти бѣдныхъ родителей принуждены бываютъ прекращать посѣщеніе школы задолго до окончанія курса. Къ этому присоединялось множество другихъ жалобъ на школьные порядки; печаталось много писемъ даже отъ самихъ школьныхъ воспитанниковъ и воспитанницъ, имѣющихъ что-либо основательное заявить отъ себя. Съ другой стороны въ отвѣтъ посылались въ газеты письма отъ школьныхъ учителей и учительницъ, то отстаивавшихъ, то изобличавшихъ настоящую школьную систему, причемъ всѣ почти указывали на громадныя затрудненія, съ которыми школѣ приходится бороться теперь, въ виду массы новыхъ открытій и расширенія области знанія, причемъ передъ организаторами школьнаго дѣла лежитъ трудная задача выбирать изъ всего этого то, что̀ наиболѣе полезно знать общеобразованному гражданину и что̀ притомъ можетъ быть основательно изучено въ данное количество времени, отведенное на занятія по этому предмету. Во время этого общественнаго возбужденія по школьному вопросу, газеты посылали репортеровъ къ инспекторамъ школъ, къ членамъ школьныхъ комитетовъ,

разспрашивая о ихъ взглядахъ на дѣло, такъ что съ теченіемъ времени, въ этомъ вопросѣ, казалось, не осталось ни одного пункта не обсужденнымъ,—и когда, вслѣдъ затѣмъ, члены городского комитета по школьнымъ дѣламъ сошлись на совѣщаніе о томъ, видоизмѣнить ли, и въ какомъ духѣ, существующую систему, они не только уже были основательно знакомы со слабыми ея сторонами, но знали также, чтò отъ нихъ требуется родителями, чтò признается за благо общественнымъ мнѣніемъ. Взвѣся всѣ эти данныя, при личной педагогической опытности, этимъ господамъ уже не очень трудно оказалось сдѣлать уступки, гдѣ можно, и удержать прежнее тамъ, гдѣ это имъ представлялось необходимымъ. Было бы излишне распространяться о томъ, сколько пользы приносится всякому дѣлу такимъ всестороннимъ и всеобщимъ обсужденіемъ, и нѣтъ словъ достаточно сильныхъ для восхваленія печати, доставляющей всѣ удобства къ опубликованію во всеобщее свѣдѣніе всевозможныхъ взглядовъ на всякій предметъ.

Отеческія заботы американской печати объ интересахъ публики не ограничиваются этимъ. Читатели считаютъ своимъ правомъ обращаться въ редакцію за совѣтомъ и разъясненіемъ во всевозможныхъ случаяхъ. Весьма часто газеты помѣщаютъ краткія письма, въ которыхъ тотъ или другой гражданинъ проситъ ихъ разрѣшить какой-нибудь споръ, по которому состоялось пари; указать правиленъ или нѣтъ тотъ или другой оборотъ рѣчи; указать, кому принадлежитъ честь какого изобрѣтенія, и т. д. На всѣ эти вопросы редакція даетъ отвѣты. Мало того. Случается весьма часто, что къ газетѣ обращаются за разъясненіемъ какого-нибудь юридическаго вопроса, за совѣтомъ насчетъ того, каковы, при существующихъ законахъ, шансы на благопріятное рѣшеніе того или другого вопроса, могущаго касаться и другихъ гражданъ. Отвѣтъ на подобные краткіе запросы не заставляетъ себя ждать: редакція приглашаетъ юристовъ давать самые точные отвѣты. Эти даровые совѣты сберегаютъ читателямъ не мало денегъ, которыя пришлось бы платить мелкимъ адвокатамъ. Къ редакціи обращаются съ просьбами помощи въ затрудненіяхъ чисто личнаго свойства. Возьму для примѣра одинъ прошлогодній случай. Какая-то изъ газетъ далекаго Запада напечатала статью о томъ, что, дескать, восточные штаты переполнены старыми дѣвами, женщинами, едва зарабатывающими себѣ насущный хлѣбъ на фабрикахъ и по магазинамъ, а на территоріи Айдэхо, въ то же время, множество холостяковъ фермеровъ — молодыхъ и старыхъ — не находятъ себѣ подругъ жизни. Эта тема была мгновенно

поднята восточными газетами: каждая ее обсуждала по своему разумѣнію. Не прошло и нѣсколькихъ дней, какъ въ редакціи стали сотнями приходить письма отъ разныхъ незамужнихъ женщинъ, которыя желали знать, посовѣтуетъ ли имъ редакція разстаться со всѣмъ дорогимъ и близкимъ на мѣстѣ, и затѣмъ пріобрѣсти мужа-фермера въ Айдэхо? Многія выдержки изъ подобныхъ писемъ были помѣщаемы въ свое время газетою «Sun», и ея совѣты, по всей вѣроятности, воздержали многихъ вѣтрениць отъ поѣздки въ Айдэхо. «Sun» съ самаго начала твердила, что фермерамъ на Западѣ требуются отнюдь не слабыя жены, модистки или бѣлоручки, а способныя помощницы по тяжелымъ работамъ на первобытныхъ мѣстахъ и что сами эти холостяки фермеры едва ли способны подойти подъ идеалъ мужа, составленный въ воображеніи дѣвушекъ изъ штатовъ восточныхъ.

Не стѣсняется «Sun» и другія, слѣдующія этой системѣ, газеты довольно рѣзко призывать къ порядку тѣхъ молодыхъ корреспондентовъ, которые, будучи одержимы высокимъ самомнѣніемъ, обращаются къ газетѣ, прося указать имъ способъ сразу проявить свои геніальныя способности, дать имъ средства поступить на хорошую должность и тому подобное.

Къ издателю газеты обращаются иногда прося ссудить денегъ. Въ «pendant» къ подобнымъ требованіямъ денегъ взаймы являются претензіи нѣкоторыхъ дамъ, обращающихся въ редакціи за совѣтомъ—какой имъ заказать себѣ туалетъ для пріема посѣтителей на новый годъ или другой торжественный случай! И что замѣчательнѣе всего, редакціи находятъ время отвѣчать и на это: не далѣе какъ прошлой зимой, помнится, «New York Herald» отвелъ обсужденію этого предмета цѣлую передовую статью, извиняясь тѣмъ, что запросъ засталъ его неподготовленнымъ, такъ какъ редакторы газеты въ дѣлѣ нарядовъ мало свѣдущи, а собирать мнѣнія модистокъ уже оказывалось поздним. Тѣмъ не менѣе, не будучи спеціалистомъ въ дѣлѣ модъ, «Herald» и при этомъ случаѣ подалъ нѣсколько дѣльныхъ совѣтовъ докучающимъ ему корреспонденткамъ.

Серьёзнѣе всѣхъ отзывается на подобные запросы своихъ читателей нью-іоркская газета «Sun». Полемика, поднимающаяся порою на ея столбцахъ по тому или другому житейскому вопросу, достигаетъ изумительныхъ размѣровъ и дѣлается иногда крайне поучительною. Что касается до меня лично, то мнѣ случалось чрезвычайно заинтересовываться подобнымъ дружнымъ, всестороннимъ анализомъ общественныхъ и семейныхъ отношеній, требованій общественной жизни. Однажды, къ «Sun» обратился чи-

татель съ вопросомъ, посовѣтуетъ ли ему «Sun» жениться, имѣя всего тысячу долларовъ въ годъ жалованья. Отвѣтная статья газеты подняла со всѣхъ сторонъ комментаріи, въ которыхъ обсуждалась не только стоимость жизни въ Нью-Іоркѣ, но и современныя требованія городской жизни, результаты воспитанія настоящаго поколѣнія, дѣлающія ихъ неспособными такъ успѣшно бороться съ бѣдностью, какъ это дѣлалось предъидущими поколѣніями, недостатки и достоинства теперешнихъ молодыхъ дѣвушекъ и мужчинъ—однимъ словомъ, глазамъ читателя представлялась довольно полная картина современныхъ общественныхъ нравовъ. Этою зимой поднятъ былъ, между прочимъ, вопросъ о томъ, можетъ ли женатый человѣкъ изъ рабочихъ или клерковъ содержать небольшую хотя семью приличнымъ образомъ въ городѣ на 10 долларовъ въ недѣлю. Обсужденіе этого предмета сопровождалось не только голословными доводами, но подробными реестрами того, что́ закупается на продовольствіе той или другой семьи; приводились цѣны провизіи, давались совѣты, когда и гдѣ что̀ покупать, указывалось даже, какія части говядины даютъ наибольшее количество пищи при наименьшей затратѣ.

Тѣмъ же путемъ производится публичное обсужденіе того, какимъ способомъ клеркамъ, рабочимъ, швеямъ, поденщицамъ и прочему бѣдному люду улучшить свое положеніе, добиться разумныхъ уступокъ со стороны хозяевъ.

Дѣлается ли какое новое открытіе въ области науки, возникаетъ ли въ клерикальныхъ кружкахъ полемика по отношенію къ какому религіозному вопросу, или по какому другому интересному предмету,—газета неизмѣнно посылаетъ лучшихъ своихъ репортеровъ къ заинтересованнымъ въ преніяхъ сторонамъ, выпытываетъ взгляды всѣхъ, мнѣніе кого интересно, взвѣшиваетъ данныя, сопоставляетъ факты и доставляетъ читателямъ всѣ последнія свѣдѣнія по данному вопросу, — будетъ ли то прохожденіе Венеры между землею и солнцемъ, или споръ о способѣ написанія книгъ Ветхаго Завѣта; газета даетъ свѣдѣнія, не вдаваясь въ ученыя диссертаціи, простымъ общепонятнымъ, безъискусственнымъ языкомъ.

Такимъ образомъ, газета по истинѣ является ареною взаимнаго обмѣна мыслей, взаимнаго поученія и просвѣщенія, однимъ словомъ—это та же школа, только школа житейскаго опыта, школа для взрослыхъ, отвѣтственныхъ людей.

Газеты читаются народомъ по преимуществу, слѣдовательно, по необходимости, должны имѣть косвенное воспитательное значеніе. При полной свободѣ печати значеніе это существенно уси-

ливается еще и тѣмъ, что отражаетъ на себѣ, какъ мы видѣли выше, стремленія народныя, его интересы на данное время—порою даже идеалы его, и потому является вѣрнымъ отраженіемъ народной жизни—со всѣми ея достоинствами и недостатками. Тотъ писатель, кому удастся вѣрно и полно схватить и передать геній американской печати, тѣмъ самымъ заявитъ себя талантливымъ историкомъ развитія американской цивилизаціи. Но даже и для того, чтобы сколько-нибудь основательно узнать американскую націю, необходимо познакомиться съ ея газетами.

Много толкуется здѣсь о губительномъ вліяніи газетъ на читателей: на это, правда, есть нѣкоторыя основанія, но вообще это составляетъ вопросъ весьма спорный. Печать здѣшняя, конечно, далеко не безукоризненна, но, по нашему отечественному выраженію—чрезвычайно мѣткому, хотя и не особенно изысканному—«нечего пенять на зеркало, когда рожа крива». Напрасно стараются навязать здѣшней печати отвѣтственность за то, на что она отнюдь и не претендуетъ. Издатели газетъ ни на минуту не упускаютъ изъ вида то, что ими ведется предпріятіе дѣловое, а не воспитательное; порочности и продажности они не проповѣдуютъ, не стараются и развращать читателей, а просто даютъ новости, ведутъ хронику общественной жизни, и если матеріалъ непригляденъ, то нельзя винить въ этомъ однѣ газеты—онѣ его не выдумываютъ, а даютъ читателю то, что имѣется и на что предъявляется спросъ. Обвинять свободную печать цѣлой страны въ предумышленной порочности по меньшей мѣрѣ такъ же нелѣпо, какъ клеймить такимъ же именемъ ту или другую націю.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Непригдядныя стороны американской печати.—Выгоды и невыгоды системы «допросовъ».—Журналистика притягиваетъ къ себѣ лучшія силы страны.—Молодежь, попадающая на службу редакцій.—Предубѣжденія, которыя держатся противъ журналистики.—Газетный «судъ Линча».—Справедливо ли упрекать американскую журналистику въ разнузданности.—Какъ подъ сѣнью свободной печати процвѣтаетъ частная предпріимчивость и народное благосостояніе.—Виновата ли печать въ томъ, что въ Соединенныхъ Штатахъ нѣтъ крупныхъ государственныхъ дѣятелей?—Мнѣніе патріота Джефферсона о печати въ странѣ.

Что американская печать проявляетъ много неприглядныхъ сторонъ, этого отрицать невозможно; и ихъ необходимо здѣсь отмѣтить какъ для полноты очерка, такъ и потому, что недостатки здѣшней печати чуть ли не характернѣе самихъ достоинствъ ея.

Составленіе «обвинительнаго акта» въ этомъ отношеніи значительно облегчается для меня тѣмъ, что у меня есть подъ рукой ноябрьская книжка «North American Review», прошлаго года, гдѣ помѣщена грозная филиппика противъ печати, написанная здѣшнимъ проповѣдникомъ — Rev. George T. Rider. Но и кромѣ его доводовъ — хотя и мѣткихъ, но значительно отзывающихся клерикальною нетерпимостью — подъ перо напрашиваются отзывы другихъ лицъ и свои собственныя наблюденія, такъ что въ матеріалѣ для изобличеній отнюдь не чувствуется недостатка.

Какъ почитатели, такъ и обличители здѣшней печати вполнѣ сходятся въ своихъ заявленіяхъ на томъ, что власть редактора надъ публикой значительнѣе вліянія проповѣдника, учителя, медика, законодателя. Rev. G. Rider идетъ даже далѣе и говоритъ, что за послѣднее время печать заняла первое мѣсто въ странѣ, затмивъ своимъ вліяніемъ значеніе семьи, церкви, «самого даже государства». Если дѣйствительно такъ велика сила печати, то соразмѣрно тому становятся важны и ея погрѣшности, и не мѣшаетъ посмотрѣть, въ чемъ онѣ состоятъ.

Рѣзче всего бросается въ глаза та особенность газетъ, что онѣ переполнены скандальными повѣствованіями — въ большинствѣ случаевъ объ лицахъ, никому даже и неизвѣстныхъ; цѣлые столбцы, цѣлыя страницы отводятся подъ хронику полицейскихъ домовъ, подъ отчеты о мѣстныхъ сплетняхъ, о семейныхъ скандалахъ и пр. Все это, появляясь изо дня въ день, по неволѣ притупляетъ въ публикѣ всякую чувствительность къ пороку и преступленію, дѣлаетъ ее, въ силу привычки, менѣе и менѣе требовательною въ дѣлѣ общественной и семейной нравственности. Пропускать же въ чтеніи подобныя повѣствованія весьма трудно, они сами бросаются въ глаза. Возьму для примѣра первую попавшуюся газету «New York Morning Journal» отъ 20-го января, и на первой же страницѣ, въ рядъ съ телеграммами изъ Европы, красуются крупные заголовки: *Два демона въ человѣческомъ образѣ... Завлечена въ погибель!.. Ужасная месть... Кровожадность Гебгарда!..* и проч.

Газета здѣсь почти, всевѣдуща, хотя далеко не непогрѣшима. Отъ репортеровъ ея ничего нельзя утаить. Нѣтъ той семейной радости, нѣтъ того частнаго горя, которое не сдѣлалось бы, черезъ печать, достояніемъ толпы. Тамъ, гдѣ не впустятъ репортера въ двери, онъ войдетъ чуть ли не въ окно, разспроситъ, разузнаетъ все и непремѣнно все это будетъ напечатано. Во избѣжаніе искаженія дѣйствительности, многіе, скрѣпя сердце, въ самыя тяжелыя для себя минуты, предоставляютъ себя въ распоряженіе

репортера, зная, что въ такомъ случаѣ можно хотя оговорить, чтобъ та или другая подробность семейнаго дѣла не предавалась репортеромъ гласности. Недавно еще пришлось и мнѣ, не смотря на мой значительный навыкъ къ здѣшнимъ пріемамъ, бросить съ отвращеніемъ самую распространенную вечернюю газету Нью-Іорка, издаваемую Беннетомъ, собственникомъ «New York-Herald'»a. Случилось это по слѣдующему обстоятельству. Въ Америку мѣсяца два тому назадъ пріѣхала извѣстная красавица изъ высшаго англійскаго общества, миссисъ Лэнтри, съ тѣмъ, чтобы играть на здѣшней и провинціальной сценѣ; такъ какъ миссисъ Лэнтри очень молода и недавно поступила на сцену, то ее сюда сопровождала жена извѣстнаго англійскаго журналиста и члена палаты общинъ, миссисъ Лабушеръ. Извѣстное дѣло, что лишь только въ Америку пріѣзжаетъ какая «знаменитость», ей приходится здѣсь все время жить, такъ сказать, въ стеклянномъ домѣ. Съ самой минуты вступленія на американскую почву она дѣлается достояніемъ публики: репортеры ее осаждаютъ, выспрашиваютъ ея мнѣнія, взгляды, по всевозможнымъ предметамъ, требуютъ отъ нея повѣствованія всей ея прошлой жизни, описываютъ изо дня въ день ея туалеты, ея времяпрепровожденіе, сообщаютъ публикѣ, чтó и какъ она ѣстъ за столомъ, чтó ей подаютъ въ комнату, кого она принимаетъ, съ кѣмъ она переписывается—о чемъ она даже думаетъ. Служители здѣшнихъ гостинницъ въ этомъ отношеніи являются дорогими помощниками репортеровъ. Не избѣгла этого надзора и несчастная миссисъ Лэнтри. Сначала газеты прогремѣли о ея красотѣ, простотѣ ея обращенія, объ ея остроуміи, вѣжливости, о телеграммахъ къ ней принца Уэльскаго, освѣдомлявшагося о томъ, какъ миссисъ Лэнтри перенесла морской переѣздъ, и проч., и проч. Недѣли черезъ двѣ эти хвалебные гимны совершенствамъ миссисъ Лэнтри публикѣ—въ особенности женской — весьма прїѣлись. Отель миссисъ Лэнтри тѣмъ не менѣе съ утра до ночи осаждался толпою дамъ, требовавшихъ, чтобъ она къ нимъ вышла и расписалась бы въ ихъ альбомахъ. Конечно, главною цѣлью большинства было то, чтобъ безплатно взглянуть на англійскую красавицу и затѣмъ провозглашать вездѣ, что во всякомъ городѣ штатовъ можно найти десятки женщинъ красивѣе ея. Мученія бѣдной англичанки за эти недѣли легче себѣ представить, чѣмъ описать. Наконецъ, и она своей европейской свободой обращенія подала давно желаемый предметъ для сплетенъ о себѣ. Нѣсколько букетовъ, предложенное катанье, два-три обѣда въ обществѣ друзей ея и поклонниковъ, развязалъ языки всѣмъ ея завистникамъ и тайнымъ вра-

гамъ. Къ тому времени состоялась и маленькая размолвка между красавицей и миссисъ Лабушеръ. Лучшей канвы для сплетенъ и не требовалось. Газеты ежедневно сообщали объ успѣхахъ поклонниковъ миссисъ Лэнтри, вдавались въ самыя плоскія инсинуаціи, лишь бы впасть въ тонъ съ городскими сплетниками. Когда же миссисъ Лабушеръ уѣзжала одна обратно въ Англію, отказавшись видѣть репортера, этотъ послѣдній поймалъ ея горничную на пароходѣ, выпытывалъ у этой послѣдней причины, вызвавшія ссору ея госпожи съ миссисъ Лэнтри, и въ тотъ же вечеръ, на розовыхъ столбцахъ «Evening Telegram» красовался крупный заголовокъ: *Ссора миссисъ Лэнтри, съ миссисъ Лабушеръ.— Interview репортера съ горничной миссисъ Лабушеръ!*

Дальше этого, мнѣ кажется, репортерская «развязность» идти не можетъ.

Газетныя сообщенія о ссорѣ Лэнтри открыли новую эру преслѣдованій противъ этой злосчастной красавицы. Уже въ бытность въ Нью-Іоркѣ она была завалена анонимными письмами грязнаго и угрожающаго содержанія отъ лицъ, претендующихъ на то, что ея «безнравственность» коробитъ ихъ скромность. Миссисъ Лэнтри предстояло затѣмъ давать представленія въ нѣкоторыхъ городахъ провинціи. Американскіе друзья ея, знакомые съ нравами обитателей западныхъ и южныхъ штатовъ, весьма опасались того, чтобъ ей не нанесено было какихъ грубыхъ оскорбленій, и вотъ одинъ изъ почитателей миссисъ Лэнтри, сынъ здѣшняго банкира Гебгарда, попросилъ у нея позволенія сопровождать ее въ ея поѣздкѣ по провинціямъ. Миссисъ Лэнтри, въ полномъ сознаніи своей правоты, сочла-было это сопровожденіе для себя излишнимъ, но затѣмъ уступила совѣтамъ людей, боявшихся, чтобъ ее не постигла участь Сары Бернаръ, каждому появленію которой въ новомъ городѣ предшествовала разсылка по городу грязнаго содержанія брошюръ о ея прошломъ, изъ-за которыхъ ей во многихъ мѣстахъ подготовлялись скандалы. Какъ бы то ни было, миссисъ Лэнтри согласилась на сопровожденіе молодого Гебгарда, человѣка вполнѣ благовоспитаннаго, и, уѣхавъ въ провинцію, ни мало не стѣснялась открыто принимать его у себя, останавливаясь въ одныхъ съ нимъ гостинницахъ. Не дѣлая ничего дурного, ей, конечно, представлялось недостойнымъ себя отстранять отъ себя единственнаго преданнаго человѣка—хотя бы и почитателя—ради уступки грязнымъ сплетникамъ. Но тутъ повторилась, однако, старая басня о чугунномъ и глиняномъ горшкахъ. Съ самаго пріѣзда миссисъ Лэнтри въ Чикаго, оттуда полетѣли во всѣ концы Союза телеграммы о томъ, какъ идетъ ея «романъ»

съ «Фредди» Гебгардомъ; мѣстныя газеты въ Санъ-Луи печатали чертежи, планы гостинницы, гдѣ она остановилась, съ обозначеніемъ помѣщеній, занимаемыхъ ею съ одной стороны и Гебгардомъ—съ другой. Газетныя статьи серьезно разсуждали о томъ, какимъ способомъ можетъ быть установленъ тайный путь сообщенія между этими помѣщеніями; затѣмъ сообщалось о томъ, что у миссисъ Лэнтри ноги вдвое больше ногъ американскихъ лэди и прочія пошлости и нелѣпости.

Инсинуаціи газеты «Globe Democrat» въ Санъ-Луи превзошли наконецъ всякую мѣру вѣроятія; Гебгардъ разыскалъ репортера, нѣкоего colonel Cunningham, автора гнусныхъ статей о немъ, Гебгардѣ, и о миссисъ Лэнтри, публично высказалъ ему, что̀ о немъ думаетъ, и пригрозилъ жестоко избить его, если тотъ будетъ еще такія сплетни продолжать. Полковникъ-репортеръ вознегодовалъ и послалъ Гебгарду секундантовъ. Гебгардъ, однако, отъ дуэли отказался, но вновь обѣщался поколотить полковника, если тотъ снова солжетъ печатно. Результатомъ теперь и являются статьи въ родѣ вышеназванной, «Кровожадность Гебгарда» и проч.

Въ связи съ этой исторіей я приведу появившуюся потомъ въ нью-іоркскихъ газетахъ статью, чрезвычайно характерно рисующую здѣшніе нравы.

Статья эта озаглавлена: «Миссисъ Лэнтри объ Чикаго». (Корректурные листки изъ имѣющей появиться въ печати книги миссисъ Лэнтри: «Наблюденія американскихъ нравовъ»). Остроумный авторъ этой газетной утки предполагалъ потѣшить публику сатирой, но эта сатира вышла почти фотографически вѣрна дѣйствительности. Она стоитъ того, чтобъ привести изъ нея хотя нѣсколько отрывковъ:

Понедѣльникъ.

«Меня весьма заинтересовалъ городъ Чикаго. Гостепріимство его жителей чрезвычайно утомительно [1]). Здѣсь печатаются сотни газетъ. Дамы почему-то чрезвычайно интересуются моими ботинками. Онѣ всегда осматриваютъ мои ноги съ явнымъ любопытствомъ и удивленіемъ. Неужели же иностранныя ноги представляютъ для нихъ какія-нибудь особенности?

«Легла спать рано, такъ какъ очень устала, не преминувъ, однако, отдать напередъ приказаніе выгнать всѣхъ репортеровъ изъ-подъ кровати и изъ шкаповъ».

---

[1]) Ядовитый намекъ на то, что жители Чикаго не приглашаютъ къ себѣ миссисъ Лэнтри, желая показать свое „неодобреніе ея поведенію".

Вторникъ.

«Ф.[1]) сейчасъ показалъ мнѣ критику моей игры въ . . . ., въ которой приводятся имена всѣхъ моихъ предковъ и высказываются сомнѣнія въ томъ, законная ли я дочь моихъ родителей. Какъ бы Генріэтта похохотала надъ этимъ!

«Ф. только-что нашелъ репортера, прикурнувшаго въ нижнемъ ящикѣ комода. Я никогда не видывала подобной предпріимчивости! Вчера мы открыли, что одинъ изъ лакеевъ—переодѣтый репортеръ. Ф. говоритъ, что я слишкомъ много работаю и должна побольше развлекаться».

Среда.

«Ѣздили съ Ф. покататься немного по Мичиганъ-Авеню. Какую красивую и оживленную картину представляла бѣжавшая за нами толпа! За нами устремилось нѣсколько сотъ человѣкъ. Ф. говоритъ, что въ ихъ числѣ бѣжалъ за нами самъ мэръ и альдермэны города. Полиція расчистила намъ дорогу на обратномъ пути.

«...Литературные кружки Чикаго посвящаютъ чрезвычайно много времени на обсужденіе ногъ. Какой странный обычай!.. Когда я объ томъ сказала Ф., онъ только отвѣчалъ: «чертовское вранье». Увы, онъ бываетъ иногда чрезвычайно рѣзокъ...

«Чѣмъ больше я живу въ Чикаго, тѣмъ больше заинтересовываюсь. Такіе здѣсь странные обычаи—такой даже странный и языкъ.

«Одна изъ посѣтившихъ меня женщинъ-репортеровъ оглянула комнату и затѣмъ спросила: «гдѣ вашъ masher»?[2]). Ф. говоритъ, что это лишь мѣстное видоизмѣненіе французскаго «ma chère»—но что за идея!..

«Газетные критики въ Чикаго—очень пріятные джентльмены... Но и у нихъ своеобразные обычаи. Когда они заканчиваютъ обычное вскрытіе и просмотръ моихъ частныхъ писемъ, то всегда присылаютъ ихъ мнѣ наверхъ въ мою комнату съ извиненіями. Я въ вѣкъ не забуду ихъ изысканной вѣжливости!..».

. . . .

Такъ подшучиваетъ нью-іоркская газета надъ впечатлѣніями, производимыми жителями Чикаго на иностранку.

---

[1]) Подразумѣвается „Фредди“ Гебгардъ.

[2]) Слово, англичанамъ непонятное и означающее на американскомъ жаргонѣ: обожатель, любовникъ, а отчасти и тотъ типъ, какой выведенъ въ комедіи Островскаго: „Красавецъ-мужчина“.

Къ сожалѣнію, я не могла найти въ здѣшнихъ газетахъ ни какого комментарія насчетъ предпріимчивости печати въ Санъ-Луи, дошедшей до того, что одна мѣстная редакція отпечатала нѣсколько сотъ билетовъ съ вопросами насчетъ отношеній миссисъ Лэнтри къ Гебгарду и во время игры миссисъ Лэнтри въ театрѣ Санъ-Луи, вечеромъ 16-го января, нарочные отъ редакціи раздавали публикѣ эти билеты съ привязанными къ нимъ карандашиками. Многіе изъ публики написали на билетахъ отвѣты на данные вопросы, а газета «Globe Democrat» напечатала наиболѣе замѣчательные изъ этихъ отвѣтовъ въ выпускѣ своемъ на слѣдующее утро—января 17-го.

Мнѣ пришлось нѣсколько подробно остановиться на описаніи исторіи злополучной красавицы-англичанки; но это лишь потому, что она служитъ чрезвычайно яркою и притомъ самою свѣжею иллюстраціей оборотной стороны американскихъ нравовъ—общественныхъ и журнальныхъ. Къ сожалѣнію приходится присовокупить, что разсказанныя происшествія отнюдь не представляютъ здѣсь ничего исключительнаго.

Что же касается засылки репортеровъ съ цѣлью допроса къ тѣмъ или другимъ лицамъ, то она при всѣхъ непригдядныхъ своихъ сторонахъ представляетъ значительныя выгоды и для самихъ гражданъ. Государственные люди и народные представители, при этой системѣ, имѣютъ возможность, въ случаѣ нужды, безо всякихъ проволочекъ, прямо сноситься съ народомъ, объяснять ему значеніе той или другой мѣры или поступка, представленныхъвъ невѣрномъ свѣтѣ. Да и для частныхъ людей эта система репортерскихъ свиданій имѣетъ свои крупныя выгоды. Самому достойному гражданину можетъ случиться стать жертвою какого-нибудь недоразумѣнія; репутація его неизмѣнно, хотя и временно, страдаетъ, и это больно отзывается какъ на немъ самомъ, такъ и на близкихъ ему людяхъ до той поры, пока заподозрѣнному человѣку не удастся оправдаться на судѣ; здѣсь же много подобныхъ неудобствъ и горя устраняется тѣмъ, что попавшій въ такую бѣду человѣкъ посылаетъ за репортеромъ, объясняетъ ему свое дѣло и свое положеніе и такимъ образомъ черезъ газеты имѣетъ возможность пресѣчь въ самомъ началѣ праздные и злонамѣренные о себѣ толки.

Едва ли не болѣе вреднымъ по своимъ послѣдствіямъ представляется другой отдѣлъ американской журналистики, посвященный сообщеніямъ о разныхъ преступникахъ—ихъ дѣятельности, жизни и казни. Рѣдкая недѣля проходитъ здѣсь безъ того, чтобъ не повѣшено было двое-трое человѣкъ въ томъ или другомъ

концѣ Союза. Тутъ-то и открывается самое широкое поле для американской журналистики, часто впадающей при такихъ случаяхъ въ мелодраму. Репортеры слѣдятъ за преступникомъ во время ѣды, молитвы, выпытываютъ отъ него исторію всей его жизни, подкрашивая потомъ свой разсказъ дешевымъ романическимъ колоритомъ; репортеры даютъ подробное описаніе наружности преступника, длины веревки, одежды палача, наблюдаютъ послѣднюю судорогу умирающаго и обо всемъ этомъ посылаютъ длинные телеграфическіе отчеты въ свои газеты — все для празднаго любопытства толпы, на поощреніе ея уже развращенныхъ инстинктовъ. Эти «графическіе» разсказы читаютъ ежедневно дѣти-подростки и нервныя женщины: есть извѣстный классъ досужей публики—весьма притомъ респектабельной—которая ничего въ газетахъ кромѣ этого отдѣла и не читаетъ. Смерть героя или государственнаго человѣка далеко не производитъ здѣсь такой повсемѣстной сенсаціи, какъ мастерски описанная казнь зауряднаго убійцы. Всякій день казни, такъ называемый «hangman's day» [1]), составляетъ своего рода Лукулловъ пиръ для извѣстной части публики: газеты въ эти дни раскупаются на расхватъ.

Предпріимчивость ловкихъ репортеровъ часто идетъ, впрочемъ, много дальше простой передачи или даже подкрашиванья фактовъ: они нерѣдко создаютъ факты, чтобы описать ихъ. Прошлымъ лѣтомъ случилось въ Пленфильдѣ, городкѣ штата Нью-Джерси, слѣдующее происшествіе, за вѣрность котораго можно поручиться. Казнь одного весьма «интереснаго» преступника назначена была въ 12 часовъ ночи. Репортеры были въ отчаяніи, такъ какъ сообщеніе о казни не могло уже поспѣть къ утреннему изданію газетъ. Большинство этихъ «джентльменовъ прессы» порѣшило, что дѣлать нечего — и отправилось спать. Одинъ репортеръ, однако же, придумалъ нѣчто иное. Онъ отправился къ смотрителю тюрьмы, гдѣ содержался преступникъ, съ просьбою, нельзя ли перевести тюремные часы такъ, чтобы казнь состоялась на два часа раньше. Смотритель подвинуть часы отказался, говоря, что не кто другой какъ самъ преступникъ можетъ ходатайствовать объ ускореніи казни надъ нимъ, письменно обращаясь съ такою просьбой къ шерифу. Предпріимчивый репортеръ немедля отправился въ камеру преступника, разбудилъ его, развеселилъ его шутками, анекдотами, предложилъ ему ужинъ съ бутылкою виски и въ концѣ концовъ

---

[1]) День палача.

добился того, что преступникъ написалъ шерифу просьбу о томъ, чтобы его повѣсили въ 11 часовъ вечера, а не въ полночь. Преступникъ, очевидно, не захотѣлъ отказать въ такой основательной просьбѣ человѣку, который помогъ ему такъ прекрасно провести послѣдніе часы его земной жизни; шерифъ также далъ свое согласіе. Казнь состоялась въ 11 часовъ вечера и въ одной лишь газетѣ сметливаго репортера появилось на слѣдующее утро длинное описаніе послѣднихъ часовъ жизни и казни убійцы. Репортерскій подвигъ этотъ доставилъ значительный барышъ газетѣ и произвелъ большую сенсацію въ «профессіи»; едва ли можно, впрочемъ, сказать, чтобы публика была этимъ удивлена или скандализирована,—она скорѣе приняла это какъ должную себѣ дань.

Нельзя, конечно, сказать, чтобы эти подвиги репортеровъ способствовали ихъ популярности. Большинство гражданъ сторонится репортеровъ сколько возможно, но репортеры все-таки неизмѣнно добиваются своего и строчатъ свои длинные рапорты о томъ, какое «menu» и шампанское было на такомъ-то обѣдѣ, какіе свадебные подарки получены такой-то молодой четой, что сказалъ такой-то и какъ это принялъ такой-то. Въ оправданіе этого неприглядного газетнаго отдѣла, серьёзные журналисты часто ссылаются на то, что давая мѣсто этимъ вещамъ, они отвѣчаютъ на спросъ публики и что, выпусти они ихъ изъ состава газеты, она сразу упадетъ въ продажѣ. Это мнѣніе, впрочемъ, служитъ лишь подтвержденіемъ того, какъ крѣпко журналисты держатся той идеи, что газета—прежде всего—торговое предпріятіе. Смотря же на этотъ предметъ со стороны, нельзя не сказать, что газеты сами воспитываютъ въ читателѣ эту потребность, эту алчность къ сплетнямъ и сенсаціоннымъ извѣстіямъ—по неволѣ имъ же приходится и удовлетворять этому аппетиту, быстро становящемуся потребностью. Всѣ эти «мѣстныя наблюденія», «между прочимъ», «бѣглыя замѣтки», «солнечные лучи» и тому под. газетные отдѣлы приводятъ въ провинціи лишь къ тому, что каждый слѣдитъ за сосѣдомъ, какъ присяжный сыщикъ и каждый жаждетъ добиться благопріятнаго себѣ отзыва въ газетѣ. Массы, почерпающія всѣ свои свѣдѣнія изъ газетъ, воспитанныя, такъ сказать, на нихъ, проявляютъ исключительное пристрастіе къ пряностямъ и дѣлаются рѣшительно неспособными къ серьёзному чтенію. Мало того: постоянное чтеніе вышеупомянутаго отдѣла газетъ налагаетъ какую-то своеобразную печать на самое міровоззрѣніе заурядныхъ по своему развитію гражданъ. Привычка къ авторитетному тону и непослѣдователь-

части газетъ вызываетъ привычку къ рѣшительнымъ, часто ничѣмъ не провѣреннымъ заявленіямъ, къ огульности выводовъ; даже сами прекрасныя гражданки, начитавшись газетныхъ «ужасовъ», примѣняютъ ихъ къ житейскимъ дѣламъ, и тамъ, гдѣ ихъ европейскія сестры выводятъ сплетни насчетъ нравственности сосѣдей, здѣшнія сплетницы, не сморгнувъ, взведутъ сегодня на пріятельницу обвиненіе въ гнусномъ уголовномъ преступленіи, а завтра опять, какъ ни въ чемъ не бывало, станутъ превозносить ее же до небесъ.

Въ «pendant» къ отдѣлу заурядныхъ мѣстныхъ сплетенъ, газеты регулярно ведутъ отдѣлъ болѣе изысканныхъ извѣстій той же категоріи, — а именно, изъ среды англійской или французской аристократіи, извѣстныхъ государственныхъ дѣятелей и т. п. Въ Америкѣ существуетъ весьма многочисленный классъ досужихъ лэди, которыя тѣмъ только и занимаются, что изучаютъ и запоминаютъ эти отрывки изъ описаній жизни въ высшихъ европейскихъ кругахъ. Часто прежде становилась я втупикъ, когда какая-нибудь американка, вращающаяся вѣчно среди самаго неинтеллигентнаго люда, начинала меня просвѣщать насчетъ цвѣта туфлей сэра Чарльза Дилька или насчетъ родословной того или другого англійскаго или французскаго пэра, разсчитывая, на комъ кто женатъ и съ кѣмъ находится въ свойствѣ, и заканчивая свое торжественное повѣствованіе какимъ-нибудь пикантнымъ скандаломъ изъ семейной среды какого-нибудь изъ европейскихъ государственныхъ людей. Теперь я уже знаю, что все это почерпывается изъ тѣхъ же газетъ. Я лично знаю женщинъ и мужчинъ, которые пользуются здѣсь репутаціей людей громадной эрудиціи, на дѣлѣ всѣ ихъ знанія почерпнуты изъ прекрасныхъ здѣшнихъ газетныхъ рецензій, выходящихъ немедля по появленіи въ свѣтъ мало-мальски замѣчательныхъ книгъ. Благодаря имъ, при хорошей памяти, изощряемой практикой, и извѣстной смѣлости — всякій можетъ слыть здѣсь ученымъ.

Гораздо важнѣе является, однако же, другое слѣдствіе газетной предпріимчивости, а именно, ея постоянныя вторженія въ судебную область. Нѣтъ сколько-нибудь интереснаго процесса, который съ самаго своего возникновенія не обсуждался бы печатью со всѣхъ сторонъ. Газеты разбираютъ показанія свидѣтелей, анализируютъ ихъ прошлое, выводятъ свои заключенія насчетъ степени достовѣрности того или другого свидѣтельскаго заявленія, и во все то время, пока идетъ разбирательство дѣла на судѣ, газетами ведется судъ за свой счетъ, вводятся подчасъ небывалыя улики, предугадывается приговоръ и т. д. Недаромъ

судьи всегда предостерегають на этотъ счетъ присяжныхъ и даютъ имъ строгія инструкціи насчетъ того, чтобы тѣ, состоя присяжными, отнюдь не читали газетныхъ по дѣлу сужденій. Но эти инструкціи судей весьма часто не ведутъ ни къ чему и присяжные въ большинствѣ случаевъ, возвращаясь ежедневно домой изъ суда, сплошь и рядомъ подвергаются вліянію газетъ.

Указывая на эту неприглядную сторону журналистики, вышеупомянутый Rev. G. Rider въ статьѣ своей прямо говорить: что печать часто «презираетъ авторитетъ суда — возводитъ преступника въ мученики, а невиннаго по суду лишаетъ лучшихъ плодовъ его оправданія»... Это «уже совершенная анархія журналистики»... заявляетъ преподобный джентльменъ.

Кладя на свое дѣло огромныя деньги, журналистика, какъ магнитъ, притягиваетъ къ себѣ лучшія умственныя силы страны; къ ея услугамъ всѣ таланты, которые въ другой странѣ предались бы серьёзному умственному труду, научнымъ изслѣдованіямъ, обогатили бы свою литературу прекрасными произведеніями. Но при здѣшней непопулярности научно-кабинетнаго труда, ученыхъ изслѣдованій, газеты положительно засасываютъ таланты. Молодые люди, кончившіе свое образованіе въ коллегіи, знаютъ, что ни адвокатская, ни медицинская профессія сразу имъ денегъ не дадутъ; между тѣмъ деньги имъ нужны, съ большимъ городомъ разставаться тяжело—а тутъ, какъ разъ подъ руками газетное дѣло, не особенно въ первыхъ своихъ ступеняхъ тяжелое и сравнительно хорошо оплачиваемое. И вотъ, молодой человѣкъ вступаетъ прямо со школьной скамьи въ ряды репортеровъ, утѣшая себя надеждою откладывать деньги на то, чтобъ, года черезъ два-три, взяться за свою профессію, не опасаясь нужды. Но газета—что трясина: разъ въ нее здѣсь вступишь, самому изъ нея трудно выкарабкаться, развѣ что силой изъ нея выбросятъ за негодностью. «Негодностью» въ начинающемъ репортерѣ почитается главнымъ образомъ то, что онъ слишкомъ ревниво относится къ новому своему дѣлу, не хочетъ поступаться строгою правдивостью для достиженія вящшаго эффекта и стремится дѣлиться съ читателями плодами собственнаго отвлеченно-научнаго знанія. Такого новичка рѣзко останавливаютъ въ редакціи и если онъ не исправится и не научится скоро забавлять читателей, не хватая самъ звѣздъ съ неба — его безъ всякихъ дальнѣйшихъ околичностей выпровождаютъ изъ редакціи. Многіе даровитые молодые люди покоряются необходимости, обуздываютъ свои юношескіе порывы и входятъ въ требуемую рамку репортерскаго дѣла — какъ имъ кажется, на время. Въ этомъ они,

однако, жестоко ошибаются. Репортерская дѣятельность вводитъ юношу во всѣ столичные круги, передъ нимъ, мало-по-малу, развертывается вся закулисная сторона городской жизни. Его, понятное дѣло, не станутъ посылать наслѣдовать добродѣтели почтеннѣйшихъ изъ гражданъ, а поручатъ доискаться, какимъ путемъ тотъ или другой изъ «воротилъ» разбогатѣлъ, какимъ образомъ добился другой выгоднаго приговора судовъ въ важной тяжбѣ съ городомъ, какъ подготовлялась такая-то монополія или стачка капиталистовъ. Мало-по-малу молодой человѣкъ втягивается въ круговоротъ городской жизни, вся ея грязь извѣстна ему до мелочей; приставленный слѣдить за развитіемъ всякихъ нечестныхъ комбинацій, онъ во-очію убѣждается, какъ легко, при извѣстной сноровкѣ, наживать деньги, какъ долго при ловкости, можно держаться какъ разъ на границѣ добропорядочности и воровства, не переступая роковаго предѣла и соблюдая внѣшнюю респектабельность. Постоянное вращеніе въ достаточномъ классѣ вызываетъ соразмѣрные тому расходы и всѣ планы на откладку денегъ затериваются въ области несбыточныхъ грезъ. Проходитъ пять-шесть лѣтъ, молодой человѣкъ видитъ, какъ почва уходитъ у него изъ-подъ ногъ—онъ же все дальше не подвигается, все вращается какъ въ заколдованномъ кругу. Денегъ, конечно, у него такъ же мало какъ и при выступленіи на поприще репортерской дѣятельности, а потребности — возрасли вдесятеро; но здравый смыслъ все-таки иногда одерживаетъ верхъ и молодой человѣкъ, рѣшительно порвавъ связи съ редакціями, храбро принимается за дѣло по профессіи, къ которой когда-то готовился, полагая, что житейская опытность и знаніе людей, пріобрѣтенныя имъ на службѣ газеты, очень пригодятся ему на новомъ поприщѣ. Знавала я сама такихъ молодыхъ людей; видѣла, какъ бились они, пытаясь достичь успѣха въ какой-нибудь профессіи и какъ скоро пропадала въ нихъ вѣра въ себя, какъ безденежье вновь толкало ихъ въ торговыя аферы или въ тѣ же редакціи. Приходилось говорить о томъ и съ пожилыми редакторами, и всѣ они мнѣ говорили, что не посовѣтовали бы ни одному близкому себѣ юношѣ начинать свою карьеру въ редакціи. Нѣкоторые репортеры, правда, проявляютъ значительныя способности, поднимаются до степени корреспондента, редактора, писателя передовыхъ статей, но все же весьма немногіе находятъ пригодное для себя поле дѣятельности въ этомъ направленіи.

Въ средѣ противниковъ здѣшней журналистики не разъ говорилось о томъ, что въ американской печати водворена бо́льшая дисциплина, чѣмъ у іезуитовъ, и что эта дисциплина порождаетъ

силу, съ которой «самому государству придется со временемъ считаться». Что собственно подразумѣвалось подъ этой послѣдней фразой, для меня никогда не было достаточно ясно: вѣрнѣе всего, что вся сила этой угрозы кроется именно въ ея темнотѣ и неопредѣленности. Дисциплина въ редакціяхъ главныхъ органовъ печати дѣйствительно соблюдается самая тщательная; но эта дисциплина внѣшняго міра не касается, а безъ нея не было бы возможности и управлять огромнымъ механизмомъ такихъ газетъ, какъ напр., «Herald», при которой состоитъ до 450-ти человѣкъ рабочихъ, репортеровъ, редакторовъ, корреспондентовъ и проч. Нѣсколько болѣе основательнымъ представляется обвиненіе въ томъ, что американская печать практикуетъ своего рода судъ Линча, которымъ она самовольно расправляется со своими противниками, ставя себя въ нѣкоторомъ родѣ выше самыхъ законовъ страны. Что задѣть американскую журналистику вообще—дѣло весьма опасное, въ томъ нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, такъ какъ руководители американской печати крѣпко стоятъ за ея неприкосновенность, вѣрно понимаютъ свои интересы и даютъ сообща дружный отпоръ всякому посягательству на ограниченіе полной свободы печатнаго обсужденія, какого бы то ни было предмета. Сражаясь со своими врагами въ отдѣльности, газеты широко пользуются своею свободою слова; бывали даже случаи, когда раздраженный редакторъ выходитъ изъ границъ приличнаго препирательства, какъ, напр., знаменитый Грили, публично заявившій въ своей газетѣ, что «губернаторъ Сеймуръ—лгунъ» и т. п. Но подобные случаи становятся чрезвычайно рѣдкими въ цивилизованныхъ американскихъ центрахъ, и практикуются теперь лишь по окраинамъ, на югѣ, да въ штатахъ далекаго запада. Вообще говоря, тонъ американской печати значительно поднялся за послѣднее десятилѣтіе. Правда, что и теперь въ «New York Herald» и въ «Sun» нерѣдко встрѣчаются такія выраженія, какъ: «such recognized robbers and jobbers as Creaker Keifer, Robeson, Page» [1]) и тому подобныя заявленія, но на это уже никто не обращаетъ вниманія, такъ какъ нечестность упоминаемыхъ господъ никѣмъ не оспаривается и сами они не рѣшаются искать отъ задѣвающихъ ихъ газетъ удовлетворенія за клевету, боясь суда пуще газетныхъ толковъ.

Нельзя, конечно, отвергать и того, что газеты нерѣдко злоупотребляютъ своимъ правомъ неограниченнаго обсужденія вещей

---

[1]) „Такіе общеизвѣстные разбойники и аферисты, какъ Спикеръ Кейферъ и (члены конгресса) Робсонъ, Пэжъ и др".

—и это въ особенности ярко проявляется въ періоды избирательныхъ кампаній. Взведетъ, напримѣръ, газета уголовное преступленіе на кандидата или общественнаго дѣятеля, обвиненіе до того нелѣпое, что стыдно даже его и опровергать, да не стоитъ, въ сущности, это и дѣлать, такъ какъ на другой день навѣрное пущенъ будетъ еще болѣе нелѣпый слухъ—и такъ, до безконечности. А между тѣмъ, если задѣтое лицо подобнаго обвиненія не опровергнетъ, то газета ежедневно начинаетъ заявлять, что вотъ-де «N. до сей поры молчитъ: значитъ, знаетъ, что мы сказали о немъ правду»!.. На другой день газета снова заявляетъ: «Все еще отъ N. ни слова въ отвѣтъ!!!» и это продолжается, пока самой газетѣ нападать не надоѣстъ.

Къ такимъ пріемамъ прибѣгаютъ, впрочемъ, лишь наиболѣе плохіе листки, не имѣющіе ни репутаціи, которою стоило бы дорожить, ни капитала, съ котораго пострадавшему можно бы надѣяться взыскать вознагражденіе за клевету, и наконецъ партизанскія газеты, влачащія жалкое существованіе въ провинціи на средства комитета той или другой политической партіи. Большія газеты, пользующіяся довѣріемъ общества, отнюдь не поддаются желанію оклеветать кого-нибудь и взводить напраслину, зная, во-первыхъ, что за ними зорко слѣдятъ ихъ же собраты другихъ газетъ, всегда готовые опровергнуть неправду, вывести клеветниковъ на чистую воду, а во-вторыхъ, имъ нѣтъ разсчета прибѣгать къ такимъ низкимъ уловкамъ,—опять въ силу того, что большія газеты — тѣ же дѣловыя предпріятія и имъ приходится дорожить довѣріемъ читателей, чтобъ тѣ продолжали ихъ покупать. Изъ большихъ нью-іоркскихъ газетъ чаще всего позволяетъ себѣ рискованныя выходки «New-York Herald», но это уже извѣстный enfant terrible американской журналистики; что касается до «New-York Times» и «New-York Tribune», общій тонъ ихъ передовыхъ статей не покоробилъ бы и англичанъ.

Вообще говоря, что бы ни говорилось объ распущенности американской печати, объ ея деспотизмѣ, все-таки, при безпристрастной ея оцѣнкѣ со стороны, нельзя не прійти къ тому заключенію, что она далеко не такъ черна, какъ ее малюютъ. Много въ ней непригляднаго, много намъ несроднаго, и даже отталкивающаго, но, въ общей сложности, зло, ею порождаемое, въ значительной степени нейтрализируется другими общественными вліяніями,—такъ какъ въ Штатахъ свободна не одна печать, но и всѣ граждане, какъ въ рѣчахъ, такъ и въ дѣйствіяхъ своихъ. Многіе изъ лучшихъ здѣшнихъ гражданъ искренно сожалѣютъ о томъ, что печать страны не поставлена на такую

респектабельную ногу, какъ напр. въ Англіи, но наиболѣе справедливые изъ нихъ сознаются, что это—зло непоправимое, такъ какъ въ Англіи, гдѣ не существуетъ административныхъ ограниченій печати, эта послѣдняя все же состоитъ подъ вліяніемъ вѣками установившихся тенденцій въ обществѣ и является достойнымъ плодомъ англійской цивилизаціи; а здѣсь, нравственныя понятія самого общества стоятъ еще много ниже англійскихъ—потому и печать, будучи такъ же свободна какъ и устное слово, является лишь отраженіемъ общественной жизни. Словомъ она является тѣмъ, чѣмъ ее сдѣлалъ самъ народъ, и пока этотъ послѣдній не поднимется на болѣе высокую степень развитія, до той поры не достигнетъ полной респектабельности и мѣстная печать—какими бы людьми она ни велась.

Американская печать—и именно въ ея настоящемъ видѣ—составляетъ неоцѣнимое сокровище для народа. Пусть она, съ любопытствомъ уѣздной кумушки, ввязывается въ чужія дѣла; за то граждане спокойно занимаются каждый своимъ дѣломъ, не отрываются отъ него своими политическими склонностями иначе, какъ въ самую горячую пору выборовъ, не тратятъ бездны драгоцѣннаго времени на провѣрку разныхъ темныхъ, тревожныхъ слуховъ,—зная, что стóитъ лишь просмотрѣть двѣ-три хорошія газеты, чтобъ все узнать до послѣдней мелочи; мало того: всякій знаетъ, что газеты считаютъ своимъ назначеніемъ печатать и провѣрять слухи, прежде чѣмъ тѣ успѣли распространиться въ обществѣ. Редакторъ предпріимчивой американской газеты считаетъ новостью отнюдь не то, о чемъ сегодня или вчера говорилось въ городѣ, а то, о чемъ будутъ говорить завтра. Американская печать—это всесвѣтный Аргусъ, подъ охраною котораго широко развертывается прирожденная всѣмъ людямъ предпріимчивость. Внося слѣдующіе съ нихъ налоги, граждане знаютъ, что за кровными ихъ денежками зорко слѣдитъ дѣятельное око всеобщаго, самопризваннаго контролера—печати; они знаютъ, что печать въ девяноста-девяти случаяхъ изо ста изобличитъ во время хищниковъ, посягающихъ на народныя деньги, и если эти изобличенія не влекутъ за собою немедленнаго предупрежденія растратъ и воровства, то это—уже отнюдь не вина печати, а самихъ гражданъ, которые часто предпочитаютъ предоставлять грабителямъ свои деньги, лишь бы не терять времени на преслѣдованіе таковыхъ—времени, которое въ Штатахъ, точно какимъ волшебствомъ, чуть ли не у всѣхъ на виду превращается въ доллары. Публика считаетъ газету обязанною поставлять новости, слѣдить за дѣятельностью чиновниковъ, провѣрять администраторовъ, изобличать лѣнь и неспособность въ высшихъ слугахъ хозяина-на-

рода, изобличать козни монополистовъ, но послѣднее слово по всѣмъ этимъ предметамъ народъ неизмѣнно предоставляетъ самому себѣ, причемъ весьма и весьма часто оставляетъ безъ вниманія даже наилучшіе совѣты печати. Притомъ читатели обладаютъ здѣсь какимъ-то будто шестымъ чувствомъ, охраняющимъ ихъ отъ газетнаго обмана: мнѣ лично, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ наблюденія за печатью различныхъ штатовъ, не удалось еще найти недобросовѣстную газету, имѣющую много подписчиковъ и объявленій. Конечно, монополисты здѣсь такъ богаты, что многіе изъ нихъ субсидируютъ газеты, какъ, напр., финансовый магнатъ Гульдъ, въ Нью-Іоркѣ, въ распоряженіи котораго одновременно состоятъ двѣ большія газеты: одна демократическая—«World», а другая республиканская—«Tribune»; газеты эти, въ особенности послѣдняя, ведутся весьма хорошо: «Tribune», слѣдуя традиціямъ своего основателя великаго Грили, продолжаетъ считаться авторитетомъ по многимъ соціальнымъ вопросамъ, но все же и къ ней относятся съ недовѣріемъ, зная, что извѣстный отдѣлъ извѣстій окрашивается въ краску, наиболѣе пригодную для аферъ капиталиста Гульда. И тѣмъ временемъ, какъ независимая газета «Herald» расходится въ числѣ 125,000 экземпляровъ, а столь же независимая «Sun» печатаетъ слишкомъ милліонъ номеровъ въ недѣлю, «Tribune» довольствуется какими-нибудь 30,000 читателей въ день. Бойко расходятся лишь газеты независимыя, число которыхъ умножается здѣсь съ каждымъ днемъ, тогда какъ газеты противоположныхъ тенденцій быстро утрачиваютъ всякую силу и значеніе. Такимъ образомъ, въ настоящее время, вопреки всѣмъ утвержденіямъ противнаго со стороны враговъ здѣшней печати, можно утвердительно сказать, что ее отнюдь нельзя обвинить въ потакательствѣ и подмогѣ политикамъ и въ потворствѣ монополистамъ въ ущербъ интересу народа. Правда, тотъ или другой нечестный сотрудникъ можетъ вставить статью-другую въ интересахъ того или другого подкупившаго его монополиста или общественнаго дѣятеля; но это весьма скоро замѣчается главнымъ руководителемъ газеты и виновнаго немедленно постигаетъ кара строгая, но справедливая—нерѣдко немедленное лишеніе мѣста.

Не подлежитъ сомнѣнію, что американская печать рекомендуетъ, создаетъ, выводитъ въ люди большинство законодателей страны, подготовляетъ и содѣйствуетъ избранію того или другого президента, а затѣмъ тѣ же законодатели и носители власти исполнительной зачастую не оправдываютъ надеждъ избирателей. Обвиняютъ въ томъ печать—и часто резонно, такъ какъ много нерѣшительныхъ людей въ послѣднюю минуту выборовъ под-

даются рѣшительнымъ заявленіямъ печати по вопросамъ, которые и для самой печати темны. И эта самонадѣянность—одна изъ наиболѣе прискорбныхъ погрѣшностей здѣшней печати; хотя и она значительно смягчается тѣмъ обстоятельствомъ, что составители газетъ всегда исходятъ изъ того предположенія, что читатели покупаютъ газету не въ видахъ своего просвѣщенія, а ради любопытства, и сами редакторы не придаютъ особеннаго значенія своимъ авторитетнымъ заявленіямъ, предоставляя себѣ право на завтра утверждать прямо противоположное. Руководители печати открыто говорятъ, что издаютъ газету не съ филантропическими, а съ практическими цѣлями, а такъ какъ читатели отнюдь не ангелы, не аскеты и не присяжные буквоѣды, то и редакторамъ, въ видахъ успѣха газеты, приходится примѣняться къ тому, чтó читателямъ требуется.

Нѣсколько болѣе основательными представляются на первый взглядъ столь распространенные въ обществѣ упреки за то, что печать, привлекая къ себѣ лучшія силы страны, тѣмъ самымъ отвлекаетъ таковыя отъ служенія отечеству, мѣшаетъ образованію крупныхъ государственныхъ дѣятелей въ родѣ Гладстона, Джона Брайта и др. Взводя это обвиненіе на печать, требовательное общество забываетъ, что въ настоящее время ихъ отечество пребываетъ въ такомъ глубокомъ мирѣ, такъ ограждено отъ всякаго риска внутреннихъ сотрясеній и авантюръ въ области внѣшней политики, что всѣ силы, вся интеллигенція страны уходитъ на торговлю и другія мирныя предпріятія, не требующія руководства геніевъ-патріотовъ. Извѣстное дѣло, что какъ патріоты создаются опасностью, угрожающею отечеству, такъ и крупные государственные люди создаются обстоятельствами. Здѣсь же преобладаетъ мирная, раздобрѣвшая посредственность именно потому, что на героевъ и геніевъ спроса нѣтъ. При другихъ обстоятельствахъ—несомнѣнно найдутся и люди, готовые дѣлать дѣло, найдутся, пожалуй, и Брайты, и Гладстоны, когда для таковыхъ откроется широкая арена дѣятельности.

Американцы очень любятъ при каждомъ удобномъ случаѣ цитировать слова своего незабвеннаго патріота-президента Джефферсона и ни одно изъ изреченій этого послѣдняго не передавало, кажется, съ такою вѣрностью воззрѣній всѣхъ его гражданъ, какъ то, которымъ онъ заявилъ: «я бы охотнѣе согласился жить въ странѣ, гдѣ есть газеты, но нѣтъ правительства, чѣмъ въ такой странѣ, гдѣ имѣется правительство, но нѣтъ газетъ»...

В. Макъ-Гаханъ.

МАРІОНЪ ФАЙ

Романъ, въ двухъ частяхъ, Антони Троллопа.

Съ англійскаго.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ *).

I.—Мистеръ Гринвудъ становится честолюбивъ.

Мистеръ Гринвудъ продолжалъ заботиться о здоровьѣ ректора мѣстечка Апльслокомбъ. Даже и теперь надежда его не покидала, но онъ скорѣй, думалось ему, могъ разсчитывать на старика маркиза—какъ тотъ ни былъ къ нему не расположенъ—чѣмъ на его наслѣдника. Маркизу онъ надоѣлъ, тотъ жаждалъ отъ него отдѣлаться; маркизъ, никогда не отличавшійся щедростью, теперь, быть можетъ на смертномъ одрѣ, сталъ несправедливъ, суровъ, жестокъ. Но онъ былъ слабохарактеренъ, забывчивъ и легко могъ пожелать сберечь свои деньги и покончить съ этой несносной исторіей, предоставивъ ему мѣсто. Но маркизъ не могъ имъ располагать при жизни ректора, не могъ даже обѣщать мѣста безъ согласія сына. Что лордъ Гэмпстедъ его не дастъ, мистеръ Гринвудъ былъ вполнѣ увѣренъ. Если можно было что-нибудь устроить, это должно быть сдѣлано маркизомъ. Маркизъ былъ очень боленъ, но все же было вѣроятно, что старикъ ректоръ умретъ раньше.

Мистеръ Гринвудъ не имѣлъ яснаго понятія о характерѣ молодого лорда. Маркиза онъ зналъ хорошо, такъ какъ прожилъ

---

*) См. выше: іюнь, 754 стр.

съ нимъ много лѣтъ. Считая своего патрона раздражительнымъ по болѣзни, но отъ природы снисходительнымъ, неблагоразумнымъ и слабымъ, онъ набрасывалъ портретъ схожій съ оригиналомъ. Но приписывая мстительность, суровость, лорду Гэмпстеду онъ совершенно ошибался. Относительно Апльслокомба и другихъ приходовъ, которые со временемъ будутъ раздаваться по его усмотрѣнію, лордъ Гэмпстедъ уже давно и окончательно рѣшилъ, что не будетъ ихъ вовсе касаться, не находя себя способнымъ назначать священниковъ для служенія церкви, къ которой не причислялъ себя. Все это онъ предоставитъ епископу, думая, что епископъ долженъ въ этомъ смыслить больше его. Тѣмъ не менѣе, еслибы отецъ обратился къ нему съ какимъ-нибудь требованіемъ относительно Апльслокомба, онъ, безъ всякаго сомнѣнія, счелъ бы это мѣсто отданнымъ при жизни отца. Но обо всемъ этомъ мистеръ Гринвудъ не могъ имѣть никакого понятія.

Ежедневно, почти ежечасно, обсуждались эти вопросы между леди Кинсбёри и капелланомъ. Между ними возникла сильная симпатія, насколько она можетъ существовать тамъ, гдѣ чувства одного гораздо сильнѣе чувствъ другого. Мать «голубковъ» позволила себѣ горько сѣтовать на дѣтей своего мужа отъ перваго брака и сначала не встрѣчала полнаго сочувствія въ своемъ повѣренномъ. Но за послѣднее время онъ сталъ энергичнѣе и рѣзче ея самой и почти ошеломилъ ее смѣлостью своихъ словъ. Она, въ гнѣвѣ, не разъ позволяла себѣ выразить желаніе, чтобъ ея пасынокъ умеръ. Капелланъ подхватилъ эти слова и повторялъ ихъ до тѣхъ поръ, пока она сама ихъ не ужаснулась. У него не было голубковъ, которые могли бы служить ему оправданіемъ. Немилостивая судьба не причинила ему никакого серьезнаго вреда. Какъ ни были тяжки грѣхи лорда Гэмпстеда и сестры его, его они опозорить не могли. А между тѣмъ, въ его словахъ звучала ненависть, пугавшая ее. Изо дня въ день въ ней возрастало сознаніе, что она подчинилась господству, почти тиранніи мистера Гринвуда. Когда онъ смотрѣлъ на нее своими глазами, не сводя ихъ съ нея въ теченіе нѣсколькихъ минутъ, эти минуты начинали казаться ей часами и ею овладѣвалъ страхъ. Она сама себѣ не признавалась, что подпала подъ его власть, не сознавала этого, но и не сознавая ощущала его вліяніе, такъ что и она начала подумывать, что хорошо было бы, еслибы капелланъ вынужденъ былъ оставить Траффордъ-Паркъ. Онъ, однако, продолжалъ обсуждать съ ней всѣ семейныя дѣла, точно услуги его были ей необходимы.

Телеграмма, возвѣщавшая о пріѣздѣ Гэмпстеда въ понедѣльникъ, была получена дворецкимъ и, понятно, тотчасъ же сообщена лорду Кинсбѣри. Маркизъ, который теперь не вставалъ съ постели, выразилъ искреннее удовольствіе и самъ сообщилъ новость женѣ. Она уже знала ее, такъ же какъ и капелланъ. Новость эта быстро облетѣла всѣхъ домашнихъ; среди прислуги существовало мнѣніе, что лорда Гэмпстеда слѣдовало вторично вызвать, уже нѣсколько дней тому назадъ. Докторъ намекнулъ на это маркизѣ и категорически выразилъ свою мысль дворецкому. Мистеръ Гринвудъ выразилъ миледи свое убѣжденіе, что маркизъ вовсе не желаетъ видѣть сына, а что сынъ ужъ, конечно, не имѣетъ ни малѣйшаго желанія вторично посѣтить Траффордъ.

— Онъ всему предпочитаетъ квакершу,—сказалъ онъ,—ее и охоту. Онъ и сестра его считаютъ себя совершенно оторванными отъ семьи. Я оставилъ бы ихъ въ покоѣ, будь я на вашемъ мѣстѣ.

Она что-то сказала мужу и исторгла у него что-то, что ей угодно было счесть выраженіемъ желанія, чтобы лорда Гэмпстеда не безпокоили. Теперь лордъ Гэмпстедъ ѣхалъ безъ всякаго приглашенія.

— Такъ онъ придетъ пѣшкомъ, среди ночи?—сказалъ мистеръ Гринвудъ.

Въ его голосѣ слышалось презрѣніе.

— Онъ это часто дѣлаетъ,—сказала маркиза.

— Странный способъ входить въ домъ больного, поднимать тревогу среди ночи.

Мистеръ Гринвудъ, говоря это, стоялъ передъ миледи и строго смотрѣлъ на нее.

— Что-жъ мнѣ-то дѣлать? Не думаю, чтобы онъ кого-нибудь потревожилъ. Онъ обойдетъ къ боковой двери, кто-нибудь изъ лакеевъ будетъ дежурить и впуститъ его. Онъ всегда поступаетъ не такъ, какъ другіе.

— Казалось бы, что когда отецъ его умираетъ...

— Не говорите этого, мистеръ Гринвудъ. Ничто не даетъ вамъ права говорить это. Маркизъ очень боленъ, но никто не говорилъ, чтобы онъ былъ уже такъ плохъ. Мнѣ кажется, что въ данномъ случаѣ Гэмпстедъ поступаетъ какъ слѣдуетъ.

— Сомнѣваюсь, чтобы это когда-нибудь съ нимъ случалось. У меня одна мысль: случись что-нибудь съ маркизомъ, какъ плохо пришлось бы вамъ и молодымъ лордамъ.

— Не сядете ли вы, мистеръ Гринвудъ,—сказала маркиза, которой присутствіе стоящаго капеллана стало почти невыносимо.

Онъ сѣлъ — не съ комфортомъ, а на самый край стула, чтобы не потерять того стѣсненнаго вида, который раздражалъ его собесѣдницу.

— Итакъ, я говорю: случись что-нибудь съ милордомъ, оно было бы крайне печально для васъ, миледи, и для лорда Фредерика, лорда Огустуса и лорда Грегори.

— Всѣ мы въ рукахъ Божіихъ, — благочестиво сказала миледи.

— Да, всѣ мы въ рукахъ Божіихъ. Но Господь желаетъ, чтобъ мы сами о себѣ заботились и всячески старались избѣгнуть несправедливости, жестокости и... и грабежа.

— Не думаю, чтобы тутъ былъ какой-нибудь грабежъ, мистеръ Гринвудъ.

— Развѣ не грабежъ бы это былъ, еслибъ васъ и маленькихъ лордовъ выгнали изъ этого дома?

— Онъ, конечно, принадлежалъ бы ему, лорду Гэмпстеду. Я получила бы Слокомбъ-Аббей въ Сомерсетширѣ. Тамошній домъ нравится мнѣ больше этого. Правда, онъ значительно меньше, но что мнѣ за утѣшеніе жить въ такомъ большомъ домѣ.

— Оно, пожалуй, и справедливо. Но почему это такъ?

— Объ этомъ толковать безполезно, мистеръ Гринвудъ.

— Я не въ силахъ не толковать объ этомъ. Происходитъ это оттого, что леди Франсесъ разрушила вашъ домъ, позволивъ себѣ стать невѣстой молодого человѣка, который ей не пара. — Тутъ онъ покачалъ головой, чтó всегда дѣлалъ, говоря о леди Франсесъ. — Что касается лорда Гэмпстеда, я считаю народнымъ бѣдствіемъ, что онъ переживетъ своего отца.

— Но чтó мы можемъ сдѣлать?

— Трудно сказать, миледи. Чтò я-то почувствую, если что-нибудь случится съ маркизомъ и я буду предоставленъ милостивому покровительству его старшаго сына? Съ лорда Гэмпстеда я не имѣю права требовать и шиллинга. Такъ какъ онъ безбожникъ, то, конечно, ему не понадобится капелланъ. Да и совѣсть бы мнѣ не позволила остаться при немъ. Я былъ бы выброшенъ на улицу, безъ гроша, посвятивъ, можно сказать, всю жизнь милорду.

— Онъ предлагалъ вамъ тысячу фунтовъ.

— Тысячу фунтовъ за труды цѣлой жизни! Да и это чѣмъ мнѣ гарантировано? Не думаю, чтобъ маркизу пришло въ голову внести это въ свое завѣщаніе. А хотя бы и такъ, что мнѣ въ тысячѣ фунтовъ? Вы можете поселиться въ Слокомбъ-Аббей. Но въ домъ ректора, который былъ мнѣ почти обѣщанъ, мнѣ не

попасть.—Маркиза знала, что это ложь, но не смѣла сказать ему этого. Обѣщать ему что-нибудь она могла только условно, какъ опекунша своего сына, въ случаѣ, еслибъ Гэмпстедъ умеръ при жизни отца; она прекрасно помнила, что во всѣхъ их бесѣдахъ на эту тему была очень сдержанна и всегда выставляла ему на видъ всю невѣроятность этой комбинаціи.—Еслибъ молодой человѣкъ былъ устраненъ,—продолжалъ онъ,—для меня была бы какая-нибудь надежда.

— Я не могу его устранить,—сказала маркиза.

— Равно какъ для лорда Фредерика и его братьевъ.

— Не слѣдовало бы вамъ говорить мнѣ этого, мистеръ Гринвудъ.

— Но приходится смотрѣть въ глаза дѣйствительности. Я тревожусь изъ-за васъ, больше чѣмъ изъ-за себя. Вы должны это признать. Полагаю, что относительно перваго брака нѣтъ никакихъ сомнѣній?

— Рѣшительно никакихъ,—сказала маркиза въ ужасѣ.

— Хотя въ то время его находили очень страннымъ. Мнѣ кажется, это надо бы изслѣдовать. Надо бы пустить въ ходъ всѣ пружины.

— Въ этомъ смыслѣ нѣтъ никакой надежды мистеръ Гринвудъ.

— Надо изслѣдовать. Подумайте только, что̀ будетъ, если онъ женится и будетъ имѣть сына прежде чѣмъ что-нибудь будетъ рѣшено.—На это лэди Кинсбѐри ничего не отвѣтила; послѣ небольшой паузы мистеръ Гринвудъ снова обратился къ собственнымъ горестямъ.

— Мнѣ необходимо,—сказалъ онъ,—еще разъ увидать маркиза, до пріѣзда лорда Гэмпстеда. Онъ не можетъ не признавать, что я имѣю полное право тревожиться. Не думаю, чтобъ какое бы то ни было обѣщаніе могло быть священно въ глазахъ его сына, но долженъ сдѣлать все возможное.

На это миледи не пожелала отвѣтить и они разстались, не особенно довольные другъ другомъ.

Это было въ понедѣльникъ. Во вторникъ мистеръ Гринвудъ, получивъ на то разрѣшеніе, тихонько прокрался въ комнату больного.

— Надѣюсь, что вы лучше себя чувствуете сегодня утромъ, милордъ.—Больной повернулся въ кровати и только слабо проворчалъ что-то въ отвѣтъ. — Я слышалъ, что лордъ Гэмпстедъ пріѣзжаетъ завтра, милордъ.

— Почему-жъ ему не пріѣхать?—Въ звукѣ голоса мистера

Гринвуда, вѣроятно, было что-нибудь, чтó непріятно поразило ухо больного, иначе онъ не отвѣтилъ бы такъ сердито.

— О, нѣтъ, милордъ. Я не хотѣлъ сказать, что есть какая-нибудь причина, по который лорду Гэмпстеду не слѣдовало бы пріѣзжать. Можетъ быть, было бы лучше, еслибъ пріѣхалъ онъ раньше.

— Нисколько не было бы лучше.

— Я только хотѣлъ замѣтить, милордъ...

— Вы еще что-нибудь хотѣли сказать, мистеръ Гринвудъ?

Сидѣлка все это время оставалась въ комнатѣ, и капелланъ находилъ это очень неловкимъ.—Нельзя ли бы намъ остаться на единѣ нѣсколько минутъ?—спросилъ онъ.

— Не думаю,—сказалъ больной.

— Есть нѣсколько вопросовъ, которые для меня чрезвычайно важны, лордъ Кинсбёри.

— Я недостаточно хорошо себя чувствую, чтобъ толковать о дѣлахъ, и не желаю этого. Мистеръ Робертсъ будетъ здѣсь завтра, можете повидаться съ нимъ.

Мистеръ Робертсъ былъ повѣренный, человѣкъ, котораго мистеръ Гринвудъ особенно не долюбливалъ. Мистеръ Гринвудъ, какъ священникъ, конечно, считался джентльменомъ и ставилъ мистера Робертса неизмѣримо ниже себя. Ему было очень обидно слышать, что онъ долженъ возобновить ходатайство о мѣстѣ черезъ мистера Робертса. Онъ имѣлъ привычку ежедневно прогуливаться съ часокъ, передъ солнечнымъ закатомъ, двигаясь крайне медленно по самой сухой дорогѣ, вблизи отъ дома, обыкновенно заложивъ руки за спину. Выйдя изъ спальни маркиза, онъ отправился на прогулку, причемъ шелъ быстрѣе обыкновеннаго. Гнѣвъ душилъ его и придавалъ нѣкоторую живость его движеніямъ. Онъ былъ взбѣшенъ на маркиза, но всего сильнѣе негодовалъ по обыкновенію на лорда Гэмпстеда. Мысль заработала въ этомъ направленіи...

Конечно, хорошо было бы, еслибъ молодой человѣкъ сломалъ себѣ шею на охотѣ, еслибъ яхта пошла ко дну, или разбилась о скалу. Но все это случайности, вызвать которыя не въ его власти. Такія желанія—ребячество, приличное только слабой женщинѣ, какъ маркиза. Если что-нибудь должно быть сдѣлано, этого можно достигнуть только энергическимъ усиліемъ; а усиліе это должно исходить отъ него, мистера Гринвуда. Тутъ онъ принялся соображать, насколько маркиза будетъ въ его власти, еслибъ и маркизъ, и старшій сынъ его умерли. Онъ былъ искренне убѣжденъ, что пріобрѣлъ надъ нею большое вліяніе.

Чтобъ она взбунтовалась противъ него, это было, конечно, въ предѣлахъ возможнаго. Но онъ зналъ, что въ теченіе послѣдняго мѣсяца, именно съ того дня, когда маркизъ пригрозилъ, что выгонитъ его изъ дома, онъ значительно болѣе прежняго подчинилъ ее себѣ. Въ этомъ отношеніи онъ приписывалъ себѣ гораздо болѣе, чѣмъ слѣдовало. На дѣлѣ, леди Кинсбёри, хотя научилась его бояться, не настолько поддалась его вліянію, чтобъ не имѣть возможности порвать съ нимъ, еслибъ настала минута, когда ея собственное спокойствіе этого бы потребовало.

II.—Желалъ бы, да не смѣю.

Одно желаніе ни къ чему не ведетъ. Если человѣкъ имѣетъ достаточный поводъ для дѣйствія, онъ обязанъ дѣйствовать. «Желалъ бы, да не смѣю» никогда не даетъ результатовъ. Жареные рябчики въ ротъ не валятся. Конечно, нельзя найти выхода изъ затрудненій, если человѣкъ не примется серьёзно отыскивать его. Съ помощью такихъ самоувѣщаній, совѣтовъ и отрывковъ изъ старыхъ поговорокъ мистеръ Гринвудъ убѣждалъ самого себя въ понедѣльникъ вечеромъ и пришелъ къ заключенію, что если что-нибудь дѣлать, надо дѣйствовать безотлагательно.

Тогда представился вопросъ: что̀, собственно, слѣдуетъ дѣлать и что̀ значитъ: «безотлагательно»? Когда предстоитъ сдѣлать нѣчто требующее особой твердости, это слишкомъ часто бываетъ то, чего дѣлать не должно. На добрыя дѣла, если на нихъ вообще останавливается наша мысль, мы обыкновенно рѣшаемся легче. Мистеру Гринвуду было пріятнѣе думать объ этомъ, какъ о чемъ-то составляющемъ достояніе будущаго, о чемъ-то, что̀ могло, пожалуй, сдѣлаться случайно, а не какъ о дѣйствіи, которое должно быть совершено его собственными руками. Утро четверга, отъ четырехъ до пяти, когда будетъ совершенно темно, на небѣ не будетъ ни звѣздъ, ни луны, а лордъ Гэмпстедъ навѣрное будетъ одинъ, въ такомъ-то мѣстѣ, не будетъ ли это утро самымъ подходящимъ временемъ для такого дѣйствія, какъ то, на которомъ теперь, не на шутку, начала останавливаться его мысль?

Когда вопросъ представился ему въ этой новой формѣ, онъ ужаснулся его. Нельзя сказать, чтобъ мистеръ Гринвудъ былъ человѣкъ съ сильно развитымъ религіознымъ чувствомъ. Въ ранней молодости онъ былъ посвященъ въ санъ священника, вѣроятно, руководствуясь, при выборѣ профессіи, толчкомъ, даннымъ ему

семейными связями, и въ силу обстоятельствъ попалъ въ штатъ дяди своего настоящаго патрона. Съ этой минуты и до настоящей онъ ни разу не отправлялъ службы въ церкви, а его услуги въ качествѣ капеллана очень скоро сдѣлались совершенно необременительны. Старикъ лордъ Кинсбёри умеръ, и мистеръ Гринвудъ продолжалъ служить его наслѣднику скорѣй въ качествѣ секретаря и библіотекаря, чѣмъ капеллана. Такъ достигъ онъ своихъ настоящихъ условій; въ его обращеніи и чувствахъ почти не сказывался священникъ. Онъ охотно готовъ былъ принять священническое мѣсто, еслибъ оно встрѣтилость на пути его, но принять его съ мыслью, что обязанности будутъ главнымъ образомъ исполняться его помощникомъ. Онъ не былъ человѣкъ религіозный, но когда онъ серьёзно задумался надъ этимъ вопросомъ, то это не помогло ему отстранить страшныя сомнѣнія, теперь, когда онъ видѣлъ въ себѣ—возможнаго убійцу. Когда онъ думалъ объ этомъ, его первое и преобладающее опасеніе не проистекало изъ позорнаго наказанія, связаннаго съ преступленіемъ. Съ виду его можно было принять за труса, но настоящій характеръ его не соотвѣтствовалъ наружности. Мужество—добродѣтель слишкомъ высокаго разбора, чтобъ онъ могъ ею обладать, но у него была та способность владѣть своими нервами, та личная смѣлость, порождаемая самоувѣренностью, которыя часто принимаются за мужество. Допустивъ, что ему нужно устранить съ дороги врага, онъ могъ приняться за устраненіе его безъ преувеличеннаго страха передъ послѣдствіями въ этомъ мірѣ. Онъ очень былъ увѣренъ въ себѣ. Онъ могъ, казалось ему, такъ обсудить вопросъ, чтобъ знать навѣрное, безопасенъ или нѣтъ тотъ или другой планъ. Могло случиться, что никакой безопасный планъ не окажется возможнымъ, тогда придется отказаться отъ попытки. Во всякомъ случаѣ не эти опасности заставляли его бродить какъ тѣнь, въ ужасѣ передъ собственными намѣреніями.

Были другія опасности, страхи передъ которыми онъ не могъ стряхнуть съ себя. Возможно сомнѣваться, чтобъ онъ имѣлъ сколько-нибудь опредѣленную надежду на вѣчное блаженство въ иной жизни. Онъ вѣроятно отгонялъ отъ себя мысли такого рода, не желая подвергать изслѣдованію собственныхъ вѣрованій. У многихъ въ обычаѣ совершенно притуплять свой умъ въ этомъ отношеніи. Предполагать, что такіе люди придерживаются того или другого мнѣнія относительно будущихъ наградъ и наказаній, значитъ приписывать имъ душевное состояніе, до котораго они никогда не возвышались. Къ такимъ людямъ принадлежалъ и мистеръ Гринвудъ; тѣмъ не менѣе онъ чего-то

испугался, когда эта мысль, относительно лорда Гэмпстеда, представилась ему. Это чувство было для него тоже, что для ребенка— пугало, для нервной женщины полу-вѣра въ привидѣнія, для меланхолика, одареннаго воображеніемъ, страхъ предъ неопредѣленнымъ зломъ. Онъ не думалъ, что, замышляя такой поступокъ, онъ приведетъ себя въ состояніе, не соотвѣтствующее блаженной жизни. Мысль его не работала въ этомъ направленіи. Но хотя бы въ этомъ мірѣ не было наказанія—хотя бы, даже, не существовало другого міра, въ которомъ наказаніе это могло бы его постигнуть, тѣмъ не менѣе, что-нибудь дурное навѣрное его поразитъ. Міръ въ этомъ убѣжденъ со временъ Каина.

Однако, всякія старинныя поговорки настолько осилили его сомнѣніе, что во вторникъ онъ положительно составилъ планъ. Тутъ явилась горькая мысль, что то, чтó онъ сдѣлаетъ, будетъ сдѣлано скорѣй для блага другихъ, чѣмъ для его собственнаго. Чтó узнаетъ лордъ Фредерикъ о своемъ благодѣтелѣ, когда наслѣдуетъ всѣ фамильныя почести, въ качествѣ маркиза Кинсбёри? Лордъ Фредерикъ не поблагодаритъ его, даже еслибъ зналъ, чего, конечно, никогда быть не можетъ. Почему эта женщина ему не помогаетъ, она, которая подстрекала его къ совершенію преступленія? Онъ думалъ обо всемъ этомъ, лежа въ постелѣ, но когда всталъ на слѣдующее утро, то еще не окончательно отказался отъ своей мысли. Молодой человѣкъ выказывалъ къ нему презрѣніе, оскорбилъ его, былъ ему ненавистенъ. Ему казалось, что планъ его созрѣлъ. Оружіе было тутъ—подъ рукой,— этого оружія онъ не покупалъ, по этому оружію невозможно было бы до него добраться, оно несомнѣнно окажется роковымъ, если будетъ пущено въ ходъ съ той увѣренностью, которую онъ сознавалъ въ себѣ. Тѣмъ не менѣе, обдумывая все это, онъ смотрѣлъ на это не какъ на дѣло рѣшенное, а только какъ на вещь возможную. Онъ посматривалъ на пистолетъ и на окно, приготовляясь подняться въ комнату миледи, въ среду, передъ завтракомъ. Ровно въ половинѣ перваго маркиза ежедневно навѣщала мужа, у капеллана теперь вошло въ обычай посѣщать ее передъ этимъ. Она нѣсколько разъ почти рѣшалась сказать ему, что предпочитаетъ, чтобъ ее не безпокоили по утрамъ. Но она еще не собралась съ духомъ это сдѣлать. Она знала, что у нея, подъ вліяніемъ гнѣва, вырвались слова, которыя могли послужить ему орудіемъ противъ нея.

— Лордъ Гэмпстедъ будетъ здѣсь въ половинѣ пятаго, можно сказать среди ночи завтра, леди Кинсбёри,—сказалъ онъ, повторяя сказанное уже не разъ. При этомъ онъ стоялъ посреди

комнаты и смотрѣлъ на нее взглядомъ, который часто причинялъ ей страданіе, но котораго она совершенно не понимала.

— Я знала, что онъ будетъ.

— Неужели вы не находите, что это очень неудобное время, тамъ, гдѣ есть больной?

— Онъ не потревожитъ отца.

— Не знаю. Будутъ отворять, затворять двери, слуга будетъ расхаживать по корридорамъ, внесутъ вещи.

— Съ нимъ не будетъ вещей.

— Это похоже на всѣ его дѣйствія,—сказалъ мистеръ Гринвудъ, желая заставить мачиху дурно отозваться о пасынкѣ. Но направленіе ея мыслей измѣнилось. Она не сознавала причины, вызвавшей перемѣну, но рѣшилась болѣе не отзываться дурно о дѣтяхъ мужа, въ присутствіи капеллана.

— Полагаю, что предпринять тутъ ничего нельзя,—сказалъ мистеръ Гринвудъ.

— Что-жъ можно предпринять? Если вы не сейчасъ уходите, то присядьте. Мнѣ тяжело видѣть, какъ вы стоите посреди комнаты.

— Не удивляюсь, что вамъ тяжело,—сказалъ онъ, усаживаясь, но опять на край стула.—Что мнѣ тяжело, я знаю. Никто никогда не скажетъ мнѣ утѣшительнаго слова. Чтó я буду дѣлать, въ случаѣ чего?

— Мистеръ Гринвудъ, чтó пользы въ этихъ разговорахъ?

— Что бы вы сказали, лэди Кинсбёри, еслибъ вамъ пришлось доживать вѣкъ на проценты съ одной тысячи фунтовъ?

— Я тутъ не при чемъ. Я совершенно не вмѣшивалась въ ваши переговоры съ лордомъ Кинсбёри. Вы очень хорошо знаете, что я даже не смѣю упомянуть ваше имя при немъ, чтобъ онъ не приказалъ выгнать васъ изъ дома.

— Выгнать изъ дома!—воскликнулъ онъ, вскакивая со стула съ живостью, совершенно ему несвойственной.—Выгнать изъ дома? точно я собака! Никто не вынесетъ такихъ рѣчей!

— Вы очень хорошо знаете, что я всегда была вамъ другомъ,—сказала перепуганная маркиза.

— И вы говорите мнѣ, что меня выгонятъ изъ дома!

— Я говорю только, что лучше было бы не упоминать вашего имени при немъ. Теперь мнѣ пора идти, онъ будетъ меня ждать.

— Онъ къ вамъ совершенно равнодушенъ, совершенно.

— Мистеръ Гринвудъ!

— Онъ только и любитъ сына и дочь, сына и дочь отъ

первой жены; эту подлую молодежь, которая, какъ вы часто говорили, совершенно недостойна своего имени.

— Мистеръ Гринвудъ, съ этимъ я не могу согласиться.

— Развѣ вы этого не повторяли многое множество разъ? Развѣ вы не говорили: «Какъ славно было бы, еслибъ лордъ Гэмпстедъ умеръ!» Вы не можете отречься отъ всего этого, лэди Кинсбёри.

— Мнѣ пора, мистеръ Гринвудъ,—сказала она въ смущеніи, выходя изъ комнаты. Онъ окончательно напугалъ ее и, сходя съ лѣстницы, она рѣшила, что она, во что бы ни стало, должна избавить себя отъ дальнѣйшихъ интимныхъ бесѣдъ съ капелланомъ.

Мистеръ Гринвудъ, оставшись одинъ, не тотчасъ вышелъ изъ комнаты. Онъ снова сѣлъ, и сидѣлъ, продолжая смотрѣть въ одну точку, какъ будто ему было на кого смотрѣть, продолжая сидѣть на кончикѣ стула, точно въ комнатѣ былъ кто-нибудь, кто могъ бы замѣтить притворное смиреніе его позы. Все это дѣлалось безсознательно, мысли его теперь были поглощены оскорбленіемъ, какое нанесла ему маркиза. Она покидала его въ самую рѣшительную минуту. Само собою разумѣется, что когда онъ выражалъ ей сочувствіе по поводу обидъ, причиненныхъ «голубкамъ», онъ надѣялся, что и она сочувственно отнесется къ невзгодамъ, которымъ подвергали его. Но ей не было никакого дѣла до его невзгодъ, она жаждала одного: изгладить самое воспоминаніе о своихъ рѣзкихъ отзывахъ о дѣтяхъ мужа. Этого не должно быть! Нельзя ей дать ускользнуть отъ него такимъ образомъ. Разъ составилась компанія, ни одинъ изъ компаніоновъ не имѣетъ права выйти изъ нея, когда вздумаетъ, оставивъ бремя всѣхъ долговъ на плечахъ другого. Развѣ всѣ эти мысли, которыя такъ тяжело ложились ему на душу въ минуты полученія телеграммы, не дѣло ея рукъ? Развѣ самую мысль подала не она? А теперь она его покидаетъ. Ему казалось, что онъ съумѣетъ такъ устроить дѣло, что ей не удастся сдѣлать этого безнаказанно. Обдумавъ все это, онъ всталъ и медленно направился въ свою комнату. Завтракалъ онъ у себя, а затѣмъ принялся за чтеніе романа, чему обыкновенно посвящалъ этотъ часъ дня. Не могло быть человѣка болѣе аккуратнаго въ ежедневныхъ занятіяхъ, чѣмъ мистеръ Гринвудъ. Послѣ завтрака всегда являлся на сцену романъ; но, перевернувъ нѣсколько страницъ, старикъ обыкновенно засыпалъ и съ часокъ наслаждался безмятежнымъ покоемъ, потомъ отправлялся на прогулку, послѣ которой снова брался за книгу, пока не наставало время пить чай

съ миледи. Сегодня онъ совсѣмъ не читалъ, но и заснулъ не сразу...

Когда онъ проснулся и вышелъ пройтись, то почувствовалъ, что на сердцѣ у него стало легко. Прохаживаясь взадъ и впередъ по дорогѣ, онъ увѣрилъ себя, что, въ сущности, никогда ничего и не замышлялъ. Какъ бы то ни было на дѣлѣ, тяжкое бремя свалилось у него съ плечъ.

Въ пять часовъ самъ дворецкій доложилъ ему, что миледи, чувствуя себя не совсѣмъ хорошо, извиняется, что не можетъ пригласить его пить чай, прибавивъ отъ себя, что, коли угодно, можно и сюда подать.

— Пожалуй, выпью чашку, Гаррисъ,—сказалъ капелланъ.— Скажите, Гаррисъ, видѣли вы милорда сегодня?

Гаррисъ объявилъ, что видѣлъ милорда, тономъ, дававшимъ понять, что его, по крайней мѣрѣ, не согнали съ глазъ долой.

— Какъ вы его нашли?

Гаррису показалось, что маркизъ нынче чуть-чуть больше на себя похожъ, чѣмъ за послѣдніе три дня.

— Отлично. Очень радъ это слышать. Пріѣздъ лорда Гемпстеда будетъ для него большимъ утѣшеніемъ.

— Такъ точно, — сказалъ Гаррисъ, который былъ совершенно на сторонѣ лорда Гэмпстеда, въ семейныхъ распряхъ.

— Не худо было бы, еслибъ онъ пріѣхалъ въ нѣсколько болѣе удобный часъ,—съ улыбкой сказалъ мистеръ Гринвудъ.

Но Гаррисъ находилъ, что часъ очень удобный. Милордъ очень часто пріѣзжаетъ въ такое время, въ этомъ нѣтъ ничего дурного.

Послѣднія слова Гаррисъ проговорилъ, держась за ручку двери, чѣмъ и обнаружилъ, что не жаждетъ продолжительной бесѣды съ капелланомъ.

III.—Леди Францесъ видится съ женихомъ.

Въ понедѣльникъ на этой недѣлѣ, мистриссъ Винсентъ необыкновенно долго засидѣлась въ Парадизъ-Роу. Такъ какъ она ѣздила туда всегда по понедѣльникамъ, то ни Клара Демиджонъ, ни мистриссъ Дufферъ не были особенно удивлены; тѣмъ не менѣе онѣ замѣтили, что коляска простояла во дворѣ таверны часомъ долѣе обыкновеннаго, причемъ, конечно, не обошлось безъ нѣсколькихъ замѣчаній.

— Она обыкновенно такъ аккуратна,—сказала Клара. Но

мистриссъ Дуфферъ замѣтила, что такъ какъ гостья засидѣлась долѣе часа, который обыкновенно посвящала своей пріятельницѣ, то, вѣроятно, рѣшилась ужъ просидѣть другой. — На всѣхъ этихъ биржахъ за пол-часа платы не берутъ, — сказала мистриссъ Дуфферъ. Но длинный визитъ мистриссъ Винсентъ имѣлъ гораздо бо́льшее значеніе. Имъ съ кузиной пришлось обсудить многое. Послѣдствіемъ этого разговора было предложеніе, которое мистриссъ Роденъ, въ тотъ же вечеръ, сдѣлала сыну, чѣмъ послѣдній былъ крайне удивленъ. Она желала, въ самомъ непродолжительномъ времени, поѣхать въ Италію и желала, чтобъ онъ сопровождалъ ее.

— Что это значитъ, матушка? — спросилъ онъ, когда она попросила его сопутствовать ей, не объясняя причины, дѣлавшей путешествіе это необходимымъ. Она призадумалась, точно соображая; исполнить ли его просьбу, раскрыть ли ему всю тайну его жизни, которую она, до сихъ поръ, скрывала отъ него.

— Само собой разумѣется, что я не буду настаивать, — сказалъ онъ, — если вы находите, что не можете довѣриться мнѣ.

— О, Джорджъ, это не хорошо съ твоей стороны.

— Какъ же мнѣ иначе выразиться? Возможно ли, чтобъ я пустился въ такой далекій путь, или позволилъ вамъ это сдѣлать, не спросивъ даже о причинѣ такого рѣшенія? Что̀ я могу предположить, если вы откажетесь мнѣ отвѣтить, какъ не то, что существуетъ какая-то причина, по которой вы не должны довѣряться мнѣ?

— Ты знаешь, что я довѣряю тебѣ. Никакая мать никогда больше не довѣряла сыну. Ты долженъ это знать. Тутъ дѣло не въ довѣріи. Могутъ быть тайны, которыхъ нельзя сообщить лучшему другу. Еслибъ я дала слово, не хотѣлъ ли бы ты, чтобъ я сдержала его?

— Такихъ обѣщаній не слѣдуетъ ни требовать, ни давать.

— Но если потребовали и дали? Исполни теперь мою просьбу; вѣроятно, что раньше, чѣмъ мы вернемся, все станетъ тебѣ ясно, по крайней мѣрѣ такъ же ясно, какъ мнѣ.

Послѣ этого онъ рѣшился, безъ дальнѣйшихъ разспросовъ, исполнить желаніе матери. Онъ тотчасъ сталъ хлопотать о необходимыхъ приготовленіяхъ къ отъѣзду съ такимъ удовольствіемъ, точно путешествіе это затѣвалось по его инціативѣ. Рѣшено было, что они выѣдутъ въ пятницу, проѣдутъ черезъ Францію и туннель Монъ-Сени въ Туринъ, а оттуда въ Миланъ. О томъ, что̀ ожидало ихъ далѣе, онъ въ это время ни-

чего не зналъ. Прежде всего ему было необходимо получить отпускъ отъ сэра Бореаса; Роденъ сильно сомнѣвался въ успѣхѣ, такъ какъ въ этомъ году уже пользовался отпускомъ. Эолъ оказался очень любезенъ.

— Какъ, въ Италію? — сказалъ сэръ Бореасъ.—Прелестно тамъ, когда доберешься, по правдѣ сказать, но скверное время года для путешествія. Неожиданныя дѣла, говорите вы? Съ матушкой ѣхать! Не годится дамѣ путешествовать одной. На долго ли? Сами не знаете? Чтожъ, возвращайтесь какъ можно скорѣй и только. А Кровера вы не прихватите ли съ собой?

Въ это время Крокеръ уже подвергся новымъ нареканіямъ по поводу несовершенства своего почерка. Ему обѣщали, что простятъ ему какую-то вину, вызвавшую жалобу, подъ условіемъ, что онъ прочтетъ страницу, писанную его собственной рукой. Но въ этой попыткѣ онъ потерпѣлъ полную неудачу. Роденъ не думалъ, чтобъ ему можно было взять Крокера съ собой въ Италію, но устроилъ собственное дѣло и безъ этого.

Былъ другой вопросъ, также требовавшій разрѣшенія. Шесть недѣль прошло съ того дня, какъ онъ, съ лордомъ Гэмпстедомъ, сдѣлалъ полъ-дороги изъ Галловея въ Гендонъ и пріятель его потребовалъ, чтобъ онъ не посѣщалъ леди Франсесъ во время пребыванія ея въ Гендонъ-Голлѣ. Роденъ отвѣтилъ отказомъ, но до сихъ поръ сообразжался съ духомъ этой просьбы. Въ настоящую минуту, какъ ему казалось, настало время, когда ему необходимо было посѣтить ее. Они не переписывались со времени первыхъ дней пребыванія въ Кенигсграфѣ, вслѣдствіе принятаго ею самой рѣшенія. Теперь, какъ онъ часто повторялъ себѣ, они были также всецѣло разлучены, какъ еслибъ каждый положилъ никогда больше не встрѣчаться съ другимъ. Онъ былъ человѣкъ терпѣливый, сдержанный и отъ природы способный вынести такое испытаніе безъ громогласныхъ жалобъ; но онъ всегда помнилъ, какъ близко они другъ отъ друга, и часто говорилъ себѣ, что едва ли можетъ надѣяться на ея постоянство, если не приметъ какихъ-нибудь мѣръ, чтобъ доказать ей свою вѣрность. Думая обо всемъ этомъ, онъ рѣшилъ, что употребитъ всѣ старанія, чтобъ повидаться съ ней передъ отъѣздомъ въ Италію. Еслибъ его не приняли въ Гендонъ-Голлѣ, тогда онъ напишетъ.

Въ четвергъ утромъ онъ отправился въ Гендонъ изъ Лондона и прямо спросилъ леди Франсесъ. Леди Франсесъ была дома и одна — буквально одна, такъ какъ во время отсутствія брата при ней не было никого. Слуга, отворившій дверь, тотъ самый, ко-

торый впустилъ бѣднаго Крокера и видѣлъ какъ сильно испугалась его молодая госпожа, когда доложили о почтамтскомъ клеркѣ, не рѣшился прямо впустить въ домъ второго такого же клерка.

— Пойду, узнаю,—сказалъ онъ, предоставляя Родену сѣсть въ залѣ или оставаться на ногахъ, по усмотрѣнію. Затѣмъ лакей, съ проницательностью, дѣлавшей ему честь, обошелъ кругомъ, чтобы влюбленный не зналъ, что одна дверь отдѣляетъ его отъ «предмета».

— Джентльменъ въ залѣ?—сказала лэди Франсесъ.

— Мистеръ Роденъ, милэди,—сказалъ слуга.

— Просите,—сказала лэди Франсесъ, давая себѣ минуту на размышленіе, минуту, настолько короткую, что она надѣялась, что колебаніе было незамѣтно. А между тѣмъ она сильно колебалась. Она категорически объяснила брату, что не давала никакого обѣщанія. Она никогда никому не обѣщала, что не приметъ жениха, еслибы онъ навѣстилъ ее. Она не хотѣла признать, чтобы даже братъ, даже отецъ былъ въ правѣ требовать отъ нея подобнаго обѣщанія. Но мысли брата, на этотъ счетъ, были ей извѣстны. Она сознавала также, насколько она ему обязана. Но и она настрадалась отъ долгой разлуки. Она находила, что имѣть жениха, котораго никогда не видишь и отъ котораго никогда не получаешь извѣстій, почти все равно, что не имѣть никакого. Она точно въ клѣткѣ билась, думая объ этой жестокой разлукѣ. Она также размышляла о томъ, какое небольшое разстояніе отдѣляетъ Гендонъ отъ Галловэя. Она, можетъ быть, даже думала, что будь онъ ей такъ же вѣренъ, какъ она ему, онъ не посмотрѣлъ бы ни на отца, ни на брата. Теперь, когда онъ былъ у дверей, она не могла прогнать его.

Все это она обдумала такъ быстро, что приказаніе «просить» было отдано послѣ едва замѣтной паузы. Черезъ полъминуты Роденъ былъ въ комнатѣ.

Долженъ ли лѣтописецъ говорить, что они были въ объятіяхъ другъ друга прежде, чѣмъ успѣли выговорить слово? Первая заговорила она.

— О, Джорджъ, какъ долго.

— Мнѣ показалось очень долго.

— Но, наконецъ, ты пришелъ.

— Развѣ ты ждала меня раньше? Развѣ вы не согласились съ Гэмпстедомъ и съ твоимъ отцомъ, что мнѣ не слѣдуетъ бывать?

— Оставимъ это. Теперь ты здѣсь. Знаешь, бѣдный папа

очень боленъ. Можетъ быть, мнѣ придется туда ѣхать. Джонъ теперь тамъ.

— Неужели ему такъ дурно?

— Джонъ уѣхалъ вчера вечеромъ. Мы хорошенько не знаемъ, въ какомъ онъ положеніи. Онъ самъ не пишетъ, а мы сомнѣваемся, чтобы намъ говорили правду. Я чуть-чуть не уѣхала съ нимъ, и тогда, сэръ, вы не видѣли бы меня... вовсе.

— Еще мѣсяцъ, шесть недѣль, годъ, нисколько бы не измѣнили моей вѣры въ твою вѣрность.

— Съ твоей стороны очень мило это говорить.

— Ни, я думаю, твоей вѣры въ мою вѣрность.

— Конечно, я обязана не отставать отъ тебя въ любезности. Но зачѣмъ ты пріѣхалъ теперь? Тебѣ не слѣдовало пріѣзжать, когда Джонъ оставилъ меня совсѣмъ одну.

— Я не зналъ, что ты здѣсь одна.

— Тогда, пожалуй, не пріѣхалъ бы? Но тебѣ не слѣдовало пріѣзжать. Почему ты не попросилъ позволенія?

— Потому что получилъ бы отказъ. Вѣдь получилъ бы? не правда ли?

— Конечно.

— Но такъ какъ я особенно желалъ тебя видѣть...

— Почему, особенно? Я постоянно желала тебя видѣть. То же долженъ былъ бы чувствовать и ты, еслибъ ты былъ мнѣ такъ же вѣренъ какъ я тебѣ.

— Но я ѣду.

— Ѣдешь! Куда? Не на всегда же! Ты хочешь сказать, что переѣзжаешь изъ Галловея, или оставляешь почтамтъ?

Тутъ онъ объяснилъ ей, что, насколько ему извѣстно, путешествіе будетъ непродолжительное. Онъ не оставляетъ своего департамента, но получилъ отпускъ, чтобы ѣхать съ матерью въ Миланъ.

— Зачѣмъ, я даже и не могу себѣ вообразить,—сказалъ онъ смѣясь.—У матушки какая-то великая тайна, никакихъ подробностей которой она никогда еще мнѣ не открывала. Все, что я знаю, это что я родился въ Италіи.

— Ты итальянецъ?

— Этого я не говорилъ. Я даже навѣрное не знаю, что я родился въ Италіи, хотя почему-то увѣренъ въ этомъ. Объ отцѣ моемъ я никогда ничего не слыхалъ, — кромѣ того, что онъ, безъ сомнѣнія, былъ дурнымъ мужемъ для моей матери. Теперь я, можетъ быть, все узнаю.

Дальнѣйшихъ подробностей ихъ свиданія незачѣмъ сообщать читателю.

Для нея это былъ день необычайно радостный. Женихъ въ Китаѣ, или воюющій съ зулусами, несчастіе. Женихъ долженъ находиться подъ рукой, во всякую минуту, чтобы его можно было цѣловать или бранить, чтобы онъ ухаживалъ за вами или, что гораздо пріятнѣе, позволялъ вамъ ухаживать за собой, какъ случится. Но женихъ въ Китаѣ лучше жениха въ сосѣдней улицѣ или въ ближайшемъ приходѣ, или въ разстояніи нѣсколькихъ миль, по желѣзной дорогѣ, — съ которымъ вамъ запрещено видѣться. Лэди Франсесъ много страдала. Теперь нѣсколько прояснѣло. Она посмотрѣла на него, слышала его голосъ, нашла утѣшеніе въ его увѣреніяхъ, насладилась давно желаннымъ случаемъ повторить свои собственныя.

— Ничто, ничто, ничто не можетъ измѣнить меня, — говорила она. — Ни время, ничто, чтó можетъ сказать отецъ, ничто, чтó можетъ сдѣлать Джонъ, не окажетъ никакого дѣйствія. Что касается до лэди Кинсбёри, ты, конечно, знаешь, что она совершенно отказалась отъ меня.

Онъ объявилъ, что ему совершенно все равно, кто бы отъ нея ни отказался. Получивъ ея обѣщаніе, онъ былъ въ силахъ ждать. На этомъ они разстались. Когда онъ ушелъ, она, не смотря на свою радость, не была спокойна и рѣшила, что ей необходимо сейчасъ же написать брату, чтобы сообщить ему о случившемся.

Она сѣла и написала слѣдующее:

«Дорогой Джонъ,

«Съ нетерпѣніемъ жду вѣстей изъ Траффорда, хочется узнать, какъ ты нашелъ папа. Мнѣ все думается, что еслибъ онъ былъ очень боленъ, кто-нибудь сообщилъ бы намъ истину. Хотя мистеръ Гринвудъ сварливъ и дерзокъ, онъ едва ли бы скрылъ отъ насъ правду.

«Теперь я должна сообщить тебѣ новость; надѣюсь, что она не очень разсердитъ тебя. Я тутъ не причемъ; не знаю, какъ я могла бы избѣжать этого. Твой пріятель, Джорджъ Роденъ, былъ сегодня здѣсь и пожелалъ меня видѣть. Конечно, я могла бы отказать. Онъ былъ въ залѣ, когда Ричардъ доложилъ о немъ, я, пожалуй, могла послать сказать, что меня нѣтъ дома. Но, мнѣ кажется, ты поймешь, что это было невозможно. Какъ солгать человѣку, когда питаешь къ нему такія чувства, какъ мои къ Джорджу? Какъ могла я позволить слугамъ подумать, что способна поступить съ нимъ такъ жестоко? Понятно, что о

нашихъ отношеніяхъ всѣ знають. Я сама хочу, чтобы всѣ знали и разъ навсегда поняли, что я нисколько не стыжусь того, что намѣрена сдѣлать.

«Когда ты узнаешь, зачѣмъ онъ былъ, то не думаю, чтобы ты сталъ сердиться, даже на него. Онъ долженъ, почему-то, немедленно ѣхать съ матерью въ Италію. Завтра они выѣзжають въ Миланъ; онъ самъ не знаетъ, когда ему удастся вернуться. Ему пришлось просить отпуска, но этотъ сэръ Бореасъ, о которомъ онъ часто говоритъ, кажется, очень добродушно разрѣшилъ его. Онъ спросилъ его, не прихватитъ ли онъ, съ собой въ Италію мистера Крокера; но это, понятно, была шутка. Кажется, мистеръ Крокеръ, въ почтамтѣ, всѣмъ такъ же не милъ, какъ тебѣ. Зачѣмъ мистриссъ Роденъ ѣдетъ, Джорджъ не знаетъ. Все, что ему извѣстно, это—что существуетъ какая-то тайна, которая раскроется ему ранѣе его возвращенія домой.

«Я серьёзно думаю, что ты не въ правѣ удивляться тому, что онъ навѣстилъ меня, отправляясь въ такой дальній путь. Что бы я подумала, еслибы услыхала, что онъ уѣхалъ, не сказавъ мнѣ ни слова?

«А потому надѣюсь, что ты не будешь сердиться ни на него, ни на меня. Тѣмъ не менѣе я сознаю, что, пожалуй, поставила тебя въ неловкое положеніе передъ папа. Я нисколько не забочусь о лэди Кинсбёри, которая не имѣетъ никакого права вмѣшиваться въ это дѣло. Она такъ вела себя, что, мнѣ кажется, между нами все кончено. Но мнѣ, право, будетъ очень жаль, если папа разсердится, и очень прискорбно, если онъ скажетъ тебѣ что-нибудь непріятное, послѣ всего, что ты для меня сдѣлалъ.

«Твоя любящая сестра Фанни».

IV.—Ощущенія мистера Гринвуда.

Въ эту ночь мистеръ Гринвудъ мало спалъ. Возможно сомнѣваться, чтобъ глаза его смежились хоть разъ. Онъ, правда, не совершилъ дѣла, которое теперь казалось ему такимъ ужаснымъ, что онъ съ трудомъ вѣрилъ, чтобъ онъ дѣйствительно замышлялъ его; тѣмъ не менѣе онъ зналъ — зналъ, что въ теченіе нѣсколькихъ часовъ въ душѣ его таилось намѣреніе совершить его! Онъ силился увѣрить себя, что, въ сущности, это было не болѣе какъ праздная мечта, что опредѣленнаго намѣренія у него не было, что онъ только забавлялся, соображая, какъ бы онъ обдѣлалъ это дѣльце такъ, чтобъ не попасться.

Онъ просто мысленно останавливался на чужихъ промахахъ, на слѣпотѣ людей, которые такъ неискусно вели свое дѣло, что оставляли явные слѣды для глазъ и умовъ посторонних наблюдателей; убѣждался, что онъ съумѣлъ бы лучше распорядиться, еслибъ ему представилась необходимость рѣшиться на это. И только. Безъ всякаго сомнѣнія онъ ненавидѣлъ лорда Гэмпстеда, и имѣлъ на это основаніе. Но не довела же его ненависть до «намѣренія совершить убійство».

О дѣйствительномъ убійствѣ и рѣчи быть не могло: съ чего бы онъ навязалъ себѣ опасность, да и бремя, которымъ оно, безъ всякаго сомнѣнія, легло бы на его совѣсть? Какъ онъ ни ненавидѣлъ лорда Гэмпстеда, въ это ему путаться не подобало. Это вонъ та лэди Макбетъ наверху, мать голубковъ, точно думала объ убійствѣ. Она открыто говорила о своемъ искреннемъ желаніи, чтобъ лордъ Гэмпстедъ умеръ. Еслибъ серьезно шла рѣчь объ убійствѣ, то ей бы надо было все взвѣсить, обдумать, составить планъ, а никакъ не ему! Нѣтъ, онъ не помышлялъ о такомъ преступленіи, съ цѣлью обезпечить себѣ подъ старость тепленькое мѣстечко. Онъ говорилъ себѣ теперь, что сдѣлай онъ такое дѣло, выполни онъ планъ, зародившійся въ умѣ его въ видѣ праздной мечты, то хотя бы онъ и не попался, его бы заподозрили, а подозрѣніе настолько же бы разрушило его надежды, какъ и изобличеніе. Конечно, все это было ему достаточно ясно и въ то время, когда мрачныя мысли роились у него въ головѣ, а потому—могъ ли онъ дѣйствительно питать это намѣреніе? Онъ не имѣлъ его. Это былъ не болѣе какъ одинъ изъ тѣхъ воздушныхъ зáмковъ, которые строятъ старъ и младъ.

Такъ пытался онъ отогнать отъ себя страшное привидѣніе. Что это ему не удавалось, было ясно по каплямъ пота, выступавшимъ у него на лбу, по безсонницѣ, продолжавшейся цѣлую ночь, по напряженности, съ какой уши его ловили звуки, возвѣщавшіе о прибытіи молодого человѣка, точно ему необходимо было убѣдиться, что убійство въ дѣйствительности не совершено. Ранѣе, чѣмъ этотъ часъ насталъ, онъ весь дрожалъ въ постели, закутывался въ одѣяло, чтобъ не чувствовать леденящаго холода, закрывалъ глаза простыней, чтобъ не видѣть чего-то, что̀ представлялось ему и среди глубокаго мрака его комнаты. Во всякомъ случаѣ онъ ничего не «сдѣлалъ». Каковы бы ни были его мысли, онъ не запятналъ ни рукъ, ни совѣсти. Хотя бы стало извѣстно все, что̀ онъ когда-либо дѣлалъ или думалъ, преступленія онъ никакого не совершилъ. Она говорила о смерти, думала объ убійствѣ. Онъ только вторилъ ея словамъ и ея мы-

слямъ, безъ всякаго серьезнаго намѣренія, какъ всегда дѣлаетъ мужчина въ разговорахъ съ женщиной. Почему же онъ не могъ спать? Почему же его бросало то въ жаръ, то въ холодъ? Почему ужасныя привидѣнія представлялись ему во мракѣ? Онъ навѣрное зналъ, что никогда не имѣлъ этого намѣренія. Каковы же должны быть терзанія тѣхъ, кто имѣетъ, кто исполняетъ, если такая кара постигала того, кто только построилъ ужасный воздушный зàмокъ? Спитъ ли она? — спрашивалъ онъ себя съ недоумѣніемъ, — она, которая не ограничивалась постройкой воздушныхъ зàмковъ, она, которая желала, жаждала и имѣла основаніе жаждать и желать?

Наконецъ онъ заслышалъ шаги по дорогѣ, они прошли въ разстояніи нѣсколькихъ ярдовъ отъ его окна, быстрые, веселые шаги, полные молодости и жизни, рѣзко звучавшіе на твердой, замерзшей землѣ. Онъ понялъ, что молодой человѣкъ, котораго онъ ненавидѣлъ, пріѣхалъ. Хотя онъ никогда не думалъ убивать его, тѣмъ не менѣе онъ его ненавидѣлъ. Тутъ его мысли, вопреки его собственному желанію, принялись строить новые воздушные зàмки. Что̀ было бы теперь, въ эту самую минуту, еслибъ тотъ планъ осуществился? Что бы теперь чувствовали всѣ обитатели Траффордъ-Парка? Маркиза была бы довольна; но ему-то какое въ этомъ утѣшеніе? Лордъ Фредерикъ унаслѣдовалъ бы громкій титулъ и обширныя помѣстья; но ему-то какая была бы отъ этого прибыль? Старый лордъ, который лежалъ тяжко больной въ сосѣдней комнатѣ, вѣроятно, сошелъ бы въ могилу съ разбитымъ сердцемъ. Маркизъ за послѣднее время сурово относился къ нему; но въ данную минуту у него блеснула мысль, что въ теченіе тридцати лѣтъ онъ ѣлъ хлѣбъ этого человѣка. Онъ невольно думалъ, какъ онъ самъ, въ виду осуществленія задуманнаго плана, былъ бы вынужденъ поднять на ноги весь домъ, сообщить о случившемся, помочь перенести тѣло. Кто сообщилъ бы отцу роковую вѣсть? Кто попытался бы выговорить первое слово пустого утѣшенія? Кто бросился бы къ дверямъ маркизы, сообщилъ бы ей, что смерть проникла въ домъ, далъ ей понять, что старшій изъ «голубковъ» — наслѣдникъ? Все это пришлось бы сдѣлать ему. Онъ навѣрное выдалъ бы себя въ эти минуты. Но убійства никакого не было. Молодой человѣкъ въ настоящую минуту находился въ домѣ, весело настроенный своей прогулкой, полный жизни и юношеской энергіи. До ушей мистера Гринвуда донесся звукъ шаговъ по одному изъ отдаленныхъ корридоровъ, дверь затворилась, все замолкло. Ночь показалась ему такъ безконечно длинна, что онъ рѣшилъ оста-

вить этотъ домъ какъ можно скорѣй. Онъ возьметъ, что̀ бы ему ни предложили, и уѣдетъ. На слѣдующее утро ему принесли первый завтракъ въ его комнату, онъ освѣдомился у слуги о лордѣ Гэмпстедѣ и его намѣреніяхъ. Слуга полагалъ, что милордъ намѣренъ провести здѣсь два дня. Такъ онъ слышалъ отъ Гарриса, дворецкаго. Милордъ долженъ былъ видѣться съ отцомъ въ это утро, въ одиннадцать часовъ. Домашній бюллетень о здоровьѣ маркиза былъ сегодня удовлетворительнѣе обыкновеннаго. Маркиза еще не показывалась. Докторъ, вѣроятно, будетъ къ двѣнадцати часамъ. Слушая докладъ слуги, мистеръ Гринвудъ думалъ: нельзя ли такъ устроиться, чтобъ не видать молодого лорда? Уѣхать куда-нибудь, что ли. Лордъ Гэмпстедъ былъ ему ненавистенъ, ненавистнѣе чѣмъ когда-либо. Прежде чѣмъ онъ успѣлъ собраться, ему сообщили, что лордъ Гэмпстедъ желаетъ его видѣть и навѣстить его въ его комнатѣ.

Маркизъ горячо поблагодарилъ сына за то, что онъ пріѣхалъ, но не желалъ удерживать его въ Траффордѣ.

— Конечно, тебѣ здѣсь тоска страшная, а мнѣ, кажется, лучше.

— Отъ души радуюсь этому, но если вы думаете, что я могу быть вамъ сколько-нибудь полезенъ, я останусь съ величайшимъ удовольствіемъ. Въ такомъ случаѣ, полагаю, и Фанни бы пріѣхала.

Маркизъ замоталъ головой. Фанни, по его мнѣнію, лучше было не пріѣзжать.

— Маркиза и Фанни не уживутся, если только она не отказалась отъ этого молодого человѣка.—Гэмпстедъ не рѣшился утверждать, чтобъ она отказалась отъ молодого человѣка.

— Надѣюсь, что она никогда его не видитъ,—сказалъ маркизъ.

Сынъ принялся увѣрять его, что влюбленные ни разу не встрѣчались съ пріѣзда Фанни въ Гендонъ. Онъ имѣлъ неосторожность увѣрять отца, что свиданія этого не будетъ, пока сестра гоститъ у него. Въ эту самую минуту Джорджъ Роденъ стоялъ въ гостиной Гендонъ-Голла, держа лэди Франсесъ въ объятіяхъ.

Послѣ этого разговоръ отца съ сыномъ коснулся мистера Гринвуда. Маркизъ сильно желалъ, чтобъ онъ оставилъ его домъ.

— По правдѣ говоря,—говорилъ старикъ,—онъ-то и ссоритъ меня съ твоей мачихой. Изъ-за него я и боленъ. Я не имѣю минуты покойной, пока онъ здѣсь строитъ противъ меня козни.

Гэмпстедъ находилъ разумнымъ удалить этого человѣка, хотя-бы только потому, что присутствіе его непріятно. Зачѣмъ держать человѣка въ домѣ, если онъ только всѣмъ надоѣдалъ? Но тутъ представлялся вопросъ о вознагражденіи. Лордъ Гэмпстедъ не находилъ, чтобъ тысячи фунтовъ было достаточно, и думалъ, что бѣдному священнику слѣдуетъ положить 300 фунтовъ ежегодной пенсіи. Маркизъ не хотѣлъ и слышать объ этомъ. Мистеръ Гринвудъ не исполнилъ даже тѣхъ пустыхъ обязанностей, которыя лежали на немъ. Даже каталогъ библіотеки не былъ составленъ. Маркизъ никогда ничего ему не обѣщалъ. Ему слѣдовало копить деньги. Наконецъ отецъ съ сыномъ столковались, и Гэмпстедъ послалъ къ капеллану спросить: можетъ ли онъ его видѣть.

Мистеръ Гринвудъ стоялъ посреди комнаты, потирая руки, когда лордъ Гэмпстедъ вошелъ.

— Отецъ мой поручилъ мнѣ переговорить съ вами,—сказалъ Гэмпстедъ:—онъ, повидимому, находитъ лучшимъ, чтобъ вы оставили его.

— Не знаю, почему онъ это находитъ, но, конечно, уйду, если онъ мнѣ прикажетъ.

— Разбирать это безполезно. Не присѣсть-ли намъ, мистеръ Гринвудъ?—Они сѣли.—Вы прожили здѣсь много лѣтъ.

— Очень много, лордъ Гэмпстедъ, чуть не всю жизнь; я жилъ здѣсь до вашего рожденія, лордъ Гэмпстедъ.

— Знаю. Хотя маркизъ не можетъ признать за вами никакихъ особенныхъ правъ на него...

— Никакихъ правъ, лордъ Гэмпстедъ!

— Безъ всякаго сомнѣнія, никакихъ. Тѣмъ не менѣе онъ готовъ сдѣлать что-нибудь въ виду вашихъ старыхъ отношеній. Милордъ думаетъ, что пенсія въ размѣрѣ 200 фунтовъ въ годъ...

Мистеръ Гринвудъ замоталъ головой.

— Говорю вамъ,—продолжалъ Гэмпстедъ, насупившись,—что милордъ поручилъ мнѣ передать вамъ, что вы будете получать 200 фунтовъ въ годъ пожизненной пенсіи.—Мистеръ Гринвудъ снова замоталъ головой.—Не думаю, чтобъ мнѣ оставалось что-нибудь прибавить,—продолжалъ молодой лордъ.—Таково рѣшеніе отца моего. Онъ полагаетъ, что вы предпочтете пенсію немедленной уплатѣ тысячи фунтовъ.—Старикъ сильнѣе прежняго замоталъ головой.

— Мнѣ остается только спросить васъ: когда вамъ удобно будетъ оставить Траффордъ-Паркъ?

Лордъ Гэмпстедъ, выходя отъ отца, рѣшилъ какъ можно

любезнѣе сообщить эти вѣсти капеллану. Но мистеръ Гринвудъ былъ ему ненавистенъ. Его манера стоять среди комнаты, потирая руки, сидѣть на кончикѣ стула, мотать головой, не говоря ни слова, внушала ему живѣйшее отвращеніе. Заяви онъ смѣло свой взглядъ на свои права, Гэмпстедъ попытался бы быть съ нимъ полюбезнѣе. Теперь же онъ далеко не былъ любезенъ, прося его назначить день своего отъѣзда.

— Вы хотите сказать, что меня выгонять.

— Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ вамъ было сообщено, что отецъ мой болѣе не нуждается въ вашихъ услугахъ.

— Меня выгоняютъ, какъ собаку... послѣ тридцати лѣтъ!

— Не смѣю вамъ противорѣчить, но долженъ просить васъ назначить день. Вѣдь вамъ же не теперь въ первый разъ предложили это!

Мистеръ Гринвудъ всталъ, лордъ Гэмпстедъ былъ вынужденъ послѣдовать его примѣру.

— Дадите вы мнѣ какой-нибудь отвѣтъ?

— Нѣтъ, не дамъ,—сказалъ капелланъ.

— Вы хотите сказать, что не выбрали дня?

— Не уйду я съ двухъ стами фунтами въ годъ,—сказалъ старикъ.—Это безсмысленно жестоко!

— Жестоко!—крикнулъ лордъ Гэмпстедъ.

— Я не тронусь, пока не увижу самого маркиза. Нечего и думать о томъ, чтобъ онъ выгналъ меня такимъ образомъ. Какъ мнѣ жить на двѣсти фунтовъ въ годъ? Я всегда считалъ, что получу Апльслокомбъ.

— Никто никогда не намекалъ на это, кромѣ васъ самихъ.

— Я всегда на это разсчитывалъ,—сказалъ мистеръ Гринвудъ.—Я не уйду отсюда, пока не буду имѣть случая обсудить вопросъ съ самимъ маркизомъ. Не думаю, чтобъ маркизъ такъ отнесся ко мнѣ—не будь здѣсь васъ, лордъ Гэмпстедъ.

Это было невыносимо. Гэмпстедъ почувствовалъ, что унизить себя, защищаясь противъ взводимаго на него обвиненія,—даже защищая отца.

— Если вамъ не угодно назначить дня, мнѣ придется это сдѣлать,—сказалъ молодой лордъ. Капланъ сидѣлъ неподвижно и только потиралъ руки.—Такъ какъ я не могу добиться отвѣта, я долженъ буду сказать мистеру Робертсу, что вамъ нельзя дозволить оставаться здѣсь долѣе послѣдняго числа этого мѣсяца. Если въ васъ осталось какое-нибудь чувство, вы не навяжете намъ такой непріятной обязанности во время болѣзни моего отца.

Съ этимъ онъ вышелъ изъ комнаты.

Мистеръ Гринвудъ задумался. Двѣсти фунтовъ въ годъ! Лучше взять. Это онъ прекрасно сознавалъ. Но какъ ему жить на двѣсти фунтовъ, ему, который вѣкъ свой жилъ на чужой счетъ и тратилъ триста? Но не эта мысль въ данную минуту преобладала въ умѣ его. Не лучше ли бы онъ сдѣлалъ, осуществивъ своей проектъ? Не смилуйся онъ, молодой лордъ не имѣлъ бы возможности унижать и оскорблять его, какъ унизилъ и оскорбилъ. Теперь ему не представлялось никакихъ привидѣній. Теперь ему казалось, что онъ безтрепетно бы могъ внести его тѣло въ домъ.

V. Это было-бы непріятно.

Въ Траффордѣ въ этотъ день, да и на слѣдующій, жилось очень тяжело. Изъ четырехъ человѣкъ, которые, по естественному порядку вещей, должны были бы жить вмѣстѣ, ни одинъ не хотѣлъ сѣсть за столъ съ другими. Положеніе маркиза, конечно, дѣлало это невозможнымъ. Онъ не выходилъ изъ своей комнаты, куда не пускалъ къ себѣ мистера Гринвуда и гдѣ короткія посѣщенія жены, повидимому, не доставляли ему особеннаго удовольствія. Даже съ сыномъ ему было неловко; онъ, какъ будто, предпочиталъ его обществу общество сидѣлки, да визиты доктора и мистера Робертса. Маркиза заперлась у себя; намѣреніе ея было: насколько возможно помѣшать мистеру Гринвуду вторгаться въ ея владѣнія. Она не смѣла надѣяться, чтобъ ей удалось совсѣмъ его къ себѣ не пускать, но многаго можно было достигнуть съ помощью головныхъ болей и рѣшимости никогда не завтракать и не обѣдать внизу. Лордъ Гэмпстедъ объявилъ Гаррису, такъ же какъ и отцу, свое намѣреніе никогда болѣе не садиться за столъ съ мистеромъ Гринвудомъ.

— Гдѣ онъ обѣдаетъ?—спросилъ онъ у дворецкаго.

— Обыкновенно въ семейной столовой, милордъ,—отвѣчалъ Гаррисъ.

— Такъ подайте мнѣ обѣдъ въ маленькую пріемную.

— Слушаю, милордъ,—сказалъ дворецкій, который тутъ же положилъ считать мистера Гринвуда врагомъ семейства.

Въ теченіе дня пріѣхалъ мистеръ Робертсъ и видѣлся съ лордомъ Гэмпстедомъ.

— Я зналъ, что онъ надѣлаетъ непріятностей, милордъ,—сказалъ мистеръ Робертсъ.

— Почему вы это знали?

— Слухомъ земля полнится. Онъ надѣлалъ непріятностей

маркизу нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ; потомъ мы слышали, что онъ толкуетъ объ Апльслокомбѣ, точно увѣренъ, что его пошлютъ туда.

— Отецъ мой никогда объ этомъ и не помышлялъ.

— Я такъ и думалъ. Мистеръ Гринвудъ—самое лѣнивое существо, какое когда-либо жило на свѣтѣ; какъ бы онъ справился съ обязанностями по приходу?

— Онъ разъ просилъ отца, и отецъ категорически отказалъ ему.

— Можетъ быть, миледи,—не совсѣмъ рѣшительно началъ мистеръ Робертсъ.

— Какъ бы то ни было, онъ прихода этого не получитъ, а выжить его необходимо. Какъ бы это устроить?—Мистеръ Робертсъ поднялъ брови.—Полагаю, что должны же существовать какія-нибудь средства выжить изъ дому непріятнаго жильца?

— Конечно, полиція могла бы его выселить, по судебному предписанію. Пришлось бы отнестись къ нему, какъ къ любому бродягѣ.

— Это было бы непріятно.

— Крайне непріятно, милордъ,—сказалъ мистеръ Робертсъ. —Маркиза слѣдуетъ избавить отъ этого, если возможно.

— Что, еслибъ мы не стали давать ему ѣсть?—спросилъ лордъ Гэмистедъ.

— Это было бы возможно, но тяжело. Что еслибъ онъ рѣшился остаться и умереть съ голоду? Это значило бы свести вопросъ на то, кто дольше выдержитъ. Не думаю, чтобъ у маркиза хватило духу продержать его двадцать-четыре часа безъ пищи. Мы должны стараться, насколько возможно, избавлять милорда отъ всего непріятнаго.

Лордъ Гэмпстедъ съ этимъ вполнѣ согласился, но не совсѣмъ ясно видѣлъ, какъ бы этого достигнуть. Когда настало время пить чай въ комнатахъ маркизы, мистеръ Гринвудъ, видя, что приглашенія отъ нея нѣтъ, послалъ къ ней записку, въ которой просилъ позволить ему придти къ ней.

Получивъ это посланіе, она задумалась. Сильно ей хотѣлось отдѣлаться отъ него. Но она не посмѣла еще обнаружить передъ нимъ этого намѣренія.

— Мистеръ Гринвудъ желаетъ меня видѣть,—сказала она своей горничной.—Передайте ему мой поклонъ, скажите, что я не очень хорошо себя чувствую и должна просить его долго не сидѣть.

— Лордъ Гэмпстедъ сегодня утромъ поссорился съ мистеромъ Гринвудомъ, милэди,—сообщила горничная.

— Поссорился?

— Точно такъ, милэди. Объ этомъ такіе толки идутъ—страхъ! Милордъ говоритъ, что ни за что на свѣтѣ не сядетъ за столъ съ мистеромъ Гринвудомъ, мистеръ Робертсъ былъ здѣсь, все изъ-за этого. Его рѣшено выгнать.

— Кого это?

— Мистера Гринвуда, милэди. Лордъ Гэмпстедъ провозился съ этимъ цѣлое утро. За этимъ-то маркизъ и выписывалъ его; никто не долженъ разговаривать съ мистеромъ Гринвудомъ, пока онъ совсѣмъ не уложится и не уберется изъ дома.

— Кто сообщилъ вамъ все это?

Горничная дипломатически отвѣчала, что объ этомъ толкуетъ весь домъ, а она передаетъ это только потому, что находитъ приличнымъ, чтобъ милэди знала о томъ, что́ происходитъ. «Милэди» была довольна, что получила эти свѣдѣнія, хотя бы отъ горничной, такъ какъ они могли пригодиться ей въ разговорѣ съ капелланомъ.

На этотъ разъ мистеръ Гринвудъ сѣлъ безъ приглашенія.

— Очень мнѣ прискорбно слышать, что вы такъ дурно себя чувствуете, лэди Кинсбёри.

— Это моя обыкновенная головная боль, только сегодня что-то сильнѣе.

— Я долженъ сказать вамъ кое-что и увѣренъ, что вы не удивитесь моему желанію сообщить вамъ это. Лордъ Гэмпстедъ грубо оскорбилъ меня.

— Чтожъ я могу сдѣлать?

— Ну—что-нибудь да слѣдуетъ сдѣлать.

— Я не могу отвѣчать за лорда Гэмпстеда, мистеръ Гринвудъ.

— Нѣтъ, конечно нѣтъ. Это молодой человѣкъ, за котораго никто не пожелаетъ отвѣчать. Онъ упрямъ, необузданъ и крайне невѣжливъ. Онъ очень грубо сказалъ мнѣ, что я долженъ оставить домъ вашъ въ концѣ мѣсяца.

— Вѣроятно, по порученію маркиза.

— Этого я не думаю. Конечно, маркизъ боленъ, отъ него я снесъ бы многое. Но отъ лорда Гэмпстеда я ничего сносить не намѣренъ.

— Что же могу я сдѣлать?

— Ну—послѣ всего, что́ произошло между нами, лэди Кинсбёри...—Онъ остановился и взглянулъ на нее. Она сжала губы

и приготовилась къ битвѣ, приближеніе которой чувствовала. Онъ все это замѣтилъ и также насторожился.

— Послѣ всего, чтó произошло между нами, леди Кинсбёри,— вѣско повторилъ онъ,—вамъ, мнѣ кажется, слѣдовало бы быть на моей сторонѣ.

— Ничего подобнаго я не думаю. Не знаю, чтó вы хотите сказать. Если маркизъ рѣшилъ, что вы должны уѣхать, я удержать васъ не могу.

— Я скажу вамъ, какъ я распорядился, леди Кинсбёри. Я отказался двинуться отсюда, пока мнѣ не будетъ разрѣшено обсудить этотъ вопросъ съ самимъ милордомъ; мнѣ кажется, вамъ бы слѣдовало оказать мнѣ поддержку. Я всегда былъ вамъ вѣрный другъ. Когда вы изливали мнѣ ваши горести, вы всегда находили во мнѣ сочувствіе. Когда вы говорили мнѣ, сколько горя причинялъ вамъ этотъ молодой человѣкъ, развѣ я не всегда... не всегда становился на вашу сторону?—Онъ почти желалъ сказать ей, что составилъ планъ окончательнаго освобожденія ея отъ ненавистнаго молодого человѣка; но не нашелъ для этого подходящихъ выраженій.—Понятно, что я думалъ, что могу разсчитывать на вашу помощь и поддержку въ этомъ домѣ.

— Мистеръ Гринвудъ,—сказала она,—я право не могу толковать съ вами объ этихъ вещахъ. Голова у меня страшно болитъ, я должна просить васъ уйдти.

— И этимъ все кончится?

— Развѣ вы не слышите, что я не могу вмѣшиваться въ это дѣло?—Онъ продолжалъ сидѣть на кончикѣ стула, не сводя съ нея своихъ большихъ, широко раскрытыхъ, тусклыхъ глазъ.

— Мистеръ Гринвудъ, я должна просить васъ оставить меня. Какъ джентльменъ, вы обязаны исполнить мою просьбу.

— О,—сказалъ онъ,—отлично! Такъ я въ правѣ заключить, что послѣ тридцатилѣтней, вѣрной службы—вся семья противъ меня. Я позабочусь...—Онъ остановился, вспомнивъ, что скажи онъ лишнее слово, онъ легко могъ лишиться обѣщанной пенсіи, и наконецъ вышелъ изъ комнаты.

Въ этотъ день никто болѣе не видалъ мистера Гринвуда и лордъ Гэмпстедъ не встрѣчался съ нимъ до своего отъѣзда. Гэмпстедъ собирался провести въ Траффордѣ и весь слѣдующій день, а на третій возвратиться въ Лондонъ, снова съ ночнымъ поѣздомъ. Но на слѣдующее утро его постигла новая непріятность. Онъ получилъ письмо сестры и узналъ, что Джорджъ Роденъ былъ у нея въ Гендонъ-Голлѣ. Прочитавъ письмо, онъ разсердился, главнымъ образомъ на себя. Аргументы, которые она при-

водила въ пользу Родена, а также тѣ, которыми оправдывала себя въ томъ, что приняла его, показались ему основательными. Разъ что человѣкъ отправляется въ такой дальній путь, естественно, что онъ долженъ желать видѣть любимую дѣвушку; не менѣе естественно, что она должна желать его видѣть. Гэмпстедъ прекрасно зналъ, что ни тотъ, ни другая слова не давали. Онъ одинъ за все ручался, не далѣе какъ вчера. Онъ счелъ себя обязаннымъ сообщить отцу о случившемся.

— Послѣ всего, что̀ я наговорилъ вамъ вчера,—сказалъ онъ,—Джорджъ Роденъ и Фанни видѣлись.

— Что въ томъ толку?—сказалъ маркизъ.—Жениться они не могутъ. Я не далъ бы ей и шиллинга, еслибъ рѣшилась она на это безъ моего согласія. Гэмпстедъ очень хорошо зналъ, что, не смотря на это, отецъ въ своемъ завѣщаніи вполнѣ обезпечилъ дочь, и что крайне невѣроятно, чтобъ въ этомъ отношеніи произошли какія-нибудь перемѣны, какъ бы велико ни было непослушаніе Фанни. Но вѣсти эти не такъ сильно подѣйствовали на маркиза, какъ онъ ожидалъ.

— Сдѣлай милость,—сказалъ онъ сыну,—не говори ничего миледи. Она непремѣнно сойдетъ ко мнѣ и объявитъ, что я во всемъ виноватъ, а затѣмъ сообщитъ мнѣ, что̀ объ этомъ думаетъ мистеръ Гринвудъ.

Лордъ Гэмпстедъ еще даже не видалъ мачихи, но счелъ необходимымъ послать ей сказать, что будетъ имѣть честь явиться къ ней передъ отъѣздомъ. Всякія домашнія распри онъ считалъ вредными. Ради мачихи, сестры и маленькихъ брьтьевъ онъ желалъ, насколько возможно, избѣгнуть открытаго разрыва. А потому онъ, передъ обѣдомъ, отправился къ маркизѣ.

— Отцу гораздо лучше,—сказалъ онъ; но мачиха только покачала головой, такъ что ему пришлось возобновить разговоръ.

— Это говоритъ докторъ Спайсеръ.

— Не думаю, чтобъ мистеръ Спайсеръ много въ этомъ смыслилъ.

— Отецъ самъ это находитъ.

— Онъ никогда не говоритъ мнѣ, что̀ онъ находитъ. Онъ почти никогда не говоритъ со мной.

— Ему не подъ силу много разговаривать.

— Онъ по цѣлымъ часамъ бесѣдуетъ съ мистеромъ Робертсомъ. Итакъ... я должна васъ поздравить.

Это было сказано тономъ, очевидно долженствовавшимъ выразить и осужденіе, и насмѣшку.

— Не знаю,—сказалъ Гэмпстедъ, съ улыбкой.

— Полагаю, что слухи насчетъ молодой квакерши справедливы?

— Не могу вамъ на это отвѣтить, не зная, что вы, собственно, слышали. Поздравленія пока неумѣстны, такъ какъ молодая особа не приняла моего предложенія.—Маркиза недовѣрчиво разсмѣялась легкимъ принужденнымъ смѣхомъ, въ которомъ недовѣріе было искренне.—Могу только сказать вамъ, что это такъ.

— Вы, безъ сомнѣнія, снова попытаетесь?

— Безъ сомнѣнія.

— Молодыя дѣвушки, въ ея условіяхъ, вообще не склонны упорствовать въ такомъ суровомъ рѣшеніи. Быть можетъ, и можно предположить, что она наконецъ уступитъ.

— Не могу взять на себя отвѣтить на это, лэди Кинсбёри. Вопросъ этотъ изъ тѣхъ, о которыхъ я не особенно охотно толкую. Но разъ, что вы спросили меня, я счелъ лучшимъ просто сообщить вамъ факты.

— Чрезвычайно вамъ обязана. Отецъ молодой особы...

— Отецъ молодой особы—клеркъ, въ торговой конторѣ, въ Сити.

— Это я слышала—и квакеръ?

— И квакеръ.

— Онъ, кажется, живетъ въ Галловэѣ?

— Совершенно вѣрно.

— Въ одной улицѣ съ тѣмъ молодымъ человѣкомъ, котораго Фанни угодно было выискать?

— Маріонъ Фай, съ отцомъ, живутъ въ Галловэѣ, Парадизъ-Роу, № 17, а мистриссъ Роденъ и Джорджъ Роденъ въ № 10.

— Такъ. Изъ этого мы можемъ заключить, какъ вы познакомились съ миссъ Фай.

— Не думаю. Но если желаете знать, могу сообщить вамъ, что въ первый разъ видѣлъ миссъ Фай въ домѣ мистриссъ Роденъ.

— Я такъ и думала.

Гэмпстедъ началъ этотъ разговоръ въ самомъ добродушномъ настроеніи; но постепенно у него являлся все болѣе и болѣе вызывающій тонъ, естественное послѣдствіе ея лаконическихъ изреченій. Презрѣніе всегда вызывало въ немъ такъ же презрѣніе, какъ насмѣшка насмѣшку.

— Не знаю, почему вамъ угодно было это предположить, но оно такъ. Ни Джорджъ Роденъ, ни сестра моя тутъ не при чемъ. Миссъ Фай—пріятельница мистриссъ Роденъ, и мистриссъ Роденъ представила меня молодой особѣ.

— Право, мы всѣ чрезвычайно ей признательны.

— Во всякомъ случаѣ, я-то ей благодаренъ, или, вѣрнѣе, «буду», если, наконецъ, буду имѣть успѣхъ.

— Бѣдненькій! Очень будетъ жалко, если и вы будете несчастны въ любви.

— Пора мнѣ съ вами проститься, милэди, — сказалъ онъ вставая, чтобъ раскланяться съ ней.

— Вы ничего не сказали мнѣ о Фанни.

— Не думаю, чтобъ я имѣлъ что-нибудь сказать.

— Можетъ быть, и ей измѣнять.

— Едва ли.

— Благодаря тому, что ей не позволяютъ видѣться съ нимъ.— Въ этихъ словахъ звучало полное недовѣріе. Ему стало досадно.—Вамъ должно быть очень трудно разлучать ихъ, такъ какъ они такъ близко.

— Во всякомъ случаѣ, задача эта оказалась мнѣ не подъ силу.

— Неужели?

— Они видѣлись вчера.

— Вотъ какъ? Едва вы успѣли отвернуться?

— Онъ уѣзжалъ за-границу и пріѣхалъ проститься; она написала мнѣ объ этомъ. О себѣ я ничего не говорю, лэди Кинсбёри; но не думаю, чтобъ вы могли себѣ представить, насколько она честна,—такъ же, какъ и онъ.

— Это ваше понятіе о честности?

— Это мое понятіе о честности, лэди Кинсбёри; боюсь, какъ я уже сказалъ, что не въ состояніи объяснить вамъ его. Я никогда не имѣлъ намѣренія обманывать васъ, такъ же какъ они.

— А я думала, что обѣщаніе... обѣщаніе,—сказала она.

Съ этимъ онъ оставилъ ее, не удостоивъ дальнѣйшимъ отвѣтомъ. Въ эту ночь онъ возвратился въ Лондонъ, съ грустнымъ сознаніемъ въ сердцѣ, что поѣздка его въ Траффордъ никому не принесла пользы.

VI. — Люблю!

Лордъ Гэмпстедъ попалъ къ себѣ домой часамъ къ шести утра, и, проведя въ дорогѣ двѣ ночи изъ трехъ, позволилъ себѣ завтракать въ постели. Сестра застала его за этимъ занятіемъ; она, повидимому, очень раскаивалась въ своемъ проступкѣ, но готова была и защищаться, еслибъ онъ оказался слишкомъ строгимъ къ ней.

— Конечно, мнѣ очень жаль послѣ всего, чтó ты говорилъ. Но не знаю, право, чтó мнѣ оставалось дѣлать. Оно показалось бы такъ странно.

— Непріятно—и только.

— Неужели оно такъ особенно непріятно, Джонъ?

— Мнѣ, конечно, пришлось сказать имъ.

— Папа сердился?

— Онъ сказалъ только, что если тебѣ угодно такъ себя дурачить, онъ ничего для тебя не сдѣлаетъ въ денежномъ отношеніи.

— Джорджъ объ этомъ нисколько не заботится.

— Людямъ, какъ тебѣ извѣстно, надо ѣсть.

— Это не составило бы никакой разницы ни для него, ни для меня. Мы должны ждать, вотъ и все. Не думаю, чтобъ для меня было несчастіемъ ждать до самой смерти, еслибъ только онъ также согласился ждать. Но папа очень сердился?

— Не то чтобъ ужъ очень, а сердился. Я вынужденъ былъ сказать ему; но какъ можно меньше распространялся, такъ какъ онъ боленъ. Одна наша добрая знакомая была очень не мила.

— Ты сказалъ ей?

— Я рѣшилъ сказать ей, чтобъ она не могла послѣ на меня накинуться и сказать, что я ее обманулъ. Я, точно, далъ слово отцу.

— О, Джонъ, мнѣ такъ жаль.

— Нечего плакать о томъ, чего поправить нельзя. Обѣщаніе, данное отцу, она конечно сочла бы обѣщаніемъ даннымъ ей, и бросила бы мнѣ его въ лицо.

— Она и теперь это сдѣлаетъ.

— О, да; но я лучше могу себя отстаивать, теперь, когда сказалъ ей все.

— Она была несносна?

— Ужасно! Толковала и о тебѣ, и о Маріонъ Фай и, право, въ словахъ ея обнаружилось болѣе догадливости, чѣмъ я ей приписывалъ. Конечно, она одержала надо мной верхъ. Она могла называть меня въ глаза дуракомъ и лгуномъ, а я не могъ отвѣтить ей тѣмъ же. Но въ домѣ исторія, которая тамъ всѣмъ отравляетъ жизнь.

— Новая исторія?

— О тебѣ забыли, благодаря этой исторіи, такъ же какъ и обо мнѣ. Джорджъ Роденъ и Маріонъ Фай ничто въ сравненіи съ бѣднымъ мистеромъ Гринвудомъ. Онъ страшно провинился и

его выгоняютъ. Онъ клянется, что не уѣдетъ, а отецъ порѣшилъ, что онъ долженъ убраться. Призывали мистера Робертса, поднять вопросъ, не слѣдуетъ ли Гаррису постепенно уменьшать его порціи, пока голодъ не заставитъ его сдаться. Онъ получитъ двѣсти фунтовъ въ годъ, если выѣдетъ, но говоритъ, что этого съ него недостаточно.

— А это довольно?

— Принимая во вниманіе, что онъ любитъ имѣть все самое лучшее, не думаю. Ему, вѣроятно, пришлось бы поселиться въ тюрьмѣ или повѣситься.

— Но вѣдь это жестоко?

— Мнѣ тоже кажется. Не знаю, почему отецъ такъ сурово къ нему относится. Я просилъ и молилъ о лишней сотнѣ фунтовъ въ годъ, точно онъ мой лучшій другъ; но ничего не могъ сдѣлать. Не думаю, чтобъ я когда-нибудь такъ не любилъ кого-нибудь, какъ не люблю мистера Гринвуда.

— Даже Кровера?—спросила сестра.

— Бѣдный Кроверъ! я его люблю, сравнительно говоря. Но я ненавижу мистера Гринвуда, если мнѣ свойственно ненавидѣть кого-нибудь. Мало того, что онъ оскорбляетъ меня, но онъ смотритъ на меня, точно желалъ бы схватить меня за горло и задушить. Тѣмъ не менѣе я прибавлю сто фунтовъ изъ собственнаго кармана, такъ какъ нахожу, что съ нимъ поступаютъ жестоко. Только придется сдѣлать это тайкомъ.

— Лэди Кинсбёри по прежнему расположена къ нему?

— Мнѣ кажется, что нѣтъ. Онъ, вѣроятно, позволилъ себѣ съ ней лишнее и оскорбилъ ее.

Теперь Гэмпстеда занимали двѣ мысли; ему хотѣлось провести остатокъ охотничьяго сезона въ Горсъ-Голлѣ и оттуда, отъ времени до времени, совершать поѣздки въ Галловэй, къ Маріонъ Фай. Но прежде ему надо было съ ней повидаться, чтобъ узнать, когда можно будетъ опять навѣстить ее, уже изъ Горсъ-Голла, куда влекла молодого лорда не столько страсть къ охотѣ, какъ сознаніе, что его охотники скакуны стоятъ праздно, а стоютъ дорого.

— Кажется, я завтра отправлюсь въ Горсъ-Голлъ,—сказалъ онъ сестрѣ, какъ только сошелъ въ гостиную.

— Отлично, я буду готова. Гендонъ-Голлъ, Горсъ-Голлъ—для меня теперь все безразлично.

— Но я не окончательно рѣшилъ,—сказалъ онъ.

— Отчего?

— Галловэй, какъ тебѣ извѣстно, не совсѣмъ опустѣлъ. Солнце, конечно, зашло въ Парадизъ-Роу, но луна осталась.

На это она только разсмѣялась, а онъ сталъ собираться въ Галловэй. Онъ получилъ разрѣшеніе квакера ухаживать за Маріонъ, но не льстилъ себя надеждой, чтобъ это особенно послужило ему на пользу. Онъ сознавалъ, что въ Маріонъ есть какая-то сила, которая какъ бы закалила ее противъ убѣжденій отца. Кромѣ того, въ душѣ влюбленнаго таилось чувство страха, вызванное словами квакера насчетъ здоровья Маріонъ. Пока онъ не слыхалъ этого разсказа о матери и ея крошкахъ, ему и въ голову не приходило, чтобъ самой дѣвушкѣ недоставало чего-нибудь въ смыслѣ здоровья. На его глаза она была прекрасна, болѣе онъ ни о чемъ не думалъ. Теперь ему въ голову запала мысль, которая, хотя онъ съ трудомъ могъ допустить ее, была для него крайне мучительна. Онъ и прежде недоумѣвалъ. Ея обращеніе съ нимъ было такъ мягко, такъ нѣжно, что онъ не могъ не надѣяться, не думать, что она его любитъ. Чтобъ, любя его, она упорствовала въ своемъ отказѣ изъ-за своего общественнаго положенія, казалось ему неестественнымъ. Онъ, во всякомъ случаѣ, былъ увѣренъ, что если ничего другого нѣтъ, съ этимъ препятствіемъ онъ справится. Сердце ея, если оно дѣйствительно принадлежитъ ему, не устоитъ противъ него, на этомъ только основаніи. Но въ томъ новомъ аргументѣ можетъ быть и заключается нѣчто, за что она будетъ упорно держаться.

Такъ размышлялъ Гэмпстедъ всю дорогу.

Маріонъ уже нѣсколько времени поджидала его. Она узнала отъ отца кое-какія подробности свиданія въ Сити и была во всеоружіи.

— Маріонъ,—сказалъ онъ,—вы подозрѣвали, что я опять къ вамъ пріѣду?

— Конечно.

— Мнѣ пришлось ѣхать къ отцу, иначе я былъ бы здѣсь раньше. Вы знаете, что я пріѣду еще, еще разъ, пока вы не скажете мнѣ утѣшительнаго словечка.

— Я знала, что вы опять пріѣдете, потому что вы были у отца, въ Сити.

— Я ѣздилъ просить его позволенія—и получилъ его.

— Едва ли вамъ нужно было, милордъ, давать себѣ этотъ трудъ.

— Но я нашелъ это нужнымъ. Когда человѣкъ желаетъ увезти дѣвушку изъ ея родного дома, сдѣлать ее хозяйкой своею, то принято, чтобъ онъ просилъ на это позволенія ея отца.

— Это бы такъ и было, еслибы вы смотрѣли выше, какъ вамъ и слѣдовало смотрѣть.

— Это справедливо. Всякая дань уваженія, какую человѣкъ можетъ оказать женщинѣ, должна быть оказана моей Маріонъ. —Она взглянула на него, въ этомъ взглядѣ отразилась вся любовь, переполнявшая ея сердце.

— Отвѣчайте мнѣ честно. Развѣ вы не знаете, что будь вы дочерью самаго гордаго лорда Англіи, я бы не счелъ васъ достойной другого обращенія, чѣмъ то, которое, на мой взглядъ, теперь принадлежитъ вамъ по праву?

— Я только хотѣла сказать, что отецъ не могъ не почувствовать, что вы оказываете ему большую честь.

— Объ этомъ между нами и рѣчи быть не можетъ. У меня съ вашимъ отцомъ дѣло шло о простой честности. Онъ повѣрилъ мнѣ и согласился видѣть во мнѣ зятя. У насъ же, Маріонъ, у насъ съ вами, теперь когда мы здѣсь совершенно одни, у насъ, которые, какъ я надѣюсь, будемъ другъ для друга цѣлымъ міромъ, можетъ быть рѣчь только о любви. Маріонъ, Маріонъ! —Тутъ онъ бросился передъ нею на колѣни и обнялъ ее.

— Нѣтъ, милордъ, нѣтъ, этого не должно быть.

Онъ завладѣлъ обѣими ея руками и заглядывалъ ей въ лицо. Теперь настало время говорить о долгѣ, говорить энергически, если она желала, чтобъ слова ея оказали какое-нибудь дѣйствіе.

— Этого не должно быть, милордъ.—Она высвободила свои руки и поднялась съ дивана.—Я также вѣрю въ вашу честность. Я въ ней увѣрена какъ въ собственной. Но вы меня не понимаете. Подумайте обо мнѣ какъ о сестрѣ.

— Какъ о сестрѣ?

— Какъ бы вы хотѣли, чтобъ поступила ваша сестра, еслибъ ее посѣтилъ человѣкъ, о которомъ она знала бы, что никогда ей не бывать его женой? Желали-ли бы вы, чтобъ она позволила ему цѣловать себя, только потому, что знаетъ его за честнаго человѣка?

— Нѣтъ, еслибъ она не любила его.

— Любовь тутъ не при чемъ, лордъ Гэмпстедъ.

— Не при чемъ, Маріонъ!

— Не при чемъ, милордъ. Вы сочтете, что я важничаю, если я заговорю о долгѣ.

— Отецъ вашъ разрѣшилъ мнѣ пріѣхать.

— Безъ сомнѣнія, я обязана ему покорностью. Если онъ прикажетъ мнѣ никогда не видать васъ, надѣюсь, что этого было бы достаточно. Но есть другія обязанности.

— Какія, Маріонъ?

— Мои къ вамъ. Если я обѣщаю вамъ быть вашей женой...

— Обѣщайте.

— Если бы я обѣщала это, развѣ я не была бы обязана прежде всего думать о вашемъ счастіи?

— Во всякомъ случаѣ, вы бы его сдѣлали.

— Хотя я не могу быть вашей женой, я, тѣмъ не менѣе, обязана и буду о немъ думать. Я вамъ благодарна.

— Любите вы меня?

— Позвольте мнѣ говорить, лордъ Гэмпстедъ. Съ вашей стороны невѣжливо прерывать меня такимъ образомъ. Я вамъ искренне благодарна и не хочу показать своей благодарности тѣмъ, что̀, я знаю, погубило бы васъ.

— Любите вы меня?

— Еслибъ я любила васъ всѣмъ сердцемъ, это не заставило бы меня даже подумать сдѣлать то, о чемъ вы меня просите.

— Маріонъ!

— Нѣтъ, нѣтъ, мы совершенно не подходимъ другъ къ другу. Вы стоите такъ высоко, какъ только можетъ стоять человѣкъ по крови, богатству и связямъ. Я ничто. Вы назвали меня лэди.

— Если Богъ когда-нибудь создалъ лэди... то это вы.

— Онъ лучше меня создалъ. Онъ сдѣлалъ меня женщиной. Но другіе не дали бы мнѣ этого названія. Я не умѣю говорить, сидѣть, двигаться, даже думать, какъ они. Я себя знаю и не дерзну сдѣлаться женой такого человѣка, какъ вы.—При этихъ словахъ на лицѣ ея вспыхнулъ румянецъ, глаза загорѣлись и она, словно подавленная волненіемъ, снова опустилась на диванъ.

— Любите вы меня, Маріонъ?

— Люблю,—сказала она, вставая и выпрямляясь.—Между нами не должно быть и тѣни лжи. Я люблю васъ, лордъ Гэмпстедъ.

— Тогда, Маріонъ, вы будете моей.

— О, да, теперь я должна быть вашей — пока жива. Настолько вы меня побѣдили. Если никогда не любить другого, молиться за васъ день и ночь какъ за самое дорогое существо въ мірѣ, напоминать себѣ ежечасно, что всѣ мои мысли принадлежать вамъ, значитъ быть вашей, то я ваша и останусь вашей, пока жива; но только—въ мысляхъ, въ молитвахъ...

— Маріонъ, Маріонъ!—Онъ опять стоялъ передъ ней на колѣняхъ, но почти не прикасался къ ней.

— Это вы виноваты, лордъ Гэмпстедъ, — сказала она, пы-

таясь улыбнуться.—Все это вы надѣлали, потому что не хотѣли позволить бѣдной дѣвушкѣ просто сказать, чтó она собиралась высказать.

— Ничто изъ этого не оправдается, кромѣ того, что вы меня любите. Больше я ничего не помню. Это я буду повторять вамъ изо дня въ день, пока вы не вложите вашу руку въ мою и не согласитесь быть моей женой.

— Этого я никогда не сдѣлаю,—воскликнула она. При этихъ словахъ она протянула къ нему свои крѣпко-сжатыя руки, лобъ ея снова зардѣлся, глаза съ минуту блуждали, силы ей измѣнили и она, безъ чувствъ, упала на диванъ.

Лордъ Гэмпстедъ, убѣдившись, что онъ, безъ посторонней помощи, ничѣмъ ей не поможетъ, былъ вынужденъ позвонить и предоставить ее попеченіямъ служанки, которая не переставала умолять его уѣхать, говоря:

— Я ничего не могу дѣлать, милордъ, пока вы надъ ней стоите.

VII.—Въ Горсъ-Голлѣ.

Было четыре часа, а Гэмпстедъ слышалъ отъ квакера, что онъ никогда не выходитъ изъ конторы ранѣе пяти. Ему потребуется около часа для путешествія въ омнибусѣ изъ Сити. Тѣмъ не менѣе Гэмпстедъ не могъ уѣхать, не переговоривъ съ отцомъ Маріонъ. Чтобъ убить время, онъ предпринялъ длинную прогулку. Когда онъ возвратился, было уже темно и онъ вообразилъ, что можетъ ждать на улицѣ, не будучи замѣченнымъ.

— Вотъ онъ опять явился,—сказала Клара Демиджонъ своей вѣчной собесѣдницѣ, мистриссъ Дуфферъ.—Что все это значитъ?

Читатель, конечно, понялъ, что молодая особа слѣдила за Гэмпстедомъ съ минуты его появленія.

— По моему онъ съ ней поссорился,—сказала мистриссъ Дуфферъ.

— Тогда онъ не бродилъ бы здѣсь. Вонъ старикъ Захарія показался изъ-за угла. Теперь посмотримъ, чтò онъ сдѣлаетъ.

— Упала въ обморокъ?—сказалъ Захарія, пока они вмѣстѣ направлялись къ дому.—Никогда прежде я не слыхалъ, чтобъ съ дочерью это бывало. Иныя дѣвушки падаютъ въ обморокъ, когда вздумается, но это не въ характерѣ Маріонъ.

Гэмпстедъ увѣрялъ, что, въ данномъ случаѣ, не было никакого притворства, что Маріонъ такъ заболѣла, что напугала его и что, хотя онъ вышелъ изъ дома по просьбѣ служанки, онъ

не имѣлъ силы уѣхать, пока не узнаетъ чего-нибудь о ея положеніи.

— Узнаешь все, чтó я могу сообщить тебѣ, другъ,—сказалъ квакеръ, когда они вмѣстѣ входили въ домъ. Гэмпстеда провели въ маленькую пріемную, а хозяинъ пошелъ справиться о дочери.

— Нѣтъ, видѣть ее тебѣ неудобно,—сказалъ онъ, возвратясь, — она легла. Совершенно естественно, что то, чтó произошло между вами, ее взволновало. Теперь не могу тебѣ сказать, когда ты можешь опять пріѣхать; но завтра напишу тебѣ изъ конторы.

— Конечно, я ничего не могу рѣшить насчетъ Горсъ-Голла, пока не получу письмо отъ мистера Фай, — сказалъ Гэмпстедъ сестрѣ, возвратясь домой.

— Все должно зависѣть отъ Маріонъ Фай.

Что сестра напрасно уложилась, казалось ему чистыми пустяками, когда рѣчь шла о здоровьѣ Маріонъ; но по полученіи письма отъ квакера, вопросъ былъ сразу рѣшенъ. Они выѣдутъ въ Горсъ-Голлъ на другой же день, такъ какъ письмо было слѣдующее:

«Милордъ,

«Надѣюсь, что не ошибусь, сказавъ тебѣ, что дочери просто понездоровилось. Сегодня она встала и, передъ моимъ уходомъ, хлопотала по дому, горячо увѣряя меня, что я не долженъ принимать никакихъ особенныхъ мѣръ для ея спокойствія или выздоровленія. Да и по лицу ея я не замѣтилъ ничего, чтó бы меня къ этому принуждало. Конечно, я заговорилъ съ нею о тебѣ, естественно, что при этомъ румянецъ на ея щекахъ то появлялся, то исчезалъ. Она сообщила мнѣ о томъ, чтò произошло между вами, но только отчасти. Что же касается до будущаго, то, когда я заговорилъ о немъ, она мнѣ сказала, что устраивать нечего, такъ какъ все, чтó нужно — сказано. Но я догадываюсь, что ты не такъ смотришь на вопросъ и что послѣ того, чтò произошло между нами, я обязанъ доставить тебѣ случай снова видѣть ее, еслибъ ты этого пожелалъ. Но это придется отложить. Конечно, будетъ лучше для нея и, можетъ быть, также и для тебя, чтобъ она немного отдохнула передъ новымъ свиданіемъ. А потому я предложилъ бы тебѣ предоставить ее собственнымъ размышленіямъ на нѣсколько недѣль. Если ты напишешь мнѣ и назначишь какой-нибудь день въ началѣ марта, я постараюсь убѣдить ее принять тебя, когда ты пріѣдешь.

«Остаюсь, милордъ,
«Твой вѣрный другъ
«Захарія Фай».

Лорду Гэмпстеду, волей-неволей, пришлось покориться. Онъ написалъ ласковую, нѣжную записочку къ Маріонъ и вложилъ ее въ одинъ конвертъ съ письмомъ къ отцу ея, которому писалъ, что готовъ руководствоваться его совѣтами. — «Я напишу вамъ 1-го марта, — говорилъ онъ, — но надѣюсь, что еслибъ до тѣхъ поръ что-нибудь случилось—еслибъ, напримѣръ, Маріонъ заболѣла—вы тотчасъ извѣстите меня, какъ человѣка, которому здоровье ея такъ же дорого, какъ и вамъ самимъ». Онъ былъ смущенъ, взволнованъ, но не вполнѣ несчастливъ. Она сказала ему, какъ онъ ей дорогъ, и онъ не былъ бы мужчиной, еслибъ не былъ доволенъ. Онъ не могъ себѣ представить, чтобъ она, въ концѣ-концовъ, не уступила, если только причины ея упорства до такой степени ничтожны. Тѣмъ не менѣе смутныя опасенія насчетъ ея здоровья продолжали его тревожить. Отчего она упала въ обморокъ? Откуда взялся этотъ необыкновенно яркій румянецъ, который очаровалъ бы его, еслибъ не пугалъ? Смутное опасеніе чего-то ему самому не яснаго овладѣло имъ и отчасти отравляло ему ощущеніе торжества, вызванное въ немъ ея признаніемъ.

По мѣрѣ того какъ время шло, чувство торжества брало въ немъ верхъ надъ опасеніями; дни проходили довольно пріятно. Молодой лордъ Готбой пріѣхалъ къ нему въ Горсъ-Голлъ охотиться, онъ привезъ съ собой сестру свою, лэди Амальдину, черезъ нѣсколько дней присоединился къ нимъ и Вивіанъ. Поведеніе лэди Франсесъ относительно Джорджа Родена, конечно, вызвало много осужденій, но позоръ не такъ бросался въ глаза лэди Персифлажъ какъ сестрѣ ея, маркизѣ. Амальдинѣ разрѣшено было веселиться, хотя бы въ качествѣ гостьи провинившейся пріятельницы; не смотря на то, что самъ хозяинъ былъ немногимъ лучше сестры. Молодому Готбою было очень удобно имѣть даровыя конюшни для своихъ лошадей и, отъ времени до времени, свѣжую лошадь, когда его собственныхъ двухъ скакуновъ было не достаточно для предстоявшихъ упражненій. У Вивіана было своихъ три лошади. Молодые люди усердно охотились, лэди Амальдина приняла бы дѣятельное участіе въ этой забавѣ, еслибы лордъ Льюдьютль не былъ того мнѣнія, что дамамъ неприлично охотиться съ гончими.

— Онъ такъ нелѣпо-строгъ,—говорила она лэди Франсесъ.

— По моему, онъ совершенно правъ,—возражала та.—Мнѣ не нравится, когда дѣвушки пробуютъ во всемъ подражать мужчинамъ.

— Но что за бѣда перепрыгнуть черезъ изгородь? Я называю это тиранствомъ. Неужели ты исполнила бы всякое приказаніе мистера Родена?

— Рѣшительно всякое, кромѣ прыганья черезъ изгороди. Но едва ли мы подвергнемся этимъ искушеніямъ.

— Мнѣ это очень тяжело, потому что я почти никогда не вижу Льюдьютля.

— Увидишь, когда выйдешь замужъ.

— Не думаю; развѣ буду смотрѣть на него изъ-за рѣшетки въ палатѣ общинъ. Ты знаешь, свадьба назначена въ августѣ.

— Не слыхала.

— О, да. Наконецъ, я его прижала къ стѣнѣ. Но мнѣ пришлось убѣждать Давида. Ты его не знаешь?

— Не знаю никакого современнаго Давида.

— Нашъ Давидъ не то чтобъ очень современный. Это — лордъ Давидъ Поуэль, мой будущій beau-frère. Мнѣ пришлось упрашивать его въ чемъ-то замѣнить брата и клясться, что свадьбѣ нашей никогда не бывать, если онъ не согласится.

Наконецъ, настал торжественный день, въ который самъ дѣловой человѣкъ долженъ былъ выѣхать на охоту. Лордъ Льюдьютль попалъ въ эти страны и рѣшился повеселиться денекъ. Горсъ-Голлъ былъ переполненъ и Готбой, несмотря на горячія убѣжденія сестры, отказался уступить мѣсто своему будущему зятю. Ему будетъ чрезвычайно полезно, рѣшилъ Готбой, остановиться въ гостинницѣ. Онъ все разузнаетъ насчетъ виски, пива, джина и съумѣетъ съ точностью опредѣлить, сколько у хозяйки кроватей. Лордъ Льюдьютль былъ человѣкъ, у котораго всегда были лошади, хотя онъ очень рѣдко охотился, ружья, хотя онъ никогда изъ нихъ не стрѣлялъ, удочки, хотя никто не зналъ, гдѣ онѣ находятся. Онъ явился въ Горсъ-Голлъ къ раннему завтраку и поѣхалъ на мѣсто сборища верхомъ, рядомъ съ коляской, въ которой сидѣли обѣ дамы.

— Льюдьютль,—сказала дама его сердца,—надѣюсь, что вы намѣрены скакать.

— Такъ какъ я верхомъ, Ами, то мнѣ ничего другого не остается.

— Вы знаете, что я хочу сказать.

— Кажется. Вы желаете, чтобы я сломалъ себѣ шею.

— О, Боже! Право, нѣтъ.

— А, можетъ быть, только видѣть меня на днѣ рва.

— Я лишена этого удовольствія,—сказала она,—такъ какъ вы не хотите позволить мнѣ охотиться.

— Я даже не позволилъ себѣ просить васъ этого не дѣлать. Я только замѣтилъ, что скатываться въ рвы, какъ оно ни полезно для мужчинъ среднихъ лѣтъ, въ родѣ меня, неприличная забава для молодыхъ дѣвушекъ.

— Льюдьютль,—сказалъ Готбой, подъѣзжая,—аккуратненькая у васъ лошадка!

— Не совсѣмъ ясно понимаю, что значитъ «аккуратненькая» въ примѣненіи къ лошади, милый мой; но если это лестно, очень тебѣ благодаренъ.

— Это значитъ, что я охотно бы поѣздилъ на ней остатокъ сезона.

— Но что я-то буду дѣлать, если ты завладѣешь моей аккуратненькой лошадкой?

— Вы будете засѣдать въ парламентѣ, или на какой-нибудь сессіи, или вообще исполнять свой долгъ какъ истый британецъ.

— Надѣюсь, что я не съ меньшимъ успѣхомъ исполню свой долгъ изъ-за того, что намѣренъ «аккуратненькую» лошадку оставить себѣ. Когда я буду совершенно увѣренъ, что мнѣ она больше не нужна, то дамъ тебѣ знать.

Какъ и всегда, скакали отъ логовища къ логовищу; какъ и всегда, лисицы блистали своимъ отсутствіемъ.

Въ два часа дамы возвратились домой, прокатавшись столько времени, сколько кучера нашли это полезнымъ для лошадей. Мужчины отправились дальше. Несомнѣнно справедливо, что на охотѣ бываетъ столько случаевъ, когда душа терзается сознаніемъ неудачи, что когда наконецъ удача является, удовольствіе должно быть очень велико, чтобы вознаградить за претерпѣнныя непріятности. Не въ томъ только дѣло, что лисица не всегда выскочитъ какъ только ее найдутъ, и не бѣжитъ потомъ безъ устали. Это мелочи. Но когда лисица найдена, выскочила, бѣжитъ, собаки добросовѣстно исполняютъ свою обязанность, вы сидите на своей лучшей лошади, а нервы ваши возбуждены нѣсколько больше обыкновеннаго, даже и тогда неудача стережетъ васъ. Вы попали не на ту сторону лѣса, на которую слѣдовало, или ваша лошадь, при всѣхъ своихъ достоинствахъ, отказывается перескочить черезъ эту лужицу, вы сбились съ дороги или, наконецъ, какъ нарочно, въ самый блестящій день сезона, вы пренебрегли вашей любимой забавой и пролежали въ постели. Оглянитесь на свою охотничью карьеру, братья товарищи, и подумайте, какъ мало въ ней было безоблачныхъ дней.

Одинъ изъ такихъ дней выпалъ на долю нашей молодежи.

— Если все хорошенько взвѣсить, мнѣ кажется, что лордъ

Льюдьютль первенствовалъ отъ начала до конца,—сказалъ Вивіанъ, когда мужчины присоединялись къ дамамъ въ гостиной.

— Кто бы подумалъ, что вы такой герой!—сказала сильно польщенная леди Амальдина.—Я не воображала, чтобы вы такъ серьезно отнеслись къ такимъ пустякамъ.

— Всему причиной то, что Готбой назвалъ «аккуратностью» лошади.

— Клянусь, что такъ; хотя бы вы мнѣ ее одолжили. Моя попала между двухъ рѣшетокъ и мнѣ понадобилось полчаса, чтобы выбиться оттуда. Послѣ этого я по неволѣ совсѣмъ отсталъ отъ другихъ.

Бѣдный Готбой чуть не плакалъ, повѣствуя о своемъ несчастіи.

— Ты одинъ, насколько я помню, попытался перескочить черезъ нихъ послѣ Кратера,—сказалъ Вивіанъ.—Кратеръ полетѣлъ внизъ головой и, вѣроятно, до сихъ поръ тамъ. Не знаю, гдѣ Гемпстэдъ пробрался.

— Я никогда не знаю, гдѣ я былъ, — сказалъ Гэмпстедъ, который, въ сущности, первый перелетѣлъ черезъ двойную рѣшетку, погубившую Кратера и такъ сильно озадачившую Готбоя. Но когда человѣкъ настолько впереди, что его не видятъ, то всегда является предположеніе, что онъ гдѣ-то отсталъ.

VIII.—Бѣдный Уокеръ.

Знаменитая охота, на которой лордъ Льюдьютль стяжалъ такую славу, происходила въ концѣ февраля; въ это время Гэмпстедъ считалъ часы до той минуты, когда ему снова будетъ дозволено показаться въ Парадизъ-Роу. Въ ожиданіи этого дня онъ написалъ дочери квакера коротенькую записочку.

«Дорогая Маріонъ,

«Пишу только потому, что не могу быть спокоенъ, не сказавъ вамъ, какъ искренне я васъ люблю. Пожалуйста, не думайте, что изъ-за того, что я вдали отъ васъ, я менѣе о васъ думаю. Надѣюсь увидать васъ въ понедѣльникъ 2-го марта. Еслибъ вы написали мнѣ хотя словечко, чтобы сказать, что будете рады меня видѣть!

«Вашъ вѣчно Г.»

Она показала посланіе это отцу и хитрый старикъ сказалъ ей, что съ ея стороны было бы невѣжливо хотя чего-нибудь не

отвѣтить. Такъ какъ молодому лорду, говорилъ онъ, разрѣшено имъ, отцомъ ея, ухаживать за нею, то этого-то ужъ онъ въ правѣ требовать. Отчего бы его дѣвочкѣ не составить такой великолѣпной партіи? Почему бы его дочери не сдѣлаться счастливой женой, благо ея красота и грація окончательно заполонили сердце этого молодого лорда?

«Милордъ,—отвѣтила она ему,—буду счастлива васъ видѣть въ тотъ день, какой для васъ удобнѣе. Но, увы! могу только повторить, что уже сказала. Тѣмъ не менѣе я твоя.

«Маріонъ».

Послѣ этого-то лордъ Льюдьютль отличился на охотѣ, до такой степени, что Уокеръ и Уатсонъ—два ярыхъ охотника, принадлежавшихъ къ одному обществу охоты съ Гэмпстедомъ—на другой день только и толковали, что о женихѣ леди Амальдины.

Послѣдняя пятница въ февралѣ, которую отъ дня тріумфа лорда Льюдьютля отдѣляли всего сутки, должна была быть послѣднимъ днемъ охоты для Гэмпстеда, по крайней мѣрѣ, до его предполагаемаго визита въ Галловэй. Они съ леди Франсесъ намѣрены были на другой день возвратиться въ Лондонъ. Будущее представлялось ему однимъ великимъ сомнѣніемъ. Будь Маріонъ самой знатной дамой страны и не имѣй онъ почти права, по своему положенію, искать ея любви, онъ не могъ бы болѣе тревожиться, заботиться, а порою и унывать. Душа его была полна ею, а между тѣмъ, онъ изо дня въ день снаряжался на охоту и, изо дня въ день, старался не отставать отъ гончихъ.

Наконецъ, настала послѣдняя пятница въ февралѣ, день, относительно котораго всѣ окружающіе его питали большія надежды. Мѣстомъ сборища былъ назначенъ Джимберлей-Гринъ, самый любимый сборный пунктъ въ цѣломъ графствѣ. Слышно было, что прибудутъ охотники изъ окрестностей. Готбой былъ сильно возбужденъ, ему удалось, для этого случая, выпросить у Гэмпстеда его лучшую лошадь. Даже Вивіанъ, вообще не склонный къ проявленіямъ энтузіазма, имѣлъ нѣсколько совѣщаній съ своимъ грумомъ относительно того, на которой лошади ему лучше ѣздить первую половину дня. Уатсонъ и Уокеръ сильно волновались и, среди нѣжныхъ изліяній тѣсной дружбы, порѣшили, что извѣстнымъ героямъ, которые прибудутъ отъ одного изъ сосѣднихъ обществъ охоты, не надо позволять пожать всѣ лавры этого дня.

Начало было блестящее. Лисица была найдена въ первомъ же логовищѣ и, безъ всякихъ промедленій, понеслась куда-то.

Можетъ быть, въ такихъ-то именно случаяхъ охотники подвергаются самымъ страшнымъ опасностямъ отъѣзжаго поля. Всѣ вдругъ срываются съ мѣста. Собрались они толпами, лошади еще нетерпѣливѣе своихъ всадниковъ. Никто, въ данномъ случаѣ, не былъ нетерпѣливѣе Уокера, развѣ его лошадь. Большая группа всадниковъ—только-что подъѣхавшихъ—стояла на дорожкѣ, близъ логовища, когда въ разстояніи тридцати ярдовъ отъ нихъ перебѣжала дорожку лисица. Двѣ-три передовыя гончія неслись за нею. Человѣка два изъ вражьяго стана занимали позицію у небольшой калитки, которая вела съ дорожки въ поле. Между дорожкой и полемъ была ограда, которую невозможно было «взять». Только и мыслимо было выбраться, что черезъ калитку, а туда втиснулись враги, увѣрявшіе, не сходя съ мѣста, что полезно будетъ дать лисицѣ минуту передохнуть. Мысль эта, въ интересахъ охоты, быть можетъ, была и справедлива. Но Гемпстедъ, который ближе всѣхъ своихъ товарищей стоялъ къ врагамъ, приказалъ имъ двигаться, причемъ и наѣзжалъ на нихъ. Рядомъ съ нимъ, нѣсколько влѣво стоялъ несчастный Уокеръ. Его патріотической душѣ казалось невыносимымъ, чтобъ посторонній попалъ въ отъѣзжее поле ранѣе одного изъ его собратій. Чтó онъ самъ пытался, желалъ сдѣлать, сложилось ли въ умѣ его какое-нибудь опредѣленное намѣреніе,—никто никогда не узналъ. Но къ удивленію всѣхъ, видѣвшихъ это, онъ повернулъ лошадь по направленію къ оградѣ и попытался взять ее «съ мѣста». Разгоряченное животное взвилось... Еслибы всадникъ сидѣлъ свободно, онъ, вѣроятно, слетѣлъ бы съ лошади. Теперь же они полетѣли вмѣстѣ и, къ несчастью, лошадь очутилась сверху. Въ ту самую минуту какъ это случилось, лордъ Гэмпстедъ проложилъ себѣ путь черезъ калитку и первый сошелъ съ лошади, чтобы подать помощь пріятелю. Черезъ двѣ-три минуты вокругъ нихъ собралась толпа, въ которой оказался докторъ; разнесся слухъ, что Уокеръ убитъ.

Это была неправда, хотя онъ переломилъ себѣ нѣсколько реберъ и ключицу, страшно расшибся и пришелъ въ себя только черезъ нѣсколько часовъ. Въ похвалу британскимъ хирургамъ слѣдуетъ сказать, что 1-го ноября того же года Уокеръ снова охотился.

Но Уокеръ, со всѣми его несчастіями, героизмомъ и выздоровленіемъ не имѣлъ бы для насъ никакого значенія, еслибъ всѣмъ охотникамъ стало сразу извѣстно, что жертва—онъ. Катастрофа произошла между одиннадцатью и двѣнадцатью. Извѣстіе о ней было сообщено въ Лондонъ, по телеграфу, съ одной изъ

сосѣднихъ станцій, такъ рано, что попало во второе изданіе одной газеты. Въ замѣткѣ этой сообщалось публикѣ, что лордъ Гэмпстедъ, охотясь въ это утро, упалъ съ лошадью близъ Джинберлей-Грина, что лошадь упала на него и что онъ раздавленъ до смерти. Будь героемъ ложнаго извѣстія Уокеръ, оно, вѣроятно, въ такой слабой степени возбудило бы общее вниманіе, что свѣтъ ничего бы объ этомъ не зналъ, пока не услышалъ бы, что бѣднякъ уцѣлѣлъ. Но такъ какъ героемъ являлся молодой аристократъ, всѣ объ этомъ узнали до обѣда. Лордъ Персифлажъ узналъ объ этомъ въ палатѣ лордовъ, лордъ Льюдьютль слышалъ въ палатѣ общинъ. Всѣ клубы, безъ исключенія, порѣшили, что бѣдный Гэмпстедъ былъ отличный малый, хотя слегка тронувшійся. Монтрезоры уже радовались счастью маленькаго лорда Фредерика; всѣ пророчили скорую смерть маркиза, такъ какъ и мужчины и женщины были совершенно убѣждены, что онъ, въ его настоящемъ положеніи, не въ силахъ будетъ вынести потери своего наслѣдника. Въ Траффордъ извѣстіе было сообщено по телеграфу стряпчимъ маркиза, съ оговоркой однако, что, въ виду свѣжести катастрофы, не слѣдуетъ придавать безусловной вѣры роковому результату.

— Вѣроятно, тяжко расшибся,—говорила телеграмма стряпчаго,—но остальному не вѣрю. Вторично буду телеграфировать, когда узнаю правду.

Въ девять часовъ вечера правда была извѣстна въ Лондонѣ, а ранѣе полуночи бѣдный маркизъ узналъ, что страшное горе его не постигло. Но въ теченіи трехъ часовъ въ Траффордъ-Паркѣ думали, что лордъ Фредерикъ сталъ наслѣдникомъ титула и состоянія отца.

Впослѣдствіи было произведено строгое разслѣдованіе относительно личности, сообщившей это ложное извѣстіе въ редакцію газеты, но ничего достовѣрнаго никогда не узнали. Что среди охотниковъ нѣсколько времени держался слухъ, что жертва —лордъ Гэмпстедъ, оказалось вѣрнымъ. Его поздравляло множество лицъ, слышавшихъ о его паденіи. Когда ловчій, Толлейбой, разбиралъ лисицу и удивлялся, почему такъ мало охотниковъ не отставало отъ него въ продолженіе всей охоты, ему сказали, что лордъ Гэмпстедъ убитъ, и онъ выронилъ изъ рукъ свой окровавленный ножъ. Но въ отправкѣ телеграммы никто не признавался.

Первая депеша была адрессована на имя мистера Гринвуда, объ отчужденіи котораго отъ семейства лондонскій стряпчій пока еще не зналъ. Онъ былъ вынужденъ сообщить извѣстіе боль-

нему черезъ дворецкаго, Гарриса; но къ маркизѣ отправился съ этимъ самъ.

— Я былъ вынужденъ придти,—сказалъ онъ, точно извиняясь, когда она сердито взглянула на него.—Случилось несчастіе.

— Какое несчастіе—какое, мистеръ Гринвудъ? Отчего вы не хотите мнѣ сказать?—Сердце ея тотчасъ понеслось къ кроваткамъ, въ которыхъ «голубки» ея уже покоились, въ сосѣдней комнатѣ.

— Телеграмма изъ Лондона.

— Телеграмма!—Такъ ея мальчики цѣлы и невредимы.— Отчего вы мнѣ не скажете вмѣсто того, чтобъ стоять тутъ?

— Лордъ Гэмпстедъ...

— Лордъ Гэмпстедъ!—Что онъ сдѣлалъ?—Женился?

— Онъ никогда не женится.—Тутъ она вся затряслась, стиснула руки и стояла съ открытымъ ртомъ, не смѣя его разспрашивать.—Онъ упалъ, лэди Кинсбёри.

— Упалъ!

— Лошадь его раздавила.

— Раздавила!

— Помните, я говорилъ, что это будетъ. Теперь оно совершилось.

— Онъ?...

— Умеръ?—Да, лэди Кинсбёри, умеръ.

Затѣмъ онъ подалъ ей телеграмму. Она старалась прочесть ее, но слова были не ясны, или глаза ея отуманены...

— Гаррисъ пошелъ къ маркизу съ извѣстіемъ. Кажется, лучше мнѣ прочесть вамъ депешу, но я думалъ, что вамъ пріятно будетъ ее видѣть. Я говорилъ вамъ, что это будетъ, лэди Кинсбёри; теперь оно совершилось.

Онъ еще простоялъ минуты двѣ, но, такъ какъ она сидѣла закрывши лицо и не въ силахъ была говорить, вышелъ изъ комнаты, не потребовавъ, чтобъ она поблагодарила его за принесенное извѣстіе. Едва онъ ушелъ, она тихо прокралась въ комнату, въ которой спали ея три мальчика. Она склонилась надъ ними и перецѣловала ихъ всѣхъ, но опустилась на колѣни у кровати лорда Фредерика и разбудила его своими горячими поцѣлуями.

— О, мама, полно,—сказалъ мальчикъ. Потомъ очнулся, сѣлъ въ кроваткѣ.—Мама, когда будетъ Джэкъ?—спросилъ онъ.

— Спи, мой милый, милый, милый, — сказала она, снова цѣлуя его.— «Траффордъ», шепнула она про себя, возвращаясь

въ свою комнату, прислушиваясь къ звуку имени, которое ему придется носить.

— Сойдите внизъ,—сказала она своей горничной,—спросите мистриссъ Кролей, не желаетъ ли милордъ видѣть меня.—Мистриссъ Кролей была сидѣлка. Но горничная вернулась съ отвѣтомъ, что милордъ не желаетъ видѣть миледи.

Часа три пролежалъ онъ въ горестномъ оцѣпенѣніи, а она все это время просидѣла одна, почти въ потьмахъ. Позволяется сомнѣваться, чтобъ торжество было безусловное. Ея сокровище получило то, что она считала принадлежащимъ ему по праву; но вспоминаніе о томъ, что она этого жаждала, почти молилась объ этомъ, должно было омрачить ея радость.

Никакихъ подобныхъ сожалѣній не испытывалъ мистеръ Гринвудъ. Ему казалось, что фортуна, судьба, провидѣніе—назовите какъ хотите—только исполнило свой долгъ. Онъ вѣрилъ, что дѣйствительно предвидѣлъ и предсказалъ смерть вреднаго молодого человѣка. Но послужитъ ли теперь эта смерть сколько-нибудь ему на пользу? Не слишкомъ ли поздно? Развѣ всѣ они съ нимъ не поссорились? Тѣмъ не менѣе онъ былъ отомщенъ.

Такъ прошли въ Траффордъ-Паркѣ эти три часа.

Затѣмъ прилетѣлъ верховой, истина стала извѣстна. Леди Кинсбѣри снова прошла къ дѣтямъ, но на этотъ разъ не поцѣловала ихъ. Лучъ славы блеснулъ здѣсь и исчезъ, тѣмъ не менѣе она чувствовала нѣкоторое облегченіе.

— Зачѣмъ я поддался этимъ страхамъ, въ то утро,—подумалъ мистеръ Гринвудъ.

Бѣдный маркизъ почти тотчасъ задремалъ, а на другое утро едва помнилъ о полученіи первой телеграммы.

IX.—Ложныя вѣсти.

Былъ и другой домъ, въ который ложныя вѣсти о смерти лорда Гэмпстеда проникли въ тотъ же вечеръ.

Самъ мистеръ Фай не посвящалъ много времени на чтеніе газетъ. Еслибъ онъ сидѣлъ одинъ въ конторѣ, до него бы и не дошли ложныя вѣсти. Но, сидя у себя въ кабинетѣ, мистеръ Погсонъ прочелъ третье изданіе «Evening Advertiser» и увидѣлъ подробный отчетъ о происшествіи. Въ немъ говорилось что лордъ Гэмпстедъ, пролагая себѣ путь черезъ калитку, полетѣлъ вмѣстѣ съ лошадью, причемъ вся охота переѣхала черезъ него. Его подняли мертвымъ и тѣло его отнесли въ Горсъ-Голлъ. Имя лорда

Гэмпстеда пользовалось извѣстностью въ конторѣ. Триббльдэль всѣмъ разсказалъ, что молодой лордъ влюбился въ дочь Захаріи Фай и готовъ жениться на ней, какъ только она этого пожелаетъ.

Черезъ молодого Литльбёрда разсказъ этотъ сталъ извѣстенъ старику и, наконецъ, дошелъ даже до ушей самого мистера Погсона. Къ этой крайне невѣроятной исторіи въ конторѣ отнеслись съ сильнымъ сомнѣніемъ. Но были произведены нѣкоторыя разслѣдованія и теперь большинство вѣрило, что это правда. Когда мистеръ Погсонъ прочелъ отчетъ о трагическомъ происшествіи, онъ съ минуту задумался, потомъ отворилъ дверь и позвалъ Захарію Фай.

— Другъ мой,—сказалъ мистеръ Погсонъ,—читали вы это?—и онъ подалъ ему газету.

— У меня всегда мало времени для чтенія газетъ, развѣ вечеромъ, когда вернусь домой,—сказалъ клеркъ, взявъ предлагаемый ему листъ.

— Вамъ слѣдовало бы прочитать это, такъ какъ я слышалъ, какъ упоминалось ваше имя въ связи съ именемъ этого молодого лорда.

Тутъ квакеръ, спустивъ очки со лба на глаза, медленно прочелъ замѣтку. Мистеръ Погсонъ заботливо слѣдилъ за нимъ. Но на лицѣ квакера не отразилось особеннаго волненія.

— Касается это васъ, Захарія?

— Молодого человѣка этого я знаю, мистеръ Погсонъ. Хотя онъ неизмѣримо выше меня по общественному положенію, обстоятельства сблизили насъ. Если это правда, я буду огорченъ. Съ твоего разрѣшенія, мистеръ Погсонъ, я запру свой столъ и тотчасъ вернусь домой.

Мистеръ Погсонъ, конечно, согласился на это, попросивъ квакера положить газету въ карманъ.

Захарія Фай, пока онъ направлялся къ тому мѣсту, гдѣ обыкновенно садился въ омнибусъ, сильно раздумывалъ о томъ, какъ ему лучше поступить, по возвращеніи домой. Сообщить ли печальную вѣсть дочери, или подождать?

Благоразумнѣе будетъ,—рѣшилъ онъ, выходя изъ омнибуса,—покамѣстъ ничего не говорить Маріонъ. Онъ тщательно уложилъ газету въ боковой карманъ и сталъ придумывать, какъ бы ему получше скрыть свои чувства по поводу печальной вѣсти. Но все было напрасно. Новость уже проникла въ Парадизъ-Роу. Мистриссъ Демиджонъ была такая же страстная охотница до новостей, какъ и ея сосѣди, и обыкновенно посылала за уголъ

за вечерней газетой. На этотъ разъ она поступила точно также и, черезъ двѣ минуты послѣ того какъ газета попала къ ней въ руки, чуть не съ восторгомъ крикнула племянницѣ.

— Клара, вообрази, этотъ молодой лордъ, который ѣздитъ сюда къ Маріонъ Фай, убился на охотѣ.

— Лордъ Гэмпстедъ! возопила Клара.—Господи, тетушка, не вѣрится!—Въ ея тонѣ также было что-то похожее на ликованіе. Слава, ожидавшая Маріонъ Фай, была слишкомъ велика для долготерпѣнія любой сосѣдки. Съ тѣхъ поръ, какъ стало признаннымъ фактомъ, что дѣвушка понравилась лорду Гэмпстеду, популярность Маріонъ въ Парадизъ-Роу несомнѣнно уменьшилась. Мистриссъ Дубферъ не находила ее болѣе красивой; Клара увѣряла, что всегда находила ее дерзкой; мистриссъ Демиджонъ выразила мнѣніе, что молодой человѣкъ этотъ—идіотъ; а хозяйка таверны остроумно замѣтила, что «молодыхъ маркизовъ не поймать соломинками».

— Надо мнѣ пойти, сказать бѣдной дѣвушкѣ,—тотчасъ сказала Клара.

— Оставь,—сказала старуха.—И безъ тебя найдется, кому ей сказать.—Но такіе случаи встрѣчаются такъ рѣдко, что не годится не пользоваться ими. Въ обыкновенной жизни событій такъ мало, что внезапныя несчастія являются даромъ съ неба, чуть ли даже и не тогда, когда случаются съ нами самими. Даже похороны пріятно нарушаютъ однообразіе нашихъ обычныхъ занятій, а оспа въ сосѣдней улицѣ вызываетъ радостное волненіе. Клара скоро завладѣла газетой и, держа ее въ рукѣ, перебѣжала черезъ улицу, къ дому № 17-й.

Миссъ Фай была дома и минуты черезъ двѣ сошла въ гостиную къ миссъ Демиджонъ.

Только въ теченіе этихъ двухъ минутъ Клара начала думать о томъ, какъ она подготовитъ пріятельницу къ этой вѣсти, или вообще сознавать, что «вѣсть» требуетъ подготовки. Она бросилась черезъ улицу съ газетой въ рукѣ, гордясь тѣмъ, что можетъ сообщить крупную новость. Но въ теченіе этихъ двухъ минутъ ей пришло въ голову, что въ такихъ случаяхъ необходимо хорошенько подобрать выраженія.

— О, миссъ Фай,—сказала она,—слышали вы?

— Что?—спросила Маріонъ.

— Не знаю, какъ и сказать вамъ, это такъ ужасно! Я только-что прочла объ этомъ въ газетахъ, и сочла за лучшее прибѣжать сюда и дать вамъ знать.

— Случилось что-нибудь съ отцомъ моимъ?—спросила дѣвушка.

— Нѣтъ, не съ отцомъ. Чуть ли это еще не ужаснѣе, такъ какъ онъ такъ молодъ.

Тутъ яркій румянецъ залилъ личико Маріонъ; но она стояла молча и черты ея приняли почти жесткое выраженіе отъ рѣшимости не выдавать чувствъ своего сердца передъ этой дѣвушкой. Вѣсти, каковы бы онѣ ни были, должны касаться его. Не было никого другого «такого молодого», о комъ эта особа могла бы говорить съ ней въ этомъ тонѣ. Она стояла молча, неподвижно, лицо ея нисколько не выражало ея чувствъ.

— Не знаю, какъ и сказать, — повторила Клара Демиджонъ.—Лучше возьмите газету и прочтите сами. Это въ предпослѣднемъ столбцѣ, внизу. «Несчастный случай на охотѣ». Сами увидите.

Маріонъ взяла газету и прочла замѣтку до конца, не шевельнувъ ни однимъ членомъ. Отчего эта жестокая дѣвушка не хочетъ уйти и оставить ее съ ея горемъ? Зачѣмъ она стоитъ тутъ, смотритъ на нее, точно желая изслѣдовать до дна печальную тайну ея сердца? Она не отрывала глазъ отъ газеты, не зная куда смотрѣть, такъ какъ не хотѣла заглянуть въ лицо своей мучительницы, съ мольбой о пощадѣ.

— Неправда-ли, какъ печально?—сказала Клара Демиджонъ.

Послышался глубокій вздохъ.

— Печально,—повторила она,—да, очень печально. Право, если вамъ все равно, я теперь попрошу васъ оставить меня. Ахъ, да, вотъ газета.

— Можетъ быть, вы бы желали показать ее отцу.

Маріонъ покачала головой.

— Такъ я отнесу ее тетушкѣ. Она еле заглянула въ нее Дойдя до этой замѣтки, она, конечно, прочла ее вслухъ, а я не дала ей покою, пока она не отдала мнѣ газету, чтобъ принести ее сюда.

— Пожалуйста, оставьте меня,—сказала Маріонъ Фай.

Бросивъ на нее взглядъ, выражавшій и удивленіе, и гнѣвъ, Клара вышла изъ комнаты.

— Она, кажется, совершенно равнодушна,—отрапортовала племянница тетушкѣ:—она встала такой же павой, какъ всегда, и попросила меня уйти.

Когда квакеръ подошелъ къ двери и отворилъ ее своимъ ключомъ, Маріонъ была въ передней и ждала его. До той минуты, какъ она услышала звукъ ключа въ замкѣ, она не дви-

нулась изъ комнаты, почти не измѣнила позы, въ которой оставила ее посѣтительница. Она опустилась на близь стоявшій стулъ и сидѣла все думая, думая...

— Отецъ,—сказала она, положивъ ему руку на плечо и заглядывая ему въ лицо,—отецъ!

— Дитя мое!

— Слышалъ ты что-нибудь въ Сити?

— А ты, Маріонъ?

— Такъ это правда?—крикнула она, ухвативъ его за обѣ руки, повыше локтя, точно боялась упасть.

— Кто знаетъ? Кто можетъ сказать, что это правда до полученія дальнѣйшихъ извѣстій. Войдемъ, Маріонъ. Неприлично намъ здѣсь толковать объ этомъ.

— Неужели это правда? О, отецъ, отецъ, это убьетъ меня.

— Нѣтъ, Маріонъ, не говори этого. Въ сущности говоря, молодой человѣкъ былъ для тебя почти постороннимъ.

— Постороннимъ?

— Сколько недѣль прошло съ тѣхъ поръ, какъ ты въ первый разъ видѣла его? И сколько разъ это было? Раза два, три. Жаль мнѣ его, если это правда. Очень онъ былъ мнѣ по душѣ.

— Но я любила его.

— Полно, Маріонъ, не говори этого. Ты должна умѣрять себя.

— Не хочу я умѣрять себя. — Она вывернулась изъ-подъ руки его.—Я любила его всѣмъ сердцемъ, всѣми силами, всей душой. Если правда то, что̀ пишутъ въ этой газетѣ, то я также должна умереть. О, отецъ, правда ли это? Какъ ты думаешь?

Онъ немного призадумался, прежде чѣмъ отвѣтить. Онъ самъ почти не зналъ, что̀ онъ думаетъ. Газеты эти, въ вѣчной погонѣ за новостями, готовы помѣщать и ложныя, и вѣрныя извѣстія безъ разбору, ложныя, пожалуй, скорѣе, лишь бы польстить вкусу читателей. Но если это правда, то какъ вредно было бы подавать ей ложныя надежды!

— Нѣтъ основанія отчаяваться,—сказалъ онъ,—до завтрашняго утра, когда мы получимъ свѣжія вѣсти.

— Я знаю, что онъ умеръ.

— Перестань, Маріонъ. Знать ты ничего не можешь. Если ты покажешь себя мужественной дѣвушкой, какова ты есть, то вотъ что я для тебя сдѣлаю. Я сейчасъ же отправлюсь въ Гендонъ, въ домъ молодого лорда и тамъ всѣхъ разспрошу. Вѣрно же они знаютъ, если съ ихъ господиномъ случилось что-нибудь дурное.

Сказано, сдѣлано. Бѣдный старикъ, послѣ своихъ продолжительныхъ дневныхъ трудовъ, не дождавшись обѣда, захвативъ только въ карманъ кусокъ хлѣба, сѣлъ на извощика и приказалъ везти себя въ Гендонъ-Голлъ. Слуги были очень удивлены и озадачены его разспросами. Они ничего не слыхали. Лорда Гэмпстеда съ сестрою ожидали домой на другой день. Обѣдъ былъ для нихъ заказанъ, огонь былъ и теперь уже разведенъ во всѣхъ каминахъ. «Умеръ!» «Убился на охотѣ!» «Затоптанъ до смерти!» Ни единаго слова объ этомъ не достигло Гендонъ-Голла. Тѣмъ не менѣе экономка, когда ей показали замѣтку, повѣрила ей вполнѣ. Слуги также повѣрили. А потому бѣдный квакеръ возвратился домой вовсе не утѣшенный. Положеніе Маріонъ, въ эту ночь, было очень печально, хотя она старалась не поддаваться своему горю. Они не обмѣнялись почти ни однимъ словомъ, когда она сидѣла возлѣ него за ужиномъ. На слѣдующее утро она встала, чтобъ дать ему позавтракать, послѣ ночи, въ теченіе которой сто разъ засыпала отъ утомленія, чтобъ снова проснуться минуты черезъ двѣ, съ полнымъ сознаніемъ своего горя.

— Скоро ли я узнаю?—спросила она, когда онъ выходилъ изъ дому.

— Кто-нибудь да знаетъ же,—сказалъ онъ, — я пришлю тебѣ сказать.

Но въ это время истина уже была извѣстна въ тавернѣ «герцогини». Въ одной изъ утреннихъ газетъ былъ помѣщенъ полный, обстоятельный и совершенно вѣрный отчетъ обо всемъ происшествіи.

— Это совсѣмъ не былъ милордъ,—сказала добродушная хозяйка таверны, выходя къ нему, когда онъ проходилъ мимо дверей.

— Не лордъ Гэмпстедъ?

— Вовсе нѣтъ.

— Онъ не убитъ?

— Да и расшибся-то не онъ, мистеръ Фай, а другой молодой человѣкъ, мистеръ Уокеръ. Живъ ли онъ, или умеръ, никто не знаетъ, но говорятъ, что во всемъ тѣлѣ его не осталось цѣлой кости. Здѣсь все прописано, я собиралась нести къ вамъ газету. Вѣроятно, миссъ Фай крѣпко огорчилась?

— Молодой человѣкъ мнѣ знакомъ,—сказалъ квакеръ.— Благодарю тебя, мистриссъ Гримлей, за твою заботливость. Внезапность эта напугала мою бѣдную дѣвочку.

— Это утѣшитъ ее,—весело сказала мистриссъ Гримлей.—

По всему, что́ слышно, мистеръ Фай, она имѣетъ основаніе тревожиться за этого молодого лорда. Надѣюсь, что Господь сохранитъ его ей, мистеръ Фай, и онъ окажется достойнымъ человѣкомъ.

Квакеръ быстрыми шагами направился къ своему дому, съ газетой въ рукѣ.

— Теперь моя дѣвочка снова будетъ счастлива?—спросилъ онъ, по окончаніи чтенія.

— Да, отецъ.

— Дитя мое, наконецъ, сказало правду старику отцу.

— Развѣ я когда-нибудь говорила тебѣ неправду?

— Нѣтъ, Маріонъ.

— Я говорила, что не гожусь ему въ жены и не гожусь. Въ этомъ отношеніи ничто не измѣнилось. Но когда я услыхала, что онъ... Но теперь мы не будемъ говорить объ этомъ. Какъ ты былъ добръ ко мнѣ, никогда я этого не забуду, какъ нѣженъ!

— Кому и быть мягкимъ, если не отцу?

— Не всѣ отцы похожи на тебя. Но ты всегда былъ добръ и кротокъ съ твоей дочерью.

Когда онъ отправился въ Сити, почти часомъ позже обыкновеннаго, онъ далъ своему сердцу ликовать вволю. Теперь онъ вѣрилъ, что бракъ его дочери съ ея аристократическимъ поклонникомъ состоится. Она призналась въ своей любви ему—отцу; послѣ этого она, конечно, сдастся на ихъ общія желанія.

О. П.

РАБОЧІЙ ВОПРОСЪ

ВЪ

АВСТРІЙСКОМЪ ПАРЛАМЕНТѢ

Огромное большинство читающей публики, не только въ Россіи, но и въ западной Европѣ, интересуется исторіей и современнымъ положеніемъ Австріи лишь настолько, насколько дѣло касается политической жизни страны, взаимныхъ отношеній борющихся между собою народностей и политическихъ партій. И дѣйствительно, политическая жизнь Австріи прошла и до сихъ поръ проходитъ черезъ многіе, чрезвычайно любопытные фазисы, совершенно чуждые большинству европейскихъ государствъ. Старая Австрія, — этотъ искусственный конгломератъ разнородныхъ и большей частью враждебныхъ другъ другу народностей, образовавшійся путемъ насилія и державшійся посредствомъ насилія,— была, подобно всѣмъ такимъ государственнымъ конгломератамъ, обречена на неминуемое распаденіе. И эта самая Австрія на нашихъ глазахъ постепенно превратилась въ сильное, жизнеспособное государство, которое, какъ показываетъ ея современное положеніе, можетъ жить и развиваться безъ прежняго насилія, однимъ только простымъ дѣйствіемъ притягательной силы, производимой династіей Габсбурговъ на отдѣльныя народности Австріи. Рядъ политическихъ метаморфозъ, пройденныхъ Австріей до настоящаго времени и обусловившихъ возникновеніе и ростъ новой Австріи, какъ большого федеративнаго государства, несомнѣнно представляетъ весьма много интересныхъ, и во многихъ отношеніяхъ поучительныхъ сторонъ. Съ другой стороны,

географическое положеніе Австріи въ центрѣ Европы, на рубежѣ между востокомъ и западомъ, заставляютъ всѣхъ съ живѣйшимъ интересомъ слѣдить за внѣшней политикой Австріи; этотъ интересъ усилился за послѣднее время, когда пріобрѣла особенную популярность теорія о «естественномъ» антагонизмѣ интересовъ востока и запада Европы и о «неизбѣжномъ» столкновеніи славянскихъ народовъ съ германскими.

Благодаря этимъ условіямъ, значительная часть европейскаго общества, болѣе или менѣе интересующаяся политическими дѣлами Австріи, обращаетъ чрезвычайно мало вниманія на другія стороны австрійской жизни, и меньше всего на соціально-экономическое положеніе Австріи. А между тѣмъ эта-то сторона соціальной жизни въ настоящее время выступаетъ на первый планъ все сильнѣе и сильнѣе, и ставитъ свои требованія въ формѣ гораздо болѣе неотложной и меньше допускающей компромиссы, чѣмъ вопросы политики. Мало того,—во многихъ, если не во всѣхъ, случаяхъ политическая борьба въ Австріи сводится къ борьбѣ экономическихъ интересовъ, замаскированныхъ тѣми или другими политическими формулами. Долго, очень долго общественное мнѣніе, законодательство и правительство въ самой Австріи почти пренебрегали экономическими факторами, или относились къ нимъ какъ къ вопросамъ второстепеннымъ, рѣшеніе которыхъ можно отсрочить до тѣхъ поръ, пока будутъ приведены въ порядокъ болѣе жгучіе и болѣе шумные вопросы политики. Но наступилъ моментъ, когда оказалось невозможнымъ дольше пренебрегать этими факторами: они начинаютъ насильственно вторгаться въ общественную жизнь и въ программы борющихся партій, упорно стучатся въ дверь парламента и безъ доклада врываются въ кабинеты министровъ; они производятъ замѣтное вліяніе на группировку политическихъ силъ и вызываютъ къ жизни новыя группы. Въ концѣ концовъ этими вопросами приходится заниматься поневолѣ, и приходится имъ удѣлить тѣмъ бо́льшее мѣсто въ законодательствѣ и литературѣ, чѣмъ больше ими до послѣдняго времени пренебрегали.

Для русскихъ читателей соціально-экономическое положеніе Австріи представляетъ еще особый интересъ, такъ какъ въ этомъ отношеніи Россія стоитъ ближе къ Австріи, чѣмъ къ какой-либо другой странѣ западной Европы. Изученіе положенія экономическихъ вопросовъ въ Австріи можетъ оказаться полезнымъ для русскаго читателя не только съ научно-теоретической точки зрѣнія, но и какъ опытъ современной жизни.

Въ виду этого, мы нашли не лишнимъ остановиться на се-

ціально-экономическомъ положеніи Австріи и на отдѣльныхъ факторахъ, въ настоящее время вліяющихъ на это положеніе. Для большей систематичности обозрѣнія мы въ настоящемъ очеркѣ ограничимся разсмотрѣніемъ положенія городскихъ рабочихъ и ремесленниковъ, предоставляя себѣ въ другой разъ вернуться къ неменѣе интересному вопросу о положеніи крестьянскаго и вообще земледѣльческаго населенія въ Австріи.

I.

5-го декабря прошлаго года цислейтанскій парламентъ, послѣ полугодового перерыва, снова началъ свою законодательную дѣятельность, и хотя на этотъ разъ пренія начались не съ обычной грызни національныхъ партій, въ которой такъ наторѣли австрійскіе ораторы, эти пренія были особенно оживлены и интересны, такъ какъ на очереди стояло рѣшеніе законодательныхъ вопросовъ, глубже всего и непосредственнѣе всего затрогивающихъ интересы всѣхъ слоевъ общества, — вопросовъ экономическихъ. Настоящее министерство, еще при своемъ основаніи, три слишкомъ года тому назадъ, обѣщало представить рядъ проектовъ законодательныхъ реформъ, касающихся соціально-экономическаго строя Австріи. Неотложная необходимость этихъ реформъ была признана въ тронной рѣчи, которою императоръ открылъ парламентъ, и неоднократно была подтверждена въ оффиціальныхъ рѣчахъ членовъ настоящаго кабинета. Потребность въ этихъ реформахъ мотивировалась министромъ-президентомъ, гр. Таафе, съ одной стороны интересами справедливости и необходимостью найти широкую политическую опору въ массахъ трудящагося населенія; съ другой же стороны,—настоятельной необходимостью законодательными мѣрами предупредить окончательное и быстрое истощеніе экономическихъ силъ страны, обѣднѣніе и гибель рабочихъ классовъ, на которые государство возлагаетъ съ каждымъ годомъ все бóльшія и бóльшія тяжести и которымъ съ каждымъ годомъ становится все невозможнѣе нести ихъ. Казалось бы, что столь важная законодательная работа, настоятельность которой такъ ясно сознана, должна была составить первую задачу правительства. Но прошло три года послѣ основанія министерства, и, за исключеніемъ немногихъ и не особенно важныхъ законодательныхъ мѣръ, проведенныхъ въ парламентѣ по инпціативѣ правительства, послѣднее не произвело ничего цѣльнаго и оконченнаго для выполненія указанной

задачи. Всѣ проекты обѣщанныхъ реформъ находятся въ разнообразныхъ коммиссіяхъ, правительственныхъ и парламентскихъ, переходятъ изъ одной канцеляріи въ другую и вырабатываются чрезвычайно медленно. Наконецъ, въ концѣ прошлаго года, правительство объявило, какъ через посредство оффиціозныхъ органовъ печати, такъ и устами министровъ Дунаевскаго и Пино, что наступило время заняться обѣщанными экономическими реформами; въ палату депутатовъ былъ внесенъ, для перваго начала, проектъ реформы промысловаго закона, надъ выработкой котораго трудились три года, причемъ правительство обѣщало въ ближайшемъ будущемъ внесеніе другихъ не менѣе важныхъ законопроектовъ.

Лучше поздно, чѣмъ никогда; хорошо и то, что давно обѣщанныя реформы вышли, наконецъ, изъ области платоническихъ желаній и академическихъ споровъ, что можно говорить о нихъ какъ о фактѣ, которому предстоитъ въ той или иной формѣ осуществиться въ ближайшемъ будущемъ. — Реформа промысловаго закона, которою правительство начало выполненіе своей реформаторской программы на почвѣ соціально-экономическаго законодательства, представляетъ еще тотъ интересъ, что по трехлѣтней исторіи происхожденія этого законопроекта, по преобладающимъ въ немъ тенденціямъ, мы можемъ заключить, каковы будутъ характеръ и тенденція всѣхъ остальныхъ реформъ и чего собственно могутъ ожидать рабочіе классы Австріи отъ настоящаго министерства и парламента (предполагая, конечно, что министерство будетъ настолько долговѣчно, чтобы выполнить всѣ важнѣйшіе пункты своей соціально-экономической программы).

Въ исторіи, какъ и въ жизни индивидуальной, иногда встрѣчаются самыя странныя совпаденія событій и обстоятельствъ, между которыми нѣтъ ни малѣйшей внѣшней связи, но которыя находятся въ самой тѣсной внутренней зависимости. Подобныя совпаденія,—которыя, конечно, нельзя объяснить ничѣмъ инымъ какъ чистой случайностью,—тѣмъ не менѣе напоминаютъ намъ о внутренней связи, существующей между совершенно разнородными фактами. 5-го декабря, въ тотъ самый день, когда палата депутатовъ приступила къ рѣшенію перваго по очереди соціально-экономическаго вопроса,—въ двухъ городахъ имперіи, Вѣнѣ и Прагѣ, начались судебныя разбирательства по двумъ крупнымъ процессамъ, далеко выходившимъ изъ ряда обыкновеннаго. Въ Прагѣ начался процессъ-монстръ противъ 50 рабочихъ-соціалистовъ, обвиняемыхъ въ составленіи тайнаго противузаконнаго общества, въ распространеніи запрещенныхъ изданій, въ оскорб-

ленія величества и т. под. Въ Вѣнѣ начался рядъ процессовъ противъ 80 слишкомъ рабочихъ, арестованныхъ во время уличныхъ безпорядковъ, которые произошли въ Вѣнѣ въ началѣ ноября, и обвинявшихся въ учиненіи этихъ безпорядковъ, въ оскорбленіи властей и т. д.

Я заговорилъ объ этихъ процессахъ не потому, чтобы они были интересны сами по себѣ или чтобы въ нихъ обнаружены какіе-либо новые моменты, способствующіе уясненію интересующаго насъ вопроса. Уличные безпорядки и случаи неповиновенія властямъ вовсе не рѣдкость въ Австріи, а пражскій процессъ противъ соціалистовъ отличается отъ множества подобныхъ процессовъ, происходившихъ за послѣдніе годы во всѣхъ значительныхъ городахъ имперіи, лишь небывалымъ до тѣхъ поръ въ Австріи числомъ обвиняемыхъ. Но если станемъ объективно слѣдить за ходомъ этихъ, какъ и предшествовавшихъ, процессовъ, мы не можемъ не признать ихъ прямыми слѣдствіями неудовлетворительнаго экономическаго положенія рабочихъ массъ. Во всѣхъ соціалистическихъ процессахъ ясно отражается вся ужасная картина борьбы этихъ массъ за свое жалкое существованіе; онѣ ищутъ матеріальнаго обезпеченія въ непосильномъ трудѣ, ищутъ у властей и судовъ защиты противъ слишкомъ сильнаго гнета крупнаго капитала, ищутъ объясненія въ разныхъ книжкахъ и доктринахъ: борьба эта въ большей части случаевъ и для весьма значительнаго числа борющихся на практикѣ оказывается безуспѣшной. Трудъ по прежнему не обезпечиваетъ существованіе рабочаго, суды и власти отчасти безсильны сдѣлать что-либо въ его пользу, отчасти не хотятъ этого сдѣлать; полиція закрываетъ собранія рабочихъ, на которыя они сходятся, чтобы обсуждать свои общія нужды; прокуратура конфискуетъ и запрещаетъ ихъ газеты и проч. Тогда они оставляютъ легальный путь, созидаютъ тайныя общества съ болѣе или менѣе преступными, хотя почти всегда несбыточными и непрактичными программами; черезъ весьма короткое время полиція узнаетъ о существованіи тайнаго общества, — происходятъ обыски, аресты, слѣдствія, и суды; на основаніи существующихъ законовъ, немилосердно караютъ виновныхъ. Но ни судебныя кары, ни полицейскія преслѣдованія не останавливаютъ движенія. Вѣнская рабочая газета «Zukunft» приводитъ любопытную статистику политическихъ процессовъ противъ рабочихъ [1]); изъ нея мы узнаемъ, что въ теченіе послѣднихъ двухъ лѣтъ въ одной только

---

[1]) Zukunft. №№ 21—22. Zur Statistik der Arbeiterverfolgungen.

Вѣнѣ въ политическихъ процессахъ судилось больше 200 рабочихъ и что около 100 человѣкъ въ настоящее время находится подъ слѣдствіемъ; въ Прагѣ за тотъ же періодъ времени произошло не меньше 28 политическихъ процессовъ, въ которыхъ всѣ обвиняемые, числомъ около 250, принадлежатъ исключительно къ рабочимъ классамъ; подобныхъ же процессовъ было немалое количество въ Брюннѣ, Опавѣ, Грацѣ, Краковѣ и др. городахъ имперіи. Всѣ они болѣе или менѣе похожи одинъ на другой, и всѣ свидѣтельствуютъ объ отсутствіи прочной организаціи и значительныхъ матеріальныхъ силъ у соціалистическихъ группъ австрійскихъ рабочихъ. Но ихъ постоянное повтореніе, не смотря на отсутствіе фактической силы, удивительная живучесть соціалистическихъ группъ, не смотря на преслѣдованія, — могутъ служить лучшимъ доказательствомъ, что коренная причина развитія соціалистическихъ группъ среди австрійскихъ рабочихъ лежитъ въ постоянно ухудшающемся экономическомъ положеніи ихъ. Такъ смотрятъ на этотъ вопросъ не только австрійскіе радикалы но даже такіе люди, которыхъ невозможно заподозрить въ малѣйшемъ радикализмѣ. Такой взглядъ на причину развитія соціалистическихъ партій въ Австріи высказалъ недавно самъ министръ-президентъ въ разговорѣ съ адвокатомъ д-ромъ Глазеромъ, защищавшимъ группу соціалистовъ въ пражскомъ процессѣ. Въ отвѣтъ на замѣчаніе д-ра Глазера, что соціалистическое движеніе все усиливается и что административныя и судебныя кары нисколько не помогаютъ злу, гр. Таафе сказалъ: «я не могу отрицать, что требованія рабочихъ, вообще говоря, законны, и что единственное вѣрное средство для борьбы съ разрушительными тенденціями, развивающимися среди рабочихъ, не карательныя мѣры, но крупныя экономическія реформы. Въ этомъ отношеніи у правительства нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія. Вопросъ можетъ заключаться лишь въ томъ, какъ далеко и въ какомъ направленіи должна идти въ данный моментъ реформаторская дѣятельность правительства; я, напримѣръ, убѣжденъ, что въ настоящій моментъ расширеніе политическихъ правъ рабочихъ нисколько не помогло бы злу, прежде чѣмъ не будетъ выполнена соціально-экономическая программа правительства». Послѣ нѣкоторыхъ полемическихъ замѣчаній противъ оппозиціи министръ-президентъ продолжаетъ: «главная задача правительства, правда, задача весьма трудная, заключается въ томъ, чтобы сдѣлать рабочаго экономически независимымъ, — и, если эта задача вообще достижима, то только путемъ давленія законодательства

на имущіе классы» [1]).—Еще любопытнѣе то, что весьма часто органы прокурорской власти, являющіеся въ процессахъ противъ соціалистовъ въ качествѣ обвинителей, объясняютъ преступность обвиняемыхъ главнымъ образомъ неудовлетворительнымъ экономическимъ положеніемъ рабочихъ классовъ Австріи; обыкновенныя криминалистскія гипотезы о злой волѣ, разрушительныхъ инстинктахъ, внѣшнихъ вліяніяхъ, и т. под. вставляются лишь какъ второстепенныя части обвиненія.

Но если постоянное усиленіе соціалистическихъ тенденцій среди рабочихъ классовъ Австріи еще можно, хотя отчасти, объяснить посторонними обстоятельствами, въ родѣ пропаганды извнѣ, разрушительныхъ инстинктовъ и проч.,—то даже тѣни этихъ постороннихъ причинъ нельзя найти въ такихъ симптоматическихъ явленіяхъ, какъ уличные безпорядки, происшедшіе въ Вѣнѣ въ началѣ ноября, и внѣшній ходъ которыхъ, вѣроятно, памятенъ еще читателямъ, слѣдящимъ за заграничной жизнью. Изъ-за ничтожнѣйшаго повода (закрытія читальни общества сапожниковъ, въ которой были найдены запрещенныя книги) на одной и той же улицѣ нѣсколько дней сряду собиралась толпа народа; въ началѣ эти сборища имѣли совершенно невинный характеръ и состояли просто изъ массъ любопытныхъ и равнодушныхъ людей. Всякій житель большого города знаетъ по опыту, какъ ничтожны бываютъ поводы, изъ-за которыхъ на улицѣ можетъ собраться толпа и какъ быстро происходитъ скопленіе огромной массы народа. Вѣнская полиція не угадала невиннаго характера этихъ сборищъ и сочла ихъ предвамѣренными демонстраціями соціалистической партіи; это заблужденіе вызвало рядъ крайне безтактныхъ и совершенно излишнихъ репрессивныхъ мѣръ со стороны полиціи, выведеніе огромнаго числа пѣшихъ и конныхъ полицейскихъ, большихъ отрядовъ пѣхоты и кавалеріи, устройство настоящихъ кавалерійскихъ аттакъ на безоружную толпу любопытныхъ и т. под. Едва только эти крутыя мѣры были приняты властями, какъ въ сосѣднихъ съ мѣстомъ первоначальныхъ безпорядковъ предмѣстьяхъ началось самопроизвольное броженіе, имѣвшее всѣ внѣшніе признаки настоящаго революціоннаго движенія. Нѣсколько вечеровъ сряду огромныя массы возбужденнаго народа толпились по улицамъ и переулкамъ предмѣстьевъ Оттакрингъ, Ней-Лерхенфельдъ и Гернальсъ; явившимся для усмиренія отрядамъ улановъ и полицейскихъ тутъ приходилось имѣть дѣло уже не съ безпомощной толпой, которую можно

[1]) Neue Freie Presse, 14-го дек. 1882.

гнать и топтать, какъ стадо барановъ. Ихъ при каждой атакѣ встрѣчала озлобленная, бѣшеная толпа народа; изъ воротъ домовъ, изъ перекрестныхъ улицъ, изъ старыхъ крѣпостныхъ рвовъ, куда конные отряды не могли проникнуть, даже изъ оконъ домовъ на нихъ сыпался градъ каменьевъ. Движеніе принимало все болѣе грозный видъ, и если не перешло въ нѣчто очень серьёзное, то это слѣдуетъ приписать отсутствію предводителей, отсутствію малѣйшей иниціативы и плана дѣйствій у возбужденныхъ массъ народа. Еслибы броженіе продолжалось еще нѣсколько времени, то весьма возможно, что явились бы иниціатива и планъ, явились бы и предводители. Но правительство во время увидѣло свою первоначальную ошибку и, спохватившись, повело дѣло съ большимъ тактомъ: по полиціи и войскамъ отданъ былъ приказъ не раздражать толпы, по возможности сохранять наблюдательное положеніе, и безъ крайней нужды не пускать въ ходъ насилія. Черезъ два дня спокойствіе было возстановлено.

Кто же, спрашивается, были эти люди, производившіе безпорядки и выказавшіе при этомъ такую ненависть къ властямъ и существующему порядку? Чего эти люди хотѣли? И хотѣли ли они чего-нибудь?—Вполнѣ ясный отвѣтъ на всѣ эти вопросы мы находимъ въ рядѣ судебныхъ разбирательствъ противъ лицъ, арестованныхъ въ теченіе этихъ дней. Изъ 400 человѣкъ арестованныхъ первоначально, больше 300 человѣкъ были освобождены черезъ нѣсколько дней, и лишь противъ 80 человѣкъ съ небольшимъ обвинительная власть сочла возможнымъ возбудить судебное преслѣдованіе. Эти 80 человѣкъ, принадлежавшіе исключительно къ рабочему сословію, обвинялись въ неповиновеніи властямъ, въ образованіи уличныхъ сходбищъ и т. под. Судъ оправдалъ человѣкъ 20, остальные же были приговорены къ весьма легкимъ наказаніямъ (большей частью 2 — 14 дней ареста; весьма немногіе были приговорены за оскорбленіе властей къ болѣе продолжительному аресту, 2—3 мѣсяцамъ). Изъ допроса обвиняемыхъ и свидѣтелей оказалось, что большая часть обвиняемыхъ—ремесленники и фабричные, лишившіеся работы или работающіе какихъ-нибудь 2—3 дня въ недѣлю, получая 60—90 крейцеровъ въ день; остальные дни они проводятъ въ поискахъ за работой; они имѣютъ достаточно досуга, чтобы размышлять о своемъ отчаянномъ положеніи, и если не пріити къ какимъ-либо положительнымъ выводамъ, то, по крайней мѣрѣ, проникнуться насквозь ненавистью къ существующему строю. Это, какъ весьма удачно выразился глава клерикальной партіи, кн.

Лихтенштейнъ, въ своей замѣчательной рѣчи въ засѣданіи палаты 9-го декабря, «это тотъ классъ общества, которому при господствующихъ экономическихъ условіяхъ нечего ни выиграть, ни проиграть». Эти слова вождя клерикально-феодальной партіи вполнѣ могутъ объяснить какъ коренную причину послѣднихъ уличныхъ безпорядковъ въ Вѣнѣ, такъ и вообще быстрые успѣхи, которые дѣлаетъ всякое анти-государственное и анти-буржуазное движеніе въ рабочихъ классахъ Австріи.

Я позволилъ себѣ остановиться на этихъ двухъ процессахъ, случайно совпавшихъ съ днемъ открытія палаты депутатовъ, и на коренныхъ причинахъ, ихъ вызвавшихъ, потому лишь, что частое повтореніе такихъ симптоматическихъ явленій заставляетъ наконецъ, все общество серьёзно задуматься надъ ними и найти имъ объясненія вполнѣ тождественныя съ только-что приведенными. Достаточно знаменателенъ тотъ фактъ, что даже самъ клерикальный кн. Лихтенштейнъ объясняетъ развитіе соціалистическихъ и вообще анти-государственныхъ тенденцій въ народныхъ массахъ нечѣмъ инымъ, какъ невыносимымъ экономическимъ положеніемъ послѣднихъ, рѣзкимъ противурѣчіемъ между номинальнымъ значеніемъ всѣхъ общественныхъ учрежденій, которыя въ принципѣ должны служить благу народныхъ массъ, и жестокой практикой жизни, основанной на высасываніи жизненныхъ соковъ изъ этихъ самыхъ массъ. Достаточно знаменательно, что австрійскіе судьи приговариваютъ людей, чуть не произведшихъ революцію, къ нѣсколькимъ днямъ ареста.

Посмотримъ теперь, какую роль правительство и парламентъ играли до сихъ поръ въ созданіи современнаго экономическаго положенія городскихъ рабочихъ, и что они намѣрены сдѣлать теперь для предотвращенія большихъ бѣдствій.

II.

Въ новѣйшей исторіи 1848 годъ имѣлъ несомнѣнно очень важное значеніе: рѣшительный ударъ, нанесенный системѣ Меттерниха, отразился на всей политической и общественной жизни Австріи въ гораздо большей степени, чѣмъ въ другихъ государствахъ западной Европы. Но, анализируя вліяніе 1848 года на новѣйшую исторію Австріи, мы видимъ, что въ сферѣ чисто политической жизни страны это вліяніе не было ни особенно широко, ни особенно продолжительно. Послѣ 1848 года еще нѣсколько разъ происходили рецидивы прежней системы; Бахъ

расправлялся съ политической свободой не хуже Меттерниха, усмиренія чеховъ при гражданскомъ министерствѣ ничѣмъ не отличались отъ таковыхъ же усмиреній въ до-конституціонную эпоху. Въ сферѣ національно-политической мы видимъ еще большія колебанія; послѣ 1848 года, когда были провозглашены равноправность національностей и федерализмъ, снова наступили жестокіе дни ужаснаго централизма, и всю не-нѣмецкую часть населенія давили и угнетали, какъ низшую расу, на малѣйшую же попытку славянскихъ народностей заявить свои національныя требованія смотрѣли какъ на государственное преступленіе. Затѣмъ въ 1870 году снова наступаетъ на короткое время господство федералистскихъ воззрѣній, чтобы въ 1871 опять смѣниться нѣмецко-централистскимъ режимомъ и т. д. Словомъ, въ австрійской политикѣ до сихъ поръ все еще происходитъ борьба отдѣльныхъ политическихъ системъ между собой, вырабатываніе политическаго строя путемъ приспособленія этихъ системъ.

Далеко не то мы замѣчаемъ въ экономической жизни страны. Тутъ, въ этой сферѣ, 1848 годъ имѣлъ огромное неизгладимое вліяніе, которое продолжало дѣйствовать независимо отъ господства той или другой политической системы и результаты котораго можно чувствовать до настоящаго времени. Оно и не удивительно, если принять во вниманіе, что экономическій строй обусловливается прежде всего основными «желѣзными» законами, весьма мало поддающимися вліянію законодателей и правителей. Правительство и законодательство Австріи за послѣднюю треть столѣтія и не сопротивлялось этимъ «желѣзнымъ» законамъ, а шло по теченію и подтверждало лишь формальными законами и предписаніями то, что условія экономической жизни вырабатывали помимо ихъ воли. Въ этомъ заключается вся исторія соціально-политическаго законодательства конституціонной Австріи. Восторжествовавшій въ 1848 году принципъ индивидуальной свободы, перенесенный въ область экономическихъ отношеній, далъ всему соціально-экономическому законодательству рѣзкій фритредерскій характеръ. Уничтоженіе старыхъ привилегій и торжество политической свободы порождаетъ длинный рядъ экономическихъ «свободъ». Вслѣдъ за отмѣной старыхъ привилегій дворянъ и духовенства,—барщины и десятины,—быстро слѣдовали одна за другой отмѣна закона, запрещавшаго дробить крестьянскіе участки, отмѣна закона противъ пьянства и ростовщичества, отмѣна закона о ремесленныхъ корпораціяхъ,—ко всѣмъ этимъ законодательнымъ реформамъ прилагался эпитетъ «свободъ»: свободы аграрной, промышленной, рабочей и т. под.

И этотъ эпитетъ можно было бы дѣйствительно примѣнить къ названнымъ законодательнымъ мѣрамъ, еслибы понятіе свободы примѣнялось къ явленіямъ, подверженнымъ «желѣзнымъ» законамъ; но въ примѣненіи къ такимъ явленіямъ «свобода» равносильна устраненію всякихъ препятствій для дѣйствія этихъ законовъ, фритредерское laisser-aller.

Самой крупной изъ этихъ законодательныхъ мѣръ, отразившейся на положеніи городскихъ рабочихъ вообще и ремесленниковъ въ особенности, можно считать законъ 20 декабря 1859 года, которымъ была провозглашена свобода ремеслъ и промысловъ. Этотъ законъ отмѣнилъ всѣ прежнія обязательныя ремесленныя корпораціи и объявилъ всѣ промышленныя занятія свободными и вполнѣ доступными всякому, желающему заниматься ими; лишь для занятія весьма немногими отраслями промышленности, сопряженными съ извѣстной опасностью, требовалось предварительное разрѣшеніе властей. Законъ этотъ не могъ, конечно, оказать особенно важнаго вліянія на положеніе фабричныхъ рабочихъ; но на положеніи мелкихъ ремесленниковъ, которые въ Австріи составляютъ весьма значительный процентъ городского населенія [1]), онъ отразился самымъ гибельнымъ образомъ. Еще раньше положеніе ремесленниковъ было чрезвычайно незавидно вслѣдствіе того, что во многія отрасли промышленности, которыя прежде были неоспоримой областью мелкаго ремесленника, стало все больше и больше вторгаться крупное машинное производство, съ которымъ ему, конечно, трудно было тягаться. Но первое время въ 50-хъ и даже 60-хъ годахъ, конкурренція фабрикъ не была еще особенно чувствительна для ремесленника: фабрика давала продукты, которые въ качественномъ отношеніи были хуже продуктовъ ремесленника, такъ что у каждаго изъ нихъ была совершенно отдѣльная clientèle, отдѣльный кругъ потребителей, и de facto фабрика вредила больше крестьянамъ-кустарникамъ, чѣмъ городскимъ ремесленникамъ. Законъ же 1859 года нанесъ послѣднимъ новый, еще болѣе чувствительный ударъ. Вслѣдъ за проведеніемъ этого закона, число ремесленниковъ стало увеличиваться съ ужасной быстротой; разорившійся мелкій торговецъ, лишившійся мѣста чиновникъ, масса фабричныхъ безъ занятій и т. под. людъ вывѣшивалъ вывѣску, бралъ учениковъ и дѣлался «ремесленникомъ»; эти импровизированные ремесленники по необходимости должны были конкуррировать

---

[1]) Въ одной Вѣнѣ по послѣднимъ статистическимъ даннымъ считается около 90,000 мелкихъ ремесленниковъ (Statistische Monatschrift, Mai, 1882).

съ настоящими ремесленниками. Но они работали хуже послѣднихъ; поэтому единственная почва, на которой могла происходить конкурренція,—это была цѣна изготовляемыхъ произведеній. Такимъ образомъ начинается постоянное удешевленіе продуктовъ, а вмѣстѣ съ этимъ естественнымъ образомъ и ухудшеніе ихъ, такъ какъ настоящіе ремесленники, вынужденные къ конкурренціи наплывомъ новыхъ, также начинають работать дешевле и хуже. Въ этой бѣшеной конкурренціи заработокъ ремесленника съ каждымъ годомъ все уменьшается, значительное количество ихъ разоряется, выбрасывается изъ сферы ремеслъ въ тюрьмы, пріюты, больницы; но одновременно съ этимъ являются новые ремесленники, которые продолжаютъ дальше гибельное дѣло своихъ несчастныхъ предшественниковъ. Въ общемъ результатѣ, вслѣдствіе введенія «свободы промысловъ» общее число ремесленниковъ не увеличилось, но за то продукты производства стали несравненно хуже и дешевле, и существованіе огромнаго большинства ихъ превратилось въ вѣчную борьбу съ голодной смертью, съ ежечасно угрожающимъ банкротствомъ. Изъ послѣдней народной переписи оказалось, что въ то время, какъ за послѣднія десять лѣтъ число жителей Вѣны увеличилось на 20%, количество портныхъ и сапожниковъ, имѣющихъ самостоятельныя мастерскія, уменьшилось на 10% [1]). Изъ еженедѣльныхъ отчетовъ, печатаемыхъ нижне-австрійской торговой палатой, мы узнаемъ, что въ теченіе послѣднихъ пяти лѣтъ 10—15% общаго числа ремесленниковъ ежегодно банкротятся. Что же касается до измѣненій заработной платы, то тутъ, конечно, колебанія весьма неправильны, смотря по ремеслу и особымъ временнымъ условіямъ. Но если принять во вниманіе не только денежную стоимость ремесленнаго продукта, но и постоянное удешевленіе самихъ денегъ, то не можетъ быть сомнѣнія, что съ каждымъ годомъ заработокъ ремесленника понижается въ такой же, если не большей пропорціи; по крайней мѣрѣ, этотъ выводъ окажется совершенно вѣрнымъ для наиболѣе распространенныхъ ремеслъ: портняжнаго, сапожнаго, столярнаго и друг., гдѣ конкурренція между ремесленниками сильнѣе всего. Конкурренція эта въ Вѣнѣ, напримѣръ дошла до того, что на нѣкоторыхъ поприщахъ ремесленникъ въ настоящее время конкуррируетъ съ фабричнымъ производствомъ. Большіе магазины готоваго платья (Ротбергера, Гринбаума и др.), имѣвшіе еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ собственныя огромныя мастерскія съ зна-

---

[1]) Statist. Monatschrift; Mai, 1882.

чительнымъ штатомъ рабочихъ, теперь находятъ болѣе выгоднымъ дѣлать свои заказы отдѣльнымъ небольшимъ мастерамъ. Мелкій ремесленникъ побѣждаетъ фабрику! Но чего ему стоитъ эта побѣда? Вѣнская газета «Vaterland» [1]) приводитъ списокъ цѣнъ, платимыхъ большими магазинами вѣнскимъ портнымъ. Вотъ нѣкоторыя изъ этихъ поучительныхъ цифръ: зимнее пальто на ватѣ, смотря по достоинству, отъ 1.50 до 3 гульденовъ, за лѣтнее пальто 1.50, сюртукъ 1.50, брюки 40—80 крейцеровъ, жилетъ—50 кр., пиджакъ—90 кр., и т. п. Если принять во вниманіе, что портной долженъ на свой счетъ покупать всѣ мелочи, нужныя для платья, и затѣмъ перевести среднюю поштучную плату на поденную, то окажется, что среднимъ числомъ портной получаетъ за 10-ти часовой рабочій день 47 крейцеровъ (по нынѣшнему курсу 41 коп.). Многіе склады готоваго платья, особенно экспортные, даютъ работу не вѣнскимъ, но провинціальнымъ портнымъ, которые работаютъ за еще болѣе дешевую плату; такъ, напримѣръ, въ Пресбургѣ живетъ много тысячъ портныхъ, работающихъ исключительно для экспортныхъ фирмъ (на одну фирму «Тедеско» работаютъ 2000 человѣкъ, включая, конечно, подмастерьевъ и учениковъ). Здѣсь заработная плата на 15—20% ниже вѣнской. Но развѣ можно жить при подобномъ заработкѣ? спроситъ читатель. Конечно, нѣтъ, даже въ томъ случаѣ, если ремесленникъ, какъ это теперь часто случается, засадитъ за работу и свою жену и дѣтей, начиная съ 9-ти лѣтняго возраста. Изъ издающейся здѣсь «Газеты для портныхъ» (Schneider-Fachzeitung), мы узнаемъ, что въ Вѣнѣ сплошь и рядомъ портные ходятъ изъ мастерской въ мастерскую, предлагая работать за столъ и квартиру; и ихъ не принимаютъ по той простой причинѣ, что обычная заработная плата ниже суммы, потребной для ихъ скуднаго содержанія. Конечно, при такихъ условіяхъ нельзя *жить*, но все еще можно конкуррировать, можно вести борьбу за существованіе въ самой первобытной формѣ, подобную той, которую ведутъ мхи и папоротники. Къ вѣнскимъ ремесленникамъ вполнѣ примѣнимы слова Бисмарка, сказанныя имъ въ прошломъ году въ германскомъ рейхстагѣ: «Тотъ, кто производитъ худшіе продукты, убиваетъ своего конкуррента, тотъ, кто можетъ больше голодать, дѣлаетъ своего соперника банкротомъ».

Экономическое положеніе городскихъ рабочихъ оказываетъ огромное вліяніе и на торговлю. Масса производимыхъ продук-

---

[1]) № 22, 1882.

товъ должна быть во что бы то ни стало сбыта, хотя бы за самую низкую цѣну; поэтому, не находя сбыта въ болѣе солидныхъ магазинахъ, эти продукты идутъ въ такъ-называемыя «распродажи», «базары» и т. под. фиктивныя конкурсныя продажи, разносную торговлю, которая въ Вѣнѣ превратилась въ родъ нищенства и въ послѣднее время развилась до небывалыхъ размѣровъ. На духовное развитіе массъ вліяніе экономическаго положенія городскихъ рабочихъ также оказывается чрезвычайно гибельнымъ. Ремесленникъ и рабочій, не находя возможности содержать семью своимъ личнымъ заработкомъ, посылаетъ жену и дѣтей на фабрику или заставляетъ ихъ работать въ мастерской. Дѣти начинаютъ работать съ 8 и 10-лѣтняго возраста, школьное обученіе является чѣмъ-то совершенно второстепеннымъ, отнимающимъ у ремесленника извѣстную часть заработка его дѣтей. При такихъ условіяхъ неудивительно, что масса рабочихъ дѣйствительно желаетъ сокращенія восьми-лѣтняго срока обязательнаго обученія въ элементарныхъ школахъ и вполнѣ сочувственно относятся къ законопроекту Линбахера, предлагающему это сокращеніе. Немудрено также, что при такихъ условіяхъ результаты обученія быстро сглаживаются; годы тяжелой работы заставляютъ 14-лѣтняго мальчика въ нѣсколько лѣтъ позабыть все, чему онъ въ ней учился. Не смотря на то, что обязательныя школы существуютъ въ Австріи уже 15 лѣтъ (законъ 31-го марта 1868 г.), развитіе грамотности идетъ чрезвычайно медленно; еще до сихъ поръ 30% населенія не умѣетъ ни читать, ни писать; во многихъ промышленныхъ центрахъ этотъ процентъ доходитъ до 40 и 50.

Словомъ, обѣднѣніе класса городскихъ рабочихъ даетъ себя чувствовать на всѣхъ поприщахъ соціально-экономической и культурной жизни страны. Оно выражается въ увеличеніи суммы податныхъ недоимокъ, въ большемъ противъ прежняго количествѣ банкротствъ, въ усиленіи эмиграціи изъ городовъ и промышленныхъ центровъ, въ чрезвычайно слабомъ развитіи грамотности, въ увеличеніи числа самоубійствъ и преступленій и пр. [1]).

---

[1]) Вотъ нѣкоторыя статистическія данныя, заимствуемыя отчасти изъ оффиціальныхъ отчетовъ статистическаго комитета, отчасти изъ объяснительной записки, приложенной къ упомянутому проекту новаго промысловаго закона. Общая сумма недоимокъ промысловаго налога, лежащаго исключительно на крупныхъ промыслахъ, составляла въ 1880 году для всей Австріи 4½ милл. гульд., почти ⅓ всей суммы налога; въ нижней Австріи и Вѣнѣ сумма недоимокъ составляетъ ровно половину, въ Буковинѣ 45%, въ Галиціи 38% всей суммы налога. За десятилѣтіе 1871—80 г. изъ

До сихъ поръ мы касались преимущественно положенія городскихъ ремесленниковъ, почти не затрогивая положенія фабричныхъ рабочихъ. Къ сожалѣнію, относительно послѣдняго пункта у насъ почти отсутствуютъ статистическія данныя, и мы можемъ лишь дѣлать выводы на основаніи болѣе или менѣе случайныхъ отрывочныхъ свѣдѣній, о которыхъ приходится слышать на рабочихъ собраніяхъ, читать въ газетѣ. Но и эти выводы нисколько неутѣшительнѣе; заработная плата фабричнаго, пожалуй, не ниже, а во многихъ случаяхъ и выше заработной платы ремесленника, но тутъ мы встрѣчаемся съ другой бѣдой: фабричные постоянно жалуются на непостоянство работы, на трудность найти ее; большую часть года фабричный проводитъ въ поискахъ за работой. Вездѣ на фабрикахъ женскій и дѣтскій трудъ вытѣсняетъ мужской и число рабочихъ постоянно сокращается. Достаточно того, что фабричный рабочій смотритъ на положеніе ремесленника, какъ на свой идеалъ, и постоянно стремится къ тому, чтобы попасть въ этотъ рай. Каковъ этотъ рай—мы только-что видѣли.

Конечно, мы далеки отъ того, чтобы винить въ описанномъ бѣдственномъ положеніи городскихъ рабочихъ и ремесленниковъ исключительно, или даже главнымъ образомъ, законъ 1859 года, провозглашеніе свободы ремеслъ. Это положеніе было создано факторами гораздо болѣе могущественными, чѣмъ законодательство, каковы: развитіе фабричной промышленности, роковымъ образомъ вытѣсняющей человѣческій трудъ, зависимость всей торговли и промышленности отъ биржевой спекуляціи, постоянное вздорожаніе предметовъ первой необходимости, невыгодные торговые трактаты, финансовые кризисы, постоянное увеличеніе пря-

---

Цислейтаніи эмигрировало за недостаткомъ средствъ къ существованію 72,000 чел.; въ 1871 г. количество эмигрантовъ было 6,000 чел., затѣмъ каждый годъ возростало, и въ 1880 г. достигло 10,500 чел. Эмигрируютъ преимущественно рабочіе и ремесленники городовъ. Въ 36-ти чисто промышленныхъ округахъ Богеміи населеніе за послѣднія 11 лѣтъ вслѣдствіе хроническихъ эмиграцій по послѣдней переписи уменьшилось на 1—5%. Въ нѣкоторыхъ городахъ округовъ населеніе уменьшилось даже на 21%. Количество самоубійствъ возростаетъ также по мѣрѣ усиленія экономической конкурренціи (по даннымъ здѣшняго статист. комитета, недостатокъ средствъ къ существованію служитъ главнымъ мотивомъ при самоубійствѣ, такъ какъ почти 3/4 всѣхъ самоубійствъ совершаются по этому мотиву). За четырехлѣтіе 1868—72 г. въ Цислейтаніи было совершено 2,700 самоубійствъ; въ слѣдующее 4-лѣтіе 1873—77 г. это число возрасло до 4,200. Въ 1820 г. на 10,000 смертныхъ случаевъ приходилось 7,3 самоубійствъ; въ 50 г. — 9,4, въ 65 г. — 24,4, въ 78 г. — 38 самоубійствъ. (Motivenbericht des Gewerbeausschusses 24 mai 1882, стр. 3—5).

мыхъ и косвенныхъ налоговъ и пр. [1]). Но тѣмъ не менѣе слѣдуетъ признать и законодательство однимъ изъ такихъ факторовъ, если не самымъ важнымъ, то уже конечно наиболѣе доступнымъ къ урегулированію. Государство не можетъ бороться противъ усиленія фабричнаго производства, непомѣрнаго развитія биржи, вздорожанія необходимыхъ предметовъ потребленія, но у него въ законодательствѣ все же остается извѣстная доля вліянія. И въ этомъ отношеніи австрійское конституціонное законодательство, издавая законъ 1859 года, только помогало всѣмъ остальнымъ для рабочихъ массъ условіямъ, настежъ растворило двери передъ грядущей конкурренціей и выдало со связанными руками и ногами ремесленника крупному капиталу. Мало того, объявляя съ одной стороны свободу ремесла, оно въ періодъ господства псевдо-либеральнаго режима (1866—79 г.) не переставало покровительствовать крупному капиталу и разнымъ биржевымъ спекуляціямъ, выдачей безчисленнаго множества концессій и привилегій различнымъ крупнымъ промышленнымъ и финансовымъ предпріятіямъ.

III.

Когда въ 1879 г. кончилось господство псевдо-либеральнаго режима въ правительствѣ и парламентѣ, въ средѣ теоретическихъ и соціальныхъ противниковъ фритредерства съ одной стороны, и среди самихъ ремесленниковъ съ другой началась сильнѣйшая агитація, имѣвшая своей цѣлью требованіе соціально-экономическихъ реформъ. Ремесленники въ многочисленныхъ собраніяхъ и конгрессахъ требовали, какъ первой и самой на-

---

[1]) Считаю нелишнимъ привести нѣсколько примѣровъ, заимствованныхъ изъ оффиціальной статистики. Бюджетъ всей имперіи (Австріи вмѣстѣ съ Венгріей) въ 1858 г. былъ 342 мил., на теперешнюю Цислейтанію приходилось тогда приблизительно 200 мил. Бюджетъ 1882 года превышалъ 500 мил. гульд., т.-е. въ 2½ раза больше бюджета 1858 г., причемъ приходится 120мил. на погашеніе процентовъ государственнаго долга. Промысловый налогъ, отражающійся непосредственно на заработной платѣ, составлялъ въ 1860 г. въ Австро-Венгріи 18 мил.; теперь онъ повысился до 21 мил. гульд.; въ одной Австріи взимается 18 мил. гульд. прямыхъ налоговъ. По вычисленію чешскаго депутата Адамека, на каждое семейство въ Австріи среднимъ числомъ приходится ежегодно 216 гульд. всякихъ налоговъ, сборовъ, пошлинъ и пр. Въ 1863 г. во всей Австріи работало 2,300 паровыхъ машинъ съ 35,000 лош. силъ, не считая ни машинъ, употребляемыхъ при земледѣліи, ни паровозныхъ и пароходныхъ и пр. Черезъ 12 лѣтъ число машинъ увеличилось до 6,600, съ 120,000 лош. силъ; считая работу 1 лош. силы равной работѣ 7 человѣкъ, получимъ, что въ 1878 г. паровыя машины вытѣснили изъ работы 800,000 рабочихъ. (Statist. Monatsschrift, 1882, November).

стоятельной мѣры—отмѣны закона 1859 года. Но на всѣхъ конгрессахъ и собраніяхъ эти требованія вызвали протесты со стороны фабричныхъ рабочихъ, которые въ свою очередь агитировали въ пользу проведенія законовъ въ ихъ защиту отъ эксплуатаціи крупнаго капитала (опредѣленіе нормальнаго рабочаго дня, минимума заработной платы, запрещеніе женской и дѣтской работы). Наконецъ рабочіе-соціалисты требовали проведенія радикальныхъ реформъ въ духѣ соціалистической программы (упраздненіе постоянной арміи, экспропріація орудій труда государствомъ и пр.).

Нужно отдать справедливость министерству въ томъ отношеніи, что оно отнеслось къ поставленной задачѣ, сравнительно говоря, добросовѣстно и стало работать надъ ней если не съ особенной рѣшительностью и поспѣшностью, то по крайней мѣрѣ въ томъ направленіи, котораго требовали интересы рабочихъ массъ. Въ декабрѣ 1880 года министръ торговли внесъ въ палату депутатовъ проектъ новаго промысловаго закона, который былъ тотчасъ же переданъ въ парламентскую коммиссію, гдѣ онъ пролежалъ «безъ движенія» цѣлый годъ, и только въ ноябрѣ 1881 г. было приступлено къ разработкѣ его. Законопроектъ этотъ, составляющій вмѣстѣ съ мотивированіемъ доклада довольно объемистую брошюру въ 150 стр., не заключаетъ въ себѣ ничего особенно оригинальнаго и имѣетъ болѣе или менѣе эклектическій характеръ: правительство старалось изъ всѣхъ современныхъ европейскихъ законодательствъ выбрать тѣ части, которыя, не вводя никакихъ рѣзкихъ противурѣчій съ существующимъ экономическимъ порядкомъ, тѣмъ не менѣе могутъ служить для временнаго, частнаго улучшенія положенія промышленныхъ классовъ. Приведу вкратцѣ содержаніе этого проекта, весьма ясно характеризующаго намѣренія и планы правительства въ этомъ вопросѣ. Первые 4 отдѣла законопроекта содержатъ общія опредѣленія промысловъ, раздѣленіе на свободные, доступные для всѣхъ, и на такіе, относительно которыхъ требуется испрашиваніе разрѣшенія, затѣмъ опредѣленіе условій открытія промышленнаго заведенія, правила для рынковъ и т. п. 5-й отдѣлъ законопроекта опредѣляетъ обязательное устройство промысловыхъ товариществъ для всѣхъ ремеслъ въ каждой общинѣ; членами товариществъ состоятъ хозяева заведеній; наемные подмастерья и помощники считаются также принадлежащими къ корпораціи и имѣютъ на собраніяхъ совѣщательный голосъ; кромѣ того наемные подмастерья каждаго ремесла составляютъ самостоятельныя товарищества (о главныхъ цѣляхъ и соціальной роли

этихъ товариществъ ниже). Первая половина законопроекта посвящена главнымъ образомъ ремесламъ. Начиная съ 6-й главы онъ занимается преимущественно регулированіемъ положенія наемныхъ рабочихъ (ремесленниковъ и фабричныхъ), или—какъ они названы въ законопроектѣ, — «промышленныхъ помощниковъ» (Gewerbliches Hilfspersonal). Въ 6-й главѣ, самой большой по объему и самой важной по содержанію, опредѣляются обязанности хозяина относительно наемныхъ рабочихъ, его отвѣтственность за поврежденія и увѣчья, причиненныя работнику на фабрикѣ, запрещеніе уплачивать заработанныя деньги продуктами или припасами, введеніе рабочихъ книгъ, учрежденіе третейскихъ судовъ для рѣшенія споровъ между рабочими и хозяевами, ограниченіе воскресной работы, ограниченіе работы женщинъ и дѣтей [1]), наконецъ регулированіе отношеній между хозяевами и учениками. 7-я глава постановляетъ созданіе должности фабричныхъ инспекторовъ, предназначаемыхъ для надзора за порядкомъ на фабрикахъ и для прекращенія всевозможныхъ злоупотребленій хозяевъ, затѣмъ опредѣляетъ права и обязанности инспекторовъ. 8-я глава опредѣляетъ учрежденіе обязательныхъ рабочихъ кассъ для обезпеченія больныхъ и престарѣлыхъ рабочихъ и для вспомоществованія семействамъ умершихъ; кассы завѣдуются самими рабочими (при этомъ отдѣлѣ приложенъ обстоятельный проектъ устава нармальной кассы). Наконецъ 9-я и 10-я главы говорятъ о наказаніяхъ, порядкѣ преслѣдованія и судопроизводства по дѣламъ о нарушеніи промысловаго устава.

Можно не придавать особеннаго значенія вмѣшательству законодательства въ экономическія отношенія, можно оспаривать важность или даже цѣлесообразность той или другой части приведеннаго правительственнаго законопроекта, но при всемъ томъ нельзя отрицать того, что вся тенденція этого законопроекта дѣйствительно заключается въ желаніи оградить до извѣстной степени рабочихъ отъ чрезмѣрной эксплуатаціи его крупнымъ

[1]) Эта часть вопроса разработана тщательнѣе другихъ. Вотъ главныя статьи законопроекта: дѣти до 12 лѣтъ абсолютно не допускаются на фабрики; отъ 12 до 14 лѣтъ дѣти могутъ работать не свыше 6 часовъ въ сутки; отъ 14 — 16 не свыше 10 часовъ; женщины моложе 16 лѣтъ не допускаются совершенно; отъ 16 до 21 года не больше 10 часовъ въ сутки; дѣти до 16 лѣтъ и женщины до 21 не допускаются на ночную работу и на работу по воскресеньямъ. Для извѣстныхъ работъ, сопряженныхъ съ опасностью для здоровья женскій и дѣтскій трудъ совершенно запрещенъ; для женщинъ до 21 года и дѣтей до 16 лѣтъ установленъ обязательный полуденный перерывъ работы на часъ. (Gesetz, betreffend die Einführung einer Gewerbeordnung, стр. 33—49).

капиталомъ; не слѣдуетъ также упускать изъ виду, что отъ современнаго австрійскаго правительства наврядъ ли можно требовать и ожидать большого радикализма въ рѣшеніи столь важныхъ вопросовъ. Идти дальше въ своихъ требованіяхъ было дѣломъ парламента.

На практикѣ вышло не совсѣмъ такъ. Парламентская коммиссія, занявшаяся разсмотрѣніемъ внесеннаго законопроекта и начавшая работу только въ ноябрѣ 1881 г., т.-е. черезъ годъ по внесеніи его, пришла къ заключенію, что предложенная реформа представляетъ собою слишкомъ объемистый трудъ, требующій слишкомъ много времени для того, чтобы быть выработаннымъ сразу; что въ вопросахъ экономическихъ не слѣдуетъ держаться системы подведенія разныхъ категорій подъ общую законодательную мѣрку, но наоборотъ, придерживаться системы спеціализаціи, спеціальнаго законодательства для каждой отдѣльной категоріи экономическихъ вопросовъ; что, наконецъ, предлагаемый проектъ реформы обнимаетъ собою именно двѣ такихъ рѣзко разнящихся,—какъ по своимъ интересамъ, такъ и по роли, которую они играютъ въ соціальной жизни,—категорій; а именно: ремесла и мелкое производство съ одной стороны и крупное фабричное производство съ другой. По этимъ причинамъ коммиссія сочла необходимымъ раздѣлить законопроектъ на части, разработать каждую изъ частей отдѣльно, въ видѣ спеціальныхъ докладовъ, и чтобы не затягивать слишкомъ долго рѣшеніе вопроса, представлять эти спеціальные законы, по мѣрѣ ихъ выработки, въ парламентъ. Коммиссія на первый разъ занялась той частью законопроекта, которая касается ремесленниковъ и мелкихъ промышленниковъ, оставляя въ сторонѣ фабричное производство (почему первенство не было отдано несомнѣнно болѣе важному фабричному законодательству, а ремесленному—мы увидимъ сейчасъ). Въ 7 мѣсяцевъ докладъ былъ выработанъ, въ концѣ мая представленъ въ парламентъ, и послѣ двухнедѣльныхъ преній принятъ съ весьма незначительными измѣненіями.

Вся сущность выработаннаго законопроекта сводится къ слѣдующимъ основнымъ пунктамъ:

I. Всѣ виды промышленныхъ производствъ (за исключеніемъ фабричнаго и кустарнаго промысловъ, на которые не распространяется настоящій законъ) подраздѣляются на: 1) свободные промыслы, доступные всѣмъ и каждому, для занятія которыми необходимо лишь предварительное заявленіе властямъ; 2) промыслы, для которыхъ необходимо заручиться разрѣшеніемъ подлежащихъ властей (concessionirte Gewerbe); къ этой группѣ от-

носятся промыслы, которые, въ видахъ общественной безопасности, благочинія, нравственности, или въ интересахъ фиска, всегда находились подъ болѣе сильнымъ контролемъ, какъ-то: типографіи, литографіи, частныя кассы ссудъ, производство ядовъ или взрывчатыхъ веществъ, питейные промыслы и т. п.; наконецъ, 3) ремесленные промыслы въ тѣсномъ смыслѣ слова (handwerksmässige Gewerbe), требующіе обладанія извѣстными предварительными знаніями.

II. Мастеромъ или хозяиномъ промышленнаго заведенія послѣдней категоріи можетъ быть лишь тотъ, кто представитъ доказательства того, что въ продолженіе извѣстнаго количества лѣтъ уже занимался этимъ промысломъ сначала въ качествѣ ученика, и затѣмъ въ качествѣ подмастерья (Befähigungsnachweis); свидѣтельства о посѣщеніи ремесленнаго училища, или о практическихъ занятіяхъ въ высшемъ техническомъ заведеніи также даютъ право открывать ремесленныя заведенія.

III. Всѣ лица, занимающіяся извѣстнымъ промысломъ и находящіяся въ предѣлахъ извѣстнаго округа или общины, составляютъ промышленныя товарищества. Въ товарищество входятъ, какъ хозяева, такъ и наемные работники,—помощники подмастерья и ученики; причемъ первымъ предоставляется гораздо большее вліяніе на дѣла товарищества, нежели вторымъ; лишь по извѣстнымъ вопросамъ подмастерья составляютъ отдѣльныя собранія и имѣютъ равныя права съ хозяевами. Въ собранія хозяевъ они посылаютъ делегатовъ, которые пользуются совѣщательнымъ голосомъ. Цѣль товарищества заключается: a) въ устройствѣ, по мѣрѣ возможности, товарищескихъ ссудныхъ кассъ, складовъ сырья, лавокъ, большихъ кооперативныхъ мастерскихъ на началахъ производительной ассоціаціи, кооперативномъ примѣненіи машиннаго производства; b) въ регулированіи отношеній между хозяевами и рабочими, учрежденіи справочныхъ пунктовъ для болѣе правильнаго распредѣленія рабочихъ силъ, существующихъ въ данной общинѣ или округѣ; учрежденіи постоянныхъ третейскихъ судовъ для рѣшенія спорныхъ вопросовъ, возникающихъ между хозяевами и рабочими (въ этихъ судахъ равноправность обѣихъ сторонъ доведена до самыхъ незначительныхъ мелочей), регулированіи положенія учениковъ и др.; c) въ обязательномъ учрежденіи кассъ вспомоществованія для заболѣвшихъ рабочихъ: средства кассы составляются изъ взносовъ, какъ хозяевъ, такъ и рабочихъ (съ хозяина нельзя требовать свыше $1^1/_2\%$ уплачиваемой имъ заработной платы, рабочіе платятъ не свыше 3% получаемаго заработка); завѣдываніе кассой находится въ

рукахъ рабочихъ; d) въ утвержденіи учениковъ, отбывшихъ срокъ ученія, въ званіи подмастерья и подмастерьевъ, окончившихъ опредѣленный срокъ работы, въ званіи мастера; e) въ основаніи и поддержаніи ремесленныхъ спеціальныхъ школъ, мастерскихъ для обученія; f) въ веденіи точной статистики по вопросамъ, касающимся положенія ремесленниковъ. Ограничиваюсь приведенными пунктами, какъ самыми существенными частями закона.

Законопроектъ этотъ, какъ видитъ читатель, составляетъ лишь часть правительственнаго законопроекта и, надо правду сказать, далеко не самую существенную. Если дѣйствительно согласиться съ мнѣніемъ коммиссіи, что соціальныя отношенія регулируются лучше всего не общими законами, но рядомъ спеціальныхъ законовъ, то все же остается вопросъ, почему коммиссія и парламентъ прежде всего занялись ремесленниками, а не фабричными рабочими. Докладъ заявляетъ, что положеніе ремесленниковъ становится съ каждымъ годомъ все болѣе критическимъ и что тутъ необходимо оказать помощь немедленно, въ противномъ случаѣ она придетъ слишкомъ поздно. Если большинство парламента и членовъ коммиссіи дѣйствительно было убѣждено въ необходимости скорой помощи, то является весьма естественный вопросъ, отчего въ этомъ направленіи ничего не дѣлалось три года. Это противорѣчіе объясняется весьма легко, если принять во вниманіе современное положеніе парламентской политики. Я уже замѣтилъ выше, что съ самаго 1879 г. среди ремесленниковъ началась весьма оживленная агитація въ пользу отмѣны закона 1859 года и защиты ремесла отъ гибельной конкурренціи съ капиталомъ. Агитація эта велась преимущественно хозяевами небольшихъ мастерскихъ, сильнѣе всѣхъ пострадавшими отъ свободы ремеслъ. Они надѣялись, что теперешнее парламентское большинство, не сочувствующее, по крайней мѣрѣ на словахъ, фритредерскимъ принципамъ, дастъ имъ возможность осуществить ихъ желанія, вслѣдствіе чего они стали осаждать парламентъ сотнями, тысячами петицій. Но эта агитація до начала настоящаго года оказывала, повидимому, весьма слабое вліяніе на парламентское большинство, и проектъ реформы продолжалъ лежать спокойно въ коммиссіи. Когда же весной этого года въ парламентѣ прошелъ новый избирательный законъ, на половину понизившій избирательный цензъ въ городахъ (съ 10 гульденовъ прямыхъ налоговъ на 5), количество избирателей увеличилось въ весьма значительной степени. И кто же эти новые избиратели, платящіе отъ 10 до 5 гульд. прямыхъ налоговъ, какъ не мелкіе промышленники, хозяева небольшихъ мастерскихъ? Тогда

парламентское большинство вполнѣ логично разсудило, что, удовлетворивъ теперь требованіямъ ремесленниковъ, оно при слѣдующихъ выборахъ пріобрѣтетъ тѣмъ самымъ поддержку значительной части городского населенія. Въ коммиссіи началась лихорадочная работа, и въ нѣсколько мѣсяцевъ окончилась выработка законопроекта и составленіе доклада. Этимъ же мотивомъ объясняется необычайная поспѣшность, съ какой законъ этотъ разсматривался въ парламентѣ. Теперь со дня на день ожидаютъ распущенія парламента и назначенія новыхъ выборовъ. Въ виду этого автономистско-консервативное большинство, а также и правительство стараются провести законъ какъ можно скорѣе, чтобы при новыхъ выборахъ можно было навѣрное разсчитывать на избирателей ремесленниковъ. Что же касается фабричныхъ рабочихъ, то они избирательными правами не пользуются, политической роли не играютъ, поэтому могутъ подождать обѣщанныхъ реформъ. Таковъ истинный смыслъ поведенія парламентскаго большинства въ этомъ вопросѣ.

Размѣры настоящей статьи не позволяютъ мнѣ останавливаться на обстоятельномъ разборѣ законопроекта и на аргументахъ pro и contra, приводимыхъ прессой и парламентомъ. Несомнѣнно, что многія слабыя стороны этого законопроекта до извѣстной степени умаляютъ его значеніе; такъ, разграниченіе между фабриками и ремеслами предоставляется на благоусмотрѣніе администраціи, потому что нѣтъ никакой возможности провести строгую границу между ними. Допустимъ, что вслѣдствіе какихъ-либо непредвидимыхъ обстоятельствъ, слѣдующее министерство будетъ держаться фритредерскаго направленія; ему стоитъ только причислить то или другое производство къ разряду фабричныхъ, и законъ обойденъ. Не меньше возраженій, надо признаться, довольно вѣскихъ, приводилось противъ Befähigungsnachweis. Противники этой статьи доказываютъ, что введеніе подобнаго «доказательства способности» ремесленника значительно ослабитъ соревнованіе между ремесленниками, уменьшитъ ихъ число и послужитъ средствомъ для того, чтобы ремесло превратилось въ привилегію, чрезвычайно выгодную для фактически обладающихъ ею, но недоступную для всякаго не-ремесленника; что всякое стѣсненіе ремесла какими бы-то ни было регламентами отражается вредно на самомъ производствѣ, дѣлаетъ его неподвижнымъ, убиваетъ талантъ, изобрѣтательность, творческую способность. Такіе же или аналогичные аргументы приводятся противъ учрежденія обязательныхъ товариществъ. Ихъ сравниваютъ съ средневѣковыми цѣховыми корпораціями и считаютъ съ одной

стороны вредными для свободнаго и всесторонняго развитія ремесленнаго производства, съ другой стороны—подобно всѣмъ учрежденіямъ, вытекающимъ изъ протекціонистскаго принципа, a priori обреченными на гибель. Самый вѣскій аргументъ противъ всего проекта реформы заключается въ томъ, что въ концѣ концовъ онъ нисколько не ограждаетъ ремесленнаго производства отъ постепеннаго вырожденія и вытѣсненія его крупнымъ фабричнымъ производствомъ.

Не меньшее количество аргументовъ въ пользу какъ всего законопроекта, такъ и отдѣльныхъ частей его приходилось встрѣчать въ парламентѣ и печати. Въ числѣ защитниковъ законопроекта фигурируютъ представители самыхъ разнообразныхъ взглядовъ. Извѣстный клерикалъ старой школы, Линбахеръ видитъ въ немъ возвращеніе къ среднимъ вѣкамъ (по его мнѣнію, единственное почти время, когда люди были истинно счастливы). Глава феодальной клерикальной партіи, князь Лихтенштейнъ, и вмѣстѣ съ нимъ органъ графа Туна, «Vaterland», стоятъ за учрежденіе обязательныхъ корпорацій и надѣются на то, что рядомъ подобныхъ законодательныхъ мѣръ удастся превратить ремесленный классъ въ замкнутую касту, *превратить ремесло въ общественную службу* [1]). Либеральная фракція польской пар-

[1]) Въ преніяхъ по поводу этого законопроекта яснѣе и систематичнѣе прежняго были высказаны соціалистическія воззрѣнія, къ которымъ за послѣдніе годы все больше склоняются представители австрійскаго феодализма; теоріи эти, особенно критическая часть ихъ, имѣютъ не мало точекъ соприкосновенія съ выдающимися соціалистическими ученіями Маркса, Шеффле и др. Съ особенной яркостью эти воззрѣнія выразились въ рѣчи князя Лихтенштейна, одного изъ самыхъ талантливыхъ ораторовъ феодальной партіи. Привожу нѣкоторыя выдержки изъ его блестящей, возбудившей вниманіе всей печати рѣчи.

..."Не стану останавливаться на томъ упрекѣ, который слишкомъ часто дѣлаютъ намъ, представителямъ консервативной партіи, будто мы желаемъ возстановленія средневѣковыхъ соціальныхъ формъ. Мы, мм. гг., нисколько не жалѣемъ о тѣхъ, давно исчезнувшихъ вѣкахъ, когда жизнь шла иначе, хотя не была ни на грошъ лучше теперешней. Мы анализируемъ жизнь вѣковъ и стараемся уловить истину тамъ, гдѣ мы ее находимъ... Въ сферѣ соціально-экономическихъ отношеній мы доработались до одной основной истины, положенной нами въ основу нашихъ воззрѣній; согласно этой истинѣ, мы не смотримъ на трудъ какъ на частную функцію отдѣльнаго лица, но какъ на службу, которую общество вручаетъ извѣстной коллективной группѣ своихъ членовъ. Считая трудъ крестьянина въ полѣ или ремесленника въ мастерской общественною службою, мы должны признать, что она, какъ и всякая другая служба, предполагаетъ взаимныя обязательства между факторомъ, налагающимъ эту службу, т.-е. обществомъ, и факторомъ, выполняющимъ ее, т.-е. группой или товариществомъ рабочихъ. На этомъ основномъ принципѣ долженъ быть построенъ весь отдѣлъ законодательства, пытающійся регулировать промышленную жизнь страны. Въ сравненіи съ такимъ великимъ принципомъ, какъ ничтожны и

тіи защищала законопроектъ потому, что онъ, по ея мнѣнію, даетъ ремесленнымъ классамъ Австріи возможность организоваться въ общества, подобныя trades-unions; нѣкоторые стояли на гуманитарной точкѣ зрѣнія; наконецъ, многіе депутаты (въ ихъ числѣ—значительная часть оппозиціи) вотировали за внесенный законопроектъ, руководствуясь тѣми же оппортунистскими побужденіями, о которыхъ я упоминалъ выше: чтобы не заявлять себя противниками законодательной мѣры, которой такъ настоятельно требуетъ огромное большинство городскихъ избирателей.

Если изъ всего, что̀ говорилось и писалось по поводу реформы промысловаго закона, выдѣлить тѣ полемическіе аргументы, которые были внушены интересами партіи или сословія, то результаты этой реформы, по крайней мѣрѣ въ общемъ, для насъ вполнѣ выяснятся. Новый законъ, разсматриваемый самъ по себѣ,

---

мелочны кажутся всѣ ходячія экономическія воззрѣнія, какъ, напр., то, что трудъ есть товаръ, который одинъ человѣкъ продаетъ, а другой покупаетъ. Такія воззрѣнія зарождаются въ сферѣ лавочки и неспособны подняться выше умственнаго горизонта какого-нибудь мелкаго биржевого спекулянта...

„Фактически говоря, мм. гг., въ настоящее время законы дѣлаются исключительно имущими классами; мы, члены парламента, соединяемъ въ своихъ рукахъ имущество и власть, отъ насъ народныя массы могутъ ожидать и требовать справедливаго употребленія этой власти въ пользу его матеріальныхъ интересовъ, а не для достиженія цѣлей нашей, той или другой, партіи. Къ намъ, къ нашимъ партіямъ и цѣлямъ народъ съ каждымъ днемъ становится равнодушнѣе. Этого не замѣтить нельзя. Ужасные симптомы, которые я не хочу перечислять, такъ какъ они и безъ того всѣ извѣстны, предвѣщаютъ близкій переворотъ всего общественнаго строя; сильныя потрясенія колеблютъ все европейское общество, и намъ нѣтъ основанія надѣяться, что эти потрясенія пощадятъ наше отечество. Оглянемся на исторію и мы увидимъ, что крупные соціальные перевороты не слѣдовали непосредственно за жестокой тираніей и злоупотребленіемъ власти. Но наступаетъ моментъ, когда важнѣйшія общественныя и государственныя учрежденія перестаютъ выполнять свою первоначальную цѣль, когда открывается широкая пропасть между теоріей и практикой, между формой и содержаніемъ, между словами и ихъ истиннымъ значеніемъ: тогда, мм. гг., взрывъ неизбѣженъ!

„Съ этой трибуны мы неоднократно слышали изъ устъ либеральныхъ ораторовъ параллель между переживаемымъ нами временемъ и эпохой, непосредственно предшествовавшей великой французской революціи. Параллель вполнѣ вѣрна, но дѣлаемые изъ нея выводы совершенно ошибочны. Вслѣдствіе чего произошла французская революція? Вслѣдствіе того, что власти все откладывали проведеніе необходимыхъ реформъ и откладывали до тѣхъ поръ, пока народъ потерялъ терпѣніе, вышелъ изъ повиновенія и взялъ эти реформы силой. Можно было бы подумать, что либералы, столь ясно сознающіе опасность, скажутъ намъ: сдѣлаемъ эти реформы, пока еще время есть и пока насъ никто не тѣснитъ. Что же они на самомъ дѣлѣ говорятъ? Они намъ совѣтуютъ оставить все по старому!

„Позвольте же, мм. гг., провести ту же самую параллель, но въ иномъ и, какъ мнѣ кажется, болѣе вѣрномъ смыслѣ.

не можетъ оказать особенно важнаго вліянія на экономическое положеніе массы рабочихъ классовъ, т.-е. фабричныхъ рабочихъ. На положеніе же ремесленниковъ онъ несомнѣнно окажетъ благодѣтельное вліяніе, улучшивъ производство, ограничивъ число ремесленниковъ, этимъ самымъ охраняя ихъ отъ излишней конкурренціи. Впрочемъ, улучшеніе экономическаго положенія можетъ касаться только тѣхъ отраслей ремесленнаго труда, которыя, при существующихъ условіяхъ производства, не требуютъ ни крупнаго оборотнаго капитала, ни большихъ затратъ на орудія труда. Отрасли послѣдней категоріи должны считаться неминуемо потерянными для мелкаго ремесленника роковымъ образомъ перейти въ фабрики. Часовщикамъ, напримѣръ, никакая реформа помочь не въ состояніи, потому что въ настоящее время часовщикъ перестаіъ быть ремесленникомъ въ тѣсномъ смыслѣ слова, а сдѣлался торговцемъ часами; въ Вѣнѣ живетъ

„Въ теоріи, общество и государство во Франціи до 1789 года было построено на основахъ феодализма, на практикѣ же господствовалъ монархическій абсолютизмъ въ сильнѣйшей степени. По бумажному закону, важнѣйшія государственныя функціи предоставлялись древнѣйшимъ дворянскимъ родамъ: они должны были завѣдывать юстиціей, администраціей, полиціей и пр.; должность намѣстниковъ въ провинціи должна была наслѣдственно переходить отъ отца къ сыну. На самомъ же дѣлѣ французское дворянство того времени было толпой когрязшихъ въ долги и раззолоченныхъ придворныхъ лакеевъ, жившихъ на счетъ государства и питавшихся подачками королей; зависимость ихъ отъ королевской власти доходила до того, что они должны были испрашивать позволенія, когда уѣзжали въ номинально управляемыя ими провинціи... Такія противорѣчія между теоріей и практикой должны были привести къ катастрофѣ. Современное намъ общество основано въ теоріи на возможно болѣе широкой свободѣ личности, а современное конституціонное государство—на болѣе или менѣе полной суверенности народа.

На практикѣ государство и всѣ населяющіе его, находятся подъ абсолютнымъ владычествомъ капитала и того класса, который владѣетъ капиталомъ. Смыслъ законовъ нашихъ предполагаетъ, что каждый отдѣльный гражданинъ и весь народъ вполнѣ свободны и самовластны; наши законы освобождаютъ его и въ экономическомъ отношеніи, уничтожая всѣ узы, до нѣкоторой степени связывавшія заработокъ или собственность... Но если мы взглянемъ на результаты этого законодательства, созданнаго съ несомнѣнной свободолюбивой цѣлью, то увидимъ, что милліоны самодержцевъ, созданныхъ этимъ закономъ, имѣютъ очень мало причинъ радоваться своему новому величію. Самодержецъ крестьянинъ, послѣ отчаянной борьбы, вытѣсняется кулакомъ и ростовщикомъ; самодержецъ ремесленникъ, благодаря свободной конкурренціи, постепенно лишается сначала заказчиковъ, затѣмъ заработка, а затѣмъ и инструментовъ; наконецъ, самодержцу рабочему, въ видѣ осадка падающему на самую глубину разлагающагося общества, нечего ни терять, ни выиграть.

„Вы видите, мм. гг., что и въ соціальномъ строѣ нашего общества существуютъ рѣзкія противорѣчія, которыя должны неминуемо привести къ катастрофѣ, если мы во время не вступимъ на путь реформъ. Народныя массы долго не вынесутъ примѣненія парадоксовъ въ экономической жизни". (Изъ рѣчи кн. Ал. Лихтенштейна въ палатѣ депутатовъ 9-го декабря 1882).

16,000 слесарей, которые, не смотря ни на какія законодательныя мѣры, должны превратиться, если еще не превратились, въ фабричныхъ рабочихъ и т. п.

Часто высказывавшіяся опасенія, что обязательныя товарищества превратятся въ нѣчто сродное по духу съ средневѣковыми цеховыми корпораціями, совершенно лишены основанія: никакое законодательство въ мірѣ не въ состояніи воротить прежнихъ соціальныхъ условій, при которыхъ были возможны или даже необходимы цеховыя корпораціи; всякія попытки въ этомъ направленіи будутъ разбиваться о фактическія условія соціальной и экономической жизни. Единственное сходство современныхъ ремесленныхъ товариществъ съ средневѣковыми цехами заключается въ ихъ внѣшней формѣ и названіи (Innungen); раздѣляетъ же ихъ историческій опытъ многихъ вѣковъ, въ каждую соціальную форму вкладывающій новое содержаніе.

Зато ремесленныя товарищества, какъ ихъ создалъ новый промысловый законъ, имѣютъ всѣ шансы на то, чтобъ превратиться въ производительныя ассоціаціи, — а это, въ сущности говоря, есть единственная организація рабочихъ силъ, при которой ремесленники имѣютъ возможность бороться съ крупнымъ капиталомъ. Конечно, нельзя ручаться, что всѣ товарищества непремѣнно превратятся въ производительныя ассоціаціи; можно только утверждать, что такова будетъ самая естественная форма ихъ дальнѣйшаго развитія.

Отношеніе правительства къ рабочему вопросу, обнаружившееся во время парламентскихъ преній, даетъ намъ основаніе думать, что оно намѣрено провести до конца свою первоначальную программу соціально-экономическихъ реформъ. При открытіи настоящей сессіи, министръ финансовъ Дунаевскій оффиціально заявилъ объ этомъ намѣреніи правительства. Министръ торговли, бар. Пино, заявилъ во время преній о ремесленной реформѣ, что правительство согласно поддерживать внесенный коммиссіею законопроектъ подъ тѣмъ условіемъ, что коммиссія немедленно займется разработкой остальныхъ частей первоначальнаго правительственнаго проекта, касающихся регулированія положенія фабричныхъ рабочихъ: учрежденія фабричныхъ инспекторовъ, закона, налагающаго на хозяина фабрики отвѣтственность за увѣчья рабочихъ, ограниченія женскаго и дѣтскаго труда на фабрикѣ, созданія фабричныхъ кассъ и т. под. Еще во время преній о новомъ промысловомъ законѣ правительство внесло новый законопроектъ, касающійся улучшенія положенія рудокоповъ и горнозаводскихъ рабочихъ. Въ этомъ законопроектѣ правительство сдѣлало новый шагъ впередъ, опре-

дѣлившп для рудокоповъ и горнозаводскихъ рабочихъ нормальный рабочій день въ 10 часовъ [1]).

Еще одно замѣчаніе въ заключеніе. Въ настоящемъ очеркѣ я говорилъ о ремесленной реформѣ какъ о законѣ, уже принятомъ въ парламентѣ, хотя ему еще необходимо пройти въ палатѣ господъ, чтобъ получить законную силу. Но при господствующихъ политическихъ условіяхъ палата господъ составляетъ вполнѣ послушное орудіе въ рукахъ министерства, и нѣтъ ни малѣйшаго основанія предполагать, что она воспротивится проведенію закона, поддерживаемаго министерствомъ.

Своеобразныя историческія условія, при которыхъ развивалась и развивается современная Австрія, поставили австрійское правительство въ обособленное положеніе, независимое отъ поддержки одной какой-либо партіи или народности, но связанное съ интересами большинства австрійскихъ народностей. Силою этого историческаго процесса, а не по личному желанію правителей (нерѣдко даже вопреки этимъ желаніямъ), австрійскому правительству въ сферѣ политической жизни удалось достичь того, чтó удается рѣдкому правительству, т.-е. связать съ своими судьбами жизненные интересы важнѣйшихъ племенъ, населяющихъ Австрію, сдѣлать для этихъ племенъ существованіе династіи Габсбурговъ необходимымъ условіемъ ихъ національнаго развитія и политической самостоятельности.

Такое сравнительно независимое положеніе австрійскаго правительства даетъ ему возможность взять въ свои руки иниціативу крупныхъ соціальныхъ реформъ, связать свое существованіе уже не съ національно-политическими интересами большинства населенія, но съ соціально-экономическими интересами народныхъ массъ.

Отъ того, какъ оно справится съ поставленной исторіею задачей будетъ зависѣть не только судьба настоящаго министерства, но весьма вѣроятно, и дальнѣйшая судьба самой монархіи.

К. С.

---

[1]) Этотъ проектъ закона запрещаетъ употребленіе для рудокопныхъ и горнозаводскихъ работъ дѣтей моложе 14 лѣтъ и работу женщинъ моложе 21 года въ тѣхъ отрасляхъ производства, которыя мѣшаютъ ихъ физическому развитію; вводитъ 10 часовой рабочій день и запрещаетъ работу по воскресеньямъ. Нужно принять во вниманіе, что теперь въ большей части рудниковъ работаютъ 12—18 часовъ въ день и что за послѣднее десятилѣтіе женскій и дѣтскій трудъ сталъ и въ горной промышленности быстро вытѣснять мужской.

Я. П. ПОЛОНСКОМУ.

Въ отвѣтъ *).

Спасибо! Лирой вдохновенной
Ты мнѣ опять напомнилъ дни,
Когда, не зная мысли плѣнной,
Ты вынесъ, отрокъ дерзновенный
Свои алмазные огни.

А я по прежнему, смиренный,
Забытый, кинутый въ тѣни,
Стою колѣнопреклоненный
И, красотою умиленный,
Зажегъ вечерніе огни.

А. Фетъ.

---

*) См. выше: май, 1888 г., стр. 216, стих. „Вечерніе огни", Я. П. Полонскаго, посвященное А. А. Фету.—*Ред.*

ЗНАЧЕНІЕ
СЕМЕЙНЫХЪ РАЗДѢЛОВЪ КРЕСТЬЯНЪ.

По личнымъ наблюденіямъ.

I.

Въ нашей періодической печати отъ времени до времени обсуждается вопросъ о семейныхъ раздѣлахъ крестьянъ. Одни публицисты, не отрицая дурного вліянія раздѣловъ на нѣкоторыя стороны крестьянскаго быта, усматриваютъ въ этомъ явленіи необходимое послѣдствіе развитія среди крестьянъ индивидуализма, стремленія избавиться отъ домашняго гнета, внести бо́льшую свободу въ семейную жизнь; объясняя семейные раздѣлы такими важными причинами, коренящимися въ душѣ человѣка, они требуютъ признанія свободы въ жизни крестьянской семьи и возстаютъ противъ всѣхъ мѣръ, которыя были бы направлены противъ раздѣловъ, т.-е. противъ свободы. Другіе—видятъ въ раздѣлахъ не только явленіе, разстраивающее хозяйство отдѣльныхъ семей, но и причину современнаго упадка крестьянскаго хозяйства вообще; эта причина имѣетъ, по ихъ мнѣнію, гораздо большее значеніе, нежели недостаточность земельныхъ надѣловъ, обременительность платежей и другія условія, вліяніе которыхъ по достоинству оцѣнено земскими статистическими изслѣдованіями въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи; они признаютъ раздѣлы доказательствомъ возрастающаго своеволія крестьянъ, протестомъ противъ патріархальнаго быта недавняго прошлаго и заявляютъ себя сторонниками всѣхъ мѣропріятій, способныхъ ограничить раздѣлы и сохранить тѣ многочленныя семьи, которыя были до отмѣны крѣпостного права явленіемъ обычнымъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что апріорныя заключенія о вліяніи семейныхъ раздѣловъ даютъ въ итогѣ болѣе отрицательнаго, нежели положительнаго. Невыгодныя послѣдствія семейныхъ раздѣловъ могутъ быть сведены къ слѣдующимъ нѣсколькимъ рубрикамъ.

Многочленная семья, состоящая изъ 3 или даже 2 взрослыхъ мужчинъ, представляетъ бо́льшую экономическую силу, нежели малая семья съ 1 взрослымъ работникомъ. Изъ большой семьи—это особенно важно для нечерноземныхъ мѣстностей Россіи—одинъ членъ можетъ всецѣло посвятить себя мѣстнымъ или отхожимъ неземледѣльческимъ промысламъ, тогда какъ другой остается при домашнемъ хозяйствѣ. Такое раздѣленіе труда доставляетъ семьѣ и значительный доходъ отъ побочныхъ заработковъ, и поддерживаетъ земледѣліе въ удовлетворительномъ состояніи. Работникъ въ малой семьѣ долженъ дробить свои силы между сельскимъ хозяйствомъ и другими занятіями. Если онъ, и особенно при распространенности отхожихъ промысловъ, усердно занимается сельскимъ хозяйствомъ, то часто упускаетъ лучшее время для другихъ заработковъ, а первое одно далеко не можетъ удовлетворить потребности семьи въ нечерноземной Россіи. Отдаетъ онъ больше силъ занятіямъ не-земледѣльческимъ, и его сельское хозяйство, предоставленное, главнымъ образомъ, женщинамъ, постепенно ухудшается, а съ тѣмъ вмѣстѣ изсякаетъ и источникъ если не крупнаго, то надежнаго дохода. Продолжительная болѣзнь или даже смерть взрослаго работника въ семьѣ многочленной далеко не оказываютъ того вліянія, какъ въ малой семьѣ: тамъ хозяйство можетъ держаться и, по достиженіи извѣстнаго возраста сыномъ или племянникомъ умершаго, снова окрѣпнуть; здѣсь же смерть единственнаго взрослаго мужчины разрушаетъ хозяйство, и дворъ, большею частію, вереходитъ въ разрядъ бобыльскихъ. Пожаръ, падежъ скота и другія хозяйственныя невзгоды также не въ такой мѣрѣ разстраиваютъ большую семью, какъ семью малую: если въ обѣихъ потребленіе, для скорѣйшаго пріобрѣтенія новаго инвентаря, можетъ быть сокращено въ одинаковой степени, то, при указанномъ раздѣленіи труда, въ первой семьѣ силы, для пріобрѣтенія инвентаря, не только абсолютно, но и относительно болѣе велики.

Выгоды многочисленной семьи обнаруживаются и въ отношеніи ея имущества. Держась установившагося въ наукѣ дѣленія капитала на постоянный и оборотный, мы скажемъ, что для достиженія опредѣленнаго результата, одна семья нуждается въ меньшемъ постоянномъ капиталѣ, и большая доля ея имущества можетъ получить назначеніе капитала оборотнаго, нежели въ двухъ семьяхъ, образовавшихся изъ первой. Стоимость избы, надворныхъ построекъ, земле-

дѣльческихъ орудій и т. п. двухъ семей больше, нежели одной, обнимающей то же число членовъ и обработывающей участокъ земли, равный участкамъ обѣихъ. А при уменьшеніи оборотнаго капитала умаляются и средства для усовершенствованія хозяйства, для увеличенія дохода.

Для достиженія однихъ и тѣхъ же результатовъ нераздѣленная семья затрачиваетъ меньше труда, нежели по раздѣлѣ. Стоитъ только принять въ разсчетъ одинъ домашній трудъ, по приготовленію пищи, уходу за дѣтьми, чтобы принять это положеніе.

По раздѣленіи семьи, расходы на пищу, топливо и нѣкоторыя другія статьи неизбѣжно увеличиваются.

При общинномъ землевладѣніи семейные раздѣлы влекутъ за собою еще одно крупное неудобство. Надѣлъ каждаго домохозяина состоитъ изъ нѣсколькихъ десятковъ полосъ, разсѣянныхъ по полямъ сельскаго общества. Полосы обыкновенно не широки, не превышаютъ во многихъ мѣстахъ 3—4 аршинъ на 1 ревизскую душу. Многочисленная семья, получая каждую полосу на нѣсколько ревизскихъ душъ, имѣетъ участки настолько широкіе, что обработка ихъ не затруднительна. Разъ семья дѣлится, дѣлятся и полосы, и каждый домохозяинъ имѣетъ нерѣдко столь узкіе участки, что даже поворачиваніе земледѣльческихъ орудій становится неудобнымъ.

Къ указаннымъ неблагопріятнымъ послѣдствіямъ семейныхъ раздѣловъ могутъ быть, конечно, присоединены и многія другія. Но и указаннаго достаточно, чтобы семейные раздѣлы крестьянъ получили невыгодное освѣщеніе.

То хорошее, чтó можетъ быть, при апріорномъ заключеніи, усмотрѣно въ семейныхъ раздѣлахъ, есть возможность для выдѣлившихся достигнуть освобожденія отъ домашняго гнета, нерѣдко весьма тяжелаго. Если мы противопоставимъ эту положительную сторону отрицательнымъ, то почти каждый скажетъ: невыгоды семейныхъ раздѣловъ не подлежатъ сомнѣнію, а тотъ семейный гнетъ, отъ котораго, будто-бы, стремится освободить себя выдѣляющаяся семья, часто, быть можетъ, не настолько великъ, чтобы не примириться съ нимъ во имя выгодъ совмѣстнаго жительства.

Приведенныя положенія истинны, но односторонни. Установивъ ихъ, мы еще не получаемъ права не только ратовать за какія-либо мѣры для ограниченія семейныхъ раздѣловъ, но и утверждать, будто во всѣхъ случаяхъ невыгоды отъ раздѣловъ перевѣшиваютъ добрыя послѣдствія. Мы не получаемъ этого права потому, что чрезвычайное разнообразіе дѣйствительной жизни не позволяетъ свести всѣ случаи семейныхъ раздѣловъ въ одну безразличную массу: и личныя качества раздѣляющихся, и поводы къ раздѣламъ, и основанія ихъ

неодинаковы, а потому различны и послѣдствія. Здѣсь, какъ и вездѣ, данныя, добытыя путемъ наблюденія, позволяютъ внести значительныя поправки въ выводы, полученные посредствомъ одной дедукціи.

II.

Въ февралѣ и мартѣ нынѣшняго года, я объѣхалъ нѣсколько десятковъ селеній по близости Ярославля съ цѣлью собранія свѣдѣній о крестьянскомъ хозяйствѣ. Между прочимъ, я собралъ нѣкоторыя данныя о семейныхъ раздѣлахъ крестьянъ. Эти данныя не многочисленны; было бы несообразно дѣлать, опираясь на нихъ, общіе выводы о семейныхъ раздѣлахъ для всей Россіи, цѣлой губерніи и даже одного уѣзда; но представляя отдѣльные случаи раздѣловъ такъ, какъ даетъ ихъ сама жизнь, эти свѣдѣнія могутъ имѣть цѣну потому, что способны удерживать отъ слишкомъ поспѣшныхъ заключеній о вліяніи раздѣловъ и побуждать къ большей осторожности въ установленіи общихъ положеній относительно явленій этого порядка.

Наблюденія были произведены въ ярославскихъ губерніи и уѣздѣ, въ Серёновской волости. Свѣдѣнія собраны по 25 селеніямъ, принадлежащимъ къ 13 сельскимъ обществамъ. Въ этихъ селеніяхъ числится 1.383 ревизскихъ души и 612 полныхъ крестьянскихъ дворовъ; сверхъ того, есть до 100 дворовъ бобылей и мѣщанъ.

Хозяйственныя условія всѣхъ 25 селеній положительно одинаковы. За исключеніемъ одного (государственные крестьяне), всѣ населены бывшими помѣщичьими крестьянами съ надѣломъ въ $2^3/_4$—$3^1/_4$ на 1 ревизскую душу. Почти нигдѣ надѣлъ не достигаетъ $3^1/_2$ десятинъ, высшаго размѣра для ярославскаго уѣзда. Вездѣ господствуетъ общинное землевладѣніе обычнаго типа среднихъ русскихъ губерній. Сельскимъ хозяйствомъ крестьяне занимаются очень усердно; пустырей въ поляхъ вовсе нѣтъ. На ряду съ сельскимъ хозяйствомъ широко развиты мѣстные (валяльный, ящичный) и отхожіе (плотничій, малярный) промыслы. Недоимокъ нѣтъ, и вообще населеніе должно быть признано достаточнымъ. Сходство въ условіяхъ быта всѣхъ 25 селеній облегчаетъ нашу задачу, позволяя не говорить о вліяніи этихъ условій на семейные раздѣлы.

Мною изслѣдовано 112 случаевъ семейныхъ раздѣловъ, которые всѣ падаютъ на десятилѣтіе, предшествующее времени собранія свѣдѣній. Эти 112 случаевъ образовали 112 новыхъ домохозяйствъ, т.-е. 18% всего числа дворовъ. Но въ нѣкоторыхъ селеніяхъ, относительное число дворовъ, образовавшихся за послѣднія 10 лѣтъ посредствомъ раздѣловъ, болѣе значительно:

	Двор.	Посред. раздѣл.	Относ. %
дер. Шабунина	33	8	25
с. Яковлев. слобода	27	7	26
с. Игнатово	44	12	27
д. Потетюрино	21	6	28

Соотвѣтственно съ этимъ въ нѣкоторыхъ селеніяхъ число дворовъ, образовавшихся за послѣднія 10 лѣтъ посредствомъ раздѣловъ, понижается до 10—12%.

По родственнымъ отношеніямъ между раздѣлившимися, семейные раздѣлы представляютъ такой видъ:

		%
Родные братья	57	50,9
Отецъ съ сыномъ	42	37,5
Двоюродные братья	7	6,3
Дядя съ племянникомъ	4	3,5
Мать съ сыномъ	1	0,9
Сводные братья	1	0,9
Итого	112	100

По времени, протекшему отъ совершенія раздѣла до зимы 1883 г., всѣ случаи распадаются на слѣдующія группы:

					%
Раздѣловъ произведено назадъ тому	10	лѣтъ		21	18,8
„ „ „ „	9	„		9	8,0
„ „ „ „	8	„		9	8,0
„ „ „ „	7	„		10	8,9
„ „ „ „	6	„		12	10,7
„ „ „ „	5	„		12	10,7
„ „ „ „	4	года		4	3,6
„ „ „ „	3	„		6	5,4
„ „ „ „	2	„		16	14,3
„ „ „ „	1	годъ		9	8,0
„ „ „ „	6	мѣсяц.		3	2,7
„ „ „ „	2	„		1	0,9
Итого				112	100

Семьи, въ которыхъ произошли раздѣлы, по уровню благосостоянія, распадаются на:

		%
Исправныя	52	46,4
Среднія	32	28,6
Бѣдныя	19	17,0
Богатыя	9	8,0
Итого	112	100

По причинамъ, семейные раздѣлы группируются слѣдующимъ образомъ:

		%
Ссоры между женщинами (невѣстками, свекровью и невѣстками) . . .	25	22,3
Ссоры братьевъ	20	17,2
Притѣсненіе мачихи	17	15,2
Дурное поведеніе сына	12	10,8
Многосемейность и тѣснота помѣщенія	11	9,8
Дурное поведеніе отца	6	5,5
Дурное поведеніе одного изъ братьевъ	6	5,5
Желаніе совсѣмъ оставить селеніе для отхожаго промысла	5	4,6
Два брата—крестьянинъ и солдатъ; первый тяготится платить всѣ подати .	5	4,6
Многосемейность и пожаръ, послужившій поводомъ къ раздѣлу	2	1,8
Причина неизвѣстна	2	1,8
Многосемейность одного брата и бездѣтность другого	1	0,9
Итого	112	100

По долѣ, полученной выдѣлившейся семьей изъ общаго имущества, всѣ случаи могутъ быть сведены къ 3 группамъ:

		%
Имущество раздѣлено по ровну	73	65,2
Отдѣлившіеся не получили ничего	26	23,2
Отдѣлившіеся получили очень мало	13	11,6
Итого	112	100

Послѣдствія, которыя повлекли за собою раздѣлы, не во всѣхъ случаяхъ одни и тѣ же. Изъ семей, выдѣлившихъ новые дворы:

		%
Остались на прежнемъ хозяйственномъ уровнѣ	84	75,0
Улучшили свое положеніе	4	3,6
Разстроились	24	21,4
Итого	112	100

Выдѣлившіяся семьи распадаются теперь на слѣдующія группы:

		%
Остались въ прежнемъ положеніи	61	54,5
Улучшили хозяйство	10	9,0
Упали	30	26,8
Положеніе за недавностью раздѣла не выяснилось	6	5,4
Ушли на сторону, и нѣтъ свѣдѣній	5	4,3
Итого	112	100

Вотъ данныя, представляемыя дѣйствительною жизнью. Нѣкоторыя изъ приведенныхъ цифръ не позволяютъ сдѣлать какое-либо заключеніе. Если наибольшее число раздѣловъ—88,4%—падаетъ на сыновей съ отцами или родныхъ братьевъ, то это совершенно понятно, при малочленности крестьянскихъ семей настоящаго времени.

Сынъ отойдетъ отъ отца, братья раздѣлятся, и можетъ быть только очень немного случаевъ раздѣла дядей съ племянниками или двоюродныхъ братьевъ. Время раздѣла, при небольшомъ числѣ случаевъ, бывшихъ предметомъ наблюденія, также не даетъ повода къ какимъ-либо заключеніямъ. Наибольшее число раздѣловъ было произведено 10 лѣтъ и 2 года тому назадъ, что̀ объясняется, вѣроятно, мѣстными, второстепенными причинами. Свѣдѣнія же о времени раздѣла, при изслѣдованіи обширной площади, напр., цѣлой губерніи, могутъ имѣть значеніе: они, быть можетъ, покажутъ, что наклонность къ раздѣламъ усиливается или ослабѣваетъ, и наведутъ на мысль объ отысканіи причинъ этого усиленія или ослабленія. Наконецъ, свѣдѣнія о степени состоятельности раздѣляющихся семей также не приводятъ къ какому-либо заключенію, ибо мы не имѣемъ точныхъ данныхъ о группированіи всѣхъ 112 дворовъ по ступенямъ имущественной лѣстницы; поэтому, мы и не можемъ сказать, какое вліяніе имѣетъ бѣдность или зажиточность семьи на стремленіе къ раздѣлу. На мои разспросы крестьяне обыкновенно замѣчали, что въ семьяхъ зажиточныхъ наклонность къ раздѣламъ слабѣе, нежели въ семьяхъ бѣдныхъ или среднихъ: матеріальное довольство въ первыхъ, обыкновенно сопутствуемое трезвостью и рабочей энергіей всѣхъ членовъ семьи, даетъ меньше поводовъ къ раздѣламъ. Но, пока нѣтъ точныхъ и многочисленныхъ фактовъ, освѣщающихъ эту сторону явленія, вопросъ, по необходимости, долженъ считаться открытымъ.

Цифры, сопоставленныя въ три послѣднія таблицы, даютъ намъ нѣкоторыя интересныя заключенія.

Прежде всего мы видимъ, что раздѣлы, по разнообразію вызывающихъ ихъ причинъ, не могутъ быть сведены въ одну группу. 54,7% случаевъ были вызваны причинами, нарушающими домашнее спокойствіе, тотъ миръ, который одинаково дорогъ и желателенъ, какъ въ палатахъ богача, такъ и въ избѣ крестьянина. Мачиха притѣсняетъ пасынка, „поѣдомъ ѣстъ его", по выраженію крестьянъ, не даетъ ему шить праздничную одежду, заставляетъ его ходить въ заплатанной обуви и поношенномъ полушубкѣ среди товарищей, одѣтыхъ болѣе щеголевато, всюду отдаетъ предпочтеніе собственнымъ дѣтямъ, вооружаетъ его противъ отца и дѣлаетъ его, взрослаго юношу, работника, чужимъ въ семьѣ. Такое систематическое преслѣдованіе вызываетъ озлобленіе, и естественнымъ послѣдствіемъ его является въ преслѣдуемомъ ослабленіе интересовъ его хозяйства; онъ отыскиваетъ пріютъ внѣ семьи, а лучшимъ пріютомъ для такого отщепенца служитъ питейный домъ.—Въ другихъ случаяхъ свекровь преслѣдуетъ невѣстку и порождаетъ распрю между отцомъ и сыномъ; невѣстки ссорятся изъ-за праздничныхъ подарковъ, которые имъ сдѣ-

лали мужья, изъ за-невинныхъ шалостей дѣтей, изъ-за печныхъ горшковъ, и ссоры женъ вызываютъ вражду между братьями.—Наконецъ, ссоры братьевъ составляютъ также одинъ изъ важныхъ поводовъ къ раздѣламъ.—Я спрашивалъ крестьянъ, можно ли устранить эти причины и воспрепятствовать раздѣламъ. Хотя, при моихъ вопросахъ, всегда указывалось на преимущество большихъ семей передъ малыми, но обыкновенно отрицалась возможность дальнѣйшаго сожительства. И въ самомъ дѣлѣ, мимолетная вспышка между родными не ведетъ къ раздѣлу; а непрерывныя ссоры порождаютъ такое озлобленіе, которое въ концѣ концовъ не можетъ остаться безъ вліянія и на хозяйственный бытъ: постоянное раздраженіе, меньшая энергія въ трудѣ, большее желаніе уйти изъ дома въ веселую компанію сосѣдей будетъ отрывать отъ хозяйства все больше средствъ и вести его къ упадку. Такимъ образомъ, изъ преимущества крупныхъ семей передъ мелкими, отнюдь не слѣдуетъ дѣлать выводовъ о нежелательности раздѣловъ. Такой выводъ былъ бы основателенъ лишь послѣ доказательства, что многочисленныя семьи, даже при отсутствіи домашняго мира, при постоянныхъ распряхъ между родными, процвѣтаютъ, а мелкія падаютъ. Пока это не доказано—и сомнительно, чтобы когда-либо удалось доказать это,—до тѣхъ поръ можно говорить только, что раздѣлъ нежелателенъ въ дружной семьѣ, имѣющей всѣ данныя для успѣшнаго веденія хозяйства. А дружныя семьи, и независимо отъ нашего желанія, не приступаютъ къ раздѣламъ.—Вторую группу—21,8%—образуютъ тѣ случаи раздѣловъ, которые вызваны дурнымъ поведеніемъ одного изъ членовъ семьи—отца, сына или брата. Дурное поведеніе всегда сводится къ пьянству. Сынъ трезвъ и трудолюбивъ; отецъ пьянствуетъ и частенько бьетъ („голезитъ", по мѣстному выраженію) его. Отецъ трудится, а сынъ норовитъ украсть спрятанный полтинникъ, двугривенный и пропить его. Одинъ братъ переходитъ отъ земли къ промыслу и бережетъ каждую копѣйку, а другой—несетъ его поддевку или сарафанъ жены въ кабакъ. Конечно, во всѣхъ этихъ случаяхъ примѣняются мѣры исправленія или устрашенія. Трезвый убѣждаетъ безпутнаго, стыдитъ его, „стегаетъ кнутомъ", но, не достигнувъ цѣли, порѣшаетъ разойтись. Желателенъ ли раздѣлъ въ подобныхъ случаяхъ? Кто думаетъ, что какая-либо власть, какой-либо законъ можетъ сдѣлать человѣка трезвымъ и трудолюбивымъ, тотъ будетъ говорить о нежелательности раздѣла и въ этихъ случаяхъ. Мы же, не возлагая на законы и власти такого упованія, думаемъ, что въ этихъ случаяхъ раздѣлъ необходимъ. Не приступая къ раздѣлу при столь различныхъ нравственныхъ качествахъ членовъ, крестьянская семья можетъ *кое-какъ держаться*: вся тяжесть труда падаетъ на одного, а другой является

членомъ непроизводительнымъ, что нарушаетъ требованія справедливости и отнюдь не способствуетъ экономическому преуспѣянію. Послѣ раздѣла семья съ лучшимъ членомъ устроивается хорошо, а съ худшимъ—совсѣмъ падаетъ. Но и въ небольшомъ кругѣ моихъ наблюденій есть случаи, когда отдѣленный безпутный членъ семьи исправлялся, оставлялъ порочную жизнь и постепенно устроивалъ свое хозяйство: толчкомъ для исправленія служило, вѣроятно, сознаніе, что въ одиночествѣ уже нѣтъ той опоры, которой былъ прежде отецъ, сынъ или братъ.—11,6% раздѣловъ были вызваны многосемейностью и тѣснотою помѣщенія, причемъ въ 2 случаяхъ ближайшимъ поводомъ къ раздѣлу послужилъ пожаръ, побудившій строить новыя избы. Конечно, многосемейность сама по себѣ не служитъ достаточнымъ поводомъ къ раздѣлу. Изба тѣсна—можно выстроить другую и, безъ раздѣла, устроиться болѣе удобно. Сгорѣла старая, тѣсная изба — можно построить болѣе просторную. Словомъ, эти причины не оправдываютъ раздѣла, и самый раздѣлъ въ этихъ случаяхъ нужно признать нежелательнымъ, если предположить, что между членами семьи поддерживались добрыя отношенія. Но мы полагаемъ, что и здѣсь для раздѣла были болѣе серьёзныя причины, и только лица, сообщившія эти свѣдѣнія, не знали ихъ. Вѣроятно, и здѣсь были семейные раздоры, которые—такъ бываетъ всегда—дѣлали помѣщеніе особенно тѣснымъ. Не будучи увѣрены въ этомъ и высказывая только предположеніе, мы готовы, для возможно вѣрнаго освѣщенія цифръ, считать эти случаи раздѣла не возбуждающими сочувствія.—Въ 6 случаяхъ—5,5% раздѣлъ былъ вызванъ побужденіями эгоистическими: одинъ платитъ всѣ подати, другой—свободенъ; одинъ имѣетъ большую семью, другой бездѣтенъ. Конечно, съ точки зрѣнія требованій высшей нравственности, по которымъ „каждый должень быть всѣмъ слугой“, такое побужденіе и самый раздѣлъ оправданы быть не могутъ. Но роль проповѣдниковъ морали намъ не къ лицу, ибо мы хуже, нежели крестьяне, слѣдуемъ велѣніямъ высшей нравственности. Разъ же мы не станемъ на эту точку зрѣнія, мы признаемъ такое побужденіе вполнѣ естественнымъ и, въ виду неизбѣжныхъ раздоровъ при неудовлетвореніи его, самый раздѣлъ желательнымъ. — Въ 5 — 4,6% случаяхъ раздѣлъ былъ вызванъ желаніемъ отдѣлившихся совсѣмъ оставить селеніе для стороннихъ заработковъ,—кажется, причина уважительная, а въ 2 случаяхъ причины намъ неизвѣстны.—Заключеніе, которое мы считаемъ себя въ правѣ сдѣлать, то, что *въ огромномъ большинствѣ случаевъ—87,5% —раздѣлы были слѣдствіемъ важныхъ условій, которыя дѣлали совмѣстное жительство невозможнымъ.*

Раздѣлъ имущества совершался на условіяхъ неодинаковыхъ. Въ

65,2% случаевъ имущество раздѣлено на равныя части, „полюбовно“ „миролюбно“, по выраженію крестьянъ. О математическомъ равенствѣ здѣсь не можетъ быть и рѣчи: если движимость, скотъ, орудія, утварь, одежда и т. п. дѣлятся поровну, если равенство при раздѣлѣ надворныхъ строеній, риги, достигается тѣмъ, что выдѣляющійся получаетъ право пользованія половиной риги, половиной сарая, половиной хлѣва, то, по отношенію къ избѣ, выдѣляющійся всегда несетъ ущербъ, какъ скоро получаетъ за избу извѣстную сумму денегъ: изба оцѣнивается не дорого, и остающійся въ ней имѣетъ значительныя выгоды. Тѣмъ не менѣе мы говоримъ, что во всѣхъ 73 случаяхъ раздѣлъ былъ произведенъ полюбовно, ибо разспросы убѣдили насъ, что оцѣнка избы не была чрезмѣрно низкою. Раздѣлъ имущества на началахъ равенства встрѣчается наиболѣе часто между братьями: какъ стороны равносильныя, они могутъ всего успѣшнѣе препятствовать всякому нарушенію равенства.—Въ 11,6% случаевъ выдѣлившіеся получили очень мало. Подъ этимъ „очень мало“ скрывается полученіе небольшой суммы денегъ для сооруженія избы, одной головы скота изъ 3, стараго и мало годнаго орудія и т. п.—Наконецъ, въ 23,2% случаевъ отдѣлившіеся не получили ничего или, какъ говорятъ крестьяне, „ушли спуста“. При такомъ раздѣлѣ обиженный взялъ съ собой носильное платье и то нерѣдко худшее, тогда какъ лучшее было удержано выдѣляющимъ. Случаи обоихъ послѣднихъ разрядовъ имѣютъ мѣсто при раздѣлѣ отца съ сыномъ, особенно если сынъ бѣжитъ отъ притѣсненія мачихи. Возбужденный противъ сына, отецъ не изъявляетъ готовности дать что-либо уходящему, а послѣдній, ища свободы, мирится даже съ невыгодами раздѣла и съ пустыми руками оставляетъ отцовскій домъ. Мало ли получаетъ уходящій или ничего, онъ во всѣхъ случаяхъ вступаетъ во владѣніе земельнымъ надѣломъ, лишить котораго его не можетъ власть отца.

Другая таблица показываетъ, что 75% семей, выдѣлившихъ новые дворы, удержались на прежнемъ уровнѣ; 3,6% улучшили свой хозяйственный бытъ, а 21,4% упали, т.-е. на положеніе большинства раздѣлъ не оказалъ вліянія. Сравнивая по категоріямъ бытъ этихъ семей до и послѣ раздѣла, мы видимъ, что не измѣнилось положеніе, главнымъ образомъ, семей исправныхъ и бѣдныхъ: до раздѣла мы находимъ первыхъ 52, вторыхъ—19; послѣ раздѣла — 50 и 17. Измѣненія коснулись преимущественно семей очень зажиточныхъ и среднихъ.

Бытъ отдѣлившихся семей также измѣнился послѣ раздѣла. Въ прежнемъ положеніи остались 54,5%; улучшилось хозяйство 9,0%, ухудшилось—26,8%. Положеніе остальныхъ или неизвѣстно или еще

не успѣло выясниться. Въ общемъ, мы видимъ, что въ хозяйствахъ отдѣлившихся семей произошло больше измѣненій, чѣмъ въ хозяйствахъ, выдѣлившихъ новые дворы. Во второй группѣ измѣненія всего менѣе коснулись семей бѣдныхъ, которыхъ мы находимъ послѣ раздѣла 17, и исправныхъ — 33. Богатыхъ мы среди отдѣлившихся не встрѣчаемъ, и число среднихъ уменьшилось съ 32 на 11 [1]).

Но было бы слишкомъ поспѣшно говорить: „post hoc, ergo propter hoc". Мы имѣемъ точныя свѣдѣнія о хозяйствахъ всѣхъ дворовъ, положеніе которыхъ измѣнилось послѣ раздѣла, и о причинахъ, вызвавшихъ улучшеніе или ухудшеніе.

Возьмемъ хозяйства обѣихъ группъ, улучшившіяся со времени раздѣла. Четыре улучшившіяся хозяйства 1-ой группы представляются намъ въ слѣдующемъ видѣ:

1) Раздѣлились 2 родные брата 7 лѣтъ назадъ. Отошелъ безпутный.

2) Раздѣлились отецъ съ сыномъ 6 лѣтъ назадъ; отошелъ отецъ-пьяница.

3) Раздѣлились 2 родные брата 9 лѣтъ назадъ; хозяйство улучшилось, благодаря большему старанію въ работѣ оставшагося брата.

4) Раздѣлились 2 родные брата 4 года назадъ; оставшійся нашелъ выгодные заказы для валяной обуви, производство которой составляетъ его главный промыселъ.

Десять случаевъ улучшенія хозяйства семей второй группы представляются намъ со слѣдующими подробностями:

1, 2, 3) Три случая сходны между собой. Раздѣлы были произведены 4, 5 и 8 лѣтъ назадъ. Въ 2 случаяхъ трезвые и трудолюбивые сыновья отдѣлились отъ отцовъ-пьяницъ и ушли изъ дома безъ всякаго имущества. Въ третьемъ случаѣ хорошій работникъ отдѣлился отъ брата-пьяницы. Несмотря на невыгодныя условія раздѣла, всѣ 3 семьи, благодаря энергіи своихъ членовъ, устроились удовлетворительно.

4 и 5) Раздѣлы были произведены 10 и 8 лѣтъ назадъ въ семьяхъ бѣдныхъ. Первые годы хозяйство отдѣлившихся было очень не устроено и начали накопляться недоимки. Затѣмъ подросли сыновья,

---

[1]) Домашнее хозяйство богатыхъ и исправныхъ крестьянскихъ семей весьма сходно. Народъ называетъ „исправнымъ" тотъ дворъ, которому неизвѣстны недоимки, который имѣетъ, по мѣстнымъ условіямъ, достаточное количество скота и тщательно обработываетъ свой надѣлъ. Разница между дворами обоихъ разрядовъ та, что первый имѣетъ нѣсколько болѣе потребностей удобства, а главное, денежный капиталъ не менѣе 200—300 рублей (я беру minimum, необходимый для признанія двора богатымъ).

стали промышлять плотничествомъ въ Ярославлѣ, и хозяйство поправилось.

6 и 7) Склонные къ пьянству отдѣлились въ одномъ случаѣ отъ отца, въ другомъ—отъ брата; раздѣлы совершились 7 и 5 лѣтъ назадъ. Сынъ не получилъ ничего, а братъ вышелъ изъ семьи бѣдной. По раздѣлѣ, оба исправились, „на вѣки отреклись отъ вина" и устроили свое хозяйство.

8 и 9) Раздѣлы произведены 6 и 4 года назадъ въ семьяхъ среднихъ. Отдѣлившіеся улучшили свое хозяйство, вслѣдствіе „большаго старанія".

10) Тесть принялъ къ себѣ зятя, отдѣлившагося, вслѣдствіе дурного поведенія, отъ отца 8 лѣтъ назадъ. Въ домѣ тестя отдѣлившійся исправился и способствовалъ улучшенію хозяйства тестя.

Анализируя всѣ 14 случаевъ, мы видимъ, что 5 раздѣловъ были несомнѣнно причиною улучшенія хозяйства: отдѣляется безпутный, пьяница, а трезвый работникъ можетъ безъ помѣхи устроивать свой экономическій бытъ. Затѣмъ, въ 3 случаяхъ раздѣлъ оказалъ гораздо большее вліяніе: онъ способствовалъ нравственному исправленію и улучшенію хозяйства тѣхъ, которые были до раздѣла непроизводительными членами своихъ семей. 4 случая не выясняютъ намъ какого-либо вліянія раздѣловъ: то „большее стараніе", которое начали проявлять въ работѣ раздѣлившіеся, или отысканіе болѣе выгодныхъ условій промысла могли имѣть мѣсто и помимо раздѣла. Къ этимъ 12 примыкаютъ 2, которые—мы ставимъ это на видъ — свидѣтельствуютъ противъ раздѣловъ: хозяйство отдѣлившихся начало подниматься только по достиженіи сыновьями рабочаго возраста, что прямо говоритъ въ пользу многочленныхъ семей.—Но въ 8 случаяхъ изъ 14 улучшеніе хозяйства нужно приписать именно раздѣлу.

Посмотримъ на условія, которыми сопровождалось ухудшеніе хозяйства послѣ раздѣла.

24-ре случая ухудшенія хозяйства первой группы могутъ быть разбиты на нѣсколько категорій:

1, 2, 3, 4, 5, 6) Сыновья ушли отъ отцовъ. Раздѣлы были произведены 10, 8, 7 и 6 лѣтъ назадъ. Отцы состарились и, частію, вышли „изъ лѣтъ", перешли въ разрядъ бобылей, частію, продолжаютъ держать надѣлъ, но не могутъ обработывать его съ успѣхомъ.

7, 8, 9) Раздѣлы произведены въ 2 случаяхъ между отцомъ и сыномъ и въ 1 случаѣ — между братьями 5 и 3 года назадъ. Остались люди одинокіе; разстройство ихъ здоровья повело за собой упадокъ хозяйства.

10, 11, 12, 13) Въ 2 случаяхъ раздѣлились отецъ съ сыномъ, въ 2 —родные братья, 7, 6 и 4 года назадъ. Ушедшіе — трезвые,

работящіе люди; оставшіеся—преданы пьянству, что, вмѣстѣ съ ихъ одиночествомъ, и послужило причиной разстройства хозяйства.

14, 15, 16, 17) Въ 3 случаяхъ раздѣлились отецъ съ сыномъ, въ одномъ — братья, 6, 4, 3 года назадъ. Оставшіеся начали пьянствовать послѣ раздѣла.

18, 19, 20) Причиной упадка хозяйства послужилъ падежъ скота.

21, 22) Оба раздѣла были произведены 8 и 6 лѣтъ назадъ между братьями. Вскорѣ послѣ раздѣла все имущество было уничтожено пожаромъ.

23, 24) Раздѣлы произведены между братьями и между дядей и племянникомъ 10 и 7 лѣтъ назадъ. Причины упадка хозяйства неизвѣстны.

30 случаевъ разстройства въ хозяйствѣ выдѣлившихся семей могутъ быть сведены къ слѣдующимъ группамъ:

1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9) Раздѣлы произведены въ 3 случаяхъ между сыномъ и отцомъ; въ 5—между родными, и 1—между двоюродными братьями 4 — 10 лѣтъ назадъ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ отдѣлились люди дурного поведенія, которые не измѣнились и послѣ раздѣла.

10, 11, 12, 13, 14, 15) Раздѣлы произведены между отцомъ и сыномъ въ 3 случаяхъ и братьями — также въ 3, 5 — 8 лѣтъ назадъ. Отдѣлившіеся—плохіе работники.

16, 17, 18, 19) Сыновья отошли безъ всякаго имущества отъ отцовъ, принадлежащихъ къ исправнымъ домохозяевамъ, 4—6 лѣтъ назадъ и до сихъ поръ еще не успѣли устроить свое хозяйство.

20, 21, 22, 23) Раздѣлы были произведены въ 1 случаѣ между отцомъ и сыномъ, въ 3—между братьями 8—3 года назадъ. Отдѣлившіеся начали пьянствовать, и хозяйство ихъ разстроилось.

24, 25) Хозяйство отдѣлившихся разстроилось вслѣдствіе падежа скота.

26, 27, 28) Хозяйство разстроилось вслѣдствіе пожара.

29 и 30) Раздѣлились родные братья 7 и 5 лѣтъ назадъ. Семьи были исправны. Причины упадка отдѣлившихся неизвѣстны.

Сводя во-едино всѣ приведенные 54 случая упадка хозяйства послѣ раздѣла, мы видимъ, что раздѣлъ самъ былъ несомнѣнной причиной обѣднѣнія въ 28 случаяхъ, 9—для оставшихся и 19—для отдѣлившихся семей. Но и эти 28 случаевъ не представляютъ чего-либо однороднаго. Въ 9 случаяхъ, гдѣ болѣзнь, старость, одиночество разстроили хозяйство послѣ раздѣла, раздѣлъ былъ основной причиной; безъ него вліяніе этихъ естественныхъ фактовъ было бы, вѣроятно, менѣе сильно, а потому мы и самый раздѣлъ признаемъ нежелательнымъ. Остальные 19 случаевъ, разбитые на 3 группы,

представляются намъ въ иномъ свѣтѣ. Въ 15 случаяхъ выдѣлившіеся были или пьяницами, или плохими работниками. Раздѣлъ долженъ былъ понизить уровень ихъ матеріальнаго благосостоянія. Но сомнительно, чтобы этотъ уровень былъ высокъ, еслибы они не выдѣлились изъ семей и не измѣнили своихъ нравственныхъ качествъ. Еслибы онъ даже и былъ выше, то этимъ они были бы обязаны не себѣ, а отцамъ, братьямъ, а порядокъ, при которомъ дурной членъ семьи живетъ на счетъ хорошаго, оправданъ быть не можетъ; слѣдовательно, въ этихъ случаяхъ мы назовемъ раздѣлъ явленіемъ желательнымъ. Въ тѣхъ 4 случаяхъ, когда отдѣлившіеся не устроили хозяйства, благодаря несправедливости отцовъ, лишившихъ ихъ доли въ имуществѣ, вліяніе раздѣла рѣшительно не причемъ. Наконецъ, остальные 26 случаевъ ухудшенія должны быть сведены, какъ къ причинѣ, къ пожару, падежу скота, нравственной распущенности обѣднѣвшихъ, т.-е. обстоятельствамъ, которыя могутъ разстроить крестьянскій дворъ и помимо раздѣла.

Сдѣланный анализъ позволяетъ намъ представить такую таблицу измѣненій, въ связи съ раздѣлами, хозяйства семей обѣихъ группъ:

После раздѣла.

		%
Удержались на прежнемъ уровнѣ благосостоянія	145	— 64,9
Улучшили свой бытъ по причинамъ, независящимъ отъ раздѣла	6	— 2,7
Улучшили свой бытъ вслѣдствіе раздѣла	8	— 3,6
Упали по причинамъ, независящимъ отъ раздѣла	45	— 20,0
Упали вслѣдствіе раздѣла	9	— 4,0
Положеніе, за недавностью раздѣла, не выяснилось	6	— 2,7
Нѣтъ свѣдѣній	5	— 2,1
Итого	224	— 100

Эта таблица показываетъ, что на большинство хозяйствъ раздѣлы не имѣли никакого вліянія, что большая часть положительныхъ и отрицательныхъ измѣненій, происшедшихъ послѣ раздѣла, объясняются какими-нибудь сторонними причинами, не связанными съ фактомъ раздѣла, что только въ 7,6% всѣхъ случаевъ измѣненія были вызваны раздѣломъ, а изъ нихъ только 4% содѣйствовали упадку хозяйства.

Но, дабы насъ не обвинили въ излишнемъ оптимизмѣ, мы здѣсь укажемъ еще на одно невыгодное послѣдствіе раздѣловъ, извѣстное далеко не всѣмъ и подмѣченное нами при наблюденіяхъ въ Серѣновской волости.

Вызываемый обыкновенно домашними неурядицами, раздѣлъ прежде всего ведетъ къ обособленному потребленію вновь образованныхъ семей. „Кухни разныя“, „харчи разныя“, „горшки разные“,

обыкновенно говорятъ крестьяне, для указанія на важнѣйшій признакъ совершившагося раздѣла. Это—настолько выдающійся признакъ, что тамъ, гдѣ раздѣлившіеся еще продолжаютъ жить нѣсколько мѣсяцевъ подъ одной кровлей и сообща пользуются нѣкоторыми принадлежностями инвентаря, они готовятъ пищу въ одной печи, но въ разныхъ горшкахъ и обѣдаютъ врозь. На ряду съ этимъ явленіемъ, невыгодная сторона котораго была указана раньше, мы встрѣчаемъ такое обособленіе въ производствѣ, которое сопряжено съ крупнымъ и очевиднымъ ущербомъ для раздѣлившихся. Два брата, напр., изготовляютъ валяную обувь. До раздѣла они работаютъ вмѣстѣ въ особой избѣ, устроенной для мастерской. Послѣ раздѣла это семейное производство рушится: отдѣлившійся или работаетъ у себя въ избѣ, что причиняетъ тѣсноту помѣщенія и грязнитъ его, или нанимается въ работники. Мнѣ извѣстны 8 случаевъ этого рода. Подобное дробленіе силъ въ производствѣ сопряжено съ крупными невыгодами для кустарниковъ, ибо увеличиваетъ издержки и дѣлаетъ ихъ соперниками въ сношеніяхъ со скупщиками, или же низводитъ самостоятельныхъ производителей на степень наемниковъ. Нужно замѣтить, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ раздѣлъ не былъ вызванъ раздорами вмѣстѣ жившихъ и работавшихъ. Искать объясненія такой аномаліи слѣдуетъ, мы полагаемъ, въ томъ, что отдѣляющійся хочетъ испытать свою полную самостоятельность въ веденіи хозяйства; побуждаемый этимъ желаніемъ, онъ обособляется и въ промыслѣ; если послѣдній мало-мальски выгоденъ, то упрочивается привычка къ новому порядку, которая и продолжаетъ поддерживать раздѣльное веденіе промысла.

III.

Приведенныя данныя побуждаютъ насъ установить слѣдующія положенія.

1) Большая часть семейныхъ раздѣловъ вызываются причинами, препятствующими мирному быту раздѣляющейся семьи; продолжительное дѣйствіе этихъ причинъ неизбѣжно разстроиваетъ хозяйство многочленныхъ крестьянскихъ дворовъ.

2) Въ большинствѣ случаевъ имущество дѣлится по ровну, и раздѣлившіяся семьи получаютъ возможность устроенія новаго хозяйства.

3) Большею частью, раздѣлы не измѣняютъ быта раздѣлившихся семей. Иногда раздѣлы способствуютъ улучшенію хозяйства раздѣ-

лившихся, и только въ рѣдкихъ случаяхъ хозяйство падаетъ вслѣдствіе раздѣловъ.

Повторяемъ, что эти заключенія мы считаемъ вѣрными только относительно небольшого круга нашихъ личныхъ наблюденій, и отнюдь не даемъ себѣ права распространять ихъ на болѣе широкую площадь. Но мы думаемъ, въ виду многочисленныхъ сходствъ въ жизни крестьянскихъ семей разныхъ мѣстностей Россіи, что и наблюденіе тысячъ случаевъ приведетъ къ заключеніямъ, подобнымъ установленнымъ нами.

Представленныя данныя показываютъ, что почти всегда семейные раздѣлы вызываются необходимостью, что иногда—они прямо полезны. Почему же населеніе даже изслѣдованнаго нами района считаетъ ихъ одною изъ важныхъ причинъ упадка крестьянскаго хозяйства? Это объясняется наклонностью человѣка, и особенно непросвѣщеннаго, цѣпко держаться извѣстныхъ убѣжденій. Невыгоды раздѣловъ, безъ анализа отдѣльныхъ случаевъ, настолько очевидны, что умъ человѣка привыкаетъ считать ихъ стоящими внѣ спора. Упадокъ благосостоянія нѣкоторыхъ отдѣлившихся семей служитъ доказательствомъ a posteriori. Факты противоположные не замѣчаются, по своему противорѣчію съ укоренившимися убѣжденіями, или же получаютъ неправильное истолкованіе. А разъ окрѣпло убѣжденіе, оно долго остается во всей своей силѣ.

Но если невѣрное пониманіе семейныхъ раздѣловъ простолюдинами понятно и извинительно, то такое же отношеніе къ раздѣламъ со стороны лицъ образованнаго класса, а тѣмъ болѣе нѣкоторыхъ публицистовъ, оправдано быть не можетъ. Не имѣя для своихъ выводовъ достаточнаго матеріала, считаясь съ немногими общими, апріорно добытыми положеніями, всѣ огульно порицающіе семейные раздѣлы заключаютъ болѣе поспѣшно, нежели то допускается важностью вопроса. Но огульное порицаніе семейныхъ раздѣловъ свидѣтельствуетъ только о легкомысленномъ отношеніи къ дѣлу со стороны порицающаго. Совсѣмъ иное впечатлѣніе производятъ требованія мѣропріятій противъ раздѣловъ.

Во-первыхъ, эти требованія, вслѣдствіе недостаточнаго изученія вопроса, не покоются на твердомъ основаніи. Умѣть въ немногихъ словахъ перечислить невыгоды семейныхъ раздѣловъ—еще не значитъ получить право требовать вмѣшательства законодателя въ эту сторону крестьянской жизни.

Во-вторыхъ, это требованіе, въ какую бы форму оно ни было облечено, нарушаетъ начало справедливости. Раздѣлы мы встрѣчаемъ не только въ крестьянскихъ семьяхъ, но также въ дворянскихъ и купеческихъ. И за послѣдними можно признать такія же

невыгоды, которыя охотно усматриваютъ въ первыхъ: ослабленіе предпріятій, дробленіе земельной собственности, переходъ части оборотнаго капитала въ постоянный, удорожаніе потребленія—все это неизбѣжныя послѣдствія семейныхъ раздѣловъ и въ болѣе обезпеченныхъ классахъ. А потому, если требовать ограниченія раздѣловъ среди крестьянъ, то нужно требовать того же и для раздѣловъ среди другихъ сословій. Послѣдняго не требуетъ никто; если и не говорится, то подразумѣвается, что раздѣлы въ дворянскихъ и купеческихъ семьяхъ удовлетворяютъ потребность индивидуалистическихъ влеченій, даютъ каждому большій просторъ въ его хозяйственной жизни, охраняютъ его домашній покой. Иную мѣрку прилагаемъ мы къ крестьянину: разъ извѣстное явленіе можетъ быть во многихъ случаяхъ невыгодно для его хозяйства, мы вооружаемся противъ него, требуемъ „предупрежденія“ и „пресѣченія“; мы забываемъ, что интересы хозяйственные, какъ ни велико ихъ значеніе, не единственные интересы крестьянъ; что домашній миръ, и какъ его слѣдствіе, душевный покой, дороги и для простолюдина, и что съ ними нужно считаться.

Однимъ словомъ, примѣненіе различныхъ мѣрокъ относительно семейныхъ раздѣловъ крестьянъ и другихъ сословій нарушаетъ требованія справедливости и является остаткомъ воззрѣній, привитыхъ нашему обществу въ эпоху крѣпостного права.

Андрей Исаевъ.

Ярославль.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-ое іюля, 1883.

Милостивый манифестъ 15-го мая.—Новый законъ о раскольникахъ; его достоинства и недостатки. Главное препятствіе къ правильному разрѣшенію вопроса о расколѣ.—Законъ о выморочныхъ дворянскихъ имуществахъ.—Толки о «дворянскомъ принципѣ».—Прекращеніе закавказскаго транзита.—Законы объ акціонерныхъ коммерческихъ банкахъ и земскихъ эмеритальныхъ кассахъ.

Послѣдніе отголоски торжества, совершившагося въ Москвѣ полтора мѣсяца тому назадъ, затихаютъ и въ обществѣ, и въ печати; праздничное настроеніе умовъ уступаетъ мѣсто будничному, ежедневная жизнь опять входитъ въ свою обычную колею. Настала минута, удобная для ретроспективнаго обзора, для болѣе подробной оцѣнки мѣръ, ознаменовавшихъ памятные майскіе дни 1883 года. Нѣкоторыя изъ этихъ мѣръ могутъ быть названы, впрочемъ, традиціонными; измѣняясь лишь въ подробностяхъ, онѣ повторяются изъ царствованія въ царствованіе, не только при короновании государей, но и по поводу другихъ торжественныхъ событій. Къ мѣрамъ этого рода относится, прежде всего, „милостивый манифестъ", которымъ всегда даруются льготы, съ одной стороны, плательщикамъ податей и вообще должникамъ государства, съ другой стороны—осужденнымъ или могущимъ быть осужденными за уголовныя преступленія. Характеръ подобныхъ льготъ — преимущественно общій; онѣ предоставляются, бóльшею частью, не отдѣльнымъ лицамъ, а цѣлымъ категоріямъ лицъ, подходящимъ подъ опредѣленныя условія. Недоимки того или другого сбора слагаются не съ тѣхъ, чью платежную способность онѣ превышаютъ, а безразлично со всѣхъ плательщиковъ сбора; отъ наказанія освобождаются вполнѣ или отчасти, не тѣ осужденные, которые особенно заслуживаютъ снисхожденія, а всѣ осужденные извѣстнаго разряда. Объясненіе этому слѣдуетъ искать въ тѣхъ затрудненіяхъ, съ которыми была бы сопряжена повѣрка, въ каждомъ

отдѣльномъ случаѣ, правъ недоимщика или преступника на царскую милость; огульное сложеніе недоимокъ оправдывается, сверхъ того, обременительностью налоговъ, тяготѣющихъ на податныхъ сословіяхъ, въ особенности на крестьянствѣ. Можно утверждать, не рискуя впасть въ ошибку, что значительнѣйшая часть недоимокъ подушной подати и выкупныхъ платежей образовалась именно вслѣдствіе несоразмѣрности налога съ средствами населенія, и что сложеніе ихъ является актомъ справедливости по отношенію къ плательщикамъ. Не вполнѣ цѣлесообразнымъ огульное сложеніе недоимокъ кажется намъ въ тѣхъ только случаяхъ, когда причиной накопленія ихъ съ одинаковой достовѣрностью можно признать и дѣйствительную несостоятельность, и простую неисправность плательщиковъ. Такъ, напримѣръ, подъ дѣйствіе манифеста подведены не поступившія въ казну по день коронаціи процентныя и штрафныя деньги, исчисляемыя за несвоевременный взносъ разсроченныхъ платежей акциза и попудныхъ денегъ за соль, а также за несвоевременный взносъ разсроченной при покупкѣ казенной соли платы. Воспользуются этой льготой, въ большинствѣ случаевъ, люди далеко не бѣдные—купцы, въ рукахъ которыхъ сосредоточивается или по крайней мѣрѣ сосредоточивалась, до отмѣны соляного акциза, оптовая торговля солью. Для многихъ изъ нихъ сложеніе недоимки будетъ подаркомъ, едва ли заслуженнымъ и вовсе не соотвѣтствующимъ ихъ имущественному положенію. Разборъ обстоятельствъ, вслѣдствіе которыхъ накопилась недоимка, не представлялъ бы здѣсь большой трудности, потому что число недоимщиковъ этого рода, безъ сомнѣнія, невелико. Тоже самое слѣдуетъ сказать и о содержателяхъ казенныхъ имѣній и оброчныхъ статей, освобождаемыхъ манифестомъ отъ разныхъ числящихся за нихъ взысканій. Къ числу долговъ, погашаемыхъ манифестомъ, принадлежатъ, далѣе, состоящія въ недоимкѣ за дворянствомъ разныхъ губерній суммы, слѣдующія за содержаніе пансіонеровъ дворянства въ учебныхъ заведеніяхъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія, а также денежныя позаимствованія изъ бывшаго государственнаго земскаго сбора на разныя нужды дворянства. Дворянство, какъ корпорація, причисляется въ настоящемъ случаѣ къ разряду плательщиковъ, также имѣющихъ право на государственную помощь.

Въ той части манифеста, которая касается осужденныхъ и подсудимыхъ, принципъ огульности льготъ проведенъ не такъ строго. Видъ и степень оказываемаго снисхожденія зависитъ здѣсь преимущественно отъ наказанія, опредѣленнаго за преступленіе или проступокъ; но рядомъ съ этимъ условіемъ принимаются въ соображеніе и другія. Такъ, напримѣръ, общее правило, въ силу котораго

вовсе освобождаются отъ суда или наказанія обвиняемые или обвиненные въ проступкахъ, не влекущихъ за собою ни лишенія, ни ограниченія правъ состоянія, допускаетъ два исключенія, противоположнаго свойства: оно не распространяется на оскорбленія чести, преслѣдуемыя по частной жалобѣ, и на преступленія противъ собственности, хотя бы наказаніе за нихъ и не превышало указанныхъ выше предѣловъ—но распространяется на составленіе фальшивыхъ паспортовъ и проживательство съ ними, хотя наказаніе за эти проступки и сопряжено съ лишеніемъ всѣхъ особыхъ правъ состоянія. Оба исключенія вполнѣ понятны и законны, въ особенности второе, позволяющее ожидать скораго смягченія наказаній за нарушеніе узаконеній о паспортахъ. Льготы, дарованныя ссыльно-поселенцамъ и ссыльно-каторжнымъ, вовсе не имѣютъ огульнаго характера; воспользоваться ими могутъ только тѣ, за которыми министромъ внутреннихъ дѣлъ или генералъ-губернаторомъ восточной Сибири будетъ признано право на снисхожденіе. Такой способъ примѣненія льготъ можетъ имѣть свои хорошія стороны. Распространеніе льготъ на цѣлыя категоріи осужденныхъ неминуемо влечетъ за собою, съ одной стороны, предоставленіе ихъ лицамъ, вовсе ихъ недостойнымъ, съ другой стороны—предоставленіе ихъ въ одинаковой мѣрѣ лицамъ, имѣющимъ далеко не одинаковое на нихъ право. Для нѣкоторыхъ изъ числа осужденныхъ, какъ бы тяжко ни было предстоящее имъ или переносимое ими наказаніе, снисхожденіе, по всей справедливости, могло бы быть доведено даже до полнаго помилованія; для другихъ оно могло бы быть заключено въ болѣе тѣсныя рамки. Иными словами, рядомъ съ огульнымъ, не особенно значительнымъ уменьшеніемъ наказаній, могло бы быть допущено несравненно болѣе широкое смягченіе ихъ для отдѣльныхъ лицъ, сообразно съ свойствомъ преступленія и съ обстоятельствами, при которыхъ оно было совершено. Само собою разумѣется, что степень смягченія, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, должна была бы зависѣть не отъ единоличнаго усмотрѣнія, а отъ рѣшенія коллегіи, съ участіемъ представителей судебной власти. При такомъ порядкѣ, льготы потеряли бы, по крайней мѣрѣ отчасти, свой случайный характеръ и обусловливались бы не только временемъ совершенія преступленія или произнесенія приговора, но и бо́льшею или меньшею виновностью осужденныхъ, большею или меньшею вѣроятностью ихъ исправленія. Для лицъ, еще не осужденныхъ, мѣра смягченія могла бы быть опредѣляема самимъ судомъ, при постановленіи приговора.

Между другими правительственными мѣрами, состоявшимися почти въ одно время съ коронаціей и соединенными съ нею вну-

треннею связью, особенное вниманіе обращають на себя законы 3-го мая о раскольникахъ и о вымороченныхъ дворянскихъ имуществахъ. Первый изъ нихъ несомнѣнно долженъ быть признанъ существенной перемѣной къ лучшему въ положеніи раскольниковъ. Весьма важно то, что за раскольниками утверждено, въ принципѣ, право собираться для общественной молитвы не только въ частныхъ домахъ, но и въ особо предназначенныхъ для того зданіяхъ—моленныхъ, часовняхъ и т. п. Пользованіе этимъ правомъ обставлено, однако, такими условіями, которыя могутъ до крайности уменьшить или даже парализовать его значеніе. Если раскольническая моленная перестаетъ теперь быть чѣмъ-то безусловно запрещеннымъ и противозаконнымъ, то къ чему обусловливать всякое исправленіе или возобновленіе ея разрѣшеніемъ губернатора? Можно ли вообразить себѣ такія обстоятельства, которыя представлялись бы законнымъ, справедливымъ поводомъ къ отказу въ разрѣшеніи? Раскольническія моленныя сохранились только тамъ, гдѣ потребность въ нихъ была велика и неотразима. Нелегко было найти мѣсто для общественной молитвы, когда она составляла преступленіе, когда хозяинъ дома, въ которомъ она совершалась, въ каждую данную минуту могъ быть привлеченъ къ суду, молитвенныя принадлежности—подвергнуты конфискаціи. Преодолѣть всѣ эти препятствія, значило доказать наглядно, какъ дорогá, какъ необходима моленная для окружающаго ее раскольническаго населенія. Эта необходимость теперь, по видимому, признается и закономъ—но вмѣстѣ съ тѣмъ администраціи дается власть отрицать или игнорировать ее. Исправленіе или возобновленіе моленной ничего не измѣняетъ въ положеніи дѣлъ, фактически существовавшемъ даже при дѣйствіи прежнихъ узаконеній; не слѣдуетъ ли отсюда, что оно должно совершаться безпрепятственно и свободно? Ремонтныя работы въ моленной могутъ быть такого рода, что до исполненія ихъ должно быть пріостановлено богослуженіе; иногда необходимо приступить къ ремонту безъ малѣйшаго замедленія, подъ опасеніемъ трудно поправимыхъ или вовсе непоправимыхъ поврежденій. Понятно, съ какими неудобствами будетъ сопряжена, въ томъ и другомъ случаѣ, всякая задержка въ разрѣшеніи, испрашиваемомъ изъ губернскаго города. А если разрѣшеніе не только запоздаетъ, но не придетъ вовсе? *Возможность* такого исхода допустить необходимо, потому что разрѣшеніе, требуемое закономъ, не можетъ же быть пустою формальностью, не можетъ разумѣться само собою. Губернатору стóитъ только воспользоваться дискреціоннымъ правомъ отказа—и раскольническое населеніе мѣстности, въ которой находится моленная, очутится въ томъ же положеніи, въ какомъ оно находилось до изданія закона 3-го

мая. Намъ кажется, что для достиженія тѣхъ цѣлей, къ которымъ, повидимому, стремился законодатель, вполнѣ достаточно было бы обязать раскольниковъ *увѣдомлять* губернатора о всякомъ предпринимаемомъ ими исправленіи или возобновленіи моленной. Это дало бы администраціи возможность наблюдать, чтобы при исправленіи моленной ей не былъ данъ внѣшній видъ православнаго храма (см. § 8 закона 3-го мая).

Исправленіе или возобновленіе моленной разрѣшается губернаторомъ подъ тѣмъ условіемъ, чтобы общій видъ исправляемаго или возобновляемаго строенія не былъ измѣняемъ. Для такой перемѣны, равно какъ и для открытія новой моленной, должно быть испрошено разрѣшеніе министра внутреннихъ дѣлъ. Открытіе новой моленной разрѣшается въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ значительное населеніе раскольниковъ не имѣетъ ни часовень, ни другихъ молитвенныхъ зданій, съ тѣмъ, чтобы подъ моленную было обращаемо существующее уже строеніе. И здѣсь, слѣдовательно, все зависитъ отъ усмотрѣнія администраціи; разрѣшеніе измѣнить внѣшній видъ существующей моленной или открыть новую моленную можетъ быть дано или не дано, смотря по заключенію, къ которому придетъ министръ внутреннихъ дѣлъ. Къ этому существенному недостатку закона присоединяются и другіе. Неужели расширеніе существующаго уже молитвеннаго зданія, надстройка или пристройка къ нему новаго помѣщенія, увеличеніе числа или размѣра дверей или оконъ, замѣна плоской крыши высокою или на оборотъ—дѣло настолько важное, что оно не можетъ быть допущено безъ разрѣшенія высшаго представителя административной власти? Неужели моленная, устроенная на пятьсотъ человѣкъ, должна оставаться неизмѣнной и тогда, когда раскольническое населеніе данной мѣстности увеличилось вдвое или втрое? Неужели *незначительное* раскольническое населеніе, не успѣвшее обзавестись моленною до изданія новаго закона, должно быть навсегда лишено молитвеннаго зданія? На какомъ основаніи, далѣе, моленная можетъ быть открываема вновь *только* въ существующемъ уже строеніи, а не въ строеніи, спеціально для нея возведенномъ? Какъ поступить, если зданіе моленной пришло въ окончательную ветхость, и раскольническое населеніе желаетъ замѣнить его другимъ, на другой улицѣ того же города? Законъ этого случая вовсе не предвидитъ; перенесеніе моленной изъ одного зданія въ другое не подходитъ ни подъ шестую, ни подъ восьмую статью правилъ 3-го мая. Можетъ ли быть открыто въ одномъ и томъ же городѣ нѣсколько раскольническихъ моленныхъ одного и того же толка? По буквальному смыслу ст. 8-й, этотъ вопросъ долженъ быть разрѣшенъ отрицательно; а между тѣмъ, та-

кое разрѣшеніе его было бы явною несправедливостью по отношенію къ городамъ, въ которыхъ раскольническое населеніе считается тысячами или десятками тысячъ (назовемъ, для примѣра, Саратовъ, Вольскъ, Хвалынскъ). Несмотря на стѣснительный характеръ дѣйствовавшаго до сихъ поръ законодательства о расколѣ, нѣсколько моленныхъ одного и того же толка въ одномъ и томъ же городѣ было явленіемъ довольно обыкновеннымъ, равно какъ и перенесеніе моленной изъ одного помѣщенія въ другое; намъ положительно извѣстны случаи этого рода. Строгое примѣненіе новыхъ правилъ можетъ привести, такимъ образомъ, къ ограниченію *фактически* существовавшей свободы раскольническаго богослуженія.

Въ случаяхъ, до сихъ поръ перечисленныхъ нами, администрація дѣйствуетъ самостоятельно, безъ обязательнаго соглашенія съ духовнымъ вѣдомствомъ, и это, безъ сомнѣнія, составляетъ существенное достоинство новаго закона, такъ какъ въ дѣлахъ, касающихся раскола, духовное вѣдомство является стороною, для которой безпристрастіе невозможно. Трудно объяснить себѣ исключеніе изъ общаго правила, допущенное ст. 7-ою. На основаніи этой статьи, распечатаніе раскольническихъ моленныхъ разрѣшается министромъ внутреннихъ дѣлъ не иначе, какъ по предварительномъ сношеніи съ синодальнымъ оберъ-прокуроромъ. Можно сказать заранѣе, что мнѣніе этого должностнаго лица не часто будетъ въ пользу распечатанія моленной; въ виду традиціонной политики двухъ столѣтій, представитель духовнаго вѣдомства не можетъ легко соглашаться на такую мѣру, которую издавна принято считать соблазномъ для правовѣрныхъ и поощреніемъ отступниковъ. Всего правильнѣе было бы, конечно, дозволить повсемѣстное открытіе запечатанныхъ моленныхъ, или по крайней мѣрѣ опредѣлить разъ навсегда условія, при которыхъ оно возможно; но если это признано неудобнымъ, то къ установленію различія между порядкомъ разрѣшенія новой моленной и порядкомъ распечатанія старой во всякомъ случаѣ не представлялось никакихъ основаній. Распечатаніе раскольническихъ скитовъ и монастырей законъ 3-го мая запрещаетъ безусловно. Фактически скиты и монастыри существуютъ у раскольниковъ даже въ настоящее время; само собою разумѣется, что они будутъ существовать и при дѣйствіи новаго закона. Они удовлетворяютъ потребности, сильно распространенной между раскольниками нѣкоторыхъ толковъ; переживъ эпоху преслѣдованій и стѣсненій, они не могутъ исчезнуть въ эпоху сравнительной терпимости къ расколу. Разъ, что это такъ, запрещеніе распечатывать скиты и монастыри очевидно не достигаетъ своей цѣли и способствуетъ только поддержанію воспоминаній, далеко не благопріятныхъ для сближе-

нія раскольниковъ съ православною церковью—напр. воспоминаній о событіяхъ, сопровождавшихъ закрытіе скитовъ на Иргизѣ (въ Николаевскомъ уѣздѣ теперешней Самарской губерніи), лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ.

Полнѣйшаго сочувствія заслуживаютъ тѣ постановленія новаго закона, которыя даютъ раскольникамъ свободу передвиженія, свободу торговли и равное съ православными право на занятіе, по выбору, общественныхъ должностей. Весьма важно и то, что въ законѣ не дѣлается различія между сектами болѣе и менѣе вредными, —различія по необходимости произвольнаго и въ значительной степени основаннаго на предубѣжденіяхъ и предразсудкахъ. Отголосокъ его мы находимъ только въ ст. 12-ой закона, по которой министръ внутреннихъ дѣлъ—въ тѣхъ случаяхъ, когда требуется его разрѣшеніе—сообразуется, между прочимъ, „съ нравственнымъ характеромъ ученія и другими свойствами каждой секты". Большого значенія эта статья, въ нашихъ глазахъ, не имѣетъ, съ одной стороны потому, что она пытается регламентировать дискреціонное право министра, т.-е. нѣчто неподлежащее регламентаціи, съ другой стороны потому, что систематическое отклоненіе *всѣхъ* ходатайствъ, исходящихъ отъ извѣстной секты, слишкомъ рѣзко шло бы въ разрѣзъ съ яснымъ смысломъ закона. Еслибы законъ имѣлъ въ виду вовсе устранить тѣ или другія секты отъ пользованія вновь даруемыми льготами, онъ конечно выразилъ бы это прямо и открыто; отсутствіе такого ограниченія заставляетъ думать, что дѣйствіе закона распространяется безразлично на всѣ толки и ученія, соединяемые (не совсѣмъ точно) подъ общимъ именемъ раскола [1]). Не слѣдуетъ забывать, что ближайшее прошедшее представляетъ уже одинъ примѣръ подобнаго отношенія къ расколу: законъ 19 апрѣля 1874 г. о доказательствѣ раскольниками правъ по происхожденію и имуществу также не знаетъ различія между сектами, болѣе или менѣе вредными.

Послѣднимъ словомъ законодательства о расколѣ правила 3 мая нельзя признать уже потому, что они не касаются вовсе многихъ существенно-важныхъ сторонъ вопроса. Мы указывали недавно на необходимость пересмотрѣть законъ 19 апрѣля 1874 г., почти вовсе остающійся безъ примѣненія на практикѣ; столь же необходимо регулировать положеніе раскольническихъ школъ, пріютовъ, богаделенъ. Всѣ эти учрежденія существуютъ теперь какъ бы контрабан-

---

[1]) Оговорка, сдѣланная въ ст. 1-й относительно выдачи паспортовъ скопцамъ, подтверждаетъ наше заключеніе, въ силу извѣстнаго принципа: „l'exception confirme la règle".

дой, постоянно борясь съ преградами и затрудненіями всякаго рода. Подойти подъ дѣйствіе положенія 25 мая 1874 г. раскольническая начальная школа не можетъ, такъ какъ въ ней немыслимо преподаваніе закона Божія по ученію православной церкви; воспользоваться правилами, установленными недавно для домашняго обученія грамотѣ, она можетъ только съ большой натяжкой, какъ потому, что эти правила непримѣнимы къ городамъ, такъ и потому, что между домашнимъ обученіемъ и школой, въ настоящемъ смыслѣ слова, существуетъ разница, открывающая полный просторъ вмѣшательству того или другого блюстителя школьныхъ порядковъ. Къ числу такихъ блюстителей принадлежатъ чины полиціи и православные священники, не потерявшіе еще вѣками взлелѣянной привычки прижимать или эксплуатировать раскольниковъ. Узаконить раскольническія школы, не значило бы создать нѣчто новое, а только оградить существующее отъ вреднаго во всѣхъ отношеніяхъ произвола. То же самое слѣдуетъ сказать и о раскольническихъ богадельняхъ. Если вѣрить газетнымъ слухамъ, петербургскіе раскольники намѣрены ознаменовать изданіе закона 3 мая учрежденіемъ въ столицѣ новой богадельни, подъ названіемъ александровской. Исполненіе этого намѣренія не встрѣтитъ, по всей вѣроятности, никакихъ серьёзныхъ препятствій—но отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы столь же легко было достигнуть чего-либо подобнаго въ провинціальной глуши, въ обыкновенное время.

До изданія закона 19 апрѣля 1874 г., отношеніе нашего законодательства къ расколу было безусловно-отрицательное. За расколомъ вовсе не признавалось права на существованіе; законъ упоминаетъ о немъ только для того, чтобы запретить то или другое его проявленіе, чтобы подвергнуть послѣдователей его тому или другому стѣсненію, угрожать имъ той или другой карой. Ненормальность такого положенія вещей была сознана уже давно, даже въ правительственныхъ сферахъ; проектъ реформы, для тогдашняго времени весьма широкій, былъ составленъ уже въ 1864 г.—но для осуществленія его, и то не полнаго, понадобилось почти двадцать лѣтъ. Колебанія и противодѣйствія, такъ долго задерживавшія ходъ преобразованія, отразились и на содержаніи обоихъ законовъ, измѣнившихъ юридическій и церковный бытъ раскольниковъ. Нельзя сказать, чтобы на мѣсто одного принципа прямо и рѣшительно былъ поставленъ другой, противоположный. Полная нетерпимость замѣнена условною, ограниченною терпимостью, предѣлы которой не опредѣлены, размѣры—до крайности эластичны. Покровительство закона дано раскольникамъ не какъ право, а какъ милость, о которой они должны каждый разъ просить, безъ всякой гарантіи въ томъ, что ходатай-

ство ихъ будетъ уважено. Болѣе чѣмъ страннымъ, въ виду всего этого, представляется увѣреніе „Московскихъ Вѣдомостей", что „о притѣсненіи раскольниковъ не можетъ быть отнынѣ и рѣчи, а развѣ о возможности случаевъ проявленія нетерпимости со стороны раскольниковъ и ихъ давленія на православныхъ". Нетерпимость со стороны раскольниковъ, давленіе ихъ на православныхъ! Гдѣ та статья новыхъ правилъ, которая даетъ поводъ говорить о чемъ-либо подобномъ? Мыслима ли нетерпимость со стороны тѣхъ, которые, въ сущности, по прежнему остаются малоправными (не какъ граждане, а какъ послѣдователи извѣстнаго вѣроученія), которые не могутъ сдѣлать шага безъ разрѣшенія высшей власти, не могутъ громко высказать своихъ вѣрованій безъ опасности навлечь на себя уголовное преслѣдованіе? Если называть нетерпимостью со стороны раскольниковъ нерасположеніе къ православнымъ, уклоненіе отъ общенія съ ними, то подобная нетерпимость существуетъ издавна, и новый законъ можетъ только уменьшить ее, а отнюдь не увеличить. „Раскольникамъ", утверждаетъ та же газета, „дозволено общественное богослуженіе съ возбраненіемъ лишь того, что могло бы стать явнымъ соблазномъ для православныхъ". Не особенно лестенъ для православныхъ взглядъ, выраженный въ этихъ словахъ; не тверда та вѣра, камнемъ преткновенія для которой могла бы послужить риза, надѣтая на раскольническаго *наставника* (выраженіе: раскольническій священникъ также принадлежитъ, повидимому, къ категоріи соблазновъ), или крестъ, водруженный на раскольнической молельной! Почему же, притомъ, не соблазняетъ православныхъ куполъ католической или протестантской церкви, чалма муллы, минаретъ мечети? Мы встрѣчаемся здѣсь съ предразсудкомъ, сильно распространеннымъ въ извѣстныхъ сферахъ, служившимъ и служащимъ до сихъ поръ однимъ изъ главныхъ препятствій къ правильному разрѣшенію вопроса о расколѣ. Съ точки зрѣнія, противъ которой мы возражаемъ, расколъ, во всѣхъ своихъ разнообразныхъ формахъ, разсматривается не какъ вѣроученіе, удовлетворяющее религіознымъ потребностямъ своихъ приверженцевъ, а какъ отступничество отъ православія. Происхожденіе его заставляетъ забывать о томъ значеніи, какое онъ имѣетъ въ настоящее время. Для убѣжденнаго, вѣрующаго раскольника, въ особенности если онъ принадлежитъ къ расколу отъ рожденія, вѣрованія его секты такъ же дороги, такъ же священны, какъ для вѣрующаго католика—католицизмъ, для вѣрующаго еврея—іудаизмъ. Происхожденіе, исторія этихъ вѣрованій — для него вопросъ сравнительно неважный. Не его вина, что они сложились не такъ давно, путемъ отдѣленія отъ церкви. Борьба католицизма противъ протестантскихъ ученій была понятна въ свое

время; но что сказали бы мы объ ограниченіи религіозной свободы протестантовъ въ современномъ католическомъ государствѣ—ограниченіи, основанномъ только на томъ, что протестантизмъ возникъ въ средѣ католической церкви?.. Однажды признавъ за своими подданными свободу вѣроисповѣданія, государство не должно стѣснять ее для однихъ больше, чѣмъ для другихъ, только потому, что предки первыхъ принадлежали нѣкогда къ господствующей въ государствѣ церкви. Уравненіе раскола съ другими иновѣрными ученіями было бы первымъ шагомъ къ истинной вѣротерпимости; полною же свободою совѣсти считается признаніе за всѣми и каждымъ безусловнаго права переходить изъ одного вѣроисповѣданія въ другое. Религію трудно предписывать свѣтскою властью, охранять уголовными карами. Примѣръ государствъ, опередившихъ Россію на пути религіозной свободы, показываетъ съ полною ясностью, что вѣра громадной массы остается неизмѣнной и при отсутствіи внѣшнихъ стѣсненій. Всякое уменьшеніе этихъ стѣсненій приближаетъ насъ къ полной ихъ отмѣнѣ; на полу-дорогѣ возможны остановки, иногда весьма продолжительныя, но невозможно окончательное успокоеніе. Пожелаемъ, въ заключеніе, чтобы правилами 3-го мая могли воспользоваться всѣ виды раскола, не исключая и новѣйшихъ, и чтобы подъ дѣйствіе ихъ подошли съ одной стороны штундисты, съ съ другой—пашковцы, молитвенныя собранія которыхъ обращали на себя въ послѣднее время черезъ-чуръ ревностное вниманіе полиціи.

Другимъ закономъ, также состоявшимся 3-го мая, вымороченныя имущества, остающіяся послѣ потомственныхъ дворянъ, записанныхъ въ дворянскую родословную книгу, обращены въ собственность тѣхъ дворянскихъ обществъ, къ составу которыхъ умершій принадлежалъ. Большого практическаго значенія эта мѣра не имѣетъ, потому что вымороченныхъ имуществъ, остающихся послѣ дворянъ, безъ сомнѣнія, немного; но она вызвана ходатайствами дворянскихъ собраній, а потому могутъ спросить, не служитъ ли это однимъ изъ признаковъ торжества „дворянскаго принципа“, о которомъ такъ много толковали, въ послѣднее время, наши газеты?

Прежде чѣмъ отвѣтить на этотъ вопросъ, припомнимъ, что назначеніе вымороченныхъ имуществъ опредѣляется гражданскими законами, надъ пересмотромъ которыхъ работаетъ теперь особая коммиссія. Безусловно несовмѣстными съ такой работой частныя реформы въ области гражданскаго права конечно назвать нельзя; есть потребности, настоятельно требующія удовлетворенія, есть пробѣлы, пополненіе которыхъ не допускаетъ продолжительной отсрочки. Въ данномъ

случаѣ, однако, мы едва ли имѣемъ дѣло съ такой потребностью, съ такимъ пробѣломъ. Постановленія о выморочныхъ имуществахъ не принадлежатъ къ числу, очевидно, слабыхъ сторонъ десятаго тома; оставленіе ихъ въ силѣ до изданія новаго уложенія не было бы сопряжено ни съ какимъ серьёзнымъ неудобствомъ. Обсуждая вопросъ о выморочныхъ имуществахъ въ полномъ его объемѣ и въ связи съ другими вопросами наслѣдственнаго права, редакціонная коммиссія весьма легко могла бы придти къ заключенію, что, при отсутствіи наслѣдниковъ по завѣщанію или по крови, единственнымъ правомѣрнымъ наслѣдникомъ является государство, что всѣ исключенія изъ этого общаго правила безусловно подлежатъ отмѣнѣ. Теперь она будетъ стѣснена, быть можетъ, закономъ 3-го мая,—стѣснена не только по отношенію къ имуществамъ дворянскимъ, но и къ другимъ, переходящимъ теперь, въ случаѣ выморочности, въ собственность сословія или корпораціи. Въ пользу перехода выморочныхъ имуществъ въ руки государства говорятъ два главныя основанія: предположеніе, что такой переходъ согласенъ съ волею умершаго собственника, какъ гражданина, тысячею незримыхъ нитей соединеннаго съ отчизной, съ политическимъ союзомъ, въ средѣ котораго протекла его жизнь — и предположеніе, что государство съумѣетъ дать имуществу наилучшее употребленіе, приспособить его къ общеполезной цѣли. Примѣнимы ли эти предположенія къ дворянскому обществу, какъ къ наслѣднику въ выморочномъ имѣніи дворянина? Много ли найдется у насъ дворянъ, сознающихъ и чувствующихъ живую связь съ дворянскимъ обществомъ своей губерніи или хотя бы съ дворянствомъ, какъ однимъ цѣлымъ? Чѣмъ поддерживается, въ чемъ выражается эта связь, гдѣ интересы, общіе дворянамъ одной и той же губерніи? Намъ укажутъ, быть можетъ, на дворянскія опекунскія учрежденія; но кому же неизвѣстна крайняя неудовлетворительность ихъ дѣятельности и ихъ устройства, кто ожидаетъ отъ дворянскихъ опекъ дѣйствительнаго попеченія о ввѣренныхъ имъ сиротахъ? Весьма вѣроятно, притомъ, что новое гражданское уложеніе положитъ конецъ сословнымъ опекунскимъ учрежденіямъ. Можно ли быть увѣреннымъ, далѣе, что выморочныя имущества, въ рукахъ дворянскихъ обществъ, не останутся мертвымъ или мало производительнымъ капиталомъ? Много ли можно насчитать общеполезныхъ дѣлъ, основанныхъ на дворянскія средства и достигающихъ своего назначенія? Даже при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ, возможна ли для дворянства, въ этомъ отношеніи, успѣшная конкурренція съ цѣлымъ государствомъ?

Если допустить, что сказанное нами до сихъ поръ не лишено извѣстнаго основанія, если припомнить, далѣе, всѣ льготы, дарован-

нія дворянству какъ милостивымъ манифестомъ, такъ и особыми распоряженіями (прибавка выкупной суммы, выдача выкупныхъ суммъ безъ вычета долговъ бывшимъ кредитнымъ установленіямъ), если присоединить къ этому нѣкоторыя другія обстоятельства, также относящіяся къ послѣднему времени, то все-таки утвердительный отвѣтъ на вопросъ, приведенный нами выше, о „дворянскомъ принципѣ" едва-ли возможенъ. Для того, чтобы торжество „дворянскаго принципа" не было явленіемъ эфемернымъ, для того, чтобы этотъ принципъ не только мелькнулъ на горизонтѣ, но и проникъ въ дѣйствительность, пустилъ въ ней сколько-нибудь глубокіе корни, необходимо одно существенно-важное условіе: способность дворянства, какъ сословія, къ выдающейся роли въ государственной жизни. Наше прошедшее, отдаленное и ближайшее, говоритъ противъ наличности этого условія. Не будемъ восходить слишкомъ далеко назадъ, къ эпохѣ крѣпостного права; не станемъ останавливаться на томъ, какъ воспользовалось дворянство правами, данными ему императрицей Екатериной I; ограничимся короткимъ обзоромъ послѣдняго двадцатилѣтія. Вскорѣ послѣ освобожденія крестьянъ начинается цѣлый рядъ мѣръ, направленныхъ къ возвышенію дворянства, къ вознагражденію его — не матеріальному, а идеальному — за понесенную имъ потерю вліянія и власти. Земское положеніе предоставляетъ предводителямъ дворянства предсѣдательство въ земскихъ собраніяхъ; уставъ о воинской повинности отводитъ имъ первое мѣсто въ воинскихъ присутствіяхъ; вслѣдъ за этимъ они становятся предсѣдателями уѣздныхъ крестьянскихъ присутствій и училищныхъ совѣтовъ, какъ губернскихъ, такъ и уѣздныхъ. Дворянство призывается стать на стражѣ народной школы. Уѣздный предводитель возводится на степень перваго лица въ уѣздѣ; въ его рукахъ сосредоточивается, de jure, завѣдываніе нѣсколькими важными отраслями управленія, de facto — возможность вліянія на всѣ стороны его, безъ исключенія. Должность предводителя даетъ доступъ къ высшимъ ступенямъ административной лѣстницы. Къ чему же все это привело на самомъ дѣлѣ? Оживляются ли нынѣ дворянскія собранія, освобождаются ли они отъ вѣковыхъ традицій апатіи и лѣни? является ли множество кандидатовъ на званіе предводителя, изъ среды которыхъ дворянство легко можетъ набирать достойнѣйшаго? Стоитъ ли большинство предводителей на высотѣ своего положенія, оказывается ли имъ по силамъ широкое поприще, открытое передъ ними закономъ? Со времени призыва дворянства къ активному участію въ дѣлѣ народнаго образованія прошло уже почти десять лѣтъ; гдѣ видимые результаты этого участія? Воспользовались ли предводители положеніемъ своимъ въ крестьянскихъ присутствіяхъ, чтобы сблизиться съ

крестьянскимъ населеніемъ, пріобрѣсти его довѣріе, сдѣлаться защитниками его противъ эксплуатаціи и притѣсненій, совѣтниками его въ дѣлахъ хозяйственныхъ и экономическихъ? Помѣшали ли они крестьянскимъ присутствіямъ обратиться въ мертворожденныя учрежденія, въ гнѣзда формализма и бездѣйствія? Съумѣли ли они остаться беспристрастными посреди группъ, входящихъ въ составъ земскихъ собраній? Кто сколько-нибудь знаетъ провинціальную жизнь, тотъ не затруднится отвѣтомъ на всѣ эти вопросы. Несостоятельность мѣстнаго управленія и самоуправленія, вызвавшая сначала назначеніе сенаторскихъ ревизій, потомъ учрежденіе Кохановской коммиссіи, обусловливается, въ значительной степени, именно шаткостью или слабостью краеугольнаго камня, положеннаго въ основу цѣлаго зданія. Неудача, констатируемая нами, представляется естественнымъ послѣдствіемъ тѣхъ условій, которыя создала и продолжаетъ создавать вся наша общественная жизнь. Крѣпостное право было плохою школой не для однихъ только крестьянъ; власть, вытекавшая изъ него, давалась слишкомъ легко и осуществлялась слишкомъ произвольно, чтобы пріучить носителей ея къ правильной общественной дѣятельности. Роль дворянскихъ собраній была слишкомъ служебная, слишкомъ второстепенная, чтобы развить въ дворянахъ духъ солидарности, крѣпкія сословныя традиціи, сознаніе обязанности, соотвѣтствующей праву. Извѣстный девизъ: „noblesse oblige" не всегда былъ обязателенъ для нашего дворянства. Оно исполняло, конечно, требованія государства, но какое же сословіе у насъ ихъ не исполняло? Новая обстановка, тѣсно связанная съ освобожденіемъ крестьянъ, положила начало помѣщичьему или дворянскому абсентеизму, до сихъ поръ скорѣе усиливающемуся, чѣмъ ослабѣвающему. Вслѣдъ за этимъ дворянскія имѣнія стали переходить цѣлыми массами въ руки другихъ сословій. Сила, источникомъ которой служитъ землевладѣніе, ускользаетъ все больше и больше изъ рукъ дворянства. Удивительно ли, послѣ того, что оно не извлекло никакой пользы изъ привилегій, данныхъ личному, сравнительно крупному землевладѣнію какъ положеніемъ о земскихъ учрежденіяхъ, такъ и закономъ о судебно-мировомъ институтѣ? Удивительно ли, что вмѣсто соискательства на должность предводителя мы видимъ иногда отъискиваніе лица, согласнаго занять эту должность? Удивительно ли, что выборы, произведенные при такихъ или приблизительно такихъ обстоятельствахъ, рѣдко оказываются удачными? Весьма знаменателенъ, съ нашей точки зрѣнія, тотъ фактъ, что должность предводителя дворянства часто совмѣщается въ уѣздахъ съ должностью предсѣдателя земской управы. По мысли закона, обязанности предводителя должны быть отправляемы безвозмездно; предводитель, въ качествѣ предсѣдателя зем-

скаго собранія, долженъ стоять внѣ партій, не зависѣть отъ большинства, не имѣть личнаго интереса въ земскомъ дѣлѣ. Соединеніе въ одномъ лицѣ званій предводителя и предсѣдателя управы идетъ прямо въ разрѣзъ съ этою мыслью. Предводитель, получая жалованье отъ земства, становится какъ бы представителемъ большинства, отвѣтственнымъ исполнителемъ его рѣшеній и стороною въ томъ дѣлѣ, въ которомъ законъ хотѣлъ сдѣлать его безпристрастнымъ судьею. Всего чаще это ненормальное явленіе объясняется именно тѣмъ, что въ уѣздѣ нѣтъ дворянъ, достаточно обезпеченныхъ или достаточно безкорыстныхъ для безвозмездной службы. Измѣнить положеніе дѣлъ, постепенно сложившееся подъ вліяніемъ разнообразныхъ жизненныхъ условій, никто не въ силахъ; законъ можетъ дать дворянству тѣ или другія права, но не можетъ увеличить число лицъ, способныхъ и готовыхъ пользоваться дарованными правами. Прибавимъ ко всему этому, что образованіе все больше и больше перестаетъ быть монополіей дворянъ. Нѣсколько десятилѣтій тому назадъ въ ряды русской интеллигенціи входили, за немногими исключеніями, одни дворяне; теперь они едва ли составляютъ въ ней большинство, и пропорція каждый день измѣняется не въ ихъ пользу. Восемнадцатилѣтняя дѣятельность земства доказала съ полною ясностью преимущества безсословныхъ учрежденій передъ сословными и окончательно устранила возможность возвращенія къ порядку, рушившемуся въ первой половинѣ шестидесятыхъ годовъ. Попытки обратнаго движенія мыслимы, но совершенно немыслимъ ихъ прочный успѣхъ.

Гарантіей противъ временнаго торжества „дворянскаго принципа" выставляется иногда заботливость правительства объ интересахъ крестьянскаго сословія, еще недавно проявившаяся въ льготахъ милостиваго манифеста, въ новомъ шагѣ впередъ къ отмѣнѣ подушной подати, въ приступѣ къ пересмотру узаконеній о паспортахъ.

Принять это мнѣніе можно не иначе, какъ съ оговоркой. Всѣ мѣры, перечисленныя выше, касаются *экономическаго* положенія крестьянъ, попеченіе о которомъ совмѣстимо, до извѣстной степени, съ расширеніемъ *общественныхъ* привилегій высшаго сословія. Извѣстное выраженіе: „tout pour le peuple, rien par le peuple", никогда не получало и вѣроятно никогда не получитъ полнаго практическаго примѣненія—но варіаціи на эту тэму могутъ быть до безконечности разнообразны. Кое-что и даже довольно многое—безъ сомнѣнія можно дать народу, не призывая его къ самодѣятельности и даже усиливая положеніе сословій, выдѣляющихся изъ массы. Насколько уменьшается, при такой обстановкѣ, значеніе и сила самыхъ заботъ объ

экономическомъ положеніи народа—это другой вопросъ, въ разсмотрѣніе котораго мы теперь не входимъ.

Помимо постановленій, прямо или косвенно связанныхъ съ торжествомъ коронованія, конецъ законодательнаго періода 1882—83 г. былъ богатъ и другими перемѣнами или дополненіями дѣйствующихъ законовъ. Одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ между ними занимаетъ прекращеніе закавказскаго транзита. Наши протекціонисты возлагаютъ большія надежды на эту мѣру, ожидая отъ нея и пресѣченія контрабанды на Кавказской границѣ, и оживленія русской торговли съ Закавказьемъ, Персіей и средней Азіей. Въ какой степени осуществятся эти ожиданія—покажетъ будущее; прошедшее, во всякомъ случаѣ, не говоритъ за ихъ удобоосуществимость. Закавказскій транзитъ былъ уже однажды прекращенъ (съ 1831-го по 1846-ой г.), съ тою же цѣлью, какая имѣется въ виду въ настоящее время—и вновь открытъ именно потому, что надежды правительства не оправдались. Транзитъ западно-европейскихъ товаровъ направился на Трапезундъ, Эрзерумъ, Баязетъ и Тавризъ; значенія своего этотъ путь не потерялъ и послѣ возобновленія закавказскаго транзита, не потеряетъ его, безъ сомнѣнія, и теперь. Ничто не мѣшаетъ, далѣе, развитію транзита со стороны персидскаго залива, черезъ Багдадъ; прорытіе суэзскаго канала приблизило эту линію къ Средиземному морю. Въ непродолжительномъ времени можно ожидать открытія европейско-индѣйской желѣзной дороги, черезъ Малую Азію и Персію; какіе результаты оно будетъ имѣть для западно-европейской торговли въ Азіи—это не требуетъ поясненій. Изъ Индіи въ Среднюю Азію ведутъ многочисленныя дороги, стоящія внѣ вліянія закавказскаго транзита. Не лишено значенія, наконецъ, и то обстоятельство, что существованіе закавказскаго транзита не помѣшало развитію нашей торговли съ Персіею, достигшему своего максимума въ концѣ минувшаго десятилѣтія, одновременно съ наибольшимъ развитіемъ транзита; что касается до контрабандного водворенія на Кавказѣ западно-европейскихъ товаровъ, то оно достигало значительныхъ размѣровъ и въ эпоху запрещенія закавказскаго транзита—и это вполнѣ понятно, такъ какъ трапезундскій транзитный путь проходитъ, между Эрзерумомъ и Баязетомъ, въ весьма близкомъ разстояніи отъ нашей границы. Закавказскій транзитъ, въ томъ видѣ, въ какомъ онъ существовалъ въ послѣднее время, безспорно былъ сопряженъ съ существенными неудобствами; но устраненіе ихъ было возможно и безъ закрытія транзита. Такъ, напримѣръ, предупредить неправильный сбытъ, въ предѣлахъ Кавказа, допущенныхъ къ транзиту товаровъ

могло бы взиманіе со всѣхъ ввозимыхъ товаровъ таможенной пошлины, въ полномъ размѣрѣ, и возвращеніе ея только при вывозѣ тѣхъ же товаровъ за границу.

Измѣненіе существующихъ правилъ относительно открытія новыхъ акціонерныхъ коммерческихъ банковъ можетъ быть разсматриваемо какъ первый шагъ къ реформѣ, необходимость которой доказана цѣлымъ рядомъ печальныхъ событій. Всего важнѣе, въ нашихъ глазахъ, то правило новаго закона, которое допускаетъ правительственную ревизію банка не только по постановленію общаго собранія акціонеровъ, но и по требованію меньшинства, располагающаго въ общемъ собраніи не менѣе чѣмъ одною третью наличныхъ голосовъ и являющагося представителемъ не менѣе одной пятой части складочнаго капитала. Недостаточность этого правила едва ли можетъ подлежать какому-либо сомнѣнію. Практика нашихъ акціонерныхъ обществъ удостовѣряетъ, что оппозиція правленію — отъ которой только и можетъ исходить требованіе ревизіи, въ громадномъ большинствѣ случаевъ располагаетъ незначительнымъ числомъ голосовъ; соединить одну треть наличныхъ голосовъ ей будетъ весьма трудно, какъ бы справедливо и основательно ни было недовѣріе ея къ правленію. Нельзя не пожалѣть, далѣе, что требованіе ревизіи, по смыслу закона, можетъ быть заявлено только въ общемъ собраніи; общія собранія бываютъ рѣдко, бо́льшею частью только разъ въ годъ—а потребность въ ревизіи можетъ быть до крайности неотложной. Гораздо правильнѣе было бы, кажется, предоставить акціонерамъ право *во всякое* время просить о назначеніи ревизіи и сдѣлать исполненіе этой просьбы обязательнымъ, если она поддержана въ общемъ собраніи одною десятою (примѣрно) частью наличныхъ голосовъ или подписана, внѣ общаго собранія, акціонерами, располагающими одною двадцатою частью складочнаго капитала. Съ другой стороны, въ правильномъ веденіи банковаго дѣла, а слѣдовательно въ назначеніи ревизіи, заинтересованы не одни акціонеры банка, но и вкладчики его, лица, имѣющія въ немъ текущій счетъ и т. п.; право требовать ревизіи необходимо было бы предоставить, при извѣстныхъ условіяхъ, и этимъ лицамъ. Значеніе разбираемаго нами правила сводится, такимъ образомъ, исключительно къ тому, что оно полагаетъ начало правительственному надзору за частными банками, пробиваетъ брешь въ китайской стѣнѣ, окружавшей до сихъ поръ дѣятельность банковъ. Доказательство тому, что на этомъ не остановится однажды предпринятое дѣло, мы видимъ въ слѣдующей (14-ой) статьѣ закона, подчиняющей банки тѣмъ правиламъ контроля со стороны правительства, которыя будутъ установлены въ законодательномъ порядкѣ.

Мы заключаемъ отсюда, что правительственный контроль надъ банками сдѣлается явленіемъ постояннымъ, нормальнымъ, что правительственная ревизія банковъ будетъ производиться, какъ періодически, такъ и внезапно, не только по требованію акціонеровъ, но и независимо отъ ихъ просьбы. Только тогда получатъ дѣйствительную силу и остальныя правила новаго закона—о минимумѣ наличныхъ суммъ, о максимумѣ обязательствъ банка и кредитовъ, имъ открываемыхъ, объ образованіи и храненіи запаснаго капитала. Безъ надзора со стороны правительства всѣ эти правила слишкомъ легко могутъ остаться мертвой буквой.

Запрещеніе лицамъ, занимающимъ административныя должности въ одномъ изъ банковъ или обществъ взаимнаго кредита, занимать такія же должности въ другихъ кредитныхъ учрежденіяхъ, государственныхъ и частныхъ, привѣтствуется нами не только какъ мѣра, полезная и разумная сама но себѣ (чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только припомнить исторію с.-петербургскаго общества взаимнаго кредита, въ связи съ исторіей государственнаго банка), но и какъ предзнаменованіе другой, болѣе широкой реформы. Разбирая недавно проектъ желѣзно-дорожнаго устава, мы имѣли уже случай указать на вредныя стороны кумуляціи должностей — государственныхъ и частныхъ, — процвѣтающей въ нашемъ акціонерномъ мірѣ. Пора положить ей конецъ, не на одномъ пунктѣ, а на всѣхъ, не съ оговорками и ограниченіями, а рѣшительно и прямо. Достоинство новыхъ правилъ заключается въ томъ, что совмѣщеніе административныхъ должностей въ двухъ банковыхъ учрежденіяхъ запрещено ими абсолютно, а не поставлено только въ зависимость отъ разрѣшенія начальства; недостатокъ ихъ мы видимъ въ томъ, что запрещеніе не распространено на всѣхъ должностныхъ лицъ извѣстнаго класса или разряда. Всего удобнѣе, впрочемъ, было бы сдѣлать запрещеніе послѣдняго рода предметомъ особаго закона, примѣнимаго ко всѣмъ безъ различія акціонернымъ обществамъ.

Для насъ не совсѣмъ ясно, почему дѣйствіе этихъ правилъ 5-го апрѣля ограничено *вновь учреждаемыми* акціонерными коммерческими банками. Ничто не мѣшало бы распространить ихъ съ одной стороны на общества взаимнаго кредита (которыхъ и касается статья 8-ая), городскіе общественные банки и частныя банкирскія конторы (съ нѣкоторыми измѣненіями въ деталяхъ, сообразно съ особенностями каждаго вида банковыхъ учрежденій), съ другой стороны — на всѣ существующія банковыя учрежденія. Уставы частныхъ банковъ принадлежатъ, безъ сомнѣнія, къ числу тѣхъ сепаратныхъ законовъ, измѣненіе и дополненіе которыхъ безусловно зависитъ отъ усмотрѣнія законодательной власти. Необходимость постановленій, вошед-

нихъ въ составъ закона 5-го апрѣля, доказана именно практикою существующихъ банковъ; странно было бы сохранить безъ перемѣны именно то, что всего болѣе нуждается въ преобразованіи.

Будущность лицъ, служащихъ земству, оставалась до сихъ поръ, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, ничѣмъ не обезпеченною; а между тѣмъ, къ числу этихъ лицъ принадлежитъ масса народныхъ учительницъ и учителей, фельдшеровъ и фельдшерицъ, скудное жалованье которыхъ почти вовсе не допускаетъ добровольныхъ сбереженій. Обнародованныя недавно главныя основанія учрежденія земскихъ эмеритальныхъ кассъ облегчаютъ для земства заботливость о труженикахъ земскаго дѣла, и вмѣстѣ съ тѣмъ возлагаютъ на земство нравственную обязанность не медлить дольше установленіемъ эмеритуры. Нельзя не пожалѣть только, что учрежденіе эмеритальной кассы (отдѣльной для каждой губерніи) поставлено въ зависимость отъ согласія *всѣхъ* уѣздныхъ земскихъ собраній и что къ обязательному участію въ кассѣ не привлечены лица, занимающія выборныя по земству должности. Первое условіе можетъ затормазить, безъ всякой разумной причины, открытіе эмеритальныхъ кассъ, а второе — значительно уменьшить ихъ средства, освобождая отъ участія въ платежѣ именно тѣхъ, которые получаютъ сравнительно бо́льшее вознагражденіе и сравнительно легко могутъ удѣлить часть его на земское дѣло. Намъ кажется также, что для успѣшнаго хода дѣла необходимо было бы содѣйствіе государства, ни чуть не меньше, чѣмъ земства, заинтересованнаго въ дѣятельности народныхъ учителей и мировыхъ судей. Чѣмъ меньше участниковъ въ эмеритальной кассѣ, тѣмъ рискованнѣе ея положеніе, тѣмъ легче могутъ запутаться ея финансовыя дѣла. Уменьшить рискъ, обезпечить солидность предпріятія могла бы именно правительственная помощь, возрастающая обратно пропорціонально средствамъ губерніи и прямо пропорціонально неблагопріятнымъ случайностямъ, затрудняющимъ положеніе той или другой эмеритальной кассы.

НОВОЕ ДВИЖЕНІЕ ПОДАТНОЙ РЕФОРМЫ.

Замѣтка.

Состоявшееся 14-го мая, новое сложеніе части подушной подати показываетъ, что дѣло податной реформы, наконецъ, серьёзно двинулось впередъ.

Всѣ остававшіеся еще не освобожденными отъ этой подати безземельные крестьяне, а также фабричные и заводскіе — теперь отъ нея освобождаются. Всѣ бывшіе помѣщичьи крестьяне, а въ нѣкоторыхъ избранныхъ мѣстностяхъ (самарской и смоленской губерніи, почти всей новгородской губерніи; холмскомъ, великолуцкомъ и торопецкомъ уѣздахъ — псковской; мглинскомъ и суражскомъ—черниговской; варнавинскомъ и ветлужскомъ—костромской, и чердынскомъ — пермской губерніи) и всѣ прочіе плательщики—получили убавку подати на половину. Всѣ остальные плательщики облегчены на 10%. Въ составъ этой послѣдней категоріи входятъ бывшіе государственные крестьяне, удѣльные, остзейскіе, колонисты, малороссійскіе казаки и т. под. Такимъ образомъ, настоящая податная мѣра коснулась всего податного населенія, и это придаетъ ей очень широкое значеніе. Но наибольшая выгода выпала на долю бывшихъ крѣпостныхъ, положеніе которыхъ дѣйствительно заслуживаетъ преимущественнаго вниманія.

Широтою своего распространенія и крупностью въ финансовомъ отношеніи нынѣшнее сложеніе подушной подати далеко оставляетъ за собою прошлогодній, первый шагъ податной реформы, при которомъ совсѣмъ освобождены были отъ податей только мѣщане, да двѣ группы крестьянъ: безземельные и получившіе четверть надѣла. Прошлогодній шагъ былъ важенъ, какъ выраженіе принципа, какъ положеніе „начала" большому дѣлу; нынѣшній же—затронулъ уже главную часть податного бремени, уменьшивъ его болѣе чѣмъ на четверть, какъ то показываетъ цифровой разсчетъ: до прошлогодняго облегченія общая масса подушныхъ податей составляла около 50 милліоновъ рублей въ годъ; въ прошломъ году эта масса уменьшена на $3^1/_2$ милліона, а теперь уменьшается болѣе чѣмъ на 16 милліоновъ.

Итакъ, дѣло, недававшееся намъ болѣе двадцати лѣтъ и вызывавшее одни безплодныя измышленія, въ видѣ неудачныхъ проектовъ, наконецъ, дается въ руки. Значитъ, всѣ встрѣчавшіяся затруд-

женія были призрачными; просто не хватало твердой рѣшимости и энергіи провести податную реформу у руководителей этого дѣла. Стоило серьёзно рѣшиться, стоило захотѣть серьёзно двинуть дѣло —и оно двинулось, да притомъ еще въ одну изъ неблагопріятнѣйшихъ въ финансовомъ отношеніи эпохъ. Можно ли, напримѣръ, сравнивать степень благопріятности финансоваго положенія нашего для дѣла податной реформы въ настоящее время или въ какомъ-нибудь 1873 или 1874 годахъ, когда государственные бюджеты заключались безъ дефицитовъ, кредитный рубль былъ дешевле металлическаго всего на пятиалтынный, и не было еще произведено тѣхъ громадныхъ государственныхъ займовъ, какіе были вызваны разсчетами за дорогую турецкую войну 1877 года? И однако призраки, и недостатокъ рѣшимости тогда рѣшительно затормозили дѣло, и заботы о податной реформѣ имѣли результатомъ лишь одну переписку, безплодное сочинительство и изводъ казенныхъ денегъ на эти упражненія. Урокъ поучительный. Пусть еще прибавится рѣшимости—и, можетъ быть, удалось бы справиться и съ другими народно-экономическими вопросами, попавшими въ длинный ящикъ.

Тормозилось дѣло еще и вслѣдствіе ошибочности самой постановки податного вопроса, съ устраненіемъ которой теперь задача много облегчилась. Прежде вопросъ ставился въ томъ смыслѣ, что нужно избавиться отъ подушной *системы* податей. Избавляться отъ системы значило—отмѣнить *всю* подушную подать разомъ, а она представляла массу въ 60 милліоновъ рублей. Гдѣ было государству отыскать разомъ такой крупный денежный источникъ? Меньшія суммы находились, а бóльшая оставалась искомою; и вотъ въ ожиданіи большой, меньшія, по мѣрѣ своего появленія, получали другое назначеніе, а податная реформа не двигалась съ мѣста. Нужно было обратиться къ другому пріему, и—главное—принять во вниманіе различія экономическаго положенія плательщиковъ: не всѣ они одинаково обременялись подушною податью; въ отношеніи къ однимъ эта подать представляла только неудобную *форму*, а другимъ—просто не давала жить, тѣсня ихъ и прямо, какъ тяжелый налогъ,—и косвенно, —какъ источникъ разныхъ стѣсненій, мѣшающихъ передвиженію и промысламъ, какъ поводъ къ разорительнымъ займамъ, дешевой запродажѣ труда и еще болѣе разорительнымъ способамъ взысканія недоимокъ. И теперь подушная подать далеко не всѣмъ одинаково тяжела; есть массы плательщиковъ, для которыхъ она вовсе не тяжела и которые безъ вреда могли бы сохранить обязанность уплачивать прежнія суммы, подъ тѣмъ или другимъ видомъ, между тѣмъ какъ остальнымъ необходимо нужно избавиться отъ подушныхъ податей. Требовалось принять въ надлежащее вниманіе это различіе

условій и взять за правило—отмѣнять подушную подать *по частямъ*, по мѣрѣ средствъ къ тому, освобождая одну группу за другою, начиная съ наиболѣе обремененныхъ. Только въ самые послѣдніе годы признана была, наконецъ, цѣлесообразною подобная реформа „по частямъ", и дѣло пошло.

Нынѣшняя система, въ отношеніи къ податной реформѣ, какъ показываютъ факты, состоитъ въ слѣдующемъ: настойчиво изыскивать новые источники доходовъ, не пренебрегая и мелкими, и облагая по преимуществу дѣйствительные доходы и болѣе состоятельныхъ плательщиковъ; по мѣрѣ же отысканія такихъ источниковъ,—на представляемую ими сумму уменьшать податные оклады, принимая въ разсчетъ различіе экономическихъ условій плательщиковъ. При такой системѣ предположено непремѣнно отмѣнить подушную систему въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ; и сдѣланные до сихъ поръ въ этомъ отношеніи шаги показываютъ, что дѣло не отстаетъ отъ слова.

Какъ слышно, средства для настоящаго податного шага отыскиваются: въ увеличеніи поземельнаго всесословнаго налога, въ поднятіи цифры налога съ городскихъ недвижимыхъ имуществъ, въ измѣненіи пошлинъ за право торговли (облагающихъ теперь какія-то фантастическія величины, напримѣръ,—гильдіи), въ увеличеніи крѣпостныхъ пошлинъ посредствомъ болѣе правильной оцѣнки переходящихъ недвижимыхъ имуществъ, и въ увеличеніи патентнаго и подобныхъ ему сборовъ. Набралось такихъ суммъ по разсчету на 16 милліоновъ — и столько же снимается съ народа подушной подати; когда наберутся другіе такіе источники—послѣдуютъ новые податные шаги. А что они должны набраться, на это указываютъ хотя бы, напримѣръ, условія поземельнаго налога; этотъ налогъ установленъ 11 лѣтъ тому назадъ въ крайне легкомъ размѣрѣ, составлявшемъ около 1 процента съ чистаго дохода отъ земли. Съ тѣхъ поръ земельные доходы увеличились почти вдвое, а налогъ все остается въ прежнемъ размѣрѣ. Не грѣхъ бы увеличить его теперь хоть втрое, потому что и тогда онъ составилъ бы лишь около 2% съ чистаго дохода, а между тѣмъ теперь предполагается пока увеличить поземельный налогъ едва лишь около полутора раза. Если опасаются *рѣзкости* перехода отъ ничтожнаго размѣра къ болѣе значительному, то едва ли такое опасеніе правильно: во-первыхъ, подобныя рѣзкости переходовъ не останавливаютъ измѣненій въ налогахъ на другіе предметы, а во-вторыхъ—ни по одному предмету доходы такъ быстро не увеличивались, какъ поземельные доходы. Тутъ и упадокъ кредитнаго рубля повелъ къ увеличенію дохода. Деньги подешевѣли, хлѣбъ вздорожалъ — и доходы отъ земли поднялись. Да, наконецъ, развѣ увеличеніе *государственнаго* налога на земли можетъ сильно

почувствоваться владѣльцами земли, когда этотъ налогъ тонетъ въ массѣ другихъ поземельныхъ сборовъ? Гдѣ, напримѣръ, государственный налогъ составляетъ 10 коп. съ десятины — тамъ земскіе сборы иногда составляютъ 40 коп.; расширеніе земскихъ смѣтъ способно гораздо сильнѣе измѣнить общую сумму платежныхъ окладовъ, чѣмъ удвоеніе государственнаго сбора. Какой же будетъ рѣзкій переходъ, если владѣлецъ десятины, приносящей 10 или 12 рублей дохода, станетъ платить всѣхъ поземельныхъ сборовъ вмѣсто 50-ти коп. — 60 коп.? Вѣдь вся предполагаемая рѣзкость коснется лишь пятой части налога, слѣдовательно въ общей массѣ его перемѣна останется незамѣтною. И развѣ это будетъ замѣтное ослабленіе рѣзкости, если, вмѣсто 60 коп., съ плательщика возьмутъ только 55 коп., причемъ можетъ быть тутъ же другіе сборы возьмутъ всю разницу. Вовсе не „государственные“ налоги съ земли чувствительны. Такимъ образомъ, въ поземельномъ налогѣ можно предполагать еще милліоновъ на пять удобнаго запаса для слѣдующаго податного шага.

Сколько бы однако ни отыскивалось средствъ для дальнѣйшихъ шаговъ податной реформы—всего важнѣе то, *какъ* эти средства будутъ употребляться для дѣла. Если рѣшено въ принципѣ преимущественно облегчать наиболѣе обремененныхъ, то на первый планъ выступаетъ вопросъ о правильномъ распредѣленіи плательщиковъ на группы и правильной разстановкѣ этихъ группъ на очереди. Коль скоро эта послѣдняя задача будетъ рѣшена—не только скорѣе получатся благія экономическія послѣдствія отъ податныхъ облегченій, но и самый размѣръ средствъ, нужныхъ для реформы, чувствительно сократится. Послѣднее обстоятельство, въ свою очередь, заслуживаетъ особеннаго вниманія. Выше сказано уже, что не для всѣхъ плательщиковъ подушная подать тяжела, что въ отношеніи ко многимъ она не хороша собственно по своей душевой формѣ. Слѣдовательно, на этихъ, наиболѣе зажиточныхъ плательщикахъ размѣръ налога могъ бы быть еще оставленъ до времени наступленія лучшихъ финансовыхъ обстоятельствъ, только съ переложеніемъ его на какія-нибудь другія единицы. Нуждается ли, напримѣръ, въ скидкѣ податного рубля новороссійскій или поволжскій колонистъ, имѣющій на душу 10 десятинъ и платящій за эту землю оброчной подати по 39 коп. за десятину, когда рядомъ съ нимъ мужикъ, сидящій на $1^1/_2$ десятинѣ, платитъ по $2^1/_2$ р. за десятину одного выкупного платежа? Такіе же вопросы могутъ быть поставлены и въ отношеніи къ нѣкоторымъ государственнымъ крестьянамъ, хорошо надѣленнымъ и сравнительно дешево обложеннымъ. Снимите съ колониста рубль податей—онъ только положитъ этотъ рубль въ карманъ, вдобавокъ къ сотнѣ другихъ рублей, полученныхъ отъ поземельнаго дохода; какія

же получатся благія экономическія послѣдствія отъ подобнаго положенія колонистомъ въ карманъ лишняго рубля—этого не опредѣлитъ и самый хитрый экономистъ. Стоитъ ли торопиться со скидкою подобныхъ рублей или даже частей рубля, когда у насъ есть много крайне нуждающихся въ освобожденіи? Дѣлать подобныя скидки —не значило ли бы кормить сытаго на счетъ голоднаго? Выключивъ налоги болѣе сытыхъ группъ, могущіе быть пока оставленными на прежнихъ плательщикахъ и переложенными только на другія единицы, вмѣсто душъ (хотя бы на землю), мы получимъ уже значительно меньшую массу податей, требующую скорой отмѣны; задача реформы уменьшится и съ вреднымъ экономическимъ вліяніемъ нынѣшней податной системы покончено будетъ скорѣе.

Для бóльшаго поясненія, не лишнимъ будетъ привести цифровыя данныя о существующей массѣ подушныхъ сборовъ. Въ началѣ нынѣшняго года, т.-е. до совершившагося 14 мая шага податной реформы, эта масса представлялась въ слѣдующемъ видѣ:

9½ милліоновъ душъ бывшаго крѣпостного населенія платили	21½	милл. руб.
10 милліоновъ бывшихъ государственныхъ крестьянъ	25½	„ „
Болѣе милліона душъ крестьянъ удѣльныхъ	2½	„ „
Полмилліона остзейскихъ крестьянъ	1¼	„ „
Около 600 тысячъ душъ малороссійск. казаковъ	1½	„ „
Около 200 тысячъ душъ колонистовъ	½	„ „
Башкиры и др. инородцы	1	„ „
Бессарабскіе поселяне	⅚	„ „
Разные другіе плательщики	½	„ „
Всего	55	милл. руб.

Бывшіе крѣпостные крестьяне, конечно, нуждаются въ наиболѣе скорѣйшемъ облегченіи, такъ какъ земли у нихъ меньше, а платятъ они за нее дороже. Но при этомъ они еще различаются между собою по степени невыгодъ: значительная часть ихъ не имѣетъ полнаго надѣла и, вслѣдствіе усиленнаго обложенія выкупными платежами „первыхъ" десятинъ, облагается высшими подесятинными повинностями за худшее устройство. Другая часть владѣетъ большимъ количествомъ десятинъ, платя за нихъ дешевле. Если взять имѣющихъ меньше половины надѣла, то ихъ наберется болѣе милліона душъ, съ которыхъ податей сходитъ до 3 милліоновъ рублей. Затѣмъ около полумилліона душъ, находящихся въ подобномъ положеніи, найдется между государственными крестьянами. Вотъ группы, которыя по всему имѣютъ право на скорѣйшее и полное освобожденіе отъ податей. Нужно также дать льготу и значительной части остзейскихъ крестьянъ, вообще какъ-то забываемыхъ, такъ какъ между ними огромная масса—беземельные батраки. Но колонисты и часть быв-

шихъ государственныхъ крестьянъ положительно могутъ подождать податныхъ измѣненій и сохранить размѣръ своихъ повинностей въ томъ или другомъ видѣ. Если между государственными крестьянами признать за количество, находящееся въ подобномъ положеніи, двѣ трети, то въ виду приведенныхъ выше цифръ можно заключить, что часть подушныхъ податей, не требовавшая немедленной отмѣны и могшая быть оставленною на прежнихъ плательщикахъ, съ переложеніемъ хоть на землю, составляла около 17 или 18 милліоновъ рублей; слѣдовательно, изъ общаго итога податей, остававшихся къ началу настоящаго года, на близкія очереди къ отмѣнѣ можно было бы поставить только около 35—40 милліоновъ рублей. Вотъ съ этими необходимо расправиться поскорѣе, и прежде всего—съ податьми мало надѣленныхъ. Разумѣется, мы дѣлаемъ лишь приблизительный разсчетъ, потому что нашей задачи не составляютъ точныя вычисленія, да и данныхъ для полной точности подъ рукою нѣтъ.

Чтобы еще болѣе уяснить разницу положеній отдѣльныхъ плательщиковъ, сдѣлаемъ сравненіе четырехъ ихъ типовъ: колониста, хорошо надѣленнаго государственнаго крестьянина и бывшаго помѣщичьяго на полномъ и неполномъ надѣлѣ.

Херсонскій колонистъ имѣетъ на душу 10 десятинъ надѣла хорошей земли и платитъ за десятину 39 коп.

Воронежскій государственный крестьянинъ имѣетъ на душу 6 десятинъ земли и платитъ за десятину 71 коп.

Воронежскій же бывшій крѣпостной, получившій полный надѣлъ, имѣетъ 3 десятины и платитъ за десятину 2 р. 7 к.

Воронежскій же бывшій крѣпостной на $^1/_3$ надѣла имѣетъ одну десятину и платитъ за нее 2 р. 60 к.

Сопоставленіе—очень краснорѣчивое; ясно, что всякая льгота, даваемая первому и второму и уменьшающая выгоды третьяго и четвертаго, представляетъ кормленіе пресыщеннаго и сытаго на счетъ питающагося впроголодь и голоднаго. Малонадѣльные,—эти поистинѣ, „труждающіеся и обремененные",—должны быть прежде всего успокоены освобожденіемъ отъ своего налога. И пока они не освобождены—всѣмъ прочимъ слѣдовало бы ждать, не претендуя и на ограниченныя сбавки.

Это начало было признано государственнымъ совѣтомъ въ прошломъ году, при первомъ шагѣ сложенія податей. Найдено было необходимымъ: сообразоваться со степенью обремененія податныхъ сословій *всею совокупностью* лежащихъ на нихъ платежей и, каждый разъ, распространять сложеніе подати на цѣлую *категорію* плательщиковъ или на опредѣленные районы мѣстностей. Примѣненіе такого

начала выразилось въ 1882 году *полнымъ* освобожденіемъ отъ подушной подати трехъ категорій: мѣщанъ, приписанныхъ къ волостямъ безземельныхъ и крестьянъ, состоящихъ на даровой четверти надѣла. Слѣдовало ожидать, что это начало будетъ послѣдовательно проводимо и при дальнѣйшихъ облегчительныхъ актахъ.—При оцѣнкѣ нынѣшняго, второго акта податной реформы, прежде всего возникаетъ вопросъ—насколько въ немъ выдержано означенное начало? Но вотъ, выходитъ на повѣрку, что послѣднее уже сдѣлало значительную уступку другому началу: сложеніе подати коснулось теперь не наиболѣе нуждающихся только, а *всѣхъ* вообще плательщиковъ, хотя и въ неодинаковой степени. Стало быть, при огромномъ преимуществѣ нынѣшней податной мѣры предъ прошлогоднею въ общемъ размѣрѣ, эта мѣра уступаетъ прошлогодней въ принципіальномъ отношеніи, и выражаетъ нѣкоторое колебаніе въ выборѣ пріема податной реформы, выборѣ, казалось, уже сдѣланнымъ безповоротно.

Въ самомъ дѣлѣ, положеніе крестьянъ, не имѣющихъ полнаго надѣла, повидимому, давало имъ достаточное право на совершенное освобожденіе отъ подати; это положеніе иногда бываетъ хуже положенія сидящихъ на четверти надѣла и освобожденныхъ уже годъ назадъ, такъ какъ, напримѣръ, разница между $^1/_3$ и $^1/_4$ надѣла ничтожна, а между тѣмъ $^1/_4$ получена даромъ, а $^1/_3$—за усиленные выкупные платежи. Однако обладатели неполныхъ надѣловъ совершеннаго освобожденія не получили, а только воспользовались, наравнѣ съ получившими полный надѣлъ, сбавкою половины податного оклада. Съ другой стороны, вся масса государственныхъ, удѣльныхъ, остзейскихъ крестьянъ, колонистовъ, малороссійскихъ казаковъ и т. п. воспользовалась скидкою 10% съ своихъ окладовъ,—скидкою, которая для большинства этой массы останется нечувствительною и вовсе не вызывалась его экономическимъ положеніемъ. Какъ видно изъ приведенныхъ выше цифръ, средній душевой окладъ подати государственныхъ крестьянъ и колонистовъ составляетъ около 2 руб. 50 к., слѣдовательно изъ нихъ каждая душа теперь воспользовалась скидкою въ четвертакъ. Что̀ значитъ этотъ четвертакъ для обладающаго 5 или 6 десятинами чернозема государственнаго крестьянина или для владѣющаго десяткомъ десятинъ колониста, который обработываетъ свою землю наемнымъ трудомъ, и то и дѣло покупаетъ да покупаетъ себѣ новыя земли у частныхъ владѣльцевъ? Не представляютъ ли всѣ эти четвертаки истинной потери для дѣла податного преобразованія? Будь эти четвертаки отнесены на счетъ какого-нибудь избытка финансовыхъ средствъ—это было бы понятно; но можетъ ли быть рѣчь объ избыткахъ, когда получившіе небольшія частицы полнаго надѣла и платящіе усиленные выкупные платежи, бывшіе

помѣщичьи крестьяне, оставлены еще при податяхъ, хотя бы уменьшенныхъ?

Оставленіе части податей состоящимъ на половинѣ и трети надѣла представляетъ самую неудачную долю настоящей податной мѣры, требующую скорѣйшаго исправленія. Въ виду ея невольно возникаетъ вопросъ: а можетъ быть, безъ нея нельзя было обойтись, можетъ быть, упомянутые выше четвертаки вовсе не такъ велики въ общей массѣ, чтобы о нихъ стоило слишкомъ жалѣть? Для выясненія этого обстоятельства возьмемся опять за цифры, и на основаніи вышеприведенныхъ данныхъ распредѣлимъ общую массу произведеннаго сложенія по группамъ:

Освобожденіе отъ подати остатка безземельныхъ, фабричныхъ и заводскихъ крестьянъ представляетъ сумму приблизительно въ 1 милліонъ рублей.

Уменьшеніе на половину податей бывшихъ крѣпостныхъ крестьянъ $10^1/_4$ милліона руб.

Такое же уменьшеніе на половину податей всѣхъ прочихъ крестьянъ исключительныхъ мѣстностей (онѣ поименованы въ началѣ статьи)—$1^1/_4$ мил. руб.

Десяти-процентная скидка для государственныхъ крестьянъ (не считая исключительныхъ мѣстностей) $2^1/_4$ милліона.

Такая же скидка для удѣльныхъ крестьянъ около $^1/_4$ милліона руб. Та же скидка для Остзейскихъ $^1/_8$ мил. р. Та же скидка для колонистовъ 50 тыс. руб. Та же скидка для малорос. казаковъ $^1/_8$ мил. руб. Та же скидка для прочихъ плательщиковъ $^1/_4$ мил. руб.

Выходитъ, что всѣ десяти-процентныя скидки (т.-е. четвертаки) въ совокупности составляютъ около 3 милліоновъ рублей. Изъ этой суммы около $^3/_4$ или по крайней мѣрѣ $^2/_3$ придется на такихъ плательщиковъ, которые положительно въ состояніи ждать облегченій и не почувствуютъ сдѣланнаго имъ облегченія, слѣдовательно, долю этихъ послѣднихъ въ дѣлежѣ общей суммы податного облегченія надо считать не менѣе 2 милліоновъ рублей. Между тѣмъ на эту сумму можно было бы избавить малонадѣльныхъ бывшихъ крѣпостныхъ и государственныхъ крестьянъ и отъ остальной половины податей, на нихъ оставшейся. Выше, число такихъ крестьянъ мы приняли въ $1^1/_2$ милліона; такъ какъ на нихъ среднимъ числомъ приходилось около $2^1/_2$ рублей съ души, и отъ половины этихъ окладовъ они уже избавлены, то для полнаго обѣленія ихъ слѣдовало бы снять съ нихъ еще по рублю съ четвертакомъ, а для этого упомянутыхъ выше двухъ милліоновъ рублей положительно хватило бы.

Эти, уступленные не нуждающимся, два милліона—настоящая потеря для податного дѣла.

Теперь посмотримъ, въ какомъ положеніи остается наше податное дѣло послѣ податной мѣры 14 мая? Составъ остающихся теперь на плательщикахъ податей—слѣдующій:

На бывшихъ помѣщичьихъ крестьянахъ остается податей $10^{3}/_{4}$ милліона рублей, причемъ душевые оклады колеблются отъ 64 коп. до 1 р. 48 коп. На бывшихъ государственныхъ — около 22 милліоновъ рублей; душевой окладъ отъ 12 коп. до 2 р. 99 коп. На бывшихъ удѣльныхъ—2 милліона; окладъ 75 к.—2 р. 66 к. На Остзейскихъ — около 1 милліона, при окладѣ 1 р. 70—2 р. 63 к. На малороссійскихъ казакахъ—$1^{1}/_{2}$ милл., при окладѣ 2 р. 50 к.—3 р. На колонистахъ—450 тыс. руб., при окладѣ 1 р. 39 к.—2 р. 90 к. На прочихъ—$1^{3}/_{4}$ милл. руб., при окладѣ 40 к.—2 р. 70 к.

Всего выходитъ около 39 милліоновъ рублей. Если изъ этого количества исключить $^{2}/_{3}$ податей бывшихъ государственныхъ крестьянъ, подати колонистовъ, половины казаковъ и хотя одной трети удѣльныхъ (всѣ эти повинности, какъ выше сказано, могутъ еще подождать отмѣны или переложиться на другія единицы), то останется всего около 23 милліоновъ рублей, съ которыми необходимо покончить какъ можно скорѣе. Для этого надобно отыскать только въ полтора раза больше средствъ, чѣмъ ихъ нашлось въ нынѣшнемъ году. Отмѣнивъ эти подати, можно будетъ сказать, что существенная часть реформы уже сдѣлана и останется хлопотать объ удовлетвореніи второстепенныхъ и третьестепенныхъ нуждъ, или же просто замѣнять одну форму податей другою. Возьмемъ подушную подать, напримѣръ, колониста, разложимъ ее на землю послѣдняго, и она вмѣстѣ съ его поземельною оброчною податью будетъ далеко ниже доходности земли, причемъ не будетъ никакого повода говорить о непосильномъ обремененіи. То же можно будетъ сказать и относительно значительной части государственныхъ крестьянъ. Возьмемъ, напримѣръ, обладателя 4 или 5 десятинъ чернозема: его податной окладъ ляжетъ какими-нибудь 60 или 70 копѣйками на десятину, а между тѣмъ оброчная подать за десятину не на 60 копѣекъ меньше доходности, и при значительномъ надѣлѣ тоже нѣтъ повода говорить о дурномъ хозяйственномъ устройствѣ.

Отыскать 23 милліона рублей, конечно, задача серьезная, однако на значительную часть этой суммы и теперь уже указать можно. Одинъ государственный поземельный налогъ, какъ выше замѣчено, обѣщаетъ около 5 милліоновъ рублей. Такимъ образомъ, если предъ нами еще не совсѣмъ легкое дѣло, то все же можно сказать, что въ отношеніи къ податной реформѣ берегъ уже видѣнъ. Надобно только,

чтобы не прекращалась энергія въ стремленіи къ этому берегу и чтобы постоянно на первую очередь ставилось полное освобожденіе наиболѣе обремененныхъ, безъ примѣси сбавокъ для наименѣе нуждающихся.

Сдѣланное нами только-что заключеніе, впрочемъ, будетъ вѣрно въ томъ только смыслѣ, если ограничивать податную реформу отмѣною однѣхъ подушныхъ податей; но такое ограниченіе правильнымъ признавать нельзя. Нельзя еще забывать о выкупныхъ платежахъ, излишекъ которыхъ противъ доходности земли имѣетъ такое же экономическое значеніе, какъ и подушная подать, а этотъ излишекъ далеко еще не снятъ съ плательщиковъ. Рублевая скидка, произведенная въ 1881 году, пала одинаково на достаточныхъ и бѣдныхъ. Добавочное пониженіе платежей, произведенное вслѣдъ затѣмъ, дѣйствительно коснулось въ значительной части сѣверной Россіи и нѣкоторыхъ другихъ неплодородныхъ мѣстностей,—однако, не вполнѣ, и послѣ него все-таки во многихъ мѣстахъ удержалось превышеніе выкупными платежами доходности земли. Для многихъ, отмѣна излишка выкупныхъ платежей гораздо нужнѣе, чѣмъ отмѣна подушной подати. Вѣдь цѣль податной реформы не формальная, а экономическая; экономическій же результатъ непосильнаго платежа одинаковъ —будетъ ли послѣдній называться податью или выкупнымъ платежемъ. Самый правильный въ экономическомъ отношеніи пріемъ былъ бы въ смѣшеніи подати съ излишкомъ выкупныхъ платежей и въ постепенной отмѣнѣ общей ихъ массы. Но на эту стезю у насъ никакъ не удается поставить податное дѣло, и подати съ выкупными платежами продолжаютъ разсматриваться врозь. Пусть наконецъ будетъ и такъ: если почему-нибудь нельзя достичь болѣе правильной постановки вопроса, то по крайней мѣрѣ надобно чередовать шаги по отмѣнѣ подати съ шагами по сбавкѣ выкупныхъ платежей, не забывая о послѣднихъ, не считая, что съ ними уже порѣшено окончательно. Едва ли мы ошибемся, сказавъ, что при слѣдующемъ шагѣ слѣдовало бы непремѣнно коснуться новой сбавки выкупныхъ платежей; и если бы нашлась возможность допустить облегчительную мѣру милліоновъ на десять,—эту сумму можно было бы распредѣлить пополамъ между податью и выкупными платежами.

Въ заключеніе, необходимо обратить вниманіе на то, что настоящая податная мѣра сопровождается еще мѣрою другого рода: министру внутреннихъ дѣлъ предоставлено „войти въ соображеніе о тѣхъ измѣненіяхъ, которыя могутъ быть сдѣланы въ дѣйствующихъ правилахъ о *паспортахъ* и о *перечисленіи* лицъ податного состоянія изъ одного общества въ другое, съ цѣлью доставленія бо̀льшей свободы передвиженія *тѣмъ изъ сихъ лицъ, съ коихъ сло-*

жена подушная подать, и по надлежащемъ, съ кѣмъ слѣдуетъ, сношеніи внести предположенія свои по означенному предмету на утвержденіе въ установленномъ порядкѣ". Затронутъ, такимъ образомъ, вопросъ о паспортныхъ стѣсненіяхъ, давно уже напрашивающійся на очередь. Паспортныя стѣсненія держатся, главнымъ образомъ, въ качествѣ подпорки подушной податной системы, такъ какъ отказомъ въ выдачѣ паспортовъ заставляютъ взносить податныя недоимки. Уйдетъ человѣкъ на заработки, на сторону, податей не платитъ—тогда дернутъ паспортную уздечку, и человѣкъ, чтобы не быть безпаспортнымъ и отправленнымъ на родину, старается уплатить, что требуютъ. Выдача долговременныхъ документовъ на жительство, главнымъ образомъ, затрудняется податными соображеніями. Разумѣется, паспортная узда далеко не оправдываетъ тѣхъ надеждъ, какія на нее возлагаются, и вмѣстѣ съ тѣмъ тормозитъ промыслы, дѣлаетъ неизбѣжными прижимки и взятки учрежденіямъ, выдающимъ паспорты, но разстаться съ нею все-таки до сихъ поръ не признавалось возможнымъ. Съ отмѣною податей упраздняется и необходимость паспортной ихъ поддержки, почему совершенно естественно, что порученіе министру внутреннихъ дѣлъ изыскать способы къ достиженію большей свободы передвиженія—соединилось съ облегчительною податною мѣрою. Однако здѣсь и возникаетъ еще новый поводъ пожалѣть о томъ главномъ недостаткѣ новой податной мѣры, который указанъ выше: о несовершенной отмѣнѣ подати для владѣльцевъ неполныхъ надѣловъ, наиболѣе нуждающихся въ свободѣ передвиженія. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь новыя паспортныя облегченія касаются лишь тѣхъ, съ кого уже вполнѣ *сложена* подушная подать, а эти люди составляютъ только небольшую часть крестьянства: въ прошедшемъ году подать совсѣмъ сложена съ одного милліона душъ (не считая мѣщанъ, конечно), въ нынѣшнемъ она вполнѣ слагается съ полумилліона душъ (остальные безземельные, фабричные и заводскіе), стало быть паспортное облегченіе можетъ относиться спеціально къ $1\frac{1}{2}$—2 милліонамъ душъ, т.-е. почти къ пятнадцатой части крестьянства. Крестьяне съ половинными и третными надѣлами, какъ остающіеся еще при податныхъ окладахъ, хотя и уменьшенныхъ, по буквѣ состоявшагося распоряженія, остаются непричастными къ задуманному облегченію. А будь совсѣмъ снята съ нихъ подать—масса облегчаемыхъ въ паспортномъ отношеніи увеличилась бы вдвое. Насколько же малонадѣльнымъ нужна свобода передвиженій—объ этомъ въ нынѣшнемъ году снова напомнило намъ усиленное переселенческое движеніе, сопровождаемое яркими свидѣтельствами крайности положенія выселяющихся и обѣщающее къ концу лѣта представить болѣе громадную картину, чѣмъ въ какомъ-либо изъ

предшествовавшихъ годовъ. Тотъ же вопросъ о свободѣ передвиженія напоминаетъ и о невыгодѣ оставленія части крестьянъ при усиленныхъ выкупныхъ платежахъ, которые тормозятъ эту свободу еще больше, чѣмъ подати: послѣднія падаютъ на лицо, которое и уходя на сторону уноситъ съ собою обязанность платить ихъ, а выкупной платежъ связывается съ землею, слѣдовательно, изъ-за него одного будутъ задерживать людей на мѣстѣ, потому что—кто же возьметъ брошенную землю, когда за нее надо платить больше, чѣмъ она стоитъ?

Итакъ для будущихъ шаговъ податной реформы остается желать: 1) возстановленія принципа полнаго освобожденія отъ податей одной группы за другою, начиная съ малонадѣльныхъ крестьянъ и безъ преждевременнаго удѣленія не нуждающимся не только четвертаковъ, но и гривенниковъ; 2) сложенія части выкупныхъ платежей и 3) наиболѣе широкаго распространенія паспортныхъ облегченій.

Θ. В—ъ.

ПИСЬМА ИЗЪ ПРОВИНЦІИ.

Тифлисъ.—Іюль, 1883.

Въ эпоху реформъ прошедшаго царствованія, исторія Кавказа представляла собою постоянно одну замѣчательную особенность, имѣвшую рѣшительное вліяніе на судьбу этого края, а именно:—при примѣненіи къ Кавказу какого-либо новаго закона или учрежденія, всегда принимались въ соображенія „мѣстныя особенности" этого края. Для объясненія роли этихъ особенностей въ нашихъ судьбахъ, достаточно указать на одно то обстоятельство, что, благодаря имъ, Кавказъ сдѣлался еще болѣе изолированнымъ отъ преобразованной въ прошлое царствованіе Россіи. Эти „особенности" замедлили у насъ ходъ крестьянской реформы и воспрепятствовали ввести въ краѣ судебныя учрежденія, въ ихъ существенной части, съ судомъ присяжныхъ, съ выборными мировыми судьями, обвинительной камерой и пр. Эти же „особенности" не позволили народиться у насъ земскимъ учрежденіямъ, которыми пользуются внутреннія губерніи Россіи около 20 лѣтъ.

Каковы, однако-жъ, въ дѣйствительности эти особенности нашего края, которыя ставятъ его даже ниже Сибири: Сибирь, по случаю своего трехсотлѣтняго юбилея, все-таки получила теперь твердую надежду видѣть у себя введенными реформы прошлаго царствованія: насколько реальны эти особенности Кавказа и насколько онѣ устранимы или терпимы? Вотъ вопросы, отъ разрѣшенія которыхъ зависитъ вся будущность богатѣйшей русской окраины, представляющей собой въ настоящее время одинъ вопросительный знакъ какъ для мѣстныхъ жителей, погруженныхъ въ невѣжество и идущихъ быстрыми шагами къ обѣдненію, такъ и для остальной части государства, возложившаго на себя тяжелый и бездоходный грузъ, мѣшающій ему свободно двигаться. Нельзя не пожалѣть, что до сихъ поръ вопросы эти, поднимавшіеся неоднократно въ административныхъ сферахъ и разрѣшавшіеся тамъ различно, мало подвергались серьёзному изслѣдованію въ литературѣ: въ мѣстной — по свойственной ей робости, въ силу извѣстныхъ, дѣйствительно „мѣстныхъ особенностей“, а въ столичной — по некомпетентности ея въ дѣлахъ отдаленной окраины.

Главная кавказская особенность, по мнѣнію почти всѣхъ администраторовъ-изслѣдователей, заключается въ крайней дикости туземцевъ, неспособныхъ будто бы пользоваться благами европейской цивилизаціи. Въ доказательство, напримѣръ, невозможности ввести полную судебную реформу на Кавказѣ указываютъ на распространенность въ нашемъ краѣ лжесвидѣтельства на судѣ, благодаря чему оказывается невозможнымъ сколько-нибудь правильное отправленіе правосудія. Дѣйствительно, нельзя сказать, чтобъ наша жизнь не подавала поводовъ къ составленію подобнаго взгляда на состояніе мѣстной нравственности. Лжесвидѣтелей можно найти на всемъ Кавказѣ, несмотря на разноплеменность его населенія, такъ же легко, какъ находятъ въ остальной Россіи — „свидѣтелей“ по бракоразводнымъ дѣламъ; но наши очень дешевы: рыночная цѣна ихъ, какъ увѣряютъ, упала до 20 копѣекъ... Остановимся на этой особенности, чтобы по ней судить вообще о взглядахъ нашихъ мѣстныхъ наблюдателей и на всѣ другія особенности. Посмотримъ, такъ ли сильно распространено у насъ это позорное явленіе, и гдѣ скрывается его источникъ? Отъ правильнаго отвѣта на эти вопросы зависитъ разъясненіе и того, дѣйствительна ли или призрачна неспособность кавказцевъ къ гражданственности, т.-е. дѣйствительна ли или призрачна та именно особенность Кавказа, которую такъ часто любятъ подчеркивать дилеттанты-изслѣдователи, и которою любятъ оправдывать бюрократы принятіе мѣръ военной строгости въ такихъ случаяхъ, въ какихъ въ остальной Россіи дѣйствуютъ обыкновенные законы.

Лжесвидѣтельство является особенно любимой тэмой для всѣхъ суровыхъ приговоровъ, произносимыхъ надъ нашимъ малоизвѣстнымъ краемъ, и поэтому оно, по нашему мнѣнію, достойно болѣе внимательнаго изученія, чѣмъ то дѣлалось до сихъ поръ туристами и фельетонистами въ ихъ летучихъ замѣткахъ.

Прежде всего нужно признать, что утвердившееся въ нѣкоторой части общества представленіе о распространенности у насъ лжесвидѣтельства—крайне преувеличено. Разница между показаніями, данными одними и тѣми же лицами при полицейскомъ дознаніи, на предварительномъ слѣдствіи, и затѣмъ на судѣ, не можетъ еще служить достаточнымъ доказательствомъ намѣренной лживости этихъ показаній. Дѣло въ томъ, что сколько-нибудь правильно организованной сыскной полиціи у насъ не существуетъ, а обыкновенный личный составъ полиціи, иногда по недостатку времени, иногда же по нежеланію отвлечься отъ другихъ своихъ, менѣе головоломныхъ обязанностей, употребляетъ часто весьма нехитрый и допотопный способъ для открытія преступниковъ: всякое подозрительное лицо и окружающихъ его людей она подвергаетъ сильнымъ увѣщаніямъ, сажаетъ въ кутузку, страшитъ угрозами и производитъ давленіе иными путями до тѣхъ поръ, пока они не сознаются въ винѣ, на нихъ взводимой. Затѣмъ, добытыя такимъ образомъ показанія, съ нѣкоторою примѣсью истины, повторяются у судебнаго слѣдователя, который здѣсь является скорѣе агентомъ прокурора и сыщикомъ, чѣмъ суда. И удивительно ли послѣ этого, что на судѣ тѣ же обвиняемые и свидѣтели, свободные отъ полицейскаго произвола,—а послѣдніе, кромѣ того, подъ вліяніемъ присяги,—даютъ совершенно иныя показанія, чѣмъ при дознаніи и слѣдствіи. Оправданіе судомъ подобныхъ лицъ естественно вызываетъ раздраженіе въ полицейскихъ чинахъ, дѣйствія которыхъ не только признаются не правильными, но и прямо незаконными. Естественно, что въ подобныхъ случаяхъ слышатся со стороны полиціи упреки: лжесвидѣтели-молъ оправдали подсудимаго, и судъ имъ повѣрилъ! Вотъ откуда иногда вытекаетъ преувеличенное понятіе о распространенности на Кавказѣ лжесвидѣтельства.

Но съ другой стороны, нельзя отрицать, что это зло у насъ, къ сожалѣнію, довольно сильно пустило корни, и можно спорить лишь о томъ, гдѣ скрываются корни такого печальнаго явленія.

Обыкновенно лжесвидѣтельство на Кавказѣ принято объяснять религіозной и національной нетерпимостью и вообще глубокимъ невѣжествомъ, недопускающимъ правильнаго пониманія значенія суда. Предполагаютъ, что мусульманинъ никогда не покажетъ на судѣ противъ своего единовѣрца и въ пользу гяура. Предполагаютъ, что

многочисленныя племена, населяющія Кавказъ, до того враждебны другъ къ другу, что преступленіе противъ иноплеменника считается у нихъ не преступленіемъ, а подвигомъ. Предполагаютъ, что туземцы до того неразвиты, что на тяжкія преступленія смотрятъ какъ на частныя правонарушенія, которыя можно кончать миромъ по соглашенію потерпѣвшей стороны съ преступникомъ, безъ всякаго вмѣшательства суда.

Но въ дѣйствительности, въ массѣ народа трудно замѣтить такую религіозную и племенную вражду, которая уничтожала бы въ немъ чувство справедливости. Да и сама природа раздѣлила нашъ край и живущія въ немъ народности такими рѣзкими границами, какъ высокія горы, густые лѣса, глубокіе овраги, которые не способствуютъ частому передвиженію населенія и не сталкиваютъ между собою различныхъ племенъ. Исключеніе составляютъ только армяне, которые разсѣяны по всему Кавказу, но которые вмѣстѣ съ тѣмъ хорошо извѣстны своей уживчивостью среди всякой чуждой имъ народности.

Въ этомъ отношеніи особенно дорого свидѣтельство одного изъ мѣстныхъ мировыхъ судей, грузина г. Гвиніева, сообщавшаго въ „Юридическомъ Обозрѣніи" слѣдующія интересныя свѣдѣнія о тѣхъ мѣстностяхъ, которыя повидимому должны болѣе всѣхъ отличаться фанатизмомъ своихъ жителей.

„Въ елисаветпольской и бакинской губерніяхъ,—говоритъ онъ,—попадаются деревни съ армянскимъ и мусульманскимъ населеніемъ. Но историческая судьба такъ соединила ихъ въ одно общество, что они живутъ между собой какъ добрые, хорошіе сосѣди, совершенно забывая всякую религіозную и національную рознь. Въ геокчайскомъ уѣздѣ, бакинской губ., есть селеніе Энги-Кендъ, гдѣ половина населенія — изъ армянъ, а половина — изъ мусульманъ, и нерѣдко послѣдніе, соединившись съ первыми, выбираютъ старшину и сельскихъ судей изъ армянъ. Интриги, раздѣленіе на партіи, при выборѣ сельскихъ властей, столь частыя въ деревняхъ съ чисто мусульманскимъ населеніемъ, никѣмъ не замѣчены здѣсь". Тому же мировому судьѣ случалось наблюдать не разъ въ мусульманскихъ провинціяхъ, что когда въ судебныхъ процессахъ являются въ качествѣ обвиняемаго и свидѣтелей мусульмане, а въ качествѣ потерпѣвшихъ армяне, свидѣтели одной національности и одной религіи съ обвиняемымъ уличаютъ послѣдняго и оправдываютъ потерпѣвшаго другой національности и другой религіи. Подобные же факты приходилось наблюдать и пишущему эти строки, въ мѣстностяхъ, которыя вмѣщали въ себѣ даже такіе разнородные элементы, какъ грузины (православные) и евреи.

Наконецъ, нужно имѣть въ виду и слѣдующее соображеніе. Еслибъ существовала здѣсь та сильная религіозная и національная рознь, на которую любятъ ссылаться поверхностные наблюдатели, то жертвами преступленій, совершенныхъ лицами одной національности и религіи, являлись бы лица другой національности и религіи. Между тѣмъ, дѣйствительность даетъ намъ на каждомъ шагу противоположные тому примѣры. По свѣдѣніямъ, собраннымъ кавказскимъ статистическимъ комитетомъ, напримѣръ, въ бакинской губерніи, гдѣ большинство населенія составляютъ мусульмане, и гдѣ почти всѣ убійцы являются изъ ихъ среды,—жертвами насильственной смерти, изъ числа 22 человѣкъ, были — лишь 2 русскихъ и 1 армянинъ, хотя въ губерніи русскихъ — 18 тыс. чел., а армянъ — 27 тыс. Въ 1872 г., въ той же губерніи, было 118 случаевъ убійствъ, причемъ погибли опять почти исключительно мусульмане, такъ какъ изъ христіанъ убиты опять только двое русскихъ и одинъ армянинъ. Въ кутаисской губ.—530 тыс. грузинъ, и убійцами, конечно, въ большинствѣ случаевъ должны попадаться грузины же, но жертвами ихъ, при существованіи сильной національной розни, должны были-бы пасть армяне, которыхъ въ губерніи насчитывается 2 тыс. человѣкъ, и русскіе, которыхъ — 1158 человѣкъ; между тѣмъ въ 1874 г. въ 19 случаяхъ убійствъ, въ числѣ жертвъ замѣчаемъ лишь двухъ русскихъ, армянина ни одного, остальные же принадлежатъ къ грузинской народности.

И это — не единичные факты. Подобныя же явленія можно замѣтить и по другимъ преступленіямъ, и по другимъ мѣстностямъ края. Вотъ что разсказываетъ, напримѣръ, о религіозной терпимости кавказцевъ такой безпристрастный наблюдатель, какъ баронъ Гакстгаузенъ, путешествовавшій по Кавказу еще въ 40-хъ годахъ. „Персіяне, по его словамъ, питаютъ уваженіе къ христіанскому духовенству. Магометане въ Баязетѣ полагаютъ, что отъ чумы избавляютъ только священные остатки копья, хранящагося въ Эчміадзинѣ (въ армянскомъ монастырѣ). И прежде нѣкоторые персидскіе военоначальники, шедшіе на врага, предварительно являлись въ Эчміадзинъ, къ престолу, и просили армянскаго патріарха благословить и освятить ихъ мечъ“.

Откуда же создалось убѣжденіе, что на Кавказѣ должна существовать серьёзная вражда, религіозная и племенная? Не оттого ли, что этотъ край особенно отличается крайнею пестротой своего этнографическаго состава? Не оттого ли, что здѣсь—такая „смѣсь одеждъ и лицъ“? Да, отчасти этотъ внѣшній видъ Кавказа вводитъ въ обманъ всякаго поверхностнаго наблюдателя, отчасти же порождаетъ самое заблужденіе; но дѣйствительно существующая рознь замѣчается только

въ нашемъ такъ называемомъ образованномъ обществѣ—въ средѣ чиновничества и купечества. Здѣсь, въ погонѣ за легкой наживой, въ погонѣ за карьерой, побѣжденный, потерявъ равновѣсіе, какъ утопающій хватается за соломенку,—взываетъ къ патріотическому и религіозному чувству своихъ единоплеменниковъ и единовѣрцевъ, возстановляя ихъ противъ своего счастливаго соперника—человѣка другой національности и другой религіи. Патріотизмъ и религіозный фанатизмъ всегда имѣется въ запасѣ у слабаго коммерсанта или неудавшагося карьериста. Но и это происходитъ лишь въ городахъ, наиболѣе отличающихся смѣшанностью населенія, и, повторяемъ, главнымъ образомъ въ среднихъ и высшихъ слояхъ народа. Поверхностные изслѣдователи, неидущіе въ своихъ изслѣдованіяхъ далѣе этихъ слоевъ, конечно, составляютъ о всемъ населеніи Кавказа крайне превратное понятіе.

Кромѣ религіозной и національной нетерпимости, лжесвидѣтельство объясняется еще неразвитостью вообще кавказцевъ. Разные туристы, выдающіе себя за спеціалистовъ-изслѣдователей, а также чиновники, хотя и долго жившіе въ краѣ, но глубже не изучившіе мѣстнаго быта, авторитетно заявляютъ, что кавказцы не понимаютъ смысла преступленія и наказанія и не признаютъ за судомъ его общественнаго значенія. Преступленіе, будто, по мнѣнію туземцевъ, есть подвигъ, а преступникъ—герой, котораго общество не можетъ наказать, и отъ котораго потерпѣвшій имѣетъ право потребовать лишь вознагражденіе за вредъ и убытки. Отсюда-де и создается у народа убѣжденіе, что преступниковъ нужно укрывать отъ преслѣдованія властей на судѣ нужно показывать всегда въ его пользу.

Этотъ упрекъ адресуютъ не ко всѣмъ кавказскимъ племенамъ одинаково. Обыкновенно грузины и въ особенности армяне менѣе подвержены подобнымъ обвиненіямъ. Но справедливость требуетъ замѣтить, что обвиненія эти не имѣютъ серьёзнаго основанія даже въ отношеніи наименѣе развитыхъ племенъ, напримѣръ, горцевъ. Извѣстно, что у послѣднихъ за воровство, грабежъ и другія преступленія, имѣющія имущественный характеръ, съ виновнаго взыскивается не только вознагражденіе за вредъ и убытки, но и штрафъ въ пользу общеполезныхъ дѣлъ сельскаго общества или племени, а такой штрафъ нельзя не признать такимъ же наказаніемъ для горцевъ, вообще бѣдныхъ деньгами, какъ для насъ—тюремное заключеніе, ссылка и даже каторга. Можно даже сказать, что наши наказанія едва ли покажутся горцамъ такими же суровыми, какъ существующіе у нихъ штрафы: лишеніе свободы не можетъ быть слишкомъ чувствительно для человѣка, свобода движенія котораго крайне ограничена самой природой и отсутствіемъ сколько-нибудь сносныхъ путей сообщенія. Тяжелый физическій трудъ, являющійся для европейцевъ тяжелымъ

наказаніемъ, едва ли покажется необычайнымъ человѣку, привыкшему къ такому труду еще съ дѣтства.

Точно также нельзя утверждать, что кавказцы, не признавая преступленія и наказанія, не признаютъ и судъ уголовный, судъ, имѣющій характеръ правительственнаго карательнаго органа. Даже туристы, смотрѣвшіе на кавказскихъ горцевъ, какъ на австралійскихъ дикарей, не скрываютъ, что у нихъ, у горцевъ, съиздавна существуютъ третейскіе суды, которые разбираютъ всевозможныя гражданскія и уголовныя дѣла, и что кровавая месть является лишь въ случаѣ уклоненія отъ суда.

На это послѣднее обстоятельство, а именно, на существованіе родовой мести обыкновенно указываютъ, какъ на отрицаніе горцами значенія суда. Между тѣмъ, въ дѣйствительности это явленіе имѣетъ совершенно случайный и временный характеръ. Оно имѣетъ мѣсто только при отсутствіи въ краѣ правильно организованнаго суда, когда мирные жители *принуждены* прибѣгать къ самосуду. Шамилю, какъ извѣстно, удалось значительно ослабить обычай кровавой мести учрежденіемъ духовныхъ судовъ, которые разбирали дѣла, подававшія прежде поводъ къ саморасправѣ. Шамиль написалъ книгу общихъ законовъ, опредѣлявшихъ разныя наказанія за преступленія. Наказанія, большею частью, состояли въ денежной пенѣ, и изрѣдка—въ тюремномъ заключеніи и смертной казни. Въ послѣднемъ случаѣ осужденный иногда лишался чести и передавался палачу. Словомъ, горцы доказали, что и они способны воспринять ту цивилизацію, въ непричастности къ которой такъ сильно ихъ упрекаютъ весьма многіе туристы.

Въ доказательство того, что родовая месть и всякая подобная саморасправа не вытекаетъ изъ коренного характера туземцевъ, можно еще указать на успѣхъ, съ какимъ русскія власти достигли примиренія многихъ горскихъ родовъ, враждовавшихъ между собой искони. Такъ, извѣстно, что въ 1865 г. въ Дагестанской области, изъ числа 626 случаевъ подобная вражда окончена примиреніемъ въ 542 случаяхъ.

Вообще саморасправа исчезала у горцевъ само собой и прежде, какъ только водворялась у нихъ прочная власть. Въ Дагестанской области, напримѣръ, судъ по адату (по обычаю) строжайше воспрещалъ потерпѣвшему входить съ воромъ въ соглашеніе самостоятельно, помимо суда. Съ нарушителя этого обычая взыскивался штрафъ, и онъ лишался права на полученіе удовлетворенія отъ вора. Туземные суды не чужды даже нѣкоторыхъ тонкостей европейскихъ уголовныхъ кодексовъ: такъ, напр., въ той же Дагестанской области, при опредѣленіи наказаній, судъ по адату обращаетъ вниманіе на сте-

пень умысла въ содѣянномъ преступленіи (въ особенности въ дѣлахъ о поджогахъ).

Словомъ, вся разница въ воззрѣніяхъ европейцевъ и кавказцевъ въ этомъ отношеніи заключается лишь во внѣшности, а не въ сущности. Какъ и у европейцевъ, такъ и у насъ, кавказцевъ, взглядъ на добро и зло одинъ и тотъ же, формы же суда и опредѣляемыхъ имъ наказаній—разныя, сообразныя природѣ, историческому складу и современному быту каждаго племени особо. До чего шатки основанія, изъ которыхъ выводятъ обыкновенно заключеніе, что туземцы не понимаютъ различія между понятіями о преступленіи и объ ординарномъ гражданскомъ правонарушеніи, — читатель можетъ видѣть на слѣдующемъ примѣрѣ. Грабежъ, какъ объясняютъ наши дилеттанты по изученію обычнаго права кавказскихъ горцевъ, не считается у послѣднихъ преступленіемъ, и заключеніе это выводятъ изъ того обстоятельства, что ограбленный, по мѣстнымъ обычаямъ, тогда только можетъ требовать удовлетворенія, когда узнаетъ грабителя. При этомъ гг. дилеттантами забывается, что и у европейцевъ никого нельзя обвинить въ преступленіи, пока нѣтъ на-лицо серьёзныхъ уликъ, которыя обыкновенно добываются или случайно при слѣдствіи и судѣ, или сыскной полиціей, или самимъ потерпѣвшимъ. У горцевъ нѣтъ сыскной полиціи, ея нѣтъ до сихъ поръ на Кавказѣ и у русскихъ властей, и остается единственный выходъ—ожидать отъ потерпѣвшаго представленія такой важной улики, какъ его собственное указаніе на лицо виновнаго.

Распространенность у насъ лжесвидѣтельства также нельзя объяснять непризнаніемъ кавказцами, по свойственной будто имъ неразвитости, значенія судебной присяги. Искони вѣковъ, на Кавказѣ, присягу вообще и на судѣ въ особенности свято уважали, и показаніямъ, даннымъ подъ присягой, давалось на судѣ рѣшающее значеніе. Такъ, извѣстно, что и до сихъ поръ въ судахъ по шаріату [1] и истецъ, и отвѣтчикъ приводятся къ присягѣ, и на основаніи данныхъ такимъ образомъ показаній постановляется приговоръ. Еще примѣръ. Даже люди, считающіе чуть ли не всѣхъ осетинъ (одно изъ многочисленныхъ горскихъ племенъ) поголовно преступниками, утверждаютъ, что они, эти дикари, свято соблюдали обычнымъ порядкомъ даваемыя присяги, и потому лжеприсяга у нихъ прежде никогда не встрѣчалась.

Все вышеприведенное имѣло цѣлью доказать, что взглядъ на лжесвидѣтельство, какъ на неизбѣжное послѣдствіе религіозной и

---

[1]) Духовный судъ у горцевъ, рѣшающій дѣла, касающіяся религіи, семейныхъ отношеній, завѣщаній, наслѣдства и нѣкоторыхъ гражданскихъ исковъ.

національной нетерпимости кавказцевъ и дикости ихъ нравовъ, имѣетъ мало основанія. Приводимъ еще одинъ аргументъ противъ этого взгляда. Народы, населяющіе Кавказъ, имѣютъ богатое историческое прошлое и историческими судьбами были связаны какъ съ древнимъ, такъ и съ новымъ, христіанскимъ и магометанскимъ, міромъ.

Смотрѣть на эти племена, какъ на австралійскихъ дикарей—крупная ошибка, способная вызывать не менѣе крупныя недоразумѣнія. Ошибка эта, къ сожалѣнію, часто допускалась чиновниками, попавшими къ намъ по влеченію къ быстрой карьерѣ и крупнымъ окладамъ. Они мало заботились объ изученіи обычаевъ, характера и языка населенія, среди котораго приходилось имъ отправлять правосудіе, и утѣшали себя мыслью, что мѣстные жители—дикари, изучать которыхъ незачѣмъ и церемониться съ которыми — излишняя деликатность. Такіе субъекты сами превратились въ тѣхъ башибузуковъ, таковыми ошибочно считаютъ они туземцевъ, и эти-то башибузуки и дискредитируютъ главнымъ образомъ русскую власть среди туземцевъ. Судьи, не понимающіе языка тѣхъ, съ которыми имъ приходилось имѣть дѣло постоянно, ежедневно, чуть ли не ежечасно, и отправляющіе правосудіе черезъ безграмотныхъ толмачей,—попали у насъ на сцену, въ анекдоты, въ поговорки, разыгрывая вездѣ роль оффенбаховскаго Калхаса. „Избави Богъ насъ отъ этакихъ судей", говорили нерѣдко, въ душѣ, призванные въ судъ свидѣтели, которые поэтому и считали своимъ гражданскимъ долгомъ укрыть отъ нихъ всякаго, попавшаго на скамью подсудимыхъ. Можетъ быть, подсудимый—преступникъ, даже преступникъ крупный, но, не довѣряя судьѣ, туземецъ убѣжденъ, что тотъ пострадаетъ отъ него свыше мѣры. Отсюда одинъ шагъ до лжесвидѣтельства. Приводимъ два бьющихъ въ глаза факта. Одинъ изъ изслѣдователей Кавказа, А. В. Комаровъ, свидѣтельствуетъ, что въ 1840 г., въ тѣхъ мѣстахъ Дагестанской области, гдѣ еще не былъ введенъ судъ по адатамъ (мѣстнымъ юридическимъ обычаямъ) и дѣйствовали общіе законы, „каждый убійца, ожидая наказанія по русскимъ законамъ, удалялся въ вольныя общества, которыя принимали его охотно, какъ гонимаго за правду". Оффиціальная газета „Кавказъ" недавно весьма категорически заявила, что тамъ, гдѣ правосудіе отправляется коронными судьями, населеніемъ было подано множество жалобъ на судъ объѣзжавшему край главноначальствующему, князю Дондукову-Корсакову, между тѣмъ какъ подобныхъ жалобъ вовсе не было тамъ, гдѣ судьи выбираются изъ мѣстныхъ жителей (въ Закатальскомъ округѣ, напримѣръ). Переходя, въ частности, къ лжесвидѣтельству, нельзя не замѣтить, что оно пустило корни главнымъ образомъ въ тѣхъ мусульманскихъ провинціяхъ Закавказья, въ которыхъ судопроизводство

ведется по общимъ законамъ, и развилось помянутое зло именно въ этихъ мѣстахъ потому, что тамъ, въ судахъ, существовавшихъ до русскаго владычества, свидѣтели никогда не принимали присяги и принятая ими присяга всегда считалась и до настоящаго времени считается недѣйствительной. Свидѣтелями прежде приглашались въ судъ лишь лица, достойныя особаго довѣрія, пользовавшіяся всеобщимъ уваженіемъ, и показанія такихъ лицъ имѣли большое значеніе и безъ присяги. Присягу же принимали иногда потерпѣвшіе, иногда обвиняемые, иногда же и тѣ, и другіе вмѣстѣ.

Вообще между судомъ и тяжущимися чувствуется у насъ всегда какое-то взаимное непониманіе, доходящее иногда до крайней степени. Образовалась между ними довольно глубокая пропасть, черезъ которую, однако, легко перекинуть мостъ. Такимъ мостомъ можетъ служить близкое ознакомленіе оффиціальныхъ дѣятелей съ бытомъ и языкомъ туземцевъ. Такимъ мостомъ можетъ явиться и судъ присяжныхъ. Къ сожалѣнію, это учрежденіе встрѣчаетъ у насъ многочисленныхъ враговъ. Противъ него высказываются, во-первыхъ, тѣ же поверхностные наблюдатели, которые считаютъ Кавказъ ареной для безконечной и ожесточенной религіозной и племенной борьбы. Противниками суда присяжныхъ являются и тѣ, которые имѣютъ преувеличенное понятіе о нашемъ многоязычіи. Однако, какая бы пестрота ни существовала въ этнографіи и лингвистикѣ Кавказа, нельзя отрицать того факта, что каждая народность, говорящая на особомъ языкѣ, имѣетъ свой особый участокъ съ болѣе или менѣе однороднымъ составомъ населенія. Каждый уѣздъ, каждый округъ и даже каждая губернія имѣетъ свой господствующій языкъ, который очень хорошо понимается огромнымъ большинствомъ жителей. Такъ, напр., грузины составляютъ громадное большинство населенія кутаисской и тифлисской губерній (за исключеніемъ южной части), и батумской области (грузины-магометане), бакинская и половина эриванской и елисаветпольской губерній имѣютъ сплошное мусульманское населеніе, въ ставропольской губерніи живутъ почти исключительно русскіе, и т. д. Одни армяне болѣе или менѣе разсѣяны по всему краю (во всѣхъ торговыхъ центрахъ). Но и они не могутъ служить препятствіемъ къ введенію у насъ суда присяжныхъ на мѣстномъ языкѣ, такъ какъ они хорошо всѣмъ извѣстны своею способностью скоро приноровляться къ окружающей ихъ средѣ. Коммерція научила армянъ обладать не только гибкимъ характеромъ, но и особымъ талантомъ — быстро изучать всякіе языки и даже нарѣчія.

Итакъ, говоря о лжесвидѣтельствѣ, фанатизмѣ, дикости кавказцевъ и другихъ мѣстныхъ особенностяхъ края, приходимъ къ за-

ключенію, что вреднѣе всѣхъ перечисленныхъ особенностей та, дѣйствительно мѣстная особенность, которая выражается въ полной разобщенности мѣстнаго чиновничества съ міромъ туземцевъ, и должно стараться прежде всего объ устраненіи этого зла, вызывающаго неменѣе его нежелательныя особенности, въ родѣ лжесвидѣтельства.

Говоря объ этой пропасти между бюрократическою и общественной сферой, мы, однако-жъ, имѣемъ въ виду не одинъ нашъ судебный персоналъ. Необходимо обратить вниманіе и на тѣ ошибки, которыя допускались мѣстной администраціею при личныхъ назначеніяхъ по полиціи,—ошибки, проистекающія главнымъ образомъ опять по незнакомству власти съ мѣстнымъ обществомъ. Случалось, что назначались приставами—члены шайки (недавнее дѣло Шамхорскаго). Между тѣмъ полиція у насъ имѣетъ гораздо большее значеніе, чѣмъ гдѣ-либо. Близость границъ позволяетъ преступникамъ легко укрываться отъ преслѣдованій и снова появляться къ намъ, наводя ужасъ на свидѣтелей, вызванныхъ въ судъ по ихъ дѣламъ. Здѣсь свидѣтели, терроризованные непойманными разбойниками, рѣшаются на лжесвидѣтельство лишь изъ чувства самосохраненія, свойственнаго каждому смертному; да и въ Россіи хорошо знаютъ, какъ свидѣтели неохотно показываютъ противъ конокрадовъ, и по отношенію ихъ предпочитаютъ суду такія мѣры, къ какимъ прибѣгаютъ и горцы.

Не даетъ ли все это новую возможность предполагать, что и другія такъ-называемыя „мѣстныя особенности" Кавказа, тормазящія введеніе у насъ всякой благой реформы, являются естественнымъ послѣдствіемъ слишкомъ малаго знакомства мѣстныхъ дѣятелей съ многосложной жизнью этой важной окраины.

Г. Т-новъ.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-ое іюля, 1883.

„Потѣшные" парламенты въ Англіи. — Юбилейная недѣля въ Бирмингамѣ. — Рѣчи Брайта и Чамберлена.—Англійскіе радикалы и консерваторы.—Политическая жизнь въ Германіи.—Упадокъ національно-либеральной партіи.—Беннигсенъ и Ласкеръ.—Французская политика, внутренняя и внѣшняя.

I.

Оригинальное явленіе существуетъ и развивается въ политической жизни Англіи: по образцу и подобію палаты общинъ, засѣдающей въ Вестминстерскомъ дворцѣ, образовалось болѣе сотни парламентовъ въ различныхъ мѣстностяхъ страны, съ особыми спикерами, первыми министрами, канцлерами казначейства и вождями оппозиціи. Пренія ведутся самымъ торжественнымъ образомъ, съ соблюденіемъ всѣхъ парламентскихъ обрядовъ и обычаевъ; дѣлаются запросы правительству, вносятся и обсуждаются проекты новыхъ законовъ, рѣшаются вопросы текущей политики, свергаются и назначаются министры. И въ этой фантастической дѣятельности участвуютъ люди вполнѣ серьезные, съ прочнымъ общественнымъ положеніемъ,—мѣстные коммерсанты, адвокаты, мировые судьи, священники и даже лица, принадлежащія къ составу арміи. Нѣкоторыя палаты, какъ напримѣръ въ Ньюкэстлѣ, имѣютъ болѣе тысячи членовъ; въ Манчестерѣ и въ Глэсго находится по четыре парламента. Общее число членовъ этихъ собраній въ Англіи превышаетъ 35,000. Въ большинствѣ палатъ господствуютъ либералы; но частные министерскіе кризисы перемѣщаютъ власть отъ одной партіи къ другой, сообразно настроенію и желаніямъ обывателей.

Для посторонняго наблюдателя кажется въ высшей степени комичною эта правильно организованная игра въ политику со стороны солидныхъ англичанъ. „Интересъ къ политическимъ вопросамъ,— говоритъ одна изъ провинціальныхъ англійскихъ газетъ, — долженъ быть необычайно силенъ во всѣхъ слояхъ общества, чтобы вызвать превращеніе прежнихъ тѣсныхъ кружковъ въ обширную систему подражанія чему-то такому, чему подражать безполезно. Только ненасытная страсть къ участію въ положительной общественной дѣятельности можетъ объяснить рѣшимость практичныхъ англичанъ парадировать въ роляхъ законодателей, министровъ и оппозиціи въ самозванныхъ представительствахъ Ливерпуля, Лидса или Гакнэй. Сотни образованныхъ людей регулярно посѣщаютъ эти собранія,

терпѣливо подчиняясь всѣмъ формальностямъ парламентской процедуры и съ добросовѣстною важностью исполняя обязанности мнимыхъ политическихъ дѣятелей". Отчеты палатъ печатаются и разсылаются членамъ, подобно отчетамъ настоящей палаты общинъ. Подробно разработанные билли по разнымъ предметамъ соотвѣтствуютъ вообще занятіямъ и задачамъ парламента въ Вестминстерѣ. Реформы, возвѣщаемыя Гладстономъ или его партіею, быстро осуществляются гдѣ-нибудь въ Сейденгэмѣ или въ Рочдалѣ, причемъ мѣстное „министерство" не стѣсняется критиковать или исправлять дѣйствія и намѣренія лондонскаго правительства. По свидѣтельству м-ра Джерольда, автора любопытной статьи объ этомъ предметѣ въ журналѣ „Nineteenth Century" (іюнь, 1883), особеннымъ трудолюбіемъ и усердіемъ отличается упомянутая только-что сейденгемская палата общинъ. Въ началѣ текущаго года власть принадлежала въ ней консервативному кабинету, въ которомъ капитанъ Бедфордъ занималъ мѣсто премьера, генералъ-маіоръ Брэй былъ военнымъ министромъ, а раджа Рампуръ — министромъ по дѣламъ Индіи; но нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ либеральная партія взяла верхъ, и предводитель ея, богатый корабельный строитель, развилъ свою программу въ весьма обстоятельной и дѣльной рѣчи, обѣщая „предложить ея величеству внести въ будущее посланіе къ парламенту тѣ жизненные вопросы соціальной реформы, обсужденіе которыхъ настоятельно требуется страною". Тотъ же премьеръ, при закрытіи послѣдней сессіи, указалъ на необходимость объединенія мѣстныхъ „политическихъ палатъ" и организаціи центральнаго собранія въ Лондонѣ, подобно тому какъ это практикуется учеными обществами —географическимъ, статистическимъ, британскою ассоціаціею, обществомъ искусствъ, соціальныхъ наукъ и другими. „Наши палаты общинъ, — говорилъ ораторъ, — пріучаютъ молодыхъ гражданъ къ практическимъ преніямъ и къ надлежащему пониманію текущихъ общественныхъ вопросовъ; въ то же время онѣ могутъ вліять на общественное мнѣніе систематическимъ анализомъ и разработкою реформъ, стоящихъ на очереди и признаваемыхъ неизбѣжными рано или поздно, въ интересахъ общаго блага, независимо отъ разсчетовъ партій".

Какъ же смотритъ правительство въ Англіи на эту смѣлую поддѣлку подъ государственную власть, это самовольное устройство публичныхъ совѣщательныхъ собраній, это странное вмѣшательство частныхъ лицъ въ дѣла управленія и законодательства? Совмѣстимъ ли твердый порядокъ и авторитетъ власти съ этою явною анархіею, при которой какой-нибудь темный провинціальный коммерсантъ имѣетъ дерзость разсуждать публично о томъ, какія реформы должны быть предлагаемы совѣтниками ея величества королевы? Можно по-

думать, что въ Англіи нѣтъ ни крѣпкой власти, ни уваженія къ правительству, ни прочнаго общественнаго порядка,—если тамъ возможны факты, подобные приведеннымъ нами. Кажется, не трудно было бы напомнить самозваннымъ политикамъ, что ихъ дѣло — заниматься своею торговлею, исправлять мостовыя, наблюдать за чистотою улицъ и улучшеніемъ хозяйства въ родномъ городѣ, а не совать свой носъ въ высшія сферы государственныхъ и политическихъ вопросовъ. Но Англія — совершенно особая страна: никто тамъ не дѣлаетъ такого напоминанія, никто не останавливаетъ увлекающихся гражданъ Сейденгэма или Бристоля, какъ будто все это вполнѣ въ порядкѣ вещей. Мало того, англійское правительство не только не видитъ никакого ущерба своему авторитету въ общей свободѣ обсужденія, но даже считаетъ полезнымъ для себя выслушивать всякія мнѣнія частныхъ лицъ, хотя бы даже непріятныя и рѣзкія, — ибо изъ мнѣній отдѣльныхъ лицъ и обществъ составляется въ концѣ концовъ тотъ средній „народный голосъ", который вездѣ, по крайней мѣрѣ въ теоріи, принимается въ основу правительственной политики. Но если даже предположить, что министры пожелали бы ограничить критику ихъ дѣйствій со стороны обывателей, то не было бы законныхъ способовъ достигнуть такого ограниченія. Скромные обыватели могли бы отвѣтить очень просто: „мы такіе же англичане, какъ и господа министры, и имѣемъ такое же право интересоваться общими дѣлами народа, какъ и люди, служащіе правительству или дѣйствующіе въ парламентѣ". Они могли бы повторить фразу, которою когда-то восхищался графъ Монталамберъ,—а именно, что „*публичныя дѣла* Англіи *составляютъ частное дѣло каждаго* англичанина". Благоразумный совѣтъ—оставаться каждому при своихъ собственныхъ интересахъ и при своемъ спеціальномъ кругѣ дѣятельности—оказывается тамъ совершенно непримѣнимымъ, когда дѣло идетъ о политическихъ и общественныхъ вопросахъ, затрогивающихъ чувства и интересы всѣхъ и каждаго. Обыватели Сейденгэма суть вмѣстѣ съ тѣмъ граждане британской имперіи, члены великаго народа, и это сознаніе не даетъ имъ замкнуться въ узкой сферѣ интересовъ отдѣльнаго уголка страны. Что помогли бы всѣ хлопоты объ улучшеніи состоянія того или другого угла, еслибы англичанинъ не былъ увѣренъ въ прочности всего зданія? Зачѣмъ сталъ бы онъ заботиться исключительно о дѣлахъ родного города, если судьбы этого города могли бы въ каждую данную минуту измѣниться подъ вліяніемъ неожиданныхъ мѣръ?

Въ Англіи вообще менѣе чѣмъ гдѣ-либо поддерживается принципъ непогрѣшимости бюрократіи. Англичане, безъ сомнѣнія, довѣряютъ опытности и уму Гладстона; но еще болѣе вѣрятъ они тому, что

сами видятъ и чувствуютъ, и первая серьёзная неудача популярнаго премьера можетъ повести къ его паденію. Конечно, элементарныя условія полной компетентности и честности администраціи во внутреннихъ дѣлахъ остаются всегда внѣ всякаго спора, въ чьихъ бы рукахъ ни находилась власть; разногласія и возраженія возникаютъ единственно въ болѣе деликатной сферѣ вопросовъ о цѣлесообразности общей политики, усвоенной министерствомъ. Обсуждать эту политику предоставлено всякому въ Англіи, или лучше сказать, никому не предоставлено отмѣривать степень этого права и мѣшать проявленію его въ формахъ свободнаго слова. Непрерывное, открытое общеніе съ разнообразными теченіями и партіями въ обществѣ укрѣпляетъ въ Англіи и поддерживаетъ правительство, которое является не оторваннымъ отъ жизни въ высокой, недосягаемой для населенія атмосферѣ, а напротивъ, живою, производительною, благотворною силою, существующею исключительно для блага и пользы общей.

Новѣйшіе провинціальные парламенты,— которые мы также назвали бы „потѣшными“, еслибы они не были столь серьёзны,—могутъ играть важную роль въ англійской политической жизни, въ качествѣ подготовительной общественной лабораторіи для дѣятельности палаты общинъ и правительства; вмѣстѣ съ тѣмъ они воспитываютъ въ обществѣ привычку къ основательному пониманію публичныхъ дѣлъ и интересовъ.

Тамъ сохранится жизненная энергія націи, всегдашняя бодрость и свѣжесть народнаго духа, сознательная готовность трудиться на пользу общую, всѣмъ одинаково близкую. Общественныя и государственныя средства никому не кажутся „ничьими“; патріотизмъ не служитъ лишь удобною формою для прикрытія мелкаго честолюбія или хищничества,— онъ выражаетъ собою живое разумное чувство, а не пустой, фальшивый звукъ. Горячая любовь къ родной странѣ не исчерпывается громкими возгласами и декламаціями, а воплощается въ дѣло, въ неустанную полезную работу, въ самоотверженныя усилія содѣйствовать по мѣрѣ возможности удовлетворенію народныхъ нуждъ и повысить уровень нравственнаго, политическаго и матеріальнаго благосостоянія всего населенія. Изъ среды народа постоянно выходятъ люди, посвящающіе свои познанія и таланты безкорыстному общественному служенію; предъ ними свободное поле дѣятельности и борьбы; они пролагаютъ себѣ дорогу сквозь предразсудки и слабости толпы, освѣщая свой путь блескомъ ума и силою правды.

Одинъ изъ такихъ бойцовъ недавно чествовался во всей Англіи. Городъ Бирмингамъ праздновалъ двадцати-пятилѣтіе парламентской

карьеры своего представителя, Джона Брайта. Болѣе сорока лѣтъ дѣйствовалъ Брайтъ на политическомъ поприщѣ, какъ проповѣдникъ, моралистъ и патріотъ; въ теченіе цѣлой четверти вѣка онъ представлялъ городъ Бирмингамъ въ палатѣ общинъ. Всѣ признаютъ его теперь однимъ изъ лучшихъ общественныхъ дѣятелей Англіи и наиболѣе типическимъ выразителемъ англійскаго національнаго характера; но прежде чѣмъ быть патріотомъ и англичаниномъ par excellence, онъ казался противникомъ истинно-англійскихъ воззрѣній и традиціоннаго патріотизма; прежде чѣмъ заслужить славу первокласснаго оратора и занять положеніе въ числѣ „избранныхъ", онъ долго принадлежалъ къ разряду „самозванныхъ". Брайтъ остался тѣмъ, чѣмъ былъ; взгляды и убѣжденія его почти ни въ чемъ не измѣнились, за весь сорокалѣтній періодъ его дѣятельности,—но кругомъ измѣнялось многое, отчасти подъ вліяніемъ его убѣдительныхъ рѣчей,—и общее отношеніе къ нему становилось все болѣе сочувственнымъ. Онъ проповѣдуетъ теперь тѣ же принципы, какъ и двадцать и сорокъ лѣтъ тому назадъ; однако его не считаютъ уже радикаломъ, и самые консервативные кружки внимательно прислушиваются къ его авторитетному голосу. Празднованіе юбилея Брайта продолжалось семь дней въ Бирмингамѣ и получило сразу значеніе общаго національнаго торжества. Шумныя процессіи, банкеты, митинги, народныя гулянья и зрѣлища — все это придало многолюдному фабричному городу совершенно новый видъ; населеніе какъ-будто вырвано было внезапно изъ обыденной трудовой атмосферы и перенесено въ заманчивый міръ веселья и ликованія. Множество депутацій и адресовъ прислано было съ разныхъ концовъ страны; всѣ англійскія газеты ежедневно посвящали Брайту обширныя передовыя статьи и еще болѣе обширные стенографическіе отчеты. Министръ торговли, Чамберленъ, второй представитель Бирмингама, произнесъ по поводу юбилея замѣчательную рѣчь, въ которой указалъ, между прочимъ, на характерныя особенности манифестацій, выпавшихъ на долю Брайта. „Не было, правда, пышной обстановки; никакихъ общественныхъ суммъ не было израсходовано; блестящіе военные мундиры, оффиціальные сановники и представители королевской фамиліи отсутствовали, и никто не ожидалъ ихъ здѣсь; ибо это была демонстрація народа въ честь человѣка, котораго народъ окружаетъ почетомъ и любовью, и герой этой демонстраціи не располагаетъ ни назначеніемъ на должности, ни раздачей наградъ, орденовъ или титуловъ. Онъ только простой гражданинъ, — одинъ изъ нашей среды, пріобрѣвшій нашу симпатію своею искреннею честностью и посвященіемъ своей жизни на службу народу, изъ котораго онъ вышелъ".

Личная популярность Джона Брайта возрастала и укрѣплялась не

мѣрѣ того, какъ его идеи усвоивались массою населенія или находили наглядное подтвержденіе въ событіяхъ и фактахъ текущей политической жизни. Брайтъ былъ всегда сторонникомъ мира между народами, и это миролюбіе часто приписывалось недостатку патріотизма или того особеннаго чувства, которое составляетъ монополію людей военныхъ по ремеслу. Теперь это непреклонное отвращеніе къ войнѣ и ко всякому вообще насилію ставится ему въ заслугу; оно уже не только не признается доказательствомъ непатріотичности, но принимается за высшее проявленіе любви къ отечеству. Въ одной изъ своихъ „юбилейныхъ" рѣчей Брайтъ напомнилъ слушателямъ о мнѣніяхъ, высказанныхъ имъ передъ „несчастною" крымскою войною и возбудившихъ тогда негодованіе ослѣпленныхъ враговъ Россіи. „Вы знаете, и многіе изъ васъ помнятъ еще, какъ велико было возбужденіе въ то время,—говорилъ ораторъ:—моя заслуга заключалась только въ томъ, что я не потерялъ своей головы, вслѣдъ за большинствомъ... Лордъ Пальмерстонъ съ обычною своею безцеремонностью объяснилъ тогда, къ какимъ послѣдствіямъ привели бы мои воззрѣнія, если бы они получили преобладаніе, въ случаѣ непріятельскаго нашествія въ нашу страну. Мы стали бы вести унизительные переговоры и дѣлали бы все возможное, чтобы удовлетворить непріятелей. Но въ дѣйствительности я никогда не утверждалъ, что война можетъ быть избѣгнута во всѣхъ случаяхъ. Все, что̀ я говорю объ этомъ предметѣ, въ смыслѣ практическомъ, сводится къ тому, что вопросъ о войнѣ долженъ быть ясно поставленъ, что онъ долженъ рѣшаться не во время всеобщей горячки, а когда люди успѣли прійти въ спокойное состояніе,—что предметъ долженъ быть достаточно важенъ, а цѣль — возможна и справедлива, и что должно существовать какое-нибудь оправданіе для умерщвленія сотни тысячъ людей. Глядя на вещи съ точки зрѣнія простого здраваго смысла, я никогда не видѣлъ, чтобы люди, стоявшіе за войну и требовавшіе ея, отдавали себѣ ясный отчетъ, что̀ такое война, какъ она дѣйствуетъ и какъ можетъ она улучшить что-либо; и между массами тѣхъ, которые были въ пользу войны, оказывалось пять или шесть различныхъ мнѣній относительно самой цѣли ея, такъ что въ результатѣ всѣ подвергались разочарованію. Война на дѣлѣ достигла только одного—избіенія большого числа людей; такъ говорятъ, что на сѣверной сторонѣ Севастополя похоронено не менѣе 90,000 русскихъ. Человѣкъ, сомнѣвающійся въ предметѣ такого рода и пришедшій къ тому заключенію, къ которому я пришелъ,—заслуживаетъ снисходительнаго суда со стороны христіанскаго народа".

Брайтъ имѣлъ репутацію радикала; въ пятидесятыхъ годахъ онъ принадлежалъ еще къ числу людей неудобныхъ (если не опасныхъ)—

для занятія министерскаго поста. Но какъ измѣнились съ тѣхъ поръ понятія и обстоятельства въ Англіи! Въ собраніи 20,000 человѣкъ, при поднесеніи Брайту 160 адресовъ и почетныхъ подарковъ, рядомъ съ юбиляромъ стоялъ членъ правительства, м-ръ Чамберленъ. Стоитъ только сопоставить рѣчь министра съ разсужденіями Брайта, чтобы убѣдиться въ отсталости послѣдняго сравнительно съ господствующими нынѣ взглядами. Идеалъ Брайта кажется какимъ-то тусклымъ и безжизненнымъ; въ его воспоминаніяхъ и пророчествахъ нѣтъ и тѣни того, что принято называть радикализмомъ въ настоящее время. Настоящимъ радикаломъ является уже министръ, представитель государственной власти, и предъ нимъ Брайтъ—невинный либеральный агнецъ.

Брайтъ по прежнему стоитъ на почвѣ свободы торговли и правительственнаго невмѣшательства; дальше этого принципа онъ не идетъ въ соціальномъ вопросѣ. „Предо мною открывается, — объясняетъ онъ, — великая картина будущаго. Англія съ ея колоніями, кромѣ Индіи, заключаетъ въ себѣ населеніе въ 50 милліоновъ. Соединенные Штаты, по послѣдней переписи, имѣютъ также 50 милліоновъ жителей. Компетентныя лица утверждаютъ, что къ концу столѣтія населеніе Соединенныхъ Штатовъ увеличится до ста милліоновъ человѣкъ. Теперь, если Соединенные Штаты рѣшатся понизить свой тарифъ настолько, чтобы возможна была значительная свобода торговли со всѣми странами свѣта,—то какое дѣйствіе произведетъ это на другія націи земного шара? Что говорятъ теперь протекціонисты въ Европѣ? Они говорятъ: мы знаемъ, что Англія стоитъ за свободу торговли; но посмотрите на Америку, — тамъ народное правленіе, республика, гдѣ каждый имѣетъ право голоса, и, однако, тамъ существуетъ самая строгая система протекціонизма; слѣдовательно имѣть покровительственныя пошлины, по примѣру свободнаго правительства и свободнаго народа сѣверной Америки,— не значитъ еще быть невѣждами и неразумными. Но когда Соединенные Штаты произведутъ перемѣну, которая кажется мнѣ неизбѣжной, то Америка и Англія, съ ихъ стомилліоннымъ населеніемъ, представятъ доводъ совсѣмъ другого рода и другой силы въ глазахъ европейскихъ націй. Фритредеры каждой страны скажутъ: народъ въ Англіи, живущій подъ властью старинной монархіи благоденствуетъ при свободной торговлѣ, и народъ Соединенныхъ Штатовъ, живущій подъ флагомъ республики, послѣдовалъ примѣру Англіи; мы стараемся идти вслѣдъ за этими народами въ политической свободѣ,—скажутъ они далѣе,— почему же не послѣдовать намъ за ними по не менѣе великолѣпному и благотворному пути полной свободы промышленности? Двѣ формы борьбы существуютъ въ Европѣ: одна ведется высокими пошли-

нами,—это война тарифовъ; а другая — война оружіемъ и арміями. Тарифы тягостны всегда, а арміи по временамъ болѣе чѣмъ тягостны,— когда онѣ употребляются для разрушенія и убійства. Если бы вы могли уничтожить тарифы въ Европѣ, вы уничтожили бы претензію на сохраненіе великихъ постоянныхъ армій. Мнѣ представляется, что народы соединились бы въ своихъ интересахъ; ихъ соперничество и недоброжелательство исчезли бы, какъ исчезло бы ихъ незнаніе другъ друга. Если бы Франція и Германія въ 1870 году не имѣли тарифовъ, еслибы оба народа свободно торговали между собою изо-дня въ день, подобно тому какъ французы промышляютъ между департаментами Франціи или какъ мы—съ Шотландіею, то едва ли возможно было бы привести эти двѣ великія націи къ кровавой войнѣ изъ-за пустого и нелѣпаго вопроса, какой принцъ въ Европѣ долженъ быть призванъ занять престолъ въ Испаніи, въ чемъ ни Франція, ни Пруссія не имѣли въ сущности ни малѣйшаго интереса. И если бы тридцать лѣтъ тому назадъ Россія не имѣла болѣе высокихъ тарифовъ, чѣмъ мы,—если бы всѣ продукты и товары Англіи пользовались свободнымъ доступомъ въ Россію, какъ русскія произведенія приходятъ свободно въ Англію, то развѣ возможно было бы возбудить въ нашемъ промышленномъ населеніи ту воинственность и кровожадность, которыя обнаружены были во время этой плачевной борьбы? Ни короли и правители, ни государственные люди, ни печать, не въ состояніи будутъ заставить народы воевать, если націи связаны общностью интересовъ, при полной взаимной свободѣ промышленности. Значительнѣйшая часть армій занялась бы полезнымъ трудомъ, вмѣсто того, чтобы жить на счетъ мирныхъ обывателей. Когда это настанетъ, налоги будутъ вездѣ сокращены; благосостояніе возвысится, образованіе болѣе распространится, а варварство и жестокость правительствъ, какъ и народовъ, будутъ обезоружены и парализованы. Я могъ бы сказать,—если позволено дать волю своему воображенію,—что мы будемъ имѣть не новое небо, а новую землю. Географически она не будетъ больше, чѣмъ она есть, но она будетъ больше по богатству, удобству жизни и человѣческому довольству. Быть можетъ, это только мечта; но я хочу вѣрить въ лучшія времена. Если христіанство — не сказка, то эти лучшія времена непремѣнно придутъ".

Трудно повѣрить, что подобныя разсужденія считались когда-то ужасно радикальными; теперь они кажутся лишь крайне односторонними, узкими и даже наивными. Несомнѣнно, война — великое зло, источникъ неисчислимыхъ бѣдствій; но видѣть причину войнъ въ высокихъ пошлинахъ, мѣшающихъ развитію международной торговли,—болѣе чѣмъ странно. Пруссія стремилась къ національному

объединенію нѣмцевъ и ради этой цѣли проливала потоки крови въ послѣдовательной борьбѣ съ Австріею и Франціею; — причемъ же тутъ были торговые интересы и тарифы? Италія увлекалась національною идеею и воевала съ австрійцами, при помощи французовъ, а съ папствомъ—при помощи нѣмцевъ, — безъ всякихъ промышленныхъ соображеній. Наполеонъ III предпринималъ различныя войны и экспедиціи для упроченія своего шаткаго трона и для заглушенія внутренняго недовольства громомъ внѣшнихъ побѣдъ, а вовсе не для интересовъ свободной торговли; эти же политическіе и династическіе мотивы лежали въ основѣ крымской кампаніи, которая, конечно, не осуществилась бы безъ руководящаго участія Франціи. Наконецъ, послѣдняя русско-турецкая война вызвана была стремленіемъ балканскихъ народностей освободиться изъ-подъ власти турокъ, а никакъ не коммерческими или тарифными разсчетами. Картина всеобщаго мира и процвѣтанія, которую предвидитъ Брайтъ въ будущемъ, не имѣетъ поэтому никакой логической связи съ маленькимъ сравнительно вопросомъ о покровительственныхъ тарифахъ. Весьма неправдоподобно также то предположеніе, что сторонники запретительныхъ пошлинъ въ Европѣ не имѣютъ болѣе вѣскихъ мотивовъ для своей политики, чѣмъ простое подражаніе Соединеннымъ Штатамъ, и что перемѣна системы въ Америкѣ должна будто бы повліять рѣшающимъ образомъ на поведеніе европейскихъ правительствъ. Великія державы Европы, и притомъ наиболѣе могущественныя изъ нихъ, меньше всего руководствуются желаніемъ „слѣдовать примѣру" Англіи или сѣверной Америки; но даже и отдѣльные приверженцы такого „слѣдованія" не стали бы распространять свою подражательную готовность на сферу торговыхъ и промышленныхъ интересовъ, въ которыхъ рѣшающая роль принадлежитъ исключительно потребностямъ и условіямъ каждой данной страны. Для нѣкоторыхъ государствъ высокія таможенныя пошлины составляютъ ничѣмъ незамѣнимый источникъ дохода, не говоря уже о популярныхъ усиліяхъ поддержать прозябающую мѣстную промышленность; а гдѣ дѣло идетъ о финансахъ, тамъ всякій устраивается по своему, не заботясь о дѣйствіяхъ болѣе богатыхъ сосѣдей.

Совсѣмъ другое впечатлѣніе производитъ рѣчь младшаго представителя Бирмингама, министра Чамберлена; отъ нея вѣетъ чѣмъ-то дѣйствительно смѣлымъ и свѣжимъ, захватывающимъ реальную жизнь современной Англіи. „Съ каждымъ днемъ страна дѣлается болѣе радикальною и демократическою,—по словамъ министра;—и это направленіе большинства избирателей еще очень слабо отражается на составѣ палаты общинъ. Конституція устраняетъ отъ всѣхъ политическихъ правъ болѣе половины всего мужского взрослаго населенія;

притомъ исключеннымъ оказывается одинъ только классъ, самый многочисленный, тогда какъ каждый изъ остальныхъ классовъ имѣетъ полное представительство. Затѣмъ, въ средѣ избирателей, одна пятая часть подаетъ голоса за всѣхъ; и на практикѣ выходитъ, что одна двѣнадцатая доля всего наличнаго состава полноправныхъ гражданъ королевства избираетъ большинство палаты общинъ. Это не было бы еще столь важно, еслибы двѣнадцатая часть выражала свободный голосъ народа; но извѣстно, что во многихъ случаяхъ она представляетъ только вліяніе мѣстныхъ могущественныхъ фамилій или поземельныхъ магнатовъ". М-ръ Чамберленъ высказывается въ пользу всеобщей подачи голосовъ, равенства избирательныхъ округовъ и назначенія денежной платы членамъ парламента. Онъ признаетъ также необходимость широкой соціальной реформы, причемъ отводитъ первое мѣсто проектамъ улучшенія быта сельскихъ рабочихъ въ графствахъ и правильнаго устройства жилищъ для рабочихъ въ городахъ. „Но эти проекты, — продолжалъ министръ, — не затрогиваютъ сущности вопроса, пока мы не возвысимся до надлежащаго пониманія такъ-называемыхъ правъ собственности, — пока мы не можемъ ограничить эти права по отношенію къ обязанностямъ собственности. Это, однако, невозможно при нынѣшнемъ порядкѣ вещей, когда собственность, особенно поземельная, располагаетъ сильнымъ большинствомъ въ палатѣ общинъ и фактическою монополіею въ палатѣ лордовъ. Поэтому въ настоящее время, какъ и 25 лѣтъ тому назадъ при избраніи Брайта въ Бирмингамѣ, первымъ дѣломъ либераловъ должно быть дальнѣйшее проведеніе парламентской реформы, чтобы привести палату общинъ въ болѣе близкое согласіе съ мнѣніями, желаніями и интересами народа. Въ 1858 году, Брайтъ сказалъ намъ, что изъ шести взрослыхъ лицъ мужескаго пола пять не имѣютъ избирательныхъ правъ; а какъ стоитъ это дѣло теперь? Пять человѣкъ изъ восьми находятся теперь въ такомъ безправномъ положеніи. Четыре милліона обывателей, призванныхъ исполнять всѣ повинности гражданъ и несущихъ на себѣ всѣ соединенныя съ этимъ тягости, устранены отъ всякаго участія въ политическихъ правахъ свободы. Эта несправедливость особенно рѣзко бросается въ глаза въ графствахъ. Въ городахъ, изъ населенія въ 15 милліоновъ избирательными правами пользуются 1.850,000; въ графствахъ, изъ 20 милліоновъ—всего 1.200,000 имѣютъ право голоса".

Очевидно, въ устахъ Чамберлена либерализмъ означаетъ уже не то, что въ устахъ Брайта; радикальные принципы основываются уже не на мечтательномъ оптимизмѣ, а на положительныхъ, вполнѣ практическихъ и осуществимыхъ требованіяхъ. Законность этихъ требованій не отрицается и консерваторами. Предводитель консерватив-

ной партіи въ палатѣ лордовъ, маркизъ Салисбёри, нападаетъ на радикаловъ только въ томъ отношеніи, что они будто-бы пренебрегаютъ матеріальными нуждами неимущихъ классовъ во имя отвлеченной свободы и формальнаго равенства. На недавнемъ банкетѣ рабочей ассоціаціи лордъ Салисбёри высказалъ, между прочимъ, что въ сущности къ числу рабочихъ принадлежитъ вся трудящаяся англійская интеллигенція, не исключая самой аристократической, и что нѣтъ ничего ошибочнѣе мнѣнія о какомъ-то принципіальномъ антагонизмѣ между консерваторами и рабочимъ классомъ. Напротивъ, они—естественные союзники, по мнѣнію оратора; все дѣло только въ томъ, что радикалы обѣщаютъ гораздо болѣе, чѣмъ могутъ выполнить, а консерваторы трезво смотрятъ на предстоящія задачи и не выходятъ за предѣлы возможнаго. Принципъ консерваторовъ, по опредѣленію лорда Салисбёри, заключается въ „поддержаніи постояннаго и хорошо-организованнаго прогресса, основаннаго на свободномъ убѣжденіи и на согласіи, какъ результатѣ убѣжденія".

Есть общіе коренные интересы, относительно которыхъ не бываетъ разногласія между партіями въ Англіи. Люди всѣхъ направленій одинаково дорожатъ выгодами хорошаго, отвѣтственнаго и зорко контролируемаго управленія. Любопытный эпизодъ произошелъ въ парламентѣ, въ началѣ іюня. Въ газетахъ напечатано было извѣстіе, что младшій сынъ королевы Викторіи, герцогъ Альбани, выразилъ готовность занять вакантный постъ генералъ-губернатора Канады; но послѣ этого на указанную должность назначенъ былъ маркизъ Ландсдоунъ. Одинъ изъ ультра-консервативныхъ членовъ палаты общинъ обратился къ Гладстону съ запросомъ, дѣйствительно-ли было сдѣлано упомянутое предложеніе герцогомъ Альбани и было ли это предложеніе отклонено министерствомъ. Гладстонъ ограничился краткимъ отвѣтомъ, что желаніе герцога Альбани служить государству принято съ признательностью. Щекотливый пунктъ касательно высокаго поста, на который будто-бы разсчитывалъ молодой герцогъ, былъ совершенно обойденъ премьеромъ и не вызвалъ никакихъ дальнѣйшихъ замѣчаній въ палатѣ. За то печать воспользовалась этимъ случаемъ для обсужденія общаго вопроса о кандидатурѣ принцевъ на видныя политическія должности. Консерваторы и либералы одинаково протестовали противъ мысли о допущеніи какого-либо другого мѣрила, кромѣ опытности и способностей кандидатовъ, при избраніи лицъ на мѣста колоніальныхъ правителей. Вице-король Канады имѣетъ подъ своею властью громадное пространство земель, равное почти цѣлой Европѣ; отъ его искусства и осторожности зависитъ сохраненіе дружескихъ отношеній Англіи съ Соединенными Штатами. Извѣстный дипломатъ, лордъ Дёфферинъ,

могъ примѣнять свои дарованія въ управленіи Канадою; но герцогъ Альбани, достигшій недавно тридцати лѣтъ, не обладаетъ ни практическою подготовкою, ни знаніемъ дѣла, для надлежащаго выполненія трудныхъ обязанностей самостоятельнаго генералъ-губернатора. А главное, для принцевъ королевскаго дома неудобно было бы занимать отвѣтственное служебное положеніе относительно министерства: или отвѣтственность была бы только номинальною, и контроль оказался бы мнимымъ,—тогда страдали бы интересы государства; или же фамильный авторитетъ принцевъ подвергался бы непріятнымъ испытаніямъ, стѣсняя свободу дѣйствій правительства, безъ всякой пользы для управляемыхъ областей. Какъ для министерства, такъ и для самихъ принцевъ гораздо выгоднѣе избѣгать подобныхъ затрудненій, придерживаясь старой англійской традиціи, въ силу которой члены королевской фамиліи должны стоять въ сторонѣ отъ оффиціальной государственной дѣятельности. Исключеніе изъ этого правила составляетъ нынѣ герцогъ Кембриджскій, главнокомандующій англійскихъ войскъ; и это обстоятельство, какъ увѣряетъ „Pall-Mall Gazette“, создаетъ массу излишнихъ заботъ для каждаго военнаго министра. Самые преданные друзья принцевъ не возражаютъ противъ приведенныхъ доводовъ, ибо для всякаго ясно въ Англіи, что интересы страны и государства не терпятъ никакихъ уклоненій и изъятій.

II.

Вялая, какъ-будто застывшая, тяжелая политическая жизнь современной Германіи переноситъ насъ въ атмосферу, напоминающую отчасти душный воздухъ госпиталей. Великій канцлеръ давно уже боленъ, и его болѣзнь отражается на внутреннемъ состояніи имперіи,—какъ это всегда бываетъ при системѣ чисто-личнаго управленія. Онъ давно уже разошелся съ большинствомъ нѣмецкаго образованнаго общества и далеко еще не сошелся съ массою рабочаго народа; однако, онъ твердо стоитъ на своемъ посту, не заботясь ни о возрастающемъ числѣ противниковъ, ни о покидающихъ его приверженцахъ. Онъ не выпускаетъ кормила изъ своихъ нервныхъ рукъ, и государственный корабль движется съ трудомъ, порывисто и неровно, то останавливаясь, то пятясь назадъ. Князь Бисмаркъ не довѣряетъ никому; онъ полагается только на самого себя и на послушныхъ ему исполнителей, какъ-будто не замѣчая, что и въ него перестали вѣрить, что и ему силы уже измѣняютъ, что старость беретъ свое и что не справиться ему съ дѣломъ, все болѣе усложняющимся, при недостаткѣ живого общественнаго содѣйствія. Онъ создалъ около

себя искусственное одиночество, удалилъ лучшихъ независимыхъ сотрудниковъ и остался наединѣ съ вѣрными бездарными слугами. Онъ оттолкнулъ отъ себя всѣхъ тѣхъ, кто не скрывалъ предъ нимъ своихъ самостоятельныхъ мнѣній и указывалъ ему на возможныя ошибки въ его дѣйствіяхъ. Онъ не имѣетъ достойныхъ помощниковъ и не подготовилъ себѣ преемника. Народное представительство, какъ законное выраженіе общаго голоса страны, превращено имъ въ безсильное орудіе, свидѣтельствующее лишь о томъ, что̀ должно быть, но не могущее вліять на дѣйствительность. Даровитые люди и энергическіе характеры стали мало-по-малу уходить съ неблагодарнаго политическаго поприща. Князь Бисмаркъ достигъ, повидимому, своей цѣли,—онъ уничтожилъ или парализовалъ противодѣйствіе его личной политикѣ; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ парализовалъ самую жизнь, для которой эта политика предназначалась. Чтобы освободиться отъ кажущихся неудобствъ открытой оппозиціи, борьбы, онъ возбудилъ противъ себя скрытое недоброжелательство въ средѣ наиболѣе честныхъ общественныхъ элементовъ Германіи. Чтобы избѣгнуть необходимости считаться съ желаніями народа, онъ остановилъ правильный ходъ своей законодательной дѣятельности и построилъ свои разсчеты на временныхъ комбинаціяхъ, столь же шаткихъ, какъ и произвольныхъ. Чтобы ослабить парламентскій контроль, онъ привелъ къ упадку единственную партію, на которую онъ могъ опереться и которая оказала ему много важныхъ услугъ въ первые годы послѣ основанія имперіи.

Національ-либералы составляли когда-то внушительное большинство въ парламентѣ; около нихъ группировались и къ нимъ примыкали всѣ патріоты, мечтавшіе соединить военное могущество съ гражданскою свободою. Они поклонялись князю Бисмарку и готовы были слѣдовать за нимъ куда угодно, лишь бы только онъ оказывалъ имъ нѣкоторую долю вниманія. Требованія ихъ были всегда очень скромны; они не шли дальше соблюденія внѣшняго парламентскаго декорума. Канцлеръ могъ всего добиться отъ палаты, когда онъ удостоивалъ приглашать видныхъ членовъ ея на свои парламентскіе вечера и заранѣе сообщалъ о своихъ намѣреніяхъ; а если результатъ былъ все-таки сомнителенъ, то ему стоило только лично вмѣшаться въ пренія, чтобы одержать легкую побѣду. Національ-либералы были драгоцѣнные союзники для князя Бисмарка; они работали много и дѣльно въ области законодательныхъ улучшеній, охотно дѣлали всякія уступки правительству, расширяли военный бюджетъ и не отказывали ни въ чемъ существенномъ. Нѣмцы были довольны, какъ пріобрѣтенною славою, такъ и открывшеюся имъ перспективою спокойнаго внутренняго развитія. Вдругъ все это рас-

строилось, и дѣла пошли по новому пути. Канцлеръ измѣнилъ свои взгляды и не пожелалъ пользоваться услугами націоналъ-либераловъ. Талантливый помощникъ его, Дельбрюкъ, принужденъ былъ выйти въ отставку. Постепенно возстановилось личное управленіе, принимавшее все болѣе рѣзкій характеръ. Тѣсно связанная съ политикою князя Бисмарка и солидарная съ нимъ во многомъ, націоналъ-либеральная партія утратила всякое практическое значеніе съ той минуты, какъ перестала быть партіею правительственною; ибо для дѣятельной оппозиціи она не годилась уже по умѣренности своихъ принциповъ и по характеру своего прошлаго. Уменьшаясь все болѣе въ числѣ и въ силѣ, она легко доведена была до полнаго разложенія. Органы канцлера открыто выставили цѣль правительства: вмѣсто націоналъ-либераловъ, игравшихъ все-таки роль самостоятельныхъ союзниковъ и претендовавшихъ на нѣкоторую долю политической свободы, нужно было организовать новую партію, способную соединиться около имени Бисмарка безъ всякихъ условій или требованій. Канцлеръ былъ, повидимому, увѣренъ, что необычная популярность его имени въ Германіи сразу выдвинетъ желанное большинство представителей, въ видѣ тѣсно-сплоченной группы, проникнутой восторженною рѣшимостью подчиняться князю Бисмарку. Но ожиданія не сбылись, къ крайнему удивленію патріотовъ оффиціозной печати: никакой партіи Бисмарка вовсе не оказалось въ народѣ, а взамѣнъ ея выступила горсть преданныхъ людей, скрывшая свою настоящую окраску подъ стыдливымъ псевдонимомъ „свободнаго консерватизма". Разсчетъ оказался ошибочнымъ;—князь Бисмаркъ потерялъ старыхъ приверженцевъ въ парламентѣ, а новыхъ не пріобрѣлъ. Послѣ неоднократныхъ попытокъ замѣнить чѣмъ-либо равносильнымъ разбитую партію націоналъ-либераловъ, правительство очутилось въ томъ неопредѣленномъ и трудномъ положеніи, изъ котораго не найденъ еще понынѣ удобный и окончательный выходъ. Безплодная борьба съ парламентомъ и съ общественнымъ мнѣніемъ еще болѣе затянула кризисъ, сдѣлавъ его какъ бы хроническимъ. Князь Бисмаркъ считалъ для себя стѣснительнымъ существованіе даже такой безобидной партіи, какъ націоналъ-либералы; онъ захотѣлъ полнаго подчиненія и добился противуположнаго результата—всеобщаго систематическаго отпора.

Чтó выигралъ и чтó могъ выиграть германскій канцлеръ отъ всей этой неурядицы, внесенной имъ во внутреннюю жизнь нѣмецкаго народа? Поставивъ свои личныя мнѣнія и вкусы впереди мнѣній и чувствъ цѣлой страны, князь Бисмаркъ нарушилъ одно изъ основныхъ условій правильнаго общественнаго развитія. Ничего прочнаго не можетъ быть построено на взглядахъ и впечатлѣніяхъ от-

дѣльной личности, въ области интересовъ и дѣлъ многомилліоннаго государственнаго союза. Даже великая и геніальная личность измѣняется съ годами, поддается невольнымъ иллюзіямъ и самообольщеніямъ, испытываетъ разнообразное дѣйствіе лести, славы и разочарованій, привыкаетъ къ общему поклонничеству и начинаетъ все болѣе вѣрить въ свою непогрѣшимость по мѣрѣ ослабленія своихъ умственныхъ силъ отъ старости и болѣзней;—а народъ, какъ цѣлое, живетъ и развивается вѣками, слѣдуя извѣстнымъ кореннымъ инстинктамъ и идеаламъ, передаваемымъ изъ поколѣнія въ поколѣніе. Государство получаетъ ненормальное, болѣзненное направленіе, если интересы его, обнимающіе не только настоящее, но и будущее, втискиваются въ рамки преходящихъ личныхъ воззрѣній, безъ органической связи съ сознаніемъ всего народа.

Для многихъ въ Германіи непродолжительный періодъ начала семидесятыхъ годовъ представляется какою-то идилліею, сравнительно съ позднѣйшимъ и настоящимъ положеніемъ. И это только потому, что тогда существовала видимая гармонія между правительствомъ и общественнымъ мнѣніемъ, что избранные народомъ депутаты могли спокойно исполнять свои обязанности и что личная воля канцлера не шла еще въ разрѣзъ съ господствующимъ настроеніемъ страны. Тогда и князь Бисмаркъ, какъ глава правительства, не имѣлъ повода жаловаться; онъ могъ на дѣлѣ убѣдиться, что въ сущности нѣтъ ничего легче и удобнѣе, какъ идти рука объ руку съ парламентомъ, представляющимъ собою средній выводъ изъ разнообразныхъ теченій и желаній народныхъ. Тогда, при преобладающемъ духѣ единенія и согласія, осуществляются безъ труда самыя сложныя предпріятія; законодательство дѣйствуетъ плавно, безъ вредныхъ колебаній и остановокъ; государственныя дѣла ведутся спокойно и разумно, при непрерывномъ всестороннемъ освѣщеніи ихъ въ парламентѣ и въ печати. Почему князь Бисмаркъ промѣнялъ эту естественную, благотворную политику на безцѣльное исканіе „крѣпкой власти“ въ политической пустынѣ, при системѣ вражды и раздраженія? По всей вѣроятности, эта психологическая загадка вытекаетъ изъ общихъ слабостей человѣческихъ, присущихъ и менѣе выдающимся дѣятелямъ, чѣмъ Бисмаркъ.

Чрезмѣрное разъединеніе нѣмецкихъ партій, которое прежде вызывалось и поддерживалось правительствомъ, стало теперь тормазомъ для дѣятельности государства. Случайныя соглашенія партій не даютъ надежной точки опоры, и серьёзныя законодательныя работы становятся почти невозможными или откладываются изъ года въ годъ. Устраненіе даровитыхъ и популярныхъ людей отъ участія въ законодательствѣ даетъ себя сильно чувствовать,—какъ ни прене-

брежительно отзывается о „парламентаристахъ“ министерская пресса. Предводители національно-либеральной партіи, Эдуардъ Ласкеръ и Рудольфъ фонъ Беннигсенъ, оказали важныя услуги дѣлу внутренняго обновленія Германіи, въ періодъ законодательныхъ реформъ. Трудолюбивый и полезный членъ парламента, Ласкеръ, воплощалъ въ себѣ идеи нѣмецкаго прогрессивнаго либерализма и нѣмецкой честности. Всѣ помнятъ его смѣлыя филиппики противъ злоупотребленій биржевого и промышленнаго ажіотажа, увлекшаго даже придворную аристократію; не забыты его разоблаченія финансовыхъ продѣлокъ Вагенера, одного изъ личныхъ пріятелей канцлера. Ласкеръ былъ во многихъ случаяхъ энергическимъ союзникомъ князя Бисмарка въ парламентѣ; онъ, повидимому, не прочь былъ примкнуть къ правительству, но все-таки сохранялъ за собою нѣкоторую свободу сужденій и дѣйствій. Между тѣмъ, медовые годы либерализма прошли; Ласкеръ не нуженъ былъ болѣе и благоразумно сошелъ со сцены. Какъ человѣкъ, оставленный за штатомъ, онъ путешествуетъ теперь по Америкѣ и изучаетъ на досугѣ жизнь Соединенныхъ Штатовъ. Бывшій товарищъ его по парламентской карьерѣ, фонъ-Беннигсенъ, держался еще во главѣ своей сократившейся партіи и не терялъ надежды на возможность соглашенія съ княземъ Висмаркомъ, съ которымъ онъ находился въ хорошихъ личныхъ отношеніяхъ. Беннигсенъ пользуется громаднымъ уваженіемъ и авторитетомъ въ Германіи, въ качествѣ дѣльнаго парламентскаго оратора и государственнаго человѣка; достоинство его поведенія и характера, широкая популярность, а также фамильныя связи и общественное положеніе выдвигали его какъ наиболѣе подходящаго кандидата на постъ перваго министра Пруссіи, въ случаѣ удаленія канцлера отъ дѣлъ или серьёзнаго поворота въ его политикѣ. Въ послѣдніе годы много говорилось о склонности князя Бисмарка пользоваться совѣтами и сотрудничествомъ Беннигсена; не разъ указывалось на вѣроятность вступленія послѣдняго въ министерство. Но и Беннигсенъ, при всей своей терпѣливой сдержанности, долженъ былъ убѣдиться, что безполезно разсчитывать на перемѣну политическихъ принциповъ со стороны самовластнаго канцлера, раздражительнаго и больного. Роль Беннигсена могла-бы оказаться уже двусмысленною, если бы онъ продолжалъ питать обманчивое довѣріе къ установившемуся режиму.

Во время послѣдней сессіи германскаго и прусскаго парламентовъ, министры, извѣстные своею точною исполнительностью по отношенію къ инструкціямъ князя Бисмарка, открыто насмѣхались надъ привилегіями палатъ и между прочимъ претендовали на право говорить въ серединѣ рѣчи любого оратора. Отъ такихъ посред-

ственностей, какъ Шольцъ, Беттихеръ, Бурхардтъ и другіе, обидно получать тѣ вызовы, которые можно еще простить могучему канцлеру; но государственные люди и чиновники, какъ бы малы ни были ихъ права на безсмертіе, всегда готовы забыть старинное мудрое правило: „quod licet Jovi, non licet bovi". Какъ-будто въ видѣ отвѣта на безцеремонныя выходки министровъ, фонъ-Беннигсенъ рѣшилъ сложить съ себя депутатскія полномочія и удалиться въ провинцію. Одновременно съ закрытіемъ парламентской сессіи, въ газетахъ заявлено было о выходѣ Беннигсена изъ имперскаго и прусскаго сеймовъ. Вѣсть эта произвела сенсацію въ Германіи и надолго заняла ежедневную печать; князь Бисмаркъ былъ непріятно пораженъ неожиданнымъ для него поступкомъ человѣка, который одинъ еще способенъ былъ склонить на сторону правительства большинство нѣмецкихъ умѣренныхъ либераловъ.

Политика личнаго усмотрѣнія приноситъ свои плоды; государственныя дѣла Германіи переходятъ въ руки усердныхъ бездарностей и монополизируются въ прессѣ кучкою крикливыхъ лицемѣровъ. Долго-ли можетъ продолжаться такое ненормальное состояніе—судить трудно; при современныхъ обстоятельствахъ это зависитъ все-таки отъ состоянія здоровья и личнаго настроенія имперскаго канцлера, съ которымъ престарѣлый императоръ едва-ли разстанется пока живъ.

Впрочемъ, въ такомъ печальномъ видѣ представляется внутреннее состояніе имперіи съ точки зрѣнія людей, привыкшихъ къ добросовѣстной практикѣ парламентскихъ учрежденій. Говоря безотносительно, нужно сказать, что есть еще не мало хорошаго въ политической жизни нѣмцевъ и что не все такъ дурно у нихъ, какъ кажется имъ самимъ. Всемогущій канцлеръ все-таки скромно обращается въ судъ, когда находитъ себя оскорбленнымъ или оклеветаннымъ въ какой-нибудь газетѣ; а такъ какъ подобные случаи повторяются почти ежедневно, то князю Бисмару приходится очень часто возбуждать процессы объ оскорбленіи или клеветѣ. Обвиняемые нерѣдко оправдываются судомъ или приговариваются къ ничтожнымъ штрафамъ. Недавно еще былъ оправданъ профессоръ Моммзенъ по такому-же дѣлу. Канцлеръ не имѣетъ никакого спеціальнаго оружія противъ нападающихъ на него публицистовъ и ораторовъ; онъ обороняется только общимъ для всѣхъ закономъ и судомъ, наравнѣ съ простыми смертными. И великій канцлеръ не замѣчаетъ въ этомъ никакого подрыва своему авторитету и никакого потрясенія государственныхъ основъ; по крайней мѣрѣ не слышно вовсе о томъ, чтобы онъ думалъ предпринимать что-либо противъ существующей свободы печати. А возможность высказываться свободно въ печати

и въ представительныхъ собраніяхъ служитъ сама по себѣ удовлетвореніемъ для недовольныхъ умовъ, давая законный выходъ накопившемуся недовольству, которое въ противномъ случаѣ могло-бы отзываться въ обществѣ вреднымъ раздраженіемъ.

Окончившійся нынѣ законодательный періодъ имперскаго сейма также прошелъ не совсѣмъ безплодно. Одинъ изъ соціальнополитическихъ проектовъ правительства, а именно, законъ о страхованіи рабочихъ на случай болѣзни, принятъ весьма значительнымъ большинствомъ голосовъ. Другой проектъ, касающійся страхованія рабочихъ отъ несчастныхъ случаевъ, не могъ еще выйти изъ области предварительнаго разсмотрѣнія, такъ какъ возбуждаемыя имъ разногласія слишкомъ упорны. Консервативнымъ партіямъ удалось провести передѣлку промышленнаго устава въ духѣ полицейскихъ ограничительныхъ мѣръ прежняго времени. Любимый проектъ канцлера — введеніе табачной монополіи—отклоненъ подавляющимъ числомъ голосовъ, такъ-что дальнѣйшихъ попытокъ въ этомъ родѣ придется ожидать не скоро. Отвергнуто также предложеніе возвысить покровительственныя пошлины на ввозимыя изъ-за границы дрова. Наконецъ, палата рѣшительно отклонила мысль о разсмотрѣніи бюджетныхъ смѣтъ на два года впередъ, но должна была тѣмъ не менѣе утвердить бюджетъ 1884—5 года, вслѣдствіе обращеннаго къ ней особаго императорскаго посланія по этому поводу. Обезпечивъ себя заранѣе относительно будущаго финансоваго года, правительство можетъ уже обойтись безъ палаты и не созывать ея на осеннюю сессію,—хотя это было-бы явнымъ нарушеніемъ обѣщанія ускорить обсужденіе соціально-политической реформы. По прежнему, самымъ сильнымъ и неутомимымъ оппонентомъ правительства былъ Евгеній Рихтеръ, предводитель все болѣе усиливающейся партіи прогрессистовъ; онъ досаждалъ министрамъ на каждомъ шагу, не пропуская ни одного промаха ихъ безъ насмѣшливой критики. Публичная критика правительственныхъ дѣйствій все-таки существуетъ въ Германіи, и это позволяетъ нѣмцамъ съ надеждою смотрѣть въ будущее.

III.

Во Франціи внутренняя политика имѣетъ въ себѣ нѣчто неуловимое, какъ будто, и туманное; можно даже сказать, что нѣтъ никакой внутренней политики при республиканскомъ правительствѣ, а есть только программы реформъ, предлагаемыя различными партіями и министерствами. Въ Англіи также не принято говорить о внутренней политикѣ министерства,—ибо въ дѣлахъ управленія не оказывается раз-

личія между консерваторами и либералами. Кабинетъ Гладстона не можетъ иначе относиться къ правамъ гражданъ и всего общества, чѣмъ администрація лорда Биконсфильда или Салисбёри. Имѣть „политику" относительно населенія страны свойственно только такимъ государственнымъ людямъ, для которыхъ существуютъ еще вопросы о возможности укрощать и подтянуть, запрещать и дозволять, примѣнять или обходить законы, проявлять консервативную строгость или либеральную мягкость;—но Англія давно уже вышла изъ такого состоянія, и люди съ „внутреннею политикою" не имѣютъ мѣста въ рядахъ англійскихъ политическихъ партій. Другое дѣло, когда вопросъ касается какой-нибудь спеціальной части королевства, поставленной въ исключительное положеніе, какъ напримѣръ Ирландія: тутъ уже является политика, предназначенная для безправныхъ ирландцевъ и называемая поэтому ирландскою, а не внутреннею вообще. Политическіе оттѣнки начинаются только съ вопросовъ законодательныхъ—съ вопросовъ о томъ, какія реформы должны быть предложены и приведены въ исполненіе, какими мѣрами можетъ быть удовлетворена та или другая общественная потребность. Въ этой сферѣ консерваторы расходятся уже съ либералами, либералы—съ радикалами, радикалы—съ соціалистами. Точно также во Франціи почти вполнѣ исчезла сложная область внутренней политики, получившая такое обширное и утонченное развитіе во времена второй имперіи. Наполеоновскіе министры и префекты старательно разрабатывали искусство—плодить недоразумѣнія и благополучно разрѣшать ихъ; въ этомъ заключалась главная ихъ задача. Теперь французскимъ политическимъ дѣятелямъ не приходится уже хлопотать о поддержаніи шаткой власти искусственными и незаконными способами; споры между партіями ведутся исключительно на почвѣ реформаторскаго движенія, которое для однихъ идетъ быстрѣе и дальше, а для другихъ — медленнѣе и тише. Министры, при вступленіи въ должность, объявляютъ уже не о томъ, какъ они будутъ поступать съ гражданами—мягко или круто; они имѣютъ предъ собою другія задачи и обязанности, болѣе полезныя для населенія. Оттого-то кажется иногда, что во внутреннихъ дѣлахъ Франціи господствуетъ какая-то неопредѣленность и неясность. Вмѣсто точныхъ министерскихъ „никогда", прославившихъ эпоху бонапартистскаго управленія, постоянно высказывается стремленіе по возможности лучше исполнить желанія общества и народа. А такъ какъ общественное настроеніе часто мѣняется у впечатлительныхъ французовъ, то и правительственныя заботы мѣняются, и министры не долго держатся на своихъ мѣстахъ. Недолговѣчность кабинетовъ мѣшаетъ представи-

телямъ власти предаваться чувствамъ властолюбія, возноситься надъ простыми смертными и забывать свое служебное назначеніе.

Внутренніе вопросы не представляютъ теперь жгучаго общаго интереса для политическихъ людей Франціи; никто не увлекается серьёзно ни реформою магистратуры, ни закономъ о ссылкѣ рецидивистовъ въ колоніи, ни второстепенными проектами, обсуждавшимися въ палатѣ депутатовъ за послѣднее время. Французскій національный характеръ несовмѣстимъ съ осторожнымъ и постепеннымъ ходомъ законодательства; увлеченія и порывы отражаются на преобразованіяхъ, требуемыхъ депутатскими кружками и поддерживаемыхъ значительною частью журналистики. Реформа магистратуры давно уже стояла на очереди и выдвигалась поочередно смѣнявшимися министерствами, подъ давленіемъ передовыхъ парламентскихъ партій. Но ради чего потребовалась и чѣмъ вызвана эта реформа, по мнѣнію большинства французскихъ прогрессистовъ? Мотивъ очень простой: въ судебномъ сословіи находятся еще элементы, насажденные бонапартизмомъ и враждебные существующему республиканскому строю;—нужно ихъ устранить, а для этого надо уничтожить, по крайней мѣрѣ на время, принципъ несмѣняемости судей. Реформаторы готовы были идти даже гораздо дальше. Палата депутатовъ приняла предложеніе о выборѣ судей народомъ, хотя избирательное начало противорѣчитъ всѣмъ судебнымъ традиціямъ и понятіямъ. Многіе судьи и трибуналы успѣли отличиться въ преслѣдованіи республиканцевъ; они и понынѣ не скрываютъ своихъ монархическихъ или клерикальныхъ симпатій, примѣшивая ихъ часто къ дѣлу отправленія правосудія. Понятно раздраженіе и даже негодованіе по поводу пристрастныхъ судебныхъ приговоровъ, направленныхъ противъ лицъ той или другой партіи; но вытекаетъ-ли отсюда необходимость крутой ломки судебныхъ учрежденій? По естественному ходу вещей, устарѣлые и неправедные судьи уйдутъ на покой раньше или позже; нигдѣ они не составляютъ большинства, и можно было бы ожидать ихъ постепеннаго исчезновенія, безъ особеннаго ущерба для общества. Однако французскимъ радикаламъ некогда ждать; имъ нужна немедленная и коренная реформа судебной организаціи, хотя-бы для этого пришлось перевернуть вверхъ дномъ всѣ суды Франціи. Эта стремительность и поспѣшность составляетъ одну изъ слабыхъ сторонъ французскихъ законодательныхъ предпріятій.

Нынѣшній министръ юстиціи, Мартэнъ-Фелльe, выработалъ и внесъ въ палату проектъ, не лучше и не хуже предшествовавшихъ. Министру предоставляется право увольнять и перемѣщать судей въ теченіе трехъ мѣсяцевъ со времени изданія закона; а затѣмъ, когда очистка магистратуры уже совершилась, возстановляется опять прин-

ципъ несмѣняемости. Можно себѣ представить тревогу въ средѣ многочисленныхъ судебныхъ мѣстъ и лицъ, отданныхъ въ полное трехмѣсячное распоряженіе министерской канцеляріи; неизбѣжныя интриги, заискиванія однихъ и доносы другихъ, проявленія личной вражды и соперничества, всякія недоразумѣнія и ошибки,—все это принесетъ неизмѣримо больше вреда интересамъ правосудія, чѣмъ существованіе нѣсколькихъ сотенъ бонапартистовъ и клерикаловъ, въ рядахъ французскихъ республиканскихъ судей. Временное уничтоженіе принципа несмѣняемости, хотя-бы для самыхъ хорошихъ цѣлей, можетъ надолго подорвать нормальную жизнь магистратуры; въ то же время оно возродитъ и усилитъ затихшія политическія страсти, создастъ новыхъ враговъ республикѣ и послужитъ опаснымъ прецедентомъ, которымъ не преминутъ воспользоваться монархисты въ случаѣ возможнаго въ будущемъ торжества. Палата депутатовъ тѣмъ не менѣе приняла законъ, съ нѣкоторыми поправками, не смотря на обстоятельныя возраженія такихъ ораторовъ, какъ Рибо. Быть можетъ, многіе изъ сторонниковъ закона въ палатѣ заранѣе разсчитывали на сенатъ, гдѣ подобныя реформы подвергаются обыкновенно существеннымъ исправленіямъ.

Вниманіе политическихъ дѣятелей и публицистовъ Франціи поглощается теперь главнымъ образомъ вопросами внѣшней, колоніальной политики. Французскіе военные отряды дѣйствуютъ одновременно въ Тонкинѣ и въ Мадагаскарѣ; дипломатія занята переговорами съ Китаемъ, а парижскія газеты отстрѣливаются отъ нападеній лондонской прессы, относящейся крайне недоброжелательно къ новѣйшимъ „завоевательнымъ“ планамъ французскаго правительства. Извѣстно, что еще Гамбетта смотрѣлъ на далекія экспедиціи, какъ на самую лучшую школу для арміи и флота, призванныхъ къ великому дѣлу „возмездія“. Независимо даже отъ этой послѣдней цѣли, увеличеніе колоній составляетъ теперь настоящую злобу дня во Франціи, по многимъ причинамъ политическаго и коммерческаго свойства, о которыхъ мы не разъ упоминали въ прежнихъ обозрѣніяхъ. Вѣроятно, и газетная полемика между Англіею и Франціею приметъ болѣе примирительный оттѣнокъ, подъ вліяніемъ могущественныхъ и разнообразныхъ связей, побуждающихъ обѣ державы искать тѣснаго между собою сближенія. Передовые народы европейскаго запада являются противовѣсомъ тройственному центральному союзу, и англо-французская дружба есть обязательный, необходимый факторъ современнаго политическаго положенія въ Европѣ, какъ это признаютъ наиболѣе выдающіеся государственные люди съ обѣихъ сторонъ.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

1-е іюля, 1883.

—Историческая живучесть русскаго народа и ея культурныя особенности. Профессора *М. Кояловича*. Сказано въ засѣданіи Славянскаго Благотворительнаго Общества 23-го января 1883 г. Спб. 1883.

Славянское Благотворительное Общество давно уже играетъ какую-то странную роль: отъ времени до времени покидая вопросы о благотвореніи славянству, оно вмѣшивается въ нашу домашнюю современность, и рѣшаетъ ея вопросы, дѣйствительные или воображаемые.—Не знаемъ, достигаютъ ли до славянства рѣчи, произносимыя въ собраніяхъ Общества, но думаемъ, что если достигаютъ, то вѣроятно приводятъ многихъ славянъ въ великое недоумѣніе; многихъ русскихъ читателей приводятъ несомнѣнно. Въ этихъ рѣчахъ, кромѣ обычныхъ славянофильскихъ мнѣній, проводились въ последнее время также публицистическія тэмы Достоевскаго.

На этотъ разъ г. Кояловичъ, одинъ изъ ораторовъ Общества, издалъ свою рѣчь отдѣльной брошюрой, на которой мы остановимся какъ по имени автора, извѣстнаго профессора, такъ и по тэмѣ сочиненія. Авторъ остановился на „безконечномъ спорѣ между такъ-называемыми у насъ западниками или поборниками правового порядка, съ одной стороны, и народниками, самобытниками съ другой", гдѣ „постоянно поднимается вопросъ: что̀ самобытно-культурнаго выработало наше русское прошедшее, каковы самобытные идеалы Россіи?" Авторъ находитъ, что судя по текущей нашей литературѣ—„съ самою бо̀льшею смѣлостію и самоувѣренностію вопросъ этотъ рѣшается отрицательно (это и легко дѣлать,—замѣчаетъ онъ въ скобкахъ:—не нужно для этого *большихъ знаній*), а положительное рѣшеніе его дается съ недостаточною ясностію или полнотою, по самому свойству, предмета, требующаго *большихъ знаній* и мало удобнаго для легкаго изложенія"—такъ что, оказывается, и самобытные народники знаніями не отличаются. Для массы читателей остается, по

словамъ автора, „нерѣшеннымъ: что же въ самомъ дѣлѣ? дѣйствительно ли въ нашемъ русскомъ прошедшемъ нѣтъ ничего самобытно-культурнаго, нѣтъ никакихъ самобытныхъ идеаловъ, или та часть нашего общества, которая такъ смѣло (?) поднимаетъ недоумѣнные вопросы о нашей русской культурности и самоувѣренно рѣшаетъ ихъ отрицательно, до такой степени упала въ смыслѣ народномъ, что не знаетъ и не понимаетъ своего родного прошедшаго?—Вотъ дилемма,—говоритъ авторъ,—которая, смѣю думать, правильно выведена изъ вышеприведенныхъ данныхъ и которую можно бы назвать роковою (?) для насъ русскихъ".

Хотя „отрицательная" точка зрѣнія—дѣло совершенно пустое, по мнѣнію автора, но дальше оказывается, что споръ двухъ взглядовъ имѣетъ и „серьезную постановку", а именно, съ положительной стороны — въ статьяхъ „Руси", съ отрицательной — въ нѣкоторыхъ статьяхъ „Вѣстника Европы".

Въ своей рѣчи авторъ не намѣревался однако пускаться въ обширную литературу предмета, и предпочелъ отвѣтить на вопросъ инымъ путемъ, а именно, представивъ вниманію своихъ слушателей и читателей „выдающіеся факты объ исторической живучести русскаго народа, какъ одномъ изъ главнѣйшихъ условій прочной культурности,—причемъ само собою раскроется другое главное условіе ея—степень даровитости, и наконецъ обнаружатся самыя культурныя явленія и силы нашего прошедшаго".

Тэма „самобытности" въ писаніяхъ газетныхъ публицистовъ новѣйшаго времени достаточно знакома читателю; можно бы оставить ее въ покоѣ; но теперь берется за нее ученый профессоръ, и въ области своей спеціальности. Къ сожалѣнію, въ новомъ изложеніи этой тэмы повторяются тѣ же странности и нѣкоторые дурные пріемы,—ихъ можно бы особенно не желать въ трудѣ писателя, который долженъ быть знакомъ съ требованіями критическаго изложенія.

Начать съ того, что первая постановка вопроса,—правда, существующая въ фельетонной литературѣ извѣстной категоріи,—чрезвычайно странна со стороны ученаго профессора. Что за противопоставленіе „западниковъ или поборниковъ правового порядка" и „народниковъ или самобытниковъ"! Можно согласиться съ отождествленіемъ „западниковъ" съ „поборниками правового порядка", но какимъ образомъ эти люди являются въ то же время отрицателями культурности русскаго народа,—мы не понимаемъ. Повидимому (если уже остановиться на этомъ опредѣленіи „западничества", избитой клички, не выражающей дѣла), одно то, что западники являются поборниками правового порядка, т.-е. сколько можно глубокаго рас-

пространенія началъ права и законности, указываетъ, что они ни мало не сомнѣваются въ воспріимчивости русскаго народа къ этимъ началамъ, т.-е. ни мало не сомнѣваются въ его культурности.—Что эти начала не достаточно распространены въ русской жизни—авторъ, вѣроятно, не станетъ отвергать, слѣд. дозволительно желать ихъ распространенія; что они составляютъ одну изъ основныхъ сторонъ культуры,—онъ, вѣроятно, также согласится. Откуда же берется у него отождествленіе „западничества" и отрицанія? Поступаетъ ли авторъ критически,—и скажемъ даже, добросовѣстно,—снабжая цѣлую обширную область нашей литературы качествомъ „отрицанія", которое самъ тутъ же приравниваетъ къ „паденію въ смыслѣ народномъ", къ „непониманію своего родного прошлаго"? Многимъ „западникамъ" принадлежатъ самыя серьёзныя заслуги въ разъясненіи этого прошлаго и въ разъясненіи самого народнаго вопроса—куда ихъ дѣнетъ и какъ ихъ посудитъ г. Кояловичъ?

Не меньше недоумѣній возбуждаетъ опредѣленіе „народниковъ *или* самобытниковъ". Оба выраженія, вошедшія лишь недавно въ литературное обращеніе, имѣютъ пока очень условный смыслъ и значатъ во всякомъ случаѣ не одно и то же. Народники—собственно люди, бросающіеся въ послѣднее время на изученіе народнаго быта, обыкновенно болѣе или менѣе горячо привязанные къ предмету своихъ изысканій, къ народу; но они дѣлятся на весьма непохожіе оттѣнки, которые не легко характеризовать рѣзкими чертами, но которые несомнѣнно существуютъ. Напр., одни больше оптимисты, другіе наклонны смотрѣть на народную жизнь съ ея мрачныхъ и тяжелыхъ сторонъ; по взглядамъ общественно-политическимъ „народники" не составили пока никакой опредѣленной точки зрѣнія, какъ и сами не составляютъ никакого опредѣленнаго круга или партіи; ихъ мнѣнія идутъ отъ неопредѣленной вѣры въ то, что народъ самъ создастъ себѣ какія-то ему сродныя формы быта, до теорій, похожихъ на радикальный соціализмъ; очень часто они отвергаютъ пригодность для нашего народа общественно-политическихъ формъ западной Европы, но рѣдко отвергаютъ необходимость европейскаго знанія. Часто они бываютъ близки съ западниками, раздѣляютъ ихъ главныя мнѣнія, иногда совсѣмъ съ ними тождественны; но ни въ какомъ случаѣ ихъ нельзя смѣшивать съ „самобытниками", небольшимъ кружкомъ эпигоновъ славянофильства, имѣющимъ свой органъ въ газетѣ „Русь". Разница между ними бросается въ глаза. Въ то время, какъ „народники" стоятъ, теретически конечно, за возможное расширеніе народной самодѣятельности, самобытники „Руси" весьма недвусмысленно проповѣдуютъ необходимость опеки; когда одни настаивали на необходимости поддержки народнаго хозяйства

расширеніемъ земельныхъ надѣловъ, другіе упорно это отрицали и бросали въ тѣхъ бранью и инсинуаціями; когда одни, сколько возможно, работали для разъясненія положенія крестьянской массы, другіе занимались напыщеннымъ словоизверженіемъ, смыслъ котораго былъ такъ обоюденъ, что многіе до сихъ поръ не могутъ добиться настоящаго значенія высокопарнаго фразерства, наполняющаго передовыя статьи самобытническаго „органа". Настоящіе, искренніе и разумные, народники никогда не бывали врагами просвѣщенія; „самобытники" и ихъ прихвостни обезпечили себѣ страницу въ исторіи дикими нападеніями на образованіе.

Итакъ, противопоставленіе двухъ спорящихъ взглядовъ сдѣлано г. Кояловичемъ весьма поверхностно, и „дилемма", имъ выведенная, есть дилемма воображаемая, а считать ее „роковою" довольно смѣшно. Дилемма состоитъ вовсе не въ этомъ.

Послѣдуемъ дальше за г. Кояловичемъ. Мы упомянули, что, не вмѣшиваясь въ споръ, онъ желалъ простымъ историческимъ обзоромъ доказать „живучесть русскаго народа" и его культурность, т. е. поддержать мнѣнія самобытниковъ (излагаемыя ими самими „съ недостаточною ясностію и полнотою") и обличить западниковъ или „поборниковъ правового порядка" (въ рядъ послѣднихъ авторъ засчитываетъ и „В. Европы"). Но какъ авторъ смутно представлялъ себѣ предметъ спора литературныхъ лагерей, такъ и эта защита самобытниковъ выходитъ очень странной. Непостижимо, противъ кого онъ споритъ и къ чему накопляетъ свои доказательства.

Для обличенія западниковъ, отрицающихъ будто бы культурность русскаго народа и дѣлающихъ это „легко", потому что для этого „не нужно большихъ знаній", авторъ дѣлаетъ обзоръ русской исторіи—въ объемѣ „знаній", не превышающемъ краткаго курса Иловайскаго,—и доказываетъ „живучесть русскаго народа", занявшаго и колонизовавшаго громадную территорію, вынесшаго тяжкія историческія испытанія, какъ татарскій разгромъ, времена междуцарствія, сознавшаго необходимость государственнаго устройства, развившаго земскую жизнь, явившаго въ своей древности не мало замѣчательныхъ характеровъ, христіанской и общественной доблести и т. д.: русскій народъ создалъ, въ центрѣ своего громаднаго государства, великое этнографическое цѣлое, которое „своими силами держитъ историческія судьбы Россіи" и т. д., и т. д.

Читатель приходитъ въ недоумѣніе. Все это прекрасно, но кто же „отрицаетъ" все это?—Авторъ продолжаетъ, однако, ломиться въ отворенную дверь, внушаетъ читателю, „какъ важно знать и соображать благопріятныя и неблагопріятныя условія жизни этого русскаго зерна",—и замѣчаетъ: „съ этой точки зрѣнія получаютъ осо-

бенно важное значеніе недавнія мѣропріятія нашего правительства для благоустройства нашей крестьянской среды, какъ — снятіе подушной подати, облегченіе земельнаго выкупа, преимущественное право крестьянъ брать въ аренду казенныя земли, сельскіе банки и пр. Все это—великія блага и съ этнографической точки зрѣнія" и т. д. Какое отношеніе опять имѣетъ это къ „западникамъ" и мнимымъ ихъ врагамъ „народникамъ"? Тѣ и другіе одинаково ставили цѣлью своихъ ученыхъ и публицистическихъ работъ благоустройство нашей крестьянской среды, и одинаково сочувствовали всѣмъ мѣрамъ правительства, направлявшимся къ этой цѣли.

Высказавши нѣсколько новыхъ истинъ этого рода, авторъ дѣлаетъ такое общее замѣчаніе. Онъ не будетъ разсматривать разныхъ сторонъ и современныхъ явленій въ жизни русскаго историческаго зерна,—„этотъ предметъ захватываетъ *многія науки*, дѣятельность *многихъ ученыхъ обществъ*, *литературныхъ* и *общественныхъ группъ*. Позволю себѣ высказать увѣренность, что если бы это наше громадное, русское этнографическое цѣлое, это историческое зерно Россіи, въ его дѣйствительномъ значеніи, почаще было передъ глазами у нашего учащагося юношества, у нашихъ общественныхъ и литературныхъ дѣятелей (?), то множество у насъ вопросовъ, недоумѣній разрѣшились бы сами собою, множество опасеній исчезло бы немедленно, и много явилось бы бодрости и дружной работы для блага нашего отечества". Мы позволимъ себѣ высказать мнѣніе, что если эти замѣчанія могутъ быть полезны для учащагося юношества, то со стороны автора слишкомъ самоувѣренно поучать общественныхъ и литературныхъ дѣятелей азбучными наставленіями или пустословіемъ.

Самъ авторъ находитъ, однако, въ нашемъ серединномъ этнографическомъ цѣломъ явленія, мало благопріятныя. Таковы онъ считаетъ, напримѣръ, „наши среднеазіатскіе успѣхи", возбуждающіе „опасеніе, не излишній ли туда происходитъ отливъ силъ изъ нашего серединнаго цѣлаго"; далѣе, „выселеніе русскаго народа изъ черноземныхъ бассейновъ"; ему кажется прискорбнымъ „злосчастное появленіе раскола". И въ этихъ случаяхъ съ авторомъ-„самобытникомъ" вполнѣ согласятся западники, хотя возможно, что и здѣсь, и въ другихъ пунктахъ послѣдніе будутъ понимать причины и смыслъ этихъ явленій иначе, нежели авторъ,—но авторъ не долженъ бы ставить имъ въ вину этого несогласія, потому что самъ находитъ, что подобныя явленія „должны вызывать напряженное вниманіе и *тревожное розысканіе причинъ*", а при розысканіи могутъ естественно явиться тѣ или другія догадки и точки зрѣнія.

Не по примѣру другихъ „самобытниковъ", предающихъ Европу

апаѳемѣ, г. Кояловичъ думаетъ, что въ числѣ „великихъ работъ", намъ предстоящихъ, есть и такая: „мы не должны и не можемъ устраняться отъ общенія съ другими культурными народами Европы —отъ усвоенія себѣ опытовъ жизни старыхъ цивилизованныхъ народовъ" — но „на этомъ пути намъ необходима великая и нелегкая работа—сохранять свою самобытность".—Жаль, что авторъ наконецъ не объяснитъ, какъ должно это дѣлаться съ его точки зрѣнія. Авторъ, какъ и всѣ самобытники, не замѣчаетъ, что этими самыми толками о сбереженіи своей самобытности они обнаруживаютъ чрезвычайное ребячество; эта безпрестанная забота—какъ бы не потерять своей самобытности, обнаруживаетъ довольно жалкую неувѣренность въ себѣ, да и смутное понятіе о „цивилизаціи". Прежде и выше всего, „цивилизація" состоитъ, во-первыхъ, въ томъ громадномъ запасѣ *научнаго знанія*, какой былъ собранъ не однимъ „западомъ" (такъ пугающимъ самобытниковъ), а всѣмъ человѣчествомъ, съ первыхъ начатковъ его сознанія, съ каменнаго вѣка и донынѣ, и во-вторыхъ, въ томъ трудѣ, какой образованные народы полагаютъ и въ настоящую минуту на расширеніе и примѣненіе этого знанія. Повторяемъ, въ *этомъ*, а не въ иномъ, заключается основное содержаніе цивилизаціи. Единственная самобытность въ отношеніи къ ней можетъ быть одна: *собственный трудъ* въ усвоеніи того, что̀ ею добыто, и въ дальнѣйшемъ расширеніи ея пріобрѣтеній. Только младенчество или невѣжество (если не скрытая интрига обскурантизма) могутъ при изученіи астрономіи, физики, химіи, физіологіи, филологіи и т. д. пугаться (или пугать) за національную „самобытность", о которой не можетъ здѣсь быть никакого попеченія, — кромѣ одного: чтобы дѣйствительно полагался собственный трудъ на усвоеніе общечеловѣческаго просвѣщенія, чтобы духовная жизнь народа не лишена была умственной пищи и опоры, слѣд., чтобы развивалась національная школа и наука (отъ низшей до высшей), не уступая школѣ и наукѣ другихъ народовъ, чтобы множилась больше и больше образованная доля народа, т.-е. та самая „интеллигенція", объ истребленіи которой мечтаютъ нынѣшніе несчастные „самобытники".

Наиболѣе добросовѣстные изъ нихъ, повидимому, опасаются распространенія у насъ западныхъ политическихъ идей, неприложимыхъ къ нашему быту; но это есть совсѣмъ другой, частный, спеціальный вопросъ. Этотъ вопросъ, во-первыхъ, и слѣдуетъ обсуждать спеціально, оставя въ покоѣ „цивилизацію", а изслѣдуя тѣ наши бытовыя и внутренно-политическія условія, которыя порождаютъ то или другое направленіе общественныхъ стремленій; добросовѣстное изслѣдованіе можетъ показать, что „цивилизація" здѣсь не причемъ, и что, напротивъ упомянутыя условія могутъ объяснить очень

многое;—но именно такихъ изслѣдованій „самобытники" почему-то не любятъ. Во-вторыхъ, если въ этомъ отношеніи случаются крайности, распространеніе идей, непримѣнимыхъ въ русской жизни, то лучшее средство къ ихъ устраненію состоитъ въ той же „цивилизаціи", т.-е. бо́льшемъ распространеніи образованности и соединяющейся съ нею бо́льшей зрѣлости критическаго сужденія, и съ другой стороны именно въ бо́льшей свободѣ мысли, которая даетъ возможность открытаго и всесторонняго обсужденія вещей, не дающаго мѣста отговоркамъ и умолчаніямъ, и напротивъ, приводящаго къ полному доказательству или полному опроверженію.

Г. Кояловичъ, по обыкновенію самобытниковъ, какъ будто этого совсѣмъ не видитъ, а, можетъ быть, и дѣйствительно не знаетъ о существованіи этой именно важной стороны предмета.

Мы не будемъ останавливаться на другихъ мнѣніяхъ автора, гдѣ мы столь же мало съ нимъ согласимся,—мнѣніяхъ, которыя сводятся къ тому или другому историческому пониманію. Укажемъ одну странность. Г. Кояловичъ набираетъ изъ нашей исторіи образцы культурныхъ свойствъ и добродѣтелей русскаго народа, и всѣ его примѣры взяты только изъ древней исторіи. Конечно, для примѣровъ культурности и „живучести" открыта передъ нимъ вся исторія;—но отчего бы не привести ему примѣровъ не изъ XII-го, а изъ XVIII—XIX столѣтія? Къ Владиміру Мономаху, Александру Невскому, Скопину-Шуйскому и т. д. можно бы, для доказательства „культурности", съ еще большимъ правомъ прибавить, напр., Петра Великаго, и не ограничиваясь правителями и воинами, привести имена дѣятелей изъ общества и литературы—вѣдь русская литература именно доставила чрезвычайно яркія, нерѣдко геніальныя явленія „культурности" и „живучести": напр., Ломоносова, Карамзина, Грибоѣдова, Гоголя,—даже въ новѣйшее время—Тургенева, Щедрина?—Г. Кояловичъ напрасно совсѣмъ забылъ объ этихъ періодахъ и сторонахъ русской „культурности и живучести".

Въ концѣ концовъ, русская жизнь представляется г. Кояловичу подъ „всеобщимъ наплывомъ всего иноземнаго", даже болѣе сильнымъ, чѣмъ во времена петровскія, и по его словамъ, „иные изъ насъ (кто это?) даже задаются вопросомъ, выдержитъ ли Россія это новое испытаніе ея силъ?"—и онъ отвѣчаетъ торжественно, указывая на карту: „Вотъ это громадное русское, жизненное этнографическое зерно, при правильномъ его пониманіи (?), можетъ дать каждому изъ насъ, конечно, не для усыпленія, а для бодрой дѣятельности, право спокойно отвѣчать и себѣ, и другимъ: выдержитъ!"

Книжка г. Кояловича довольно характеристична, какъ образчикъ „самобытнической" полемики. Если существуетъ споръ между двумя

или тремя литературными партіями, она ничего не прибавила къ его разъясненію, и мало того: она прибавила къ нему лишнюю и не хорошую путаницу: она борется съ какими-то неопредѣленными „западниками“, обвиняетъ ихъ ни болѣе ни менѣе какъ въ отчужденности отъ своего народа, но при этомъ спутываетъ всю сущность дѣла, навязываетъ противникамъ вещи, которыхъ они не говорятъ и не говорили, и подбросивъ имъ эти вещи—конечно долженствующія мало рекомендовать ихъ—побѣдоносно заявляетъ свою собственную патріотическую вѣру въ русскій народъ! Таковъ получается смыслъ книжки, — которую мы оставили бы безъ вниманія, если бы она не потребовала его по имени автора, ученаго профессора и оратора Славянскаго Благотворительнаго Общества. Ему слѣдовало лучше понимать требованія правильной разработки вопроса и добросовѣстной критики чужихъ мнѣній.—Н.

— *А. Д. Градовскій.* Начала русскаго государственнаго права. Томъ третій, часть первая. Спб. 1883.

Новая часть труда г. Градовскаго, обнимающая собою историческій очеркъ нашего мѣстнаго управленія и обзоръ дѣйствующихъ постановленій о мѣстныхъ учрежденіяхъ правительственныхъ и дворянскихъ, представляетъ очень много интереснаго, особенно въ виду работъ Кахановской коммиссіи. Одного изъ вопросовъ, обсуждаемыхъ г. Градовскимъ, мы коснулись въ прошломъ внутреннемъ обозрѣніи; не вполнѣ соглашаясь съ его заключеніемъ, мы не можемъ не признать, однако, что прошедшее и настоящее русскаго управленія и самоуправленія изображено имъ съ большимъ искусствомъ. Исторія мѣстныхъ учрежденій, начиная съ московскихъ великихъ князей, раздѣляется авторомъ на три періода. Первый періодъ, продолжающійся до реформъ Екатерины II-й, можетъ быть названъ періодомъ полнаго тождества служилаго сословія съ тѣмъ, что̀ впослѣдствіи получило названіе дворянства. Въ этомъ періодѣ центральная власть управляетъ страною черезъ закрѣпощенный на службу служилый классъ, посылаемый на мѣста для исполненія разныхъ должностей и надѣляемый помѣстьями и вотчинами. Второй періодъ, идущій до реформъ Александра II-го—это время раздвоенія приказнаго элемента и сословій; дворянство, какъ сословіе привилегированное, получаетъ самостоятельное значеніе, не обусловливаемое уже службою. Третій періодъ, не законченный и понынѣ, характеризуется отмѣною крѣпостного права и успѣхами всесословнаго начала. Эти успѣхи остановились, однако, на полъ-дорогѣ; въ мелкія, основныя единицы управленія всесословность еще не проникла. Всесословныя—т.-е.

земскія—учрежденія лишены правъ правительственной власти; всѣ функціи, осуществленіе которыхъ предполагаетъ актъ власти, оставлены въ рукахъ правительственныхъ установленій, т.-е. полиціи и губернаторовъ. „Мы присутствуемъ,—говоритъ г. Градовскій,—съ одной стороны при развитіи общественныхъ установленій, поставленныхъ въ положеніи частныхъ обществъ и лицъ, а потому пользующихся свободою частно-гражданскою, а съ другой стороны—при несомнѣнныхъ успѣхахъ и быстромъ развитіи централизаціи въ отношеніи правительственныхъ функцій и устройства органовъ, коимъ эти функціи поручены“.

Въ дѣленіи на періоды, принятомъ г. Градовскимъ, насъ останавливаетъ прежде всего соединеніе въ одинъ періодъ эпохи допетровской и эпохи самого Петра и ближайшихъ его преемниковъ. „Московскій періодъ, въ отношеніи формъ внутренняго управленія,—такъ объясняетъ авторъ свою систему,—находится въ тѣсной, органической связи съ такъ называемымъ петербургскимъ періодомъ нашей исторіи. Въ отношеніи принциповъ и условій управленія, онъ представляетъ одно цѣлое съ системою Петра Великаго и его преемниковъ, вплоть до Екатерины II, когда въ эту систему былъ введенъ новый элементъ—сословный... Система, характеризуемая преобладаніемъ приказнаго начала, устанавливается окончательно въ XVII вѣкѣ, періодѣ воеводскаго управленія, и въ основныхъ своихъ началахъ остается неизмѣнною, не смотря на реформу Петра Великаго“. До извѣстной степени этотъ взглядъ несомнѣнно правиленъ; приказное начало безспорно было выработано московскою Русью, бюрократія петербургскаго періода является прямымъ продолженіемъ его, своеобразнымъ больше по формѣ, чѣмъ по содержанію. Можно ли утверждать, однако, что въ отношеніи „принциповъ и условій управленія“ петровская эпоха составляетъ одно цѣлое съ московскимъ періодомъ? Намъ кажется, что это заключеніе опровергается фактами, приводимыми самимъ авторомъ. Если Петръ, по выраженію г. Градовскаго, „въ первый разъ, послѣ долгаго вырожденія московскихъ учрежденій, высоко поднялъ знамя государства“, то уже это одно устраняетъ возможность говорить о тождествѣ *принциповъ* управленія петровскаго и до-петровскаго. Столь же мало тождественны были и *условія* того и другого. Право выбирать на извѣстныя должности было предоставлено дворянству уже Петромъ; учрежденіе ландратовъ, въ первоначальномъ своемъ видѣ, должно было обезпечить за дворянствомъ роль гораздо болѣе вліятельную, чѣмъ та, которая была ему дана екатерининскимъ законодательствомъ. Земскіе коммиссары ничѣмъ, въ сущности, не отличались отъ позднѣйшихъ земскихъ исправниковъ. Что касается до городского управленія, проектированнаго

Петромъ Великимъ, то, по справедливому замѣчанію г. Градовскаго, оно было, по своей идеѣ, гораздо выше городового положенія Екатерины II-й. Въ дѣлѣ устройства мѣстнаго управленія, какъ и во многомъ другомъ, Екатерина была только продолжательницей Петра; если созданія ея оказались болѣе прочными, то это объясняется именно тѣмъ, что они нашли для себя сравнительно подготовленную почву.

Не вполнѣ правильной кажется намъ, далѣе, и характеристика третьяго, послѣдняго періода. Мы никакъ не можемъ согласиться съ тѣмъ, что наши общественныя (земскія) установленія поставлены въ положеніе частныхъ обществъ и лицъ и пользуются только частно-гражданскою свободою. Какое частное общество или лицо облечено правомъ налагать обязательные къ платежу денежные взносы, избирать судей, издавать обязательныя постановленія? Теорія частнаго характера земскихъ учрежденій, пущенная въ ходъ г. Безобразовымъ, грѣшитъ, по меньшей мѣрѣ, явнымъ преувеличеніемъ. Говорить, по поводу земства, о свободѣ частно-гражданской можно лишь настолько, насколько идетъ рѣчь о завѣдываніи земскимъ имуществомъ, о договорныхъ отношеніяхъ земства; но вѣдь въ сферѣ вещнаго и договорнаго права юридическимъ лицомъ, пользующимся „частно-гражданскою свободою", является и само правительство. Неужели земская управа, разрѣшая сельскому обществу позаимствованіе изъ запаснаго хлѣбнаго магазина, совершаетъ актъ частно-гражданской свободы—и только? Неужели въ правѣ ходатайства, принадлежащемъ земскому собранію, нѣтъ политическаго элемента?.. Вторымъ существеннымъ признакомъ третьяго періода г. Градовскій считаетъ быстрый ростъ централизаціи. Доказательствъ этому положенію онъ не приводитъ. Мы затруднились бы указать, въ чемъ именно централизація, послѣ реформъ минувшаго царствованія, сдѣлалась интенсивнѣе и полнѣе, а въ пользу противоположнаго тезиза можно привести съ одной стороны предоставленіе губернаторамъ, городскимъ думамъ и земскимъ собраніямъ права издавать обязательныя постановленія, съ другой стороны—вообще развитіе городского и земскаго самоуправленія. Двадцать лѣтъ тому назадъ нельзя было основать ни одной школы безъ разрѣшенія изъ С.-Петербурга; теперь открываются чуть не ежедневно, по соглашенію *мѣстнаго* агента учебной администраціи съ *мѣстнымъ* сословнымъ представителемъ.

Въ очеркѣ мѣстнаго управленія, какимъ оно представляется въ настоящее время, можно было бы пожелать поменьше техническихъ деталей, болѣе умѣстныхъ въ справочной книгѣ, чѣмъ въ научномъ изслѣдованіи, и побольше замѣчаній о реальной дѣятельности, о фактическомъ значеніи описываемыхъ учрежденій. Гораздо цѣлесо-

образнѣе и важнѣе, чѣмъ длинный перечень функцій губернскаго правленія, было бы, напримѣръ, выясненіе той роли, которую оно играетъ теперь *на самомъ дѣлѣ* въ нашемъ административномъ строѣ. Тоже самое можно сказать и о дворянскихъ собраніяхъ; мы легко помирились бы съ отсутствіемъ нѣкоторыхъ подробностей о ихъ составѣ, еслибы нашли у г. Градовскаго краткій обзоръ ходатайствъ, представленныхъ ими верховной власти. Кое-гдѣ можно было бы пожелать, сверхъ того, критическаго отношенія къ излагаемымъ опредѣленіямъ закона; такъ, напримѣръ, весьма интересенъ былъ бы научный разборъ вопроса о томъ, въ какой мѣрѣ можетъ быть оправдано, съ теоретической точки зрѣнія, облеченіе администраціи правомъ издавать обязательныя постановленія.

— *Отчетъ Александровскаго уѣзднаго училищнаго совѣта* о состояніи народнаго образованія въ уѣздѣ за 1881—82 учебный годъ. Екатеринославъ, 1883.

Еслибы всѣ уѣздные училищные совѣты относились къ своимъ обязанностямъ такъ серьёзно, какъ Александровскій (Екатеринославской губерніи), и дѣлились съ публикой такими же обстоятельными свѣдѣніями о своей дѣятельности, то сильныя и слабыя стороны нашего начальнаго обученія скоро выяснились бы со всею полнотою. Доклады отдѣльныхъ членовъ совѣта подробно знакомятъ насъ съ тѣмъ, что достигнуто народными школами данной мѣстности и чего остается еще достигнуть; общій отчетъ совѣта намѣчаетъ тѣ вопросы, разрѣшеніе которыхъ въ законодательномъ порядкѣ могло бы подвинуть впередъ дѣло народнаго образованія. Нѣкоторые изъ этихъ вопросовъ имѣютъ общій, другіе—спеціальный характеръ; къ числу послѣднихъ принадлежитъ, напримѣръ, столь важный для всей юго-западной Россіи вопросъ о языкѣ начальнаго обученія. Нѣкоторые изъ членовъ совѣта, сказано въ отчетѣ, „выражаютъ мнѣніе, что преподаваніе на русскомъ языкѣ дѣтямъ-малороссамъ не способствуетъ ни быстротѣ усвоенія механизма чтенія, ни сознательности чтенія. Тотъ языкъ, на которомъ говорятъ и читаютъ малороссы учителя и ученики, не есть ни русскій языкъ, ни малорусскій. Это какой-то конгломератъ, какая-то смѣсь звуковъ, акцента и словъ того и другого нарѣчія; фактически, да и по конструкціи рѣчи, это языкъ полупольскій, полувеликорусскій, безцвѣтный, безжизненный, вымученный церковно-книжный. Такъ говорятъ въ нашей губерніи только плотовщики-литвины, такъ не говорятъ ни русскіе крестьяне, ни природные хохлы. Поэтому введеніе преподаванія на малорусскомъ языкѣ было бы большимъ шагомъ впередъ какъ въ дѣлѣ преподаванія чтенія и всегда параллельно идущаго съ нимъ письма,

такъ и въ занятіяхъ по наглядному обученію". Изъ числа общихъ вопросовъ и въ отчетѣ совѣта, и въ докладахъ отдѣльныхъ его членовъ большую роль играетъ многострадальный вопросъ о преподаваніи закона Божія въ начальной школѣ. „Жалобы на безуспѣшное преподаваніе закона Божія,—говорится въ отчетѣ,—совѣтъ повторяетъ ежегодно; епархіальное начальство настойчиво требуетъ отъ законоучителей серьёзнаго отношенія къ предмету, но дѣло мало подвигается впередъ. Для того, чтобы успѣшно вести религіозно-нравственное просвѣщеніе народа, однимъ изъ законоучителей нужна подготовка, другимъ необходимо отречься отъ многихъ слабыхъ сторонъ жизни, отнестись съ уваженіемъ къ своей великой просвѣтительной миссіи... Но эти правила, при настоящемъ составѣ законоучителей, осуществить невозможно въ однихъ селахъ и весьма трудно въ другихъ". „Въ настоящемъ году,—читаемъ мы въ докладѣ одного изъ членовъ совѣта,—были назначены ассистенты при испытаніи по закону Божію, обязанность которыхъ состояла въ донесеніи епархіальному начальству о положеніи преподаванія... Вмѣсто того, чтобы довѣряться ассистентамъ, *которые часто бываютъ подчиненными тѣхъ, кого провѣряютъ* (!), я бы просилъ его преосвященство самому лично провѣрить преподаваніе—ну хоть въ Бѣлоцерковкѣ! Вотъ-то было бы счастье, если бы нашъ добрый пастырь когда-нибудь вздумалъ заглянуть въ народную школу! Тогда бы, навѣрное, многіе изъ законоучителей стали бы иначе относиться къ преподаванію закона Божія, и многія великія истины ученія Христова начали бы проникать въ народъ, мало вѣдающій о религіи". Желательно было бы знать, въ самомъ дѣлѣ, былъ ли на всемъ пространствѣ имперіи хоть одинъ случай посѣщенія архіереемъ сельской начальной школы? Много ли можно насчитать случаевъ посѣщенія ея попечителемъ учебнаго округа, министромъ народнаго просвѣщенія или его товарищемъ? А между тѣмъ, возможенъ ли правильный взглядъ на народную школу безъ личнаго и притомъ не поверхностнаго, знакомства съ нею? Не изъ отсутствія ли такого знакомства проистекаетъ множество ошибокъ и предубѣжденій, проистекаетъ, можетъ быть, самая мысль о замѣнѣ земской школы церковно-приходскою? Если мнѣніе Александровскаго училищнаго совѣта о большинствѣ законоучителей справедливо, если оно совпадаетъ съ мнѣніемъ всѣхъ или почти всѣхъ другихъ училищныхъ совѣтовъ, то какое значеніе можно придавать мечтѣ о преобладающей роли духовенства въ начальной школѣ?—К.

— Впередъ! Романъ изъ событій послѣдней турецкой войны. В. И. *Немировичъ-Данченко.* Спб. 1883.

Г. Немировичъ-Данченко—несомнѣнно писатель съ дарованіемъ, которое помогаетъ и его извѣстной необычайной плодовитости: онъ успѣлъ, въ сравнительно еще недолгій періодъ своей литературной дѣятельности, произвести длинный рядъ путешествій, романовъ, бытовыхъ описаній; въ нѣсколько недѣль онъ пишетъ и издаетъ біографію Скобелева, и т. д. Въ его книгахъ всегда есть тотъ или другой интересъ, живой разсказъ, картинный очеркъ, здравая публицистическая мысль. Тѣмъ не менѣе, его мѣсто въ литературѣ остается довольно неопредѣленнымъ; и самъ онъ, повидимому, мало о томъ заботится. Мы не думаемъ, однако, чтобы эта беззаботность была въ концѣ концовъ полезна.

Авторъ даетъ уже не первый романъ изъ событій послѣдней войны. Въ настоящей книгѣ романъ собственно занимаетъ очень небольшое мѣсто, и количественно, и по сущности дѣла: русскій военный медикъ влюбляется въ молоденькую плѣнную турчанку, попавшую къ сестрамъ милосердія въ Габровѣ; затѣмъ докторъ отправляется на Шипку; турчанка, тоже влюбленная, стосковавшись по немъ, сама задумала уйти на Шипку, но попадаетъ снова къ своимъ соотечественникамъ, и ей предстоитъ поступить въ гаремъ турецкаго паши; далѣе, русскіе переходятъ черезъ Балканы, турки бѣгутъ, и докторъ, который между тѣмъ въ отчаяніи отъ исчезновенія возлюбленной, узнаетъ, что она—въ средѣ бѣгущаго населенія Казанлыка, и на пути русскихъ войскъ къ Адріанополю, по благосклонности автора, успѣваетъ найти турчанку въ ту самую минуту, когда болгары, уже убившіе ея спутниковъ, собираются рѣзать и ее. Такимъ образомъ, тэма чисто анекдотическая, не соединенная ни съ какими психологическими осложненіями, и собственно романическаго интереса никакого не имѣетъ. Самъ авторъ не очень заботится о своихъ герояхъ, и бóльшая половина книги не имѣетъ къ нимъ никакого отношенія: она состоитъ изъ постороннихъ роману эпизодовъ, это—описанія зимы въ горахъ, снѣжныхъ бурь, шипкинскихъ траншей, переходовъ войска черезъ Балканы, сраженій, рекогносцировокъ, солдатскихъ разговоровъ и прибаутокъ, сценъ въ кругу офицеровъ, въ лазаретахъ и перевязочныхъ пунктахъ, и т. д. Авторъ рисуетъ и сцены въ турецкомъ лагерѣ, даетъ описаніе турецкаго гарема и гаремныхъ нравовъ; эпизодъ съ албанскимъ пѣвцомъ (ч. 3-я, гл. XXIV, XXXVII) разсказанъ не безъ поэзіи. Описанія самаго похода, борьбы въ шипкинскихъ траншеяхъ, ужасовъ перенесенной въ Балканахъ зимы, движеній войска въ горахъ, стычекъ и сраже-

ній, вообще дѣйствительныхъ фактовъ, интереснѣе всего романа: несмотря на всѣ недостатки формы, о которыхъ скажемъ дальше, авторъ даетъ понятіе о тѣхъ ужасающихъ условіяхъ, въ какихъ происходилъ переходъ черезъ Балканы, первыя сраженія и плѣненіе турецкой арміи за Балканами, о бѣдствіяхъ солдатъ вслѣдствіе плохой администраціи и дѣяній интендантства, и т. п. Глава: „Что называется на войнѣ недоразумѣніемъ“, можетъ имѣть даже историческое значеніе.

Таково разнообразное содержаніе романа; но къ сожалѣнію весь романъ написанъ тѣмъ особеннымъ стилемъ, который выработалъ себѣ авторъ и которымъ онъ положительно злоупотребляетъ. Это—стиль отрывочнаго, сенсаціоннаго разсказа; короткія фразы, прерываемыя многоточіями, гдѣ нѣтъ ни одного спокойнаго періода и связнаго описанія, а набросанныя подробности, рѣзкія черты, которыя самому читателю предоставляется собирать въ одно цѣлое. Есть много страницъ, гдѣ каждая фраза въ одну-двѣ строки прерывается многоточіями, такъ что читатель, наконецъ, устаетъ слѣдить за расточительнымъ воображеніемъ автора.

Напр. описаніе вьюги:

„Сегодня еще не время пробить себѣ путь изъ-подъ этихъ сугробовъ, сегодня еще нельзя спорить съ мятелью... (точки). Когда она вдоволь назлится и набѣсится, когда она успокоится—тогда выползутъ люди... (точки). Сегодня, какъ медвѣди въ берлогѣ, спятъ они въ своихъ землянкахъ и лачугахъ. Спитъ и Габрово,—по улицамъ котораго, не боясь ничего живого, разбѣгаются бѣлые призраки мятели... (точки). Спокойно спитъ. И только черный лѣсъ на горномъ хребтѣ, сторожащій городъ, кажется сегодня еще чернѣе и мрачнѣе... (точки). Сегодня не топятъ печей—вихрь гонитъ дымъ назадъ въ засыпанныя снѣгомъ жилья... (точки). Сбившись въ кучу, молчаливая семья болгарина грѣется надъ жаровней съ угольями и молчитъ, слушая бурю... (точки). Буря стучится во всѣ двери и стѣны, грозится въ окна, заглядываетъ въ нихъ, точно упорный сыщикъ, отыскивая какого-то несчастнаго бѣглеца... (точки). Подъ напоромъ бѣлыхъ призраковъ трещатъ стѣны деревенскихъ домовъ, скрипятъ ворота, вздрагиваютъ и звенятъ стекла“... (точки), и т. д. (стр. 5—6).

Или описаніе похода въ эту бурю:

„По долинѣ, что—узкая (по узкой долинѣ?) тянется отъ Габрова къ первымъ взъѣздамъ на Св. Николай, растянувшись длинною линіей точно сѣрая змѣя, двигается съ самаго утра какой-то полкъ... (точки). Какъ люди ухитряются выдерживать могучіе удары бури, какъ они идутъ тамъ, гдѣ гибнутъ горные орлы—совсѣмъ непо-

пятно... (точки). Полкъ то пропадаетъ въ бѣлой тучѣ снѣга, то опять выступаетъ на свѣтъ, когда туча, на минуту окутавшая его, улетаетъ въ сторону... (точки) и т. д.—На секунду голова колонны пропадаетъ въ снѣгу; но вотъ въ бѣлой массѣ что-то чернѣется, какое-то пятно проступаетъ... (точки). Пятно опредѣляется и растетъ; еще минута и сѣрая змѣя насквозь уже проникаетъ эту бѣлую массу... (точки). А спустя двѣ-три—сугробъ, растоптанный сапогами солдатъ, уже не мѣшаетъ имъ идти дальше... (точки). Нѣсколько конныхъ фигуръ впереди—эти совсѣмъ ныряютъ въ снѣгу... (точки). Медленно, очень медленно подвигаются солдаты... (точки), и т. д. (стр. 7).

Какъ мы сказали, весь романъ написанъ въ подобномъ стилѣ. Отрывочныя описанія этого рода, сцены съ отрывочными разговорами на солдатскомъ жаргонѣ, и т. п., взятыя отдѣльно, могутъ быть и живописны, и характерны; но когда онѣ простираются на семьсотъ страницъ, и когда напр. такая же буря, и такой же походъ описаны еще разъ или два такимъ же образомъ, съ повтореніемъ „бѣлыхъ призраковъ", „сѣрой (или черной) змѣи", то вкусъ читателя притупляется, и ему хочется наконецъ болѣе простого, а не истерическаго разсказа.

Живое воображеніе автора внушаетъ ему нерѣдко очень смѣлыя картины и сравненія, не лишенныя, впрочемъ, разсчета на податливость читателя. Въ разсказѣ встрѣчается много страшныхъ сценъ, и одна изъ нихъ—наполненіе габровскаго собора трупами замерзшихъ на Шипкѣ:

„Клали прямо на полъ—гробовъ бы не достало для всѣхъ. Въ долгія ночи перебѣгающее и тусклое сіяніе лампадъ озаряло эти неподвижные сѣрые силуэты, точно они не были положены на полъ, а изваяны на немъ... (точки). Эта лѣпная работа смерти (?) приводила въ ужасъ самый свѣтъ лампадъ (?), видѣвшихъ не мало горя и слезъ у иконъ, ими озаряемыхъ... (точки). Бродящее сіяніе ихъ разбѣгалось по всему собору, точно отыскивая такого уголка, гдѣ бы не было этихъ силуэтовъ и, не найдя его, возвращалось обратно къ тусклымъ ликамъ образовъ (?)... (точки). Лампадки горѣли все тише и тише и, наконецъ, гасли, закрывали свои слабые глаза (?), точно имъ страшно было оставаться всю ночь до утра лицомъ къ лицу съ этими безмолвными свидѣтелями!.. (точки). Странно и жутко... (точки). Лучше не видѣть ихъ"... (точки), и т. д. (стр. 203).

Авторъ такъ растянулъ поэтическое или реторическое олицетвореніе лампадъ, что сдѣлалъ его совсѣмъ невѣроятнымъ. Не упоминая другихъ примѣровъ подобнаго преувеличенія, укажемъ еще одинъ, самый крупный: въ цѣлыхъ двухъ главахъ авторъ изобразилъ

предсмертный бредъ поручика Одинцева, который, будучи также раненъ, умеръ подъ грудой труповъ не подобранный, т.-е. никѣмъ и не видѣнный (ч. 3-я, гл. XXXI—XXXII).

Авторъ не забылъ помѣстить и скабрезнаго эпизода, въ новѣйшемъ порнографическомъ вкусѣ (ч. 2-я, гл. XVII), безъ котораго романъ могъ бы смѣло обойтись.

Какъ мы замѣтили, обстановка войны, въ которую заключенъ романъ г. Немировича-Данченко, сама по себѣ интереснѣе романа; описываемыя событія достаточно ужасны, еслибы авторъ ограничился простымъ разсказомъ того, что̀ видѣлъ и что̀ можно было видѣть,—но онъ не сдѣлалъ этого и ввелъ натянутую, ненужную мелодраму. Не надо бы забывать, что довѣріе читателя имѣетъ свои предѣлы, и можетъ случиться, что трагедія, заведенная черезъ мѣру, произведетъ комическое впечатлѣніе.

Правда, другой способъ исполненія темы потребовалъ бы гораздо больше труда.—Н.

— *Гастонъ Тиссандье*. Научныя развлеченія. Знакомство съ законами природы путемъ игръ, забавъ и опытовъ, не требующихъ спеціальныхъ приборовъ. Съ 235-ю рисунками въ текстѣ. Переводъ съ французскаго подъ редакціей *Ф. Павленкова*. Спб. 1883.

— Очеркъ исторіи физики съ синхронистическими таблицами по математикѣ, химіи, описательнымъ наукамъ и всеобщей исторіи. Фердинанда *Розенбергера*. Часть первая. Исторія физики въ древніе и средніе вѣка. Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціей И. М. *Сѣченова*. Спб 1883.

— *Н. Чистяковъ*. Учебникъ физики. Курсъ среднихъ общеобразовательныхъ заведеній. Спб. 1883.

По своей обычной пытливости дѣти, почти безъ исключенія, очень любятъ всякаго рода наглядныя, т.-е. очень доступныя для нихъ, объясненія явленій природы. Книга Гастона Тиссандье можетъ поэтому оказаться весьма пригодной въ семейномъ кругу, гдѣ есть довольно взрослыя дѣти и лица, которыя могли бы взять на себя трудъ руководить опытами, какіе рекомендуются авторомъ. Эти опыты очень разнообразны и любопытны. Онъ разсказываетъ, напримѣръ, какимъ образомъ могутъ быть устроены самыми простыми, домашними средствами нѣкоторые физическіе приборы: какъ сдѣлать электрофоръ изъ чайнаго жестяного подноса и листа бумаги, лейденскую банку изъ стакана, ложки и дроби, сильную лупу изъ маленькаго стекляннаго шарика, наполнивъ его водой, и т. п. Нѣтъ сомнѣнія, что такимъ образомъ время можетъ быть употреблено очень осмысленно, съ большой пользою и вмѣстѣ съ большимъ интересомъ для дѣтей. Необходимо только, разумѣется, избѣгать при подобныхъ

занятіяхъ всякой натянутости и принужденія, которыя легко могутъ уничтожить весь ихъ интересъ. Авторъ не ограничивается физическими опытами, но даетъ также примѣры опытовъ химическихъ: говоритъ о свойствахъ металловъ, о растворенія ихъ въ кислотахъ, описываетъ опытъ съ пирофорическимъ желѣзомъ, устройство водороднаго огнива и т. п. Эта часть его книги, впрочемъ, менѣе удачна, чѣмъ отдѣлъ физическій. Далѣе авторъ говоритъ о нѣкоторыхъ играхъ, основанныхъ на математическомъ принципѣ, напримѣръ, о солитерѣ, объ игрѣ въ 15-ть и т. п. Въ послѣднихъ главахъ приводится описаніе нѣкоторыхъ новѣйшихъ изобрѣтеній: пишущей машины Ремингтона, фонографа, телефона и т. д. Таково разнообразное содержаніе книги Тиссандье, хотя, къ сожалѣнію, не все излагается авторомъ одинаково ясно и нѣкоторыя вещи уже слишкомъ отрывочны. Но вообще, какъ сборникъ научныхъ развлеченій книга Тиссандье является очень кстати въ нашей педагогической литературѣ; отдѣльныя небольшія статьи подобнаго рода постоянно появляются въ дѣтскихъ журналахъ; здѣсь цѣлый большой запасъ подобнаго чтенія.

Какъ книга Тиссандье представляетъ новинку для нашей педагогической литературы, такъ нова для литературы научной книга Розенбергера. Она отличается популярностью изложенія, которая и составляла именно одну изъ задачъ, поставленныхъ себѣ авторомъ. „Появленіе многихъ сочиненій по исторіи культуры, разсчитанныхъ на обширный классъ читателей,—говоритъ онъ,—указывается на распространеніе въ образованной массѣ интереса къ этимъ вопросамъ... Но полнаго изложенія исторіи физики, доступнаго пониманію образованнаго большинства, пока не существуетъ“. Авторъ и хотѣлъ пополнить этотъ пробѣлъ, и если потребность въ такомъ трудѣ чувствовалась въ богатой нѣмецкой литературѣ, то у насъ этотъ пробѣлъ еще чувствительнѣе. Своей цѣли общедоступнаго разсказа авторъ достигъ довольно хорошо; книга его читается легко. Замѣтимъ, впрочемъ, что она много могла бы выиграть, еслибы отличалась нѣсколько бо́льшей внутренней связностью. Этотъ недостатокъ отчасти происходитъ вслѣдствіе того, что авторъ желалъ держаться строгой хронологической послѣдовательности при изложеніи открытій въ области физики и въ смежныхъ научныхъ областяхъ. За свѣдѣніями объ открытіяхъ и взглядахъ одного какого-нибудь научнаго дѣятеля у него слѣдуютъ общенія о дѣятелѣ ближайшемъ къ нему по времени, и т. д., тогда какъ для изложенія послѣдовательнаго развитія самыхъ идей вовсе не требовалось бы такого строгаго хронологическаго порядка. Соединить обѣ стороны историческаго вопроса было дѣйствительно нелегко; авторъ желалъ избѣжать другой

крайности, при которой совершенно теряется въ изложенiи хроно-логическiй порядокъ: оказалась дилемма, которую авторъ рѣшилъ не вполнѣ. Во всякомъ случаѣ главные моменты въ исторiи развитiя физическихъ знанiй намѣчены имъ хорошо. Онъ показываетъ въ своей книгѣ, какимъ образомъ родилась физика изъ философскихъ стремленiй разомъ рѣшить вопросъ о системѣ вселенной, т.-е. объяснить себѣ ея устройство и происхожденiе,—стремленiй, совершенно естественныхъ въ то время, когда по недостатку знанiй еще не видна была вся громадная трудность задачи. Онъ указываетъ затѣмъ, как къ физическимъ наблюденiямъ и толкованiямъ присоединился впослѣдствiи элементъ измѣренiя, физика получила математическiй характеръ и освободившись изъ-подъ преобладающаго влiянiя отвлеченной философiи, стала самостоятельною отраслью знанiя; какъ послѣ паденiя древняго мiра хранителями его знанiй сдѣлались арабы; какое влiянiе оказывали на науку о природѣ схоластики и католичество въ средніе вѣка; каковы были главныя обстоятельства развитiя самой схоластики. Исторiю физики авторъ доводитъ до начала XVII столѣтiя, до временъ Галилея. Заключительныя страницы книги очень хороши; авторъ весьма вѣрно понимаетъ истинный научный методъ и далекъ отъ односторонняго увлеченiя умозрѣнiемъ или голымъ опытомъ. „Идеалъ физики...—говоритъ Розенбергеръ—заключается въ сочетанiи опытнаго изслѣдованiя, математики и философiи. Взаимодѣйствiемъ этихъ трехъ факторовъ и обусловливается успѣхъ нашей науки въ слѣдующихъ столѣтiяхъ. Тамъ, гдѣ тотъ или другой методъ преобладаетъ надъ остальными, въ развитiи всегда рано или поздно замѣчается застой. Но если эти три фактора соединяются въ должномъ отношенiи въ одномъ человѣкѣ, является генiй, составляющiй эпоху въ исторiи науки. Такой человѣкъ стоитъ во главѣ новѣйшей физики; мы говоримъ объ ея основателѣ Галилеѣ“ (стр. 149). Самое полное слiянiе этихъ элементовъ въ высшемъ ихъ развитiи, извѣстное до сихъ поръ въ исторiи, дало дѣйствительно и величайшаго научнаго генiя—Ньютона, „украшенiе рода человѣческаго“, какъ написано на его надгробномъ памятникѣ въ Вестминстерскомъ аббатствѣ. Въ частностяхъ, Розенбергеръ не всегда свободенъ отъ односторонности, которой могъ бы избѣжать. Напримѣръ, онъ слишкомъ строго судитъ объ алхимикахъ и слишкомъ тѣсно мѣшаетъ ихъ ученiе съ шарлатанствомъ; истинные алхимики, быть можетъ, были такъ же далеки отъ шарлатанства, какъ и истинные ученые настоящаго времени.—Исканiе философскаго камня въ средневѣковой наукѣ совершенно аналогично съ попыткой древнихъ философiй разомъ рѣшить задачу объ устройствѣ вселенной, но философiю никто не упрекаетъ за это въ шарлатанствѣ. Ошибочно также говоритъ авторъ (хотя

ошибка эта очень нерѣдкая), что „атомистическое ученіе прямо противно алхиміи и съ признаніемъ этого ученія въ химіи, алхимія стала немыслима. Дѣйствительно, пока признается возможность качественнаго превращенія вещества, можно еще надѣяться превратить одинъ металлъ въ другой, но разъ установлено, что и качественное различіе вещества зависитъ исключительно отъ соединенія или расторженія и разъ доказано, что металлы не могутъ быть разложены на простѣйшіе элементы, превращеніе металловъ становится немыслимо“ (стр. 71—72). Но ничего подобнаго наука не доказала, и напротивъ есть причины думать иное, даже независимо отъ извѣстныхъ опытовъ Локіера относительно разложенія металловъ, такъ что „золотая“ мечта алхиміи вовсе не представляется теперь такой химерою, какъ могла представляться прежде. Новѣйшая наука очень склонна допускать единство матеріи, подобно единству силъ,—одну первоначальную матерію, видоизмѣненіями которой являются и самые элементы.

Во всякомъ случаѣ нельзя не пожелать скорѣйшаго выхода въ свѣтъ окончанія труда Розенбергера.

Переходя къ послѣдней изъ названныхъ книгъ—учебнику физики Н. Чистякова, замѣтимъ прежде всего, что наша учебная литература весьма не богата руководствами по физикѣ (почти всюду господствуютъ неизбѣжныя книги Краевича, и Малинина и Буренина, и еще двѣ-три, нѣсколько приспособленныя къ курсу гимназій — въ родѣ извѣстной физики Гано и учебника Петрушевскаго). Поэтому весьма желательно появленіе новыхъ толково составленныхъ учебниковъ по этому предмету.—Учебникъ г. Чистякова составленъ весьма старательно и отличается вообще ясностью изложенія; но не свободенъ и отъ нѣкоторыхъ недостатковъ. Главный изъ нихъ — слишкомъ большая теоретичность, отвлеченность содержанія; напр., авторъ совершенно опускаетъ описаніе разныхъ приборовъ и новыхъ физическихъ открытій, представляющихъ практическія примѣненія къ жизни,—онъ ничего не говоритъ, напримѣръ, ни о паровыхъ машинахъ, ни о фотографіи, ни о телеграфахъ и телефонахъ, и т. д. Сдѣланы эти пропуски авторомъ вслѣдствіе его взгляда, по нашему мнѣнію ошибочнаго, на нѣкоторыя стороны предмета.—Ссылаясь на то, что знакомство съ практическими примѣненіями физическихъ знаній не можетъ быть достигнуто въ подробностяхъ въ общеобразовательномъ курсѣ, что никто не поручитъ, напримѣръ, телеграфнаго дѣла человѣку, знакомому съ устройствомъ телеграфа только изъ такого курса, и т. п., и что, наконецъ, такой курсъ естественно долженъ служить какъ бы введеніемъ въ университетскій, и потому обращать вниманіе преимущественно на требованія этого послѣд-

няго, авторъ предпочелъ совершенно выпустить отдѣлы, касающіеся практической стороны научныхъ открытій. По нашему мнѣнію, наоборотъ, эти отдѣлы весьма существенны, одни изъ главнѣйшихъ, въ общеобразовательномъ курсѣ. Въ курсѣ нельзя, конечно, изложить всѣхъ подробностей приложенія къ практикѣ физическихъ знаній, но сущность этихъ приложеній всегда такова, что можетъ быть объяснена всякому нѣсколько образованному человѣку въ простомъ разговорѣ, а не только что въ систематическомъ курсѣ; это не потребуетъ даже значительнаго увеличенія объема книги и знакомство съ этими вещами можетъ быть достигнуто настолько хорошее, что сущность дѣла будетъ для ученика совершенно ясна. Пониманіе главнѣйшихъ практическихъ примѣненій науки къ жизни, въ родѣ, напримѣръ, паровыхъ машинъ, телеграфовъ, фотографіи, телефоновъ и т. п., всегда желательно для общаго образованія, и введеніе этихъ предметовъ придастъ совершенно иной характеръ всему преподаванію, сообщитъ ему большій интересъ и жизненность, а именно этого-то и не хватаетъ въ настоящее время въ школьномъ обученіи. Въ большія подробности, дѣйствительно, и нельзя пускаться въ общемъ курсѣ и онѣ должны быть предоставлены спеціальному образованію; но не слѣдуетъ и забыть этого предмета. Смотрѣть на общеобразовательный курсъ преимущественно только какъ на введеніе къ университетскому нельзя; это только одна сторона дѣла, одна изъ задачъ учебнаго гимназическаго курса, и не самая важная, между прочимъ потому, что далеко не всѣ, какъ извѣстно, могутъ продолжать свое образованіе въ университетахъ; гораздо болѣе важно въ курсѣ то, что онъ — „обще-образовательный“, т.-е долженъ быть разсчитанъ на большинство учащихся и имѣть самостоятельное значеніе. Было бы весьма желательно, чтобы авторъ при слѣдующихъ изданіяхъ своей книги исправилъ указанный недостатокъ.—Б.

ИСТОРІЯ ОБЩЕСТВА ВЪ ИСТОРІИ СЕМЬИ.

Литературная замѣтка.

Родъ Шереметевыхъ, Александра Барсукова. Книга третья. Спб. 1888.

Мы имѣли уже случай обращать вниманіе читателей на почтенный трудъ г. Барсукова; приближаясь по времени къ новѣйшимъ вѣкамъ русской исторіи, этотъ трудъ пріобрѣтаетъ все бóльшій и бóльшій интересъ, благодаря основной своей задачѣ, а именно,— изобразить нашу политическую и общественную исторію въ исторіи отдѣльнаго рода, отдѣльной фамиліи, члены которой занимали притомъ видное, а иногда и весьма видное мѣсто, и пользовались по временамъ значительнымъ вліяніемъ на общій ходъ дѣлъ. Судьба личности, ближайшая ея обстановка, тѣ условія, которыми бываетъ окружено каждое индивидуальное лицо,—стушевываются, пропадаютъ въ широкихъ, общихъ чертахъ исторіи цѣлаго государства и народа; вся эта, такъ-сказать, закулисная сторона выступаетъ наружу въ детальной картинѣ исторіи членовъ семьи или рода. Къ сожалѣнію, источники болѣе отдаленныхъ эпохъ нашей исторіи не такъ богаты современными мемуарами, письмами, фамильными документами, чтобы можно было реставрировать до подробностей дня домашнюю исторію лица изъ рода въ родъ; но все же, тѣмъ не менѣе, попытка исторіографа выбрать изъ общихъ памятниковъ прежняго времени все, что относится къ личнымъ, домашнимъ судьбамъ человѣка прошедшихъ эпохъ,—заслуживаетъ полнаго вниманія, и г. Барсуковъ сдѣлалъ, должно сказать, все въ предѣлахъ возможнаго, чтобы рѣшить поставленную имъ себѣ задачу по отношенію исторіи избраннаго имъ рода Шереметевыхъ.

Третій выпускъ, появившійся недавно въ свѣтъ, обнимаетъ собою время царствованія первыхъ двухъ государей изъ дома Романовыхъ,— эпоха замѣчательная и потому, что она почти непосредственно предшествовала времени Петра Великаго; въ ней можно и должно отыскивать ключъ къ пониманію многаго, чтó совершилось при Петрѣ Великомъ и сдѣлало великимъ самое его время. Монографія останавливается именно на 1652-мъ годѣ, когда родился будущій сподвижникъ Петра Великаго, графъ и генералъ-фельдмаршалъ Борисъ Петровичъ Шереметевъ, а начинается она—1622-мъ годомъ; въ началѣ

этого года бояринъ Θедоръ Ивановичъ Шереметевъ отпраздновалъ свадьбу своей дочери Евдокіи съ княземъ Николаемъ Одоевскимъ. На другой день послѣ вѣнчанія, молодой ѣздилъ, по обычаю, со всѣмъ свадебнымъ поѣздомъ ударить челомъ царю Михаилу Θедоровичу; въ расходной книгѣ государева жалованья подъ 1622 г., записаны дары, которыми царь „пожаловалъ благословилъ" молодого: „образъ Спасовъ, окладъ и вѣнецъ басманной; да ему-жъ государь пожаловалъ: кубокъ серебренъ золоченъ, съ покрышкою, на высокомъ стоянцѣ; по кубку и по стоянцу, и по покрышкѣ, ложки большія, чеканныя; межъ тѣхъ ложекъ ложечки маленькія чеканныя-жъ; подъ пузомъ столбикъ, на немъ 12 ложечекъ гладкихъ, подъ пузомъ и по выше стоянца травки рѣзныя, гнутыя, бѣлыя; подъ пузомъ же три дуги литыя, завернулись; на покрышкѣ кубчикъ, на кубчикѣ травка была съ нацвѣты; вѣсу 3 гривенки, 14 золотникъ, цѣна по 6 рублей гривенка". Сверхъ того, молодой получилъ по 10 аршинъ „бархату алаго и лазореваго, камки куфтерю червчатаго и адамашки желтой, да сорокъ соболей". Такое богатство по тому времени царскихъ подарковъ молодому стольнику князю Одоевскому, какъ справедливо замѣчаетъ авторъ, относилось главнымъ образомъ къ его заслуженному тестю, Θедору Ивановичу Шереметеву, составлявшему, вмѣстѣ съ ближайшими родственниками юнаго царя Михаила Θедоровича, Иваномъ Никитичемъ Романовымъ и Иваномъ Борисовичемъ Черкасскимъ, интимный совѣтъ царя, даже и по возвращеніи изъ плѣна его отца, Филарета Никитича; между тѣмъ, послѣдній, какъ замѣчаетъ хронографъ, „таковъ былъ, яко и самому царю боятися его; болярь же и всякаго чина царскаго синклита зѣло томяше заточенми необратными (безсрочнымъ заключеніемъ) и инѣми наказанми". Наивный лѣтописецъ, какъ бы вспоминая объ анархіи предшествовавшаго смутнаго времени, съ удовольствіемъ тутъ же говоритъ, что при Филаретѣ Никитичѣ, носившемъ, подобно своему царствующему сыну, титулъ великаго государя, „ни отъ кого-жъ въ Московскомъ государствѣ, *сильниковъ* не бысть, опричь ихъ государей", т.-е. царя Михаила и его отца, Филарета.

Впрочемъ, со вступленіемъ Филарета на патріаршій престолъ, между нимъ и Θедоромъ Шереметевымъ произошло охлажденіе, какъ выражается авторъ, никогда, однако, не доходившее до полнаго разрыва, или, вѣрнѣе сказать, до опасности для фамиліи Шереметевыхъ. Близость боярина Θедора Ивановича къ царской семьѣ выразилась въ ту эпоху всего яснѣе на исторіи брака царя Михаила Θедоровича, разсказанной авторомъ по памятникамъ того времени съ подробностями весьма характерными. Въ 1823 г., молодому царю исполнился 27-й годъ, и не было еще примѣра, чтобы царствующее

лицо оставалось такъ долго въ безбрачіи. Филаретъ Никитичъ и Мареа Ивановна постоянно увѣщевали своего сына и просили избрать себѣ царицу, но царь Михаилъ не измѣнилъ своихъ чувствъ къ дѣвицѣ Хлоповой и всегда отвѣчалъ: „сочетался есмь бракомъ по закону Божію и по преданію св. апостолъ и св. отецъ, и обручена ми есть царица: кромѣ еѣ иные не хощу пояти“. Но Филарету желательнѣе было женить сына на иноземной принцессѣ, и еще въ 1621 г. онъ послалъ за границу съ тайнымъ порученіемъ развѣдать, нѣтъ ли у нѣмецкихъ государей дочери или сестры, которая была бы „лицомъ красна, и очьми и всякимъ возрастомъ добра, и ничѣмъ не увѣчна, и къ такому великому дѣлу годна; а персоны (портреты) государскихъ дочерей привести съ собою подлинные безъ приписи“ (безъ прикрасы). О самомъ же царѣ Михаилѣ приказано было послу сказывать, что онъ „образомъ красенъ и молодъ, и собою во всякихъ мѣрахъ, и разуменъ, и въ обычаѣ милостивъ“. Посолъ, подъ видомъ торговаго человѣка, объѣхалъ Германію, былъ въ Парижѣ, Лондонѣ, но нигдѣ не нашелъ ничего подходящаго къ данной ему инструкціи. Въ Германіи ему указали на трехъ сестеръ принцессы Альтенбургской, но одна изъ нихъ была игуменья, а двѣ другія были, по объясненію посла, „столь жирны, что никто за нихъ не сватался“.

Такая неудача посольства помогла-было судьбѣ Маріи Хлоповой, относительно которой начали уже говорить при дворѣ, что она „здорова во всемъ, а болѣзни нѣтъ никакой“; что на нее наклеветали Салтыковы. Изслѣдовать такое въ высшей степени деликатное дѣло былъ отправленъ въ Нижній именно Өедоръ Ивановичъ Шереметевъ, съ чудовскимъ архимандритомъ Іосифомъ и придворными врачами Діемъ, Бильсомъ и Бансыремъ. Нареченная государева невѣста Марія Хлопова чистосердечно объяснила Шереметеву, что „какъ она была у отца, и у матери и у бабки, и у ней-де болѣзни никакія не бывало, да и на государевѣ дворѣ будучи, была здорова шесть недѣль; а послѣ того появилась болѣзнь, рвало и ломало нутръ, и опухоль была; а чаетъ-де того, что то учинилось отъ супостатъ ея; а было-де то болѣзнь у ней дважды по двѣ недѣли, и послѣ того давали ей пити воду святую съ мощей, и отъ того и исцѣлѣла, и полегчало вскорѣ; и послѣ того спустя два дни, какъ сведена съ государева двора, та болѣзнь у ней поминовалась, и отъ тѣхъ мѣстъ не поминывалась, и посамѣста и нынѣ во всемъ здорова“. Родные пояснили, что Марью лечили еще камнемъ „безуемъ“, и что для нея „имали крестъ у Волынскихъ, и отъ того-де ей далъ Богъ исцѣленье“. Кромѣ разспросовъ, самъ Шереметевъ лично производилъ наблюденія надъ Хлоповою: „смотрѣлъ и примѣчалъ у ней

во всякихъ мѣрахъ, таки-ль она во всемъ здорова"; а доктора здоровье и болѣзнь Маріи Хлоповой „смотрѣли ихъ дохтурскими науками". Она была объявлена вполнѣ здоровою, а Салтыковы, прежніе фавориты царя, осуждены въ позорную ссылку въ дальнія вотчины, и имъ былъ прочтенъ слѣдующій царскій указъ, отъ 24 октября 1623 года: „Вѣдомо всѣмъ людемъ московскаго государства, какая къ вамъ была государская милость и жалованье, и учинени есте по государской милости въ чести и въ приближеньи, не по вашему достоинству, паче всѣхъ братьи своей; и вы то все поставили ни во что, только и дѣлали, что лишь себя богатили, и домы свои и племя своя полнили, и земли крали, и во всякихъ дѣлѣхъ дѣлали неправду и промышляли тѣмъ, чтобъ вамъ при государской милости, кромѣ себя, никого не видѣти, а доброхотство есте и службы къ государю не показали; и нынѣ-де при государѣ вамъ быти и государевыхъ очей видѣть непригоже".

Тѣмъ не менѣе, бракосочетаніе царя Михаила не состоялось: при дворѣ встрѣтилась непреодолимая „помѣшка государской радости и женитвѣ". Инокиня Маѳа, огорченная ссылкой своихъ племянниковъ Салтыковыхъ, поклялась, что не будетъ у сына, если Хлопова станетъ царицей, и Михаилъ Ѳедоровичъ отказался отъ нареченной невѣсты, а къ Шереметеву пошла грамота о томъ, что государь Марью Хлопову „взять за себя не изволили". На слѣдующій годъ, по указанію инокини Маѳы, избрана была невѣстою княжна Марія Долгорукова, противъ воли царя Михаила: „онъ же благочестивый царь, аще и не хотя, матери не преслушавъ, поятъ вторую царицу Марью", которая заболѣла съ перваго же дня брака и менѣе чѣмъ черезъ годъ умерла, 6 января 1625 г. Годъ спустя, Михаилъ Ѳедоровичъ вступилъ въ новый бракъ съ Евдокіею Лукьяновною Стрѣшневой. „Преданіе, — говоритъ авторъ, — называетъ Стрѣшневу прислужницею одной изъ дѣвицъ, привезенныхъ на смотрины; а шведъ Страленбергъ, пользовавшійся источниками давно погибшими, прямо говоритъ, что она была изъ сѣнныхъ дѣвушекъ двора боярина Ѳедора Ивановича Шереметева". Во всякомъ случаѣ, этотъ послѣдній бракъ, при несомнѣнно близкихъ домашнихъ отношеніяхъ послѣдней супруги Михаила къ семейству Шереметевыхъ, упрочилъ положеніе какъ Ѳедора Ивановича, такъ и его племянниковъ Ивана, Василія и Бориса Петровичей Шереметевыхъ. Въ продолженіе всего царствованія Михаила Ѳедоровича князь Ѳедоръ Ивановичъ занималъ первенствующую роль, какъ во внутреннихъ, такъ и во внѣшнихъ дѣлахъ.

Въ 1645 г., въ самый послѣдній годъ правленія Михаила Ѳедоровича, могущественный Ѳедоръ Ивановичъ Шереметевъ испыталъ

въ преклонныхъ лѣтахъ, тяжелое горе семейной вражды съ племянниками, заключавшейся полнымъ разрывомъ между ними. Этому-то обстоятельству мы обязаны весьма любопытнымъ документомъ, появившимся теперь въ первый разъ въ печати; челобитная Өедора Ивановича, хранящаяся въ архивѣ издателя монографіи, графа С. Д. Шереметева (№ 320), въ которой онъ, не имѣя дѣтей мужескаго пола, просилъ царя дозволить ему завѣщать имущество свое, помимо враждебныхъ ему племянниковъ, дочери своей, княгинѣ Одоевской,—заключаетъ въ себѣ цѣлую картину изъ нашей старины, идеализируемую ея новѣйшими поклонниками, приглашающими насъ вернуться туда—„назадъ, домой!" Приведемъ небольшое извлеченіе изъ этой челобитной.

„Царю государю и великому князю Михаилу Өедоровичу всея Русіи бьетъ челомъ холопъ твой Өедка Шереметевъ.

„Божіею, государь, волею постигла меня, холопа твоего, старость, мало слышу и вижу, и насилу брожу; а племянники, государь, мои —бояринъ Иванъ Петровичь съ братьею своею и съ детми и съ племянники—умышляютъ на меня, холопа твоего, съ совѣтники своима и съ друзьями, съ такими-жъ, каковъ самъ обнчаемъ, всякое зло и разоренье домишку моему и вотчинкамъ нынѣ и по смерти моей, чтобъ имъ духовная моя нарушить также, какъ и отецъ ихъ Петръ Никитичь дѣлалъ надъ дядею моимъ Өедоромъ Васильевичемъ. Блаженныя памяти при государѣ царѣ и великомъ князѣ Иванѣ Васильевичѣ, всеа Русіи (Грозномъ), дядю нашего Өедора Васильевича въ Сокольское взятье взяли въ полонъ Литовскіе люди, и отецъ ихъ Петръ Никитичь на Москвѣ, на дворѣ дяди своего и моего, у палатъ замки сбилъ и животы его пограбилъ, и въ деревняхъ лошади поималъ, и вотчинами владѣлъ, покамѣста дядя нашъ вышелъ изъ полону. И государь царь и великій князь Иванъ Васильевичьево, Петра, за грабежъ дядѣ Өедору Васильевичу выдалъ головою. А девяносто, государь, въ осьмомъ году (7098 г., т.-е. 1590 г.), дядя нашъ Өедоръ Васильевичь постригся, и отецъ ихъ въ ево вотчинахъ взялъ грабежемъ 170 коней, и на тѣхъ лошадехъ пошелъ на службу подъ Ругодивъ. Да отецъ же, государь, ихъ, при государѣ царѣ и великомъ князѣ Өедорѣ Ивановичѣ всеа Русіи, дядю своего и моего роднова Өедора Васильевича, во иноцѣхъ Өеодорита, грабилъ и писалъ ево измѣнникомъ,—будто со князь Иваномъ Петровичемъ Шуйскимъ государю царю Өедору Ивановичу измѣнялъ, и животы, государь, будто князя Ивана Петровича у дяди Өеодорита; и назвавъ холопей своихъ посланники и написавъ наказъ, посылалъ къ Николѣ Чудотворцу, въ Онтоновъ монастырь, грабить, и игуменъ, и старцы дяди Өеодорита грабить не дали... А въ мо-

сковское, государь, разоренье—вотчинншка мои, холопа твоего, были за Иваномъ съ братьею, и они людишекъ моихъ поимали къ себѣ въ холопы, а лошадишка мои и животишка все пограбили, и вотчинишки разорили, крестьянъ разогнали, и отъ 200 кобылъ осталось мнѣ, холопу твоему, только 16 кобыленокъ. А въ Коломенскихъ, государь, моихъ деревнишкахъ было насѣянной ржи 250 десятинъ, а мнѣ, холопу твоему, досталось только 18 десятинъ сѣянной ржи. А нынѣ, государь, по твоей государьской милости ко мнѣ, надъ живымъ надъ мною не смѣютъ ничего здѣлать, а умышляютъ и хотятъ по смерти моей надо мною, холопомъ твоимъ, тоже дѣлать, вотчинки мои и дворы, мимо моей духовной, затѣвая ложнымъ своимъ челобитьемъ поимати себѣ насильствомъ и животы разграбить. А нынѣ, государь, и живъ я, холопъ твой, отъ нихъ терплю всякой понось и укоризну; а люди ихъ, по ихъ велѣнью, людей моихъ и крестьянъ бьютъ и грабятъ, и сѣкутъ, и ножами рѣжутъ, и лаютъ. И меня, холопа твоего, на старости воромъ зовутъ, то тебѣ, государь, извѣстно".

Челобитная Θедора Ивановича Шереметева была уважена, но за послѣдовавшею вскорѣ за тѣмъ смертью царя Михаила, составленіе самаго духовнаго завѣщанія совершилось позже. При смерти царя, всѣ Шереметевы были на лицо въ Москвѣ, кромѣ Василія Борисовича, который незадолго предъ тѣмъ былъ посланъ воеводою въ Мценскъ. Любопытно при этомъ то, что Михаилъ Θедоровичъ скончался въ Москвѣ 12 іюля, а въ Мценскѣ узнали о томъ только въ двадцатыхъ числахъ того же мѣсяца: нужно было десять дней, чтобы извѣстіе о смерти царя дошло изъ Москвы въ Мценскъ.

Не мало интереснаго представляетъ судьба рода Шереметевыхъ и въ послѣдующее царствованіе Алексѣя Михаиловича „тишайшаго". Правда, въ первые годы, когда сталъ во главѣ правительства его же пѣстунъ бояринъ Морозовъ, доведшій Москву до народнаго возстанія, Шереметевы отошли на второй планъ. Но это продолжалось недолго: необузданное властолюбіе Морозова, соединенное съ корыстолюбіемъ его родственниковъ и приверженцевъ, произвело то, что въ 1648 году посадскіе и всякіе черные люди толпились на перекресткахъ, у церквей, и стали говорить вслухъ, что „государь молодъ, глядитъ все изо рта своего своака Морозова и зятя Милославскаго, что они всѣмъ владѣютъ, а самъ государь все это знаетъ да молчитъ"; а наконецъ, народъ „невѣжливымъ обычаемъ" пришелъ къ государеву двору требовать головы „измѣнниковъ". Отдаленіе Шереметевыхъ отъ клики Морозова не только спасло ихъ отъ ярости черни, но и сдѣлало ихъ популярными до того, что они смѣло входили въ разъяренную толпу и много содѣйствовали къ ея умиротворенію. Но, съ другой стороны, остается необъяснимымъ, почему они не приняли никакого участія въ составленіи Уложенія

1649 г., когда „бѣдствія народныя просвѣтили умъ юнаго государя и отворили его сердце на вся благая“, и онъ „рѣшилъ, для огражденія безопасности общей и частной и для обузданія своеволія приказныхъ и воеводъ, собрать во едино всѣ узаконенія гражданскія и церковныя, пересмотрѣть, исправить—„дабы московскаго государства всякихъ чиновъ людемъ, отъ большаго и до меньшаго чина, судъ и расправа была во всякихъ дѣлѣхъ всѣмъ ровно“. За то, по сверженіи Морозова, одинъ изъ Шереметевыхъ, Василій Борисовичъ, назначенъ былъ главнымъ воеводою въ Сибирь, а Василій Петровичъ—въ Казань.

Судя по подробностямъ домашней жизни и обстановки, Шереметевы принадлежали къ той части тогдашняго общества, которая задолго до Петра Великаго обнаружила стремленіе къ сближенію съ Западомъ. Сынъ Василія Петровича, Матвѣй Шереметевъ, сопровождавшій отца въ Казань, въ 1648 г., брилъ бороду, за что и получилъ отъ извѣстнаго протопопа Аввакума прозвище „брадобритца“.

Третій томъ исторіи „Рода Шереметевыхъ“ снабженъ, въ приложеніяхъ: древнимъ чертежемъ Москвы, составленнымъ до пожара въ 1626 г. и отпечатаннымъ тогда же въ Амстердамѣ; двумя картинами брачнаго чертога царя Михаила Ѳеодоровича и брачнаго пира въ Грановитой Палатѣ, снятыми прямо съ рукописи московскаго архива иностранныхъ дѣлъ, и различными документами, изданными по подлинникамъ, хранящимся въ архивѣ графа С. Д. Шереметева.

Четвертымъ томомъ должна открыться эпоха Петра Великаго, а потому продолженіе этого изданія обѣщаетъ въ будущемъ новый интересъ, такъ какъ богатство источниковъ доставитъ теперь болѣе возможности снабдить монографію бытовыми подробностями.—М.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1-е іюля, 1883.

Политическій эмпиризмъ нашего времени и его рецепты: „солидарное“ правительство, перенесеніе столицы, господство „правды“.— Мнѣнія не-знатныхъ иностранцевъ о Россіи.— „Сбивчивость воззрѣній“, усматриваемая „Московскими Вѣдомостями“ въ судебныхъ сферахъ.

Никто, кажется, не надѣлалъ столько зла въ медицинѣ, какъ эмпирики, сводившіе всѣ разстройства организма къ одной, произвольно выбранной причинѣ, и лечившіе всѣ болѣзни однимъ универсальнымъ средствомъ. Преобладающей ихъ роли положило конецъ

сближеніе медицины съ точными науками, поступленіе ея, если можно такъ выразиться, въ ученье къ физикѣ, химіи и біологіи. Мольеровскіе врачи, слѣпо вѣрующіе въ магическую силу рвотнаго или кровопусканія, были бы поставлены теперь на одну доску съ шарлатанами и знахарями. Изгнанный изъ одной области, эмпиризмъ крѣпко еще держится въ другихъ, по прежнему самоувѣренный и самодовольный, чуждый колебаній и сомнѣній, навязчивый въ своихъ совѣтахъ и рѣшительный въ своихъ приговорахъ. Онъ имѣетъ своихъ docteurs tant mieux и docteurs tant pis, своихъ оптимистовъ и пессимистовъ,—оптимистовъ, во всемъ готовыхъ видѣть конецъ бѣдъ и затрудненій,—пессимистовъ, вездѣ подозрѣвающихъ злоумышленія и козни; а такъ какъ оптимисты и пессимисты одинаково полагаются на инстинктъ, одинаково чуждаются разсужденія, то сегодняшній оптимистъ завтра сплошь и рядомъ является пессимистомъ, и на оборотъ; или оптимизмъ и пессимизмъ образуютъ въ каждую данную минуту смѣсь, не поддающуюся никакому химическому анализу. На сколько природа, по мнѣнію древнихъ, боялась пустоты, настолько эмпиризмъ дешеваго сорта боится сложности и глубины. Онъ скользитъ даже не по поверхности предметовъ, а по какой-нибудь одной линіи на ихъ поверхности; уцѣпившись за какую-нибудь одну, не особенно выдающуюся черту, онъ съ легкимъ сердцемъ игнорируетъ всѣ остальныя и не допускаетъ даже напоминанія о нихъ. Случайная послѣдовательность двухъ явленій возводится имъ на степень необходимой внутренней связи, второстепенная подробность—на степень характеристической черты, одинъ изъ результатовъ—на степень единственной причины. Главная твердыня современнаго эмпиризма, это—область политической и общественной жизни. Слабое, сравнительно, развитіе соціально-политическихъ и соціальныхъ наукъ, еще болѣе слабое распространеніе ихъ, даже въ средѣ привилегированнаго меньшинства, открываетъ широкій просторъ самымъ страннымъ взглядамъ, самымъ нелѣпымъ предположеніямъ и предложеніямъ. Эти два послѣднія слова мы не даромъ поставили одно подлѣ другого. Въ политикѣ, какъ и въ медицинѣ, отъ теоріи до практики одинъ только шагъ; въ политикѣ, какъ и въ медицинѣ, самое простое—или самое грубое—средство часто является и самымъ заманчивымъ, соблазнительно легкимъ и дешевымъ. Правда, политическіе врачи не всегда имѣютъ возможность прямо приступать къ леченью; ихъ рецепты не принимаются къ *безусловному* исполненію ни аптекой, ни паціентами—но прописанный однажды рецептъ рано или поздно можетъ получить реальную силу, если онъ носитъ на себѣ подпись одного изъ модныхъ эмпириковъ или печать торжествующей въ данную минуту эмпирической доктрины. Не мѣшаетъ по-

этому познакомиться поближе съ нѣсколькими экземплярами подобныхъ рецептовъ.

Объяснить событія послѣднихъ десяти или пятнадцати лѣтъ, раскрыть источникъ невзгодъ, постигшихъ Россію, найти путь къ дальнѣйшему, мирному ея развитію,—что можетъ быть важнѣе и вмѣстѣ съ тѣмъ труднѣе этой задачи? Если существованіе и ростъ простѣйшаго организма зависитъ отъ множества разнообразныхъ обстоятельствъ, то какъ громадно число, какъ велика сложность условій, опредѣляющихъ собою жизнь народа въ данную историческую эпоху! Не ясно ли, что здѣсь не можетъ быть рѣчи ни объ *одномъ* корнѣ зла, ни объ *одномъ* мановеніи руки, достаточномъ для уничтоженія этого корня? Не такъ, однако, смотрятъ на дѣло наши эмпирики. Подобно невѣжественному врачу, смѣшивающему болѣзнь съ отдѣльнымъ, существеннымъ ея симптомомъ, они выхватываютъ изъ массы явленій чуть ли не самое мелкое и пріурочиваютъ къ нему всѣ другія. „Болѣе всего, — говоритъ г. Катковъ, представитель русскаго эмпиризма par excellence,—государственная жизнь наша страдала недостаткомъ единства въ правительствѣ, непослѣдовательностью и противорѣчіями въ его дѣйствіяхъ". Прочитавъ эти слова, можно подумать, что они касаются быстрыхъ переходовъ отъ одной системы къ другой, недодѣлки реформъ, отступленія отъ началъ, положенныхъ въ основаніе нововведеній. Еслибы это было такъ, тѣ слова имѣли бы несомнѣнный, хотя и не особенно глубокій смыслъ; они указывали бы на одну изъ слабыхъ сторонъ преобразовательной работы, на одну изъ причинъ, помѣшавшихъ ея полному успѣху. Оказывается, однако, что рѣчь идетъ о чемъ-то иномъ, что громятся и изобличаются не противорѣчія, слѣдовавшія одно за другимъ, а противорѣчія, уживавшіяся одно возлѣ другого. „Между разными вѣдомствами, одного и того же правительства,—читаемъ мы дальше,—шла глухая и нерѣдко явная борьба. Учрежденія дѣйствовали наперекоръ и въ подрывъ одно другому. Лица во власти нерѣдко относились другъ къ другу какъ бы вожди вражескихъ армій, употребляя между собою всякаго рода военныя хитрости. Вслѣдствіе этого, законодательныя и административныя мѣры выходили недостаточно соображенными съ потребностями, ихъ вызывавшими, даже въ ущербъ имъ, и бывало такъ, что въ одно и то же время, въ одномъ и томъ же отношеніи, правительство говорило и *да*, и *нѣтъ*. Вслѣдствіе этого, порождалось въ странѣ чувство правительственнаго безсилія, призракъ анархіи, и всѣ озирались, ища чѣмъ и какъ восполнить недостатокъ правительства. Личныя самолюбія брали верхъ надъ убѣжденіями здраваго смысла. Вопіющія несправедливости совершались во имя требованій правды. Противуправительственныя тенденціи под-

держивались во имя правительственнаго авторитета. Печать стала органомъ всякой лжи и обмана, который даже не бралъ труда прикрывать себя. Школа стала предметомъ злоумышленной эксплуатаціи. Явился такъ-называемый нигилизмъ, которымъ воспользовались враги Россіи, чтобы создать ту революціонную мистификацію, которая изумила міръ и причинила намъ столько зла. Прежде всего надо раздѣлаться съ этою язвой—и мы избавимся отъ нея немедленно, какъ только установится у насъ правительство совершенно солидарное, съ ясною программой, съ опредѣленными цѣлями, и взглянетъ на все единственно и исключительно съ точки зрѣнія государственной пользы, здраваго смысла и требованій своей, а не чужой жизни".

Болѣе полнаго, болѣе характернаго образца эмпирической мудрости, чѣмъ только-что приведенный нами, нельзя себѣ и представить. Случаи разногласія между правительственными дѣятелями минувшей эпохи безспорно встрѣчались, но это никогда не имѣло рѣшающаго вліянія на ходъ событій, никогда не было продолжительно, никогда не выходило за предѣлы сравнительно тѣсной сферы. Сколько-нибудь крупную, замѣтную рознь можно указать только одну: это существовавшій въ семидесятыхъ годахъ антагонизмъ между министерствами военнымъ и народнаго просвѣщенія, по вопросамъ средняго и отчасти начальнаго образованія. Въ нашихъ глазахъ этотъ антагонизмъ имѣлъ свои полезныя стороны; допустимъ, однако, что онъ былъ безусловно вреденъ, и спросимъ себя, какъ великъ могъ быть размѣръ принесеннаго имъ вреда? Развѣ устройство военныхъ гимназій и прогимназій помѣшало въ чемъ-нибудь преобразованію гражданскихъ среднихъ учебныхъ заведеній? Развѣ оно стѣснило свободу дѣйствій министерства народнаго просвѣщенія, развѣ оно способствовало, прямо или косвенно, „злоумышленной эксплуатаціи школы?" Много ли потеряло государство отъ того, что одно вѣдомство относилось къ реальному образованію симпатичнѣе, чѣмъ другое? Разница во взглядахъ на спеціальный вопросъ, обусловленная, до извѣстной степени, различіемъ въ назначеніи, въ призваніи обоихъ вѣдомствъ, могла ли возбудить въ комъ-либо „чувство правительственнаго безвластія", могла ли вызвать „призракъ анархіи?" А между тѣмъ, мы взяли нарочно самый выдающійся, самый видный случай разногласія; изъ числа остальныхъ, одни не могутъ считаться доказанными, другіе лишены всякаго серьёзнаго значенія. Намъ укажутъ, можетъ быть, на исторію министерствъ народнаго просвѣщенія и внутреннихъ дѣлъ между 1862 и 1866 г. Правда, характеръ дѣятельности тогдашнихъ представителей ихъ былъ далеко не одинаковъ; но столкновенія между ними были возможны только до тѣхъ поръ, пока цензура не перешла въ вѣдѣніе министерства внутрен-

нихъ дѣлъ (январь 1863 г.). Нужно многое забыть и ничему не научиться, чтобы относить появленіе нигилизма къ мимолетнымъ пререканіямъ двухъ вѣдомствъ, къ административному разномыслію, не простиравшемуся, во всякомъ случаѣ, дальше подробностей, оттѣнковъ. Кто же не знаетъ, что совокупность тенденцій, неправильно соединяемыхъ подъ названіемъ нигилизма, была на лицо гораздо раньше 1862 г., что къ этому времени относится только нареченіе имени новорожденному или, лучше сказать, уже довольно давно рожденному ребенку? Существуетъ ли вообще, среди длиннаго ряда всевозможныхъ философскихъ, моральныхъ и политическихъ ученій, хотя одно, которое было бы обязано своимъ происхожденіемъ, своимъ ростомъ бюрократической неурядицѣ, недостатку единодушія въ правительственныхъ сферахъ? Выводить большіе результаты изъ безконечно-малыхъ причинъ—это замашка историковъ-анекдотистовъ и публицистовъ-эмпириковъ, давно сданная въ архивъ всѣми сколько-нибудь серьёзными писателями. Кто объясняетъ теперь паденіе виговъ при королевѣ Аннѣ знаменитымъ стаканомъ воды, пролитымъ Мальборо; кто выводитъ французскую революцію изъ неккеровскаго compte-rendu или изъ дѣла о королевиномъ ожерельѣ? Наслѣдниками Скриба и Дюма-отца являются у насъ газетные Терситы, разыгрывающіе роль Юпитера-громовержца. Только они въ состояніи искать ключъ къ цѣлой эпохѣ въ „личныхъ самолюбіяхъ“ двухъ-трехъ министровъ; только они въ состояніи называть печать, подавленную борьбою за существованіе, „органомъ всякой лжи и обмана, который даже не бралъ труда прикрывать себя“; только они въ состояніи утверждать, что въ эпоху, почти исключительно реакціонную, „противуправительственныя тенденціи поддерживались во имя правительственнаго авторитета“.

Раздуть лягушку въ вола, заслонить небольшимъ сучкомъ цѣлую массу бревенъ, выкинуть за бортъ все непокрываемое жалкимъ, узенькимъ флагомъ—это только первый пріемъ воинствующаго эмпиризма; за посылкой, установленной per fas et nefas, всегда слѣдуетъ практическое заключеніе. Если главный, чуть не единственный источникъ болѣзни—разногласіе между правительственными вѣдомствами, то для радикальнаго излеченія ея очевидно стбитъ только установить „правительство солидарное, съ ясною программой, съ опредѣленными цѣлями, смотрящее на все исключительно съ точки зрѣнія здраваго смысла и государственной пользы“. Несостоятельность силлогизма на этотъ разъ столь велика, что весь матеріалъ для опроверженія его мы найдемъ въ самомъ его текстѣ. „Солидарное правительство“, предлагаемое въ видѣ панацеи противъ всѣхъ золъ, должно имѣть „опредѣленныя цѣли“ и „ясную программу“. Безраз-

лично ли содержаніе этой программы, безразлична ли сущность этихъ цѣлей? Достаточна ли „солидарность" сама по себѣ, въ чемъ бы она ни выражалась, къ чему бы она ни стремилась? Утвердительнаго отвѣта на этотъ вопросъ нельзя ожидать даже отъ фанатиковъ эмпиризма; даже они не могутъ сказать: „все равно, куда бы ни идти, лишь бы только идти въ ногу, строго и стройно исполняя команду". Если на первомъ планѣ стоитъ *направленіе пути*, если центръ тяжести лежитъ въ *выборѣ цѣли*, а не въ дружномъ преслѣдованіи ея, то зданіе, построенное на пескѣ эмпиризма, рушится само собою; вопросъ, казавшійся разрѣшеннымъ, опять возстанетъ передъ нами во всей своей силѣ, въ настоящей формулѣ своей: *что дѣлать*, и которую никакъ нельзя подмѣнить формулою: *какъ дѣлать?* Солидарность, какъ нѣчто самостоятельное, оторванное отъ своего предмета, не имѣетъ абсолютнаго значенія, не составляетъ абсолютнаго достоинства; она полезна, когда полезно совершаемое съ ея помощью дѣло, и наоборотъ. Смутно сознавая эту простую истину, проповѣдники солидарности включили въ заключительную часть силлогизма характеристику точки зрѣнія, которой должно держаться солидарное правительство; но эта характеристика вовсе, притомъ, не вытекающая изъ предпосылокъ — въ сущности ничего не характеризуетъ и не объясняетъ. Намъ говорятъ о государственной пользѣ, о здравомъ смыслѣ, о требованіяхъ своей, а не чужой жизни; но вѣдь это все одни слова, въ которыя можно вложить какое угодно содержаніе. Такъ-называемый здравый смыслъ однимъ подсказываетъ одно, другимъ—другое; государственная польза одними понимается такъ, другими иначе; всякій убѣжденный человѣкъ вѣритъ въ живую связь между завѣтными его идеями и потребностями народа. Чтобы намѣтить цѣли государственной дѣятельности, чтобы установить содержаніе правительственной программы, необходимо призвать на помощь всѣ разнообразныя указанія опыта и науки, исторіи и жизни — необходимо, однимъ словомъ, окунуться съ головою въ ту сложную, трудную, никогда не оканчивающуюся, постоянно возобновляющуюся работу, которую напрасно хочетъ упростить или упразднить — низкопробный политическій эмпиризмъ. Всѣ воздыханія его по утраченной, будто бы, солидарности не подвинули его ни на шагъ впередъ; упомянувъ о государственной пользѣ и требованіяхъ жизни, онъ возвратился, противъ воли, на ту почву, на которой рѣшительно неумѣстны Сганарелевскіе рецепты.

Между совѣтами нашихъ Мольеровскихъ врачей не всѣ отличаются новизною; есть и такіе, которые повторяются періодически, при каждомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ, съ настойчивостью, достойною лучшаго дѣла. Сюда относится, напримѣръ, знаменитый

рецептъ „Руси“: „вонъ изъ Петербурга, въ Москву!“ Мы упоминаемъ о немъ въ виду свѣжаго аргумента, прiисканнаго въ его пользу главнымъ докторомъ славянофильства. Извѣстно, что во время коронацiонныхъ празднествъ въ Петербургѣ произошли пустые уличные безпорядки, нашедшiе недавно свою простую развязку въ камерахъ мировыхъ судей. „Конечно,—восклицаетъ „Русь“, противопоставляя петербургскимъ безпорядкамъ полнѣйшее спокойствiе во всѣхъ другихъ городахъ имперiи,—это диссонансъ случайный и по существу своему вовсе не рѣзкiй, но надо-жъ было такъ случиться, что онъ произошелъ именно въ томъ городѣ, который не переставалъ развлекаться театральными зрѣлищами въ 1812 г., когда Москва горѣла и вся Россiя плакала навзрыдъ,—который вообще, какъ зачатый въ духѣ протеста противъ русской закоснѣлой старины, перешедшаго уже въ прямое отрицанiе самобытности русскаго нацiональнаго духа, есть и безъ того олицетворенный, постоянный диссонансъ въ общемъ строѣ русской жизни“. Прочитавъ эти строки, можно подумать, что уличные безпорядки 15-го и 16-го мая произведены праздношатающимися въ родѣ тѣхъ, которые „развлекались театральными представленiями въ 1812 г.“, или членами того общественнаго класса, который наиболѣе виновенъ въ подражанiи Европѣ. Ничего подобнаго не было на самомъ дѣлѣ; если въ данномъ случаѣ можетъ быть рѣчь о подражанiи, то развѣ только московскому Охотному ряду. При чемъ же тутъ Петербургъ, какъ „олицетворенный диссонансъ въ общемъ строѣ русской жизни“? Неужели сбиванiе шапокъ и останавливанiе каретъ могло и должно было произойти именно и только на Невскомъ проспектѣ? Чѣмъ виноватъ цѣлый городъ въ безчинствѣ нѣсколькихъ десятковъ лицъ, изъ которыхъ не всѣ даже, можетъ быть, принадлежатъ къ числу коренныхъ его жителей? Что сказалъ бы г. Аксаковъ, если бы кому-нибудь вздумалось поставить подвиги нѣсколькихъ московскихъ мясниковъ на счетъ всей Москвы или хотя бы одного изъ московскихъ сословiй? Мы встрѣчаемся здѣсь, очевидно, съ сравнительно-невинной формой старозавѣтной политической медицины. Петербургъ — это воображаемая болѣзнь Россiи, перенесенiе столицы въ Москву—воображаемое специфическое средство. Представимъ себѣ доктора-рутинера, твердо увѣреннаго въ томъ, что его пацiентъ страдаетъ полнокровiемъ; представимъ себѣ, что эта увѣренность доведена до степени страсти или мономанiи — и мы нисколько не удивимся, если онъ станетъ находить признаки полнокровiя въ покроѣ платья, въ фасонѣ шляпы, въ цвѣтѣ перчатокъ, которыя носитъ пацiентъ. Чтó бы послѣднiй ни сдѣлалъ, чтó бы съ нимъ ни случилось, первою мыслью доктора будетъ: „не мѣшало бы сдѣлать больному хоть маленькое кровопусканiе!“ Таково,

въ сущности, отношеніе „Руси" къ бѣдному городу Санктъ-Петербургу.

Третій рецептъ, которымъ мы закончимъ на этотъ разъ нашу коллекцію, совершенно безобиденъ и блещетъ только наивностью, напоминая леченье наговоренной водой или такъ-называемыми симпатическими средствами. „Правды",—восклицаетъ благодушный эмпирикъ,—„вотъ чего преимущественно или даже исключительно жаждалъ бы теперь народъ, жаждало бы общество... Правда, строгая правда, правда строжайшая, не взирая ни на чины, ни на лица, правда Петра I; тогда общественный и государственный строй воспрянутъ; никакого нигдѣ, ни въ чемъ шатанія, всеобщая увѣренность и спокойствіе". Конечно, правда—великое дѣло; вся бѣда въ томъ, что для нея нѣтъ безусловно-вѣрнаго мѣрила, что высшая правда въ глазахъ одного—высшая неправда въ глазахъ другого. Безъ комментаріевъ, безъ цѣлой profession de foi, *правда*—такое же растяжимое понятіе, такое же неопредѣленное слово, какъ *государственная польза* или *требованія народной жизни*. Въ приведенной нами цитатѣ, правда понимается, притомъ, въ тѣсномъ смыслѣ юридической справедливости, въ смыслѣ равной для всѣхъ, ничѣмъ не устранимой отвѣтственности передъ закономъ. Значенія *такой* правды нельзя отрицать, но видѣть въ ней гарантію противъ всякихъ „шатаній", опору плодотворнаго спокойствія—болѣе чѣмъ странно. Незавидно положеніе общества, управляемаго и воспитываемаго однѣми уголовными карами. Какъ бы правильны и разумны ни были уголовные законы, какъ бы безпристрастно ни было ихъ примѣненіе, они безсильны не только двинуть общество впередъ, но и предохранить его отъ нравственной порчи. Намъ говорятъ о правдѣ Петра I-го; но развѣ она смогла положить конецъ взяточничеству, казнокрадству, злоупотребленіямъ и притѣсненіямъ всякаго рода? Развѣ хороши были административные нравы, процвѣтавшіе рядомъ съ нею? Коснулась ли она всѣхъ подлежавшихъ ей суду, начиная съ князя Меньшикова? Многое ли уцѣлѣло отъ нея, какъ только не стало самого Петра? Ссылка на великаго преобразователя Россіи доказываетъ какъ разъ обратное тому, что хотѣлъ доказать ею авторъ рецепта; она доказываетъ недостаточность одной формальной правды. Роль этой правды—чисто служебная; она составляетъ не цѣль, а средство, или лучше сказать, одно изъ многихъ средствъ. Провозгласить господство юридической справедливости или даже водворить его на самомъ дѣлѣ, не значитъ еще разрѣшить задачи управленія, не значитъ даже приблизить, облегчить ихъ разрѣшеніе.

Замѣтимъ, мимоходомъ, что наши эмпирики относятся съ боль-

шимъ пренебреженіемъ къ отзывамъ иностранцевъ о Россіи—не только тогда, когда эти отзывы принадлежатъ фельетонистамъ или корреспондентамъ, смотрящимъ на насъ съ высоты птичьяго полета, но и тогда, когда они идутъ отъ писателей вполнѣ серьёзныхъ, въ родѣ Анатоля Леруа-Болье. Это столь же понятно, какъ и враждебное отношеніе Мольеровскихъ врачей другъ къ другу, или педантовъ—къ истиннымъ ученымъ. Заурядный корреспондентъ, особенно французскій, это—эмпирикъ, уступающій нашимъ доморощеннымъ представителямъ эмпиризма лишь въ томъ поверхностномъ знаніи предметовъ, которое дается постоянною близостью къ нимъ, ежедневнымъ опытомъ жизни. Изобличивъ корреспондента въ томъ, что онъ неправильно приписалъ русскому народу суевѣрное уваженіе къ клопамъ, „Москов. Вѣдомости" выводятъ отсюда свое безусловное превосходство передъ собратомъ и считаютъ себя въ правѣ игнорировать даже самыя справедливыя замѣчанія его. Онѣ упускаютъ изъ виду, что если чужому человѣку, не подготовленному къ изученію предмета, многое кажется неяснымъ или представляется въ невѣрномъ свѣтѣ, то съ другой стороны глазъ плохо вооруженный все-таки имѣетъ преимущество передъ глазомъ намѣренно закрытымъ. Легкомысленнѣйшему сотруднику „Figaro" можетъ броситься въ глаза кое-что изъ того, чего не *хотятъ* видѣть нѣкоторые наши журналисты. Прочтите, напримѣръ, корреспонденцію Альбера Вольфа, приведенную въ газетѣ „Новое Время", и вы будете поражены ея сходствомъ съ заключеніемъ послѣдней статьи А. Леруа-Болье о Россіи, напечатанной въ „Revue politique et littéraire". „Мѣры, принятыя правительствомъ въ пользу сельскихъ общинъ,—говоритъ Леруа-Болье,—не могутъ заглушить либеральныхъ стремленій образованныхъ классовъ... Для величія государства необходима не только заботливость о народныхъ нуждахъ, но и удовлетвореніе новыхъ потребностей той Россіи, которая чувствуетъ себя Европой"... „Помимо революціонеровъ, для которыхъ всѣ средства хороши",—читаемъ мы въ корреспонденціи Вольфа [1]),—„въ Россіи образуется громадная партія, въ которой безусловная вѣрность престолу не исключаетъ прогрессивныхъ идей. Идеи эти медленно проникаютъ въ интеллигентную и благоразумную часть народа, и никакой оберъ-полиціймейстеръ, какою бы энергіею онъ ни обладалъ [2]), подавить ихъ не въ состояніи, потому что онѣ ускользаютъ отъ его власти. Мы обыкновенно смѣшиваемъ подъ общимъ наименованіемъ нигилистовъ всѣхъ тѣхъ, кто мечтаетъ о водвореніи болѣе либеральныхъ идей.

[1]) См. «Новое Время», № 2,600.

[2]) Начало корреспонденціи посвящено изложенію бесѣды Вольфа съ генераломъ Треповымъ, бывшимъ петербургскимъ градоначальникомъ.

Это столько же ошибочно, сколько было бы ошибочно сужденіе петербуржца, смѣшивающаго тѣхъ, кого мы (т.-е. французы) называемъ анархистами, съ людьми порядка, исполненными истинно-либеральныхъ идей... Либеральная партія, желающая медленныхъ и благоразумныхъ реформъ, дѣйствительно существуетъ въ Россіи, если не среди простого народа, то по крайней мѣрѣ среди буржуазіи, въ рядахъ просвѣщенныхъ чиновниковъ, подростающаго молодого поколѣнія, выступающихъ впередъ новыхъ отпрысковъ, причемъ каждое поколѣніе поставляетъ контингентъ многочисленнѣе предшествовавшаго". — Итакъ, представитель парижской бульварной прессы оказался, на этотъ разъ болѣе проницательнымъ—или болѣе честнымъ,—чѣмъ наши консерваторы различныхъ оттѣнковъ, столь часто провозглашавшіе солидарность нигилизма и либерализма. Въ большую заслугу мы этого французскому корреспонденту не ставимъ; онъ просто подмѣтилъ безспорный фактъ и записалъ свое наблюденіе, не мудрствуя лукаво. При всей своей простотѣ такой образъ дѣйствій далеко не составляетъ общаго правила и заслуживаетъ сочувственной отмѣтки.

Сотрудникъ „Figaro" привыкъ къ самымъ разнообразнымъ подтасовкамъ и искаженіямъ фактовъ; но едва ли, однако, даже ему случалось встрѣчаться съ такими продуктами этого рода, какіе фабрикуются чуть не каждый день на страницахъ извѣстной московской газеты. Одна изъ петербургскихъ газетъ высказалась недавно за облегченіе развода, какъ за единственное средство урегулированія супружескихъ отношеній; московская газета видитъ въ этомъ „ясное требованіе разгрома семьи и *соціальной революціи*". Ясно здѣсь только одно: отреченіе реакціоннаго органа не только отъ всякихъ литературныхъ приличій, но и отъ самыхъ элементарныхъ понятій о справедливости. „Московскія Вѣдомости" не могутъ не знать, что во Франціи разводъ былъ узаконенъ Наполеоновскимъ кодексомъ, конечно чуждымъ революціонныхъ стремленій, что онъ существуетъ въ Бисмарковской Пруссіи, возстановляется умѣренными французскими либералами, что между нимъ и насильственнымъ соціальнымъ переворотомъ нѣтъ рѣшительно ничего общаго. Обвинять противниковъ, безъ сомнѣнія, удобнѣе и легче, чѣмъ спорить съ ними, опровергать ихъ аргументы; что касается до возможныхъ послѣдствій обвиненія... Но стоитъ ли думать о послѣдствіяхъ, когда они ни въ какомъ случаѣ не могутъ обрушиться на голову обвинителя!

Ошибочно было бы впрочемъ думать, что молніи московской газеты мечутся только въ тѣхъ, кто стоитъ за радикальныя перемѣны въ нашихъ законахъ. Постояннымъ предметомъ ея нападеній является, съ нѣкоторыхъ поръ, первый департаментъ сената, осмѣлившійся предать суду г. Скарятина и отказать въ кассаціи выборовъ, павшихъ на

лицо, высланное въ административномъ порядкѣ. Новымъ поводомъ къ обвиненіямъ противъ сената послужило опредѣленіе его по вопросу, въ высшей степени простому, почти безспорному. Темниковское уѣздное земское собраніе пятнадцать лѣтъ сряду облагало земскимъ сборомъ лѣсную дачу, принадлежащую Саровской пустыни, и тамбовскій губернаторъ оставлялъ это обложеніе безъ протеста. Жалоба со стороны монастыря была подана лишь въ 1879 г., когда были приняты рѣшительныя мѣры къ взысканію накопившейся недоимки. Министръ внутреннихъ дѣлъ нашелъ жалобу основательною и предписалъ сложить недоимку; но первый департаментъ сената, куда дѣло было перенесено уѣздною земскою управою, отмѣнилъ распоряженіе министра, на томъ основаніи, что раскладки, въ свое время неопротестованныя, вошли въ законную силу. По мнѣнію „Московскихъ Вѣдомостей", неправильное постановленіе земскаго собранія никогда не можетъ войти въ законную силу и не подлежитъ исполненію, хотя бы въ продолженіе многихъ лѣтъ и не было принесено противъ него ни жалобы, ни протеста. Мотивируется мнѣніе газеты ссылкою на ст. 14 правилъ о порядкѣ производства дѣлъ въ земскихъ учрежденіяхъ. Эта статья, и по буквальному своему смыслу, и по происхожденію своему (правила, въ составъ которыхъ она входитъ, были изданы послѣ закрытія въ петербургской губерніи, въ 1867 г., земскихъ учрежденій), касается только постановленій *явно* противозаконныхъ, выходящихъ изъ сферы земской дѣятельности, а отнюдь не постановленій, основанныхъ на неправильномъ толкованіи закона; для отмѣны послѣднихъ земскимъ положеніемъ указанъ путь, ни въ какомъ случаѣ не подлежащій обходу. Представимъ себѣ, къ какимъ практическимъ послѣдствіямъ привело бы торжество мнѣнія „Московскихъ Вѣдомостей". Земское собраніе, неправильно толкуя законъ, облагаетъ извѣстное имущество земскимъ сборомъ и много лѣтъ сряду взыскиваетъ его, не встрѣчая ни малѣйшаго отпора ни со стороны владѣльца имущества, ни со стороны администраціи. Внезапно, лѣтъ черезъ десять, владѣлецъ имущества догадывается или вспоминаетъ о своемъ правѣ и предъявляетъ требованіе о возвратѣ всѣхъ неправильно взысканныхъ съ него денегъ. Каково будетъ положеніе земства, застигнутаго въ расплохъ этимъ требованіемъ? Установляя цифру ежегодныхъ смѣтныхъ расходовъ, оно сообразовалось съ цифрой доходовъ, въ составъ которыхъ входилъ и сборъ съ вышеупомянутаго имущества; взять назадъ произведенные однажды расходы оно не можетъ, чрезвычайныхъ рессурсовъ для покрытія неожиданно оказавшагося долга у него нѣтъ. Чтобы покрыть этотъ долгъ, ему придется сократить текущіе расходы, т.-е. оставить безъ удовлетворенія насущныя потребности населенія.

Предупредить такія вопіющія неудобства можетъ только неприкосновенность земскихъ раскладокъ, вступившихъ въ законную силу. Кто мѣшалъ Саровскому монастырю вступить еще въ 1865 г. на ту дорогу, по которой онъ пошелъ четырнадцать лѣтъ спустя? Спорный вопросъ получилъ бы тогда своевременное разрѣшеніе, и земству не пришлось бы терпѣть отъ небрежности монастырскаго начальства. Намъ могутъ возразить, что земскій сборъ монастыремъ уплачиваемъ не былъ, что онъ весь числится въ недоимкѣ. Это очевидно не измѣняетъ положенія дѣла. Отказаться отъ взысканія недоимки безъ сомнѣнія легче, чѣмъ возвратить полученныя и истраченныя деньги; но принципіальной разницы между обоими случаями нѣтъ—недоимка, числящаяся на состоятельномъ плательщикѣ, безспорно составляетъ часть земскаго имущества, на которую земство въ правѣ разсчитывать во всѣхъ своихъ финансовыхъ планахъ. Не ясно ли, что опредѣленіе сената совершенно правильно, или по меньшей мѣрѣ не заключаетъ въ себѣ ничего явно несообразнаго, ничего явно противнаго закону? Оно состоялось, правда, вопреки мнѣнію четырехъ министровъ, изъ которыхъ одинъ перенесъ дѣло въ общее сената собраніе; но независимость административнаго суда, какъ и всякаго другого, должна быть признана достоинствомъ его, а не недостаткомъ. „Сбивчивость воззрѣній", о которой говорится въ статьѣ Московскихъ Вѣдомостей, проявилась, въ данномъ случаѣ, не въ судебныхъ сферахъ, а въ той газетной средѣ, которая вездѣ предполагаетъ грубую тенденціозность, потому что сама всюду ее вноситъ.

Издатель и редакторъ: М. Стасюлевичъ.

ВОЛХОНСКАЯ БАРЫШНЯ

ПОВѢСТЬ.

XIV *).

Тутолминъ раздѣлся и рѣшительно развернулъ «Отечественныя Записки». Но дѣло не пошло на ладъ: интересная статья какъ-то туго и тяжело влѣзала въ его голову. Маятникъ, равномѣрно стучавшій въ сосѣдней комнатѣ, ужасно мѣшалъ ему. Онъ закрылъ уши и снова началъ страницу. Но мысли его улетали далеко отъ экономическихъ данныхъ, представляемыхъ статьей, и сердце безпокойно ныло. Тогда онъ съ досадой бросилъ книгу и порывисто заходилъ по комнатѣ. Злоба душила его. Онъ съ какимъ-то ѣдкимъ наслажденіемъ представлялъ себѣ красивое лицо графа, повергнутаго въ недоумѣніе. И все въ этомъ графѣ возбуждало его ненависть: и манеры, и мягкая любезность, и меланхолическое очертаніе губъ... И онъ преувеличивалъ въ своемъ воображеніи эти особенности, доводилъ ихъ до каррикатуры, до шаржа. Онъ представлялъ графа въ видѣ паршивенькаго петиметра, въ видѣ приторнаго пастушка изъ французскихъ пасторалей, временъ Людовика XV... Но отъ этихъ представленій онъ круто и съ какой-то стремительной поспѣшностью перешелъ къ Варѣ. И досталось же несчастной... Онъ громоздилъ на ея бѣдную голову цѣлую лавину обвиненій. И ея изысканный костюмъ, и ея видимое благоволеніе къ графу, и ея смущеніе при появленіи Тутолмина, — все становилось ей въ счетъ. Онъ не зналъ какъ заклеймить ея поведеніе... Нелест-

*) См. выше: іюль, 5 стр.

ныя наименованія ежеминутно срывались съ его языка и необузданно будили мертвую тишину уютной комнатки. Онъ не могъ простить себѣ тѣ разговоры, которые велъ съ нею, ту «идіотскую» растрату времени, которую допустилъ ради поученія этой «либералки»... О, теперь онъ отлично видитъ, что дѣло заключалось въ романическихъ изныванiяхъ. Все остальное служило лишь фономъ для этихъ изныванiй...—«Прекрасно!»—въ ярости восклицалъ Илья Петровичъ,—«превосходно! въ высшей даже степени великолѣпно, почтеннѣйшiй господинъ Тутолминъ!» —и онъ съ азартомъ обрушивался на свою особу. Не было того яда, который онъ не излилъ бы на себя. Не существовало такихъ унизительныхъ сравненiй, которыми онъ не воспользовался бы при этой безжалостной расправѣ. Не находилось такихъ презрительныхъ прозванiй, которыми онъ не обременилъ бы «свое ничтожество». Съ какой-то ненасытимой жадностью, онъ переворачивалъ свою память и выкладывалъ ея содержимое для пущаго уязвленiя «своихъ поползновенiй». И Онѣгинъ-то, и Печоринъ, и Рудинъ, и Агаринъ—проворно вылѣзали оттуда и съ коварными гримасами поспѣшали на прокурорскую трибуну, откуда стыдили и дразнили Илью Петровича сходствомъ своихъ похожденiй съ его отношенiями къ Варѣ... Голова его пылала. По спинѣ ходили иглы.

Онъ бросился на постель и уткнулся лицомъ въ подушку. И долго ни одной связной мысли не появлялось въ его горячей головѣ. Онъ только чувствовалъ какое-то безсмысленное и безпокойное угнетенiе. Сердце его ныло съ тупою болью... Но мало-по-малу, волненiе утихало; злоба исчезала, обезсиленная наплывомъ тяжелой усталости... И онъ ясно вообразилъ Варю, въ тотъ мигъ, когда она подбѣжала къ нему въ передней. Тогда что-то въ родѣ укора совѣсти шевельнулось въ немъ. Онъ сталъ разсуждать сухо и правильно. Правда, онъ не обвинялъ себя; онъ не бралъ назадъ презрительныхъ наименованiй, данныхъ имъ дѣвушкѣ, во время раздраженiя... Но въ немъ выросло и стало во весь ростъ сознанiе глубокой и страстной любви къ ней.— «Это фактъ,—произнесъ онъ громко,—и съ нимъ надо считаться... Но нужно вырвать ее изъ этой экзотической гнили; нужно рѣшительно и разъ навсегда вывесть ее на прямую дорогу»...—и онъ, почти успокоенный, всталъ и твердой рукою написалъ ей письмо.

«Варвара Алексѣевна!—гласило письмо,—я не признаю шутокъ въ серьезныхъ вещахъ. Наши съ вами отношенiя я считаю вещью *серьезной*. Играть въ нервы, а тѣмъ паче раздражать

чью-либо экспансивность, моего согласія нѣтъ. А такъ какъ наши отношенія въ вашемъ *салонѣ* именно таковы, что могутъ только потворствовать этому раздраженію и этой игрѣ, и такъ какъ по этому пути мы, можетъ быть, зашли слишкомъ уже далеко, то, я думаю, было бы умѣстно: игру прекратить и заявиться передъ разными салонными пряниками въ подлинномъ своемъ видѣ. Для этого благоволите разрѣшить мнѣ говорить вамъ «ты» уже не подъ сурдинку, а какъ и подобаетъ взрослымъ людямъ—громко и ясно. Конечно, есть и иной выходъ: я бы могъ сдѣлать вамъ такъ называемое «предложеніе», а вы—принять его. Но дѣло въ томъ, что я считаю очень разумнымъ наше прежнее рѣшеніе: не сходиться до тѣхъ поръ, пока вы не взглянете жизни прямо въ глаза, т.-е. не извѣдаете ея нуждъ и ея прозы, а потому и «обычный» выходъ нахожу не подходящимъ. Жду отвѣта.

Илья Тутолминъ».

Розыскавъ Алистрата и отправивъ съ нимъ письмо, Илья Петровичъ совершенно успокоился. Правда, онъ все-таки не взялся за статью въ «Отечественныхъ Запискахъ», но улегся на кровать и началъ мечтать. Онъ воображалъ себѣ Варю, безъ всякихъ «барскихъ свойствъ». Умная, красивая, развитая, въ простенькомъ темномъ платьицѣ—она сидѣла въ кругу его друзей, и дѣльно аргументируя, отстаивала его завѣтныя мысли о міровомъ значеніи русскихъ бытовыхъ формъ, и объ устойчивости крестьянскихъ общинныхъ идеаловъ... Дальше она представала ему въ заманчивой простотѣ деревенской обстановки, среди ребятишекъ и бабъ, ведущихъ нескончаемую бесѣду... И сердце его теплилось тихо и спокойно.

Вошелъ Алистратъ. Тутолминъ протянулъ руку... Въ концѣ его собственнаго письма стояло смутно и неразборчиво: *Мнѣ надо говорить съ вами. Приходите утромъ въ березовую аллею.* Тутолминъ еще разъ прочиталъ... И какое-то неясное чувство страха стѣснило ему сердце.

Длинныя тѣни лежали еще на росистой травѣ, когда Илья Петровичъ появился въ березовой аллеѣ. Озеро дымилось. Солнечные лучи червоннымъ золотомъ сквозили черезъ деревья. Было свѣжо. Березы издавали крѣпкій запахъ. Тутолминъ сѣлъ на пень, подобралъ сухой сучекъ, валявшійся на дорогѣ и въ задумчивости началъ чертить имъ по песку. Гдѣ-то вблизи неугомонно стрекотала сорока. — «И на что ей понадобилось это

свиданіе?»—думалъ Илья Петровичъ, и снова неясное ощущеніе страха обнимало его. Но онъ какъ бы отклонялся отъ этого ощущенія, какъ бы убѣгалъ отъ него... Онъ вспоминалъ первое свое знакомство съ Варей; ея удивленное личико при его внезапномъ появленіи; ея шаловливую улыбку послѣ, во время представленія... Онъ представлялъ себѣ подробности ихъ сближенія, разговоръ въ шарабанѣ, сцены на полянѣ и на озерѣ... И хорошо ему дѣлалось. И не хотѣлось ему думать о вчерашнемъ вечерѣ, объ этой загадочной припискѣ къ его письму, о свиданіи... «Точно въ романѣ!»—мысленно произносилъ онъ и улыбался съ дѣланной насмѣшливостью; а чувство страха опять надвигалось на него смутной и неопредѣленной тѣнью.

Вдругъ послышался легкій шорохъ... Тутолминъ вздрогнулъ и поднялъ голову. Въ двухъ шагахъ отъ него стояла Варя. Она неподвижно смотрѣла на него и была печальна. Бѣлый платокъ обрамлялъ ея блѣдное личико; подъ глазами темнѣлись круги. Илья Петровичъ бросился къ ней.

— Здравствуйте, Илья Петровичъ,—тихо вымолвила она и опустила глаза.

Тутолминъ въ тревожномъ изумленіи посмотрѣлъ на нее.

— Что съ тобой, моя дорогая!—воскликнулъ онъ, взявъ ее за руку. Она было попыталась освободить эту руку, но послѣ легкаго усилія оставила ее въ рукѣ Тутолмина:—что съ тобой, —продолжалъ онъ,—или ты разсердилась на глупую мою выходку?.. Но, милая моя...

— Я васъ попрошу говорить мнѣ вы, Илья Петровичъ,—едва слышно произнесла Варя. Илья Петровичъ безсильно выпустилъ ея холодную руку.—«Что это такое?»—прошепталъ онъ въ ужасѣ. Тогда она взглянула ему прямо въ лицо и заговорила съ какой-то нервической поспѣшностью:—Я вамъ пришла сказать... Я пришла... Я долго думала, Илья Петровичъ... Но я васъ не люблю... Я васъ очень, очень уважаю, но я не могу васъ любить...

Тутолминъ съ горькимъ стономъ отошелъ отъ нея.

— За что же это?—съ изумленіемъ проговорилъ онъ и, не дождавшись отвѣта, разсѣянно приложилъ ко лбу руку.—За что?...—повторилъ онъ тихо.

Варя хотѣла говорить и не могла: рыданія душили ее. Она больно прикусила губы и отвернулась. Но она не могла бы сдвинуться съ мѣста: ноги ея, казалось, окаменѣли.

— Но зачѣмъ же вы признавались мнѣ въ вашей любви? —спросилъ Тутолминъ.

— Я не лгала,—отвѣчала дѣвушка.

Онъ усмѣхнулся.

— Но вы хотѣли быть моей женою,—сказалъ онъ.

— Я преувеличивала,—прошептала Варя.

Тутолмина передернуло.

— Вы *преувеличивали?*—язвительно и длинно протянулъ онъ:—съ которыхъ же поръ вамъ стало ясно это «преувеличеніе» —до его сіятельства, или послѣ?

Глаза дѣвушки гнѣвно засверкали. Она выпрямилась.

— Вы можете оскорблять меня,—произнесла она.

Тогда Илья Петровичъ склонился какъ подкошенный и безпомощно, истерически зарыдалъ. Неизъяснимая тоска изобразилась въ лицѣ Вари. Она стремительно бросилась къ Тутолмину, и вдругъ какъ бы захолодѣла вся и судорожно стиснула свои руки.—«Я не люблю васъ!»—повторила она твердо и выразительно.

Тогда онъ распространился въ мольбахъ. Онъ заклиналъ ее подумать, не дѣлать опрометчиваго шага подъ вліяніемъ случайнаго раздраженія, не возводить минутнаго настроенія на степень факта, безповоротно рѣшающаго судьбу... Онъ молилъ ее подождать, помедлить, онъ жадно приникалъ къ ея рукамъ, мокрымъ отъ его слезъ и холоднымъ; онъ называлъ ее милою, дорогою, радостью, счастьемъ, любовью... А она стояла нѣмая и недвижимая, какъ мраморъ, и съ тоскливымъ отчаяніемъ смотрѣла въ даль. Солнце подымалось. Косые его лучи бодро и весело пронизывали аллею. Березы стыдливо румянились. Въ рощѣ щебетали птицы, кропинки росы сверкали, какъ раздробленный хрусталь. Душистая прохлада расплывалась непрерывными волнами и ласково вѣяла ей въ лицо... А сердце ея не растворялось и въ головѣ бродила мгла.

— Ты не спѣши, не надо спѣшить,—говорилъ Тутолминъ голосомъ, поминутно прерывавшимся отъ волненія:—ты погоди... Ты всмотрись въ меня, моя красавица... Узнай меня поближе... Не обращай вниманія на эту проклятую шероховатость мою... Смотри ты глубже... Зачѣмъ же прельщаться лакомъ!.. Не забывай моей сущности... Не забывай идей, которыя я представляю... Пойми, что счастье твое только въ нихъ... Вѣдь, ты же не пойдешь, не можешь пойти по слѣдамъ Алексѣя Борисыча?.. Вѣдь, правда? Вѣдь не удовлетворятъ же тебя красивыя картинки?.. Счастье мое, родимая моя... О, скажи же мнѣ, скажи...

Варя тяжко вздохнула и съ грустью покачала головою.

— Что же я тебѣ скажу,—тихо произнесла она:—нечего

мнѣ тебѣ сказать... Дорогой ты мой, не волнуйся ты, береги себя... Ты нуженъ, ты полезенъ...

— Но я отвѣта прошу... — со стономъ вымолвилъ Тутолминъ.

— Не люблю я тебя, не могу любить,—печально сказала Варя:—помнишь, съ той сцены на полянѣ,—она покраснѣла въ смущеніи,—я тогда не смогла рѣшить, но я тогда же подумала... Дорогой ты мой, какъ *мужа* не могу я тебя любить... Я вотъ какъ виновата предъ тобой—я поступила безчестно, я это сознаю... Но я теперь не могу лгать... Простите меня,—она заплакала,—если бы вы знали, что̀ со мною было... Я убить себя хотѣла—я не знаю, какъ я пережила эту ночь... Я вѣдь только съ вашей записки поняла, что совсѣмъ, совсѣмъ не люблю васъ... И вы не подумайте—я никого не люблю. Выше васъ я никого не знаю. Но... другъ мой, братъ мой, милый мой братъ, я никогда не буду твоей женою... Пойми же ты меня!.. Если бы вы сказали мнѣ пойти и умереть, о, я бы съ радостью умерла,—и воскликнула съ блистающими глазами: — ахъ, укажите мнѣ дѣло, за которое я могла бы умереть!

А Илья Петровичъ только вздрагивалъ какъ бы отъ ударовъ, да замиралъ въ тупомъ и холодномъ отчаяніи. Онъ ясно видѣлъ, что всѣ его надежды разлетаются дымомъ. Онъ прекрасно сознавалъ, что справедливость, по крайней мѣрѣ теперь, вся на сторонѣ Вари и что давно пора было отдать себѣ строгій отчетъ въ этихъ романическихъ отношеніяхъ—и все-таки не могъ успокоиться. И бѣшенство въ немъ подымалось, и страсть кипѣла неукротимымъ ключемъ, и оскорбленное самолюбіе заявляло свои притязанія... При послѣднихъ словахъ дѣвушки онъ встрепенулся.

— Съ музыкой?—насмѣшливо спросилъ онъ; и когда она не поняла, добавилъ:—нѣтъ у меня въ распоряженіи такого дѣла, Варвара Алексѣевна. Мое дѣло жизни требуетъ, а не смерти. Самой что ни на есть прозаической жизни. Безъ барабановъ...

— Я не понимаю тебя,—сказала она, поглядѣвъ на него въ недоумѣніи.

— Глупо дѣлали и прежде, что барабанили, говорю,—вымолвилъ Тутолминъ,—Христосъ безъ барабановъ побѣдилъ міръ.

— Но онъ умеръ на крестѣ,—живо произнесла Варя.

— Не слѣдовало.

— «Есть времена, есть цѣлые вѣка»,—въ какомъ-то восторгѣ сказала она, —

Въ которые нѣтъ ничего желаннѣй,
Прекраснѣе—терноваго вѣнка...

— Но терновый вѣнецъ и безъ барабановъ можетъ снизойти—возразилъ Илья Петровичъ.—Я вотъ за докторомъ ѣздилъ: въ живѣ терновый вѣнецъ носитъ, а съ виду сѣръ и пріискиваетъ бабенку для забавы.

Передъ Варей внезапно встала деревня съ ея больными и съ ея невыразимой грязью. Она вообразила этого «сѣраго» доктора, въ безконечной вознѣ съ этой грязью, и не нашлась что̀ отвѣтить. Она только въ ужасѣ охватила свою голову и произнесла сквозь слезы: «Никуда-то я, никуда-то не гожусь!»—А въ Ильѣ Петровичѣ звуки ея голоса, безпомощно поникшаго и переполненнаго страхомъ, снова возбудили какую-то надежду.

— Славная моя дѣвушка,—быстро и убѣдительно заговорилъ онъ:—не горюй, не убивайся... Развѣ наука, развѣ серьёзное и любовное изученіе народной жизни не такъ же свѣтлы и ясны... Это въ твоихъ вѣдь рукахъ... Читай! Учись!

— Но не могу я одна!..—вырвалось у дѣвушки.

У Тутолмина духъ захватило отъ радостнаго волненія.

— Любовь моя,—произнесъ онъ замирающимъ шопотомъ.—Я твой... Вѣдь я весь твой!.. Пойдемъ рука съ рукою впередъ, какъ, помнишь, шли съ той поляны... Всю жизнь свою...

Но она печально остановила его.

— Милый мой, я не могу лгать,—сказала она.

Тогда онъ посмотрѣлъ ей въ лицо пристальнымъ и мутнымъ взглядомъ и внезапно упалъ духомъ. Какая-то странная кротость овладѣла имъ. Онъ медлительно протянулъ ей руку и промолвилъ:

— Простите, Варвара Алексѣевна.

Она машинально подала ему свою, прошептала: «прощайте, простите»...—Но когда онъ повернулся и, понуривъ голову, пошелъ отъ нея, все существо ея заныло въ невыносимой жалости. «Илья Петровичъ! Илья!..»—слабо вскрикнула она. Но онъ не возвращался. Тогда она схватилась за сердце и тихо охнула. Солнечный лучъ горячимъ пятномъ ударилъ ей въ лицо. Ласточка стремительно влетѣла въ аллею и едва не коснулась крыломъ ея платья. Гдѣ-то закуковала кукушка... Варя осмотрѣлась въ какомъ-то изумленіи и направилась къ дому. Лицо ея было строго и серьёзно, глаза сухи. Взглядъ—какъ-то странно внимателенъ... Но она ничего не замѣчала. Она съ какой-то размѣренной осторожностью шла, и несла въ себѣ что-то мертвое и мучительно холодное. Такъ, мимо балкона, мимо удивленной Надежды, сметавшей пыль съ мебели въ гостиной, прошла она въ свою комнату. Тамъ она собрала всѣ книги, которыя

читала съ Тутолминымъ, бережно завернула ихъ и положила въ дальній ящикъ комода. И когда задвинула этотъ ящикъ и подошла къ окну, за которымъ ослѣпительно сверкалъ день и синѣющая даль курилась безъ конца—вдругъ что-то какъ бы оборвалось въ ней и загорѣлось неизъяснимой болью. Она бросилась въ кресло, въ отчаяніи заломила руки, и зарыдала горько, тоскливо, неутѣшно...

XV.

Облѣпищеву привезли съ почты письмо, получивъ которое онъ поморщился точно отъ боли. Письмо было отъ графини. «Правда, я привыкла къ вашей неаккуратности, графъ,—писала она по-французски, почеркомъ тонкимъ и четкимъ какъ бисеръ,—но я разсчитывала на исключеніе. Отчего вы не пишете мнѣ: понравилась-ли Варя Пьеру и сдѣлалъ ли онъ ей предложеніе. Не забывайте, что отъ этого брака зависитъ наше состояніе. Лукіанъ Трифоновичъ соглашается погасить наши закладныя, еслиРіегге женится на вашей кузинѣ. Вы, конечно, помните, какъ *много* вы содѣйствовали возникновенію этихъ закладныхъ, и потому поймете, *что̀* честь обязываетъ васъ сдѣлать въ настоящемъ случаѣ.—Если предложеніе состоится и будетъ принято—телеграфируйте мнѣ такъ: *курсы повысились*»...—Дальше шло неинтересное перечисленіе свѣтскихъ новостей.

Но графъ и не читалъ дальше. Онъ бросилъ письмо и страдальчески улыбнулся. И долго сидѣлъ въ глубокой неподвижности. Маленькіе золотые часики съ веселой торопливостью тикали на столѣ. Безчисленныя баночки и флаконы значительно молчали, точно поверженные въ раздумье. Бетховенъ въ громаднѣйшемъ жабо меланхолически смотрѣлъ въ пространство. Вокругъ фотографіи спящаго Моцарта витали фантастическіе призраки... Мишель все сидѣлъ, потупя голову.—«Ничтожность, женщина, твое названье!»—наконецъ съ горечью вымолвилъ онъ и, подошедъ къ зеркалу, внимательно посмотрѣлъ на выраженіе своего лица. Оно было мрачно и задумчиво. Тогда онъ, увлекаясь, сталъ въ позу и картинно произнесъ словами Гамлета: «Быть или не быть» — и какъ бы внезапно воспламененный внутреннимъ жаромъ, продолжалъ патетически:

...Вотъ въ чемъ вопросъ!
Что благороднѣй? Сносить ли громъ и стрѣлы

Враждующей судьбы, или возстать
На море бѣдъ и кончить ихъ борьбою?
Окончить жизнь,—уснуть,
Не болѣе!—И знать, что этотъ сонъ
Окончитъ грусть и тысячи ударовъ,
Удѣлъ живыхъ... Такой конецъ достоинъ
Желаній жаркихъ!..

и съ унылой рѣшимостью добавилъ:

Умереть—уснуть!

Но послѣ многозначительной паузы онъ поднялъ голову и, подражая Сальвини, котораго видѣлъ въ Миланѣ, прошепталъ въ тяжкомъ недоумѣніи:

Уснуть?—Но если...

И вдругъ взглядъ его упалъ на письмо графини.—«Однако, чортъ возьми, нужно что-нибудь предпринимать!»—произнесъ онъ съ озабоченнымъ видомъ и потеръ лобъ. Но въ голову ничего не лѣзло. Онъ только вспомнилъ видимое равнодушіе Вари къ Лукавину и что-то въ родѣ удовольствія шевельнулось въ немъ. Но тотчасъ же онъ и упрекнулъ себя.—«Боже, какой я эгоистъ!»—подумалъ онъ, припоминая свое сближеніе съ кузиной, свои безпрестанные tête-à-tête съ нею; но тутъ же и прибавилъ въ видѣ извиненія: «Но она такая пикантная!»—И онъ вообразилъ ее въ сверкающей діадемѣ, въ бриліантахъ и кружевахъ, среди безчисленныхъ огней и блистательныхъ паръ, граціозно скользящихъ подъ звуки упоительно-ноющаго смычка... Вообразилъ ее на Невскомъ въ четыре часа, въ облакахъ сіяющаго снѣга, взбитаго копытами драгоцѣнныхъ рысаковъ, въ соболяхъ и тысячной ротондѣ... «Да, это ея сфера!»—сказалъ онъ. Но упрямо отказывался представлять «Пьера» въ качествѣ мужа Вари. «Это не мужъ, а просто аппетитная ассигновка!»—вырвалось у него въ порывѣ презрительной досады.

И онъ опять взялся за письмо. Внизу неинтересныхъ новостей стоялъ postscriptum: «Дядю, я думаю, можно посвятить въ нашъ проектъ: онъ настолько благоразумный человѣкъ, что пойметъ всѣ выгоды этого брака. Но не забывай, что Pierre ничего не знаетъ. Лукіанъ Трифоновичъ говоритъ, что онъ Pierr'у писалъ «обинякомъ»—я, впрочемъ, не понимаю этого слова».

Облѣпищева точно откровеніе осѣнило. Онъ съ веселымъ видомъ одѣлся и позвонилъ.

— Доложите Алексѣю Борисовичу, что мнѣ нужно говорить съ нимъ,—приказалъ онъ своему лакею, элегантному парню съ лицомъ изъ папье-маше, и съ pince-nez на борту фрака.

Волхонскій съ интересомъ ожидалъ графа въ своемъ кабинетѣ. Онъ никакъ не могъ придумать, на что тому потребовалось это рандеву.—«Ужъ не денегъ ли нужно,—предполагалъ онъ,—дѣла ихъ кажется, весьма не важны, а сегодня сестра ему писала»,—и рѣшилъ дать, но не болѣе тысячи рублей. Но когда Мишель вошелъ, и въ коротенькихъ словахъ сообщилъ ему «мечтанія maman, о которыхъ она просила передать», Алексѣй Борисовичъ пріятно изумился. Онъ, правда, не показалъ своей радости и даже промолвилъ съ небреженіемъ: «Но, мой милый, вѣдь они же костромскіе мужики!»—Но когда Мишель сталъ доказывать ему, что во-первыхъ—они не мужики, а Лукьянъ Трифонычъ такое же «его превосходительство», какъ и воронежскій губернаторъ, и что вообще при Лукавинскомъ многомилліонномъ состояніи эти устарѣлые толки о породѣ по меньшей мѣрѣ не тактичны, — Волхонскій внималъ этимъ доказательствамъ съ любовной готовностью.

— Но какъ Петръ Лукьянычъ?—спросилъ онъ.

— О, Pierre, не смотря на эту свою положительность, спитъ и видитъ себя въ родствѣ съ нами,—сказалъ графъ.

— Да...—въ задумчивости произнесъ Алексѣй Борисовичъ, —и, кажется, это дѣло съ заводомъ ему по душѣ...—Но, ты поговори съ нимъ, мой милый!—добавилъ онъ и, когда графъ вышелъ, такъ и расплылся въ плѣнительныхъ мечтахъ. Въ его воображеніи вставала галлерея картинъ на манеръ Боткинской въ Москвѣ, о которой онъ вздыхалъ какъ еврей о землѣ обѣтованной (Третьяковская не удовлетворяла его европейскимъ вкусамъ). Онъ представлялъ себѣ обширную залу въ два свѣта, всю сплошь увѣшанную произведеніями Мейссонье, Белькура, Коллера, Макарта, Виллемса, Коро, Фортуни... Затѣмъ мысли его уносились дальше. Въ Волхонку собирались туристы, художники, музыканты, литераторы. Всѣ они находили пріютъ въ отелѣ, изящно и характерно отдѣланномъ въ особомъ, «волхонскомъ» стилѣ. Всѣ они собирались вокругъ Алексѣя Борисовича и устроивали пикники, бесѣды, parties de plaisir, — литераторы читали свои произведенія, музыканты играли, художники рисовали въ альбомахъ; скульпторы и тѣ лѣпили маленькія статуэтки и оставляли ихъ на память хозяину... И всѣ, съ внимательнѣйшей

чуткостью, прислушивались къ тонкимъ замѣчаніямъ Алексѣя Борисовича и благоговѣйно поникали передъ нимъ. Иногда въ этомъ кружкѣ появлялась Варя. Она вносила съ собой пикантное и восторженное настроеніе. Изящная, великолѣпная, обворожительная,—она повсюду зажигала сердца. Поэты слагали ей сонеты, фельетонисты описывали ея костюмы, художники писали съ нея картины, музыканты посвящали ей серенады и вальсы...

Графъ засталъ Лукавина за чтеніемъ газетныхъ объявленій. —«Какъ тебѣ не стыдно!»—воскликнулъ онъ.

— Чего стыдиться-то?—съ недоумѣніемъ произнесъ Петръ Лукьянычъ.

— Да кто же читаетъ объявленія?

— А что же по вашему читать? (не смотря на то, что Облѣпищевъ давно ужъ говорилъ ему *ты*, онъ все еще не рѣшался слѣдовать его примѣру).

— Ну, передовую статью, фельетонъ, хронику.

Лукавинъ тряхнулъ волосами.

— Что до хроники—я ее прочелъ,—сказалъ онъ.—А передовыя статьи да фельетоны—не подходящее дѣло, Михайло Ираклічъ!

— Какъ не подходящее?

— Да такъ-съ... Положительности отъ нихъ никакой нѣтъ. Въ объявленіи я чтó вижу: ежели продается карета, такъ ужъ она продается, сдается квартира по случаю—такъ сдается... А теперь вы возьмите фельетонъ вашъ: вонъ какой-то баринъ за женскій вопросъ распинается. Ну и распинайся онъ до скончанія вѣковъ, а все-таки по его не сдѣлается. Такъ и въ передовой статьѣ: джутъ! джутъ!.. Джутъ, точно, дѣло интересное, да рѣшить-то его господинъ министръ финансовъ. Скажите же на милость, зачѣмъ я буду читать ее, эту передовую статью!

— Ну, логика,—усмѣхаясь, сказалъ Облѣпищевъ:—какъ это ты съ такой-то логикой да не женился до сихъ поръ!

— И женюсь,—шутливо отвѣтилъ Лукавинъ,—вотъ погодите: найду дѣвицу, чтобы восемь пудовъ тянула, и сочетаюсь.

— И милліонъ приданаго?

— Ну—милліонъ! съ однимъ вѣсомъ возьмемъ.

— Почтенный идеалъ,—насмѣшливо сказалъ графъ, и вдругъ игриво ткнулъ Петра Лукьяныча въ животъ,—вѣдь балаганничаешь все, Пьерка!—воскликнулъ онъ,—смотри не къ тушѣ пламенѣетъ твое сердце, а къ моей кузинѣ!

Лукавинъ ухмыльнулся.

— Барышня важная,—вымолвилъ онъ,—не для насъ только.

— Да ты бы приволокнулся?

Но Петръ Лукьянычъ даже нѣсколько разсердился.

— Что городить! — сказалъ онъ: — Варвара Алексѣевна принца ожидаетъ.

— Напрасно ты, — совершенно серьёзно возразилъ Облѣпищевъ,—я, по крайней мѣрѣ, думаю, что ты ей очень нравишься.

— А развѣ она что-нибудь говорила?—живо отозвался Лукавинъ.

Облѣпищевъ засмѣялся.

— Сказалось сердечко! — пошутилъ онъ (внутри же себя подумалъ: какой я, однако, пошлякъ!).

— Вотъ, что, Михайло Ираклычъ,—рѣшительно произнесъ Петръ Лукьянычъ, придвигаясь къ графу,—будемъ говорить прямо: барышня мнѣ больно по душѣ. Приданаго мы не токмо съ Алексѣя Борисыча—ему сахарный заводъ выстроимъ. Дѣло для насъ пустяковое. И папаша не прочь. А съ тобой (графа кольнула эта неожиданная фамильярность), съ тобой мы сдѣлаемся по-дружески: ежели понадобится кредитецъ на парижскаго Ротшильда, мы это и безъ папаши устроимъ.

Графъ оскорбился.

— Ты, Pierre, напрасно думаешь...—началъ онъ.

Но Лукавинъ всталъ и по-пріятельски ударилъ его по плечу.

— Будетъ толковать,—сказалъ онъ:—сочтемся—люди свои!

Тогда Облѣпищевъ пожалъ плечами и подумалъ: «а и въ самомъ дѣлѣ не стоитъ съ нимъ церемониться!»—Спустя немного, онъ разсказалъ ему, что и Волхонскій на ихъ сторонѣ, и что все дѣло теперь только за Варей.

— Только! — насмѣшливо воскликнулъ Лукавинъ, и озабоченно почесалъ въ затылкѣ. Облѣпищевъ же вышелъ отъ него скучный и взволнованный и долго терзалъ рояль надрывающими звуками Шопеновской мазурки.

XVI.

Что-то странное совершилось съ Варей. Она такъ весело болтала и шутила, такъ была оживлена и подвижна, когда вечеромъ сошла въ гостиную, что Алексѣй Борисовичъ даже съ удивленіемъ посмотрѣлъ на нее. Но онъ не примѣтилъ особаго выраженія тупой и мрачной тоски, иногда появлявшейся въ ея взглядѣ,

и остался очень доволенъ: тотъ меланхолическій видъ тихой и романтической грусти, который ему нѣкогда такъ понравился въ дѣвушкѣ, теперь уже окончательно не подходилъ къ его цѣлямъ.

Впрочемъ, и на всѣхъ это Варино настроеніе подѣйствовало очень хорошо. Всѣ какъ-то вдругъ сдѣлались остроумны и общій разговоръ закипѣлъ точно игристое вино. Одинъ только Захаръ Иванычъ былъ недоволенъ; какъ нарочно онъ для этого вечера принесъ съ собою чисто и красиво переписанный проектъ, въ которомъ выгоды и удобства сахарнаго завода были изложены съ вопіющей убѣдительностью. Чтобы предъявить его, онъ только ждалъ обычнаго раздѣленія общества,—когда графъ уходилъ къ роялю и заводилъ съ Варей нескончаемые разговоры, перемежая ихъ длиннымъ цѣлованіемъ ея рукъ, а Волхонскій съ Лукавинымъ присоединялись къ Захару Иванычу. Но теперь нечего было и думать объ этомъ раздѣленіи.—«Эка, разошлась!» —съ досадой помышлялъ онъ, наблюдая за смѣющейся Варей, которая разспрашивала Лукавина, какъ онъ, не зная англійскаго языка, ѣздилъ въ Англію. И Петръ Лукьянычъ, покинувъ вѣчную свою сдержанность и безпрестанно сверкая ослѣпительными своими зубами, какъ бы нарочно выдумывалъ комичныя подробности; представлялъ въ лицахъ мимическіе свои переговоры съ извощикомъ въ Лондонѣ, смѣшно намекалъ, къ какому неожиданному результату эти переговоры привели... А Алексѣй Борисовичъ быстро подхватывалъ тэму и вспоминалъ свои похожденія въ Венеціи, свои попытки объясняться съ гондольерами на языкѣ Горація и Овидія Назона (по-итальянски онъ не зналъ).

Не отставалъ и Облѣпищевъ. Съ мечтательной улыбкой, составлявшей странную противоположность пикантному предмету рѣчи, онъ ворошилъ свои мадридскія воспоминанія; разсказывалъ, какъ его едва не поколотилъ буйный тореадоръ, при которомъ онъ непочтительно отозвался о способности Сантъ-Яго Компостельскаго исцѣлять вывихнутые члены... Но и Захаръ Иванычъ недолго сидѣлъ одинокимъ. Варя быстро посмотрѣла на него и спросила о здоровьѣ парового плуга. Это возбудило любопытство. Тогда Варя въ забавныхъ выраженіяхъ представила неудачу опыта, насмѣшки крестьянъ, жалостное смущеніе Захара Иваныча. И сама хохотала какъ безумная. Захаръ Иванычъ оправдывался такъ же неповоротливо, какъ и ходилъ, и путался въ фразахъ точно въ тенетахъ.

Но Варя не дождалась окончанія этихъ неуклюжихъ оправданій.—«Ахъ, messieurs, давайте танцовать кадриль!»—воскликнула она и съ лихорадочной поспѣшностью вскочила съ мѣста.

Алексѣй Борисовичъ запротестовалъ. Тогда она бросилась передъ нимъ на колѣни, и стала цѣловать его руки, умоляя.— «Но дамы...»—слабо возразилъ Алексѣй Борисовичъ. Она быстро вскочила и, представляя ему мѣшковатаго Захара Иваныча,— произнесла:—«Вотъ, папа́, твоя дама!»—Затѣмъ, лукаво потупивъ взглядъ, степенно подошла къ Петру Лукьянычу:—«Надѣюсь, вы пригласите меня!»—сказала она. Онъ съ восторгомъ подалъ ей руку и всѣ отправились въ залу.

Въ залѣ стояла тусклая полутьма: одинокое бра свѣтило невѣрно и трепетно. Но когда Волхонскій хотѣлъ-было приказать зажечь люстру и канделябры, Варя воспротивилась. Эта громадная комната, по угламъ которой бродили сумрачныя тѣни, какъ-то странно нравилась ей. Она точно въ полуснѣ скользила по паркету, чутко прислушиваясь къ обворожительнымъ звукамъ кадрили. И какой кадрили! Графъ, по своему обыкновенію, взялъ какую-то немудрую тэму, и разнообразилъ ее прелестными отступленіями. Рояль подъ его пальцами то замиралъ и въ какомъ-то заунывномъ упоеніи издавалъ едва слышные звуки, мягкіе и вкрадчивые, то гремѣлъ ясно и отчетливо, и переполнялъ сумрачную залу торжественнымъ гуломъ. Варя скользила, подавала руки, садилась, и временами въ какомъ-то изумленіи широко раскрывала глаза. Она какъ будто ничего не замѣчала. Ни аляповатыя движенія Захара Иваныча, безпрестанно путавшаго фигуры, ни утонченныя манеры отца, ни самоувѣренные пріемы Лукавина,—ничто не возбуждало ея вниманія. Она точно въ туманѣ находилась. Зала раздвигалась передъ нею и уходила въ таинственное пространство. Звуки воплощались, уносили ее куда-то, медленно сосали ея сердце... И ей было жутко.

Вдругъ, быстро и мечтательно закружился темпъ вальса. Лукавинъ охватилъ Варю и горячо сжалъ ея руку. Она невольно склонилась къ нему. Ей казалось, что у ней выросли крылья и что звуки подымаютъ ее въ недосягаемую вышину. И упоенная какимъ-то неизъяснимо тоскливымъ восторгомъ, она понеслась въ бѣшеномъ круженіи. Передъ ней мелькали свѣчи одинокого бра; надъ нею склонялся красивый силуэтъ ея кавалера; воспаленная ладонь его руки томительно и пріятно жгла ея станъ; тѣни убѣгали куда-то и надвигались въ непрерывномъ колыханьи... И ей казалось, что она погружена въ какой-то длинный и фантастическій сонъ, и неясная мысль о пробужденіи мучительно угнетала ея душу.

Захаръ Иванычъ смотрѣлъ на вальсирующихъ и думалъ:— «Эхъ, кабы онъ женился на ней: была бы Волхонка съ заво-

домъ!»—и безконечныя поля, унизанныя свекловицей, представали предъ нимъ. Паровой плугъ ворочалъ какъ изступленный. Вся окрестность садила корнеплоды. Свекловичные остатки упитывали чахлую мужицкую скотину. Гессенская муха летала, околѣвая безъ ѣды, и горько плакалась на Захара Иваныча... Волхонскій не отставалъ въ мечтаніяхъ отъ своего управляющаго; но ему грезилась не свекловица: ему казалось, что онъ, подъ носомъ у Боткина, перекупаетъ драгоцѣнный и чрезвычайно рѣдкій экземпляръ Фортуни.

Лукавинъ замиралъ въ блаженствѣ. Онъ ни о чемъ не думалъ и не мечталъ. Онъ только всѣмъ существомъ своимъ испытывалъ страстное желаніе обладать этой блѣдной красавицей, довѣрчиво склонившейся къ нему на плечо, и чувствовалъ, что ради исполненія этого желанія онъ въ состояніи пренебречь всѣми дѣлами на свѣтѣ. Кровь въ немъ клокотала буйно и настойчиво.

Графъ же склонился надъ роялемъ и утопалъ въ звукахъ. И все забылъ онъ подъ вліяніемъ дивнаго настроенія, заполонившаго его душу гармоничными и звенящими волнами—и проекты матери, и ея непреклонную волю, и закладныя...

И закутила Волхонка. Не проходило и дня безъ танцевъ, безъ пѣнія, безъ какой-нибудь увеселительной поѣздки, или пикника съ чаемъ и холодными закусками. Въ промежуткѣ всѣмъ обществомъ съѣздили къ бабушкѣ, и представили ей Петра Лукьяныча за какого-то князя Аракчеева. Старушка была ужасно рада и польщена и выложила передъ воображаемымъ потомкомъ знаменитаго графа все свое благоволеніе. Она даже позволила своей любимой болонкѣ (левретокъ она уже разлюбила) посидѣть на его колѣняхъ, а это было чисто сверхъестественнымъ исключеніемъ.

Послѣ этого визита, ѣздили въ ближній лѣсъ за клубникой. Потомъ опять принялись за танцы и музыку, рыбную ловлю и катанье на лодкѣ. Варя, казалось, всѣ силы устремила на то, чтобы чѣмъ-нибудь переполнить свое время. И, дѣйствительно, у ней не было свободной минуты. Она похудѣла, Но это очень шло къ ней. Она избѣгала всякихъ «умственныхъ» разговоровъ и causerie свирѣпствовала въ Волхонскомъ домѣ. Она не прикасалась къ книгамъ, старалась не думать серьёзно и чувствовала себя очень хорошо, когда послѣ катанья и пѣсенъ, послѣ музыки и бурнаго вальса съ Лукавинымъ или безумной скачки на Домби, сонъ поспѣшно сходилъ къ ней, глубокій и мертвенно-

спокойный. Но иногда среди этой нервической и безпокойной суетни какой-то ужасъ посѣщалъ ее и мутная мгла водарялась въ ея разсудкѣ. Тогда она плакала по цѣлымъ часамъ и ломала свои руки.

Но день ото дня эти посѣщенія становились рѣже. Тутолминъ не появлялся (онъ цѣлыми днями пропадалъ въ селѣ и въ деревняхъ окрестности). Тѣ впечатлѣнія, которыя могли бы пробудить въ ней «прежнюю Варю», она осторожно хотя и безсознательно обходила. Такъ въ семьѣ, гдѣ недавно похоронили покойника, невольно понижають голосъ. И мысли, поднятыя въ ней разговорами Ильи Петровича и его книгами, расплывались въ безпорядкѣ, уступали мѣсто тупой и равнодушной апатіи, западали куда-то въ глубь...

Зато она стала находить какое-то безотчетное удовольствіе въ обществѣ Петра Лукьяныча. Его самоувѣренная рѣчь, пересыпанная характерными словечками, его заунывныя русскія пѣсни и романсы, захватывающіе душу, его молодечество и самообладаніе,—при самыхъ рискованныхъ положеніяхъ, положеніяхъ, во время которыхъ Мишель только куксился и расплывался въ мечтательномъ резонерствѣ,—какъ-то странно тѣшили ее. Онъ напоминалъ ей богатыря народныхъ былинъ, когда на лихомъ скакунѣ гарцовалъ по двору или, съ обычной своей усмѣшкой, неожиданно отстранялъ пахаря гдѣ-нибудь въ полѣ, и весело покрикивая: «возлѣ! возлѣ!» разваливалъ сохой глубокую борозду. Она часто ѣздила съ нимъ вмѣстѣ, и верхомъ, и въ шарабанѣ, и на лодкѣ, съ которой тянулась тогда безконечнымъ стономъ русская пѣсня. Какая-то опора чудилась Варѣ въ его крѣпкой и осанистой фигурѣ, и его твердый и рѣшительный голосъ чрезвычайно благодѣтельно дѣйствовалъ на ея нервы.

Приближался день рожденія Вари—27 іюля. Еще задолго до этого дня, длинные реестры полетѣли къ Елисѣеву и Раулю. Madame Бриссакъ обезпокоена была заказомъ. Изъ Воронежа выписали музыку и фейерверкъ. Ближнимъ и дальнимъ сосѣдямъ разослали приглашенія. Алексѣй Борисовичъ на цѣлые часы запирался въ кабинетѣ и чертилъ рисунки фонарей и транспарантовъ. Прислуга суетилась и чистилась. Захаръ Иванычъ и тотъ принужденъ былъ оторваться отъ жнитва пшеницы, и съѣздилъ въ Воронежъ, гдѣ взялъ у Безрукова три тысячи рублей до продажи хлѣба. Онъ, впрочемъ, все-таки упорно не показывался въ

домъ и съ утра до ночи торчалъ около жнеекъ. Да объ Ильѣ Петровичѣ не было никакого слуха.

Лукавинъ же самодовольно поглаживалъ бородку и не спускалъ глазъ съ Вари. Временами на него находила какая-то необузданная потребность шири и простора: плечи его зудѣли, руки такъ и напрашивались на работу. Тогда онъ безпокойно метался въ своей комнатѣ, или отламывалъ добрые десятки верстъ съ ружьемъ за плечами. И удивительные планы роились въ его головѣ. Ему хотѣлось чѣмъ бы то ни было поразить Варю, заставить ее окаменѣть въ изумленіи, показать ей въ полномъ размахѣ свою удаль-силу. Въ немъ словно и впрямь просыпался какой-то Алеша Поповичъ. Но къ сожалѣнію, чтò бы онъ ни придумывалъ въ этомъ родѣ, все отвергалось его вѣрнымъ совѣтникомъ, Облѣпищевымъ. Такъ, послѣдовательно пали его планы: купить тройку дикихъ донскихъ лошадей и самолично объѣздить ихъ для Вари («фи! что ты за кучеръ!» — протянулъ графъ); выписать Варѣ отъ Фульда брилліантовое ожерелье въ сорокъ тысячъ франковъ («не имѣешь права»,—замѣтилъ графъ); пригласить на нѣсколько вечеровъ m-lle Зембрихъ изъ Мадрида въ Волхонку («ты самъ здѣсь гость»,—возразилъ Мишель); сжечь фейерверкъ въ тысячу рублей (на это Облѣпищевъ только пожалъ плечами)...

Тогда Петръ Лукьянычъ, негодуя, размышлялъ о глупости «всѣхъ этихъ баръ», добровольно опутавшихъ себя цѣлою сѣтью приличій и условныхъ отношеній. И что-то въ родѣ презрѣнія къ нимъ шевелилось въ немъ. Но онъ усмирялъ свои порывы, утомлялъ себя ходьбою и движеніями, и съ обычной своей смышленостью разсчитывалъ удобный моментъ для того, чтобы сдѣлать предложеніе. Съ отцомъ онъ уже списался и получилъ отъ него самыя широкія полномочія. Лукьянъ Трифонычъ только приказывалъ увѣдомить его во время, чтобы онъ могъ приготовить салонные вагоны для путешествія молодыхъ за-границу.

Графъ тоже сообщилъ матери, чтобы она со дня на день ожидала желаемую телеграмму.

XVII.

День 27 іюля не былъ праздничнымъ днемъ. Но по селу еще съ вечера повѣстили, что по случаю рожденія барышни, народъ приглашается на обѣдъ и угощеніе. Благодаря этому, въ полдень, весь барскій дворъ былъ запруженъ разряженными

бабами и дѣвками, и несмѣтное количество мужиковъ толпилось около тазовъ съ водкой. Столы тянулись въ нѣсколько рядовъ. Горы ситнаго хлѣба и калачей возвышались на нихъ.

Народъ велъ себя чинно. Пѣсенъ еще не было слышно. Разговоры происходили въ тихомолку. Къ вину подходили, точно обрядъ совершали—степенно и серьезно. Выпивали съ дѣловымъ выраженіемъ лицъ и, медлительно утираясь полою, разсаживались за столы. Иные многозначительно вздыхали. Бабамъ и дѣвкамъ водку подносили за столомъ. Тутъ много было упрашиваній и стыдливыхъ закрываній рукавомъ, но въ концѣ концовъ стаканчики все-таки опоражнивались до дна, и легкое возбужденіе сказывалось въ лицахъ.

Мокѣй, въ силу прежняго своего проживанія въ усадьбѣ, моментально опредѣлилъ себя въ подносчики, и немилосердно гремя новой рубахой, какъ-то невѣроятно растопыренной, важно расхаживалъ около столовъ, съ громадной бутылью подъ мышкой. Отъ времени до времени онъ не забывалъ и себя.—«Глядико-сь, дѣвушки, шильникъ-то бахвалится!»—шептали бабы, указывая на Мокѣя, но когда онъ подходилъ къ нимъ съ завѣтной бутылью, лица ихъ расплывались въ улыбки и рѣчи становились ласковы.—«Съ коихъ поръ въ цѣловальники-то опредѣлился?»—насмѣшливо спросилъ его Власъ Карявый, медленно уплетавшій жареную баранину.

— Ай завидки взяли?—отвѣтилъ Мокѣй и молодцовато тряхнулъ волосами.

— Какъ не завидки: чай, подъ мышкой-то мозоли насмыгалъ.

— Мозоли не подати—за ночь слѣзутъ.

— Ну, братъ, это что пара—подать безъ мозоля не ходитъ.

— На дураковъ.

— Извѣстно—умники въ неплательщикахъ состоятъ,—съ иронической кротостью произнесъ Власъ.

— Да и умники!

— За умъ-то ихъ и парятъ по субботамъ.

— Парятъ, да продавать нечего.

— Не сладокъ и паръ.

— Горекъ да выгоденъ.

— Иная выгода—жгется, малый!

— То и барышъ, коли морда въ крови.

— А ты, видно, падокъ на барыши-то на эти?..

— Объ насъ, братъ, сказки сказаны: для насъ въ конторѣ углы непочаты.

— А много нацѣдилъ въ конторѣ-то?

— Хватитъ!

— Э! собаки-те ѣшь! Ну, наливай... Видно и впрямь ты шильникъ!

Около нихъ раздавался сдержанный смѣхъ. Сосѣди захлебывались отъ удовольствія, и въ изумленіи покачивали головами. «Эка, брёхи!» —произносили иные въ радостномъ восторгѣ. А Мокѣй и Власъ корчили серьезныя лица и были чрезвычайно довольны другъ другомъ. Мокѣй, засучивъ рукавъ, хмурился и до краевъ наполнялъ стаканъ. Власъ же, съ видомъ жестокой основательности, опрокидывалъ его въ ротъ, и снова принимался за баранину.

— Пейте, дѣвки! Нонѣ барышня родилась, —балагурилъ Мокѣй въ другомъ мѣстѣ: —вамъ радость, а мнѣ горе.

— Какое тебѣ горе?

— Какое! Вамъ въ поле да жать, а мнѣ утресь опохмѣляться идти. Кабатчикъ и то должокъ за мной считаетъ: тринадцать шкаликовъ съ Петрова дня не выпито. Да мнѣ что! тринадцать шкаликовъ—тринадцать пѣсенъ. Мы нонѣ купцы: иныя которыя бабы глотку дерутъ, а мы въ мѣшокъ да въ Питеръ. Товаръ сходный!

«О, чтобъ тебя!..» —восклицали дѣвки и, тихо пересмѣиваясь, церемонно жевали калачи. Но многія угадали намекъ Мокѣя.— «И, чуденъ этотъ баринъ, родимыя мои!» —произнесла одна молодая бабенка, когда Мокѣй прошелъ далѣе.—Какой?—«Да вотъ что пѣсни-то у шильника покупаетъ».—Это Петровичъ?—«Петровичъ. Намеднись я такъ-то вышла стадо встрѣчать, а онъ присталъ: ты чево, говоритъ, въ рукахъ держишь?—А я хлѣбъ держу. — «Хлѣбъ, молъ».—На что хлѣбъ? — «Буренку привѣчать».—А рѣчами, говоритъ, привѣчаешь?—«Привѣчаю, молъ».— И присталъ: разскажи да разскажи ему»...—Бабы въ удивленіи разинули рты.—О-о-о!—удивленно воскликнули онѣ, и спрашивали въ торопливомъ любопытствѣ:—что-жъ, разсказала?—«Да чего я ему, оглашенному... Я говорю, ты, молъ, уйди отъ грѣха: а то онъ-те Васька-то выйде!»..—Вдругъ, пожилая и степенная баба перебила разсказчицу. «Это ты, лебедка, напрасно,—сказала она,—онъ тебѣ не токмо—крохотную какую, бываетъ которая крохотная,—и ту не обидитъ».—Разсказчица нѣсколько сконфузилась.—«А онъ что присталъ какъ оглашенный»... невнятно возразила она; но пожилая баба не слушала ее; возвысивъ голосъ, она продолжала:—У меня мужикъ-то захворалъ,—захворалъ онъ, милыя мои, а моченьки-то моей и нѣту съ нимъ возжаться. Такъ онъ что, Петровичъ-то! возьметъ, придетъ къ ему въ клѣть, къ

мужику-то моему, придетъ и сядетъ. Я въ поле уйду, а онъ и воды ему, и чайку припасетъ, и къ головѣ лопухъ къ примѣру... Намъ за него Бога молить, за Петровича-то, а ты вонъ какія рѣчи...—И она съ упрекомъ посмотрѣла на легкомысленную бабенку.—Моего Митрошку грамотѣ обучилъ! — подхватила другая.—Охъ, бабочки, отъ порчи лечитъ!—воскликнула третья,— у насъ тетку Химу какъ карежило; чуть что, сейчасъ это ее поведетъ, поведетъ... бьется, бьется она... А теперь она забьется, а онъ ей порошку такого; она затрепыхается, а онъ ей въ ложку да въ ротъ... Здорово помогаетъ!—Въ родѣ какъ квасцы?— съ живостью спросила четвертая, и не дождавшись отвѣта, затараторила:—давалъ онъ мнѣ. У меня какъ померъ Гришутка, болѣзныя мои,—померъ онъ, и ну меня поводить, и ну... Все сердечушко изныло. Я ли не плакала, я ли не убивалась... Бывалоче бьюсь, бьюсь... Только Петровичъ приходитъ къ Мирону, Миронъ и говоритъ: вотъ, бабѣ подѣялось. Ну, онъ и далъ мнѣ тутъ... Такъ что-жъ, родимыя вы мои, свѣтъ я тутъ взвидѣла, какой онъ такой свѣтъ бѣлый бываетъ!

Съ бабьихъ столовъ разговоръ объ Ильѣ Петровичѣ дружнымъ и сочувственнымъ рокотомъ перешелъ къ мужикамъ. «Кто? Петровичъ?—спросилъ Карявый, и хотѣлъ ужъ было по своему обычаю прибавить ѣдкое словечко, но подумалъ и вымолвилъ рѣшительно:—Петровичъ—парень важный».—Намедни какъ ловко мнѣ росписку съ старшиной написалъ,—сказалъ одинъ.—Человѣкъ съ разсчетомъ!—важно произнесъ другой, третій разсмѣялся и покачалъ головою: чудачина!—проговорилъ онъ какъ бы обезсиленнымъ наплывомъ веселыхъ воспоминаній, но больше ничего не сказалъ, ибо получилъ въ отвѣтъ сдержанное молчаніе.—А съ господами-то онъ врядъ хороводится!—замѣтилъ рыжій мужичекъ съ бородкой клинушкомъ.—Куда ему!—снисходительно отвѣтилъ другой рыжій мужичекъ съ бородой-лопатой. И на этотъ разъ Карявый не вытерпѣлъ. «Гдѣ ему, горюшѣ, съ господами возжаться,—произнесъ онъ,—гляди, портокъ не начинится съ доходовъ-то своихъ!»—Но и на остроту Карявагo мужики усмѣхнулись слабо. А рыжій мужичекъ съ бородкой клинушкомъ даже пришелъ въ неописанное возбужденіе, и заговорилъ спутанно и поспѣшно: «это, ты, Власъ, не говори... Это такъ-то всякій... Иной, братъ, и бѣдный ежели... Иной, онъ и бѣдный, да Бога, напримѣръ... Бога иной помнитъ!»—И всѣ дружно согласились съ рыжимъ мужичкомъ.

Во время обѣда появился Захаръ Иванычъ и обошелъ столы. Мужики громко здоровывались съ нимъ. Съ бабами онъ заго-

варивалъ самъ. Мокѣй, съ подобострастной улыбкой на лицѣ, сѣменилъ около него бочкомъ и вкрадчиво нашептывалъ:—Оченно довольны мужички вашей милостью, Захаръ Иванычъ! Мы, говорятъ, не токмо—замѣстъ отца почитаемъ ихнюю милость.—Это въ родѣ какъ замѣстъ родителевъ, напримѣръ, — пояснилъ онъ въ скобкахъ,—оченно даже довольны! — «Ты когда мнѣ деньги-то заработаешь?» —такъ же тихо спросилъ его Захаръ Иванычъ. Но Мокѣй какъ бы не разслышалъ этого вопроса. Онъ внезапно изъявилъ въ лицѣ своемъ дѣловую озабоченность и закричалъ на другого поднощика: «эй, волоки свѣжину! Разинулъ глядѣлки-то! Не глядѣть тутъ пришли!» — А за симъ стремительно покинулъ Захара Иваныча, и безпокойной походкой заспѣшилъ въ кухню.

Въ кухнѣ происходило столпотвореніе. Поваръ Лукьянъ, точно нѣкій магъ, стоялъ около плиты и мановеніемъ рукъ распоряжался поварятами. И поварята сновали по кухнѣ словно угорѣлые; они въ какомъ-то изступленіи стучали ножами, толкли, мололи, мѣсили, крошили, очищали коренья, гремѣли противнями... И дѣло строилось какъ по нотамъ. Бульоны кипѣли, дичь жарилась, горы нѣжныхъ пирожковъ воздвигались на блюдахъ. Мокѣй остановился въ дверяхъ, посмотрѣлъ на величественнаго Лукьяна, повелъ съ пренебреженіемъ носомъ, и, почесавъ въ затылкѣ, снова возвратился къ столамъ.

Утромъ Варя встала пасмурная. Шумъ и суетня прислуги необычайно раздражали ее. Но когда настала очередь торжествованій, когда на нее посыпались поздравленія, когда сѣденькій священникъ добродушно прошамкалъ молебенъ «о здравіи болярыни Варвары», и немилосердно накурилъ въ столовой ладономъ—она быстро ожила и запорхала какъ птичка. И странное ощущеніе она испытывала: ей казалось, что каждый нервъ въ ней трепещетъ въ какомъ-то чуткомъ напряженіи, и это непрестанное трепетанье подмывало ее точно волнами. Какъ будто какая посторонняя сила руководила ея движеніями и влекла куда-то... И порывы безотчетной тоски, безотчетнаго веселья, вставали и проходили въ ней прихотливой чередою.

Когда крестьяне пообѣдали и бабы размѣстились вдоль двора живописными группами, а мужики собрались въ одинъ огромный кругъ, Варя, подъ руку съ отцомъ, сошла къ нимъ. Она останавливалась около бабъ и дѣвокъ; любовалась на ихъ яркіе костюмы и загорѣлыя лица, привѣтливо улыбавшіяся ей; дарила

имъ платки и ожерелья; просила играть пѣсни и водить хороводы. Къ мужикамъ же подошла молча и въ какомъ-то страхѣ. Эта громадная толпа подавляла ее своимъ внушительнымъ рокотомъ. Но за то съ ними заговорилъ Алексѣй Борисовичъ.

— Ну, пейзане,—сказалъ онъ съ обычной своей усмѣшкой, —давно мы съ вами не видались. Что подѣлаешь! — вы теперь свои, мы—свои. Мы ужъ больше не милостивцы, а сосѣди. И отлично. Будемъ и жить по-сосѣдски: мирно и справедливо. Въ рыло другъ другу не залѣзать, въ карманъ—тоже. Вѣдь вы мною, надѣюсь, довольны, граждане?

Толпа издала дружный и поспѣшный гулъ, изъ котораго можно было уразумѣть, что она довольна.

— Великолѣпно. Ну, это дочь моя, барышня,—онъ указалъ на Варю,—дѣвка она важная, говоря вашими словами, и васъ, мужиковъ, твердо почитаетъ ситойенами...

Варя стыдливо вспыхнула и прошептала съ упрекомъ: «папà»!..

— Façon de parler...—въ скобкахъ отвѣтилъ Алексѣй Борисовичъ.

А толпа снова отозвалась одобрительнымъ гуломъ.

Вдругъ изъ-за ней пробралась какая-то дряхлая старушонка, изогнутая чуть не до земли, и съ безсильнымъ хныканіемъ прошамкала: «Гдѣ онъ, мой батюшка... Хоть глазкомъ-то на него... Мальчоночкой я его, батюшку, видѣла»...—и увидавъ Алексѣя Борисовича воскликнула въ умиленіи: «Ахъ, ты мой ба-а-тюшка!» —и приникла къ его рукѣ.

— О, наивная старина!—произнесъ насмѣшливо Волхонскій, но руки отъ губъ старухи все-таки не отнялъ. Въ толпѣ сдержанно посмѣивались. «Дай ей что-нибудь»—шептала взволнованная Варя, въ смущеніи отворачиваясь отъ отца. Алексѣй Борисовичъ протянулъ старухѣ десятирублевую бумажку. «Отслужи, старуха, панихиду по сладчайшимъ крѣпостнымъ временамъ!»—сказалъ онъ шутливо. И старуха, разливаясь въ слезахъ, шептала едва внятно: отслужу, кормилецъ, отслужу...

По уходѣ господъ, Власъ Карявый первый воскликнулъ: «Вотъ-те и бабка Канючиха!»—И впрямъ «канючиха!»—подхватили другіе. «Ай да бабка!»—Ничего себѣ—она слизала десятку.—«Вѣдь ишь, старая вѣдьма!..»—А ты думалъ, она спроста?—Небось, братъ, не изъ таковскихъ.—«А панихиду-то ей служить?»—Разсказывай! Она сунетъ тебѣ попу куренка какого, вотъ-те и панихида.—«Да по комъ панихиду-то?»—А шутъ ихъ тутъ...—«Должно по барину покойнику»...—Нѣтъ, бабка-то, бабка-то, а!.. ловко подкатилась?..—«Ну, вѣдьма!»—Бабы встрѣ-

тили старуху тоже неодобрительно: сначала они все просили показать имъ кредитку, но когда старуха отказала въ этомъ,— цѣлый градъ ядовитыхъ насмѣшекъ на нее посыпался. Названіе, данное ей Карявымъ, вмигъ разлетѣлось по народу. И кончилось тѣмъ, что старуха изругала всѣхъ наисквернѣйшими словами и, пошатываясь, торопливо побрела во-свояси. Ребятишки бѣжали за ней и кричали: У, у, канючиха! канючиха!

Но мало-по-малу хмѣль бралъ свои права. Въ народѣ воцарялась веселость. Дѣвки и бабы расхаживали по двору, грызли орѣхи и подсолнухи, орали звонкія пѣсни. Мужики гудѣли какъ пчелы и въ свою очередъ затягивали пѣсни. У кого-то очутилась гармоника, и вмигъ составился дробный трепакъ, съ четкими и скоромными приговорками и оглушительнымъ хохотомъ предстоящихъ.

А между тѣмъ стали подъѣзжать гости. Пріѣхалъ предводитель,—тонкое и кислое существо, чрезвычайно похожее на ощипанную птицу. Прикатили офицеры ближняго полка—люди все ловкіе и душистые, съ молодецкимъ встряхиваніемъ плечъ и лихими взорами, однакоже въ мытыхъ перчаткахъ. Примчался на любительской тройкѣ хватъ полковникъ, изъ бывшихъ гвардейцевъ, мужчина тучный и знаменитый тѣмъ, что подъ Плевной въ единственномъ экземплярѣ уцѣлѣлъ отъ своего батальона. Притащился въ дряхлой каретѣ, на костлявыхъ одрахъ, дряхлый, но тѣмъ не менѣе извѣстный мужъ—тайный совѣтникъ въ отставкѣ, и вмѣстѣ авторъ неудобочитаемой заграничной брошюры: *Жупелъ или raisonnement о томъ, какъ надобе жить, дабы revolution не нажить*. Прилетѣлъ сановникъ, недавно сдвинутый съ позиціи, а потому и красный какъ піонъ—щепетильный и подвижный, но чистоплотный до приторности и тупой какъ бревно.

Но этимъ, конечно, не ограничивалось общество Волхонки въ такой знаменательный день. Тутъ были и братья Пѣтушковы, очень приличные молодые люди, которые великолѣпно обращались съ салфетками и... простите за нескромное выраженіе— съ носовыми платками; здѣсь находился и старикъ Кочетковъ съ сыномъ, котораго всѣ почему-то звали Монтре, не смотря на то, что онъ былъ женатъ и имѣлъ Станислава въ петлицѣ. Нужно ли упоминать, что всѣ уѣздные міродержцы присутствовали въ Волхонкѣ? Нужно ли разсказывать, что и Психѣй Психѣичъ, предсѣдатель земской управы, былъ здѣсь, и Корнѣй Корнѣичъ исправникъ, и мировой судья Цуцкой, и другой Цуцкой тоже

мировой судья, но только поглупѣе, и непремѣнный членъ Клё-пушкинъ, женатый на барынѣ, которую въ глаза всѣ звали Клёпкой, а за глаза Клеопатрой Аллилуевной. Тутъ былъ даже какой-то отецъ Ихтіозавръ, впрочемъ, не попъ, а уѣздный врачъ и надворный совѣтникъ.

Что касается до барынь—Волхонскій домъ едва вмѣщалъ ихъ. Были всякія барыни: и сплетницы, съ горячимъ воображеніемъ и съ неизбѣжнымъ пушкомъ на рыльцѣ; и щеголихи, изнывавшія въ ненасытимой жаждѣ модной шляпки, или какого нибудь sortie de bal съ невиданной отдѣлкой; и кокетливыя — игравшія глазами не хуже любого арапа на часовомъ циферблатѣ, и отчаянно шевелившія бедрами; и смиренницы—съ добродѣтельными припѣвами на языкѣ и съ любовной запиской въ карманѣ... Были и такія, что дома орали и дрались съ прислугой, а здѣсь лепетали какъ разслабленныя о преимуществахъ конституціоннаго правленія и жаловались на нервы. Много было красивыхъ и подкрашенныхъ, одна хромала. Но большинство одѣто было по модѣ и попугайныхъ цвѣтовъ избѣгло. Правда, костюмъ отъ Hentennaar былъ только на предводительшѣ, да еще жена одного Пѣтушкова пріѣхала въ платьѣ отъ московской Жозефины; но всѣ остальныя были очень мило обряжены туземными Вортами, и выглядывали точно картинки изъ «Новаго Базара».

Усадьба сразу переполнилась малиновымъ звономъ колокольчиковъ, дребезгомъ колесъ, криками кучеровъ... Пѣсни прекратились. Народъ съ любопытствомъ толпился у подъѣзда и подвергалъ безцеремонной критикѣ господъ и экипажи. И здѣсь болѣе всѣхъ отличался Карявый. Онъ стоялъ впереди и, хладнокровно поигрывая прутикомъ, расточалъ эпитеты. Предводителя онъ назвалъ «глистой»; Цуцкихъ — «борзыми»; офицеровъ—«коняшками»; сановника—«коренникомъ»; автора брошюры—«пустельгою» [1]... Передъ нѣкоторыми изъ господъ мужики стихали и снимали шапки. Такъ было когда появился полковникъ въ густыхъ своихъ эполетахъ; предводитель, всѣмъ извѣстный по рекрутскому присутствію; непремѣнный членъ Клёпушкинъ; мировой судья волхонскаго участка; исправникъ... Остальныхъ встрѣчали ни мало не смущаясь, хотя держали себя вообще сдержанно и прилично.

---

[1]) Мѣстное наименованіе филина.

Каждый изъ гостей, входя въ домъ, тотчасъ же изъявлялъ свои наклонности и привычки. Иной держалъ себя гордо и самоувѣренно и, покидая съ великолѣпной небрежностью пальто на руки ливрейныхъ лакеевъ, съ самаго порога гостиной расточалъ французскія фразы. Другой входилъ съ нѣкоторой робостью и ласково упрашивалъ лакеевъ «приберечь его пальтецо», а появляясь въ гостиную, бочкомъ проходилъ къ Варѣ и величалъ ее «новорожденной». Разные были люди. Авторъ заграничной брошюры, тотъ, какъ вошелъ, добрую минуту топтался на одномъ мѣстѣ и, безпомощно подрыгивая костлявыми своими ногами, истерзанными подагрой, извинялся передъ Варей и Алексѣемъ Борисовичемъ, что явился не въ формѣ. Его тотчасъ же тѣсно окружили.

— Какой случай!—лепеталъ онъ, сильно пришепетывая и съ безпокойствомъ разглаживая бакенбарды:—кхе, кхе... преинтересный случай... Былъ я, представьте себѣ, въ Петербургѣ, и въ багажѣ-съ препроводилъ въ деревню всѣ свои, эти такъ называемые онёры, хе, хе, хе... и, представьте себѣ,—получается... пакля-съ!

Окружающіе вскрикнули въ подобострастномъ удивленіи. Старецъ обвелъ ихъ торжествующимъ взглядомъ.

— Именно, пакля,—повторилъ онъ,—ни мундира, ни звѣзды, ни...—онъ въ затрудненіи зашевелилъ губами.

— Пьедестальчиковъ, ваше высокопревосходительство?—сказалъ Алексѣй Борисовичъ, едва замѣтно улыбаясь.

— Именно—пьедестальчиковъ!—съ живостью подхватилъ старецъ,—хе, хе, хе... именно—пьедестальчиковъ. Представьте мое положеніе...—и добавилъ, игриво разводя руками:—генералъ безъ пьедестальчиковъ!—послѣ чего, молодецки подрыгивая ножками, двинулся въ гостиную, окруженный почтительно смѣющейся толпою. Только отецъ Ихтіозавръ съ Монтре остались позади, и тогда первый позволилъ себѣ язвительно фыркнуть. Но Монтре съ нимъ не согласился. «Что ни говорите, батенька —тайный совѣтникъ!»—вымолвилъ онъ тономъ непобѣдимаго аргумента.

А тайный совѣтникъ внезапно остановился среди гостиной и, разводя руками, снова залепеталъ:

— Но въ паклѣ, господа... Кхе, кхе... представьте мое положеніе: въ паклѣ оказалась... шляпа!

Всѣ точно оцѣпенѣли въ изумленіи.

— Съ плюмажемъ, ваше высокопревосходительство?—вѣжливо освѣдомился Волхонскій.

— Хе, хе, хе, совершенно вѣрно изволили замѣтить, именно — съ плюмажемъ!

— И въ шляпѣ...—вопросительно произнесъ Алексѣй Борисовичъ, подобно всѣмъ давно уже слышавшій объ этой исторіи съ генеральскими вещами.

— И въ шляпѣ, кхе, кхе... въ шляпѣ...—снова затруднился старецъ, пріискивая выраженія и торопливо подергивая бакенбарды.

— Нецензурная дрянь, ваше высокопревосходительство?— подхватилъ Волхонскій.

Старецъ даже покраснѣлъ отъ удовольствія.

— Вотъ, вотъ...—поспѣшно произнесъ онъ,—совершенно вѣрно изволили выразиться... именно—дрянь... именно—нецензурная дрянь, хе, хе, хе... Нѣтъ, представьте, какова дерзость!

— И вы, ваше высокопревосходительство—безъ шляпы и безъ пьедестальчиковъ,—съ участіемъ сказалъ Алексѣй Борисовичъ.

— И прибавьте: безъ мундира и безъ звѣзды-съ... хе, хе, хе,—и старецъ побѣдоносно двинулся далѣе.

Лукавинъ и Мишель произвели своимъ появленіемъ совершеннѣйшій эфектъ. Всѣ характеры какъ-то внезапно извратились и слились въ общемъ подхалимскомъ порывѣ. Ядовитый отецъ Ихтіозавръ улыбался точно гимназистка третьяго класса, получившая хорошую отмѣтку. Чопорный сановникъ дѣлалъ застѣнчивые глазки. Важный полковникъ изъявилъ полнѣйшую готовность устремиться за платкомъ, который уронилъ Лукавинъ. Цуцкой, что поглупѣе, бродилъ около него какъ ягненокъ и безпрерывно заглядывалъ въ глаза... Даже авторъ знаменитой брошюры и тотъ таялъ, какъ мармеладъ, и, фамильярно подхвативъ Петра Лукьяныча подъ руку, дружески разспрашивалъ его о здоровьѣ «знаменитаго родителя» и о томъ, есть ли шансы получить Лукьяну Трифонычу концессію на сибирскую дорогу, и только тотъ Цуцкой, что поумнѣе, съ азартомъ посматривалъ на него, отъ времени до времени плотоядно оскаливая зубы. Лукавинъ держался чопорно; но иногда слабая усмѣшка мелькала у него въ усахъ и онъ оглядывалъ господъ съ вѣжливой презрительностью.

Что касается до графа, то ему особливо везло среди дамъ. Такъ, когда онъ раскрылъ свой меланхолическій ротикъ и разсыпалъ передъ ними прелестнѣйшія французскія словеса, онѣ даже издали нѣчто въ родѣ тихаго и упоительнаго визга.

Когда свечерѣло и господа пообѣдали, вокругъ дома зажгли иллюминацію. Безконечныя гирлянды разноцвѣтныхъ фонариковъ опоясали ограду и яркимъ ожерельемъ унизали ближнія аллеи. На фасадахъ загорѣлись транспаранты. Французское W на каждомъ шагу искрилось и переливало огнями. Потоки бѣлаго, палеваго, зеленаго, краснаго свѣта красивыми волнами разливались по двору, и народъ двигался въ этихъ волнахъ непрерывными толпами, гудѣлъ, изумлялся, заводилъ пѣсни... На озерѣ длинною цѣпью горѣли смоляныя бочки. По островамъ сидѣли люди съ запасомъ ракетъ и ждали сигнала. Музыка гремѣла.

Варя испытывала какое-то опьянѣніе. Глаза ея сіяли. Блѣдное лицо пылало какимъ-то страннымъ, не выступающимъ наружу пожаромъ. Лукавинъ не отходилъ отъ нея. Онъ до забвенія всякихъ приличій любовался ею. И дѣйствительно, она была хороша. Бѣлое бальное платье, унизанное камеліями, изумительно шло къ ней. Въ ея ушахъ горѣли бриліанты... Петръ Лукьянычъ танцовалъ съ ней, сидѣлъ около нея, нашептывалъ ей любезности. И Варя была довольна этимъ, она съ какой-то насмѣшливой веселостью отмѣчала огульное поклоненіе предъ Лукавинымъ, эти заискивающія улыбки, эти вкрадчивыя фразы, что неслись къ нему со всѣхъ сторонъ. И ее тѣшило, что ни на кого онъ не обращаетъ вниманія, а слѣдуетъ за ней какъ тѣнь и съ рабской покорностью глядитъ ей въ глаза. Она чуяла въ себѣ силу. Это ее забавляло. Но иногда въ ея душу тѣснилась грусть, и какой-то непріязненный холодъ сжималъ ей сердце.

Балъ былъ въ полномъ разгарѣ. Зала, залитая огнями, представляла привлекательный видъ. Музыка заполоняла окрестность подмывающими звуками. Пары кружились неутомимо. Въ окна врывались мужицкія пѣсни, и теплый вѣтеръ доносилъ съ полей медовый запахъ спѣлаго хлѣба... Усталая Варя подхватила подъ руку madame Пѣтушкову и, обмахиваясь вѣеромъ, прошла въ другія комнаты. Въ столовой винтили. Партнеры ожесточенно ругали тяжело отдувавшагося отца Ихтіозавра и обличали его въ незнаніи ариѳметики. Дальше авторъ знаменитой брошюры игралъ въ пикетъ съ Алексѣемъ Борисовичемъ и, между сдачей, сладостно припоминалъ свое знакомство съ старикомъ Лукавинымъ, совершившееся въ швейцарской бывшаго министра. Дальше играли въ преферансъ съ неограниченной курочкой, причемъ за однимъ изъ Цуцкихъ спеціально присматривалъ Корнѣй Корнѣичъ, дабы этотъ Цуцкой не подавалъ другому Цуцкому аллегорическихъ знаковъ. Варя прошла въ кабинетъ. Тамъ проис-

ходили разговоры. Сановникъ и предводитель говорили съ Облѣпищевымъ о Парижѣ.

— Да, не тотъ Парижъ,—грустно тянулъ Мишель по-французски, — я, конечно, едва помню имперію, но, Боже, что это былъ тогда за шикарный городъ! Эти выходы, эти балы въ Тюильри, эти... эти грандіозныя празднества... о, это было нѣчто изумительное!.. Надо представить себѣ, что это такое было!.. А теперь чтó вы видите — monsieur Греви чуть сальные огарки не жгетъ...

— О, что касается сальныхъ огарковъ... — ядовито вымолвилъ сановникъ.

Но Облѣпищевъ съ рѣшительностью перебилъ его.

— Нѣтъ, я съ вами въ этомъ несогласенъ, — произнесъ онъ,—совершенно несогласенъ. Режимъ придаетъ колоритъ, согласитесь, что придаетъ колоритъ. Эти мѣщанскіе soirées господина Греви, эти его маркерскія забавы... Нѣтъ, положительно надо признаться, что эта бѣдная Франція ужасно потеряла съ этимъ республиканскимъ режимомъ.

Варя слышала всю эту тираду. Она подошла къ графу и съ холодной улыбкой положила ему руку на плечо.

— Мишель, а Женни?..—протянула она значительно.

Облѣпищевъ посмотрѣлъ на нее въ недоумѣніи. Затѣмъ поцѣловалъ руку.

— Я тебя не понимаю, моя прелесть,—сказалъ онъ.

— Развѣ ты либеральничалъ тоже *только* въ Женевѣ? — произнесла она вполголоса.

— О, ты меня не поняла, если такъ,—живо отозвался онъ, наклоняясь къ Варѣ:—я, вообще, плохой политикъ, мой ангелъ. Мое мнѣніе: доктрина, тоже что грамматика. Не правда ли? Богъ у меня одинъ, моя прекрасная — *красота*. Красота въ формѣ, въ идеѣ, въ чувствѣ, въ звукѣ, въ движеніяхъ... — и, окинувъ ее пристальнымъ взглядомъ, сказалъ въ восторгѣ:—а ты —пророкъ моего лучезарнаго бога!

Варя посмотрѣла на него разсѣяннымъ взглядомъ и медлительно прошла въ залу. Неясныя думы вставали въ ея головкѣ. Но вдругъ она какъ бы испугалась этихъ думъ и, опустивъ вѣеръ, быстро понеслась съ Лукавинымъ въ вальсѣ.

Раздался далекій залпъ. Въ дверяхъ залы появился Алексѣй Борисовичъ.—Mesdames,—воскликнулъ онъ—не угодно ли полюбоваться «огненной потѣхой»!—Гости высыпали въ садъ. Музыка прервалась на нѣсколько минутъ и затѣмъ ужъ загремѣла въ саду. Варя, подъ руку съ Лукавинымъ, вышла на балконъ

и остановилась около балюстрады. Деревья сада возвышались въ фантастическомъ освѣщеніи. Странная зелень листьевъ вырѣзывалась отчетливо и ярко. Высокія березы точно курились, ивы, склонившіяся надъ озеромъ, походили на декораціи. Въ темной водѣ ясно и трепетно отражались горящія бочки. Со двора доносились крики и пѣсни и удалой посвистъ. Какой-то маршъ торжественно и задорно гремѣлъ изъ сиреневой аллеи, вызывая смутный отзвукъ въ далекомъ полѣ.

Варя стояла точно въ забытьѣ. Иногда ей казалось, что вокругъ совершается сказка и что еще одно мгновеніе, и она проснется во тьмѣ кромѣшной. И не хотѣлось ей просыпаться. Ей было хорошо. Голова ея слегка кружилась. Какая-то нѣжная теплота медлительно расплывалась по ней и какъ будто сковывала ее, погружая въ неизъяснимую истому. Лукавинъ пожалъ ей руку, она не отняла ее. Она только слабо улыбнулась и пролепетала невнятно: «какъ странно»...—и внезапно вздрогнула: ракета съ ужаснымъ трескомъ вылетѣла изъ купы деревьевъ, и точно располыхнувъ темную бездну, описала смѣлую дугу и разсыпалась въ вышинѣ синими, красными, зелеными огоньками. Барыни ахнули. Со двора загалдѣли въ неистовомъ восторгѣ. Звуки музыки съ какой-то побѣдоносной гордостью полетѣли въ пространство. Въ дальней рощѣ зашумѣли встревоженные грачи... Трескъ повторился, и взвилась другая ракета. Варя безсознательно прислонилась къ Лукавину. Онъ пристально посмотрѣлъ ей въ лицо. Глаза ея были полузакрыты, на губахъ блуждала блаженная улыбка... Онъ оглянулся вокругъ: только отецъ Ихтіозавръ сладко улыбался около нихъ. Но и тотъ, едва завидѣлъ взглядъ Лукавина, какъ тотчасъ же понурился и удалился, торопливо колыхая своимъ брюшкомъ. Петръ Лукьянычъ близко наклонился къ Варѣ. Вдругъ она раскрыла глаза и въ испугѣ посмотрѣла на него. Тогда онъ снова пожалъ ей руку, и она снова не отняла ее.

— Варвара Алексѣевна,—произнесъ онъ. Она молчала.— Варюша,—вымолвилъ онъ тихо и нѣжно и, помедливъ, продолжалъ:—вы не прочь быть моей...

— Что это такое!—вскрикнула она въ страшной тревогѣ и указала на озеро. Лукавинъ быстро оглянулся: озеро пламенѣло въ какомъ-то кровавомъ освѣщеніи. И потрясающій вопль вырвался за домомъ. Этотъ вопль все потопилъ въ себѣ: и громъ музыки, и раздирающій трескъ ракетъ, и шумъ грачей, безпокойно взвивавшихся надъ своими гнѣздами...— «Это, вѣроятно, бочки», — неувѣренно выговорилъ Петръ Лукьянычъ. И вдругъ

частый и жалостный звукъ набата задребезжалъ въ отдаленьѣ. Варя стремительно бросилась въ домъ и, миновавъ пустынныя комнаты, гдѣ праздно горѣли люстры и канделябры, выскочила на крыльцо. Огромное зарево встало предъ нею: горѣла деревня. И, не помня себя отъ испуга и горя, она побѣжала къ пожару.

XVIII.

Вся дорога отъ усадьбы до села была усѣяна народомъ. Безпорядочный и тяжкій топотъ торопливыхъ шаговъ смутнымъ и жуткимъ гуломъ отдавался въ ушахъ Вари. Зарево ярко падало на толпу. Багровый свѣтъ мрачно и отчетливо выдѣлялъ лица, искаженныя горемъ, отчаяніемъ, испугомъ... и каждую былинку на дорогѣ освѣщалъ съ зловѣщей ясностью. Въ воздухѣ стоялъ какой-то сплошной, неясный и надорванный стонъ. Иногда вырывались безсильныя всхлипыванья, иногда какая-нибудь баба причитала на ходу и тотчасъ же утихала... Кто-то наступилъ Варѣ на шлейфъ, какая-то молодуха пребольно толкнула ее... Но она ничего не замѣчала и бѣжала, бѣжала, гонимая непреодолимымъ ужасомъ. Одно время грудь у ней стѣснилась съ болью. Она остановилась, но толпа снова увлекла ее, и задыхаясь отъ усталости, она снова побѣжала. Иногда она озиралась по сторонамъ, и тогда этотъ видъ растеряннаго люда, въ испугѣ шумѣвшаго около нея, мучительно рвалъ ей сердце.

Колоколъ гудѣлъ спутанно и тревожно. Порою уставшая рука звонаря отрывалась отъ него, и тогда унылый звукъ замиралъ въ долгомъ и печальномъ дребезжаньѣ. Но чрезъ мгновенье торопливые удары снова сыпались и волновали окрестность безпокойнымъ страхомъ.

Горѣлъ верхній порядокъ. Огонь уже успѣлъ схватить нѣсколько дворовъ. Соломенныя крыши, насквозь высушенныя іюльскимъ солнцемъ, вспыхивали какъ порохъ. Утлыя стѣны избушекъ, сухія и тонкія, пылали точно свѣчи. Ракиты, дружно охватываемыя огнемъ, трещали и волновались. Въ дворахъ тоскливо мычали коровы, блеяли овцы... Народъ суетливо метался около полыхающихъ строеній, вытаскивалъ пожитки, толпился въ дыму и раскаленной атмосферѣ. Но толку изъ этого выходило очень мало.

Двѣ пожарныя бочки съ отчаяннѣйшимъ визгомъ и гуломъ помчались за водою. Но когда воду налили въ нихъ, она без-

численными струйками засочилась въ разсохшіеся пазы и достигла пожара въ совершенно смѣшномъ количествѣ. Всѣ лошади были въ ночномъ, и кромѣ обязательной пожарной пары, не на чемъ было съѣздить на рѣку. Тогда стали качать изъ ближняго колодезя. Но цѣпь изъ десятка ведръ какъ будто только раздражила пламя и оно свирѣпѣло съ каждой минутой. Оторопѣвшій староста бѣгалъ вокругъ пожара и расточалъ приказанія, на которыя никто не обращалъ ни малѣйшаго вниманія... Власъ Карявый догадался притащить багоръ. Человѣкъ пять ухватились за него и съ усердіемъ зацѣпили за пылающія бревна; но послѣ перваго же усилія, крюкъ соскочилъ съ рычага и безслѣдно потонулъ въ пламени. Тогда вспомнили, что есть и еще багры, но когда прибѣжали за ними въ сарай, то нашли ихъ никуда негодными.

Да и тушили-то пожаръ только хозяева горѣвшихъ строеній да окольные жители. Всѣ остальные разбѣжались по своимъ дворамъ и выносили пожитки, выводили скотину, выгружали изъ амбаровъ припасы, вывозили телѣги и сохи. По всему селу кипѣла суматоха. Ворота неистово скрипѣли; тамъ и сямъ звенѣли стекла разбиваемой въ торопяхъ рамы. Бабы бѣгали и метались въ безумномъ отчаяніи и переполняли улицу надрывающей голосьбою.

Варя остановилась въ толпѣ. Она какими-то неподвижными глазами смотрѣла на сцену пожара и стояла точно застывшая. Волосы ея распустились; шлейфъ висѣлъ клочьями; камеліи осыпались... Она же ничего не примѣчала и, до боли стиснувъ руки, смотрѣла и слушала неотступно. Она смотрѣла, какъ люди черными и рѣзко очерченными силуэтами копошились вокругъ огня, какъ они вбѣгали на дворы и тащили оттуда коровъ, тупо поводившихъ огромными глазами, сгоняли овецъ, тѣснившихся въ дикомъ недоумѣніи; какъ изъ занимавшихся строеній выползалъ дымъ мутными волнами и багровымъ столбомъ клубился въ вышинѣ; какъ голуби кружились и взмывали въ испугѣ, трепеща огненными крыльями... Она глядѣла, какъ отбивали рамы изъ оконъ, влѣзали въ избы, выкидывали оттуда дерюгу, сундучишко съ различной рухлядью, потемнѣвшую икону, скамью, всю изнизанную тараканами... Она вслушивалась въ ноющій гулъ набата, въ оглушительный трескъ пламени, побѣдоносно взвивавшагося къ небесамъ... Безпорядочные крики, ревъ ополоумѣвшей скотины, горькіе вопли бабъ, торопливое скрипѣніе бочекъ, холодный лязгъ желѣзныхъ ведеръ, безсильные всплески воды, — все это ходило около нея грозными волнами, и переполняло ея душу

чувствомъ неизъяснимой скорби. Но эта скорбь уже не терзала ее и не рвала ей сердце, — она надвинулась на нее тяжкой, свинцовой тучей и всю съ ногъ до головы заледенила. Иногда по ней пробѣгалъознобъ: обнаженныя плечи ея вздрагивали мелкой и колючей дрожью. Тогда она пожималась съ видомъ разсѣяннаго и тупого равнодушія и еще больнѣе стискивала свои руки. И ни одной мысли не шевелилось въ ея головѣ. Она не думала, но только ощущала; и чувствовала, что внутри у ней непріязненно холодѣетъ какая-то пустота, и что вмѣсто сердца какъ будто камень какой лежитъ тяжелымъ гнетомъ, и не даетъ ей вздохнуть. Иногда она закрывала глаза, и тогда ей казалось, что разъяренное море бушуетъ вокругъ нея и нѣтъ ей спасенія отъ этой ярости, и смертельная тоска ее обнимала...

А между тѣмъ къ пожару прискакали трубы изъ усадьбы. Захаръ Иванычъ самъ правилъ лошадьми на одной изъ нихъ. Около него лѣпился Корнѣй Корнѣичъ. За трубами длинной вереницей показались экипажи; пары и тройки звенѣли колокольчиками; пьяные кучера кричали. Исправникъ тотчасъ же вступилъ въ распоряженіе. Не говоря ни слова, онъ первому попавшемуся мужику влѣпилъ затрещину, а старостѣ закатилъ здоровую оплеуху. Это какъ бы поощрило послѣдняго: онъ шибко припустился къ толпѣ и началъ направо и налѣво разсыпать удары своей палочкой. Корнѣй Корнѣичъ бѣжалъ за нимъ и крѣпко ругался. Мужики вдругъ дружно загалдѣли. «Эй, эй, полѣзай на крышу-то!—оралъ одинъ, — полѣзай, Митюха... Держись за плетень-то, держись... Приваливайся. — Наваливай на сарай,—кричалъ другой—напирай на сарай!.. Наяривай!»..— Но третій подхватывалъ въ тревогѣ:—«Соскакивай, ребята!.. Занимается!.. Прыгай живѣе!.. Сползай!.. Животомъ, животомъ-то съерзывай!..»—И «ребята» проворно скатывались съ крышъ, а пламя стремительно охватывало эти крыши и съ торжествующимъ ревомъ пожирало ихъ.

Варя почувствовала прикосновеніе чьей-то руки; она безотчетно оглянулась. «Развѣ такъ можно, Варвара Алексѣевна!»— съ упрекомъ воскликнулъ Лукавинъ. Она ничего не отвѣтила. Онъ накинулъ пледъ на ея плечи, взялъ ее за руку, вывелъ изъ толпы... Она шла въ какомъ-то изумленіи. «Долго ли схватить простуду!»—произнесъ Петръ Лукьяновичъ, подсаживая ее въ коляску. Но она не сѣла; она встала во весь ростъ и не отрываясь смотрѣла на пожаръ. Вся она точно оцѣпенѣла. Даже видъ Тутолмина, внезапно появившагося на багровомъ фонѣ съ упирающейся коровой, которую онъ изо всѣхъ силъ тащилъ за

рога,—даже этотъ видъ не возбудилъ въ ней ничего, кромѣ смутнаго и отдаленнаго чувства сожалѣнія. Къ ней подошли барыни. Раздались восклицанія: «ахъ, какъ это ужасно!—Кто могъ ожидать!.. Такъ внезапно!—Бѣдные крестьяне»...—и тому подобное. Варя не проронила ни слова. Но когда Лукавинъ замѣтилъ, наконецъ, ея состояніе и, тряхнувъ волосами, произнесъ въ видѣ утѣшенія: «Это сущіе пустяки—бѣда поправимая!»—Она остановила на немъ презрительный взглядъ и длинно протянула, искривляя пересохшія свои губы: — вы думаете? — послѣ чего снова закаменѣла въ неподвижности.

Тѣ изъ господъ, которые не хлопотали вокругъ огня, столпились около длинной линейки, стоявшей въ значительномъ отдаленіи, и, мѣняясь оживленными фразами, смотрѣли на пожаръ. Иные сидѣли. «Какъ это эффектно!» — восклицалъ Волхонскій, указывая рукою.

— Да, да..., — лепеталъ старецъ, авторъ знаменитой брошюры, — именно — эффектно... Но знаете ли, я теперь начинаю припоминать... припоминать этотъ апраксинскій пожаръ... этотъ петербургскій...

— Я видѣлъ этотъ пожаръ, ваше высокопревосходительство, —сказалъ Алексѣй Борисовичъ.

— А, а, видѣли?.. Превосходно сдѣлали, превосходно изволили сдѣлать... Не правда ли, эти... эти языки огня... эти, эти столбы дыма...

— Напоминали нѣчто грандіозное.

— Вотъ, вотъ... Именно—грандіозное, именно—напоминали... Это вы превосходно изволили выразить...—и вдругъ наморщивши чело, онъ прошепталъ, наклоняясь къ Волхонскому:—а что здѣсь, какъ вы полагаете, здѣсь не совершено злого умысла?..

— Не думаю, ваше высокопревосходительство,—съ едва замѣтной ироніей отозвался Алексѣй Борисовичъ:—развѣ вотъ нигилисты...

Старецъ даже подпрыгнулъ.

— Вотъ, вотъ, вотъ... — горячо подхватилъ онъ, въ безпокойствѣ ковыряя пальцами свои баки: — именно — нигилисты, именно, я ихъ и имѣлъ въ виду!..

— Да, нѣтъ, врядъ ли,—произнесъ Волхонскій, внутренно помирая со смѣху: — тутъ и всего-то одинъ нигилистъ, да и тотъ вонъ корову за рога тащитъ... — онъ указалъ на Тутолмина.

— А, а, корову...—старецъ любопытно посмотрѣлъ по ука-

занію:—корову... это отлично,—сказалъ онъ, и добавилъ глубокомысленно:—но... несомнѣнный нигилистъ?

— О, несомнѣннѣйшій! При мнѣ обходился безъ помощи носового платка, и даже громогласно утверждалъ, что чинъ тайнаго совѣтника въ сущности не чинъ, а сонное мечтаніе.

Старикъ широко раскрылъ глаза и явилъ въ нихъ безпокойство.

Офицерики увивались около барынь. «Но, скажите, ежели мнѣ одинаково нравятся лилія и роза?» спрашивалъ одинъ, пронизывая коварнымъ взглядомъ шуструю дамочку, безпрестанно выдвигавшую изъ-подъ платья изящную ножку въ сѣрой туфлѣ.

— О, непремѣнно должны сдѣлать выборъ!—говорила та.— Но если это значитъ разорвать сердце?—Разрывайте.—О, какъ вы жестоки...—Нѣкоторые приглашали на кадриль. «Пановскій, будешь со мной визави? Пожалуйста, Пановскій!» умоляющимъ голосомъ взывалъ свѣженькій субалтерникъ.

— Нѣтъ, что ни говори, а ужасное мы государство,—значительно тянулъ сановникъ:—смотрите, это вѣдь вопіющая мерзость—эти соломенныя кровли!

Старецъ быстро оборотился въ его сторону.

— Совершенно вѣрно изволили выразить, ваше превосходительство,—залепеталъ онъ:—именно—мерзость, именно—соломенныя кровли мерзость... Но теперь этого не будетъ! — и онъ торопливо замахалъ кистью руки.

— То есть какъ же такъ? — ядовито спросилъ сановникъ, питавшій странную ревность ко всѣмъ улучшеніямъ, которыя могли бы совершиться безъ его вѣдома.

— А я изобрѣлъ... я очень наглядно изобрѣлъ... Знаете, постройки эдакія... эдакія огненеподдающіяся постройки...

— Но въ чемъ же ихъ преимущество?—полюбопытствовалъ сановникъ.

— О, преимущество громадное!—подхватилъ Волхонскій,— обычныя постройки горятъ и отъ нихъ остаются угли... Но когда сгораетъ эдакая... огненепобораемая... отъ нея остается глина, и... мужикъ. Мужикъ и глина.

— Вотъ, вотъ,—радостно подхватилъ старецъ,—совершенно вѣрно изволили... именно—мужикъ, именно—мужикъ и глина!

Сановникъ благосклонно улыбнулся.

Мишель, закутанный въ плэды, лежалъ въ глубинѣ какого-то тарантаса. Рядомъ съ нимъ сидѣли madame Пѣтушкова и предводительша. Онъ пожималъ имъ руки и, мечтательно посматривая въ вышину, восклицалъ: «Полюбуйтесь, mesdames!..

Посмотрите, какъ кружатся эти голуби, точно искры... Или какъ это у Гоголя...—А какъ мрачна и загадочна эта бездна,—продолжалъ онъ, указывая въ небо,—не кажется ли вамъ, что кто-то хмурится оттуда и грозитъ... О, какъ понятна сейчасъ эта идея гнѣвнаго и карающаго бога!»..

Дамы благоговѣйно внимали его рѣчамъ, и Пѣтушкова не смѣла отнять своей руки, которую графъ пожималъ слишкомъ уже дружественно, а предводительша не хотѣла отнимать и даже слегка отвѣчала на его пожатіе. Ей очень нравился Облѣпищевъ.

Оффиціальные люди убивались на пожарѣ. И по справедливости надо сказать, что хлопотали ужасно. Корнѣй Корнѣичъ самолично распорядился по крайней мѣрѣ съ дюжиной мужицкихъ физіономій; кромѣ того, онъ посулилъ старостѣ долговременныя узы. Клепушкинъ въ свою очередь поработалъ. Но всѣхъ усерднѣе дѣйствовали Цуцкіе. Они метались по народу, точно угорѣлые, и раздавали столько пинковъ и оплеушинъ, что ихъ не было никакой возможности перечислить. Впрочемъ, одинъ изъ Цуцкихъ (тотъ, что поглупѣе) даже залѣзъ на крышу и для чего-то сталъ расковыривать солому, но провалился въ дыру и былъ извлеченъ за ноги. И конечно, огонь не могъ устоять противъ такого самоотверженія. Онъ достигъ до площади, на которой стояла церковь, и, моментально сожравъ крайній дворишко, принадлежавшій убогой просвирнѣ, упалъ. Тогда начальство вздохнуло свободно.

— Кончено,—произнесъ Лукавинъ и предложилъ Варѣ сѣсть. Она обвела пожарище длиннымъ и тяжелымъ взглядомъ и опустилась на подушку. Обугленные остовы жарко тлѣли. Полуразрушенныя печи черными и мрачными столбами возвышались среди нихъ. Погорѣльцы слонялись по пожару какъ тѣни и ковыряли груды скипѣвшагося пепла. Бабы причитали. Среди улицы валялся разнохарактерный скарбъ. Въ немъ пугливо копошились дѣти. Иногда плачъ оттуда вырывался, тоскливый и жалостный. Порою можно было слышать глухой стонъ. Церковь алѣла, точно залитая кровью. Гдѣ-то завывала собака...

Экипажи медленно пробирались по улицѣ; колокольчики осторожно перезванивали. Но господа притихли и пребывали въ почтительномъ безмолвіи. Надъ ними точно туча повисла. Ихъ угнетало мужицкое горе—не такъ замѣтное за трескомъ пламени, суетнею и звуками набата.

Варя сидѣла какъ-то странно выпрямившись и безсмысленно озирала пространство. Однажды она скользнула взглядомъ по

лицу Лукавина, на которомъ пламеннымъ румянцемъ отражалось пожарище, и ужасно чуждымъ показалось ей это красивое лицо. Но она только мгновеніе подумала объ этомъ и какъ будто отвернулась отъ этой мысли, до того она показалась ей скучной и неинтересной. Что-то важное и значительное вставало въ ней. Сердце ея болѣло.

Выѣхавъ изъ деревни, кучера гикнули и понеслись съ шумомъ; колокольчики бойко зазвенѣли. Господа вздохнули съ облегченіемъ. Усадьба выростала передъ ними, унизанная гирляндами фонариковъ и потускнѣвшими транспарантами. Музыканты, услыхавъ приближеніе экипажей, мгновенно настроились и загремѣли «персидскій маршъ».

Коляска, въ которой сидѣла Варя, первая подкатила къ подъѣзду.—Э, вы, почитай, заснули, Варвара Алексѣевна!—шутливо воскликнулъ Лукавинъ, выходя изъ коляски. Варя быстро поднялась, мгновеніе какъ будто прислушивалась къ чему-то (неясные вопли странно перемѣшивались съ звуками музыки), глянула на пожарище, угрюмо пламенѣвшее въ отдаленіи, и, вдругъ, слабо вскрикнувъ, пошатнулась. Лукавинъ подхватилъ ее, — она была безъ чувствъ. Лицо ея, покрытое мутной блѣдностью, являло видъ неизъяснимаго ужаса.

XIX.

Страшная тревога поднялась въ Волхонскомъ домѣ. Варю окружили тѣсною толпою. Нѣкоторые побѣжали къ музыкантамъ и, махая руками, приказывали имъ перестать. Но музыканты недоумѣвали, и музыка стихала нестройно и медленно. Прислуга бѣгала съ растерянными лицами. Отецъ Ихтіозавръ важно сопѣлъ и щупалъ пульсъ у Вари. Всѣ жадно смотрѣли ему въ лицо.

Наконецъ, онъ нашелъ, что безпокоиться нечего и что у дѣвушки просто легкій обморокъ. Тогда ее отнесли на верхъ и уложили въ постель. И грузные шаги прислуги, подымавшей Варю по лѣстницѣ, какъ-то непріятно всѣхъ поразили, голоса понизились. Всѣ для чего-то стали ходить на цыпочкахъ. Облѣпищевъ почувствовалъ дурноту и удалился въ свою комнату, не забывъ, однако же, шепнуть предводительшѣ, что она напоминаетъ ему Эсмеральду... Многіе поспѣшили уѣхать. Но однакоже устроили подписку въ пользу погорѣльцевъ, причемъ съ затаеннымъ любопытствомъ ожидали, сколько-то выложитъ Лукавинъ.

Иллюминація погасала. Забытые транспаранты распространяли копоть. Потухшія бочки смрадно дымились.

Встревоженный Алексѣй Борисовичъ безцѣльно ходилъ по комнатамъ и съ односложной вѣжливостью отвѣчалъ на успокоенія гостей. Отецъ Ихтіозавръ сидѣлъ около Вари. Волхонскій нѣсколько разъ подымался наверхъ и спрашивалъ, не очнулась ли она. Но обморокъ все продолжался, перемежаемый неясными вздохами, и онъ мрачно сходилъ оттуда и въ разсѣянности смотрѣлъ на гостей. Авторъ знаменитой брошюры подъ шумокъ завладѣлъ Лукавинымъ и разсказывалъ ему о блистательныхъ свойствахъ его «знаменитаго родителя», и о томъ, что онъ, старецъ, хотя и косвенно, но нѣкоторымъ образомъ поспособствовалъ полученію Лукьяномъ Трифонычемъ ордена «святыя Анны». А послѣ старца, къ Петру Лукьянычу съ азартомъ подошелъ Цуцкой (тотъ, что поумнѣе).

— Не можете вы одолжить мнѣ до завтра семь-сотъ рублей? —отрывисто спросилъ онъ, сердито вращая глазами.

— Не располагаю такой суммой, — вѣжливо отвѣтилъ Лукавинъ.

— И пятью-стами не располагаете?

— И пятью-стами не располагаю.

Цуцкой подумалъ.

— Ну, давайте двѣ сотни,—сказалъ онъ.

— И тѣхъ не могу.

Цуцкой укоризненно посмотрѣлъ на Лукавина.

— Эхъ, вы! а еще Россію грабите,—вымолвилъ онъ и, не поклонившись, направился къ выходу.

«Эка чистякъ какой!» —мысленно воскликнулъ Лукавинъ и насмѣшливо улыбнулся. Но онъ и не подумалъ разсердиться на Цуцкова.

Наконецъ, всѣ разъѣхались. Всѣ на прощанье горячо пожимали руку Алексѣя Борисовича и съ сочувствіемъ заглядывали ему въ глаза. Лукавинъ тоже подошелъ къ нему съ пожеланіемъ покойной ночи. Но Волхонскій вдругъ разчувствовался и по какому-то влеченію крѣпко обнялъ и поцѣловалъ Петра Лукьяныча.

Остался одинъ Ихтіозавръ. Онъ тяжко вздыхалъ и, раздражительно пошевеливая усами, хлопоталъ около Вари. «По крайней мѣрѣ двадцать-пять рублей должны мнѣ дать», думалъ онъ, въ промежуткахъ, между тѣмъ, какъ давалъ Варѣ нюхать спиртъ, или приказывалъ Надеждѣ согрѣвать ей ноги.

Алексѣй Борисовичъ долго и неспокойно ходилъ по своему кабинету. Какая-то тоскливая скука одолѣвала его. Онъ, правда, не придавалъ особаго значенія обмороку Вари, но обстоятельства, сопровождавшія обморокъ — этотъ пожаръ, этотъ прерванный праздникъ, эта иллюминація, потухавшая въ небреженіи и отравлявшая воздухъ копотью и смрадомъ дегтя, этотъ торопливый и какъ будто паническій разъѣздъ—все это наполняло его душу какимъ-то угнетающимъ чувствомъ. Стройный порядокъ Волхонки былъ нарушенъ грубо и неожиданно. Кромѣ того, онъ сегодня ожидалъ рѣшительнаго результата въ отношеніяхъ Вари къ Лукавину... «И пришло же на умъ горѣть, когда не слѣдуетъ!» — въ раздраженіи восклицалъ онъ, а спустя минуту приказалъ позвать Захара Иваныча. Одиночество его подавляло.

Захаръ Иванычъ явился усталый и пасмурный.

— Ну, что, какъ тамъ у васъ?—спросилъ Волхонскій.

— Потушили,—кратко отозвался Захаръ Иванычъ.

— А трубы, кажется, хорошо дѣйствовали?

— Какое тамъ хорошо! Скверно дѣйствовали. Да что трубы! —Захаръ Иванычъ безнадежно махнулъ рукой,—тутъ если и паровыя притащишь, толку не будетъ. Развѣ можно гасить порохъ.

— Да-а,—глубокомысленно произнесъ Алексѣй Борисовичъ: —сколько же сгорѣло?

— Двадцать-три двора.

— Гм... Экіе они какіе. Не слышно причины?

— Какихъ тамъ слуховъ захотѣли. Тотъ одно говоритъ, тотъ другое... Вѣрнѣй всего золу съ огнемъ вынесли.

— Это ужасно, — сказалъ Волхонскій и покачалъ головой. —Вотъ тутъ передайте имъ,—добавилъ онъ, послѣ легкаго молчанія, подавая Захару Иванычу пачку кредитокъ и подписной листъ,—Петръ Лукьянычъ пятьсотъ рублей подписалъ!—и Алексѣй Борисовичъ съ умиленіемъ посмотрѣлъ на Захара Иваныча.

Опять произошла пауза.

— Скотины много погорѣло,—вымолвилъ Захаръ Иванычъ.

— Да, да,—произнесъ Волхонскій, сожалительно чмокнувъ языкомъ,—совсѣмъ погорѣла?

— Совсѣмъ.

Снова совершилось безмолвіе.

— Что это съ Варварой Алексѣевной? — спросилъ Захаръ Иванычъ, усиливаясь сдержать зѣвоту.

Алексѣй Борисовичъ въ недоумѣніи развелъ руками.

— Подите вотъ!—сказалъ онъ:—нервы эти... пѣшкомъ, какъ

оказывается, пробѣжала въ село,—и съ раздраженіемъ добавилъ: —вѣдь эти барышни не могутъ безъ геройства!

Захаръ Иванычъ подумалъ и хотѣлъ-было возразить, но не возразилъ, а вынулъ платокъ и громко высморкался. Опять помолчали.

— А вашъ знакомый? онъ, кажется, былъ тамъ?—вяло спросилъ Волхонскій.

— Да, какъ же, былъ.

— Что мы его не видимъ?

— А онъ въ Ерзунахъ, кажется, гостилъ, у мужичка тамъ одного; да на пожаръ и пріѣхалъ.

Алексѣй Борисовичъ снисходительно улыбнулся.

— Народники,—сказалъ онъ, и добавилъ въ покровительственномъ тонѣ:—благородные люди!

Захаръ Иванычъ промолчалъ. Но посидѣвъ немного, поднялся.

— Такъ я ужъ пойду, Алексѣй Борисычъ,—вымолвилъ онъ.

— А, вы идете? Ну, покойной ночи. Такъ передайте имъ... И, вообще, изъ хлѣба что-нибудь... Вообще, чтобы не было этого... этого (онъ потрясъ пальцами въ воздухѣ)... этого нытья!.. —и добавилъ съ внезапной благосклонностью:—мое почтеніе вашему знакомому.

По уходѣ Захара Иваныча, онъ снова походилъ немного и затѣмъ, помѣстившись въ глубокомъ креслѣ, погрузился въ тонкую дремоту. Вдругъ легкое прикосновеніе пробудило его. Онъ вздрогнулъ и быстро поднялъ голову. Пухлый ликъ отца Ихтіозавра въ испугѣ наклонялся надъ нимъ.

— Что такое?—вскрикнулъ Алексѣй Борисовичъ.

— Дѣло отвратительное,—сказалъ Ихтіозавръ,—очнулась въ бреду и термометръ стоитъ на сквернѣйшей цифрѣ.

Волхонскій схватилъ себя за голову. «Что вы со мной сдѣлали, злодѣй!»—закричалъ онъ въ отчаяніи и схватился за сонетку.

Въ тотъ же мигъ полетѣли телеграммы въ Воронежъ и въ Москву, а за ближнимъ докторомъ во весь опоръ поскакала тройка.

Утро всѣхъ застало въ переполохѣ. Волхонскій пожелтѣлъ и осунулся. Облѣпищевъ не выходилъ изъ своей комнаты. Лукавинъ пасмурный ушелъ къ Захару Иванычу и не появлялся во весь день. Комнаты стояли въ непривѣтливомъ безпорядкѣ. Прислуга бестолково двигалась изъ угла въ уголъ и перекидывалась унылыми замѣчаніями. Надежда ходила съ заплаканными

глазами. Суровый и гладко обритый человѣкъ въ кашемировомъ сюртукѣ смотрѣлъ на всѣхъ исподлобья, угрюмымъ и враждебнымъ взглядомъ.

Варя лежала въ страшномъ жару и никого не узнавала. Въ бреду у ней вырывались слова, никому не понятныя, и, часто, въ страстномъ и нѣжномъ шопотѣ упоминались ласковыя названія. Но къ кому они относились, осталось тайною. Иногда на лицѣ ея появлялась блаженная улыбка и воспаленныя губы шептали едва внятно: какъ хорошо... какъ это хорошо... Разскажите теперь о Женни—это очень хорошо... Ахъ, какая она огромная, эта Женни!..—Порою дикій восторгъ загорался въ ея взглядѣ; изъ устъ вырывались нестройные клики, она все подымалась въ какомъ-то трепетѣ... и снова безсильно упадала на подушки и закрывала глаза. Но чаще всего она металась въ тоскливомъ безпокойствѣ и пугливо вскрикивала, въ неподвижномъ ужасѣ расширяя глаза. Казалось, какія-то страшныя видѣнія выступали передъ нею, нестерпимо разрывая ея душу. Одно время, она стала перечислять книги и статьи, указанныя ей Тутолминымъ,—перечисляла поспѣшно, спутанно, торопливо и умоляла кого-то повѣрить ей и допустить на курсы, гдѣ читаетъ «эта лучезарная Женни»... и вслѣдъ за этимъ, хриплымъ голосомъ восклицала угрожающія слова... и гнѣвно потрясала рукою.

И толстенькій Ихтіозавръ, давно уже растерявшій всѣ свои познанія въ механическомъ полосованіи «мертвыхъ тѣлъ» да въ вѣчныхъ карточныхъ заботахъ, безтолково метался около Вари, прикладывалъ ей компрессы, безпрестанно ставилъ термометръ, озабоченно считалъ горячешное біеніе пульса...

На другой день предоставили земскаго Гиппократа. Онъ внимательно осмотрѣлъ больную, разспросилъ сконфуженнаго Ихтіозавра, скользнулъ по немъ укоризненнымъ взглядомъ — а затѣмъ пожалъ плечами и сталъ дожидаться «перелома».

На третій день пріѣхала мѣстная знаменитость. Мѣстная знаменитость галантно расшаркалась съ Волхонскимъ, пролепетала нѣсколько успокоительныхъ фразъ, подержала совѣтъ съ докторами, которыхъ неоднократно обозвала «коллегами», изслѣдовала больную, — а затѣмъ развела руками и стала дожидаться «кризиса».

На четвертый день московская знаменитость прислала телеграмму, въ которой заявляла, что меньше чѣмъ за тысячу рублей она выѣхать изъ Москвы не можетъ...

Московской знаменитости не успѣли отвѣтить. На четвертый

же день, ночью, Мишеля разбудили, и онъ, съ ногъ до головы охваченный ужасомъ, блѣдный, дрожащій, сквозь глухія рыданія, написалъ матери телеграмму. Но спустя минуту разорвалъ ее, и съ жестокой ироніей изобразилъ другую. Въ ней значилось:

Курсы повысились: сегодня въ ночь умерла кузина. Поздравляю.
Графъ Облѣпищевъ.

XX.

Спустя двѣ недѣли, изъ Волхонки тащилась телѣжка, запряженная парою сѣрыхъ лошадокъ. Въ телѣжкѣ сидѣлъ Илья Петровичъ Тутолминъ. На облучкѣ лѣпился Мокѣй. Солнце палило нестерпимо. Мелкая пыль вилась за колесами. Неугомонные слѣпни кружились надъ лошадями и безпрестанно присасывались къ нимъ. Мокѣй сидѣлъ полуоборотясь къ Тутолмину. Онъ вяло помахивалъ кнутикомъ и подергивалъ веревочными возжами.

Илья Петровичъ сильно измѣнился. Лицо его потускнѣло и осунулось. Глаза были печальны. Онъ сгорбился точно старикъ и разсѣянно смотрѣлъ, какъ пристяжная лѣниво перебирала косматыми ногами и вздрагивала, когда слѣпень впивался въ нее своимъ жаломъ.

— Ну, Петровичъ, простись теперь съ Волхонкой!—произнесъ Мокѣй, когда телѣжка вползла на возвышенность.

Тутолминъ медленно оглянулся. Въ долинѣ живописно раскидывалась усадьба. Озеро блестѣло какъ ярко отполированная мѣдь. Бурый камышъ неподвижно отражался въ водѣ. Барскій домъ возвышался тяжелой громадиной. За домомъ, огромнымъ островомъ вставалъ и зеленѣлся садъ. Водяная мельница меланхолически грохотала. Сельская церковь стройно бѣлѣлась, сіяя крестами. Дальше тянулось поле, усѣянное копнами, и пустынное жниво; за жнивомъ трепетало обманчивое марево, и смутно вставали деревни. Тамъ и сямъ виднѣлись кусты... Въ высокомъ небѣ гордо кружился ястребъ.

И вдругъ Илья Петровичъ почувствовалъ, какъ что-то щипнуло его за сердце и тоскливо сдавило грудь. Онъ украдкою смахнулъ слезу, одиноко скатившуюся съ рѣсницы, подавилъ тяжелый вздохъ и съ рѣшительностью отвернулся.

И долго они ѣхали въ молчаніи. Возвышенность давно уже миновала. Крестъ волхонской церкви едва сіялъ за ними. Кругомъ расходились безмолвныя поля; порою возы съ снопами

тянулись имъ на встрѣчу медлительно и тяжко. Иногда въ сторонѣ пестрѣло стадо. Гдѣ-то въ отдаленіи протянули журавли... Колеса однообразно гремѣли и лошаденки трусили лѣнивой рысцею.

Наконецъ, онѣ пошли шагомъ. Мокѣй закурилъ трубочку и окончательно оборотился къ Ильѣ Петровичу.

— Чтожъ пріѣдешь къ намъ на лѣто?—спросилъ онъ.

— Врядъ ли,—съ уныніемъ отозвался Тутолминъ.

— О? А-то пріѣзжалъ бы. У насъ, братъ, хорошо.

Тутолминъ ничего не отвѣтилъ. Тогда Мокѣй усиленно посопѣлъ трубочкой, выколотилъ изъ нея пепелъ, и снова задергалъ вожжонками. «Эй вы, уморительные!» закричалъ онъ пискливымъ голоскомъ. Илья Петровичъ усмѣхнулся. «Вѣдь ишь онъ, какъ его... ишь, какъ выдумалъ!» — подумалъ онъ съ удовольствіемъ и, вынувъ изъ мѣшка памятную книжку, записалъ Мокѣево восклицаніе. Потомъ въ задумчивости сталъ перелистовывать книжку... Немного въ ней было утѣшительнаго. Общинный укладъ расползался. Всевозможные устои подтачивались неотступно. Новые взгляды нарождались съ стремительной неукоснительностью. Старина видимо издыхала... и грустно ему сдѣлалось.

Вдругъ Мокѣй съ живостью обратился къ нему.

— А я вѣдь еще пѣсню подслушалъ, — промолвилъ онъ улыбаясь.

— Какую?

— Да ужъ пѣсня! Всѣмъ пѣснямъ пѣсня. Дѣвки отъ табашника переняли.

— Ну, говори, говори.

— Говорить-то говорить... — Мокѣй почесалъ за ухомъ, — только ты ужъ, Петровичъ, безъ обиды... Больно хороша пѣсня!

Тутолминъ въ изумленіи посмотрѣлъ на него.

— А я развѣ тебя обижалъ?—спросилъ онъ.

— Ну, какъ можно обижать,—съ предупредительностью возразилъ Мокѣй, и добавилъ вкрадчиво:—а все-таки маловато.

— Да чего маловато-то?

— А на счетъ пѣсенъ... Это ужъ ты какъ хочешь, а оно, братъ, тово... Тоже ее запомни всякую... Ее, братъ, тоже не всякій запомнитъ.

— Ну, сколько же тебѣ?

— Да что ужъ... Все бы, глядишь, четвертачекъ надо...— и онъ нерѣшительно взглянулъ на Тутолмина.

— Ну, ладно,—сердито сказалъ Илья Петровичъ:—говори, что тамъ за пѣсня.—Онъ раскрылъ свою книжку.

Мокѣй крякнулъ и плутовато улыбнулся.

— Пиши,—вымолвилъ онъ,—пиши...

Купилъ, Шаша, двѣ бутылки,
Одна—пиво, другой—ромъ,
Давай съ тобой разопьемъ,
Бутылочки разобьемъ...
Э-ихъ, будемъ пить и кутить—
Намъ немножко съ тобой жить.
Тебя, миленокъ, женить...

— Да ты, чегожъ, не пишешь?—вдругъ спросилъ онъ.

Но Тутолминъ въ негодованіи захлопнулъ книжку и плюнулъ.

— Черти вы!—рѣшительно воскликнулъ онъ:—мало васъ, чертей, дурачатъ!.. Я тебѣ не только четвертакъ—пятака не дамъ за этакую пѣсню!

— О? ай не хороша?—въ наивномъ удивленіи вымолвилъ Мокѣй, и тотчасъ же прибавилъ въ примирительномъ тонѣ:—а не хороша и шуты съ ней!.. Эй, вы, размилашки!—и онъ весело замахалъ на лошадей.

А Илья Петровичъ долго не могъ успокоиться. Онъ и прежде выслушивалъ подобныя пѣсни въ страшной досадѣ, эта же «пѣсня-пѣсней» какъ-то особенно взволновала его. «Вѣдь переняли же эдакую гадость!—восклицалъ онъ,—а старыя пѣсни не перенимаютъ... Такъ и вымираютъ старыя пѣсни, и глохнутъ безслѣдно»...—И онъ погрузился въ прискорбныя размышленія.

Мокѣй тоже думалъ, но о чемъ, неизвѣстно, и только послѣ долгаго перерыва, онъ мотнулъ головою, и опять обратился къ Ильѣ Петровичу.

— А что, Петровичъ, барышня эта покойница... какъ ты полагаешь?—онъ вопросительно посмотрѣлъ на Тутолмина.

— Что полагать-то?—съ неохотой отвѣтилъ тотъ.

— Помнишь, ты приходилъ-то съ ней.

— Ну?

Мокѣй рѣшительно тряхнулъ волосами.

— Я такъ полагаю—она изъ блаженныхъ,—произнесъ онъ и ловко стегнулъ коренника подъ сѣделку.

— Какъ это изъ блаженныхъ?—угрюмо освѣдомился Илья Петровичъ.

— А изъ блаженныхъ. Вотъ блаженные бываютъ, которые...

Тутолминъ хотѣлъ-было что-то отвѣтить, но посмотрѣлъ въ

даль и вскрикнулъ въ тревогѣ. Кудрявая полоска сизаго дыма тянулась по горизонту, быстро приближаясь къ далекому вокзалу. И до того ужаснымъ показалось Тутолмину опоздать на этотъ поѣздъ и снова возвратиться въ Волхонку, что онъ даже въ лицѣ измѣнился. «Гони, Мокѣй!» закричалъ онъ. Мокѣй поплевалъ на руки, поправилъ картузъ, и вдругъ возопилъ благимъ матомъ. Лошаденки рванулись въ испугѣ, колеса неистово загремѣли, сѣдая пыль заклубилась и затолкалась мутнымъ столбомъ... «Гони!» кричалъ Илья Петровичъ, не отрывая глазъ отъ поѣзда, побѣдоносно подходившаго къ вокзалу. Телѣжка подпрыгивала, пыль летѣла ему въ лицо и въ ротъ, Мокѣевъ кнутъ жгучей полоской проскользнулъ по его носу, а онъ ничего не примѣчалъ и, крѣпко ухватившись за края телѣжки, взывалъ отчаяннымъ голосомъ:

— Гони, гони, Мокѣй!..

А. Эртель.

ОЧЕРЕДНОЙ ВОПРОСЪ

Возстановленіе металлическаго обращенія.

Не смотря на то, что въ послѣднее время со всѣхъ сторонъ не прекращаются жалобы по поводу пониженія курса, врядъ-ли большинство жалующихся сознаетъ вполнѣ весь вредъ низкаго паденія курса нашего кредитнаго рубля. Жалобы эти вызываются большею частію личными ощущеніями, испытываемыми при обмѣнѣ русскихъ кредитныхъ денегъ на металлическія, или дороговизной предметовъ заграничнаго привоза, заставляющей ограничивать свои вкусы и привычки къ иностраннымъ продуктамъ. Не жалуются, конечно, только тѣ, которые паденію русскаго рубля обязаны выгоднымъ сбытомъ своихъ произведеній. Къ нимъ слѣдуетъ еще присоединить кулаковъ, скупщиковъ и фабрикантовъ, которые, подъ крыльями двойной пошлины, могутъ наживать себѣ огромныя состоянія, нисколько не удешевляя своихъ произведеній и не увеличивая расходовъ по нимъ.

Горче же всѣхъ отзывается паденіе рубля на работникѣ, фабричномъ, чиновникѣ и всякомъ, кто живетъ на счетъ своего личнаго труда, такъ какъ не смотря на удвоившуюся дороговизну, жалованье и заработная плата имъ не увеличена вовсе или увеличена въ весьма ничтожномъ размѣрѣ.

Между тѣмъ паденіе кредитныхъ знаковъ признается столь важнымъ тормазомъ развитію благосостоянія и могущества страны, что поднятіе курса становится вездѣ первою заботою правительства, какъ только страна приходитъ въ мирное, не военное по-

ложеніе, дающее возможность разсчитывать на правильный ходъ вещей; и это понятно, такъ какъ паденіе курса есть бѣдствіе не для отдѣльныхъ единицъ только, а для всего государства, лишающее хозяйственные и промышленные разсчеты всѣхъ его классовъ твердой основы.

Обезцѣненіе бумажныхъ денегъ прежде всего чувствуется въ сношеніяхъ съ иностранными государствами и служитъ мѣриломъ довѣрія другихъ государствъ къ производительной силѣ страны съ принудительнымъ курсомъ. Оно затѣмъ прямо указываетъ на недостатокъ золота въ странѣ, которое отливаетъ изъ нея при излишнемъ количествѣ бумажныхъ денегъ.

Между тѣмъ золото, помимо своей собственной, самостоятельной цѣнности, какъ металла, цѣнно еще главнымъ образомъ какъ безспорное орудіе всесвѣтной мѣны. Запертая страна можетъ обходиться безъ золота и довольствоваться бумажными знаками. Но какъ только страна вынуждена сноситься съ другими странами, хотя бы вывозъ ея превышалъ ввозъ, извѣстный запасъ золота необходимъ, не смотря на то, что въ настоящее время, съ развитіемъ банковаго дѣла, международный обмѣнъ значительно упраздненъ векселями и переводами. Извѣстная сумма дѣлъ можетъ требовать наличнаго золота, и потому государство, въ которомъ бумажное денежное обращеніе вытѣснило металлическое и народъ котораго не имѣетъ для своихъ разсчетовъ съ заграницей цѣнныхъ металловъ, становится въ положеніе отверженнаго въ коммерческомъ отношеніи и должно платиться высокими процентами за право вести дѣла съ государствами, въ которыхъ достаточное количество золота. Къ его обязательствамъ относятся недовѣрчиво, берутъ ихъ неохотно и не иначе какъ при условіяхъ высокаго процента, которымъ заграница вознаграждаетъ себя за рискъ пріема такого невѣрнаго обязательства. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что такъ какъ цѣны на внутреннемъ рынкѣ возрастаютъ на товары, идущіе за границу (примѣрно хлѣбъ), медленнѣе лажа на золото, то хотя заграничные торговцы и охотно вывозятъ такой товаръ изъ страны и черезъ то способствуютъ сбыту ея произведеній, но страна отпускаетъ эти товары все-таки по цѣнѣ болѣе низкой и не соотвѣтствующей лажу и потому терпитъ несомнѣнный убытокъ. Напримѣръ, если цѣна ржи при металлическомъ обращеніи 6 руб. за четверть, то русскій производитель долженъ получить за нее 6 руб. металлическихъ. При цѣнѣ же ржи 6 р. 20 к. и бумажномъ обращеніи, если курсъ кредитнаго рубля равняется

75 коп. металлическимъ, производитель получаетъ всего 4 р. 65 к. металлическихъ. На товары же, ввозимые изъ-за границы, страна переплачиваетъ огромные проценты. Но если еще кромѣ торговыхъ операцій страна съ принудительнымъ курсомъ должна платить проценты по заграничнымъ займамъ, то ей приходится нести новую тяжесть въ видѣ разныхъ новыхъ налоговъ, взиманіемъ которыхъ правительство должно покрыть лажъ на золото, необходимое для уплаты процентовъ по такимъ займамъ.

Кромѣ всѣхъ вышеизложенныхъ золъ лажа, онъ представляетъ собою самое несправедливое и случайное распредѣленіе убытковъ. Убытки страны должны быть распредѣлены равномѣрно, соотвѣтственно силамъ каждаго. Между тѣмъ вся тажесть лажа ложится на классы, не обезпеченные никакою собственностью, прямо зависимые отъ собственниковъ и капиталистовъ, на классы, живущіе исключительно заработною платою и жалованьемъ; наживаются же, какъ мы указывали выше, кулаки, крупные собственники и фабриканты.

Передъ нашими глазами въ настоящую минуту телеграмма, извѣщающая о возстановленіи въ Италіи металлической денежной единицы. Прежде нежели перейти къ обсужденію возстановленія металлическаго обращенія у насъ, мы думаемъ остановиться на нѣсколько подробномъ изложеніи хода развитія лажа и его уничтоженія въ Италіи,—такъ какъ оно можетъ послужить нагляднымъ примѣромъ, какъ бѣдная средствами страна, запутавшаяся въ долгахъ и хроническихъ дефицитахъ, длившихся около десяти лѣтъ, энергіею, экономіею и патріотизмомъ съумѣла съ честію выйти изъ затруднительнаго положенія, настойчиво идя къ своей цѣли, не смущаясь ни рутиною, ни криками тѣхъ лицъ, которымъ невыгодно было возстановленіе правильнаго государственнаго хозяйства. Вынужденная, вслѣдствіе войны съ Австріею въ 1866 году, прибѣгнуть къ усиленному выпуску кредитныхъ знаковъ, она продолжала ихъ выпускать для покрытія своихъ постоянныхъ дефицитовъ вплоть до 1875 года. Выпускъ бумажекъ былъ для Италіи единственнымъ средствомъ выйти изъ затруднительнаго положенія, такъ какъ займы могли быть заключаемы только при весьма отяготительныхъ условіяхъ. Кредитъ ея упалъ до того, что итальянская рента нерѣдко доходила до 45 франковъ за 100, а въ 1866 году упала въ Парижѣ до 36 франковъ.

Вотъ таблица бюджета Италіи за 9 лѣтъ, во время которыхъ нельзя было думать о поднятіи курса:

Года.	Доходъ. франк.	Расходъ. франк.	Дефицитъ. франк.
1866	617,131,071	1,338,578,250	721,447,179
1867	714,453,756	928,600,614	214,146,884
1868	768,557,777	1,014,354,438	245,796,656
1869	870,693,802	1,019,567,574	148,874,172
1870	865,980,244	1,080,747,118	214,766,874
1871	966,936,127	1,040,948,450	74,012,322
1872	1,014,039,216	1,097,618,432	83,579,215
1873	1,047,240,357	1,136,248,580	89,008,232
1874	1,077,115,615	1,090,499,517	13,383,900
1875	1,096,319,804	1,082,449,403	

Начиная съ 1875 года дефициты прекращаются, и въ 1875 году доходъ превысилъ расходъ на 13,870,400 франка.

Года.	Доходъ. франк.	Расходъ. франк.	Излишекъ. франк.
1876	1,123,328,540	1,102,882,466	20,446,073
1877	1,180,840,130	1,157,917,212	22,922,917
1878	1,191,625,356	1,177,179,155	14,546,200
1879	1,228,112,891	1,185,818,844	42,291,046
1880	1,348,271,347	1,324,665,013	23,606,244

При этомъ нужно замѣтить, что 1878-й годъ былъ особенно неблагопріятенъ для Италіи вслѣдствіе торговаго кризиса, а въ 1879 году былъ сильный неурожай.

Улучшенія своихъ финансовъ Италіи удалось достичь крайнею экономіею, граничащей почти со скупостью, такъ какъ ей приходилось откладывать много необходимыхъ преобразованій; а затѣмъ, разумѣется, увеличеніемъ прямыхъ и косвенныхъ налоговъ.

При томъ критическомъ денежномъ положеніи, въ какомъ находилась Италія, она не соображалась съ толками и критикою компетентныхъ экономистовъ и облагала все, чтó только можно было обложить, причемъ, дѣйствительно, нѣкоторые налоги были особенно тяжелы и несправедливы, какъ-то: налогъ на помолъ, ложащійся всею своею тяжестью на неимущій классъ. Потому одною изъ первыхъ заботъ правительства, по приведеніи въ порядокъ баланса, было уничтоженіе этого налога. Сразу уничтожить его было невозможно въ виду того, что онъ, за вычетомъ расходовъ по его взиманію, давалъ чистыхъ 75 милл. франковъ, замѣнить которые новыми статьями дохода было сразу трудно; поэтому министръ финансовъ Мальяни предложилъ постепенно сокращать его до совершеннаго уничтоженія, предполагая сдѣлать это въ четыре срока и въ теченіи трехъ лѣтъ.

Прежде всего онъ предположилъ уничтожить налогъ на по-

молъ низшихъ сортовъ хлѣба, а потомъ постепенно убавлять % налога на помолъ высшихъ сортовъ. Проектъ его, бывшій предметомъ горячихъ преній въ палатѣ, былъ принятъ ею съ нѣкоторыми видоизмѣненіями, заставившими-было Мальяни выйти въ отставку. Но черезъ нѣсколько мѣсяцевъ онъ былъ снова призванъ къ управленію финансами въ виду того, что, будучи финансистомъ, онъ былъ еще извѣстный экономистъ, разносторонне изучившій народное производство, и только одинъ былъ въ состояніи справиться съ необходимыми реформами финансоваго управленія, которыя дали бы Италіи возможность выйти изъ принудительнаго курса, тяготѣвшаго надъ всею страною.

Съ окончательнымъ уничтоженіемъ дефицитовъ и послѣ пятилѣтняго перевѣса доходовъ надъ расходами, можно было приступить къ уничтоженію принудительнаго курса. Еще въ 1876 году, вскорѣ послѣ того, какъ сталъ получаться перевѣсъ доходовъ надъ расходами и окончательно утвердилось министерство лѣвой стороны, послѣднее выступило съ торжественной программой, въ которой между другими финансовыми и экономическими реформами на первомъ планѣ поставлено было уничтоженіе вышеупомянутаго налога на помолъ и принудительнаго курса.

27 марта 1877 года тогдашній итальянскій министръ финансовъ Депретисъ представилъ проектъ немедленнаго уничтоженія принудительнаго курса. Осуществиться ему, однако, пришлось только съ вступленіемъ Мальяни. Послѣдній съ перваго же дня понялъ, что для того, чтобы покончить съ принудительнымъ курсомъ, необходимо привлечь въ Италію наибольшее количество драгоцѣннаго металла и сразу выкупить, если не всѣ, то бòльшую часть бумажныхъ денегъ. Количество всѣхъ бумажныхъ денегъ простиралось въ 1879 году до 1,672 милліоновъ франковъ, часть которыхъ состояла изъ банковыхъ билетовъ, выпущенныхъ 6-ю банками: національнымъ банкомъ королевства, національнымъ тосканскимъ банкомъ, тосканскимъ кредитнымъ банкомъ, римскимъ банкомъ, неаполитанскимъ банкомъ и сицилійскимъ банкомъ, за ихъ собственный счетъ и собственную отвѣтственность путемъ учетовъ, ссудъ подъ цѣнности и другихъ операцій, на которыя они имѣли право въ качествѣ кредитныхъ учрежденій. Другая же часть ихъ состояла изъ такъ-называемыхъ собственно кредитныхъ билетовъ, выпущенныхъ исключительно за счетъ и отвѣтственность правительства синдикатомъ шести названныхъ банковъ. Выпуски шести банковъ подвержены колебаніямъ, потому что зависятъ отъ размѣра операцій вышепоименованныхъ банковъ и

представляютъ собою, хотя большею частью и безпроцентные, но болѣе или менѣе обезпеченные государственные долги.

Для предполагаемаго Мальяни возстановленія металлическаго размѣна былъ необходимъ заемъ. Но полагая, что кредитъ Италіи еще недостаточно окрѣпъ для займа на выгодныхъ условіяхъ, Мальяни отложилъ его выполненіе на извѣстное время и занялся предварительно преобразованіемъ нѣкоторыхъ налоговъ, изъ которыхъ налогъ на помолъ, какъ мы упоминали выше, требовалъ скорѣйшаго уничтоженія. Мѣры эти, однако, не входятъ въ програму нашей статьи, имѣющей лишь въ виду вопросъ объ уничтоженіи принудительнаго курса; а потому мы и перейдемъ къ дѣятельности Мальяни въ этомъ направленіи. Еще въ январѣ 1880 года Мальяни считалъ попытку заключить выгодный заемъ для уничтоженія принудительнаго курса преждевременной, такъ какъ Италіи пришлось уплатить около 200 милл. франковъ за зерно, ввезенное въ 1879 году вслѣдствіе плохого урожая. Но этотъ расходъ восполнился чрезвычайнымъ вывозомъ изъ Италіи ея винъ во Францію и плодовъ, овощей и скота туда же и въ Швейцарію съ Германіею. Дешевизна денегъ во всей Европѣ и ростъ всѣхъ фондовъ заставили Мальяни немедленно воспользоваться столь благопріятнымъ положеніемъ денежныхъ рынковъ въ Европѣ и заключить заемъ на выгодныхъ условіяхъ. Онъ тотчасъ же вошелъ въ парламентъ съ предложеніемъ заключить заемъ въ 644 милл. франковъ, изъ которыхъ 400 должны быть уплачены золотомъ, а остальные серебромъ. Большая часть этого займа должна была пойти на выкупъ 600 милл. фр. кредитныхъ бумажекъ, а остальная обезпечить размѣнъ остальныхъ 340 милл. франковъ. Премія на золото, стоявшая между 10 и 11 на 100 въ 1879 году и даже до осени 1880 года, упала до 2-хъ и даже до 1% на 100 тотчасъ же послѣ доклада этого законодательства.

Съ введеніемъ порядочнаго количества металла въ Италію Мальяни разсчитывалъ окончательно уничтожить всякій лажъ, такъ какъ это введеніе давало ему возможность извлечь ²/₃ кредитныхъ бумажекъ и обязать общественныя кассы обмѣнивать на звонкую монету и принимать въ уплату налоговъ (за исключеніемъ таможенныхъ сборовъ) остающіеся въ обращеніи кредитные билеты. Прежде всего предполагалось изъять изъ обращенія 50-сантимные, 1- и 2-хъ франковые бумажные знаки, оставивъ въ обращеніи 5- и 10-франковыя бумажки, руководствуясь въ этомъ случаѣ общесознаннымъ удобствомъ монетнаго обращенія. Онъ предполагалъ, что, какъ только кредитные би-

леты будутъ ходить al pari съ металломъ, удобство и легкость кредитныхъ билетовъ сравнительно съ тяжелымъ серебромъ заставитъ публику предпочитать первые и этимъ будетъ устраненъ излишній приливъ серебряныхъ денегъ, который въ виду частаго колебанія цѣны на серебро на европейскихъ рынкахъ, былъ бы вовсе не желателенъ.

Въ теченіи двухъ лѣтъ предполагалось извлечь 114 милл. мелкихъ кредитныхъ знаковъ, замѣняя ихъ серебромъ, которое не представляло опасности быть вывезеннымъ за-границу. По окончаніи этой операціи предполагалось пустить постепенно въ обращеніе серебряные трехфранковики и золотыя монеты, появленіе которыхъ должно было отнять охоту у самыхъ боязливыхъ и предусмотрительныхъ скапливать золото и тѣмъ прекратить лажъ. Съ появленіемъ вѣры въ кредитные билеты государство могло, безъ риска, объявить свободный обмѣнъ бумагъ на металлъ.

Перемѣна должна была произойти постепенно, давая возможность банкамъ и другимъ кредитнымъ учрежденіямъ приготовиться къ новому положенію вещей; и въ настоящее время все это—уже совершившійся фактъ, такъ какъ 30 марта (12 апрѣля по новому стилю) въ Италіи объявленъ свободный обмѣнъ кредитныхъ бумажекъ на золото и серебро. Новый заемъ требуетъ ежегоднаго увеличенія бюджета по платежу % и погашенія новыхъ 32,522,000 франковъ. Такое приращеніе бюджета Мальяни разчитываетъ покрыть экономіею въ 19 милл. фр., которая должна получиться вслѣдствіе преобразованія устава о пенсіяхъ, 3-хъ милл. фр. экономіи отъ сокращенія издержекъ по печатанію и возобновленію кредитныхъ билетовъ и коммиссіи синдикату банковъ; да кромѣ того, уничтоженіе лажа должно дать еще 12 милл. экономіи, входившихъ прежде въ бюджетъ по уплатамъ процентовъ по заграничнымъ рентамъ. Такимъ образомъ, 32 милл. новыхъ процентовъ по новому займу должны съ излишкомъ покрыться 34 милліонами экономіи. Кромѣ того, съ уничтоженіемъ лажа должны образоваться еще 7 милл. экономіи, входившихъ въ бюджетъ въ видѣ лажа по платежамъ, по заграничнымъ издержкамъ. Ихъ Мальяни не ввелъ даже въ свои разсчеты, предполагая оставить ихъ на непредвидѣнные расходы.

Всѣ эти разсчеты приводятъ къ парадоксальному, повидимому, выводу, что уничтоженіе принудительнаго курса можетъ само себя питать и покрыть вытекающею изъ него экономіею издержки по его реализаціи. Такъ ли это можетъ быть у насъ?—Это покажетъ наше дальнѣйшее изысканіе.

Паденіе нашего курса ведетъ свое начало съ крымской войны, причемъ не разъ дѣлались попытки его поднять. Но всѣ онѣ носили на себѣ характеръ скорѣе экспериментовъ, нежели серьезныхъ и твердыхъ, всесторонне взвѣшенныхъ и выясненныхъ намѣреній довести дѣло до конца, безъ чего всякія начинанія и полумѣры въ родѣ знаменитаго размѣна 1862 года ведутъ только къ новой путаницѣ и сбиваютъ съ толку своею искусственностью.

Въ настоящее время, когда покончены разсчеты съ чрезвычайными расходами и когда, повидимому, правительство употребляетъ всѣ старанія для того, чтобы привести текущіе расходы въ соотвѣтствіе съ одинаковымъ поступленіемъ, вопросъ возстановленія правильнаго денежнаго хозяйства долженъ стоять на первомъ планѣ.

Возстановить цѣнность кредитнаго рубля можно тремя путями: 1) развитіемъ внутренняго производства, обиліемъ ввоза и экономіею—однимъ словомъ, путемъ, принятымъ прежними помѣщиками, уѣзжавшими къ себѣ въ деревню поправлять разстроенныя имѣнія. Но этотъ путь—медленный и невѣрный въ виду постоянно осложняющихся внѣшнихъ политическихъ вліяній; и, кромѣ того, въ виду неимовѣрно низкаго паденія цѣнности кредитнаго рубля, можетъ истощить страну непомѣрными платежами по лажу и сбытомъ произведеній по пониженной цѣнѣ, если перекладывать цѣны на металлическій рубль. 2) Девальваціей—способъ самый легкій, но равный банкротству. 3) Путемъ займовъ, не всегда легко реализируемыхъ и сильно обременяющихъ казну.

Съ самаго паденія курса у насъ не было недостатка въ проектахъ способовъ возстановить нашу валюту. Не имѣя возможности пользоваться подлинными проектами возстановленія нашей валюты, за исключеніемъ проекта Вагнера, изложеннаго въ его книгѣ «Русскія бумажныя деньги», въ переводѣ проф. Бунге, мы останавливаемся на брошюрѣ г. Кауфмана: «Обзоръ проектовъ, вышедшихъ въ 1861—78 годахъ по вопросу о преобразованіи кредитной денежной системы Россіи», въ которой ясно изложены всѣ болѣе или менѣе серьезные проекты съ приложеніемъ критическихъ взглядовъ автора на эти проекты; такъ что всѣхъ желающихъ ближе ознакомиться съ подробностями всѣхъ 5 проектовъ, мы отсылаемъ къ этой брошюрѣ. Изъ 5 проектовъ, одинъ только Гольдманъ предлагаетъ девальвацію въ тѣсномъ смыслѣ этого слова; остальные такъ или иначе приводятъ къ большимъ или меньшимъ количествамъ займовъ. Но всѣ они,

за исключеніемъ проекта проф. Бунге и добавочныхъ словъ къ своему первому проекту г. Кауфмана, страдаютъ, къ несчастію, тѣмъ, что писаны еще до послѣдней восточной войны, когда приходилось считаться съ 570 милл. бумажныхъ рублей. Теперь же количество это возрасло до 1,133 милл. и, кромѣ того, государство обременено еще новымъ 5% долгомъ въ цѣлый милліардъ (2 выпуска банковыхъ билетовъ и 3 восточныхъ займа). Тѣмъ не менѣе и теперь, въ виду этого огромнаго не отвержденнаго долга, какъ г. Бунге, такъ и г. Кауфманъ, отвергая девальвацію въ общепринятомъ смыслѣ, предлагаютъ возстановить металлическое обращеніе главнымъ образомъ займами и отличаются другъ отъ друга только тѣмъ, что г. Кауфманъ предлагаетъ сдѣлать займы на кредитную валюту, а проф. Бунге, видимо смущенный количествомъ предстоящихъ новыхъ займовъ, старается по возможности щадить казначейство и предлагаетъ исключительно металлическіе займы, разсчитывая выгадать на курсѣ, такъ какъ 100 милл. металлическихъ рублей при теперешнемъ курсѣ нашего рубля можно погасить 160 милл. кредитныхъ билетовъ; разумѣется, не всѣ лишнія кредитныя бумажки, такъ какъ по мѣрѣ погашенія курсъ сталъ бы подниматься, слѣдовательно и бумажки стали бы погашаться все бóльшимъ и бóльшимъ количествомъ золота до al pari; а послѣднимъ 374 мил. бумажныхъ денегъ, признанныхъ проф. Бунге безопасными, пришлось бы возстановить свою нарицательную металлическую цѣнность даромъ.

Такой способъ погашенія кредитныхъ рублей г. Кауфманъ считаетъ неправильнымъ, научно непослѣдовательнымъ и не совмѣстнымъ съ отрицаніемъ девальваціи. Съ точки зрѣнія научнаго турнира г. Кауфманъ и правъ, можетъ быть; по нашему же мнѣнію, въ такомъ серьезномъ дѣлѣ, какъ приведеніе государственнаго хозяйства въ порядокъ, не мѣсто гнаться за научнымъ пуризмомъ и рутиною, а напротивъ того, необходимо остановиться на наименѣе обременительныхъ способахъ выйти съ честью изъ затруднительнаго положенія. Способъ г. Кауфмана, при всей своей научной строгости отличается крайнею несправедливостью и щедростью относительно кредиторовъ казначейства. Смѣясь надъ тѣмъ, что возстановленіе нарицательной цѣны кредитнаго рубля достается даромъ только 374 милл. рублямъ въ проектѣ проф. Бунге, онъ желаетъ сдѣлать этотъ подарокъ всѣмъ 1,133 милл. кредитныхъ бумажекъ, превративъ худыя, обладающія 62% металлической стоимости безпроцентныя бумажки въ хорошія процентныя, обладающія полною стоимостью металлическаго

рубля. Такой подарокъ онъ хочетъ сдѣлать не только всѣмъ владѣльцамъ кредитныхъ бумажекъ, но также и всѣмъ владѣльцамъ прежнихъ займовъ, совершенныхъ на худыя бумажки, для чего г. Кауфманъ предлагаетъ въ то же время обременить казначейство новымъ ежегоднымъ расходомъ въ 42 мил. руб.—Справедливо ли это, спрашивается, если даже и научно? Если научность требуетъ такого безусловнаго дарового возстановленія цѣнности кредитнаго рубля для его настоящихъ обладателей, то почему же не идти далѣе и не начать вознаграждать всѣхъ тѣхъ, кто терпѣлъ отъ потери цѣнности рубля—всѣхъ, получавшихъ за это время жалованье худыми рублями. Но, если мы не можемъ серьезно допустить разсужденія о такомъ вознагражденіи для получавшихъ жалованье худыми рублями, тѣмъ не менѣе немыслимо, по нашему мнѣнію, вознаграждать хорошими рублями тѣхъ, кто наживался на счетъ этого худого рубля. Извѣстно, что наживаются худыми рублями, выпускаемыми во время войны, всевозможные поставщики во время военныхъ дѣйствій. Послѣдняя война стоила милліарда облигацій и 417 милл. безпроцентныхъ кредитныхъ билетовъ, изъ-за нея выпущенныхъ. Милліардъ 5% облигацій (на 800 милл. три восточныхъ займа и на 200 милл. два банковыхъ выпуска) былъ выпущенъ подъ такія же обезцѣненныя бумажки. Справедливо ли, спрашивается, отягощать казначейство новыми займами для возстановленія металлической цѣнности такихъ облигацій, уплаченныхъ худыми рублями, и цѣною новыхъ налоговъ дарить 38% владѣльцамъ этихъ облигацій.

Если во время войны не было времени разсуждать о справедливомъ распредѣленіи налоговъ и убытковъ для ея покрытія и простое печатаніе кредитныхъ бумажекъ было самымъ наибыстрѣйшимъ и легчайшимъ средствомъ удовлетворить настоятельнымъ нуждамъ, то теперь есть полнѣйшій просторъ обсудить болѣе справедливое распредѣленіе тягостей, вызванныхъ войной и до сихъ поръ еще не устроенныхъ. По нашему мнѣнію, прежде нежели приступить къ новымъ займамъ (которыхъ, по мнѣнію г. Кауфмана, слѣдуетъ сдѣлать еще на 900 милл. кредитныхъ рублей, а по мнѣнію г. Бунге, на 700 м. металлическихъ), необходимо регулировать прежніе займы, совершенные на худые рубли, и тѣмъ сократить въ извѣстной мѣрѣ количество новыхъ займовъ для возстановленія цѣнности рубля.

Количество русскихъ займовъ такъ велико и они такъ давятъ на нашъ торговый балансъ и валюту при малѣйшемъ замѣшательствѣ на западѣ, что стоитъ задуматься надъ тѣмъ, какъ

облегчить себѣ новую петлю. Поэтому было бы совершенно согласно съ справедливостью до возстановленія цѣнности кредитнаго рубля обратить всѣ займы, сдѣланные на кредитные рубли, въ металлическіе. Нѣчто подобное имѣлъ, повидимому, въ виду проф. Бунге, чтó видно изъ брошюры Кауфмана; но при этомъ, къ сожалѣнію, г. Бунге предполагалъ произвести эту конверсію въ такой формѣ, въ какой она едва ли могла практически осуществиться, т.-е. пригласить владѣльцевъ кредитныхъ облигацій добровольно обмѣнять ихъ на металлическія, на что они, имѣя въ виду скорое возстановленіе цѣнности кредитнаго рубля, добровольно бы не пошли, по справедливому замѣчанію г. Кауфмана, предпочитая получить это возстановленіе даромъ.

Но этотъ обмѣнъ, по нашему мнѣнію, могъ бы совершиться добровольно совершенно инымъ путемъ. Для этого нужно только, вопреки мнѣнію г. Кауфмана, признать, что металлическіе займы составляютъ мѣру, вполнѣ оправдываемую положеніемъ вещей и соотвѣтствующую общимъ послѣдствіямъ неразмѣнности, съ которыми мирилось государство до сихъ поръ. Дѣйствительно, если до сихъ поръ строгая наука не находила ничего предосудительнаго въ томъ, что правительство платило кредитными рублями вмѣсто металлическихъ, принимая за то тѣ же кредитные рубли само въ уплату, то нѣтъ ничего непослѣдовательнаго въ томъ, если, занимая металлическими рублями и принимая на себя уплату по займамъ металлическими же рублями, оно въ то же время требуетъ внести займы на металлическую валюту. Мало того, оно собственно и не можетъ поступить иначе, ибо въ противномъ случаѣ, т.-е., занимая кредитные рубли съ обязательствомъ возвратить металлическими, оно очевидно могло бы совершить такой возвратъ только насчетъ тѣхъ податныхъ средствъ, изъ которыхъ оно черпаетъ всѣ свои рессурсы, обрушивъ такимъ образомъ всю тягость займовъ для возстановленія курса исключительно на наименѣе имущія сословія для того, чтобы сдѣлать подарокъ наиболѣе имущимъ.

Поэтому, находя, что правительство имѣетъ полное право остановиться на металлическихъ займахъ, мы полагаемъ, что путемъ подобной мѣры можетъ быть сдѣланъ первый серьёзный шагъ къ рѣшенію предстоящей задачи. Правительство можетъ объявить металлическій заемъ на всю сумму, необходимую для того, чтобы покончить съ кредитными процентными долгами, которые слѣдуетъ регулировать прежде, чѣмъ обратиться къ кредитнымъ билетамъ, сумма которыхъ равняется 1133 милліонамъ рублей.

Принимая, что въ настоящее время биржевая цѣна 5% консолей равняется 135½ руб. кредитныхъ, и допуская, что вслѣдствіе новаго металлическаго займа, эта цѣна можетъ понизиться, новый металлическій заемъ можетъ быть выпущенъ съ уплатой по 132 руб. кредитными за 100 металлическихъ. Изъ этой суммы только 32 руб. должны быть внесены наличными деньгами, остальные же 100 могутъ быть, въ видѣ льготы, вносимы облигаціями прежнихъ внутреннихъ займовъ по ихъ нарицательной цѣнѣ, вслѣдствіе чего владѣльцы означенныхъ облигацій (биржевая цѣна которыхъ 92 руб. за сто) будутъ имѣть прямой расчетъ обмѣнять ихъ на металлическія, такъ какъ при этомъ они получатъ выгоды по 8 рублей на каждую облигацію, составляющихъ разницу между номинальнымъ и биржевымъ курсомъ этихъ облигацій.

Въ газетахъ сообщалось, что вслѣдствіе однихъ слуховъ о девальваціи многіе стали переводить свои капиталы за границу для большей безопасности. Спрашивается, не въ кредитныхъ же рубляхъ они переводили свои капиталы; навѣрное, добровольно девальвировали, мѣняя кредитные рубли на золото или на металлическіе здѣшніе, а еще того менѣе выгодно, на заграничные займы. Неужели такимъ пугливымъ не выгоднѣе обмѣнять свои кредитные капиталы здѣсь на металлическіе и притомъ при тѣхъ выгодныхъ условіяхъ, какія предложены нами.

Поэтому можно думать, что предложеннымъ нами путемъ кредитныя облигаціи будутъ привлечены добровольно къ обмѣну на новыя металлическія. Правительство же, если ограничится конверсіею лишь послѣдняго милліарда внутреннихъ займовъ, такъ какъ прежніе менѣе многочисленные займы сдѣланы были при болѣе высокомъ курсѣ нашего рубля и нѣкоторые даже при al pari—получитъ въ свое распоряженіе около 320 милл. руб.

На счетъ этой суммы слѣдовало бы прежде всего погасить 216 милл. серій, которыя, не будучи кредитными бумажками, усложняютъ дѣло тѣмъ, что пользуются ихъ нѣкоторыми правами, потому что принимаются въ уплату налоговъ и податей, а между тѣмъ представляютъ процентный долгъ. Остальные 104 милл. могутъ быть присоединены къ тѣмъ 120 милл., которые лежатъ въ государственномъ банкѣ, согласно указу 1-го января 1881 года, и подлежатъ погашенію. Принимая все количество кредитныхъ рублей въ 1,133 милл., и вычтя изъ нихъ выше упомянутые 104+120 лежащихъ въ государственномъ банкѣ и подлежащихъ погашенію, получится въ остаткѣ 909 милл. Если изъ нихъ вычесть еще 374 милл., признаваемыхъ безопасными

проф. Бунге, то у насъ остаются еще 535 милл. подлежащихъ отверждению; изъ нихъ 335 милл. мы предложили бы погасить новыми металлическими займами по курсу. Займы эти могутъ быть заключены для удобства въ три срока, смотря по благопріятнымъ условіямъ европейскихъ денежныхъ рынковъ и не болѣе какъ на 300 милл. руб. металлическихъ, такъ какъ курсъ, хотя и подымется вслѣдствіе сокращенія извѣстнаго количества бумажекъ и серій, все-таки не будетъ al pari и дастъ возможность погасить этими 300 милл. по меньшей мѣрѣ 335 милл. кредитныхъ. Кромѣ того, займы эти должны быть совершены по возможности на кратчайшій срокъ, какъ это предлагаютъ и Вагнеръ, и Бунге, и съ болѣе высокимъ %, поближе къ al pari, какъ совѣтуютъ они оба для того, чтобы понизить %, какъ только эти займы подымутся выше al pari. Послѣдніе же излишніе, не отвержденные 200 милл. руб., мы бы предложили выбрать посредствомъ новыхъ серій съ обязательнымъ ихъ погашеніемъ въ теченіе 6 лѣтъ, что можетъ быть легко выполнено на счетъ 50 милл., которые должны входить въ бюджетъ для ежегоднаго погашенія согласно указу 1 января 1881 года.

Для того, чтобы уяснить читателю, почему мы, предложивъ начать съ погашенія серій, кончаемъ предложеніемъ выпустить ихъ снова, считаемъ нужнымъ сказать нѣсколько пояснительныхъ словъ.

Дѣло въ томъ, что настоящія серіи представляютъ собою цѣнность кредитнаго рубля, т. е. 62 копѣйки металлическихъ, почему погашеніе ихъ въ самомъ началѣ представляется очевидно выгоднымъ; кромѣ того, онѣ требуютъ ежегоднаго расхода по процентамъ 9.331,200 руб. Сокративъ этотъ долгъ, мы получимъ возможность употребить эти 9,331,200 руб., до полнаго уничтоженія лажа, на платежи % по тѣмъ 320 милл., которые предположили выше занять для конверсіи кредитныхъ облигацій въ металлическія. Новыя же серіи мы разсчитываемъ выпустить, когда курсъ кредитнаго рубля будетъ приблизительно 90—95 коп. металлическихъ; такъ что, погашая новыя серіи полнымъ металлическимъ рублемъ, казначейство будетъ терять всего отъ 10 до 5% вмѣсто 38%, которые пришлось бы терять, погашая металлическимъ рублемъ теперешнія серіи.

Кромѣ того, мы считаемъ займы въ видѣ серій выгодными потому, что они могутъ быть совершены при болѣе низкомъ % и al pari. Помимо этого, серіи будутъ представлять еще ту выгоду, что восполнять на первое время недостатокъ въ деньгахъ,

который долженъ будетъ чувствоваться при сравнительно быстромъ сокращеніи количества кредитныхъ рублей.

Выпускомъ означенныхъ серій мы думаемъ довершить возстановленіе цѣнности кредитнаго рубля, причемъ казначейство не только не будетъ обременено новыми ежедневными платежами, но еще получитъ ежегодную экономію, которая образуется слѣдующимъ образомъ:

Платежи по существующимъ металлическимъ займамъ, согласно государственной росписи на 1883 годъ, составляютъ 103.690,600; платежи по министерству иностранныхъ дѣлъ и заграничнымъ плаваніямъ 5.606,151; а тѣхъ и другихъ вмѣстѣ 109.296,751 руб.; слѣд., съ возстановленіемъ курса и уничтоженіемъ лажа (принимая настоящую стоимость кредитнаго рубля въ 62 коп. металлическихъ) получится ежегодная экономія въ 41.533,766 руб. по вышеприведеннымъ заграничнымъ платежамъ государства; да на сокращеніи платежей % на 16 милл. невозобновленныхъ серій — 691 тысяча, и потому всего 42.224,966, не говоря уже объ экономіи, которая можетъ получиться отъ сокращенія лажа по платежамъ заказовъ военнаго и морского министерства. Изъ этихъ 42.224,966 руб., 24 милл. могутъ быть употреблены на платежъ % и погашеніе въ теченіи 24 лѣтъ новаго внѣшняго металлическаго займа въ 300 милл. руб., а 18.224,966 будутъ оставаться въ ежегодной экономіи. А такъ какъ новыя серіи мы предполагаемъ погасить въ теченіе 6 лѣтъ изъ 50 милл., входящихъ въ бюджетъ для погашенія, согласно указу 1-го января 1881 года, то изъ этихъ 50 милл. будетъ оставаться ежегодно экономіи около 17,000,000 руб., что́, вмѣстѣ съ вышеупомянутою ежегодною экономіею въ 18.224,966, составитъ 35.224,966, которые, по нашему мнѣнію, слѣдовало бы употреблять на покупку и погашеніе прежнихъ металлическихъ займовъ, когда они прибываютъ въ массѣ на нашъ рынокъ и давятъ на цѣны нашего рубля.

Весь этотъ процессъ превращенія обезцѣненнаго рубля въ цѣнный долженъ, по нашему мнѣнію, совершиться безотлагательно, пока еще не вполнѣ привились и установились цѣны, соотвѣтственныя лажу, внутри страны.

Вообще, пока существуетъ у насъ такой непомѣрно высокій лажъ, до тѣхъ поръ Россія не можетъ считать себя сильной и самостоятельной. Она будетъ постоянно переплачивать за все получаемое изъ-за границы и, несмотря на видимое поднятіе цѣнъ ея товаровъ, будетъ въ сущности продавать за безцѣнокъ свое сырье. Всѣ лучшіе экономисты, государственные люди и патріоты,

которымъ дорога родина, стремились при первой же возможности возстановить цѣнность своихъ денегъ и старались привлечь въ свою страну золото и замѣнить имъ бумажки. Въ настоящее время во главѣ финансоваго управленія стоитъ экономистъ, который, судя по его проекту, также долженъ быть болѣе или менѣе озабоченъ возстановленіемъ денежной единицы. И даже изъ новыхъ указовъ о разрѣшеніи сдѣлокъ на золото мы видимъ, что онъ хочетъ, повидимому, дать право гражданства золоту; но пока въ странѣ такое обиліе бумажныхъ денегъ, золото неминуемо будетъ уходить изъ страны, какъ это прекрасно доказалъ Вагнеръ въ своей книгѣ «О русскихъ бумажныхъ деньгахъ». И потому мы видимъ въ этомъ указѣ только прологъ, за которымъ, надѣемся, послѣдуетъ самое дѣйствіе.

Но мы знаемъ, что одно дѣло—писать проектъ со стороны, а совершенно другое—проводить его въ качествѣ лица власть имѣющаго и несущаго на себѣ всю отвѣтственность за удачи и еще болѣе неудачи; поэтому, намъ кажется необходимымъ въ этихъ случаяхъ давать полный просторъ высказаться людямъ со стороны, такъ какъ людямъ со стороны и не заинтересованнымъ отвѣтственностью, находящимся внѣ борьбы различныхъ интересовъ, всегда виднѣе выгоды и невыгоды извѣстнаго дѣла. Мы главнымъ образомъ желали бы, чтобы лица, облеченныя властью, вполнѣ выяснили себѣ планъ дѣйствія и твердо и энергично принялись за его выполненіе, не стѣсняясь рутиною, держась лишь чувства справедливости, не смущаясь возраженіями лицъ, прямо заинтересованныхъ въ сохраненіи существующаго порядка вещей.

Какъ бы ни благотворны были послѣдствія возстановленія цѣнности рубля, оно не можетъ быть совершено даромъ, безъ всякихъ жертвъ; но жертвы эти вполнѣ оправдываются цѣлью. «Что можетъ быть хуже того,—пишетъ Вагнеръ,—что могущественные голоса заинтересованы не только въ сохраненіи, но и въ *возвышеніи* лажа и, наконецъ, *въ упадкѣ* [1]) лажа видятъ тяжкое нарушеніе своихъ интересовъ? Коль скоро принимаются мѣры къ возстановленію денежной единицы и къ устраненію лажа, то противъ этого возстаетъ, хотя болѣе тайно, чѣмъ явно, могущественная протекціонистская партія, со всѣми находящимися въ ея распоряженіи средствами. Фабриканты и банкиры идутъ одною дорогою. Это оказывалось въ Австріи, каждый разъ, при многочисленныхъ попыткахъ возстановить денежную единицу; это обнаружилось и въ Россіи, въ 1862 году. Съ

---

[1]) Курсивъ въ подлинникѣ.

истиннымъ фанатизмомъ сдѣлано было нападеніе на попытку устранить лажъ въ Соединенныхъ Штатахъ. Противники бумажныхъ денегъ, точно такъ же какъ и противники протекціонизма, провозглашаются кликою своекорыстныхъ фабрикантовъ—измѣнниками, и клеймятся какъ люди, которые продали себя иностранцамъ. А толпа вторитъ за-одно!»

Если государственные люди Италіи сочли нужнымъ приступить, при первой возможности, къ возстановленію металлической единицы въ то время, когда лажъ ихъ уже не простирался выше 12%; тѣмъ болѣе обязана сдѣлать это Россія, лажъ которой, благодаря отсутствію мѣропріятій къ его устраненію, дошелъ до 38% и держится упорно на этомъ уровнѣ. Помимо временныхъ затрудненій и кризисовъ, которые придется потерпѣть людямъ, наживающимся на счетъ лажа, вся страна выиграетъ гораздо болѣе, чѣмъ Италія,—въ виду того, что экономія на лажѣ по заграничнымъ платежамъ для нея выходитъ огромнѣе, нежели для Италіи, гдѣ лажъ былъ болѣе чѣмъ втрое менѣе, когда приступлено было къ его уничтоженію. Самая же главная и существенная для Россіи выгода отъ устраненія лажа, это—превращеніе обезцѣненія ея товаровъ и пріобрѣтеніе торговой и финансовой независимости.

Д. Тороховъ.

ДИТЯ МОРЯ

Очерки изъ новѣйшаго романа Іеронима Лорма.

VI *).

Въ одной изъ бѣдныхъ рыбацкихъ деревушекъ, на непріютномъ песчаномъ берегу Балтійскаго моря, много лѣтъ тому назадъ, жилъ Георгъ Ронзенъ, по промыслу рыбакъ. Среди обитателей деревни, грубыхъ, одичавшихъ моряковъ и рыболововъ, Ронзенъ выдавался не только необыкновенной физической силой, но и недюжиннымъ умомъ и познаніями. Онъ былъ родомъ изъ Норвегіи. Оставшись въ раннемъ дѣтскомъ возрастѣ круглымъ сиротой, онъ поступилъ на попеченіе деревенской общины. Его безрадостное дѣтство прошло въ усиленномъ трудѣ, лишеніяхъ и униженіи. Когда ему минуло 10 лѣтъ, пришло извѣстіе о какомъ-то дядѣ его, который давно уже покинулъ родину, перешелъ въ католичество и сдѣлался священникомъ гдѣ-то въ Австріи. Передъ смертью онъ завѣщалъ все свое имущество малолѣтнему племяннику, Георгу Ронзену, съ тѣмъ условіемъ, чтобы Георгъ поступилъ въ монастырскую школу въ Богеміи и по окончаніи ученья сталъ священникомъ. Мальчика отправили въ Богемію.

Въ монастырской школѣ мальчикъ занимался съ необыкновеннымъ рвеніемъ и выказалъ рѣдкія способности. Больше всего ему нравились естественныя науки, и въ особенности изученіе моря, съ которымъ были связаны воспоминанія о родинѣ. Онъ основательно изучилъ естественную исторію моря и предметомъ

---

*) См. выше: іюль, стр. 95.

его горячихъ желаній было посвятить себя научной дѣятельности на этомъ поприщѣ.

Но по мѣрѣ того, какъ приближалось время принятія священства, въ его душѣ все чаще стали являться сомнѣнія въ навязанной ему религіи и отвращеніе къ навязанному призванію. Къ этому присоединилась еще тоска по родинѣ, и въ одинъ прекрасный день онъ убѣжалъ изъ монастыря и пустился странствовать. Недостатокъ практической сноровки сказался на первыхъ шагахъ, и онъ съ трудомъ могъ пробиваться. Не достигнувъ родины, онъ поселился на берегу Балтійскаго моря у одного стараго рыбака, которому, благодаря своей геркулесовской силѣ, онъ оказалъ большую услугу при рыбной ловлѣ. Сначала онъ думалъ остаться тутъ недолго, но затѣмъ выписалъ небольшую библіотеку, оставшуюся у него на родинѣ, и рѣшилъ поселиться въ этой мѣстности навсегда. Послѣ смерти старика онъ остался въ хижинѣ одинъ и продолжалъ свой промыселъ.—Онъ не былъ счастливъ: безрадостное дѣтство и одиночество монастырской жизни наложили на него меланхолическій отпечатокъ. Единственнымъ отдыхомъ отъ тяжкаго труда, единственнымъ утѣшеніемъ въ однообразной жизни, служило ему изученіе окружавшей его природы. Онъ вполнѣ сроднился съ моремъ. Съ своей трудовой одинокой жизнью, съ жизнью безъ общества, безъ сильныхъ радостей и горя, онъ до того свыкся, что считалъ себя обезпеченнымъ отъ перемѣнъ и случайностей людского существованія. Но одному случайному обстоятельству суждено было дать его жизни новое направленіе.

Однажды недалеко отъ той мѣстности, гдѣ жилъ Георгъ, разбилось парусное судно. Георгъ, вмѣстѣ съ другими, поспѣшилъ къ мѣсту крушенія. Въ числѣ потерпѣвшихъ онъ увидѣлъ женщину лѣтъ 30, которая сидѣла на берегу, ломая руки. Она была англичанка. На разспросы Георга, который хорошо владѣлъ иностранными языками, она объяснила, что потеряла всѣ свои скудные достатки и теперь не знаетъ, чтó предпринять, такъ какъ она одна въ мірѣ и ни откуда не можетъ ждать помощи. Она не была красива (впрочемъ, на Ронзена, никогда съ женщинами не сталкивавшагося, женская красота едва ли могла бы произвести впечатлѣніе). Его поразила судьба этой одинокой, безпомощной женщины, столь сходная съ его собственной участью. Онъ предложилъ ей свою помощь, и она, разбитая горемъ, согласилась, не задумываясь. Онъ отвезъ ее въ деревню и помѣстилъ въ знакомомъ семействѣ.

На другой день, отдохнувши послѣ пережитыхъ потрясеній,

она разсказала ему немногосложную исторію своей жизни. Ее звали Эллой Роклеть. Она родилась въ Лондонѣ, гдѣ жила одна съ младшимъ братомъ, Джономъ, человѣкомъ слабымъ, болѣзненнымъ, нуждавшимся въ постоянномъ уходѣ. Они сначала жили на небольшія средства, оставшіяся послѣ родителей, но когда эти средства истощились, братъ поступилъ прикащикомъ въ лавку, а Элла стала заработывать кое-что уроками и занятіями въ конторѣ (она еще при жизни отца познакомилась съ торговой частью и привыкла къ дѣлу); бо́льшую же часть времени она по прежнему посвящала уходу за своимъ хилымъ братомъ. Такимъ образомъ они жили до тѣхъ поръ, пока между ними не возникли крупныя несогласія: Джонъ изъ эгоистическихъ видовъ хотѣлъ во чтобы то ни стало выдать свою сестру замужъ за своего хозяина, богатаго, но стараго и больного купца. Элла увидѣла, что дальнѣйшая совмѣстная жизнь немыслима. Она рѣшилась попробовать счастья въ Германіи въ качествѣ учительницы и отправиться моремъ въ Данцигъ. Исходъ этотъ ей подсказало единственно то обстоятельство, что мать ея, когда-то, еще дѣвушкой, успѣшно занималась преподаваніемъ англійскаго языка въ этомъ городѣ. Раздѣливши достатки, пріобрѣтенные путемъ долгаго труда и лишеній, братъ и сестра простились на вѣки. Такова была исторія англичанки, очутившейся на попеченіи Георга.

Въ жизни Георга наступилъ рѣзкій переломъ. Разъ взятая на себя обязанность заботиться о другомъ существѣ вывела его изъ его обычной меланхоліи и одиночества, а по мѣрѣ того, какъ онъ ближе знакомился съ Эллой, онъ научился цѣнить ея рѣдкія душевныя качества. Съ своей стороны и она не могла не видѣть его умственнаго превосходства, его простоты и искренности. Кончилось тѣмъ, что они стали необходимыми другъ для друга и черезъ короткое время они сдѣлались мужемъ и женой.

Они зажили мирно и счастливо. Элла съ перваго же дня приступила къ своимъ новымъ тяжелымъ обязанностямъ. Взаимная любовь, подобно солнечному лучу, согрѣвала ихъ скромную трудовую жизнь.

Черезъ нѣсколько лѣтъ у нихъ родилась дѣвочка, которую окрестили Герминой. Когда она подросла и оказалась необыкновенно красивымъ и способнымъ ребенкомъ, тогда только у родителей впервые проснулось желаніе обладать бо́льшими средствами и жить въ лучшей обстановкѣ. Ужъ и теперь дѣвочка, благодаря развитію и познаніямъ, пріобрѣтеннымъ отъ родителей, не находила себѣ подругъ въ деревушкѣ. Что же будетъ

послѣ? Для Эллы наступили дни печали и заботъ. Думы о будущности ребенка лишили и Георга его обычнаго спокойствія и равнодушія къ земнымъ благамъ.

Случай и тутъ, повидимому, благопріятствовалъ ему. Однажды, во время рыбной ловли въ заливѣ, онъ неводомъ вытащилъ кусокъ янтаря. Георгъ, не перестававшій изучать окружавшую его природу, уже давно пришелъ къ заключенію, что въ морѣ, омывавшемъ эти пустынные берега, должны скрываться значительныя количества янтаря. Находка, къ величайшей радости его, вполнѣ подтвердила его теоретическія догадки. Но Элла, съ свойственной ей практичностью, увидѣла въ находкѣ мужа средство поправить свое незавидное матеріальное положеніе. Ей казалось необходимымъ посовѣтоваться съ какимъ-либо болѣе или менѣе практическимъ человѣкомъ и достать небольшія средства для первыхъ изысканій. Конечно, безполезно было бы искать такого человѣка среди бѣдныхъ полу-дикихъ рыбаковъ, обитателей деревушки. Но въ эту мѣстность по временамъ пріѣзжалъ нѣкій Файтъ Ульменгольцъ, мелкій торговецъ. Онъ продавалъ разные товары окрестнымъ жителямъ и по слухамъ успѣлъ скопить небольшое состояніе. Эллѣ онъ не особенно нравился, но у нея выбора не было, и поэтому она къ нему обратилась съ просьбой высказать свое мнѣніе о новомъ предпріятіи. Ульменгольцъ не только одобрилъ планъ Эллы, но изъявилъ желаніе войти въ компанію съ Георгомъ и дать нужныя средства для первыхъ развѣдокъ. Когда эти развѣдки убѣдили всѣхъ участниковъ, что предпріятіе обѣщаетъ дать огромные доходы, Ульменгольцъ продалъ свою походную лавочку, заключилъ съ Георгомъ контрактъ, по которому они дѣлаются половинными участниками предпріятія, и сталъ хлопотать у правительства объ арендованіи части береговой полосы для добыванія янтаря. Правительство согласилось на его просьбу, но потребовало довольно крупнаго залога для обезпеченія исправной уплаты арендной суммы. Ульменгольцъ не могъ или не захотѣлъ рисковать такой крупной суммой, и поэтому рѣшено было стараться достать эти деньги на сторонѣ. Тогда Элла рѣшилась привести въ исполненіе давно задуманный планъ, — поѣхать въ Данцигъ разыскать бывшихъ друзей ея матери. У нея была смутная надежда, что ей удастся у нихъ или при ихъ помощи отыскать нужную сумму денегъ.

Если съ самаго начала Ульменгольцъ не возбуждалъ симпатіи Ронзеновъ, то теперь, ставши компаньономъ, онъ на каждомъ шагу обнаруживалъ крайне непривлекательныя качества,—

неразвитость, непониманіе дѣла, жадность и даже нечестность въ дѣлахъ. «Если бы я не былъ честнымъ человѣкомъ,—повторялъ онъ очень часто,—я бы могъ присвоить себѣ всѣ выгоды предпріятія и не дать вамъ ни гроша. Надѣюсь, что вы, Георгъ, съумѣете оцѣнить мое благородство». Но Элла увидѣла свою ошибку слишкомъ поздно, когда контрактъ уже былъ заключенъ. Пришлось продолжать вести дѣло съ нимъ. Съ большимъ трудомъ удалось убѣдить Ульменгольца дать денегъ для поѣздки Ронзеновъ въ Данцигъ.

Въ Данцигѣ всѣ поиски Эллы остались безуспѣшны: всѣ знакомые ея матери умерли. Но во время этихъ поисковъ она случайно познакомилась съ однимъ французскимъ семействомъ, оставшимся въ Данцигѣ еще съ наполеоновскаго нашествія. Глава семейства, Жюль Понсеро, агентъ кораблестроительной фирмы, принялъ живое участіе въ судьбахъ и планахъ Ронзеновъ и всей душой привязался къ маленькой Герминѣ. Сынъ его, Викторъ, инженеръ, тоже одобрилъ планъ Ронзена, и старикъ Понсеро досталъ нужныя для залога деньги и далъ ихъ Георгу съ тѣмъ лишь условіемъ, чтобы Викторъ принялъ участіе въ новомъ предпріятіи въ качествѣ главнаго инженера.

Дѣло устроилось, и черезъ нѣсколько лѣтъ успѣхъ превзошелъ всѣ ожиданія. Въ концѣ пятаго года Георгъ имѣлъ на свою долю 40,000 талеровъ чистой прибыли. Ронзены переселились въ городъ, лежавшій у залива, гдѣ производилась ловля янтаря. Георгъ и Викторъ проводили все время у моря, наблюдая за работами, а Элла завѣдывала городской конторой; она вела коммерческую часть предпріятія, успѣла завязать сношенія съ Англіей и англійскими колоніями. Счастіе и благосостояніе, повидимому, улыбались предпринимателямъ.

Для Гермины, которой въ то время было около 14 лѣтъ, тоже наступили болѣе веселые дни: она уже не была одинока, какъ прежде; у нея была теперь подруга, веселая, живая, разговорчивая, и такое же дитя моря, какъ и она сама. Эта подруга была Руперта, дочь эстляндскаго штурмана, проведшая все свое дѣтство на морѣ, на корабляхъ, гдѣ служилъ отецъ. Ее однажды привезли полу-мертвую съ большого русскаго корабля, гдѣ она была вмѣстѣ съ отцомъ, на берегъ. Она упала съ мачты и опасно ушиблась, и отецъ привезъ лечить ее въ городъ. Ронзены приняли ее къ себѣ и взялись ходить за ней. Гермина съ первой же минуты привязалась къ бѣдному страждущему существу. Въ теченіе болѣзни и выздоравливанія она ходила за ней съ величайшей любовью и самоотверженіемъ. Руперта бого-

творила Гермину, признавая ее какимъ-то высшимъ существомъ. Обѣ дѣвушки жили теперь душа въ душу, и дали торжественный обѣтъ никогда не разставаться. Отъ времени до времени пріѣзжалъ къ нимъ отецъ Руперты и оставался всегда доволенъ успѣхами своей дочери. Элла занималась ея воспитаніемъ, и она оказалась чрезвычайно способной ученицей. Только въ двухъ отношеніяхъ всѣ усилія Эллы оставались тщетны: во-первыхъ, ей никакъ нельзя было научить Руперту говорить на чистомъ нѣмецкомъ языкѣ, а во-вторыхъ не удалось подавить въ ней чрезмѣрную склонность къ гимнастическимъ упражненіямъ; высшимъ наслажденіемъ для нея были посѣщенія цирковъ, по временамъ появлявшихся въ городѣ, причемъ она каждый разъ послѣ представленія продѣлывала дома всѣ штуки, которыя видѣла въ циркѣ. Элла, къ своему прискорбію, должна была въ концѣ концовъ отказаться отъ намѣренія исправить въ дѣвушкѣ эту ненормальную наклонность, развившуюся очевидно во время дѣтства.

Мирную, счастливую полосу, наступившую въ жизни Ронзеновъ, омрачало лишь одно обстоятельство; это было поведеніе ихъ компаньона, Файта Ульменгольца.

Элла уже давно замѣчала, что компаньонъ поступаетъ относительно ихъ не совсѣмъ честно. Но онъ такъ ловко велъ свои плутни, что уличить его не было возможности. Да у Георга не хватило бы духу затѣять исторію, которая къ тому же повела бы и ко вреду для самаго дѣла. Но Ульменгольцъ въ то же время постоянно жаловался на малые доходы и огромные расходы предпріятія и давалъ понять, что смотритъ на Георга, какъ на человѣка лишняго, котораго онъ до поры до времени терпитъ только по собственной добротѣ. Вскорѣ дѣла приняли еще болѣе дурной оборотъ. — Уже нѣсколько разъ Ульменгольцъ говорилъ о какомъ-то планѣ, который долженъ значительно увеличить выгоды предпріятія. Однажды онъ привелъ горнаго инженера, нѣкоего Пуммерера, который подробно развилъ этотъ планъ. По его мнѣнію, янтарь въ тѣхъ мѣстностяхъ находится не только на днѣ моря; огромныя количества его должны находиться засыпанными наноснымъ пескомъ береговой полосы. Добываніе этого янтаря при помощи заложенія шахтъ должно быть гораздо выгоднѣе, чѣмъ добываніе его изъ моря при помощи водолазовъ. Ульменгольцъ, Викторъ Понсеро, Элла и нѣсколько спеціалистовъ, приглашенныхъ дать свое мнѣніе, всѣ высказались въ пользу этого плана. Одинъ только Георгъ былъ рѣшительнымъ противникомъ его. Онъ указывалъ на рискованность закладывать шахты въ такомъ ненадежномъ грунтѣ, каковъ наносный

береговой песокъ, который нерѣдко, послѣ сильныхъ бурь, передвигается съ мѣста на мѣсто. Но такъ какъ всѣ участники и спеціалисты, не смотря на его возраженія, стояли за планъ Пуммерера, онъ уступилъ большинству, и раскопки начались. Георгъ не переставалъ считать ихъ безполезными и рискованными, но это не мѣшало ему съ величайшей добросовѣстностью завѣдывать работами.

Опасенія Георга Ронзена, къ несчастью, оправдались слишкомъ скоро. Предвидѣнная имъ развязка наступила и обрушилась страшной катастрофой на все семейство. Шахта уже была почти готова, какъ внезапно всѣ стихіи, повидимому, соединились для ея разрушенія. Послѣ сильной бури слой песку, въ которомъ была заложена шахта, подался, работа была отчасти засыпана пескомъ, отчасти потоплена, погибло нѣсколько человѣкъ, и въ числѣ погибшихъ былъ Георгъ Ронзенъ.

Когда для Эллы прошли первыя минуты отчаянія, она снова занялась дѣлами и главной заботой ея было—матеріально обезпечить Гермину. Но и тутъ ее ждалъ неожиданный ударъ. Въ бумагахъ Георга Элла не нашла новаго контракта, который онъ заключилъ съ Ульменгольцомъ, когда рѣшено было начать новыя работы. Пользуясь этимъ,Ульменгольцъ засчиталъ на долю Ронзеновъ огромные убытки, проистекшіе отъ неудачи этихъ работъ. Элла протестовала противъ этого, утверждала, что убытки по неудавшемуся предпріятію должны пасть равномѣрно на обоихъ компаньоновъ. Ульменгольцъ оставался глухъ ко всѣмъ возраженіямъ; онъ отвѣчалъ, что Георгъ велъ раскопки на свой собственный рискъ, и что онъ, Ульменгольцъ, не отвѣтственъ за убытки. Наконецъ онъ сталъ угрожать и предложилъ Эллѣ обратиться къ судамъ. По сведеніи окончательнаго разсчета онъ выдалъ Эллѣ 3000 талеровъ и категорически объявилъ, что больше не намѣренъ имѣть съ ней дѣла.

Элла очутилась въ безвыходномъ положеніи. При отсутствіи законныхъ документовъ и свидѣтелей,—инженеръ Пуммереръ, который зналъ объ условіяхъ, заключенныхъ между компаньонами, исчезъ неизвѣстно куда,—при ничтожности денежныхъ средствъ, ей нечего было думать начать процессъ противъ такого могущественнаго человѣка, какимъ въ то время уже сдѣлался Ульменгольцъ. Ей даже не къ кому было обратиться за совѣтомъ. Къ довершенію всего, страшныя потрясенія, вынесенныя ею за послѣднее время, сильно пошатнули ея и безъ того не особенно крѣпкій организмъ. Съ каждымъ днемъ она все больше ощущала упадокъ силъ и здоровья; она ясно сознавала, что ей не-

долго остается жить, и, хотя она уже ничего не ждала для себя отъ будущаго, мысль о смерти приводила ее въ ужасъ; сотни разъ въ день она задавала себѣ вопросъ,—что станется съ Герминой, неопытной шестнадцатилѣтней дѣвочкой, еслибы ей пришлось остаться круглой сиротой? — Въ одинъ изъ моментовъ отчаянія она рѣшилась побороть свою гордость и написала въ Лондонъ своему брату, съ которымъ она не переписывалась за все время замужества. Черезъ короткое время былъ полученъ отвѣтъ, не отъ брата, но отъ его жены. Отвѣтъ былъ крайне жесткій, полный жалобъ и упрековъ, госпожа Рокслетъ возмущалась тѣмъ, что у Эллы не хватило настолько деликатности, чтобъ оставить въ покоѣ удрученнаго семействомъ и болѣзнями м-ра Рокслета; напоминала ей, что во всѣхъ несчастіяхъ она, Элла, должна винить только свое собственное неблагоразуміе и страсть къ авантюристской жизни и т. п. Къ этому рѣзкому письму самъ Джонъ Рокслетъ сдѣлалъ небольшую приписку, изъ которой видно было, что онъ совсѣмъ не раздѣляетъ мнѣній своей жены и уступаетъ только ея вліянію. Въ этой припискѣ онъ выражалъ Эллѣ свое сочувствіе и обѣщалъ, въ случаѣ смерти Эллы, присылать Герминѣ 12 ф. стерлинговъ каждые полгода. Въ заключеніе онъ проситъ Эллу безъ крайней надобности не писать ему, чтобъ не вызывать неудовольствія его жены.

У Эллы еще остался одинъ человѣкъ, на сочувствіе и помощь котораго она могла надѣяться; это былъ Викторъ Понсеро. Къ нему-то обратилась она съ просьбой о совѣтѣ и помощи, и онъ не замедлилъ явиться на ея зовъ. Онъ внимательно выслушалъ ее, разсмотрѣлъ всѣ оставшіяся послѣ Георга бумаги и долженъ былъ прійти къ заключенію, что при настоящихъ условіяхъ невозможно было начать процессъ противъ Ульменгольца. Онъ не видѣлъ Эллы съ самой катастрофы и былъ пораженъ бѣдностью обстановки, ея болѣзненнымъ и изможденнымъ видомъ. У него также явилась мысль о возможности ея близкой смерти...

Онъ обѣщалъ ей свою помощь въ случаѣ, еслибы она понадобилась, и преодолѣвъ нѣкоторую нерѣшительность, заговорилъ съ ней о будущности Гермины, о томъ, что съ ней станется, если она осталась бы одна на свѣтѣ, и наконецъ предложилъ ей сдѣлать рѣшительный шагъ, т.-е. выдать за него Гермину, къ которой онъ уже давно питаетъ глубокую привязанность. — «Я вполнѣ сознаю,—говорилъ онъ Эллѣ,—что я ей не пара и что при ея рѣдкихъ качествахъ она заслуживала лучшей участи. Ей 16 лѣтъ, а я ровно на 20 лѣтъ старше. Я—человѣкъ от-

жившій, покончившій со всѣми идеалами и не могу ей дать той пылкой любви и того счастья, на которыя она имѣетъ право. Все, что я могу ей доставить, — это неглубокія радости тихой мѣщанской жизни. Если вы знаете другой исходъ, скажите и мы обсудимъ его сообща».

Не о такомъ будущемъ для своей дочери еще такъ недавно мечтала Элла. Но теперь въ предложеніи Понсеро она видѣла единственный исходъ, единственный способъ обезпечить Гермину на случай своей смерти, и она съ благодарностью приняла это предложеніе. Гермина, сильно потрясенная смертью отца и болѣзнью матери, также не сопротивлялась этому браку. Она въ своей дѣтской наивности еще не знала чувства любви; она только знала, что Понсеро, несмотря на свой сдержанный, нѣсколько холодный характеръ, нравился ей. Когда мать объяснила ей трудность ихъ положенія, она, не задумываясь долго, изъявила согласіе.

Одна только Руперта была возмущена близкой свадьбой Гермины. Въ ней проснулась ея прежняя дикость. Она бушевала, проклинала, упрекала Гермину въ вѣроломствѣ, въ нарушеніи обѣта, который обѣ подруги дали другъ другу никогда не выходить замужъ и не разставаться. Но затѣмъ, давши волю своей неукротимой натурѣ, она вдругъ успокоилась, стала цѣловать Гермину и Эллу и объявила, что она все равно не хотѣла быть въ тягость и намѣрена уѣхать, какъ только Элла выздоровѣетъ и будетъ въ состояніи обходиться безъ ея помощи.

Но здоровье Эллы не поправлялось нисколько; она предчувствовала близкую развязку; она хотѣла избавить Гермину отъ тяжелаго зрѣлища смерти и сама стала уговаривать ее и Виктора поторопиться свадьбой и отъѣздомъ во Францію; она убѣждала ихъ, что благодаря заботливости Руперты она скоро поправится и пріѣдетъ навѣстить ихъ. Она настаивала до тѣхъ поръ, пока молодые не согласились на ея просьбу. Послѣ скромной, печальной свадьбы молодые уѣхали.

Черезъ три четверти года Гермина получила извѣстіе о смерти матери вмѣстѣ съ ея завѣщаніемъ и предсмертнымъ письмомъ, въ которомъ Элла разсказывала о безкорыстномъ самопожертвованіи Руперты и просила Гермину быть ей всегда любящей сестрой. Этотъ новый ударъ поразилъ ее тѣмъ чувствительнѣе, что бракъ ея съ Понсеро нельзя было назвать счастливымъ. Онъ очень любилъ и лелѣялъ ее, но все-таки не могъ наполнить пустоты ея жизни. Она постоянно сравнивала его съ своимъ отцомъ, и всегда результаты сравненія получались не въ его

пользу. Тогда какъ отецъ въ самыхъ обыденныхъ вещахъ умѣлъ отыскивать интересныя и поэтическія стороны, Викторъ интересовался только дѣловыми новостями. Къ высшимъ стремленіямъ и идеаламъ онъ относился сухо и насмѣшливо. Онъ самъ никогда не скучалъ, но съ нимъ всегда было скучно.

Они сначала жили въ Парижѣ, а затѣмъ переселились въ Гавръ. Здѣсь Гермина сдѣлалась матерью и старалась въ материнскихъ заботахъ и материнской любви найти средство наполнить пустоту и безсодержательность своей супружеской жизни. Когда ребенку было четыре года, Викторъ намѣревался еще разъ отправиться въ Германію, чтобы дѣятельно повести процессъ съ Ульменгольцомъ. Но прежде чѣмъ онъ привелъ въ исполненіе свое намѣреніе, онъ внезапно заболѣлъ и умеръ; свое небольшое состояніе онъ оставилъ ребенку, а Герминѣ—пожизненную ренту съ него.

Что касается до Руперты, то она послѣ смерти Эллы поступила въ циркъ и сдѣлалась, какъ сама она любила выражаться, «артисткой на трапеціи». Съ Герминой она находилась въ правильной перепискѣ и нѣсколько разъ во время своихъ странствованій навѣщала ее.

VII.

Таковъ былъ разсказъ о жизни Гермины. Сѣрое зимнее утро уже пробивалось въ окна, когда Бруно оканчивалъ этотъ разсказъ своему внимательно слушавшему брату.

— Теперь тебѣ все будетъ понятно, — заключилъ онъ. — Послѣ смерти мужа Гермина осталась одна въ мірѣ. Чуждая сферы денежныхъ интересовъ, она видитъ въ процессѣ только дѣло чести и справедливости. Но у всѣхъ, къ кому она до сихъ поръ обращалась за помощью и совѣтомъ, ее встрѣчали нахальными предложеніями или пустыми утѣшеніями, какъ только узнавали, что она бѣдна. Сюда она пріѣхала отчасти для свиданія съ Рупертой, но главнымъ образомъ для того, чтобъ лично поговорить съ Ульменгольцомъ, расшевелить его совѣсть. До сихъ поръ она не имѣла еще случая говорить съ нимъ, но ты знаешь, какъ мало шансовъ на успѣхъ имѣетъ человѣкъ, обращающійся къ совѣсти Ульменгольца. Онъ принялъ ее, повидимому, дружественно, открылъ ей свой домъ, но въ то же время позаботился распустить про нее неблаговидные слухи и повредить ей въ глазахъ общества, вѣроятно, изъ боязни, чтобъ она не нашла силь-

ныхъ заступниковъ. Одна только простодушная «Сузи» выказала къ ней непритворную симпатію, но тоже, вѣроятно, для того, чтобъ угодить своему любимцу, Джемсу, и доставить ему возможность видаться съ Герминой у себя...

— А теперь, что ты намѣренъ дѣлать?—спросилъ Альфредъ.

— Это само собой понятно,—съ жаромъ отвѣтилъ Бруно. —Я очищу ея репутацію и заставлю свѣтъ уважать ее. Я употреблю всѣ силы, чтобъ доказать правдивость ея дѣла, и прежде всего я объявлю о нашей помолвкѣ.

— Позволь мнѣ сдѣлать маленькое замѣчаніе, — сказалъ Альфредъ. — Ты забываешь, что, какъ бы свѣтъ ни уважалъ тебя лично, одной твоей помолвки съ женщиной еще недостаточно, чтобы поднять и ее въ глазахъ общества. Въ настоящее время нерѣдко случается, что люди вліятельные, съ громкимъ именемъ, съ высокимъ общественнымъ положеніемъ, женятся на актрисахъ, танцовщицахъ и т. под., но общество не всегда принимаетъ ихъ избранныхъ. Гораздо важнѣе бываетъ, какъ въ подобныхъ случаяхъ поведутъ себя родители, родные...

— Какъ! — воскликнулъ Бруно, пораженный этими словами.—Ты думаешь, что наши родители, что отецъ...

Но Альфредъ прервалъ разговоръ; ему пора было отправиться въ контору. Они условились, что на слѣдующій день окончатъ начатый разговоръ.

Въ необыкновенно ранній часъ Джемсъ явился къ своему отцу, въ негодующихъ выраженіяхъ разсказалъ ему событія прошлой ночи и потребовалъ, чтобъ онъ немедленно отказалъ Альфреду отъ мѣста. Но это вовсе не входило въ разсчеты Ульменгольца. Ему очень было на руку, что у его сына явились соперники и свѣтъ узнаетъ, что Гермина стоитъ въ тѣсныхъ сношеніяхъ съ однимъ изъ братьевъ Сальдингеровъ, или даже съ обоими вмѣстѣ. Поэтому онъ не обратилъ вниманія на просьбу сына. Какъ только Альфредъ явился въ контору, его позвали въ кабинетъ шефа, гдѣ Ульменгольцъ встрѣтилъ его гораздо любезнѣе обыкновеннаго. Заговоривъ о событіяхъ прошлой ночи, онъ просилъ Альфреда не сердиться на избалованнаго мальчика и не вызывать его на дуэль за вчерашнюю выходку. Альфредъ успокоилъ банкира, увѣряя его, что извиненія отца для него вполнѣ достаточны.

Послѣ долгаго размышленія Альфредъ пришелъ къ выводу, что Бруно долженъ какъ можно скорѣе открыто выступить какъ защитникъ Гермины, такъ какъ ихъ отношенія успѣли уже сдѣлаться предметомъ городскихъ сплетенъ.

Между тѣмъ самъ Бруно уже давно сидѣлъ у Гермины и блаженствовалъ, отдаваясь всей душой новому, столь давно желанному счастью. Чувство первой любви, до сихъ поръ незнакомое какъ ему, такъ и Герминѣ, охватило ихъ обоихъ, и они, совершенно забывая о вопросахъ дѣйствительной жизни,—даже о томъ столь важномъ для нихъ вопросѣ, который послужилъ поводомъ къ ихъ сближенію,—вполнѣ отдались этому новому чувству, и каждую минуту находили въ немъ все новую прелесть. Хотя разговоръ ихъ вертѣлся около самыхъ обыденныхъ вопросовъ, но имъ было такъ весело, что даже Гермина, обыкновенно серьёзная и молчаливая, начала шутить и смѣяться. Одинъ только разъ, когда у нея вырвалось какое-то саркастическое замѣчаніе объ Ульменгольцахъ, она вдругъ остановилась.—«Хотя они и враги мои,—замѣтила она серьёзно,—намъ все-таки не слѣдуетъ смѣяться надъ ними, потому что у нихъ и благодаря имъ мы съ вами познакомились».

Разговоръ снова перешелъ на тэму о хитрыхъ маневрахъ Ульменгольца-отца и нахальной навязчивости сына, когда вошедшая служанка подала Герминѣ визитную карточку Сузанны Ульменгольцъ. Гермина съ вопросительнымъ взглядомъ передала ее Бруно. Онъ задумался на нѣсколько секундъ, и наконецъ, какъ-бы принявъ рѣшеніе, произнесъ твердымъ голосомъ:

— Судьба очевидно хочетъ ускорить ходъ событій; пусть будетъ такъ! Просите.

Черезъ минуту въ комнату вошли г-жа Ульменгольцъ съ сыномъ.

— Вотъ какъ!—подумалъ Бруно,—молодой человѣкъ начинаетъ свою аттаку подъ покровительствомъ мамаши!

Мужчины обмѣнялись принужденными холодными поклонами, а г-жа Ульменгольцъ разсѣлась на диванѣ и, не долго думая, обратилась къ Герминѣ.

— Такъ вотъ кто помѣшалъ вамъ придти сегодня ко мнѣ. Дѣйствительно, я нахожу васъ въ очень хорошемъ обществѣ, хотя вы намъ не разъ говорили, что не принимаете у себя мужчинъ.

При этихъ словахъ Бруно, отошедшій было къ окну быстро выступилъ впередъ и твердо сказалъ:

— Да, сударыня, все это измѣнилось со вчерашняго дня. Я очень радъ сообщить вамъ уже теперь новость, о которой въ городѣ узнаютъ только черезъ нѣсколько дней, а именно: г-жа Гермина Понсеро и Бруно Сальдингеръ имѣютъ честь представиться вамъ, какъ женихъ и невѣста.

Слова эти произвели сильное впечатлѣніе на всѣхъ присутствующихъ, не исключая и того, который ихъ произнесъ. Бруно почувствовалъ, что все это совершилось слишкомъ скоро. Но нечего было дѣлать: жребій былъ брошенъ. Гермина стояла съ опущенными глазами. Г-жа Ульменгольцъ попеременно смотрѣла на всѣхъ, какъ будто не вполнѣ вѣря. Джемсъ, блѣдный какъ смерть, поднялся со стула, такъ что мать испугалась и робко спросила его, не боленъ ли онъ. Онъ отрицательно покачалъ головой и снова сѣлъ.

— Итакъ, васъ можно поздравить...

Съ этими словами г-жа Ульменгольцъ обратилась къ Герминѣ. Но эта прервала ее, извинилась, что ей нужно укладывать ребенка и вышла. По уходѣ Гермины, гостьѣ, повидимому, сдѣлалось легче.

— Скажите, пожалуйста,—обратилась она къ Бруно,—какъ поживаетъ ваша матушка? Я всегда питала особенную симпатію къ вашему семейству; поэтому вы не должны сердиться, если я буду говорить съ вами просто и откровенно. Я знала Гермину еще дѣвушкой. Конечно, много мы не бывали вмѣстѣ и тогда. Мой мужъ уже въ то время велъ большой домъ, а Ронзены въ сущности не больше какъ простые рыбаки. Все-таки тогда нельзя было сказать о ней ничего дурного. Потомъ мы потеряли ее изъ виду, и мужъ — конечно, не безъ причины — утверждаетъ, что у нея были какія-то приключенія, знакомства съ актрисами...

— Сударыня,—мягко, но рѣшительно прервалъ ее Бруно,—извините меня, но объ этомъ предметѣ я ничего не долженъ слышать отъ дамъ. Но я думаю, вы признаете, что я въ правѣ спросить васъ, чтó привело сегодня сюда васъ и вашего сына?

Джемсъ улыбался. Онъ какъ будто заранѣе радовался за ту боль, которую причиняютъ сопернику слова его матери. Сузанна, очевидно не понявшая замѣчанія Бруно и ободренная довольнымъ видомъ сына, сказала:

— Вы хотите знать, зачѣмъ мы собственно пришли?—Видите-ли, Джемсъ влюбился въ эту барыню и никакихъ резоновъ слышать не хочетъ. А между тѣмъ, вчера случилась исторія, отъ которой онъ въ отчаяніи и по поводу которой онъ непремѣнно хочетъ объясниться съ Герминой.

И Сузанна, не стѣсняясь, разсказала событія вчерашней ночи, особенно напирая на интимную дружбу Гермины съ «донной Рамильей».

— Вы видите,—прибавила она,—что мой мужъ не ошибался.

Поэтому-то Джемсъ никогда и не дѣлалъ ей серьёзныхъ предложеній. Чего онъ хочетъ отъ нея, я собственно не знаю. Я не понимаю по-французски; онъ говоритъ, что хочетъ ее «lancer» и сдѣлать ей «sort». Она ему говорила, что у нея есть какія-то требованія къ моему мужу, и Джемсъ думаетъ, что если исполнить эти требованія, она сдѣлается благосклоннѣе къ нему. Мы и явились для того, чтобы поговорить съ ней объ этомъ.

— А теперь, узнавши о моихъ отношеніяхъ къ этой дамѣ,— спросилъ Бруно, продолжая обращаться къ Сузаннѣ,—все-ли вашъ сынъ намѣренъ сдѣлать ей «un sort»?

Тутъ Джемсъ въ первый разъ рѣшился отвѣтить самъ за себя. По прежнему блѣдный, но съ такимъ выраженіемъ, какъ будто совершалъ геройскій подвигъ, онъ произнесъ: — Да, я все еще намѣренъ.

Бруно поднялся съ мѣста. Въ эту минуту въ комнату вошла Гермина. Въ полголоса, такъ чтобъ другіе не слышали, Бруно сказалъ Джемсу:

— Въ присутствіи дамъ намъ невозможно объясниться. При первой удобной минутѣ мы съ вами поговоримъ.

И быстро отвернувшись отъ Джемса, онъ произнесъ громко, обращаясь къ Герминѣ:

— Вы никогда больше не увидите ни г-жи Ульменгольцъ, ни ея сына. Мнѣ извѣстно, что вы уже давно хотите сказать имъ въ лицо все, что имѣете противъ нихъ. Воспользуйтесь этимъ послѣднимъ случаемъ.

— Да,—сказала Гермина,—я давно уже напрасно пыталась объясниться. Ни васъ, г-жа Ульменгольцъ, ни вашего сына я не считаю участниками въ моихъ несчастіяхъ, тѣмъ желательнѣе для меня, чтобъ вы узнали всю правду.—И она разсказала имъ исторію своихъ несчастій и исторію ихъ собственнаго богатства.

Разсказъ Гермины произвелъ на Сузанну свое впечатлѣніе. Она нехотѣла вѣрить, чтобы мужъ ея сознательно сдѣлалъ несправедливость, и выразила увѣренность, что если онъ какъ-нибудь неумышленно былъ причиной несчастья, онъ непремѣнно поправитъ его. Но на Джемса этотъ разсказъ произвелъ необычайно сильное дѣйствіе. Въ устахъ Гермины правда звучала такими неотразимо сильными нотами, она сама при этомъ была такъ прекрасна, что въ молодомъ Ульменгольцѣ произошло нѣчто неожиданное: онъ почувствовалъ раскаяніе за свое прежнее поведеніе. Онъ теперь былъ убѣжденъ въ правотѣ Гермины. Въ этомъ убѣжденіи его еще больше подкрѣпили юридическій авторитетъ Бруно и его собственныя наблюденія надъ отцомъ. Уже

ближайшая минута показала перемѣну, которая произошла въ немъ. Въ то время какъ Гермина, вся еще подъ впечатлѣніемъ воспоминаній, вызванныхъ собственнымъ разсказомъ, напрасно силилась удерживать набѣгавшія слезы, а г-жа Ульменгольцъ шептала ей безсодержательныя утѣшенія, — Бруно отошелъ въ сторону, давая знать Джемсу, что наступила минута удобная для объясненія.

— Гдѣ и когда?—спросилъ Бруно чуть слышно.

— Я не хочу быть вызваннымъ,—отвѣтилъ Джемсъ также тихо.—Я самъ васъ вызываю на дуэль.

— Почему это?—строго спросилъ Бруно.

— Потому что я беру назадъ свои прежнія слова. Но за то я намѣренъ убить всякаго, кто станетъ на моемъ пути къ обладанію этой женщиной, сдѣлавшейся единственнымъ предметомъ моихъ желаній. Назначьте время, когда мои секунданты могутъ васъ застать.

Бруно сообщилъ ему часъ, и Джемсъ подошелъ къ матери.

—Пойдемте,—сказалъ онъ ей,—здѣсь намъ больше нечего дѣлать.

VIII.

На слѣдующее утро, едва только Бруно всталъ, ему доложили, что два господина желаютъ его видѣть.

Между своими многочисленными знакомыми Джемсъ выбралъ въ секунданты Гимельзона и Флоріана Тюхеле, — перваго, какъ знающаго всѣ рыцарскіе пріемы и обычаи, а второго, какъ человѣка, славившагося своей таинственностью и молчаливостью. Послѣ обычныхъ привѣтствій Гимельзонъ заговорилъ:

— Мы явились къ вамъ отъ Джемса Ульменгольца, чтобы узнать ваши условія.

Бруно съ недовольнымъ видомъ покачалъ головой.

— Я не могу согласиться со взглядомъ г. Ульменгольца, что вызовъ сдѣланъ имъ, а не мною. Онъ произнесъ оскорбительныя слова, за которыя я и требую удовлетворенія. Правда, вчера онъ наполовину взялъ назадъ свои слова. Если онъ совсѣмъ откажется отъ нихъ, я не имѣю больше причинъ драться съ нимъ. До тѣхъ же поръ, я—оскорбленный и я вызываю, а не онъ. Вотъ мое послѣднее слово.

— Въ такомъ случаѣ,—сказалъ Гимельзонъ, видѣвшій, что безполезно было бы убѣждать,—въ такомъ случаѣ мой другъ

ждетъ васъ къ себѣ, чтобъ поговорить безъ свидѣтелей, за исключеніемъ развѣ протоколиста.

«Американская дуэль»,—подумалъ Бруно и, не вдаваясь въ дальнѣйшіе разспросы, изъявилъ согласіе. «Умирать, такъ умирать,—думалъ онъ, по уходѣ гостей,—жизнь есть битва и потому надо каждую минуту быть готовымъ къ смерти».

Онъ былъ совершенно спокоенъ. Очистить всѣ пятна, лежащія на Герминѣ, даже смыть ихъ своей кровью, казалось ему его святѣйшей обязанностью,—дѣломъ, безъ котораго немыслимо его счастье.

Вечеромъ, передъ тѣмъ какъ удалиться въ свою комнату, Бруно остался наединѣ съ матерью, чтобъ успокоить ее насчетъ городскихъ сплетенъ, уже успѣвшихъ дойти до нея. Онъ разсказалъ ей о событіяхъ, въ короткое время измѣнившихъ все его существованіе. Она не придавала значенія городскимъ сплетнямъ, вполнѣ довѣряла выбору сына и радовалась его счастью. Но тѣмъ не менѣе, въ виду болѣзненности отца и необходимаго ему покоя, она просила Бруно не торопиться объявить ему о помолвкѣ и дать ей время исподоволь приготовить его. Бруно спорилъ, возражалъ, но долженъ былъ въ концѣ концовъ согласиться на короткую отсрочку свадьбы, и обѣщалъ поговорить объ этомъ съ Герминой.

Въ тотъ же вечеръ Бруно принялся прилежно изучать документы, данные ему Герминой, и просидѣлъ надъ ними далеко за полночь. Чѣмъ больше онъ вникалъ въ нихъ, тѣмъ больше въ немъ укрѣплялась мысль, что у Ульменгольца не было ни достаточной ловкости, ни ума, чтобы затѣять и провести одному безъ чужой помощи всѣ свои плутовскія операціи. Кто же служитъ ему въ его продѣлкахъ помощникомъ, а можетъ быть и иниціаторомъ? Онъ снова пересматривалъ бумаги, въ надеждѣ, что какое-нибудь мелкое обстоятельство наведетъ его на слѣдъ, какъ вдругъ онъ былъ пораженъ однимъ обстоятельствомъ, на которое до сихъ поръ никто, повидимому, не обращалъ вниманія. Кто былъ этотъ Яковъ Пуммеръ и что съ нимъ сталось? Въ бумагахъ о немъ упоминалось лишь одинъ разъ, какъ о лицѣ, подавшемъ первую мысль о злополучномъ предпріятіи, при которомъ погибъ Ронзенъ. Послѣ о немъ не упоминалось ни разу. Инстинктъ криминалиста навелъ Бруно на этотъ путь и въ немъ скорѣе путемъ безсознательнаго чутья, чѣмъ логики, сложилось убѣжденіе, что онъ нашелъ точку опоры въ этой трудной задачѣ. Необходимо разыскать Пуммерера, если онъ еще живъ, и удостовѣриться, въ какихъ отношеніяхъ онъ находился къ этому дѣлу.

Съ этимъ убѣжденіемъ онъ на другой день отправился къ Герминѣ. Тутъ его ждала новая неожиданность. Гермина собиралась въ Англію.

Утромъ она получила письмо отъ Джемса, въ которомъ онъ сообщаетъ ей, что отецъ его не хочетъ знать ни о какихъ требованіяхъ наслѣдницы Георга Ронзена. Но, изъ любви къ сыну, онъ согласенъ на женитьбу его съ Герминой. Джемсъ совѣтовалъ не упускать изъ рукъ такого удобнаго случая. Бруно бѣденъ, онъ—богатъ. Бруно не въ состояніи даже защитить ее отъ тѣхъ непріятностей, которыя неминуемо ждутъ ее, если она откажетъ ему, Джемсу. Эти темныя угрозы повліяли на рѣшеніе Гермины уѣхать въ Англію до тѣхъ поръ, пока Бруно не подвинетъ впередъ процесса противъ Ульменгольца. Бруно одобрилъ этотъ планъ: съ одной стороны отъѣздъ Гермины положитъ предѣлъ сплетнямъ,—что̀ для него было важнѣе всего,—она не узнаетъ о его дуэли съ Джемсомъ. Но прежде всего надо было отвѣтить Джемсу. Онъ положилъ письмо его въ конвертъ и своей рукой надписалъ адресъ.—«Джемсъ знаетъ мой почеркъ,—объяснилъ онъ Герминѣ:—это будетъ лучшій отвѣтъ на его наглое письмо, конечно, до поры до времени. Для болѣе опредѣленнаго отвѣта время еще не пришло, но надѣюсь, что оно скоро наступитъ».

Гермина рѣшила ѣхать въ Лондонъ и искать пока пріюта у своего дяди, Джона Роклета, единственнаго оставшагося въ живыхъ родственника.—«О, какъ бы я была счастлива, Бруно,—воскликнула она,—еслибы мы могли туда отправиться вмѣстѣ!»

— Я никогда не согласился бы на разлуку, моя дорогая, еслибы я не надѣялся добиться удовлетворительнаго исхода нашего дѣла въ твое отсутствіе. Я почти увѣренъ, что я нашелъ основаніе для процесса, и можетъ быть, твои воспоминанія помогутъ мнѣ подвинуть дѣло впередъ. Скажи мнѣ, видала ли ты когда-нибудь инженера Пуммерера, и что̀ ты вообще знаешь о немъ?

Но Гермина никогда не видала его. Она только помнила, что одно имя его приводило въ гнѣвъ ея мать. Она даже не знала, живъ ли онъ.

Зато Руперта, только-что вошедшая въ комнату и услышавшая имя Пуммерера, могла сообщить Бруно нѣкоторыя весьма важныя подробности о немъ. Во-первыхъ она помнила, что за день до смерти Эллы онъ пришелъ въ ихъ домъ и просилъ свиданія съ умирающей. Конечно, его не допустили къ ней. Затѣмъ недавно, спасаясь отъ толпы приставшихъ къ ней уличныхъ мальчишекъ, узнавшихъ въ ней танцовщицу изъ Демоніума, она попала въ квартиру какой-то бѣдной женщины; тутъ она встрѣ-

тила старика, въ которомъ узнала этого самаго человѣка. Онъ смотрѣлъ на нее чрезвычайно пристально и быстро скрылся въ сосѣднюю комнату. Она увѣрена, что это былъ Яковъ Пуммереръ.

Она дала точное описаніе положенія дома и квартиры, въ которой она видѣла этого старика, и Бруно, чрезвычайно довольный добытыми свѣдѣніями, немедленно отправился въ поиски за бывшимъ инженеромъ. Ему вскорѣ удалось розыскать его, несмотря на то, что Пуммереръ жилъ подъ чужой фамиліей. Нѣсколькихъ часовъ, проведенныхъ съ старикомъ въ трактирѣ, вполнѣ достаточно было, чтобы убѣдить Бруно въ основательности его первыхъ предположеній. Возвращаясь поздно ночью домой, онъ былъ вполнѣ убѣжденъ, что этотъ старикъ можетъ доставить свѣдѣнія, которыя дадутъ дѣлу неожиданно благопріятный оборотъ.

На слѣдующее утро Бруно въ назначенный часъ явился на свиданіе съ Джемсомъ, чтобъ лично съ нимъ условиться насчетъ подробностей предстоящей дуэли. Молодой Ульменгольцъ уже ждалъ его въ своемъ роскошно-убранномъ салонѣ; въ сосѣдней комнатѣ сидѣлъ Тюхеле, съ недоумѣніемъ ожидавшій ближайшихъ событій. Соперники обмѣнялись холоднымъ поклономъ.

— Такъ какъ вы настаиваете на томъ,—началъ Джемсъ, когда оба усѣлись,—чтобы вызывающей стороной были вы, а не я, то я уступаю, и мнѣ такимъ образомъ предстоитъ рѣшить выборъ оружія. Я надѣюсь, что мы оба смотримъ на предстоящую дуэль совершенно серьезно, другими словами, мы не хотимъ, чтобы мы оба остались въ живыхъ.

Бруно кивнулъ головой въ знакъ согласія.

— Въ такомъ случаѣ,—снова заговорилъ Джемсъ,—я предлагаю американскую дуэль. Она несомнѣнно вѣрнѣе ведетъ къ цѣли и въ то же время лишена тѣхъ трудностей, тѣхъ непріятныхъ сторонъ, съ которыми у насъ сопряжена обыкновенная дуэль. Мы избѣгнемъ возни съ полиціей, избавимъ секундантовъ отъ тяжелой отвѣтственности и, главное, оградимъ отъ неизбѣжныхъ толковъ и сплетенъ репутацію той женщины, изъ-за обладанія которой мы деремся.

Грубый цинизмъ послѣднихъ словъ Джемса едва не вывелъ Бруно изъ себя; но онъ овладѣлъ собой и сказалъ только:

— Позвольте мнѣ замѣтить, что мы сошлись не для того, чтобы усугублять сдѣланныя оскорбленія.

— Вы совершенно правы,—спокойно сказалъ Джемсъ.—Намъ остается только назначить срокъ выполненія и затѣмъ бросить

жребій. — Онъ придвинулъ небольшой столикъ, на мозаичной доскѣ котораго стоялъ кубокъ съ игральными костями.

— Что касается до срока, — продолжалъ онъ, — то было бы несправедливостью съ моей стороны, еслибы я захотѣлъ назначить его по своему произволу. Я человѣкъ праздношатающійся и могу каждый данный моментъ оставить міръ безъ того, чтобы чьи-нибудь интересы потерпѣли или чтобъ какое-нибудь начатое дѣло осталось недоконченнымъ. Другое дѣло—вы; у васъ могутъ быть какія-нибудь служебныя или частныя дѣла, которыя вамъ хотѣлось бы окончить или видѣть оконченными, прежде, чѣмъ умереть. Поэтому вамъ и слѣдуетъ опредѣлить срокъ, когда тотъ изъ насъ, на кого падетъ смертный жребій, долженъ будетъ выполнить его.

— Ваше предложеніе, милостивый государь, чрезвычайно великодушно, — сказалъ Бруно, подумавши. — Я дѣйствительно въ настоящее время занятъ однимъ дѣломъ, которое потребуетъ моего личнаго труда въ теченіе приблизительно трехъ мѣсяцевъ. Но я не считаю себя въ правѣ принять ваше предложеніе, не объявивши вамъ заранѣе, что я это время употреблю противъ васъ, противъ интересовъ вашего дома. Я—повѣренный наслѣдниковъ Георга Ронзена въ ихъ дѣлѣ противъ Ульменгольца и увѣренъ, что смогу выиграть это дѣло, если только у меня останется достаточно времени. Я увѣренъ, что въ три мѣсяца успѣю если не совсѣмъ выиграть процессъ, то довести его до такой стадіи, что онъ можетъ быть оконченъ безъ моей помощи.

— Я согласенъ, — воскликнулъ Джемсъ оживленно, — до перваго іюля остается три мѣсяца и нѣсколько дней. Пусть первое іюля будетъ срокомъ. Онъ взялъ кубокъ съ костями, но вдругъ, какъ бы осѣненный внезапной мыслью, поставилъ его назадъ на столикъ и сказалъ:

— Знаете что? Зачѣмъ намъ довѣряться слѣпому случаю, тогда какъ намъ представляется возможность рѣшить вопросъ болѣе раціональнымъ способомъ. Если вамъ удастся выиграть процессъ противъ моего отца, то имя Ульменгольца будетъ покрыто позоромъ, и мнѣ, которому волей и неволей приходится носить это имя, не трудно будетъ безъ сожалѣнія разстаться съ жизнью. Съ другой стороны, если ваша юридическая мудрость потерпитъ фіаско, то согласитесь сами, что лучшая часть вашей жизни будетъ разрушена и сама жизнь должна значительно потерять свою цѣну и въ вашихъ глазахъ. Для насъ обоихъ такимъ образомъ выгодно сдѣлать исходъ начатаго вами дѣла и рѣшеніемъ нашего поединка.

Бруно согласился съ раціональностью предложенія Джемса. Соперники перешли въ сосѣднюю комнату, гдѣ въ присутствіи изумленнаго Тюхеле былъ составленъ протоколъ и переписанъ въ двухъ экземплярахъ. Въ этомъ протоколѣ говорилось, что Джемсъ Ульменгольцъ даетъ свое честное слово лишить себя жизни 1-го іюля этого года, если до этого срока Бруно Сальдингеру удастся доказать судебнымъ порядкомъ, или по рѣшенію извѣстныхъ юристовъ, справедливость требованій наслѣдниковъ Георга Ронзена въ ихъ процессѣ противъ Фойта Ульменгольца. Въ противномъ случаѣ, т.-е. если справедливость этихъ требованій не будетъ доказана до 1-го іюля, Бруно Сальдингеръ долженъ не позже этого дня совершить самоубійство.

Оба соперника подписали протоколъ и взяли каждый по одному экземпляру. Бруно оставилъ домъ Ульменгольца, и черезъ нѣсколько часовъ хлопоты по поводу отъѣзда Гермины почти вытѣснили изъ его памяти эту странную сцену.

IX.

Послѣ отъѣзда Гермины прошло уже около двухъ мѣсяцевъ, въ теченіе которыхъ Бруно съ лихорадочной энергіей работалъ по ея дѣлу. Онъ не ошибся въ своемъ первоначальномъ мнѣніи, что Яковъ Пуммереръ былъ посвященъ въ подробности янтарнаго предпріятія и въ мошенническія продѣлки Ульменгольца. Чѣмъ чаще онъ видался съ старикомъ, тѣмъ больше укрѣплялось въ немъ это убѣжденіе, и хотя Пуммереръ осторожно избѣгалъ категорическаго признанія, Бруно надѣялся въ скоромъ времени добиться отъ него положительныхъ данныхъ.

Эта лихорадочная дѣятельность, да еще частая переписка съ Герминой, помогали ему переносить тяжесть разлуки съ любимымъ существомъ, и только изрѣдка въ его душѣ появлялось чувство страстнаго томленія по Герминѣ, страстное желаніе видѣть ее и прижать ее къ своей груди. По мѣрѣ того, какъ приближалось роковое 1-е іюля, эти моменты отчаянія, моменты предчувствія смерти стали являться все чаще и чаще...

Его нравственное состояніе ухудшалось еще тѣмъ, что онъ безпокоился за Гермину. Хотя она и писала ему часто и много, и письма ея дышали беззавѣтной любовью, но въ нихъ она почти ничего не говорила о своей настоящей жизни и обстановкѣ, и это умалчиваніе нерѣдко вызывало въ немъ тревожныя опасенія. Нетрудно поэтому представить себѣ его радость, когда однажды,

въ концѣ мая, въ его комнату вбѣжалъ запыхавшись Альфредъ, необыкновенно веселый и живой, и объявилъ ему, что немедленно долженъ ѣхать по дѣлу фирмы Ульменгольца въ Англію, и надѣется черезъ двѣ недѣли быть въ Лондонѣ и видѣться съ Герминой. Бруно чрезвычайно обрадовался этой неожиданной поѣздкѣ брата, который, конечно, съумѣетъ и помочь Герминѣ, и ободрить ее. Кромѣ того Бруно радовался и за Альфреда, которому поѣздка даетъ возможность свидѣться съ подругой дѣтства, Эльбиной, жившей теперь съ своимъ отцомъ, старымъ пасторомъ Бэйксомъ, въ Лондонѣ; не смотря на многіе годы разлуки, Альфредъ до сихъ поръ питалъ къ ней сильную привязанность. Помогая Альфреду укладываться въ дорогу, онъ невзначай спросилъ его, когда онъ думаетъ возвратиться.

— Около 12-го іюля,—отвѣтилъ Альфредъ.

— Какъ!—невольно вырвалось у Бруно.—И мы не увидимся съ тобой до 1-го іюля!..

Когда Бруно на прощаньѣ обнималъ брата, изъ его груди вырвался отчаянный вопль, который еще долго спустя звучалъ въ ушахъ Альфреда и котораго онъ не могъ ни позабыть, ни объяснить себѣ.

Въ это время Гермина переживала чрезвычайно тяжелые дни. Ея надежды найти временный пріютъ у дяди не оправдались. Самъ Джонъ Роксдетъ не былъ счастливъ. Слабохарактерный и болѣзненный, онъ вѣчно находился подъ башмакомъ своей жены, старшей его годами, сухощавой рыбной торговки, сохранившей, не смотря на свое теперешнее богатство, всю грубость и жадность уличной торговки. Джону удалось по секрету отъ жены обезпечить за своей сестрой, о которой онъ вспоминалъ съ искреннимъ сожалѣніемъ и раскаяніемъ, незначительную денежную ренту, и эту ренту Гермина получала правильно каждые полгода. Но это было все, чтб онъ могъ для нея сдѣлать. Перваго визита Гермины къ своему дядѣ было достаточно, чтобы показать ей всю безплодность дальнѣйшихъ посѣщеній. Тетка встрѣтила ее съ оскорбительной черствостью и не скупилась на крайне неделикатные упреки и жалобы. Когда Джонъ Роксдетъ остался наединѣ съ Герминой, онъ раскрылъ передъ ней всѣ наболѣвшія раны своего запуганнаго сердца, и умолялъ ее не посѣщать его дома, чтобы избавить его отъ домашнихъ сценъ, которыя отравятъ остатокъ его дней. Онъ указалъ ей дешевую квартиру, гдѣ бы она могла поселиться, и обѣщалъ по мѣрѣ возможности навѣщать ее.

Указанная квартира находилась въ одномъ изъ бѣднѣйшихъ

и отдаленнѣйшихъ кварталовъ города, прилегающемъ къ рѣкѣ. Въ этой новой обстановкѣ, грубой и бѣдной, для Гермины наступили долгіе и однообразные дни, въ которыхъ постоянныя лишенія и принужденное бездѣлье перемежались моментами остраго отчаянія, и въ которыхъ единственными свѣтлыми точками являлись частыя письма Бруно. Изъ этихъ писемъ она черпала надежду и новыя силы, чтобы переносить свое безрадостное одиночество. Почти каждый день писала она ему, но, конечно, остерегалась сообщать подробности своей жизни, чтобы не сдѣлать ему разлуку еще тягостнѣе.

Въ безотрадной картинѣ окружавшей ее лондонской приречной жизни она улавливала черты, напоминавшія ей дѣтство, проведенное съ отцомъ на берегу Балтійскаго моря. Вообще близость любимой стихіи наполняла ее какой-то тихой меланхоліей, вполнѣ гармонировавшей съ ея душевнымъ настроеніемъ.

Прошли еще двѣ недѣли. Въ одинъ пасмурный вечеръ Гермина сидѣла въ своей темной маленькой квартиркѣ, предаваясь мрачнымъ размышленіямъ, когда въ комнату неожиданно вошелъ Альфредъ Сальдингеръ. Она изъ писемъ Бруно уже знала о его предстоящемъ посѣщеніи. Изидора, успѣвшая еще въ Германіи за нѣсколько дней знакомства привязаться къ Альфреду всѣмъ своимъ дѣтскимъ сердцемъ, при видѣ его закричала отъ радости и бросилась обнимать его.

Альфреда сразу поразилъ блѣдный и изнуренный видъ Гермины; одного взгляда на эту мрачную обстановку ему достаточно было, чтобы понять происшедшую въ ней перемѣну. Но чего онъ не могъ объяснить себѣ,—эта какая-то безучастность, какое-то холодное отчаяніе, съ какимъ она его встрѣтила. У нея не нашлось слова, чтобы привѣтствовать его; ему казалось, что она въ отчаяніи ломала руки.

— Ради Бога, Гермина, чтó съ вами?

Она сдѣлала надъ собой усиліе, чтобы хотя наружно успокоиться и попросила его отложить всѣ разговоры, пока она не уложитъ спать ребенка. Сдѣлавши это, она сѣла противъ него.

— Одинъ изъ вашихъ сослуживцевъ, Тюхеле, посѣтилъ меня нѣсколько недѣль тому назадъ. Что онъ за человѣкъ?

Альфредъ былъ изумленъ этимъ неожиданнымъ вопросомъ.

— Тюхеле—довольно пустой малый,—отвѣтилъ онъ.—Онъ любитъ дѣлать изъ всякаго пустяка секретъ, но въ сущности онъ болтливъ какъ сорока и всѣмъ сообщаетъ свои тайны. Но что можетъ быть общаго у васъ съ нимъ? Я знаю, что онъ

былъ въ Лондонѣ по дѣламъ фирмы, но совершенно не понимаю, кто бы могъ давать ему порученія къ вамъ.

— Этотъ человѣкъ, —возразила Гермина,—нанесъ мнѣ страшный ударъ, но въ настоящемъ случаѣ его болтливость, можетъ быть, спасетъ насъ всѣхъ отъ ужаснаго несчастья. Прежде всего вотъ вамъ одно изъ послѣднихъ писемъ Бруно. Прочтите его.

Въ этомъ письмѣ Бруно сообщалъ подробно о результатахъ своихъ сношеній съ Пуммереромъ. Результаты эти были вполнѣ удовлетворительны. Пуммереръ, наконецъ, уступилъ и разсказалъ Бруно всѣ подробности янтарнаго предпріятія и отношеній обоихъ компаньоновъ. Онъ былъ посвященъ во всѣ эти дѣла, потому что съ самаго начала помогалъ Ульменгольцу обманывать довѣрчиваго Георга Ронзена. При его помощи Ульменгольцъ съ перваго же года веденія предпріятія пряталъ и продавалъ на сторону значительныя количества добытаго янтаря, и это мошенничество онъ продѣлывалъ въ теченіе всѣхъ семи лѣтъ компаньонства съ Ронзеномъ. Пуммереръ велъ особыя книги по продажѣ краденнаго янтаря, и эти книги, вмѣстѣ съ первоначальными счетами и росписками, сохранились у него до настоящаго времени. У него сохранились также всѣ документы по раскопкамъ, второй контрактъ Ульменгольца съ Ронзеномъ и проч. Изъ словъ Пуммерера слѣдуетъ, что за все время компаньонства Ульменгольцъ обманулъ Ронзена на сумму больше 60,000 талеровъ. Всѣ документы и бумаги, относящіеся къ этому дѣлу, Пуммереръ запряталъ въ надежномъ мѣстѣ, извѣстномъ только ему одному, и теперь соглашается передать ихъ Бруно за 8,000 талеровъ. Бруно успѣлъ уже настолько узнать этого хитраго и смѣлаго мошенника, что считаетъ безполезной всякую попытку добыть отъ него эти документы иначе, какъ купивши ихъ. Онъ — тертый мошенникъ, слѣдователей и прокуроровъ не боится и оградилъ себя отъ всякихъ неожиданностей. «Отъ этихъ 8,000 талеровъ теперь зависитъ все,—даже больше, чѣмъ ты думаешь», —писалъ Бруно. Въ заключеніе онъ проситъ Гермину познакомить Джона Гокслета съ ходомъ дѣла и убѣдить его дать эту сумму на весьма короткій срокъ.

Альфредъ внимательно прочелъ письма, и выразилъ удивленіе, что Гермина, повидимому, не удовлетворена его содержаніемъ. Предполагая даже, что дядя ни подъ какимъ видомъ не согласится оказать ей помощь, не можетъ быть сомнѣнія, что со временемъ удастся достать эту сумму.

— Да, со временемъ! со временемъ!—болѣзненно вскричала

Гермина.—Поймите, что у насъ нѣтъ времени... Дѣло идетъ не о деньгахъ и не о моемъ процессѣ, но о жизни Бруно!..

И она разсказала Альфреду, что Тюхеле по секрету сообщилъ ей условія американской дуэли, заключенныя между Бруно и Джемсомъ. Онъ явился къ ней съ смутной надеждой, что ей, можетъ быть, удастся какъ-нибудь отвратить несчастье. До 1-го іюля осталось теперь не больше двухъ недѣль, и если за это время Бруно не удастся подвинуть впередъ процесса—а это ему безъ документовъ Пуммерера не удастся,—онъ долженъ умереть.

Альфредъ онѣмѣлъ отъ ужаса. Онъ чувствовалъ, какъ волосы зашевелились на его головѣ и какъ сердце захолонуло въ груди.

— Что мнѣ было дѣлать?—продолжала Гермина тономъ крайняго отчаянія.—Я писала Бруно, что нечего разсчитывать на дядю, что онъ долженъ самъ стараться достать эти деньги; онъ отвѣтилъ, что это невозможно... Я боролась съ собой, сообщить ли ему, что мнѣ извѣстно о дуэли... Но я знаю, что это его не остановитъ и только усилитъ его мученія... Я хотѣла поѣхать къ нему, чтобъ какъ-нибудь помѣшать этому неслыханному преступленію, когда получила извѣстіе, что вы должны скоро пріѣхать... Альфредъ! Помогите хоть вы, если можете. Если же не можете помочь ничѣмъ, то скажите мнѣ, чтобы я могла умереть раньше, чѣмъ наступитъ этотъ ужасный день...

Альфредъ вспомнилъ отчаянный крикъ, вырвавшійся у Бруно въ моментъ разставанія съ нимъ; по всему его тѣлу пробѣжала дрожь.

Имъ овладѣло необыкновенное волненіе. Гермина тревожно слѣдила глазами за нимъ.

Черезъ нѣсколько минутъ онъ снова пришелъ въ нормальное состояніе, одна только блѣдность его лица показывала о происходившей въ немъ борьбѣ. Онъ отеръ капли холоднаго пота, выступившаго на его лбу, снова сѣлъ противъ Гермины и заговорилъ спокойнымъ, дѣловымъ тономъ.

— Я нашелъ исходъ, Гермина. Мнѣ нужно получить въ одномъ лондонскомъ банкѣ для фирмы Ульменгольца около 1200 фунтовъ стерлинговъ,—какъ разъ столько, сколько Бруно требуетъ. Эти деньги я получу, куплю на нихъ переводъ въ конторѣ вашего дяди, и вы завтра же перешлете его Бруно; вы объясните ему, что вамъ все-таки удалось уговорить дядю помочь вамъ. Конечно, поступая такимъ образомъ, я совершаю мошенничество и кражу: меня засадятъ въ тюрьму, будутъ судить, мое честное имя запятнано навсегда. Но я другого исхода

не вижу. Нечего оберегать свою репутацію, когда дѣло идетъ о жизни Бруно.

Гермина точно очнулась послѣ страшнаго кошмара. Какая-то бѣшеная радость охватила все ея существо: она не замѣчала смертной блѣдности, покрывавшей лицо Альфреда, она не сознавала тяжести приносимой имъ жертвы. Она могла только думать объ одномъ, и эта мысль заслонила передъ ней весь міръ: Бруно спасенъ!

На слѣдующій день планъ Альфреда былъ приведенъ въ исполненіе, и только когда деньги были отосланы, Гермина вспомнила объ Альфредѣ и о величинѣ принесенной имъ жертвы. Онъ, этотъ образецъ честности, сдѣлался воромъ, попадетъ на скамью подсудимыхъ, въ тюрьму... И все это онъ сдѣлалъ для того, чтобъ спасти ея Бруно. Прошло нѣсколько дней, и Альфредъ не являлся къ ней. Безъ сомнѣнія, размышляла Гермина, онъ не хочетъ больше видѣться, онъ проклинаетъ ее, навлекшую несчастье на все семейство, едва не погубившую жизнь Бруно, послужившую причиной его позора!..

А что, если Бруно ошибся, если бумаги Пуммерера не докажутъ виновности Ульменгольца?.. Тогда пріобрѣтеніе этихъ бумагъ все-таки не спасетъ Бруно отъ смерти, и жертва Альфреда совершенно напрасна...

По цѣлымъ днямъ и ночамъ она терзала себя этими мучительными думами. По сту разъ въ день она перебирала ихъ въ своей головѣ, и каждый разъ приходила къ заключенію, что во всемъ виновата она сама. «Я не принадлежу къ тѣмъ натурамъ, которыя рождены для счастія, для которыхъ доступны обыкновенныя радости жизни, говорила она себѣ. Я точно чума всюду ношу съ собой несчастье, смерть, гибель. Одного моего прикосновенія, одного сближенія съ мною достаточно, чтобъ погубить человѣка!..»

Какъ всегда въ моментъ душевной тревоги, въ ней теперь проснулось непреодолимое стремленіе къ ея любимой стихіи, къ морю. Ей снова слышались слова старой пѣсни, которую часто повторялъ ея отецъ, и въ которыхъ воспѣвалось «далекое море, дикое, пустынное и одинокое, которое не расцвѣтаетъ и не блекнетъ,—вѣчная, неукрашенная могила».

«Да,—говорила себѣ Гермина, — оно пустынно и ничѣмъ неукрашено, какъ безконечная истина. Нашъ міръ и наша жизнь тоже могила, но могила, наполненная убогой и обманчивой мишурой, украшенная улыбкой притворнаго счастья и безконечной суеты!..»

День проходилъ за днемъ, Альфредъ все не показывался, а отъ Бруно она еще не получила отвѣта на свое письмо. Гермина все была одна съ своими тяжелыми думами. Чтобъ хоть на короткое время избавиться отъ нихъ, она однажды послѣ обѣда рѣшила предпринять вмѣстѣ съ ребенкомъ небольшую поѣздку на море.

Достигши пристани она наняла лодку и выѣхала въ открытое море. Держа ребенка на колѣняхъ, она залюбовалась чуднымъ видомъ спокойной глади, освѣщенной лучами вечерняго солнца. Дѣвочка была въ восторгѣ, болтала безъ умолку и наконецъ, уставши отъ наплыва новыхъ впечатлѣній, тихо заснула сидя на колѣняхъ матери. Гермина приготовила ей на днѣ лодки постель изъ парусовъ и теплыхъ платковъ, которые она захватила съ собою изъ дому, осторожно уложила спавшаго ребенка и снова погрузилась въ свои думы. Видъ безграничной дали навѣялъ на нее странное чувство. Качаніе лодки вызвало въ ея душѣ воспоминанія о золотыхъ дняхъ дѣтства, когда она сопровождала отца въ его далекихъ поѣздкахъ. Ей страстно захотѣлось снова видѣть его, снова говорить съ нимъ, чувствовать его близость. Ей казалось, что онъ внятно зоветъ ее изъ глубины. Какъ бы повинуясь какой-то невѣдомой притягательной силѣ, она перегнулась черезъ борть лодки и стала глядѣть въ воду. Галлюцинаціи чувствъ все усиливались. Въ быстро бѣжавшихъ струяхъ воды она видѣла образъ отца, манившій ее къ себѣ. Но рядомъ съ нимъ ея лихорадочно возбужденное воображеніе рисовало ей другой не менѣе дорогой образъ,—образъ Бруно, простиравшаго къ ней объятія; она слышала его голосъ, призывавшій ее принести свою жизнь въ жертву ихъ любви.

Она не давала себѣ отчета, сколько времени она находилась подъ чарующимъ впечатлѣніемъ этихъ галлюцинацій; она не замѣтила наступившей ночи и не чувствовала холоднаго вѣтра, который внезапно задулъ съ сѣвера. Она видѣла только образъ любимыхъ людей, звавшихъ и манившихъ ее къ себѣ.

Съ высоко поднятыми руками стояла она на краю лодки, готовая броситься въ море...

Испуганный крикъ дѣвочки, разбуженной рѣзкимъ порывомъ вѣтра, привелъ ее въ себя. Только теперь она замѣтила, что сдѣлалось темно и холодно. Она приказала лодочнику немедленно ѣхать къ пристани. Возвратный путь продолжался очень долго. Ребенокъ дрожалъ отъ холода и Гермина стала срывать съ себя свою одежду и укутывать ею ребенка.

Дрожа отъ холода и блѣдная какъ смерть, она вернулась

домой поздно ночью, прижимая окоченѣвшими руками ребенка къ своей груди. Дома ее въ сильнѣйшемъ безпокойствѣ ждала Руперта, которая въ этотъ день пріѣхала въ Лондонъ, чтобъ навѣстить свою подругу.

X.

Между тѣмъ Бруно находился въ полномъ невѣдѣніи о томъ, какой дорогой цѣной были добыты деньги, давшія ему возможность овладѣть драгоцѣнными документами. Полный чувства невыразимаго счастія перебиралъ онъ эти драгоцѣнныя бумаги, которыя несомнѣннымъ образомъ доказывали справедливость требованій Гермины и вину Ульменгольца. Теперь, когда онъ чувствовалъ себя у цѣли, вся накипѣвшая злоба противъ Ульменгольца исчезла изъ его сердца. Онъ не хотѣлъ изъ мести губить банкира, предавая дѣло суду, теперь онъ только хотѣлъ возвратить Герминѣ то, что у нея было отнято. За нѣсколько дней до 1-го іюля онъ написалъ банкиру, прося назначить ему свиданіе по важному дѣлу.

Въ назначенный часъ Бруно явился въ квартиру Ульменгольца, и былъ принятъ банкиромъ необыкновенно вѣжливо. Но едва только онъ сухимъ дѣловымъ тономъ объявилъ ему о цѣли своего визита и сталъ излагать свои требованія, преувеличенная любезность Ульменгольца моментально исчезла, и бывшій разнощикъ заговорилъ тѣмъ грубымъ языкомъ, какимъ говорилъ тридцать лѣтъ тому назадъ. Онъ думалъ сначала, что Бруно основываетъ свои обвиненія на разсказахъ Гермины, на ходячихъ слухахъ и догадкахъ, и дерзко отрицалъ ихъ справедливость. Но молодой юристъ сталъ приводить неоспоримые факты и цифры, изъ которыхъ видно было, что онъ обладаетъ болѣе вѣскими доказательствами. Банкиръ сдѣлался сговорчивѣе и предложилъ «выкинуть» Герминѣ небольшую сумму, «не потому, что она имѣетъ какія-либо права на эту сумму, но единственно, чтобъ отвязаться отъ непріятностей», какъ объяснилъ Ульменгольцъ. Бруно съ негодованіемъ отказался сбавить что-нибудь съ требуемой суммы.

— Знаете что, г. адвокатъ, — грубо сказалъ банкиръ,—я совершенно не понимаю, объ чемъ мы тутъ съ вами разговариваемъ. Вы требуете отъ меня какихъ-то денегъ, которыхъ я не намѣренъ платить,—такъ подавайте на меня жалобу. Я происхожу изъ крестьянской семьи, и вы себѣ представить не можете, какое удовольствіе доставляетъ нашему крестьянину тяжба.

Подайте на меня гражданскій искъ; вы знаете, что я не бѣденъ, вѣроятно даже богаче вашихъ довѣрителей. Я тоже съумѣю найти адвоката, и мы съ вами потягаемся. Чья возьметъ,—это мы еще посмотримъ!

— Вы сильно ошибаетесь,—спокойно отвѣтилъ Бруно,—предполагая тутъ одинъ только гражданскій искъ. Васъ призоветъ къ отвѣтственности прокуратура, а не повѣренный гражданскихъ истцовъ, потому что процессъ этотъ—уголовный.

— Вотъ вы какъ!—вскричалъ банкиръ съ напускнымъ смѣхомъ.—Не обвиняете-ли вы меня уже и въ убійствѣ Георга Ронзена?

— Въ этомъ васъ никто не обвиняетъ. Вы только незаконнымъ образомъ присвоили себѣ его имущество.

— Я и этого обвиненія не боюсь. Я не такъ простъ, чтобы быть совершенно безоружнымъ противъ него. Почему вы знаете, какіе контракты я заключалъ съ Ронзеномъ? А такъ какъ этихъ контрактовъ и вообще подлинныхъ документовъ нѣтъ, то въ концѣ концовъ все дѣло будетъ зависѣть отъ моей присяги.

— Намъ совершенно незачѣмъ входить въ юридическія препирательства,—сухо оборвалъ его Бруно, вынимая изъ кармана записную книжку,—вотъ вамъ списокъ имѣющихся у меня документовъ, на которыхъ будетъ основано обвиненіе. Судите сами, кто изъ насъ двухъ имѣетъ больше шансовъ выиграть дѣло.

И тѣмъ же дѣловымъ тономъ онъ прочелъ ему длинный списокъ документовъ и торговыхъ книгъ, полученныхъ имъ отъ Пуммерера.

По мѣрѣ того, какъ Бруно перечислялъ собранный имъ обвинительный матеріалъ, банкиръ все болѣе терялъ свою напускную самоувѣренность; когда чтеніе кончилось, онъ былъ блѣденъ какъ полотно, колѣни его дрожали.

— Позвольте мнѣ посовѣтоваться съ моимъ сыномъ; я скоро вернусь,—сказалъ онъ измѣнившимся голосомъ и, не дожидаясь отвѣта, вышелъ.

Бруно былъ въ душѣ доволенъ, что не ему лично приходится познакомить Джемса съ роковымъ извѣстіемъ. Несмотря на кровное оскорбленіе, нанесенное тому существу, которое для Бруно сдѣлалось дороже жизни, онъ теперь не чувствовалъ ненависти къ Джемсу и скорѣе жалѣлъ его; ему было больно, что его личное счастіе роковымъ образомъ связано съ гибелью другого человѣка.

Уже нѣсколько недѣль Фойтъ Ульменгольцъ замѣчалъ какую-то

перемѣну въ своемъ сынѣ. Онъ сдѣлался необыкновенно грустенъ и перестадъ искать свѣтскихъ удовольствій. Онъ часто произносилъ какія-то непонятныя фразы и дѣлая странные намеки на то, что Ульменгольцамъ предстоитъ борьба за честь и имущество, что роковая минута близка и т. п. Родители были крайне встревожены; они думали, что ихъ любимый сынъ боленъ и все убѣждали его обратиться къ доктору.

Теперь только, во время разговора съ Бруно, у банкира явилась мысль, что это настроеніе Джемса происходило отъ смутнаго предчувствія угрожающей имъ опасности, принявшей теперь вполнѣ осязательныя формы. Поэтому-то онъ и рѣшилъ посовѣтоваться съ сыномъ. Перспектива позорнаго процесса представлялась ему ужасной не столько для него самого, сколько для любимаго сына, который сразу увидитъ себя выброшеннымъ изъ той почетной среды, гдѣ онъ до сихъ поръ занималъ не послѣднее мѣсто. Ульменгольцъ въ душѣ былъ благодаренъ Бруно за то, что онъ даетъ ему возможность избѣжать скандала и откупиться деньгами отъ процесса.

Прійдя въ комнату Джемса, банкиръ разсказалъ ему о визитѣ Бруно, о его требованіяхъ, и съ циническимъ спокойствіемъ допустилъ, что Бруно подкрѣпляетъ свои требованія вполнѣ вѣскими доказательствами.—

— Такъ ты увѣренъ, что эти доказательства у него въ рукахъ?—напряженно спросилъ Джемсъ.

— Судя по тѣмъ фактамъ и цифрамъ, которые онъ мнѣ привелъ, я не могу сомнѣваться въ этомъ.

Какъ бы подкошенный этими словами, Джемсъ въ изнеможеніи опустился на стулъ.

— Ради Бога, дай мнѣ досказать,—закричалъ встревоженный банкиръ.—Вѣдь Сальдингеръ еще не полиція. Онъ только требуетъ, чтобы я добровольно заплатилъ эту сумму, и тогда процесса никакого не будетъ. Правда, это очень крупная сумма, но я ею откуплюсь навсегда, и, если ты снова сдѣлаешься прежнимъ молодцомъ и перестанешь грустить, я не буду жалѣть потерянныхъ денегъ.

Джемсъ былъ блѣденъ какъ мѣлъ, черты его лица были судорожно искажены.

— «Я тебѣ совѣтую, отецъ, загладить какъ можно скорѣе свои прежнія гадости и не жалѣть для этого денегъ. Я даю тебѣ этотъ совѣтъ какъ постороннее лицо, потому что до меня это дѣло больше не касается; какъ бы ты ни поступилъ, въ моей судьбѣ это не можетъ измѣнить ничего».

Онъ отвернулся къ стѣнѣ и оставался глухъ ко всѣмъ убѣжденіямъ и мольбамъ отца. Грустный, съ поникшей головой, возвратился банкиръ къ дожидавшемуся Бруно. Онъ передалъ ему сущность своего разговора съ сыномъ, и прибавилъ:

— Теперь г. Сальдингеръ, дѣлайте что хотите. Моему сыну все равно, какъ я извернусь въ этомъ трудномъ дѣлѣ, но для меня совсѣмъ не все равно платить, когда меня ничто къ этому не принуждаетъ. Заставьте меня платить! Можетъ быть, я еще окажусь сильнѣе васъ.—Да! еслибы это могло сдѣлать счастливымъ Джемса, я бы заплатилъ съ радостью, но теперь...

Онъ пожалъ плечами, и Бруно, убѣдившись въ безполезности дальнѣйшихъ разговоровъ, откланялся.

Выходя отъ банкира, Бруно рѣшился немедленно передать дѣло прокурору. Но дома его ждала телеграмма изъ Лондона, содержаніе которой совершенно измѣнило все положеніе дѣла.

XI.

Послѣ отсылки денегъ для Альфреда наступило тяжелое время. Чувство виновности лежало на немъ страшнымъ бременемъ и не давало ему успокоиться ни на минуту. «Чего я жду! чего не иду въ тюрьму!» повторялъ онъ себѣ ежеминутно. На другой день послѣ рѣшительнаго шага онъ написалъ письмо, въ которомъ самъ себя обвинилъ въ кражѣ денегъ; не изъ разсчета, но какъ-бы инстинктивно онъ ни однимъ словомъ не упомянулъ о настоящихъ мотивахъ своего поступка и о настоящемъ назначеніи денегъ, не упомянулъ даже имени Гермины или Бруно. Онъ писалъ, что проигралъ ихъ въ карты, прокутилъ ихъ и предлагалъ получателю письма объявить о немъ полиціи, арестовать его и предать суду. Онъ намѣренно изображалъ свой поступокъ самыми черными красками, какъ бы стараясь этимъ ослабить силу испытываемыхъ имъ угрызеній совѣсти.

Когда письмо было написано, его била сильнѣйшая лихорадка, но онъ этого не чувствовалъ. Сначала онъ не давалъ себѣ отчета, кому или для чего онъ пишетъ, и теперь задумался, на чье имя послать письмо. Также безотчетно, какъ онъ писалъ письмо, онъ на конвертѣ надписалъ адресъ Фойта Ульменгольца. Когда письмо было опущено въ ящикъ, Альфредъ громко расхохотался. «Теперь я настоящій каторжникъ,—сказалъ онъ себѣ,—вполнѣ свободный человѣкъ, свободный отъ всякихъ дѣлъ и занятій. Теперь я могу сдѣлать визитъ Эльбинѣ»...

При этой мысли страшная тоска вдругъ защемила его сердце. Какъ? Онъ еще осмѣливается думать объ Эльбинѣ! Ему, преступнику, вору, нѣтъ больше мѣста въ обществѣ честныхъ людей!....

По цѣлымъ днямъ бродилъ онъ по многолюднымъ улицамъ и паркамъ, дожидаясь, чтобы его арестовали. Вечеромъ, возвращаясь въ свою гостинницу, онъ удивлялся, что никто еще не приходилъ за нимъ, и не спрашивалъ о немъ. Всѣ эти дни онъ ничего не ѣлъ.

Разъ вечеромъ у него явилась мысль пойти къ Герминѣ. Онъ позабылъ названіе улицы, въ которой она жила. Наугадъ разыскивая эту улицу, онъ попалъ въ кабакъ, наполненный пьяными матросами и рыбаками. Онъ подсѣлъ къ нимъ и сталъ пить съ ними. Они пѣли и онъ вторилъ имъ. Въ кабакъ вдругъ вошло нѣсколько человѣкъ, повидимому не принадлежавшихъ съ постояннымъ посѣтителямъ. Они оглядѣли всѣхъ присутствующихъ, приблизились къ Альфреду и схватили его за руки.

— «Наконецъ-то!» вскричалъ онъ и безъ чувствъ упалъ къ нимъ на руки.

. . . .

Когда Альфредъ пришелъ въ чувство, онъ лежалъ въ какой-то незнакомой маленькой комнатѣ; черезъ низенькія окна пробивались послѣдніе лучи заходящаго солнца.

Онъ не зналъ, ни сколько времени онъ находился въ безчувственномъ состояніи, ни гдѣ онъ находился. Тревожныя событія послѣднихъ недѣль совершенно исчезли изъ его памяти. Онъ снова закрылъ глаза. Съ чувствомъ невыразимаго наслажденія полной грудью вдыхалъ онъ въ себя свѣжій воздухъ. Черезъ минуту онъ снова открылъ глаза, и увидѣлъ у ногъ своихъ старуху, глядѣвшую на него своими неподвижными глазами.

— Гдѣ я? Что это за комната? спросилъ Альфредъ.

Старуха приложила руку къ губамъ—«Сс.... Докторъ запретилъ вамъ говорить.»

Альфредъ снова закрылъ глаза, и пережитыя событія стали понемножку выясняться въ его памяти. Онъ вспомнилъ, что совершилъ какое-то преступленіе и что его арестовали въ обществѣ пьяныхъ матросовъ.

«А! — подумалъ онъ.—Я въ тюрьмѣ. Эта комната—тюремная больница.»

Когда стемнѣло, старуха зажгла маленькую ночную лампочку. Гдѣ-то вблизи вдругъ раздались звуки пріятнаго женскаго голоса, напѣвавшаго какую-то пѣсню. Ему казалось, что онъ

когда-то уже слыхалъ и этотъ голосъ и самую мелодію. Съ невыразимымъ восторгомъ слушалъ онъ эту пѣсню, и наконецъ подъ ея мелодичные звуки заснулъ съ спокойной счастливой улыбкой на устахъ, какъ нѣкогда ребенкомъ засыпалъ на колѣняхъ матери, подъ звуки колыбельной пѣсни.

Подкрѣпленный живительнымъ сномъ, онъ на другой день проснулся очень поздно. Его разбудилъ приходъ доктора, который, изслѣдовавши его, объявилъ, что больной внѣ опасности и уже настолько поправился, что можетъ на нѣсколько часовъ одѣться и сѣсть въ кресло. Гнетущее нравственное состояніе, въ которомъ онъ находился отъ сознанія, что онъ въ тюрьмѣ, нисколько не мѣшало его физическому организму наслаждаться волнами свѣта и чистаго воздуха, врывавшимися сквозь открытое окно. Онъ все старался припомнить, въ чемъ заключалось преступленіе, за которое онъ посаженъ въ тюрьму.

Дверь отворилась, и въ комнату вошла прелестная молодая дѣвушка.—«Это вѣроятно вчерашняя пѣвица», подумалъ Альфредъ. Ея лицо показалось ему знакомымъ, очень знакомымъ... Онъ пристально сталъ вглядываться въ нее, и вдругъ, точно ужаленный, вскочилъ съ кресла.

— Эльбина! И ты въ тюрьмѣ! Ради всего святого, объясни мнѣ, что это значитъ! Но нѣтъ... это невозможно..... Я съ ума схожу!...

Альфредъ въ своемъ волненіи не замѣтилъ, какъ вслѣдъ за дѣвушкой въ комнату вошелъ сѣдой старикъ, въ пасторскомъ платьѣ. Онъ подошелъ къ Альфреду и, ласково взявъ его за руку, сказалъ:

— Успокойтесь, Альфредъ. Эльбина такъ-же мало въ тюрьмѣ, какъ и вы сами. Вы узнали сразу мою дочь, но ваша память еще не совсѣмъ окрѣпла послѣ болѣзни и вы не узнали меня, стараго друга вашего отца, пастора Бэйкса. Вы находитесь въ моемъ домѣ, и пролежали тутъ въ горячкѣ уже больше 10 дней.

И старый пасторъ разсказалъ Альфреду, какимъ образомъ онъ очутился въ его домѣ. Ульменгольцъ, получивши самообвиненіе Альфреда, ни на минуту не усумнился въ его честности. Какъ безпорядочная форма письма, такъ и его чудовищное содержаніе, нисколько не согласовавшееся съ характеромъ Альфреда, сразу навели его на мысль, что бѣдный молодой человѣкъ писалъ его въ припадкѣ умопомѣшательства. Онъ объявилъ объ этомъ несчастіи старому Сальдингеру, который немедленно телеграфировалъ своему другу, пастору, прося его разыскать Аль-

фреда и позаботиться о немъ. Пасторъ тотчасъ-же принялся разыскивать его при помощи наемныхъ людей, и вскорѣ послѣднимъ удалось найти Альфреда въ матросскомъ кабакѣ. Съ тѣхъ поръ прошло уже больше 10 дней, въ теченіи которыхъ Альфредъ пролежалъ въ горячкѣ и бреду. Изъ послѣднихъ писемъ Сальдингера отца видно, что на этихъ дняхъ въ Лондонъ долженъ пріѣхать Бруно, чтобы смотрѣть за больнымъ братомъ.

По мѣрѣ того, какъ пасторъ въ своемъ разсказѣ затрогивалъ отдѣльныя событія послѣднихъ дней, въ памяти Альфреда стали выясняться всѣ эти ужасныя событія, онъ вспомнилъ, что около этого времени должна рѣшиться участь Бруно. Имъ овладѣло сильнѣйшее безпокойство.

— Какое сегодня число?—спросилъ онъ.

Оказалось, что первое іюля уже прошло. На дальнѣйшіе разспросы Альфреда пасторъ не могъ дать отвѣта, такъ какъ онъ о Бруно ничего не зналъ. Альфредъ былъ въ сильнѣйшей тревогѣ; онъ въ свою очередь разсказалъ пастору и его дочери исторію помолвки Бруно и его дуэли. Онъ заклиналъ ихъ немедленно послать за Герминой, которая, по всей вѣроятности, получила болѣе позднія извѣстія о Бруно.

Не прошло часу, какъ доложили о приходѣ какой-то дамы съ ребенкомъ. Черезъ минуту въ комнату вбѣжала маленькая Изидора и бросилась къ нему на шею. Онъ освободился, отъ объятій ребенка, чтобы привѣтствовать мать, и тутъ только замѣтилъ, что вошедшая женщина не была Герминой. Всматриваясь пристально въ блѣдное, заплаканное лицо вошедшей онъ не безъ труда узналъ въ ней «артистку на трапеціи»,—Руперту.

Смутное предчувствіе новаго несчастія овладѣло имъ.

— Гдѣ Гермина? Гдѣ мама?—тревожно спросилъ онъ, обращаясь одновременно къ Рупертѣ и къ ребенку.

Руперта стояла безмолвная, но ребенокъ снова бросился къ нему на грудь и заливаясь слезами вскричалъ:

— Меня не пускаютъ къ мамѣ, потому что она на небѣ. Поведи меня къ ней!

. . . .

Прошло довольно много времени прежде, чѣмъ Альфредъ могъ опомниться отъ этого новаго удара. Когда миновала первая острая боль, онъ попросилъ Руперту разсказать ему подробности о послѣднихъ дняхъ жизни ея несчастной, многострадальной подруги.

Руперта разсказала скорбныя событія послѣднихъ двухъ недѣль, часто прерывая разсказъ слезами. Она разсказала о нравствен-

ныхъ мукахъ, пережитыхъ Герминой въ первые дни послѣ свиданія съ Альфредомъ, о злополучной поѣздкѣ на море, о ея галлюцинаціяхъ, едва не заставившихъ ее лишить себя жизни. Эта поѣздка и была непосредственной причиной ея смерти. Въ первый же вечеръ Руперта замѣтила въ своей несчастной подругѣ какую-то странную перемѣну, она все говорила о своей близкой смерти, какъ о неизбѣжномъ и даже желательномъ исходѣ. «Моя жизнь, говорила она, постоянно мѣшаетъ жить другимъ людямъ, больше меня имѣющимъ право на жизнь и наслажденія. Только моя смерть можетъ распутать тѣ безчисленныя затрудненія, въ которыя я невольно поставила любимыхъ людей. Я не только хочу умереть,—я чувствую, что желаніе это вполнѣ разумно». Руперта старалась отвлечь ее отъ этихъ мрачныхъ мыслей, но Гермина постоянно возвращалась къ своей тэмѣ. Черезъ нѣсколько дней Руперта не могла скрыть отъ себя опасности положенія Гермины. Рядъ нравственныхъ потрясеній, безконечные дни душевныхъ терзаній, дурная лондонская обстановка, всѣ эти условія вмѣстѣ расшатали здоровье Гермины, а простуда, схваченная во время несчастной прогулки, окончательно сразила ее. Она сохранила ясность ума, но физическія силы съ каждымъ днемъ замѣтно покидали ее. Разъ она взяла Изидору въ свои объятія и, страстно цѣлуя ее, сказала: «Ты будешь счастливѣе меня, я въ этомъ увѣрена. Твой отецъ былъ умный практическій человѣкъ, и ты наслѣдовала его качества. Мой отецъ былъ мечтатель, полный поэтическихъ идеаловъ, и я умираю, какъ умираютъ въ балладѣ,—чтобы спасти любимаго человѣка. Это—высшее счастіе, доступное натурамъ, подобнымъ мнѣ»...

Она часто вспоминала Альфреда.—«Онъ сердится на меня, потому что изъ-за меня онъ совершилъ ужасный поступокъ; поэтому-то онъ и не приходитъ ко мнѣ. Но когда я умру и онъ узнаетъ все, онъ тоже проститъ мнѣ и будетъ заботиться о моей малюткѣ. Онъ это съумѣетъ лучше всякаго другого».

За нѣсколько дней до смерти она получила письмо отъ Бруно, въ которомъ онъ сообщалъ объ окончаніи сдѣлки съ Пуммереромъ и выражалъ увѣренность въ близкомъ и успѣшномъ окончаніи дѣла. Гермина послала за нотаріусомъ и продиктовала ему завѣщаніе, въ которомъ назначила Изидору своей единственной наслѣдницей, а Альфреда — опекуномъ ребенка. Она была увѣрена, что нечестно добытыми деньгами Бруно не достигнетъ цѣли и тоже долженъ будетъ умереть. «Но эта мысль меня теперь не страшитъ больше. Бруно, подобно мнѣ, не при-

надлежитъ къ жильцамъ этого міра; онъ также не созданъ для того, чтобы быть счастливымъ и дѣлать счастливыми другихъ... Пусть лучше ребенокъ мой будетъ въ сильныхъ рукахъ Альфреда».

Черезъ нѣсколько дней, когда въ ея состояніи наступила перемѣна къ худшему, она продиктовала Рупертѣ слѣдующую телеграмму къ Бруно.—«Я больна, умираю. Жди терпѣливо слѣдующей телеграммы».

Черезъ два дня, 30-го іюня Рупертѣ пришлось послать Бруно эту важную телеграмму. Она сообщила ему о смерти Гермины. Ея послѣднія слова заключали въ себѣ просьбу къ Альфреду, чтобы онъ не отказался быть опекуномъ ребенка и замѣнить ему родителей.

Руперта кончила. Нѣсколько минутъ всѣ молчали, находясь подъ тяжелымъ впечатлѣніемъ разсказа. Въ умѣ Альфреда вдругъ промелькнула ужасная мысль.

— Что-же съ Бруно?—съ тревогой въ голосѣ спросилъ онъ Руперту.—Получили ли вы какія-нибудь извѣстія объ немъ?

Но нѣтъ; послѣ 30-го іюня Руперта не получала отъ него никакихъ извѣстій...

Альфредъ закрылъ лицо руками, какъ бы желая скрыть себя отъ всего міра.

Въ комнатѣ снова воцарилось глубокое молчаніе, нарушаемое лишь шопотомъ Изидоры, объ чемъ-то разговаривавшей съ Эльбиной. Ребенокъ уже успѣлъ подружиться съ молодой англичанкой, и въ беззаботной болтовнѣ съ своей новой подругой повидимому забылъ о своемъ великомъ горѣ.

Вдругъ, среди всеобщей тишины гдѣ-то вблизи послышались звуки знакомаго голоса. Альфредъ и Руперта одновременно приподняли головы, напряженно прислушиваясь. Въ слѣдующую минуту на порогѣ двери показалась высокая фигура Бруно.

— Ты живъ!—вскричалъ онъ, открывая объятія поднявшемуся съ кресла Альфреду.

— Ты живъ, Бруно!—одновременно вскричалъ Альфредъ, и братья бросились на шею другъ другу.

— Да, мы оба живы, но какой дорогой цѣной куплена наша жизнь!..

Онъ обнялъ плачущую Руперту, отошелъ съ ней къ окну и долго разговаривалъ съ ней о любимой женщинѣ...

Когда братья остались одни, Бруно разсказалъ Альфреду, что́ онъ пережилъ и выстрадалъ за это время. Почти одновременно съ первой телеграммой Руперты, извѣщавшей о смертельной болѣзни Гермины, отъ Ульменгольца было получено

извѣстіе о болѣзни Альфреда. Ни въ домѣ у Ульменгольца, ни въ семействѣ Сальдингеровъ никто не придавалъ вѣры самообвиненіямъ Альфреда, и всѣ приписывали ихъ временному умопомѣшательству. Одинъ только Бруно подозрѣвалъ истину. Эти подозрѣнія превратились въ увѣренность, когда онъ прочелъ присланное Ульменгольцемъ ужасное письмо Альфреда.

— Я съ тобой не говорилъ подробно о моихъ переговорахъ съ Пуммереромъ,—замѣтилъ Бруно,—но я догадался, что ты, уже будучи въ Лондонѣ, узналъ объ нихъ отъ Гермины. Я почему-то чувствовалъ, что ты узналъ объ условіяхъ моей дуэли съ Джемсомъ и для моего спасенія рѣшился на эту жертву...

— Я немедленно остановилъ процессъ противъ Ульменгольца,—продолжалъ Бруно.—Одного извѣстія объ опасной болѣзни Гермины было достаточно, чтобы лишить меня способности и охоты заниматься какими бы то ни было дѣлами... 30-го іюня я получилъ послѣднюю роковую телеграмму...

— Постигшее меня несчастье,—снова заговорилъ онъ послѣ довольно долгаго молчанія,—налагало на меня обязанность, которая была для меня даже своего рода утѣшеніемъ. Въ условіи, заключенномъ между мной и Джемсомъ, былъ пунктъ, который я считалъ совершенно безсмысленнымъ три мѣсяца тому назадъ, когда условіе было заключено. Въ этомъ пунктѣ говорилось, что, если Гермина до 1-го іюля умретъ или выйдетъ замужъ за кого-нибудь кромѣ одного изъ насъ, все условіе теряетъ для насъ обязательную силу. Такимъ образомъ ея смерть спасла Джемса, и я немедленно сообщилъ ему объ этомъ. Я вполнѣ понимаю, что молодому человѣку не хочется умирать, но я пришелъ въ ужасъ при видѣ бѣшеной радости, охватившей его, когда онъ узналъ о своемъ спасеніи. Грубое животное чувство самосохраненія вытѣснило у него всякую мысль о той, которая своей смертью возвратила ему право на жизнь! А между тѣмъ, —вѣдь онъ ее любилъ... Однако онъ немедленно пошелъ со мной къ банкиру и заставилъ его выплатить мнѣ всю сумму, которая слѣдовала Герминѣ. — Юридическая справедливость восторжествовала. Пусть кто можетъ найдетъ въ этой мысли утѣшеніе...

Прошло еще нѣсколько дней, и Альфредъ совершенно выздоровѣлъ. Бруно возвратился домой и немедленно выслалъ ему изъ денегъ Гермины 1200 фунтовъ. Съ этими деньгами Альфредъ окончилъ то предпріятіе, для котораго онъ былъ посланъ въ Англію. Ульменгольцъ былъ увѣренъ, что эти деньги не выхо-

дили изъ рукъ Альфреда, и никогда не зналъ истинной связи событій. По окончаніи своего дѣла, Альфредъ письменно объявилъ своему патрону, что прекращаетъ службу у него, и нашелъ выгодное мѣсто въ одномъ большомъ торговомъ домѣ въ Лондонѣ.

Черезъ нѣсколько лѣтъ онъ женился на Эльбинѣ. Они усыновили Изидору, и Альфредъ въ качествѣ опекуна успѣшно завѣдывалъ ея большимъ состояніемъ. Они старались уговорить и Руперту поселиться вмѣстѣ съ ними, но не успѣли въ этомъ. Руперта продолжала вести свою бродячую жизнь, хотя со смерти Гермины она сдѣлалась необыкновенно грустной и серьёзной. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ она изрѣдка переписывалась съ Бруно и Альфредомъ, и затѣмъ они больше не слыхали о ней.

Бруно остался холостякомъ. Единственное утѣшеніе онъ находилъ въ обществѣ старухи-матери, единственную радость—при видѣ семейнаго счастія и благоденствія брата. Онъ часто вспоминалъ слова, нѣкогда слышанныя имъ отъ матери, что для нѣкоторыхъ натуръ вся жизненная задача заключается въ томъ, чтобы, не унывая и не жалѣя, отказывать себѣ въ земномъ счастіи. Онъ ясно сознавалъ, что самъ принадлежалъ къ числу такихъ натуръ.

С. К.

НАКАНУНѢ РАЗДѢЛА ПОЛЬШИ

Историческій очеркъ по оффиціальнымъ документамъ.

„Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества“.—„Дипломатическая переписка англійскихъ пословъ и посланниковъ при русскомъ дворѣ“, томъ XII. Спб., 1873; томъ XIX. 1876. „Переписка императрицы Екатерины II съ королемъ Фридрихомъ II“, томъ XX. 1877; „Дипломатическая переписка прусскихъ посланниковъ при русскомъ дворѣ“, томъ XXII, 1878; томъ XXXVII. Спб. 1883.

Не много есть историческихъ явленій, о которыхъ писали бы такъ много и высказывали бы такія разнообразныя мнѣнія, какъ о раздѣлѣ Польши. Не говоря уже о непосредственно заинтересованныхъ въ этомъ вопросѣ народахъ: полякахъ, русскихъ, нѣмцахъ, у французовъ и англичанъ существуетъ о немъ цѣлая литература. Историки, ученые юристы, философы, журналисты, даже романисты, всѣ посвящали ему свое вниманіе и свои труды. И, однако же, не смотря на то, настоящій характеръ вопроса выяснился лишь весьма недавно. Въ особенности роль, какую играли въ погибели польской республики три раздѣлившія ее державы, оставалась вполнѣ неразъясненной и понималась совершенно превратно. Цѣлое столѣтіе оставалась она окутанной непроницаемымъ покровомъ дипломатической тайны, и все это время истинные виновники всего дѣла не только не несли отвѣтственности за свое дѣяніе, но еще имѣли возможность—которою и пользовались—взваливать ее на другихъ. Цѣлое столѣтіе вся темная сторона, весь, какъ говорится — odium раздѣла падалъ на Россію. Цѣлое столѣтіе весь цивилизованный міръ ей одной приписывалъ не только главную исполнительную роль (которая ей дѣйствительно и принадлежала), но и иниціативу и планъ всего дѣла, Австрію же и Пруссію счи-

тали чуть не жертвами русскаго коварства и насилія. Нужно замѣтить притомъ, что сами правительства обѣихъ этихъ державъ старались дать именно такое направленіе общественному мнѣнію. Особенно австрійское заботливо распространяло, и въ газетахъ того времени и въ послѣдующихъ по его указаніямъ написанныхъ историческихъ сочиненіяхъ, такія свѣдѣнія, на основаніи которыхъ читатели должны были заключить, будто Австрія лишь по неволѣ приняла участіе въ дѣлѣ, которое сама порицала и исполненія котораго отнюдь не желала. Что касается до Пруссіи, то самъ Фридрихъ II и притомъ раньше еще, чѣмъ послѣдовалъ первый раздѣлъ Польши, уже старался выгородить себя и, такъ сказать, спрятаться за спиною Россіи. Такъ, еще въ маѣ 1771 года, ведя съ Австріей частные переговоры по польскимъ дѣламъ (черезъ австрійскаго посланника при берлинскомъ дворѣ, фонъ-Свитена), онъ преспокойно увѣрялъ ее, будто «проектъ раздѣленія нѣкоторыхъ областей Польши исходитъ прямо отъ русскаго двора, а не изъ его лавочки (et non de ma boutique)». Неудивительно, поэтому, если въ обществѣ составилось на этотъ счетъ неправильное мнѣніе. Правда, обмануть его до конца все же таки не удалось. Сказанія о знаменитыхъ слезахъ Маріи-Терезіи, при подписаніи акта раздѣла, и о собственноручной припискѣ, будто бы сдѣланной ею на послѣднемъ рапортѣ министра, въ которомъ тотъ доказывалъ ей необходимость согласиться на раздѣлъ [1])— эти сказанія, точно такъ же какъ и смѣлыя увѣренія Фридриха II не долго вводили общество въ заблужденіе. Всѣ поняли, что если Марія-Терезія и не задумала сама раздѣлить Польшу и

[1]) Легенда гласила, будто Марія-Терезія написала слѣдующія слова: „Placet, такъ какъ этого хотятъ столько мудрыхъ и свѣдущихъ людей; но долго спустя послѣ моей смерти увидятъ, къ какимъ результатамъ приведетъ это презрѣніе ко всему, что́ до сихъ поръ считалось въ мірѣ святымъ и справедливымъ“. Оригинала этой приписки никогда не могли разыскать. Документъ, на которомъ она, согласно легендѣ, должна бы находиться, имѣется на лицо, но приписки на немъ нѣтъ, вслѣдствіе чего ее и нельзя разсматривать иначе какъ апокрифическую. Впрочемъ, нельзя сказать, чтобъ это былъ совершенный вымыселъ: подобное мнѣніе дѣйствительно было высказано Маріей-Терезіей, въ письмѣ къ своему послу при парижскомъ дворѣ, гр. Мéрси, которому она писала: „Они (т.-е. Фридрихъ и Екатерина) славно провели насъ за носъ, и я неутѣшна. Если что можетъ еще нѣсколько утѣшить меня, такъ это то, что я всегда была противъ этого безсовѣстнаго и столь неравнаго раздѣла и противъ нашего сообщества съ этими чудовищами... Не будучи въ состояніи вести войну, я уступила, но противъ своего убѣжденія. Дай Богъ, чтобы манархія не пострадала еще за это послѣ моей смерти“. Въ этихъ словахъ высказывается та же мысль, пожалуй, но надо много доброй воли, чтобы увидать въ нихъ осужденіе самаго факта раздѣла, а не горькое сожалѣніе о недостаточности доли Австріи въ немъ.

подчинилась извѣстному давленію, то подчинилась безъ особенной борьбы и даже охотно. Тѣмъ не менѣе иниціативу дѣла все же не приписывали не только ей, но даже и Пруссіи—она такъ и осталась за Россіей. Правда, подозрѣніе, что эта иниціатива могла принадлежать и Пруссіи, пожалуй, и мелькало иногда; нѣкоторые историки — не нѣмецкіе, впрочемъ — даже и высказывали его, хотя не смѣло; но такъ какъ фактическихъ, неопровержимыхъ данныхъ, на которыя это мнѣніе могло бы опереться, не было никакихъ, то оно и оставалось только подозрѣніемъ, не обращаясь въ доказанный историческій фактъ. Довольно сказать, что даже такой глубоко ученый и честный историкъ, какъ Ранке, насчетъ безпристрастія котораго и сомнѣнія быть не можетъ, и тотъ, не встрѣтивъ въ своихъ изслѣдованіяхъ ни малѣйшаго доказательства противнаго, говоритъ, что и замыселъ и исполненіе раздѣла Польши принадлежатъ Россіи. Только теперь, въ послѣднее десятилѣтіе обнародованіе новыхъ, остававшихся до сихъ поръ недоступными изслѣдователямъ документовъ дало возможность съ полнѣйшей достовѣрностью *доказать*, что если которая-нибудь изъ трехъ раздѣлившихъ державъ играла часто второстепенную роль, являлась скорѣе орудіемъ, а никакъ не руководительницей, такъ это именно Россія, что первая роль всецѣло принадлежала Пруссіи и душою, âme damnée, всего дѣла былъ король прусскій Фридрихъ II. Документы эти постепенно появлялись сначала въ Австріи, потомъ въ Германіи, но все это по частямъ и отрывками. Такъ, письма принца Генриха прусскаго къ брату своему, королю Фридриху II, изданы далеко не вполнѣ, въ нихъ оставлено много пробѣловъ и притомъ по вопросамъ, существенно важнымъ. То же можно сказать и о прочихъ заграничныхъ изданіяхъ. Они даютъ много матеріала, по нимъ можно представить себѣ приблизительно вѣрную общую картину дѣла; но восстановить ее всю, черта за чертой и шагъ за шагомъ, все еще нельзя — обо многомъ приходится догадываться.

Честь доставленія европейской наукѣ такихъ матеріаловъ, на основаніи которыхъ можно именно, какъ мы говоримъ, воспроизвести точную, до мельчайшихъ подробностей, картину всей этой печальной эпохи перваго раздѣла Польши,—эта честь принадлежитъ нашему Русскому Историческому Обществу. Пользуясь высочайшимъ покровительствомъ своего августѣйшаго предсѣдателя и просвѣщеннымъ содѣйствіемъ государственныхъ людей Россіи, Германіи и Англіи, открывшихъ ему свои государственныя архивы, Общество, за послѣдніе годы, собрало и издало

въ свѣтъ цѣлый рядъ оффиціальныхъ актовъ, относящихся къ эпохѣ шестидесятыхъ и начала семидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія. Сюда вошли переписка императрицы Екатерины II съ королемъ Фридрихомъ II, переписка прусскихъ посланниковъ при русскомъ дворѣ, отъ 1763 до 1772 годовъ, со включеніемъ многихъ собственноручныхъ писемъ Фридриха II къ графу Сольмсу (тогдашнему посланнику Пруссіи въ Петербургѣ), и, наконецъ, переписка англійскихъ посланниковъ отъ 1762 до 1776 годовъ. Изъ комбинаціи всѣхъ этихъ актовъ, достовѣрность которыхъ тѣмъ болѣе несомнѣнна, что они и получены оффиціальнымъ путемъ, явствуетъ съ очевидной, осязательной ясностью, что не только первая мысль и общій планъ раздѣла Польши, но и мельчайшія подробности фактическаго осуществленія этого плана принадлежатъ Фридриху II. Съ самыхъ первыхъ дней вступленія Екатерины на престолъ, онъ ни на минуту не упускалъ изъ виду очевидно ранѣе еще созрѣвшей въ немъ мысли, и день за днемъ, такъ сказать, капля по каплѣ впускалъ ее въ голову Екатерины, которую осторожно, незамѣтно велъ все дальше въ желанномъ ему направленіи, подводилъ все ближе къ давно намѣченной имъ цѣли. Не говоря уже о крупныхъ событіяхъ, не было ни одного самаго маленькаго происшествія, насчетъ котораго онъ не спѣшилъ бы подать, какъ самъ онъ постоянно говоритъ въ своихъ письмахъ, «откровенный и чистосердечный» совѣтъ своей «доброй сестрѣ, подругѣ и вѣрной союзницѣ» (такъ Екатерина подписывала всегда свои письма къ нему). Сравнивая событія той эпохи съ донесеніями прусскихъ пословъ и съ собственными письмами Фридриха къ нимъ и къ Екатеринѣ, нельзя не видѣть, что, въ первыя десять лѣтъ царствованія Екатерины, русскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ—и министромъ всесильнымъ, въ родѣ, напримѣръ Ришельё во Франціи, или теперь Бисмарка въ Германіи,—былъ въ сущности не кто иной, какъ король прусскій. И не только по вопросамъ внѣшней политики, онъ и по внутреннимъ дѣламъ не оставлялъ Екатерину своими совѣтами. Такъ, отвѣчая императрицѣ на письмо, посланное ею къ нему вмѣстѣ съ экземпляромъ своего «Наказа», по поводу котораго онъ, разумѣется, выражаетъ восторгъ и изумленіе — Фридрихъ говоритъ, между прочимъ: «Я поставилъ себя на ваше мѣсто, государыня, и прежде всего уразумѣлъ, что каждая страна имѣетъ особенныя условія, требующія, чтобы законодатель сообразовался съ геніемъ народа, подобно тому, какъ законодатель долженъ сообразоваться съ почвой, чтобы заставить процвѣтать на ней свои растенія. Есть мысли, по отношенію къ

которымъ ваше величество довольствуетесь лишь одними указаніями, но на которыхъ осторожность не дозволяетъ вамъ настаивать... Такъ какъ ваше императорское величество желаете знать все, что́ я думаю объ этомъ предметѣ, то я полагаю, что долженъ откровенно высказать слѣдующее: именно, государыня, прекрасные законы, составленные по правидамъ, начертаннымъ вами, нуждаются въ законовѣдахъ, чтобы быть приведенными въ исполненіе въ вашемъ обширномъ государствѣ. И я думаю, государыня, что послѣ блага, какое вы оказали законодательству, вамъ остается совершить еще одно—это основать академію правъ, дабы образовать тамъ людей, предназначаемыхъ на судебныя мѣста, какъ судей, такъ и адвокатовъ». Обращалъ также Фридрихъ вниманіе Екатерины на флотъ, постоянно то прямо, то косвенно, путемъ сравненій съ Петромъ Великимъ, совѣтуя ей заботиться объ этой важной части государственнаго управленія. Что касается до министровъ, вообще до лицъ, которыя, по положенію своему, могли такъ или иначе вліять на императрицу, равно какъ и до дипломатическихъ представителей Россіи, то за ними Фридрихъ слѣдилъ самымъ неусыпнымъ образомъ и покровительствовалъ однимъ, интриговалъ противъ другихъ, смотря по тому, соотвѣтствовали ли ихъ взгляды его планамъ, склонялись ли они въ его пользу, служили ли его интересамъ, или нѣтъ. Напримѣръ, графа А. П. Бестужева-Рюмина, какъ извѣстно, нетерпѣвшаго Пруссію и лично Фридриха и всегда старавшагося склонить Екатерину къ елизаветинской политикѣ враждебнаго Пруссіи союза съ Австріей, или, по крайней мѣрѣ, дружественныхъ отношеній съ нею, при которыхъ вліяніе Фридриха конечно не могло бы сдѣлаться исключительнымъ,—гр. Бестужева Фридрихъ ненавидѣлъ, и посолъ его, гр. Сольмсъ употреблялъ всевозможныя усилія, чтобъ удалить его совсѣмъ отъ двора, уничтожить въ конецъ. Начиная съ первыхъ депешъ, по прибытіи въ Петербургъ, онъ доноситъ о продолжающейся враждебности Бестужева, объявляетъ, что покуда этотъ «злой, коварный и мстительный старикъ» находится при дворѣ, состоитъ въ дружбѣ съ гр. Григоріемъ Орловымъ и имѣетъ вліяніе на императрицу, до тѣхъ поръ дѣло союза съ Пруссіей нельзя считать вполнѣ обезпеченнымъ, и тутъ же разсказываетъ, какъ самъ онъ, Сольмсъ, принимаетъ дѣятельное участіе въ дворскихъ интригахъ противъ Бестужева. Онъ уговариваетъ графа М. Л. Воронцова не торопиться отставкой, не покидать императрицу на жертву зловреднымъ козням Бестужева, а лучше соединиться съ Панинымъ и вмѣстѣ составить противовѣсъ его вліянію; убѣждаетъ Панина

въ томъ же смыслѣ, инсинуируя ему, что благодарность за личныя услуги не должна брать верхъ надъ государственными соображеніями, что хотя онъ всѣмъ обязанъ Бестужеву, но если интересы государства и императрицы требуютъ его удаленія, то съ этимъ надо примириться и т. д. Однако Панинъ, восхищавшій его своею преданностью идеѣ русско-прусскаго союза, въ дѣлѣ отношеній къ Бестужеву далеко не удовлетворялъ Сольмса. Онъ, разумѣется, соглашался съ его вполнѣ справедливыми доводами, но дальше честной борьбы на почвѣ политическихъ вопросовъ идти не хотѣлъ: природныя честность и прямодушіе (о которыхъ, замѣтимъ мимоходомъ, единогласно и въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ свидѣтельствуютъ рѣшительно всѣ иностранные представители), не допускали его до личныхъ интригъ и подвоховъ. Прусскій посланникъ съ нѣкоторой горечью и даже не безъ презрительности жалуется на то, «какую этотъ человѣкъ (Панинъ) малую имѣетъ склонность къ интригамъ», выражая вслѣдъ затѣмъ пожеланія, чтобы «что-либо» удалило «злого старика» отъ двора, и мысль, что въ виду нерѣшительности Панина и недостатка энергіи Воронцова, развѣ только вліяніе личной переписки короля съ императрицей можетъ восторжествовать надъ враждебными элементами и направить русскую политику, согласно съ интересами Пруссіи. Ровно мѣсяцъ спустя послѣ этого, Сольмсъ съ большой радостью извѣщаетъ своего повелителя, что императрица «какъ-то узнала» о личной переепискѣ Бестужева съ Маріей-Терезіей и съ ея посломъ въ Варшавѣ, гр. Мéрси (онъ былъ передъ тѣмъ посланникомъ въ Петербургѣ) и по этому поводу приказала слѣдить за бывшимъ канцлеромъ. «Надѣюсь, — говоритъ Сольмсъ, — что эта уловка дастъ возможность удалить этого старца отсюда», и—нѣсколько дней спустя: «...можетъ быть, вскорѣ намъ удастся узнать это (что Бестужевъ пишетъ Мерси) отъ людей, посланныхъ къ нему». Въ числѣ этихъ посланныхъ людей былъ, по словамъ Сольмса, и собственный сынъ Бестужева, «большой негодяй», какъ аттестуетъ его прусскій посланникъ, но драгоцѣнный тѣмъ, что ненавидитъ своего отца. Опять въ скоромъ времени послѣ того, Сольмсъ сообщаетъ: «Панинъ благодаритъ короля за увѣдомленіе о заговорѣ, который замышляется въ настоящее время въ Россіи». Депеша эта, помѣченная 17 апрѣля 1764 г., сообщена лишь отчасти, начало приведено лишь въ формѣ сухого перечня содержанія, такъ что нельзя утвердительно сказать, о какомъ собственно заговорѣ идетъ тутъ рѣчь. Во всякомъ случаѣ не о дѣлѣ гетмана гр. Разумовскаго, о которомъ говоритъ Сольмсъ

далѣе, потому что тогда дѣло это было уже давно раскрыто и кончено и самое званіе гетмана уничтожено, между тѣмъ какъ Панинъ благодаритъ за заговоръ, «въ настоящее время существующій». Достовѣрно только одно: что съ этимъ неизвѣстнымъ заговоромъ связано имя Бестужева...

Бестужевъ былъ центромъ, главнымъ столпомъ противупрусской оппозиціи и поэтому, естественно, и главной мишенью ударовъ Фридриха, но онъ и за болѣе мелкими противниками учреждалъ надзоръ своего посланника и обращалъ на нихъ вниманіе Панина. Такъ, узнавъ о прибытіи въ Петербургъ кн. Дашковой и Волкова, онъ пишетъ Сольмсу: «...надо выждать, какую роль они будутъ играть, появившись вновь на сценѣ. Признаюсь, появленіе послѣдняго мнѣ вовсе непріятно. Вы знаете, что въ царствованіе Петра III—государя, очень усердствовавшаго относительно меня,. этотъ интриганъ не переставалъ дѣйствовать во вредъ моимъ интересамъ [1]). Я убѣжденъ, что онъ снова представится гр. Бестужеву, и если только онъ приметъ какое-нибудь участіе въ дѣлахъ, то гр. Панинъ несомнѣнно встрѣтитъ его у себя на дорогѣ». Съ такой же полной безпокойства бдительностію слѣдили и за иностранными послами, особенно польскими и англійскими. Послѣдніе, впрочемъ, не много причиняли хлопотъ, потому что изъ пяти лицъ, депеши которыхъ напечатаны въ двухъ томахъ «Сборника Историческаго Общества», только одно лицо, нѣкій мистеръ Генри Ширлей, выказало дипломатическія способности, наблюдательность и умъ, да и тотъ не былъ посланникомъ, а только короткое время завѣдывалъ дѣлами посольства. Остальные не переходили границъ золотой посредственности, а посланникъ, дольше всѣхъ остававшійся въ Петербургѣ, лордъ Каскартъ, представлялъ такую совершеннѣйшую бездарность и простоту, что конечно не могъ быть опаснымъ Фридриху. Онъ, въ наивности своей, даже не подозрѣвалъ громадности вліянія прусскаго короля и простодушно увѣрялъ своего министра, что получаемыя имъ изъ другихъ источниковъ свѣдѣнія объ этомъ невѣрны и что его прусскому величеству даже вовсе неизвѣстны переговоры его, Каскарта, о союзѣ съ Россіей. Это—въ то время, когда безграничное довѣріе Панина къ Сольмсу и самой Екатерины къ Фридриху позволяло прусскому двору знать каждый шагъ, дѣлавшійся, и каждое слово, произносившееся при русскомъ дворѣ! Разумѣется за дипломатомъ этого калибра не стоило и слѣдить. За то польскіе экстраординарные послы вну-

---

[1]) Онъ былъ, какъ извѣстно, усерднымъ и дѣятельнымъ сторонникомъ Екатерины.

шали подчасъ опасенія. Гр. Ржевускій, напримѣръ, и нѣкій панъ Гурновскій успѣли настолько овладѣть вниманіемъ и внушить симпатію къ себѣ Панину и даже отчасти императрицѣ, что одну минуту Фридрихъ серьезно повидимому опасался за успѣхъ если не общаго плана своего по отношенію къ Польшѣ, то по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ чертъ его. Впрочемъ, эти временныя тревоги продолжались не долго. Скоро личныя отношенія Фридриха и Екатерины сдѣлались настолько интимно дружескими и вліяніе его утвердилось такъ невыблемо, что онъ могъ ужъ не бояться никого и ничего. Гр. Сольмсъ сдѣлался нетолько persona gratissima, но силой при русскомъ дворѣ. И русскіе вельможи и иностранцы, не исключая и принцевъ, считали необходимымъ заискивать въ немъ. Каждый, пріѣзжая въ Петербургъ, непремѣнно дѣлалъ ему визитъ наравнѣ съ самыми вліятельными изъ министровъ, а иногда и раньше ихъ.

Чѣмъ же обусловливалось это чрезвычайное и, можетъ быть, безпримѣрное въ исторіи вліяніе иностраннаго государя на русскій дворъ и его политику? Однимъ убѣжденіемъ Екатерины въ тождествѣ интересовъ Россіи и Пруссіи, по отношенію къ Польшѣ и выгодности, поэтому, союза съ Пруссіей нельзя этого объяснить; потому что, какъ бы то ни было, а между дружественнымъ союзомъ съ какой-либо державой и почти безусловнымъ подчиненіемъ вліянію государя этой державы есть еще огромное разстояніе. А Екатерина именно почти-что подчинялась Фридриху. Отчего это происходило? Документы, помѣщенные въ «Сборникѣ Историческаго Общества», даютъ ключъ къ уразумѣнію этого. Фридрихъ достигъ своего вліянія тѣмъ изумительнымъ, ни при какихъ условіяхъ и ни на минуту не измѣнившимъ ему тактомъ, съ которымъ онъ одновременно и равномѣрно дѣйствовалъ на Екатерину, какъ на государыню и какъ на женщину. Екатерину-женщину онъ осыпалъ лестью, самой непомѣрной, гиперболической, подчасъ даже просто до отвращенія грубой лестью. Вотъ для примѣра нѣсколько выдержекъ изъ его писемъ:

«Государыня, сестра моя, я получилъ съ особеннымъ удовольствіемъ плоды, которые ваше императорское величество милостиво прислали мнѣ [1]); кромѣ ихъ рѣдкости и превосходнаго вкуса, достаточно уже, отъ чьей руки они исходятъ, чтобы сдѣлать ихъ для меня безконечно дорогими. Ваше величество до-

[1]) Царственные друзья, кромѣ собственноручныхъ писемъ, которыя посылали другъ другу почти съ каждой почтой, часто еще обмѣнивались маленькими подарками. Послѣдніе, точно такъ же какъ и письма, Фридрихъ посылалъ и Панину.

бавляетъ къ тому столько лестнаго, что я не съумѣю засвидѣтельствовать вамъ свою за то признательность. Правда, государыня, что разстояніе между астраханскими арбузами и избирательнымъ сеймомъ въ Польшѣ неизмѣримо, но ваше божественное провидѣніе соединяетъ все въ сферѣ своей дѣятельности: та самая рука, которая раздаетъ арбузы въ одной сторонѣ, жалуетъ короны въ другой и въ особенности поддерживаетъ миръ въ Европѣ, за который я и всѣ, кто непосредственно заинтересованъ въ дѣлахъ Польши, будутъ благословлять васъ вѣчно. Я не хочу, государыня, повторять того, что̀ сказалъ вашему императорскому величеству въ своихъ предшествовавшихъ письмахъ; я вижу, что всѣ трудности сглаживаются передъ вашими стопами и что, несмотря на тайную зависть нѣкоторыхъ державъ, гордость которыхъ желала бы вліять на все, избирательный сеймъ Польши послѣдуетъ тому толчку, который вашему императорскому величеству угодно будетъ дать ему»... «Государыня,... наконецъ настала эпоха, когда я могу поздравить ваше императорское величество съ счастливымъ успѣхомъ вашихъ намѣреній въ Польшѣ. Никогда еще сеймъ не былъ столь спокойнымъ, никогда еще ни одно избраніе столь единодушнымъ, какъ избраніе Станислава Понятовскаго. Вы, государыня, превзошли всѣхъ своихъ предшественниковъ въ томъ, что послѣдніе, давая королей Польшѣ, обагряли ее кровію, ваше же императорское величество достигли того мирнымъ путемъ» (не надо забывать, что на этомъ пути самъ Фридрихъ, какъ увидимъ ниже, руководилъ каждымъ ея шагомъ). «Какая слава, государыня, съумѣть вести дѣла Курляндіи и Польши такимъ превосходнымъ образомъ, какъ мы видѣли, и получить отъ гордой республики сарматовъ титулъ, въ которомъ ихъ высокомѣріе упорно отказывало вашимъ предкамъ. Я не могу воздержаться, чтобъ не прибавить ко всему этому, что ничто на свѣтѣ не кажется мнѣ болѣе удивительнымъ, какъ то, что вы совершили столько великихъ дѣлъ, такъ сказать, безъ усилій, не употребляя ни силу, ни насиліе. Господь сказалъ: да будетъ свѣтъ и бысть свѣтъ. Ваше императорское величество заставляете даже Порту Оттоманскую признавать превосходство вашей новой системы: вы вѣщаете и вселенная безмолвствуетъ передъ вами»... Въ 1767 г. у принца прусскаго родилась дочь. Фридрихъ проситъ, отъ имени своего племянника и жены его, Екатерину быть воспріемницей новорожденной. «Ея крещеніе,— говоритъ онъ при этомъ,—будетъ отмѣчено въ лѣтописяхъ временъ эпохою законовъ, которые вы даровали Россіи. Ей скажутъ, что ея крестной матерью была та императрица, которая первая

изъ женщинъ могла носить названіе законодателя своей имперіи и которая своею мудростью первая положила основаніе счастья своихъ народовъ, установивъ справедливые законы. Ежели царь Петръ I не гнушался работать въ Амстердамѣ на верфи адмиралтейства, чтобы дать флотъ своему народу, то и ваше императорское величество не пренебрегли безчисленными подробностями юриспруденціи, чтобы обезпечить владѣнія и благосостояніе своего народа»... Всякій случай: привитіе Екатериной оспы себѣ, поѣздка кого-либо близкаго ему въ Петербургъ и пр. т. п., все служило Фридриху поводомъ къ подобнымъ изліяніямъ чувствъ. А ужъ что касается до побѣдъ, то по случаю ихъ восторженность преданнаго союзника переходила всякія границы. Его письма и по тону и по оборотамъ рѣчи принимали совершенно характеръ хвалебныхъ одъ въ прозѣ, которыя рѣшительно ничѣмъ не уступали одамъ присяжныхъ придворныхъ стихотворцевъ. «Чувства вашего императорскаго величества,—пишетъ онъ, по случаю приглашенія Екатериною принца Генриха посѣтить ее въ Петербургѣ,—слишкомъ лестны для моего семейства, чтобы я не отвѣчалъ на нихъ со всею признательностію... Не будетъ ни моря, ни скалъ, ни пропастей, которыя бы остановили его, и онъ преодолѣетъ всѣ препятствія, достаточно вознагражденный за свои труды тѣмъ, что будетъ имѣть возможность выразить вамъ, государыня, свое благоговѣніе. Я завидую преимуществамъ, которыми онъ насладится; законъ, привязывающій меня къ моимъ обязанностямъ, вынуждаетъ меня отказаться отъ этого счастія. Да сможетъ братъ мой выразить вашему императорскому величеству то восхищеніе, какое внушаютъ мнѣ ваши великія и знаменитыя качества. Я имѣлъ счастіе видѣть васъ въ томъ возрастѣ, когда вашими прелестями вы выдѣлялись среди всѣхъ, имѣющихъ притязаніе на красоту. Нынѣ, государыня, вы возвысились надъ монархами и завоевателями и стали въ уровень съ законодателями. Взгляды обширные, мудрые и смѣлые обозначаютъ всѣ ваши поступки въ управленіи и заставляютъ даже враговъ вашихъ съ содроганіемъ изумляться и рукоплескать вашему генію. Средиземное море, покрытое русскими кораблями, и ваши знамена, распущенныя на развалинахъ Спарты и Аѳинъ, будутъ вѣчнымъ памятникомъ, свидѣтельствующимъ потомству о величіи вашей славы и блескѣ вашего царствованія. Константинополь—трепещущій при видѣ русскаго флота, и султанъ, вынужденный подписать миръ, какой предпишетъ ему ваша умѣренность, довершатъ этотъ памятникъ славы. Все это ставитъ

ваше императорское величество на ряду съ величайшими людьми, какихъ когда-либо производила вселенная»...

Почти вся переписка ведется вотъ въ этомъ тонѣ. Лишь въ крайнихъ случаяхъ, когда Екатерина, чрезмѣрной рѣзкостію поступковъ и въ особенности обращенія съ сосѣдями, грозила серьёзно скомпрометировать интересы Пруссіи, Фридрихъ рѣшался заговорить съ нею инымъ языкомъ. Въ большинствѣ же случаевъ, даже о важныхъ политическихъ дѣлахъ, даже о вопросахъ, насчетъ которыхъ они расходились во взглядахъ, Фридрихъ говоритъ не иначе. Каждый согласится, что это не есть тонъ могущественнаго вѣнценосца, пишущаго къ императрицѣ своей союзницѣ, а скорѣе—восторженнаго поклонника, нижайшаго раба, готоваго цѣловать прахъ, попираемый ногами великой женщины, которой онъ поклоняется. Если взять въ разсчетъ, какъ дѣйствительно могущественъ былъ уже тогда Фридрихъ, какъ высоко цѣнила вся Европа его общепризнанный геній, то станетъ весьма понятно, что это восторженное поклоненіе съ его стороны льстило самолюбію Екатерины. Она была женщина замѣчательнаго и сильнаго ума, но извѣстно, что умъ и даже геній легко уживаются съ тщеславіемъ, а особенно въ женщинахъ, а Екатерина II, при всѣхъ своихъ выдающихся качествахъ ума и силѣ духа, ставившихъ ее наравнѣ съ самыми замѣчательными людьми той, богатой геніями эпохи, была все же женщина до мозга костей. Женскія слабости были ей такъ же присущи, какъ и чисто мужская энергія. Будь она обыкновенной женщиной, живущей при обыкновенныхъ условіяхъ, она, съ ея умомъ, навѣрное почувствовала бы себя непріятно пораженной черезъ-чуръ бросающимися въ глаза преувеличеніями въ рѣчахъ Фридриха. Но будучи самодержавной повелительницей величайшей имперіи въ Европѣ, окруженная раболѣпнымъ дворомъ, живя постоянно посреди непроглядной атмосферы лести, она, разумѣется, легко могла видѣть въ гиперболическихъ славословіяхъ Фридриха нѣчто весьма естественное, что̀ ей по праву слѣдуетъ. Но даже если это обстоятельство и поражало ее, что̀ весьма возможно, то она все же не могла и не должна была показывать этого. Слишкомъ большіе и важные для нея интересы заставляли ее дѣлать видъ, будто она вполнѣ вѣритъ искренности своего царственнаго корреспондента. Какъ уже сказано, не въ одной лести заключался секретъ вліянія Фридриха. Этой непомѣрной лестью онъ овладѣлъ только душою женщины—умъ императрицы онъ подкупилъ множествомъ дѣйствительныхъ услугъ, тѣми полезными и разумными совѣтами, которые онъ постоянно

давалъ ей по всѣмъ политическимъ дѣламъ. Если стать на высоту исторіи и смотрѣть съ точки зрѣнія жизненныхъ интересовъ Россіи, какъ государства и народа, то нельзя не видѣть, что эти услуги были сравнительно мелки, а совѣты всегда касались лишь подробностей и интересовъ данной минуты и даннаго положенія. По отношенію къ будущему, они мало имѣли значенія уже потому, что всегда въ концѣ-концовъ клонились къ осуществленію специфически прусскихъ цѣлей и стремленій, русскимъ же служили лишь постольку, поскольку они соотвѣтствовали прусскимъ. Но лично для Екатерины, особенно въ виду ея несовсѣмъ твердаго и крайне затруднительнаго положенія въ первые годы ея царствованія, эти услуги и совѣты были истинно драгоцѣнны. Надо помнить, что она была одна буквально. Въ массѣ окружавшихъ ее придворныхъ не было ни одного человѣка, на котораго она могла бы положиться вполнѣ, который могъ бы ей служить совѣтникомъ и опорой. Были, конечно, люди, преданные ей безусловно, между прочимъ и потому, что ихъ личное положеніе зависѣло исключительно отъ нея. Всѣ братья Орловы, напримѣръ, не остановились бы ни передъ чѣмъ, чтобы служить ей и ея интересамъ. Было и честное сердце, соединенное съ свѣтлымъ умомъ—Панинъ, готовый тоже служить ей вѣрой и правдой, если не изъ личной преданности, то ради спокойствія и интересовъ государства. Но первые, хотя энергичные и смѣлые, представляли однако же лишь здоровыя руки; они были способны исполнить всякое порученіе, но совершенно неспособны осмыслить положеніе и обдумать, что́ дѣлать; второй же, человѣкъ несомнѣнно мыслящій и просвѣщенный, лишенъ былъ всякой способности къ дѣйствію. Самая честность его представляла извѣстнаго рода неудобства, потому что дѣлала его и безъ того нерѣшительную натуру еще болѣе нерѣшительной и боязливой. Екатеринѣ же, въ ея положеніи, нуженъ былъ именно человѣкъ, въ которомъ свѣтлый и смѣлый умъ соединялся бы съ несокрушимой энергіей и рѣшительностію характера. Только такой человѣкъ могъ служить ей поддержкой, а безъ поддержки—она это чувствовала и сознавала—ей не легко будетъ справиться съ великой и трудной задачей, которую она на себя приняла. Такого человѣка она и нашла въ Фридрихѣ II. Его изворотливый геній и глубокая опытность помогли ей пріобрѣсти то, что́, въ первые годы царствованія, составляло для нея условіе sine qua non безопасности—помогли ей утвердить свой престижъ и окружить себя блестящимъ ореоломъ, который импонировалъ внѣшнимъ врагамъ, ослѣплялъ внутреннихъ и за-

ставлялъ народъ преклоняться передъ мудростью и славой своей монархини. Весьма естественно, что при этихъ условіяхъ, она почти безусловно подчинялась Фридриху. Слишкомъ умная и дѣльная сама, чтобъ обижаться за совѣты, разумность которыхъ понимала, и претендовать на руководство одной своей волей тамъ, гдѣ излишняя самостоятельность могла повредить прежде всего ей самой, она старалась лишь объ одномъ: чтобы свѣтъ и окружающіе не могли догадаться объ ея подчиненіи. Благодаря ея уму и силѣ характера, это ей удавалось. Она умѣла схватывать на лету мысли своего царственнаго друга, дополнять ихъ собственными соображеніями и примѣнять къ дѣлу вполнѣ цѣлесообразно. Впослѣдствіи, когда положеніе ея вполнѣ упрочилось и когда на горизонтѣ ея двора появилось новое свѣтило, тотъ, кого друзья его называли «блестящимъ княземъ Таврическимъ», а враги «княземъ тьмы» — Потемкинъ, Екатерина эманципировалась и даже пробовала сбросить съ себя ярмо служенія прусскимъ интересамъ. Но до того времени она послушно шла по пути, который указывалъ ей Фридрихъ, и, пожиная на свою долю славу и блескъ, платила за нихъ прусскому королю дѣйствительно существенными услугами его народу и государству.

Пунктъ, на которомъ Екатерина и Фридрихъ болѣе всего сходились и о которомъ Екатерина съ самаго начала порѣшила, будто по отношенію къ нему интересы Россіи и Пруссіи безусловно тождественны—этотъ пунктъ составляла Польша, съ ея полнѣйшей внутренней безурядицей и видимымъ, почти безнадежнымъ упадкомъ. Здѣсь не мѣсто говорить о причинахъ этого упадка, какъ не мѣсто и вдаваться въ длинныя разсужденія о нравственной сторонѣ раздѣла польской республики. Съ точки зрѣнія строгой отвлеченной нравственности, его, разумѣется, оправдать нельзя; да и лучшимъ критеріемъ въ этомъ отношеніи служатъ старанія всѣхъ участниковъ дѣла отклонить отъ себя, сбросивъ ее на другихъ, моральную отвѣтственность за него. Кто убѣжденъ въ правотѣ и въ величіи своего дѣянія, тотъ не станетъ отрекаться отъ него и, тѣмъ менѣе, приписывать его другимъ. Но государственную жизнь народовъ и международныя отношенія нельзя разсматривать исключительно съ точки зрѣнія отвлеченной нравственности. Тутъ важную и рѣшающую роль играютъ интересы практической политики. А съ этой точки зрѣнія, независимо даже отъ ея невозможнаго политическаго строя, единственно въ виду этнографическаго состава и географическаго положенія ея, погибель польской республики была совершенно неизбѣжна. Вопросъ составляло лишь: когда она лишится своей

независимости и кто изъ сосѣдей овладѣетъ ею? Этимъ сосѣдямъ можно до извѣстной степени поставить въ упрекъ, что они, съ черезъ-чуръ неумолимой жестокостью въ исполненіи приговора судьбы, насильственно мѣшали Польшѣ—этому «больному человѣку» прошлаго столѣтія—въ ея послѣднихъ отчаянныхъ попыткахъ продлить свои дни пріемомъ такихъ политическихъ лекарствъ, которыя могли укрѣпить и на время оживить ее. Но что они воспользовались положеніемъ и соблюли интересы своихъ собственныхъ государствъ насчетъ заживо разлагавшагося рядомъ съ ними государственнаго трупа — за это ихъ винить нельзя. Единственное, что можетъ служить поводомъ къ обвиненію ихъ, это—если помянутые интересы собственныхъ государствъ они поняли невѣрно и плохо соблюли, давъ неправильное направленіе своей политикѣ. Интересы же эти обусловливались историческимъ прошлымъ и географическимъ положеніемъ, которыми, слѣдовательно, предписывалась и политика.

Отношенія Австріи къ Польшѣ были чисто сосѣдскія, по временамъ дружескія, по временамъ враждебныя, но въ общемъ довольно безразличныя. Жизненные интересы ихъ нигдѣ не сталкивались до такой степени, чтобы обусловить для одной изъ нихъ необходимость исчезновенія другой съ лица земли. Существовала Австрія или не существовала, положеніе Польши отъ этого не мѣнялось существенно; равно и Австрія ничего особеннаго не могла выиграть отъ уничтоженія Польши. Ей, напротивъ, было бы даже выгодно сохраненіе ея въ качествѣ независимаго государства, потому что она всегда была ей вѣрнымъ и полезнымъ союзникомъ въ борьбѣ съ турками и главное—служила непреодолимымъ препятствіемъ къ усиленію ставшаго уже опаснымъ врага ея—Пруссіи.

Отношенія Россіи и Польши были совсѣмъ иного характера. Ихъ лучше всего можно сравнить съ отношеніями двухъ существъ, разнаго пола и возраста, которыя, помимо собственнаго желанія, судьбою и волею родителей, были обручены и должны были, по достиженіи извѣстнаго возраста, вступить въ бракъ. Нельзя сказать, чтобъ этотъ бракъ былъ совершенно противенъ ихъ желаніямъ: оба чувствовали и сознавали, что рано или поздно, а имъ не избѣжать соединенія подъ вѣнцомъ. Но они спорили другъ съ другомъ и даже дрались по временамъ изъ-за вопроса: кому какое мѣсто въ семьѣ занимать. Невѣста уже не первой молодости и свѣтскаго образованія женщина, на основаніи этихъ своихъ преимуществъ, изъявляла претензію управлять своимъ будущимъ супругомъ, котораго она называла мальчишкой

и неотесаннымъ варваромъ. Женихъ, молодой, могучій здоровякъ-красавецъ твердо рѣшилъ быть, какъ и подобаетъ мужу, головою въ семьѣ и заранѣе обѣщался принудить жену къ повиновенію. Спорили они также насчетъ приданаго. Невѣста хотѣла, чтобы все имущество, какое она принесетъ въ домъ мужа, было имъ принято по рядной, т.-е. составляло все-таки ея личную, неотъемлемую собственность. Женихъ утверждалъ, что значительная часть этого имущества составляетъ въ сущности его, а не ея собственность, ибо оно было во время оно насильственно отнято ея предками у его дѣдовъ и отцовъ и потому должно быть возвращено ему безъ всякихъ условій. Таково именно было взаимное положеніе Польши и Россіи. Въ существѣ дѣла онѣ обѣ издавна стремились къ соединенію другъ съ другомъ, и вопросъ между ними заключался въ преобладаніи той или другой, да во владычествѣ, на правахъ собственности, надъ малорусскими землями, входившими когда-то въ составъ удѣльной Руси. Въ тѣсномъ кругѣ взаимныхъ отношеній ихъ другъ къ другу, интересы ихъ часто бывали противуположны и приводили ихъ къ враждебнымъ столкновеніямъ; но по отношенію къ сосѣдямъ эти интересы были, какъ и остаются, совершенно тождественными, и потому-то, даже во времена самой усиленной враждебности, инстинктивное стремленіе къ соединенію никогда не умирало въ нихъ, хотя и выражалось большею частію въ поползновеніяхъ каждой изъ нихъ овладѣть другою. Овладѣть, а не раздѣлить. Мысль о раздѣлѣ Польши никогда не представлялась русскому уму и до самаго конца встрѣчала сильное противодѣйствіе. Даже уничтоженіе политической самостоятельности Польши никогда не разсматривалось въ Россіи, какъ нѣчто безусловно необходимое для интересовъ русскаго государства. Разъ она возвращала добровольно, или у нея были отняты силою «отчины и дѣдины русскихъ князей», какъ въ старину говаривала Москва, Россія признавала существованіе Польши даже полезнымъ для себя и охотно соглашалась на простой союзъ съ нею, лишь бы Польша вѣрно и честно соблюдала его. А такъ какъ Польша, лишившись малорусскихъ земель, была бы слишкомъ слаба для самостоятельнаго существованія среди окружавшихъ ее неблагопріятныхъ условій, то необходимость самозащиты вынудила бы ее искать для себя опоры въ союзѣ съ Россіей. Въ такомъ случаѣ для послѣдней являлся бы прямой интересъ поддерживать Польшу, какъ передовой постъ противъ внѣшнихъ враговъ. Тѣмъ менѣе, разумѣется, стремилась Россія уничтожить польскую народность.

Въ отношеніяхъ Пруссіи къ Польшѣ прямо и рѣзко поставленъ былъ вопросъ о томъ, которому изъ этихъ двухъ государствъ быть и которому не быть на свѣтѣ. Тутъ не могло быть ни сдѣлки, ни примиренія. Владѣнія Польши перерѣзывали Пруссію на части, стояли преградой между нею и моремъ, наконецъ—доходили до воротъ ея столицы. Покуда Польша сохраняла хоть одинъ видъ самостоятельности и независимости, Пруссія не только не могла развиваться, она не могла дышать свободно. Для нея конечное уничтоженіе Польши, какъ государства, и поляковъ, какъ народа, безслѣдное и безвозвратное исчезновеніе ихъ представляло условія жизни или смерти. Или Польша, или Пруссія—середины не было и быть не могло.

Это взаимное положеніе и обусловливаемыя имъ отношенія трехъ державъ къ Польшѣ сами собою, такъ сказать, предопредѣляли роль каждой изъ нихъ въ дѣлахъ стиснутой между ними республики. Австрія должна была стараться, по мѣрѣ силъ и возможности, поддерживать Польшу слабой, но независимой, должна была желать остановить чѣмъ-нибудь ея быстро совершавшееся разложеніе и для этого помогать полякамъ въ ихъ стремленіи измѣнить у себя форму правленія; наконецъ, когда всякая поддержка оказалась безполезной и средствъ спасенія не оставалось болѣе, Австрія должна была не допускать другихъ сосѣдей Польши чрезмѣрно усилиться путемъ пріобрѣтенія ея земель, а тѣмъ же путемъ усилиться соотвѣтственно и самой, захвативъ добрую часть этихъ земель на свою долю. Россія должна была стремиться овладѣть Польшей, включить ее въ составъ своего государства, но при этомъ, выжидая удобныхъ времени и обстоятельствъ, отнюдь не допускать чужихъ поползновеній на нее, беречь ее всю для себя, въ родѣ того, какъ Австрія, напримѣръ, сберегла для себя Венгрію, пядь за пядью отстоявъ ее отъ турокъ. Пруссія, наоборотъ, должна была стремиться, во что бы то ни стало и какъ можно скорѣе, истребить съ корнемъ не только государство польское, но и самый духъ польщизны. Одной эта задача была ей не по силамъ, надо было дѣйствовать въ союзѣ съ кѣмъ-нибудь. Но съ кѣмъ? Съ нею одною Австрія никогда и ни при какихъ условіяхъ не могла вступить въ сообщество въ такомъ дѣлѣ; для нея во сто разъ выгоднѣе было соединиться съ Польшей противъ Пруссіи, чѣмъ наоборотъ. Оставалась Россія. Слѣдовательно, надо было, воспользовавшись историческимъ стремленіемъ Россіи къ собиранію русскихъ земель, заставить ее служить въ этомъ случаѣ интересамъ Пруссіи.

Посмотримъ теперь, пользуясь новыми, внѣ всякаго сомнѣ-

нія достовѣрными данными, какъ всѣ три державы выполнили самою природою вещей указанную имъ роль.

Въ началѣ обстоятельства не благопріятствовали Пруссіи. Дочь Петра, Елизавета, инстинктомъ чуяла въ ней недруга Россіи и вся ея политика была направлена противъ нея. Еще одна-двѣ такихъ битвы, какъ подъ Кролевцемъ—и Пруссія обратилась бы въ такое же чахлое, дряблое подобіе государственнаго тѣла, какъ Саксонія. Короткое царствованіе Петра III и послѣдовавшія затѣмъ обстоятельства воцаренія Екатерины II спасли Пруссію, открывъ широкое поле для дѣятельности ея геніальнаго государя. Онъ приступилъ къ ней, не медля ни минуты. Заключивъ съ Австріей и Саксоніей миръ, отъ котораго ловко устранилъ принявшую-было нѣсколько высокомѣрный тонъ Екатерину, онъ поспѣшилъ и умилостивить ее и направить къ своимъ цѣлямъ, обративъ все ея вниманіе на дѣла Польши. Въ томъ же письмѣ, гдѣ извѣщаетъ ее о неожиданномъ для нея подписаніи мира въ Губертсбургѣ, онъ говоритъ: «Король Польши боленъ, здоровье его значительно разстроено, и мнѣ даже пишутъ изъ Варшавы, будто тамъ опасаются, что конецъ его ближе, чѣмъ воображаютъ. Еслибы эта смерть случилась неожиданно, можно опасаться, какъ бы при этомъ случаѣ, по интригамъ различныхъ дворовъ, не возгорѣлось снова едва потухшее пламя войны. Я готовъ участвовать во всѣхъ мѣрахъ, какія вамъ угодно будетъ предложить по этому предмету, и, чтобы скорѣе приступить къ дѣлу, я считаю должнымъ откровенно объясниться о томъ съ вашимъ императорскимъ величествомъ. Изъ всѣхъ претендентовъ на польскую корону, законы здравой политики обязываютъ меня, государыня, выключить только принцевъ австрійскаго дома и, насколько я знакомъ съ интересами Россіи, мнѣ кажется, что по этому вопросу ея выгоды достаточно отвѣчаютъ моимъ. Впрочемъ, я соглашусь, государыня, избрать изъ всѣхъ претендентовъ того, котораго вы предложите; однако, долженъ прибавить, что нашимъ общимъ интересамъ приличествуетъ, чтобы это лучше былъ одинъ изъ Пястовъ, чѣмъ кто-либо иной. Итакъ, государыня, вы извѣщены обо всемъ, чтò я думаю объ этомъ предметѣ; остается вашему величеству объясниться насчетъ подробностей этого дѣла, въ которомъ я не усматриваю никакого затрудненія. Впрочемъ, полагаю, что какъ съ той, такъ и съ другой стороны необходимо хранить это дѣло въ глубокой тайнѣ, чтобы тѣ, кому оно можетъ непонравиться, не могли завести интриги и шашни противъ него. Ваше величество можете разсчитывать на полное содѣйствіе съ моей стороны во всемъ, чтò

касается этого дѣла»... Екатерину это видимо привело въ восторгъ. Она тотчасъ же отвѣтила ему: «...Въ случаѣ упраздненія польскаго престола я охотно соглашусь, какъ того желаетъ ваше величество, на выключеніе принца изъ австрійскаго дома, ежели только вашему величеству угодно будетъ сдѣлать то же самое для кандидата, поддерживаемаго Франціею. Я вполнѣ раздѣляю мнѣніе вашего величества и также хочу, чтобы корона Польши пала на долю Пяста, но только такого, который не стоялъ бы на краю могилы и не получалъ бы жалованья ни отъ какой державы». Затѣмъ между ними начались переговоры о союзѣ. Фридрихъ усиленно хлопоталъ о немъ, Екатерина медлила. Но такъ какъ въ душѣ она твердо рѣшила заключить его и знала, что найдетъ Фридриха всегда готовымъ, а онъ, къ тому же, хотя и доходили до нея стороною слухи объ интригахъ его въ Польшѣ, тѣмъ не менѣе оказывалъ ей услуги, напримѣръ, въ дѣлѣ Курляндіи, которымъ она въ то время спеціально занималась, то она дѣйствовала такъ, какъ бы союзъ этотъ давно существуетъ, и дѣйствовала довольно неосторожно. Посланника польскаго короля, Борха, она отказалась принять, а затѣмъ, когда ему присланы были вѣрительныя грамоты, какъ послу республики, ему въ довольно грубой формѣ повелѣно было выѣхать изъ столицы въ 48 часовъ. Въ Вильнѣ, въ собраніи трибунала произошли какіе-то безпорядки. Дѣло дошло до драки, въ которой, какъ говорили, досталось порядкомъ Станиславу Понятовскому. Екатерина приказала сдѣлать въ Польшѣ декларацію, написанную очень рѣзко и гласившую, что, въ виду поручительства Россіи за неприкосновенность конституціи и за свободу республики, ея императорское величество не можетъ смотрѣть равнодушно на дѣлаемыя противъ частныхъ лицъ покушенія, имѣющія явной цѣлью ниспровержение старинной конституціи республики. Вслѣдъ затѣмъ къ польской границѣ послано было нѣсколько полковъ, съ артиллеріей и 50,000 червонцевъ Понятовскому, для поддержанія его партіи. Въ то же время гр. Кейзерлингъ, русскій посолъ при польской республикѣ, въ противность положительнымъ предписаніямъ министерства, всячески поддерживалъ недовольныхъ и самъ при этомъ говорилъ въ Варшавѣ такимъ языкомъ, который даже въ ту весьма уже печальную для Польши эпоху казался необычайнымъ. Панинъ утѣшалъ себя и Сольмса тѣмъ, что онъ дѣйствуетъ такъ изъ личной ненависти къ саксонскому двору; но оба они понимали очень хорошо, что не будь у него поддержки и одобренія власти болѣе сильной, чѣмъ власть Панина, Кейзерлингъ не

посмѣлъ бы зайти такъ далеко. Между тѣмъ Екатерина никого не посвящала въ тайны своей политики по отношенію именно къ Польшѣ, о дѣлахъ этой страны не говорила ни слова даже съ Панинымъ и Воронцовымъ, а писала и дѣлала всѣ распоряженія сама лично. Въ Польшѣ и при европейскихъ дворахъ стали распространяться слухи, что русская императрица старается вызвать революцію въ республикѣ, съ цѣлью низвергнуть недостаточно скоро умирающаго короля и посадить на его мѣсто кого-нибудь изъ своихъ партизановъ. Слухи эти находили себѣ подтвержденіе въ поспѣшныхъ военныхъ приготовленіяхъ въ Польшѣ и въ сосредоточеніи русскихъ войскъ въ Лифляндіи. Очевидно, съ той и съ другой стороны готовились къ чему-то чрезвычайному. Польша волновалась, конфедерація могла устроиться не сегодня-завтра. Панинъ трепеталъ, съ ужасомъ ожидая, что Россія втянута будетъ въ войну, вовсе не желательную и ни для чего ненужную. Недоволенъ былъ и Фридрихъ. Въ его разсчеты вовсе не входило позволять Екатеринѣ неожиданно поставить его въ такое положеніе, при которомъ ему пришлось бы выбирать между союзомъ съ Россіей и войной, которой онъ желалъ такъ же мало, какъ и Панинъ. Онъ приказывалъ своему послу въ Петербургѣ развѣдать хорошенько о намѣреніяхъ Россіи какъ насчетъ союза съ нимъ, такъ и насчетъ польскихъ дѣлъ, но получилъ въ отвѣтъ, что о послѣднемъ предметѣ онъ, какъ и никто другой въ русской столицѣ, сказать ничего не можетъ, ибо императрица хранитъ все это про себя; она же, судя по ея поступкамъ, во всей Польшѣ ни о чемъ такъ не заботится, какъ объ охраненіи графа Понятовскаго. Екатерина ничего ему объ этомъ не говорила, но Фридрихъ зналъ черезъ своего посла, что это-то повидимому и есть то самое лицо, которое императрица назначаетъ въ будущіе короли Польши. Въ концѣ лѣта Сольмсъ извѣстилъ его, что командующему войсками въ Лифляндіи Салтыкову готовится приказъ вступить въ Польшу. Фридрихъ рѣшилъ тогда, что время вмѣшаться. Въ началѣ августа 1763 г. онъ въ собственноручномъ письмѣ къ Екатеринѣ косвенно затронулъ вопросъ о Польшѣ и планы императрицы, и опять, нѣсколько времени спустя писалъ Екатеринѣ: «Государыня, сестра моя, я получилъ сейчасъ депешу изъ Вѣны, которую нахожу слишкомъ важной, чтобы скрыть ея содержаніе отъ вашего императорскаго величества. Вы увидите тамъ, о чемъ думаютъ при этомъ дворѣ и что̀ подозрѣваютъ въ вашихъ планахъ на Польшу. Не то, чтобы вашему величеству слѣдовало пугаться этого, по-

тому что въ Вѣнѣ не имѣютъ денегъ и императрица, конечно, не находится въ достаточно благопріятномъ положеніи, чтобы не сегодня-завтра снова начать войну; но если вы желаете, государыня, чтобы я открыто высказалъ вамъ, чтó думаю, то я полагаю, ваше величество одинаково достигнете своей цѣли, ежели только вамъ будетъ благоугодно, государыня, прикрывать нѣсколько болѣе ваши намѣренія благовидными предлогами и дать наставленіе своимъ посламъ какъ въ Вѣнѣ, такъ и въ Константинополѣ опровергать распространяемые тамъ ложные слухи, которые, наконецъ, пріобрѣтаютъ довѣріе, когда никто не прекословитъ имъ. Надѣюсь, ваше величество не будете сѣтовать на меня за то, что высказываюсь съ такою откровенностью, но ваши интересы пострадаютъ, если вы не примете этихъ предосторожностей. Вы сдѣлаете польскаго короля (vous ferez un roi de Pologne), государыня, безъ возобновленія войны, и я полагаю, что это во сто разъ лучше, чѣмъ еслибы потребовалось снова погрузить Европу въ ту бездну, изъ которой она едва лишь вышла. Саксонцы сильно встревожены. Ваше величество будете извѣщены о томъ кн. Долгоруковымъ, которому сообщены депеши, полученныя мною отъ польскаго короля и сдѣланные мною отвѣты на нихъ; онѣ касаются отчасти герцогства курляндскаго, а во-вторыхъ вступленія въ Польшу корпуса Салтыкова. Крики поляковъ не больше, какъ пустой шумъ, и все, чего можно опасаться со стороны короля польскаго, сводятся ни къ чему: онъ едва можетъ нанять 7 тыс. человѣкъ. Но, государыня, нужно стараться помѣшать союзамъ, какіе могутъ образовать эти люди, слѣдовательно — надо усыпить ихъ, чтобы они не могли заранѣе принять мѣръ, могущихъ создать затрудненія вашимъ намѣреніямъ, которыя выполнятся легко, если никто имъ не воспрепятствуетъ. Надѣюсь, ваше императорское величество примете въ хорошую сторону совѣтъ, который я осмѣливаюсь преподать вамъ...» и т. д.

Екатерина имѣла благоразуміе принять совѣты настолько хорошо, что Сольмсъ получилъ возможность въ самомъ непродолжительномъ времени извѣстить своего повелителя о томъ, что «расположеніе императрицы относительно королевской партіи въ Польшѣ сдѣлалось гораздо болѣе примирительнымъ». А въ скорости затѣмъ партіи Чарторыжскихъ и Огинскаго (это была собственно русская партія и для поддержки послѣдняго именно и посланъ былъ корпусъ Салтыкова) заявлено было, отъ имени Екатерины, что императрица отнюдь не одобряетъ безпорядковъ, вовсе не желаетъ конфедераціи и, напротивъ, твердо рѣшилась охранять

безопасность благополучно царствующаго короля, лишь бы онъ, съ своей стороны, не пытался измѣнить древнюю конституцію Польши. Въ тоже время и Салтыкову былъ посланъ приказъ не допускать конфедераціи и вообще никакихъ волненій и столкновеній. Словомъ, все вошло въ нормальную колею и Екатерина до такой степени дружелюбно стала вдругъ относиться къ польскому королю, что когда, черезъ нѣсколько недѣль, ко двору ея прибылъ новый посолъ его, Гуровскій, то его приняли такъ хорошо и надавали ему такихъ обѣщаній, что Сольмсъ очень серьёзно испугался-было, какъ бы Екатерина не бросила совсѣмъ свои прежніе замыслы и не согласилась, чего добраго, на измѣненіе конституціи польской. Содержаніе писемъ Фридриха было ему неизвѣстно; онъ, поэтому, не зналъ, въ чемъ тутъ секретъ и, обманутый художественной игрой Екатерины, опасался за успѣхъ плановъ своего короля. Вообще — и эта черта настолько характерна какъ для его личности, такъ и для его отношеній съ Екатериной, что на нее необходимо указать здѣсь—Фридрихъ, этотъ великій сердцевѣдецъ, въ совершенствѣ владѣлъ искусствомъ сохранять декорумъ. Въ данномъ случаѣ, напримѣръ, онъ въ частныхъ и совершенно секретныхъ между ними письмахъ своихъ къ ней довольно рѣзко выговаривалъ Екатеринѣ за опрометчивость. Но оффиціально онъ ставилъ ее на недосягаемый пьедесталъ даже передъ своимъ собственнымъ посломъ. Въ то самое время и съ тѣмъ самымъ курьеромъ, который везъ Екатеринѣ послѣднее изъ приведенныхъ писемъ, Фридрихъ послу своему писалъ слѣдующее: «Дѣла Польши переживаютъ страшный кризисъ и я съ нетерпѣніемъ ожидаю увидѣть, какой они примутъ оборотъ. Вы будете продолжать въ точности сообщать мнѣ все, что вы о нихъ узнаете, но сохраняя совершенно пассивное положеніе и ограничиваясь ролью простого наблюдателя. Въ особенности вы будете тщательно избѣгать всего, что могло бы подать поводъ предполагать, что я желаю принять хотя бы малѣйшее участіе въ этихъ дѣлахъ. Я имѣю столько причинъ быть довольнымъ поступками императрицы въ отношеніи меня (императрица въ то время еще ровно ничего для него не сдѣлала), что мнѣ было бы крайне прискорбно, еслибы она подумала, что я сколько-нибудь противодѣйствую ея намѣреніямъ касательно настоящихъ смутъ въ Польшѣ. Правда, я лично желалъ бы, чтобы дѣло не доходило до такой крайности, которая повлекла бы за собой образованіе конфедераціи, а за нею и междоусобную войну, послѣдствія которой могли бы быть самыми печальными и запутали бы дѣла такъ, что трудно

было бы поставить ихъ на ту ногу, на которой желательно ихъ видѣть. Но это только мои разсужденія съ вами, о которыхъ вы ничего не будете говорить тамъ, гдѣ вы находитесь». Съ своей стороны и Екатерина поддерживала тотъ же образъ дѣйствій. Она поручила Сольмсу передать королю, что послѣднее письмо его доставило ей необычайное удовольствіе. Она прочла въ немъ несомнѣнныя чувства самой искренней дружбы и явное желаніе связать интересы обоихъ государствъ для наибольшаго преуспѣянія ихъ общаго дѣла. Она вполнѣ раздѣляетъ предполагаемыя его величествомъ мѣры и по поводу ихъ выскажется болѣе опредѣлительно въ своемъ отвѣтѣ на письмо его величества.

Но прежде, чѣмъ они успѣли опредѣлительнѣе высказаться —если требовалось еще что-либо высказывать—случилось событіе, существенно измѣнившее обстоятельства, а слѣдовательно и мѣры, какія нужно было принять: польскій король умеръ. Какъ ни давно предвидѣно было это событіе, тѣмъ не менѣе оно произвело дѣйствіе электрическаго удара на Фридриха и Екатерину. И не мудрено: наступалъ роковой моментъ рѣшительныхъ, безповоротныхъ дѣйствій—роковой въ особенности для Фридриха, у котораго вопросъ о жизни и смерти Пруссіи стоялъ на картѣ и который однакоже не зналъ еще достовѣрно, какъ поведетъ свою политику Екатерина: не вздумаетъ ли она, «сдѣлавши польскаго короля», эманципироваться отъ его, Фридриха, вліянія... Повидимому оба предусмотрительные партнера заранѣе приняли мѣры, чтобы немедленно, по совершеніи ожидаемаго событія, получить о немъ извѣстіе такъ скоро, какъ это физически возможно. Вѣроятно вдоль всего пути отъ Варшавы до Берлина и Петербурга были заготовлены перемѣнные курьеры, потому что смерть короля польскаго послѣдовала 5 октября, а 7 Фридрихъ и Екатерина уже слали другъ другу эстафеты. Встрѣтившіяся въ дорогѣ письма ихъ по этому случаю должны были обоихъ ихъ привести въ восторгъ, ибо они ясно показывали, какъ отлично союзники понимаютъ другъ друга и какъ вполнѣ могутъ положиться одинъ на другого. Фридрихъ особенно имѣлъ поводъ радоваться, такъ какъ Екатерина не только прямо просила у него совѣта, но и выказала себя такой удивительно способной ученицей, какой лучше нельзя и желать: она о своихъ намѣреніяхъ писала ему какъ разъ то самое и мѣстами почти въ тѣхъ же самыхъ выраженіяхъ, какъ и онъ ей. А онъ, по обыкновенію, подавалъ ей благоразумные совѣты и на этотъ разъ предписывалъ ту энергію дѣйствій, отъ кото-

рой мѣсяцъ тому назадъ старался воздержать. «Если ваше императорское величество,—писалъ онъ,—въ настоящее время постараетесь усилить партію того, кому вы покровительствуете, то никакая изъ державъ не можетъ оскорбиться тѣмъ, а въ случаѣ образованія противной партіи, вашему величеству стоитъ только заставить Чарторыжскихъ искать вашего покровительства. Эта формальность доставитъ вамъ благовидный предлогъ послать свои войска въ Польшу и, мнѣ кажется, объявленіе, сдѣланное двору саксонскому о томъ, что вы не можете согласиться на соисканіе новымъ курфирстомъ трона Польши, помѣшало бы Саксоніи двинуться и замять дѣло... Предоставляю проницательности вашего величества разобрать мои мысли, но прошу въ тоже время указать свои намѣренія, чтобы я не могъ, несмотря на все мое доброе желаніе, сдѣлать съ своей стороны какой-нибудь шагъ, который разстроилъ бы ваши планы». Въ послѣднихъ словахъ слышится какъ бы намекъ, или косвенное предостереженіе. Весьма возможно, что Фридрихъ и имѣлъ въ виду что-нибудь подобное, такъ какъ, при всей дружественности ихъ отношеній, формальнаго союза у Пруссіи съ Россіей все же не было еще. Однако его опасенія, если онъ таковыя испытывалъ, оказались напрасны. Екатерина видимо и не думала эксплуатировать Пруссію. Даже письмо, въ которомъ она говоритъ ему о союзномъ договорѣ (объ ускореніи котораго, замѣтимъ мимоходомъ, къ Сольмсу неслись въ это время депеша за депешей какъ отъ министра иностранныхъ дѣлъ, Финкенштейна, такъ и отъ самого Фридриха)—даже письмо ея объ этомъ предметѣ дышетъ искренностію, не имѣющей въ себѣ ничего дипломатическаго: «Что касается до нашего союза, такъ какъ все проходитъ черезъ мои руки, то, несмотря на все свое желаніе видѣть его уже совершеннымъ, мнѣ не было возможности до настоящей минуты окончить его. Впрочемъ, ваше величество можете быть убѣждены, что онъ будетъ существовать, и я прошу васъ вѣрить моему слову, что я смотрю на все, могущее тѣснѣе соединить насъ, какъ на дѣло уже оконченное».

Фридрихъ такъ и посмотрѣлъ. Екатеринѣ не нужно было даже просить его сдѣлать то или другое для лучшаго споспѣшествованія тому, что̀ она конечно очень искренно считала не только своими интересами, но и «своимъ» планомъ. Зная этотъ планъ лучше ея, онъ самъ предусматривалъ каждую бездѣлицу и когда Екатерина обращалась къ нему съ какой-нибудь просьбой, таковая оказывалась давно уже исполненной. Такъ, онъ, не дожидаясь указаній, послалъ своему министру въ Варшавѣ, Бенуа,

инструкцію поддерживать во всемъ русскаго посла и всегда заранѣе совѣщаться съ нимъ обо всѣхъ обоюдныхъ дѣйствіяхъ ихъ (послѣднее было особенно необходимо, въ виду всегда, къ сожалѣнію, присущей русскимъ дипломатамъ привычки на собственный страхъ отступать отъ предписаній власти). Также по собственному почину онъ отвѣтилъ обращавшейся къ нему саксонской курфирстинѣ, что ея дому слѣдуетъ обратиться къ русской императрицѣ, ибо онъ, Фридрихъ, одинъ ничего не можетъ обѣщать, и въ тоже время далъ понять, что не пропуститъ саксонскихъ войскъ въ Польшу. Наконецъ, самъ же велѣлъ написать въ Константинополь въ желательномъ для Россіи смыслѣ и взялся лично обработать ѣхавшаго въ Берлинъ экстраординарнаго посла Порты, увѣривъ его, что избраніе поляками Пяста болѣе всего сообразно съ интересами султана. Въ тоже самое время онъ нравственнымъ авторитетомъ своимъ вліялъ на Австрію въ миролюбивомъ духѣ, а разъ, когда австрійскій посланникъ, по порученію своего двора, жаловался на насилія, совершаемыя русскими въ Польшѣ, Фридрихъ объявилъ ему, будто русская императрица сдѣлала только то, чего требовали справедливость и право, и прямо высказалъ, что, по его мнѣнію, Австріи лучше не вмѣшиваться въ эти дѣла, которыя ея собственно говоря нисколько не касаются, а держаться спокойно и въ сторонѣ. Однимъ словомъ, Фридрихъ дѣлалъ повидимому все, человѣчески возможное, чтобы сгладить препятствія на пути Екатерины къ высокому удовольствію «сдѣлать короля польскаго» въ лицѣ Станислава-Августа Понятовскаго (она ему тотчасъ же по смерти покойнаго короля объявила давно извѣстную ему новость, что Пястъ, ею выбранный, есть не кто иной какъ литовскій стольникъ Понятовскій). Кто могъ бы, на мѣстѣ Екатерины, усумниться въ искренности такого союзника, кто могъ бы не ввѣриться ему вполнѣ и не повиноваться слѣпо его указаніямъ?

А указанія дѣлать Фридриху по прежнему приходилось. Несмотря на ея постоянныя увѣренія въ противномъ, Екатерина и сама по натурѣ склонна была къ рѣзкимъ и крутымъ мѣрамъ, агенты же, которымъ она поручала исполненіе своихъ приказаній, зачастую дѣйствовали совсѣмъ необузданно и своею опрометчивостію грозили испортить все дѣло. Въ Польшѣ дѣла и безъ того шли хорошо, въ смыслѣ желаній Россіи: сеймики, постепенно образовывавшіеся въ разныхъ городахъ, избирали, по большей части, кандидатовъ русской партіи; все это совершалось довольно спокойно, безъ особенныхъ безпорядковъ; оппозиція хоть и была, но, разрозненная и слабо поддерживаемая

иностранными дворами, не представляла опасности. Угрозы немногимъ, наиболѣе рьянымъ и несговорчивымъ, и щедрый подкупъ остальныхъ, болѣе или менѣе вліятельныхъ лицъ, какъ именно и совѣтовалъ Фридрихъ съ самаго начала, довершили бы дѣло безъ всякихъ насилій и конечно съ большей пользою для взаимныхъ отношеній поляковъ и русскихъ. Но послѣдніе, видя себя господами положенія, не хотѣли выносить никакихъ промедленій, ни малѣйшаго сопротивленія. Отъ угрозъ они безпрестанно порывались перейти къ дѣйствію и по временамъ переходили, каждый разъ самымъ неудачнымъ образомъ. Такъ въ Грауденцѣ русскія войска разогнали сеймикъ, не соглашавшійся выбрать генерала Панятовскаго. Кейзерлингъ и кн. Репнинъ, посланный ему на подмогу, напечатали въ варшавскихъ газетахъ отъ имени Порты декларацію, въ которой Порта будто бы заявляла, что не потерпитъ иностраннаго принца на польскомъ престолѣ, тогда какъ Порта, разумѣется, и не помышляла дѣлать подобной декларація. Нечего и говорить, что о союзѣ, давно будто бы заключенномъ у Россіи съ Пруссіей, они кричали съ крышъ и всѣхъ и каждаго увѣряли, что при малѣйшемъ неповиновеніи, кромѣ русской арміи, и прусская вторгнется въ Польшу. Не довольствуясь этимъ, Кейзерлингъ повидимому самовольно, безъ спеціальнаго распоряженія о томъ двора, счелъ нужнымъ преждевременно объявить примасу Польши, какого собственно кандидата Россія и Пруссія желаютъ видѣть на польскомъ престолѣ. Онъ сдѣлалъ это въ секретномъ разговорѣ, но quasi-оффиціально, въ присутствіи Чарторыжскихъ и самого Понятовскаго, да еще убѣдилъ прусскихъ министровъ явиться къ примасу вмѣстѣ съ нимъ и подтвердить его заявленіе. Все это съ одной стороны крайне возбуждало поляковъ, первоначально мирно настроенныхъ, съ другой компрометировало Фридриха, который, по разнымъ, весьма уважительнымъ причинамъ, вовсе не желалъ выставляться впередъ. Но что хуже всего, это—что Панинъ почему-то находился если не прямо въ воинственномъ, то все же въ весьма задорномъ настроеніи. Онъ всячески поддерживалъ Екатерину въ ея стремленіи исполнить просьбу Чарторыжскихъ и послать имъ отрядъ войска на помощь. Побуждала его къ этому досада на курфирста саксонскаго и на Радзивилла съ Браницкимъ, изъ которыхъ первый распустилъ и отправилъ на родину три полка польскихъ уланъ, находившихся до того времени въ Саксоніи, а вторые немедленно наняли этихъ уланъ къ себѣ на службу. Это обстоятельство не давало покоя Панину и онъ непремѣнно хотѣлъ устроить такую же штуку,

будтобы распустивъ тысячи двѣ козаковъ, которыхъ Чарторыжскіе затѣмъ наймутъ. Напрасно Сольмсъ резонно представлялъ ему, что положеніе совсѣмъ не одинаково, что курфирстъ имѣлъ право и даже обязанъ былъ отпустить польскія войска послѣ смерти покойнаго курфирста, короля польскаго, тогда какъ Россіи — что извѣстно всему міру — нѣтъ малѣйшей надобности распускать свои національныя войска. Напрасно онъ убѣждалъ его, что это будетъ недостойная и мелочная уловка, которая можетъ притомъ сдѣлаться опасной, ибо одно ужъ присутствіе войскъ можетъ вызвать драку, которая въ свою очередь поведетъ къ вмѣшательству иностранныхъ державъ, справедливо раздосадованныхъ. Панинъ упирался на своемъ. Наконецъ, онъ напалъ на мысль отправить свои двѣ тысячи козаковъ подъ предлогомъ смѣны гарнизона, охранявшаго русскіе магазины въ Грауденцѣ и, разъ напавъ, ни за что не соглашался отъ этой счастливой мысли отступиться. Въ довершеніе всего онъ непремѣнно хотѣлъ, въ предупрежденіе могущей составиться конфедераціи, сдѣлать декларацію о предстоящемъ вступленіи русской арміи въ Польшу и при этомъ вынудить у прусскаго короля обѣщаніе ввести туда и свои войска, въ случаѣ, еслибы дѣла тамъ приняли такой оборотъ, что Россіи пришлось бы сдѣлать это со своей стороны. Видя твердую рѣшимость Фридриха такого обѣщанія не давать, онъ, уже прямо отъ имени императрицы, предъявилъ Сольмсу личную просьбу ея, чтобы король заставилъ, по крайнѣй мѣрѣ, свои войска сдѣлать какія-нибудь передвиженія на границѣ, напримѣръ, перейти на другія квартиры, или собраться по корпусамъ, словомъ, настолько, насколько это необходимо, чтобы показать готовность ихъ выступить по первому приказанію и дать всѣмъ замѣтить существованіе между Пруссіей и Россіей соглашенія и обоюдности интересовъ. Всего этого именно Фридрихъ всѣми мѣрами старался избѣжать. Онъ конечно отказался на отрѣзъ, объяснивъ весьма категорически, что не сдѣлалъ бы ничего подобнаго даже и при существованіи союзнаго договора съ Россіей, который все-таки давалъ бы нѣкоторое, хотя и плохое основаніе для такого дѣйствія; не сдѣлалъ бы потому, что это значило бы неизбѣжно вызвать войну, ибо, покуда онъ не шевелится и только нравственно поддерживаетъ Россію, до тѣхъ поръ и Австрія не шевельнется, но какъ только онъ переступитъ ногою въ Польшу, такъ немедленно же вступитъ туда и Австрія, а за нею вмѣшаются почти всѣ другія державы и тогда нельзя предвидѣть, куда будутъ завлечены всѣ заинтересованныя стороны. Теперь же, когда у

него нѣтъ опоры въ формальномъ союзѣ, а слѣдовательно нѣтъ даже и тѣни оправданія для подобныхъ поступковъ, онъ рисковать серьезной катастрофой отнюдь не намѣренъ. «Я ищу оборонительнаго союза съ Россіей,—писалъ онъ своему послу (для его личнаго свѣдѣнія и съ строжайшимъ запрещеніемъ подавать о томъ видъ кому бы то ни было),—для безопасности моихъ владѣній; но сталъ бы отвѣчать передъ своимъ государствомъ и передъ потомствомъ, еслибы, изъ расположенія къ ней и совсѣмъ даромъ, легкомысленно началъ войну, которая будетъ мнѣ стоить тысячъ людей, громадныхъ издержекъ, и разоритъ въ конецъ мою страну, еще не оправившуюся отъ бѣдствій войны, которую пришлось ей испытать.... Смѣю сказать, что вмѣсто того, чтобы вступать на таковой опасный путь, я предпочелъ бы скорѣе видѣть на престолѣ курфирста саксонскаго»... Видимо крайне раздраженный противъ ни съ чѣмъ несообразныхъ предположеній Панина, Фридрихъ поручаетъ Сольмсу—очень осторожно и въ возможно любезныхъ выраженіяхъ—указать ему на примѣръ императора Карла VI, который, поусердствовавъ не въ мѣру въ желаніи возвести своего кандидата на польскій престолъ, впалъ вслѣдствіе этого въ войну съ Франціей, заставившую его потерять Лотарингію и другія важныя земли. Тѣмъ не менѣе, такъ какъ онъ съ одной стороны всетаки хотѣлъ союза съ Россіей и, поэтому, желалъ угодить императрицѣ русской, съ другой—очень дорожилъ Панинымъ, который былъ ему безгранично преданъ и въ которомъ онъ не безъ основанія видѣлъ лучшее орудіе свое при русскомъ дворѣ, а главное, такъ какъ и самому ему исходъ польскихъ дѣлъ былъ очень близокъ къ сердцу, то—по всѣмъ этимъ причинамъ—Фридрихъ свой категорическій отказъ сопроводилъ цѣлымъ рядомъ обстоятельно мотивированныхъ и очень разумныхъ совѣтовъ. Прежде всего Россія должна избѣгать насилій и дѣйствовать главнымъ образомъ подкупомъ, не жалѣя денегъ—500 тысячъ, истраченныхъ разумно теперь, сберегутъ ей милліоны, которыхъ стоила бы война. Подкупить надо: во-первыхъ гетмана Браницкаго—этого безусловно и прежде всѣхъ, потому что онъ одинъ настолько вліятеленъ въ Польшѣ, что можетъ вызвать революцію; прочіе неопасны. Его фантазія самому вступить на престолъ—пустяки: достовѣрно извѣстно, что съ нимъ можно столковаться, лишь бы не предъявляли ему невозможныхъ требованій и не оскорбляли его самолюбія. Во-вторыхъ—турецкихъ министровъ, которые на этотъ счетъ очень падки и, получивъ русскія деньги, сдѣлаются мало доступны австро-французскимъ

интригамъ. Въ-третьихъ—крымскаго хана, тоже очень чувствительнаго къ деньгамъ и дружелюбное расположеніе котораго будетъ имѣть большое вліяніе на миролюбивое настроеніе Порты. Въ-четвертыхъ—нѣсколькихъ польскихъ магнатовъ позначительнѣе. Затѣмъ, пригрозить полякамъ въ такомъ смыслѣ, что если найдутся между ними люди, настолько буйные и упрямые, что не пожелають признать избраннаго короля, то русскія войска немедленно вступять въ Польшу для приведенія ихъ къ повиновенію. Но угрозу эту сдѣлать отнюдь не путемъ деклараціи, а частнымъ образомъ, что покуда совершенно достаточно, въ виду русской арміи, расположенной на границахъ Польши. Для декларацій наступитъ время послѣ избранія, или если явится серьезная опасность революціи. Если же русскому двору непремѣнно хочется поддерживать Чарторыжскихъ посредствомъ своихъ козаковъ, то переправить ихъ въ Польшу не сразу, цѣлымъ отрядомъ, а изъ разныхъ мѣстъ и маленькими кучками, человѣкъ въ 10, 20, много 30. Сдѣлать это тѣмъ легче, что у нихъ нѣтъ опредѣленнаго мундира, а, прибывъ на мѣсто, они могутъ, подъ видомъ частныхъ людей, вступить на службу къ Чарторыжскимъ. Посламъ своимъ въ Варшавѣ отправить строгое предписаніе въ томъ же смыслѣ, какъ и самъ онъ, Фридрихъ, повелѣлъ своимъ министрамъ, т. е. чтобъ они и не думали повторить гдѣ-либо свою выходку съ примасомъ, не позволяли себѣ никакихъ дальнѣйшихъ декларацій, а предоставили Чарторыжскимъ и Огинскому самимъ предложить на сеймѣ Понятовскаго и ужъ потомъ, когда онъ будетъ избранъ, тотчасъ же заявили бы, что русскій и прусскій дворы вполнѣ одобряютъ это избраніе и признаютъ Понятовскаго королемъ. Наконецъ, рѣшиться, въ концѣ концовъ, подписать оборонительный союзный договоръ. Тогда—но только тогда—если Россія, несмотря на всѣ предосторожности, все-таки вынуждена будетъ прибѣгнуть къ оружію въ Польшѣ, онъ, Фридрихъ, будетъ прикрывать ее съ фланга, а въ случаѣ, если бы австрійцы сочли нужнымъ— что впрочемъ, совсѣмъ невѣроятно — объявить войну, то онъ тоже приметъ въ ней участіе. Послѣднее условіе можно постановить секретной статьей договора. Отправляя послѣдовательно эти совѣты Панину черезъ Сольмса, Фридрихъ въ томъ же духѣ воздѣйствовалъ и на Екатерину. «Чѣмъ громче вы будете дѣйствовать, тѣмъ вѣрнѣе достигнете своей цѣли», писалъ онъ ей и затѣмъ повторялъ десять, двадцать разъ одно и тоже: подкупъ, деньги, деньги; «берите деньгами, государыня, этихъ людей, которые ждутъ только покупателя, чтобы продать себя».

Извѣстно, что всѣ предписанія и требованія Фридриха были исполнены въ точности, не исключая даже способа отправки козаковъ въ Польшу. Нѣкоторыя изъ нихъ не привели къ желанной цѣли: слишкомъ поздно взялись за нихъ, но все же, относительно говоря, дѣло обошлось вполнѣ благополучно, хотя до конфедераціи все-таки довели и пришлось дѣйствовать войсками. Тѣмъ не менѣе Понятовскій былъ избранъ «всею націей», какъ говорили тогда, и Фридрихъ получилъ возможность написать то напыщенное, одоподобное письмо, которое мы привели выше. Въ общемъ избраніе было миролюбивѣе, чѣмъ когда-либо прежде, и Екатерина съ Панинымъ торжествовали... Торжествовали, повидимому какъ бы не замѣтивъ оба, что ихъ союзникъ (теперь ужъ онъ фактически былъ имъ, такъ какъ незадолго до избранія союзный договоръ былъ подписанъ, ратификованъ и ратификаціи обмѣнены)—не замѣтивъ, что ихъ вѣрный союзникъ, безспорно оказавшій имъ много важныхъ услугъ, въ одномъ случаѣ постарался и подставить имъ ножку, а съ другой стороны оставилъ лазейку для будущихъ смутъ, въ которыя, при помощи этой лазейки, всегда могъ втянуть Россію. Обѣ уловки были внесены въ Pacta conventa, подписанныя Понятовскимъ, отнынѣ королемъ Станиславомъ-Августомъ, при вступленіи на престолъ. Это были статьи: 1) о женитьбѣ короля не иначе какъ на природной полькѣ, 2) о правахъ диссидентовъ въ Польшѣ.

Была ли какая-нибудь необходимость, или даже просто нѣкоторое основаніе принимать предосторожности по вопросу о бракѣ короля польскаго, это вопросъ темный до сихъ поръ. Въ то время многіе думали, что были; многіе подозрѣвали Екатерину въ намѣреніи выйти со временемъ замужъ за Понятовскаго и въ числѣ подозрѣвавшихъ былъ повидимому Фридрихъ. Прямыхъ указаній на это въ тѣхъ документахъ, которыми мы пользуемся, нѣтъ; но въ депешахъ Сольмса попадается много намековъ, изъ которыхъ нельзя не заключить, что мысль эта представлялась его уму и что онъ не считалъ ея вполнѣ неосновательной. Во всякомъ случаѣ достовѣрно, что ему были извѣстны слухи, ходившіе въ то время при дворѣ. Одинъ разъ онъ прямо говоритъ даже о «неосновательной, конечно, зависти» гр. Орлова къ Понятовскому. Прусское правительство, разумѣется, не всѣ депеши Сольмса доставило нашему Историческому Обществу. Какъ изъ датъ, такъ и изъ содержанія многихъ изъ напечатанныхъ видно, что тутъ довольно много пробѣловъ. Въ иныхъ встрѣчаются ссылки на такія депеши, которыхъ самихъ на лицо не имѣется; другія начинаются съ «поэтому», или

«вслѣдствіе чего, онъ сказалъ» или «сдѣлалъ», а что и вслѣдствіе чего поясняется двумя-тремя словами въ скобкахъ; третьи, наконецъ—хотя немногія, впрочемъ,—представляютъ просто одинъ постскриптумъ. Ясно, что еще много интереснаго матеріала остается скрытымъ подъ сѣнію дипломатической тайны. Но и въ томъ, что́ напечатано, достаточно указаній, чтобы съ приблизительной достовѣрностію судить, какого характера этотъ ждущій обнародованія матеріалъ. Напримѣръ, относительно депешъ Сольмса можно почти навѣрное сказать, что въ той части ихъ, которая не предана гласности, лишь немногое касается чисто политическихъ, международныхъ дѣлъ, а большая часть относится къ дѣламъ внутреннимъ и къ частнымъ семейнымъ и придворнымъ отношеніямъ. Вопросъ о возможныхъ видахъ Екатерины на бракъ съ Понятовскимъ входитъ, конечно, и въ категорію первыхъ, но больше относится къ послѣднимъ и частію уже поэтому могъ не подлежать огласкѣ; частію же, разумѣется, и потому, что во всемъ этомъ дѣлѣ Фридрихъ тщательно держался въ сторонѣ. Онъ самъ не показывалъ и виду, что не только вѣритъ, но даже и слышалъ когда-нибудь о предполагаемыхъ брачныхъ замыслахъ Екатерины. Напротивъ, онъ представлялъ это какъ ни съ чѣмъ несообразную, нелѣпую клевету, злостно измышленную врагами ея и Россіи. Оффиціально подняла этотъ вопросъ — Порта. Порта, т.-е. держава, которая не имѣла даже посла въ Петербургѣ и, по самымъ свойствамъ своимъ, по всему складу своихъ понятій и политики, была конечно послѣдней державой въ Европѣ, способной заподозрить, тѣмъ менѣе измыслить, что-либо подобное. Впрочемъ, собственно мысль-то и не приписывалась ей. Фридрихъ, какъ всегда и во всемъ первый извѣстившій о томъ Россію, объяснилъ, что Порту настроили французскій и австрійскій послы и она подъ ихъ вліяніемъ требуетъ, чтобы Понятовскій былъ исключенъ изъ списка кандидатовъ на польскій престолъ и королемъ выбранъ непремѣнно женатый полякъ, а нѣтъ, такъ она будетъ вести войну. Это конечно возможно. Австрія и Франція пользовались въ то время большимъ авторитетомъ въ Константинополѣ и кому же, какъ не имъ, особенно Австріи, было напасть на мысль о политическомъ бракѣ, съ цѣлію соединить со временемъ короны на головѣ одного и того же лица. Въ данномъ же случаѣ подобный бракъ былъ бы такъ выгоденъ для обѣихъ сторонъ, так просто и естественно окончилъ бы, при благопріятныхъ политическихъ комбинаціяхъ, вѣковую борьбу обоихъ государствъ, что было бы удивительно, еслибъ эта мысль не мелькнула въ умѣ ея соперниковъ такъ же, какъ и самой Ека-

терины. Но, по обстоятельствамъ дѣла и условіямъ обстановки русскаго двора выходитъ, что инипіатива знаменитой брачной статьи Pacta conventa скорѣе всего могла изойти отъ Фридриха. Благодаря совершенно исключительному положенію его посла при русскомъ дворѣ и зачастую переходившей границы дозволенной откровенности съ нимъ Панина, который, какъ видно изъ депешъ, не разъ сообщалъ ему вещи, очевидно долженствовавшія остаться скрытыми, и искалъ покровительства прусскаго короля въ дѣлахъ частныхъ дворскихъ интригъ—благодаря этимъ условіямъ, Фридрихъ зналъ буквально каждый шагъ и каждое слово Екатерины и ея ближайшихъ окружающихъ, тогда какъ другихъ пословъ держали въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ двора, французскаго же такъ прямо въ отчужденіи. Австрійскій имѣлъ, правда, связи между придворными, а съ Бестужевымъ былъ даже, если вѣрить Сольмсу, очень интименъ. Но ужъ конечно не съ этимъ другомъ Орловыхъ, предлагавшимъ ей даже вступить въ морганатическое супружество съ графомъ Григоріемъ Александровичемъ, стала бы Екатерина совѣтоваться насчетъ брака съ Понятовскимъ. Если она вообще съ кѣмъ-нибудь говорила объ этомъ, такъ навѣрное съ однимъ Панинымъ, который въ началѣ, до появленія вопроса о раздѣлѣ Польши, былъ насчетъ польскихъ дѣлъ во всемъ согласенъ съ ней и съ Фридрихомъ. Только отъ Панина же могъ объ этомъ узнать и Сольмсъ, вслѣдствіе чего въ его депешахъ, какъ сказано, проскальзываетъ много намековъ на это обстоятельство, тогда какъ въ депешахъ англійскихъ посланниковъ нѣтъ и самомалѣйшей тѣни ихъ. Къ тому же около этого самаго времени (близко совпадающаго съ вышеизложенными странными требованіями Панина о деклараціяхъ, передвиженіяхъ войскъ и пр.) русскій посолъ въ Константинополѣ, Обрѣзковъ, доносилъ своему двору о какихъ-то интригахъ и тайныхъ переговорахъ Фридриха съ Портой, которой онъ предлагалъ будто бы оборонительный союзъ съ нимъ. Фридрихъ, разумѣется, рѣшительно отрицалъ все это, увѣрялъ, что Обрѣзковъ былъ введенъ въ заблужденіе интригами австрійцевъ и, наконецъ, рѣзко замѣтилъ, что еслибъ и такъ, то чисто оборонительный союзъ никому вреда причинить не можетъ, а Россіи было бы даже выгодно видѣть Порту союзницей Пруссіи, такъ какъ это отвлекло бы ее отъ союза съ австрійскимъ домомъ.

Какъ бы то ни было, только Порта, сначала очень охотно согласившаяся на избраніе Пяста въ лицѣ Понятовскаго въ польскіе короли, внезапно почувствовала себя обезпокоенной возможностію въ будущемъ личной уніи Польши съ Россіей, путемъ

брака царствующихъ особъ, и наотрѣзъ объявила, что пусть себѣ поляки выбираютъ Пяста, сколько хотятъ, но только не Станислава-Августа Понятовскаго. Фридрихъ, въ началѣ іюля 1764 г., извѣстилъ объ этомъ Панина, еще только какъ о намѣреніи Порты, прибавляя отъ себя настоятельный совѣтъ, въ предупрежденіе могущихъ произойти непріятныхъ послѣдствій, поскорѣе, еще во время междуцарствія, обвѣнчать Понятовскаго съ какой-нибудь польской дамой знатной фамиліи, могущей придать ему новый блескъ. А въ концѣ того же мѣсяца и Обрѣзковъ сообщилъ также требованіе Порты, уже какъ оффиціальное заявленіе (маленькая черта, указывающая на вѣроятность участія прусской руки въ этомъ дѣлѣ: великій визирь, дѣлая свою декларацію Обрѣзкову, выразился, между прочимъ, слѣдующимъ образомъ: «всякій другой полякъ, будетъ ли то братъ или близкій родственникъ Понятовскаго, Портѣ одинаково пріятенъ, лишь бы только онъ былъ женатъ и не могъ вступить въ бракъ ни съ императрицей, *ни съ какой-нибудь австрійской или французской принцессой*»). Панинъ былъ ужасно смущенъ и, по обыкновенію, прибѣгъ за совѣтомъ и помощію къ Фридриху. Подчиниться Портѣ онъ не хотѣлъ и не могъ, отвѣтъ ей написалъ, какъ и подобало, съ большимъ достоинствомъ и съ твердостію, но самъ боялся результатовъ и просилъ прусскаго короля о поддержкѣ. Тотъ конечно обѣщалъ всяческую помощь и повторилъ свой прежній совѣтъ. Исполнить его въ точности оказалось невозможнымъ: Понятовскій почти слезно умолялъ не женить его, отказываясь отъ короны, если непремѣнно захотятъ сдѣлать это. Но все же въ Pacta conventa включена была статья, которою король обязывался жениться не иначе какъ на природной полькѣ. По этому поводу Финкенштейнъ и Герцбергъ писали Сольмсу именемъ короля. «Ожидаю вскорѣ извѣстія объ избраніи короля Польши. Я съ удовольствіемъ узналъ, что въ Pacta conventa включили, что новый король клятвою обязуется никогда не жениться ни на комъ, кромѣ природной польки. *Я въ восторгѣ, по извѣстнымъ вамъ причинамъ*». Въ этихъ словахъ вся депеша...

Вторая статья касалась диссидентовъ. Екатерина, увлеченная сначала курляндскими дѣлами, потомъ избраніемъ Понятовскаго и хозяйничаньемъ, по этому поводу, въ Польшѣ, совсѣмъ забыла о диссидентахъ. Ни Панинъ, въ разговорахъ съ Сольмсомъ, ни она сама, въ письмахъ своихъ къ Фридриху, не вспоминали о нихъ ни единымъ словомъ. За то Фридрихъ не упускалъ изъ виду этотъ богатый рудникъ, обѣщавшій несомнѣнныя сокровища всякому, кто имѣлъ виды на Польшу. Тотчасъ послѣ смерти

короля Августа, когда переговоры о союзѣ съ Россіей пошли живѣе, онъ напомнилъ о диссидентахъ и предложилъ включить отдѣльную статью о нихъ въ имѣющій заключиться трактатъ. «Давно очень и неоднократно польскіе диссиденты просили моего покровительства,—писалъ онъ Сольмсу еще въ октябрѣ 1763,—чтобы возвратить принадлежащія имъ права, которыя у нихъ несправедливо отняли и въ особенности настоять на томъ, чтобы не стѣсняли ихъ свободу совѣсти. Эта просьба показалась мнѣ тѣмъ болѣе справедливою, что, по примѣру моихъ предшественниковъ, я всегда принималъ къ сердцу интересы упомянутыхъ диссидентовъ и вопросъ этотъ былъ даже предметомъ особой статьи во всѣхъ трактатахъ между Пруссіей и Россіей, которая, какъ вамъ извѣстно, имѣетъ въ этомъ дѣлѣ одинаковый интересъ со мною, такъ какъ есть диссиденты греческаго исповѣданія... Я желаю, чтобы вы безотлагательно поговорили объ этомъ съ министрами императрицы и предложили имъ включить статью о правахъ диссидентовъ въ составляющійся теперь союзный трактатъ». Съ тѣхъ поръ онъ нѣсколько разъ возвращался къ этому вопросу, точно будто диссиденты составляли главный для него вопросъ въ Польшѣ. Екатерина очень благосклонно относилась къ диссидентамъ, но очевидно важности имъ особенной не придавала и рѣшила отложить это дѣло до избранія новаго короля, чтобы потомъ покончить его при помощи его и Чарторыжскихъ. Это отнюдь не удовлетворяло Фридриха. «Я былъ очень радъ узнать о благопріятномъ настроеніи русскаго двора въ пользу польскихъ дисидентовъ,—пишетъ онъ снова Сольмсу въ началѣ 1764 г.—Оно вполнѣ согласуется съ покровительствомъ, которое этотъ дворъ всегда имъ оказывалъ и съ участіемъ, которое онъ естественно долженъ принимать въ диссидентахъ греко-россійскаго исповѣданія. По моему мнѣнію, однако, для поддержки ихъ не слѣдуетъ ожидать избранія новаго короля, но стараться, напротивъ, включить о нихъ статью въ самыя Pacta conventa. Не сомнѣваюсь, впрочемъ, что они сами безпрестанно обращаются къ императрицѣ, и я убѣжденъ, что государынѣ угодно будетъ приказать гр. Кейзерлингу содѣйствовать охраненію ихъ правъ и преимуществъ». Разумѣется, и тутъ, какъ всегда въ отношеніяхъ съ Россіей, его надежды не обманули его: польскіе диссиденты дѣйствительно разъ и другой обратились къ императрицѣ, и полтора мѣсяца послѣ предъидущей депеши Фридрихъ приказываетъ своему послу выразить русскому двору удовольствіе, доставленное ему благопріятнымъ отвѣтомъ ея величества этимъ диссидентамъ и инструкціями, которыя она, вслѣдствіе этого, по-

слала своимъ министрамъ въ Варшавѣ. Послѣ этого, однако, дѣло это опять отложили въ Петербургѣ въ долгій ящикъ. Екатерина очевидно не чувствовала охоты заниматься имъ, а Панинъ не отдавалъ отчета себѣ въ его важности. Фридрихъ снова возобновляетъ свои настоянія, безпрестанно повторяя Сольмсу приказаніе разузнать въ точности намѣренія на этотъ счетъ императрицы. Онъ рисуетъ самыми мрачными красками ихъ положеніе, говоритъ объ обращаемыхъ къ нему ими мольбахъ, представляетъ, что послѣ избранія короля отъ поляковъ ничего нельзя будетъ добиться, убѣждаетъ въ совершенной необходимости торжественной и энергической декларацiи въ пользу этихъ «несчастныхъ, на угнетеніе которыхъ онъ не можетъ смотрѣть равнодушно». Однимъ словомъ, онъ дѣлаетъ все возможное, чтобы не дать Екатеринѣ отложить на время этотъ жгучій вопросъ. Старанія его увѣнчались успѣхомъ: декларація въ указанномъ имъ смыслѣ была сдѣлана, а затѣмъ статья о диссидентахъ включена и въ Pacta conventa. Лазейка осталась открытой и скоро сослужила свою службу...

А что же дѣлала въ это время Австрія? Какъ она вела свою политику въ отношеніи Польши? Она дѣйствовала именно такъ, какъ указывали ея интересы, которые мы старались охарактеризовать выше. Она наблюдала за тѣмъ, что дѣлали другіе, старалась помѣшать насилію, насколько могла сдѣлать это, не рискуя зайти сама дальше, чѣмъ это было для нея желательно; затѣмъ, увидавъ, что тутъ нечего дѣлать, кромѣ какъ воевать, или устраниться, она отказалась отъ всякаго вмѣшательства. Въ началѣ она, какъ и Пруссія, искала сближенія съ Россіей; но всѣ ея попытки въ этомъ направленіи не привели ни въ чему и мало-по-малу отношенія обоихъ дворовъ сдѣлались болѣе, чѣмъ холодны. Когда начались польскія дѣла, Австрія поддерживала саксонскій домъ, какъ въ вопросѣ о герцогствѣ курляндскомъ, такъ и въ вопросѣ объ избраніи короля. Но въ обоихъ этихъ случаяхъ поддержка эта была очень слаба, ограничиваясь исключительно одними интригами, платоническими совѣтами, да внушеніями. Декларація, сдѣланная австрійскимъ посломъ въ Варшавѣ, обѣщала съ ея стороны полнѣйшее безпристрастіе на выборахъ, а въ quasi-частныхъ бесѣдахъ съ разными лицами гр. Мерси заявлялъ, что хотя императрицѣ-королевѣ и пріятно было бы видѣть корону польскую на головѣ саксонскаго принца, но она, однако, нисколько не будетъ содѣйствовать этому и охотно согласится на избраніе націей природнаго поляка, лишь бы только вліяніе сосѣдей не привело къ раздробленію республики, потому

что тогда ей невозможно будетъ оставаться равнодушной. Разумѣется, безпристрастія никакого не было, разумѣется, вѣнскій дворъ поощрялъ поляковъ къ сопротивленію и интриговалъ противъ Россіи и противъ Пруссіи. Но, еще разъ, все это дѣлалось крайне умѣренно и чрезвычайно осторожно, такъ, чтобы не подать ни одной изъ этихъ державъ повода къ мотивированнымъ жалобамъ и не задѣть черезъ-чуръ рѣзко. Какъ только образовалась конфедерація и русскія войска готовились переступить границу, гр. Мерси получилъ приказаніе выѣхать изъ Варшавы, что́ и исполнилъ. Австрія устранилась отъ вмѣшательства и стала выжидать событій. Этимъ она пріобрѣла двѣ и даже три выгоды: во-первыхъ, не поссорилась въ конецъ съ Россіей, оставшись съ нею въ холодныхъ и натянутыхъ, но все же не въ открыто враждебныхъ отношеніяхъ; во-вторыхъ, сохранила расположеніе поляковъ, которые продолжали вѣрить въ дружбу и въ поддержку Австріи даже въ то время, когда она первая въ тихомолку ограбила ихъ; въ-третьихъ, наблюдая за событіями издали, она имѣла возможность предвидѣть многое въ нихъ заранѣе и воспользоваться ими прежде, чѣмъ кто-либо подумалъ воспротивиться ей. Мы увидимъ позднѣе, что даже дальновидный Фридрихъ не успѣлъ принять никакихъ мѣръ, какъ уже Австрія, безъ криковъ и безъ видимыхъ насилій, обезпечила себѣ свою долю.

Н. С.

ПЕТЕРБУРГСКАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМІЯ

при

ГРАФѢ ПРАТАСОВѢ

1836—1855 гг.

X *).

О новыхъ улучшеніяхъ академіи, произведенныхъ по приказанію гр. Пратасова.

Графу, разумѣется, было желательно, чтобы и на будущее время академія перестала быть заколдованнымъ или проклятымъ мѣстомъ, куда порядочные люди боялись бы заглянуть. Только онъ хорошо понималъ, что государь императоръ, оставшійся довольнымъ академіей при первомъ визитѣ, будетъ взыскательнѣе при слѣдующихъ визитахъ, что нужно непремѣнно устроить все по образцу свѣтскихъ блестящихъ училищъ. Но сверхъ ожиданія онъ въ ректорѣ Доброхотовѣ встрѣтилъ уже не пассивное, а даже нѣсколько активное сопротивленіе своимъ планамъ. Ректоръ и самъ по себѣ, и по внушенію монашествующихъ, особенно кіевскаго митрополита Амфитеатрова, отстаивалъ съ упорствомъ старинное устройство академіи. Карасевскій не одинъ разъ передавалъ ему мысль графа о томъ, чтобы приняться за введеніе новыхъ порядковъ въ академіи, но ректоръ то увертывался и придумывалъ отговорки, то даже отказывалъ наотрѣзъ; и въ этомъ случаѣ указывалъ особенно на то, что вѣдь государю понравилась

---

*) См. выше: іюль, 121 стр.

же академія и въ настоящемъ ея видѣ. Къ чему же теперь начинать новый порядокъ, когда и старый оказался удовлетворительнымъ? Уже предъ самыми лѣтними каникулами 1838 г., въ которыя въ академіи происходили разныя передѣлки, Карасевскій, наскучивъ, вѣроятно, имѣть споры съ ректоромъ, призвалъ къ себѣ эконома и велѣлъ ему доложить своему начальнику, что графъ находитъ нужнымъ отдѣлить особыя комнаты для спанья студентамъ и устроить новую мебель. Экономъ сказалъ о томъ ректору, который, замѣтивъ настойчивость со стороны своего подчиненнаго, указывавшаго преимущественно на желаніе графа и Карасевскаго, сказалъ: «Что же, что они желаютъ? Мало ли они чего желаютъ? Что мнѣ Карасевскій? Вѣдь онъ не начальникъ мой. Да и графъ? Вѣдь онъ въ синодѣ оберъ-прокуроръ, а въ коммиссіи духовныхъ училищъ такой же членъ, какъ и прочіе, которые вовсе не желаютъ передѣлывать академію на свѣтскій манеръ. Не хочу, такъ и скажите Карасевскому». Его высокопреподобіе никогда почти не было почему-то такъ храбрымъ, какъ въ это время; вѣроятно, его воодушевляла идея, что онъ предназначенъ отстоять бурсацкія преданія старины глубокой. И когда экономъ подалъ-было записку въ академическое правленіе о необходимости тѣхъ передѣлокъ, на которыя указывалъ ему Карасевскій, то ректоръ сказалъ: «я этой бумаги ни за что не пущу въ ходъ; возьмите ее назадъ». Но храбрость отца ректора продолжалась не очень долго; злой рокъ заставилъ его отказаться отъ старины и сдѣлаться невольнымъ поборникомъ новизны.

Еще въ апрѣлѣ мѣсяцѣ студентъ и вмѣстѣ письмоводитель правленія, Суворовъ, часу въ девятомъ вечера ушелъ куда-то, не смотря на то, что по академическимъ правиламъ выходъ изъ академіи студентамъ дозволялся только до осьми часовъ. Суворовъ не только не возвратился въ тотъ же день, но и, какъ говорится, совсѣмъ пропалъ. Академическое правленіе донесло объ этомъ коммиссіи духовныхъ училищъ, которая хоть и не сдѣлала никакого выговора, но между тѣмъ имѣла поводы думать, что въ академіи инспекторскій надзоръ не совсѣмъ хорошъ; это было вполнѣ справедливо. Исправлявшій должность инспектора Климентъ Можаровъ немного придерживался поговорки: «помоги Богъ и вашимъ и нашимъ»; ему хотѣлось и выслужиться передъ начальствомъ, и понравиться студентамъ, которые и умѣли воспользоваться этою его слабостію. Но на несчастнаго отца Климента валилась бѣда за бѣдой. Въ маѣ мѣсяцѣ въ бассейнѣ Обводнаго канала найдено было тѣло Суворова. При осмотрѣ его на верхней губѣ оказалось много запекшейся и затвердѣв-

шей крови; изъ чего полиція и заключила, что покойника еще при жизни гдѣ-то поколотили; такъ какъ въ водѣ кровь не могла отвердѣть на тѣлѣ. Была молва, что онъ кончилъ жизнь насильственной смертію на службѣ Бахусу и Венерѣ. И это подозрѣніе какъ-то умѣли ослабить. Но отецъ Климентъ подвергся новому искушенію. Въ самомъ началѣ каникулъ, лучшій студентъ низшаго отдѣленія, Концѣвичъ, купаясь въ Обводномъ каналѣ противъ академическаго сада, утонулъ. Нужно было репортовать о новомъ смертномъ случаѣ въ коммиссію духовныхъ училищъ; къ графу Пратасову поѣхалъ самъ ректоръ съ словеснымъ объясненіемъ. Что̀ происходило между ними, осталось темнымъ и неизвѣстнымъ. Только ректоръ, возвратившись отъ оберъ-прокурора, вдругъ оказался ярымъ защитникомъ новизны и гонителемъ святой старины. Дня за четыре до того, не принявши отъ эконома записки о новыхъ передѣлкахъ въ академіи, онъ, тотчасъ же призвавъ его къ себѣ, сказалъ: «что же? приготовляете вы отдѣльныя спальни для студентовъ?»

— Нѣтъ,—отвѣчалъ экономъ,—да вы вѣдь сами отдали мнѣ мою записку назадъ.

— Ну, такъ вотъ что, дѣлайте теперь все нужное для спаленъ; да поскорѣе надобно устроить новую лучшую мебель.

— Что же это такое, ваше высокопреподобіе? — спросилъ экономъ.

— Эка, что такое? Мало ли что? Нужно, ну и дѣлайте, да смотрите, живѣе; я самъ за всѣмъ буду смотрѣть.

Итакъ для устройства отдѣльныхъ спаленъ и новой мебели нужна была неестественная смерть двухъ студентовъ.

Вскорѣ и коммиссія духовныхъ училищъ по всей формѣ прислала строжайшій выговоръ академическому правленію за упущенія по части нравственнаго надзора за студентами и предписала усилить его какъ можно болѣе и принять дѣятельнѣйшія мѣры для этого. Отецъ Климентъ скоро былъ уволенъ отъ исправленія инспекторской должности, а на мѣсто его назначенъ баккалавръ московской духовной академіи Филоѳей Успенскій. Ректоръ, благодаря сильной протекціи кіевскаго митрополита Филарета Амфитеатрова, остался на своемъ мѣстѣ, но чтобы удержаться на немъ, нашелъ нужнымъ ввести строжайшую дисциплину между студентами, о какой тогда едва ли думали хоть въ одной семинаріи.

И прежде съ давнихъ уже временъ студенты, желавшіе идти въ городъ, обязаны были записываться въ особую тетрадь съ прописаніемъ, къ кому и на сколько времени они уходятъ; тет-

радь подавалась къ инспектору, который иногда кое-кому и отказывалъ въ позволеніи. Но эти распоряженія исполнялись не очень строго; студенты находили возможность уходить не только безъ позволенія, но даже противъ желанія инспектора. Теперь подъ опасеніямъ немедленнаго исключенія изъ академіи приказано было ни подъ какимъ видомъ безъ позволенія инспектора не отлучаться *даже на смежный семинарскій дворъ*. Притомъ получившій дозволеніе выйти изъ академіи долженъ былъ исполнить разныя, такъ сказать, церемоніи, отяготительныя даже для воспитанниковъ среднихъ училищъ, но ужъ очень унизительныя для взрослыхъ людей. Студентъ для выхода изъ академіи получалъ полу-печатный, полу-письменный билетъ, въ которомъ означалось, что такого-то года, мѣсяца и числа такой-то студентъ уволенъ начальствомъ академіи на столько-то времени; дозволеніе скрѣплялось подписью инспектора. Этотъ билетъ студентъ долженъ былъ показать привратнику и у него въ сторожкѣ собственноручно записаться въ особой книгѣ. Безъ билета привратникъ имѣлъ право не пропускать никого, и если его не послушаются, то немедленно донести о такомъ своеволіи начальству. По возвращеніи изъ города студентъ являлся къ инспектору и лично отдавалъ ему въ руки свой билетъ; принимавшему билетъ представлялась тутъ возможность убѣдиться, въ добромъ ли здоровьи возвратился студентъ.

Прошло и то золотое времечко, когда студенту можно было днемъ по желанію полежать на своей кровати. Устроенныя спальни на день запирались прислугою и отпирались только въ то время, какъ нужно было ложиться спать,—около 10 часовъ. Пришлось также разстаться съ любимою семинаристами привычкою, лежа на кровати подъ одѣяломъ, почитать что-либо усыпительное, или съ сосѣдомъ побалагурить сколько-нибудь; въ спальняхъ приказано было соблюдать полную тишину, не говорить, а только спать. Комнаты же для занятій запирались непремѣнно въ 11 часовъ унтеръ-офицеромъ, который, если бы какой-либо слишкомъ прилежный студентъ не хотѣлъ идти въ спальню, долженъ былъ тотчасъ же донести инспектору о такомъ безпорядкѣ. Утромъ эти комнаты отпирались не ранѣе пяти часовъ; такимъ образомъ студентъ волею-неволею, а долженъ былъ лежать въ постелѣ, по крайней мѣрѣ, отъ 11 до 5 часовъ. Но въ шесть часовъ билъ звонокъ и нужно было непремѣнно вставать, потому что прислуга принималась за уборку спаленъ.

Не обошлось безъ подтвержденія, чтобы студенты непремѣнно ходили на лекціи въ надлежащее время, а не просиживали ихъ

въ комнатахъ. Только при новомъ ректорѣ, постоянно прежде служившемъ въ семинаріяхъ, введена была новая въ этомъ отношеніи мѣра, отзывавшаяся семинарщиною. Въ каждомъ отдѣленіи избирался изъ такъ-называемыхъ благонадежныхъ студентовъ старшій, которому поручалось записывать, чѣмъ каждый наставникъ занимался и кто изъ студентовъ не былъ въ классѣ, и почему, —по болѣзни ли, или по упущенію. Для такихъ записей выдавалась старшему большая книга подъ названіемъ *журнала*.

И прежнія строгости были не по душѣ студентамъ; прибавка новыхъ не могла же имъ понравиться. Благоразумные между ними понимали, что само начальство почти невольно было къ нимъ вынуждено; горячія же головы не могли отказаться хоть отъ какого-либо сопротивленія, но большею частію дѣйствовали немножко похоже на семинаристовъ. Напримѣръ, въ самомъ началѣ, какъ только устроили отдѣльныя спальни и въ теченіи цѣлаго дня онѣ оставались запертыми на замокъ, недовольные изъ студентовъ въ слѣдующую ночь припрятали ключи отъ всѣхъ спальныхъ комнатъ, такъ чтобы хоть въ теченіи одного дня не было возможности запирать ихъ. Потомъ особенно любили тушить огонь, который въ прибитомъ на стѣнѣ подсвѣчникѣ зажигался въ каждой спальнѣ. Обыкновенно жаловались на то, что при свѣчкѣ многіе не могутъ спать, хотя свѣтъ ея былъ закрытъ ширмочкою, и падалъ не на глаза студентовъ, а на потолокъ. Но тутъ дѣйствовало другое побужденіе. Начальство считало нужнымъ ночью проходить по спальнямъ, чтобы убѣдиться, всѣ ли студенты ночуютъ дома? При освѣщеніи спаленъ рѣшить этотъ вопросъ было тѣмъ легче, что на передней части каждой кровати на желѣзномъ листѣ писались фамилія и нумеръ студента. Дѣлать было нечего. Начальство завело дежурство изъ служителей, и дежурный въ теченіе всей ночи поддерживалъ свѣтъ между будущими магистрами и кандидатами богословія. Слишкомъ горячія головы могли придумать болѣе активное сопротивленіе и увлечь за собою прочихъ товарищей. Для предотвращенія подобныхъ такъ-называемыхъ бунтовъ, начальство «tacito modo» (въ молчанку) приняло благоразумную мѣру, постаралось о томъ, чтобы пища въ столовой была какъ можно удовлетворительнѣе и, какъ кажется, макіавелевски поняло натуру человѣческую. Извѣстно, что голодные преимущественно наклонны къ бунтамъ, а народъ сытый и надѣющійся, что и завтра онъ будетъ сытымъ, рѣдко склоненъ бываетъ къ революціоннымъ движеніямъ. Случалось слыхать не отъ одного изъ студентовъ разсказы въ родѣ слѣдующаго. «Иногда крайне бывало осер-

дишься на разныя строгости и готовъ, пожалуй, рѣшиться на какую-либо выходку; но придешь въ столовую, поѣшь съ аппетитомъ вкусно приготовленныя кушанья, возвратишься изъ столовой, ляжешь на диванъ, или гдѣ-нибудь присядешь и подумаешь: къ чему тутъ бунтовать? вѣдь кормятъ такъ хорошо».

Академическое начальство, отчасти понукаемое гр. Пратасовымъ и Карасевскимъ, отчасти и само пріобрѣтши вкусъ къ нововведеніямъ, продолжало дѣлать по академіи улучшенія. О нихъ оно иногда и не спрашивало митрополита Серафима, да онъ въ это время по старости и дряхлости своей не входилъ уже въ подробности, а только утверждалъ все, что̀ ни представляло академическое правленіе. Особенную же щедрость послѣднее показало при устройствѣ новой мебели для студентовъ въ два пріема, въ концѣ тридцатыхъ и началѣ сороковыхъ годовъ, истративъ чуть ли не болѣе шести, даже едва ли не восемь тысячъ рублей. Все было сдѣлано изъ ясеневаго дерева: гардеробы, книжные шкафы, письменные столы, стулья, табуреты для спаленъ, конторки, диваны, классные столы и каѳедры, даже скамьи въ столовой и пр. и пр.; все, по крайней мѣрѣ вновѣ, имѣло блестящій видъ. Тогда ужъ не стыдно было хоть кому угодно показывать академію; гр. Пратасовъ имѣлъ право сказать, что по внѣшней части онъ довелъ ее до блестящаго состоянія.

Но нашлись ярые хулители и противники этого блестящаго состоянія; что ученое монашество принадлежало къ нимъ, въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго. Увидавши, какъ оберъ-прокуроръ становится сильнѣе и сильнѣе въ синодальныхъ дѣлахъ, какъ начинаетъ трактовать не только архимандритовъ, но даже архіереевъ, оно естественно старалось отыскивать дурную сторону во всѣхъ его распоряженіяхъ; притомъ держать студентовъ, такъ сказать, въ черномъ тѣлѣ, въ грязи, по-бурсацки, входило въ принятую ученымъ монашествомъ систему воспитанія по духовно-учебнымъ заведеніямъ. Но странно, что къ хору порицателей новыхъ порядковъ въ академіи присоединялись нѣкоторые іереи и протоіереи петербургскіе. Они свои квартиры и тогда любили отдѣлывать по-генеральски, конечно, можетъ быть, и на церковный счетъ; заказывали иногда мебель для себя не простымъ православнымъ нашимъ мебельщикамъ, а Туру и Гамбсу. Они же, пока обучались въ академіи или семинаріи, и даже послѣ того, когда шла рѣчь о преобладаніи монашества надъ бѣлымъ духовенствомъ, бранили бывшихъ своихъ начальниковъ за то, что тѣ содержали ихъ въ былое время какъ какихъ-либо нищихъ. Теперь эти же самые люди, конечно, не всѣ, а очень

многіе, стали съ сарказмомъ и съ негодованіемъ отзываться о новомъ устройствѣ студенческой жизни въ академіи и обвинять за то не оберъ-прокурора, который всѣмъ орудовалъ, а бѣднаго ректора, который цѣлый годъ имѣлъ смѣлость не слушаться грознаго оберъ-прокурора и покорился ему, когда насильственная смерть двухъ студентовъ угрожала ему самому отставкою. Особенно достойная сожалѣнія сцена происходила послѣ публичнаго экзамена, кажется, въ 1839 или 1840 году. Митрополитъ Серафимъ отказался по своей старости ѣхать на экзаменъ и поручилъ тамъ предсѣдательство кіевскому митрополиту Филарету Амфитеатрову. Ректоръ, уже полюбившій новое устройство академіи какъ свое собственное произведеніе, захотѣлъ похвалиться имъ предъ своимъ землякомъ и покровителемъ и предложилъ ему осмотрѣть академію. Пошли густою колонною и всѣ посѣтители. Филаретъ почти-что ничего не говорилъ, посматривалъ только, такъ сказать, съ благочестивымъ сожалѣніемъ на суетную роскошь, прокравшуюся даже въ духовно-учебныя заведенія, не выражалъ открыто ни одобренія, ни негодованія, щадя, можетъ быть, своего земляка и протеже. Но почти вслѣдъ за нимъ шелъ петербургскій протоіерей, громко и со всею энергіей осуждавшій всѣ нововведенія; проповѣдь его возобновилась даже за обѣдомъ въ ректорскихъ комнатахъ, гдѣ хлѣбъ-соль должны бы сдѣлать всякаго привѣтливымъ къ хозяину. Жалко было смотрѣть на ректора, который не имѣлъ возможности вступить въ борьбу съ своимъ порицателемъ, но еще болѣе слѣдовало пожалѣть и о самомъ порицателѣ, который, будучи очень умнымъ человѣкомъ, являлся тутъ защитникомъ отживавшей свой вѣкъ бурсаччины.

Графъ, устроивши академію такъ, какъ ему было желательно, гораздо рѣже прежняго сталъ посѣщать ее, поручивши впрочемъ Карасевскому не ослаблять своего надзора. Но былъ въ каждомъ году періодъ времени, когда академія находилась, такъ сказать, въ напряженномъ состояніи, когда отъ начальства ея требовали соблюдать возможную осторожность, опрятность, исправность и пр. Время это заключалось между двумя важнѣйшими христіанскими праздниками: рождествомъ и воскресеніемъ І. Христа. Графу послѣ того, какъ онъ привелъ академію въ блестящее состояніе, очень бы желательно было, чтобы государь посѣтилъ ее. Если онъ получилъ благодарность и генеральство за нее, когда она еще находилась въ полу-бурсацкомъ положеніи, то чего нельзя было ожидать теперь, когда она по внѣшнему устройству не уступала многимъ даже изъ лучшихъ

петербургскихъ свѣтскихъ училищъ? Поэтому графъ ежегодно ожидалъ и другихъ убѣждалъ, что государь непремѣнно пріѣдетъ въ академію. Покойный императоръ обыкновенно осматривалъ учебныя заведенія преимущественно въ рождественскій мясоѣдъ и великій постъ. Значитъ въ это-то время и слѣдовало по пословицѣ, держать ухо востро. Далѣе почему-то графу представлялось, что пріѣзда государева въ академію всего вѣрнѣе надобно ожидать въ великій четвергъ, — въ тотъ самый день, въ который академія удостоилась высочайшаго посѣщенія въ 1838 году. Вотъ почему дѣлались приготовленія въ ней къ пріему государя въ великій постъ и особенно въ страстную недѣлю: хлопотливость тогда доходила до какого-то лихорадочнаго состоянія. Студенты получали приказы за приказами быть какъ можно болѣе исправными и осторожными; если не все начальство, то кто-нибудь непремѣнно ежедневно осматривалъ всѣ комнаты студенческія; Карасевскій пріѣзжалъ въ академію чуть ли не каждую недѣлю, а иногда даже и два раза въ недѣлю; наконецъ самъ графъ въ концѣ шестой или въ началѣ страстной недѣли лично желалъ убѣдиться въ томъ, все ли готово къ встрѣчѣ высшаго посѣтителя.

XI.

Характеристика наставниковъ, служившихъ въ Спб. духовной академіи въ ректорство Щепетева.

Занявшись тѣми преобразованіями, которыя не безъ торопливости вводилъ гр. Пратасовъ въ хозяйственной части петербургской духовной академіи, я вовсе почти ничего не успѣлъ сказать объ учебной и нравственной частяхъ, которыя должны бы составлять главную заботу начальства всякаго учебнаго заведенія. Посмотримъ теперь, насколько эти двѣ стороны академической жизни измѣнились къ лучшему или худшему въ первыя пять лѣтъ оберъ-прокурорства гр. Пратасова.

Изъ статьи: «Петербургская духовная академія», напечатанной въ «Вѣстникѣ Европы» въ 1872 г., видно, что въ началѣ тридцатыхъ годовъ между наставниками ея встрѣчались посредственности даже жалкія, въ родѣ Ивановыхъ, но за то между ними же было достаточное количество дѣльныхъ людей, отъ которыхъ студентамъ можно было многимъ позаимствоваться въ научномъ и литературномъ отношеніяхъ. Но или предъ самымъ ректорствомъ Виталія Щепетева, или въ продолженіе его, академія

лишилась наибольшей части своихъ знаменитостей. Профессоры математики и физики Себржинскій и Райковскій умерли, первый лѣтомъ въ 1833 г., а послѣдній осенью 1835 г. Этимъ же путемъ выбылъ изъ академіи въ октябрѣ 1833 г. баккалавръ гражданской исторіи Соснинъ, о которомъ ничего не сказано въ вышеупомянутой статьѣ «Вѣстника Европы», хотя этотъ наставникъ принадлежалъ къ дѣятельнымъ и честнымъ труженикамъ академіи. По окончаніи академическаго курса въ 1827 г., онъ поступилъ профессоромъ въ ярославскую семинарію, оттуда въ 1830 году переведенъ баккалавромъ въ петербургскую академію безъ всякаго съ своей стороны заискиванья, единственно потому, что онъ академическому начальству былъ извѣстенъ съ отличной стороны. Въ академіи своими лекціями онъ скоро очень понравился студентамъ, только къ сожалѣнію забылъ о своемъ слабомъ здоровьѣ. Оно не отличалось крѣпостію и въ Ярославлѣ, но въ Петербургѣ мало-по-малу разстроивалось не только отъ занятій, необходимыхъ для приготовленія хорошихъ лекцій, но и отъ того, что Соснинъ любилъ заниматься литературными трудами. Въ три года своей академической службы онъ напечаталъ два сочиненія, и кромѣ того статейку историко-религіознаго содержанія, напечатанную въ «Сынѣ Отечества»; ни заглавія статьи, ни года ея появленія не припомню. Слабый самъ по себѣ и кромѣ того изнуряемый постоянными трудами организмъ не выдержалъ. Медленная чахотка свела труженика въ могилу. Смерть этого честнаго человѣка какъ нельзя лучше показываетъ, въ какомъ незавидномъ положеніи были тогда свѣтскіе академическіе наставники. Единственная прислуга Соснина, состоявшая изъ стараго отставного солдата, имѣла помѣщеніе въ кухнѣ, находившейся въ подвальномъ этажѣ, до котораго изъ квартиры Соснина въ первомъ этажѣ дома надобно было пробираться разными сѣнями, корридорами и лѣстницами. Не смотря на то, что всѣ убѣждены были въ близкой кончинѣ Соснина, никто не позаботился о томъ, чтобы съ нимъ кто-нибудь ночевалъ. 12 октября 1833 года служитель спокойно отправился въ свою кухню, заперши вхожую дверь квартиры барина. Поутру 13 числа онъ является къ барину, спрашиваетъ его приказаній, но не получая никакого отвѣта, подходитъ къ нему и находитъ окоченѣлый трупъ съ открытыми ртомъ и глазами. Не излишнимъ нахожу цитовать здѣсь замѣтку о смерти этого труженика, напечатанную въ анонимномъ сочиненіи о духовныхъ училищахъ, которое издано въ Лейпцигѣ 1863 г. «Каково было покойнику умирать въ полномъ сознаніи, какъ это бываетъ съ чахоточными, одному

въ темной комнатѣ? Можетъ быть, ему хотѣлось сколько-нибудь выпить воды, но рука его не протягивалась къ стакану; можетъ быть, ему хотѣлось посидѣть, повернуться на другой бокъ, но силъ недоставало для этого. Бѣдный труженикъ! Что ты въ это время думалъ, что̀ перечувствовалъ? Благословлялъ ли ты судьбу, что она дала тебѣ возможность быть наставникомъ въ академіи?» (ч. 1, стр. 160).

Не одна смерть отнимала лучшихъ наставниковъ у академіи; роковыя обстоятельства удаляли тѣхъ изъ нихъ, которые долго еще послѣ своей отставки жили. «Человѣкъ честный, благородный, безупречный въ своемъ поведеніи, съ твердою волею, съ стоическимъ характеромъ, безъ надменности и высокомѣрія, неспособный къ лести и низкопоклонству, врагъ ханжества и лицемѣрія, человѣкъ, такъ сказать, античный, съ возвышенною душою, замѣчательный ученый въ тогдашнемъ духовенствѣ» (№ 9 «В. Евр.» 1872 г., стр. 164), словомъ, протоіерей и профессоръ Герасимъ Петровичъ Павскій уволенъ отъ академической службы въ началѣ 1835 г. послѣ того, какъ долженъ былъ оставить должность законоучителя Наслѣдника русскаго престола. Такимъ образомъ изъ первокурсныхъ ветерановъ остался въ академіи только Кочетовъ. Прибавлю еще къ этому, что въ одинъ годъ съ Павскимъ профессоръ Вершинскій счелъ за лучшее свою академическую каѳедру по философіи промѣнять на мѣсто священника при нашемъ посольствѣ въ Парижѣ.

Смерть или удаленіе изъ академіи перечисленныхъ мною наставниковъ происходили по обстоятельствамъ, не зависѣвшимъ отъ ректора Виталія Щепетева; тутъ его не въ чемъ обвинять; напр. онъ относился съ глубокимъ уваженіемъ къ Павскому и продолжалъ съ нимъ знакомство и послѣ его отставки, хотя такое уваженіе и знакомство было не безопасно для него, потому что его протекторъ, всемогущій въ то время митрополитъ Филаретъ Дроздовъ, былъ главнѣйшимъ виновникомъ паденія Павскаго. Съ другой стороны Щепетевъ по причинамъ, не дѣлающимъ ему чести, едва ли единственно не изъ желанія выслужиться предъ своимъ грознымъ патрономъ, выжилъ изъ академіи одного изъ лучшихъ и полезнѣйшихъ наставниковъ, а другого, такъ сказать, добилъ окончательно. Въ сентябрьской книгѣ «Вѣстника Европы» 1872 года сказано, что Делекторскій, баккалавръ общей словесности, былъ удаленъ изъ академіи. Къ этому удаленію не было никакихъ поводовъ. Болѣе усерднаго, исправнаго, дѣльнаго и опытнаго по своему предмету наставника, чѣмъ Делекторскій, трудно было найти. Но у него было одно величайшее

преступленіе: *онъ осмѣливался* основательно доказывать студентамъ, что слогъ проповѣдей Филарета Дроздова не только не заслуживаетъ подражанія, но даже отзывается семинарщиною, обилуетъ оборотами и выраженіями, не свойственными русскому языку, отличается схоластическими и риторическими пріемами и пр. За это-то непростительное преступленіе Делекторскій былъ не уволенъ по прошенію, а отставлевъ отъ академической службы по представленію академическаго правленія, изъ членовъ котораго ректоръ Щепетевъ былъ единственнымъ дѣйствующимъ лицомъ, а прочіе два только подписали изготовленное безъ всякаго ихъ согласія представленіе. Но и у Щепетева недоставало смѣлости сказать, что Делекторскій увольняется за неисправность или другія какія-либо неодобрительныя качества; отставку Делекторскаго и еще двухъ наставниковъ: Сидонскаго и Предтеченскаго, онъ мотивировалъ тѣмъ, что для занятія не-наставническихъ должностей при академіи, напр. должностей эконома, секретаря, библіотекаря и пр. будто бы недостаетъ свѣтскихъ лицъ, и потому-де нужно уволить трехъ священниковъ.

Въ № 9 «Вѣстника Европы» 1872 г. (стр. 179) описано, какимъ образомъ на публичномъ экзаменѣ 1833 г. ректоръ Григоровичъ и ревизовавшій академію оберъ-священникъ Кутневичъ старались своими возраженіями оконфузить и унизить тогдашняго баккалавра философіи. Хотя фамилія баккалавра не означена въ «Вѣстникѣ Европы», но очевидно, что это былъ Өедоръ Өедоровичъ Сидонскій; тогда онъ былъ еще живъ; авторъ статьи находилъ неудобнымъ поименовать его; теперь онъ умеръ, поэтому о немъ можно уже говорить, не скрывая его имени.

Өедоръ Өедоровичъ, еще будучи студентомъ академіи, былъ извѣстенъ обширными своими свѣдѣніями, неутомимою дѣятельностію и слылъ любителемъ философіи, поклонникомъ тогдашнихъ нѣмецкихъ представителей ея: Шеллинга, Гегеля, Окена, Гербарта, Круга и пр. За неимѣніемъ наставнической вакансіи по философскимъ наукамъ въ академіи, Сидонскій первоначально былъ опредѣленъ преподавателемъ англійскаго языка, но вскорѣ, по случаю смерти профессора философіи Красносельскаго, утвержденъ баккалавромъ философіи; ему поручили сначала преподавать исторію философскихъ системъ; затѣмъ, не знаю почему, этотъ предметъ сталъ читать профессоръ Вершинскій, а Сидонскій философію, и именно метафизику, нравственную философію или этику, и такъ-называемое естественное право (jus naturae). При всѣхъ своихъ обширныхъ (для студента) свѣдѣніяхъ, при всей своей любви къ философіи, при всей своей неутомимой

дѣятельности, Сидонскій, только-что кончившій курсъ въ академіи магистръ, не могъ, разумѣется, тотчасъ же сдѣлаться отличнымъ профессоромъ философіи. Для этого нужно первоначально не только ознакомиться съ прежними, по крайней мѣрѣ, болѣе другихъ замѣчательными философскими системами, съ состояніемъ едва ли не всѣхъ наукъ въ данное время, но и пріобрѣтенныя такимъ образомъ познанія привести въ систему, составить, такъ сказать, идеалъ, по которому можно было бы обсуживать системы прежнихъ мыслителей, или къ которому слѣдуетъ стремиться при составленіи своей собственной философіи, своего самостоятельнаго міровоззрѣнія. Такой подготовки у Сидонскаго тотчасъ по окончаніи академическаго курса не могло быть, и потому не удивительно, что студенты сначала не были довольны его лекціями. Но и тутъ нерѣдко онъ умѣлъ заинтересовать и даже удивлять своихъ слушателей. Пусть тѣ изъ студентовъ X-го курса академіи, которые остаются еще въ живыхъ, припомнятъ лекцію Сидонскаго о философской системѣ Эпикура. Онъ уже зналъ, что ему поручаютъ вмѣсто исторіи философскихъ системъ преподаваніе философіи и потому, кажется, ему захотѣлось показать студентамъ, чего они могли бы ожидать отъ него, еслибы его оставили на предметѣ, съ которымъ онъ уже довольно хорошо ознакомился. Философія Эпикура изложена была имъ съ такою логическою послѣдовательностію, въ такой увлекательной формѣ, съ такимъ воодушевленіемъ, что чрезъ сорокъ лѣтъ общій очеркъ и многія подробности этого изложенія и теперь живо и отчетливо припоминаются. Сдѣлавшись преподавателемъ философіи, Сидонскій, еще не успѣвшій выработать и уяснить для себя своего міровоззрѣнія, не могъ увлекать и заинтересовать студентовъ своими лекціями, но за то сообщилъ весьма многія изъ тѣхъ идей, которыя въ то время занимали нѣмецкихъ и французскихъ мыслителей; чрезъ что затрогивалъ и поддерживалъ любознательность студентовъ и пробуждалъ въ нихъ стремленіе къ философскому мышленію.

Начиная съ сентябрьской трети 1831 г., Сидонскій явился предъ новыми своими слушателями, студентами XI-го курса, довольно подготовленнымъ къ тому, чтобы читать философію по собственнымъ своимъ запискамъ. Не мѣсто здѣсь критически относиться къ содержанію этихъ записокъ. Пожалуй, даже скажу, что онѣ, какъ первый опытъ молодого человѣка, поторопившагося предложить свой взглядъ на философію, не могли не имѣть многихъ недостатковъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ прибавляю, что студенты были весьма довольны новыми лекціями, что прежніе его слуша-

тели, бывшіе тогда въ высшемъ отдѣленіи, завидовали своимъ преемникамъ и что къ недостаткамъ записокъ благоразумное и просвѣщенное начальство должно было отнестись снисходительно; первые опыты какого-бы то ни было дѣла рѣдко бываютъ образцомъ совершенства. Но грозные судіи въ родѣ Григоровича и Кутневича не замедлили своимъ приговоромъ; только все еще посовѣстились совершенно удалить Сидонскаго изъ академіи; ему поручено было преподаваніе французскаго языка.

Не скрываю того, что онъ на новой своей должности оказался не совсѣмъ состоятельнымъ; не то, чтобы онъ не зналъ французскаго языка, по крайней мѣрѣ книжнаго; отъ академическихъ наставниковъ по новымъ языкамъ не требовали тогда, чтобы они учили студентовъ разговорному языку. Но Ѳедоръ Ѳедоровичъ увлекся своею страстью къ философствованію и вмѣсто того, чтобы въ своей новой по академіи должности обучать студентовъ только французскому языку, онъ возложилъ на себя обязанность учить ихъ философіи, такъ сказать, въ отрывочномъ видѣ. Встрѣтивъ что-нибудь замѣчательное при переводѣ статей французской хрестоматіи, по которой учились студенты, онъ пускался въ философскія разсужденія. Такимъ образомъ студенты не могли ни научиться хорошо французскому языку, составлявшему для наставника второстепенный предметъ, ни познакомиться съ философіей, которая являлась къ нимъ въ отрывкахъ, большею частію не имѣвшихъ между собою никакой связи. Конечно, такимъ наставникомъ дорожить не было надобности, но Виталію Щепетеву надобно было бы смотрѣть на Сидонскаго съ другой точки зрѣнія. Положимъ, что онъ не былъ въ состояніи возстановить Сидонскаго на философскую каѳедру; Григоровичъ и Кутневичъ и другія авторитетныя лица не позволили бы этого сдѣлать; за то надлежащимъ образомъ оцѣнивая научныя качества Сидонскаго, Щепетевъ долженъ былъ бы поблюсти его для академіи съ тѣмъ, чтобы впослѣдствіи доставить ему возможность быть полезнымъ преподавателемъ философіи ли или другой науки. Но Щепетевъ хотѣлъ не щадить, не терпѣть, а, какъ я выразился выше, *добить* Сидонскаго, удаливъ его совсѣмъ изъ академіи. Тутъ дѣйствовало вовсе не то, что Сидонскій плохо преподавалъ французскій языкъ, преемникъ его былъ весьма посредственный наставникъ; но Сидонскій не нравился всемогущему Филарету Дроздову, какъ потому, что онъ въ глазахъ послѣдняго былъ либералъ, такъ и потому, что на своихъ лекціяхъ, подобно Делекторскому не выказывалъ благоговѣйнаго уваженія къ его всемогуществу и непогрѣшимости и хоть рѣдко, но позволялъ

себѣ дѣлать о немъ не восторженные отзывы. Отъ этого-то Сидонскій былъ потерянъ навсегда для академіи.

Ѳедоръ Ѳедоровичъ, оставшись только священникомъ Казанскаго собора, не бросилъ своихъ ученыхъ занятій, но продолжалъ ихъ едвали не съ болѣе напряженною дѣятельностію, нежели какую выказывалъ, состоя еще на учебной службѣ. Почти все, что ни выходило въ печати замѣчательнаго на французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ по части исторіи, богословія, философіи, все это было имъ пріобрѣтаемо въ свою библіотеку, прочитываемо, обсужено и усвоено. Онъ былъ настоящимъ ученымъ. Рѣшился онъ также зарекомендовать себя и въ печати самостоятельнымъ трудомъ. При этомъ, можетъ быть, руководило имъ тайное желаніе убѣдить, по крайней мѣрѣ, свѣтскую публику въ томъ, что онъ могъ быть полезнымъ дѣятелемъ на философской каѳедрѣ. Вскорѣ послѣ увольненія своего изъ академіи онъ издалъ свои исправленныя и пополненныя лекціи подъ названіемъ: *Введеніе въ философію*. О возможности получить разрѣшеніе на печатаніе этой книги отъ духовной цензуры нечего было и думать; Сидонскій представилъ рукопись въ свѣтскую цензуру; дозволеніе печатать получено; книга вышла въ свѣтъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ вызвала новую бурю противъ автора. Недоброжелатели его въ высшемъ духовномъ мірѣ негодовали на него не только за изданіе книги, которую находили очень либеральною, но и за то, что авторъ ея, священникъ, осмѣлился печатать свое сочиненіе съ дозволенія не духовной, а свѣтской цензуры. Введеніе въ философію поручено было разсмотрѣть тогдашнему викарію петербургской епархіи Григоровичу, который еще въ 1833 году такъ ратовалъ противъ Сидонскаго на публичномъ экзаменѣ въ академіи. Къ искреннему сожалѣнію надобно сказать, что покойный профессоръ академіи Карповъ имѣлъ слабость не отказаться отъ участія въ этомъ походѣ на честнаго труженика и дѣятеля по философіи. Книгу прочитали, раскритиковали и критику представили, куда слѣдуетъ. Не знаю, найдена ли критика не удовлетворительною, или, какъ тогда говорили, не захотѣли имѣть столкновенія съ свѣтскою цензурою и съ тогдашнимъ министромъ просвѣщенія Уваровымъ, только критика Григоровича и Карпова не имѣла оффиціальныхъ послѣдствій. Но Сидонскій остался едва ли не навсегда подъ опалою въ духовномъ мірѣ и слишкомъ долгое время не получалъ никакихъ наградъ и повышеній. По всей вѣроятности, вся его ученая дѣятельность оказалась бы безплодною для другихъ, еслибы въ нынѣшнее уже царствованіе С.-петербургскій универ-

ситетъ не предложилъ ему у себя каѳедры по философіи. Я нарочно расспрашивалъ многихъ студентовъ петербургскаго университета, слушавшихъ лекціи Сидонскаго; почти всѣ отзывались о немъ, какъ о лучшемъ своемъ профессорѣ; въ особенное ему достоинство вмѣняли то, что каждая его лекція была, такъ сказать, самостоятельною, отдѣльнымъ, но законченнымъ разсужденіемъ о томъ или другомъ философскомъ предметѣ. Но при обсужденіи учено-философской дѣятельности Сидонскаго нужно взять во вниманіе слѣдующія обстоятельства. Трудно съ увлеченіемъ заниматься науками только въ одномъ своемъ кабинетѣ; занятіе ими въ томъ преимущественно случаѣ интересно и увлекательно для занимающагося, когда ему есть возможность высказать свои идеи или въ печати, или на каѳедрѣ какого-либо учебнаго, особенно высшаго заведенія,—надѣяться, что эти идеи повліяютъ на современниковъ и, можетъ быть, перейдутъ и къ послѣдующимъ поколѣніямъ. Безъ этого условія нужна платоническая любовь къ наукѣ; нужно быть записнымъ, страстнымъ, безкорыстнымъ поклонникомъ ея; нужно владѣть, или, пожалуй, страдать ненасытимою любознательностію, чтобы заниматься только для удовлетворенія ею одной, только для себя одного. Ѳедору Ѳедоровичу въ теченіе почти всей его жизни недоставало именно этого условія, этого почти единственнаго стимула къ занятію наукою; напротивъ вся почти его жизнь такъ обусловилась, что ему наука только вредила въ житейскомъ отношеніи и ему приходилось дѣлиться своими идеями только съ своими знакомыми, да и то иногда, по пословицѣ, «пропускать слова сквозь зубы». И если послѣ всего этого Ѳедоръ Ѳедоровичъ продолжалъ все-таки заниматься наукою, если онъ при ослабленномъ своемъ здоровьѣ, въ преклонныхъ лѣтахъ могъ еще увлекать университетскую молодежь своими философски-отдѣльными лекціями, то чего бы отъ него не имѣла права надѣяться наука, когда бы онъ постоянно съ 1833 г. занималъ философскую каѳедру въ академіи или другомъ высшемъ учебномъ заведеніи, гдѣ бы неутолимая его любознательность и обширныя свѣдѣнія пробуждали энтузіазмъ въ молодомъ поколѣніи, а этотъ энтузіазмъ въ свою очередь рефлективнымъ образомъ дѣйствовалъ на профессора, усиливая въ немъ желаніе сдѣлаться еще болѣе достойнымъ представителемъ и проповѣдникомъ науки? Но... не петербургская, конечно академія,—ее всю винить нельзя, а разные Григоровичи, Кутневичи, Щепетевы надолго заставили замѣчательнаго и даровитаго поклонника науки ограничивать занятія его только для удовлетворенія личной своей любознательности.

Щепетевъ, такъ безпощадно удалившій Делекторскаго и Сидонскаго главнымъ образомъ изъ желанія угодить своему патрону, между тѣмъ продолжалъ терпѣть наставниками въ академіи такихъ лицъ, какъ Ивановъ, профессоръ церковнаго краснорѣчія, и Колоколовъ, баккалавръ греческаго языка. Объ Ивановѣ хоть и говорится въ № 9 «Вѣстника Европы» 1872 г., но не вполнѣ удовлетворительно. Трудно было найти между академическими магистрами кого-нибудь другого, кто бы такъ мало имѣлъ способности къ занятію профессорской каѳедры, притомъ по словесности въ высшемъ учебномъ заведеніи. Его вовсе нельзя было назвать глупымъ, безталантливымъ человѣкомъ. Онъ имѣлъ довольно много разнообразныхъ свѣдѣній и могъ на бумагѣ излагать свои мысли очень основательно. Если онъ въ классѣ разбиралъ сочиненія студентовъ или проповѣди церковныхъ отечественныхъ ораторовъ и если у кого-либо доставало терпѣнія выслушать его до конца, то можно было воспользоваться многими весьма дѣльными замѣчаніями. Но трудно не только найти, а даже придумать профессора, который былъ бы скучнѣе, невыносимѣе его. Не говорю объ его рукописныхъ лекціяхъ по церковному краснорѣчію; онѣ достаточно оцѣнены въ «Вѣстникѣ Европы»; прибавлю здѣсь, что онѣ становились еще скучнѣе, невыносимѣе, когда излагались профессоромъ въ классѣ изустно, «viva voce», или справедливѣе сказать «mortua voce», не живымъ, а мертвымъ, мертвящимъ языкомъ. Въ обыкновенныхъ разговорахъ Ивановъ хотя и не отличался особенною бойкостью рѣчи, но все-таки говорилъ довольно ясно, не растянуто. Но на лекціяхъ періоды, имъ произносимые, часто растягивались на нѣсколько минутъ; чуть не каждое слово отдѣлялось отъ своего сосѣда паузою чуть не за каждымъ словомъ, по пословицѣ, профессоръ какъ будто дѣйствительно «лазилъ въ карманъ»; даже одно и тоже, особенно многосложное слово раздѣлялось у него на двѣ части: напр. произнося слова: *проповѣдничество* или *котораго*, Ивановъ сначала говорилъ *проповѣд* и *кото*, потомъ, вздохнувши, добавлялъ *ничество* и *раго*. Прибавьте къ этому самую вялую, безжизненную рѣчь, не одушевляемую ни жестами, ни измѣненіями интонаціи въ голосѣ, ни выраженіемъ глазъ и пр., и тогда поймете, чтó за наказаніе было сидѣть въ классѣ часа полтора у такой муміи-профессора. Чудакъ иногда не обращалъ вниманія на звонокъ и продолжалъ свои вздыхательныя импровизаціи послѣ него. И безъ того студенты не любили у него сидѣть, и если и сидѣли, то предавались мечтамъ, или читали что-нибудь свое; а тутъ уже не выдерживали, уходили одинъ

за однимъ, такъ что Иванову грозила опасность остаться одному въ классѣ, еслибы не было въ каждомъ курсѣ людей *съ прекраснымъ поведеньемъ*, которые стали бы сидѣть и у нѣмого профессора до тѣхъ поръ, пока онъ не вышелъ бы изъ класса.

По части неспособности быть наставникомъ въ высшемъ учебномъ заведеніи, съ Ивановымъ могъ поспорить баккалавръ греческаго языка Иванъ Дмитріевичъ Колоколовъ. Онъ былъ гостепріимный, добрый, даже добрѣйшій, можно сказать, наивный человѣкъ. Замѣчались въ немъ маленькія слабости и странности, но намѣренно, злобно обижать кого-либо онъ не могъ, даже не съумѣлъ бы; на счетъ его можно было пошутить, но ненавидѣть его, какъ человѣка, нельзя. Но пусть почитатели его извинятъ меня, если я скажу, что онъ, не смотря на 23-лѣтнее преподаваніе греческаго языка въ петербургской духовной академіи, былъ все-таки очень плохой наставникъ по этому предмету въ высшемъ учебномъ заведеніи. Прежде всего скажу, что онъ сильно страдалъ заиканьемъ; для него чрезвычайно трудно было произносить слова, начинавшіяся двумя или болѣе согласными буквами, особенно когда ими начиналась рѣчь. Уже по этому одному обстоятельству ему бы не слѣдовало быть наставникомъ. Потомъ необходимость, по причинѣ косноязычія, съ усиліемъ и медленно произносить слова, какъ будто рефлективнымъ образомъ дѣйствовали въ Колоколовѣ на мозгъ, въ которомъ тоже съ большимъ напряженіемъ и съ убійственною для слушателя медленностью вырабатывались мысли и подбирались слова для выраженія ихъ. Это качество еще болѣе надоѣдало студентамъ, нежели косноязычіе.

Греческій языкъ Колоколовъ зналъ хорошо, даже очень хорошо, но вовсе не такъ, какъ прилично эллинисту, а лишь грамматически и лексикографически. Онъ только умѣлъ буквально, даже педантически-буквально переводить разныя статьи изъ греческихъ хрестоматій, но никогда не дѣлалъ оцѣнки слогу авторовъ, не сравнивалъ ихъ между собою, не читалъ ничего похожаго на греческую литературу, былъ только скучнымъ учителемъ греческаго языка. Кромѣ того чрезвычайно любилъ заниматься мелочами; надъ иною частицею, или надъ тѣмъ, которое изъ двухъ однозначущихъ словъ слѣдуетъ употребить въ переводѣ, просиживалъ и продумывалъ по нѣскольку минутъ. Напр., когда студентъ слово: hippos de перевелъ на русскій языкъ словами: *кони же*, то Колоколовъ сказалъ ему: «мнѣ кажется, что вы не такъ перевели».

— Какъ же перевести? — спросилъ судентъ; — hippos значитъ *конь*, а de—*же*.

— Нѣтъ, — возразилъ Колоколовъ, — hippos значитъ тоже *лошадь*, а de — *но* или *а*; поэтому, по моему мнѣнію, лучше перевести не: *кони же*, но: *а лошади*.

Завязался споръ; обѣ стороны нашли между студентами насмѣшниковъ-партизановъ; всѣ, кромѣ Колоколова, помирали со смѣху. Наконецъ, двое студентовъ предложили новые переводы; одинъ сказалъ, что лучше перевести *лошади же*, а другой *а кони*. Тутъ поднялся уже хохотъ; и наставникъ насилу-то понялъ, что онъ только смѣшитъ людей и по крайней мѣрѣ замолчалъ. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда Колоколовъ старался получше перевести на русскій языкъ какое-либо предложеніе, утомлялъ студентовъ тѣмъ, что и мозгъ, и языкъ его не спѣшили исполнять свои обязанности. Слушать его была невыносимая скука. Но, не смотря на всѣ свои недостатки, Колоколовъ оставался баккалавромъ греческаго языка почти 23 года при семи ректорахъ, изъ которыхъ едва ли не каждый успѣлъ удалить изъ академіи одного и даже нѣсколькихъ дѣльныхъ наставниковъ. Наконецъ, рѣшились заставить его выйти изъ академіи, впрочемъ не прямо, какъ обыкновенно поступали съ хорошими, но по чему-либо не нравящимися начальству наставниками, увольняя ихъ безъ всякой церемоніи, или приказывая имъ самимъ подать просьбу объ отставкѣ; — сочли за лучшее поставить Колоколова въ такое положеніе, чтобы онъ самъ оставилъ академію. Его сдѣлали баккалавромъ св. писанія. Здѣсь еще яснѣе, нежели на греческомъ языкѣ, оказалось, что Колоколовъ рѣшительно не способенъ быть даже хоть сколько-нибудь сноснымъ наставникомъ. Онъ не могъ ни говорить, ни составлять лекцій. Положеніе его сдѣлалось критическимъ. Не ходить въ классъ—бѣда; начальство, узнавши объ этомъ, потребуетъ объясненій, сдѣлаетъ выговоръ. Пойти въ классъ — другая бѣда. Вѣдь тамъ надобно часа полтора сидѣть и говорить что-нибудь, а ни голова, ни языкъ не хотѣли оказывать пособіе въ этомъ дѣлѣ. Придетъ бывало бѣдненькій въ академію, проберется въ коридоръ около своего класса и ходитъ тутъ, да похаживаетъ, стараясь какъ-нибудь сократить избытокъ времени. И если студенты на просторѣ принимались пошумливать уже очень громко, онъ отворялъ дверь въ классъ и упрашивалъ ихъ сидѣть потише, опасаясь, какъ бы по шуму студентовъ начальство не догадалось о его маленькой хитрости. Наконецъ-то онъ и самъ кое-

какъ понялъ, что не можетъ быть баккалавромъ и былъ уволенъ изъ академіи по прошенію.

Но Щепетевъ, не трогая Иванова и Колоколова, могъ бы обновить академію, если только учебное заведеніе обновляется, когда прежніе наставники замѣняются новыми. Въ его ректорство замѣщено, кажется, одиннадцать наставническихъ вакансій, такъ что, когда въ 1841 г. онъ самъ оставлялъ академію, то въ ней было только шесть наставниковъ, поступившихъ въ нее прежде его ректорства. При замѣщеніи вакантныхъ мѣстъ Щепетевъ руководствовался тогдашними обычаями, назначая новыхъ баккалавровъ изъ студентовъ, только-что окончившихъ академическій курсъ. Въ двухъ только случаяхъ онъ отступилъ отъ этого обычая, вызвавъ въ академію на философскую каѳедру Карпова, прослужившаго уже 8 лѣтъ въ кіевской академіи, — и Меліоранскаго, состоявшаго профессоромъ въ тверской семинаріи 3 года. Но и назначая баккалаврами только-что окончившихъ курсъ студентовъ, Щепетевъ могъ бы все-таки обновить академію, улучшить персоналъ ея наставниковъ; съ перваго раза новички, конечно, не могли бы удовлетворительно преподавать свои предметы, но если бы ихъ всегда избирали изъ даровитыхъ и лучшихъ по успѣхамъ студентовъ, то они, по крайней мѣрѣ, впослѣдствіи сдѣлались бы хорошими наставниками. Къ сожалѣнію, Щепетевъ при выборѣ новыхъ наставниковъ иногда руководствовался сторонними побужденіями; такъ, напр., въ 1835 году онъ произвелъ въ баккалавра своего земляка, предназначавшагося притомъ въ женихи дѣвицы, принадлежавшей къ родству, въ которомъ было много знакомыхъ у Щепетева. Независимо даже отъ стороннихъ побужденій, онъ иногда увлекался такъ-называемымъ прекраснымъ поведеніемъ студента, его смиреніемъ, покорностью, чуть не безгласностью; такимъ образомъ въ томъ же 1835 г. выборъ его палъ на человѣка, конечно, добраго и смирнаго, но далеко не настолько умнаго, чтобы быть сноснымъ наставникомъ академіи; для характеристики его достаточно сказать, что онъ, чрезъ нѣсколько уже лѣтъ, преподавая гражданскую исторію, былъ не въ состояніи разсказывать «viva voce» историческія событія, а вмѣсто того обыкновенно читалъ въ классѣ по тетрадямъ литографированныя лекціи, которыя Лоренцъ преподавалъ въ педагогическомъ институтѣ. Даже тѣхъ наставниковъ, отъ даровитости которыхъ академія могла бы много ожидать и которые самимъ Щепетевымъ были оставлены въ академіи именно за ихъ даровитость, и такихъ наставниковъ онъ иногда удалялъ чуть-чуть не по капри-

замъ своимъ. Напр., въ составѣ XI-го курса былъ чрезвычайно даровитый студентъ, который, сколько мнѣ помнится, занималъ первое мѣсто едва ли не по всѣмъ предметамъ, очень бойкій на словахъ, богатый разнообразными свѣдѣніями, желавшій быть полезнымъ и дѣльнымъ наставникомъ: о немъ почти тоже говорили въ петербургской академіи, что̀ нѣкогда говорили въ кіевской объ Иннокентіи Борисовѣ; самъ Виталій Щепетевъ хвалился тѣмъ, что вотъ онъ оставилъ баккалавромъ такого студента, изъ котораго со временемъ выйдетъ отличный профессоръ. И чѣмъ же все дѣло кончилось? Новый баккалавръ на первомъ году своей службы захотѣлъ жениться и поступить священникомъ въ церковь одного изъ гвардейскихъ полковъ; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ искренно желалъ оставаться баккалавромъ при академіи и могъ безъ затрудненія занимать эту должность, но Щепетевъ обидѣлся тѣмъ, зачѣмъ онъ не оставался при одной академіи на скудномъ жалованьѣ и особенно зачѣмъ поступилъ въ священники, и потому уволилъ его изъ академіи.

При частой перемѣнѣ въ наставникахъ академіи, происходившей въ ректорство Щепетева, при снисхожденіи его къ такимъ господамъ, какъ Ивановъ и Колоколовъ, при нерасположеніи къ такимъ, какъ Делекторскій и Сидонскій, неудивительно, что между академическими наставниками къ концу этого ректорства было не очень много, даже, можетъ быть, очень мало дѣльныхъ людей, способныхъ увлекать и воодушевлять молодежь своими лекціями, и что они наибольшею частью или недавно начали, или только-что начинали свою педагогическую службу. Такимъ образомъ въ 1836 г., при такъ-называемомъ *нашествіи* гр. Пратасова на академію, изъ 17 академическихъ профессоровъ и баккалавровъ одинъ только начиналъ свою службу, четверо служили по одному, трое по три года, трое по пяти лѣтъ, затѣмъ изъ остальныхъ уже ветерановъ служили: одинъ 9, одинъ 11, двое, въ числѣ ихъ самъ Щепетевъ, по 15, одинъ 19 и одинъ 22 года. Взявши сумму всѣхъ этихъ годовъ и раздѣливъ на число наставниковъ, увидимъ, что среднимъ числомъ на каждаго изъ нихъ придется только по 7 лѣтъ. А если отдѣлить шестерыхъ ветерановъ, то на остальныхъ 11 человѣкъ достаются только 28 лѣтъ, съ небольшимъ по $2^1/_2$ года на каждаго. Не надобно впрочемъ забывать, что между ветеранами находился самъ Щепетевъ, Кочетовъ, Колоколовъ и Ивановъ. О всѣхъ нихъ достаточно сказано или здѣсь, или въ № 9 «Вѣст. Евр.» 1872 г. Остается намъ здѣсь поговорить о Карповѣ.

1833—1841 годы были лучшимъ, цвѣтущимъ, такъ сказать,

временемъ его учебной дѣятельности. Въ это время онъ преподавалъ философію подъ названіемъ «философіи природы» по собственнымъ своимъ запискамъ. Въ своихъ лекціяхъ онъ развивалъ ту мысль, что въ природѣ есть нѣчто особенное, которое онъ называлъ «жизнью природы». Конечно, не только нынѣ, но и въ то время система Карпова не могла выдержать серьезной критики. Онъ очень неудовлетворительно зналъ вообще всѣ науки, относящіяся къ естествознанію, даже физику; и свою теорію мірозданія строилъ, по тогдашнему обычаю, изъ идеи a priori, не очень заботясь о томъ, согласна ли она съ тѣми фактами, съ которыми ознакомило людей естествознаніе. Напр., по своей теоріи, изъ своей идеи онъ логически выводилъ заключеніе, что по мѣрѣ углубленія внутрь земного шара теплота уменьшается болѣе и болѣе. И когда студенты, слушавшіе физику, возразили, что на основаніи вполнѣ доказанныхъ явленій теплота ниже поверхности земной увеличивается и что, по мнѣнію, принятому въ то время знаменитѣйшими естествоиспытателями, не очень въ далекомъ разстояніи подъ поверхностью земли господствуетъ не холодъ, а такое тепло, отъ котораго все должно находиться въ раскаленномъ и даже въ расплавленномъ состояніи,—то Карповъ никакъ не хотѣлъ этому повѣрить, счелъ за нужное объясниться съ наставникомъ физики, на какомъ основаніи онъ осмѣливается утверждать, что внутри земного шара съ удаленіемъ отъ его поверхности не холодъ, а теплота постоянно увеличиваются. Объясненіе отличалось даже горячностью. Выслушавъ объясненіе, Карповъ все-таки не хотѣлъ вѣрить фактамъ, которые не согласовались съ его «жизнью природы», попросилъ у наставника лучшихъ тогдашнихъ иностранныхъ руководствъ къ физикѣ, метеорологіи и физической географіи и прочитавши то, что̀ его въ нихъ интересовало, все-таки не очень повѣрилъ опыту. При всемъ томъ Карповъ въ то время весьма интересовалъ студентовъ своими философскими лекціями. Онъ былъ тогда въ цвѣтущемъ возрастѣ, вѣрилъ въ непогрѣшимость своей «философіи природы», съ воодушевленіемъ, даже съ энтузіазмомъ старался передать свою вѣру студентамъ, излагалъ свои мысли въ довольно строгомъ логическомъ порядкѣ, сообщалъ много интересныхъ свѣдѣній и, главное, расшевеливалъ любознательность слушателей, заставлялъ ихъ размышлять. Въ этомъ отношеніи даже недостатокъ ясности если и не служилъ въ пользу студентовъ, то по крайней мѣрѣ многимъ изъ нихъ нравился. Напр., одинъ изъ нихъ, сравнивая Карпова съ другимъ наставникомъ академіи, говорилъ о послѣднемъ: «что это за наставникъ? у него на лек-

ціяхъ все ясно; послѣ не надъ чѣмъ подумать и поломать голову. А вотъ у Василія Николаевича (Карпова) совсѣмъ другое дѣло; не поймешь и въ классѣ, и послѣ класса думаешь, думаешь, и все-таки не поймешь,—вотъ это такъ лекціи». Повторяю, что Карповъ въ это время очень интересовалъ студентовъ своими лекціями. Правда, что онъ, можетъ быть, и не очень много сообщилъ имъ новыхъ истинъ, но несомнѣнно пробуждалъ во многихъ изъ нихъ желаніе искать истину; а это много значило въ то время.

XII.

Характеристика академическихъ наставниковъ, особенно Левисона, служившихъ при ректорѣ Доброхотовѣ.

Изъ описанія ученыхъ достоинствъ академическихъ наставниковъ при Щепетевѣ не трудно вывести заключеніе, что въ учебномъ отношеніи онъ передавалъ академію своему преемнику Доброхотову въ худшемъ положеніи, нежели въ какомъ ее принялъ отъ своихъ предшественниковъ. Павскій, Себржинскій, Райковскій, Делекторскій и пр., еще не имѣли достойныхъ преемниковъ; однимъ еще надобно было самимъ поучиться, чтобы сдѣлаться хорошими наставниками, а другіе даже неспособны были научиться чему-нибудь лучшему. А если взять во вниманіе то, что выше сказано объ умственныхъ способностяхъ и научныхъ свѣдѣніяхъ самого Николая Доброхотова, то будетъ очевидно, что его личное появленіе на профессорской академической каѳедрѣ не могло улучшить замѣтнымъ образомъ составъ наставниковъ, даже ухудшило его, будучи хоть и косвенною причиною удаленія изъ академіи одного изъ лучшихъ тогдашнихъ преподавателей. Инспекторъ академіи, о которомъ я не одинъ разъ говорилъ, и Доброхотовъ кончили оба курсъ въ 1827 г., одинъ въ петербургской, а другой въ кіевской академіяхъ; но первый и по умственнымъ качествамъ, и по своимъ многостороннимъ свѣдѣніямъ, и по опытности, и по пріобрѣтенному авторитету въ академіи имѣлъ право считать себя выше послѣдняго. Онъ не высказывалъ этого, но дѣло само собою, такъ сказать, лѣзло въ глаза. И Доброхотовъ, и его патроны, и недруги инспектора, всѣ видѣли, что первому тяжело имѣть своимъ подчиненнымъ человѣка, который умнѣе, заслуженнѣе, и пользуется въ академіи гораздо большимъ авторитетомъ, нежели онъ самъ, хотя съ другой стороны нельзя не сказать, что инспекторъ, по благо-

родству своего характера, не тормозилъ, какъ говорится, дѣла, не разыгрывалъ роли молчаливаго оппозиціониста, относился, гдѣ этого требовала служба, къ ректору, какъ къ начальнику, нисколько не выказывая ни униженія, ни заискиванія, ни высокомѣрія, ни затаеннаго какого-либо неудовольствія. Самъ Доброхотовъ, при всей добротѣ и простотѣ души своей, чувствовалъ, что ему съ такимъ подчиненнымъ жить тяжеленько. Нашли мѣстечко для инспектора, хоть очень незавидное, послали его въ ректоры костромской семинаріи и такимъ образомъ сняли съ Доброхотова тяжесть имѣть подчиненнаго, который былъ достойнѣе его едва ли не во всѣхъ отношеніяхъ, но за то лишили академію едва ли не лучшаго наставника.

При опредѣленіи новыхъ наставниковъ Доброхотовъ сознательно или несознательно, намѣренно или случайно, объ этомъ говорить не стану, принесъ гораздо болѣе пользы академіи, нежели многіе изъ его предшественниковъ. При немъ въ четыре года новыхъ наставниковъ въ академію поступило около десяти человѣкъ, именно: Крупскій, Кречетовъ, Лучицкій, Лобовиковъ, Мишинъ, Долоцкій, К. Боголюбовъ, Филоеей Успенскій и Левисонъ. Опредѣленіе двоихъ изъ нихъ не зависѣло, по крайней мѣрѣ вполнѣ, отъ Доброхотова. Изъ прочихъ семи можно не похвалить его развѣ за два выбора; въ одномъ случаѣ онъ увлекся землячествомъ, а въ другомъ, какъ говорится, не намѣренно промахнулся. Остальные пять выборовъ были очень удачны; достаточно сказать, что изъ опредѣленныхъ Доброхотовымъ наставниковъ двое, оставаясь свѣтскими лицами, занимали должности ректора и инспектора академіи,— одного (Мишина) къ сожалѣнію, отняли для занятія инспекторскаго мѣста въ петербургской семинаріи, откуда онъ слишкомъ чрезъ 15 лѣтъ, хоть и перешелъ въ академію и съ честью занималъ здѣсь профессорскую каѳедру, но скоро умеръ. Еще одинъ (Лобовиковъ) въ теченіе 6—7 лѣтъ своей службы въ званіи баккалавра патристики сдѣлался однимъ изъ самыхъ любимыхъ студентами наставниковъ, но кончилъ жизнь трагически. Еще одного безъ всякой основательной причины, единственно для очистки мѣста, которое нужно было для другого лица, заставили выйти изъ академіи; онъ доселѣ съ честью занимаетъ мѣсто законоучителя въ одномъ изъ военноучебныхъ заведеній. Кромѣ того слѣдуетъ еще упомянуть о томъ, что одного наставника, дотолѣ преподававшаго греческій языкъ, Доброхотовъ перевелъ на одинъ изъ богословскихъ предметовъ. Наставникъ этотъ очень хорошо зналъ греческій языкъ и съ большимъ успѣхомъ преподавалъ его студентамъ. Но пре-

подаваніе греческаго языка въ академіи было такъ устроено, что преподавателю его почти невозможно было имѣть большое вліяніе на умственное развитіе студентовъ; приходилось только заниматься переводомъ разныхъ статей хрестоматіи съ греческаго на русскій языкъ. Между тѣмъ наставникъ, о которомъ идетъ дѣло, принадлежалъ къ самымъ лучшимъ знатокамъ богословскихъ наукъ, сдѣлалъ себя послѣ извѣстнымъ своею весьма хорошею священною исторіей, за что и получилъ степень доктора богословія. И потому Доброхотову нельзя не сказать спасибо за то, что онъ этому многосторонне образованному наставнику, переведя его на богословскій предметъ, далъ возможность приносить студентамъ гораздо болѣе пользы, нежели какую онъ приносилъ, преподавая греческій языкъ.

При Доброхотовѣ поступилъ или, лучше сказать, втерся въ число академическихъ наставниковъ нѣкто крещеный еврей Левисонъ. Родился онъ въ Германіи, обучался, какъ пишетъ г. Чистовичъ въ своей исторіи Спб. духовной академіи (стр. 355), сперва въ іудейскомъ университетѣ въ Франкфуртѣ и потомъ въ христіанскихъ—въ Геттингенѣ и Вюрцбургѣ; по окончаніи курса выдержалъ экзаменъ въ наукахъ іудейскаго богословія и отъ общества раввиновъ въ Ленгефельдѣ объявленъ способнымъ къ званію раввина при всякой іудейской церкви, съ правомъ о предметахъ іудейской религіи произносить рѣшительный судъ; вслѣдствіе чего ему позволено называться великимъ раввиномъ и докторомъ моисеева богословія. Изъ этой аттестаціи видно, что Левисонъ по документамъ, имъ самимъ представленнымъ, не имѣлъ права быть наставникомъ даже въ среднихъ не-еврейскихъ и христіанскихъ учебныхъ заведеніяхъ; ни отъ геттингенскаго, ни отъ вюрцбургскаго университетовъ онъ не представилъ никакихъ свидѣтельствъ о своихъ тамъ успѣхахъ, даже о томъ, что онъ слушалъ тамъ лекціи; ему оставалось быть только великимъ раввиномъ въ какой-либо іудейской синагогѣ,—учителемъ въ какой-либо еврейской школѣ и рѣшать вопросы іудейскаго богословія. Но Левисону захотѣлось играть роль въ христіанскомъ мірѣ. На мѣсто профессора въ университетахъ, и даже учителя въ гимназіяхъ Германіи ему нельзя было разсчитывать, мѣстъ этихъ тамъ не получитъ, при помощи одного іудейскаго богословія, даже величайшій раввинъ. Обѣтованную землю онъ задумалъ найти въ Россіи. Въ Веймарѣ онъ познакомился съ Сабининымъ, священникомъ, состоявшимъ при покойной великой княгинѣ Маріи Павловнѣ, и объявилъ ему свое желаніе принять православіе, но не иначе, какъ напередъ получивши дозволеніе пере-

ѣхать въ Россію. Послѣднее оказалось вовсе не такъ легкимъ, какъ, можетъ быть, ему сначала думалось. Тогда во всей силѣ существовалъ законъ, запрещавшій допускать иностранныхъ евреевъ въ Россію, еслибы даже они приняли православіе. Левисонъ старался устранить это препятствіе, прибѣгалъ къ покровительству разныхъ русскихъ знаменитостей, пріѣзжавшихъ въ Германію, но долго не имѣлъ успѣха. Тогдашній шефъ жандармовъ, Бенкендорфъ, даже не очень вѣжливо обошелся съ нимъ. Когда Левисонъ сталъ выставлять ему пользу, которую онъ можетъ принести Россіи и доказывалъ, что для столь полезнаго будущаго дѣятеля можно сдѣлать небольшое отступленіе отъ русскихъ законовъ, то получилъ отвѣтъ въ родѣ того, что великая нужда мѣнять законы «для всякаго жида», крещенаго или не-крещенаго. Но все же Левисонъ добился того, что ему, еще не окрещенному, дозволено было пріѣхать въ Петербургъ. Здѣсь приготовленіе его къ св. крещенію поручено было тогдашнему оберъ-священнику Кутневичу, который не замедлилъ окрестить *великаго раввина* и присоединить его къ православію. Воспріемниками были: недавно скончавшійся извѣстный писатель, знаменитый, какъ тогда говорили, авторъ путешествія ко святымъ мѣстамъ А. Н. Муравьевъ и жена тогдашняго губернскаго предводителя петербургскаго дворянства, прославившая себя своимъ благочестіемъ, Т. Б. Потемкина.

Надобно было пристроить теперь новаго православнаго христіанина въ Петербургѣ поудобнѣе, повыгоднѣе для него; этому, разумѣется, помогли всѣ упомянутыя три личности, принимавшія главное участіе въ крещеніи его. Сдѣлать это имъ стоило небольшого труда. Кутневичъ былъ членомъ св. синода. Муравьевъ стоялъ тогда на верху своей духовно-литературной знаменитости, находился въ самыхъ тѣсныхъ, если не дружескихъ, то христіански-сыновнихъ отношеніяхъ къ московскому митрополиту Филарету Дроздову. Потемкина пользовалась большимъ вліяніемъ въ свѣтскомъ обществѣ, особенно въ средѣ петербургскаго дворянства, и вообще между людьми, которые или были дѣйствительно, или находили выгоднымъ показывать себя набожными; при помощи же тогдашняго, принятаго за аксіому, убѣжденія въ ея набожности имѣла громадное вліяніе и въ духовномъ мірѣ. Противъ рекомендаціи и заступничества этихъ трехъ человѣкъ не могъ устоять и Филаретъ Дроздовъ, голосъ котораго тогда еще былъ въ св. синодѣ силенъ и авторитетенъ. У гр. Пратасова, разумѣется, не было особыхъ поводовъ, а можетъ быть, и желанія не уважить ходатайства крестной матери Левисона. Кромѣ того,

присоединеніе великаго раввина къ православію и появленіе его на одной изъ академическихъ каѳедръ давали возможность написать нѣсколько краснорѣчивыхъ строкъ во всеподданнѣйшемъ годичномъ отчетѣ по вѣдомству православнаго исповѣданія. И вотъ академическое правленіе получаетъ отъ гр. Пратасова предложеніе, не найдетъ ли оно возможнымъ преподаваніе еврейскаго языка въ академіи поручить Левисону? По внѣшней своей формѣ предложеніе это не было очень настойчивымъ, не походило по своему тону на предписаніе; повидимому, можно было отвѣчать, что академія не имѣетъ нужды въ новокрещеномъ евреѣ. Но, по всей вѣроятности, ректоръ Доброхотовъ получилъ отъ высшихъ властей устныя приказанія; кромѣ того задумалъ воспользоваться даннымъ случаемъ, чтобы облегчить себя, какъ профессора. Вслѣдствіе этого изъ академическаго правленія сдѣлано было къ оберъ-прокурору св. синода представленіе о томъ, чтобы ректоръ, обремененный множествомъ занятій по управленію академіей, вмѣсто догматическаго богословія преподавалъ св. писаніе, профессоръ еврейскаго языка Ивановъ читалъ догматическое богословіе, а затѣмъ уже на классъ еврейскаго языка опредѣленъ былъ Левисонъ. Св. синодъ неблагосклонно взглянулъ на такую передвижку наставниковъ, замѣтивъ, что ректору всего приличнѣе преподавать догматическое богословіе, какъ самый важный предметъ въ академической программѣ, что по уставу духовныхъ академій для богословскихъ наукъ полагается только одинъ, а не два профессора; относительно же Левисона мнѣніе академическаго правленія принято,—его велѣно допустить къ преподаванію еврейскаго языка подъ надзоромъ Иванова, оставленнаго все-таки профессоромъ. Такимъ образомъ еврейскій языкъ, хоть на короткое время, представлялъ въ академіи небывалое дотолѣ явленіе; настоящимъ его преподавателемъ былъ Левисонъ съ жалованьемъ 429 руб., а наблюдателемъ за нимъ Ивановъ съ жалованьемъ 858 руб. Само собою разумѣется, что такое распоряженіе было не что иное, какъ молчаливое предложеніе Иванову выйти въ отставку и очистить профессорское мѣсто для бывшаго великаго раввина. Исполнилось то и другое; и великій раввинъ въ ноябрѣ 1840 г. сдѣланъ былъ ординарнымъ профессоромъ еврейскаго языка въ с.-петербургской духовной академіи, конечно, безъ титула: «великаго» и безъ права на него, но съ жалованьемъ 858 р. въ годъ за два урока въ недѣлю. Кромѣ того новому профессору, подобно другимъ неженатымъ наставникамъ, дана была въ академическомъ домѣ квартира съ отопленіемъ. При тогдашнихъ цѣнахъ на жизненные припасы и дру-

гія житейскія потребности, Левисонъ могъ бы жить безбѣдно, даже съ удобствами. Но онъ былъ и еврей, и нѣмецъ: какъ еврей сдѣлался преподавателемъ еврейскаго языка; какъ же ему, какъ нѣмцу, не получать никакого жалованья? И вотъ, при преемникѣ Доброхотова, ему поручили преподаваніе нѣмецкаго языка. И онъ самъ, и патроны его проповѣдывали, что подъ руководствомъ нѣмца-наставника студенты научатся нѣмецкому не только книжному, но и разговорному языку. Само собою разумѣется, что за новый предметъ дали Левисону и новое жалованье въ 429 р. въ годъ за два урока въ недѣлю. Приложивши эту сумму къ прежнимъ 858 р. увидимъ, что новокрещеный еврей-нѣмецъ за четыре урока въ недѣлю получалъ ежегодное жалованье въ 1287 р. при казенной квартирѣ и готовомъ отопленіи. Можно было жить!

Опредѣленіе Левисона ординарнымъ профессоромъ въ духовную академію не прошло не замѣченнымъ въ Петербургѣ. Патроны новаго профессора сулили, какъ говорится, золотыя горы отъ него. «Даже одинъ слухъ объ обращеніи великаго раввина въ православіе произведетъ-де громадное вліяніе на евреевъ въ Россіи. Что же будетъ, когда онъ, хорошенько изучивъ православіе въ духовной академіи, отправится миссіонеромъ въ наши западныя губерніи? Многочисленные тамъ евреи, разумѣется, послушавъ его, поспѣшатъ обратиться въ православіе». Бывшее незадолго до того общее присоединеніе уніатовъ къ православной церкви было еще въ свѣжей памяти; мечтали, что и съ евреями нѣчто подобное можетъ случиться. Съ другой стороны люди, хорошо понимавшіе дѣло, недовѣрчиво улыбались, слушая эти фантазіи, а иные даже очень невѣжливо выражались. Мнѣ вполнѣ извѣстенъ отзывъ, который сдѣлалъ о Левисонѣ почетный гражданинъ и знаменитый тогда фабрикантъ клеенчатыхъ издѣлій Иванъ Кузьмичъ Чурсиновъ. Онъ принадлежалъ къ единовѣрческой церкви и потому интересовался дѣлами по духовному вѣдомству. Опредѣленіе Левисона профессоромъ духовной академіи до такой степени занимало и удивляло его, что онъ нарочно пріѣхалъ къ знакомому съ нимъ одному изъ академическихъ профессоровъ.

— Правда ли,—спросилъ его Иванъ Кузьмичъ,—что къ вамъ опредѣленъ профессоромъ *жидъ*?

— А что-жъ такое, Иванъ Кузьмичъ?—отвѣчалъ профессоръ. Чему вы тутъ удивляетесь?

— Да какъ же не удивляться? *Жидъ*—профессоръ въ ду-

ховной академіи!!! Да это такая небывальщина, которой по неволѣ удивишься, да еще и не надивишься!

— Эхъ, Иванъ Кузьмичъ! Вы вѣроятно, не все знаете;—это не то, что простой жидъ, даже и не жидъ, а уже христіанинъ, притомъ православный.

— Это все равно; вѣдь все-таки онъ родился и былъ жидомъ?

— Конечно, былъ, но теперь-то онъ православный христіанинъ. Знаете ли, чего отъ него можно ожидать? Онъ примется за обращеніе въ православіе бывшихъ своихъ единовѣрцевъ, которые, разумѣется, ему повѣрятъ; вѣдь онъ у нихъ былъ великій раввинъ. Поэтому вы напрасно о немъ такъ дурно думаете.

— А сколько вамъ лѣтъ?

— Да лѣтъ 30 есть.

— Ну, а я слишкомъ вдвое старше васъ и жидовскую натуру знаю. Плохъ некрещеный жидъ, а крещеный еще хуже. Повѣрьте мнѣ, вы сами со временемъ увидите это. Вашъ жидъ принялъ православіе изъ-за мірскихъ выгодъ, и академіи отъ него пользы не будетъ.

Приговоръ почтеннаго Ивана Кузьмича былъ слишкомъ суровъ и, очевидно, не могъ быть прилагаемъ ко всѣмъ крещенымъ и некрещенымъ евреямъ; но относительно Левисона онъ если не вполнѣ, то во многихъ отношеніяхъ былъ справедливъ. Дѣйствительно, не безъ видовъ на мірскія выгоды нашъ великій раввинъ сдѣлался православнымъ христіаниномъ въ Россіи. Если онъ еще въ Германіи или собственными изслѣдованіями, или въ бесѣдахъ съ Сабининымъ убѣдился въ превосходствѣ православія надъ другими христіанскими вѣроисповѣданіями и іудействомъ, то почему бы ему не принять крещенія отъ Сабинина? Потомъ, въ то уже время, когда онъ хлопоталъ о своемъ переселеніи въ Россію, все-таки продолжалъ быть проповѣдникомъ, разумѣется, не христіанства, а іудейства въ Веймарѣ. Наконецъ, набожность, которою обыкновенно отличаются всѣ дѣйствующіе по внутреннему убѣжденію прозелиты, въ Левисонѣ была очень сомнительна. Правда, онъ, бывши академическимъ профессоромъ, любилъ ее выказывать въ церкви во время богослуженія. Такимъ образомъ при тѣхъ пѣснопѣніяхъ, когда православные набожные люди съ особымъ усердіемъ молятся, какъ, напримѣръ, при пѣніи: *Тебе поемъ* или *Отче нашъ* и пр., становился на колѣни, прикладывалъ правую руку къ сердцу, наклонялъ свою голову, шевелилъ губами и, повидимому, выражалъ глубокое молитвенное настроеніе. Но это была одна только видимость, Левисонъ этимъ только

доказывалъ не свое, такъ сказать, индивидуальное благочестіе, а то, что онъ зналъ, когда считается необходимымъ для благочестиваго человѣка выражать особенную набожность. Если же не зналъ, то о времени, въ которое нужно это выраженіе, онъ часто судилъ по тому, когда другіе люди начинали дѣлать низкіе поклоны. Подозрѣвая лицемѣріе въ бывшемъ великомъ раввинѣ, новые его сослуживцы умѣли вывести его, по пословицѣ, на свѣжую воду. Однажды, во время литургіи у Левисона съ однимъ изъ нихъ зашелъ разговоръ. Левисонъ съ горячностью занятъ былъ имъ и не обращалъ вниманія на то, что̀ совершалось въ это время въ церкви. Тогда другой сослуживецъ, стоявшій рядомъ съ разговаривавшими, сдѣлалъ очень низкій поклонъ. Левисонъ, замѣтивъ это, тотчасъ же сталъ на колѣни и принялъ благочестивую, восторженную фигуру, но къ неудовольствію своему услышалъ, что тогда—во время большого выхода—священникъ на амвонѣ обыкновеннымъ образомъ поименовывалъ членовъ царствующаго дома. Эта, конечно, неодобрительная шутка сдѣлалась извѣстною ректору академіи, который впрочемъ, зная уже Левисона, не нашелъ нужнымъ дѣлать выговоръ участникамъ въ ней, но одному изъ нихъ съ усмѣшкою сказалъ: «вы, вѣроятно, считаете Василія Андреевича инструментомъ, посредствомъ котораго можно производить опыты». Но самъ Левисонъ хоть и долго сердился на сыгравшихъ съ нимъ шутку, однако сдѣлался посдержаннѣе въ выраженіи своихъ quasi-благочестивыхъ порывовъ.

У Левисона до обращенія его въ православіе была въ виду карьера повыше академической профессуры. Его можно было назвать честолюбивымъ фантазеромъ. Онъ, какъ самъ иногда проговаривался въ порывахъ откровенности, надѣялся, что русское правительство рано ли или поздно поручитъ ему обращеніе евреевъ въ православіе и за апостольскіе подвиги при исполненіи этой обязанности сдѣлаетъ его архіереемъ обращаемыхъ и обращенныхъ имъ евреевъ. Можетъ быть, къ немалой досадѣ своей, онъ уже поздновато узналъ, что еврею, принявшему православіе, вполнѣ недоступна въ Россіи епископская каѳедра. Пришлось такимъ образомъ довольствоваться званіемъ ординарнаго профессора петербургской духовной академіи. Но и въ этомъ званіи онъ не принесъ той пользы, которой ожидать была въ правѣ академія и которую сулили патроны его.

Не скрывая вообще неудовлетворительнаго положенія академіи въ учебномъ отношеніи при ректорствѣ Доброхотова, я считаю однако необходимымъ сказать, что хотя и самъ онъ не принад-

лежалъ къ числу хорошихъ наставниковъ, хотя ради него удалили изъ академіи одного изъ лучшихъ преподавателей, хотя при немъ сдѣлался ординарнымъ профессоромъ какой-либо Левисонъ, впрочемъ все-таки онъ въ учебномъ отношеніи оставилъ академію своему преемнику въ гораздо лучшемъ положеніи, нежели въ какомъ принялъ ее отъ своего предшественника. Конечно, это отчасти произошло отъ того, что наставники, поступившіе въ академію прежде его ректорства, мало-по-малу сдѣлались поопытнѣе, поболѣе ознакомились съ своими науками. Но и самъ онъ, какъ выше сказано, выбиралъ въ наставники, за немногими исключеніями, дѣльныхъ, даровитыхъ молодыхъ людей. Главная же его заслуга состояла въ томъ, что онъ не налегалъ на наставниковъ, не стѣснялъ ихъ инквизиціонными мѣрами, не препятствовалъ имъ быть хорошими преподавателями, не требовалъ отъ нихъ благоговѣйныхъ отношеній къ своей особѣ. Въ этомъ отношеніи здравый смыслъ и доброе сердце, которыми отличался Доброхотовъ, оказали академіи гораздо болѣе пользы, нежели ученость—мнимая или дѣйствительная—нѣкоторыхъ изъ его предшественниковъ и преемниковъ.

Особенное же спасибо Доброхотовъ заслуживаетъ за то, что облегчилъ преподаваніе физики. И до него въ академіи былъ физическій кабинетъ, который нельзя было назвать вполнѣ плохимъ; напримѣръ, электрическая машина, вогнутыя зеркала, естественные магниты были положительно хороши, но другіе инструменты, даже, напримѣръ, воздушный насосъ отъ употребленія или неупотребленія поустарѣли, позаржавѣли, испортились, даже сдѣлались почти никуда негодными. При томъ кабинетъ едвали не съ перваго курса не былъ пополняемъ. Отъ этого, не смотря на 1837 г., когда началъ ректорствовать Доброхотовъ и когда уже извѣстны были открытія Эрстеда, Ампера и Фарэдея, въ академическомъ физическомъ кабинетѣ не было ни одного инструмента, относящагося къ электро-магнетизму и магнето-электричеству; даже изъ гальваническихъ приборовъ былъ только одинъ вольтовъ столбъ, да приборъ для разложенія воды при помощи такъ называвшагося гальванизма. Такая бѣдность въ инструментахъ, особенно тѣхъ, которыми объяснялись новыя открытія Эрстеда, Ампера, Фарэдея и проч., были причиною того, что профессоръ физики принужденъ былъ на свои деньги купить гальваническую батарею Волластона, амперовъ приборъ для объясненія электро-магнитныхъ явленій, магнето-электрическую клеркову машину и проч.

Опять здравый смыслъ Доброхотова внушилъ ему, что при

такомъ кабинетѣ преподаваніе физики не можетъ быть удовлетворительнымъ и потому, одобривъ составленный наставникомъ по физикѣ списокъ новыхъ инструментовъ, онъ сдѣлалъ представленіе высшему начальству о покупкѣ ихъ на академическія остаточныя суммы. Но такъ какъ на всѣ инструменты требовалось 14,000 руб. асс., то онъ наставнику велѣлъ пока поудовольствоваться половинною покупкою. Представленіе объ этомъ оставалось безъ разрѣшенія болѣе года по странному вмѣшательству Филарета Дроздова въ это дѣло. Въ числѣ инструментовъ стояло между прочимъ *духовое ружье*. Конечно, можно было и безъ него обойтись, но все-таки при помощи его очень хорошо доказывалась бы упругость сжатаго воздуха. Между тѣмъ его в—ву слово: *ружье* показалось соблазнительнымъ для духовныхъ воспитанниковъ. Не зная физики, онъ едвали не полагалъ, что духовое ружье употребляется не какъ физическій инструментъ для доказательства упругости сжатаго воздуха, а какъ какое-либо опасное смертоносное оружіе. Читая списокъ вновь покупаемыхъ инструментовъ, Дроздовъ подчеркнулъ слова: *духовое ружье* и написалъ коротенькую замѣтку въ родѣ того, что оно для духовныхъ воспитанниковъ не нужно или не прилично. Дроздовъ тогда былъ еще во всей силѣ. Карасевскій никакъ не рѣшался идти противъ всемогущаго митрополита. Онъ не смѣлъ ни предложить покупку всѣхъ внесенныхъ въ списокъ инструментовъ, между которыми стояло роковое духовое ружье, ни вычеркнуть этотъ инструментъ изъ списка, опасаясь, какъ бы опять митрополитъ чего-либо не подчеркнулъ и не приписалъ. Насилу-то, наконецъ, надумался порѣшить съ соблазнительнымъ и непригоднымъ для духовныхъ воспитанниковъ инструментомъ и вычеркнуть его изъ списка. Разрѣшеніе купить инструменты получено, но на покупку другой ихъ половины Доброхотовъ и Карасевскій уже не соглашались; она пріобрѣтена при преемникѣ Доброхотова.

Д. И. Ростиславовъ.

НОВЫЙ ИСТОРИКЪ

ФРАНЦУЗСКАГО РОМАНТИЗМА

— *Georg Brandes.* Die Literatur des neunzehnten Jahrhunderts in ihren Hauptströmungen. Fünfter Band. Die romantische Schule in Frankreich. Leipzig, 1883.

Французскій романтизмъ, какъ литературное направленіе, какъ школа, давно отжилъ свое время; но интересъ, имъ возбуждаемый, не можетъ быть названъ исключительно историческимъ. По счастливому выраженію Брандеса, солнце романтизма зашло, но вечерняя его заря не погасла еще на горизонтѣ, и не погаснетъ до тѣхъ поръ, пока живъ величайшій изъ романтиковъ—В. Гюго. «Работу крупной литературной школы,—говоритъ Брандесъ въ другомъ мѣстѣ,—можно сравнить съ постройкой города; не нужно только упускать изъ виду, что почва, на которой строитъ литература, защищена противъ волнъ забвенія одною слабой, неустойчивой плотиной. Вода скоро просачивается сквозь землю, поднимается все выше и выше, затопляетъ всѣ невысокіе дома; въ концѣ концовъ надъ поверхностью Леты виднѣются однѣ лишь монументальныя зданія». Такихъ зданій французская романтическая школа возвела не мало; Альфреда Мюссе и Ж. Занда нѣтъ больше въ средѣ живыхъ, но имена ихъ точно такъ же принадлежатъ настоящему, какъ и имя В. Гюго. Задача историка расширяется еще больше, становится еще болѣе благодарной, если не отдѣлять романтизма, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, отъ эпохи, его произведшей, если изучать не одну лишь школу, но цѣлый періодъ. Такъ именно и поступаетъ Брандесъ; его книга—не столько исторія француз-

скаго романтизма, сколько исторія французской поэзіи и беллетристики въ послѣдніе годы реставраціи и во время іюльской монархіи.

Дарованіе Брандеса хорошо извѣстно русскимъ читателямъ. Это не только человѣкъ, отзывчивый на всѣ вопросы, всѣ идеи нашего вѣка, не только широко-образованный знатокъ и любитель литературы, мастерски пользующійся всѣми пріемами современной критики—это вмѣстѣ съ тѣмъ художникъ, часто возвышающійся до истинной поэзіи. Въ этой послѣдней чертѣ заключается самая сильная сторона его сочиненій. Имъ недостаетъ, иногда, того искусства, съ которымъ Тэнъ раскрываетъ внутреннюю связь между личностью и народомъ, между авторомъ и средой, между произведеніемъ и минутой; напрасно было бы искать въ нихъ исчерпывающій анализъ Сентъ-Бёва, обобщенія Лессинга, страстность Бѣлинскаго или Добролюбова. Никому, за то, не уступаетъ Брандесъ въ умѣньѣ схватить характеристическую черту писателя, опредѣлить ее немногими мѣткими словами, сдѣлать изъ нея картину, поражающую воображеніе читателей. Орудіемъ сравненія онъ владѣетъ, какъ немногіе; проводитъ ли онъ параллель между двумя авторами, ищетъ ли онъ, чтобы выяснить свойство литературнаго явленія, аналогій въ исторіи или въ природѣ, добываетъ ли онъ лучи свѣта, ярко освѣщающіе изучаемый предметъ, изъ фантазіи или изъ жизни—онъ почти всегда достигаетъ цѣли, усиливаетъ впечатлѣніе, передаетъ намъ, вмѣстѣ съ мыслью, и одушевляющее его чувство. Можно ли, напримѣръ, рельефнѣе выразить противоположность между романтизмомъ и его политической обстановкой, чѣмъ это сдѣлано слѣдующими немногими словами: «на этомъ сѣроватомъ фонѣ, образованномъ монашескими рясами реставраціи и зонтиками іюльскаго королевства—на этой сценѣ, надъ которой незримый палецъ сѣрыми буквами написалъ слово: juste-milieu—среди этого общества, въ которомъ капиталъ, могучій, подобно Геркулесу, уже въ колыбели, задушилъ весь романтизмъ внѣшней жизни — выступаетъ теперь пламенѣющая, свѣтящаяся, шумливая литература, поклоняющаяся страсти и ярко-красному цвѣту». Сѣрый зонтикъ коронованнаго буржуа и кричащія краски романтической поэзіи—какой эффектный контрастъ, и какъ много правды въ этомъ эффектѣ! «При Карлѣ X-мъ», — читаемъ мы нѣсколько раньше — министерства Виллеля, Мартиньяка и Полиньяка означаютъ собою не столько три стадіи, сколько три темпа реакціи: Allegro, Andante и Allegro furioso». Изъ трехъ техническихъ словъ слагается здѣсь живой образъ, не нуждающійся въ комментаріяхъ.

Въ высшей степени вѣрно и мѣтко сравненіе Гюго, какъ драматурга, съ Корнелемъ—сравненіе, бросающее отраженный свѣтъ на весь французскій романтизмъ. «Въ французскомъ народномъ характерѣ есть жила сомнѣнія и насмѣшки, линія Монтэнь-Ренье-Лафонтенъ; есть жила чистокровно-галльская, линія Рабле-Дидро-Бальзакъ; есть, наконецъ, жила героизма и энтузіазма, общая Корнелю и Гюго. Въ обоихъ есть нѣчто испанское или общелатинское; въ «Эрнани», какъ и въ «Сидѣ», испанскій сюжетъ обработанъ въ испанскомъ духѣ. Культъ чести, проповѣдуемый и тамъ, и здѣсь, напоминаетъ Кальдерона. Обѣ драмы—школы для героевъ. Корнель изображаетъ не человѣческую жизнь въ ея всесторонности, а исключительно геройскія черты человѣческой натуры; онѣ преобладаютъ и у Гюго, симметрически лишь пополненныя изображеніемъ необузданной страсти». Констатировавъ черту сходства между Гюго и Корнелемъ, т.-е. преемственный, латинскій элементъ въ поэзіи Гюго, Брандесъ указываетъ вслѣдъ затѣмъ и точку соприкосновенія ея съ современностью, съ иноплеменными литературами: «Эрнани—это видоизмѣненный Карлъ Моръ, это романтикъ въ борьбѣ съ обществомъ, это огненный человѣкъ, отмѣченный судьбою и обреченный ею на неминуемую гибель». Нодье и Бейль (Стендаль) оба были новаторами, оба способствовали разрыву съ классицизмомъ; но первый изъ нихъ былъ «не болѣе какъ герольдъ, труба котораго будила и заставляла встрепенуться, второй принадлежалъ къ числу тѣхъ улановъ, которые по одиночкѣ умѣютъ брать цѣлые города». Въ другомъ мѣстѣ Брандесъ сравниваетъ Бейля съ Ж. Зандомъ; «Ж. Занду — говоритъ онъ — страница всегда удается лучше чѣмъ слово, Бейлю—слово несравненно лучше чѣмъ страница». Одна такая фраза стоитъ цѣлаго трактата о стилѣ писателей, стоящихъ на двухъ противоположныхъ флангахъ современнаго французскаго романа.

Поэтическая жилка въ натурѣ Брандеса легко могла сдѣлать его излишне воспріимчивымъ къ красотѣ формы, завербовать его въ ряды приверженцевъ «искусства для искусства». Къ счастью для читателей, Брандесъ не только художникъ, но и публицистъ; онъ слишкомъ живо чувствуетъ силу критической, рефлектирующей мысли, чтобы отрицать или игнорировать ея значеніе въ мірѣ творчества. «Искусство, обращающееся исключительно около своей собственной оси,—говоритъ онъ въ главѣ о Теофилѣ Готье, —по необходимости становится наконецъ пустымъ и безплоднымъ. Воодушевленіе *однимъ* искусствомъ создаетъ мраморную Галатею; дыханіемъ жизни можетъ оживить статую только потокъ идей,

знаменующихъ собою данную эпоху». «Критика,—читаемъ мы въ главѣ о Сентъ-Бёвѣ, — т.-е. способность раздвинуть, многосторонней симпатіей, первоначальныя границы собственной натуры, составляетъ отличительное свойство современныхъ великихъ поэтовъ. Съ той поры, когда поэзія перестаетъ замыкаться отъ идей и волненій окружающаго ее міра, она воспринимаетъ въ себя критику, какъ живительное начало. Критика вдохновляла Гюго въ «Châtiments», Байрона въ «Донъ-Жуанѣ». Она указываетъ дорогу человѣческому духу. Она разставляетъ вѣхи вдоль фарватера и освѣщаетъ его факелами; она прокладываетъ новые пути и расчищаетъ старые. Она, именно она, передвигаетъ горы — исполинскія горы авторитета, предразсудковъ, безъидейной силы и мертваго преданія». Преклоняясь передъ идеей, допуская и оправдывая тенденцію, Брандесъ высоко цѣнитъ и изящество языка, и объективное изображеніе дѣйствительности; онъ понимаетъ, что въ области искусства нѣтъ и не должно быть обязательныхъ шаблоновъ, разъ навсегда установленныхъ масштабовъ. Свобода отъ крайностей, отъ предвзятыхъ, узкихъ мнѣній—вотъ преимущество его съ одной стороны передъ ультра-натуралистической критикой à la Зола, съ другой стороны—передъ ультратенденціозной критикой Писарева или Бёрне. Только оно позволило ему сдѣлаться истиннымъ *историкомъ* современной литературы. Наше столѣтіе меньше чѣмъ всякое другое можетъ быть подведено подъ одну абсолютную мѣрку; величайшіе представители его — вмѣстѣ съ тѣмъ представители самыхъ различныхъ школъ и направленій. Возьмемъ, для примѣра, хотя бы французскую литературу; представимъ себѣ исторію ея, написанную съ точки зрѣнія той или другой односторонней доктрины. Что скажетъ теоретикъ чистой красоты о Бальзакѣ, съ его неровнымъ, вымученнымъ слогомъ, съ его многоэтажными фразами, съ его ошибками противъ такта и вкуса, или теоретикъ чистаго искусства—о Ж. Зандѣ, съ ея адвокатскими пріемами, съ ея набѣгами въ область политики, религіи и философіи? Какъ отнесется систематикъ реализма къ жоржъ-зандовскимъ идеальнымъ фигурамъ, систематикъ идеализма—къ житейской грязи въ бальзаковскихъ романахъ? Съ какимъ пренебреженіемъ посмотритъ тенденціозный радикалъ не только на Мериме или Готье, но и на самого Бальзака! Цѣлые отдѣлы литературы, драгоцѣнные для современниковъ и для потомства, останутся, во всѣхъ этихъ случаяхъ, непонятыми или отодвинутыми на задній планъ; кое-что будетъ превознесено черезъ мѣру, кое-что втоптано въ грязь, средины между восторгомъ и негодованіемъ почти не будетъ. Чтобы убѣ-

диться въ этомъ, стоитъ только вспомнить отзывы Зола о В. Гюго или Ж. Зандѣ и сопоставить ихъ съ сказаннымъ у Брандеса о царѣ и царицѣ романтизма. Для Зола, Ж. Зандъ—безнравственная писательница, первые ея романы — скучныя, невѣроятныя, почти непонятныя произведенія извращенной фантазіи. Не въ тысячу ли разъ ближе къ истинѣ Брандесъ, когда онъ восклицаетъ: «изъ юношескихъ романовъ Ж. Занда до сихъ поръ брызжетъ согрѣвающее и освѣщающее пламя, въ нихъ слышатся то жалобныя пѣсни, то воинственные клики, отголоски которыхъ умолкнутъ еще несворо... Что казалось, пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, вопіющимъ софизмомъ, то сдѣлалось теперь элементарной истиной—и вмѣстѣ съ тѣмъ осталось солью, благодаря которой устарѣвшій по складу и растянутый по формѣ романъ (рѣчь идетъ о «Jacques») до сихъ поръ сохраняетъ свою свѣжесть». Тенденціозный критикъ точно такъ же не задумается поставить В. Гюго выше Мюссе, какъ эстетикъ не задумается вознести послѣдняго надъ первымъ. Брандесъ понимаетъ какъ нельзя лучше всю тщету подобнаго взвѣшиванья; онъ старается только объяснить различное значеніе обоихъ поэтовъ внутреннимъ различіемъ ихъ поэзіи. «Спросите французскаго рабочаго или вообще человѣка изъ массы народа, а также романтика или писателя такъ называемой *парнасской* школы: кто величайшій между современными французскими поэтами? Вамъ отвѣтятъ, безъ сомнѣнія: *Викторъ Гюго*. На тотъ же вопросъ, предложенный ученому, свѣтскому человѣку, послѣдователю молодой натуралистической школы, наконецъ образованной женщинѣ, вы получите отвѣтъ: *Альфредъ Мюссе*... Съ каждымъ шагомъ впередъ, сдѣланнымъ Мюссе, все больше и больше обнаруживались въ немъ достоинства, чуждыя Гюго. Мюссе покорялъ себѣ читателей своею человѣчностью. Онъ сознавался въ своихъ слабостяхъ и ошибкахъ; Гюго считалъ своею обязанностью быть непогрѣшимымъ. Мюссе никогда не былъ риторомъ, всегда былъ человѣкомъ; въ рѣзкой истинѣ его словъ звучалъ крикъ, прямо вырвавшійся изъ груди. Почему же не онъ, а Гюго сдѣлался властелиномъ литературы и вождемъ молодого поколѣнія? Потому что Мюссе, говоря его собственными, только вывороченными на изнанку словами, былъ поэтомъ, но не былъ великимъ человѣкомъ» [1])!..» Эти послѣднія слова примѣнимы и къ Бальзаку. По справедливому замѣчанію

---

[1]) Въ одномъ изъ стихотвореній Мюссе, озаглавленномъ: „Après une lecture“ и направленномъ отчасти противъ Гюго, встрѣчаются слова: „Grand homme, si l'on veut; mais poète, non pas“.

Брандеса, поздній успѣхъ Бальзака зависѣлъ именно отъ того, что въ поэтѣ привыкли видѣть духовнаго вождя — а Бальзакъ, будучи только поэтомъ, не шелъ рука объ руку съ вѣкомъ, не возвышался до уровня политическихъ и философскихъ задачъ его. Это не значитъ, конечно, чтобы Мюссе уступалъ Гюго, чтобы Бальзакъ уступалъ Ж. Занду. Если Мюссе и Бальзакъ не играли, при жизни, такой господствующей роли, какая досталась ихъ соперникамъ, если они до сихъ поръ больше цѣнятся меньшинствомъ, чѣмъ массой, то это свидѣтельствуетъ только о разнохарактерности ихъ дарованій. Тенденціозность, въ высшемъ, лучшемъ смыслѣ этого слова, облегчаетъ побѣду, дѣлаетъ ее болѣе блестящей и плодотворной, но не служитъ, сама по себѣ, залогомъ ея прочности. «Безформенное или не вполнѣ оформленное — говоритъ Брандесъ — не переживаетъ вѣковъ»; еще правильнѣе было бы сказать, что прочность литературнаго произведенія обусловливается гармоніей между содержаніемъ и формой, значительностью мысли или предмета въ связи съ художественной ихъ обработкой.

Свободный отъ односторонности, Брандесъ не вполнѣ свободенъ отъ пристрастія—пристрастія къ формальной красотѣ, къ изяществу отдѣлки. Отсюда его слабость къ Мериме и Теофилю Готье, особенно къ первому. «Мериме и Готье,—говоритъ онъ, —въ стилистическомъ отношеніи дополняютъ другъ друга. Контуръ, строгая линія—это царство Мериме; сила Готье заключается въ яркости красокъ». Восхищаясь образностью, пышностью языка, свойственнаго Готье, предсказывая безсмертіе лучшимъ его стихамъ, Брандесъ сознаетъ однако внутреннюю бѣдность, скрывающуюся подъ этимъ наружнымъ богатствомъ, сознаетъ опасность манеры, слишкомъ легко переходящей въ изысканность и быстро теряющей свою свѣжесть. Можно находить, что Брандесъ преувеличиваетъ заслуги Готье, но въ слѣпомъ увлеченіи колористомъ романтизма онъ во всякомъ случаѣ неповиненъ. Въ Мериме, наоборотъ, нашъ авторъ почти не видитъ недостатковъ. Онъ отводитъ ему больше мѣста, чѣмъ Бальзаку, изучаетъ его со всѣхъ сторонъ, какъ одну изъ самыхъ крупныхъ фигуръ нашего вѣка. «Для сорокалѣтняго, тонко образованнаго, свѣтскаго француза, Мериме—первый между французскими прозаиками... Это художникъ съ головы до ногъ; художественное мастерство—основаніе его величія, источникъ превосходства его передъ Бейлемъ [1]).

---

[1]) Брандесъ начинаетъ характеристику Мериме параллелью между нимъ и Бейлемъ, съ которымъ у него было много общаго и вліянію котораго онъ былъ многимъ обязанъ.

Богатый матеріалъ, открытый Бейлемъ, только подъ руками Мериме получилъ свою безсмертную форму... Стиль Мериме отличается прозрачностью, которую безсиленъ затмить самый блестящій языкъ. Его образы, его характеры поразительно рѣзки; они живутъ, мы можемъ касаться ихъ руками. Прелесть его манеры заключается въ ея силѣ. Онъ не знаетъ ни отступленій, ни прикрасъ; ему не опасны, поэтому, никакія перемѣны въ модѣ и вкусѣ. Его современники выступили на арену въ пестрыхъ одеждахъ, позолоченныхъ шлемахъ, съ развѣвающимися знаменами; онъ является чернымъ рыцаремъ на романтическомъ турнирѣ... Ему чуждъ всякій лиризмъ, онъ всегда застегнутъ сверху до низу. У него нѣтъ любимаго дѣла, нѣтъ теоріи, нѣтъ и слѣда какой-нибудь политической или соціальной тенденціи. Онъ ничѣмъ не увлекается и ни во что не вѣритъ; къ прогрессу, къ народному благу, къ судьбѣ отечества онъ относится съ равнодушіемъ и скептицизмомъ свѣтскаго человѣка. Онъ любитъ кровавыя, страшныя тэмы, охотно описываетъ смерть и сумасшествіе, охотно выбираетъ свои сюжеты изъ жизни отдаленныхъ эпохъ или отдаленныхъ народовъ, чтобы имѣть дѣло съ цѣльными характерами, первобытными предразсудками, необузданными чувствами». Главныя черты дарованія Мериме и его натуры схвачены Брандесомъ совершенно вѣрно; не совсѣмъ правильнымъ кажется намъ только общее ихъ освѣщеніе. Въ художественности Мериме есть значительная доля искусственности. Постоянная погоня за страннымъ, дикимъ, далекимъ, непохожимъ на окружающую среду, на современность, постоянныя усилія быть сдержаннымъ, холоднымъ, сухимъ въ описаніи горячихъ страстей, въ изложеніи необычайныхъ фактовъ—все это несовмѣстно съ истинной простотой, той простотой, которая дѣйствительно служитъ залогомъ долговѣчности для автора и произведенія. Мериме положилъ начало тому культу формы, тому стремленію къ безусловной пластичности и безстрастности языка, которыя возведены въ принципъ ультра-натуралистическою критикою и составляютъ камень преткновенія для ультра-натуралистическаго романа. «Мраморъ и бронза», съ которыми соперничаетъ слогъ Флобера, которые служатъ девизомъ и знаменемъ для Зола—это прямое наслѣдство Мериме, наслѣдство крайне опасное, когда оно принимается цѣликомъ, безъ оговорки и ограниченія. Шлифовка каждой фразы, каждаго слова, задерживающая трудъ писателя, заставляющая его безпрестанно возвращаться назадъ и топтаться на одномъ мѣстѣ, отвлекающая его мысль отъ новыхъ, болѣе широкихъ задачъ, обращающая его въ бенедиктинца поэзіи или романа,

рѣдко вознаграждается достигнутымъ результатомъ. Примѣръ великихъ писателей всѣхъ временъ и всѣхъ народовъ убѣждаетъ насъ въ томъ, что безсмертіе произведенія не зависитъ ни отъ абсолютнаго совершенства формы, ни отъ отсутствія *прикрасъ и отступленій*. И тѣхъ и другихъ немало найдется у Шекспира— но развѣ не въ нихъ, между прочимъ, коренится его неистощимая сила, его неувядаемая прелесть? «Отступленіемъ», съ точки зрѣнія Мериме, слѣдуетъ признать и монологъ Гамлета: «to be or not to be»—а кто же станетъ утверждать, что безъ этого монолога «трагедія трагедій» была бы еще ближе къ послѣднему слову искусства? Кто станетъ жалѣть, что Шекспиръ не поработалъ еще нѣсколько лѣтъ надъ *отдѣлкой* «Гамлета»? Весьма можетъ быть, что слабыя сцены, попадающіяся тамъ и здѣсь, особенно въ четвертомъ и пятомъ актахъ, уступили бы тогда мѣсто другимъ, безукоризненно прекраснымъ; но имѣли ли бы мы тогда «Макбета», «Юлія Цезаря», «Бурю»?... Примѣромъ Мериме объясняется, до извѣстной степени, другое ходячее мнѣніе, ищущее источникъ поэзіи не столько въ настоящемъ, сколько въ прошедшемъ, не столько въ цивилизованныхъ странахъ Европы, сколько на лонѣ варварства или первобытной культуры. Отсюда «Salammbo» Флобера, отсюда апоѳеозъ востока и юга въ одной изъ критическихъ статей Золá. Нужно ли доказывать, что для истиннаго художника поэтическія темы разсѣяны всюду, что черный фракъ или цилиндръ ничуть не менѣе благопріятны для поэзіи, чѣмъ чалма или тога? Мы готовы признать за Мериме, вмѣстѣ съ Брандесомъ, заслуги искуснаго стилиста, значеніе классическаго прозаика; но мы никакъ не можемъ поставить его выше Бейля, на одинъ уровень съ В. Гюго, Мюссе или Бальзакомъ. Бейль, по справедливому выраженію Брандеса—психологъ и поэтъ; въ его «Rouge et noir» отразилась цѣлая эпоха, его Жюльенъ Сорель, Матильда де-ла-Моль, madame де-Реналь принадлежатъ къ числу выдающихся фигуръ портретной галереи XIX-го вѣка. Въ сравненіи съ ними блѣднѣютъ Карменъ и Арсена Гильйо, блѣднѣетъ даже Коломба, лучшее созданіе Мериме. Кто никогда не увлекался самъ, тому не суждено увлекать другихъ; кто ничего и никого не любилъ, тотъ не могъ воздвигнуть себѣ «нерукотворнаго памятника». Долго ли останется Мериме предметомъ поклоненія для «сорокалѣтнихъ свѣтскихъ людей» — этого мы рѣшить не беремся; мы знаемъ только, что истинная слава пріобрѣтается не этимъ путемъ и что кружокъ избалованныхъ гастрономовъ литературнаго вкуса еще не составляетъ потомства.

Чѣмъ дольше останавливается Брандесъ на Мериме и Готье, тѣмъ болѣе страннымъ кажется намъ совершенное молчаніе его о такомъ писателѣ, какъ Барбье. Задача Брандеса, какъ онъ самъ ее опредѣляетъ, заключается въ томъ, чтобы исчерпать выдающіяся явленія французской литературы, оставляя въ сторонѣ все второстепенное, легковѣсное, не столько обще-европейское, сколько спеціально-французское. Съ этой точки зрѣнія онъ совершенно правъ, говоря о В. Гюго и умалчивая о Вакри, говоря о Сентъ-Бёвѣ и умалчивая о Ж. Жаненѣ или Филаретѣ Шалѣ, говоря о Бальзакѣ и умалчивая о Шарлѣ Бернарѣ или Альфонсѣ Каррѣ; но Барбье никакъ нельзя зачислить въ категорію малыхъ величинъ, покрываемыхъ или затмѣваемыхъ большими. Эпоха романтизма произвела, во Франціи, только двухъ политическихъ сатириковъ: Барбье и Корменена; обойти и того, и другого, значитъ оставить замѣтный пробѣлъ въ общей картинѣ. Корменёнъ, въ свое время, имѣлъ, быть можетъ, больше значенія чѣмъ Барбье, уже потому, что воинствующая дѣятельность его продолжалась гораздо дольше; но памфлетъ, въ силу самой своей формы, старѣется скорѣе, чѣмъ поэтическая сатира— развѣ если памфлетистъ соединяетъ въ себѣ всѣ качества художника, какъ Поль-Луи Курье. «Ямбы» Барбье—произведеніе истинно поэтическое, полное жизни и силы; вызванное минутой, оно возвышается надъ нею и дышетъ до сихъ поръ юношескою свѣжестью. Оно носитъ на себѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ, ясные слѣды романтическихъ вѣяній; оно проповѣдуетъ, наравнѣ съ первыми трагедіями В. Гюго, эманципацію слова, право поэта говорить образнымъ языкомъ и не чуждаться ни такъ-называемыхъ низкихъ предметовъ, ни такъ-называемыхъ тривіальныхъ выраженій. Знаменитый стихъ: «la sainte populace et la grande canaille» былъ такою же революціей на Парнассѣ, какъ и первый стихъ «Кромвеля», опредѣлявшій число, мѣсяцъ и годъ дѣйствія, или восклицаніе Эрнани: «de ta suite, o roi, de ta suite? j'en suis!» Психологическому анализу Брандеса предстояло, въ добавокъ, разрѣшить интересную загадку — объяснить быстрое паденіе таланта, съ перваго раза поднявшагося на такую значительную высоту. Послѣ изданія «Ямбовъ» Барбье прожилъ еще полъ-вѣка— и не создалъ ничего равносильнаго имъ. Сборники стихотвореній, непосредственно слѣдовавшіе за «Ямбами», носятъ еще на себѣ отпечатокъ дарованія—но позже оно исчезаетъ безслѣдно и безвозвратно.

Изъ очерковъ, посвященныхъ Брандесомъ свѣтиламъ романтической эпохи, всего менѣе удовлетворилъ насъ, тотъ, который

касается Альфреда Мюссе. Своей неувядаемой славой Мюссе обязанъ преимущественно тѣмъ стихотвореніямъ, которыя соединены подъ именемъ «Poésies nouvelles»; у Брандеса именно имъ отведено всего меньше мѣста. Подробно излагая содержаніе драматическихъ пьесъ Мюссе, прелестныхъ, но во всякомъ случаѣ далеко уступающихъ лучшимъ страницамъ его поэзіи, Брандесъ не говоритъ ни слова о «Ночахъ»—этой кульминаціонной точкѣ французскаго лиризма, ни слова о «Письмѣ къ Ламартину», столь важномъ для характеристики Мюссе; нѣсколько дольше онъ останавливается лишь на «Rolla», но только для того, чтобы подчеркнуть ничтожество героя, бѣдность основной мысли, чтобы возразить Тэну, воскликнувшему именно по поводу «Rolla»: «Celui-là (т.-е. Мюссе) au moins n'a jamais menti!» Мюссе, по мнѣнію Брандеса, напускалъ на себя скептицизмъ, притворялся холоднымъ и безсердечнымъ, и слѣдовательно не можетъ быть названъ вполнѣ правдивымъ. Намъ кажется, что истина, въ этомъ спорѣ, на сторонѣ Тэна. Скептицизмъ Мюссе не имѣлъ глубокихъ основаній въ его натурѣ; потребность вѣрить и любить, неудовлетворенная, мучительная, но упорная, преобладала въ немъ надъ анализомъ, надъ критической мыслью. Пока онъ былъ молодъ, веселъ, беззаботенъ, ему казалось, что можно жить безъ вѣры, и жить счастливо; эта увѣренность, сквозящая въ «Premières poésies», не выдержала первыхъ разочарованій, уступила мѣсто отчаянію—но ея непрочность не доказываетъ еще ея неискренности. Страстное сожалѣніе объ угасшей, исчезнувшей вѣрѣ, вдохновившее первую главу «Ролла», могло быть испытано только тѣмъ, кто пережилъ фазисъ торжествующаго невѣрія и не нашелъ въ себѣ ни силы остаться на однажды избранной дорогѣ, ни рѣшимости повернуть въ другую сторону. Отсюда вражда къ Вольтеру, такъ ярко выступающая на видъ въ «Ролла». Въ принципѣ Брандесъ совершенно правъ, защищая Вольтера противъ Мюссе; въ самоубійствѣ празднаго сластолюбца фернейскій философъ, конечно, столь же неповиненъ, какъ и въ раннемъ паденіи Маріи. Не съ этой точки зрѣнія, однако, слѣдуетъ разсматривать «Ролла», чтобы быть справедливымъ къ поэту. Логическая ошибка Мюссе не помѣшала ему создать нѣсколько страницъ несравненной красоты и силы. Апоѳеозъ эпохъ вѣры, въ противоположность эпохѣ сомнѣнія, выражаетъ собою душевное настроеніе, на которомъ останавливаются немногіе, но черезъ которое проходятъ массы людей, противъ котораго не служитъ безусловной гарантіей даже рѣзко-отрицательный образъ мыслей. Эффектъ, производимый знаменитымъ обращеніемъ къ Христу,

усиливается именно предшествующей исповѣдью «du moins crédule enfant de ce siècle sans foi». А лихорадочное ожиданіе новаго слова, выражающееся въ цѣломъ рядѣ пламенныхъ вопросовъ (avec qui marche donc l'auréole de feu?.. Où donc vibre dans l'air une voix plus qu'humaine?.. Qui de nous, qui de nous va devenir un dieu?..)—развѣ оно знакомо только тѣмъ, которые хотятъ, но не могутъ вѣрить? Развѣ оно не находитъ отголосковъ въ душѣ всѣхъ тѣхъ, которые недовольны настоящимъ, которые мечтаютъ о лучшемъ будущемъ? Развѣ «огненный ореолъ», напрасно отыскиваемый Мюссе на сѣромъ горизонтѣ, неразрывно связанъ съ головой основателя новой религіи—или, лучше сказать, развѣ подъ именемъ новой религіи можно понимать только повтореніе, въ новой формѣ, старыхъ явленій?.. Послѣдующія главы поэмы не могутъ сравняться съ первой; симпатія къ герою поэмы немыслима, его участь можетъ внушить только сожалѣніе—но какъ поэтично обрисовано, въ послѣднихъ стихахъ, пробужденіе живого, чистаго чувства въ сердцахъ Ролла и Маріи, какъ много эпизодовъ, картинъ, полныхъ своеобразной прелести, вполнѣ достойныхъ «пѣвца любви»! Припомнимъ, напримѣръ, предсмертныя слова сломаннаго цвѣтка (j'aime, lui dit la fleur, et je meurs embrasée des baisers du zéphyr, qui me relèvera. J'ai jeté loin de moi, quand je me suis parée, les éléments impurs qui souillaient ma fraîcheur) и соединенный съ ними любовный гимнъ природы (j'aime! — voilà le mot que la nature entière crie au vent qui l'emporte, à l'oiseau qui le suit»!..).

Если въ характеристикѣ Мюссе есть пробѣлы, есть фальшивыя ноты, то рядомъ съ ними встрѣчаются и страницы, въ которыхъ мы узнаемъ обычное мастерство Брандеса. Нельзя говорить о Мюссе и не коснуться отношеній его къ Ж. Занду; но Брандеса не занимаютъ подробности давно извѣстнаго эпизода, онъ не старается опредѣлить, кто виновенъ — elle или lui. Вмѣсто этого банальнаго и неважнаго вопроса, онъ ставитъ другой, въ высшей степени интересный—вопросъ о вліяніи Мюссе на творчество Ж. Занда, Ж. Занда—на творчество Мюссе. «Онъ оставляетъ ее растерзанный, пораженный, отчаянный, больше чѣмъ когда-либо убѣжденный въ томъ, что фальшивость—общій порокъ всѣхъ женщинъ. Она оставляетъ его съ смѣшаннымъ чувствомъ —сначала почти утѣшенная, потомъ надорванная до глубины души, въ концѣ-концовъ довольная освобожденіемъ отъ кризиса, тяготѣвшаго надъ ея дѣятельной, спокойной натурой,—оставляетъ его съ новымъ сознаніемъ превосходства женщины надъ мужчиной, съ укрѣпившимся убѣжденіемъ, что слабость — синонимъ

мужчины. Онъ оставляетъ ее съ новымъ нерасположеніемъ къ утопіямъ и филантропическимъ мечтамъ, полный вѣры, что для художника существуетъ только искусство. Сближеніе съ высокой женской душой не остается, однако, для него безплоднымъ. Онъ сбрасываетъ свой аффектированный цинизмъ, не щеголяетъ больше равнодушіемъ и хладнокровіемъ. Ея стремленіе къ идеаламъ отражается у него въ республиканскомъ энтузіазмѣ Лоренваччіо, въ глубокой душевной жизни Андреа дель-Сарто, можетъ быть даже, въ протестѣ противъ тьеровскихъ законовъ о печати. Она оставляетъ его, еще больше чѣмъ прежде преданная общимъ идеямъ. Въ «Орасѣ»' она посвящаетъ свой талантъ сенъ-симонизму; она прославляетъ соціализмъ въ «Compagnon du tour de France». Но соприкосновеніе съ великимъ художникомъ дѣлаетъ для нея доступнымъ мастерство формы; она научается любить изящество языка, научается искать красоты ради ея самой. Если про нее можно было сказать, что ея фразы нарисованы Леонардо и положены на музыку Моцартомъ (выраженіе Дюма-сына), то къ этому слѣдовало прибавить, что критика Мюссе образовала ея слухъ и водила ея руку. Послѣ разлуки они оба являются зрѣлыми художниками, онъ—поэтомъ горячаго сердца, она—сивиллой пророческаго краснорѣчія. Въ образовавшуюся между ними пропасть она сбросила свою незрѣлость, свои тирады, свое безвкусіе, свое мужское платье, чтобы стать отнынѣ настоящей женщиной, чтобы быть всецѣло вѣрной природѣ. Онъ сбросилъ въ туже пропасть свой донъ-жуанскій костюмъ, свою вызывающую дерзость, свою мальчишескую гордость, чтобы стать отнынѣ настоящимъ мужчиной, чтобы отдать себя всецѣло во власть духа». Если исключить нѣсколько рискованныхъ штриховъ, сколько правды, сколько искусства въ этой параллели! Въ другомъ мѣстѣ Брандесъ сравниваетъ лучшую женскую фигуру, созданную Мюссе (Эммелину, въ новеллѣ этого имени), съ «самыми благоуханными женскими образами Тургенева». Датскій критикъ присоединяется здѣсь къ тѣмъ западно-европейскимъ своимъ собратьямъ, которые оцѣнили по достоинству нашего великаго писателя. Никто больше Тургенева не способствовалъ распространенію, за предѣлами Россіи, знакомства съ русской изящной литературой и пониманію крупныхъ ея произведеній.

Мы знаемъ уже, какъ высоко Брандесъ ставитъ Ж. Занда, какъ широкъ и правиленъ его взглядъ, сравнительно съ узкимъ доктринерствомъ ультра-реалистической критики. Въ глазахъ французскихъ натуралистовъ, крестьяне — это полу-звѣри, хитрые, чувственные, безсердечные; такими являются они въ «Paysans»

Бальзака, такими же мы видимъ ихъ въ «Проступкѣ аббата Муре», Зола̀. У Ж. Занда крестьяне, по выраженію Брандеса, часто напоминаютъ пастушковъ Теокрита; но это не уничтожаетъ своеобразной прелести ея деревенскихъ разсказовъ. «Они имѣютъ притягательную силу наивности, столь рѣдкой въ французской литературѣ. Все, что̀ было въ Ж. Зандѣ родственнаго съ крестьянкой, съ природой, съ тайной жизнью растенія, съ вѣтромъ, дующимъ неизвѣстно куда и неизвѣстно откуда; все безсознательное, нѣмое, налагавшее столь ясный отпечатокъ на ея личную жизнь, но въ большинствѣ ея произведеній заглушавшееся декламаціей и паѳосомъ — все это выступаетъ здѣсь на первый планъ въ своей обаятельной простотѣ». Такъ же симпатично, такъ же отзывчиво относится Брандесъ и къ лучшимъ изъ числа тенденціозныхъ романовъ Ж. Занда, напримѣръ къ «Орасу». «Въ героѣ романа тонко и глубоко изображенъ типическій буржуа временъ іюльской монархіи. Проницательностью, психологическимъ чутьемъ авторъ отнюдь не уступаетъ здѣсь Бальзаку. Антипатія къ буржуазному обществу не исключаетъ добродушной снисходительности къ нему. Ж. Зандъ не столько разрѣшаетъ вопросы, сколько затрогиваетъ ихъ; но уже самая ихъ постановка сообщаетъ роману привлекательную, яркую историческую окраску». Въ идеализмѣ Ж. Занда Брандесъ видитъ не столько стремленіе рисовать людей, какими они *должны быть*, сколько желаніе показать, чѣмъ они *могли бы быть*, если бы общество не мѣшало ихъ нравственному росту, не портило ихъ, не разрушало ихъ счастья. «Ж. Зандъ хотѣла изображать жизнь, какъ она есть, но внесла въ эту картину міросозерцаніе женскаго энтузіаста. Пространство земли, доступное ея взгляду, сливалось для нея съ разстилавшимся надъ нимъ небомъ. Ея прозорливость была прозорливостью лиризма». Столь же мѣтки замѣчанія Брандеса о стилѣ Ж. Занда. «Ея отличительная черта—полнозвучность. Въ ея фразѣ слышится протяжный, изящный ритмъ, равномѣрный въ своихъ повышеніяхъ и пониженіяхъ, пѣвучій даже въ выраженіяхъ отчаянія и унынія. Врожденное равновѣсіе ея души отражается въ стройности ея предложеній: ни крика, ни толчка, ни внезапнаго подъема. Въ ея стилѣ есть полетъ, онъ точно машетъ широкими крыльями, не дѣлая скачковъ ни въ вышину, ни въ глубину. Ему недостаетъ мелодіи, но въ немъ звучатъ богатыя гармоніи; ему недостаетъ красокъ, но его рисунокъ блещетъ совершенною красотою линій. Чувство Ж. Занда не подчинялось никакимъ нормамъ, но языкъ ея всегда оставался

правильнымъ; она соединяла романтизмъ содержанія съ классицизмомъ формы».

Въ характеристикѣ Бальзака Брандесъ долженъ былъ бороться не только съ огромными трудностями предмета, но и съ такимъ предшественникомъ, какъ Тэнъ, статья котораго о Бальзакѣ составляетъ настоящій перлъ современной критики. Превзойти Тэна Брандесу не удалось, но подошелъ онъ къ нему весьма близко. Существеннаго разногласія между обоими писателями нѣтъ; для датчанина, какъ и для француза, Бальзакъ— одна изъ самыхъ колоссальныхъ фигуръ XIX-го вѣка. Брандесъ примѣняетъ къ нему чрезвычайно удачно стихи В. Гюго: «il peignit l'arbre vu du côté des racines, le combat meurtrier des plantes assassines». Въ этомъ—главное различіе между Ж. Зандомъ и Бальзакомъ; первая изображаетъ людей, какъ пейзажистъ изображаетъ растенія — съ той стороны, на которую падаетъ свѣтъ и которая выноситъ освѣщеніе; послѣдній углубляется въ область, недоступную для живописи и чуждающуюся свѣта. Другую черту натуры и дарованія Бальзака Брандесъ выясняетъ сравненіемъ его съ Готье. «Готье—писатель первой величины, но, какъ поэтъ, онъ холоденъ, иногда бѣденъ; это талантъ, созданный для живописи или скульптуры и заблудившійся въ область поэзіи. Бальзакъ, на оборотъ, не имѣетъ большого значенія какъ писатель, но достигаетъ громадной вышины, какъ поэтъ. Онъ не можетъ характеризовать свои фигуры немногими мѣткими словами, потому что не видитъ ихъ передъ собою въ одной пластической позѣ. Образы, создаваемые его воображеніемъ, представляются ему не послѣдовательно, а вдругъ, въ самыхъ разнородныхъ видахъ. Передъ нимъ проносится цѣлая ихъ исторія, онъ наблюдаетъ ихъ въ разныхъ фазисахъ жизни, слышитъ звукъ ихъ голоса, созерцаетъ все богатство ихъ жестовъ и движеній. Иллюстрируется у него фигура не такъ какъ у Готье—однимъ сравненіемъ, можетъ быть, и тонкимъ, но сухимъ; она вся составлена изъ тысячи представленій, безсознательно связанныхъ между собою, разнообразныхъ какъ сама природа, какъ реальный человѣкъ, индивидуальность котораго — своеобразная сѣть неисчислимыхъ физіологическихъ и психологическихъ элементовъ. Справиться съ богатствомъ матеріаловъ, данныхъ памятью и чутьемъ, Бальзаку часто было нелегко. Онъ или хочетъ слишкомъ многое выразить ассоціаціею двухъ-трехъ представленій, только для него самого вполнѣ понятною, или перечисляетъ одно за другимъ всѣ наблюденія, сдѣланныя имъ надъ воображаемымъ

предметомъ, и теряется въ подробностяхъ, неяркихъ и неясныхъ. Электрическій проводникъ, соединяющій, если можно такъ выразиться, галлюцинаціи поэта съ органами поэтическаго краснорѣчія, дѣйствуетъ у Бальзака не всегда исправно, иногда прерывается вовсе. Отсюда масса труда, которую онъ употреблялъ на внѣшнюю отдѣлку своихъ сочиненій». «Готье, по собственнымъ словамъ его, предпочиталъ женщинѣ—статую, теплой человѣческой кожѣ—мраморъ. Какой контрастъ съ Бальзакомъ! Представимъ себѣ того и другого въ святилищѣ луврскаго музея, гдѣ царитъ, въ уединенномъ величіи, милосская Венера. Для Готье звучалъ бы здѣсь гимнъ греческаго искусства въ честь красоты, заставляющій забывать о современномъ Парижѣ; Бальзакъ, на оборотъ, отвернулся бы отъ статуи, какъ только увидѣлъ бы передъ собой живую парижанку, въ модномъ костюмѣ, въ кокетливой шляпкѣ, въ изящныхъ перчаткахъ. Между Бальзакомъ и современной женщиной не стоитъ никакихъ традицій, никакихъ предразсудковъ. Онъ не поклоняется ей какъ богинѣ, не служитъ ей какъ чистой красотѣ, а беретъ ее такою, какъ она есть, съ ея капризами и нервами, со всѣми признаками болѣзненности и утомленія. Онъ проникаетъ въ ея будуаръ, въ ея альковъ, изучаетъ физическія причины ея душевныхъ настроеній... Для Ж. Занда женщина—прежде всего душа, моральное существо, для Бальзака—физіологическо-психологическій фактъ... Создать Корделію, въ шекспировской простотѣ и чистотѣ, Бальзакъ былъ не въ состояніи; но въ изображеніи Реганы и Гонерильи онъ ближе подошелъ къ истинѣ, чѣмъ великій британецъ» [1]).— «Бальзаку — таково заключеніе Брандеса, — недоставало того спокойствія, которое дается образованіемъ, но онъ владѣлъ тѣмъ, что̀ для поэта еще важнѣе: любовью къ истинѣ, способностью проникать въ глубину жизни». Его политическій консерватизмъ, его не всегда художественный языкъ могли мѣшать его успѣху при жизни; долговѣчности лучшихъ страницъ «Человѣческой комедіи» они не помѣшаютъ.

Бейль относится къ Бальзаку, какъ «рефлектирующій умъ къ наблюдающему, какъ мыслитель—къ ясновидцу. Фигурамъ Бальзака мы смотримъ въ сердце, мы видимъ темно-пурпурную мельницу страстей, управляющую ихъ движеніями; фигурами Бейля руководитъ голова, свѣтлое вмѣстилище мысли. Къ В.

---

[1]) Брандесъ говоритъ здѣсь о дочеряхъ Горіо, madame Нюсингенъ и madame де-Ресто—и кто читалъ „Père Goriot“ тотъ вѣроятно согласится съ этимъ замѣчаніемъ.

Гюго Бейль относится приблизительно такъ, какъ Леонардо да-Винчи къ Микель-Анджело. Въ пластической фантазіи Гюго создается человѣчество, болѣе колоссальное чѣмъ въ дѣйствительности, вѣчно страждущее и борющееся; тонкій, сложный умъ Бейля даетъ жизнь небольшой группѣ образовъ, магически дѣйствующихъ на насъ своимъ глубокимъ, загадочнымъ выраженіемъ, своею завлекающею, чарующею, иногда преступною улыбкой». Въ холодномъ, сухомъ, насмѣшливомъ Бейлѣ до самаго конца жизни кипѣли двѣ страсти—страсть къ войнѣ и страсть къ женщинѣ. Общимъ источникомъ ихъ было обожаніе энергіи, энергіи чувствъ и дѣйствій, все равно, выражается ли она въ геніальной непобѣдимости полководца или въ безпредѣльной нѣжности женскаго сердца. Отсюда преклоненіе Бейля передъ Наполеономъ, отсюда любовь его къ итальянкамъ, къ XV-му и XVI-му вѣку, къ композиторамъ въ родѣ Чимаровы и Россини, къ живописцамъ въ родѣ Корреджіо, къ Аріосто съ одной стороны, къ Байрону—съ другой. Другая черта Бейля—способность и наклонность къ тончайшему психологическому анализу. Пріемы, употребляемые имъ при изученіи душевныхъ движеній, отличаются почти научною точностью. Онъ стремится опредѣлить не только качество, но и количество чувства, установить его вѣсъ или мѣру, найти для него математическую формулу. Его дѣйствующія лица—почти всѣ психологи, почти всѣ отдаютъ себѣ постоянный отчетъ въ своей внутренней жизни. Въ его романахъ преобладаетъ монологъ—не тотъ лирическій, диѳирамбическій монологъ, который встрѣчается у Ж. Занда, а монологъ, сплетенный изъ мысленныхъ вопросовъ и отвѣтовъ, слѣдящій, шагъ за шагомъ, за всѣми фазисами психологическаго процесса. Герои и героини Бейля создаютъ себѣ свою собственную мораль и держатся ея неуклонно. Это, по бо́льшей части, странныя, но сильныя натуры, возвышающіяся, особенно въ рѣшительныя минуты, надъ обыкновеннымъ уровнемъ жизни. Отвращеніе къ банальности и къ реторикѣ, тщательное воспроизведеніе дѣйствительности, отрицательное отношеніе къ господствующимъ сторонамъ французскаго характера—черты общія Бейлю и ученику его Мериме; главное различіе между ними заключается въ томъ, что Мериме только скептикъ, а Бейль—матеріалистъ изъ школы XVIII-го вѣка, то-есть догматикъ, доктринеръ матеріализма. У него была своя философія—эпикуреизмъ, свой методъ—психологическій анализъ, своя религія—поклоненіе красотѣ въ жизни и въ искусствѣ.

Не менѣе оригинальной и удачной, чѣмъ характеристика

отдѣльныхъ корифеевъ романтизма, представляется у Брандеса общая картина романтической школы. Историческій фонъ ея, это—реставрація и іюльская монархія, съ своимъ политическимъ застоемъ или черепашьимъ движеніемъ, съ своимъ служеніемъ золотому тельцу, съ своимъ равнодушіемъ къ идеаламъ, съ своимъ пристрастіемъ къ умѣренности и аккуратности. Реакціей противъ своекорыстія, трусости, эгоизма является романтизмъ, понимаемый въ самомъ обширномъ значеніи этого слова—какъ протестъ, какъ отрицаніе традицій и авторитетовъ. Брандесъ различаетъ во Франціи три главныя направленія романтизма: стремленіе къ вѣрному изображенію дѣйствительности, въ прошедшемъ и настоящемъ—т.-е. *стремленіе къ истинѣ;* стремленіе къ совершенству формы, къ пластичности или живописности языка, какъ въ поэзіи, такъ и въ прозѣ—т.-е. *стремленіе къ красотѣ;* воодушевленіе высокими религіозными или политическими идеями, т.-е. *стремленіе къ добру.* Первое преобладаетъ въ Бальзакѣ, въ Бейлѣ, въ Сентъ-Бёвѣ, второе—въ Мериме или Готье, третье—въ В. Гюго или Ж. Зандѣ. Само собою разумѣется, что они сплошь и рядомъ переплетаются между собою, соединяются въ одномъ лицѣ; В. Гюго, напримѣръ, не остался чуждымъ ни одному изъ нихъ, Мюссе нельзя пріурочить ни къ какому опредѣленному знамени. Схема, начертанная Брандесомъ, справедлива лишь въ томъ смыслѣ, что романтизмъ не былъ только новаторствомъ въ царствѣ формы, что штурмъ, имъ предпринятый, угрожалъ не однимъ только твердынямъ классицизма. Это былъ широкій полетъ французскаго художественнаго творчества, освобожденнаго отъ гнета внутреннихъ катастрофъ и внѣшнихъ войнъ и оплодотвореннаго соприкосновеніемъ съ сокровищами иностранныхъ литературъ—съ Шекспиромъ, Байрономъ и В. Скоттомъ, съ Гёте, Шиллеромъ и Гоффманномъ. Рядомъ съ ними громадное вліяніе на новую школу оказалъ и Андре Шенье, стихотворенія котораго только-что сдѣлались достояніемъ публики. «Когда слово: *романтическій* въ первый разъ появилось въ Германіи, оно означало почти тоже самое, что *романскій;* нѣмецкіе романтики восхищались романскимъ католицизмомъ, романскими сонетами и канцонами, великимъ романскимъ поэтомъ (Кальдерономъ), котораго они открыли. Когда романтизмъ, четверть столѣтія спустя, проникъ во Францію, слово: *романтическій* стало означать нѣчто почти противоположное—англо-германскій духъ, какъ антиподъ духа греческо-латинско-романскаго. Объясняется это тѣмъ, что чужое вообще дѣйствуетъ романтически. Народъ съ цѣльной, не смѣшанной

культурой—напр. древніе эллины—имѣетъ классическое искусство, классическую поэзію; знакомство съ чужой культурой производитъ такое впечатлѣніе, какъ пейзажъ, разсматриваемый сквозь цвѣтное стекло, и приноситъ съ собою страсть къ новизнѣ, исканіе приключеній». Французскихъ романтиковъ плѣняло въ англійской и нѣмецкой литературѣ именно то, чего не было до тѣхъ поръ въ французской—господство конкретныхъ элементовъ, изображеніе жизни en bloc, во всей ея сложности, а не въ абстракціяхъ и упрощенныхъ формахъ. Минувшій вѣкъ былъ вѣкомъ раціонализма; по закону реакціи, за нимъ должна была послѣдовать эпоха чувства, на мѣсто примѣнимыхъ ко всему обобщеній должна была стать историческая истина. Полное отрѣшеніе отъ національнаго характера, отъ вѣковыхъ привычекъ оказалось, однако, невозможнымъ. Французскій романтизмъ отличается отъ нѣмецкаго во-первыхъ своими революціонными замашками, во-вторыхъ потребностью въ полководцѣ, въ ассоціаціи, въ дисциплинѣ. Молодежь, ниспровергающая всѣ рамки, не признающая никакихъ границъ, проникнута восторженною преданностью своему вождю, полнымъ уваженіемъ къ его свитѣ, горячимъ сочувствіемъ другъ къ другу. Всѣ въ этомъ лагерѣ помогаютъ, рукоплещутъ одинъ другому; Эмиль Дешанъ знакомитъ Гюго съ испанской литературой, Готье пишетъ сонеты для романовъ Бальзака, Сентъ-Бёвъ исправляетъ рукописи Ж. Занда; кульминаціонной точкой товарищеской солидарности служитъ знаменитая молодая гвардія Гюго, безкорыстно и усердно исполняющая обязанности клаки на представленіяхъ «Эрнани». Къ литературному союзу примыкаютъ и другія искусства. Что̀ Гюго для поэзіи, то Делакруа—для живописи, Берліозъ и Шопенъ—для музыки, Давидъ—для скульптуры, Фредерикъ Леметръ и Марія Дорваль—для сцены. Готье, Мериме, самъ Гюго учатся рисовать; ученики Деверіа или Делакруа декламируютъ за работой баллады Гюго. Границы между искусствами начинаютъ колебаться; музыка, у Берліоза или Фелисьена Давида, приближается къ живописи, живопись задается задачами поэзіи. Это золотое время продолжается недолго—но оно сообщаетъ первымъ годамъ французскаго романтизма ту своеобразную прелесть, которая свойственна разсвѣту дня или жизни—утренней зарѣ или ранней молодости.

Брандесъ указываетъ еще одну черту различія между французскимъ и нѣмецкимъ романтизмомъ. Если понимать подъ романтикой преобладаніе содержанія надъ формой, т.-е. содержаніе,

не управляемое правильными формами—какъ у Жанъ-Поля или Тика, какъ у Шекспира въ «Снѣ въ лѣтнюю ночь» или у Гёте во второй части «Фауста» —то всѣ французскіе романтики должны быть признаны классиками, всѣ, не исключая самого В. Гюго. «Никому изъ нихъ не была дана та легкая, свободная, воздушная фантазія, которая соединяетъ дѣйствительное съ невозможнымъ, близкое съ далекимъ, настоящее съ давно-прошедшимъ, которая связываетъ въ одинъ букетъ цвѣты всѣхъ странъ, сливаетъ въ одно символическое цѣлое глубокомысленныя аллегоріи и народныя легенды. Никто изъ нихъ не видѣлъ танца эльфовъ, не слышалъ волшебныхъ его мелодій». Съ этой точки зрѣнія они были и остались латинянами, а слова: *латинскій* и *классическій*—синонимы. Они сохранили пристрастіе классиковъ къ реторикѣ, къ контрастамъ и антитезамъ, измѣнивъ лишь пріемы первой и содержаніе послѣднихъ. Ловунгъ Гюго: *природа, истина* совпадаетъ, повидимому, съ ловунгомъ новѣйшей натуралистической школы—но только повидимому. Достигнуть естественности Гюго хотѣлъ посредствомъ насильственнаго сближенія крайностей—красоты и уродства, нѣжности и звѣрства, продажности и любви. Природа была для него Аріэлемъ-Калибаномъ, суммою сверхъ-человѣческаго идеализма и черезъчуръ низменнаго животнаго элемента—другими словами, суммою двухъ невозможностей. Позже дуализмъ уступаетъ мѣсто, у Гюго, широкому пантеизму—но это не относится уже къ романтической эпохѣ.

Весьма интересна въ книгѣ Брандеса та глава, которая посвящена забытымъ или незамѣченнымъ писателямъ, enfants perdus романтизма. «Когда новая литературная школа только-что одержала побѣду, она представляетъ собою настоящее поле битвы. Къ тріумфальному маршу побѣдителей примѣшиваются глухіе стоны раненыхъ и изувѣченныхъ. Жалобы побѣжденныхъ не вызываютъ въ насъ сожалѣнія; они заслужили свою судьбу; истинно-трагическимъ является, за то, положеніе тѣхъ солдатъ побѣдоносной арміи, которыхъ она оставляетъ лежащими на дорогѣ». Одни изъ нихъ упали отъ слабости, отъ утомленія; другимъ просто недостало умѣнья воспользоваться своими силами, примѣниться къ обстоятельствамъ. Ихъ опередили не только геніальные вожди, но и посредственные рядовые, удачно попавшіе въ тонъ минуты. Къ романтикамъ этой категоріи принадлежатъ Эрнестъ Фуине, одинъ стихъ котораго, по меньшей мѣрѣ, долженъ быть сохраненъ отъ забвенія, потому что онъ сосредо-

точиваетъ въ себѣ всю піитику романтизма: «pour que l'encens parfume, il faut que l'encens brûle»; Ульрихъ Готтенгеръ, которому посвящено одно изъ стихотвореній Мюссе; де-Салль, на котораго одно время возлагали столько же надеждъ, какъ и на Гюго, и романъ котораго: «Sacontala à Paris» можетъ быть отнесенъ къ числу самыхъ оригинальныхъ психологическихъ этюдовъ эпохи; рано умершіе Галлуа и Дорвалль, рано сошедшій съ ума Эженъ Гюго, старшій братъ великаго поэта. Всего дольше Брандесъ останавливается на трехъ писателяхъ, при жизни почти неизвѣстныхъ, теперь начинающихъ пользоваться загробною славою: это Луи Бертранъ, Петрусъ Борель и Теофиль Донде. Бертранъ былъ въ одно и тоже время поклонникомъ В. Гюго и Годефруа Кавеньяка, утонченнымъ романтикомъ и суровымъ до грубости республиканцемъ—однимъ изъ тѣхъ bousingots, которые такъ прелестно описаны въ «Орасѣ» Ж. Занда. Его стиль почти такъ же изященъ, какъ стиль Готье, но у него есть теплота, которой недостаетъ послѣднему. Борьба съ бѣдностью не дала развиться его силамъ; онъ умеръ тридцати четырехъ лѣтъ отъ роду. Давидъ соорудилъ ему памятникъ, Сентъ-Бёвъ издалъ его посмертное произведеніе: «Gaspard de la nuit», въ 1842 г. съ трудомъ нашедшее два десятка покупателей, въ 1868 г. бойко пошедшее въ ходъ, въ роскошномъ изданіи Шарля Асселино. Борель былъ одно время средоточіемъ кружка поклонниковъ В. Гюго, и въ этомъ именно качествѣ не былъ вполнѣ забытъ исторіею литературы; но въ его юношескихъ стихотвореніяхъ есть сила, есть глубокое чувство [1]), его позднѣйшіе разсказы напоминаютъ манеру Мериме, дыша чуждою ему страстью. Онъ умеръ въ нищетѣ, всѣми забытый, въ дальнемъ уголкѣ Алжиріи; одни приписываютъ его смерть солнечному удару, другіе—голоду. Донде, какъ и Бертранъ, какъ и Борель, былъ пламеннымъ республиканцемъ; сначала по преимуществу поэтъ любви, онъ сдѣлался потомъ философомъ, съ рѣдкимъ въ романтической школѣ оттѣнкомъ пессимизма. Одинъ изъ его сонетовъ написанъ на тэму: «я страдаю, слѣдовательно я существую»; другой сонетъ начинается такъ: «Or, qu'est ce que le vrai? le vrai—c'est le malheur; il souffle, et l'heur vaincu s'éteint, vaine apparence: ses pourvoyeurs constants—le désir, l'espérance—sous leur flamme nous

[1]) Небольшой отрывокъ, приводимый Брандесомъ, весьма характеристиченъ: „Comme une louve ayant fait chasse vaine, grinçant les dents, s'en va par le chemin, je vais hagard, tout chargé de ma peine, seul avec moi, nulle main dans ma main; pas une voix qui me dise: à demain!“

font mûrir pour la douleur. Le vrai—c'est l'incertain; le vrai—c'est l'ignorance, c'est le tâtonnement dans l'ombre et dans l'erreur; c'est un concert de fête avec un fond d'horreur; c'est le neutre, l'oubli, le froid, l'indifférence»...

Слѣдующій томъ сочиненія Брандеса будетъ посвященъ «молодой Германіи»—предмету въ высшей степени интересному, извѣстному у насъ гораздо меньше, чѣмъ французскій романтизмъ. Мы постараемся познакомить съ нимъ нашихъ читателей, насколько это возможно въ небольшомъ журнальномъ очеркѣ. Полный переводъ книги Брандеса—или по меньшей мѣрѣ подробное извлеченіе изъ нея—былъ бы весьма полезнымъ пріобрѣтеніемъ для нашей литературы.

А—н—

МАРІОНЪ ФАЙ

Романъ, въ двухъ частяхъ, Антони Троллопа.

Съ англійскаго.

X.—Никогда, никогда болѣе не пріѣзжать. *).

Катастрофа причинила Гэмпстеду не мало хлопотъ, кромѣ того, въ теченіе первыхъ сутокъ, онъ и сестра его сильно тревожились за бѣднаго Уокера. Вдобавокъ, въ продолженіе цѣлаго дня, въ Горсъ-Голлѣ справлялись о самомъ лордѣ Гэмпстедѣ, до такой степени распространилось убѣжденіе, что жертва—онъ. Изъ всѣхъ окрестныхъ городковъ являлись верховые, съ выраженіемъ соболѣзнованія по поводу переломанныхъ костей молодого лорда.

Положеніе ихъ сосѣда было настолько критическое, что они нашли невозможнымъ выѣхать изъ Горсъ-Голла на другой день, какъ собирались. Онъ сблизился съ ними, завтракалъ въ Горсъ-Голлѣ, въ то достопамятное утро. Гэмпстедъ, до нѣкоторой степени, считалъ себя отвѣтственнымъ за случившееся, такъ какъ, не подвернись онъ, лошадь Уокера стояла бы первой у калитки и сѣдокъ ея не попытался бы совершить свой невозможный прыжокъ. Они вынуждены были отложить свою поѣздку до понедѣльника. «Выѣдемъ съ поѣздомъ 9, 30», гласила телеграмма Гэмпстеда, который, несмотря на плачевное положеніе бѣднаго Уокера, не измѣнилъ своего намѣренія навѣстить Маріонъ Фай въ этотъ день. Въ субботу утромъ ему и сестрѣ его стало извѣстно, что

---

*) См. выше: іюль, 253 стр.

ложное извѣстіе попало въ лондонскія газеты, тогда они нашлись вынужденными разослать телеграммы всѣмъ кого только знали, маркизу, лондонскому стряпчему, мистеру Робертсу, экономкѣ въ Гендонъ-Голлъ. Лэди Амальдина отправила двѣ телеграммы, одну лэди Персифлажъ, другую лорду Льюдьютлю. Виівнъ послалъ нѣсколько денегъ своимъ сослуживцамъ. Готбой особенно хлопоталъ о томъ, чтобы правда стала извѣстна всѣмъ членамъ его клуба. Никогда до сихъ поръ не отправлялась такая масса телеграммъ съ маленькой станціи въ Джимберлей. Но была одна, которую Гэмпстедъ попросилъ отправить раньше всѣхъ, онъ написалъ ее собственноручно и самъ вручилъ телеграфисткѣ, которая, безъ сомнѣнія, отлично поняла, въ чемъ дѣло.

«Маріонъ Фай, Галловэй, Парадизъ-Роу, 17.

«Не я ушибся. Буду въ № 17 три часа, понедѣльникъ.»

— Желала бы я знать, слышали ли они объ этомъ въ Траффордѣ,—сказала лэди Амальдина лэди Франсесъ.

— Если да, какое ужасное разочарованіе придется испытать моей тетушкѣ.

— Не говори такихъ ужасовъ,—сказала лэди Франсесъ.

— Мнѣ всегда кажется, что тетя Клара не совсѣмъ въ здравомъ умѣ насчетъ своихъ дѣтей. Она думаетъ, что ей великая обида, что сынъ ея не наслѣдникъ. Теперь она, въ теченіе нѣсколькихъ часовъ, воображала, что онъ имъ сталъ.

— А что вы думаете, вѣдь онъ поправится,—объявилъ Готбой передъ самымъ обѣдомъ. Онъ каждый часъ бѣгалъ въ гостинницу, справляться о положеніи бѣднаго Уокера. Сначала вѣсти были довольно мрачныя. Докторъ только могъ сказать, что изъ того, что онъ переломалъ себѣ кости, еще не слѣдуетъ, что онъ умретъ. Къ вечеру пріѣхалъ хирургъ изъ Лондона, который подавалъ нѣсколько бо́льшія надежды. Молодой человѣкъ пришелъ въ сознаніе, не безъ удовольствія пилъ водку пополамъ съ водой. Этотъ-то фактъ и показался молодому лорду Готбою такимъ утѣшительнымъ.

Въ понедѣльникъ лордъ Гэмпстедъ и лэди Франсесъ выѣхали, такъ какъ о больномъ по прежнему получались удовлетворительныя свѣдѣнія. Что онъ сломалъ три ребра, ключицу и руку, ставилось ни во что. Особаго значенія не придавали также ранѣ на головѣ—лошадь лягнула, пока они барахтались. Такъ какъ мозгъ не вылетѣлъ, то это было не важно. Онъ разрѣзалъ щеку объ колъ, на который упалъ, но рубецъ, думали товарищи, только послужитъ къ вящшей его славѣ.

Попавъ домой, Гэмпстедъ убѣдился, что испытанія его еще не кончены. Экономка вышла ему на встрѣчу и заплакала, чуть не обвивъ руками его шею. Грумъ, лакей, садовникъ, даже пастухъ, столпились вокругъ него, повѣствуя о томъ ужасномъ положеніи, въ какомъ они остались послѣ посѣщенія квакера, въ пятницу вечеромъ. Лордъ Гэмпстедъ обласкалъ ихъ всѣхъ, смѣялся надъ тревогой, которую надѣлала ложная телеграмма, старался казаться всѣмъ довольнымъ, но невольно подумалъ: что должно было происходить въ домѣ мистера Фай, въ этотъ вечеръ, если онъ ночью, по дождю, пріѣхалъ изъ Галловэя, чтобъ разузнать насколько вѣренъ или ложенъ слухъ, дошедшій до него!

Ровно въ три часа лордъ Гэмпстедъ былъ въ Парадизъ-Роу. Можетъ быть, и естественно, что и здѣсь появленіе его произвело впечатлѣніе. Когда онъ свернулъ съ большой дороги, мальчикъ изъ таверны подбѣжалъ къ нему и поздравилъ его «съ счастливымъ избавленіемъ».—Да мнѣ ничего не угрожало,—сказалъ лордъ Гэмпстедъ, пытаясь двинуться дальше. Но мистриссъ Гримлей завидѣла его и вышла къ нему.—О, милордъ, мы такъ рады, такъ рады.

— Вы очень добры.

— Ну теперь, лордъ Гэмпстедъ, смотрите же, не измѣняйте этой милой, молодой дѣвушкѣ, которая совсѣмъ была въ отчаяніи, когда услыхала, что васъ раздавили.

Онъ торопливо шелъ далѣе, не находя возможнымъ отвѣтить на это что-нибудь, когда миссъ Демиджонъ, убѣдившись, что мистриссъ Гримлей рѣшилась заговорить съ аристократическимъ посѣтителемъ ихъ скромной улицы, и думая, что такой удобный случай лично познакомиться съ лордомъ никогда болѣе не представится, опрометью выбѣжала изъ своего дома и схватила молодаго человѣка за руку, прежде чѣмъ онъ успѣлъ опомниться.

— Милордъ,—сказала она,—милордъ, всѣ мы такъ пріуныли, когда узнали объ этомъ.

— Право?

— Вся улица пріуныла, милордъ. Но я первая узнала. Я-то и сообщила печальную вѣсть миссъ Фай. Право такъ, милордъ. Я прочла это въ вечернемъ сплетникѣ «Evening Tell-tale» и тотчасъ побѣжала къ ней съ газетой.

— Это было очень любезно съ вашей стороны.

— Благодарю васъ, милордъ. Видя и зная васъ—вѣдь мы всѣ теперь васъ знаемъ въ Парадизъ-Роу...

— Неужели?

— Всѣ до единаго человѣка, милордъ. А потому я и рѣшилась выйти и самой себя вамъ представить. А вотъ и мистриссъ Дуфферъ. Надѣюсь, что вы позволите мнѣ представить васъ мистриссъ Дуфферъ, изъ № 17. Мистриссъ Дуфферъ, лордъ Гэмпстедъ. Ахъ, милордъ, какая была бы честь для всей улицы, еслибы случилось нѣчто.

Лордъ Гэмпстедъ, съ самой любезной миной, пожалъ руку мистриссъ Дуфферъ и тутъ ему, наконецъ, позволили стукнуть дверныиъ молоткомъ. Послѣдняя встрѣча произошла у самаго дома квакера.

— Миссъ Фай сейчасъ придетъ,—сказала старая служанка, вводя его въ пріемную.

Маріонъ, заслышавъ стукъ дверного молотка, въ первую минуту убѣжала къ себѣ въ комнату. Развѣ не довольно съ нея, что онъ опять здѣсь, не только живъ, но цѣлъ, что она снова услышитъ его голосъ, увидитъ его милое лицо? Она сознавала, что въ такихъ случаяхъ чувствовала себя точно выхваченной изъ своей обыденной, прозаической жизни и нѣсколько времени какъ бы парила въ болѣе чистомъ воздухѣ; правда, увы! въ облакахъ, въ небесахъ, которыя никогда не могли стать ея достояніемъ, но въ которыхъ она могла прожить, хотя бы часъ или два, въ состояніи полнаго экстаза, еслибы онъ только позволилъ ей это, не смущая ее дальнѣйшими мольбами. Она думала о томъ, какъ бы избѣжать этого...

А онъ намѣренъ былъ совершенно иначе воспользоваться этимъ свиданіемъ. Онъ горѣлъ нетерпѣніемъ схватить ее въ объятія, прижать свои губы къ ея губамъ и знать, что она отвѣчаетъ на ласку, услыхать то слово, которое одно удовлетворитъ его гордую, мужественную душу. Она должна принадлежать ему, съ головы до ногъ, какъ можно скорѣй стать его женой. Охота и яхта, политическія убѣжденія и дружескія связи, ничего для него не значили безъ Маріонъ Фай.

— Милордъ, — сказала она, охотно оставляя свою руку въ его рукахъ, — можете себѣ представить, какъ мы настрадались, услыхавъ эту вѣсть, и что̀ мы почувствовали, когда узнали истину.

— Вы получили мою телеграмму? Я отправилъ ее какъ только началъ догадываться, какъ люди наглупили.

— О, да, милордъ. Это было такъ мило съ вашей стороны.

— Маріонъ, исполните вы одну мою просьбу?

— Что я должна сдѣлать, милордъ?

— Не называйте меня «милордъ».

— Но это такъ слѣдуетъ.

— Ничуть не слѣдуетъ. Это крайне неприлично, ужасно, неестественно.

— Лордъ Гэмпстедъ!

— Я это ненавижу. Кажется, мы съ вами можемъ понять другъ друга.

— Надѣюсь.

— Я ненавижу, когда кто бы то ни было меня такъ называетъ. Не могу я сказать слугамъ не дѣлать этого. Они бы меня не поняли. Но вы! Всегда кажется, будто вы надо мной смѣетесь.

— Надъ вами!

— Можете, если это вамъ нравится. Чего не можете вы сдѣлать со мной? Еслибъ это точно была шутка, еслибъ вы насмѣхались, мнѣ это было бы все равно.

Онъ все время держалъ ея руку и она не пыталась отнять ее.

— Маріонъ,—сказалъ онъ, привлекая ее къ себѣ.

— Сядьте, милордъ. Ну, хорошо, не буду. Сегодня васъ не будутъ называть «милордъ», потому что я такъ рада васъ видѣть, потому что вы избѣгли такой страшной опасности.

— Но мнѣ никакой опасности не угрожало.

Еслибъ она только могла удержать его въ этомъ настроеніи! Еслибъ онъ только говорилъ съ ней о чемъ угодно, кромѣ своей страсти!

— Да, но я такъ думала. Отецъ былъ въ отчаяніи. Онъ былъ не лучше меня. Подумайте, что онъ поѣхалъ въ Гендонъ-Голлъ и тамъ смутилъ всѣхъ этихъ бѣдныхъ людей.

— Всѣ сошли съ ума.

— И я сошла,—сказала она.—Ганна была немногимъ лучше. —Ганна была старая служанка.—Можете себѣ представить, какую ужасную ночь мы провели.

— И все изъ-за ничего,—сказалъ онъ,—мгновенно попадая ей въ тонъ.—Но подумайте о бѣдномъ Уокерѣ.

— Да. Вѣрно и у него есть друзья, которые любятъ его, какъ... какъ иные люди любятъ васъ. Но онъ не умретъ?

— Надѣюсь, что нѣтъ. Кто эта молодая особа, которая выбѣжала ко мнѣ на улицу? Она говоритъ, что первая сообщила вамъ это извѣстіе.

— Миссъ Демиджонъ.

— Она ваша пріятельница?

— Нѣтъ,—сказала Маріонъ, съ краской на лицѣ, но очень твердо выговаривая это слово.

— Я таки радъ этому, потому что не влюбился въ нее. Она представила меня нѣсколькимъ сосѣдямъ. Кажется, въ числѣ ихъ находилась хозяйка таверны.

— Боюсь, что они оскорбили васъ.

— Нисколько. Я никогда не оскорбляюсь, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда думаю, что люди желали меня оскорбить. А теперь, Маріонъ, скажите мнѣ одно словечко.

— Я вамъ сказала много словъ. Развѣ онѣ не любезны?

— Каждое слово изъ вашихъ устъ для меня музыка. Но я умираю отъ желанія услышать одно слово.

— Какое?—спросила она. Она знала, что ей не слѣдовало предлагать этого вопроса, но ей было такъ необходимо отсрочить бѣду, хотя бы только на минуту.

— Это—то имя, какимъ вы назовете меня, когда заговорите со мною какъ моя жена. Мать называла меня Джонъ; дѣти зовутъ меня: Джэкъ, пріятели—Гэмпстедъ. Придумайте для себя что-нибудь поласковѣе. Я всегда зову васъ Маріонъ, потому что такъ люблю звукъ этого имени.

— Всѣ зовутъ меня Маріонъ.

— Нѣтъ. Я никогда этого не дѣлалъ, пока не сказалъ себѣ, что если это возможно, вы должны быть моею. Помните ли вы, какъ вы мѣшали огонь въ каминѣ, у меня въ Гендонъ-Голлѣ.

— Помню, помню. Это было нехорошо съ моей стороны, не правда ли? Я васъ тогда едва знала.

— Это было мило, выше всякаго выраженія; но я тогда не смѣлъ называть васъ Маріонъ, хотя зналъ ваше имя также хорошо, какъ знаю его теперь. Оно у меня здѣсь, написано вокругъ сердца. Придумайте для меня какое-нибудь названіе и скажите мнѣ, что оно будетъ написано вокругъ вашего.

— Это такъ и есть, вы это знаете, лордъ Гэмпстедъ.

— Но какое же названіе?

— Вашъ лучшій другъ.

— Это не годится. Это холодно.

— Такъ оно невѣрно выражаетъ мои чувства. Неужели вы думаете, что дружба моя къ вамъ холодна?

Она повернулась къ нему и сидѣла передъ нимъ, лицомъ къ лицу, какъ онъ вдругъ схватилъ ее въ объятія и прижался губами къ ея губамъ. Въ одно мгновеніе она стояла посреди комнаты. Несмотря на его силу, она съ нимъ справилась.—Милордъ!—воскликнула она.

— Вы на меня сердитесь?

— Милордъ, милордъ, не думала я, что вы такъ поступите со мною.

— Но, Маріонъ, развѣ вы меня не любите?

— Развѣ я не сказала вамъ, что люблю? Развѣ я не была съ вами искренна и честна? Развѣ вы не знаете всего этого? А теперь я должна просить васъ никогда, никогда болѣе не пріѣзжать.

— Но я пріѣду. Я постоянно буду ѣздить. Вы не перестанете любить меня?

— Нѣтъ, этого я сдѣлать не могу. Но вы не должны пріѣзжать. Вы такъ поступили, что мнѣ самой себя стыдно.

Въ эту минуту дверь отворилась, и мистрисъ Роденъ вошла въ комнату.

XI.—Ди-Кринола.

Читателю придется возвратиться на нѣсколько недѣль назадъ, къ первымъ числамъ января, когда мистрисъ Роденъ потребовала отъ сына, чтобъ онъ провожалъ ее въ Италію. Но читателю придется, хотя не надолго, заглянуть въ гораздо болѣе отдаленныя времена.

Мэри Роденъ, особа, которую мы узнали подъ именемъ мистрисъ Роденъ, пятнадцати лѣтъ осталась круглой сиротою, такъ какъ мать ея умерла, когда она едва вышла изъ младенчества. Отецъ ея былъ ирландскій священникъ, безъ всякихъ средствъ, кромѣ того, чтб давалъ ему небольшой приходъ; но жена его получила въ наслѣдство до восьми тысячъ фунтовъ и деньги эти, по смерти отца, достались Мэри. Дѣвушку тогда взяла на свое попеченіе ея кузина, особа на десять лѣтъ ея старше, недавно вышедшая замужъ, съ которой мы впослѣдствіи встрѣчались въ лицѣ мистрисъ Винсентъ. Мистеръ Винсентъ имѣлъ хорошія связи и прекрасныя средства, и до его смерти обстановка, въ которой воспиталась Мэри Роденъ, отличалась и роскошью и комфортомъ. Мистеръ Винсентъ умеръ уже послѣ того, какъ кузина жены его нашла себѣ мужа. Вскорѣ послѣ этого событія онъ отошелъ къ праотцамъ, оставивъ вдовѣ своей достаточный, но только достаточный, доходъ.

За годъ до его смерти они съ женой и Мэри поѣхали въ Италію, скорѣй для его здоровья, чѣмъ для удовольствія, и на зиму поселились въ Веронѣ. Зима эта превратилась почти въ

годъ, въ концѣ котораго мистеръ Винсентъ умеръ. Но прежде чѣмъ это событіе совершилось, Мэри Роденъ вышла замужъ.

Въ Веронѣ, сначала въ домѣ кузины, а впослѣдствіи въ мѣстномъ обществѣ, которое радушно приняло Винсентовъ, Мэри встрѣтила молодого человѣка, котораго всѣ знали подъ именемъ герцога Ди-Кринола. Въ этой части Италіи не было тогда болѣе красиваго молодаго человѣка, болѣе очаровательнаго въ обращеніи, болѣе остроумнаго, чѣмъ этотъ юный аристократъ. Къ довершенію всѣхъ этихъ прекрасныхъ качествъ, считалось, что въ его жилахъ течетъ самая чистая кровь въ цѣлой Европѣ. Говорили, что онъ въ родствѣ съ Бурбонами и Габсбургами. Онъ былъ старшимъ сыномъ своего отца, который, хотя владѣлъ самымъ великолѣпнымъ палаццо въ Веронѣ, имѣлъ другой, не менѣе великолѣпный, въ Венеціи, въ которомъ жилъ съ своей женой. Такъ какъ старикъ рѣдко посѣщалъ Верону, а молодой человѣкъ никогда не ѣздилъ въ Венецію, то отецъ съ сыномъ видѣлись рѣдко, обстоятельство, которое считалось не лишеннымъ удобствъ, такъ какъ молодой человѣкъ спокойно распоряжался въ своемъ отелѣ, а о старикѣ молва въ Веронѣ гласила, что онъ самовластенъ, горячъ, вообще тиранъ. Пріятели молодого герцога утверждали, что онъ почти въ такихъ же завидныхъ условіяхъ, какъ еслибъ у него вовсе не было отца.

Но были другія подробности въ исторіи молодого герцога, которыя, когда онѣ стали извѣстны Винсентамъ, не показались уже имъ особенно плѣнительными. Хотя изъ всѣхъ дворцовъ Вероны тотъ, въ которомъ онъ жилъ, былъ положительно самый красивый снаружи, говорили, что меблировка его не соотвѣтствуетъ внѣшности. Утверждали даже, что бо́льшая часть комнатъ пуста, а молодой герцогъ не вздумалъ опровергать этихъ увѣреній широко растворивъ свои двери друзьямъ. О немъ также говорили, что доходъ его такъ незначителенъ и невѣренъ, что почти равняется нулю, что сердитый старый герцогъ не даетъ ему ни гроша. Тѣмъ не менѣе онъ всегда былъ безукоризненно одѣтъ и едва ли бы могъ лучше одѣваться, еслибъ имѣлъ всѣ средства правильно уплачивать по счетамъ портныхъ и магазиновъ бѣлья. Кромѣ того онъ былъ человѣкъ съ большими талантами, говорилъ на нѣсколькихъ языкахъ, писалъ масляными красками, лѣпилъ, сочинялъ сонеты, отлично танцовалъ. Онъ умѣлъ говорить о добродѣтели, и до нѣкоторой степени дѣлать видъ, что вѣритъ въ нее, хотя иногда признавался, что природа не надѣлила его энергіей, необходимой для осуществленія всѣхъ прекрасныхъ вещей, которыя онъ такъ глубоко цѣнилъ.

Каковъ бы онъ ни былъ, онъ окончательно завоевалъ сердце Мэри Роденъ. Здѣсь безполезно будетъ говорить объ усиліяхъ, какія дѣлала мистриссъ Винсентъ, чтобъ помѣшать этому браку. Будь она менѣе сурова, можетъ быть, ей удалось бы убѣдить дѣвушку. Но она начала съ того, что стала доказывать кузинѣ, какъ ужасно будетъ, если она, рожденная и воспитанная въ протестантизмѣ, выйдетъ за католика, а также принесетъ свои англійскія деньги итальянцу, — и всѣ ея слова не оказали никакого дѣйствія. Состояніе здоровья мистера Винсента лишало ихъ возможности двинуться съ мѣста; иначе Мэри, можетъ быть, увезли бы назадъ, въ Англію. Когда ей говорили, что онъ бѣденъ, она увѣряла, что это—еще новое основаніе употребить ея деньги на удовлетвореніе потребностей человѣка, котораго она любитъ. Кончилось тѣмъ, что они обвѣнчались, и все, что мистеръ Винсентъ могъ сдѣлать, это озаботиться о томъ, чтобъ вѣнчаніе было произведено по обряду и англійской и римско-католической церкви. Мэри въ то время было болѣе двадцати одного года, а потому она могла высыпать свои восемь тысячъ фунтовъ въ руки своего аристократическаго и красиваго поклонника.

Молодой герцогъ съ молодой герцогиней уѣхали и зажили весело, оставивъ бѣднаго мистера Винсента умирать въ Веронѣ. Годъ спустя вдова его поселилась въ Вимбльдонѣ, а отъ Мэри были получены не совсѣмъ удовлетворительныя вѣсти. Правда, письмо, въ которомъ говорилось о рожденіи маленькаго герцога, было полно выраженій радости, которой, въ эту минуту, не могли совсѣмъ отравить другія обстоятельства ея жизни. Ея дитя, ея прелестное дитя нѣсколько мѣсяцевъ оставалось ея радостью, хотя положеніе дѣлъ вообще было очень печально. А оно было печально. Старый герцогъ и старая герцогиня не хотѣли признать ее. Потомъ она узнала, что ссора между отцомъ и сыномъ дошла до того, что не оставалось никакой надежды на примиреніе. То, что оставалось изъ семейнаго достоянія, перестало существовать для старшаго сына. Самъ онъ помогъ передачѣ второму брату всѣхъ правъ своихъ на состояніе семьи. Затѣмъ ужасныя вѣсти посыпались на нее и ея ребенка. Она узнала, что мужъ ея, при встрѣчѣ съ нею, уже былъ женатъ, и эта послѣдняя вѣсть дошла до нея, когда онъ оставилъ ее одну, гдѣ-то на итальянскихъ озерахъ, откуда уѣхалъ, будто-бы на три дня. Послѣ этого она уже болѣе его не видала. Первое извѣстіе она получила изъ Италіи, откуда онъ писалъ ей, что она ангелъ, а что онъ дьяволъ и недостоинъ явиться передъ нею. Въ теченіе пятнадцати мѣсяцевъ, которые они прожили вмѣстѣ, произошло

многое, чтó заставляло ее, во всякомъ случаѣ, вѣрить справедливости послѣдняго заявленія. Не то, чтобъ она перестала любить его, но онá знала, что онъ недостоинъ любви. Когда женщина преступна, мужчина обыкновенно можетъ вырвать ее изъ своего сердца, но женщина не знаетъ такого лекарства. Она умѣетъ продолжать любить опозореннаго, безъ всякаго позора для себя,—и такъ и поступаетъ.

Въ числѣ другихъ несчастій была потеря всего ея состоянія. Она осталась въ маленькой виллѣ на берегу озера, безъ всякихъ средствъ; объ ней носились слухи, что у нея не было, да никогда и не бывало мужа. Но среди ея несчастій, ей пришли на помощь. Братъ ея мужа, если у нея былъ мужъ, пріѣхалъ къ ней, по порученію старика-герцога, и предложилъ ей условія мировой; съ нимъ пріѣхалъ изъ Венеціи и стряпчій, чтобъ оформить эти условія, еслибъ онѣ были приняты. Хотя средства и кредитъ семьи были крайне незначительны, тѣмъ не менѣе старикъ-герцогъ настолько сочувствовалъ ея несчастіямъ, что предлагалъ возвратить сполна всю сумму, которую она принесла его старшему сыну, подъ условіемъ, что она оставитъ Италію и согласится отказаться отъ титула семейства ди-Кринола. Что же касается вопроса о первомъ бракѣ, старикъ стряпчій увѣрялъ, что не можетъ дать никакихъ достовѣрныхъ свѣдѣній. Извѣстно было только, что негодяй фигурировалъ въ чемъ-то въ родѣ обряда, съ дѣвушкой низкаго происхожденія, въ Венеціи. Очень вѣроятно, что это не былъ бракъ. Молодой герцогъ, братъ, увѣрялъ, что съ своей стороны думаетъ, что такого брака никогда не бывало. Но она, еслибъ не пожелала отказаться отъ ихъ имени, не могла доказать своихъ правъ на него, иначе какъ съ помощью фактическихъ данныхъ, которыхъ имъ добыть неудалось. Безъ всякаго сомнѣнія, она могла титуловаться герцогиней. Но это ничего не дастъ ей въ матеріальномъ отношеніи и не лишитъ его, младшаго сына, права также носить этотъ титулъ. Предложеніе, которое ей дѣлали, не было лишено извѣстной доли великодушія. Семья готова была пожертвовать чуть не половиной своего достоянія съ цѣлью возвратить ей деньги, которыхъ лишилъ ее этотъ извергъ. Въ этотъ страшный кризисъ ея жизни мистриссъ Винсентъ прислала ей изъ Лондона повѣреннаго, который и заключилъ условіе съ итальянцемъ-стряпчимъ. Молодая жена обязалась отказаться отъ имени мужа, причемъ обязательство это простиралось и на сына ея. Тогда восемь тысячъ фунтовъ были уплачены и мистриссъ Роденъ возратилась съ ребенкомъ въ Англію. Она поселилась въ Вимбльдонѣ, у мистриссъ Винсентъ.

До этой минуты жизнь матери Джорджа Рóдена была самая несчастная. Послѣ этого, въ продолженіе шестнадцати лѣтъ, ей жилось, если не вполнѣ счастливо, то по крайней мѣрѣ, спокойно и пріятно. Затѣмъ возникъ поводъ къ несогласіямъ. Джорджъ Роденъ осмѣлился имѣть свои взгляды и не хотѣлъ молчать въ присутствіи мистриссъ Винсентъ, которой взгляды эти были крайне антипатичны; а что еще хуже—когда ему минуло двадцать лѣтъ, его нельзя было заставить ходить въ церковь такъ аккуратно, какъ этого требовало душевное спокойствіе его почтенной родственницы. Онъ въ это время уже добылъ себѣ мѣстечко въ департаментѣ, которымъ управлялъ нашъ другъ, сэръ Буреасъ, и этимъ путемъ пріобрѣлъ право на нѣкоторую нравственную самостоятельность. Мистриссъ Винсентъ и мистриссъ Роденъ не поссорились, но положеніе дѣлъ было таково, что онѣ нашли удобнѣе жить врозь. Мистриссъ Роденъ наняла себѣ домикъ въ Парадизъ-Роу, и онѣ съ кузиной стали каждую недѣлю навѣщать другъ друга.

Такова была жизнь мистриссъ Роденъ, до полученія въ Англіи извѣстія о смерти ея мужа. Извѣстіе это сообщилъ мистриссъ Винсентъ младшій сынъ покойнаго старика-герцога, который теперь былъ извѣстенъ какъ одинъ изъ политическихъ дѣятелей своей родины. Онъ заявлялъ, что по его искреннему убѣжденію первый бракъ брата его былъ незаконный. Онъ находилъ нужнымъ, писалъ онъ далѣе, заявить объ этомъ и сказать, что онъ съ своей стороны готовъ уничтожить условіе, на которомъ настаивалъ его отецъ. Если его невѣстка желаетъ носить имя и титулъ ди-Кринола, онъ на это согласенъ. Если молодой человѣкъ, о которомъ онъ говорилъ, какъ о своемъ племянникѣ, пожелаетъ называться герцогомъ ди-Кринола, онъ ничего не имѣетъ противъ этого. Но не слѣдуетъ забывать, что онъ, кромѣ имени, ничего не можетъ предложить своему родственнику. Самъ онъ унаслѣдовалъ очень немногое, и то, чѣмъ онъ владѣлъ, не было отнято у брата.

Между мистриссъ Винсентъ и мистриссъ Роденъ происходили разныя совѣщанія, на которыхъ было рѣшено, что мистриссъ Роденъ должна ѣхать въ Италію съ сыномъ. Братъ мужа отнесся къ ней очень любезно, онъ предложилъ ей остановиться у него въ домѣ, если она пріѣдетъ, обѣщая, что всѣ тамъ будутъ называть ее ди-Кринола, если она пожелаетъ носить это имя, чтобъ свѣтъ зналъ, что онъ, жена его и дѣти ее признаютъ.

Джорджъ Роденъ до сихъ поръ ничего не зналъ о своемъ отцѣ, или о своей семьѣ. Мать и мистриссъ Винсентъ рѣшили,

что лучше все отъ него скрыть. Зачѣмъ наполнять его молодое воображеніе блескомъ громкаго титула съ тѣмъ, чтобъ онъ въ концѣ-концовъ узналъ,—какъ легко могло случиться, — что не имѣетъ никакихъ правъ на это имя, не имѣетъ даже права считать себя сыномъ своего отца? Онъ носилъ дѣвичье имя матери. Сначала онъ предлагалъ разные вопросы, но когда ему сказали, что спокойствіе матери требуетъ, чтобъ онъ болѣе ни о чемъ не спрашивалъ, онъ подчинился этому, со свойственной ему сдержанностью. Затѣмъ судьба сблизила его съ молодымъ аристократомъ, а тамъ онъ полюбилъ леди Франсесъ Траффордъ.

Мать его, когда онъ обѣщалъ сопровождать ее, почти обѣщала ему, что всѣ тайны разъяснятся до ихъ возвращенія. Въ вагонѣ онъ замѣтилъ, что мать въ глубокомъ траурѣ. Она всегда ходила въ темномъ. Онъ не запомнитъ на ней цвѣтного платья, или даже яркой ленты. И теперь она не была одѣта такъ, какъ бываетъ одѣта вдова, тотчасъ по смерти мужа, но все-таки это былъ трауръ. Четверть вѣка прошло съ тѣхъ поръ, какъ она видѣла человѣка, который причинилъ ей столько зла. По полученнымъ ею свѣдѣніямъ, по меньшей мѣрѣ годъ прошелъ съ его смерти, на одномъ изъ греческихъ островов. Полный, вдовій трауръ не отвѣчалъ бы ни ея настроенію, ни ея цѣли.

— Мама,— спросилъ онъ,— вы въ траурѣ? по комъ? Угадалъ я?

— Да, Джорджъ.

— Такъ по комъ же?

Они были одни въ вагонѣ; почему бы теперь не отвѣтить на его вопросъ?

— Джорджъ, — сказала она, — болѣе двадцати-пяти лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ я видѣла твоего отца.

— Неужели онъ... только теперь умеръ?

— Только теперь—на дняхъ узнала я о его смерти.

— Почему бы и мнѣ не надѣть траура?

— Я объ этомъ не подумала. Но ты ни разу не видалъ его, съ тѣхъ поръ какъ онъ держалъ тебя на рукахъ, маленькимъ ребенкомъ. Ты не можешь оплакивать его въ душѣ.

— А ты оплакиваешь?

— Трудно сказать, что̀ мы иногда оплакиваемъ. Конечно, я когда-то любила его. У меня до сихъ поръ сохранилось воспоминаніе о томъ, кого я полюбила, о человѣкѣ, который увлекъ мое сердце, его-то я и оплакиваю. Онъ былъ красивъ, уменъ и очаровалъ меня. Трудно иногда сказать, что̀ мы оплакиваемъ.

— Онъ былъ иностранецъ?

— Да, Джорджъ, итальянецъ. Теперь ты скоро все узнаешь. Но ты-то не печалься. У тебя не осталось воспоминаній.

Тѣмъ разговоръ и кончился.

XII.—Какимъ уѣхалъ, такимъ и возвращусь.

Во время пребыванія въ Горсъ-Голлѣ, за нѣсколько недѣль до несчастія съ бѣднымъ Уокеромъ, лэди Франсесъ получила письмо отъ Джорджа Родена и, по возвращеніи въ Гендонъ-Голлъ, нашла тамъ второе.

Вотъ отрывки изъ этихъ писемъ:

«Римъ, 30 января, 18...

«Дорогая Фанни,

«Хотѣлось бы знать, такъ же ли странно вамъ покажется получить отъ меня письмо изъ Рима, какъ мнѣ писать его? Письма наши до сихъ поръ были очень немногочисленны, въ нихъ только говорилось, что, несмотря ни на какія препятствія, мы всегда будемъ любить другъ друга. Прежде у меня никогда не было ничего особенно интереснаго сообщать вамъ, но теперь накопилось столько, что не знаю съ чего начать, ни какъ продолжать. А написать надо, такъ какъ многое будетъ интересно для васъ, какъ моего лучшаго друга, а многое касается васъ, еслибъ вы когда-нибудь стали моей женой. Легко можетъ возникнуть вопросъ, въ которомъ вы и друзья ваши — отецъ, напримѣръ, и братъ — сочтете себя въ правѣ имѣть рѣшающій голосъ. Очень возможно, что вашъ взглядъ или, пожалуй, взглядъ вашихъ друзей, не совпадетъ съ моимъ. Еслибъ это случилось, я не могу сказать, что готовъ буду уступить; но я хочу, во всякомъ случаѣ, дать вамъ возможность совершенно ясно изложить имъ вопросъ.

«Нѣсколько разъ говорилъ я вамъ, какъ мало я знаю о своей семьѣ. Матушка молчала, я не разспрашивалъ. Отъ природы я не любопытенъ относительно прошлаго. Меня болѣе занимаетъ то, что я сдѣлаю самъ, нежели то, что дѣлали другіе члены моего семейства до моего рожденія.

«Когда мать моя попросила меня ѣхать съ нею въ Италію, очевидно было, что путешествіе это имѣетъ отношеніе къ ея прошлому. Я зналъ по разнымъ обстоятельствамъ, которыхъ скрыть отъ меня нельзя было, по ея знакомству съ итальянскимъ языкомъ, напримѣръ, по нѣкоторымъ бездѣлкамъ, которыя сохранились у нея отъ прежнихъ временъ, — что она нѣсколько вре-

мени прожила въ этой странѣ. Такъ какъ мнѣ никогда не говорили, гдѣ я родился, я догадывался, что родина моя Италія, а когда я узналъ, что ѣду туда, то былъ увѣренъ, что долженъ узнать хоть часть того, чтб отъ меня скрывали. Теперь я узналъ все, насколько бѣдная мать моя сама знаетъ; а такъ какъ это и до васъ касается, я долженъ постараться объяснить вамъ всѣ подробности. Дорогая Фанни, надѣюсь, что, узнавъ ихъ, вы изъ-за этого не будете обо мнѣ ни худшаго, ни лучшаго мнѣнія. Въ сущности, я боюсь послѣдняго. Мнѣ хотѣлось бы вѣрить, что никакое случайное обстоятельство не можетъ поставить меня въ вашемъ мнѣніи выше, чѣмъ я стою въ силу моихъ личныхъ качествъ».

Тутъ онъ разсказалъ ей исторію брака матери и собственнаго рожденія. Прежде чѣмъ они доѣхали до Рима, гдѣ жилъ герцогъ ди-Кринола, въ настоящее время членъ итальянскаго кабинета, мать передала сыну все, чтб знала, безсознательно обнаруживъ передъ нимъ, во время этого разсказа, свое желаніе остаться въ неизвѣстности и продолжать носить имя, которое носила въ теченіе двадцати-пяти лѣтъ; но въ то же время такъ устроить, чтобъ онъ возвратился въ Англію съ титуломъ, на который, по ея мнѣнію, рожденіе давало ему право. Когда, обсуждая этотъ вопросъ, онъ объяснялъ ей, что ему, несмотря на его громкое имя, по прежнему необходимо будетъ заработывать себѣ хлѣбъ въ качествѣ почтамтскаго клерка, старался доказать ей, какъ нелѣпо будетъ ему засѣдать въ отдѣленіи мистера Джирнингэма за однимъ столомъ съ Крокеромъ и, въ то же время, называться: герцогъ ди-Кринола, она, въ своихъ доводахъ, выказала слабость, которой онъ отъ нея не ожидалъ. Она говорила, въ неопредѣленныхъ выраженіяхъ, но съ увѣренностью, о лэди Франсесъ, о лордѣ Гэмпстедѣ, о маркизѣ Кинсбёри и о лордѣ Персифлажъ, точно благодаря этимъ знатнымъ лицамъ герцогъ ди-Кринола могъ найти возможность жить въ праздности. Обо всемъ этомъ Роденъ не могъ говорить, въ своемъ первомъ письмѣ къ лэди Франсесъ. Но на это-то онъ и намекалъ, выражая надежду, что она не будетъ о немъ лучшаго мнѣнія изъ-за новости, которую онъ ей сообщалъ.

«Теперь,—писалъ онъ далѣе,—мы гостимъ у дяди; полагаю, что я въ правѣ такъ называть его. Онъ очень любезенъ, такъ же какъ жена его и молоденькія дочери, мои кузины; но мнѣ кажется, что онъ не менѣе моего желаетъ, чтобъ въ семьѣ не было признанной линіи, старше его собственной. Онъ, въ глазахъ всей Италіи, герцогъ ди-Кринола и останется имъ, приму ли

я титулъ, или нѣтъ. Если я назовусь этимъ именемъ и поселюсь я въ Италіи—что совершенно невозможно—я былъ бы ничто. Для него, который создалъ себѣ блестящее положеніе и, повидимому, располагаетъ значительными средствами, это не составило бы особой разницы. Но я увѣренъ, что онъ этого не желаетъ. Моя дорогая мать хочетъ быть къ нему справедливой, пожертвовать собою, но, боюсь, что самое большое ея желаніе—доставить сыну имя и титулъ отца его.

«Что касается до меня, вы, я думаю, уже замѣтили, что мое желаніе остаться тѣмъ, чѣмъ я былъ при нашемъ послѣднемъ свиданіи, и быть, какъ всегда

«Искренне вамъ преданнымъ

«Джорджемъ Роденомъ».

Письмо это очень удивило лэди Франсесъ, удивило и обрадовало. Два дня она не отвѣчала на него и никому о немъ не говорила. Потомъ показала его брату, взявъ съ него слово, что онъ ни съ кѣмъ не будетъ говорить о немъ безъ ея разрѣщенія. «Это тайна Джорджа,—сказала она,—и ты, конечно, поймешь, что я не имѣю права ее раскрывать. Я сказала тебѣ объ этомъ потому, что онъ самъ сказалъ бы тебѣ, еслибъ былъ здѣсь». Братъ охотно далъ слово, которое, разумѣется, останется въ своей силѣ только до свиданія его съ Роденомъ; но никакъ не хотѣлъ согласиться съ сестрой, которая смотрѣла на вопросъ глазами его пріятеля, хотя «новость» втайнѣ льстила ея самолюбію.

— Онъ можетъ предаваться какимъ угодно фантазіямъ насчетъ титуловъ,—сказалъ Гэмпстедъ,—какъ и я; но не думаю, чтобъ онъ имѣлъ право отказываться отъ имени отца. Я сознаю, что родиться графомъ и маркизомъ—бремя и нелѣпость, но мнѣ приходится съ этимъ мириться; и хотя мой разумъ и мои политическія убѣжденія и говорятъ мнѣ, что это—бремя и нелѣпость, но это бремя я несу легко, а нелѣпость не особенно меня раздражаетъ. Пріятно видѣть почетъ со стороны окружающихъ, хотя совѣсть и шепчетъ, что ты самъ ничѣмъ его не заслужилъ. Тоже будетъ и съ нимъ, если онъ займетъ здѣсь свое мѣсто, въ качествѣ итальянскаго аристократа.

— Но ему все же пришлось бы оставаться почтамтскимъ клеркомъ.

— Едва ли.

— Но чѣмъ же жить?—спросила лэди Франсесъ.

— Повѣрь, что отецъ взглянулъ бы на него гораздо благосклоннѣе, чѣмъ смотритъ теперь.

— Это было бы крайне неблагоразумно.

— Вовсе нѣтъ. Ничего нѣтъ неблагоразумнаго въ томъ, что маркизъ Кинсбёри не желаетъ выдать дочь свою за Джорджа Родена, почтамтскаго клерка, и охотно отдаетъ ее за герцога ди-Кринола.

— Но что тутъ общаго съ заработкомъ?

— Отецъ, вѣроятно, нашелъ бы средство обезпечить васъ въ одномъ случаѣ и не нашелъ бы въ другомъ. Я не утверждаю, что такъ должно быть, но ничего нѣтъ неблагоразумнаго въ томъ, что такъ есть.

Братъ и сестра долго спорили и, какъ всегда, каждый остался при своемъ мнѣніи. Лэди Франсесъ отвѣтила на письмо жениха, обѣщая во всемъ сообразжаться съ его желаніями.

Вскорѣ было получено его второе письмо.

«Я такъ счастливъ, что вы со мной согласны,—писалъ онъ.— Со времени отправленія моего послѣдняго письма къ вамъ, здѣсь все рѣшено, насколько я могу это рѣшить. Мнѣ кажется, нѣтъ сомнѣній въ законности брака моей матери. Дядя мой того-же мнѣнія и говоритъ мнѣ, что, еслибъ я захотѣлъ носить имя отца, никто не сталъ бы оспаривать мои права на него. Онъ готовъ представить меня королю какъ герцога ди-Кринола, еслибъ я пожелалъ поселиться здѣсь и занять это положеніе. Но я конечно этого не сдѣлаю. Во-первыхъ, мнѣ пришлось бы отказаться отъ моей національности. Я не могъ бы жить въ Англіи, съ итальянскимъ титуломъ, иначе какъ въ качествѣ итальянца. Не думаю, чтобъ изъ-за этого я былъ вынужденъ отказаться отъ своего мѣста въ почтамтѣ. Иностранцы, кажется, допускаются въ Англіи въ гражданскую службу. Но въ этомъ было бы что-то нелѣпое и мнѣ особенно непріятное. Я не могъ бы жить подъ бременемъ такого смѣшного положенія. Я не могъ бы также занять положенія, съ которымъ связанъ былъ бы жалкій доходъ, поднесенный мнѣ ради моего происхожденія. Здѣсь никакого такого дохода ожидать нельзя. Но, пожалуй, отецъ вашъ пожелалъ бы обезпечить бѣднаго зятя съ громкимъ титуломъ. По моимъ понятіямъ, онъ не долженъ этого дѣлать и я не могъ бы этого принять. Я не счелъ бы униженіемъ взять деньги за женой, еслибъ судьба мнѣ ихъ послала, при условіи, что я бы и самъ, по мѣрѣ силъ, кое-что зарабатывалъ. Но даже ради васъ — еслибъ вы этого желали,—чего нѣтъ, какъ я теперь знаю, даже ради васъ я не согласился бы праздно слоняться по свѣту, въ качествѣ итальянскаго герцога, безъ шиллинга за душой. А потому, моя радость, я намѣренъ вернуться, какъ уѣхалъ,

«Вашимъ

«Джорджемъ Роденомъ».

Письмо это лэди Франсесъ получила въ Гендонъ-Голлѣ по возвращеніи, съ братомъ, изъ Горсъ-Голла. Но въ это время тайна Джорджа уже не была тайной.

Вивіанъ, охотясь въ Горсъ-Голлѣ, постоянно ѣздилъ въ Лондонъ, гдѣ его труды, въ качествѣ личнаго секретаря министра, были конечно непрерывны и важны. Онъ тѣмъ не менѣе ухитрялся проводить три дня въ недѣлю въ Нортамптонширѣ, объясняя лондонскимъ пріятелямъ, что онъ достигаетъ этого, просиживая всю ночь напролетъ въ деревнѣ, а деревенскимъ, что просиживаетъ всю ночь въ городѣ. Есть подвиги, которые никогда не совершаются въ присутствіи тѣхъ, кто о нихъ слышитъ.

Вивіанъ пріѣхалъ въ Горсъ-Голлъ, наканунѣ катастрофы съ Уокеромъ, съ запасомъ новостей.

— Слышалъ ты о Джорджѣ Роденѣ?—спросилъ онъ, какъ только они съ Гэмпстедомъ остались наединѣ.

— Что такое? отозвался тотъ.

— На счетъ итальянскаго титула?

— Но что собственно?

— Да слышалъ ты?

— Кое-что слышалъ. А ты что знаешь?

— Джорджъ Роденъ въ Италіи.

— Если не уѣхалъ оттуда. Онъ былъ тамъ, вѣрно.

— Съ матерью.—Гэмпстедъ кивнулъ головой.—Вѣроятно ты все знаешь?

— Я хочу знать, что̀ ты знаешь. То, что̀ я слышалъ, мнѣ довѣрили какъ тайну. Твой разсказъ вѣроятно не секретъ.

— Ну, не знаю. Мы умѣемъ помалчивать о томъ, что̀ слышимъ въ министерствѣ. Но это не было отмѣчено: «совершенно секретно». Я также получилъ письмо отъ Мускати, очень милаго малаго въ тамошнемъ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, который какъ-то слышалъ твое имя въ связи съ именемъ Родена.

— Очень вѣроятно.

— И имя твоей сестры,—шепнулъ Вивіанъ.

— Это тоже вѣроятно. Люди нынче обо всемъ толкуютъ.

— Лордъ Персифлажъ получилъ свѣдѣнія прямо изъ Италіи. Понятно, что онъ заинтересованъ въ этомъ дѣлѣ, какъ зять лэди Кинсбёри.

— Но что онъ узналъ?

— Кажется, что Роденъ вовсе не англичанинъ.

— Это, мнѣ кажется, будетъ зависѣть отъ его желанія. Онъ прожилъ здѣсь двадцать пять лѣтъ, слывя англичаниномъ.

— Но конечно онъ предпочтетъ быть итальянцемъ,—сказалъ

Вивіанъ.—Оказывается, что онъ наслѣдникъ одного изъ древнѣйшихъ титуловъ Италіи. Слыхалъ ты о герцогахъ ди-Кринола?

— Слышалъ о нихъ теперь.

— Одинъ изъ нихъ—министръ народнаго просвѣщенія въ нынѣшнемъ кабинетѣ и легко можетъ сдѣлаться премьеромъ. Но онъ не глава семьи и не настоящій герцогъ ди-Кринола. Джорджъ Роденъ—настоящій герцогъ ди-Кринола. Когда сестра твоя такъ увлеклась имъ, я сейчасъ подумалъ, что въ этомъ человѣкѣ должно быть что-нибудь особенное.

— Я всегда находилъ, что въ немъ что-то особенное,—сказалъ Гэмпстедъ,—иначе едва ли бы я такъ полюбилъ его.

— И я также. Онъ мнѣ всегда казался однимъ изъ нашихъ. Не поставишь себя такъ, если ты не «кто-нибудь». Ваша братія, радикалы, можете говорить что угодно, но порода не пустяки. Никто меньше моего не стоитъ за породу, но, клянусь, она всегда скажется. Тебѣ бы въ голову не пришло, что Кроверъ наслѣдникъ герцогскаго титула.

— Честное слово, не знаю. Я питаю къ Кроверу большое уваженіе.

— Чтожъ теперь дѣлать?—спросилъ Вивіанъ.

— Какъ «дѣлать»?

— На счетъ ди-Кринола? Лордъ Персифлажъ говоритъ, что онъ не можетъ оставаться въ почтамтѣ.

— Отчего?

— Боюсь, что, деньгами, онъ наслѣдуетъ пустяки?

— Ни единаго шиллинга.

— Лордъ Персифлажъ думаетъ, что необходимо что-нибудь для него сдѣлать. Но это такъ трудно. Устроить это слѣдуетъ въ Италіи. Мнѣ кажется, его могли бы назначить секретаремъ посольства, чтобъ дать ему возможность остаться здѣсь. Но у нихъ такое маленькое содержаніе!

XIII.—Вѣрныя вѣсти.

Около того же времени маркиза Кинсбёри получила отъ сестры своей, лэди Персифлажъ, слѣдующее письмо:

«Дорогая Клара,—такъ какъ ты въ деревнѣ, то до тебя, вѣроятно, еще не дошли вѣсти о поклонникѣ Фанни. Только вчера узнала я кое-что, остальныя подробности сегодня. Такъ какъ свѣдѣнія эти получены черезъ министерство иностранныхъ дѣлъ, то можешь быть совершенно увѣрена, что это правда,

хотя это чистое волшебство. Молодой человѣкъ—вовсе не Джорджъ Роденъ и не англичанинъ. Онъ—итальянецъ, его настоящее имя герцогъ ди-Кринола.

«Разсказываютъ длинную исторію о бракѣ его матери, которую я еще не совсѣмъ поняла, но дѣло ясно и безъ нея! За молодымъ человѣкомъ признали, на родинѣ, право на всѣ почести, воздаваемыя его семейству. Это должно отразиться на пріемѣ, какой мы ему сдѣлаемъ. Персифлажъ говоритъ, что, по возвращеніи его, охотно представитъ его ко двору, какъ герцога ди-Кринола и тотчасъ пригласитъ его къ намъ обѣдать. Это крайне романическая исторія, но мы съ тобой должны радоваться ей, такъ какъ несомнѣнно, что милая Фанни горячо желаетъ стать женой этого человѣка. Говорятъ, что онъ ничего не наслѣдуетъ, кромѣ титула. Какъ тебѣ извѣстно, иные изъ иностранныхъ аристократовъ очень бѣдны, а въ данномъ случаѣ отцу, порядочному «mauvais sujet», удалось собственными руками уничтожить всякія свои имущественныя права. Лордъ Кинсбёри, вѣроятно, найдетъ возможность что-нибудь для него сдѣлать. Можетъ быть, ему удастся получить мѣсто, соотвѣтствующее его общественному положенію. Во всякомъ случаѣ всѣ мы должны дружелюбно относиться къ нему, ради Фанни. Пріятнѣе будетъ имѣть въ семьѣ своей герцога ди-Кринола, хотя бы у него не было за душой и шиллинга, чѣмъ почтамтскаго клерка съ двумя или тремя стами фунтами въ годъ.

«Я просила Персифлажа написать лорду Кинсбёри, но онъ говоритъ, что это мое дѣло, такъ какъ онъ такъ занятъ. Еслибъ здоровье моего зятя это позволяло, мнѣ кажется, ему бы слѣдовало пріѣхать въ городъ, чтобъ лично собрать справки и повидаться съ молодымъ человѣкомъ. Если онъ сдѣлать этаго не можетъ, то пусть поручитъ Гэмпстеду привести его къ вамъ, въ Траффордъ. Гэмпстедъ и этотъ молодой герцогъ, по счастью, короткіе пріятели. Въ пользу Гэмпстеда говоритъ, что, какъ бы то ни было, а онъ искалъ себѣ друзей не въ такихъ низменныхъ сферахъ, какъ ты думала. Амальдина намѣрена написать Фанни чтобъ поздравить ее.

«Твоя любящая сестра, Джеральдина Персифлажъ».

Герцогъ ди-Кринола! Ей не совсѣмъ вѣрилось; хотя, въ сущности, она повѣрила. Она хорошенько не знала, рада ли она этому вѣрить, или на оборотъ. Ей было ужасно думать, что придется называться мачихой почтамтскаго клерка. Ей вовсе не покажется ужаснымъ быть мачихой герцога ди-Кринола, хотя бы у пасынка не было собственнаго состоянія. Это маленькое

несчастіе будетъ, въ глазахъ свѣта, сглажено аттрибутами высокаго общественнаго положенія. Что можетъ быть звучнѣе титула герцогини! Кромѣ того—онъ, «настоящій». Весь свѣтъ узнаетъ, что итальянскій герцогъ прямой представитель блестящей фамиліи, которой этотъ самый титулъ принадлежалъ въ теченіи многихъ, многихъ лѣтъ. Были сильныя основанія сейчасъ же прижать къ своему сердцу молодого герцога и молодую герцогиню.

Но были другія причины, по которымъ она не желала бы, чтобъ извѣстіе это было справедливо. Во-первыхъ, она ненавидѣла ихъ обоихъ. Какой бы онъ герцогъ ни былъ, все же онъ «былъ» почтамтскимъ клеркомъ и лэди Франсесъ позволила ему ухаживать за собой въ то время, когда видѣла въ немъ не болѣе какъ почтамтскаго клерка. Кромѣ того, дѣвушка эта оскорбила ее и, наконецъ, каково будетъ ея «голубкамъ», если придется выкроить изъ семейнаго достоянія постоянный доходъ для этого итальянскаго аристократа и для цѣлаго будущаго поколѣнія итальянскихъ аристократовъ; въ добавокъ, какое торжество для Гэмпстеда, который, изъ всѣхъ человѣческихъ существъ, ей самое ненавистное.

Но, по зрѣломъ обсужденіи, она думала, что лучше будетъ признать герцога. Да больше ей ничего не остается. Чтобы она ни дѣлала, ей не посадить молодого человѣка за его скромный столъ, не возвратить ему его скромное имя.

Ея долгъ былъ—сообщить извѣстіе маркизу, но прежде чѣмъ она успѣла это исполнить, ее неожиданно посѣтилъ мистеръ Гринвудъ. Мистеръ Робертсъ все уладилъ единственно съ помощью сильныхъ аргументовъ и убѣдилъ мистера Гринвуда отправиться въ Шрьюсбёри, въ день назначенный для его отъѣзда. Ему было объявлено, что, если онъ уѣдетъ, то получитъ 200 фунтовъ въ годъ отъ маркиза, да лордъ Гэмпстедъ прибавитъ 100, о чемъ маркизъ можетъ и не знать. Если же онъ, въ назначенный день, не выѣдетъ, то ста фунтовъ ему не прибавятъ. Обѣ стороны не скупились на слова, но онъ уѣхалъ. Маркизъ не пожелалъ его видѣть, маркиза простилась съ нимъ самымъ оффиціальнымъ образомъ. Уѣзжая, онъ говорилъ себѣ, что въ семействѣ еще могутъ возникнуть обстоятельства, которыя послужатъ ему на пользу. Теперь онъ также узналъ великую, семейную новость и пріѣхалъ съ мыслью, что первый объявитъ ее въ Траффордъ-Паркѣ.

Онъ спросилъ бы маркиза, но зналъ что тотъ его не приметъ. Лэди Кинсбёри согласилась его принять и его ввели въ комнату, куда онъ такъ часто входилъ безъ доклада.

— Надѣюсь, что вы здоровы, мистеръ Гринвудъ, — сказала она.—Вы все еще живете въ нашихъ мѣстахъ?

Въ Траффордѣ прекрасно знали, что онъ выѣхалъ.

— Да, лэди Кинсбёри. Я не выѣзжалъ изъ этихъ мѣстъ. Я думалъ, что вы, можетъ быть, пожелаете еще разъ меня видѣть.

— Не думаю, чтобъ намъ была надобность васъ безпокоить, мистеръ Гринвудъ.

— Я пріѣхалъ съ новостью, которая касается вашего семейства.

— Присядьте, мистеръ Гринвудъ. Какая новость?

— Мистеръ Джорджъ Роденъ, почтамтскій клеркъ...

— Герцогъ ди-Кринола, хотите вы сказать?

— О!—воскликнулъ мистеръ Гринвудъ.

— Все это мнѣ извѣстно, мистеръ Гринвудъ.

— Что почтамтскій клеркъ—итальянскій аристократъ?

— Что итальянскому аристократу угодно было, на нѣсколько времени, сдѣлаться почтамтскимъ клеркомъ. Вы это хотѣли сказать?

— И лэди Франсесъ будетъ разрѣшено...

— Мистеръ Гринвудъ, я должна просить васъ здѣсь не обсуждать дѣйствій лэди Франсесъ.

— О! не обсуждать дѣйствій милэди!

— Не можете же вы не знать, какъ маркизъ за это разсердился.

— А мы таки иногда обсуждали дѣйствія лэди Франсесъ, лэди Кинсбёри.

— Теперь я этого дѣлать не желаю. Оставимъ это, мистеръ Гринвудъ.

— О лордѣ Гэмпстедѣ также нельзя говорить?

— Также нельзя. По моему, вы очень дурно поступили, пріѣхавъ послѣ всего, что происходило. Еслибъ маркизъ зналъ...

«О, еслибъ маркизъ зналъ! Еслибъ маркизъ *все* зналъ и другіе также,—подумалъ, но только подумалъ мистеръ Гринвудъ.— Вслухъ онъ сказалъ только:

— Отлично, лэди Кинсбёри. Пожалуй, мнѣ теперь лучше уѣхать.

И онъ уѣхалъ.

Посѣщеніе его послужило подтвержденіемъ. Она не смѣла долго скрывать новость отъ мужа, а потому, втеченіи вечера, пошла къ нему, съ письмомъ сестры въ рукахъ.

— Какъ!—сказалъ маркизъ, когда чтеніе кончилось.—Какъ! герцогъ ди-Кринола.

— Въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія, милый.

— И онъ почтамтскій клеркъ?

— Теперь, нѣтъ.

— Я не совсѣмъ понимаю, чѣмъ же онъ будетъ. Кажется, онъ никакого наслѣдства не получилъ.

— Сестра ничего не пишетъ.

— Такъ чтожь толку въ его титулѣ? Ничего нѣтъ на свѣтѣ вреднѣе нищей аристократіи. Почтамтскій клеркъ вправѣ жениться, но бѣдный аристократъ долженъ, во всякомъ случаѣ, дать своей бѣдности умереть съ нимъ.

Съ этой стороны вопросъ до сихъ поръ не представлялся лэди Кинсбёри. Когда она предложила ему пригласить молодого человѣка въ Траффордъ, онъ, какъ будто, вовсе не нашелъ это нужнымъ.—Было бы гораздо лучше, еслибъ Фанни вернулась, ввернулъ старикъ,—молодой человѣкъ, вѣроятно, поселится на родинѣ, если вся эта исторія не сказка, выдуманная Персифлажемъ у себя въ министерствѣ.

XIV.—Весь свѣтъ это знаетъ.

По возвращеніи въ Гендонъ-Голлъ, лэди Франсесъ нашла слѣдующее письмо отъ своей пріятельницы, лэди Амальдины:

«Дорогая Фанни,

«Я положительно въ восторгѣ, что могу поздравить тебя съ удивительной и крайне романической исторіей, которую намъ только-что разсказали. Я никогда не принадлежала къ числу тѣхъ, кто тебя «особенно» осуждалъ за то, что ты отдала свое сердце человѣку, который настолько ниже тебя по общественному положенію. Тѣмъ не менѣе, мы всѣ не могли не находить, что очень жаль что онъ—почтамтскій клеркъ. За то теперь ты имѣешь основаніе гордиться. Я изучила вопросъ основательно и убѣдилась, что герцогамъ ди-Кринола приписывается «самая чистая кровь» въ Европѣ. Несомнѣнно, что одинъ изъ представителей этого семейства былъ женатъ на принцессѣ изъ дома Бурбоновъ до вступленія ихъ на французскій престолъ. Я могла бы сообщить тебѣ всѣ подробности, еслибъ не была увѣрена, что ты сама уже все разузнала. Другой женился на троюродной сестрѣ того Максимиліана, который былъ женатъ на Маріи Бургундской. Есть предположеніе, что одна изъ дамъ этого семейства была

женою младшаго брата одного изъ Гизовъ, хотя не совершенно «достовѣрно», были-ли они когда-нибудь женаты. Но это маленькое пятнышко, дорогая, едва ли теперь до тебя касается. Говоря вообще, не думаю, чтобъ въ цѣлой Европѣ было лучшее имя. Папа говоритъ, что ди-Кринола постоянно фигурировали въ Италіи, то на политической аренѣ, то во время возмущеній, то въ битвахъ. А потому это вовсе не то, какъ еслибъ они всѣ полиняли и болѣе не имѣли никакого значенія какъ иныя фамиліи, о которыхъ мы читаемъ въ исторіи. Признаюсь, я думаю что ты должна быть очень счастливой дѣвушкой. Я сама чувствую, что совершенно стушевалась, такъ какъ, что ни говори, а титулъ Меріонетовъ дарованъ только въ царствованіе Карла II. Правда, ранѣе этого существовалъ одинъ лордъ Льюдьютль, но и онъ былъ сдѣланъ лордомъ только Іаковомъ I. Поуэли, безъ всякаго сомнѣнія, очень древняя уэльская фамилія; говорятъ, что между ними и Тюдорами было какое-то родство. Но что все это въ сравненіи съ тѣми почестями, которыя еще въ средніе вѣка воздавались аристократическому дому ди-Кринола?

«Папа, кажется, думаетъ, что у твоего жениха не будетъ много денегъ. Я изъ числа тѣхъ, которые не думаютъ, чтобъ большіе доходы могли идти въ сравненіе съ хорошимъ происхожденіемъ, въ смыслѣ обезпеченія солиднаго положенія въ свѣтѣ. Конечно, помѣстья герцога считаются громадными и Льюдьютль, даже въ качествѣ старшаго сына, богатый человѣкъ; но, насколько я понимаю, это ничего не даетъ, кромѣ хлопотъ. Если онъ имѣетъ какое-нибудь отношеніе къ провинціальному городу, въ смыслѣ доходовъ, то отъ него требуютъ, чтобъ онъ положилъ первый камень каждой церкви и каждаго общественнаго зданія, въ этомъ городѣ. Если что-нибудь надо «открывать», онъ открываетъ; ему никогда не дадутъ пообѣдать безъ того, чтобъ онъ не сказалъ два, три спича, «до» и «по». Это я называю ужаснымъ наказаніемъ. По всему, что я слышу, твой герцогъ всегда будетъ съ тобой. у него не будетъ этихъ ненавистныхъ общественныхъ обязанностей. Вѣроятно, придется что-нибудь устроить насчетъ дохода. Льюдьютль, кажется, думаетъ, что герцогу слѣдуетъ попасть въ парламентъ. По крайней мѣрѣ онъ надняхъ говорилъ это папа; сама я его не видала цѣлые вѣка. Онъ заходитъ къ намъ каждое воскресенье, тотчасъ послѣ завтрака, и никогда не остается долѣе двухъ минутъ. Въ прошлое воскресенье мы еще не знали этой чудной новости, но папа на днахъ видѣлъ его въ палатѣ и это были его слова. Не понимаю, какъ онъ можетъ попасть въ палату, если онъ итальянскій герцогъ, и не знаю, что бы онъ

этимъ выигралъ. Папа говоритъ, что его собственное правительство могло бы дать ему какой-нибудь дипломатическій постъ; но мнѣ кажется, что маркизъ могъ бы что-нибудь для него сдѣлать, такъ какъ въ его въ личномъ распоряженіи «такъ много». Каждый акръ владѣній Меріонетовъ закрѣпленъ за... ну, за ближайшимъ наслѣдникомъ, кто бы онъ тамъ ни былъ. Но средства непремѣнно будутъ. Это всегда устраивается. Папа говоритъ, что молодые герцоги всегда, по меньшей мѣрѣ, настолько же обезпечены какъ птицы небесныя.

«Но, какъ я уже сказала, чтó все это значитъ въ сравненіи съ породой? Это совершенно измѣняетъ твое положеніе. Конечно, ты во всякомъ случаѣ, сохранила бы свой титулъ, но что бы сталось съ нимъ?

«Хотѣлось бы знать, выйдешь ли ты теперь замужъ до августа? Думаю, что нѣтъ, такъ какъ кажется несовсѣмъ извѣстно, когда именно его «шалунъ» папаша умеръ; надѣюсь, что не выйдешь. У насъ, наконецъ, назначенъ день — 20 августа, помнится, я уже говорила тебѣ, что мой будущій beau-frère, лордъ Давидъ, убѣжитъ тотчасъ послѣ вѣнчанія, чтобъ, проведя всю ночь въ дорогѣ, на слѣдующее утро «открывать» что-то въ Абердинѣ. Упоминаю объ этомъ, т.-е. о назначеніи дня, потому что ты будешь самой выдающейся изъ моей стаи въ двадцать птичекъ. Конечно, имя твое, ранѣе этого, попадетъ въ газеты, какъ имя будущей итальянской герцогини. Признаюсь, что я буду этимъ, не безъ основанія гордиться. Кажется, наконецъ-то вся моя стая собрана, надѣюсь, что ни одна изъ моихъ двадцати подругъ не выйдетъ замужъ ранѣе меня. Это случалось такъ часто, что можно въ отчаяніе придти. Я заплáчу, если узнаю, что ты выходишь первая.

«Остаюсь твоей любящей подругой и кузиной

«Амальдина».

По тому же поводу она написала и своему будущему мужу.

«Дорогой Льюдьютль,

«Очень было мило съ вашей стороны пріѣхать въ прошлое воскресенье, но жаль, что вы ушли только потому, что Гресбёри были у насъ. Они бы васъ не съѣли, хотя онъ и либералъ.

«Я писала Фанни Траффордъ, чтобы поздравить ее; потому, что все-таки это лучше, чѣмъ простой почтамтскій клеркъ. То было ужасно; — такъ ужасно, что почти неловко было упоминать имя ея въ обществѣ! Когда объ этомъ заходила рѣчь, я право чувствовала, что вся краснѣю. Теперь можно ее назвать,

такъ какъ не всѣ же знаютъ, что у него ничего нѣтъ. Тѣмъ не менѣе, это тоже ужасно. Чѣмъ они будутъ жить?

«Папа говоритъ, что вы сказали, что жениху Фанни надо попасть въ парламентъ. Но что онъ этимъ выиграетъ? Можетъ быть, такъ какъ онъ служитъ въ почтамтѣ, его могли бы сдѣлать главнымъ директоромъ почтъ. Только папа говоритъ, что, вступивши въ парламентъ, онъ не могъ бы называться герцогомъ ди-Кринола. Вообще, это очень грустно, хотя не совсѣмъ такъ грустно, какъ прежде. Правда, что одинъ изъ ди-Кринола былъ женатъ на принцессѣ изъ дома Бурбоновъ, а другіе на безчисленныхъ принцессахъ крови. По моему, долженъ былъ бы существовать законъ, который предписывалъ бы выдавать такимъ лицамъ средства къ жизни, изъ налоговъ. Какъ можно отъ нихъ требовать, чтобы они жили ничѣмъ? Я спросила папа, не можетъ ли онъ это устроить; но онъ отвѣтилъ, что это былъ бы финансовый билль и что вамъ слѣдовало бы этимъ заняться. Пожалуйста, не увлекайтесь, чтобы это не заняло у васъ весь августъ. Знаю, что вы безъ зазрѣнія совѣсти отложили бы наше собственное дѣльце, еслибы что-нибудь подобное встрѣтилось вамъ. Я даже думаю, что вы бы обрадовались.

«Останьтесь подольше въ воскресенье. Мнѣ столько надо сказать вамъ. Если вы что-нибудь придумаете для этихъ бѣдныхъ ди-Кринола, что-нибудь, чтó не займетъ «весь» августъ, похлопочите объ нихъ.

«Ваша Ами».

Лордъ Льюддьютль отвѣтилъ невѣстѣ:

«Дорогая Ами,

«Буду у васъ въ воскресенье, къ тремъ часамъ. Если хотите, можемъ сдѣлать прогулку, но теперь постоянно идетъ дождь. Позже у меня назначено совѣщаніе съ нѣсколькими членами консервативной партіи, для обсужденія вопроса: что дѣлать по поводу билля мистера Грина «объ освѣщеніи Лондона электричествомъ». Это было бы всѣмъ на руку, но боюсь, что нѣкоторые члены нашей партіи увлеклись бы общимъ примѣромъ, а правительство очень нерѣшительно, до глупости. Я изучалъ цифровыя данныя, это взяло у меня всю недѣлю. Иначе я навѣстилъ бы васъ.

«Эта исторія ди-Кринола совершенный романъ. Я не хотѣлъ сказать, что онъ долженъ попасть въ палату, чтобы, черезъ это, получить средства къ жизни. Если онъ приметъ титулъ, то, конечно, онъ сдѣлать этого не можетъ. Принявши его, онъ долженъ будетъ считать себя итальянцемъ. Я счелъ бы его не менѣе

достойнымъ уваженія, еслибы онъ заработывалъ свой хлѣбъ въ качествѣ простого клерка. Говорятъ, что онъ человѣкъ съ сердцемъ и характеромъ. Если это правда, онъ именно такъ и поступитъ.

«Искренне вамъ преданный Льюдьютль».

Когда лордъ Персифлажъ заговорилъ объ этомъ дѣлѣ съ барономъ д'Оссе, итальянскимъ посланникомъ въ Лондонѣ, баронъ вполнѣ призналъ права молодого герцога и, казалось, думалъ, что очень немногаго недостаетъ для полнаго благополучія молодого человѣка.

— Да,—сказалъ баронъ,—у него нѣтъ обширныхъ помѣстій. Здѣсь, въ Англіи, у васъ у всѣхъ обширныя помѣстья. Очень пріятно владѣть обширными помѣстьями. Но у него есть дядя, который играетъ большую роль въ Римѣ, а у будущей жены его — дядя, который играетъ очень большую роль въ Лондонѣ. Чего-жъ ему больше?

Тутъ баронъ поклонился министру, а министръ барону.

Нигдѣ рѣшительно приключенія Родена не вызвали такого сильнаго впечатлѣнія какъ въ почтамтѣ. Тамъ титулы еще внушали нѣкоторый страхъ, а не были дѣломъ самымъ обыкновеннымъ, какъ въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ. Конечно, вся эта исторія попала въ газеты. Въ департаментѣ она стала извѣстна въ послѣдній день февраля, за два дня до возвращенія Роденовъ въ Лондонъ.

— Слышали, мистеръ Джирнингэмъ? — воскликнулъ Крокеръ, врываясь въ комнату въ это утро. Онъ опоздалъ только на десять минутъ, разорившись на извощика отъ сильнаго желанія первому сообщить великую новость товарищамъ. Но его предупредилъ Гератэ.

— Герцогъ ди-Кринола! — кричалъ Гератэ въ минуту появленія Крокера, рѣшившись никому не уступать чести, принадлежавшей ему по праву.

— Да, герцогъ,—сказалъ Крокеръ.—Герцогъ! Мой лучшій другъ! Гэмпстедъ уничтоженъ, уничтоженъ! Герцогъ ди-Кринола! Развѣ это не прелесть? Клянусь, не вѣрится. Вы вѣрите, мистеръ Джирнингэмъ?

— Не знаю, что и думать, — сказалъ мистеръ Джирнингэмъ.—Только онъ всегда былъ очень солидный, приличный молодой человѣкъ; мы въ немъ много потеряемъ.

— Вѣроятно герцогъ никогда къ намъ не заглянетъ,—сказалъ Боббинъ.—Мнѣ бы хотѣлось еще разъ пожать ему руку.

— Пожать ему руку,—сказалъ Крокеръ.—Я увѣренъ, что

онъ такъ не исчезнетъ, мой искренній пріятель. Не думаю, чтобы я когда-нибудь любилъ кого-нибудь какъ Джорджа Ро... герцога ди-Кринола, хочу я сказать. Подумать, что я сидѣлъ съ нимъ за однимъ столомъ послѣдніе два года! Не болѣе какъ за два дня до его отъѣзда въ это знаменитое путешествіе, я провелъ съ нимъ вечеръ, въ свѣтѣ, въ Голловэѣ.—Тутъ онъ всталъ и порывисто зашагалъ по комнатѣ, хлопая въ ладоши, совершенно увлеченный пылкостью своихъ чувствъ.

— Мнѣ кажется, вамъ не худо бы присѣсть къ столу, мистеръ Крокеръ,—сказалъ мистеръ Джирнингэмъ.

— Ахъ, отвяжитесь, мистеръ Джирнингэмъ.

— Я не позволю вамъ такъ относиться ко мнѣ, мистеръ Крокеръ.

— Честное слово, я не хотѣлъ сказать ничего лишняго, сэръ. Но когда человѣкъ услышалъ такую новость, развѣ онъ можетъ успокоиться? Такихъ вещей прежде никогда не бывало, чтобы вашъ лучшій другъ оказался герцогомъ ди-Кринола. Читалъ ли кто-нибудь изъ васъ что-нибудь подобное въ романѣ? Развѣ это не было бы эффектно на сценѣ? Я такъ и вижу свою первую встрѣчу съ герцогомъ, какъ она была бы изображена въ пьесѣ. Герцогъ, сказалъ бы я, герцогъ, поздравляю васъ съ унаслѣдованіемъ вашего громкаго, фамильнаго титула, котораго никто не могъ бы носить съ большей честью, чѣмъ вы. Банкрофтъ изображалъ бы меня, а заглавіе пьесы было бы: «Другъ герцога». Я думаю, мы будемъ называть его «герцогомъ» здѣсь, въ Англіи, а «duca», если намъ случится быть вмѣстѣ, въ Италіи; какъ вы думаете, мистеръ Джирнингэмъ?

— Вы бы лучше сѣли, мистеръ Крокеръ, и постарались заняться своимъ дѣломъ.

— Не могу, честное слово, не могу. Я слишкомъ взволнованъ. Я не могъ бы этого сдѣлать, будь здѣсь самъ Эолъ. Кстати, хотѣлъ бы я знать—слышалъ ли сэръ Converted Бореасъ новость.

Съ этимъ онъ бросился изъ комнаты и положительно ворвался въ кабинетъ повелителя.

— Да, мистеръ Крокеръ,—сказалъ сэръ Бореасъ,—слышалъ я это. Я читаю газеты не хуже вашего.

— Но это правда, сэръ Бореасъ?

— Я слышалъ объ этомъ два, три дня назадъ, мистеръ Крокеръ, и думаю, что это правда.

— Онъ былъ мой другъ, сэръ Бореасъ, мой лучшій другъ. Развѣ это не удивительно, что мой лучшій другъ оказался гер-

догомъ ди-Кринола! А самъ онъ объ этомъ ничего не зналъ. Я совершенно увѣренъ, что онъ ровно ничего не зналъ.

— Право не умѣю вамъ сказать, мистерт Крокеръ; но такъ какъ вы уже выразили свое удивленіе, то не лучше ли вамъ возвратиться къ себѣ въ отдѣленіе и приняться за работу.

XV.—Это будетъ сдѣлано.

Долго стоитъ у насъ лордъ Гэмпстедъ въ гостиной Маріонъ Фай, послѣ совершенія своего великаго преступленія; тамъ же стоитъ и мистрисъ Роденъ, которая пришла навѣстить молодую пріятельницу почти тотчасъ по возвращеніи своемъ домой изъ долгаго путешествія. Гэмпстеду была извѣстна бо̀льшая часть подробностей романа ди-Кринола, но Маріонъ пока ничего о немъ не слыхала.

— Вы такъ поступили со мной, что мнѣ самой себя стыдно,—были послѣднія слова Маріонъ въ ту минуту, когда мистрисъ Роденъ входила въ комнату.

— Я не знала, что лордъ Гэмпстедъ здѣсь,—сказала мистрисъ Роденъ.

— О, мистриссъ Роденъ, какъ я рада, что вы пріѣхали,—воскликнула Маріонъ. Гэмпстеду показалось, что Маріонъ радуется, что у нея явилась защита отъ дальнѣйшихъ необузданныхъ выходокъ съ его стороны. Сама бѣдняжка Маріонъ едва ли знала, что̀ хотѣла сказать. Она не сердилась на него, но сердилась на себя. Въ ту минуту, когда она была въ его объятіяхъ, она поняла, какъ невозможны были условія, которыя она ему предписала. Она много разъ говорила себѣ, что ея долгъ пожертвовать собою, но исполнила его только на половину. Развѣ ей не слѣдовало затаить въ душѣ свою любовь, чтобъ онъ могъ оставить ее, что̀ онъ навѣрное сдѣлалъ бы, еслибъ она держала себя съ нимъ холодно, какъ этого требовалъ ея долгъ. Ей приснился глупый сонъ. Она вообразила, что на то недолгое время, какое ей остается жить, она можетъ разрѣшить себѣ наслажденіе любить и имѣла тщеславіе думать, что ея поклонникъ могъ быть вѣренъ ей и самъ не страдать! Жертва ея была неполна. Да, она сердилась на себя—но не на него. А все же его надо заставить признать, что онъ никогда, никогда болѣе не долженъ къ ней пріѣзжать. Душа можетъ предвкушать такую дивную радость; чтобъ насладиться ею хотя бы на минуту, можно пожертвовать спокойствіемъ, даже счастіемъ многихъ лѣтъ. Такъ будетъ съ нею. Онъ никогда не долженъ болѣе пріѣзжать...

— Да,—сказалъ Гэмпстедъ, пытаясь улыбнуться,—я здѣсь и надѣюсь бывать здѣсь часто, очень часто, пока мнѣ не удастся увезти нашу Маріонъ отсюда.

— Нѣтъ,—слабо и кротко сказала Маріонъ.

— Вы очень постоянны, милордъ,—сказала мистриссъ Роденъ.

— Мнѣ кажется, человѣкъ всегда постояненъ, если истинно любитъ. Но какую исторію вы-то намъ привезли, мистриссъ Роденъ. Не знаю, долженъ ли я называть васъ «мистриссъ Роденъ».

— Конечно, милордъ, вамъ слѣдуетъ такъ называть меня.

— Что это значитъ?—спросила Маріонъ.

— А вы и не слыхали,—сказалъ онъ.—Я еще не успѣлъ передать ей все это, мистриссъ Роденъ.

— Такъ вы знаете, лордъ Гэмпстедъ?

— Да, знаю; хотя Роденъ не удостоилъ написать мнѣ строчки. Какъ прикажете называть его?—На это мистриссъ Роденъ ничего не отвѣтила. — Конечно онъ написалъ Фанни. Весь свѣтъ это знаетъ. Кажется, прежде всего это стало извѣстно въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, оттуда уже дали знать моимъ, въ Траффордъ. Полагаю, что въ Лондонѣ нѣтъ клуба, въ которомъ бы сотни разъ не повторяли, что Джорджъ Роденъ не Джорджъ Роденъ.

— Не Джорджъ Роденъ?—спросила Маріонъ.

— Нѣтъ, дорогая. Вы обнаружите страшное невѣжество, если такъ его назовете.

— Кто же онъ, милордъ?

— Маріонъ!

— Извините. Сегодня больше не буду. Но кто онъ?

— Герцогъ ди-Кринола.

— Герцогъ!—воскликнула Маріонъ.

— Вотъ кто онъ, Маріонъ.

— Чтожъ, ему тамъ дали этотъ титулъ?

— Кто-то далъ его одному изъ его предковъ, нѣсколько вѣковъ тому назадъ, когда Траффорды—ну, я хорошенько не знаю, что Траффорды тогда дѣлали. Онъ, вѣроятно, намѣренъ принять титулъ?

— Говоритъ, что нѣтъ, милордъ.

— Онъ долженъ это сдѣлать.

— Я тоже того мнѣнія, лордъ Гэмпстедъ. Онъ упрямъ, вы знаете, но можетъ быть онъ и послушаетъ кого-нибудь изъ друзей. Поговорите съ нимъ.

— Лучше бы ему посовѣтоваться съ другими, болѣе чѣмъ

я способными объяснить всѣ «pro» и «contra» его положенія. Всего лучше ему отправиться въ министерство иностранныхъ дѣлъ и повидаться съ моимъ дядей. Гдѣ онъ теперь?

— Пошелъ въ почтамтъ. Мы пріѣхали домой около полудня и онъ тотчасъ отправился. Вчера мы уже поздно вечеромъ пріѣхали въ Фолькстонъ, онъ предложилъ мнѣ тамъ переночевать.

— Онъ продолжаетъ подписываться старымъ именемъ?—спросилъ Гэмпстедъ.

— О, да. Мнѣ кажется, онъ не согласится отъ него отказаться.

— Ни отъ департамента?

— Ни отъ департамента. Чѣмъ же ему больше жить, говоритъ онъ.

— Отецъ мой могъ бы что-нибудь сдѣлать.—Мистрисъ Роденъ покачала головой.—Сестра будетъ имѣть средства, хотя, вѣроятно, недостаточныя для ихъ потребностей.

— Онъ никогда не согласился бы жить, сложа руки, на ея деньги, милордъ! Право, мнѣ кажется, я вправѣ утверждать, что онъ окончательно рѣшилъ отказаться отъ титула, какъ отъ пустого бремени. Вы, можетъ быть, замѣтили, что убѣдить его не легко.

— Самый упрямый человѣкъ, какого я когда-либо встрѣчалъ въ жизни,—сказалъ Гэмпстедъ, смѣясь.

— Онъ и сестру мою заставилъ смотрѣть на дѣло его глазами.

Тутъ онъ неожиданно повернулся къ Маріонъ и спросилъ:

— Чтожъ, уходить мнѣ теперь?

Въ присутствіи мистриссъ Роденъ она не пожелала вдаваться ни въ какія объясненія, а потому просто отвѣтила:

— Если вамъ угодно, милордъ.

— Не хочу я быть «милордомъ». Вонъ Роденъ, настоящій герцогъ, предки котораго были герцогами задолго до временъ Ноя; ему позволяется называться какъ ему угодно, а меня и не спрашиваютъ, даже лучшіе и самые близкіе друзья. Тѣмъ не менѣе, я повинуюсь и если не пріѣду ни сегодня, ни завтра, то напишу вамъ самое милое письмецо, какое только съумѣю.

— Не дѣлайте этого,—слабо, чуть слышно, сказала она.

— А я сдѣлаю,—сказалъ онъ.—Не знаю, не придется ли мнѣ ѣхать въ Траффордъ; если «да», то вы получите письмецо. Сознаю я, мистриссъ Роденъ, свою полнѣйшую неспособность написать приличное billet-doux. «Дорогая Маріонъ, я вашъ, а вы моя. Остаюсь вѣчно вашъ». Дальше этого я идти не умѣю. Когда человѣкъ женатъ и можетъ писать о дѣтяхъ, о хозяйствѣ,

дѣлать распоряженія насчетъ охотничьихъ лошадей и собакъ, тогда это, вѣроятно, становится легко. Прощайте, дорогая. Прощайте мистриссъ Роденъ. Желалъ бы я постоянно называть васъ герцогиней, въ видѣ мести за вѣчнаго «милорда». — Съ этимъ онъ оставилъ ихъ.

Мистриссъ Роденъ казалось, что между молодыми людьми все рѣшено. Чувство сожалѣнія овладѣло ею, когда она подумала, что доводы противъ этого брака такъ же вѣски, какъ и прежде. Тѣмъ не менѣе, это такъ естественно...

— Такъ это состоится?—спросила она, съ своей самой милой улыбкой.

— Нѣтъ,—сказала Маріонъ, безъ всякой улыбки.—Это не состоится. Почему вы такъ на меня смотрите, мистриссъ Роденъ? Развѣ я не говорила вамъ, передъ вашимъ отъѣздомъ, что этому никогда не бывать?

— Но онъ обращается съ вами такъ, точно онъ вашъ женихъ.

— Чтожъ мнѣ съ этимъ дѣлать? Когда я прошу его уѣхать, онъ возвращается; когда я говорю ему, что не могу быть его женой, онъ не хочетъ мнѣ вѣрить. Онъ знаетъ, что я его люблю.

— Вы ему это сказали?

— Сказала ли! Ему не нужно было и говорить. Конечно, онъ это зналъ. О, мистриссъ Роденъ, еслибъ я могла умереть за него и кончить съ этимъ! А между тѣмъ мнѣ бы не хотѣлось покинуть моего дорогого отца. Чтó мнѣ дѣлать, мистриссъ Роденъ?

— Но мнѣ сейчасъ казалось, что вы такъ счастливы, когда онъ здѣсь.

— Я никогда не бываю счастлива при немъ, а, между тѣмъ, я точно на небесахъ.

— Маріонъ!

— Я никогда не бываю счастлива. Я знаю, что тому, чего онъ желаетъ—не бывать. Я знаю, что позволяю ему даромъ тратить свои сладкія рѣчи. Ему нужна другая, совершенно непохожая на меня. Красавица, съ хорошимъ здоровьемъ, съ горячей кровью въ жилахъ, съ громкимъ именемъ, съ величавымъ взглядомъ, благородной осанкой, женщина, которая, принявъ его имя, дастъ ему столько же, сколько получитъ, а главное, женщина, которая не зачахнетъ у него на глазахъ, не будетъ мучить его, въ теченіе своей короткой жизни, болѣзнью, докторами, постепенно блѣднѣющими надеждами безнадежно-больной. А между тѣмъ, я позволила ему пріѣхать и сказала ему, какъ нѣжно его люблю. Онъ пріѣзжаетъ и читаетъ

это въ глазахъ моихъ. Такое блаженство быть любимой такъ, какъ онъ любитъ. О, мистриссъ Роденъ, онъ меня поцѣловалъ. —Это не показалось мистриссъ Роденъ дѣломъ необыкновеннымъ; но, не зная, что̀ сказать, она также поцѣловала дѣвушку.—Тогда я сказала ему, что онъ долженъ уѣхать и никогда болѣе ко мнѣ не пріѣзжать.

— Разсердились вы на него?

— На него! Я разсердилась на себя. Я подала ему поводъ это сдѣлать. Какъ могла я разсердиться на него! Да и что за бѣда, еслибъ не изъ-за него? Еслибъ онъ только захотѣлъ понять, что я не могу говорить съ нимъ. Но я слаба во всемъ, кромѣ одного. Никогда не заставитъ онъ меня сказать, что я согласна быть его женой.

— Моя Маріонъ! Дорогая Маріонъ!

— Но отецъ этого желаетъ.

— Желаетъ, чтобъ вы стали его женой?

— Да. Онъ говоритъ: почему бы тебѣ не быть какъ всѣ? Какъ могу я сказать ему? Какъ могу я сказать, что я непохожа на другихъ дѣвушекъ изъ-за моей дорогой мамы? А между тѣмъ, онъ этого не знаетъ. Онъ этого не видитъ, хотя такъ много испыталъ. Онъ замѣтитъ это только тогда, когда я буду тамъ, на постели, и не смогу къ нему придти, когда онъ будетъ звать меня.

— Ничто теперь не доказываетъ ни ему, ни мнѣ, что вы не доживете до моихъ лѣтъ.

— Я не доживу до старости. Вы знаете, что я умру молодой. Развѣ кто-нибудь изъ нихъ уцѣлѣлъ? Но отецъ мой—мой дорогой отецъ—долженъ самъ открыть это. Я иногда думала, что меня хватитъ на его вѣкъ, что я буду при немъ до конца. Оно могло бы быть, еслибъ все это не терзало меня.

— Не сказать-ли мнѣ ему, лорду Гэмстеду?

— Ему во всякомъ случаѣ надо сказать. Онъ не связанъ со мной, какъ отецъ. Его скорбь не будетъ особенно тяжка.—На это мистриссъ Роденъ покачала головой.—Неужели я ошибаюсь?

— Если вы прогоните его отъ себя, онъ не легко это снесетъ.

— Можетъ ли молодой человѣкъ, у котораго столько интересовъ, такъ любить меня? Мнѣ казалось, что только дѣвушки такъ любятъ.

— Онъ понесетъ свой крестъ, какъ несутъ его другіе.

— Но я должна облегчить его ношу насколько могу, неправда-ли? Мнѣ слѣдовало это сдѣлать раньше. Еслибъ я сразу

удалила его, онъ бы не страдалъ. Всему этому долженъ быть конецъ. Хотя бы это убило меня, хотя бы это на короткое время страшно огорчило его, это будетъ сдѣлано!

XVI.—Маріонъ навѣрное поставитъ на своемъ.

Черезъ день Маріонъ получила отъ Гэмпстеда обѣщанное письмо.

«Дорогая Маріонъ!

«Оказалось такъ, какъ я предполагалъ. Исторія Родена удивительно ихъ всѣхъ взволновала, въ Траффордѣ. Отецъ требуетъ, чтобъ я къ нему пріѣхалъ. О сестрѣ моей вы слышали. Вѣроятно она теперь поставитъ на своемъ. Мнѣ кажется, дѣвушки всегда это дѣлаютъ. Она теперь останется одна, я просилъ ее навѣстить васъ тотчасъ послѣ моего отъѣзда. Вамъ бы слѣдовало сказать ей, что она должна заставить его носить настоящее имя отца.

«У насъ же, голубка, не дѣвушка поставитъ на своемъ, а молодой человѣкъ. Моя дѣвочка, моя душа, моя радость, мое сокровище, обдумайте все это и задайте себѣ вопросъ: неужели у васъ достанетъ духу приказать мнѣ не быть счастливымъ?

«Еслибъ не то, что вы сами сказали, у меня не нашлось бы достаточно тщеславія, чтобъ быть счастливымъ въ эту минуту, такъ какъ я счастливъ. Но вы сказали мнѣ, что любите меня. Спросите отца вашего и онъ скажетъ вамъ, что если это такъ, то вашъ долгъ обѣщать мнѣ быть моей женой.

«Можетъ быть, я пробуду въ отсутствіи день, два, а можетъ быть и недѣлю. Пишите мнѣ въ Траффордъ—Траффордъ-Паркъ, Шрьюсбѐри, и скажите, что пусть будетъ по моему. Мнѣ иногда думается, что вы не знаете, какъ всецѣло мое сердце покорено вами, никакія удовольствія меня не радуютъ, никакія занятія не поглощаютъ, смыслъ имъ только и придаетъ мысль о вашей любви.

«Вашъ Гэмпстедъ».

«Помните, что, внѣ конверта, не должно быть ни слова о лордѣ. Мнѣ очень непріятно, когда мистриссъ Роденъ меня такъ называетъ, но вы меня этимъ страшно мучите. Этимъ вы какъ будто даете понять, что рѣшились считать меня постороннимъ».

Много разъ перечла она письмо это, прижимала его къ губамъ и груди.

Только на другой день взялась она за перо. Долго думала она надъ письмомъ своимъ и, наконецъ, написала слѣдующее:

«Не знаю, какъ мнѣ начать мое письмо; вы запретили мнѣ употреблять единственное выраженіе, которое само легло бы подъ перо. Но я слишкомъ васъ люблю, чтобъ сердить васъ изъ-за такой бездѣлицы. А потому мое скромное письмо отправится къ вамъ безъ обычнаго вступленія. Вѣрьте, что люблю васъ всѣмъ сердцемъ. Я и прежде говорила вамъ это и не хочу унижать себя, говоря, что это была неправда. Но я прежде также говорила вамъ, что не могу быть вашей женою. Милый, милый, могу только повторить это. Какъ горячо я васъ ни люблю, я не могу быть вашей женой. Вы просите меня все обдумать и задать себѣ вопросъ: неужели у меня достанетъ духу приказать вамъ не быть счастливымъ. У меня не достанетъ духу позволить вамъ сдѣлать то, что̀ навѣрное сдѣлало бы васъ несчастнымъ.

«На это двѣ причины. Первой, хотя она совершенно достаточна, вы, я знаю, не придадите никакого значенія. Когда я твержу вамъ, что вамъ не слѣдовало бы выбирать себѣ въ жены такую дѣвушку какъ я, потому что мои привычки не подготовили меня къ такому положенію,—то вы иногда смѣетесь, а иногда почти сердитесь. Тѣмъ не менѣе я увѣрена, что я права. Вѣрно, что изъ всѣхъ человѣческихъ существъ бѣдная Маріонъ Фай вамъ дороже. Когда вы называете меня радостью, сокровищемъ, я ни на минуту не сомнѣваюсь, что все это правда. Сдѣлайся я вашей женой, ваша честь и честность заставили бы васъ быть ласковымъ со мною. Но когда вы убѣдились бы, что я не похожа на другихъ знатныхъ дамъ, то, мнѣ кажется, вы испытали бы разочарованіе. Я прочла бы это въ каждой чертѣ вашего милаго лица и это разбило бы мое сердце.

«Но это не все. Не будь ничего другого, мнѣ кажется, я уступила бы, такъ какъ я только слабая дѣвушка и ваши рѣчи, моя радость, моя жизнь, убѣдили бы меня. Но есть другая причина. Тяжело мнѣ говорить о ней: зачѣмъ было бы васъ этимъ тревожить? Но мнѣ думается, что, если я выскажу вамъ все до конца, то вы убѣдитесь. Мистриссъ Роденъ могла бы подтвердить вамъ мои слова. Мой дорогой отецъ могъ бы сказать вамъ тоже самое, еслибъ онъ самъ не хотѣлъ позволить себѣ думать это, изъ любви къ единственному ребенку, какой у него остался. Мать моя умерла, всѣ мои братья и сестры умерли. Я также умру въ молодости.

«Неужели этого недостаточно? Знаю, что достаточно; а зная это, неужели мнѣ не высказаться передъ вами, не раскрыть вамъ всего моего сердца? Вы позволите мнѣ это сдѣлать; такъ какъ, хотя бы между нами было рѣшено, что мы ни-

когда не можемъ быть другъ къ другу ближе, чѣмъ мы есть, тѣмъ не менѣе мы можемъ позволить себѣ любить другъ друга? О мой милый, мой единственный другъ, я не могу утѣшить васъ тѣмъ, чѣмъ утѣшаю себя, такъ какъ вы мужчина и не можете найти утѣшенія въ печали и разочарованіи, какъ можетъ найти его дѣвушка. Мужчина думаетъ, что долженъ завоевать себѣ все, чего желаетъ. Дѣвушкѣ, мнѣ кажется, достаточно сознавать, что то, чего она всего сильнѣе желаетъ, досталось бы ей на долю, еслибы судьба не была такъ немилосерда.

«Милый, вы не можете получить того, чего желаете, вамъ придется немного пострадать. Я, которая охотно отдала бы за васъ жизнь, должна сказать вамъ это. Но вы мужчина, соберитесь съ духомъ, скажите себѣ, что скорбь эта продолжится недолго. Чѣмъ меньше, тѣмъ лучше, тѣмъ больше вы обнаружите душевной силы, одолѣвая гнетущее васъ горе.

«Помните одно: если Маріонъ Фай суждено дожить до той минуты, когда вы приведете въ свой домъ молодую жену, какъ повелѣваетъ вамъ долгъ, для нея будетъ утѣшеніемъ сознавать, что зло причиненное ею, изглажено.

«Маріонъ.

«Не умѣю вамъ сказать какъ бы я гордилась посѣщеніемъ вашей сестры, еслибъ она удостоила навѣстить меня. Не лучше ли мнѣ отправиться въ Гендонъ-Голлъ? Я могла бы устроить это очень легко. Не отвѣчайте мнѣ на это, но попросите ее написать мнѣ словечко».

. . . .

Два дня спустя леди Франсесъ пріѣхала къ ней.

— Позвольте мнѣ взглянуть на васъ,—сказала Маріонъ, когда гостья обняла и поцѣловала ее.—Мнѣ пріятно смотрѣть на васъ, убѣждаться, похожи ли вы на него. На мои глаза, онъ такъ хорошъ.

— Онъ красивѣе меня.

— Вы женщина, онъ мужчина. Но вы похожи на него и очень хороши собой. У васъ также есть поклонникъ, нашъ близкій сосѣдъ?

— Да. Приходится въ этомъ сознаться.

— Почему же не сознаться? Отрадно любить и быть любимой. Онъ также сталъ аристократомъ—какъ вашъ братъ.

— Нѣтъ, Маріонъ, вы ошибаетесь. Можно мнѣ называть васъ «Маріонъ»?

— Отчего же? Онъ почти сразу сталъ звать меня «Маріонъ».

— Неужели?

— Да, какъ будто такъ и слѣдовало. Но я это замѣтила. Это было не тогда, когда онъ попросилъ меня помѣшать огонь въ каминѣ, а въ слѣдующій разъ. Говорилъ онъ вамъ объ огнѣ въ каминѣ?

— Нѣтъ, не говорилъ.

— Мужчина не говоритъ о такихъ вещахъ, но дѣвушка ихъ помнитъ. Какъ вы добры, что пріѣхали. Вы знаете—не правда ли?

— Что?

— Что я—и братъ вашъ, наконецъ, все порѣшили?—Добродушная улыбка сошла съ лица лэди Франсесъ, но она ничего не отвѣтила.—Вы должны это знать. Я увѣрена, что и онъ теперь знаетъ. Послѣ того, что̀ я сказала въ своемъ письмѣ, онъ больше не будетъ мнѣ противорѣчить.—Лэди Франсесъ покачала головой. Я написала ему, что пока я жива, онъ будетъ мнѣ дороже всего міра. Но и только.

— Почему бы вамъ—не жить?

— Лэди Франсесъ...

— Зовите меня «Фанни».

— Я буду звать васъ «Фанни», если вы позволите мнѣ все вамъ высказать. О, какъ бы я желала, чтобъ вы захотѣли все это понять и не заставляли меня больше распространяться объ этомъ. Но вы должны знать — вы должны знать, что желаніе вашего брата не можетъ быть исполнено. Если-бъ объ этомъ только было меньше толковъ, если-бъ онъ захотѣлъ согласиться и вы также, тогда, мнѣ кажется, я могла бы быть счастлива. Что такое, въ сущности, тѣ нѣсколько лѣтъ, которыя намъ придется прожить здѣсь? Развѣ мы не встрѣтимся снова, развѣ мы не будемъ тогда любить другъ друга?

— Надѣюсь, что да.

— Если вы дѣйствительно на это надѣетесь, то почему бы намъ не быть счастливыми? Но какъ могла бы я надѣяться на это, если-бъ сознательно навлекла на него большое несчастіе? Если-бъ я причинила ему вредъ здѣсь, могла ли бы я надѣяться, что онъ будетъ любить меня на небѣ, когда узнаетъ всѣ тайны моего сердца? Но если онъ скажетъ себѣ, что я принесла себя въ жертву ради его; что я не захотѣла пасть въ его объятія, потому что это было бы нехорошо для него, тогда, хотя другая можетъ быть и будетъ ему дороже, неужели я также не буду ему дорога?

Лэди Франсесъ могла только сжать ее въ объятіяхъ и поцѣловать.

— Когда вокругъ его очага,—о которомъ онъ говорилъ точно это почти мой очагъ,—соберутся здоровые мальчики и краснощекія,

хорошенькія дѣвочки и онъ будетъ знать, что̀ я могла бы дать ему, развѣ онъ не помолится за меня и не скажетъ мнѣ, въ молитвѣ, что, когда мы встрѣтимся «тамъ», я, по прежнему, буду дорога ему? А когда она все узнаетъ, она, которая будетъ покоиться на груди его, неужели я ей не стану дорога?

— О, сестра моя!

Лэди Франсесъ, прежде чѣмъ вышла изъ этого дома, поняла, что брату ея не удастся поставить на своемъ въ этомъ дѣлѣ, которое такъ близко его сердцу.

XVII.—Но это правда.

Джорджъ Роденъ пришелъ къ окончательному рѣшенію, относительно своего титула и сообщилъ всѣмъ, до кого это касалось, что намѣренъ остаться по прежнему—Джорджемъ Роденомъ, почтамтскимъ клеркомъ. Когда съ нимъ, въ томъ или другомъ смыслѣ, заговаривали о разумности, или вѣрнѣе неразуміи его рѣшенія, онъ, по большей части, улыбался, не распространялся, но нисколько не терялъ вѣры въ себя. Ни одному изъ аргументовъ, какіе выставлялись противъ него, онъ нисколько не поддавался. Что касается доброй славы матери, — говорилъ онъ, никто въ ней не сомнѣвался и никто въ ней ни на минуту не усомнится. Мать сама рѣшила вопросъ о своемъ имени и носила его четверть вѣка. Сама она и не помышляла мѣнять его. Для нея, выступить на сцену въ качествѣ герцогини, противорѣчило бы ея чувствамъ, ея вкусамъ, всѣмъ ея понятіямъ. Она не будетъ имѣть средствъ, соотвѣтствующихъ ея общественному положенію, и была бы вынуждена по прежнему жить въ Парадизъ-Роу, съ простымъ присоединеніемъ нелѣпаго прозвища. Объ этомъ и рѣчи не было. Только для него желала она новаго названія. А для него, увѣрялъ онъ, аргументы противъ принятія громкаго титула еще сильнѣе. Ему необходимо зарабатывать свой хлѣбъ, и единственнымъ къ тому способомъ было исполнять свое дѣло, въ качествѣ почтамтскаго клерка. Всѣ согласны были съ тѣмъ, что герцогу было бы неприлично занимать такую должность. Это было бы до такой степени неприлично, утверждалъ онъ, что онъ сомнѣвается, чтобъ можно было найти человѣка, достаточно храбраго, чтобъ расхаживать по свѣту въ такой дурацкой шапкѣ. Во всякомъ случаѣ, онъ такимъ мужествомъ не обладаетъ. Кромѣ того, никакой англичанинъ, какъ онъ слышалъ, не можетъ по своему благоусмотрѣнію носить

иностранный титулъ. А онъ хотѣлъ быть англичаниномъ, онъ всегда былъ имъ. Въ качествѣ обитателя Галловэя онъ вотировалъ за двухъ радикаловъ, какъ представителей мѣстечка Излингтонъ. Онъ не желалъ парализировать собственныхъ дѣйствій, заявить, что все, чтó онъ дѣлалъ прежде, было дурно.

Свѣтъ съ нимъ не соглашался; даже въ почтамтѣ онъ былъ противъ него.

— Я не совсѣмъ понимаю, почему бы вы не могли на это согласиться,—сказалъ сэръ Бореасъ, когда Роденъ предоставилъ ему разсудить: возможно ли, чтобъ молодой человѣкъ называющійся герцогъ ди-Кринола, заиялъ свое мѣсто, въ качествѣ клерка, въ отдѣленіи мистера Джирнингэма.

— Право, не вижу, почему бы вамъ не попытаться.

— Нелѣпость была бы такъ громадна, что окончательно подавила бы меня, сэръ. Я ни на что не былъ бы годенъ,—сказалъ Роденъ.

— Къ такого рода вещамъ очень быстро привыкаютъ. Сначала вамъ было бы неловко, такъ же какъ и прочимъ служащимъ и курьерамъ. Я ощущалъ бы нѣкоторую неловкость, прося когонибудь послать ко мнѣ герцога ди-Кринола, такъ какъ намъ не въ привычку посылать за герцогами. Но нѣтъ ничего, съ чѣмъ нельзя было бы свыкнуться. Будь отецъ вашъ принцемъ, я не думаю, чтобъ черезъ мѣсяцъ это особенно тяготило меня.

— Какую пользу принесло бы это мнѣ, сэръ Бореасъ?

— Мнѣ кажется, это было бы вамъ полезно. Трудно объяснить, въ чемъ была бы польза, особенно человѣку, который такъ сильно, какъ вы, возстаетъ противъ всякихъ представленій объ аристократіи. Но—

— Вы хотите сказать, что меня быстрѣе бы повысили изъ-за моего титула?

— Я считаю вѣроятнымъ, что гражданское управленіе нашло бы возможнымъ сдѣлать нѣсколько болѣе для хорошаго служащаго съ громкимъ именемъ, чѣмъ для хорошаго же служащаго безъ имени.

— Въ такомъ случаѣ, сэръ Бореасъ, гражданскому управленію должно бы быть стыдно.

— Можетъ быть;—но это было бы такъ. Кто-нибудь вмѣшался бы, чтобъ устранить аномалію—видѣть герцога ди-Кринола возсѣдающимъ за однимъ столомъ съ мистеромъ Крокеромъ. Я не стану съ вами спорить о томъ, должно ли это быть, но разъ это вѣроятно, то нѣтъ никакой причины, почему бы вамъ не воспользоваться благопріятными обстоятельствами, если у васъ

на это хватитъ способностей и мужества. Понятно, что всѣ мы, въ жизни, жаждемъ одного: успѣха. Если на вашемъ пути встрѣчается благопріятная комбинація, я не вижу, почему бы вамъ отталкивать ее.

Такова была мудрость сэра Биреаса, но Роденъ не захотѣлъ воспользоваться ею. Онъ поблагодарилъ великаго человѣка за вниманіе и сочувствіе, но отказался снова обдумать свое рѣшеніе. Въ отдѣленіи, въ которомъ возсѣдалъ мистеръ Джирнингэмъ съ Крокеромъ, Боббиномъ и Гератэ, чувство въ пользу титула было гораздо нелѣпѣе, да и выражалось болѣе энергическимъ языкомъ. Крокеръ не въ силахъ былъ сдерживаться, когда узналъ, что на этотъ счетъ существуетъ еще какое-нибудь сомнѣніе. При первомъ появленіи Родена въ департаментѣ, Крокеръ чуть не бросился въ объятія друга, восклицая: — герцогъ, герцогъ, герцогъ! а затѣмъ упалъ на стулъ, совершенно подавленный волненіемъ. Роденъ оставилъ это безъ всякаго замѣчанія. Ему оно было очень непріятно, отвратительно. Онъ предпочелъ бы имѣть возможность присѣсть къ своему столу и продолжать свою работу безъ всякихъ особенныхъ оваций кромѣ обычнаго привѣтствія, вызваннаго его возвращеніемъ. Его сильно огорчало, что уже все извѣстно объ отцѣ его, и о титулѣ этого отца. Но это было естественно. Свѣтъ узналъ. Свѣтъ помѣстилъ это въ газеты. Свѣтъ объ этомъ толковалъ. Конечно мистеръ Джирнингэмъ также заговоритъ объ этомъ, а также младшіе клерки и Крокеръ. Крокеръ, разумѣется, заговоритъ громче всѣхъ остальныхъ. Этого слѣдовало ожидать. А потому, онъ оставилъ безъ вниманія восторженное и почти истерическое восклицаніе его, въ надеждѣ, что Крокеръ будетъ подавленъ своими чувствами и успокоится. Но восторжествовать надъ Крокеромъ было не такъ легко. Онъ, правда, просидѣлъ минуты двѣ на стулѣ, съ разинутымъ ртомъ, но онъ только приготовлялся къ серьёзной демонстраціи.

— Мы очень рады снова видѣть васъ, сэръ,—сказалъ мистеръ Джирнингэмъ, въ первую минуту не совсѣмъ ясно понимая, какъ ему приличнѣе обратиться къ сослуживцу.

— Благодарю васъ, мистеръ Джирнингэмъ. Я возвратился совершенно благополучно.

— Мы всѣ съ восхищеніемъ узнали... то, что узнали,—осторожно сказалъ мистеръ Джирнингэмъ.

— Клянусь, да, — сказалъ Боббинъ. — Вѣдь это правда, не такъ ли? Такое чудное имя!

— Столько правды и столько неправды, что я хорошенько не знаю, какъ и отвѣтить вамъ,—сказалъ Роденъ.

— Но вы же?—спросилъ Гератэ... и остановился, не дерзая выговорить громкій титулъ.

— Нѣтъ, это-то именно и несправедливо,—возразилъ тотъ.

— Но это правда,—крикнулъ Кроверъ, вскакивая со стула. —Правда, правда! Это совершенно вѣрно. Онъ—герцогъ ди-Кринола. Конечно, мы такъ будемъ называть его, мистеръ Джирнингэмъ; неправда ли?

— Право, не знаю,—сказалъ мистеръ Джирнингэмъ.

— Позвольте мнѣ знать свое имя,—сказалъ Роденъ.

— Нѣтъ, нѣтъ,—продолжалъ Кроверъ.—Это дѣлаетъ честь вашей скромности, но друзья ваши этого допустить не могутъ. Мы совершенно увѣрены, что вы—герцогъ. Человѣка называютъ именемъ, какое онъ носитъ, а не тѣмъ, какое ему заблагоразсудится. Еслибъ герцогъ Миддльсексъ назвался мистеромъ Смитомъ, онъ, все равно, былъ бы герцогомъ; не правда ли, мистеръ Джирнингэмъ? Весь свѣтъ звалъ бы его герцогомъ. То же должно быть и съ вами. Я не назвалъ бы вашу свѣтлость мистеромъ... вы знаете, что я хочу назвать, но я никогда болѣе не выговорю этого имени—ни за что въ мірѣ.

Роденъ сильно нахмурился.

— Обращаюсь къ цѣлому департаменту,—продолжалъ Кроверъ,—прося его, въ виду его собственной чести, называть нашего дорогого и высокочтимаго друга, при всѣхъ случаяхъ, его настоящимъ именемъ. Пью за здоровье герцога ди-Кринола!

Въ эту самую минуту Кроверу принесли его завтракъ, состоявшій изъ хлѣба съ сыромъ и кружки пива. Онъ поднесъ оловянную кружку ко рту и выпилъ во славу своего аристократическаго пріятеля, безъ всякой мысли о насмѣшкѣ. Для Кровера было великимъ дѣломъ находиться въ соприкосновеніи съ человѣкомъ, обладающимъ такимъ аристократическимъ титуломъ. Въ глубинѣ души онъ благоговѣлъ передъ герцогомъ. Онъ охотно бы просидѣлъ здѣсь до шести или семи часовъ, исправилъ бы за герцога всю его работу, только потому, что герцогъ,—герцогъ. Онъ не исполнилъ бы ее удовлетворительно, потому что ему не было свойственно хорошо исполнять какую бы то ни было работу, но онъ исполнилъ бы ее такъ же хорошо, какъ исполнялъ собственную. Онъ ненавидѣлъ работу; но онъ готовъ былъ скорѣй проработать всю ночь, чѣмъ видѣть герцога за работой,—такъ велико было его уваженіе къ аристократіи вообще.

— Мистеръ Крокеръ, — строго сказалъ мистеръ Джирнингэмъ,—вы превращаетесь въ чистую язву.

— Въ язву?

— Да, въ язву. Когда вы видите, что джентльменъ чего-нибудь не желаетъ, вы не должны этого дѣлать.

— Но когда имя человѣка остается его именемъ!

— Все равно. Разъ онъ этого не желаетъ, вы не должны этого дѣлать.

— Если это настоящее имя человѣка?

— Все равно,—сказалъ мистеръ Джирнингэмъ.

— Если джентльмену угодно сохранить инкогнито, почему ему не исполнить своего желанія?—спросилъ Гератэ.

— Еслибъ герцогъ Миддльсексъ назвался мистеромъ Смитомъ, — сказалъ Боббинъ, — всякій джентльменъ, который былъ бы джентльменомъ, не сталъ бы ему противорѣчить.

Крокеръ, не побѣжденный, но на эту минуту озадаченный, надувшись присѣлъ къ своему столу. Хорошо было жалкимъ людямъ, слабымъ существамъ какъ Джирнингэмъ, Боббинъ и Гератэ, отказываться отъ своей добычи, но онъ не желаетъ, чтобъ его такъ обманывали.

Въ Парадизъ-Роу всѣ были положительно противъ Родена; не только Демиджоны и Дufферы, но и мать и мистриссъ Винсентъ. Послѣдняя посѣтила мистриссъ Роденъ въ первый понедѣльникъ по ея возвращеніи. О многомъ надо было потолковать.

— Печальная, печальная исторія,—сказала мистриссъ Винсентъ, дослушавъ разсказъ кузины до конца и качая головой.

— Во всѣхъ нашихъ исторіяхъ, мнѣ кажется, много печальнаго. У меня мой сынъ и никакая мать не можетъ имѣть больше основаній гордиться сыномъ.—Мистриссъ Винсентъ снова покачала головой.—Я утверждаю это,—повторила мать;—а имѣя такого сына, я не могу допустить, что тутъ была одна печаль.

— Желала бы я, чтобъ онъ охотнѣе исполнялъ свои религіозныя обязанности,—сказала мистриссъ Винсентъ.

— Не можемъ мы всѣ всегда сходиться во мнѣніяхъ. Не нахожу, чтобъ необходимо было выдвигать это на сцену теперь.

— Это вопросъ, который должно выдвигать на сцену ежедневно и ежечасно, Мэри, если хочешь, чтобъ была какая-нибудь польза.

Но не по этому вопросу желала теперь мистриссъ Роденъ получить содѣйствіе кузины. Настоящей ея цѣлью было заставить кузину согласиться, что сынъ ея долженъ разрѣшить себѣ носить титулъ отца.

— Но какъ вы думаете—долженъ онъ принять имя отца?—спросила она.—Мистриссъ Винсентъ покачала головой и попыталась состроить глубокомысленную физіономію. Мнѣніе ея, по этому вопросу, далеко не установилось. Конечно, прилично, чтобъ сынъ носилъ имя отца. Всѣ приличія свѣта, насколько мистриссъ Винсентъ съ ними знакома, указываютъ на это. Кромѣ того она отнюдь не пренебрегала происхожденіемъ и считала, что люди обязаны относиться чуть не съ благоговѣніемъ къ тѣмъ, кто носитъ титулы. Хотя она всегда, до нѣкоторой степени, враждебно относилась къ Джорджу Родену, изъ-за вольностей, которыя онъ позволялъ себѣ по отношенію къ нѣкоторымъ религіознымъ вопросамъ, тѣмъ не менѣе она была достаточно добра, чтобъ желать всего хорошаго кузинѣ. Еслибъ рѣчь шла объ англійскомъ титулѣ, она, конечно, не покачала бы головой. Но къ этому иностранному, итальянскому титулу она относилась не безъ сомнѣній. Кромѣ того, по ея понятіямъ, наслѣдственные титулы всегда были связаны съ наслѣдственными владѣніями. Для нея было нѣчто почти анти-религіозное въ понятіи о герцогѣ безъ единаго акра помѣстій. А потому она могла только снова покачать головой.

— Права его на этотъ титулъ также несомнѣнны, — продолжала мистриссъ Роденъ,—какъ права старшаго сына самаго знатнаго пэра Англіи.

— Вѣроятно, милая, но...

— Но что?

— Полагаю, что ты права; только... только это не совсѣмъ тоже, что англійскій пэръ.

— Право наслѣдованія одинаково.

— Онъ никогда не могъ бы засѣдать въ палатѣ лордовъ.

— Конечно, нѣтъ; но почему бы ему больше стыдиться принять итальянскій титулъ, чѣмъ его пріятелю лорду Гэмпстеду —англійскій? Это ему не помѣшаетъ жить здѣсь. Многіе иностранные аристократы живутъ въ Англіи.

— Полагаю, что онъ могъ бы жить здѣсь,—сказала мистриссъ Винсентъ, точно оказывая особую милость.—Не думаю, чтобъ былъ бы законъ, въ силу котораго онъ изгонялся бы изъ страны.

— Ни изъ почтамта, еслибъ захотѣлъ тамъ остаться,—сказала мистриссъ Роденъ.

— На этотъ счетъ я ничего не знаю.

— Хотя бы его удалили, я предпочла бы, чтобъ это состоялось. По моимъ понятіямъ, человѣкъ не долженъ отказываться отъ преимущества, которое принадлежитъ ему по праву. Если

не ради себя самого, онъ долженъ сдѣлать это ради дѣтей своихъ. Ему-то, во всякомъ случаѣ, нечего стыдиться этого имени. Его носили его отецъ, дѣдъ, многія поколѣнія его предковъ. Вспомните, какъ люди у насъ спорятъ изъ-за титула, какъ они вырываютъ его другъ у друга, когда является сомнѣніе относительно того, кто имѣлъ право наслѣдовать его. Тутъ нѣтъ никакихъ сомнѣній.

Убѣжденная этими вѣскими аргументами мистриссъ Винсентъ, наконецъ, выразила мнѣніе, что ея родственникъ долженъ немедленно принять имя отца своего.

XVII.—Важный вопросъ.

Кромѣ Крокера, мистриссъ Винсентъ, матери и сэра Бореаса многіе живо интересовались дѣлами Джорджа Родена. Въ числѣ ихъ первое мѣсто принадлежало лэди Персифлажъ.

«Постарайся принять его какъ можно любезнѣе,—писала она сестрѣ.—Теперь больше ничего не остается. Имя прекрасное и хотя итальянскіе титулы не цѣнятся такъ высоко, какъ наши, тѣмъ не менѣе, когда они такъ хороши какъ этотъ, они имѣютъ большое значеніе. Существуютъ подлинныя лѣтописи фамиліи ди-Кринола; нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что онъ глава ея. Протяни ему руку и выпиши его въ Траффордъ, если Кинсбёри достаточно оправился. До меня дошли слухи, что онъ совершенно приличенъ, очень статенъ и пр., совсѣмъ не изъ тѣхъ молодыхъ людей, которые, стоя въ комнатѣ, дрожатъ, потому, что не умѣютъ сказать слова. Если бы онъ былъ въ этомъ родѣ, Фанни никогда не увлеклась бы имъ. Персифлажъ толковалъ о немъ кое-съ-кѣмъ и говоритъ, что что-нибудь навѣрное устроится, если его обставятъ какъ слѣдуетъ и онъ не будетъ стыдиться своей фамиліи. Персифлажъ готовъ сдѣлать все, что̀ можетъ, но прежде всего необходимо, чтобы ты раскрыла молодому человѣку свои объятія».

Письмо это очень смутило лэди Кинсбёри. Раскрыть свои объятія герцогу ди-Кринола она, пожалуй, еще могла, но какъ раскрыть ихъ лэди Франсесъ? дѣвушкѣ, которую она запирала въ Кенигсграфѣ, письма которой перехватывала? Тѣмъ не менѣе, она согласилась.

«Никогда не полюблю я Фанни,—отвѣчала она сестрѣ,—она такая хитрая. Но, конечно, выпишу ихъ обоихъ сюда, если

ты думаешь, что такъ всего лучше. Чѣмъ они будутъ жить, Господь одинъ знаетъ. Но, конечно, это будетъ не моя забота».

Первымъ послѣдствіемъ этихъ переговоровъ было очень ловко редактированное письмо лэди Персифлажъ, въ которомъ она приглашала Джорджа Родена въ замокъ Готбой, на Пасху. Громкій титулъ ни разу не упоминался въ этомъ посланіи, адресованномъ на имя мистера Джорджа Родена, но въ немъ были намеки, дававшіе понять, что настоящее положеніе въ свѣтѣ почтамтскаго клерка хорошо извѣстно всѣмъ обитателямъ замка Готбой. Главной приманкой для нашего героя послужило заявленіе, что въ числѣ гостей будетъ и лэди Франсесъ Траффордъ. Искушеніе было слишкомъ сильно, Роденъ принялъ приглашеніе.

— И такъ вы ѣдете въ замокъ Готбой?—сказалъ ему Крокеръ. Крокеръ, въ это время, испытывалъ истинную пытку. Ему наконецъ, растолковали, что онъ поступаетъ совершенно неправильно, величая герцога «свѣтлостью». Если вообще признавать Родена герцогомъ, онъ могъ быть только итальянскимъ герцогомъ,—а потому не «свѣтлостью». Это объяснилъ ему Боббинъ и смутилъ его. Титулъ: «герцогъ» онъ могъ употреблять по прежнему; но онъ боялся гнѣва Родена, въ случаѣ, еслибы сталъ употреблять его слишкомъ часто.

— Вы почему знаете?—спросилъ Роденъ.

— Я, какъ вамъ извѣстно, самъ тамъ бывалъ, да и часто получаю извѣстія изъ замка Готбой.

— Да, я ѣду въ замокъ Готбой.

— Гэмпстедъ, вѣроятно, тамъ будетъ. Я тамъ познакомился съ Гэмпстедомъ. Человѣкъ въ условіяхъ лорда Персифлажа, конечно, съ восторгомъ привѣтствуетъ—герцога ди-Кринола.

Онъ подался назадъ, точно боясь, что Роденъ его ударитъ, но... но договорилъ-таки свою фразу до конца.

— Конечно, если вамъ угодно досаждать мнѣ, я тутъ ничего подѣлать не могу,—сказалъ Роденъ, выходя изъ комнаты.

По пріѣздѣ его въ замокъ, все сначала пошло очень гладко. Всѣ называли его: «мистеръ Роденъ». Лэди Персифлажъ приняла его очень любезно. Лэди Франсесъ была на лицо, она обращалась съ нимъ какъ обращалась бы со всякимъ другимъ претендентомъ, безъ малѣйшихъ намековъ на его общественное положеніе, а именно этого-то онъ и желалъ. Лордъ Льюддьютль пріѣхалъ провести въ замкѣ два дня праздника и былъ съ нимъ очень вѣжливъ. Лэди Амальдина была очень рада съ нимъ познакомиться и черезъ три минуты уже просила его обѣщать, что онъ не женится до августа, въ виду ея интересовъ.

— Еслибы я теперь должна была отказаться отъ надежды видѣть Фанни въ числѣ моихъ дружекъ, — сказала она, — мнѣ право кажется, что я совсѣмъ бы отъ всего отказалась.

Передъ обѣдомъ ему позволили остаться наединѣ съ Фанни и тутъ онъ, въ первый разъ въ жизни, почувствовалъ, что его помолвка — признанный фактъ.

Все это было ему тѣмъ пріятнѣе, что его при этомъ называли его настоящимъ именемъ. Ему было почти стыдно того смущенія, какое причинилъ ему его воображаемый титулъ. Онъ сознавалъ, что думалъ объ этомъ вопросѣ больше, чѣмъ онъ того заслуживалъ. Приставанья Крокера были ему ненавистны. Невѣроятно было, чтобы онъ встрѣтилъ второго Крокера, но все же онъ опасался, самъ почти не зная чего. Лэди Персифлажъ и лэди Амальдина обѣ называли Родена, его настоящимъ именемъ, а лордъ Льюддьютль никакъ его не называлъ. Еслибы ему только дали уѣхать такъ, какъ онъ пріѣхалъ, безъ единаго намека, со стороны кого бы то ни было, на семейство ди-Кринола, тогда онъ рѣшитъ, что обитатели замка Готбой чрезвычайно благовоспитанны. Но онъ боялся на это надѣяться. Лорда Персифлажъ онъ увидѣлъ передъ самымъ обѣдомъ и тутъ, больше чѣмъ когда-либо замѣтилъ, что его представили подъ именемъ мистера Родена.

— Очень радъ васъ видѣть, мистеръ Роденъ. Надѣюсь, что вы охотникъ до живописныхъ видовъ. Считается, что у насъ, съ вершины башни, лучшій видъ въ цѣлой Англіи. Увѣренъ, что дочь моя покажетъ вамъ его. Не стану утверждать, чтобы я самъ когда-нибудь его видѣлъ. Прекрасные виды имѣютъ свою прелесть когда путешествуешь, но дома никто за ними никогда не гонится.

Этимъ лордъ Персифлажъ заплатилъ дань вѣжливости незнакомцу и разговоръ сдѣлался общимъ.

Весь слѣдующій день былъ посвященъ чарамъ любви и природы. Погода была восхитительна и Родену дозволено было бродить, гдѣ вздумается, съ лэди Франсесъ. Всѣ въ домѣ считали его признаннымъ женихомъ. Такъ какъ онъ, въ сущности, никогда не былъ признанъ никѣмъ изъ членовъ ея семьи, кромѣ самой дѣвушки; такъ какъ маркизъ даже не удостоилъ принять его, когда онъ явился, но поручилъ мистеру Гринвуду презрительно отвергнуть его предложеніе; такъ какъ маркиза отнеслась къ нему какъ къ человѣку, котораго и презирать-то не стоитъ; такъ какъ даже его искренній другъ лордъ Гэмпстедъ объявилъ, что затрудненія будутъ непреодолимы, — это внезапное исчезно-

веніе всякихъ препятствій не могло не показаться ему очаровательнымъ чудомъ. Онъ понималъ, что согласіе лорда и лэди Персифлажъ совершенно такъ же дѣйствительно, какъ согласіе лорда и лэди Кинсбёри. Случилось нѣчто, что въ глазахъ всей семьи какъ бы подняло его изъ грязи и поставило на величественный пьедесталъ. Все это дѣлалось потому, что его почитали итальянскимъ аристократомъ. А между тѣмъ это совершенно невѣрно, онъ никому не позволитъ такъ величать его, насколько въ его власти помѣшать этому.

Пребываніе его должно было продолжаться два полныхъ дня. Одинъ былъ всецѣло посвященъ любви. На слѣдующее утро, послѣ перваго завтрака, онъ очутился съ глазу на глазъ съ лордомъ Персифлажъ.

— Очень, очень радъ, что имѣлъ удовольствіе видѣть васъ здѣсь,—началъ хозяинъ. Роденъ на это только поклонился.

— Я не имѣю удовольствія лично знать вашего дядю, но въ Европѣ нѣтъ человѣка, котораго я бы больше уважалъ.

Роденъ снова поклонился.

— Всѣ подробности этого вашего романа мнѣ извѣстны черезъ д'Осси. Вы знаете д'Осси?—Роденъ объявилъ, что не имѣетъ чести знать итальянскаго посланника.

— А, ну, конечно, вамъ надо познакомиться съ д'Осси. Не стану обсуждать, соотечественникъ ли онъ вамъ или нѣтъ, но познакомиться вамъ съ нимъ надо. Онъ—большой пріятель вашего дяди.

— Я только благодаря случаю познакомился съ дядей и даже узналъ, что онъ мнѣ дядя.

— Совершенно вѣрно. Но случай послѣдовалъ, а результатъ, къ счастью, остается. Несомнѣнно, вамъ придется принять свою фамилію.

— Я сохраню то имя, которое ношу, лордъ Персифлажъ.

— Вы убѣдитесь, что это совершенно невозможно. Королева этого не допуститъ. — При этихъ словахъ Роденъ широко раскрылъ глаза, но министръ иностранныхъ дѣлъ посмотрѣлъ на него въ упоръ, точно желая его увѣрить, что хотя онъ прежде ни о чемъ подобномъ никогда не слыхалъ, это тѣмъ не менѣе правда.—Конечно, дѣло не обойдется безъ затрудненій. Въ настоящую минуту я не съумѣлъ бы посовѣтовать, какъ это слѣдуетъ обдѣлать. Можетъ быть, вамъ лучше было бы подождать, пока ея величество выразитъ желаніе принять васъ какъ герцога ди-Кринола. Разъ она это сдѣлаетъ, вамъ не останется другого выбора.

— Не останется выбора относительно собственнаго имени?

— Ни малѣйшаго. Въ настоящую минуту я, въ значительной степени думаю о благѣ моей родственницы, лэди Франсесъ. Придется что-нибудь устроить. Пока, я еще не совсѣмъ ясно различаю путь, но, безъ сомнѣнія, что-нибудь устроится. Герцогъ ди-Кринола, я увѣренъ, найдетъ себѣ приличное занятіе.

Тутъ онъ позвонилъ въ маленькій колокольчикъ и Вивіанъ, личный секретарь, вошелъ въ комнату. Вивіанъ и Роденъ были знакомы, они обмѣнялись нѣсколькими любезными словами; но Роденъ былъ вынужденъ разстаться съ лордомъ безъ дальнѣйшихъ протестовъ относительно предполагаемыхъ желаній ея величества.

Часовъ около пяти его пригласили въ собственную, маленькую гостиную лэди Персифлажъ.

— Неправда ли, я была къ вамъ очень добра? — спросила она, смѣясь.

— Дѣйствительно, очень добры. Что могло быть любезнѣе какъ пригласить меня сюда, въ замокъ?

— Это я сдѣлала для Фанни. Но сказала ли я вамъ хоть слово о вашемъ ужасномъ имени?

— Не говорили; сдѣлайте милость, лэди Персифлажъ, будьте добры до конца.

— Да,—сказала она,—я буду добра до конца, при всѣхъ. Я ни слова не говорила объ этомъ даже Фанни. Фанни—ангелъ.

— Я съ вами согласенъ.

— Это само собой разумѣется. Но даже ангелъ не откажется отъ общественнаго положенія, принадлежащаго ему по праву. Вы не должны позволять себѣ предполагать, чтобы даже Фанни Траффордъ была равнодушна къ титуламъ. Есть жертвы, которыхъ мужчина можетъ ожидать отъ дѣвушки, но есть жертвы, которыхъ ожидать нельзя, какъ бы она влюблена ни была. Фанни Траффордъ должна сдѣлаться герцогиней ди-Кринола.

— Боюсь, что этого я не въ состояніи для нея сдѣлать.

— Дорогой мой мистеръ Роденъ, это должно быть. Я не могу позволить вамъ уѣхать отсюда, не объяснивъ вамъ, что, какъ женихъ, вы не можете отказаться отъ своего титула. Еслибъ вы намѣревались остаться холостякомъ, я не берусь рѣшить, какъ далеко могли бы завести васъ ваши своеобразныя понятія, но такъ какъ вы намѣрены жениться, то и у нея будутъ свои права. Предоставляю вамъ судить, честно ли было бы съ вашей стороны просить ее отказаться отъ намѣренія, котораго она будетъ вправѣ ожидать отъ васъ. Подумайте объ этомъ, мистеръ Роденъ. Теперь я васъ болѣе на этотъ счетъ безпокоить не буду.

Болѣе объ этомъ не было рѣчи въ замкѣ Готбой. На другой день онъ возвратился въ почтамтъ.

XVIII.—Принуждать не могу.

Около половины апрѣля лордъ и лэди Кинсбёри пріѣхали въ Лондонъ. Изо дня въ день, недѣлю за недѣлей, маркизъ объявлялъ, что никогда болѣе не будетъ въ силахъ выйти изъ своей комнаты и собирался умирать немедленно, пока окружающіе его не начали думать, что онъ вовсе не умретъ. Его, однако, наконецъ убѣдили, что онъ можетъ во всякомъ случаѣ также удобно умереть въ Лондонѣ, какъ въ Траффордѣ, а потому онъ и позволилъ перевезти себя въ Паркъ-Лэнъ. Состояніе его здоровья, конечно, послужило предлогомъ этого передвиженія. Говорили, что въ это именно время года ему полезнѣе будетъ быть поближе къ своему лондонскому доктору. Маркизъ повѣрилъ этому. Когда мужчина боленъ, для него нѣтъ ничего важнѣе его болѣзни. Но вопросъ, не побудила ли маркизу тревога ея изъ-за прочихъ дѣлъ семьи, убѣдить мужа. Маркизъ далъ условное согласіе на бракъ дочери. Фанни разрѣшено было выдти за герцога ди-Кринола. Разрѣшеніе это дано было безъ всякаго прямого намека на денежный вопросъ, но въ немъ несомнѣнно проглядывало обѣщаніе со стороны отца невѣсты обезпечить имъ нѣкоторый доходъ. Чѣмъ же имъ иначе жить? Письмо къ лэди Франсесъ было написано ея мачихой, подъ диктовку маркиза. Но продиктованныя слова не были занесены на бумагу, безъ всякихъ измѣненій. Отецъ желалъ быть мягкимъ и ласковымъ, просто выражая удовольствіе по поводу того, что поклонникъ его дочери оказывается герцогомъ ди-Кринола. Изъ этого маркиза сдѣлала договоръ. Женихъ будетъ принятъ въ качествѣ жениха, подъ условіемъ, что приметъ имя и титулъ. Сестра ея, лэди Персифлажъ, дала ей понять, что ей бы слѣдовало пригласить молодого человѣка въ Траффордъ. Она нашла, что удобнѣе будетъ принять его въ Лондонѣ. Лэди Франсесъ пріѣдетъ къ нимъ въ Паркъ-Лэнъ и тогда молодой человѣкъ получитъ приглашеніе. Маркиза будетъ просить къ себѣ «герцога Ди-Кринола». Ничто въ мірѣ не заставитъ ее написать имя Родена.

Гэмпстедъ въ это время жилъ въ Гендонѣ; сестра оставалась у него, пока маркиза не переѣхала въ городъ, но онъ ни съ кѣмъ, за исключеніемъ Джорджа Родена, часто не видался. Со времени возвращенія Родена изъ Италіи, ему, безъ словъ, было

разрѣшено посѣщать Гендонъ-Голлъ. Лэди Франсесъ писала отцу въ отвѣтъ на письмо, писанное маркизой отъ его имени, и объявила, что мистеръ Роденъ и желаетъ остаться мистеромъ Роденомъ. Она очень пространно объясняла его побужденія, но едва ли съумѣла сдѣлать ихъ сколько-нибудь понятными отцу. Онъ просто утаилъ письмо, прочтя его до половины. Онъ не желалъ брать на себя трудъ объяснять все это женѣ и болѣе ни во что не вмѣшивался, хотя предложенное условіе было положительно отвергнуто тѣми, кого оно должно было связывать.

Для Родена и лэди Франсесъ это, безъ сомнѣнія, было очень пріятно. Сама лэди Амальдина Готвиль не была болѣе настоящей невѣстой своего аристократическаго поклонника, чѣмъ лэди Франсесъ—этого бѣдняка, итальянскаго аристократа. Но братъ, въ это время, далеко не былъ такъ счастливъ, какъ сестра. Между нимъ и лэди Франсесъ, по возвращеніи его изъ Траффорда, произошла ужасная сцена. Онъ возвратился съ письмомъ Маріонъ въ карманѣ, каждое слово этого письма было запечатлѣно въ его памяти, но онъ по прежнему сомнѣвался въ необходимости исполнить приказанія Маріонъ. Она объявляла, съ той силой выраженій, какую только съумѣла найти, что бракъ, который онъ намѣревался заключить, невозможенъ. Она и прежде не разъ говорила ему это и эти разговоры ни къ чему не повели. Когда она въ первый разъ сказала, что не можетъ сдѣлаться его женой, это почти нисколько не ослабило радости, какую доставили ему ея увѣренія въ любви. Это, въ глазахъ его, ничего не значило. Когда она говорила ему о различіи въ ихъ общественномъ положеніи, онъ ничего слышать не хотѣлъ. Всю свою жизнь, всю свою энергію онъ посвящалъ на то, чтобъ опровергнуть доводы тѣхъ, кто ежедневно толковалъ ему, что его отъ прочихъ людей отдѣляютъ особенности его общественнаго положенія.

Онъ ужъ, конечно, не позволитъ ничему подобному разлучить его съ единственной женщиной, которую онъ любилъ. Укрѣпивъ свое сердце этими размышленіями, онъ сказалъ себѣ, что робкимъ сомнѣніямъ дѣвушки не должно придавать никакого серьёзнаго значенія. Такъ какъ она любила его, онъ, конечно, будетъ въ силахъ побѣдить всѣ эти сомнѣнія. Онъ возьметъ ее въ объятія и унесетъ. Въ немъ таилось убѣжденіе, что дѣвушка, разъ признавшись въ любви къ человѣку, принадлежитъ ему и обязана ему повиноваться. Охранять ее, поклоняться ей, окружать ее попеченіями, заботиться, чтобъ вѣтеръ слишкомъ сильно не подулъ на нее, говорить ей, что она единственное сокровище

въ мірѣ, которое имѣетъ въ глазахъ его истинную цѣну, но въ тоже время совершенно овладѣть ею, такъ чтобъ она всецѣло принадлежала ему,—таково было его представленіе объ узахъ, которыя должны были соединить его съ Маріонъ Фай. Такъ какъ любовь его доставляла ей отраду, невозможно, чтобъ она когда-нибудь не отозвалась на его призывъ.

Кое-что изъ этого и она замѣтила и поняла, что ей необходимо сказать ему всю правду. Она это сдѣлала въ очень немногихъ словахъ: «Мать моя умерла; всѣ мои братья и сестры умерли. Я также умру въ молодости».

Что могло быть проще этихъ словъ, но какъ сильны они были въ своей простотѣ! Онъ не рѣшался сказать, даже про себя, что это не правда, что этого не должно быть. Можетъ быть, она и уцѣлѣетъ тамъ, гдѣ другіе не уцѣлѣли. На этотъ рискъ онъ готовъ былъ идти, готовъ былъ сказать ей, что все это она должна предоставить Богу. Такъ онъ, конечно, и поступитъ. Но онъ не можетъ сказать ей, что нѣтъ основаній опасаться. «Если намъ суждено жить—будемъ жить вмѣстѣ, если умереть—умремъ, такъ скоро одинъ послѣ другаго, какъ только возможно. Намъ положительно необходимо одно—сойтись». Вотъ что онъ теперь ей скажетъ.

Въ этомъ настроеніи онъ возвратился въ Гендонъ, собираясь немедленно отправиться въ Голловэй, чтобъ на словахъ объясниться съ Маріонъ. Его остановила записка квакера.

«Мой дорогой, молодой другъ,—писалъ старикъ,—Маріонъ поручила мнѣ передать тебѣ, что мы нашли полезнымъ, чтобъ она отправилась, на нѣсколько недѣль, на морской берегъ. Я отвезъ ее въ Пегвель-Бей, откуда могу каждый день пріѣзжать къ себѣ въ контору, въ Сити. Послѣ вашего послѣдняго свиданія она была не совсѣмъ здорова, не больна, собственно говоря, но взволнована, что вполнѣ естественно. Я повезъ ее на морской берегъ, по совѣту докторовъ. Она, однако, проситъ меня передать тебѣ, что бояться нечего. Тѣмъ не менѣе, лучше было бы, по крайней мѣрѣ на время, избавить ее отъ волненія, сопряженнаго съ свиданіемъ съ тобою.

«Твой вѣрный другъ Захарія Фай».

Записка эта его смутила, а въ первую минуту сильно раогорчила. Ему захотѣлось полетѣть въ Пегвель-Бей и лично убѣдиться, въ какомъ состояніи она дѣйствительно находится. Но по зрѣломъ обсужденіи онъ понялъ, что не смѣетъ этого сдѣлать вопреки приказанію квакера. Пріѣздъ его, безъ всякаго сомнѣнія, взволнуетъ ее. Онъ вынужденъ былъ отказаться отъ этой

мысли и удовольствоваться твердымъ намѣреніемъ навѣстить квакера въ Сити, на другой день.

Но слова сестры было тяжелѣе вынести, чѣмъ записку квакера.

— Милый Джонъ, — сказала она, — тебѣ надо отъ этого отказаться.

— Никогда я отъ этого не откажусь,—отвѣтилъ онъ.

— Милый Джонъ!

— Какое право имѣешь ты совѣтовать мнѣ отказаться? Чтó бы ты мнѣ отвѣтила, еслибъ я объявилъ, что ты должна отказаться отъ Джорджа Родена?

— Еслибъ была одна и таже причина!

— Чтó ты знаешь о какой бы то ни было причинѣ?

— Милый, милый братъ.

— Ты противъ меня. Ты умѣешь быть упрямой. Я не болѣе тебя способенъ отказаться отъ того, чѣмъ дорожу.

— Тутъ дѣло идетъ объ ея здоровьѣ.

— Развѣ она первая молодая дѣвушка, которая выйдетъ замужъ, не будучи здорова, какъ коровница? Какъ можешь ты рѣшаться приговаривать ее къ смерти?

— Это не я. Это сама Маріонъ. Ты просилъ меня навѣстить ее, она говорила со мной.

Онъ помолчалъ съ минуту, а затѣмъ хриплымъ, тихимъ голосомъ спросилъ:

— Что она тебѣ сказала?

— О, Джонъ! мнѣ кажется, что я едва ли могу повторять тебѣ, чтó она сказала. Но ты самъ знаешь. Она писала тебѣ, что, изъ-за ея здоровья, твое желаніе не можетъ быть исполнено.

— Неужели ты бы хотѣла, чтобъ я уступилъ потому только, что она боится за меня? Будь Джорджъ Роденъ не крѣпкаго здоровья, ты бы оттолкнула его и уѣхала?

— Трудно обсуждать этотъ вопросъ, Джонъ.

— Но его приходится обсуждать. О немъ, во всякомъ случаѣ, приходится подумать. Не думаю, чтобъ женщина имѣла право сама рѣшать его и съ увѣренностью утверждать, что Всемогущій обрекъ ее на раннюю смерть. Эти вещи надо предоставлять Провидѣнію, случаю, судьбѣ, называй какъ хочешь.

— Но если у нея свои убѣжденія?

— Ее не надо предоставлять собственнымъ убѣжденіямъ. Въ томъ-то и дѣло. Ей не слѣдуетъ позволять жертвовать собою какой-то фантазіи.

— Никогда тебѣ не убѣдить ее,—сказала сестра, положивъ руку на его руку и жалобно заглядывая ему въ лицо.

— Не убѣдить? Ты рѣшительно утверждаешь, что мнѣ ее не убѣдить?—На это она только покачала головой.—Почему ты говоришь такъ положительно?

— Она могла сказать мнѣ вещи, которыя едва ли могла сказать тебѣ.

— Въ чемъ же дѣло?

— Она могла сказать мнѣ вещи, которыя я едва ли могу повторить тебѣ. О, Джонъ, повѣрь, повѣрь мнѣ. Ты долженъ отказаться отъ этой мысли. Маріонъ Фай никогда не будетъ твоей женой.—Онъ сбросилъ съ себя ея руку и сурово нахмурился. —Неужели ты думаешь, что я не пожелала бы имѣть ее сестрой, еслибъ это было возможно? Неужели ты не вѣришь, что я также люблю ее? Кто можетъ не полюбить ее?

Онъ конечно зналъ, что она не можетъ чувствовать тоже, что̀ чувствуетъ онъ. Что такое всякая другая любовь, всякая другая грусть, въ сравненіи съ его любовью, съ его грустью?

На другой день онъ былъ въ Лондонѣ и, въ обществѣ квакера, расхаживалъ взадъ и впередъ по Бродъ-Стритъ передъ входной дверью въ контору Погсона и Литтльбёрда.

— Дорогой другъ мой,—говорилъ кваверъ,—я не утверждаю, что этого никогда не будетъ. Это въ рукахъ Всемогущаго.— Гэмпстедъ нетерпѣливо потрясъ головой.

— Вы не сомнѣваетесь во власти Всемогущаго блюсти свои созданія? Мнѣ кажется, что если человѣкъ чего нибудь желаетъ, онъ долженъ этого добиваться.

Кваверъ пристально посмотрѣлъ ему въ лицо.—Въ обыкновенныхъ, житейскихъ дѣлахъ это хорошее правило, милордъ.

— Оно всегда хорошо. Вы говорите мнѣ о Всемогущемъ. Чтожъ, Всемогущій дастъ мнѣ любимую дѣвушку, если я буду смирно сидѣть и молчать? Не долженъ ли я добиваться этого, какъ и всего остальнаго?

— Что же я-то могу сдѣлать, лордъ Гэмпстедъ?

— Согласиться со мной, что для нея же было бы лучше рѣшиться. Признать, какъ признаю я, что ей не слѣдуетъ считать себя обреченной. Еслибъ вы, отецъ ея, ей приказали, она бы послушалась.

— Не знаю.

— Можете попытаться, если вы со мной согласны. Вы отецъ ея, она вамъ покорна. Вы не находите, что ей бы слѣдовало?...

— Какъ могу я сказать? Чтò мнѣ сказать, кромѣ того, что все это въ рукахъ Божіихъ? Я старикъ и много страдалъ. Все, что мнѣ было дорого, у меня отнято, все—кромѣ ея. Какъ могу я думать о твоемъ горѣ, когда мое собственное такъ тяжко?

— Мы должны думать о ней.

— Я не могу утѣшить ее, не могу и осуждать. Я даже не стану пытаться убѣдить ее. Она—все, чтò у меня осталось. Если я одну минуту и думалъ, что мнѣ пріятно было бы видѣть мою дочь женою такого высокопоставленнаго лица, какъ ты, это безуміе забыто. Съ меня теперь было бы довольно видѣть моего ребенка живымъ; Богъ съ ними, съ титулами, общественнымъ положеніемъ, величавыми дворцами.

— Кто думалъ обо всемъ этомъ?

— Я думалъ. Не она—мой ангелъ, моя бѣлоснѣжная голубка!

Горячія слезы потекли по лицу Гэмпстеда.

— Мы съ тобой, милордъ,—продолжалъ Захарія Фай,—испытываемъ тяжкое горе изъ-за этой дѣвушки. Вѣрно, что твоя любовь, какъ моя, искренна, честна, глубока. Ради ея самой желалъ бы я имѣть возможность отдать ее тебѣ, ради твоей искренности и честности, не ради твоего богатства и титуловъ. Но не въ моей власти отдать ее. Она сама себѣ госпожа. Я не скажу ни слова, чтобъ убѣдить ее, въ томъ или другомъ смыслѣ.

На этомъ они разстались.

О. П.

НАЦІОНАЛЬНАЯ КИТАЙСКАЯ КУХНЯ

VI *).

Такъ какъ процессъ «покушать» есть главнѣйшая цѣль въ жизненной дѣятельности китайца, оттого естественно, что ему дано почетнѣйшее мѣсто во всемъ домашнемъ и общественномъ обиходѣ. При встрѣчѣ не только съ пріятелемъ, а даже съ случайнымъ прохожимъ, съ постороннимъ лицомъ, самымъ обыкновеннымъ привѣтствіемъ, долгомъ любезности, учтивости, какъ угодно назовите, можно услышать вопросъ: «чи ляо фань нина мэй ю» (кушали ли вы), и, конечно, никто никогда не отвѣтитъ, что не ѣлъ. Такой отвѣтъ былъ бы позоромъ для отвѣчающаго, былъ бы нѣкоторымъ образомъ признаніемъ, что ему поѣсть не на что. Я не могу забыть китайца-учителя въ Пекинѣ, при русской школѣ для дѣтей албазинцевъ [1]). Встрѣчая меня каждое утро, въ 6 часовъ, въ нашемъ саду, куда я выходилъ на прогулку тотчасъ какъ вставалъ со сна, учитель непремѣнно меня спрашивалъ: «чи ляо фань нина мэй ю?» Несмотря на мои замѣчанія, что я только что всталъ, онъ возражалъ мнѣ, что нельзя же не спросить. Однажды, живя на дачѣ въ пекинской окрестности, послѣ ночной безсонницы, я пошелъ пѣшкомъ на дачу къ своему товарищу, за 15 верстъ; со мной долженъ

*) См. выше: іюль, стр. 69.

[1]) Оставшіеся православные потомки русскихъ поселенцевъ въ Албазинѣ, на Амурѣ.

былъ пойти слуга, не успѣвшій ничего поѣсть; встрѣчавшіеся прохожіе, засматриваясь на меня, какъ на иноземное диво, на жителя съ западнаго моря (европейца), обращались къ моему слугѣ съ любезностью: кушалъ ли онъ? Слуга, отощавшій съ голода, бойко отвѣчалъ: кушалъ. Тоже, между китайцами, однимъ изъ любезныхъ вопросовъ можно часто услышать: сколько разъ въ день кушаете? въ день сколько съѣдаете чашекъ каши? Отвѣчающій, прихвастнувъ о лишнемъ разѣ, о лишней чашкѣ, обыкновенно обѣими ладонями изображаетъ размѣръ употребляемой имъ чашки для каши. При дружественныхъ разговорахъ съ иностранцами, не рѣдкость услышать вопросы: есть ли въ вашей странѣ рисъ? сколько разъ въ день въ вашей странѣ обѣдаютъ? всѣ ли пять родовъ хлѣба растутъ въ вашей странѣ? Кстати замѣтить, что между китайцами во всѣхъ слояхъ общества очень упорно держится убѣжденіе, что иностранцы живутъ въ Китаѣ оттого, что у себя, на родинѣ, имъ ѣсть или нечего или не на что.

Такъ какъ, по ученію китайцевъ, только хорошо насыщенный желудокъ, это гнѣздо ума, способенъ къ сознательной, мудрой дѣятельности, то естественно, чѣмъ болѣе и лучше онъ насыщается и чѣмъ онъ болѣе воспріимчивъ къ таковому насыщенію, тѣмъ убѣдительнѣе, натуральнѣе свидѣтельствуется, что собственникъ утробы уменъ. Китайская фраза «та хой чи» (онъ умѣетъ кушать), очень характерно выражаетъ, что «онъ — человѣкъ умный». А такъ какъ люди богатые, постоянно насыщающіеся мясомъ, въ пищевомъ отношеніи всегда стоятъ выше питающихся только пищей мучной, то такой бѣдный людъ обыкновенно считается не далекимъ по разуму, и въ отличіе отъ первыхъ, называемыхъ «чи жоу ди» (питающіеся мясомъ) именуются «чи мянь ди» (питающіеся мучнымъ). По мнѣнію китайцевъ, эти два разряда составляютъ собой противоположныя группы человѣчества, двѣ категоріи, счастливцевъ и несчастныхъ, умныхъ и неразумныхъ, возвеличенныхъ судьбой и угнетенныхъ ею. И всѣ помыслы послѣднихъ обыкновенно витаютъ въ мечтахъ дождаться быть «чи жоу ди». Такимъ вожделеннымъ влеченіемъ особенно отличаются начинающіе торговцы и учащаяся молодежь, которые послѣ удачныхъ экзаменовъ, могутъ попасть на казенную службу, щедро питающую своихъ адептовъ.

Въ природѣ человѣка,—я говорю о китайцѣ,—очень сытное насыщеніе пищей наружно высказывается «рыганіемъ»,—я пишу очень серьезно, срисовывая китайца съ натуры. Каждый кушающій гость, даже на самыхъ блестящихъ обѣденныхъ собраніяхъ,

обнаруживаетъ свою учтивость и, такъ сказать, тонкую благодарность кормящему его, когда за трапезой выразительно рыгнетъ разъ или нѣсколько разъ. Это у китайцевъ своего рода шикъ; это—положительный признакъ, что рыгнувшій умѣетъ покушать.

При такомъ значеніи процесса «ѣсть», вполнѣ естественно, что для него въ Китаѣ устроены всѣ удобства и всѣ приспособленія. Въ городахъ, въ каждомъ селеніи и на перекресткахъ загородныхъ дорогъ, повсюду встрѣчается много трактировъ, харчевень, постоялыхъ дворовъ и т. п. При похвальной простотѣ во всемъ быту у китайцевъ, эти заведенія обыкновенно отличаются замѣчательной бѣдностью во всей обстановкѣ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онѣ не отличаются и чистотой. Впрочемъ, есть и шикарные, очень дорогіе рестораны, гдѣ во всемъ видна претензія на роскошь и на чистоту, и гдѣ кромѣ самаго изысканнаго обѣда къ удовольствію обѣдающихъ даются театральныя зрѣлища. Всѣ названныя съѣстныя заведенія, за исключеніемъ, впрочемъ, подобныхъ ресторановъ, обыкновенно многолюдны. Онѣ посѣщаются шатающимися, праздными людьми, — это по большей части солдаты, и особенно въ дни получаемаго ими жалованья; постоянными посѣтителями бываютъ, впрочемъ безъ женскаго пола, цѣлыя семейства, не имѣющія своего хозяйства, и всего больше являются разнаго званія люди, ради угощеній по случаю какой-либо сдѣлки, за исполненную услугу, коммиссію, и т. п. Вообще угощеніе обѣдомъ, во всякій часъ дня, считается китайцемъ лучшей любезностью и нѣкоторымъ образомъ обязательнымъ при встрѣчѣ съ нужнымъ человѣкомъ. Даже у себя дома было бы не учтиво не просить пришедшаго гостя пообѣдать, хотя каждый китаецъ, знакомый съ приличіями, не долженъ соглашаться остаться обѣдать столь безцеремонно, не бывши приглашеннымъ заранѣе. Однажды, въ Пекинѣ, нѣкто Гао, мой почтенный профессоръ, высказался мнѣ о своемъ вчерашнемъ испугѣ. Гостя своего, стараго пріятеля, онъ просилъ остаться обѣдать; гость отказывался, а Гао все crescendo настаивалъ на своемъ, такъ что, наконецъ гость согласился съ нимъ; но такое неожиданное согласіе столь сильно огорчило хозяина, человѣка бѣднаго, что онъ, покраснѣвъ до ушей и откашлявшись, внезапно спустился на минорный тонъ, сознавшись, что у него никакого обѣда нѣтъ.

Почти во всѣхъ харчевняхъ, да и во многихъ трактирахъ, публика обѣдаетъ внѣ, на улицѣ, подъ навѣсомъ; и не рѣдкость увидать, что за однимъ столомъ, рядомъ съ бариномъ, съ какимъ-

нибудь «чи жоу ди», сидитъ грязный, почти нагой нищій. Таковъ принципъ равенства въ очень церемонномъ Китаѣ; столь строго уважается истина, что трактиръ созданъ для человѣка, а не человѣкъ для трактира. Около трактировъ можно встрѣтить кушающими стоящихъ посреди улицы. Это шикъ между «чи мянь ди», когда каждый прохожій съ завистью увидитъ обладателя чашки риса или лапши; и, конечно, никто не пройдетъ мимо, не сдѣлавши книксена и не произнеся «чи ляо фань нина».

Относительно пищи у себя дома, что̀ бываетъ только у людей семейныхъ, обыкновенно обѣдаютъ утромъ, не позже какъ черезъ часъ послѣ сна, и еще вечеромъ около 3—4 часовъ; а въ богатыхъ домахъ обѣдаютъ по три, по четыре раза въ день, собственно ради бездѣлья и ради тщеславія. Должно замѣтить, что при всей разсчетливости китайцевъ, они весьма дурные хозяева. Самая архитектура ихъ домовъ свидѣтельствуетъ, что въ нихъ не можетъ жить хорошая хозяйка. И дѣйствительно, возможно ли хозяйничать и экономничать, когда при квартирѣ нѣтъ ни кладовой, ни ледника? Замѣчательно, что на китайскомъ языкѣ нѣтъ и слова, которое бы въ точности выражало наше понятіе о кладовой. Видя мою кладовую съ провизіей, китайцы-слуги дали ей прозвище «пу цзы» (лавочка). Все, что̀ требуется для пищи, и даже каждая мелочь для хозяйства, напримѣръ, два-три гвоздика, веревка, для каждаго раза должны быть куплены; извѣстное выраженіе «яо мой» (надобно купить) всего чаще повторяется между китайцами.

По части пищи, одна изъ главнѣйшихъ основъ въ китайскомъ культѣ, почитаніе старшихъ, играетъ въ семействѣ существенную роль. Глава семейства всегда получаетъ лучшую пищу, чѣмъ всѣ остальные члены семьи. Въ семьѣ небогатаго состоянія, только глава питается мясомъ. Между ними бываютъ и такіе, которые всегда обѣдаютъ въ трактирѣ, или же только для себя получаютъ оттуда обѣдъ. И такой себялюбивый обычай нисколько не представляется зазорнымъ для остальныхъ членовъ семейства, можетъ быть, подъ часъ и голодающихъ. Кстати можно сказать, что по древнему уставу почитанія старшихъ дѣти не смѣютъ ни сидѣть, ни даже разговаривать въ присутствіи главы семейства, при его обѣдѣ они должны стоять какъ слуги, хотя бы были уже сами женаты и съ дѣтьми. Въ давнюю старину этотъ обычай соблюдался въ точности; а нынѣ, въ вѣкъ упадка патріархальныхъ нравовъ, какъ жалуются китайцы, описанная церемо-

нія исполняется не болѣе, какъ для показа, только при посторонних.

Наконецъ очень многія семейства, обыкновенно бѣдныя, покупаютъ готовый обѣдъ у разнощиковъ. Разнощикъ въ небольшой тачкѣ, со вдѣланной въ нее печуркой, развозитъ обѣдъ по улицамъ. Для большей легкости въ перевозкѣ тачки, къ ней приспособляется парусъ.

Соотвѣтственно съ изобиліемъ въ съѣстныхъ заведеніяхъ и съ потребностью приготовленія пищи въ каждомъ, даже маломальски состоятельномъ семействѣ, въ Китаѣ существуетъ очень значительный спросъ на поваровъ, и въ нихъ обыкновенно не встрѣчается недостатка, несмотря даже на то, что для замѣны ихъ рѣдко бываютъ кухарки. Всѣ повара непремѣнно принадлежатъ къ своему цѣху, отъ котораго имѣютъ аттестаты; аттестатъ пріобрѣтается послѣ экзамена тамъ же; онъ опредѣляетъ искусство повара по степенямъ, нѣкоторымъ образомъ соотвѣтствующимъ званіямъ отъ баккалавра до доктора. Каждый поваръ непремѣнно имѣетъ у себя одного или двухъ учениковъ. Что китайскіе повара знаютъ свое ремесло, въ этомъ не усумнится никто изъ иностранцевъ, живущихъ въ Китаѣ. Дѣйствительно, они готовятъ пищу хорошо и вкусно, и нельзя не цѣнить ихъ особенно за то, что между ними нѣтъ пьяницъ. Въ Китаѣ иностранцы рѣдко имѣютъ поваровъ изъ Европы, очень дорого стоющихъ и большей частью пьяницъ. Благодаря своему искусству и хорошему вкусу, которымъ вообще счастливо одарена китайская нація, и благодаря имѣющимся переводамъ на китайскій языкъ нашихъ поваренныхъ книгъ, они быстро пріучаются готовить кушанья европейской кухни, обыкновенно не заслуживающія осужденія даже со стороны лучшихъ нашихъ гастрономовъ. И не только въ Китаѣ, а всюду на крайнемъ востокѣ,—я видѣлъ ихъ въ англійскихъ домахъ даже въ Индіи,—китайскіе повара считаются лучшими и самыми дорогими. Хорошій поваръ обыкновенно получаетъ жалованья до 25 долларовъ. Какъ на образецъ знанія китайскимъ поваромъ своего ремесла можно, напримѣръ, упомянуть объ извѣстномъ китайскомъ «menu» въ пятьдесятъ блюдъ, все приготовленныхъ только изъ баранины, конечно съ разными соусами, гарнирами и фаршами.

Но, должно сказать, между китайскими поварами есть и тяжкіе пороки, присущіе натурѣ почти каждаго изъ его соотечественниковъ. Они извѣстны неопрятностію и воровствомъ. Китайскій поваръ никогда не позаботится ни о чистотѣ своихъ рукъ, ни о чистомъ передникѣ, ни о колпакѣ; не особенно заботится

промывать провизію; для обмывки посуды не станетъ искать чистой воды, если подъ бокомъ стоитъ кадка съ помоями; однажды мнѣ привелось быть въ своей кухнѣ случайнымъ свидѣтелемъ такого цинизма, вслѣдствіе чего я заставилъ слугу при моемъ обѣдѣ подавать тазъ съ водой, въ которомъ при мнѣ онъ обязанъ былъ мыть посуду. Другой порокъ, воровство, переносить нѣсколько легче. Китаецъ-поваръ, равно какъ и каждый слуга, непремѣнно воруетъ у своего господина. Воруетъ не вещи, а извѣстный процентъ съ каждой сдѣланной имъ покупки. Это воровство извѣстно у китайцевъ подъ техническимъ словомъ «чжуань» (утаить). Въ китайскихъ семействахъ такая утайка обыкновенно простирается до 10%. Во время оно столько же утаивалось и въ иностранныхъ семействахъ; но нынѣ, по мѣрѣ болѣе короткаго знакомства съ привычками иностранцевъ, и видя, особенно между англичанами въ портахъ, всю ихъ нерасчетливость и роскошь въ образѣ жизни, китайцы стали увеличивать проценты своей «чжуань» до 15%, до 30%, а иногда и болѣе. Уничтожить такой грабежъ крайне трудно, даже едва ли и возможно. Перемѣнивъ повара или другую прислугу, необходимо нанять другихъ, которые въ свою очередь не уступятъ первымъ ни въ чемъ. Таковъ національный обычай, простирающійся не на одну прислугу, а на каждую профессію; казенные сундуки терпятъ отъ «чжуань» всего наиболѣе. Такое «чжуань» китайцы оправдываютъ тѣмъ, что каждый трудъ долженъ быть оплачиваемъ. При такомъ сознаніи своего права, названное воровство организовано въ правильную систему, въ которой главнѣйшимъ основаніемъ служитъ неизмѣнное постановленіе, состоящее въ томъ, что все утаенное артелью,—прислуги ли при домѣ или вообще лицъ, находящихся подъ вѣдѣніемъ общаго имъ хозяина или начальника,—должно каждый мѣсяцъ дѣлить между собою честно, но не поровну, а соотвѣтственно положенію каждаго, самому старшему всего болѣе и самому младшему всего менѣе. Такъ какъ этотъ обычай извѣстенъ каждому китайцу, и онъ не искоренимъ, то между мѣстными богатыми барами существуетъ обыкновеніе, держа много прислуги, никому не давать жалованья, основательно заключая, что отъ покупокъ и отъ множества другихъ способовъ «чжуанить», прислуга голодной не будетъ. Оттого-то можно сказать утвердительно, безъ всякаго исключенія, что нѣтъ въ Китаѣ повара, или за него закупающаго эконома, который не обиралъ бы своего господина. Ему было бы совѣстно за самого себя, если бы онъ не «чжуанилъ»; да, дѣйствительно, и нельзя ему

быть честнымъ, находясь въ кругу и подъ ферулой другихъ слугъ; онъ обязанъ же чѣмъ-нибудь дѣлиться съ ними, иначе тѣже товарищи выживутъ его изъ дома, да нигдѣ и не достать ему новаго мѣста. Его непрошенную честность обратятъ въ посмѣшище и разславятъ елико возможно. Я знавалъ иностранное семейство въ Пекинѣ, въ которомъ, при вопіющей необходимости сократить расходы, одинъ изъ его членовъ рѣшился самъ покупать провизію; но, сдѣлавъ два-три опыта, убѣдился, что его благое намѣреніе неумѣстно. Когда онъ приходилъ на рынокъ, даже въ лучшія лавки, его обыкновенно окружали зѣваки, смѣясь ему подъ носъ, даже перещупывая, точно на чучелѣ, его платье; да и сами лавочники, представляясь непонимающими языка такого незваннаго покупателя, брали съ него вдвое, втрое дороже и отпускали худшую провизію. На такое нахальство не жаловаться же полиціи; ея ли это дѣло? Да, китайскіе лавочники пріучены не отступать отъ издревле заведеннаго обычая, продавать свой товаръ не лично господину, а чрезъ его прислугу, выдавая за то послѣднему извѣстную долю барыша. Бываетъ и такъ, что поваръ заключаетъ договоръ съ лавочникомъ— брать провизію только у него, и за то, кромѣ условленной доли платежа, еще онъ получаетъ въ лавкѣ ежедневно обѣдъ, съ водкой и табакомъ. Оттого и случается слышать жалобы поваровъ, особенно въ домахъ у иностранцевъ, что такой-то провизіи на рынкѣ не нашлось. То есть, ея дѣйствительно не нашлось въ продажѣ въ законтрактованной имъ лавкѣ.

При характерѣ, свойственномъ каждому китайцу, быть скромнымъ и привѣтливымъ, или казаться таковымъ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ золъ и мстителенъ къ тому, кто нарушитъ его привычки, его средства къ наживѣ и т. п. Между поварами извѣстная манера мстить въ томъ случаѣ, если его господинъ заставитъ приготовить обѣдъ изъ заготовленной уже, помимо повара, провизіи. Не смѣя отказаться онъ нея, поваръ за то истребляетъ ее настолько безжалостно, что непремѣнно не хватитъ на обѣдъ. Такое истребленіе отличается своей оригинальностію: выдерживая свое достоинство, не похищая ничего изъ кухни, не вынося ничего за двери, въ кухнѣ же поваръ снимаетъ половицы, то есть нѣсколько ея кирпичей,—въ Китаѣ, даже въ комнатахъ дворца полъ всегда кирпичный,—роетъ подъ поломъ яму и туда то сваливаетъ, то выливаетъ провизію, потомъ закладываетъ яму тѣмъ же кирпичами; образовавшуюся гниль впослѣдствіи выбрасываютъ вонъ.

Сказавъ о поварахъ, кстати упомянуть и о китайскихъ слу-

тахъ. Они ровно столько же порочны, какъ и первые, но за то всегда трезвы, кротки предъ своимъ господиномъ, замѣчательно исправны и аккуратны въ исполненіи своихъ обязанностй, и отличаются ловкостію. Можно быть вполнѣ увѣреннымъ въ благонадежности и расторопности его даже при большомъ обѣдѣ. Да, здѣсь въ Петербургѣ, имѣя предъ глазами русскую прислугу, мнѣ не разъ случалось вспоминать объ исправной китайской прислугѣ. При отсутствіи въ Китаѣ паспортной системы, слугу всегда нанимаютъ за поручительствомъ довѣреннаго лица; а при началѣ раздѣленія труда,—чтó въ Китаѣ въ большомъ ходу,—какъ китайцы такъ и иностранцы volens nolens должны держать у себя по нѣскольку слугъ. Очень обыкновенно, что слуга на одномъ и томъ же мѣстѣ живетъ продолжительно, нѣсколько лѣтъ.

VII.

Китайскій обѣдъ и способы его приготовленія поразительно отличаются отъ нашихъ. Такъ, большая часть кушаній, за исключеніемъ жаркого, варятся китайцами на парахъ; всѣ кушанья подаются къ столу уже разрѣзанными на мелкіе кусочки; китайцы не стряпаютъ пироговъ и пуддинговъ, не дѣлаютъ галантиновъ и мороженнаго; ихъ обѣдъ всего болѣе изобилуетъ соусами. Къ обѣду не подается ни хлѣба, ни соли; взамѣнъ соли китайцы употребляютъ соленыя прикуски (сянь цай) и сою (цзянъ ю), о которыхъ я говорилъ выше; чтожь касается до хлѣба, безъ котораго у насъ не обходятся въ теченіе всего обѣда, то и онъ является къ китайскому столу, но уже передъ окончаніемъ обѣда.

Вообще должно сказать, что между особенностями въ обычаяхъ китайцевъ, столь часто противоположными съ нашими, наиболѣе рѣзки и замѣчательны особенности при ихъ обѣдѣ. Кромѣ другихъ, о чемъ скажу ниже, прежде всего нельзя не обратить вниманія на то, что ихъ обѣдъ начинается съ того, чѣмъ обыкновенно мы оканчиваемъ его. Сѣвшій обѣдать, не получая закуски, сперва принимается за фрукты и десертъ; потомъ ему подаютъ разное жаркое и соусы; затѣмъ—разные супы; если есть уха, то она подается послѣднею; и наконецъ, вмѣсто закуски подаютъ булки, сладкія печенья и еще десертъ. Если обѣдъ не званый, то съ булками подаютъ и рисовую кашу. По поводу такого порядка въ способахъ утолять свой голодъ, я не

могу забыть случая, въ 1867 году, за который едва не пострадала прислуга въ одномъ изъ нашихъ палаццо. Будучи путеводителемъ пріѣхавшихъ въ Петербургъ оффиціальныхъ гостей—китайцевъ, я удостоился съ ними приглашенія обѣдать въ Петергофѣ въ... Хотя обѣдъ былъ назначенъ къ 6 часамъ, но, благодаря дождю, мы были вынуждены укоротить нашу прогулку въ паркѣ, явившись къ обѣду ранѣе. Столъ былъ уже сервированъ и приготовлена закуска. Мы были одни. Въ ожиданіи обѣда, я предложилъ китайцамъ закуску, и самъ занялся ею; но мои китайцы, не послѣдовавъ моему примѣру, усѣлись къ столу и усердно принялись за конфекты и фрукты. Вскорѣ и я присоединился къ нимъ. Внезапно вошелъ распорядитель хозяйствомъ, графъ М. П. Увидѣвъ, что мы питаемся фруктами, ему представилось, что мы, должно быть, очень голодны и ждемъ не дождемся обѣда. Это обстоятельство до того смутило его, что онъ тотчасъ вышелъ, и стало слышно, что за дверьми онъ высказывалъ свой гнѣвъ первому попавшемуся слугѣ. Понявъ его недоразумѣніе, я поспѣшилъ увидаться съ графомъ и увѣрить его, что китайцы по своему обычаю начали обѣдать съ конца, съ десерта. Понятно, что такое объясненіе его разсмѣшило, и онъ предоставилъ мнѣ дать китайцамъ полный просторъ ѣсть по своему. Однакожъ они не могли воспользоваться возможностью напитаться вполнѣ по своему, будучи обязаны сами разрѣзывать подаваемое имъ кушанье. А разрѣзали они ножикомъ не лучше нашихъ дѣтей, только-что вышедшихъ изъ-подъ команды няньки.

Китайскій обѣдъ бываетъ двухъ категорій: пекинскій и кантонскій. Пекинскій наиболѣе употребителенъ во всемъ Китаѣ, и особенно между богатыми людьми; а второй всего болѣе уважается въ кантонской губерніи и вездѣ тамъ, гдѣ преобладаетъ коммерческій элементъ кантонцевъ. Характеристическія между ними отличія состоятъ въ томъ, что пекинскіе обѣды менѣе изобильны въ своихъ «меню», но за то извѣстны лучшей разборчивостію въ провизіи. А кантонскій пользуется между китайцами своей извѣстностію особенно въ томъ, что, для его приготовленія, повара нисколько не брезгаютъ для провизіи всякимъ продуктомъ, хоть сколько-нибудь съѣдобнымъ, только бы онъ болѣе или менѣе сносно воспринимался желудкомъ человѣка; для этого же обѣда идетъ въ употребленіе касторовое масло; на званомъ обѣдѣ считается почетнымъ подать жаренаго или вареннаго змѣя. Кстати замѣтить, что между поварами пекинскими и кантонскими вѣчное соперничество, вѣчный споръ въ преимуществахъ стряпни. Иностранцы въ Китаѣ даютъ предпочтеніе пекин-

скому обѣду. Китайцы, привыкшіе къ пекинскому обѣду, а пекинцы въ особенности, питаютъ отвращеніе къ кантонскому обѣду. Какъ на примѣръ, въ подтвержденіе только-что сказаннаго мной, я могу указать на одного китайца, пекинца, нѣсколько лѣтъ сопровождавшаго меня, въ качествѣ чичероне, при частыхъ экскурсіяхъ по Китаю. Въ Ханькоу я обыкновенно останавливался у одного изъ моихъ соотечественниковъ, у котораго вся прислуга были кантонцы. Мой китаецъ, съ упорствомъ избѣгая ихъ пищи, даже отказался пользоваться между ними готовой квартирой и содержаніемъ, останавливаясь у своего земляка въ очень дурно обставленномъ постояломъ дворѣ. Однажды зимой, въ 1877 году, когда въ Ханькоу морозъ доходилъ до 10°, мой чичероне рѣшился скорѣе мерзнуть въ своей убогой канурѣ, чѣмъ перебраться къ приглашающимъ его кантонцамъ, въ удобное и теплое помѣщеніе. Эта настойчивость довела его до злой простуды, отъ которой вскорѣ онъ умеръ.

Чтобъ накрыть для обѣда на столъ у китайцевъ требуется не многое. Впрочемъ, наше выраженіе «накрыть на столъ», для китайскаго обѣда не имѣетъ смысла. Дѣйствительно, кромѣ вышезамѣченныхъ противоположностей, при китайскомъ обѣдѣ, даже при самомъ изысканномъ, полное, такъ сказать, отрицаніе нашего комфорта поражаетъ каждаго иностранца. Для обѣда у китайцевъ не требуются и нѣтъ за столомъ ни скатерти, ни салфетокъ, ни ножей, ни вилокъ, ни блюдъ, ни тарелокъ; нѣтъ никакой стеклянной посуды; нѣтъ ни соли, ни хлѣба. А между тѣмъ они хвалятся своимъ національнымъ комфортомъ, ведущимъ свое начало со временъ древнихъ, и очень охотно осуждаютъ своихъ сосѣдей, полудикихъ монголовъ, за ихъ цинизмъ,—хватающихъ пальцами оторванный кусокъ вареной баранины и пальцами же сующихъ его въ ротъ своему гостю. Осуждаютъ и насъ, тоже близкихъ ихъ сосѣдей, подобно какъ и всѣхъ цивилизованныхъ иноземцевъ, за то, что мы, не смотря на прирожденное барство, садимся за обѣдъ, словно за тяжелую работу, вымаливая себѣ каждый кусокъ пищи усиленнымъ дѣйствіемъ ножа и вилки. Въ защиту китайцевъ можно сказать только, впрочемъ очень существенное, что ихъ обѣденный столъ, при всей своей поразительной простотѣ, нисколько однако же не лишаетъ обѣдающаго возможности вкусно и сытно поѣсть.

Я разберу, чѣмъ отличается сервировка ихъ обѣденнаго стола. Столъ не накрывается бѣлой скатертью, при отвращеніи будто бы каждаго китайца, или точнѣе, при его боязни имѣть предъ глазами бѣлое,—эмблему глубокаго траура; оттого же у нихъ нѣтъ

и спальнаго бѣлаго бѣлья, заготовляемаго только для покойника. Но такой отвѣтъ далеко не оправдываетъ китайцевъ, если обратить вниманіе на то обстоятельство, что вѣдь носятъ же китайцы, въ лѣтнюю жаркую пору года, бѣлые халаты и поддевки; да еще, бѣлое столовое бѣлье могло бы быть замѣнено какимъ-либо пестрымъ. Оттого должно придти къ заключенію, что китаецъ не видитъ особенной потребности въ употребленіи скатерти. Впрочемъ, въ состоятельныхъ семействахъ, въ замѣнъ скатерти, кладутъ на столъ деревянный столечникъ, хорошо выполированный подъ чернымъ лакомъ.

Чтожъ касается до салфетокъ, то, при необходимости обтирать ротъ и пальцы, предъ приборомъ каждаго обѣдающаго имѣется пачка небольшихъ листковъ бумаги. Бумага мягкая, плотная, непремѣнно желтоватая. Она же замѣняетъ собой и носовой платокъ. Разъ употребивъ, листъ бросаютъ, какъ ни къ чему негодный. Кстати замѣтить, что китайцы подвергаютъ каждаго иноземца, такъ сказать, постыдному осужденію за то, что онъ, разъ сморкнувшись въ платокъ, не бросаетъ его, а бережно съ содержимымъ суетъ къ себѣ въ карманъ. Употребленіе бумаги-салфетки введено почти одновременно съ изобрѣтеніемъ въ Китаѣ бумажнаго производства (105—107 года по Р. Х.); а прежде, какъ гласитъ преданіе, для той же цѣли были въ употребленіи плетенки изъ травы и соломы, то-есть нѣчто въ родѣ рогожки. Впрочемъ, благодаря близкому знакомству съ иностранцами, въ 1820 годахъ въ Кантонѣ между китайцами сталъ вводиться обычай употребленія настоящихъ салфетокъ. Но, однакожъ, столь похвальное заимствованіе чужого преобразилось въ свою національную форму. Она выразилась тѣмъ, что оставляя въ изгнаніи бѣлую салфетку, китайцы замѣнили ее ситцевою, на шелковой подкладкѣ, съ петлей на одномъ ея углу, за которую она привѣшивается къ верхней пуговицѣ халата. Но и понынѣ, хотя такія салфетки употребляются вездѣ въ Китаѣ, онѣ пока стоятъ въ разрядѣ моды, не получивъ права гражданства; оттого даже при богатыхъ обѣдахъ по прежнему для каждаго прибора полагается пачка бумажекъ, а желающій имѣть салфетку долженъ имѣть собственную. Съ недавнихъ поръ въ хорошо обставленныхъ трактирахъ сталъ вводиться оригинальный обычай—имѣть особаго слугу съ пристегнутой салфеткой. Его обязанность состоитъ въ томъ, чтобъ подходить то къ одному, то къ другому посѣтителю, обѣдающему въ трактирѣ, съ предложеніемъ воспользоваться его салфеткой. Такимъ образомъ, одной и той же салфеткой, всегда сомнительной чистоты, дѣлается ус-

луга сотнямъ ртовъ и пальцевъ. Такой фактъ не служитъ ли одной изъ многочисленныхъ иллюстрацій, и небрезгливости, и неряшества китайца?

Взамѣнъ нашего прибора ножей и вилокъ, при китайскомъ обѣдѣ употребляется орудіе,—нѣчто примитивное,—пара палочекъ, называемыхъ «куай цзы». Въ глубокую старину употреблялись «куай цзы» желѣзныя, а нынѣ въ общемъ употребленіи деревянныя, красныя или черныя, съ небольшимъ по пяти дюймовъ длиной. А ради шика употребляются «куай цзы» изъ слоновой кости, съ серебряными наконечниками. Но такая роскошь ни при какомъ обѣдѣ при приборѣ не полагается; желающій ими щегольнуть обязанъ имѣть свои собственныя. Онъ носитъ ихъ при себѣ въ футлярѣ, пристегнутомъ къ кушаку его халата. Такъ какъ всѣ кушанья подаются къ столу нарѣзанными, то обѣдающему нѣтъ ровно никакой надобности въ ножѣ. Держа пару «куай цзы» промежъ пальцевъ правой руки, китаецъ весьма ловко подхватываетъ ими пищу; даже беретъ ими разсыпчатую кашу, хотя до рта каждый разъ доходитъ не все взятое, упадая назадъ въ ту же чашку.

Взамѣнъ нашей ложки китайцы употребляютъ нѣчто въ родѣ совка или ковшичка фарфороваго.

Взамѣнъ блюдъ и тарелокъ употребляются только фарфоровыя блюдечки. На блюдечкахъ подаютъ къ столу кушанье и на такихъ же блюдечкахъ ѣдятъ его. Супъ подаютъ въ фарфоровой чашкѣ, схожей съ нашей полоскательной чашкой. По китайскому обыкновенію, на обѣденный столъ всегда разомъ подаютъ по нѣскольку блюдечекъ болѣе или менѣе однородныхъ кушаній,—иногда доходитъ до десяти,—разставляя ихъ по серединѣ стола симметрически. Для прибора обѣдающаго ставятъ такое же блюдечко. Кромѣ упомянутыхъ блюдечекъ, пары «куай цзы» и пачки бумажекъ, при приборѣ обѣдающаго еще ставится миніатюрная фарфоровая чашка съ подливкой сои, и такое же блюдцо съ солеными прикусками (сянь цай). Обѣдающій, не упуская изъ руки «куай цзы», орудуетъ ими, беря съ блюдечекъ со средины стола то одно, то другое кушанье, обмакиваетъ его въ сою, и кладетъ на свою тарелку, или же, что̀ бываетъ чаще, прямо въ ротъ; и по временамъ закусываетъ солеными прикусками. Постигшій до всѣхъ тонкостей искусство обѣдать, обыкновенно въ теченіе всей трапезы остается безъ перемѣны, при одномъ и томъ же своемъ блюдечкѣ, не смотря даже на то, что хозяинъ или сотрапезникъ, ради особой любезности, привѣтственно и собственноручно своими «куай цзы», кладетъ на его же блюдечко

кусочки того или другого кушанья. Если обѣдающихъ нѣсколько, то вслѣдствіе подобной взаимности въ угощеніи, блюдечко порядочно переполняется разными кусочками кушанья, образуя своеобразный винегретъ. И за эту любезность требуется поклонъ, да еще и взаимность, положивъ кусочекъ кушанья и хозяину и сотрапезникамъ.

За обѣдомъ китайцы пьютъ чай и водку. О нихъ я уже говорилъ прежде. Если обѣдающій спроситъ воды, что̀ случается рѣдко,—китайцы до нея не охотники,—то ее подаютъ въ фарфоровой чашкѣ. Обѣдающій былъ бы недоволенъ, если бы слуги незаботились о частой для него перемѣнѣ чая и водки; то и другое постоянно должны быть теплымъ.

Должно замѣтить, что китайцы не всегда отличались такой простотой въ образѣ жизни, какъ теперь. Въ былыя времена, особенно при сунской династіи, царствовавшей въ 960 —1279 годахъ по Р. X., въ золотой вѣкъ общественной жизни, поэзіи, театра и замѣчательныхъ актрисъ и кокотокъ, изъ которыхъ нѣкоторыя и по сію пору оставили по себѣ народную память своей красотой, просвѣщеніемъ и вліяніемъ въ государственной сферѣ,—въ тѣ времена, хотя общественныя собранія, какъ и теперь, тоже ограничивались только обѣдами, но за то, не въ примѣръ нынѣшнимъ, обѣды отличались своей роскошной обстановкой. Современные историки свидѣтельствуютъ, что у богачей вся посуда была серебряная и золотая. То ли мы видимъ теперь, восклицаютъ китайцы?—теперь, когда уже второе столѣтіе, въ видахъ уничтоженія взяточничества, законами строго воспрещено, всѣмъ находящимся на государственной службѣ, имѣть у себя золотую и серебряную посуду, равно какъ и играть въ карты и посѣщать театры. Но такими мѣрами нисколько не искоренилось взяточничество, въѣвшееся въ плоть и въ кровь китайца, а запрещенія остались мертвыми буквами. Китайскіе чиновники тайкомъ посѣщаютъ театры, и тайкомъ играютъ въ карты, но не въ городѣ, а обыкновенно на загородныхъ кутежныхъ гулянкахъ,—въ кумирняхъ. Только одного, названной дорогой посуды, дѣйствительно нынѣ не видятъ ни у кого. Даже богатые купцы ея не держатъ, вѣроятно въ опасеніи расшевелить корысть мѣстныхъ властей. Да, разсуждаютъ китайцы, мы далеко отстали отъ прежней роскоши, какъ въ одѣяніи, такъ и въ пищѣ; но, не смотря на то, и теперь можно вполнѣ усладить свою утробу, особенно на званомъ обѣдѣ, когда искусство повара и любезности хозяина, возбуждая аппетитъ, заставляютъ забыть прошлое.

VIII.

Я уже упоминалъ выше, что китайское приличіе требуетъ являться на обѣдъ только по предварительному приглашенію. Приглашенія бываютъ или лично, или привѣтливой запиской на визитной карточкѣ. Соглашающійся быть на обѣдѣ непремѣнно извѣщаетъ о томъ заранѣе. Гость, входя въ домъ, гдѣ приглашенъ на обѣдъ, обязанъ, такъ сказать, купить себѣ право на такое гостепріимство, то-есть заплатить за входъ. Этотъ платежъ называется «чу фэнъ цзы». Не имѣя опредѣленной таксы, онъ находится въ зависимости отъ доброй воли каждаго, отъ бо́льшаго или меньшаго достатка платящаго, и отъ большаго или меньшаго значенія въ обществѣ дающаго обѣдъ. Такимъ образомъ «чу фэнъ цзы» простирается отъ 50 копѣекъ до сотенъ рублей; вмѣстѣ съ деньгами тоже иногда доставляютъ разную провизію и подарки. Пріемъ «чу фэнъ цзы» совершается довѣреннымъ слугой, записывающимъ въ особую тетрадь кѣмъ и сколько внесено. Такая тетрадь хранится въ домѣ, какъ зѣница ока, служа кодексомъ, необходимой указательницей, сколько должно будетъ внести «чу фэнъ цзы» при предстоящихъ приглашеніяхъ на обѣды къ обѣдавшимъ въ домѣ, руководствуясь правиломъ: внести ровно столько же или больше сравнительно съ тѣмъ, сколько было внесено приглашающимъ. Впрочемъ, такое правило не обязательно для получающаго «чу фэнъ цзы», если вносящій, преимущественно на похоронный обѣдъ, какъ бы удрученный горемъ, выкажетъ свою послѣднюю лепту, благочестивую щедрость къ памяти умершаго. Это относится всего чаще къ взносамъ въ домѣ лицъ высокопоставленныхъ. Но, при извѣстной безсердечности китайцевъ, такое выраженіе чувствъ должно понимать въ иномъ смыслѣ; въ смыслѣ вывѣски своего тщеславія, которая будетъ красоваться въ тетради у знатнаго лица, ради свидѣтельства его будто бы близкихъ отношеній къ умершему, или же ради тонкихъ разсчетовъ на представляющуюся лучшую карьеру по службѣ и т. п.

Чтобъ осязательнѣе изобразить всю щедрость своего приношенія провизіей и другими подарками, обыкновенно подробно прописывается на визитной карточкѣ, что́ именно доставляется: напримѣръ, столько-то живыхъ барановъ, свиней, утокъ, разныхъ крупъ, партій готоваго обѣда, траурныхъ принадлежностей и проч., и всему подводится итогъ стоимости. Но отчего же кстати не замѣтить, что изворовавшаяся нація поднебесной им-

періи, искусившаяся на множествѣ темныхъ продѣлокъ, умѣетъ обманывать и покойниковъ. Ради того, что подобныя приношенія, будучи грузными, должны доставляться не лично, а слугой дарящаго, всѣ сотоварищи посланнаго слуги сочли бы его за олуха, если бы онъ исполнилъ въ точности данное ему порученіе. Обыкновенно оно исполняется такъ: слуга, получивъ отъ своего господина заготовленное приношеніе въ натурѣ, немедленно продаетъ его; или же, слуга получаетъ деньги для личной закупки приношенія,—но ничего не купитъ. Затѣмъ, получивъ отъ господина карточку съ подробнымъ описаніемъ и съ итогомъ цѣнности посылаемаго, слуга смѣло является въ домъ покойника, имѣя въ рукахъ только данныя ему деньги и карточку, которыя онъ и передаетъ пріемщику приношеній. Между ними происходитъ открытый торгъ. А по заведенному издавна обычаю, обыкновенно торгъ заканчивается тѣмъ, что пріемщикъ отсчитываетъ себѣ три четверти и возвращаетъ доставщику одну четверть со всей означенной суммы денегъ на карточкѣ. Вслѣдъ за такимъ дѣлежомъ, пріемщикъ подробно вписываетъ въ счетную тетрадь все будто бы имъ принятое, а карточку оставляетъ при тетради документомъ, вручая доставщику квитанцію. При похоронахъ въ Пекинѣ извѣстнаго богача и государственнаго дѣятеля, «Ци-шаня», въ октябрѣ 1854 года, мнѣ привелось видѣть такую счетную тетрадь. Всего «чу фэнъ цзы» деньгами было до девяти тысячъ рублей, а приношеніями подарковъ слишкомъ на двадцать тысячъ рублей, такъ что одной живности насчитывалось порядочное стадо. Мнѣ было объяснено, что приношенія деньгами были въ точности переданы наслѣднику «Ци-шаня», между тѣмъ какъ всѣ утаенныя взамѣнъ подарковъ деньги пріемщикъ очень честно раздѣлилъ между всей дворней, соотвѣтственно рангу, до послѣдняго чернорабочаго. А на вопросъ, какъ извернется пріемщикъ, если о доставленныхъ подаркахъ спроситъ наслѣдникъ, мнѣ было отвѣчено, что въ такомъ случаѣ,—впрочемъ, очень невѣроятномъ,—вся дворня съумѣетъ показать, что столько-то съѣдено было гостями, столько-то головъ переколѣло, а остальное, какую-нибудь малость, возьмутъ на прокатъ, для показа господину.

Столь хитро наживаются слуги. Но бываютъ и господа, ради наживы спекулирующіе своими обѣдами. Къ этому разряду по большей части принадлежатъ мелкіе чиновники и писаря, съумѣвшіе захватить въ руки какое-либо управленіе; при барствѣ начальствующихъ и при бездѣйствіи подчиненныхъ, или же, при корыстолюбіи и тѣхъ и другихъ, такихъ вліятельныхъ знатоковъ, и

особенно въ Пекинѣ, не мало. Они-то и пользуются каждымъ представляющимся случаемъ, напримѣръ, семейнымъ праздникомъ, кончиной даже дальняго родственника, наградой начальниковъ и т. п., чтобъ задать обѣдъ. Приглашенные, чѣмъ-либо связанные по службѣ или по дѣламъ, и карьеристы, волей-неволей вносятъ болѣе или менѣе крупные «чу фэнъ цзы», чтобъ пообѣдать. Въ Пекинѣ около меня жилъ сосѣдъ, что-то въ родѣ регистратора въ придворномъ вѣдомствѣ. Онъ жилъ очень открыто въ барскомъ домѣ. На его частые обѣды съѣзжались крупные тузы. А за то, по словамъ пекинцевъ, за какое бы дѣло онъ ни взялся, особенно по части подрядовъ ко двору, всегда можно было ручаться за полный успѣхъ.

Для званыхъ обѣдовъ въ Китаѣ существуетъ обыкновеніе, даже при очень просторной квартирѣ ставить на дворѣ навѣсъ («пэнъ»). Онъ дѣлается на жердяхъ изъ натянутыхъ цыновокъ. При самой постановкѣ навѣса непремѣнно является десятскій общины нищихъ для полученія въ ея пользу налога, простирающагося, смотря по размѣрамъ навѣса, иногда до 15 рублей. Не заплатившій этого налога рискуетъ найти свой навѣсъ или разломаннымъ, или подожженнымъ. Подъ навѣсомъ разставляются, въ нѣкоторомъ разстояніи одинъ отъ другого, обѣденные столы, и къ каждому ставятся по восьми стульевъ, по два въ рядъ. Все равно, богатый ли, бѣдный ли даетъ обѣдъ, обѣденные столы всегда одной и той же формы, четыреугольные, слишкомъ по три фута въ длину и въ ширину. Они называются «па сянь чжо», то-есть «столъ восьми мудрецовъ». Наши археологи, можетъ быть, поинтересуются услышать о китайскомъ преданіи, гласящемъ, что на такихъ же столахъ обѣдали и современники великаго философа Кунъ-цзы (Конфуція), то-есть, тому назадъ слишкомъ 2,300 лѣтъ.

Получившій приглашеніе на обѣдъ, приходитъ туда въ тотъ часъ, по собственному его выбору, когда ему представится наиболѣе удобнымъ. Съ 9 часовъ утра обѣдъ уже начинается, продолжаясь до 3—4 часовъ пополудни. Заплативъ «чу фэнъ цзы», приглашенный входитъ подъ навѣсъ, подавъ слугѣ свою визитную карточку. Его встрѣчаетъ хозяинъ и съ того же момента начинается рядъ взаимныхъ церемоній. Въ церемоніяхъ, въ самыхъ привѣтливыхъ выраженіяхъ, поставлены на первомъ планѣ лесть, лицемѣріе и самоуниженіе, все, сопровождаемое глубокими поклонами. Каждый болѣе или менѣе приличный человѣкъ конечно сознаетъ, что гостю принадлежитъ право войти прежде, впереди хозяина, но принятое приличіе побуждаетъ гостя, униженно пре-

клонившись, почтительнѣйше уступать эту честь хозяину. А хозяинъ обязанъ отвѣтить «бу гань, бу гань» (не смѣю, не смѣю), сдѣлать книксенъ и просить «старшаго братца» (привѣтствіе гостю) войти впереди. Такая взаимная любезность повторяется болѣе или менѣе долго, смотря по рангу гостя, и конечно «старшій братецъ» всегда войдетъ первымъ. Затѣмъ хозяинъ озабоченъ посадить гостя къ столу. Такъ какъ столовъ бываетъ наставлено нѣсколько рядовъ, то важнѣйшая забота состоитъ въ томъ, чтобъ умѣть посадить гостя на подабающее ему мѣсто. Чѣмъ гость выше стоитъ по рангу, тѣмъ необходимѣе усадить его въ первомъ ряду столовъ, и непремѣнно въ компаніи съ лицами, подходящими къ его рангу. И притомъ, изъ среды восьмерыхъ сотрапезниковъ, почетнѣйшему должно предоставить за столомъ высшее мѣсто, т.-е. то мѣсто, по лѣвую руку, откуда глаза усѣвшагося были бы обращены къ югу. При этомъ я долженъ замѣтить, что, въ прямой противоположности нашимъ приличіямъ, у китайцевъ считается почетной не правая, а лѣвая сторона. Для бо́льшаго еще почета гостю, слуга спѣшитъ повѣсить на спинку его стула красное суконное покрывало. Но прежде чѣмъ сѣсть, между гостемъ и хозяиномъ опять происходятъ нѣсколько церемонныхъ переговоровъ и книксеновъ; а уже усѣвшись, гость обязанъ наслушаться самыхъ любезныхъ привѣтствій отъ сотрапезниковъ, — привѣтствій по большей части восторженныхъ и чинопочитательныхъ, и самъ обязанъ отвѣчать тѣмъ же. Если гость принадлежитъ къ числу тузовъ, или же только выказываетъ себя тузомъ, то позади его стула становятся двое или трое его слугъ. Послѣдніе оставляютъ обязанности прислуживанія домашней прислугѣ, и обязанности ихъ послѣднихъ состоятъ въ автоматическихъ движеніяхъ для своего господина, въ поднесеніи ему салфетки или бумаги для сморканья, жестяного шкалика для плеванья и закуренной трубки. Не ограничиваясь пріемами и усаживаніемъ своихъ гостей, заботы хозяина не прерываются въ теченіе всего обѣда и особенно около личностей почетныхъ, которыхъ онъ упрашиваетъ каждаго ѣсть, не церемонясь; онъ подкладываетъ на блюдечко того или другого гостя то одно, то другое кушанье; подходитъ къ гостю, чтобъ произнести какую-нибудь любезность, чтобъ выпить за его благополучіе. И гость обязанъ отвѣчать тѣмъ же. Такимъ образомъ, когда обѣдающихъ много, то хозяинъ, при усердіи къ угощенію, не имѣетъ досуга ни посидѣть, ни поѣсть.

Насколько мало бываетъ оживленъ китайскій обѣдъ, можно отчасти заключать уже изъ того, что между обѣдающими никогда не присутствуютъ дамы. Хотя при большихъ семейныхъ праздни-

какъ иногда приглашаютъ и дамъ, но онѣ обѣдаютъ у хозяйки, на дамской половинѣ. Только въ нѣкоторыхъ богатыхъ ресторанахъ, въ ихъ отдѣльныхъ кабинетахъ, иногда случаются обѣденныя собранія между интимными друзьями, въ которыхъ допускаются женщины и мальчики полусвѣта. Хотя при большихъ званыхъ обѣдахъ нисколько не рѣдкость увидѣть, тамъ же подъ навѣсомъ, болѣе или менѣе хорошо поставленную сцену съ театральными представленіями, но между китайцами, претендующими на хорошее воспитаніе, за обѣдомъ не принято развлекаться такой народной забавой; люди серьёзные на сцену обыкновенно рѣдко заглядываютъ, хотя украдкой и прищуриваются на мальчиковъ, играющихъ женскія роли. Впрочемъ однообразіе обѣда нѣсколько сглаживается, когда обѣдающіе уже болѣе или менѣе насытились. Безпрестанно осчастливливаемый любезностями хозяина и сотрапезниковъ, усердно дѣйствуя своими «куай цзы», чтобъ положить кусокъ пищи себѣ въ ротъ или на блюдечко сосѣда, жеманно прикладываясь къ шкалику водки, ради привѣтствія пьющему для его благополучія, обѣдающій, мало-по-малу, входитъ въ свою роль, и тогда за столомъ «восьми мудрецовъ» начинаютъ раздаваться голоса не въ однихъ заученныхъ церемонныхъ фразахъ, а тоже и въ бесѣдахъ. Но, за исключеніемъ такъ-называемыхъ обѣдовъ группы торговцевъ («май май фань»), собирающихся для обсужденія какого-либо коммерческаго предпріятія, большая часть другихъ обѣдовъ и въ особенности въ средѣ военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ, обѣденная бесѣда, будучи нѣкоторымъ образомъ публичной, отличается краткими новостями дня и преимущественно о служебныхъ назначеніяхъ и о наградахъ. Никто изъ обѣдающихъ не рѣшится заговорить о дѣлахъ политическихъ; не рѣшится обсуждать и тѣмъ паче осуждать дѣятельность правительства; даже ничего не выскажетъ интереснаго или рѣзкаго о выдающихся общественныхъ дѣлахъ: извѣстно, что каждый китаецъ, и мѣстный чиновникъ въ особенности, умѣетъ держать свой языкъ за зубами, опасаясь, что даже и стѣны слушаютъ его. Когда въ средѣ «восьми мудрецовъ» окажется опытный гастрономъ, завсегдатый большихъ обѣдовъ, то обыкновенно онъ не пропуститъ случая обнаружить глубокія познанія въ кулинарномъ искусствѣ, съ достоинствомъ объясняя изъ чего поданное кушанье состряпано, изъ какой мѣстности Китая или изъ-за границы доставляется та или другая провизія, и т. п.

При всѣхъ извѣстныхъ китайскихъ церемоніяхъ, обѣдающій китаецъ показался бы намъ, напротивъ, уже слишкомъ безцере-

монныкъ, когда, въ самый разгаръ обѣда, онъ снимаетъ съ себя верхній халатъ («да гуа цзы»), закуриваетъ трубку, встаетъ, походитъ, пораспраштся, и за тѣмъ опять принимается за обѣдъ. Такая свобода за обѣдомъ считается шикомъ, и не каждый съ ней съумѣетъ справиться. За обѣдомъ всѣ курятъ трубки. Къ концу обѣда, между бесѣдой и ѣдой, уже насытившіеся «восемь мудрецовъ» забавляются подборомъ разныхъ поговорокъ, пословицъ, задачами шарадъ; благодаря гибкости китайскаго языка и письма іероглифами, между шарадами часто встрѣчается замѣчательно остроумныя. Наконецъ, еще болѣе невинныя развлеченія для обѣдающихъ составляютъ разныя игры, и особенно «въ четъ и нечетъ». Она состоитъ въ томъ, что одинъ изъ сотрапезниковъ беретъ горсть арбузныхъ или тыквенныхъ сѣмечекъ (всегда сервированныхъ съ десертомъ), и предлагаетъ сосѣду отгадать, четъ или нечетъ въ горсти. Не отгадавшій обязанъ хлебнуть изъ шкалика водку; а если онъ отгадалъ, то выпиваетъ его противникъ; и затѣмъ такіе же сѣмечки переходятъ въ горсть отгадавшаго. При каждомъ разѣ подобной выпивки, деликатность требуетъ общаго одобренія выраженіемъ хохота. Финалъ званаго обѣда китайцы любятъ заключать какимъ-либо разсказомъ, преимущественно историческаго содержанія и непремѣнно о своей странѣ; или анекдотомъ, легендой, сатирой, пародіей и т. п. Но за такіе разсказы обыкновенно берутся только аттестованные говоруны и декламаторы.

IX.

Со своей стороны и я предложу финалъ настоящему разсказу, въ сатирѣ, слышанной мной за однимъ обѣдомъ въ Пекинѣ.

Не слишкомъ давно нѣкто «Ванъ у» встрѣтился со своимъ другомъ «Ли ма шэнъ». Эта встрѣча, необыкновенно поразившая «Ванъ у», была до крайности трогательной. Увидѣвъ друга, онъ даже усумнился, живъ ли онъ самъ, или не рехнулся ли. Да и нельзя было не удивиться, не испугаться такой встрѣчи, когда «Ванъ у» заподлинно помнилъ, что назадъ тому одиннадцать мѣсяцевъ онъ и пообѣдалъ за приличную «чу фэнъ цзы», и проводилъ до могилы этого самаго друга. Увидѣвъ испуганную, словно оторопѣлую физіономію «Ванъ у», «Ли ма шэнъ» громко расхохотался, и, заботясь успокоить друга, посулилъ объяснить чудо своего вторичнаго появленія на семъ свѣтѣ.

Не отлагая обѣщанія, столь интересовавшаго «Ванъ у»,

оба друга усѣлись въ отдѣльной комнатѣ въ первомъ попавшемся трактирѣ. При нетерпѣніи «Ванъ у», тутъ всѣ взаимныя церемоніи были почти забыты и «Ли ма шэнъ» приступилъ къ нижеслѣдующему разсказу:

«Ге ге» (старшій братъ, вы) знаетъ, что, благодаря моему родителю, я былъ богатъ, получивъ въ наслѣдство нѣсколько сундуковъ серебра. Великій былъ мудрецъ мой отецъ. Находясь сорокъ лѣтъ на государственной службѣ, онъ глубоко понималъ необходимость не плошать, а богатѣть, не щадя казеннаго достоянія. Сколько я обязанъ ему моей первой жизнью, то ровно столько же обязанъ его грудѣ серебра для моей настоящей, второй жизни. А то, что я испыталъ недавно, внушило мнѣ благое намѣреніе опять вступить на государственную службу и, послѣдовавъ разумному примѣру родителя, тоже сгребать въ сундуки богатство. Такая предусмотрительность дастъ мнѣ, послѣ вторичной смерти, опять средства ожить. Можно опасаться только одного—встрѣтиться въ настоящей жизни съ какимъ-нибудь горькимъ обстоятельствомъ (попасть подъ судъ); впрочемъ, при нашихъ правительственныхъ благодѣтеляхъ, да при запасѣ своего серебра, едва ли такое несчастіе возможно допустить. «Ге ге» помнитъ, что при первой моей жизни, когда, получивъ степень магистра, я вступилъ на службу въ финансовую палату, я былъ глупъ, неопытенъ (не бралъ взятокъ). На службѣ я не очень-то утомлялся, не прикасаясь ни къ какому серьёзному дѣлу; для меня все дѣлали мои писаришки. У себя дома я хорошо ѣлъ и пилъ и курилъ опіумъ; мои пять женъ за мной попечительно ухаживали; отъ одной я нажилъ сына, который выросъ въ строжайшихъ правилахъ почитанія родителей. Наконецъ, еще не убѣленный сѣдинами, я умеръ. Мой сынъ, раскрывъ сундуки съ сохранившимся отъ его дѣдушки серебромъ, возъимѣлъ благочестивую мысль прославить мое имя самыми торжественными похоронами. Онъ удивилъ весь нашъ кварталъ купленнымъ для меня гробомъ изъ цѣльнаго бревна кипариса, большими размѣрами роскошнаго навѣса на дворѣ, приглашеніемъ многочисленныхъ гостей и богатымъ для нихъ обѣдомъ; и, въ особенности, онъ озаботился нанять очень много плакальщиковъ и монаховъ. Въ числѣ монаховъ были буддисты, дао-ши, ламы, татары и христіане [1]). За очень щедрую плату и съ сытными обѣдами,

[1]) Каждый китаецъ непремѣнно усердствуетъ въ исповѣданіи своего домашняго культа «почитанія родителей» (конфуціонизмъ), не заключающемъ въ себѣ никакихъ обрядовыхъ аттрибутовъ. Однакоже, въ поискахъ придать болѣе торжественности похоронамъ своихъ родителей, этой важнѣйшей дани священнаго ихъ почитанія, уже

предъ моимъ гробомъ плакальщики постоянно ревѣли необыкновенно громко; а монахи, углубившись въ свои книги, самыми гнусливыми голосами прославляя какіе-то неземные и заморскіе чудеса и добродѣтели, и прочій вздоръ, очень ловко все прилаживали къ чести и къ достоинствамъ моего трупа. Мнѣ, то-есть моему трупу, конечно очень льстили горячія слезы скорби и восхваленія о пройденной мной жизни; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, меня бѣсилъ необычайно оглушительный шумъ слишкомъ ревностной наемщины. Но съ того момента, какъ мой духъ разстался съ тѣломъ, я понялъ всю суть заботъ моего возлюбленнаго дѣтища. Да, тамъ на всѣхъ окраинахъ вселенной, на всѣхъ небесахъ были услышаны и оцѣнены ревъ и вой моленія; благодаря имъ обо мнѣ уже знали всѣ неземные владыки. Каждый изъ нихъ радовался, что въ его ареопагъ вскорѣ будетъ представленъ новый кандидатъ, въ вѣчную память о которомъ на землѣ будутъ такъ славно отличаться щедростію для существованія ихъ монаховъ.

Такъ какъ на моихъ похоронахъ въ первой очереди были буддійскіе монахи, то, должно быть, согласно взаимнымъ договорамъ, существующимъ между неземными владыками, мой духъ вознесся на облакахъ въ резиденцію «Фоѣ» (Будды), въ его индійскіе чертоги. Въ пути я пострадалъ, была изморозь и сырость; я пожалѣлъ не разъ, что мой сынъ не запасъ въ мой гробъ мѣхового халата. Хотя въ названной резиденціи меня приняли ласково, но, за всѣмъ тѣмъ, я предчувствовалъ, что предстоитъ житье плохое. Увы, меня, чиновника-то, заставили подметать трапезную келью «Фоѣ», заставили задалбливать буддійскіе каноны, преклоняться предъ каждымъ оборвышемъ монахомъ, объ-

---

съ давняго времени, со 2-го столѣтія по Р. Х., когда въ странѣ водворялся буддизмъ, китайцы нашли благочестивымъ совершать буддійскія панихиды; а потомъ, мало-помалу, тоже стали присоединять панихиды и похоронные проводы монахами всѣхъ религій, извѣстныхъ въ Китаѣ. Въ прошломъ столѣтіи, въ славныя времена водворенія въ имперіи іезуитовъ, и они тоже принимали дѣятельное участіе на панихидахъ некрещенныхъ китайцевъ и на похоронныхъ ихъ проводахъ до могилы, съ крестомъ и съ церковными хоругвями. Этотъ обычай,—за исключеніемъ христіанскихъ монаховъ,—и понынѣ соблюдается въ богатыхъ семействахъ, и даже при дворѣ богдохана. Ко двору тоже призываются монахи разныхъ религій, для совершенія молебновъ объ избавленіи страны отъ народныхъ бѣдствій и проч. Чтобъ уяснить себѣ такую аномалію, всего прежде должно принять ко вниманію, что китайцы ровно ничего не понимаютъ о духовномъ значеніи религіи. И, не смысля ученія ни одной религіи и будучи чрезвычайно суевѣрными, онѣ льстятся всякими шумными отпѣваніями и торжественными похоронными проводами, вѣроятно по пословицѣ «audacem fortuna juvat», загадывая, что такое усердіе, пожалуй, и освободитъ похороненнаго отъ загробныхъ мученій.

щая за такое смиреніе занести мое имя въ списокъ кандидатовъ въ мудрые собесѣдники самого «Фоѣ». И кормили скверно; не разъ я вспоминалъ и о пекинской кашѣ изъ затхлаго риса. Да, никогда не забуду о перенесенныхъ тамъ душевныхъ страданіяхъ. Только одно, должно сознаться, мнѣ нравилось, —подъ благочестивымъ крылышкомъ «Фоѣ» дозволялось курить опіумъ въ волю. Но вскорѣ объяснилось, что получить-то опіумъ было тяжко. Бывало, въ Пекинѣ беззаботно отдаешь кусокъ серебра, чтобъ запастись опіумомъ; а здѣсь требуется его заработать. Повѣрите ли, «ге ге», что за безобразіе творится въ этомъ лицемѣрномъ вертепѣ буддистовъ! Слушайте! Къ нему принадлежитъ, пожертвованная какимъ-то богомольцемъ для благочестивыхъ цѣлей, большая кумирня съ пространными полями. «Фоѣ» отдалъ поля въ аренду «хунъ мао цзэй» (рыжій разбойникъ, англичанинъ) [1]. Они сѣютъ макъ, заставляя насъ собирать его сокъ и готовить опіумъ. И за такой трудъ они расплачиваются чѣмъ бы вы думали? Никогда не отгадаете; платятъ грубымъ невѣжествомъ, снятіемъ со своей головы колпака [2]. Извѣстно, что весь сборъ опіума англичане продаютъ въ Тяньцзинѣ, а вырученное за него серебро отвозятъ мимо Индіи за дальніе океаны, въ свое царство, гдѣ ихъ люди ѣдятъ металлы. Однакожъ мы отплачиваемъ же за ихъ невѣжество, «чжуаня» (утаивая) добрую долю ихъ опіума.

Вотъ однажды, горюя о своей незавидной участи, я услышалъ отъ сосѣда, бывшаго когда-то на землѣ подъячимъ, что въ канцелярію къ «Фоѣ» прилетѣлъ курьеръ изъ Тибета, кажется, съ пятаго неба, съ секретнымъ письмомъ отъ «Лао цзы» (имя главы ученія Дао-ши), требуя выдать меня въ его чертоги, подкрѣпляя законность своего требованія тѣмъ обстоятельствомъ, что на моихъ похоронахъ его монахи курили опіумъ умѣреннѣе буддійскихъ монаховъ и, дѣйствительно, не ѣли скоромнаго, оттого они прочитывали каноны безъ пропусковъ и значительно громче; да, кстати, въ письмѣ были задѣты за живое нѣкоторыя слабости «Фоѣ» и пущено много упрековъ по старымъ, вѣковымъ между ними спорамъ о преимуществахъ ихъ ученія, по которымъ оказывалось, будто бы до очевидности, строго-благочестивое первенство ученія дао-ши. Издавна враждуя съ такимъ прелюбодѣемъ, каковъ «Лао цзы», «Фоѣ» скверно принялъ его курьера и при-

[1] Такъ, давнымъ давно, китайцы прозвали англичанъ; но съ 1860-хъ годовъ такое прозвище между китайцами стало забываться.

[2] Выраженіе благодарности по нашему, поклономъ со снятіемъ съ головы шапки, между китайцами почитается невѣжествомъ.

казалъ призвать меня. Это первый и послѣдній разъ, какъ я увидѣлъ его. Правда, случалось заходить къ нему и прежде, но обыкновенно меня не допускали предъ его очи: онъ всегда былъ занятъ, то обѣдомъ, то сномъ. Я увидѣлъ его въ томъ самомъ облаченіи, въ какомъ въ пекинскомъ монастырѣ «Юнъ хо чунѣ» онъ красуется идоломъ, воздвигнутымъ усердіемъ богдохана «Юнъ чжэна» (царствовалъ съ 1725—1736 г.). Принявъ меня грозно, «Фоѣ» не поскупился на самыя ругательныя грязныя выраженія, назвалъ даже «ванъ па» (черепаха), признавая меня невѣждой за то, что на землѣ я изучалъ классическія книги Конфуція, нисколько не заботясь объ изученіи буддизма, этой, будто бы, единственной истины во всей вселенной; потомъ, уже успѣвъ озадачить меня, онъ спустился на другой тонъ, мягко и ласково увѣщевая меня соблюдать всѣ уставы его обители, за что онъ незамедлитъ посвятить меня въ монахи. Съ содроганіемъ сердца услышавъ о столь нищенской карьерѣ,—меня, магистра, закабалить въ монахи,—я, слишкомъ огорченный, забывшись передъ кѣмъ стою, неистово закричалъ: не хочу, не хочу! Такой отчаянный поступокъ, отрицаніе милости «Фоѣ», какъ извѣстно, стоитъ у буддистовъ во главѣ тяжкихъ преступленій; оттого мнѣ бы не миновать страшной расправы. По параграфу 3927 его владычняго кодекса, мой духъ подлежалъ быть брошеннымъ въ геенну огненную. Хотя въ огнѣ духъ несгораемъ, но за то онъ, должно быть, переваривается, обращаясь въ ничто; а когда онъ обратится въ ничто, духовная связь со своимъ потомствомъ на землѣ конечно навсегда и безслѣдно исчезаетъ. Не было ли бы это самымъ позорнымъ несчастіемъ и для меня и для сына моего; мой сынъ остался бы безъ предка, навѣчно и постыдно осиротѣлъ бы! Но, однакоже, я былъ избавленъ отъ такого позора. Избавленъ не чудомъ какимъ-либо, а только благодаря робости «Фоѣ», который вспомнилъ, что «Лао цзы» уже не разъ угрожалъ ему войной за невыдачу его неофитовъ. Да, вся расправа со мной покончилась тѣмъ только, что «Фоѣ», удивленный моей дерзостію, еще грознѣе нахмурившись, махнулъ на меня какой-то тряпицей.

Повѣрите ли, «ге ге», что въ тоже самое мгновеніе я очутился на какомъ-то необыкновенномъ баранѣ. Онъ имѣлъ шесть ногъ, три головы, но безъ ушей, шерсть огненная, хотя нисколько не жгучая; онъ что-то говорилъ, но я не понималъ ни слова. Баранъ помчался со мной; то бѣжалъ, то летѣлъ, хотя я не могъ разглядѣть, есть ли у него крылья. А нашъ путь былъ очень трудный. Сколько мимо насъ пронеслось исполинскихъ горъ, обширныхъ быстрыхъ рѣкъ; мы перескакивали пропасти, страш-

ныя кучины, громадныя массы камня. Толчки и удары были нечувствительны для барана; длинные прыжки онъ дѣлалъ съ проворствомъ и съ легкостію антилопы. Но худшее еще предстояло намъ! По близости къ горѣ «Кунъ-лунь», я уже почуялъ нѣчто необыкновенно страшное. Нигдѣ не замѣчая воды, я однакожъ промокъ, продрогъ отъ доходящаго откуда-то свирѣпаго плеска волнъ; вижу огни, стрѣлами летящіе къ намъ на встрѣчу; вижу драконовъ, то плывущихъ по воздуху, то перебѣгающихъ по окружающимъ насъ облакамъ. Оглянувшись внизъ, вижу, что баранъ влечетъ меня надъ непроходимыми скалами. А за то, что за величіе природы окружало меня, какое великолѣпіе! Вдали горы кажутся будто перепутанными синими лентами; гигантскія деревья кажутся словно насажденными одно на другомъ; вижу подъ нашимъ полетомъ землю, точно ковромъ украшенную цвѣтами бѣлыхъ и розовыхъ ненюфаровъ. Да, грозная, но чудная страна; здѣсь, мечталъ я, не житье, а блаженство. Тутъ-то я сталъ бы хозяйничать на широкую руку. Посѣялъ бы рисъ, и онъ выросъ бы въ нѣсколькихъ колосьяхъ на одномъ стеблѣ; развелъ бы макъ, и онъ накормилъ бы меня опіумомъ сторицею; воспитывалъ бы свиней, и жирную свинину ѣлъ бы ежечасно. А какъ очаровательно сидѣть, заснуть вонъ тамъ, въ рощѣ, въ тѣни ароматныхъ деревьевъ. Правда, здѣсь нигдѣ не видно женщинъ; но, если познакомиться съ небожителями, съ драконами, развѣ они откажутся привезти изъ «Су-чжоу» лучшихъ красавицъ [1])? Правда, нѣтъ здѣсь и птичьихъ гнѣздъ, но развѣ обворожительные ненюфары не насладятъ меня въ пищѣ; нѣтъ нашего ароматнаго чая, но развѣ шипящіе подъ ногами жемчужные источники воды не извлекутъ благоуханія изъ любого древеснаго листика? Погрузившись въ столь сладкія фантазіи, казалось, я былъ вполнѣ счастливъ,—счастливъ до того мгновенія, пока мой баранъ, очень не кстати и неожиданно, не разочаровалъ меня. Изъ заоблачной выси, онъ быстро спустился, упалъ куда-то. Я испугался невыразимо, и прежде всего отчаялся за жизнь моего возницы; но ни баранъ, ни я, не разломали ни головы, ни даже ногъ, присѣвъ на что-то мягкое. Еще мгновеніе, и подо мной не стало барана. Куда онъ исчезъ, я не видѣлъ. Но гдѣ же я самъ? Оглядываюсь кругомъ. О! воскликнулъ я, мудрѣйшіе «Яо и Шунь» (мудрые правители Китая, за двѣ

[1]) Городъ Су-чжоу, какъ и близъ лежащій къ нему городъ Хань-чжоу, издавна славенъ красавицами. Китайская поговорка гласитъ: «Су хань ди тань», то-есть: Су-чжоу и Хань-чжоу—земной рай. Тоже: «ди су, тянь тань», то-есть: на землѣ Су-чжоу, а на небѣ рай.

тысячи лѣтъ до Р. Х.), помогите, я заточенъ хуже всякой могилы, на уединенномъ утесѣ, на вершинѣ всѣхъ вершинъ горы «Кунъ лунь». Но, что я слышу? Да, здѣсь я не одинокъ. Что за тварь тутъ-то можетъ окружать меня? Вижу! Тигры, тигры около меня. Да, несомнѣнно, это они. Какъ не узнать ихъ по пестротѣ одежды. Но, изъ его шкуры торчатъ стрѣлы; въ стрѣлахъ пламя; изъ пламени просачивается струя какой-то влаги, распространяющей аромать чая. Увидѣвъ такое чудовище, я обмеръ, и въ моемъ воображеніи стали являться воспоминанія о прежней жизни, когда тигровая шкура была украшеніемъ для моего кресла; когда если и приключалась боязнь, то только отъ ожидаемаго доноса по службѣ; когда непріятность могла состоять только отъ недоваренной каши, отъ зубной боли; когда... Тысячи пекинскихъ воспоминаній въ одно мгновеніе собрались около меня въ разнообразныхъ картинахъ. Продолжалось бы также на вѣчно! Но нѣтъ, горькая дѣйствительность предъ глазами. Я очнулся, и мои фантазіи исчезли какъ дымъ, какъ мыльный пузырь. Я снова съ трепетомъ увидѣлъ предъ собой все того же тигра, страшилище изъ страшилищъ. Я обомлѣлъ, когда этотъ тигръ, словно ошалѣлый, своей лапой схватилъ меня, и понесся куда-то. Итакъ оказалось, что я былъ на какой-то дьявольской станціи. Но что со мною? Чувствую, что въ моей головѣ воютъ вѣтры; чувствую, что моя душа забыла о своемъ вмѣстилищѣ въ животѣ. Повидимому,—не увѣряю такъ ли, но мнѣ чувствовалось, что тигровыя стрѣлы проникали въ меня и съ какимъ-то сладострастнымъ искусомъ щекотятъ мои икры, а струи его влаги орошаютъ меня небеснымъ благоуханіемъ. Но, однакожъ, гдѣ же я? Вижу, какъ тигръ несетъ меня съ быстротой молніи, легко, словно перышко, перепрыгивая исполинскими прыжками съ одной скалы на другую. Онъ то бѣжалъ, то летѣлъ и прыгалъ, выплясывая разные пируэты. Очень страшно; а между тѣмъ, предо мной опять появляются красоты природы, величественныя озера и рѣки, дебри, но все отличалось кромѣшной суровостію. Нѣтъ, я ошибся; вотъ тамъ, на зеленой лужайкѣ я встрѣтилъ обворожительную долину; увидѣлъ и не могъ не засмотрѣться на сидящихъ тамъ юныхъ дѣвъ, поразившихъ меня прелестными ножками, миніатюрными какъ наперстки; ихъ головные уборы разукрашены живыми цвѣтами, жемчугомъ и золотомъ. Это не обитательницы ли неба? Какъ сладко я увлекся бы въ объятіяхъ такихъ пташекъ! Но... прочь лучшія, напрасныя мечты. Я уже въ объятіяхъ, но у кого? Дѣйствительность меня удостовѣряетъ, что меня держитъ въ лапѣ безобразный, свирѣпый тигръ. О, несчастный!

Долго ли я находился въ такомъ адскомъ томленіи, не знаю; оно казалось вѣчностью. Я изнываю. Но... не сонъ ли это? мнѣ чудится, что наступилъ уже конецъ моему мученію. Да, вѣрно, я освобожденъ изъ лапы чудовища, и это произошло въ одно мгновеніе. Какъ это случилось, объяснить не съумѣю. Помню одно, что очнувшись отъ страха, прежде всего я почувствовалъ подъ собой нѣчто смрадное, что въ особенности было разительно послѣ исчезнувшаго благоуханія отъ тигра. Охъ, какая мерзость, я вижу около себя уродливыя ножища. Гдѣ тѣ обворожительныя ножки, которыми я не успѣлъ полюбоваться, которыя уже далеко остались позади. Подлый тигръ, зачѣмъ не оставилъ меня съ ними! Но что же теперь-то со мной? Слегка уже опомнившись и пріободрившись, я рѣшился высмотрѣть, гдѣ я и что я? Понялъ наконецъ. Вѣдь я сижу верхомъ на плечахъ. Но на комъ? Это баба, не баба, существо во образѣ человѣка, дряхлое, неповоротливое, грязное, сонливое, сопѣлое. Всматриваюсь ближе. Это несчастный «дао ши» (монахъ ученія «Дао сы»); онъ тащитъ меня на спинѣ, словно мѣшокъ угля, едва передвигая ноги. Такъ вотъ для какой цѣли, вотъ въ чемъ дѣйствительно-то заключается столь пышно обѣщаемое будущее блаженство монахамъ. Вѣдь ихъ ученіе гласитъ, какъ разсказывалъ мнѣ мой родитель, что за всѣ горькія лишенія въ земной жизни, они награждаются сперва самоусовершенствованіемъ, потомъ высшимъ созерцаніемъ, и наконецъ, блаженнымъ самозабвеніемъ. А для чего всѣ эти хлопоты? для того, чтобы, наконецъ, дойти до состоянія вьючного осла для грѣшнаго человѣчества. Но что-жъ это такое, тряска столь неспокойнаго экипажа меня бѣситъ. Да и зачѣмъ я нянчусь на плечахъ мозгляваго монаха, вѣдь я не въ когтяхъ бѣшенаго тигра. Прочь его! Я выпрыгнулъ съ его тщедушныхъ плечъ. Внезапно облегченный отъ ноши, обрадованный старикъ выпрямился, какъ будто помолодѣлъ, видимо признательный моему великодушному одолженію. За то впослѣдствіи онъ не разъ выручалъ меня отъ тяжкой отвѣтственности передъ «Лао цзы»...

На этихъ словахъ нашъ сотрапезникъ долженъ былъ прекратить свою декламацію, увидѣвъ, что почти всѣ столы опустѣли. Было поздно. И мы, послѣ необходимыхъ взаимныхъ поклоновъ и прощальныхъ церемоній съ гостепріимнымъ хозяиномъ, разъѣхались по домамъ.

Недавно случилось мнѣ прочесть сообщенный разсказъ, въ одномъ изъ многочисленныхъ китайскихъ сборниковъ «видѣннаго и слышаннаго» (Цзянь вэнь лэй бянь), гдѣ я нашелъ поясненіе отъ автора, что разсказъ имъ написанъ со словъ пріятеля, въ 1830 годахъ.

Изъ продолженія разсказа видно, что «Ли ма шэнъ» и въ резиденціи «Лао цзы» не оставилъ своихъ грѣховныхъ наклонностей. Нисколько не постигая и не желая вникать въ монастырскій уставъ, онъ, наконецъ, оказался между монахами очень не ко двору. Оттого въ главномъ совѣтѣ было порѣшено изгнать его изъ добродѣтельнаго святилища. Ему вновь пришлось попутешествовать на пегасѣ, который и доставилъ его въ новыя небеса, въ нѣдра Мухаммеда. Очутившись тамъ въ средѣ аравійскихъ отшельниковъ, въ палатахъ объятыхъ пламенемъ, его сперва приняли милостиво въ признательность бывшихъ на землѣ панихидъ; но, однако-жъ, вскорѣ онъ оказался невыносимымъ. Онъ былъ обличенъ въ самыхъ тяжкихъ преступленіяхъ: пилъ водку, ѣлъ свинину, курилъ опіумъ и любилъ сообщество юныхъ учениковъ въ обиду самому престарѣлому владыкѣ. Съ нимъ послѣдовала быстрая расправа. Ехидные небожители Аравіи спровадили его въ подарокъ къ Далай-ламѣ, въ дебри Тибета, отрекомендовавъ съ самой лестной стороны, какъ академика, знатока китайской словесности, много потрудившагося за комментаріями буддійскихъ книгъ, переведенныхъ съ тибетскихъ подлинниковъ. Тутъ злосчастный «Ли ма шэнъ» попался какъ куръ во щи. Онъ былъ принятъ какъ свѣтило, со всѣми почестями, подобающими будто бы его учености, но на первыхъ же порахъ обнаружилось, что онъ ничего не смыслитъ ни въ буддизмѣ, ни въ ламаизмѣ, не смыслитъ и тибетскаго языка; а слышалъ только, что ламы охотники до баранины и до водки. Удивленный Далай-лама, уже съ давнихъ временъ презирающій всѣхъ, кто переступалъ врата Мухаммеда, потребовалъ «Ли ма шэна» предстать предъ его очами на экзаменъ. Экзаменъ оказался не только напраснымъ, но обнаружилъ и кощунство со стороны чернотѣлыхъ мусульманъ, когда «Ли ма шэнъ», стоя на колѣняхъ и при присягѣ предъ несмѣтнымъ стадомъ барановъ, показалъ, что кромѣ предписаній по финансовому вѣдомству, да еще не всегда пристойныхъ романовъ, онъ ничего не читалъ уже лѣтъ двадцать, когда, получивъ званіе магистра, онъ выбросилъ со своихъ полокъ всѣ классическія книги. Услышавъ такое признаніе, Далай-лама впалъ въ экстазъ и поклялся, что предъ нимъ стоитъ не скромный китаецъ, а воплощеніе демона, что

такое чудовище не должно быть терпимо въ его чертогахъ, а суждено исчезнуть въ облакахъ грѣха и срама.

Когда онъ былъ вытолкань отъ Далай-ламы, ему оставалось пристроиться только на высяхъ «Да цинъ» (Римъ), куда онъ и прибылъ благодаря какой-то невидимой силѣ. Тутъ, въ кругу западныхъ ханжей, «Ли ма шэнъ» зажилъ-было въ волю; но, къ несчастью, къ нему былъ вскорѣ назначенъ какой-то педантъ въ наставники. Твердя только свои каноны, педантъ съ презрѣніемъ относился къ великому ученію Конфуція и, понюхавъ табаку, фыркалъ при каждомъ разѣ, когда «Ли ма шэнъ» приступалъ къ своему обряду поклоненія предкамъ. Имъ были видимо недовольны, и въ наказаніе, наконецъ, было превращено давать рисовую кашу, замѣнивъ ее говядиной, къ которой «Ли ма шэнъ» прикасался съ чувствомъ омерзѣнія. Затѣмъ, онъ отъ кого-то пронюхалъ, что высшіе іерархи въ «Да цинъ» уже не разъ писали на другія небеса, предлагая взять отъ нихъ столь скверную душу. Но, такъ какъ онъ уже тамъ побывалъ и отовсюду былъ выгоняемъ, то въ «Да цинъ» вынуждены были порѣшить отдѣлаться отъ «Ли ма шэна» безъ всякой посторонней помощи. Такъ, въ одну счастливую ночь, когда «Ли ма шэнъ» на отрѣзъ отказался идти въ собраніе слушать каноны, въ его келью явились десятокъ гайдуковъ. Схвативъ «Ли ма шэна» за ноги, какъ поросенка, они вышвырнули его вонъ, словно мячикъ. И на этотъ разъ не обошлось безъ чуда: «Ли ма шэнъ» упалъ прямо во дворъ своего дома въ Пекинѣ.

Я долженъ сказать, что изъ разсказа мной выпущены многія сцены, видѣнныя «Ли ма шэнъ» въ Римѣ и у мусульманъ. Въ этихъ сценахъ авторъ не стѣсняется ничѣмъ.

К. Скачковъ.

АМЕРИКАНСКАЯ ЖУРНАЛИСТИКА

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ *).

Профессія, въ которой нѣтъ шансовъ успѣха иначе какъ для умныхъ, практичныхъ людей.—Затрудненія, съ которыми приходится журналистамъ бороться. —Организація редакціоннаго дѣла въ газетахъ.—Что требуется отъ редактора.—Универсальность, процвѣтающая насчетъ спеціализаціи. — Отсутствіе индивидуальности; рѣдкость случаевъ продажности въ средѣ журналистовъ большихъ газетъ.—Система «apprentissage».—Предубѣжденіе редакцій противъ сотрудниковъ, получившихъ высшее образованіе.—Газеты, издаваемыя студентами при коллегіяхъ.—Отсутствіе замкнутости и всеобщая любезность въ редакціяхъ.— Крестъ, выпадающій на долю редактора провинціальной газеты. — Кровавыя стычки.—Провинціальные журналисты на дипломатическихъ постахъ и въ конгрессѣ.—Невыгоды положенія журналистовъ при большихъ газетахъ.

Разсказанное нами уже даетъ извѣстное понятіе о томъ, какъ трудны задачи, выпадающія на долю добросовѣстныхъ издателей и редакторовъ газетъ, которые хотѣли бы удовлетворять общественному требованію и въ то же время держаться въ границахъ порядочности и справедливости, не поступаясь подписчикамъ и притомъ вѣчно стремясь опередить другія газеты въ передачѣ новостей.

А между тѣмъ, какъ много находится здѣсь строгихъ критиковъ, которые, читая газеты, написанныя легкимъ, совсѣмъ разговорнымъ языкомъ, и попривыкнувъ къ неизмѣнной газетной предпріимчивости, презрительно изрекаютъ: «А, вѣдь, легкое, должно быть, это дѣло—газетное: было бы оно трудно, какъ другія профессіи, не велись бы газеты съ такой машинной регулярностью, съ такою законченностью, какъ теперь... Легко

---

*) См. выше: іюль, стр. 211.

дѣло; оттого хорошо оно и ведется»... И неизмѣнно, слушая эти рѣчи, приходятъ мнѣ на умъ слова одного изъ даровитыхъ американскихъ журналистовъ, мистера Коггдена, который разъ навсегда далъ отвѣтъ подобнымъ критикамъ—имя которымъ здѣсь легіонъ — заявилъ, что «оттого газетное дѣло ведется такъ искусно, что завѣдуютъ то имъ исключительно люди умные, тогда какъ дураки отъ него отстраняются, лишь только къ нимъ въ редакціи приложена проба и они ее не выдержали». Въ связи съ этимъ заявленіемъ весьма характеренъ тотъ неоспоримый фактъ, что когда посредственный проповѣдникъ, посредственный медикъ штатовъ все таки подвигается понемногу впередъ, имѣетъ слушателей, паціентовъ—посредственный журналистъ заранѣе обреченъ потерпѣть фіаско: соревнованіе другихъ газетъ не даетъ ему и года просуществовать на средства съ газеты. Вслѣдствіе того, мы и видимъ здѣсь, какъ неизмѣнно неумѣлые журналисты идутъ ко дну, а съ другой стороны, какъ быстро талантливые сотрудники газетъ выходятъ въ люди: между «удачниками» этой профессіи нѣтъ ни одного, таланты котораго оставались бы непризнанными долгое время послѣ того, какъ онъ взялся за газетное дѣло. Яркими примѣрами того служатъ быстро составленныя карьеры такихъ уважаемыхъ и общеизвѣстныхъ здѣсь журналистовъ, какъ господа Marble («New York World»), Charles Nordhoff («N. Y. Ewening Post»), Cummings и D-r John Wood («N. Y. Sun»), Jennings («N. Y. Times»), и многихъ другихъ не старыхъ еще людей, продолжающихъ занимать почетныя мѣста въ американской журналистикѣ — не говоря уже о журналистахъ прежняго времени, какими напр., были Грили и старшій Беннетъ, не знавшіе себѣ ни въ чемъ препятствій и взошедшіе вверхъ, какъ ракеты, и Реймондъ, основавшій «N. Y. Times» и чуть не сразу занявшій перворазрядное мѣсто въ здѣшней журналистикѣ.

Журнализмъ сталъ здѣсь за послѣдніе годы лицомъ къ лицу съ тѣмъ самымъ затрудненіемъ, которое ставитъ въ тупикъ школы настоящаго времени: школы не знаютъ, какъ найти время на ознакомленіе дѣтей съ громадной массой прибавившагося знанія; газетной же дѣятельности открыто столько новыхъ аренъ, численность и разнообразіе извѣстій, приходящихъ со всѣхъ сторонъ, такъ велики, что редакторы порою не знаютъ, чему отдать предпочтеніе. Единственный исходъ изъ этого затрудненія, по убѣжденію здѣшнихъ журналистовъ, кроется въ совершенствѣ организаціи газетнаго дѣла и въ выборѣ людей, способныхъ справляться въ самый краткій промежутокъ времени со всей по-

ступающей массою матеріала, выбирая изъ нея не только наиболѣе важныя извѣстія, но главнымъ образомъ то, что способно интересовать классъ читателей зауряднаго развитія. Редакторскихъ способностей здѣсь отнюдь недостаточно для хорошей постановки новоиздающейся газеты: какія бы деньги издатель газеты ни тратилъ на корреспондентовъ и сотрудниковъ, дѣло его не идетъ на ладъ, если онъ не одаренъ тѣмъ особеннымъ чутьемъ, которое подсказываетъ издателю выборъ наиболѣе подходящихъ дѣловыхъ помощниковъ. Чуть ли не всѣ издатели газетъ, составившіе себѣ здѣсь имя и положеніе, именно отличались этимъ талантомъ распознавать людей и извлекать наибольшую пользу изъ личныхъ талантовъ каждаго. Издатель газеты или, если таковая издается компаніей, отвѣтственный редакторъ—тотъ же главнокомандующій арміей. Онъ вырабатываетъ планы, обсуждаетъ ихъ на совѣтѣ съ приближенными сотрудниками, измѣняетъ ихъ сообразно съ обстоятельствами, все же пригоняя ихъ всѣ къ извѣстной, преслѣдуемой имъ цѣли. У издателя-главнокомандующаго вездѣ царитъ строжайшій порядокъ: всѣ начальники отдѣльныхъ частей, стратегисты, застрѣльщики, стоятъ у своего дѣла и ждутъ слова команды, чтобы двинуться, составляя одно стройное цѣлое и осуществляя идею, возникшую въ одной отвѣтственной головѣ. Даже веденіе газетъ, которыя издаются компаніями, поручается всегда одному человѣку. Да оно иначе было бы и немыслимо. Громадныя американскія газеты —то же что любое маленькое европейское государство: редакція каждой такой газеты разбита на отдѣльные департаменты—департаментъ иностранныхъ дѣлъ, внутреннихъ дѣлъ, судебный, полицейскій и проч. При каждомъ такомъ отдѣлѣ состоитъ штатъ служащихъ; у каждой крупной газеты непремѣнно есть и представители въ иностранныхъ государствахъ.

Такъ напримѣръ при «New York Herald», подъ начальствомъ главнаго редактора (вдохновляющагося идеями самого собственника газеты, Беннета) состоитъ персоналъ въ 400 съ лишнимъ человѣкъ. При самой редакціи, въ Нью-Іоркѣ, состоитъ около дюжины редакторовъ отдѣльныхъ частей газеты: отдѣла иностраннаго, внутренняго, полицейскаго, судебнаго, судоходнаго, финансоваго, литературнаго, отдѣла изящныхъ искусствъ, спорта и пр. и пр., изъ числа которыхъ девять человѣкъ пишутъ и передовыя статьи. Кромѣ того, въ Вашингтонѣ, Санъ-Франциско и во многихъ городахъ Европы, напримѣръ въ Лондонѣ, Парижѣ, Берлинѣ, Неаполѣ и др., учреждены отдѣльныя конторы газеты, каждая съ полнымъ комплектомъ служащихъ.

Конечно, «New York Herald» не имѣетъ себѣ соперниковъ по размѣрамъ; но по его стопамъ стремятся многія меньшія газеты, и нѣкоторыя изъ нихъ подаютъ большія надежды на то, чтобы дойти до такого же громаднаго состава и развитія. Даже по сію пору нѣкоторыя маленькія газеты, спѣша заручиться содѣйствіемъ талантливыхъ людей, платятъ большій гонораръ своимъ сотрудникамъ, чѣмъ большія газеты, хотя и не могутъ еще платить какъ «Herald», спеціальный корреспондентъ котораго въ Вашингтонѣ, напр., получаетъ 10,000 долларовъ въ годъ лишь за то, чтобы слѣдить за дѣлами въ конгрессѣ, который иногда собирается всего на три мѣсяца въ году.

Численность газетъ въ штатахъ такъ велика и соревнованіе между ними такъ неустанно, что отъ редактора здѣшней газеты, какъ залогъ успѣха, требуется масса свойствъ, весьма рѣдко встрѣчаемыхъ въ одномъ человѣкѣ. Прежде всего, конечно, ему нужно знаніе вообще и сообразительность, которая бы сразу подсказывала ему, куда обращаться за добавочными, детальными свѣдѣніями по всевозможнымъ вопросамъ, могущимъ представиться для немедленнаго разсмотрѣнія. Конечно, и въ американскомъ редакторѣ желательно болѣе или менѣе спеціальное знаніе своего дѣла, пріобрѣтаемое долговременною практикою, но больше всего отъ него требуется здѣсь всеобщность знаній. Онъ долженъ скорѣе имѣть интуицію, нежели убѣжденія. Замѣчу мимоходомъ, что у руководителей газетнаго дѣла въ Америкѣ, установившіяся «убѣжденія» въ редакторѣ почитаются скорѣе недостаткомъ, чѣмъ достоинствомъ; по ихъ мнѣнію, убѣжденія неизмѣнно сопровождаются извѣстною закоснѣлостью—весьма опаснымъ дѣломъ въ журналистикѣ. По мнѣнію нѣкоторыхъ весьма почтенныхъ американскихъ журналистовъ, строгая послѣдовательность — вещь невозможная въ журналистикѣ; за то искренность и честное направленіе редактора неизмѣнно сказываются на читателяхъ и привязываютъ ихъ къ газетѣ. Утомленію редакторъ отнюдь не долженъ смѣть никогда поддаваться: днемъ и ночью онъ долженъ быть готовъ на работу. Онъ долженъ обладать почти даромъ предвидѣнія, которое помогаетъ ему не только быстро разобраться въ массѣ матеріала, но и догадаться, чему изъ дневныхъ новостей суждено составить предметъ интереса на завтрашній день. Ему нужно постоянно давать указанія, совѣты, и совѣты практичные, капиталисту, бѣдняку, юношѣ, старику, аферисту, честолюбцу, торговцу, фермеру и проч., и къ тому же онъ долженъ обсуждать дѣла всего міра такъ, чтобы быть пріятнымъ большинству.

Отличительною чертою журналиста по призванію является какая-то ненасытная алчность новостей, стремленіе опередить извѣстія другихъ газетъ. Но какъ ни громадна масса свѣдѣній, ежедневно доставляемыхъ газетами, это далеко не все, что ими получается; въ нью-іоркскихъ редакціяхъ, изо-дня въ день, выбрасываются груды матеріала, нерѣдко даже и телеграфныя сообщенія, за ненадобностью или запоздалостью.

Въ связи съ этимъ небезъинтересно будетъ, я полагаю, пояснить, какимъ образомъ получаются «New York Herald'омъ», напримѣръ, всѣ тѣ интересные комментаріи, которые неизмѣнно появляются въ газетѣ каждое утро на свѣжія телеграммы изъ-за границы. Эта черта предпріимчивости «Herald'а» составляетъ загадку даже для большинства американцевъ; между тѣмъ доставляются эти комментаріи самымъ простымъ путемъ. Собственникомъ «Herald'а» издается также вечерняя газета «Evening Telegramm»; многія телеграммы изъ Европы получаются редакціей днемъ, и помѣщаются немедленно въ «Evening Telegramm»; въ Нью-Іоркѣ, какъ извѣстно, проживаетъ много образованныхъ иностранцевъ; тѣ изъ нихъ, которые извѣстны редакторамъ «Herald'а» за людей добросовѣстныхъ и толковыхъ, часто пользуются извѣстною доступностью редакціи и присылаютъ въ нее тѣмъ же вечеромъ или ночью письменныя поясненія касательно прошлой дѣятельности тѣхъ лицъ, о которыхъ они только-что прочли въ телеграммахъ, или же даютъ оцѣнку и поясненіе возвѣщаемыхъ въ той или другой странѣ правительственныхъ мѣръ. Подобные комментаріи всегда принимаются съ готовностью, лишь бы не были растянуты, и оплачиваются соотвѣтственно ихъ размѣру, по десяти долларовъ за печатный столбецъ. Кромѣ того, при всякой редакціи большой газеты, конечно, заранѣе заготовлены груды матеріала для некрологовъ всѣхъ европейскихъ и мѣстныхъ государственныхъ людей, всегда готоваго поступить въ печать.

При всеобщемъ стремленіи здѣшнихъ редакцій опередить другія газеты, въ этомъ послѣднемъ отдѣлѣ случаются и ошибки: инымъ знаменитостямъ и при жизни случается читать въ газетахъ свой некрологъ. Нѣкоторые же граждане съ такою философіей относятся къ неизбѣжному, что передъ смертью посылаютъ въ редакцію, прося дать имъ прочесть то, что должно будетъ появиться касательно ихъ черезъ нѣсколько дней или часовъ. Такъ напр., поступилъ извѣстный здѣсь актеръ Burton, который не только добился отъ «New York Herald'а» (если не ошибаюсь) того, чтобы ему прислали прочесть его некрологъ,

но даже самъ его дополнилъ, исправилъ и затѣмъ скончался, очень этимъ довольный.

По выборѣ годнаго матеріала, приступается (въ такихъ газетахъ какъ «N. Y. Sun», напр.), къ возможному его сжатію, причемъ стараются его расположить съ такимъ искусствомъ, подъ такими громкими заголовками, чтобы онъ сразу завлекалъ читателя, но отнюдь не бралъ у него много времени. Что же касается до составителей передовыхъ статей, то отъ нихъ требуется совершенно артистическая сноровка. Горе ему, если онъ вздумаетъ поучать публику или растягивать статью. Онъ долженъ сразу схватить данный ему для обсужденія предметъ, однимъ взглядомъ постичь юморъ или трагедію даннаго положенія, сообразить его соотношеніе къ общему направленію своей газеты; онъ долженъ съумѣть въ какихъ-нибудь полчаса выбрать самую суть предмета и передать ее читателю такимъ живымъ языкомъ, чтобы тотъ, читая статью, забылъ за ней и кофе, и завтракъ свой, не замѣчалъ бы, сколько передъ нимъ строкъ и столбцовъ, пока не дочтетъ всю статью до конца. Старикъ Конгдонъ, въ своихъ интересныхъ «Reminiscences of a Journalist», весьма вѣрно замѣчаетъ, что «оттого такъ мало людей достигаютъ успѣха на поприщѣ журналистики, что мало находится людей, надѣленныхъ требуемымъ, для того темпераментомъ и здоровьемъ. Больше половины рода человѣческаго состоитъ изъ людей мѣшковатыхъ, не довольно подвижныхъ и лишенныхъ чувства пропорціональности... Многія газетныя статьи будто съ намѣреніемъ написаны для читателей, надѣленныхъ долговѣчностью лэди и джентльменовъ Ветхаго Завѣта»...

Какъ результатъ такого отношенія наилучшихъ журналистовъ къ своему дѣлу, и частаго отсутствія критическаго къ себѣ отношенія, въ этой профессіи выработался годами совершенно особый типъ людей—блестящихъ, практичныхъ и крайне самоувѣренныхъ. Послѣднее свойство болѣе свойственно однако провинціальнымъ журналистамъ. Спѣшность работы, крайнее нервное напряженіе, при невозможности сосредоточиваться по долгу на чемъ бы то ни было, являются вѣроятно причинами того страннаго обстоятельства, что такъ немногіе изъ даровитыхъ журналистовъ развиваются въ дѣйствительно замѣчательныхъ людей. Несмотря на то, что въ конгрессѣ и законодательныхъ палатахъ штатовъ насчитывается много журналистовъ, однако, ни одного изъ нихъ нельзя назвать выдающимся дѣятелемъ, тогда какъ въ другихъ странахъ, напр. во Франціи, журналисты составляли себѣ блестящія репутаціи какъ общественные дѣятели: даже и

теперь, въ одномъ французскомъ сенатѣ состоитъ, какъ извѣстно, цѣлая плеяда бывшихъ журналистовъ, среди которыхъ блеститъ имена Лемуана, Леона Сэ, Жюля Симона, Шалльмель-Лакура и др. Отчего не замѣчается того же въ Америкѣ — можно лишь догадываться; удовлетворительно же объяснить себѣ это явленіе мнѣ до сей поры еще не удалось.

Въ маленькой провинціальной газетѣ, еще есть мѣсто проявиться личности редактора; но большія, столичныя газеты—это какія-то чудища, громадныя машины, которыя засасываютъ всѣ таланты, всякую индивидуальность. Нельзя, съ другой стороны, не отнестись съ уваженіемъ къ классу американскихъ журналистовъ, видя, какъ рѣдки, сравнительно говоря, въ ихъ средѣ примѣры продажности, торговли своими убѣжденіями, подслуживанья сильнымъ міра сего изъ-за личныхъ своихъ цѣлей. А искушенія здѣсь на этотъ счетъ сильнѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было. Сила печати сознается здѣсь всѣми; всѣ лица, находящіяся у какихъ-нибудь дѣлъ, съ радостью готовы подкупать журналистовъ, лишь бы тѣ писали въ требуемомъ духѣ. Биржевые игроки, золотопромышленники, спекуляторы хлопкомъ, зерномъ, провіантомъ, желѣзно-дорожныя компаніи, добирающіяся до общественныхъ земель, разные монополисты, торговыя компаніи, акціонерныя общества, политическіе дѣятели — все это денно и нощно осаждаетъ журналистовъ, стараясь привлечь ихъ на свою сторону лестью, деньгами, посулами разныхъ теплыхъ мѣстъ; а между тѣмъ газеты, отстаивающія темные интересы частныхъ лицъ и компаній, до того малочисленны, что ихъ можно перечесть по пальцамъ.

Здѣсь довольно часто случается, что редакторы вліятельныхъ газетъ назначаются консулами, посланниками при иностранныхъ государствахъ въ благодарность за содѣйствіе, оказанное ими въ дѣлѣ избранія президента. Но эти «награды», хотя и не осуждаются журналистами, но отнюдь не почитаются ими за особую честь. Беннетъ, которому президентъ Линкольнъ предлагалъ ѣхать посланникомъ въ Парижъ, отказался отъ этой чести, написавъ президенту, что редакторской миссіи съ него вполнѣ достаточно, и онъ можетъ сдѣлать болѣе добра черезъ «Herald», чѣмъ на постѣ посланника въ Парижѣ.

Того же мнѣнія держатся и многіе другіе американскіе журналисты настоящаго времени. Притомъ въ самой средѣ журналистовъ существуетъ особая, профессіональная спѣсь, извѣстный кодексъ приличій, запрещающій имъ стремиться занимать видныя общественныя мѣста — въ особенности правитель-

ственныя. По ихъ мнѣнію, между журналистикою и правительствомъ должно держаться такое же строгое разграниченіе, какъ между правительствомъ и церковью въ государствѣ. Если и существуетъ нѣчто общее между іезуитскимъ орденомъ и журнальною корпораціею въ Америкѣ, то это развѣ то, что тотъ и другая считаютъ недостойнымъ своего призванія гнаться за личною извѣстностью, вполнѣ довольствуясь славою своего ордена или своей газеты. «Тѣмъ, кто ищетъ извѣстности—говоритъ журналистъ Конгдонъ,—лучше и не вступать на газетное поприще. Они скорѣе добьются своего, попавъ въ конгрессъ, стяжавъ себѣ лавры, какъ скороходы или сорокадневные постники. А то пусть наживутъ кучу денегъ и завѣщаютъ ихъ на публичную библіотеку; или же наконецъ, пусть присвоятъ круглую сумму общественныхъ денегъ и бѣгутъ проживать ихъ въ Европѣ... Все это можетъ доставить болѣе извѣстности, чѣмъ журнализмъ»...

Названіе профессіи однако не совсѣмъ подходитъ къ американской журналистикѣ: она является скорѣе какимъ-то компромиссомъ между торговлею и искусствомъ. Тамъ, гдѣ нѣтъ, во главѣ газеты, практической головы съ промышленнымъ геніемъ, дѣло никакъ не пойдетъ здѣсь на ладъ, какими бы талантливыми журналистами газета ни держалась. Съ другой стороны, для успѣха газеты необходимо въ сотрудникахъ ея искусство, достающееся лишь цѣною труда надъ собою, при прирожденныхъ способностяхъ къ дѣлу. Не помню, кто изъ журналистовъ сказалъ, что онъ «встрѣчалъ людей, сознававшихся, что они не умѣютъ читать газету, но никогда еще не встрѣчалъ здѣсь никого, кто бы не считалъ себя способнымъ издавать газету». Это совершенная правда; но не слѣдуетъ забывать и того, что такая самонадѣянность вырабатывается здѣсь самою жизнью; здѣсь общепринятое убѣжденіе—что каждый человѣкъ можетъ и долженъ, при случаѣ, все умѣть дѣлать, можетъ и долженъ пробить себѣ дорогу къ богатству и извѣстности. Результатомъ является извѣстная умственная поверхностность; но за то это стремленіе пробовать свои способности на всѣхъ аренахъ, пока не попадешь на настоящую, вызываетъ къ дѣятельности многіе скрытые таланты, которые никогда бы не проявились на европейской почвѣ, гдѣ требуется спеціальное знаніе и профессіональная подготовка: это послѣднее, правда, даетъ извѣстный процентъ высокихъ мастеровъ своего дѣла, но за то ограничиваетъ иниціативу массъ.

Въ сферѣ американской журналистики издавна держалась система «apprentissage»; большинство лучшихъ журналистовъ ста-

раго закала до сей поры держится того убѣжденія, что въ редакціи газеты болѣе всего полезны люди, прошедшіе черезъ всѣ ступени газетнаго дѣла, даже бывшіе наборщики. Противъ молодежи, окончившей высшій курсъ наукъ, существовало прежде положительное предубѣжденіе, такъ какъ подобныхъ сотрудниковъ приходилось въ редакціяхъ перевоспитывать и они крайне неохотно поступались своими идеями. Даже такой замѣчательный человѣкъ, какъ Грили, говорилъ о нихъ очень недружелюбно.

Старикъ Беннетъ, геніальный основатель «New-York Herald'a», охотно принималъ въ редакцію образованныхъ молодыхъ людей, но своего собственнаго сына велъ такъ, что тотъ самъ можетъ пожалуй замѣнить любого наборщика. Теперь предубѣжденіе противъ воспитанниковъ коллегій значительно сгладилось, но имъ все-таки надо проходить въ редакціяхъ тяжелую школу, когда они рѣшаются посвятить себя журналистикѣ. Хозяева редакцій пуще всего боятся классицизма, неминуемо вызывающаго педантизмъ, хорошо зная, какъ этотъ послѣдній ненавистенъ здѣшней публикѣ, и потому считаютъ полезнымъ заставлять своихъ помощниковъ мѣняться ролями, чтобъ тѣ не вдавались въ «рутину» избраннаго каждымъ отдѣла.

Въ Америкѣ много говорилось и писалось о томъ, какой наилучшій способъ подготовлять хорошихъ журналистовъ; предполагалось даже открыть при Корнелевскомъ университетѣ особый факультетъ журналистики, но этотъ проектъ не состоялся, а опытные журналисты твердо стоятъ на томъ, что лучшая школа для журналиста—редакція большой столичной газеты, куда мальчикъ поступаетъ лѣтъ 16—17-ти, состоитъ на посылкахъ, присматривается къ дѣлу, затѣмъ командируется репортеромъ при полицейскихъ домахъ, при судебныхъ разбирательствахъ и проч., поднимаясь все выше и выше, почитывая на досугѣ, и нерѣдко достигая степени отвѣтственнаго редактора или писателя передовыхъ статей.

Многіе американцы утверждаютъ, что значительная подготовка къ газетному дѣлу вырабатывается въ средѣ учащейся молодежи тѣмъ, что воспитанниками каждой коллегіи издается своя газета безъ всякаго контроля со стороны ихъ начальства. Сами воспитанники пишутъ статьи, сами же ихъ редактируютъ, сами набираютъ и печатаютъ. Это, правда, даетъ нѣкоторую техническую подготовку къ дѣлу; но за то — по мнѣнію присяжныхъ журналистовъ — воспитанникамъ коллегій, привыкшимъ писать статьи со всѣми риторическими прикрасами и безо всякаго примѣненія къ общественнымъ требованіямъ и вкусамъ,

приходится въ настоящихъ редакціяхъ начинать свое обученіе съ начала.

Интересуясь постановкою газетнаго дѣла въ коллегіяхъ, я обратилась за свѣдѣніями по этому предмету къ знакомому мнѣ библіотекарю Корнелевскаго университета, и онъ мнѣ доставилъ цѣлую массу газетъ и журналовъ, издающихся учениками здѣшнихъ коллегій и среднихъ школъ. Всего издается въ штатахъ до двухсотъ газетъ такого рода; я же со вниманіемъ пересмотрѣла болѣе пятидесяти такихъ газетъ, и въ концѣ-концовъ должна была прійти къ тому же убѣжденію, что и редакторы настоящихъ газетъ. Газеты, издаваемыя студентами — при всей свободѣ обсужденія, которою онѣ пользуются — представлялись мнѣ лишенными всякой жизненности. Это—въ большинствѣ случаевъ — не болѣе, какъ коллекціи слабыхъ подражаній классикамъ, округленныя риторическія фразы, насквозь проникнутыя тяжелою напыщенностью, приправленныя какой-то пародіей на юморъ или же подновленіемъ давно истасканныхъ остротъ. Ничего въ этихъ статьяхъ нѣтъ юношескаго, пылкаго, молодого: все будто подстрижено и подведено въ строй. Какъ увѣряютъ здѣсь, это изданіе своихъ газетъ, хотя иногда и мѣшаетъ студентамъ-редакторамъ съ должною послѣдовательностью слѣдить за лекціями, за то служитъ какимъ-то предохранительнымъ клапаномъ, черезъ который находитъ себѣ выходъ свойственная молодежи жажда реальной дѣятельности. Я съ своей стороны, не могла понять, отъ какихъ излишествъ требуется предохранять ту молодежь, которая способна вѣчно писать такія *примѣрныя* статьи; но не могу не сознаться, что къ дѣйствительной жизни эти классики «en herbe» относятся слишкомъ свысока и къ веденію дѣйствительнаго газетнаго дѣла, конечно, нимало еще неспособны.

Изъ того, что мнѣ выше пришлось говорить о томъ, какимъ путемъ поступаютъ извѣстныя свѣдѣнія въ редакціи газетъ, читатель самъ, вѣроятно, заключитъ, что американскія редакціи далеко не отличаются той замкнутостью, которую мы видимъ въ редакціяхъ европейскихъ. И это дѣйствительно такъ. Здѣсь въ редакціяхъ отнюдь не священнодѣйствуютъ, и всякому постороннему человѣку, приходящему туда за дѣломъ, оказывается самый вѣжливый пріемъ. Со своей стороны, я рада воспользоваться настоящимъ случаемъ, чтобъ заявить благодарность американскимъ журналистамъ за ту неизмѣнную готовность мнѣ помочь и все мнѣ разъяснить, указать источники и направить меня, куда слѣдуетъ, во всѣхъ тѣхъ, далеко не малочисленныхъ случаяхъ, когда мнѣ случалось къ нимъ обращаться. Надо замѣтить, что

этой любезностью отличаются всѣ здѣшнія учрежденія. Случалось мнѣ зайти изъ любопытства въ типографію: мнѣ тотчасъ же вызывались все показать и растолковать. Ту же предупредительность встрѣчала я и на часовой фабрикѣ, въ центральной почтѣ Нью-Іорка, на знаменитыхъ бойняхъ въ Чикаго, на правительственныхъ спасательныхъ приморскихъ станціяхъ, и во многихъ другихъ мѣстахъ. Если не удастся достать какихъ свѣдѣній по статистикѣ, развитію мануфактуръ или по учебному дѣлу — стоитъ только обратиться письмомъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ въ Вашингтонѣ, въ департаментъ учебныхъ дѣлъ въ статистическій комитетъ, или написать президентамъ различныхъ коллегій, и васъ, спустя нѣсколько дней, завалятъ правительственными изданіями, брошюрами, бюллетенями, отчетами и проч. Вамъ даромъ высылаются даже дорогія правительственныя изданія, ни одно ваше письмо не остается безъ отвѣта, если вы интересуетесь узнать объ дѣлѣ. Высота американской цивилизаціи, на мой взглядъ, чуть ли не ярче всего и проявляется въ этомъ общемъ стремленіи содѣйствовать изученію страны и ея учрежденій, въ этомъ уваженіи къ чужому труду, въ этой повсемѣстной готовности отворить передъ вами всѣ двери настежъ, не боясь тѣмъ подорвать престижа какого бы то ни было учрежденія, чьей бы то ни было дѣятельности. Что же касается до вѣжливости, встрѣчаемой въ редакціяхъ, приведу слѣдующій случай, хотя и пустой, но весьма характерный. Узнала я прошлой весной изъ газетъ, что въ Нью-Іоркъ пріѣхалъ мистеръ Гентъ, назначенный посланникомъ въ Петербургъ, и что онъ чуть ли не на другой день уѣзжаетъ въ Европу. По нѣкоторымъ обстоятельствамъ мнѣ необходимо было его посѣтить; но гдѣ онъ остановился, мнѣ было неизвѣстно. Нѣсколько заповдавъ, я застала русское консульство запертымъ; зашла въ редакцію «New-York-Herald»'а — и тамъ не застала никого изъ знакомыхъ мнѣ людей. Что было дѣлать? Послала на удачу карточку редактору «городского отдѣла» при «Herald», господину совершенно мнѣ неизвѣстному. Тотъ меня немедля принялъ, оставилъ свою работу, выслушалъ, отправился наводить справки въ редакціи о томъ, гдѣ остановился мистеръ Гентъ, затѣмъ вошелъ въ телефонное сообщеніе съ отелями, разузналъ все, что̀ мнѣ требовалось, и далъ мнѣ подробныя наставленія насчетъ того, какой именно омнибусъ взять, чтобъ добраться до Gilzey House, гдѣ остановился мистеръ Гентъ, и на какомъ пунктѣ пересѣсть въ другую карету. Замѣчательно въ этомъ эпизодѣ именно то, что онъ происходилъ въ редакціи сто-

личнаго «Herald'a», гдѣ все дѣло ведется съ регулярностью машины.

Доступность редакціи въ провинціяхъ—вещь общеизвѣстная, осмѣянная на весь свѣтъ такими писателями, какъ Диккенсъ и Маркъ Твэнъ. Въ какомъ-нибудь маленькомъ мѣстечкѣ или провинціальномъ городѣ редактору газеты иногда невозможно бываетъ укрыться отъ назойливыхъ посѣтителей: то зайдетъ какой-нибудь прохожій гражданинъ «поболтать» о политикѣ и точно прирострѣтъ къ стулу, задравъ ноги кверху и жуя табакъ; затѣмъ явится какой-нибудь проѣзжій актеръ, требовать съ редактора объясненія, почему тотъ плохо отозвался объ его игрѣ, тогда какъ «просвѣщенные критики большихъ центровъ» и проч. и проч.; не успѣетъ редакторъ умиротворить и спровадить этихъ посѣтителей, какъ является разорившійся спекулянтъ майоръ, полковникъ, генералъ (въ провинціи изъ десяти человѣкъ непремѣнно девять носятъ подобные титулы), требуя, чтобъ въ газетѣ помѣщена была его финансовая статья; или какой-нибудь мѣстный пройдоха, требующій, чтобъ редакторъ какъ-нибудь тонкимъ образомъ расхвалилъ въ газетѣ его товаръ; въ редакцію забѣгаютъ мѣстные тузы, политики, общественные дѣятели, и каждый изъ нихъ старается добиться отъ редактора такого-то отзыва о своемъ дѣлѣ. Чуть ли не бóльшей еще карой въ жизни журналиста являются разныя лэди-авторы, которыя впархиваютъ, шурша своими шелками, гремя цѣпями и браслетами, и пристаютъ немилосердно къ редактору, прося его напечатать ихъ разсказы и стихи. Не будетъ преувеличеніемъ сказать, что жизнь провинціальнаго американскаго редактора есть сущая мука, которую не выдержалъ бы человѣкъ другой національности. Приходится только дивиться, откуда у этихъ журналистовъ является тактъ, помогающій имъ справляться со всѣмъ этимъ безтолковымъ и безсовѣстнымъ людомъ: рѣзко съ посѣтителями обходиться невозможно, а приходится вѣчно лавировать, потому что, въ противномъ случаѣ они не замедлятъ подготовить какую-нибудь интригу, и такъ или иначе, повредятъ дѣлу редактора. Нѣкоторые ожесточенные противники, преимущественно въ южныхъ и западныхъ штатахъ, являются въ редакцію съ револьверами и дѣло, иногда самое ничтожное, оканоканчивается кровавою стычкою. Что говорить про дальнія провинціи, когда въ такомъ богатомъ промышленномъ городѣ, какъ Санъ-Луи, въ штатѣ Миссури, этою зимою произошла подобная кровавая расправа, причемъ по какому-то оставшемуся необъясненнымъ случаю, разомъ убиты были на-поваль редакторъ, директоръ мѣстнаго банка и поспѣшившій къ этому послѣднему на

помощь племянникъ, совсѣмъ юный и ничѣмъ не замѣшанный въ ссору человѣкъ.

Въ провинціи впрочемъ существуетъ для редакторовъ то вознагражденіе, что ихъ дѣятельность не поглощается газетою, они могутъ иногда завоевать себѣ видное положеніе въ обществѣ, попасть въ законодательное собраніе—въ конгрессъ.

Въ средѣ общественныхъ дѣятелей Соединенныхъ Штатовъ, съ самаго объявленія независимости страны, всегда насчитывался огромный процентъ журналистовъ.

Президенты Адамсъ, Мадисонъ, вице-президентъ Кольфэксъ и др. были въ свое время редакторами газетъ. Линкольнъ, занявъ президентское кресло, систематически назначалъ журналистовъ на мѣста пословъ при иностранныхъ державахъ: такъ онъ отправилъ J. W. Well посломъ въ Бразилію; John Bigelow—во Францію; Allen Hall—въ Боливію, Edward J. Morris — въ Турцію, Rufus King—въ Римъ. Всѣ эти лица были до той поры сотрудниками или издателями газетъ и большинство ихъ оказалось прекрасными дипломатами. Въ настоящее время представителями Соединенныхъ Штатовъ при иностранныхъ державахъ состоять: John W. Foster, бывшій редакторъ «Ewanswille Journal» въ Индіанѣ, а затѣмъ состоявшій шесть лѣтъ посланникомъ въ Мексикѣ, два года—при петербургскомъ дворѣ, и теперь назначенный въ Испанію; Young, бывшій редакторъ «New-York Tribune», въ качествѣ корреспондента «New-York Herald'a» сопровождавшій экс-президента Гранта въ его кругосвѣтномъ путешествіи и теперь состоящій посланникомъ въ Китаѣ; Lowell, бывшій журналистъ и поэтъ, занимающій теперь постъ посла въ Лондонѣ, и многіе другіе состоящіе консулами и членами дипломатическихъ миссій. Извѣстный журналистъ, настоящій редакторъ «New-York Sun», Charles Dana, о которомъ мнѣ еще придется далѣе говорить, былъ сначала редакторомъ «Tribune», а съ осени 1863 по осень 1865 года исполнялъ должность военнаго министра и лично направлялъ военныя дѣйствія противъ южанъ на западѣ, дѣйствуя за одно съ генераломъ Грантомъ. James S. Blaine—былъ въ свое время издателемъ «Portland Advertiser» и «Kennebee Journal»; бывшій министръ внутреннихъ дѣлъ—Карлъ Шурцъ издавалъ въ 1848 году революціонную газету въ Кёльнѣ, въ Германіи; затѣмъ бѣжалъ въ Америку, состоялъ здѣсь корреспондентомъ «Tribune», сотрудникомъ газетъ въ Детройтѣ и Санъ-Луи и чуть было не былъ назначенъ наивнымъ президентомъ Гайзомъ посломъ въ ту же Германію, откуда Шурцъ бѣжалъ въ концѣ 40-хъ годовъ. Въ конгрессѣ множество старыхъ журналистовъ,

изъ которыхъ выдается сенаторъ Simon Cameron, сенаторъ Holly, члены палаты представителей S. S. Cox — бывшій въ Россіи, Robinson и много другихъ.

Многіе предпріимчивые журналисты, не попадающіе въ общественные дѣятели, приступаютъ къ изданію своихъ газетъ въ провинціи и нѣкоторымъ удается нажить себѣ крупное состояніе. Въ большихъ торговыхъ центрахъ, какъ Бостонъ, Филадельфія, Нью-Іоркъ, Чикаго, гигантскія газеты вполнѣ затмѣваютъ личность своихъ сотрудниковъ, и эти рѣдко выбираются въ конгрессъ, рѣдко пріобрѣтаютъ извѣстность на другомъ поприщѣ, кромѣ журналистики, и служатъ этой послѣдней всю жизнь. Основать здѣсь новую газету—дѣло почти невозможное на личныя средства; принимаясь за это дѣло, надо разсчитывать на прямой, крупный убытокъ въ теченіи долгихъ мѣсяцевъ, такъ какъ, какъ бы хорошо ни пошла въ продажѣ новая газета, объявленія въ ней долго заставляютъ себя ждать, потому-что торговые люди и трудовые люди всегда стараются пускать свои объявленія въ старыхъ газетахъ, вѣрно разсчитывая, что покупщикъ и наниматель первымъ дѣломъ возметъ большую извѣстную газету когда ему требуется просмотрѣть объявленія. Недавно въ Нью-Іоркѣ вдругъ выдалась и пріобрѣла до 30,000 читателей новая, дешевая и крайне разбитная газета «Morning Journal»; но ее издаетъ цѣлая компанія капиталистовъ, независимаго направленія: денегъ у газеты много, всякую невзгоду она перетерпитъ и, если будетъ вестись умѣло, несомнѣнно удержитъ свою, сразу завоеванную, популярность.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Правительственныя посягательства на свободу печати. — Занятіе солдатами двухъ нью-іоркскихъ редакцій въ 1864 году. — Заботы американскихъ юристовъ и законодателей о томъ, чтобы поддержать авторитетъ печати.—Постановленія конституцій штатовъ касательно печати. — Уголовные и гражданскіе иски противъ газетъ.

Было бы весьма ошибочно полагать, чтобы въ Соединенныхъ Штатахъ лица, властью облеченныя, всегда покорно преклонялись передъ прерогативами печати, передъ той свободой обсужденія, которой не можетъ избѣжать ни одно дѣйствіе людей, занимающихъ видные или отвѣтственные посты. Было бы неестественно предполагать, чтобы даже самые безупречные изъ гражданъ всегда философски относились къ постоянному наблюденію

за ними аргуса-печати: едва ли самому честному человѣку пріятно вѣчно сознавать себя подъ присмотромъ. Тѣмъ болѣе понятно, что люди, имѣющіе, при оффиціальномъ или видномъ общественномъ положеніи, причины что-либо укрывать отъ гласности — терпѣли несказанныя муки подъ страхомъ печатнаго обличенія, и изощряли съ давнихъ поръ свой умъ, придумывая, какъ бы ограничить свободу печати въ странѣ.

Первая организованная попытка въ этомъ направленіи состоялась во время президентства генерала Гранта, и она такъ интересна, что мы приведемъ здѣсь ея сущность, несмотря на нѣкоторую техническую сухость затронутыхъ на судѣ вопросовъ.

Для уясненія нижеслѣдующаго, надобно имѣть въ виду, что каждый штатъ управляется своими законами и судами; федеральная же столица союза — Вашингтонъ и колумбійскій округъ, въ которомъ эта столица находится — состоятъ подъ юрисдикціей федеральнаго правительства союза, управляются чиновниками, назначаемыми президентомъ, и по законамъ, вырабатываемымъ для округа союзнымъ конгрессомъ. Положеніе колумбійскаго округа является, такимъ образомъ, совершенно исключительнымъ.

Въ іюнѣ 1870 года прошелъ въ палатахъ и подписанъ былъ президентомъ Грантомъ билль, въ силу котораго въ Вашингтонѣ учреждался полицейскій судъ, при одномъ судьѣ, который назначался президентомъ, причемъ этому суду предоставлялась «первоначальная и исключительная юрисдикція надо всѣми проступками противъ Соединенныхъ Штатовъ, совершенными въ колумбійскомъ округѣ», за исключеніемъ тѣхъ, за которые полагается заключеніе въ исправительной тюрьмѣ; кромѣ того постановлялось, что преслѣдованіе можетъ возбуждаться этимъ полицейскимъ судомъ по простому обвиненію со стороны, безъ обычнаго формальнаго преданія обвиняемаго суду большимъ составомъ присяжныхъ, и безъ участія присяжныхъ при рѣшеніи дѣла.

Этотъ билль въ свое время не возбудилъ никакихъ почти комментаріевъ, такъ какъ онъ всѣми почитался относящимся лишь до однихъ жителей колумбійскаго округа, — и полицейскій судъ былъ въ свое время открытъ. Черезъ три года, однако значеніе этого суда представилось совершенно въ иномъ свѣтѣ. Charles Dana — издатель нью-іоркской газеты «Sun», вѣрный своей системѣ, постоянно изобличалъ всѣ нечестныя продѣлки административныхъ чиновниковъ и членовъ конгресса въ Вашингтонѣ, гдѣ продажность и спекуляція достигали, въ президентство Гранта, дѣйствительно колоссальныхъ размѣровъ. Въ то время въ Вашингтонѣ существовало нѣчто въ родѣ преступной

стачки чиновниковъ и членовъ конгресса съ агентами разныхъ спекуляторовъ, ассоціація, пріобрѣвшая большую извѣстность подъ названіемъ «Washington Ring». Чарльзъ Дана нещадно изобличалъ нечистыя продѣлки въ Вашингтонѣ, и былъ бѣльмомъ на глазу у господъ, почитавшихъ своей привилегіей грабить казну. Наконецъ, его враги выставили одного человѣка изъ своей среды, нѣкоего Shepherd, который подалъ въ *полицейскій судъ Вашингтона* жалобу на то, что Дана, издатель нью-іоркской газеты «Sun», подвергъ его, Шеферда, диффамаціи въ своей газетѣ. Эта компанія задалась мыслью доказать, что диффамація жителя Вашингтона, хотя бы и напечатанная въ Нью-Іоркѣ, вслѣдствіе доставки этой газеты въ Вашингтонъ должна почитаться уже диффамаціей публикованной въ этомъ городѣ, и потому виновный долженъ судиться судомъ города, гдѣ живетъ пострадавшее въ своей репутаціи лицо.

Когда искъ въ такомъ смыслѣ былъ предъявленъ въ полицейскій судъ Вашингтона, шерифъ этого города далъ предписаніе арестовать Чарльза Дана въ штатѣ Нью-Іоркѣ, и предписаніе это было поручено привести въ дѣйствіе правительственному комисару Нью-Іорка. Конечно, издатель «Sun» и не подумалъ сдавать себя въ руки властей, вооруженныхъ этой бумагой. Тогда, мѣстный прокуроръ обратился въ суды Нью-Іорка и, передъ судьею Блачфордомъ изложилъ 17-го іюля 1873, всѣ основанія свои на то, чтобы Дана выданъ былъ властямъ округа для преданія суду въ Вашингтонѣ.

Защитникомъ Дана передъ судьею Блачфордомъ по этому дѣлу выступилъ даровитый—нынѣ умершій—адвокатъ Бартлеттъ. Прекрасная рѣчь, сказанная при этомъ случаѣ Бартлеттомъ, вполнѣ исчерпываетъ предметъ и внѣ спора доказываетъ, что самое коренное постановленіе конституціи Штатовъ заключается въ томъ, чтобы никто не судился иначе какъ судомъ присяжныхъ и безъ всякаго промедленія; что составители федеральной конституціи и члены законодательныхъ собраній, ратификаціи которой она была подвержена, всѣ чрезвычайно ревностно настаивали именно на необходимости суда присяжныхъ; кромѣ того Бартлеттъ сослался и на то, что одна изъ главныхъ причинъ возстанія американскихъ колоній противъ метрополіи и заключалась въ общемъ негодованіи по поводу того, что извѣстную часть здѣшнихъ обвиняемыхъ лишали суда на мѣстѣ ихъ жительства, а переводили судить въ Англію. «Неужели же,—спрашивалъ онъ,—изъ-за того американцы пошли на революцію, выдержали кровавыя войны, чтобы добровольно, спустя цѣлое сто-

лѣтія, водворить у себя тѣ самыя злоупотребленія, которыми ихъ оттолкнула отъ себя Англія».

Въ рѣчи своей Бартлеттъ указалъ, что по мнѣнію лучшихъ американскихъ юристовъ конституція страны стоитъ выше всѣхъ позднѣйшихъ законодательныхъ постановленій и судьи, принявъ присягу поддерживать конституцію, должны это дѣлать по всѣмъ ея частямъ, не отмѣненнымъ позднѣйшими поправками въ конституціи въ надлежащемъ законномъ порядкѣ. «Если этотъ полицейскій судъ Вашингтона, стремящійся присвоить себѣ чуть не имперскія прерогативы — говорилъ между прочимъ Бартлеттъ, — добьется возможности наложить свою руку на одного редактора газеты — та же рука завтра же потянется за редакторами во всѣхъ другихъ штатахъ, территоріяхъ, городахъ и селахъ, такъ какъ во всѣхъ таковыхъ существуютъ газеты. Тюрьмы колумбійскаго округа были бы скоро переполнены узниками, обвиняемыми въ диффамаціи правительственныхъ чиновниковъ. Если бы этимъ послѣднимъ удалось того добиться прежде недавнихъ изобличеній печатью знаменитыхъ мошенничествъ по «Credit Mobilier» эти злоупотребленія никогда бы не были выведены на свѣжую воду. Члены конгресса, заинтересованные въ нечистыхъ дѣлишкахъ, всѣ свои силы положили бы на стѣсненіе свободы печати и недолго пришлось бы намъ затѣмъ ждать отмѣны нынѣ существующаго закона, что обвиняемый въ диффамаціи, можетъ въ свое оправданіе представить доказательства что заявленіе, принятое за диффамацію, было правдой, основанной на фактахъ»...

Выслушавъ эти и другіе доводы Бартлетта, судья Блачфордъ отказался отдать приказъ о выдачѣ Дана вашингтонскимъ чиновникамъ, и прибавилъ: «Постановленіе конгресса, учреждающее этотъ судъ» (въ Вашингтонѣ) «есть постановленіе противузаконное и анти-конституціонное... Конституція Соединенныхъ Штатовъ прямо постановляетъ, что всѣ преступленія должны судиться присяжными: противъ этого постановленія идти невозможно»... «Тѣмъ болѣе, что по обвиненію въ диффамаціи никто еще у насъ никогда не судился иначе какъ судомъ присяжныхъ; вслѣдствіе того, обвиняемый, въ настоящемъ случаѣ, не долженъ быть подвергаемъ риску обвиненія прямо на судѣ, хотя бы ему и предоставлялось надѣяться быть впослѣдствіи оправданнымъ присяжными. Обвиняемый имѣетъ неотъемлемое право быть преданнымъ суду не иначе какъ большимъ составомъ присяжныхъ, и быть затѣмъ по суду такими же присяжными оправданъ или обвиненъ»...

Такимъ образомъ, первая аттака враговъ свободы печати окончилась для нихъ полной неудачей, а съ другой стороны

она доставила громадную популярность г-ну Дана и его газетѣ, такъ какъ въ этомъ дѣлѣ онъ чуть не потерпѣлъ за твердое отстаиваніе свободы печатнаго слова, которою такъ гордится американскій народъ. Что же касается до судьи Блачфорда, то онъ считается лучшимъ украшеніемъ американскаго судебнаго вѣдомства и засѣдаетъ теперь въ верховномъ судѣ Соединенныхъ Штатовъ.

Однако у свободной печати было слишкомъ много сильныхъ враговъ; она досаждала не только сомнительнымъ аферистамъ, но самому президенту Гранту и его друзьямъ, ведя строгій счетъ всѣмъ теплымъ мѣстамъ, которыя постоянно раздавались президентомъ его близкимъ родственникамъ, открыто обличая растраты общественныхъ суммъ, и рѣшительно противясь всѣмъ планамъ сенатора Конклинга и его фракціи, имѣвшихъ тогда въ виду добиться избранія Гранта въ президенты на третье четырехлѣтіе, а если посчастливится—утвердить за нимъ президентство пожизненно.

И вотъ, общими усиліями всѣхъ этихъ лицъ, заинтересованныхъ въ ограниченіи свободы печатнаго слова, открыта была въ слѣдующемъ, 1874 году, новая враждебная аттака въ томъ же направленіи. Видя, что полицейскій судъ въ Вашингтонѣ не пригодился къ тому, на что онъ собственно предназначался, враги печати рѣшили усилить юрисдикцію уголовнаго суда въ Вашингтонѣ и провести законъ настолько растяжимый, чтобъ онъ давалъ впослѣдствіи возможность арестовывать людей, обвиняемыхъ въ печатной диффамаціи, гдѣ бы тѣ ни находились, и привозить ихъ судить въ этомъ вашингтонскомъ судѣ. Главнымъ агентомъ своимъ заговорщики избрали члена палаты представителей—Пöлэнда, который и внесъ въ конгресъ, въ маѣ 1874 года, билль, пріобрѣвшій затѣмъ такую незавидную извѣстность, какъ *Пöлэндовскій законъ-намордникъ* (Poland Gag Law).

Этотъ билль былъ составленъ такъ искусно, что главная цѣль его уяснялась лишь послѣ внимательнаго разбора. Подъ весьма невинной оболочкой этого билля скрывалось опять то же поползновеніе подвергнуть виновниковъ въ печатной диффамаціи юрисдикціи федеральныхъ судовъ, несмотря на то, что диффамація колумбійскаго округа, отнюдь не признается преступленіемъ противъ федеральныхъ законовъ (напр. въ Нью-Іоркѣ, Пенсильваніи, Иллинойсѣ и друг.). Между тѣмъ, самыя грозныя изобличенія исходили именно отъ газетъ, издающихся внѣ Вашингтона. Сторонники билля Пöлэнда стремились устроить дѣло такъ, чтобъ привлекать всѣхъ своихъ изобличителей на судъ въ Вашингтонъ, гдѣ бы съ ними расправа была коротка и нещадна, такъ какъ

ни для кого здѣсь не тайна, что населеніе Вашингтона такъ всецѣло состоитъ подъ такимъ давленіемъ партіи, стоящей во главѣ администраціи страны, что здѣсь нѣтъ почти возможности добиться отъ присяжныхъ вердикта противнаго желаніямъ правительства. Иначе оно и быть не можетъ, разъ этотъ городъ населенъ почти исключительно людьми, все благоденствіе и весь заработокъ которыхъ зависитъ отъ администраціи.

Какъ ни хитро задуманъ былъ «законъ о намордникахъ», смыслъ не укрылся отъ зоркаго ока печати, и она во время постаралась разъяснить его публикѣ. Результатомъ было всеобщее негодованіе, окончившееся на выборахъ того же года тѣмъ, что Пбләндъ оказался забаллотированнымъ и вновь въ конгрессъ не попалъ. Сенатъ же не счелъ приличнымъ проводить такой непопулярный билль.

Третья и послѣдняя кампанія противъ печати велась сенаторами Карпентеромъ, Конклингомъ и другими друзьями Грантовской администраціи. Предъидущія двѣ аттаки были, какъ мы уже видѣли, направлены на измѣненіе законовъ по уголовному преслѣдованію за диффамацію; слѣдующая же затѣмъ попытка была уже произведена въ видахъ того, чтобы поставить свободу печати въ опасное положеніе со стороны гражданскихъ исковъ за диффамацію. Подробное разсмотрѣніе билля, внесеннаго съ этою цѣлью Карпентеромъ въ сенатъ, 15-го іюня 1874 г., привело бы насъ слишкомъ далеко; замѣтимъ только что по этому биллю гражданскій искъ могъ быть начатъ на мѣстѣ, привлеченіемъ къ суду всякаго агента тѣхъ лицъ или корпорацій, которыя состоятъ отвѣтчиками. Если бы билль этотъ сталъ закономъ, то въ силу его, всякая газета, имѣющая корреспондента въ Вашингтонѣ, могла бы подвергаться въ этомъ городѣ гражданскому иску посредствомъ привлеченія ея корреспондента къ суду—и это вполнѣ независимо отъ того, кто былъ авторъ предполагаемой диффамаціи и кого эта диффамація затрогиваетъ.

Къ счастью, въ самомъ сенатѣ нашлись люди—даже между самими республиканцами—которые вознегодовали противъ этого новаго посягательства на права штатовъ и отдѣльныхъ лицъ, и рѣшительно воспротивились этой статьѣ билля. Онъ однако же прошелъ въ сенатѣ, подвергся измѣненіямъ въ палатѣ общинъ и потерпѣлъ затѣмъ окончательное крушеніе въ томъ же сенатѣ.

Эти три посягательства Грантовской администраціи на свободу печати страны представляютъ собою весьма цѣльный и курьезный эпизодъ, достойный быть воспѣтымъ бардами *сильнаго федеральнаго правительства*, олицетвореннаго здѣсь съ 1868 г. по 1876,

республиканскими вождями, подъ президентствомъ храбраго генерала Гранта.

Возвратившись этою зимой, по какому-то случаю, къ этимъ скандаламъ грантовской эпохи, тотъ же Дана, въ своей процвѣтающей газетѣ «Sun», заканчиваетъ свой обзоръ замѣчаніемъ: «мы съ удовольствіемъ можемъ теперь успокоиться, въ увѣренности, что подобныя происшествія едва ли могутъ повториться въ будущемъ. Они до такой степени несродны той сравнительно чистой атмосферѣ, которою мы дышемъ теперь, что какъ-то трудно и вѣрится, что происходило все это такъ еще недавно»...

Газеты «New York World» и «Journal of Commerce» постигло въ 1864 году совершенно исключительное несчастье, которое не мѣшаетъ привести, чтобъ показать какому серьезному риску подвержена печать даже такой свободной страны, какъ Соединенные Штаты.

Въ маѣ мѣсяцѣ 1864 года, въ самый разгаръ войны Сѣвера съ Югомъ въ вышеупомянутыхъ двухъ нью-іоркскихъ газетахъ появилась прокламація, за подписью президента Линкольна и министра Стэнтона, которою предписывалось народу отвести такой-то день посту и молитвѣ, и дѣлался призывъ новобранцевъ по жребію и волонтеровъ — числомъ въ 400,000 человѣкъ, возрастомъ отъ 18-ти до 45-ти лѣтъ. Прокламація эта произвела панику на биржѣ и значительное смятеніе въ обществѣ, такъ какъ служила, казалось, предвѣстіемъ полнаго пораженія сѣверянъ. Между тѣмъ оказалось, что прокламація была подложная. Принесена она была въ разныя редакціи между 3-мя и 4-мя часами утра, когда большинство редакторовъ, покончивъ работу, уже разошлись по домамъ, и потому напечатана не была нигдѣ за исключеніемъ «World» и «Journal of Commerce», гдѣ она прямо поступила въ наборъ, не пройдя черезъ руки отвѣтственныхъ редакторовъ. Лишь только собственники и редакторы этихъ газетъ, рано утромъ, увидали подложную прокламацію, напечатанную въ ихъ газетахъ, они немедля остановили продажу газетъ, взяли обратно мѣшки съ газетами, посланные на европейскіе пароходы и на почту, отправлены были телеграммы агентамъ печати во всѣ концы союза, предупреждающія ихъ объ ошибкѣ: во многихъ мѣстахъ даже самаго города печатное опроверженіе прокламаціи, немедля изданное газетою «World», появилось ранѣе самаго подложнаго извѣстія, такъ что, въ сущности, вреда этотъ подлогъ причинилъ весьма мало, за исключеніемъ получасового смятенія на биржѣ. Между тѣмъ президентъ Линкольнъ, узнавъ о подложной прокламаціи, при-

нялъ по отношенію къ провинившимся газетамъ самыя рѣшительныя мѣры: приказалъ занять редакціи солдатами, а редакторовъ газетъ заключить въ фортъ Лафайетъ. Это послѣднее распоряженіе, однако, во время было отмѣнено и въ тюрьму никто не попалъ. Само собою разумѣется, что всѣ средства были немедля употреблены къ тому, чтобъ узнать, кто разослалъ по редакціямъ подложную прокламацію. Оказалось, что сдѣлано это нѣкіимъ м-ромъ Гоуардомъ — землякомъ президента Линкольна, который былъ всегда принятъ въ Бѣломъ Домѣ, зналъ привычки и взгляды призидента, былъ передъ тѣмъ редакторомъ «New York Times», корреспондентомъ «Tribune», и словомъ— такъ же хорошо зналъ, какъ ведется дѣло въ редакціяхъ, какъ зналъ и самый слогъ президента, чѣмъ и воспользовался при составленіи подлога. Цѣлью Гоуарда было вызвать внезапное понижение фондовъ на биржѣ, чтобы самому тѣмъ воспользоваться и составить себѣ разомъ крупное состояніе. Въ этомъ онъ вполнѣ успѣлъ, но былъ арестованъ; сознавшись въ своемъ подлогѣ, онъ былъ присужденъ къ высшему за то по закону наказанію, но деньги, нажитыя этимъ путемъ, все же остались при немъ.

Тѣмъ временемъ общественное негодованіе противъ правительства, за нарушеніе конституціи посредствомъ произвольнаго закрытія двухъ редакцій, все усиливалось. Нью-Іоркъ не былъ на военномъ положеніи, находился онъ вдали отъ мѣста военныхъ дѣйствій—для произвола, такимъ образомъ, не существовало извиненія—и публика глухо волновалась: въ воздухѣ было въ ту пору слишкомъ много электричества пахло правительственнымъ переворотомъ. Волненіе было тѣмъ болѣе упорно, что закрытая газета «World» была органомъ демократовъ, оппозиціи, и подобный поступокъ президента съ его политическими оппонентами казался самимъ даже республиканцамъ, по меньшей мѣрѣ, неблаговиднымъ. Къ чести нью-іоркскихъ гражданъ надо замѣтить, что какъ ни велико было въ ту пору негодованіе на правительство, но патріотизмъ взялъ верхъ: не произошло «митинговъ негодованія», ни особенно шумныхъ сходокъ. Правительство, къ тому же, само скоро сознало свою оплошность. Отряды, занимавшіе редакціи этихъ газетъ въ теченіе трехъ ночей и двухъ дней, были отозваны и газеты продолжали печататься какъ прежде, хотя редакторъ «World», опираясь на постановленія конституціи, отправилъ президенту энергичный протестъ. Не мѣшаетъ прибавить, что подложная прокламація была лишь предвѣстницей настоящей прокламаціи въ томъ же смыслѣ,

которая издана была президентомъ Линкольномъ нѣсколько мѣсяцевъ спустя послѣ вышеописаннаго эпизода.

Вышеприведенные примѣры попытокъ къ правительственному воздѣйствію на печать Соединенныхъ Штатовъ, представляютъ рядъ совершенно исключительныхъ эпизодовъ въ исторіи американской журналистики; они въ свое время возбудили такое общественное негодованіе, что, надо полагать, имъ уже невозможно вновь повториться.

Съ другой стороны, нѣтъ ничего ошибочнѣе, столь распространеннаго въ Европѣ — особенно въ Англіи — предположенія, что американская печать, будучи предоставлена собственному произволу, существуетъ безо всякихъ ограниченій. Такое положеніе печати въ странѣ повело бы уже не къ свободѣ печатнаго слова, а къ полной, быть можетъ, анархіи печати.

По весьма удачному опредѣленію одного уважаемаго здѣсь судьи, мистера Доббина, «газеты имѣютъ громадное вліяніе въ свѣтѣ, и онѣ необходимы для прочнаго благосостоянія человѣчества. Безъ нихъ мы не могли бы существовать. Но публика прямо въ томъ заинтересована, чтобъ газеты всегда были настороже, чтобъ онѣ были правдивы и осмотрительны... Если права газетъ не ограждены, то газеты не могутъ быть полезными обществу; а если газеты не высказываются прямо во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло касается интересовъ общественныхъ, тогда онѣ не исполняютъ своего прямого долга»...

Американскіе юристы съ давнихъ поръ пекутся о томъ, чтобъ поддержать авторитетъ печати, удерживая ее отъ излишествъ, способныхъ дискредитовать ее въ глазахъ общества. Американцы, съ самаго завоеванія своей національной независимости, приняли за аксіому то положеніе, что свободныя учрежденія страны не могутъ удержаться безъ свободы рѣчи и печати. Понятное дѣло, что, ставши на эту точку зрѣнія, лучшіе изъ гражданъ страны издавна интересовались вопросомъ о томъ, какъ регулировать дѣятельность печати, не затрогивая грубою рукой ея драгоцѣнной для народа независимости, но содѣйствуя сохраненію ея значенія. Много было, въ разное время, говорено и писано объ этомъ авторитетными людьми, и все-таки, въ результатѣ американская печать всецѣло предоставлена самой себѣ; и дѣятельность ея «регулируется» по настоящее время единственно тѣмъ, что оговорено въ этихъ видахъ конституціями страны, всѣ постановленія которыхъ сводятся къ тому, что каждая газета должна подвергаться гражданскимъ искамъ или уго-

ловному преслѣдованію за диффамацію частныхъ лицъ или общественныхъ дѣятелей.

Свобода печати оговорена конституціей каждаго штата въ отдѣльности, въ приблизительно тождественныхъ выраженіяхъ. Для примѣра возьмемъ хотя постановленіе конституціи штата Мэна, гласящее, что: «Каждый гражданинъ можетъ свободно высказывать, писать и публиковать свои воззрѣнія по всѣмъ предметамъ, состоя отвѣтственнымъ за всякое злоупотребленіе этою свободою. Не должно проводиться никакихъ законовъ, регулирующихъ или ограничивающихъ свободу печати; во всѣхъ преслѣдованіяхъ за печатныя статьи (publications) касающіяся оффиціальныхъ дѣйствій общественныхъ дѣятелей или свойствъ кандидатовъ при народныхъ выборахъ, и во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда публикуется что-либо для свѣдѣнія общества—въ доказательство можетъ быть приведена справедливость опубликованныхъ заявленій, и при всѣхъ обвиненіяхъ въ диффамаціи (libel) присяжные, наставленные судомъ, имѣютъ право по совѣсти своей рѣшать вопросъ о законѣ и о фактѣ».

Въ другихъ конституціяхъ добавляется, что при искахъ гражданскихъ и при уголовномъ преслѣдованіи обвиненный можетъ, въ свое оправданіе, приводить доказательства «справедливости» опубликованныхъ вещей, лишь бы ясно было при томъ, что публикація эта совершена была «не по злонамѣренному побужденію и не изъ-за личныхъ цѣлей».

Уголовныя преслѣдованія за газетную диффамацію, впрочемъ, сравнительно довольно рѣдки; и это отчасти объясняется тѣмъ, что процессы этого рода сопряжены съ такими проволочками, которыя не допускаютъ возможности скораго удовлетворенія, и публичное оправданіе пострадавшаго получается лишь тогда, когда всякій интересъ общества къ его дѣлу пропалъ. За то гражданскіе иски по вознагражденію за диффамацію — положительно здѣсь процвѣтаютъ. Кромѣ истцовъ, желающихъ утѣшить и вознаградить себя крупнымъ кушемъ издательскихъ денегъ за понесеніе личнаго оскорбленія или подрывъ репутаціи, и въ то же время отомстить издателю газеты чувствительнымъ ударомъ по его карману, здѣсь существуетъ еще цѣлый классъ пройдохъ, всячески стремящихся подвергнуться диффамаціи, затѣять искъ и поживиться чужими деньгами. Этого рода личности придумываютъ самые замысловатые планы, разсчитанные на то, чтобъ ввести какого неопытнаго провинціальнаго корреспондента въ заблужденіе—вызвать его на сообщеніе невѣрныхъ слуховъ. Лица самой незавидной репутаціи, затронутыя въ своей «яко

бы» чести, немедленно предъявляютъ искъ о вознагражденіи, размѣромъ тысячъ во сто. Крупнымъ примѣромъ этой категоріи послужилъ недавно Гито, убійца президента Гарфильда, также, въ свое время, предъявившій сто-тысячный искъ противъ New-York Herald'а за диффамацію. Эти-то личности и представляютъ собою главный подводный камень въ дѣятельности американскихъ журналистовъ. Каждая состоятельная газета имѣетъ своихъ постоянныхъ адвокатовъ, приглашаемыхъ для веденія дѣлъ редакціи по многочисленнымъ предъявляемымъ противъ нея искамъ.

«New-York Herald», имѣющій конечно возможность пользоваться услугами наилучшихъ адвокатовъ, переплачиваетъ однако каждый годъ среднимъ числомъ около 10.000 долларовъ по такимъ искамъ. Это обстоятельство, само по себѣ, внѣ всякихъ административныхъ ограниченій, является уже могучимъ предохранителемъ отъ «голословности» печати. Много пришлось мнѣ, во время изученія газетнаго дѣла въ Америкѣ, перечесть исторій подобныхъ исковъ и, къ чести американскихъ репортеровъ, я должна отмѣтить то обстоятельство, что при всемъ множествѣ всякихъ «темныхъ исковъ», никогда, кажется, не было выслѣжено, чтобъ репортеръ завѣдомо оклеветалъ кого, будучи подкупленъ обѣщаніемъ дѣлежа отъ оклеветаннаго, послѣ процесса.

Надо замѣтить, что газеты, въ постоянной своей борьбѣ противъ всякаго рода посягателей на издательскій капиталъ, занимаютъ весьма невыгодное положеніе. Въ массѣ общества держится убѣжденіе, что издатели большихъ газетъ такъ богаты, что имъ ничего не стоитъ заплатить десятокъ-другой тысячъ долларовъ простому гражданину, задѣтому такъ или иначе газетой, потому, въ процессахъ по диффамаціи присяжные въ большинствѣ случаевъ склоняются на сторону истца. Грѣшатъ этимъ иногда и сами судьи; вообще говоря, судебный персоналъ страны не можетъ не состоять въ нѣкоторого рода непріязненномъ отношеніи къ печати, весьма часто затрогивающей дѣла, подлежащія казалось бы, вѣдѣнію однихъ, судовъ; но этой непріязни судей къ печати едва ли слѣдовало бы проявляться на судѣ; однако и это иногда случается.

Изъ боязни ли процессовъ, или по чувству приличія и законности у редакторовъ газетъ—во всякомъ случаѣ, независимая американская печать весьма рѣдко нападаетъ на дѣйствительно достойныхъ людей или старается помѣшать хорошему дѣлу. Иногда и печати случается ошибаться въ оцѣнкѣ человѣка, но такія ошибки весьма скоро исправляются другими ея органами; къ завѣдомому распространенію невѣрныхъ слуховъ о той или

другой личности прибѣгають лишь самые негодные листки, которымъ не страшно рисковать ни репутаціей, ни капиталомъ своимъ, такъ какъ ни того, ни другого у нихъ уже давно не имѣется. Что же касается до публичныхъ дѣятелей, чиновниковъ, предполагаемыхъ мѣропріятій, обо всемъ этомъ въ распоряженіи хорошо поставленныхъ газетъ есть множество такого матеріала, который никакъ бы не могъ сосредоточиться въ рукахъ частныхъ гражданъ, и большія газеты пользуются этимъ матеріаломъ съ большою осмотрительностью, не печатая никакихъ изобличеній прежде, чѣмъ таковыя бываютъ основательно провѣрены и подтверждены.

Въ общей сложности, по внимательномъ изученіи постановки печатнаго дѣла въ Соединенныхъ Штатахъ, нельзя не прійти къ тому выводу, что американскіе законы, предоставляя печати полную свободу, чрезвычайно ревниво оберегаютъ отдѣльныя лица и публику отъ газетныхъ нареканій и печатной клеветы. По американскимъ законамъ всякое лицо, состоящее въ малѣйшей связи съ газетой, публикующей клевету, является по суду отвѣтственнымъ за появившуюся въ газетѣ диффамацію. Въ октябрѣ мѣсяцѣ прошлаго 1882 года, въ Нью-Іоркѣ, состоялся одинъ процессъ, явно выказавшій, какія этотъ законъ допускаетъ натяжки и какъ мало стѣсняются присяжные, произнося рѣшенія какъ бы умышленно враждебныя всему, чтó состоитъ въ связи или въ зависимости отъ газетныхъ редакцій. Въ Нью-Іоркѣ есть компанія, подъ названіемъ «American News-Company», занятіе которой состоитъ въ томъ, чтобъ разносить по городу и разсылать въ другіе штаты всѣ газеты, издающіяся въ Нью-Іоркѣ и Бруклинѣ. Эта компанія — не болѣе какъ торговая ассоціація, подобныхъ которой много въ Соединенныхъ Штатахъ; она ничего не печатаетъ, ничего не издаетъ, а лишь раздаетъ газеты. Поводомъ къ процессу послужило слѣдующее обстоятельство. Въ одномъ изъ здѣшнихъ мелкихъ театральныхъ листковъ, имѣющихъ мало читателей и никакого значенія, опубликована была въ августѣ 1881 года статья, выставлявшая въ невыгодномъ свѣтѣ нравственность актрисы, миссъ Прескоттъ. Авторомъ статьи былъ 17-ти лѣтній репортеръ, почти мальчикъ, по имени Гарвье. Въ мартѣ мѣсяцѣ 1882 года, т.-е. черезъ полгода послѣ появленія статьи въ газетѣ, миссъ Прескоттъ затѣваетъ процессъ о вознагражденіи за клевету но не противъ мальчика не имѣющаго ни гроша за душою, не противъ плохой его газеты, не имѣющей никакого капитала, нѣтъ, миссъ Прескоттъ, послѣ полугодового раздумья, подала въ судъ искъ о вознагражденіи

въ 20.000 долларовъ съ богатой ассоціаціи «American News-Company», въ конторѣ которой адвокатомъ ея были куплены три экземпляра того номера газеты, гдѣ была помѣщена статья Гарвье; поданъ былъ искъ на основаніи того истолкованія закона, что ассоціація, продающая и распространяющая газету, тѣмъ самымъ становится отвѣтственной за тó, что въ газетѣ печатается... Предсѣдательствующій судья весьма замѣтно склонялся на сторону обвиннія; и это въ связи съ фактомъ что симпатіи публики также склонялись на сторону актрисы, имѣло соотвѣтственное тому вліяніе на присяжныхъ, которые и вынесли затѣмъ вердиктъ, присуждая миссъ Прескоттъ получить 12.500 долларовъ съ общества «American News-Company», въ видѣ вознагражденія за газетную диффамацію—на которую, прибавимъ, никто и вниманія, при ея появленіи, не обратилъ, и о которой никто бы не зналъ, если бы сообразительная миссъ Прескоттъ не сочла за благо извлечь изъ этого денежную пользу.

Нужно прожить въ Америкѣ нѣсколько лѣтъ, чтобъ достаточно уяснить себѣ все хитрое сплетеніе интригъ, изобрѣтаемыхъ съ цѣлью поживиться капиталомъ той или другой состоятельной газеты или подобной компаніи.

Весь свѣтъ удивляется предпріимчивости американскихъ издателей, ихъ готовности бросать сотни тысячъ на расходы корреспондента, посланнаго въ невѣдомыя страны, на снаряженіе экспедицій къ сѣверному полюсу, въ центральную Африку и проч. Мнѣ же и того удивительнѣе представляется то обстоятельство, какъ еще газеты умудряются расти и богатѣть при вѣчно сторожащей ихъ стаѣ голодныхъ хищниковъ, алчно проглядывающихъ изо-дня въ день сотни газетныхъ столбцовъ въ надеждѣ стянуть съ газеты круглое вознагражденіе за «пострадавшую репутацію». Но рискъ — это настоящая афера американца, безъ него ему и жизнь не въ жизнь. Потому-то для него такъ привлекательна всякая спекуляція, между прочимъ и газетная, несмотря на то, что девять человѣкъ изъ десяти, берущихся за это дѣло, бросаютъ его, не выдержавъ и года борьбы.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Разные виды временныхъ и спеціальныхъ газетъ.—Компанія распространенія объявленій.—«Patent insides».—Стоимость газетной бумаги въ сопоставленіи съ остальными расходами газетъ. — Газетное обращеніе. — Чистый доходъ «New York Herald'a».—Что такое независимая газета?—«Associated Press».—Огромное число издающихся въ штатахъ газетъ.—Вліяніе газеты на жизнь.

Размѣры журнальной статьи не позволяютъ мнѣ вдаваться въ описаніе еженедѣльныхъ и спеціальныхъ изданій, въ такомъ множествѣ издающихся въ Соединенныхъ Штатахъ. Мнѣ уже случилось выше упомянуть о томъ, что газеты издаются въ коллегіяхъ, воспитанниками; кромѣ того газеты издаются вездѣ, гдѣ только возникаетъ какое-нибудь крупное торговое или промышленное предпріятіе, гдѣ только есть грамотные люди; газеты выростаютъ повсемѣстно, благо для изданія газеты здѣсь не требуется прибѣгать ни къ какимъ формальностямъ, не приходится давать никакого залога или спрашивать разрѣшенія. Газету можетъ издавать всякій—какъ можетъ всякій открыть кузницу, молочную или мелочную лавку. Вслѣдствіе этой свободы, газеты появляются въ каменно-угольныхъ копяхъ, въ мѣстахъ добыванія нефти, въ станахъ рудокоповъ на дальнемъ западѣ и юго-западѣ; во время войны газеты появлялись въ военныхъ отрядахъ, печатаясь, лишь только войска останавливались на отдыхъ, хотя бы на непріятельской территоріи. Случается, что издаются печатные листки на пароходахъ, совершающихъ рейсы по большимъ рѣкамъ; разъ даже, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, общество богатыхъ американцевъ—числомъ въ 150 лэди и джентльменовъ—совершило эскурсіи по желѣзной дорогѣ изъ Бостона въ Санъ-Франциско, имѣя при себѣ на поѣздѣ типографскіе станки, составъ наборщиковъ и всѣ приспособленія для изданія газеты. Заранѣе было устроено такъ, чтобъ поѣздъ останавливался въ извѣстныхъ пунктахъ по ночамъ, и на эти пункты присылались изъ Нью-Іорка и Бостона телеграммы съ извѣстіями о томъ, что за истекшій день происходило на свѣтѣ. Эти телеграммы печатались ночью, къ нимъ добавлялась хроника того, чтó происходило на самомъ поѣздѣ за истекшій день, а поутру эти печатные листки раздавались пассажирамъ, и разсылались этими послѣдними, съ ближайшей станціи, во всѣ стороны—знакомымъ и роднымъ.

Подобнаго рода газеты, однако же, составляютъ лишь нѣкоторый курьёзъ, являются въ видѣ рекламы или вслѣдствіе желанія заставить о себѣ поговорить со стороны людей, не боящихся

тратить деньги безъ счета. Мнѣ приходилось слышать и объ томъ, что газеты издаются въ стѣнахъ нѣкоторыхъ домовъ умалишенныхъ, но самой мнѣ не случалось видать этихъ листковъ; теперь, однако же, подобную газету предполагаетъ издавать «New-York Insane Asylum». М-ръ Макдональдъ, профессоръ душевныхъ болѣзней, подъ руководствомъ котораго состоитъ нью-іоркскій домъ умалишенныхъ, уже заявилъ, что въ немъ будетъ издаваться иллюстрированная газета «Луна», причемъ всѣ сотрудники, редакторы, наборщики будутъ изъ числа содержащихся въ домѣ сумасшедшихъ; даже иллюстраціи будутъ производиться джентльменами той же категоріи. Можно себѣ вообразить, какъ эта газета будетъ интересна. Д-ръ Макдональдъ ожидаетъ, что подобное занятіе весьма благодѣтельно подѣйствуетъ на его паціентовъ и увѣряетъ, что газета будетъ издаваться въ весьма изящной формѣ.

Все это прекрасно тамъ, гдѣ за деньгами дѣло не останавливается. Но какъ, спрашивается, справляются съ расходами своими мелкіе издатели газетъ, предпринимающіе это дѣло въ какомъ нибудь уединенномъ уголкѣ Союза, гдѣ они могутъ разсчитывать не болѣе какъ на сотни три-пять читателей? Какъ они могутъ это дѣлать безъ убытка себѣ? Тутъ является имъ на помощь другой факторъ американской жизни — компаніи распространенія объявленій. Система рекламъ практикуется американцами, какъ извѣстно, въ гигантскихъ размѣрахъ; здѣшніе торговцы давно сознали, какъ выгодно имъ тратить хотя по нѣскольку сотъ долларовъ на одно ловко и вычурно составленное объявленіе. Многіе торговыя фирмы не довольствуются мѣстными объявленіями, а разсылаютъ таковыя во всѣ мѣстности Союза. Этою-то взаимною потребностью торговцевъ и публики и воспользовались нѣкоторые люди, составивъ компаніи для того, чтобъ послужить и себѣ и другимъ. Особенно широкое развитіе получили эти компаніи распространенія объявленій во время войны, когда множество рабочаго люда зачислилось въ армію и многія провинціальныя газеты стали жаловаться на недостатокъ наборщиковъ. Тогда образовалась компанія, обѣщавшая помочь провинціальнымъ издателямъ, поставляя имъ не только бумагу для газетъ по гораздо меньшей цѣнѣ, чѣмъ обходится имъ эта бумага на фабрикахъ, но даже поставляя и часть печатнаго матеріала. Предпріятіе это пошло въ ходъ, процвѣтаетъ оно и теперь; общества распространенія объявленій здѣсь въ настоящее время насчитываются многими десятками. Ведется ихъ дѣло слѣдующимъ образомъ. Они наполняютъ внутреннюю сторону листа газеты, помѣщая на ней свои объявленія, за которыя берутъ условную

плату съ торговцевъ-фабрикантовъ и другихъ людей, затѣмъ печатаютъ небольшое количество общеинтереснаго текста, внѣшнюю же сторону листка оставляютъ нетронутою. Эти наполовину напечатанные листки (такъ называемые здѣсь «Patent insides») компаніи разсылаютъ сотнями тысячъ экземпляровъ во всѣ редакціи мелкихъ провинціальныхъ газетъ, дѣйствительно взимая съ тѣхъ меньше стоимости самой бумаги; каждая же редакція, получая условлённое число подобныхъ листковъ, печатаетъ на внѣшней сторонѣ листковъ названіе своей газеты, свои телеграмы, мѣстныя извѣстія и прочій газетный матеріалъ; въ результатѣ является даже въ самомъ глухомъ уголкѣ—газета весьма приличныхъ размѣровъ, и весьма недорого обходящаяся издателямъ. Конечно, эта система разсылки уже частью напечатанныхъ листковъ практикуется большею частью для недѣльныхъ газетъ, и только для весьма немногихъ повседневныхъ.

Лицамъ, въ газетное дѣло не посвященнымъ, можетъ представиться, что такого рода помощь издателямъ ничтожна, такъ какъ стоимость бумаги — считается вещью самой неважной въ реестрѣ расходовъ по печатанію газеты. Подобное сужденіе однако крайне ошибочно. Въ видѣ примѣра приведу маленькій расчетъ того, во что обходится бумага такой, сравнительно небольшой газеты, какъ «New-York Sun», которая неизмѣнно выходитъ въ будничные дни въ одинъ листъ, т. е. въ 4 страницы, а по воскресеньямъ въ два листа, при 8-ми страницахъ; кромѣ того та же газета выходитъ недѣльнымъ изданіемъ—формата, равнаго воскреснымъ номерамъ. Оказывается, что газета «Sun» напечатала втеченіе 1882 года:

Дневныхъ листковъ.	44.678,656
Воскресныхъ двойныхъ листковъ.	7.414,114
Двойныхъ недѣльныхъ листковъ .	3.443,260
Итого .	55.536,030 экземпляровъ

газеты, или 66.393,404 газетныхъ листа, выпущены были изъ одной типографіи «Sun». За одну бѣлую бумагу «Sun» въ одинъ 1882 годъ заплатила фабрикантамъ 309,492 доллара 90 сентовъ, пріобрѣтя на эти деньги 4.769,135 фунтовъ бумаги которые и дали вышеприведенное число газетъ, не считая бумаги, порванной и попорченной. Въ связи съ этимъ разсчетомъ не безъинтересно будетъ замѣтить, что на остальные расходы той же газеты, то, есть, на уплату жалованья редакторомъ, корреспондентамъ, репортерамъ, наборщикамъ и прочему люду, головной и ручной работой которыхъ составляется большая газета,

пошло въ 1882 году 381,049 доллара 74 сента. Такимъ образомъ, расходы «New-York Sun» равнялись за прошлый годъ 690,542 долларамъ 64 сентамъ, при чемъ въ день печаталось по 143,200 листка газеты. Впрочемъ, вопросъ о количествѣ обращенія той или другой газеты представляетъ самый чувствительный пунктъ во всѣхъ здѣшнихъ редакціяхъ, которыя неизмѣнно стараются преувеличивать дѣйствительное количество расходящихся листковъ своего изданія. Такъ напр., въ редакціи «New-York Herald», хотя и допускаютъ, что эта газета расходится въ числѣ 125,000 экземпляровъ въ день, однако твердо стоятъ, на томъ что это—самая большая циркуляція газеты въ Соединенныхъ Штатахъ, такъ какъ «Sun», хотя и печатаетъ свыше 140,000 листковъ газеты въ день, но продаетъ будто всего около 115,000. Объясняется это отчасти тѣмъ, что контора «Herald'a» отнюдь не принимаетъ обратно нумеровъ, которые нераспроданы газетными разнощиками и мальчиками на улицахъ тогда какъ «Sun» таковые всегда принимаетъ назадъ и къ тому же печатаетъ много больше, чѣмъ требуется ея нумеровъ на продажу и разсылку по городамъ. Съ тою ли это цѣлью дѣлается, чтобъ создать себѣ репутацію самой распостраненной въ штатахъ газеты, или же по какимъ другимъ соображеніемъ—узнать трудно. Даже правительственные сборщики статистическихъ свѣдѣній для ведущейся народной переписи заявляютъ въ своихъ оффиціальныхъ бюллетеняхъ, что имъ нѣтъ возможности добиться отъ редакцій вѣрныхъ сообщеній о томъ, во скольkихъ экземплярахъ расходятся ихъ газеты. Тѣмъ болѣе трудно добиться правды частному изслѣдователю. Однакоже наиболѣе вѣрный разсчетъ ежедневной циркуляціи самыхъ большихъ ньюіоркскихъ газетъ слѣдующей:

«New-York Herald»—125,000 экземпляровъ (газета вполнѣ независимая, въ нѣкоторомъ родѣ «enfant terrible» всѣхъ партій).

«New-York Sun»—135,000 до 140,000 экземпляровъ (газета независимая, со строго демократическими тенденціями).

«New-York Times»—60,000 экземпляровъ (газета независимая, республиканскихъ тенденцій).

«New-York Tribune»—30,000 (республиканская газета, состоящаго подъ контролемъ милліонера-афериста Гульда).

«New-York World»—15,000 (газета демократическая, состоящая подъ контролемъ того же Гульда).

«Staats Zeitung»—60,000 (нѣмецкая газета, независимо демократическая).

Было бы конечно излишнимъ вдаваться въ подробный пере-

чень расходовъ и прибылей каждой газеты; достаточно привести краткій перечень того, что получается и расходуется самой большой американской газетой.

«New-York Herald» ежегодно расходуетъ на газету до 1,000,000 долларовъ, считая тутъ же около 10,000 долларовъ ежегодно уплачиваемыхъ этою газетой по гражданскимъ съ нея искамъ. Доходы же ея являются въ слѣдующихъ цифрахъ:

Съ продажи газеты. . . .	350,000	долларовъ.
Съ помѣщенныхъ объявленій	1.150,000	»

Итого, доходы съ «Herald'а» превышаютъ расходы на него ровно на полмилліона долларовъ въ годъ, являющихся чистою прибылью для Беннета, который впрочемъ получаетъ чуть ли не еще полмилліона въ годъ съ недвижимой своей собственности въ Нью-Іоркѣ и въ Европѣ.

Выше мнѣ пришлось употреблять выраженія: независимо республиканская, независимо демократическая газета. Это требуетъ маленькаго поясненія. Независимой газетой называется здѣсь не только та, которая не имѣетъ никакихъ постоянныхъ, опредѣленныхъ политическихъ симпатій, но всякая газета, независящая ни отъ кого, кромѣ своего издателя, не субсидируемая никѣмъ, ни въ комъ не заискивающая. «New-York Sun» и «New York Times» обѣ независимы, но первая крѣпко держится демократическихъ, а вторая республиканскихъ традицій, причемъ каждая весьма нерѣдко даетъ хорошіе, чувствительные уроки вожакамъ и членамъ своей собственной партіи, отнюдь не стараясь прикрывать тѣ или другія оплошности и слабости, ради того что это люди «своей» партіи или клики.

Однимъ изъ непремѣнныхъ условій независимости газеты считается и то, что издатель ея вполнѣ умѣлъ подчинять свои личные интересы интересамъ публики и отнюдь не употребляетъ свою газету для преслѣдованія личныхъ своихъ враговъ. Конечно, отъ этого послѣдняго правила иногда отступаютъ и лучшія изъ независимымъ газетъ, но весьма рѣдко, и то лишь тогда, когда данный случай можетъ имѣть общее значеніе для публики.

«New-York Herald» служитъ образцомъ другого рода независимыхъ газетъ. У него нѣтъ никакихъ, прочныхъ политическихъ симпатій, и онъ предоставляетъ себѣ раздавать щелчки направо и налѣво, вашимъ и нашимъ, вдохновляется едва пробивающимися общественными стремленіями, позволяя себѣ подчасъ самыя эксцентричныя выходки и неожиданныя «volte face», прекрасно зная, что лучшій залогъ успѣха въ Америкѣ—это

смѣлость, честность въ передачѣ дѣловыхъ извѣстій, остроуміе и легкость отношенія къ вещамъ и жизни вообще.

Самымъ важнымъ пособникомъ повседневной печати является телеграфное агентство «Associated Press», имѣющее корреспондентовъ во всѣхъ концахъ Америки и за границей, и ежедневно доставляющее здѣшнимъ газетамъ массу подробныхъ телеграммъ со всѣхъ сторонъ. Еще въ началѣ 1870-хъ годовъ «Associated Press» тратило ежегодно до 200,000 на однѣ депеши, получаемыя по кабелю изъ-за границы; расходъ на мѣстныя телеграммы едва ли еще не превосходитъ эту сумму. Агентство «Associated Press» было учреждено въ 1848 г. вслѣдствіе того, что, немногочисленныя въ то время телеграфныя линіи не въ силахъ были передавать по своимъ проволокамъ всю массу приходящихъ депешъ для каждой редакціи въ отдѣльности. Въ настоящее время «Associated Press» состоитъ въ распоряженіи семи большихъ нью-іоркскихъ газетъ, а именно: «Herald», «Times», «Journal of Commerce», «Sun», «Mailand Express», «World» и «Tribune», которыя, въ свою очередь, заключили контракты съ другими американскими газетами, доставляя этимъ послѣднимъ возможность пользоваться телеграфными извѣстіями ассоціаціи за положенную плату, такъ что депешами одной этой ассоціаціи въ настоящее время пользуются около 250-ти газетъ. Дѣла «Associated Press» управляются большинствомъ голосовъ ея семи членовъ — представителей вышепоименованныхъ газетъ. Кромѣ того, крупныя газеты восточныхъ и западныхъ штатовъ образовали свои телеграфныя агентства, независимо отъ «Associated Press» Нью-Іорка. Въ результатѣ, даже внутреннія корреспонденціи американскихъ газетъ передаются теперь всегда по телеграфу, и телеграфныя сообщенія составляютъ теперь чуть не половину текста главныхъ газетъ большихъ городовъ.

Понятное дѣло, что газетамъ приходится пускать въ ходъ значительныя усилія для того, что добиться такого обращенія своихъ листковъ, которое возвращало бы съ избыткомъ громадныя суммы затратъ. Въ теченіе двухъ лѣтнихъ сезоновъ, года три тому назадъ, «New-York Herald» доставлялся каждое воскресенье по экстренному поѣзду въ Саратогу и Лонгъ-Брэнчъ — эти двѣ людныя лѣтнія резиденціи нью-іоркскихъ жителей. Теперь этого уже не дѣлается ни одной газетой, такъ какъ федеральное почтовое управленіе почитаетъ долгомъ своимъ содѣйствовать быстрой перевозкѣ газетъ, и съ этою цѣлью ежедневно отправляетъ такъ - называемые спеціально-газетные поѣзда изъ Нью-Іорка: одинъ такой поѣздъ уѣзжаетъ на югъ въ 3 ч. 45

м. утра, а другой на сѣверъ—около того же времени. На этихъ поѣздахъ состоятъ особые агенты газетъ, которые на всякой станціи передаютъ огромные тюки газетъ ожидающимъ ихъ тамъ посыльнымъ отъ провинціальныхъ агентствъ раздачи газетъ. На одномъ изъ открытыхъ вагоновъ этого поѣзда стоитъ во все время переѣзда человѣкъ, сбрасывающій чуть не на каждой пересѣкаемой проселочной дорогѣ по одной связкѣ газетъ, которая немедленно подхватывается ожидающими тамъ людьми и разносится по самымъ глухимъ закоулкамъ деревенскихъ округовъ. Такимъ образомъ, всякій фермеръ имѣетъ возможность каждое утро получать свѣжія газеты. Несмотря на всѣ эти приспособленія къ удобствамъ публики, высчитываютъ, что цѣлая четверть взрослаго населенія штатовъ почти никогда и не заглядываетъ въ газеты. Тѣмъ не менѣе, въ штатахъ ежедневно печатается 3.581,187 нумеровъ газетъ, за которые публика въ годъ переплачиваетъ до 26.250,100 долларовъ. Изъ новѣйшихъ статистическихъ свѣдѣній явствуетъ, что всего въ Соединенныхъ Штатахъ издается 962 ежедневныя газеты (нѣкоторыя съ утреннимъ и вечернимъ изданіемъ). Редакціями тѣхъ же ежедневныхъ газетъ, кромѣ того, издается 903 недѣльныхъ, воскресныхъ, полумѣсячныхъ и другихъ выпусковъ, которые, въ большинствѣ случаевъ, составляются изъ сокращеній уже помѣщеннаго матеріала. Всего въ Соединенныхъ Штатахъ печатается въ годъ 1.127.337,355 нумеровъ ежедневныхъ газетъ и 216.763,880 экз. газетъ еженедѣльныхъ и періодическихъ. Если притомъ принять во вниманіе то обстоятельство, что каждый нумеръ газеты читается въ семьяхъ двумя-тремя лицами, то легко себѣ представить, какъ сильно должно отзываться въ народѣ вліяніе повседневной печати, несмотря на то, что сама журналистика не претендуетъ здѣсь на воспитательное значеніе.

Въ странѣ, гдѣ, какъ здѣсь, есть всеобщая подача голосовъ, хорошія книги не могутъ никогда сдѣлаться для народа такою насущною потребностью, какъ газета. Независимая американская газета, вѣрно передающая всѣ факты общественной жизни, несомнѣнно развиваетъ гражданъ, доставляя имъ возможность изо дня въ день слѣдить за ходомъ дѣлъ, за дѣйствіями администраціи, подготовляя въ средѣ читателей хорошихъ, осмысленныхъ гражданъ, которые не потеряются въ дни выборовъ, будутъ знать, какъ съ наибольшею для себя и для страны пользою воспользоваться своими правами гражданъ демократической республики. Народу безъ газеты нельзя уже и обойтись, особенно въ густо населенныхъ мѣстностяхъ—потому, что американская газета читателю все объяснитъ, на все дастъ отвѣтъ, пре-

достережетъ, научитъ; изъ-за газетъ негодяи, пока еще дорожатъ репутаціей, ходятъ по стрункѣ; изъ-за газеты—жизнь, продовольствіе семьи дешевле; благодаря газетѣ — мы видимъ здѣсь это общее спокойствіе, предпріимчивость, вызывающую гражданъ на большія предпріятія, въ силу ихъ увѣренности въ томъ, что крутыхъ неожиданностей не воспослѣдуетъ ни откуда, и что, если провинится одна газета—пуститъ въ свѣтъ ложный слухъ, клевету, то отъ другой, столь же свободной и независимой газеты немедленно послѣдуетъ опроверженіе, основанное на тщательномъ изслѣдованіи дѣла. Такимъ образомъ, страшный призракъ газетной разнузданности, газетнаго деспотизма, анархіи печати, разрѣшается здѣсь весьма просто: противоядіе получается изъ того же самаго источника, изъ котораго исходитъ временное зло. И народъ такъ къ тому привыкъ, такъ полагается на то, что свободная печать играетъ при немъ роль неустаннаго Аргуса, что онъ неуклонно идетъ своею дорогою, не смущаясь слухами, не боясь за завтрашній день: его не страшитъ призракъ политическихъ переворотовъ, и страна—торговля—народъ—процвѣтаютъ, не въ примѣръ заѣденнымъ традиціями конституціоннымъ странамъ Стараго Свѣта.

В. Макъ-Гаханъ.

НОВѢЙШІЯ ИЗСЛѢДОВАНІЯ
РУССКОЙ НАРОДНОСТИ

IV *).

Новая историческая литература по отношенію къ изученіямъ народности.

Вообще говоря, исторіографія во всемъ ея объемѣ служитъ къ объясненію «народности». Давая матеріалъ и объясненіе фактовъ дѣятельной или пассивной жизни народа, создавшаго государство, она необходимо пріобрѣтаетъ обширное значеніе этнографическое,—но изъ громадной области этой науки къ занимающему насъ предмету особливо относятся тѣ историческіе труды, которые ближайшимъ образомъ касаются вопросовъ о существѣ народности, ея историческихъ судьбахъ, и способовъ и ступеней ея пониманія въ обществѣ новѣйшемъ. Таковы, во-первыхъ, вопросы—объ этнологическомъ происхожденіи народа, дающемъ ему племенной типъ, ту или другую способность къ культурному совершенствованію, языкъ и съ нимъ извѣстный кругъ понятій; о физической почвѣ и матеріальныхъ условіяхъ жизни народа; о древнихъ формахъ быта, налагавшихъ отпечатокъ на дальнѣйшее развитіе его политическихъ учрежденій; о позднѣйшемъ распредѣленіи народныхъ классовъ, ихъ взаимномъ отношеніи; о судьбѣ образованности по разнымъ слоямъ народа и т. д. То или другое рѣшеніе этихъ и подобныхъ вопросовъ принадлежитъ исторической наукѣ, и наряду съ современнымъ изу-

*) См. выше: іюнь 595 стр.

ченіемъ этнографическимъ и экономическимъ бросаетъ свѣтъ на образованіе и характеръ народности. Во-вторыхъ, таковы тѣ вопросы, которые такъ тревожно, и слишкомъ часто такъ превратно, ставятся въ наше время,—о роли «народныхъ началъ» въ ходѣ національной исторіи, о степени самобытности историческаго развитія государства и народа, о положеніи народности относительно культурныхъ заимствованій у другихъ народовъ (особливо въ такъ-называемомъ «петербургскомъ періодѣ»), о томъ, чтò въ настоящее время должно въ нашемъ общественно-политическомъ бытѣ и образованности считаться народнымъ или ненароднымъ, какъ достигнуть «самобытности» и т. п.

Всѣ эти вопросы, и послѣдніе также, уже ставились въ нашей исторіографіи и раньше разсматриваемаго періода,—но никогда они не разыскивались такъ настоятельно, какъ въ послѣднее время; впрочемъ, вопросы о «самобытности» всего меньше разсматривались съ научными пріемами, и всего больше газетно, со всѣми преувеличеніями, фантазіями и даже озлобленіемъ, внушаемыми враждою партій.

Сравнивъ ходъ нашей исторіографіи за послѣднія два-три десятилѣтія и за предшествовавшій тому періодъ (отъ Карамзина до Соловьева), мы найдемъ такой же огромный успѣхъ, какой сдѣланъ былъ за это время вообще въ изученіяхъ народа и его быта. Въ прошлой статьѣ мы указывали, въ общихъ чертахъ, чрезвычайное расширеніе и самыхъ источниковъ и предметовъ изслѣдованія, и гораздо бóльшую разносторонность и глубину изысканій, сравнительно съ прежнимъ. Подобное представляетъ и исторіографія. Съ первыхъ опытовъ, сдѣланныхъ Кавелинымъ и Соловьевымъ, а также первыми славянофилами, историческіе писатели съ особеннымъ вниманіемъ останавливаются на изслѣдованіи общихъ началъ, руководившихъ событіями, и общаго генетическаго развитія явленій. Рѣдкій изъ историковъ послѣдняго періода думалъ быть живописателемъ событій, какъ Карамзинъ (и дѣйствительно, ни одинъ, кромѣ Костомарова, не показалъ художественнаго дарованія), или хотѣлъ ограничиваться тѣмъ чисто внѣшнимъ изслѣдованіемъ, какое рекомендовалъ Погодинъ (подъ именемъ «математическаго метода»),—но рѣдкій не искалъ именно объясненія общихъ явленій, не искалъ логической группировки событій, установленія исторической теоріи, для которой событія должны были быть матеріаломъ и оправданіемъ. Таковы были труды Кавелина, Соловьева, К. Аксакова, Ю. Самарина, Забѣлина, Павлова, Костомарова, Щапова, Бестужева-Рюмина, Ключевскаго, Сергѣевича и пр. и пр. Взгляды

историковъ сталкиваются не только на частностяхъ, а на самомъ существѣ историческаго движенія—ясно, что вопросъ представалъ передъ ними (если пока и не разрѣшался) въ его научной формѣ, въ тѣсной связи многоразличныхъ фактовъ прошедшаго и настоящаго. Этотъ историческій раціонализмъ, какъ мы видѣли, сказался весьма опредѣленно еще въ предъидущемъ періодѣ, особливо подъ дѣйствіемъ нѣмецкой исторической школы; теперь онъ развился еще болѣе подъ вліяніемъ великихъ событій, совершавшихся въ самой русской жизни и возбуждавшихъ вновь историческіе запросы и въ связи съ этимъ, подъ вліяніемъ отражавшихся у насъ новѣйшихъ успѣховъ европейской науки.

Мы упоминали раньше, какой оживляющей нравственной и умственной силой была крестьянская реформа. Мысль о народѣ, какъ главнѣйшемъ предметѣ историческаго интереса,—прежде теоретическая, отвлеченная, иногда почти мистическая,—получала теперь плоть и кровь, становилась наглядной, осязательной. Ближайшимъ предметомъ, потребовавшимъ вниманія, была исторія крестьянства и вообще судьба народа въ историческомъ движеніи: внутренній бытъ никогда прежде не вызывалъ столько изслѣдованій, и исторія государства была все больше сопоставляема съ исторіей народа. Это стремленіе нашло себѣ большую опору въ новой европейской наукѣ, гдѣ въ послѣднія десятилѣтія изслѣдованія отъ исторіи государства направились на общія явленія цивилизаціи, на изслѣдованіе первыхъ начатковъ и хода человѣческой культуры и затѣмъ судьбы народныхъ массъ. Подобнымъ образомъ у насъ первоначальная старина и современная народность вызвала снова усердныя изученія съ новѣйшей этнологической и культурно-исторической точки зрѣнія.

Старая «философія исторіи», строившая нѣкогда утонченныя теоріи на запасѣ фактовъ, въ сущности очень скудномъ, смѣнилась разнообразными работами по исторіи «культуры», имѣвшими то громадное превосходство, что онѣ опирались на огромной массѣ фактовъ по разнымъ областямъ науки, часто впервые теперь только собранныхъ и освѣщенныхъ. Какъ прежняя отвлеченная психологія пріобрѣтала теперь свою параллель или противовѣсъ въ изученіяхъ физіологическихъ, такъ исторія «культуры» направлялась на изученіе реальныхъ явленій жизни — находила ея первые слѣды въ палеонтологическихъ остаткахъ древнѣйшаго человѣка, въ орудіяхъ и постройкахъ озерного и каменнаго вѣка, въ нравахъ и обычаяхъ современнаго быта дикарей; впервые открывала неподозрѣваемые ранѣе остатки древнихъ цивилизацій Египта, Ассиріи, Вавилона, изученіе которыхъ съ

одной стороны бросало свѣтъ на древность библейскую, съ другой на первые начатки греческой цивилизаціи; при помощи сравнительнаго языкознанія, углублялась въ отдаленнѣйшую пору образованія языковъ, первыхъ зачатковъ миѳа, религіозныхъ и бытовыхъ представленій, первыхъ опытовъ образованія и общественности; при помощи антропологіи изучала типы племенъ, ихъ видоизмѣненія подъ различными вліяніями и т. д. Цѣлыя группы наукъ соединяли свои средства для разъясненія процессовъ развитія, проходимыхъ человѣческими обществами, и въ нѣсколько послѣднихъ десятилѣтій исторія ихъ древнѣйшаго періода совершенно преображается. Въ исторіи ближайшихъ вѣковъ и новаго времени изслѣдованіе больше чѣмъ когда-нибудь останавливалось на судьбѣ самого народа, котораго политическіе и экономическіе интересы начинаютъ все больше выдаваться и получать значеніе въ жизни современнаго государства.

Въ нашей литературѣ эти новыя направленія и пріобрѣтенія исторической науки возбудили видимый интересъ: книги этого рода не ограничились кругомъ спеціальныхъ читателей и, напротивъ, пріобрѣтали въ переводахъ (иной разъ двойныхъ) большую популярность въ массѣ публики: такой успѣхъ имѣли у насъ сочиненія Тэйлора, Бокля, Спенсера, Конта, Мэна, Фюстель-Куланжа, Топинара, и проч. Популярность Бокля вызвала, наконецъ, шутки и насмѣшки; но успѣхъ названныхъ и другихъ писателей указывалъ, что и масса читателей не осталась чужда новой постановкѣ историческаго знанія. Интересъ этотъ не былъ случайный — чувствовалось, что новыя пріобрѣтенія науки могутъ помочь въ объясненіи вопросовъ о народѣ, волновавшихъ общество въ эпоху реформъ.

Русская исторіографія и смежныя ей науки развились очень сильно и въ количественномъ отношеніи, и по объему содержанія. Не вдаваясь въ подробный обзоръ ея, не принадлежащій къ нашей задачѣ, ограничимся краткимъ указаніемъ затронутыхъ ею вопросовъ, которые нерѣдко были впервые ею тронуты и которыхъ постановка вносила новыя данныя въ историческое объясненіе народности.

Такъ, впервые возникаютъ изслѣдованія о до-исторической древности той земли, на которой совершалась жизнь русскаго племени. Мы упоминали ранѣе объ археологическихъ раскопкахъ въ разныхъ концахъ Россіи, объ изслѣдованіяхъ каменнаго вѣка, о находкахъ въ скиѳскихъ могилахъ на югѣ Россіи: отысканное еще далеко не объяснено, и остатки каменнаго вѣка по всѣмъ вѣроятіямъ вовсе не принадлежали предкамъ велико-

русскаго племени (какъ это казалось нѣкоторымъ геологамъ и антропологамъ), но здѣсь во всякомъ случаѣ кладется основаніе изслѣдованію, важному для общихъ цѣлей науки, а иногда и для раскрытія отдаленной славяно-русской древности, — какъ напримѣръ, изслѣдованія скиѳскія и финскія.

Начало русскаго государства снова вызвало цѣлую литературу въ трудахъ Гедеонова, Иловайскаго, Забѣлина, Куника, Котляревскаго, Первольфа, Ламбина и др. Какъ бывало прежде, такъ и теперь вопросъ научный, къ которому нынѣшнія поколѣнія могли бы отнестись совершенно спокойно, успѣлъ возбудить жаркую полемику, гдѣ одна сторона, отвергая норманское происхожденіе варяговъ, имѣла малодушіе выставлять свое собственное мнѣніе (въ очень спутанномъ, и въ сущности не очень важномъ вопросѣ) какъ патріотическую обязанность и заподозрѣвать въ неблагонадежности побужденія тѣхъ, кто продолжалъ считать варяговъ норманнами, а не славянами, — хотя бы послѣдніе могли въ защиту своей невинности сослаться на примѣры Карамзина, Соловьева и самого Погодина, заклятаго норманиста и несомнѣннѣйшаго патріота. Споръ остается нерѣшеннымъ, но и не былъ безполезенъ: по его поводу собранъ былъ новый матеріалъ извѣстій о древнѣйшей исторической порѣ русскаго народа. — Съ одной стороны здѣсь продолжалось преданіе «Маяка» и Савельева-Ростиславича; съ другой (какъ у г. Забѣлина) было и болѣе серьезное стремленіе установить логическую связность русскаго историческаго быта и самобытность его національныхъ основаній и развитія, которыя считались нарушенными теоріею призванія чужихъ людей изъ-за моря. Но забота все-таки была преувеличена: національное достоинство не состоитъ въ полномъ отсутствіи чужеплеменныхъ элементовъ; въ европейскомъ мірѣ нѣтъ ни одного племени, «чистаго» въ этомъ отношеніи, и напротивъ всѣ наиболѣе развитыя націи отличаются большой сложностью своего этнологическаго состава.

Въ изученіи политическаго строя древней Руси изслѣдованія сдѣлали новый шагъ послѣ теоріи родового быта. Теорія была дополнена и исправлена въ 50-хъ и 60-хъ годахъ сначала двумя новыми взглядами: во первыхъ, Конст. Аксакова, который въ старомъ политическомъ бытѣ русскихъ княжествъ видѣлъ не родовой бытъ, а общинный, — основанный уже не на чисто первобытномъ кровномъ союзѣ, а на свободномъ соединеніи въ союзъ, опредѣленный сознательнымъ подчиненіемъ общему интересу и порядку. Другой взглядъ былъ въ особенности изложенъ и защищаемъ Костомаровымъ: въ системѣ удѣловъ онъ видѣлъ

вовсе не случайное дѣленіе территоріи по родовымъ счетамъ князей, а естественное дѣленіе *земель*, племенныхъ отдѣловъ, которые съ самаго начала нашей исторія были отмѣчены лѣтописцемъ и продолжали жить цѣлые вѣка, даже до нашего времени, особыми вѣтвями и оттѣнками русскаго народа. Распредѣленіе удѣльныхъ княжествъ отвѣчало естественному дѣленію земель, и этотъ фактъ свидѣтельствовалъ о сохранявшейся мѣстной старинѣ и автономіи; власть князя не была исключительная власть личнаго правителя, но шла рядомъ съ властью народнаго вѣча, нѣкогда вездѣ обычнаго и иногда столько же сильнаго, какъ вообще бывало вѣче новгородское.—Эти первоначальныя политическія отношенія были потомъ еще болѣе разъяснены изслѣдованіями историковъ-юристовъ, сравненіемъ нашей старины съ древними обычаями славянскими. За послѣдніе годы новыя замѣчательныя объясненія были сдѣланы въ книгѣ г. Забѣлина, который разбиралъ древнія бытовыя русскія формы въ естественныхъ условіяхъ старой жизни и видѣлъ въ народныхъ союзахъ промысловыя общины, и не родовой бытъ (давно, задолго до исторіи отжитый), а скорѣе городской — какъ въ старомъ Новгородѣ онъ видѣлъ именно типъ могущественнаго промысловаго города, и въ Кіевѣ — городъ, выросшій изъ сборища вольныхъ промышленниковъ изъ всѣхъ окрестныхъ городовъ и земель.

Народная самодѣятельность была указана и съ другой стороны. То громадное распространеніе русской территоріи еще въ древнемъ періодѣ, которое прежніе историки объясняли завоевательной предпріимчивостью князей, было дѣломъ самого народа, его энергической колонизаторской дѣятельности; именно она мало-по-малу, часто невидимо для исторіи, захватывала новыя области на югѣ, востокѣ и сѣверѣ, подчиняя инородческія племена вліянію русской народности или совсѣмъ ассимилируя ихъ. Историческія изслѣдованія (въ трудахъ Кавелина, Ешевскаго, Бѣляева, Щапова, Ѳирсова и др.; въ исторіяхъ частныхъ княжествъ), хотя еще далеко не выяснили этого процесса, указали однако важный фактъ народной самодѣятельности, до тѣхъ поръ мало оцѣняемый.

Историческое значеніе татарскаго ига еще требуетъ изслѣдованій. Послѣ Карамзина, нѣкоторые историки, и особенно Соловьевъ, отвергали мысль о большомъ его вліяніи; они видѣли въ татарскомъ нашествіи великое внѣшнее бѣдствіе, но утверждали, что «иго» не имѣло вліянія на внутреннюю жизнь народа и ничѣмъ не нарушило хода русской исторіи; но болѣе внимательное наблю-

деніе указывало, что вѣковое тяготѣніе азіатской власти, передъ которою унижались самые правители, не могло не отразиться вредными слѣдствіями не только на жизни государства, которую оно угнетало, но и на характерѣ народа, въ которомъ—не говоря объ извращающихъ вліяніяхъ насилія—подавлялись стремленія и средства къ просвѣщенію. Татарское иго не уничтожило народной живучести: народъ уже успѣлъ къ тому времени сознать свою особность и достоинство; христіанство прочно утвердило въ немъ представленіе о превосходствѣ его надъ «погаными» и «невѣрными»; подъ игомъ государство успѣло сплотиться до того, что, наконецъ, свергло это иго и подчинило татарскія царства,—но уже тѣ пріемы, къ какимъ должны были прибѣгать «собиратели» и въ которыхъ такую большую долю занимали коварство и насиліе, тѣ страшныя, и часто (можно думать) ненужныя жертвы, какія были принесены единовластію, были тяжелымъ и прискорбнымъ наслѣдіемъ ига и надолго оставили свой отпечатокъ на внутреннемъ бытѣ государства и общества, отпечатокъ, къ сожалѣнію слишкомъ часто подновляемый позднѣйшими событіями. Одной изъ такихъ жертвъ былъ Новгородъ; его уничтоженіе было насильственнымъ истребленіемъ цѣлой области чисто народной жизни, уничтоженіемъ одного изъ путей народной самодѣятельности, промысла и просвѣщенія.

Московское политическое объединеніе и характеръ московскаго царства уже съ сороковыхъ годовъ были предметомъ спора,—онъ продолжается и донынѣ. Для однихъ (особливо славянофиловъ, въ послѣдніе время и г. Забѣлина) московское царство было полнымъ воплощеніемъ русскаго народнаго духа, чисто національнымъ созданіемъ; его исключительность казалась истиннымъ національнымъ достоинствомъ; отступленіе отъ его обычаевъ и преданій казалось измѣной народности. Болѣе спокойные изслѣдователи (въ ряду ихъ были Соловьевъ; Кавелинъ; Бестужевъ—по крайней мѣрѣ въ прежнее время) признавали великое національно-историческое значеніе московскаго «собиранія» и частію защищали необходимость жертвъ, но находили, что въ характерѣ московскаго царства XVI—XVII вѣка отразились какъ византійскія идеи власти, внушаемыя со времени принятія христіанства и закрѣпленныя послѣ паденія Константинополя, такъ и вліянія татарскія, со временъ ига, а потомъ покоренія татарскихъ царствъ: слѣдовательно, складъ этого быта трудно было счесть именно и исключительно русскимъ, трудно было увидѣть въ немъ, во-первыхъ, чисто самобытное, во-вторыхъ, вполнѣ завершенное созданіе народнаго духа; и, напротивъ, надо было ви-

дѣть въ немъ только временную форму, сложившуюся подъ вліяніемъ вѣка, въ кругѣ его идей, въ предѣлахъ его условій, не совсѣмъ здоровыхъ, и потребностей, состоявшихъ прежде всего во внѣшней защитѣ и централизаціи государства. Выработанная форма была по преимуществу московская, отразившая времена «собиранія», полу-ѳеократическая по теоріи, полу-восточная по практическимъ пріемамъ власти; сложившійся бытъ былъ крайне исключительный, не имѣвшій средствъ и простора для образованія, лишенный общественной жизни; историческое значеніе московскаго періода осуществлялось въ укрѣпленіи государства противъ обступавшихъ его тогда опасностей, и въ томъ, что его послѣднимъ развитіемъ была Петровская реформа.

Характеръ правительственной власти московскихъ временъ вызвалъ особенно теперь болѣе внимательныя изслѣдованія (въ трудахъ Соловьева, К. Аксакова, Бѣляева, Чичерина, Ключевскаго, Костомарова, Сергѣевича и мн. др.). Какъ мы сказали, по славянофильскому представленію, московскій порядокъ вещей былъ совершеннымъ, единственнымъ въ своемъ родѣ выраженіемъ идей русскаго народа о государствѣ, и дѣйствительно заключалъ въ себѣ всѣ лучшія гарантіи политическаго благоденствія: царь и земскій соборъ были практическимъ олицетвореніемъ духовнаго единства и общенія между властью и народомъ, государствомъ и землей. По этой программѣ, земскіе соборы должны были представлять учрежденіе постоянное и правильное, и съ другой стороны исключительно русскому народу свойственное; къ доказательству этого направлялись усилія славянофильскихъ историковъ. Съ другой точки зрѣнія дѣло представлялось иначе: во-первыхъ, находили, что значеніе соборовъ, въ смыслѣ голоса «земли», было слишкомъ случайно — какъ случайно они и собирались,—что власть нимало не обязывалась принимать ихъ мнѣніе, т. е. голосъ «земли» оставлялся безъ вниманія; во-вторыхъ, указывали, что это учрежденіе вовсе не было столь исключительно русскимъ, такъ какъ было вполнѣ параллельно съ тѣми западными (напр. англійскими и французскими) учрежденіями, которыя возникали въ средніе вѣка, какъ замѣна первобытныхъ народныхъ собраній—и являлись тамъ и здѣсь въ одинаковыхъ условіяхъ, именно, когда утвержденіе государства упраздняло старыя народныя собранія (вѣча), уже не отвѣчавшія своей цѣли въ новыхъ, гораздо болѣе сложныхъ отношеніяхъ, и замѣняло ихъ теперь общимъ представительствомъ. Наши соборы именно отвѣчали этой второй ступени представительныхъ учрежденій, съ которыми раздѣляли и недоста-

токъ юридической опредѣленности; но дальше этой второй ступени наши старые соборы не пошли, тогда какъ западныя учрежденія развились въ извѣстныя конституціонныя формы.

Больше чѣмъ когда-нибудь была изучаема исторія южной Руси—также одинъ изъ мало выясненныхъ пунктовъ исторіи и современныхъ отношеній. Въ нашей литературѣ бывали уже многотомныя «исторіи Малороссіи», и притомъ написанныя малорусскими патріотами; но вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ двухъ обширныхъ отраслей русскаго племени оставался неяснымъ. Въ 40-хъ, и въ началѣ 50-хъ годовъ высказаны были двѣ весьма несходныя точки зрѣнія, представленныя въ извѣстномъ спорѣ Погодина и Максимовича. По мнѣнію перваго, южный край населяли кіевскіе великороссіяне, что малорусскій характеръ его есть явленіе позднѣйшее, послѣ того, какъ страна, опустошенная татарами, была занята выходцами изъ-за Карпатъ. Въ параллель и подтвержденіе этому явились заключенія Срезневскаго объ относительной новости малорусскаго нарѣчія. Максимовичъ, напротивъ, утверждалъ, что южная Русь искони носила на себѣ тѣ отличительныя черты быта, нравовъ, языка, поэзіи, которыя мы знаемъ теперь за малорусскія,—и приводилъ тому обильныя доказательства изъ древнихъ памятниковъ.—Въ подкладкѣ спора лежали и отношенія современныя: рѣшеніемъ его въ ту или другую сторону подкрѣплялись или ослаблялись права того народническаго движенія, которое въ сороковыхъ годахъ выразилось особеннымъ размноженіемъ литературы на малорусскомъ языкѣ.

Извѣстно, что у «западниковъ» 40-хъ годовъ малорусская литература не встрѣчала къ себѣ сочувствія; съ тогдашней эстетической и либеральной точки зрѣнія это казалось напрасной тратой силъ и помѣхой. Малорусское движеніе видимо не было сочувственно и Соловьеву: для него малорусскій народъ былъ только областное видоизмѣненіе русскаго племени, не имѣющее никакихъ особыхъ историческихъ правъ и никакого будущаго, внѣ сліянія съ господствующимъ типомъ; казачество была только буйная, не дисциплинированная толпа.—Какъ противовѣсъ этой племенной нетерпимости являются труды Костомарова по исторіи Малороссіи. Свою основную точку зрѣнія на эти отношенія онъ изложилъ въ извѣстной статьѣ: «Двѣ русскія народности» и въ рядѣ историческихъ и этнографическихъ трудовъ. Сочиненія Костомарова обновили столкновеніе мнѣній; но, при всей вызванной ими враждѣ, много сдѣлали для научнаго опредѣленія вопроса. Исторически, южная Русь стала видимо отличаться отъ сѣверной еще съ XII вѣка; татарскій погромъ, а затѣмъ литов-

ское завоеваніе окончательно дали различное теченіе ихъ исторіи; новое объединеніе началось не ранѣе второй половины XVII вѣка, продолжалось потомъ въ XVIII-мъ, а старыхъ предѣловъ русской земли въ эту сторону не достигло и по настоящее время. Съ этимъ историческимъ различіемъ соединялось этнографическое дѣленіе «двухъ русскихъ народностей», которое историки южно-русскіе не безъ основанія возводятъ къ первымъ вѣкамъ нашей исторіи. Какъ бы то ни было, но уже въ тѣ долгіе вѣка историческаго раздѣленія, обѣ части русскаго народа пріобрѣли весьма различный складъ характера и быта, историческихъ преданій и народной поэзіи. Возбужденіе идей «народности» естественно выразилось въ Малороссіи оживленіемъ всѣхъ этихъ элементовъ, своеобразно отличавшихъ южно-русскую народность. Извѣстно, съ какою враждой встрѣчено было въ одной части нашей литературы это вновь ожившееся «украинофильство», и въ послѣднее время къ его врагамъ присоединились и тѣ, которые обыкновенно хвастаются своимъ исключительнымъ народничествомъ, но въ этомъ случаѣ являлись такими же бюрократическими притѣснителями народнаго начала (хотя первые, подлинные славянофилы относились къ малорусскому движенію очень сочувственно).

Новѣйшая вражда къ «украинофильству» выросла, конечно, изъ новѣйшихъ чисто бюрократическихъ понятій о «единообразіи», одноформенности, водворяемой хотя бы насильственными средствами... Противники малорусскаго движенія могли бы, пожалуй, сослаться и на старую Москву: она также недовѣрчиво и недружелюбно относилась къ соединившейся съ нею Малороссіи. Московскій абсолютизмъ не мирился съ тѣнью автономіи; іерархія съ подозрѣніемъ смотрѣла на мало понятную и непривычную ей кіевскую ученость, и только по крайней необходимости ею пользовалась,—но московскія преданія основательно пережиты исторіей самого русскаго государства и общества.

Новѣйшіе историческіе труды о Малороссіи и XVII вѣкѣ успѣли отчасти выяснить роль старой Москвы, по обыкновенію, не стѣснявшейся средствами въ достиженіи своихъ политическихъ цѣлей; и если исторія отвергнетъ притязанія гетманщины, то должна съ другой стороны сказать слово въ защиту Малороссіи, которая съ первыхъ лѣтъ возсоединенія съ Великой Россіей оказала ей цѣнныя услуги своей кіевской школой, поставлявшей еще въ XVIII столѣтіи много замѣчательныхъ дѣятелей просвѣщенія, и потомъ дружно несла свою службу государству, обществу и литературѣ, и въ защиту народа, который взамѣнъ своего ста-

раго быта долженъ былъ испытать введеніе крѣпостного права. Наконецъ, исторія возможна только въ союзѣ съ этнографіей, а въ этой послѣдней вопросъ о степени особности двухъ русскихъ племенъ довольно ясенъ.

Но если гдѣ наиболѣе рѣзко встрѣчаются два разные, даже противоположные взгляда на русскую исторію и судьбы русскаго народа, это конечно эпоха Петра Великаго: къ ней сводятся споры о характерѣ московской старины, и о тѣхъ путяхъ, которыми должна быть направлена современная жизнь народа и общества. «Назадъ, домой!»—вопятъ эпигоны славянофильства,—т.-е. прямо въ XVI—XVII вѣкъ, какъ будто исторія громаднаго народа можетъ пойти вспять, всякія реставраціи подобнаго рода не были пустымъ самообольщеніемъ, какъ будто археологическими поддѣлками можно обмануть исторію.—Впрочемъ, споръ о значеніи Петровской реформы, поднимаемый ея врагами, оставляется теперь почти безъ вниманія другою стороной: славянофильскія отрицанія Петровской реформы не выросли въ доказательности съ сороковыхъ годовъ и эта школа, съ тѣхъ поръ и донынѣ, не произвела ни одного цѣльнаго научнаго труда, ни одного послѣдовательнаго, доказательнаго изложенія своего взгляда. Съ другой стороны все, что только появляется въ литературѣ объ этомъ періодѣ русской исторіи, лишь подтверждаетъ его высокое рѣшающее значеніе въ судьбахъ русскаго народа. Изученіе Петровскаго періода все больше обогащается изданіемъ матеріаловъ и изслѣдованій: уже издана масса документовъ по разнымъ отраслямъ управленія, и готовится—къ сожалѣнію, чѣмъ-то задержанное теперь—обширное изданіе писемъ Петра Великаго, которое составитъ первостепенный источникъ для его біографіи и исторіи; цѣлый рядъ капитальныхъ историческихъ трудовъ (Устрялова, Соловьева, Пекарскаго, Погодина, Костомарова) все больше раскрываетъ знаменательную эпоху. Обширное умноженіе фактическаго матеріала, болѣе многосторонняя и, прибавимъ, свободная критика очень расширили значеніе Петровскаго времени, устранивъ окончательно тотъ наивно панегирическій тонъ, который такъ долго господствовалъ въ описаніяхъ славнаго царствованія и совсѣмъ не подходилъ ко многимъ чертамъ времени, но и не укрывая той мрачной стороны, какую не разъ могла представить эпоха реформъ. Но отъ этого нисколько не умалилось высокое представленіе о значеніи Петровской реформы для всего послѣдующаго развитія; напротивъ, чѣмъ больше она выясняется не съ героической точки зрѣнія, какъ смотрѣли на нее прежде, а съ

точки зрѣнія реальнаго разумнаго дѣла, тѣмъ больше ея великое значеніе становится осязательнымъ. Такъ, болѣе и болѣе разъясняется существенный вопросъ въ оцѣнкѣ этого времени—историческая необходимость реформы: Петровское преобразованіе было правильнымъ, но энергически проведеннымъ результатомъ стремленій, заявленныхъ лучшими умами московскаго царства, съ тѣхъ самыхъ поръ, когда послѣ заботъ о внѣшнихъ дѣлахъ являлась первая мысль о внутренней организаціи государственной силы и первые интересы къ научному и художественному образованію. Заботы объ усвоеніи европейскихъ знаній, искусствъ, промысловъ, даже изящныхъ искусствъ, возникаютъ явно еще съ XVI вѣка, какъ и заботы о лучшемъ устройствѣ, на европейскій ладъ, военной силы. Счастливымъ случаемъ, какіе исторія даетъ иногда въ критическіе моменты,—Петръ родился геніальнымъ умомъ и человѣкомъ громадной энергіи. Какъ подобаетъ истинному самодержцу, онъ отождествился съ глубочайшими потребностями и стремленіями націи, и отдалъ имъ свои необычайныя силы, въ которыхъ какъ будто олицетворилъ національную даровитость, и взялся за трудъ съ такою ревностью, достигъ такихъ результатовъ, что и современники и потомство увидѣли въ его твореніяхъ его собственное, личное созданіе: въ его трудахъ они не узнали той задачи, къ которой задолго до Петра устремлялись усилія лучшихъ умовъ московской старины и усилія самой власти.

Въ глазахъ новѣйшихъ историковъ, дѣятельность Петра теряетъ, такимъ образомъ, характеръ переворота и получаетъ значеніе реформы, необходимость которой была вполнѣ приготовлена предшествующей эпохой. Внѣшнимъ образомъ дѣятельность Петра, правда, носила этотъ внѣшній видъ переворота: массѣ бросалось въ глаза это появленіе новыхъ армій, флота, сооруженій, школы, обычаевъ, одежды, печати; залежавшемуся на боку боярству и дворянству не нравилось это требованіе школьнаго ученья и службы, требованіе настойчивое и строгое; московской іерархіи, которая было уже мечтала о ѳеократической диктатурѣ, и людямъ стараго вѣка, выросшимъ на внѣшней обрядности и религіозной нетерпимости, не нравилось устраненіе патріаршества, общеніе съ иноземцами и иновѣрцами. Могло быть, что Петръ иной разъ терялъ мѣру, безъ надобности нарушалъ старину и раздражалъ ея приверженцевъ,—но не въ этомъ была сущность дѣла, и сами новѣйшіе противники реформы, при всей своей доктринерской ненависти къ ней, не разъ проговаривались, признавая въ Петрѣ «великаго русскаго человѣка» и въ тѣхъ или

другихъ его дѣяніяхъ—угаданную потребность государства и народа.

Чѣмъ болѣе изучается Петровская эпоха, тѣмъ болѣе самъ Петръ является, дѣйствительно, «великимъ русскимъ человѣкомъ» —не съ одними достоинствами, но также и недостатками, — и тѣмъ болѣе исторически характерной представляется его дѣятельность. Оставленіе Москвы давно объяснено тѣмъ, что тамъ его дѣятельность была стѣсняема оппозиціей приверженцевъ и охранителей старины, что Москва была слишкомъ далека отъ моря и европейскаго сосѣдства. Съ этимъ соединялась и болѣе глубокая историческая причина: Москва была слишкомъ связана съ преданіями московскаго царства, и эти преданія были тѣсны для широкихъ замысловъ «имперіи». Новое «собираніе», предпринятое имперіей, совершалось въ столь же неодолимомъ духѣ централизаціи, но все-таки отличалось гораздо бо́льшею степенью національной терпимости. Въ новой столицѣ Петръ повидимому находилъ и болѣе удобствъ для водворенія европейской науки, когда задумывалъ основаніе петербургской академіи.

Новые историки, повинуясь исторической достовѣрности, указали оборотную сторону реформы и характера самого реформатора,—крайности въ нововведеніяхъ, свирѣпость въ подавленія сопротивленія, разнузданность въ нравахъ; нѣкоторые изъ этихъ историковъ (напр. Костомаровъ), быть можетъ, слишкомъ настаивали на этой оборотной сторонѣ. Само собою разумѣется, что и нѣтъ ни надобности, ни возможности скрывать отъ себя мрачныя обстоятельства многихъ актовъ реформы; но исторія требуетъ объясненія этихъ явленій, и оно находится: крайности реформы были послѣдствіемъ крайностей прежняго застоя, и личныя излишества Петра въ осмѣяніи старины, конечно, не извинительныя въ главѣ государства, понятны, какъ противовѣсъ ханжеству и лицемѣрію; жестокость Петра была вполнѣ наслѣдіемъ старины, и здѣсь всего меньше могли бы укорять его приверженцы московской старины, видавшей безумныя свирѣпства Ивана Грознаго.

Въ особое преступленіе Петру и «петербургскому періоду» ставили уничтоженіе стараго политическаго быта: съ нимъ кончились земскіе соборы. Но, какъ мы упоминали, это было учрежденіе столь мало крѣпкое, что оно и безъ того вѣроятно кончилось бы собственною смертью,—потому что громадное расширеніе государства и возраставшее усложненіе его внутреннихъ и внѣшнихъ задачъ дѣлали непримѣнимой *эту* форму представительства. Чтобы самое начало могло имѣть мѣсто въ новыхъ

условіяхъ государства, нужна была уже бо́льшая степень политическаго сознанія въ общественной средѣ, и болѣе настоятельная потребность общества въ этого рода самодѣятельности; — между тѣмъ старая Москва развила въ такой степени безграничное самодержавіе и такое безправіе общества, что умаленіе соборнаго начала еще въ XVII вѣкѣ не было никѣмъ почувствовано. Весь распорядокъ внутренней жизни государства издавна считался «государевымъ дѣломъ»; это понятіе перешло въ XVIII-й вѣкъ совершенно опредѣлившимся и во всей своей силѣ; неудивительно, что мысль о какомъ-либо автономическомъ участіи общества въ правительственномъ дѣлѣ застыла, потому что уже давно застывала. Абсолютное господство бюрократіи было только естественнымъ развитіемъ московскаго административнаго порядка. — Итакъ, въ этомъ отношеніи не произошло никакой существенной перемѣны. Власть Петра не сдѣлала ущерба никакимъ старымъ свободамъ или, когда стѣсняла ихъ, то только примѣняла готовые пріемы прежняго порядка. Но едва ли мы ошибемся, сказавъ, что никогда раньше не былъ такъ высоко поставленъ принципъ и интересъ государства: трудъ, который несъ на службѣ ему самъ царь, трудъ неустанный, разумный и плодотворный, былъ, и остался, какъ нѣчто безпримѣрное. Ничего подобнаго, ничего нравственно столь высокаго не видѣла старая Москва, и нѣтъ сомнѣнія, что этотъ примѣръ личной дѣятельности Петра и такой постановки идеи государства имѣлъ бо́льшую долю вліянія на развитіе общественнаго сознанія. — Старая московская Россія не представила такихъ проявленій этого сознанія, какія въ Петровскую эпоху мы видимъ у Посошкова, а вскорѣ потомъ у Ломоносова.

Славянофильская вражда къ Петровской реформѣ не истощилась и имѣетъ даже шансы нѣкотораго успѣха въ извѣстной долѣ общества; но то, что́ прежде было доктринерствомъ школы, теоретическимъ блужданіемъ въ поискахъ за основными началами русской жизни, теперь выродилось въ фактъ настоящаго обскурантизма. Нельзя иначе понять того поношенія петровской реформы, которое соединяется съ фанатическими, и все-таки не очень искренними, призывами «назадъ, домой!» и съ воплями противъ «интеллигенціи», — т. е. образованности, на дѣлѣ столь еще скудной, къ сожалѣнію, въ русскомъ обществѣ и столь ему нужной для массы всякаго рода настоятельныхъ работъ для государства и народа. Какъ мы упоминали, эта вражда къ реформѣ осталась замѣчательно безплодна въ научномъ отношеніи: какъ въ сороковыхъ годахъ, такъ и донынѣ *эта* отрицатель-

ная школа не въ состояніи была провести своего взгляда въ какомъ-либо цѣльномъ научномъ трудѣ, въ чемъ-либо, кромѣ газетныхъ филиппикъ, считающихъ себя въ правѣ отдѣлываться напыщенными фразами отъ дѣйствительно критическаго рассмотрѣнія предмета.

Особенною заслугой новѣйшей исторіографіи было стремленіе раскрыть забытую или пренебрегаемую прежде народную сторону исторіи,—роль народа, его силъ и характера, въ созданіи государства, и судьбу народа въ новѣйшемъ государствѣ. Это историческое вниманіе къ народу было параллельно съ тѣмъ интересомъ, который развивался въ тоже время въ общественныхъ понятіяхъ подъ вліяніемъ крестьянской реформы, и поддерживалось общимъ развитіемъ науки (успѣхи филологіи, бытовой исторіи, этнографіи и наукъ соціально-экономическихъ). Больше чѣмъ когда-нибудь историческая пытливость обращалась къ тѣмъ эпохамъ и явленіямъ исторіи, гдѣ высказывалась дѣятельная роль народа: таковы были эпохи древней исторіи, время вѣчевого устройства и народоправствъ, время народной колонизаціи; далѣе время междуцарствія, когда народное сознаніе спасло государство отъ висѣвшей надъ нимъ опасности; время народныхъ волненій въ концѣ XVII вѣка, время раскола; наконецъ, новѣйшій бытъ народа подъ крѣпостнымъ правомъ, народныя волненія и бунты—результатъ народныхъ тягостей, народные нравы и обычаи. Прежніе историки, занятые всего болѣе политическою исторіей и судьбами верховной власти, мало или совсѣмъ не замѣчали этой стороны событій, или излагали ихъ чисто-внѣшнимъ образомъ, какъ явленія уединенныя, анекдотическія, или наконецъ не имѣли возможности на нихъ останавливаться, потому что этотъ разрядъ былъ удаленъ отъ историческаго изслѣдованія цензурнымъ запрещеніемъ. Во время господства оффиціальной народности, особое запрещеніе легло на описаніе эпохъ народныхъ волненій,—въ томъ числѣ даже временъ междуцарствія: опекуны не догадывались, что именно эта историческая эпоха будетъ, немного времени спустя, считаться эпохой монархической и консервативной доблести русскаго народа, который, спасши государство отъ чужеземнаго нашествія и внутренняго раздора, отдалъ его судьбу въ руки династіи Романовыхъ.

Теперь эти запрещенія (по крайней мѣрѣ для старой исторіи) снялись сами собой, и новыя изслѣдованія восполняли недостатокъ цѣлой отсутствовавшей стороны исторіи. Мы называли

выше труды Костомарова, Забѣлина, Бѣляева, К. Аксакова, Бестужева-Рюмина, Щапова, Аристова и мн. др., труды историковъ быта, историковъ крестьянства, историковъ-юристовъ, этнографовъ и проч. Въ ряду этихъ изслѣдованій особенно важное мѣсто заняли труды о расколѣ.

Мы упоминали прежде, какъ опредѣлялся расколъ у прежнихъ историковъ: было только двѣ точки зрѣнія, совершенно сходныя въ результатѣ—церковно-обличительная и полицейско-слѣдственная. Въ пятидесятыхъ годахъ впервые сказались чисто-историческіе пріемы въ изученіи раскола и вниманіе къ его современнымъ явленіямъ. Однимъ изъ первыхъ трудовъ, составленныхъ въ этомъ смыслѣ, была очень извѣстная книга Щапова (1859). Собственно говоря, эта книга была не свободна отъ крупныхъ недостатковъ: составлявшаяся подъ вліяніемъ духовно-академическаго преподаванія и вмѣстѣ подъ вліяніемъ новаго духа времени, она была смѣшеніемъ двухъ взглядовъ, перемежавшихся въ понятіяхъ автора, — но несмотря на эту теоретическую неясность, авторъ былъ такъ искренно увлеченъ народной стороной раскола, заключавшимися въ немъ проявленіями свободной умственной дѣятельности и общинныхъ инстинктовъ народа, той долею правды, которая была въ протестахъ старообрядчества, что книга произвела большое впечатлѣніе и, при всей невыдержанности, имѣла немалое дѣйствіе на дальнѣйшую постановку историческаго вопроса о расколѣ. Съ тѣхъ поръ въ первый разъ выяснилось, что расколъ вовсе не былъ явленіемъ внезапнымъ, единственнымъ источникомъ котораго было одно грубое и упрямое непониманіе Никоновскаго исправленія церковныхъ книгъ; что напротивъ, онъ находился въ тѣсной связи какъ съ ересями прежнихъ вѣковъ, такъ и съ современнымъ ему состояніемъ церковнаго быта; что въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ могъ не безъ основанія ссылаться на «старую вѣру», которую онъ хотѣлъ сохранять и защищать противъ «новшествъ»,—потому что, дѣйствительно, оставался во многомъ вѣренъ старому обычаю, который былъ распространенъ въ народѣ гораздо шире предѣловъ позднѣйшаго старообрядчества, и отъ котораго только отступили другіе, испуганные крутыми мѣрами церкви и свѣтской власти. Если было видно, съ другой стороны, что многіе изъ первоначальныхъ, а затѣмъ и позднѣйшихъ понятій раскола были слѣдствіемъ невѣжества, то это опять была вина не одного раскола, а всей старой жизни, гдѣ не только народъ, но и высшіе классы были лишены всякой правильной школы, гдѣ было чрезвычайно распространено внѣшне-обрядовое пониманіе рели-

гія и была, слѣдовательно, готовая почва для обрядоваго фанатизма и суевѣрія «буквалистовъ». Неодолимое упорство раскола было именно дѣломъ такого фанатизма, отъ котораго несвободны были и самые обличители; суровыя полицейскія мѣры, принимавшіяся противъ раскола, только увеличивали разстояніе между двумя сторонами. Несомнѣнное распространеніе раскола, совершавшееся наперекоръ всѣмъ гоненіямъ, объясняло, какъ онъ могъ и въ началѣ распространяться въ неудовлетворенныхъ церковью и смущенныхъ массахъ, и вмѣстѣ указывало, что и въ настоящую минуту умственная и нравственно-религіозная жизнь народа стоитъ въ очень неблагопріятныхъ условіяхъ: эти условія облегчали пропаганду и производили новыя секты, иногда крайне превратнаго свойства.

Во всякомъ случаѣ, расколъ былъ однимъ изъ наибольшихъ и печальныхъ недоразумѣній между народомъ, съ одной стороны, и государствомъ и церковью, съ другой. Къ послѣднимъ расколъ относился съ явнымъ отрицаніемъ: въ ихъ власти онъ увидѣлъ господство антихриста. Инымъ показалось, что на этомъ основаніи расколъ есть не только протестъ бытовой и политическій въ XVII-XVIII-мъ вѣкахъ, но представляетъ и въ настоящее время извѣстную политическую силу, противную существующему порядку: въ этомъ смыслѣ фантазировалъ въ особенности Кельсіевъ во время своего заграничнаго агитаторства [1]).

---

[1]) Въ одной изъ послѣднихъ книжекъ „Кіевской Старины“ г. Лѣсковъ, сколько мы думаемъ, взвелъ совершенную небылицу па покойнаго Щапова, приписавши ему —въ его отсутствіе въ семъ мірѣ — едва ли существовавшія дѣянія, предусмотрѣнныя въ уголовномъ законодательствѣ. Въ одной изъ послѣднихъ своихъ статей, упомянувъ о томъ, что въ прежнее, еще не очень давнее время „большинство людей, даже очень умныхъ, смотрѣли на этихъ наивныхъ буквоѣдовъ (старообрядцевъ) какъ на политическихъ злоумышленниковъ и во всякомъ случаѣ недруговъ царскихъ“,— г. Лѣсковъ продолжаетъ: „этого не избѣгали наши старинные законовѣды и новѣйшіе тенденціозные фантазеры въ родѣ Щапова, который принесъ своими мечтательными изъясненіями существенный вредъ нѣжно любимому имъ расколу“ („Кіевская Старина“, 1883, февр., стр. 267). Далѣе, г. Лѣсковъ опять возвращается къ „пустымъ и вреднымъ мнѣніямъ Щапова“, который будто бы „стоялъ горой“ за „политическія задачи, которыя будто бы скрытно содержитъ нашъ русскій расколъ“, и будто бы „увѣрилъ въ томъ даже Герцена“; послѣ чего г. Лѣсковъ передаетъ какія-то темныя сплетни о „крайней лѣвой фракціи“, объ успѣхѣ Щапова въ петербургскомъ литературномъ кругу, восхваляетъ глубокія познанія Павла Ивановича Мельникова и т. п. (тамъ же, мартъ, стр. 521—522). Справившись съ біографіей Щапова, написанной проф. Аристовымъ, близко его знавшимъ, мы убѣждаемся, что сказанное г. Лѣсковымъ о сношеніяхъ Щапова съ Герценомъ есть сплетня, опровергаемая фактами (см. книгу Аристова, стр. 74, и о доносахъ Ничипоренки, стр. 95),— г. Лѣсковъ поступаетъ здѣсь на подобіе того, какъ его авторитетъ, богатый позна-

Первое было до значительной степени справедливо: новыя изслѣдованія указали, что старый расколъ заключалъ въ себѣ не одно сопротивленіе исправленію книгъ, но и церковно-административнымъ пріемамъ Никона и послѣдующихъ правителей церкви; въ петровское время и послѣ присоединилось и недовольство правленіемъ гражданскимъ; расколъ не остался безучастенъ въ народныхъ волненіяхъ, до Пугачевскаго бунта включительно; пассивное сопротивленіе политическому положенію вещей имѣло свою долю въ образованіи сектъ, въ родѣ бѣгуновъ. Но считать расколъ въ настоящее время политической силой, — и такой, что ею могла бы, по планамъ Кельсіева, воспользоваться революціонная пропаганда,—было великимъ заблужденіемъ. Раздраженные фанатики могли мечтать о возвращеніи старины,— какъ мечтаютъ и теперь два - три московскихъ славянофила,— могли пристать къ бунту, выходившему изъ другихъ основаній; но самостоятельной политической силы расколъ никогда не представлялъ, а въ новѣйшее время—менѣе, чѣмъ когда-нибудь.

Несмотря на эти и подобныя преувеличенія, и ошибки, и при всѣхъ внѣшнихъ трудностахъ изслѣдованія, новѣйшее изученіе раскола принесло уже теперь богатые результаты. Старая точка зрѣнія, обличительно-полицейская, имѣетъ еще многихъ представителей; но успѣла утвердиться и другая, внушенная тѣмъ духомъ общественной справедливости, который былъ сильно возбужденъ первыми годами прошлаго царствованія. Эта новая точка зрѣнія впервые оказала расколу историческую справедливость, снявъ или уравновѣсивъ преувеличенныя обвиненія, и съ другой стороны обратила вниманіе на его бытовыя явленія, въ которыхъ обнаруживались иногда замѣчательныя черты самой

ніями Мельниковъ, поступилъ съ г. Ор. Новицкимъ (см. въ книгѣ послѣдняго о духоборцахъ, изд. 2-е). Далѣе, успѣхъ Щапова въ литературномъ кругу былъ очень условный: въ Щаповѣ цѣнили, кромѣ большой начитанности въ русской исторической старинѣ, особенно его энтузіастическую преданность своему убѣжденію и своему народному идеалу,—что не часто встрѣчалось и тогда, а теперь, когда литература все больше наполняется обскурантизмомъ и ренегатствомъ, еще рѣже и должно цѣниться тѣмъ болѣе. Что касается до самаго содержанія взглядовъ Щапова, то они съ самаго начала встрѣтились съ критикой весьма требовательной, въ разныхъ литературныхъ лагерахъ: укажемъ разборъ книги „Расколъ старообрядства“ въ „Современникѣ“ 1859, и разборъ книжки „Земство и расколъ“, написанный Соловьевымъ, въ „Соврем. лѣтописи“ 1863, № 5. Наконецъ, что касается „существеннаго вреда“, принесеннаго расколу „мечтательными изъясненіями“ Щапова, „стоявшаго горой“ за политическія задачи раскола, это остается непостижимымъ, если по словамъ самого Лѣскова, такого мнѣнія о расколѣ держались еще „старинные законовѣды“ (да и не очень старинные, до и послѣ Щапова одинаково). Это замѣчаніе опять остается какой-то темной инсинуаціей.

подлинной русской народности. Какъ обыкновенно бываетъ, подобныя черты, открываемыя въ первый разъ, нерѣдко преувеличивались; расколу приписывалось болѣе широкое содержаніе, чѣмъ онъ представлялъ въ дѣйствительности: такъ это бывало у Щапова, и у нынѣшнихъ нѣкоторыхъ писателей о расколѣ [1]). Новые историки находили, что при началѣ раскола его приверженцами становились въ народной средѣ именно люди болѣе характерные, стоявшіе за свои мнѣнія, готовые выносить за нихъ всѣ грозившія тяготы; наблюдатели современнаго раскола также приходили къ убѣжденію, что въ послѣдователяхъ раскола мы имѣемъ передъ собой особенно развитую часть простого народа. Въ послѣдніе годы одинъ изъ этихъ наблюдателей, указавъ за послѣднія двадцать пять лѣтъ особенное движеніе въ русскомъ сектантствѣ, говорилъ (въ «Отеч. Зап.»): «Въ этомъ движеніи проявилась умственная дѣятельность русскаго народа; въ немъ обнаружилась способность русскаго народа къ творчеству новыхъ формъ жизни; въ немъ проявилась успѣшная борьба народныхъ принциповъ съ вліяніемъ капитала. Въ сектантство идутъ лучшія силы народа; сектантство подвергаетъ критическому анализу всю много объемлющую область человѣческой жизни и отвергаетъ все, не выдерживающее критики; въ сектантствѣ идетъ безпрерывная культурная работа, выражающаяся какъ въ выработкѣ новыхъ принциповъ личной жизни, такъ и въ созданіи новыхъ формъ семейнаго устройства и общественно-экономическихъ отношеній; сектантство создаетъ организацію, которая оказывается способною успѣшно вести борьбу съ все изглаживающимъ, все развращающимъ и все разлагающимъ вліяніемъ капитала; въ сектантствѣ мужикъ поднимается до пониманія явленій политической жизни, до сознанія братства всѣхъ народовъ и до уваженія въ человѣкѣ личности, къ какому бы племени онъ ни принадлежалъ и какую бы ступень въ соціальной лѣстницѣ онъ ни занималъ».—Позволительно усумниться въ критическихъ средствахъ современнаго русскаго сектантства для «анализа всей многообъемлющей области человѣческой жизни» и еще больше усумниться во многихъ рѣшеніяхъ, къ которымъ оно здѣсь приходитъ,—но безспорно, что въ сектантствѣ является передъ нами сильно возбужденная народная мысль, которая внушаетъ къ себѣ живѣйшій интересъ и для которой нельзя не пожелать, во многихъ случаяхъ, большаго простора общественной дѣятельности, и во всякомъ случаѣ—школы.

---

[1]) О послѣднихъ см. ст. г. Харламова: «Идеализаторы раскола» («Дѣло», 1882).

Изученія раскола, произведенныя не въ видахъ криминальнаго заподозрѣнія, а съ этой человѣчной и научной точки зрѣнія, раскрыли въ немъ цѣлое явленіе, чрезвычайно характерное для исторіи до-Петровскаго быта, XVII—XVIII вѣка и современной народной жизни. Если гдѣ въ старину особенно рѣзко сказывалась разница или противоположность между Петровской и московской Россіей, то именно въ этомъ контрастѣ реформы и раскола: здѣсь встрѣтились два опредѣленные быта, два *ученія*.

Разработка источниковъ XVIII вѣка указала и внѣ раскола примѣры протеста противъ нововведеній; историки литературы указываютъ еще въ XVIII в. проявленія сочувствій, направленныхъ назадъ въ старину и почитаемыхъ за предшествіе новѣйшаго славянофильства. Но съ другой стороны выяснялось, что реформа была безповоротнымъ національнымъ дѣломъ: *не только* энергія преобразователя увлекала высшіе классы на служеніе новому государственному и общественному порядку, но самая сила вещей—очевидная необходимость этого новаго порядка въ виду тѣхъ новыхъ отношеній, какія все больше окружали и охватывали государство и требовали иныхъ матеріальныхъ силъ, иного характера образованія, чѣмъ тѣ, какими владѣла до-Петровская Россія. Мы упоминали выше, что еще въ московской Россіи, среди полнаго развитія ея понятій, вкусовъ и обычаевъ, высказались самыя очевидныя стремленія къ усвоенію западныхъ знаній, искусствъ и художественныхъ развлеченій. Подъячій Котошихинъ, этотъ отрицатель традиціоннаго застоя, выросъ въ старинной московской средѣ. Въ XVIII-мъ вѣкѣ, крестьянинъ Посошковъ, стоящій одною ногою въ той же старинѣ, является, однако, рѣшительнымъ приверженцемъ реформы и приноситъ свой взглядъ на защиту новаго просвѣщенія. Великимъ дѣятелемъ просвѣщенія въ духѣ реформы сталъ другой крестьянинъ, Ломоносовъ, противъ котораго не осмѣливались возставать новѣйшіе заклятые враги «петербургскаго періода».

Восемнадцатый вѣкъ и первая половина девятнадцатаго, можно сказать, впервые стали доступны исторіи въ послѣднее двадцатипятилѣтіе. До тѣхъ поръ возможна была для нихъ только исторія оффиціозная, панегирическая, въ державинскомъ духѣ, съ громомъ побѣдъ, неизмѣнно мудрымъ, благодѣтельнымъ правленіемъ. Исторія говорила только объ оффиціальныхъ показныхъ фактахъ, умалчивала слишкомъ многое о дѣйствительной жизни, о положеніи народныхъ массъ, не касалась оборотной стороны медали, не подозрѣвала умственной жизни общества. Мы упоминали о томъ, какая перемѣна произошла въ исторической ли-

тературѣ, когда уменьшились цензурныя помѣхи къ изученію новыхъ вѣковъ; вслѣдъ затѣмъ, какъ явилась возможность пользоваться архивными источниками, литература наводнилась множествомъ любопытныхъ архивныхъ документовъ и частнаго историческаго матеріала—записокъ, дневниковъ, переписки, воспоминаній, переводовъ иностранныхъ сочиненій и пр. и пр. Въ этихъ свѣдѣніяхъ раскрывались самыя разнообразныя стороны нашего прошлаго: начиная съ исторіи дворцовой, которая передъ тѣмъ была совершенно недоступна для литературы, исторія дипломатическая, административная, исторія литературы, образованія, нравовъ и т. д. Правда, за исключеніемъ «Исторіи» Соловьева и книги г. Костомарова («Жизнеописанія»), только еще начавшей разсказъ о XVIII-мъ вѣкѣ, не появилось еще ни одного цѣльнаго труда о прошломъ столѣтіи; самое сочиненіе Соловьева, какъ извѣстно, въ послѣднихъ томахъ, было больше хронологическимъ сопоставленіемъ мало или совсѣмъ не обработаннаго матеріала, чѣмъ исторіей; собранныя свѣдѣнія остаются еще всего чаще въ состояніи сырого матеріала, немногихъ частныхъ изслѣдованій, разсказовъ анекдотическаго свойства,—но, тѣмъ не менѣе, въ литературное обращеніе вошло множество фактическихъ данныхъ, которыя нерѣдко сами по себѣ были уже достаточно краснорѣчивы и вообще въ первый разъ давали о нашемъ XVIII и даже XIX-мъ вѣкѣ нѣсколько отчетливое понятіе.

Къ прежней показной исторіи прибавилась теперь интимная исторія дворцовыхъ переворотовъ и правительственнаго круга, послѣ Петра и до Александровскихъ временъ: исторія Іоанна Антоновича и его семьи; вступленіе на престолъ Екатерины II, Павла, Александра; исторія княжны Таракановой, фаворитовъ импер. Екатерины и т. п.; біографическія исторіи выдающихся лицъ—графовъ Разумовскихъ, Орловыхъ, Воронцовыхъ, гр. Безбородка, Бецкаго, и позднѣе Румянцова, Мордвинова, Сперанскаго, Аракчеева и т. д. Масса вновь изданныхъ мемуаровъ, начиная съ Петровскихъ временъ, какъ Неплюева, священника Лукьянова, и позднѣе—какъ записки Добрынина, Храповицкаго, кн. Дашковой, Гарновскаго, Винскаго, Болотова, и еще новѣе, какъ Саблукова, Котлубицкаго, Растопчина, Чичагова и т. д., давали любопытныя картины отчасти придворной жизни, но особенно жизни общественной. Изслѣдованы были съ бо́льшимъ чѣмъ прежде вниманіемъ, многіе эпизоды умственной жизни общества, какъ дѣятельность Ломоносова, какъ первыя начала нашей журналистики и сатиры; въ монументальномъ изданіи «Державина» г. Грота выяснилась дѣятельность «пѣвца Екатерины»

со множествомъ подробностей о современныхъ отношеніяхъ; впервые изучена обстоятельно дѣятельность Новикова, и по ея поводу изслѣдована исторія русскихъ масонскихъ ложъ, мистическихъ сектъ и направленій конца прошлаго и начала нынѣшняго столѣтія; всплыла послѣ многихъ десятковъ лѣтъ молчанія, исторія Радищева и его книги (хотя самая книга все еще не могла получить права гражданства); наконецъ, выяснился характеръ собственной литературной дѣятельности импер. Екатерины II,—и въ результатѣ всего этого судьба русскаго просвѣщенія въ прошломъ столѣтіи явилась въ новыхъ чертахъ, не совсѣмъ отвѣчавшихъ старому панегирическому представленію...

Повторяемъ, что историческія работы по XVIII-му вѣку могутъ назваться еще только начатыми; изданный матеріалъ далеко недостаточенъ для полной исторіи; литературныя условія все еще не даютъ мѣста вполнѣ свободной исторической критикѣ—какъ вообще относительно всего новѣйшаго историческаго періода,—тѣмъ не менѣе, существующій матеріалъ даетъ возможность нѣкоторыхъ общихъ заключеній.

Исторія XVIII вѣка убѣждаетъ въ необходимости произведенной реформы для государства и общества, и скорѣе въ скудости, чѣмъ въ излишествѣ принесенныхъ его новыхъ образовательныхъ средствъ и понятій.—Нынѣшніе «самобытники», враги Петровской реформы, любятъ ссылаться на внѣшнее могущество русскаго государства,—но очевидно, что уже одно распространеніе территоріи, совершенное съ XVIII-го вѣка, могло быть достигнуто только путемъ лучшей организаціи государственныхъ силъ послѣ реформы, что оно никакъ не могло быть пріобрѣтено тѣми средневѣковыми средствами, какія употребляла старая московская Россія. Для одного самостоятельнаго устройства военной силы требовался иной запасъ знаній, иной способъ образованія. «Самобытники» не отрицаются отъ завоеваній временъ Петра и Екатерины, отъ славы военныхъ подвиговъ, отъ Румянцовыхъ и Суворовыхъ, отъ славы писателей и поэтовъ, отъ Ломоносова, Державина, Новикова: но что же были эти дѣятели, какъ не продолжатели и примѣнители дѣлъ и идей реформы? Позабывшись, «самобытники» начинаютъ иногда упрекать нынѣшнія поколѣнія примѣрами изъ XVIII-го вѣка, но вѣдь это и былъ «петербургскій періодъ»?

Затѣмъ, изучая въ XVIII-мъ вѣкѣ дальнѣйшую судьбу реформы, ея развитіе или ея застой и извращеніе, мы убѣждаемся снова, что она не была вовсе такимъ «переворотомъ», такимъ «разрывомъ» съ истинно національными началами, какъ ста-

раются увѣрить современные обскуранты. Существенное, чтó она внесла неизвѣстнаго старой жизни, было признаніе важнаго значенія науки, какъ свѣтскаго и независимаго знанія, и высоко поставленное понятіе о службѣ всѣхъ государству—ни то, ни другое не противорѣчило русской народности: политическія цѣли, поставленныя Петромъ и сохраняемыя его преемниками,—даже у злѣйшихъ противниковъ реформы признаются отвѣчавшими интересамъ русскаго государства. Но въ особенности осуждаются средства, принятыя Петромъ и продолжавшія господствовать въ «петербургскомъ періодѣ»: подражаніе иноземнымъ формамъ управленія, перениманіе чужихъ обычаевъ и т. д. Но, не защищая крайностей Петра, надо же признать, что многое было для него неизбѣжно: иноземное устройство войска или флота было, напр., необходимо,—потому что свое было негодно, и ему некогда было придумывать русскихъ формъ и именъ для принятыхъ нерусскихъ вещей; введеніе чужихъ обычаевъ приходило естественно какъ противовѣсъ тѣмъ старымъ обычаямъ, которыхъ онъ имѣлъ основаніе не любить. «Петербургскій періодъ» въ этомъ отношеніи весьма усердно слѣдовалъ поданному примѣру. Иноземные обычаи продолжали распространяться и послѣ Петра, и еще въ болѣе сильной степени, напр. при Елизаветѣ, которой, однако, приписывается «русское» направленіе, и особенно при Екатеринѣ, когда не только усиливались иностранныя моды въ свѣтской жизни, но когда сама императрица распространяла моду на французскія либеральныя идеи. Послѣ стало распространяться подражаніе нѣмецкому фрунтовому милитаризму и т. д. Подражаніе иностраннымъ обычаямъ въ высшемъ и среднемъ дворянскомъ классѣ, возводимое теперь не только въ легкомысленное заблужденіе, но въ настоящее преступленіе противъ народности, какъ извѣстно, еще съ прошлаго вѣка возбуждало строгія осужденія негодующихъ патріотовъ и вызвало цѣлую литературу «сатирическихъ» обличеній; но рѣдко кому изъ старинныхъ и новѣйшихъ обличителей приходило въ голову, что эта подражательность имѣла весьма основательную причину, а именно—отсутствіе въ старомъ быту формъ общественности: ихъ и должны были доставить ассамблеи, публичные праздники, театръ, газета и т. д.,—все это и приходилось перенимать съ «Запада». Наше время не очень вправѣ осуждать старину «петербургскаго періода», потому что продолжаетъ и донынѣ, несмотря ни на что, брать съ запада подобныя формы общественности: новѣйшія формы спектаклей, публичныхъ лекцій, телеграфовъ, телефоновъ, журналистики, до иллюминацій, флаговъ на

домахъ и т. п. Далѣе, если иностранные обычаи брали силу (какъ думаютъ, незаконную) надъ старымъ русскимъ обычаемъ, значитъ, послѣдній самъ не имѣлъ достаточной внутренней силы и не могъ удовлетворить тѣмъ потребностямъ знанія и общественности, какія являлись съ реформой. Мало обращали вниманія и на другое обстоятельство,—что если было (и иногда дѣйствительно было) зло и темныя стороны въ заимствованномъ иноземномъ обычаѣ, и однако обличеніе оставалось, какъ это извѣстно, недѣйствительнымъ, то вѣроятно былъ какой-нибудь недостатокъ или ошибка въ самомъ обличеніи: или оно направляемо было невѣрно, не на дѣйствительную причину зла, или выставляло взамѣнъ обличаемаго что-нибудь еще болѣе слабое и странное. Такими недостатками, за немногими исключеніями, дѣйствительно и отличалась морализирующая сатира прошлаго вѣка; тамъ, гдѣ она покушалась сказать правду, указать дѣйствительное зло, ей зажимали ротъ,—какъ Новикову и Радищеву, а также и фонъ-Визину. Позднѣе, полемика противъ «галломаніи» сводилась бòльшею частью на пустословіе, или на лицемѣріе, а иной разъ была и просто смѣшна, какъ напр. полемическія писанія Шишкова.

Ближайшее изученіе XVIII вѣка указываетъ также настоящіе размѣры той «оторванности отъ народныхъ началъ», какая приписывается нововведеніямъ Петра. Первые преемники Петра не въ силахъ были достойнымъ образомъ продолжать его дѣло; оно держалось только силой инерціи: еслибы, дѣйствительно, оно было такимъ нарушеніемъ національной сущности, какъ объ этомъ твердятъ, то въ этихъ условіяхъ неизбѣжна была бы реакція—національная старина, освободившись отъ гнета личности преобразователя, должна была бы воспрянуть снова, заявить свое историческое право, удалить чужеземщину, внесенную въ жизнь рукой «произвола». Если когда-нибудь, то именно въ полустолѣтіе отъ смерти Петра до воцаренія Екатерины II могла бы совершиться старо-московская реставрація; но она не совершилась. Во-первыхъ, слишкомъ ясно было, что все основное въ реформѣ было настоятельно нужно; во-вторыхъ, если было въ ней что-нибудь поспѣшно насаждаемое, или излишнее, или очень отзывавшееся иноземнымъ, то для переработки этого требовалось время и бòльшая степень сознанія и въ обществѣ, и въ самой правительственной сферѣ; а вещи второстепенныя безъ особенныхъ заботъ отпадали. Вмѣсто реакціи мы наблюдаемъ въ тогдашней правительственной и общественной жизни совершенно обратное: она весьма легко воспринимала реформу; какъ прави-

тельственная власть считала долгомъ заявлять свое почтеніе къ дѣламъ Петра, такъ новые пріемы жизни крѣпко усвоивались въ служебной области и нравахъ. Правда, первая наука давалась туго; тяжелое на подъемъ дворянство жаловалось, когда однихъ требовали на службу, другихъ въ науку,—но такъ бывало и въ древнемъ Кіевѣ, когда Владиміръ велѣлъ брать въ ученье дѣтей «нарочитое чади». Но въ школѣ и службѣ временъ Петра, когда онъ самъ давалъ такой рѣдкій и поражающій примѣръ неустаннаго труда, было столько серьезнаго дѣла, что въ умахъ осталось сильное впечатлѣніе нравственной обязанности частнаго лица къ обществу и государству. Этого настроенія нельзя не видѣть въ «слугахъ Петровыхъ», и довольно указать на Посошкова, чтобы убѣдиться, какъ оно овладѣвало и разумными людьми, стоявшими далеко отъ всякой власти, но понимавшими значеніе своего времени. Здѣсь возникали начатки того общественнаго мнѣнія, которое медленно, но больше и больше растетъ съ тѣхъ поръ, внося въ пассивное общество все болѣе дѣятельное сознаніе. Просвѣтительные элементы принимались всѣми пробужденными умами съ такимъ горячимъ участіемъ, что было бы ослѣпленіемъ не видѣть въ этомъ большого историческаго факта и доказательства именно *національнаго* успѣха реформы.

Въ этомъ распространеніи общественнаго сознанія заключается нравственный результатъ реформы для общества, и историческій интересъ его внутренней жизни съ прошлаго вѣка и до нашего времени. Съ теченіемъ времени выростаетъ отсюда и укрѣпляется *самостоятельное* движеніе общественной жизни. Правительственная власть содѣйствовала этому однимъ—мѣрами въ пользу просвѣщенія; но мѣры были, въ общемъ счетѣ, весьма скудны: со времени основанія академіи наукъ,—влачившей въ первое время весьма жалкое существованіе, когда уже не было человѣка, ее задумавшаго,—только въ 1755 году основанъ былъ московскій университетъ, единственный на цѣлое столѣтіе, и также долгіе годы не бывшій въ состояніи широко работать для русскаго просвѣщенія. Если прибавить еще двѣ духовныя академіи, въ Кіевѣ и Москвѣ, то мы назовемъ всѣ высшія ученыя и учебныя заведенія имперіи прошлаго вѣка. Но при всей скромности образовательныхъ средствъ, литература представляетъ замѣчательное развитіе, которое надо поставить на счетъ собственнымъ силамъ общества.

Исторія литературы прошлаго вѣка опять свидѣтельствуетъ о большой постепенности перехода отъ московской старины къ

«петербургскому періоду», слѣдовательно объ естественномъ развитіи, а не «насильственномъ» переворотѣ. Конецъ XVII вѣка ознаменованъ сильными вліяніями западными, особливо черезъ Кіевъ и Польшу, а отчасти и прямо, которыя обнаруживаются значительнымъ числомъ переводовъ; при Петрѣ эта литература умножилась цѣлымъ рядомъ переводовъ сочиненій образовательнаго характера, — литература поэтическая еще отсутствуетъ. Когда она появляется потомъ въ первый разъ, она перенимаетъ господствующія формы западнаго псевдо-классицизма и его условное содержаніе, перенимаетъ сначала весьма грубо, не умѣетъ справиться съ языкомъ, — не находя русскихъ выраженій, мѣшая русскую грамматику съ славянской, — не можетъ достигнуть тѣни литературнаго изящества. Содержаніе перваго стихотворства, начиная съ Тредьяковскаго и до самого Карамзина, — гдѣ касается интереса общественнаго, — есть полуоффиціально-служебное, какъ ода и панегирикъ высокимъ особамъ; но уже у Ломоносова является и самостоятельная поэтическая мысль, а затѣмъ все больше развивается въ литературѣ стремленіе къ свободной художественной дѣятельности и къ выраженію общественнаго мнѣнія, настолько свободному, насколько можно было при господствѣ строгой и подозрительной опеки. — Къ этому мы возвратимся дальше.

Изданіе множества новыхъ матеріаловъ о XVIII-мъ вѣкѣ, — особливо всякихъ дневниковъ, переписокъ, и т. п., рисующихъ непосредственно простую домашнюю сторону жизни, — только подтверждаетъ тó, что извѣстно было и безъ того по преданію о нашихъ прадѣдахъ, именно, что люди «петербургскаго періода», т. е. тогдашній образованный, болѣе или менѣе, классъ, люди, будто бы «оторванные отъ почвы» западною цивилизаціей, были въ сущности самые русскіе люди, во всякомъ случаѣ не меньше, или даже больше русскіе, чѣмъ многіе изъ нынѣшнихъ газетныхъ «самобытниковъ»; ближе стояли къ старымъ преданьямъ, лучше, по своему времени, знали и понимали народъ и народный бытъ, — хотя и были, дѣйствительно, оторваны отъ него въ силу учрежденій, именно въ силу крѣпостного права (утвердившагося вовсе не въ «петербургскій періодъ»). Прочтите напр. записки образованнаго помѣщика Болотова; записки или біографіи дѣловыхъ людей, какъ Неплюевъ, Татищевъ; ученыхъ людей, какъ Ломоносовъ, какъ многіе профессоры тогдашняго единственнаго университета; прочтите даже разсказы объ иныхъ важныхъ барахъ того времени; припомните «Семейную Хронику» и т. д., и т. д., — смѣшно говорить, чтобы всѣ

эти люди были менѣе русскіе, чѣмъ нынѣшніе «самобытники». Были конечно тогда люди, офранцуженные воспитаніемъ и вліяніями высшаго круга,—но такіе люди (которыхъ и теперь немало) принадлежали своей особой сферѣ, были бы чужды народу, еслибъ говорили на чистѣйшемъ русскомъ языкѣ и соблюдали внѣшнимъ образомъ русскіе обычаи: они,-дѣйствительно, были оторваны отъ русской жизни извѣстными сторонами сословнаго быта; и появленіе этого типа должно быть отнесено къ его дѣйствительнымъ причинамъ, и никакъ не можетъ быть отождествлено съ просвѣщеніемъ XVIII вѣка и только ему поставлено на счетъ. Истинное дѣйствіе просвѣщенія шло въ иныхъ кругахъ, и въ теченіе настоящаго нашего обзора можно было видѣть, что напротивъ оно именно вело къ національно-общественному сознанію и къ нравственному единенію съ народомъ.

Настоящимъ выраженіемъ нашего просвѣщенія прошлаго вѣка можетъ служить литература, при всей указанной выше слабости ея первыхъ шаговъ и при всей зависимости ея отъ неблагопріятныхъ внѣшнихъ условій. Начатки ея были, дѣйствительно, грубы, неловки, неровны; предшествующая эпоха передала XVIII-му вѣку только ученыхъ богословъ, ученыхъ стариннаго духовно-академическаго типа,—да и тѣхъ еще немного; образованіе другого рода едва начиналось,—между тѣмъ новый періодъ національной жизни вызывалъ очевидно новую литературу, совершенно иного склада и содержанія. Впервые выдѣлялся особый кругъ, не сословный, не служило-чиновническій—такъ называемое *общество:* его силами и для его потребностей возникала литература въ томъ смыслѣ, въ какомъ она давно уже утвердилась въ жизни европейской. Эта литература не ограничивалась по прежнему особымъ классомъ книжниковъ, обученныхъ на полу-церковный ладъ, и обращалась ко всему кругу образованныхъ людей; ея содержаніе обнимало свѣтскую мысль, науку, поэзію, общественные интересы; она должна была говорить не на старомъ славяно-русскомъ языкѣ, который велся только въ книгахъ, а на живомъ языкѣ, на которомъ всѣ говорили. Этого рода литература предполагала потребность въ знакомствѣ съ произведеніями другихъ народовъ, съ ихъ научными знаніями, болѣе развитой общественной мыслью и поэзіей, и естественно, подпала ихъ вліяніямъ. Съ тѣхъ поръ и долго послѣ, въ сущности и донынѣ, наша литература развивалась подъ сильнымъ образовательнымъ воздѣйствіемъ западно-европейскимъ, — испытывая, правда, всегда въ очень сглаженной формѣ и урѣзанномъ объемѣ, многоразличныя ступени, которыя переживала западная, преиму-

щественно нѣмецкая и французская литература. Такъ проходили въ нашей литературѣ, слѣдомъ за силлабическими виршами XVII столѣтія, торжественная панегирическая ода, псевдо-классическая драма и всякія формы французскаго стихотворства половины прошлаго вѣка, потомъ мистическій піэтизмъ, сантиментальное направленіе, романтика разныхъ оттѣнковъ.

Новѣйшая исторіографія литературы, въ противоположность или, лучше сказать, въ дополненіе историко-эстетической критики Бѣлинскаго, обратила свои разслѣдованія именно на эти многоразличные источники литературныхъ идей, на общественно-культурную сторону ихъ содержанія, на ихъ вліяніе и отраженія во внутренней исторіи общества. Правильный историческій выводъ возможенъ только послѣ анализа фактовъ и направленій жизни, и новѣйшіе историки полагали свой трудъ именно на эту аналитическую работу и успѣли собрать и освѣтить много фактовъ литературы, которые были вмѣстѣ и фактами общественныхъ понятій, идеаловъ, выроставшаго въ тревожней борьбѣ сознанія. Оказывалось, разумѣется, что западныя вліянія, на которыя такъ любятъ теперь сваливать всякія бѣды русской жизни, были сильными двигателями, безъ которыхъ были бы немыслимы многія замѣчательнѣйшія пріобрѣтенія русской образованности; что эти вліянія не падали съ неба, какъ случайность, и не были намъ ни навязаны западомъ, которому въ этомъ отношеніи не было до насъ никакого дѣла, ни навлечены съ нашей стороны легкомысленнымъ произволомъ отдѣльныхъ лицъ, — но напротивъ, были естественнымъ фактомъ нашего развитія, и призывались къ содѣйствію лучшими и просвѣщеннѣйшими умами нашего общества и самой предержащей властью. Недаромъ случилось, что Екатерина II оказывала особенное покровительство самымъ передовымъ представителямъ французскаго свободомыслія, покровительство, какого они не видѣли ни у себя дома, ни при какомъ либо иномъ дворѣ. Правда, Екатерина была женщина чрезвычайно разсчетливаго, сухого ума, и имѣла при этомъ свои соображенія, но несомнѣнно, что идеи французскихъ свободныхъ мыслителей тѣмъ не менѣе производили на нее сильное впечатлѣніе въ ея первую свѣжую пору. Западъ былъ въ прошломъ вѣкѣ главнѣйшимъ источникомъ нашей научной образованности; онъ далъ нашей литературѣ тѣ формы, которыя были ей нужны въ ея новомъ періодѣ; онъ давалъ выработанныя философскія и общественныя понятія,—его отношеніе къ русскому движенію опредѣляется просто тѣмъ, что сама русская образованность искала себѣ въ немъ опоры, воспринимая изъ

разнообразнаго содержанія запада то, что̀ указывалось потребностями русской мысли и общественности. Новыя изслѣдованія привели тому множество ясныхъ наглядныхъ доказательствъ. Вопли противъ запада, вознамѣрившагося испортить нашу національную жизнь,—просто историческая безсмыслица [1]).

Когда новому порядку вещей, «петербургскому періоду» ставятъ въ вину его различныя темныя стороны, крупныя бѣдствія и мелкія каррикатурныя явленія (гдѣ этого нѣтъ?), то обыкновенно не думаютъ разбирать, гдѣ могъ быть главный корень того или другого темнаго факта, и не бывалъ ли онъ иногда плодомъ именно самой сохранявшейся старины, которая въ сущности продолжала сильно господствовать и въ общемъ внѣшнемъ складѣ жизни и множествѣ ея частныхъ отношеній. Такъ, неизмѣннымъ остался общій характеръ центральной власти и быта, таковъ привычный произволъ администраціи, такова испорченность судейскихъ нравовъ. Господство крѣпостного права, обезпеченность и лѣнивый досугъ значительной части дворянства, скудное образованіе, отсутствіе интересовъ и дѣятельности общественной, достаточны были, чтобы произвести тотъ типъ людей, «оторванныхъ» отъ русской почвы—пустыхъ франтовъ и «петиметровъ», или даже и не пустыхъ людей, «беззаботныхъ» на счетъ русской жизни и литературы, какихъ изображала наша «сатира» прошлаго вѣка и до недавняго еще времени рисовали наша повѣсть и романъ. Но очевидно, что возводить этихъ людей въ обычное явленіе нѣтъ никакой исторической возможности, а тѣмъ менѣе видѣть въ нихъ представителей образованности «петербургскаго періода». Напротивъ; и въ высшихъ областяхъ образованія, и въ среднемъ обиходѣ понятій сдѣланы были важныя пріобрѣтенія, которыя зарождаются именно въ XVIII-мъ вѣкѣ, какъ слѣдствіе нѣкоторой образованности, и должны были возрастать съ ея успѣхами. Это были пріобрѣтенія общественнаго мнѣнія,—какъ мы выше упоминали [2]). Должно помнить, что условія были очень мало благопріятны для его развитія: старые пріемы власти, нимало не ослабѣвшіе съ XVII-го вѣка

---

[1]) Факты о западныхъ литературныхъ вліяніяхъ съ конца XVII вѣка указаны въ большомъ количествѣ и часто весьма обстоятельно объяснены въ извѣстной книгѣ г. Галахова. Въ послѣднее время систематическій обзоръ исторіи „Западныхъ вліяній въ р. литературѣ“ сдѣланъ Алексѣемъ Веселовскимъ (1883).

[2]) Надо замѣтить еще одно обстоятельство: о бытѣ XVII-го столѣтія мы знаемъ безъ всякаго сравненія меньше, чѣмъ о XVIII-мъ вѣкѣ. Но и то, что̀ мы знаемъ, не даетъ безпристрастному историку повода къ сожалѣніямъ о томъ, что XVII-й вѣкъ смѣнился XVIII-мъ.

и только окруженные новыми внѣшними аксессуарами, никакъ не допускали какой либо самобытности мыслей и дѣйствій общества; строгая опека лежала на всемъ бытѣ, матеріальномъ и нравственномъ; самое просвѣщеніе, распространяемое, какъ мы видѣли, въ весьма умѣренномъ количествѣ, было подъ неизмѣннымъ надзоромъ,—чтобъ судить объ его свойствахъ, должно вспомнить, въ концѣ столѣтія, дѣла Новикова и Радищева, гдѣ шла рѣчь, ни болѣе, ни менѣе, какъ о смертной казни!—но тѣмъ не менѣе общественная мысль продолжала работать при всѣхъ стѣсненіяхъ, охватывала все новые предметы; образованіе будило инстинкты добра и справедливости, внушало возвышенные идеалы нравственнаго и общественнаго совершенствованія. Въ XVIII вѣкѣ были уже здоровые и крупные опыты русской науки, замѣчательные образчики новой поэзіи, начинается сознательная сатира и публицистика, которой невозможно отказать—по условіямъ времени—ни въ вѣрныхъ мысляхъ, ни въ гражданской смѣлости; возникаетъ интересъ къ изученію народной жизни, въ которомъ имѣетъ свой первый корень современное народничество.

Съ такимъ наслѣдіемъ отъ прошлаго вѣка начинается XIX столѣтіе.

Угнетенное положеніе нашей литературы и науки было таково, что только въ послѣднее двадцатипятилѣтіе началась первая дѣйствительная разработка русской новѣйшей исторіи. Должно было пройти сорокъ лѣтъ съ конца царствованія Александра I, чтобы въ нашей домашней литературѣ могли появляться на свѣтъ первые правдивые и безпристрастные разсказы и изслѣдованія о той эпохѣ, чтобы могъ быть услышанъ голосъ современника: сколько событій, и чрезвычайно любопытныхъ и характерныхъ, оставались закрыты отъ историческаго изслѣдованія, какъ государственная тайна. Царствованіе имп. Павла, воцареніе Александра I, первая либеральная эпоха его правленія, исторія Сперанскаго, записки Карамзина, реакція послѣ наполеоновскихъ войнъ, личность и подвиги Аракчеева, Библейское общество, масонскія ложи, тайныя политическія общества, Семеновская исторія и т. д.,—все это было недоступно для разсказа, или даже для простого упоминанія. Не вполнѣ стала доступна вторая четверть столѣтія, сплошная эпоха консервативнаго застоя и господства милитаризма, закончившаяся трагически крымскою войной,—времена были еще слишкомъ близки, но именно вслѣдствіе крымской войны, смыслъ исхода которой былъ всѣмъ очевиденъ, сталъ разъясняться въ главахъ общества и смыслъ цѣлой системы, цѣлаго историческаго періода. Это критическое отношеніе

къ недавнему прошедшему высказалось въ самые первые годы прошлаго царствованія, и затѣмъ наводнившіе литературу историческіе документы разнаго рода больше и больше разъясняли эпоху, за которой слѣдовалъ періодъ преобразованій и которая сдѣлала преобразованія особенно настоятельными. Время было характеристическое; николаевская система въ свое время въ огромной массѣ общества считалась наилучшей, почти идеальной государственной системой, далеко превосходящей всякія европейскія учрежденія; на «гніющую» Европу смотрѣли съ пренебреженіемъ,—исторія послужила повѣркой этого идеала. Съ новаго царствованія, съ половины пятидесятыхъ годовъ начинается небывалое прежде развитіе публицистики, поднятой въ особенности первыми заявленіями о крестьянской реформѣ: она ввела въ литературное обращеніе множество разнообразныхъ и существенно важныхъ вопросовъ внутренней жизни (а также и внѣшней политики) и сдѣлала много усилій къ тому, чтобы распространить въ обществѣ здравое пониманіе совершающихся фактовъ.

Таковы были успѣхи нашего историческаго знанія за послѣднія двадцать-пять лѣтъ. Въ немъ еще слишкомъ много едва начатаго, недодѣланнаго; много фактовъ остается собирать, критикѣ много дѣла надъ ихъ правильнымъ анализомъ,—тѣмъ не менѣе, оно и теперь дало богатый запасъ свѣдѣній, особливо сравнительно съ прежнимъ. Многіе, и важные, періоды и явленія нашей исторіи положительно впервые вошли въ историческую книгу, т.-е. русская научная и общественная мысль впервые знакомилась нѣсколько полно съ прошедшимъ, могла отдавать себѣ отчетъ въ смыслѣ собственной исторической жизни. Правда, много остается еще труда впереди: общее положеніе науки, полупризнаваемой, не обезпеченной отъ всякихъ случайностей связано конечно съ непривычкой къ свободной критикѣ въ самомъ обществѣ, и поученія исторіи слишкомъ часто остаются безплодны.

Съ тѣмъ или другимъ пониманіемъ исторіи соединяются, конечно, и различные взгляды на современное положеніе вещей. На исторіографію распространилось дѣленіе общественныхъ партій; главнымъ пунктомъ дѣленія остается, еще съ сороковыхъ годовъ, отношеніе къ Петровской реформѣ, отрицаніе которой и вообще предпочтеніе старины новымъ временамъ считается признакомъ «самобытнаго» національнаго взгляда. Мы видѣли также, что инымъ защитой національнаго достоинства кажется даже

отрицаніе норманскаго происхожденія варяговъ. Мы видѣли, что такое исканіе идеаловъ назади исторіи часто совпадаетъ съ современнымъ обскурантизмомъ, и къ сожалѣнію, въ послѣднее время онъ очень распространенъ; но, какъ и естественно, подобная точка зрѣнія до сихъ поръ не могла создать ни одного цѣльнаго произведенія, чтобы научнымъ образомъ доказать свои положенія на цѣломъ пространствѣ русской исторіи.

Если мы будемъ искать основныхъ чертъ, отличающихъ исторіографію послѣднихъ десятилѣтій, то, кромѣ общаго умноженія научныхъ средствъ предмета, можно указать двѣ особенности. Это, во-первыхъ, распространеніе реальнаго историческаго метода. Продолжались, конечно, и теперь теоретическіе, или просто фантастическіе, толки объ особенномъ «духѣ» русскаго народа, объ его провиденціальномъ предназначеніи, и т. п., но въ научной сторонѣ дѣла все болѣе распространяется пріемъ реальной критики—отъ археологическихъ изысканій о древностяхъ русской территоріи, антропологическихъ соображеній о происхожденіи и свойствахъ племени, отъ опредѣленія вліяній почвы и климата, земледѣльческаго труда и промысла, до изслѣдованій объ условіяхъ историческихъ, окружавшихъ развитіе народа и государства, о складѣ экономической жизни, объ источникахъ народнаго міровоззрѣнія и поэзіи и т. д. Во всѣхъ этихъ изслѣдованіяхъ все больше усиливается стремленіе къ прочному установленію жизненнаго факта, къ всестороннему объясненію его источниковъ и послѣдствій,—конечно единственный способъ, которымъ можетъ быть достигаемъ правильный историческій выводъ. Другую отличительную черту новѣйшей исторіографіи, по содержанію, составляетъ усиленный интересъ къ общимъ явленіямъ внутренней жизни, и особенно къ жизни народной. Какъ мы уже замѣчали, судьба «народа» — въ спеціальномъ смыслѣ народныхъ массъ, главной основы племени, трудового крестьянства—никогда прежде не бывала предметомъ такого вниманія какъ именно теперь. Источникъ этого вниманія былъ частію общественный, но частію и чисто научный: не только въ общественномъ смыслѣ можно было желать разъясненія судьбы милліоновъ народа, впервые вступавшихъ въ среду гражданскаго общества, желать воспользоваться и знаніемъ прошлаго для лучшаго опредѣленія его современнаго положенія, идеаловъ и потребностей; но и въ смыслѣ научномъ было необходимо изучить, наконецъ, эту забытую сторону исторіи, эту этнологическую основу, силами которой совершалось историческое движеніе. Два мотива изученія, сейчасъ указанные, дѣйствовали несходно, какъ потребность нравствен-

ная и потребность научная: одинъ мотивъ легко велъ къ идеализаціи, къ теоретическимъ, даже иногда поэтическимъ преувеличеніямъ предполагаемаго отвлеченнаго содержанія народности и ея бытовыхъ формъ; другой мотивъ заставлялъ искать строгихъ фактовъ и практическихъ данныхъ. Мотивы не всегда были разъединены, напротивъ, очень часто соединялись, въ разныхъ степеняхъ, въ одномъ писателѣ, и общественный идеализмъ въ трудахъ такихъ писателей производилъ особенное дѣйствіе, возбуждалъ новыя сочувствія и вызывалъ къ дальнѣйшему изслѣдованію человѣчныхъ и возвышенныхъ сторонъ народности (напр. Герценъ—въ сочиненіяхъ, имѣющихъ отношеніе къ этому вопросу; Константинъ Аксаковъ; частію Щаповъ, и др.),—хотя бы эти труды иногда не вполнѣ отвѣчали требованіямъ исторической критики. Вообще, обѣ точки зрѣнія часто дѣйствовали параллельно, дополняя и поправляя другъ друга; но распространяющееся господство реальнаго критическаго метода все болѣе удаляетъ изъ исторіографіи идеалистическій произволъ. Историческое изученіе народа и народности все усложняется вступленіемъ въ него различныхъ частныхъ изслѣдованій — историко-юридическихъ, экономическихъ, соціально-бытовыхъ, этнографическихъ и пр.; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, самая задача опредѣляется все строже.—Въ послѣдніе годы, среди общественной неурядицы средній уровень литературнаго пониманія положительно понизился; но трудно думать, чтобы научныя пріобрѣтенія послѣднихъ десятилѣтій остались надолго бездѣйственными и не внесли, наконецъ, болѣе разумнаго и честнаго пониманія исторіи и народа.

А. Пыпинъ.

КЪ ВОПРОСУ

о

НОВОМЪ ГРАЖДАНСКОМЪ КОДЕКСѢ.

„Два суть рода повреждения,—первый, когда не соблюдают законовъ; второй, когда законы такъ худы, что они сами портать, и тогда зло есть неизлечимо, потому что оно въ самомъ лекарствѣ зла находится".

„Наказъ" имп. Екатерины II.

I.

Съ тѣхъ поръ какъ обнародовано было уложеніе царя Алексѣя Михайловича, скрѣпленное подписями выборныхъ отъ всей русской земли, — государственная власть много разъ приступала у насъ къ составленію новаго гражданскаго кодекса, но всегда останавливалась на полдорогѣ, не доводя работы до конца. Многолѣтніе законодательные труды обрывались какъ-то внезапно, почти наканунѣ осуществленія предпріятія, и пропадали безплодно въ архивахъ, въ ожиданіи новыхъ однородныхъ попытокъ.

Причины неудачъ были нерѣдко странны и загадочны. При Петрѣ II сдѣлано было распоряженіе „выслать добрыхъ и знающихъ людей изъ каждой губерніи, по выбору отъ шляхетства", для участія въ „сочиненіи уложенія",—но никто изъ выборныхъ не являлся. Принимались строгія понудительныя мѣры; назначались штрафы и взысканія съ ослушниковъ; воеводамъ предписывалось присылать выборныхъ подъ карауломъ,—но немногіе доставленные въ столицу депутаты оказались „глухими и хромыми, старыми и дряхлыми", и, какъ непригодные къ дѣлу, они были распущены по домамъ.

Очень много обѣщала позднѣйшая, екатерининская коммиссія, открывшая свои засѣданія при самыхъ благопріятныхъ, повидимому, условіяхъ; но, наткнувшись на нѣкоторые скользкіе вопросы, депутаты не замедлили убѣдиться въ шаткости почвы, на которой имъ приходилось дѣйствовать. Когда рѣчь зашла о „свободныхъ деревняхъ“, въ собраніи впервые высказано было правило, сдѣлавшееся впослѣдствіи избитою фразою въ устахъ приверженцевъ безпечнаго застоя: „что одному государству полезно, то другому вредно“. Одинъ изъ депутатовъ возразилъ на это: „Имя свободы отнюдь не вредно. Я бы вамъ доказалъ это въ другомъ мѣстѣ, или еслибы я вамъ сказать могъ *тихо*“... Тогда предсѣдатель собранія счелъ нужнымъ вмѣшаться и объявилъ, что „доказательства ваши вы всѣ ясно и безъ закрытія говорить можете, ибо ничего такого тутъ быть не должно, чтò тайно или скрыто говорить надлежитъ“ [1]). Однако, предчувствіе осторожнаго оратора вполнѣ оправдалось, и знаменитая коммиссія осталась чѣмъ-то въ родѣ блестящаго фейерверка, предназначеннаго болѣе для ослѣпленія Европы, чѣмъ для дѣйствительнаго разрѣшенія внутреннихъ задачъ Россіи.

Правительство перестало безпокоить земскихъ людей законодательными вопросами; общество обходилось уже безъ торжественнаго выслушиванія законовъ и проектовъ, составляемыхъ въ спеціальныхъ канцеляріяхъ и коммиссіяхъ. Дѣло законодательства какъ-будто упростилось; вмѣстѣ съ тѣмъ все болѣе увеличивалось разстояніе между воззрѣніями правительственныхъ сферъ и понятіями большинства населенія. Плодовитость государственной дѣятельности отъ этого нисколько не страдала; законы росли и множились въ числѣ и объемѣ, опредѣляя и предусматривая всякія подробности управленія;—но внутренняя жизнь народа уходила куда-то вдаль, подъ прикрытіемъ крѣпостного права, и имѣла уже мало общаго съ законодательнымъ творчествомъ центральной власти. Въ той обширной и важной области права, которая касается личныхъ и имущественныхъ отношеній между людьми, законодатель имѣлъ предъ собою только два пути — или держаться старыхъ указовъ или слѣдовать иностраннымъ образцамъ. Смутное сознаніе, что ничто не можетъ замѣнить собою умолкнувшій живой источникъ самостоятельнаго развитія права, подрывало самыя основы всѣхъ проектовъ гражданскаго уложенія, начиная съ трудовъ трехъ коммиссій Петра I и кончая уложеніемъ Сперанскаго, составленнымъ въ 1809 году по образцу французскаго кодекса.

---

[1]) Сборникъ Имп. Русскаго Историческаго Общества, т. 36 (Спб. 1882), стр. 27—29. См. также С. В. Пахмана, Исторія кодификаціи, т. I—II.

Вопросъ о новомъ гражданскомъ уложеніи могъ получить правильную постановку только послѣ крестьянской реформы. Въ дѣлахъ законодательства мы, конечно, лучше поставлены теперь, чѣмъ современники прежнихъ десяти коммиссій, занимавшихся „сочиненіемъ уложенія“; мы не обязаны говорить „тихо“ ни о вольныхъ крестьянахъ, ни о какомъ-либо отдѣлѣ гражданскихъ законовъ. Но и сущность задачи теперь уже совсѣмъ другая, чѣмъ при Сперанскомъ, и коренное различіе въ обстоятельствахъ вызываетъ рѣшительную перемѣну въ направленіи законодательства. На эту сторону вопроса мы желали бы обратить особенное вниманіе читателей, такъ какъ она почти вовсе не была затронута въ статьяхъ С. В. Пахмана и К. Д. Кавелина, о которыхъ упоминалось въ свое время въ „Вѣстникѣ Европы“ [1]).

Нынѣшняя законодательная коммиссія—одиннадцатая или двѣнадцатая по счету — должна неизбѣжно считаться съ совершившимися перемѣнами въ положеніи народа, съ новыми формами его быта и съ разнообразными потребностями жизни. Задачи законодателя являются теперь несравненно сложнѣе и труднѣе, чѣмъ въ былое время. Прежде, при составленіи новаго гражданскаго закона нужно было имѣть въ виду только немногочисленные верхніе слои русскаго общества. Большинство населенія заслонялось отъ взоровъ законодателя привилегированнымъ классомъ помѣщиковъ и чиновниковъ. Закону не было надобности регулировать жизнь крестьянства; послѣднее имѣло надъ собою особыхъ господъ, замѣнявшихъ для него и законодательную и правительственную власть. Тогда и законы вырабатывались легко и просто: для полумилліона дворянъ можно было съ одинаковымъ успѣхомъ издавать постановленія, заимствованныя изъ-за границы или придуманныя самостоятельно въ какой-нибудь изъ столичныхъ канцелярій; можно было переводить нѣмецкіе законы на русскій языкъ или примѣнять начала римскаго права, — все это одинаково годилось для господствующаго сословія, обезпеченнаго крѣпостнымъ трудомъ. Интересы этого сословія были близко знакомы законодателю. Государство существовало только для десяти-двѣнадцати милліоновъ гражданъ, а остальное населеніе, съ его вѣковыми понятіями и обычаями, находилось какъ бы внѣ закона. Поэтому у насъ, послѣ полнаго закрѣпощенія массы народа, не могло развиться гражданское право въ истинномъ смыслѣ этого слова,—въ смыслѣ права, какъ выраженія народныхъ понятій о спра-

---

[1]) См. „Внутреннее обозрѣніе“ въ № 3 за текущій годъ, а также въ № 12 за 1882 годъ.

ведливости. У насъ существовали законы, даже слишкомъ много законовъ и указовъ; но не было живого русскаго права. У насъ издавались законы такъ сказать случайные, вызванные временными соображеніями и выражавшіе собою взгляды тѣхъ или другихъ государственныхъ дѣятелей; но эти законы, каковы бы ни были ихъ достоинства и недостатки, имѣли мало общаго съ народными представленіями о правѣ. Если понимать законъ, какъ опредѣляетъ его знаменитый Савиньи, а именно какъ „органъ народнаго права" [1]), то такого закона не знала помѣщичья крѣпостная Россія.

Помѣщичьимъ, сословнымъ духомъ проникнутъ весь „десятый томъ" нашего свода законовъ. При своемъ чисто-сословномъ характерѣ, наши гражданскіе законы трактуютъ преимущественно о правахъ дворянъ-помѣщиковъ, гораздо меньше о купечествѣ, и ужъ совсѣмъ мало о мѣщанахъ. Наибольше мѣста удѣлено двумъ главнымъ элементамъ крѣпостного быта—интересамъ дворянства и казны, потому что эти двѣ силы исключительно господствовали въ жизни. Изъ 2,334 статей первой части десятаго тома только *въ 64-хъ* упоминается о большинствѣ населенія — о крестьянахъ. Любопытно въ этомъ отношеніи сравнить нашъ десятый томъ съ кодексомъ Наполеона. Французскій гражданскій кодексъ составленъ для всѣхъ вообще французскихъ гражданъ, безъ всякихъ сословныхъ или иныхъ различій; въ немъ поэтому могло бы вовсе не упоминаться особо о крестьянствѣ, тѣмъ болѣе, что во Франціи классъ поселянъ не имѣетъ такого преобладающаго значенія, какъ у насъ. Между тѣмъ въ этомъ всесословномъ гражданскомъ уложеніи мы находимъ 47 спеціальныхъ статей о сдѣлкахъ поселянъ съ землевладѣльцами и о наймѣ сельскихъ имуществъ,—и сущность этихъ постановленій заключается въ защитѣ интересовъ поселянъ, которые хотя и свободны и полноправны по закону, но фактически могутъ попасть въ зависимость отъ землевладѣльцевъ. Говоря о случаяхъ отдачи скота въ пользованіе и содержаніе поселянъ, французскій кодексъ постановляетъ, что въ договорахъ по этому предмету не допускаются такія условія, по которымъ крестьянинъ отвѣчалъ бы за потери въ большей мѣрѣ, чѣмъ участвуетъ онъ въ выгодахъ; сдѣлки, заключенныя вопреки этому правилу, въ ущербъ поселянамъ, считаются недѣйствительными [2]). Очевидно, въ этомъ случаѣ французскій кодексъ, имѣющій репутацію строго-формальнаго и буржуазнаго уложенія, придерживается точки зрѣнія матеріальной справедливости по отношенію къ земледѣльческому классу. Такая заботливость о крестьянствѣ совершенно чужда на-

---

[1]) „Das Gesetz ist das Organ des Volksrechts".

[2]) Code civil, art. 1800—1831 и др.

шимъ гражданскимъ законамъ,—по той простой причинѣ, что при изданіи этихъ законовъ крестьянство составляло еще частную собственность помѣщиковъ и казны, и слѣдовательно не могло еще входить въ сферу дѣйствія общаго гражданскаго законодательства.

При совершенно другихъ условіяхъ предпринято теперь составленіе новаго гражданскаго уложенія. Дворянство, для котораго прежде только и писались законы, потонуло въ общей массѣ русскаго народа. Сословныя перегородки исчезли, и классъ свободныхъ сельскихъ обывателей, по числу и значенію, составляетъ главнѣйшую силу государства, основу всего общественнаго быта Россіи. Прежніе законы издавались для Россіи помѣщичьей, крѣпостной; теперь приходится составлять законы для Россіи преимущественно крестьянской. Общіе законы примѣняются уже не къ отдѣльнымъ привилегированнымъ сословіямъ, а ко всему населенію вообще. Общерусское гражданское право сдѣлалось уже возможнымъ и необходимымъ. Законодательство должно принять новый общенародный характеръ; оно выходитъ изъ тѣсныхъ рамокъ сословности и направляется по широкому теченію народнаго правосознанія. Законъ долженъ, наконецъ, выражать собою именно то, чтó составляетъ жизненную сущность права; онъ долженъ вытекать изъ живущихъ въ народѣ понятій о правѣ, изъ потребностей и условій народнаго быта. Для новыхъ условій нужны новые законодательные пріемы. То, чтó годилось для нѣсколькихъ милліоновъ привилегированнаго населенія, при безправности народной массы,—то никакимъ образомъ не можетъ годиться для многомилліоннаго народа, съ преобладающимъ земледѣльческимъ характеромъ, съ старинными обычаями и особенностями. Вотъ почему составители новаго уложенія должны меньше всего руководствоваться системою прежняго законодательства и прежнихъ опытовъ кодификаціи,—вопреки мнѣнію нѣкоторыхъ авторитетныхъ нашихъ юристовъ.

Дѣйствующіе нынѣ гражданскіе законы составляютъ для крестьянства большею частью враждебную силу; они служатъ въ опытныхъ рукахъ оружіемъ противъ сельскаго населенія, опутывая его недоступными формальностями и строгостями, часто роковыми для крестьянъ. Понятно поэтому, что народъ привыкъ относиться къ закону съ особымъ чувствомъ боязни и недовѣрія. „Гдѣ законъ, тамъ и обида", говоритъ народъ. По народному взгляду, законъ существуетъ только для выгоды сильныхъ и ловкихъ людей; эта мысль выражена между прочимъ въ поговоркѣ: „законъ, чтó паутина,—шмель проскочитъ, а муха увязнетъ". Или—„законъ, что дышло, куда повоpотишь, туда и вышло" [1]). Такой взглядъ, конечно, вполнѣ есте-

[1]) См. Оршанскаго, „Обычный судъ и народное право".

ственъ: крестьянство очень мало пользовалось охраною закона, и даже послѣ реформы 1861 года оно во многихъ отношеніяхъ отдано было на произволъ судьбы, въ жертву расплодившимся дѣятелямъ кулачества и ростовщичества. Съ одной стороны, законъ своимъ чрезмѣрнымъ формализмомъ производилъ на крестьянство разрушающее, запугивающее дѣйствіе; а съ другой—онъ безсознательно покровительствовалъ тѣмъ темнымъ силамъ, которыя завладѣли жизнью народною со времени освобожденія.

II.

Въ кодексахъ, предназначенныхъ главнымъ образомъ для промышленнаго населенія или для такъ-называемаго средняго класса (господствующаго въ западной Европѣ, но ничтожнаго у насъ), преобладаетъ принципъ полной свободы сдѣлокъ, въ связи съ обязательностью извѣстныхъ формъ для внѣшняго выраженія воли. Воля, формально выраженная въ какомъ-нибудь актѣ или договорѣ, считается свободною и подлежащею исполненію, независимо отъ ея фактической подкладки. Разъ документъ подписанъ надлежащимъ образомъ, безъ прямого обмана и насилія,—онъ получаетъ принудительное значеніе, хотя бы содержаніе его было равносильно обязательству, на которое опирался Шейлокъ. Человѣкъ можетъ подъ вліяніемъ крайней нужды согласиться на сдѣлку явно несправедливую и разорительную для него; онъ можетъ невольно подчиняться постороннему давленію, не оставляющему никакого другого выхода,—и все-таки его вынужденное согласіе будетъ признано свободнымъ, ибо законъ и судъ заботятся лишь о правѣ формальномъ, а не о матеріальномъ, дѣйствительномъ. Полагали, что интересы правильнаго имущественнаго оборота требуютъ безусловной неприкосновенности внѣшней свободы сдѣлокъ; но въ новѣйшее время все болѣе принимаются въ разсчетъ экономическіе и психологическіе мотивы, выступающіе на первый планъ изъ-подъ обманчиваго призрака мнимой „свободной воли".

Въ законодательство вошли уже многія существенныя отступленія отъ старыхъ началъ юридической логики; цѣлый рядъ законовъ ограничиваетъ свободу сдѣлокъ ради защиты слабыхъ противъ сильныхъ, создавая извѣстныя гарантіи для рабочаго класса, для людей неимущихъ и нуждающихся, поставленныхъ фактически въ зависимое, безправное положеніе. Таковы законы о числѣ рабочихъ часовъ на фабрикахъ, о работѣ женщинъ и дѣтей, о поземельныхъ правахъ крестьянъ, о ростовщичествѣ и т. п. Но отдѣльныя разрозненныя постановленія не возведены еще въ систему; склонность отдавать

предпочтеніе формѣ предъ содержаніемъ и жертвовать жизненною правдою ради формальной—господствуетъ еще въ области юриспруденціи, какъ законодательной и теоретической, такъ и судебной. Общій принципъ остается тотъ, что мотивы не имѣютъ вліянія на дѣйствительность сдѣлокъ; [1]) однако, на практикѣ отводится уже мотивамъ подобающее мѣсто. Когда при отправкѣ груза по желѣзной дорогѣ отправитель подписываетъ какія-нибудь обременительныя для него правила или условія, то соглашеніе кажется несомнѣннымъ съ формальной стороны; тѣмъ не менѣе такія сдѣлки признаются часто необязательными для частныхъ лицъ, въ силу того соображенія, что подъ видомъ „добровольнаго согласія" скрывается тутъ давленіе со стороны желѣзно-дорожной администраціи, передъ которою безсильны частныя лица. По такому же основанію законъ долженъ допускать оспариваніе и ограниченіе обязательствъ, заключаемыхъ неимущими людьми съ ростовщиками, съ хозяевами и предпринимателями, передъ которыми „свободная воля" нуждающихся доходитъ иногда до состоянія полной неволи. Если кто-нибудь купилъ или продалъ вещь по несообразно высокой или низкой цѣнѣ, то сдѣлка можетъ быть уничтожена при извѣстныхъ условіяхъ, по требованію лица, потерпѣвшаго убытокъ вслѣдствіе ошибки или незнанія мѣстныхъ цѣнъ;—это же правило вполнѣ примѣнимо къ договорамъ о заработной платѣ, о процентахъ, о способахъ погашенія долга. Наконецъ, незнаніе законовъ и неграмотность въ значительной массѣ населенія дѣлаютъ совершенно невозможнымъ господство письменной формы сдѣлокъ.

Все это игнорировалось у насъ въ помѣщичью эру законодательства, и получило исключительную важность съ наступленіемъ крестьянской эры. Наши законы сильно отстаютъ въ этомъ отношеніи даже отъ иностранныхъ кодексовъ, приспособленныхъ къ началамъ промышленнаго индивидуализма. У насъ „договоры должны быть исполняемы по точному оныхъ разуму, не уважая побочныхъ обстоятельствъ"; способы пріобрѣтенія правъ должны „утверждаться на не-принужденномъ произволѣ и согласіи". Свобода произвола и согласія нарушается принужденіемъ, которое понимается лишь въ грубомъ физическомъ смыслѣ. Правда, „договоръ недѣйствителенъ и обязательство ничтожно, когда побудительная причина къ заключенію онаго есть достиженіе цѣли, законами запрещенной",—какъ напримѣръ, когда договоръ клонится къ „лихоимственнымъ изворотамъ" или ко вреду государственной казны; но общаго значенія эта статья не имѣетъ,—она не устраняетъ вопіющихъ неправдъ,

[1]) Саксонскій гражданскій кодексъ 1863 года, § 845.

облеченныхъ въ „исполнительные листы". Самая рѣзкая противоположность существуетъ между формальною суровостью закона и обычнымъ народнымъ правомъ, примѣняемымъ въ крестьянскихъ волостныхъ судахъ. Тамъ каждая сдѣлка разбирается по внутреннему ея содержанію, а не по внѣшней ея силѣ,—по фактическимъ мотивамъ и послѣдствіямъ, а не по буквальному смыслу; тамъ исканіе житейской справедливости ставится всегда впереди голой законности. Оттого приговоры волостныхъ судовъ удивляютъ насъ нерѣдко своею странностью: часто выводъ какъ будто не вытекаетъ изъ фактовъ; къ гражданскому взысканію примѣшиваются карательныя мѣры, и строгая логика вообще страдаетъ. Въ томъ-то и дѣло, что неумолимая логическая послѣдовательность не вяжется съ разнообразными интересами жизни, и юристы считались врагами народа именно потому, что они гнались за логикою больше, чѣмъ за правдою, и доводили право до величайшей несправедливости (summum jus-summa injuria) [1]).

Какъ дѣйствуетъ нашъ сводъ законовъ на крестьянскій бытъ, при полномъ иногда противорѣчіи между народными воззрѣніями и содержаніемъ свода,—это достаточно извѣстно изъ громкихъ процессовъ, въ родѣ дѣла люторичскихъ крестьянъ съ управленіемъ графа Бобринскаго, или княгини Волконской съ крестьянами села Павловки. Крестьяне легко дѣлаются жертвами своей нужды или неграмотности, а являющіеся къ нимъ съ исполнительными листами судебные пристава кажутся имъ непріятелями, незаконно посягающими на все ихъ существованіе. Необходимѣйшія принадлежности крестьянскаго хозяйства не избавлены отъ продажи съ молотка для удовлетворенія какихъ-нибудь дутыхъ претензій, скрѣпленныхъ формальнымъ образомъ. Въ дѣлѣ княгини Волконской, разбиравшемся два года тому назадъ въ тамбовскомъ окружномъ судѣ, выяснилось, что крестьянскій скотъ села Павловки проданъ былъ за долгъ въ 300 рублей,—несмотря на то, что „нѣкоторые крестьяне представляли квитанціи конторы объ уплатѣ долга, и всѣ просили, чтобы приставъ разобралъ, кто долженъ, а кто—нѣтъ". Выяснилось также, что крестьяне деревень княгини Волконской, имѣя нищенскій надѣлъ, „состоятъ въ неоплатномъ долгу у княжеской экономіи, заключающей съ ними всевозможныя кабальныя условія и безпощадно взыскивающей по нимъ у мирового судьи и въ съѣздѣ, гдѣ часто бываетъ по 60—70 дѣлъ о взысканіяхъ княгинею Волконскою съ крестьянъ". На судѣ крестьяне объяснили, что „какъ прежде они бывали почти всѣ дни недѣли на

---

[1]) См. нашу статью: „Правовѣдѣніе и политическая экономія" (въ „Словѣ", за 1879 годъ, № 10).

барщинѣ, такъ и теперь они все время работаютъ на экономію княгини Волконской, и все-таки состоятъ у ней въ неоплатномъ долгу". Они были преданы суду за то, что не исполнили добровольно перваго требованія судебнаго пристава объ отдачѣ въ его распоряженіе общественнаго стада овецъ [1]). Что касается злоупотребленій и произвольныхъ притязаній со стороны помѣщиковъ, то противъ нихъ крестьяне обыкновенно безсильны, вслѣдствіе незнанія законовъ.

Новое гражданское уложеніе должно впервые установить законы, приноровленные къ условіямъ и потребностямъ земледѣльческаго населенія. Для русскаго крестьянства необходимы охранительныя мѣры, хотя бы подобныя тѣмъ, которыя въ 1879 году приняты англійскимъ правительствомъ въ защиту туземныхъ поселянъ въ Остъ-Индіи. Въ Остъ-Индіи признана неотчуждаемость поземельнаго надѣла и существенныхъ принадлежностей крестьянскаго хозяйства; ни земля, ни скотъ, ни сельско-хозяйственныя орудія не могутъ быть продаваемы за долги. Въ гражданскихъ спорахъ крестьянъ съ лицами другихъ сословій судъ отъ себя назначаетъ слабѣйшей сторонѣ защитника; каждый договоръ разбирается не только по своему содержанію, но и по тѣмъ фактическимъ обстоятельствамъ, при которыхъ онъ возникъ, и если окажется, что въ дѣйствительности крестьянинъ-должникъ получилъ меньше, чѣмъ написано въ документѣ, то взыскивается только эта меньшая сумма, съ установленными процентами. Всякія ростовщическія сдѣлки уничтожаются судомъ, если этотъ характеръ ихъ будетъ доказанъ какимъ-либо образомъ [2]). Подобная же охрана хозяйства и владѣнія поселянъ существуетъ въ Сѣверной Америкѣ, гдѣ извѣстный минимумъ поземельнаго имущества признанъ неотчуждаемымъ и изъятъ отъ долговыхъ взысканій. Въ Сербіи принята такая же система. Сербскій поселянинъ не можетъ отчуждать свой участокъ или принадлежности своего хозяйства; въ случаѣ нужды въ деньгахъ, онъ получаетъ ссуду изъ общественныхъ кредитныхъ учрежденій и не имѣетъ надобности отдаваться въ кабалу ростовщикамъ. Всякое долговое обязательство поселянина относительно лицъ другихъ классовъ должно быть удостовѣрено въ мѣстномъ судѣ или у мѣстнаго окружного начальника, причемъ содержаніе сдѣлокъ контролируется въ интересахъ сельскаго населенія. У насъ мало еще думали о подобныхъ законода-

---

[1]) „Порядокъ" 1882, корресп. изъ Борисоглѣбска отъ 5 февраля. Такого рода свѣдѣній и корреспонденцій печаталось очень много за послѣдніе годы.

[2]) Этотъ замѣчательный законъ (въ 76-ти статьяхъ), могущій служить полезнымъ для насъ образцомъ, приведенъ въ буквальномъ переводѣ у Лоренца Штейна, въ приложеніи къ книгѣ: „Die drei Fragen des Grundbesitzes" (Stuttg. 1881), стр. 242—267.

тельныхъ мѣрахъ; но онѣ болѣе необходимы у насъ, чѣмъ гдѣ бы то ни было. Главнѣйшая задача новаго кодекса будетъ состоять именно въ регулированіи этихъ жизненныхъ народныхъ отношеній и интересовъ, остававшихся до сихъ поръ безъ надлежащей законной защиты.

Гражданское законодательство не можетъ находиться въ разладѣ съ господствующими въ народѣ идеями о правѣ; оно должно воспринять въ себя общія начала обычнаго права, выработанныя и провѣренныя жизнью, — подобно тому какъ при составленіи Наполеонова кодекса во Франціи главнымъ матеріаломъ служили сборники обычнаго права, дѣйствовавшіе въ различныхъ областяхъ страны. Нужно коренныхъ образомъ измѣнить отношеніе закона къ народу,— чтобы крестьянство не имѣло повода говорить, что „гдѣ законъ, тамъ и обида". Вмѣсто сухого отвлеченнаго формализма, нужно отвести широкое мѣсто такимъ эластичнымъ принципамъ, какъ правило „грѣхъ пополамъ". При толкованіи и исполненіи договоровъ должны быть допущены отказы и споры на основаніи чрезмѣрной невыгодности сдѣлки для одной изъ сторонъ; при этомъ необходимо придать законное значеніе вліянію крайней нужды, недобросовѣстному пользованію незнаніемъ законовъ со стороны крестьянъ и ихъ временными затруднительными обстоятельствами. Такого взгляда придерживаются теперь нѣкоторыя западно-европейскія законодательства, облагающія даже уголовными карами несправедливыя сдѣлки, въ которыхъ нѣтъ элементовъ обмана; напримѣръ, по закону о ростовщичествѣ, принятому австрійскимъ парламентомъ, „кто оказываетъ другому кредитъ на условіяхъ разорительныхъ для кредитуемаго и на которыя послѣдній согласился только вслѣдствіе подавляющей нужды, либо по неопытности или непониманію,—тотъ совершаетъ проступокъ, наказуемый арестомъ при тюрьмѣ срокомъ до шести мѣсяцевъ или денежнымъ штрафомъ до тысячи гульденовъ". Даже люди, привыкшіе смотрѣть на экономическую жизнь исключительно сквозь призму промышленнаго оборота, не затрудняются нарушать принципъ невмѣшательства во имя элементарной справедливости. Преувеличенныя заботы о прочности договоровъ не мѣшаютъ уже заботамъ о прочности положенія человѣческихъ существъ, заключающихъ договоры. Наше обычное право отличается именно этимъ стремленіемъ проникать въ закулисную область житейскихъ мотивовъ и вліяній, выразившихся въ данной формѣ, — тогда какъ законный судъ успокоивается на этой формѣ, неумолимо примѣняя ея словесный смыслъ и „не уважая никакихъ побочныхъ обстоятельствъ". Чтобы отыскать въ законахъ слѣды народныхъ понятій о правѣ, пришлось бы обратиться далеко назадъ, къ эпохѣ Псковской

судной грамоты; между прочимъ въ этой грамотѣ можно найти разумныя и справедливыя постановленія, въ родѣ слѣдующаго: „кто съ кѣмъ въ пьяномъ состояніи помѣняется чѣмъ или что купитъ, а потомъ проспятся, и одному истцу не любо будетъ, то можно имъ размѣняться, и въ томъ нарушенія нѣтъ". Такихъ снисходительныхъ правилъ встрѣчается очень мало въ нынѣшнемъ сводѣ законовъ.

Наши юристы ссылаются нерѣдко на неизвѣстность и необработанность дѣйствующихъ въ народѣ началъ обычнаго права; но насколько основательна эта ссылка—можно видѣть изъ того, что въ библіографическомъ сборникѣ г. Якушкина, вышедшемъ восемь лѣтъ тому назадъ, приведено около *тысячи* изслѣдованій и статей по обычному народному праву. Со стороны юристовъ требуется только сознаніе обязательной важности этого матеріала при составленіи гражданскаго уложенія; а чтобы овладѣть всѣмъ обширнымъ запасомъ имѣющихся свѣдѣній и данныхъ—членамъ кодификаціонной коммиссіи нужно лишь проникнуться желаніемъ добросовѣстно исполнить работу, могущую имѣть первостепенное и даже рѣшающее значеніе для всего юридическаго быта страны.

III.

Отдѣльные институты гражданскаго права, существующіе въ нашемъ сводѣ законовъ, давно уже ждутъ коренной реформы. Самый важный отдѣлъ будущаго гражданскаго уложенія — поземельное право—долженъ быть построенъ почти за-ново. Когда вся земля находилась формально во владѣніи казны и привилегированныхъ владѣльцевъ, и когда крестьянская поземельная собственность составляла лишь около 1% всего обработываемаго пространства,—тогда можно было говорить о полномъ „вотчинномъ" правѣ на землю. Но теперь большинство воздѣлываемыхъ земель принадлежатъ крестьянскимъ обществамъ; въ самыхъ производительныхъ и богатыхъ мѣстностяхъ Россіи крестьяне имѣютъ болѣе половины всѣхъ земель на правахъ общинной собственности; вся масса народа прямо или косвенно заинтересована въ землевладѣніи, а прежніе помѣщики отошли совсѣмъ на задній планъ. Такая колоссальная перемѣна въ жизни дѣйствительной требуетъ соотвѣтственныхъ перемѣнъ въ гражданскихъ законахъ.

Дворянское землевладѣніе, соединенное съ властью надъ людьми, проистекало изъ общаго государственнаго строя и имѣло политическій характеръ; оно вызывалось и оправдывалось обязательною службою дворянства. Помѣстья и вотчины служили для владѣльцевъ фон-

домъ, изъ котораго они получали свое жалованье; это была не частная собственность, а условное владѣніе, поставленное въ зависимость отъ исполненія служебной повинности относительно государства. Вотчиною,—говоритъ Неволинъ,—называлась въ старину земля безоброчная, владѣлецъ которой, вмѣсто платежа съ нея оброка, долженъ былъ отправлять службу для князя или, какъ было потомъ, для царя. Вотчины отбирались отъ лицъ неслужащихъ и раздавались за службу или за особыя заслуги. Если причина пожалованія оказывалась ложною, если обнаруживалось, что пожалованный совсѣмъ не имѣлъ тѣхъ заслугъ, за которыя вотчина была ему пожалована, то она отъ него отбиралась. Такъ же точно и помѣстьями владѣли только служилыя лица. Помѣстій не получали „кормовщики", т.-е. служилые люди, получавшіе денежное или хлѣбное жалованье. Право собственности на помѣстную землю принадлежало казнѣ. Первоначально право помѣщика пользоваться пахатною землею ограничивалось только полученіемъ и обращеніемъ въ свою собственность тѣхъ денежныхъ, хлѣбныхъ и другихъ доходовъ отъ помѣстья, которые принадлежали самой казнѣ, а отъ нея были ему предоставлены. Всѣ дальнѣйшія права владѣльцевъ образовались мало-по-малу и только съ теченіемъ времени достигли того развитія, какое они имѣли особенно въ концѣ XVII вѣка. Всякое распоряженіе помѣщика относительно имѣнья требовало разрѣшенія правительства. Сдавать помѣстье запрещено было, и даже разрѣшенная сдача за деньги никогда не признавалась продажею. Постепенно надзоръ правительства за переходомъ помѣстій ослабѣвалъ, и вотчинныя права пріобрѣтались помѣщиками одно за другимъ. Однако, попытки обратить помѣстья въ имущество родовое постоянно устранялись законодательствомъ. Съ обладаніемъ помѣстій соединялась обязанность службы; каждому чину, какъ высшему, такъ и низшему, были присвоены опредѣленные помѣстные оклады, какъ теперь у насъ каждой должности присвоенъ извѣстный окладъ денежнаго жалованья. Отставка или увольненіе отъ должности влекли за собою потерю помѣстья, что не соблюдалось впрочемъ на практикѣ. Помѣстные оклады, сначала временные и пожизненные, сдѣлались наслѣдственными; владѣльцы присвоили себѣ всѣ права собственниковъ и добились фактическаго слiянія помѣстій съ вотчинами задолго до оффиціальнаго освященія этой узурпаціи указомъ 1714 года [1]). Такъ какъ обязательная государственная служба одинаково лежала на помѣщикахъ и вотчинникахъ, то смѣшеніе ихъ поземельныхъ владѣній, подъ общимъ названіемъ недвижимыхъ иму-

---

[1]) Неволинъ, Собраніе сочиненій, т. IV, стр. 186—282; К. П. Побѣдоносцевъ, историко-юридическія изслѣдованія и статьи, и др.

ществъ, не имѣло повидимому особенной важности. Между тѣмъ служебная повинность отпала отъ дворянства, а поземельныя права остались. Жалованная грамота Екатерины II щедро расширила владѣльческія и прочія права дворянъ; эти широкія права и льготы вошли въ сводъ законовъ, въ качествѣ принадлежностей землевладѣнія. Дворяне все-таки выполняли или должны были выполнять извѣстную политическую функцію; они замѣняли государство въ управленіи крестьянами, собирали съ нихъ подати для казны и поддерживали тѣсную связь между интересами земства и правительства. Право владѣть землею составляло дворянскую привилегію; но по мѣрѣ того какъ оно утрачивало свою историческую почву, превращаясь въ общій экономическій фактъ самостоятельнаго частнаго землевладѣнія, теряла свою raison d'être и та широкая формулировка владѣльческихъ правъ, которая дана была при Екатеринѣ II.

Государство могло поступаться своими правами въ пользу служилаго сословія, какъ непосредственнаго óргана государственной жизни; но уступки, данныя дворянству на особыхъ условіяхъ, были произвольно обобщены и связаны неразрывно съ землевладѣніемъ вообще, безъ всякаго къ тому основанія. Для новѣйшихъ чисто-хозяйственныхъ формъ поземельной собственности оказываются уже неподходящими щедрыя опредѣленія прежнихъ временъ, когда не дѣлалось строгаго различія между правами частными и общественными. „По праву полной собственности на землю,—говорится въ законѣ,—владѣлецъ имѣетъ право на всѣ произведенія на поверхности ея, на все, чтó заключается въ нѣдрахъ ея, на воды, въ предѣлахъ ея находящіяся, и словомъ на всѣ ея принадлежности". При этомъ упускается изъ виду, что земля, будучи источникомъ производительности въ рукахъ частныхъ лицъ, имѣетъ въ то же время важное общественное значеніе, какъ мѣстопребываніе людей и вещей. Принципъ „полной" частной собственности давно уже фактически непримѣнимъ къ землѣ, съ—тѣхъ поръ, какъ живущіе на землѣ люди не подлежатъ власти землевладѣльцевъ. Мѣрка частныхъ поземельныхъ правъ не можетъ опредѣляться по образцу всеобъемлющихъ правъ на движимое имущество. Землевладѣніе должно войти въ свои естественные экономическіе предѣлы, зависящіе отъ условій сельскаго или городского хозяйства. Исконное право труда, положеннаго на обработку земли, имѣетъ вполнѣ самостоятельную силу, независимо отъ формальныхъ правъ собственности.

Въ этомъ смыслѣ замѣчается также реформаторское движеніе въ области поземельнаго вопроса въ западной Европѣ. Отвлеченная логическая теорія все болѣе приближается къ жизни, уступая ея требованіямъ то въ одномъ, то въ другомъ существенномъ

пунктѣ. Всѣ понимаютъ, что права привилегированныхъ владѣльцевъ установились и возрасли на счетъ настоящаго земледѣльческаго населенія, и что справедливо поэтому возстановить нѣкоторую долю поземельныхъ правъ поселянъ, не стѣсняясь послѣдовательностью выводовъ изъ устарѣлыхъ началъ юриспруденціи. Къ этому приводитъ и критическое состояніе сельскаго хозяйства въ дворянскихъ рукахъ. Страшная задолженность дворянскаго землевладѣнія и опасное для земледѣлія хищничество мѣняющихся владѣльцевъ наглядно доказали, что сельско-хозяйственные интересы могутъ имѣть надежную охрану и опору единственно лишь въ самостоятельномъ, многочисленномъ крестьянствѣ, связанномъ съ землею вѣковымъ трудомъ и всѣмъ традиціоннымъ строемъ жизни. Отсюда все болѣе усиливающіяся заботы о возстановленіи крестьянскаго землевладѣнія въ западно-европейскихъ государствахъ,—заботы, пока еще теоретическія и робкія, но начинающія уже обѣщать серьезные результаты. Новѣйшіе земельные законы и проекты въ Англіи направлены къ защитѣ правъ труда и капитала въ земледѣліи, причемъ формальное право собственности лэндлордовъ лишается своей эластичной полноты и вводится въ точно опредѣленныя границы. Стройность юридической теоріи собственности отчасти приносится въ жертву дѣйствительной, экономической правдѣ.

Нельзя безнаказанно втискивать явленія жизни въ предвзятыя логическія формулы, не вытекающія изъ существующаго разнообразія человѣческихъ интересовъ, правъ и потребностей. Изъ общаго понятія собственности, въ примѣненіи къ землѣ, извлекались выводы крайне неосновательные, которые однако ложились тяжелымъ гнетомъ на поселянъ и арендаторовъ; предполагалось, что человѣческое жилище есть только побочная принадлежность того пустого мѣста, на которомъ оно построено, и что собственникъ земли можетъ всегда согнать земледѣльцевъ съ насиженныхъ ими участковъ, присвоить себѣ плоды чужого труда, распоряжаться свободно всѣмъ, находящимся на поверхности земли и въ ея нѣдрахъ, не разбирая, кѣмъ и на чей счетъ достигнуты данныя улучшенія. Отъ этой системы отрекается теперь самое консервативное законодательство въ Европѣ—англійское. Владѣльческія права, созданныя государствомъ, могутъ быть имъ же измѣнены и ограничены. Все то, чтó прямо или косвенно соединяется съ властью надъ людьми, входитъ само собою въ сферу общественнаго права и подлежитъ государственному контролю.

Преимущества, въ избыткѣ предоставленныя помѣщичьему дворянству ради спеціальныхъ политическихъ цѣлей, должны неизбѣжно отпасть отъ землевладѣнія, поставленнаго на почву чисто-промышленную. Въ нашихъ законахъ можно найти указаніе на правильную

экономическую основу права собственности: „по праву полной собственности на имущество,—гласитъ законъ,—владѣльцу принадлежатъ всѣ плоды, доходы, прибыли, приращенія, выгоды и все то, *что трудомъ и искусствомъ его произведено* въ томъ имуществѣ“. Если держаться подчеркнутаго опредѣленія, то владѣлецъ имѣетъ право далеко не на всѣ принадлежности земли,—онъ не имѣетъ безусловно права ни на старинные лѣса, ни на воды, протекающія по его землѣ, ни на „сокровенные въ нѣдрахъ ея металлы, минералы и другія ископаемыя“, ибо все это ничьимъ „трудомъ и искусствомъ“ не произведено. Лѣса должны были бы составлять общественную собственность уже потому, что сохраненіе ихъ имѣетъ первостепенную важность для страны. Народъ до сихъ поръ не признаетъ частной собственности на лѣсъ; въ этомъ случаѣ инстинктивное чувство его совпадаетъ отчасти съ условіями и потребностями дѣйствительности. Что необходимы по крайней мѣрѣ значительныя ограниченія относительно права распоряжаться лѣсами—этого никто не отрицаетъ. За обществомъ и государствомъ всегда остается возможность возстановить общественное значеніе правъ, уступленныхъ въ частныя руки въ эпоху слабости, недальновидности или небрежности. Право на добываемые изъ земли металлы и минералы могло бы быть также обставлено ограничительными условіями; срочность или пожизненность такихъ правъ достаточно удовлетворяла бы интересы владѣльцевъ, обезпечивая въ то же время участіе всего общества въ пользованіи природными богатствами, „сокровенными въ нѣдрахъ земли“. Тѣмъ болѣе относится это къ золотымъ пріискамъ, отводимымъ на казенныхъ земляхъ для разработки и которые страннымъ образомъ причислены у насъ къ движимому имуществу отдѣльныхъ лицъ. Вездѣ, гдѣ богатство есть результатъ естественныхъ и общественныхъ условій, независящихъ отъ человѣческаго труда, права отдѣльныхъ лицъ должны имѣть только временный характеръ, хотя бы срокъ частнаго пользованія былъ столь же продолжителенъ, какъ при желѣзно-дорожныхъ концессіяхъ. Историческое происхожденіе поземельныхъ правъ въ Россіи даетъ государству полное основаніе устанавливать болѣе точныя рамки для частной поземельной собственности, а коренное преобразованіе нашего поземельнаго строя, совершенное крестьянскою реформою, вызываетъ необходимость въ новыхъ законахъ о землевладѣніи.

Законодатель долженъ брать жизнь такъ, какъ она есть, а не какъ представляется она съ отвлеченной или личной точки зрѣнія. Многіе могутъ находить различные недостатки, напримѣръ, въ системѣ общиннаго владѣнія; но народъ крѣпко держится этой формы владѣнія и вѣроятно имѣетъ основаніе держаться ея. Крестьяне очень мѣтко опредѣляютъ достоинства и слабыя стороны мірского порядка

пользованія землею; по словамъ одного изъ нашихъ изслѣдователей, они сравниваютъ общинное владѣніе съ рукавицею, а личную собственность—съ дворянскою перчаткою: „Въ дворянской перчаткѣ у каждаго пальца свой чуланчикъ, и въ морозъ они зябнутъ; въ крестьянской рукавицѣ всѣ пальцы вмѣстѣ, и другъ друга грѣютъ". Мы предпочитаемъ зябнуть въ индивидуализмѣ, и имѣемъ на то полное право; но крестьяне хотятъ грѣть другъ друга въ общинномъ порядкѣ жизни, и никто не станетъ мѣшать имъ въ этомъ и навязывать имъ болѣе холодныя формы быта. Какъ въ нашей сельской жизни мірское владѣніе играютъ первенствующую роль, такъ и въ законахъ о поземельномъ правѣ оно должно занимать видное мѣсто.

Значительныя перемѣны предстоятъ и въ другихъ отдѣлахъ гражданскаго права—особенно въ законахъ о правахъ семейственныхъ. Наше брачное право, рѣзко расходящееся съ воззрѣніями и обычаями народа, давно уже признано несостоятельнымъ. Значеніе брака, какъ таинства, не устраняетъ его житейскихъ свойствъ и принадлежностей; только съ этой житейской стороны долженъ разсматриваться бракъ въ законѣ. Разводъ долженъ быть облегченъ для избѣжанія болѣе трагическихъ способовъ расторженія семейныхъ узъ, ставшихъ невыносимыми. Въ этомъ отношеніи слѣдуетъ только возвратиться къ старинному русскому праву, сохранившемуся еще отчасти въ народныхъ нравахъ и понятіяхъ [1]). Необходимо также допустить смѣшанные браки съ инородцами, какъ единственное серьезное средство для дѣйствительнаго сліянія различныхъ народностей, населяющихъ Россію, съ господствующимъ православнымъ населеніемъ. Интересы церкви были-бы гарантированы тѣмъ существующимъ и нынѣ правиломъ, что потомство во всякомъ случаѣ должно воспитываться въ православной вѣрѣ. Система смѣшанныхъ браковъ могла бы черезъ нѣсколько поколѣній привести къ чрезвычайно важнымъ и благотворнымъ результатамъ; цѣлыя племена, живущія теперь особнякомъ и считаемыя чуждымъ наростомъ на государственномъ организмѣ Россіи, растворились-бы въ общей народной массѣ и содѣйствовали бы улучшенію и укрѣпленію народнаго типа,—такъ какъ перекрещиваніе расъ несомнѣнно усиливаетъ хорошія качества породы (примѣръ—англичане и американцы).

Если коренная реформа гражданскаго законодательства, согласно измѣнившемуся положенію народа, оказалась бы неосуществимою или несвоевременною, то вся задача редакціонной коммисіи утратила бы свой истинный смыслъ,—ибо простое усовершенствованіе десятаго

---

[1]) См. Оршанскаго, „Изслѣдованія по семейному праву".

тома свода законовъ было-бы скорѣе вредно, чѣмъ полезно для дальнѣйшаго развитія русскаго права.

Гражданское уложеніе составляется не на время только, а на многіе десятки и, быть можетъ, даже сотню лѣтъ. Французскій кодексъ, выработанный въ началѣ столѣтія, обѣщаетъ еще долгую жизнь. Первоклассные юристы Германіи работаютъ уже десять лѣтъ надъ приготовленіемъ нѣмецкаго гражданскаго уложенія, чтобы создать прочный законодательный памятникъ, достойный нынѣшняго величія нѣмецкой имперіи. Прочность есть первое условіе такого рода памятниковъ; гражданское законодательство, по существу своему, не терпитъ частыхъ перемѣнъ. Поэтому составители новаго кодекса не могутъ руководствоваться временными соображеніями; они должны смотрѣть въ будущее и широко обнять настоящее, не оставляя ничего недосказаннымъ или недодѣланнымъ.

Л. Слонимскій.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-ое августа, 1883.

Метафизика въ теоріи и практикѣ юриспруденціи. — «Обратная сила закона» и «пріобрѣтенное право» въ примѣненіи къ частнымъ банкамъ. — «Свобода акціонерныхъ собраній» и государственный соціализмъ.—Предубѣжденія противъ слова, мѣшающія правильному отношенію къ дѣлу.—Соглашеніе съ римской куріей.—Новѣйшія законодательныя мѣры.

Въ наукѣ права и въ общежитейскихъ выводахъ изъ нея до сихъ поръ еще крѣпко держится метафизическій элементъ, возводящій условныя юридическія положенія на степень математическихъ аксіомъ, абсолютныхъ истинъ. Въ теоріи такая метафизика ведетъ къ односторонности, къ безжизненности, на практикѣ—къ ошибкамъ, иногда весьма серьезнымъ. Она упускаетъ изъ виду, что изъ числа юридическихъ началъ одни представляютъ собою продуктъ обстоятельствъ, больше не существующихъ или радикально измѣнившихся, другія—примѣнимы лишь къ большинству случаевъ извѣстнаго рода. Настоящій смыслъ, настоящая цѣль юридическаго правила заключается не въ предрѣшеніи вопроса безусловно, разъ навсегда, а въ указаніи рѣшенія, приблизительно вѣрнаго или наиболѣе соотвѣтствующаго *обыкновенной*, чаще всего встрѣчающейся комбинаціи данныхъ. Возьмемъ, для примѣра, одинъ изъ самыхъ популярныхъ и, говоря вообще, самыхъ справедливыхъ афоризмовъ, завѣщанныхъ намъ римскими юристами: qui habet commoda, debet ferre et onera (кто пользуется выгодами, долженъ нести и тягости). Попробуемъ понять его буквально, какъ правило, не допускающее исключеній — и мы придемъ къ результатамъ явно нелѣпымъ или несправедливымъ; намъ придется отвергнуть возможность безвозмездныхъ услугъ, намъ придется признать, что старикъ, получающій пенсію, больной, призрѣваемый городомъ или земствомъ, обязаны посильнымъ вознагражденіемъ за оказываемую имъ помощь. Тоже самое слѣдуетъ сказать и о другомъ юридическомъ положеніи, о которомъ часто шла рѣчь, въ по-

слѣднее время, въ нашей печати: *законъ не имѣетъ обратнаго дѣйствія.* Разумнымъ и цѣлесообразнымъ положеніе это остается только до тѣхъ поръ, пока не становится юридическимъ фетишемъ, предметомъ поклоненія, несовмѣстнаго съ критикой. Оно не установляетъ неподвижной черты, которой не можетъ или не долженъ переступать законодатель; оно только напоминаетъ объ условіи, соблюденіе котораго не обязательно *всегда*, но желательно *большею частью.* Опытъ многихъ вѣковъ показалъ, что юридическія отношенія, сложившіяся подъ покровомъ закона, должны быть по возможности охраняемы отъ внезапныхъ, непредвидѣнныхъ перемѣнъ, что дѣйствительность или недѣйствительность сдѣлокъ, преступность или непреступность дѣяній обусловливается отчасти временемъ ихъ заключенія или совершенія. Отсюда, путемъ обобщенія, выведено было правило о дѣйствіи вновь издаваемыхъ законовъ лишь на будущее время — правило, и по существу своему, и по происхожденію несомнѣнно условное, подчиняющееся соображеніямъ справедливости и общественной пользы, а не управляющее ими. Изъ того, что въ большинствѣ случаевъ эти соображенія говорятъ противъ обратной силы закона, еще не слѣдуетъ, чтобы въ исключительныхъ случаяхъ они не говорили за нее, не требовали распространенія закона дальше обычнаго предѣла. Законодательная власть сохраняетъ за собою полное право опредѣлять, когда именно необходимо отступленіе отъ общаго правила. Новый уголовный законъ, если онъ снисходительнѣе прежняго, почти всегда получаетъ силу и по отношенію къ тѣмъ дѣяніямъ, которыя предшествовали его изданію. Устраняя или измѣняя то или другое правило, ограничивавшее свободу гражданскихъ сдѣлокъ — разрѣшая, напримѣръ, заключеніе ихъ на иностранную монету—законодатель можетъ подвести подъ дѣйствіе новаго закона и тѣ, совершенныя до изданія его, сдѣлки, въ которыхъ допущено было нарушеніе прежде существовавшаго правила. Столь же возможно, наоборотъ, и реактивное дѣйствіе вновь установляемаго ограниченія, если законодательная власть признаетъ его безусловно нужнымъ въ интересахъ государства. Представимъ себѣ, что прежній законъ допускалъ слишкомъ продолжительные (напр. столѣтніе) сроки земельной аренды, при которыхъ она была почти равносильна покупкѣ. Уменьшеніе этихъ сроковъ для будущихъ сдѣлокъ не скоро достигло бы своей цѣли, еслибы срокъ дѣйствія контрактовъ, уже заключенныхъ, остался неизмѣненнымъ. Вполнѣ правильнымъ разрѣшеніемъ вопроса представлялось бы, въ данномъ случаѣ, сообщеніе закону обратной силы, лишь бы только контрагенты были ограждены отъ невыгодныхъ послѣдствій неожиданной перемѣны, лишь бы только были опредѣлены основанія и порядокъ вознагражденія за досрочное прекращеніе

аренды. Окончательный нашъ выводъ таковъ: правило, въ силу котораго законъ не имѣетъ обратнаго дѣйствія, должно быть разсматриваемо какъ *норма*, но не какъ категорическій императивъ; законъ только тогда считается дѣйствующимъ лишь со времени его обнародованія, когда въ немъ самомъ не заключается оговорки, дающей ему, вполнѣ или отчасти, обратную силу.

Недоразумѣнія, вызываемыя разобраннымъ нами правиломъ, не ограничиваются преувеличеніемъ его значенія; они идутъ гораздо дальше, провозглашая неприкосновенность сепаратныхъ, частныхъ законовъ. „По самымъ общимъ юридическимъ понятіямъ", замѣчаетъ одна изъ петербургскихъ газетъ по поводу новаго закона объ акціонерныхъ банкахъ, „уставъ частнаго банка или желѣзно-дорожнаго общества, разъ онъ утвержденъ и разъ общество составилось именно въ виду даннаго устава, представляетъ собою основное пріобрѣтенное право, имѣющее характеръ отчасти договорный, и потому вовсе не безусловно могущее подлежать измѣненію въ силу новаго закона". Теорія, отголосокъ которой слышится въ этихъ словахъ, часто стояла поперегъ прогресса въ прошедшемъ, часто мѣшаетъ реформамъ въ настоящемъ и, вѣроятно, не разъ еще помѣшаетъ имъ въ ближайшемъ будущемъ. Во имя „пріобрѣтеннаго права" (англиканской церкви) Георгъ III-й отрицалъ возможность эманципація католиковъ, прусскіе феодалы—возможность обложенія ихъ имѣній поземельнымъ налогомъ; во имя пріобрѣтеннаго права наши остзейскіе бароны возставали и до сихъ поръ возстаютъ противъ всякой идущей не отъ нихъ самихъ перемѣны въ мѣстныхъ законахъ или порядкахъ. Во имя пріобрѣтеннаго права уполномоченные нашихъ желѣзно-дорожныхъ обществъ заявляютъ противъ проекта общаго желѣзно-дорожнаго закона тотъ протестъ, несостоятельность котораго мы старались доказать въ одномъ изъ нашихъ предъидущихъ обозрѣній [1]). Логически доведенная до конца, теорія пріобрѣтеннаго права оказалась бы несовмѣстной съ освобожденіемъ крестьянъ, съ установленіемъ общей воинской повинности, въ томъ видѣ, въ какомъ совершены у насъ эти великія преобразованія. Помѣщики могли бы сказать (да, если не ошибаемся, иногда и говорили): „мы имѣемъ законное, пріобрѣтенное наслѣдствомъ или покупкой право на нашихъ крестьянъ; оставьте ихъ за нами до ихъ смерти, дайте свободу только имѣющимъ еще родиться ихъ дѣтямъ". Дворяне могли бы сказать: „наши, живущія теперь дѣти родились въ то время, когда дворянство было изъято отъ рекрутской повинности; они имѣютъ, слѣдовательно, пріобрѣтенное право на свободу отъ обязательной военной службы;

---

[1]) „Вѣстникъ Европы", 1883 г., № 5.

привлекайте къ ней только тѣхъ дѣтей нашихъ, которые родятся послѣ изданія новаго закона". Лѣтъ восемь тому назадъ пишущему эти строки довелось присутствовать при обсужденіи вопроса, возможна ли, съ юридической точки зрѣнія, отмѣна льготъ, предоставленныхъ разнымъ учрежденіямъ въ видѣ безплатной пересылки почтовой корреспонденціи? Сомнѣніе заключалось въ томъ, не будетъ ли такая отмѣна нарушеніемъ права, пріобрѣтеннаго привилегированными учрежденіями. Отвѣтъ, данный юристами, конечно былъ утвердительный; они нашли, что право, основанное на законѣ, продолжается лишь до тѣхъ поръ, пока дѣйствуетъ законъ, и отнюдь не можетъ служить препятствіемъ къ полной или неполной его отмѣнѣ. Все, данное или освященное закономъ, можетъ быть тѣмъ же путемъ взято назадъ или подвергнуто измѣненію. Неподвижность несвойственна закону, потому что она несвойственна жизни, продуктомъ которой является законъ. Въ законодательной дѣятельности давность не существуетъ; продолжительное существованіе права не дѣлаетъ его неприкосновеннымъ. Въ область юриспруденціи входитъ только *примѣненіе* закона; *измѣненіе* его — вопросъ политическій или соціально-политическій, подлежащій разрѣшенію не на основаніи отвлеченныхъ юридическихъ соображеній. Если интересъ государства или общества требуетъ отмѣны закона, то препятствіемъ этому не можетъ и не должна служить ни ссылка на пріобрѣтенное посредствомъ закона право—потому что оно было пріобрѣтено не навсегда, а только на время дѣйствія закона,—ни ссылка на положеніе: „законъ не имѣетъ обратной силы"—потому что отмѣна права вовсе не означаетъ отмѣны всего сдѣланнаго на его почвѣ.

Между закономъ общимъ и закономъ сепаратнымъ—т.-е. касающимся одной мѣстности, одного учрежденія, одного общества—нѣтъ, въ занимающемъ насъ вопросѣ, никакой существенной разницы. Какъ тотъ, такъ и другой исходятъ отъ одной и той же законодательной власти, одинаково полноправной въ разрѣшеніи частныхъ и общихъ вопросовъ; и въ томъ, и въ другомъ отражаются господствующіе въ данную минуту взгляды; и тотъ, и другой старѣются, оказываются недостаточными, опережаются временемъ, обращаются изъ двигателей въ тормазы движенія. И тамъ, и тутъ возможны или, лучше сказать, неизбѣжны ошибки—возможно и необходимо, слѣдовательно, исправленіе ошибокъ, т.-е. измѣненіе закона. Намъ возразятъ, быть можетъ, что нѣкоторые сепаратные законы—напр. уставы акціонерныхъ обществъ — стоятъ исключительно или преимущественно на почвѣ частнаго, гражданскаго права, что каждое общество могло осуществиться лишь благодаря нѣкоторымъ статьямъ своего устава, что безъ этихъ статей немыслимо дальнѣйшее его существованіе,

что измѣненіе ихъ или отмѣна были бы равносильны прекращенію предпріятія, разоренію акціонеровъ. Какъ бы велика ни была, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, внутренняя сила этихъ аргументовъ, *права* законодательной власти на дополненіе, измѣненіе или отмѣну, по своему усмотрѣнію, тѣхъ или другихъ статей въ уставахъ акціонерныхъ обществъ они поколебать не могутъ. Нарушать *безъ надобности* интересы акціонеровъ и вообще частныхъ лицъ законодатель безъ сомнѣнія не долженъ—но выше всякихъ частныхъ интересовъ для него всегда остается интересъ общій, государственный. Единственными статьями уставовъ, не подлежащими измѣненію безъ соглашенія съ акціонерными обществами, представляются тѣ, которыя имѣютъ значеніе договора между обществомъ и казною, какъ юридическимъ лицомъ. Какъ понимать эту оговорку, какъ провести демаркаціонную черту между закономъ и договоромъ — объ этомъ мы говорили подробно при разборѣ проекта желѣзно-дорожнаго закона. Не повторяя приведенныхъ нами тогда соображеній, остановимся на спеціальной тэмѣ, по поводу которой загорѣлась полемика о „пріобрѣтенномъ правѣ", объ „обратной силѣ законовъ". Можетъ ли идти рѣчь о распространеніи правилъ, установленныхъ закономъ 5-го апрѣля для вновь учреждаемыхъ акціонерныхъ банковъ, на существующіе уже частные банки всѣхъ наименованій? Въ предъидущемъ обозрѣніи мы высказались уже, мимоходомъ, за утвердительное разрѣшеніе этого вопроса; противоположныя мнѣнія, встрѣченныя нами въ печати, заставляютъ насъ обсудить его болѣе подробно. Онъ гораздо важнѣе, чѣмъ можетъ показаться съ перваго взгляда.

Въ виду общихъ соображеній, высказанныхъ нами выше, вопросъ, только-что поставленный нами въ примѣненіи къ акціонернымъ коммерческимъ банкамъ, сводится къ тому, заключается ли въ уставахъ этихъ банковъ что-либо похожее на *договоръ* съ правительствомъ или казною? Отвѣтъ на этотъ вопросъ, по нашему мнѣнію, можетъ быть только одинъ—безусловно отрицательный. Договоръ предполагаетъ существованіе обязательства, и притомъ обязательства, имѣющаго частный, гражданскій характеръ. Такимъ характеромъ безспорно запечатлѣны тѣ статьи желѣзно-дорожныхъ уставовъ, которыми устанавливается гарантія, опредѣляются условія выкупа казною желѣзной дороги. Признаки договора можно видѣть и въ томъ правилѣ уставовъ, въ силу котораго желѣзная дорога, по истеченіи извѣстнаго срока, становится собственностью государства. Строго говоря, всѣ подобныя опредѣленія были бы гораздо болѣе умѣстны въ особомъ договорѣ между казною и желѣзно-дорожнымъ обществомъ—договорѣ, отдѣльномъ и независимомъ отъ устава, за которымъ осталось бы тогда единственно значеніе сепаратнаго закона. Можно ли сказать

тоже самое объ уставахъ частныхъ банковъ? Есть ли въ нихъ хоть одна статья, которая могла бы составить предметъ *договора* между казною и банкомъ? Какія гражданскія обязательства принимаетъ на себя казна передъ частными банками? Желѣзныя дороги призываются къ жизни самимъ государствомъ; сознавая ихъ важность, ихъ необходимость, и не считая, въ данную минуту, возможнымъ принять ихъ постройку и эксплуатацію непосредственно на свой счетъ, оно передаетъ это дѣло частнымъ лицамъ или обществамъ, регулируя отношеніе свое къ нимъ отчасти закономъ, отчасти договоромъ. Монопольный, до извѣстной степени, характеръ желѣзно-дорожныхъ предпріятій, громадность требуемыхъ ими затратъ, стратегическое значеніе желѣзныхъ дорогъ—все это способствуетъ указанной нами двойственности отношеній, двойственному значенію желѣзно-дорожныхъ уставовъ. Частные коммерческіе банки конкуррируютъ между собою, цѣлямъ правительства прямо не служатъ, образуются не по его инціативѣ и безъ его матеріальной поддержки. Сообразно съ этимъ, банковые уставы не содержатъ въ себѣ ровно ничего договорнаго; правительство, утверждая ихъ своею санкціею, является исключительно законодателемъ, а не контрагентомъ, не юридическимъ лицомъ.

Если измѣненіе банковыхъ уставовъ, по одностороннему усмотрѣнію законодательной власти, не противорѣчитъ общему правилу, ограничивающему обратное дѣйствіе закона, не нарушаетъ „пріобрѣтенныхъ правъ" банка и не встрѣчаетъ препятствія въ договорномъ характерѣ уставовъ, то правомѣрность, законность такого измѣненія очевидно не подлежатъ никакому сомнѣнію. Нѣтъ такого юридическаго начала, во имя котораго можно было бы отстаивать неприкосновенность банковаго устава; нѣтъ разумной причины, которая могла бы оправдывать совмѣстное существованіе двухъ разрядовъ банковыхъ учрежденій — подлежащихъ и не подлежащихъ правительственному контролю. Распространеніе правилъ 5-го апрѣля на банки и другія частныя кредитныя учрежденія, открывшія свою дѣятельность до изданія этихъ правилъ, представляется столь же справедливымъ, сколько и необходимымъ. Противоположное мнѣніе не только лишено правильныхъ основаній — оно ведетъ къ явному абсурду. Оно возводитъ частные банки на степень государствъ въ государствѣ, на степень самостоятельныхъ единицъ, которыхъ не можетъ коснуться рука законодательной власти. Оно обрекаетъ правительство на роль пассивнаго зрителя безпорядковъ и злоупотребленій, вооруженнаго, правда, уголовными карами противъ виновниковъ совершившагося зла, но безсильнаго предупредить его повтореніе и дальнѣйшее развитіе. Оно устраняетъ возможность пользо-

ваться указаніями опыта, исправлять допущенныя ошибки, пополнять пробѣлы. Уставы существующихъ частныхъ банковъ утверждены, бо̀льшею частью, въ такое время, когда въ правительственныхъ сферахъ, да отчасти и въ обществѣ, господствовала манчестерская теорія неограниченной экономической свободы, когда интересы небольшого меньшинства цѣнились выше интересовъ массы, когда, наконецъ, нельзя было ни ожидать, ни предвидѣть всего того, чѣмъ наполнена исторія банковаго дѣла за послѣднее десятилѣтіе. Неужели новые взгляды, какъ и новые факты, должны быть забыты, скинуты со счетовъ, лишь только идетъ рѣчь объ очарованномъ кругѣ существующихъ банковыхъ учрежденій? Нѣтъ; въ этой области, какъ и во всѣхъ другихъ, немыслимо отреченіе законодательной власти отъ безспорно принадлежащаго ей права. Банки—не иностранныя державы, банковые уставы—не международные трактаты, подлежащіе измѣненію лишь по обоюдному соглашенію договаривавшихся сторонъ. Если возможенъ общій желѣзно-дорожный уставъ, обязательный для всѣхъ безъ исключенія желѣзно-дорожныхъ обществъ, то тѣмъ болѣе возможенъ общій банковый уставъ, обязательный для всѣхъ частныхъ банковъ, независимо отъ времени ихъ утвержденія.

Покончивъ съ вопросомъ о законности, мы встрѣчаемся съ другимъ сомнѣніемъ, касающимся уже не внѣшней, формальной стороны, а самой сущности дѣла. „Частные банки, желѣзно-дорожныя предпріятія, да и всякія акціонерныя общества,—читаемъ мы въ газетной статьѣ, уже цитированной нами выше, — у насъ теперь не въ модѣ. А русскій человѣкъ такъ устроенъ, что хотя вещь вышла изъ моды, онъ самъ ея, однако, не оставитъ, но только будетъ требовать противъ нея—*мѣръ*... Убѣжденіе въ спасительномъ началѣ регламентаціи глубоко сидитъ въ каждомъ изъ насъ... Дѣйствительныя злоупотребленія, раскрытыя нѣсколькими процессами, подали поводъ желать мѣръ для *обузданія* банковъ, и публика склонна думать, что чѣмъ больше такихъ мѣръ и чѣмъ онѣ будутъ строже, тѣмъ лучше. Въ подобномъ взглядѣ есть нѣкоторое преувеличеніе; переходъ отъ частныхъ случаевъ къ общему не всегда оправдывается, особенно если онъ бываетъ слишкомъ поспѣшенъ". О *поспѣшности* перехода въ данномъ вопросѣ говорить едва ли можно. Со времени первыхъ замѣшательствъ въ нашемъ банковомъ дѣлѣ прошло уже около десяти лѣтъ; осенью нынѣшняго года минетъ восемь лѣтъ краху московскаго коммерческаго банка; вскорѣ за нимъ послѣдовала катастрофа въ петербургскомъ обществѣ взаимнаго кредита, послѣдовала несостоятельность кронштадтскаго банка, а *мѣръ* все не принималось, пока, наконецъ, чаша не была переполнена крушеніемъ скопинскаго городского банка. Вліянія моды на наши общественныя на-

строенія мы отрицать не станемъ; неужели, однако, вся вина желѣзно-дорожныхъ и другихъ акціонерныхъ предпріятій заключается въ томъ, что они „вышли изъ моды"? Неужели за ними нѣтъ длиннаго списка всяческихъ грѣховъ, коренящихся, притомъ, въ самыхъ основаніяхъ ихъ устройства? Въ уповавіи на *мѣры*—свойственномъ, впрочемъ, русскому обществу ничуть не больше, чѣмъ многимъ другимъ — есть, безъ сомнѣнія, доля наивности и недомыслія; но мы желали бы знать, существуетъ ли какой-нибудь суррогатъ для „мѣръ", пріискано ли средство обходиться безъ нихъ и все-таки достигать цѣли? Достаточно ли надѣяться, ждать, полагаться на дѣйствіе времени, на медленное, постепенное улучшеніе общественныхъ нравовъ? Въ виду такихъ событій, какъ кукуевская или тилигульская катастрофа, какъ московская струсбергіада, можно ли утѣшаться мыслью, что черезъ нѣсколько десятковъ или сотенъ лѣтъ возможность повторенія ихъ исчезнетъ сама собою? Скажемъ болѣе: необходимость *мѣръ* чувствуется не только въ критическіе моменты банковыхъ банкротствъ или желѣзно-дорожныхъ крушеній, но и при самой заурядной, будничной обстановкѣ. Безъ *мѣръ* столь же невозможно обезпечить правильность товарныхъ отправленій на желѣзныхъ дорогахъ, какъ и правильность вексельнаго учета въ частныхъ банкахъ. Безъ *мѣръ* едва ли мыслимо даже ограниченіе произвола правленій по отношенію къ акціонерамъ — и уже совершенно немыслимо ограниченіе его по отношенію къ третьимъ лицамъ. Само собою разумѣется, что *мѣры* могутъ быть удачны или неудачны; но возможность частной, всегда поправимой ошибки—не аргументъ противъ принципа, выражаемаго словомъ: *мѣры*.

Недовѣріе къ *мѣрамъ* сдѣлается для насъ болѣе понятнымъ, если сопоставить его съ однимъ изъ возраженій, вызванныхъ закономъ 5-го апрѣля. Этотъ законъ запрещаетъ лицамъ, занимающимъ административныя должности въ одномъ изъ банковъ или обществъ взаимнаго кредита, занимать такія же должности въ другихъ кредитныхъ учрежденіяхъ, государственныхъ и частныхъ. Газета, возстающая противъ *мѣръ*, признаетъ *совмѣстительство* „язвой банковаго дѣла", но вмѣстѣ съ тѣмъ осуждаетъ запрещеніе его, какъ „ограниченіе правъ акціонерныхъ собраній"; „по настоящему", замѣчаетъ она, „они должны бы быть совершенно вольны въ выборѣ". Итакъ, вредный порядокъ долженъ быть удержанъ въ силѣ во имя свободы, во имя правъ акціонерныхъ собраній! Въ какой деклараціи записаны эти права, какому глубокому источнику обязаны они своимъ происхожденіемъ? Мы понимаемъ, что можно говорить о естественныхъ правахъ *человѣка*, но отказываемся вѣрить въ существованіе естественныхъ правъ акціонернаго общества. Права, принадлежащія

акціонерному обществу или акціонерному собранію, основаны единственно на положительномъ законѣ; стоять выше закона, служить помѣхой измѣненію его или отмѣнѣ они не могутъ. Что касается до ссылки на *свободу* акціонерныхъ собраній, то по этому поводу можно только воскликнуть, подражая извѣстнымъ словамъ madame Роланъ: „о свобода, какъ часто употребляется во зло твое имя!" Свобода акціонерныхъ собраній—это разновидность той безусловной повидимому, и очень условной на самомъ дѣлѣ экономической свободы, которою позволительно было увлекаться развѣ нѣсколько десятилѣтій тому назадъ. Выгодная для небольшого меньшинства, она никогда и нигдѣ не благопріятствуетъ массѣ. Къ чему привела неограниченная „вольность" нашихъ акціонерныхъ собраній—это можно прочесть на каждой страницѣ ихъ исторіи.

Мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что въ противоположныхъ взглядахъ на законъ 5-го апрѣля отразился, до извѣстной степени, тотъ споръ, который все больше и больше выдвигается на первый планъ въ соціальной наукѣ и въ общественной жизни. Административный контроль надъ частными банками, установленіе максимальнаго предѣла для банковыхъ операцій, ограниченіе „совмѣстительства" должностей въ кредитныхъ учрежденіяхъ — все это представляетъ собою одинъ изъ случаевъ правительственнаго вмѣшательства въ гражданскія имущественныя отношенія частныхъ лицъ, т. е. именно въ ту сферу, которая еще недавно признавалась почти не подлежащею регламентаціи. Вопросъ о цѣляхъ, границахъ и условіяхъ правительственнаго вмѣшательства—вопросъ старый, весьма старый; новымъ можно назвать лишь тотъ фазисъ, въ который онъ вступилъ на нашихъ глазахъ, со времени нарожденія такъ-называемаго *государственнаго соціализма.* Неопредѣленность понятія, сопряженнаго съ этимъ словомъ, усиливаетъ, ожесточаетъ борьбу, средоточіемъ которой оно служитъ. Эластичность выраженія: *соціализмъ* скорѣе увеличилась, чѣмъ уменьшилась отъ прибавки къ нему эпитета: *государственный.* Подъ общимъ именемъ соціализма соединялась уже и прежде цѣлая лѣстница оттѣнковъ, отъ ярко-краснаго до блѣдно-розоваго цвѣта; теперь къ этой лѣстницѣ прибавилась еще одна ступень, въ свою очередь далеко не однородная въ своей окраскѣ. Подобно всякому новому ученію, государственный соціализмъ носитъ на себѣ, въ добавокъ, отпечатокъ авторовъ или отвѣтственныхъ издателей его— отпечатокъ, часто прикрывающій собою или искажающій его сущность. Прежде, чѣмъ говорить о государственномъ соціализмѣ, необходимо, поэтому, устранить нѣсколько недоразумѣній, условиться относительно смысла словъ, отдѣлить зерно отъ его внѣшнихъ, случайныхъ оболочекъ.

Mit Pauken und Trompeten, при трубныхъ звукахъ, напоминающихъ ярмарочное шествіе странствующихъ актеровъ или кортежъ шарлатана-продавца лекарствъ и любовныхъ напитковъ, государственный соціализмъ выступилъ на сцену въ Германіи, подъ эгидой и отчасти въ образѣ князя Висмарка. Въ Германіи, кажется, сложилось и самое названіе его, явившееся какъ бы наслѣдникомъ другого, тоже нѣмецкаго слова: „Kathedersocialismus". Чѣмъ крупнѣе личность имперскаго канцлера, чѣмъ громче его голосъ, чѣмъ согласнѣе и дружнѣе вторящіе ему возгласы его прислужниковъ и адептовъ, тѣмъ легче смѣшать доктрину съ ея проповѣдникомъ, обратить имя послѣдняго въ оружіе за или противъ первой. Зная обычные пріемы князя Висмарка, не трудно предположить, что государственный соціализмъ—исключительно боевой кличъ, въ родѣ отброшеннаго въ сторону, за непригодностью, Kulturkampf'а, исключительно маневръ, направленный противъ буржуазіи, интеллигенціи и либерализма. Еслибы это было такъ, то стоило бы только доказать несовмѣстимость прусскаго юнкерства и радикальныхъ реформъ, чтобы покончить съ государственнымъ соціализмомъ. На самомъ дѣлѣ вопросъ далеко не столь простъ, мѣсто, принадлежащее въ немъ желѣзному князю —далеко не преобладающее. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно припомнить, что стремленія, сродныя государственному соціализму, появились почти одновременно во многихъ странахъ Европы. Развѣ образъ дѣйствій австрійскаго министерства по рабочему вопросу, которому была посвящена особая статья въ предъидущей книгѣ нашего журнала, не соединяетъ въ себѣ всѣхъ характеристическихъ признаковъ государственнаго соціализма? Развѣ далеки отъ него законопроекты, задуманные и отчасти уже внесенные въ палату депутатовъ французскимъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, Вальдекъ-Руссо? Развѣ не имѣетъ съ нимъ точекъ соприкосновенія политика Гладстона по ирландскому земельному вопросу? Практикѣ, какъ это всегда бываетъ, и здѣсь предшествовала теорія; дорогу, на которую вступилъ государственный соціализмъ, проложили для него не только нѣмецкіе катедеръ-соціалисты, не только родственные имъ французскіе писатели—напр., Лавелэ, но уже Дж. Ст. Милль и другіе экономисты того же склада. Черты, свойственныя государственному соціализму, можно найти какъ въ сочиненіяхъ Людовика-Наполеона, предшествовавшихъ его возвышенію, такъ и въ правительственныхъ актахъ второй имперіи. Рекомендаціей въ пользу государственнаго соціализма это послѣднее обстоятельство безъ сомнѣнія не служитъ, но ничего не доказываетъ и противъ него, какъ ничего не доказываетъ поддержка его княземъ Бисмаркомъ. Инструментомъ въ рукахъ политическаго дѣятеля, меньше всего озабоченнаго общимъ

благомъ, можетъ сдѣлаться любой принципъ, даже самый правильный, даже самый великій; служебная роль, на которую временно обречена идея, безсильна уменьшить ея значеніе и цѣнность.

Одновременное появленіе государственнаго соціализма въ разныхъ европейскихъ государствахъ—не случайность, а естественный результатъ новыхъ комбинацій, выработанныхъ государственною и общественною жизнью. Врагамъ политической свободы всюду чудится, съ нѣкоторыхъ поръ, ея упадокъ; они ликуютъ на всѣ лады, празднуя паденіе конституціонализма, констатируя здѣсь—застой, тамъ—болѣзненное напряженіе парламентской дѣятельности, вездѣ—уменьшеніе довѣрія къ формамъ, къ гарантіямъ. Кризисъ, дѣйствительно, наступилъ, но причины его и смыслъ слѣдуетъ искать отнюдь не въ абсолютной непригодности учрежденій, на которыя еще недавно возлагалось столько надеждъ и ожиданій. Смутное безпокойство чувствуется не только тамъ, гдѣ существуютъ эти учрежденія, но и тамъ, гдѣ ихъ нѣтъ и въ поминѣ. Вездѣ наростаютъ новыя потребности; сознаются новыя права или по крайней мѣрѣ новыя обязанности, государство вездѣ стоитъ лицомъ къ лицу съ новыми задачами, серьёзными и неотложными. Въ отдѣльности взятыя, нѣкоторыя изъ нихъ сложились уже довольно давно; довольно давно были сдѣланы и попытки къ ихъ разрѣшенію. Отличительными чертами настоящей минуты представляются, въ нашихъ глазахъ, съ одной стороны большое, повсемѣстное накопленіе этихъ задачъ, съ другой стороны—приведеніе ихъ въ систему, болѣе сознательное отношеніе къ нимъ, какъ къ одному цѣлому. Пояснимъ нашу мысль примѣромъ. Когда, въ сороковыхъ годахъ, въ Англіи были предприняты первыя реформы въ области фабричнаго законодательства—ограниченіе дѣтской работы на фабрикахъ и т. п., — это было сдѣлано не въ силу общаго плана, общей идеи, а просто въ виду вопіющихъ злоупотребленій, слишкомъ рѣзко бросавшихся въ глаза и требовавшихъ хоть какого-нибудь отпора со стороны государства. Можно ли сказать тоже самое о фабричномъ законѣ, изданномъ недавно въ Германіи или приготовляемомъ къ изданію въ Австріи? Нѣтъ; и тотъ, и другой являются только отрывками обширной програмы, состоятъ въ тѣсной связи съ другими преобразованіями, задуманными или исполненными. Въ Англіи начало фабричной регламентаціи совпало съ торжествомъ манчестерской школы, враждебной правительственному вмѣшательству—въ Германіи и Австріи оно совпадаетъ съ паденіемъ этой школы. Покровительствуя малолѣтнимъ рабочимъ, министерство Роберта Пиля и послушная ему палата общинъ впадали, до извѣстной степени, въ противорѣчіе сами съ собою, склонялись на сторону соціализма, почти того не замѣчая; князь Бисмаркъ и графъ Таафе

понимаютъ какъ нельзя лучше настоящій смыслъ проводимыхъ ими законовъ. Это, конечно, не значитъ, чтобы австрійскій первый министръ или даже „великій" имперскій канцлеръ стояли выше Роберта Пиля; подобно ему, они являются только людьми своего времени. Въ основаніи государственнаго соціализма лежитъ прежде всего уступка требованіямъ необходимости. Чему-нибудь опытъ цѣлаго столѣтія не могъ не научить государственныхъ людей; эпоха застоя и сопротивленія à outrance повидимому миновала. Масса населенія не скидывается больше со счетовъ, не разсматривается больше какъ нуль, ничтожный самъ по себѣ и пріобрѣтающій значеніе только въ связи съ какою-либо положительною величиною. Потребности народа изучаются, принимаются въ соображеніе, становятся предметомъ дѣйствительной заботы. Насколько искренна и безкорыстна такая заботливость—это другой вопросъ, въ разныхъ случаяхъ допускающій различные отвѣты; важенъ здѣсь самый фактъ, независимо отъ его побужденій. Не подлежитъ впрочемъ, никакому сомнѣнію, что холоднымъ благоразуміемъ, тонкимъ разсчетомъ не исчерпывается вся подкладка государственнаго соціализма. Въ ея составъ входитъ и чувство долга, и стремленіе къ справедливости, и симпатія ко всему обездоленному, страждущему, нуждающемуся въ поддержкѣ. Отсюда появленіе однородныхъ тенденцій не только тамъ, гдѣ уже ясно обрисовалась грозящая опасность, но и тамъ, гдѣ она едва чувствуется въ воздухѣ. Въ противоположность извѣстной русской пословицѣ, девизомъ государственнаго соціализма могли бы быть слова: „незачѣмъ ждать грома, чтобы перекреститься".

Попытки облегчить положеніе народа встрѣчались вездѣ и всегда; нужно ли было создавать для нихъ новое имя, да еще притомъ имя съ такимъ подозрительнымъ оттѣнкомъ, какъ *государственный соціализмъ*? Не этимъ ли именемъ обусловливаются, по крайней мѣрѣ отчасти, предубѣжденія, вызываемыя самой системой? Можетъ быть; власть слова, звука все еще велика, притягательную или отталкивающую его силу отрицать трудно. Мы имѣемъ, однако, дѣло съ совершившимся фактомъ; имя новорожденному уже наречено—и выборъ его нельзя признать случайнымъ. Государственный соціализмъ безспорно имѣетъ точки соприкосновенія съ тѣмъ направленіемъ, отъ котораго онъ заимствовалъ половину своего названія. Страшнымъ, вслѣдствіе этого, онъ можетъ казаться только запуганному воображенію или закоренѣлому эгоизму. Мы уже говорили, что словомъ *соціализмъ* никогда не обозначалась строго-опредѣленная, замкнутая доктрина. Оно примѣнялось ко всѣмъ тенденціямъ, шедшимъ въ разрѣзъ съ ортодоксальной экономической наукой, съ заурядныиъ политическимъ катихизисомъ—ко всѣмъ ученіямъ, расширявшимъ область

правительственнаго вмѣшательства, въ смыслѣ поддержки массъ и ограниченія фактическихъ привилегій богатства. Далеко не всѣ тенденціи, не всѣ ученія этого рода имѣли характеръ революціонный; многія изъ нихъ не признавали другихъ средствъ, кромѣ мирныхъ, и возлагали свои надежды именно на существующую правительственную власть. Если въ умахъ большинства понятіе о соціализмѣ соединялось, тѣмъ не менѣе, съ понятіемъ о насильственномъ переворотѣ, то это слѣдуетъ объяснить съ одной стороны воспоминаніемъ объ іюньскихъ дняхъ 1848-го года, о парижской коммунѣ, съ другой—отрицательнымъ отношеніемъ правительственныхъ сферъ къ соціальнымъ реформамъ. Съ измѣненіемъ этого послѣдняго условія долженъ мало-по-малу, разсѣяться и страхъ, внушаемый словомъ *соціализмъ*. Эпитетъ: *государственный* свидѣтельствуетъ уже самъ по себѣ о законности средствъ, избираемыхъ для достиженія цѣли.

Законна ли, однако, самая цѣль государственнаго соціализма? Здѣсь открывается самый большой просторъ для разногласія. Не говоримъ уже о томъ, что програма государственнаго соціализма еще нигдѣ не установлена окончательно, что каждый пунктъ ея можетъ быть предметомъ спора, направленнаго либо противъ справедливости, либо противъ практичности, либо противъ своевременности задуманнаго шага. Останавливаясь на самой общей постановкѣ вопроса, мы встрѣчаемся съ двумя противоположными мнѣніями. Одно, не отвергая безусловно правительственнаго вмѣшательства въ экономическую жизнь, видитъ въ немъ неизбѣжное, но преходящее зло, подлежащее возможно-бóльшему ограниченію и во времени, и въ размѣрахъ; другое признаетъ его необходимымъ съ точки зрѣнія справедливости и пользы, и стремится къ распространенію его далеко за настоящіе его предѣлы. Не вдаваясь теперь въ подробный разборъ обоихъ мнѣній, замѣтимъ только, что въ нашихъ глазахъ спорный вопросъ предрѣшенъ всѣмъ сказаннымъ нами выше. Если потребность въ коренныхъ экономическихъ реформахъ составляетъ сигнатуру послѣдней четверти нашего вѣка, если главная задача настоящаго и ближайшаго будущаго заключается въ *мирномъ* осуществленіи этихъ реформъ, безъ катастрофъ и потрясеній, то на очереди, очевидно, должно стоять расширеніе, а не ограниченіе правительственнаго вмѣшательства. Только оно можетъ предупредить болѣзнь или исцѣлить ее безъ употребленія огня и желѣза. Ошибочно было бы думать, что оно несовмѣстно съ развитіемъ и укрѣпленіемъ политической свободы. Государственный соціализмъ мыслимъ при всякомъ государственномъ строѣ; имъ можетъ воспользоваться реакція, но столь же возможенъ союзъ его съ движеніемъ. Либерализмъ, понимаемый въ узкомъ, условномъ, прежнемъ смыслѣ этого слова, без-

спорно враждебенъ новой экономической политикѣ; но по одной разновидности, какъ мы уже много разъ говорили, нельзя судить о цѣломъ. Либерализмъ, въ смыслѣ служенія свободѣ, не исчерпывается устарѣвшимъ либеральнымъ доктринерствомъ. Свободѣ печати, свободѣ совѣсти и мысли, неприкосновенности личныхъ правъ, самоуправленію мѣстному и общему государственный соціализмъ, какъ принципъ, нимало не угрожаетъ. Уклоненія отъ принципа или усложненія его чуждыми ему элементами не могутъ быть поставлены ему въ вину, не могутъ служить основаніемъ для его оцѣнки.

У насъ, въ Россіи, государственный соціализмъ не играетъ еще той роли, которая принадлежитъ ему за нашей западной границей; полемика, возбужденная имъ въ нашей печати, тѣмъ не менѣе не представляется ни преждевременной, ни праздной. Пока мнѣнія не обрисовались еще отчетливо и ясно, пока смутныя желанія и порывы не сложились въ опредѣленныя стремленія, до тѣхъ поръ отдѣльныя правительственыя мѣры могутъ быть обсуждаемы исключительно съ точки зрѣнія ближайшихъ ихъ причинъ и результатовъ; во всякомъ иномъ фазисѣ вопроса неизбѣжны попытки обобщенія, неизбѣжна критика, отправляющаяся отъ тѣхъ или другихъ теоретическихъ положеній. Государственный соціализмъ—это какъ бы критерій, примѣняемый съ нѣкоторыхъ поръ къ цѣлой области законодательства. Тѣ реформы, которыя оказываются родственными съ опасной доктриной, подвергаются осужденію, то съ точки зрѣнія науки, будто бы отвергающей всѣ подобныя новшества, то съ точки зрѣнія государственнаго и общественнаго порядка, будто бы колеблемаго ими. Замышляется ли, напримѣръ, крестьянскій поземельный банкъ—тотчасъ же раздаются голоса, порицающіе сословный его характеръ, т.-е. домогающіеся обращенія его изъ орудія государственной помощи въ орудіе земельной спекуляціи; установляется ли налогъ съ наслѣдствъ—слышатся указанія на соціалистическое его свойство; заходитъ ли рѣчь о содѣйствіи крестьянскимъ переселеніямъ—на сцену выступаетъ теорія laisser faire или chacun pour soi; дѣлается ли первый шагъ къ правительственному контролю надъ частными банками—поперегъ дороги кладутся „пріобрѣтенныя права“, кладется „свобода акціонерныхъ собраній“. Всѣ эти возраженія идутъ съ разныхъ, иногда противоположныхъ сторонъ, но между ними есть одна общая черта—нерасположеніе или недовѣріе къ тому теченію, которое принято называть государственнымъ соціализмомъ. Источникъ этого нерасположенія, этого недовѣрія иногда коренится глубоко, въ послѣдовательномъ, цѣльномъ образѣ мыслей, иногда не идетъ дальше поверхностныхъ, легко устранимыхъ недоразумѣній. Такъ или иначе, не много найдется сколько-нибудь крупныхъ эконо-

мическихъ вопросовъ, въ обсужденіи которыхъ не выразилась бы прямо или косвенно, сознательно или безсознательно, симпатія или антипатія къ началамъ, лежащимъ въ основаніи государственнаго соціализма.

Истинная религіозная терпимость состоитъ не только въ отсутствіи гоненій за вѣру, но и въ предоставленіи иновѣрцамъ — т.-е. всѣмъ, непринадлежащимъ къ господствующей церкви—возможности устраивать свои церковныя дѣла, свою церковную жизнь по правиламъ и обрядамъ своего вѣроисповѣданія. Съ этой точки зрѣнія соглашеніе, состоявшееся недавно между русскимъ правительствомъ и римской куріей, заслуживаетъ, какъ намъ кажется, полнаго сочувствія. Епископская власть составляетъ одинъ изъ краеугольныхъ камней католической церкви; единственнымъ законнымъ источникомъ этой власти признается папа. Еслибы положеніе дѣлъ, существовавшее до соглашенія, продлилось еще нѣсколько лѣтъ, всѣ католическія епархіи въ Россіи и Царствѣ Польскомъ остались бы безъ епископовъ, а затѣмъ сдѣлалось бы невозможнымъ и самое посвященіе въ священническій санъ. Правительство, считающее между своими подданными нѣсколько милліоновъ католиковъ, не могло оставаться равнодушнымъ зрителемъ такой аномаліи. Выходъ изъ нея, говоря отвлеченно, представлялся двоякій: или признаніе католической церкви безусловно свободною, ничѣмъ не связанною съ государствомъ и не получающею отъ него никакой поддержки—или соглашеніе съ папой. Въ первомъ случаѣ католическіе епископы сдѣлались бы въ глазахъ правительства просто частными лицами, перестали бы получать содержаніе отъ казны, лишились бы права на содѣйствіе государственной власти; правительственному надзору дѣятельность ихъ подлежала бы на томъ же основаніи и въ такой же мѣрѣ, какъ и дѣятельность любой категоріи гражданъ; избраніе и утвержденіе ихъ было бы предметомъ частныхъ сношеній между русскими католиками и Римомъ. Обсуждать достоинства и недостатки такого порядка было бы совершенно напрасно; какъ бы правиленъ онъ ни былъ въ теоріи—на практикѣ, у насъ и въ настоящую минуту, онъ представляется очевидно неосуществимымъ. Для удовлетворенія законныхъ потребностей русской католической церкви оставался, такимъ образомъ, только одинъ выходъ, которымъ и воспользовалось правительство. Переходя къ подробностямъ соглашенія, мы можемъ пожалѣть только о томъ, что имъ обѣщано, хотя и съ оговоркой, пріостановленіе дѣйствія закона, стѣсняющаго власть епископовъ относительно устраненія отъ должности священниковъ. Большаго значенія, впрочемъ, эта уступка не имѣетъ. Въ примѣненіи только-что упомянутаго закона прави-

тельство руководилось едва ли не исключительно политическими соображеніями; во всѣхъ другихъ отношеніяхъ онъ едва ли служилъ для священниковъ гарантіей противъ епископскаго произвола. Еслибы политическій горизонтъ опять омрачился, ничто не могло бы помѣшать правительству возстановить дѣйствіе не отмѣненнаго, а только временно пріостановленнаго закона. Надзоръ за обученіемъ въ римско-католическихъ духовныхъ семинаріяхъ и духовной академіи обезпеченъ за правительствомъ настолько, насколько онъ совмѣстимъ съ неизбѣжною самостоятельностью въ преподаваніи богословскихъ предметовъ. Назначеніе пенсій тремъ епископамъ, высланнымъ изъ епархій въ смутное время и теперь окончательно отозваннымъ отъ должности, представляется, въ нашихъ глазахъ, фактомъ совершенно безразличнымъ, точно такъ же какъ и опредѣленіе четвертаго на другую епископскую каѳедру. Нѣтъ такой вины, которой не могло бы загладить время, искупить—двадцатилѣтняя ссылка.

Не такъ смотрятъ на дѣло нѣкоторыя московскія газеты. Соглашеніе съ римской куріей кажется имъ торжествомъ „польской справы", крупной политической ошибкой изъ числа тѣхъ, о которыхъ сложилась французская поговорка: „c'est plus qu'un crime—c'est une faute". Преступленіемъ и въ тоже время ошибкой представляется, въ нашихъ глазахъ, только религіозная нетерпимость. Она никогда не приводила къ желанной цѣли, никогда не подавляла ученій, противъ которыхъ была направлена—или подавляла ихъ, въ данную эпоху и въ данномъ мѣстѣ, цѣною самыхъ тяжелыхъ потерь для мнимаго побѣдителя. *Въ послѣднемъ счетѣ* стѣсненія и гоненія всегда падаютъ на тѣхъ, отъ которыхъ они исходятъ. Непріязненное настроеніе ревностныхъ католиковъ, съ теченіемъ времени, непремѣнно сдѣлалось бы факторомъ болѣе опаснымъ для государственнаго порядка, чѣмъ то участіе, которое, по мнѣнію нашихъ алармистовъ, новые епископы неминуемо должны принять въ агитаціи противъ Россіи. Припомнимъ, что активными дѣятелями послѣдняго возстанія католическіе священники были въ гораздо бо́льшей мѣрѣ, чѣмъ епископы. Увеличить шансы „польской справы" замѣщеніе вакантныхъ епископскихъ каѳедръ—если даже предположить, что лица, призванныя къ занятію ихъ, способны стать и станутъ на сторону враговъ Россіи—можетъ лишь въ самой незначительной степени; гораздо вѣроятнѣе ихъ уменьшеніе, вслѣдствіе устраненія одного изъ поводовъ къ неудовольствію противъ правительства.

Недавно обнародованный законъ объ учетѣ въ государственномъ банкѣ соло-векселей землевладѣльцевъ соотвѣтствуетъ вполнѣ тѣмъ

слухамъ, которые предшествовали его изданію; мы можемъ, поэтому, ограничиться ссылкой на прежнія замѣчанія наши по вопросу о земледѣльческомъ кредитѣ [1]). По ст. 5-ой новаго закона, долгъ землевладѣльца государственному банку—при обращеніи взысканія на недвижимое имѣніе—имѣетъ преимущество передъ всѣми другими, за исключеніемъ тѣхъ, которые обезпечены запрещеніемъ или залогомъ на имѣніи до наложенія на послѣднее запрещенія въ пользу банка, а также недоимокъ въ податяхъ и сборахъ. Совершенно справедливое по отношенію къ кредиторамъ землевладѣльца правило это значительно понижаетъ шансы полнаго удовлетворенія государственнаго банка. Желательно, по крайней мѣрѣ, чтобы однимъ изъ условій учета признана была, на практикѣ, свобода имѣнія отъ недоимокъ въ государственныхъ и земскихъ сборахъ. Это не только уменьшило бы рискъ банка, но послужило бы также побужденіемъ къ болѣе исправному взносу сборовъ, особенно земскихъ, недоимки которыхъ почти вездѣ достигаютъ значительныхъ размѣровъ и накопляются не столько вслѣдствіе несостоятельности, сколько вслѣдствіе небрежности землевладѣльцевъ. О затрудненіяхъ, съ которыми вѣроятно будетъ сопряжена правильная дѣятельность учетныхъ комитетовъ, мы уже говорили; уменьшить эти затрудненія могло бы съ одной стороны увеличеніе числа членовъ-землевладѣльцевъ, такъ чтобы ихъ приходилось по крайней мѣрѣ по одному на каждый уѣздъ, съ другой стороны—избраніе нѣкоторыхъ изъ нихъ губернскимъ земскимъ собраніемъ, хотя бы и не изъ среды губернскихъ гласныхъ.

Обложеніе пошлинами торговли на болѣе значительныхъ ярмаркахъ не вызываетъ, въ принципѣ, никакихъ возраженій, но не имѣетъ большого значенія, какъ палліативная мѣра, не касающаяся слабыхъ сторонъ нашей финансовой системы и не обѣщающая замѣтнаго приращенія государственныхъ доходовъ. Въ виду значительнаго пониженія, на 1884 г., оклада подушной подати, слѣдуетъ ожидать въ ближайшемъ будущемъ другихъ финансовыхъ новостей, болѣе крупныхъ. Палліативной мѣрой, въ другой области законодательства, представляется и законъ 28-го мая объ измѣненіи состава общихъ сената собраній и порядка производства дѣлъ, имъ подсудныхъ. Двадцать лѣтъ тому назадъ предоставленіе общему собранію права рѣшать судебныя дѣла простымъ большинствомъ голосовъ, по выслушаніи словеснаго заключенія оберъ-прокурора, безъ передачи дѣла на консультацію, при министерствѣ юстиціи учрежденную, было бы большимъ шагомъ впередъ, существеннымъ упрощеніемъ и уско-

---

[1]) См. „Внутр. Обозр.“ въ №№ 2 и 6 и „Литер. Обозр.“ въ № 5 В. Е. (разборъ книги г. Ходскаго и брошюры г. Толстаго).

реніемъ судопроизводства. Теперь оно не имѣетъ большого значенія, какъ въ виду ограниченности числа судебныхъ дѣлъ, подлежащихъ разсмотрѣнію въ общемъ собраніи, такъ и потому, что близокъ уже моментъ упраздненія судебныхъ департаментовъ сената, а слѣдовательно и общаго ихъ собранія [1]). Необходимы, въ настоящее время, не перемѣны въ старомъ порядкѣ судопроизводства, а совершенное его уничтоженіе, т.-е. повсемѣстное открытіе новыхъ судебныхъ учрежденій. Къ этой цѣли мы все еще подвигаемся впередъ медленно, слишкомъ медленно. О преобразованіи общихъ судовъ въ остзейскомъ краѣ все еще ничего не слышно; срокъ, назначенный для введенія въ этомъ краѣ мировыхъ судебныхъ установленій, прошелъ два года тому назадъ—а старый порядокъ все еще сохраняется тамъ въ полной силѣ. Не только Сибирь, но и нѣсколько губерній Европейской Россіи остаются внѣ дѣйствія новыхъ судебныхъ уставовъ. Дѣла торговыя все еще не изъяты изъ вѣдѣнія судебныхъ департаментовъ сената. Къ первому общему собранію сказанное нами о второмъ неприменимо, такъ какъ первому департаменту, дѣла котораго поступаютъ, въ извѣстныхъ случаяхъ, въ первое общее собраніе, не предстоитъ участь судебныхъ департаментовъ сената [2]). Первый департаментъ, какъ административный судъ и высшая, для текущихъ дѣлъ, административная инстанція, переживетъ, въ той или другой формѣ, окончательное закрытіе старыхъ судовъ и займетъ постоянное мѣсто рядомъ съ кассаціонными департаментами сената. Откладывать преобразованіе его до упраздненія судебныхъ департаментовъ нѣтъ никакой надобности; чѣмъ скорѣе онъ получитъ устройство, соотвѣтствующее его назначенію, тѣмъ лучше. Къ сожалѣнію, законъ 28-го мая меньше всего коснулся именно этого наиболѣе важнаго пункта. Измѣнивъ составъ перваго общаго собранія (до сихъ поръ оно состояло изъ сенаторовъ перваго департамента, департамента герольдіи и одного судебнаго; теперь будетъ состоять только изъ сенаторовъ перваго департамента и департамента герольдіи), онъ оставилъ безъ измѣненія все остальное. Поступать изъ перваго департамента въ первое общее собраніе дѣла по прежнему будутъ не только по Высочайшимъ повелѣніямъ, вслѣдствіе всеподданнѣйшихъ жалобъ, но и за разногласіемъ между се-

[1]) Подъ именемъ судебныхъ департаментовъ сената понимаются, какъ извѣстно, не кассаціонные, а такъ-называемые старые департаменты, составляющіе апелляціонную инстанцію по отношенію къ судамъ прежняго порядка.

[2]) Тоже самое можно сказать и о департаментѣ герольдіи, но дѣла, подвѣдомственныя этому департаменту, столь маловажны, что способъ производства и рѣшенія ихъ не представляетъ никакого общаго интереса.

наторами; для рѣшенія этихъ дѣлъ по прежнему требуется большинство двухъ третей голосовъ и согласіе съ нимъ министра юстиціи; при отсутствіи одного изъ этихъ условій дѣло по прежнему должно переходить на разсмотрѣніе государственнаго совѣта. Не говоря уже о медленности, сопряженной съ такимъ порядкомъ, онъ очевидно идетъ въ разрѣзъ съ значеніемъ перваго департамента, какъ административнаго суда. Судъ, хотя бы и административный, долженъ постановлять рѣшенія, а не подавать мнѣнія, принятіе или непринятіе которыхъ зависитъ отъ разныхъ случайныхъ обстоятельствъ. Онъ долженъ быть сосредоточенъ въ рукахъ людей, спеціально подготовленныхъ къ своему призванію и исключительно ему преданныхъ; высшая инстанція суда, разъ что она существуетъ, должна удовлетворять этимъ условіямъ въ большей еще степени, чѣмъ низшая. Таково ли первое общее собраніе, составляющее высшую инстанцію по отношенію къ первому департаменту сената? Гдѣ основанія предполагать, что дѣло, рѣшенное первымъ департаментомъ, будетъ рѣшено правильнѣе и лучше сенаторами того же департамента, съ прибавленіемъ къ нимъ только сенаторовъ департамента герольдіи? Неужели повѣрка актовъ состоянія и разсмотрѣніе жалобъ на дворянскія депутатскія собранія развиваютъ способность къ отправленію судебно-административныхъ функцій? Разсмотрѣніе по существу чисто судебныхъ дѣлъ долго составляло одну изъ главныхъ обязанностей министра юстиціи и государственнаго совѣта. Законъ 28-го мая, довершая дѣло, начатое судебными уставами, окончательно снимаетъ съ нихъ эту обязанность; теперь остается только освободить ихъ отъ разсмотрѣнія дѣлъ судебно-административныхъ.

Когда, въ 1865 г., изданы были правила о введеніи въ дѣйствіе судебныхъ уставовъ, никто не ожидалъ, что окончательное осуществленіе новаго закона замедлится, вмѣсто предположеннаго первоначально пятилѣтняго срока, на цѣлыхъ два десятилѣтія. Еще меньше можно было ожидать, что черезъ двадцать слишкомъ лѣтъ послѣ обнародованія основныхъ положеній судебной реформы придется дожить до ограниченія судебной гласности не только временными, чрезвычайными мѣрами (въ родѣ ноябрьскихъ правилъ 1881 года), но и постояннымъ закономъ. Военно-морской судебный уставъ послужилъ у насъ, нѣкогда, сигналомъ движенія впередъ въ области судоустройства и судопроизводства; распубликованной недавно новой редакціи перваго раздѣла военно-судебнаго устава суждено, можетъ быть, сдѣлаться сигналомъ обратнаго движенія. Одна изъ статей этого устава опредѣляетъ, что о дѣлахъ, производившихся

въ военныхъ судахъ безъ ограниченія публичности засѣданій [1]), дозволяется печатать для всеобщаго свѣдѣнія единственно въ указанныхъ для этого правительствомъ журналахъ, безъ всякаго, однако, обсужденія рѣшеній военныхъ судовъ. Всѣ прочія повременныя изданія имѣютъ право только перепечатывать такіе отчеты, безъ всякихъ измѣненій, сокращеній или дополненій, равнымъ образомъ не допуская никакихъ о нихъ сужденій. Всякіе комментаріи къ этому нововведенію были бы излишни. Значеніе судебной гласности слишкомъ часто, слишкомъ всесторонне было разъясняемо двадцать лѣтъ тому назадъ, чтобы могла возникнуть надобность въ повтореніи этихъ разъясненій. Съ измѣненіемъ обстоятельствъ истина вступитъ въ свои права сама собою; временное отступленіе отъ нея можетъ только освѣтить ее новымъ, еще болѣе яркимъ свѣтомъ.

Замѣтимъ, въ заключеніе, что новый порядокъ отправленія воинской повинности въ Петербургѣ, удобства котораго были указаны въ одномъ изъ послѣднихъ нашихъ обозрѣній [2]), получилъ недавно окончательное утвержденіе. Ходатайства петербургскаго городского по воинской повинности присутствія и петербургской городской думы привели, такимъ образомъ, къ результату, весьма важному и цѣнному для столичнаго населенія. Нужно ожидать, что примѣру Петербурга послѣдуютъ и другіе большіе города Россіи.

---

[1]) Публичность засѣданій въ военныхъ судахъ ограничена, съ нѣкоторыхъ поръ, гораздо больше, чѣмъ въ гражданскихъ; при закрытыхъ дверяхъ производятся всѣ дѣла о нарушеніи военной дисциплины.

[2]) См. „Вѣстн. Евр." 1883 г. № 6.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-ое Августа, 1883.

Графъ Шамборъ и графъ Парижскій.—Надежды и колебанія французскихъ консерваторовъ.—Парламентскія сцены; нападки на правительство и на республику.—Разстройство финансовъ и его причины.—Централизація и чиновничество во Франціи.—Внѣшняя французская политика; недоразумѣнія съ Англіею.—Республиканская годовщина въ Америкѣ.—Русское соглашеніе съ Ватиканомъ.

Внукъ послѣдняго законнаго короля Франціи, Карла X, забытый всѣми графъ Шамборъ, сдѣлался теперь героемъ дня, благодаря своей болѣзни. Объ немъ пишутъ во всѣхъ европейскихъ газетахъ, телеграфъ аккуратно слѣдитъ за состояніемъ его здоровья, всевозможныя политическія комбинаціи связываются съ ожидаемою его кончиною, и имя Генриха V постоянно упоминается во французской печати. Особенное возбужденіе замѣчается въ консервативныхъ сферахъ Франціи, въ ея аристократіи и высшей буржуазіи,—ибо болѣзнь графа Шамбора выдвигаетъ на сцену его естественнаго преемника, внука другого французскаго короля, Людовика-Филиппа. Королевская легенда переходитъ въ новый фазисъ,—изъ средневѣковой фантастической она становится почти современною, являясь уже не въ ветхихъ формахъ легитимизма, а въ видѣ конституціонной доктрины, представляемой либеральнымъ графомъ Парижскимъ. Этотъ рѣшительный переходъ долженъ совершиться самъ собою со смертью непреклоннаго хранителя преданій дома Бурбоновъ, суроваго рыцаря „бѣлыхъ лилій", стойкаго приверженца феодальной старины. Предметомъ общаго интереса оказывается не столько самъ Шамборъ, сколько предстоящая перемѣна въ положеніи французской монархической партіи. Ожиданія умѣренныхъ монархистовъ относятся не къ выздоровленію, а къ исчезновенію „короля", столь много содѣйствовавшаго укрѣпленію республики во Франціи.

Есть нѣчто жестокое въ этомъ публичномъ лихорадочномъ обсужденіи наслѣдства послѣ человѣка еще живого, окружаемаго внѣшнимъ почетомъ и лицемѣрною преданностью. Но безсердечіе составляетъ одну изъ неизбѣжныхъ особенностей политическихъ партій, при обострившейся борьбѣ интересовъ и стремленій. Внукъ Карла X хорошо понимаетъ, съ какими видами отправился къ нему на поклоненіе внукъ Людовика-Филиппа. Быть законнымъ наслѣдникомъ французскихъ королей и главою всѣхъ сторонниковъ монархіи, безъ раз-

личія оттѣнковъ,—перспектива въ такой степени заманчивая, что ради нея стóитъ дѣлать нѣкоторыя уступки и принести нѣкоторыя жертвы. Орлеанскіе принцы всегда отличались разсчетливостью и и практичностью. Они съумѣли занять видное положеніе въ республикѣ, не отказываясь отъ своихъ монархическихъ надеждъ; они добились возвращенія имъ громадныхъ имѣній, конфискованныхъ при Наполеонѣ III, и пользовались пріобрѣтенными средствами для усиленія своей анти-республиканской партіи; служа оффиціально установившемуся народному режиму, они принимали участіе во всѣхъ направленныхъ противъ него попыткахъ и интригахъ; имъ вообще удавалось, какъ говорится, „и невинность соблюсти и капиталъ пріобрѣсти".

Совершенно противоположный, нынѣ довольно рѣдкій типъ олицетворяется въ графѣ Шамборѣ. Онъ не только не приспособлялся къ требованіямъ дѣйствительности, не только не дѣлалъ ни одного шага на встрѣчу обстоятельствамъ, но высокомѣрно пропускалъ ихъ мимо и упорно отвергалъ всякія сдѣлки, казавшіяся ему несогласными съ традиціонными принципами его дома. Щепетильность его въ дѣлахъ фамильной чести доходила до непонятнаго самоотверженія. Онъ не хотѣлъ пожертвовать своимъ бѣлымъ знаменемъ ради королевскаго трона, приготовленнаго ему въ 1873 году монархическимъ большинствомъ версальскаго національнаго собранія; въ этомъ случаѣ онъ не послѣдовалъ примѣру своего предка, Генриха IV, который полагалъ, что для обладанія Парижемъ можно перемѣнить религію. Въ вопросѣ о знамени графъ Шамборъ удивлялъ своихъ собственныхъ поклонниковъ; отказываться отъ предлагаемаго престола изъ-за подобныхъ пустяковъ было нелѣпо, по мнѣнію консерваторовъ, жаждавшихъ уничтожить республику. Пріѣздъ „короля" въ Парижъ не состоялся, и французскимъ монархистамъ пришлось или примириться съ существующимъ государственнымъ строемъ или отречься отъ всякаго положительнаго вліянія на политическую жизнь страны. Образъ дѣйствій графа Шамбора привелъ къ тому, что республика была устроена руками ея враговъ, за неимѣніемъ матеріала для какой-либо другой формы правленія. Дѣло реставраціи было отложено до смерти бездѣтнаго претендента, такъ какъ совершившееся ранѣе формальное подчиненіе орлеанскихъ принцевъ авторитету графа Шамбора устраняло возможность всякой иной монархической кандидатуры.

Друзья графа Парижскаго видятъ теперь приближеніе того момента, когда ихъ терпѣливое ожиданіе увѣнчается заслуженною наградою и когда ихъ идеаламъ откроется свободное самостоятельное поле. Между тѣмъ положеніе дѣлъ во Франціи теперь уже далеко

не то, какое было десять лѣтъ назадъ. Республика успѣла утвердиться и пустить корни; она имѣетъ за себя важную охранительную силу—силу общественной привычки. Претенденты утратили свое прежнее значеніе; преданные имъ когда-то политическіе кружки распредѣлились отчасти по республиканскимъ группамъ и разорвали старыя связи, способныя компрометировать ихъ при новомъ порядкѣ вещей. Число монархистовъ значительно уменьшилось въ парламентѣ и въ странѣ; вѣроятность монархическаго переворота все болѣе уходитъ въ область несбыточныхъ фантазій. Наслѣдство, выпадающее на долю графа Парижскаго, можетъ оказаться обоюдуострымъ въ томъ отношеніи, что оно заставитъ принцевъ сдѣлать выборъ между безплодною ролью претендентовъ-изгнанниковъ и фактическимъ пользованіемъ благами республиканскаго режима во Франціи. При обычной осторожности своей, принцы не рѣшатся вполнѣ унаслѣдовать положеніе, которое занималъ графъ Шамборъ; они будутъ лавировать какъ всегда, не рискуя настоящимъ и не теряя изъ виду будущаго. Вѣрные подданные „короля Генриха V" не скрываютъ своихъ чувствъ къ „вѣроломной" и честолюбивой орлеанской фамиліи, принимавшей столь дѣятельное участіе въ осужденіи Людовика XVI и въ изгнаніи Карла X. Полемика между органами обѣихъ сторонъ получила въ послѣднее время крайне рѣзкій оттѣнокъ, но прямая воля главы, признавшаго принцевъ законными членами королевскаго дома, возьметъ вѣроятно верхъ надъ старинными антипатіями легитимистовъ.

Графу Шамбору не суждено было „спасти Францію", и онъ можетъ думать, что эта великая миссія будетъ исполнена болѣе ловкими и популярными представителями королевской идеи. Спасти отечество посредствомъ водворенія себя и своихъ приверженцевъ въ роскошныхъ дворцахъ Парижа и Версали—никогда не поздно. Набожный отшельникъ, лишенный энергіи и честолюбія, возлагаетъ спасительную задачу на молодое поколеніе, а самъ готовится умереть спокойно, довольствуясь голымъ именемъ короля. Истинно-вѣрующіе изъ его небольшого лагеря спрашиваютъ себя въ недоумѣніи: неужели провидѣніе для того только дало жизнь „сыну чуда", чтобы обречь его на безцѣльное и безплодное существованіе? Въ 1820 году, когда сынъ Карла X, герцогъ Беррійскій, былъ убитъ Лувелемъ, монархисты стараго закала оплакивали неминуемое прекращеніе династіи; но трауръ смѣнился восторгомъ, когда вдова герцога, черезъ полгода послѣ катастрофы, родила столь нужнаго всѣмъ наслѣдника. И этотъ наслѣдникъ, встрѣченный торжественно и шумно при появленіи своемъ на свѣтъ, умираетъ въ тихомъ австрійскомъ уголкѣ,

послѣ долгаго безцвѣтнаго прозябанія, никому въ сущности ненужный, кромѣ развѣ ожидающихъ добычи хищниковъ.

Графъ Шамборъ съ дѣтства осужденъ былъ на фиктивную жизнь короля безъ королевства, повелителя безъ подданныхъ, жреца безъ паствы. Придворное воспитаніе наполнило его умъ представленіями о прошломъ и будущемъ величіи; онъ искренно вѣрилъ, что онъ необходимъ для Франціи, что присутствіе его въ Парижѣ спасетъ страну, что имъ занимается и за него дѣйствуетъ божественный промыселъ. Это внушалось ему близкими людьми, искренними и фальшивыми льстецами, доктринерами и ханжами легитимизма; онъ весь былъ проникнутъ убѣжденіемъ въ своемъ королевскомъ призваніи, независящемъ отъ событій и людей. Окруженный, даже на чужбинѣ, всѣми признаками королевскаго достоинства и имѣя свой маленькій дворъ, въ предѣлахъ котораго строго соблюдается старинный этикетъ версальскаго двора, графъ Шамборъ могъ исполнять обязанности своего высокаго сана безъ тѣхъ неудобствъ и замѣшательствъ, съ которыми связано дѣйствительное господство надъ многомилліоннымъ капризнымъ народомъ. Мало того,—Генрихъ V является типомъ настоящаго короля, ибо онъ какъ нельзя лучше и полнѣе сообразовался съ извѣстною формулою, что „король царствуетъ, но не управляетъ". Онъ несомнѣнно царствуетъ въ теоріи, хотя имѣетъ резиденцію въ Фросдорфѣ, а не въ Парижѣ, и хотя его режимъ напоминаетъ скорѣе царство тѣней, чѣмъ явленія реальнаго міра. Оттого его царствованіе можетъ быть причислено къ самымъ безмятежнымъ и счастливымъ; оно было свободно отъ ошибокъ и потрясеній, отъ войнъ и революцій, отъ неудачъ и разочарованій. Во Франціи перемѣнилось за это время нѣсколько правительствъ и конституцій; множество министерствъ успѣло возвыситься и сойти со сцены; роковыя событія дали новое направленіе французской исторіи,—но за все это нисколько не отвѣчаетъ король, подобно тому какъ и въ Англіи королева Викторія не отвѣчаетъ за дѣйствія смѣняющихся кабинетовъ, опирающихся на всемогущую палату общинъ. Графъ Шамборъ поступалъ всегда самымъ благороднымъ образомъ относительно своихъ подданныхъ; онъ ни въ чемъ не стѣснялъ ихъ интересовъ, не налагалъ податей и повинностей, не вмѣшивался въ дѣла управленія и только изрѣдка высказывалъ свое мнѣніе въ какомъ-нибудь письмѣ къ преданному другу. Онъ можетъ теперь съ чистою совѣстью оглянуться на все свое долголѣтнее царствованіе и не имѣетъ повода завидовать ни Луи-Филиппу, замѣнявшему его на престолѣ съ 1830 года, ни Луи-Наполеону, присвоившему себѣ власть съ 1852 года. Король оставался неизмѣнно тѣмъ же безстрастнымъ мистикомъ, какимъ сдѣлали его традиціи Бурбонскаго дома. Въ своемъ миніатюр-

номъ воображаемомъ королевствѣ, въ Фросдорфѣ, онъ держался строго-консервативной политики и не встрѣчалъ противъ нея никакой оппозиціи; онъ рѣдко мѣнялъ довѣренныхъ лицъ и избѣгалъ кризисовъ въ этомъ отношеніи. Въ нерѣшимости выйти изъ этой спокойной созерцательной роли можно видѣть нѣкоторый оттѣнокъ Гамлетовской философіи; можно также видѣть въ этомъ высшее пониманіе задачъ конституціоннаго короля въ такой странѣ, какъ Франція. Французы съ своей стороны ничего не имѣютъ противъ Генриха V; они даже признательны ему за рыцарское поведеніе во время монархической кампаніи, предпринятой въ 1873 году герцогомъ де-Брольи и неудачно повторенной имъ же два года спустя. Гамбетта отзывался съ уваженіемъ о прямодушіи короля, разстроившемъ самоувѣренные планы клерикаловъ. И очень можетъ быть, что самъ графъ Шамборъ въ глубинѣ души доволенъ своею судьбою и не жалѣетъ о томъ, что ему не пришлось промѣнять свое эфемерное царствованіе на настоящее, дѣйствительное.

Проникнуты ли такою же философіею принцы Орлеанскаго дома? Графъ Парижскій не имѣлъ еще случая высказаться въ этомъ смыслѣ; до сихъ поръ онъ скромно работалъ въ литературѣ, помѣщалъ статьи въ „Revue des deux Mondes", издалъ книгу о положеніи рабочихъ въ Англіи и продолжаетъ трудиться надъ исторіею междоусобной войны въ сѣверной Америкѣ. Самый характеръ этихъ занятій долженъ расположить принца къ признанію того, что Шамборъ правъ. Дѣтство графа Парижскаго окружено такими же катастрофами, какъ и юные годы Шамбора. Оба они только до десятилѣтняго возраста находились въ положеніи „королевскихъ высочествъ"; у обоихъ отцы погибли очень рано отъ несчастныхъ случайностей; оба провели большую часть жизни вдали отъ родины, оставивъ за собою во Франціи одинъ — іюльскую революцію, другой — февральскую. Но, стоя ближе къ современности, графъ Парижскій подвергается и болѣе сильнымъ искушеніямъ; червь честолюбія питается въ немъ возможностью поддержки или сочувствія со стороны вліятельныхъ слоевъ французскаго общества. Значительная часть консерваторовъ и умѣренныхъ либераловъ все еще обнаруживаетъ страхъ предъ проявленіями свободы, легко теряетъ самообладаніе при малѣйшемъ уличномъ безпорядкѣ и готова измѣнить республикѣ изъ боязни радикализма или соціализма. Графъ Парижскій можетъ увлечься надеждою сыграть лишній разъ роль „спасителя общества" и повторить въ маленькихъ размѣрахъ исторію своего дѣда; но вѣра въ чудесное спасеніе народовъ отъ назрѣвшихъ соціальныхъ золъ имѣетъ теперь мало адептовъ, а потребность властной и сильной руки удовлетворяется какимъ-нибудь Гамбеттою гораздо скорѣе и проще, чѣмъ воцареніемъ

слабохарактернаго правителя, въ родѣ графа Парижскаго. Опытъ прошлаго убѣдилъ французовъ, что прочность общественнаго порядка не зависитъ отъ государственнаго устройства, что самыя консервативныя правительства могутъ оказаться слабыми, и что республиканскіе министры могутъ дѣйствовать энергичнѣе и самоувѣреннѣе монархическихъ, если монархія не имѣетъ надежныхъ корней въ народѣ. Историческій опытъ самъ по себѣ не имѣетъ однако рѣшающаго значенія въ политикѣ, ибо каждое поколѣніе руководится своими собственными чувствами и инстинктами, не вѣря опыту отцовъ. Притомъ всякій понимаетъ прошлое по своему, украшая и дополняя его личными представленіями и понятіями. Почему не предположить, что прежнія неудачи происходили вслѣдствіе ошибокъ государственныхъ людей и что болѣе успѣшные результаты были бы достигнуты при лучшемъ способѣ дѣйствія? Какъ бы то ни было, духъ орлеанизма далеко еще не вымеръ во Франціи и можетъ возродиться съ новою силою, подъ вліяніемъ какихъ-нибудь крупныхъ разочарованій въ области республиканскаго режима. Въ такихъ разочарованіяхъ никогда нѣтъ недостатка для желающихъ, и вотъ почему предстоящее выступленіе графа Парижскаго въ роли претендента на упраздненный престолъ серьёзно волнуетъ французскую консервативную прессу.

Нельзя отрицать, что республиканское правительство во Франціи даетъ удобный матеріалъ для критики и что оппозиція пользуется этимъ матеріаломъ весьма усердно. Нѣкоторые спеціальные симптомы указываютъ на сильное поднятіе духа среди монархистовъ. Недавно, 2 (14) іюля, праздновалась годовщина взятія Бастиліи народомъ въ 1789 году. Когда въ палатѣ депутатовъ одинъ ораторъ назвалъ этотъ день „днемъ національнаго торжества“, то герцогъ Ларошфуко-Бизаччіа, обыкновенно спокойный и сдержанный, быстро вскочилъ со словами, что это „день позора и убійствъ“. Правая сторона поддержала герцога, который навлекъ на себя положенное по уставу палаты взысканіе за неуваженіе къ законамъ. А между тѣмъ праздникъ 14 іюля весьма популяренъ въ странѣ и въ прежніе годы не вызывалъ протестовъ въ рядахъ оппозиціи,—тѣмъ болѣе, что 1789 годъ всегда считался симпатичнымъ большинству конституціонныхъ монархистовъ. Болѣе рѣзкая вылазка противъ республики сдѣлана была пресловутымъ бульварнымъ героемъ, Полемъ де-Кассаньякомъ, во время обсужденія тонкинскаго вопроса въ палатѣ. Этотъ депутатъ пытался объяснить экспедицію въ Тонкинъ какими-то темными биржевыми спекуляціями, но отказался назвать имена или привести какія-либо доказательства; а въ отвѣтъ на возраженіе Жюля Ферри, онъ осыпалъ его площадными ругательствами, которыя не могли попасть въ оффиціальный протоколъ засѣданія. Бурная парламент-

ская сцена не возбудила особеннаго негодованія противъ Кассаньяка въ печати и въ обществѣ; къ подобнымъ выходкамъ съ его стороны публика уже привыкла;—но удивительнѣе всего то, что крайніе радикалы, какъ Рошфоръ, одобряютъ яраго бонапартиста и дополняютъ недосказанное имъ соотвѣтственными комментаріями. Рошфоръ разсказываетъ, что братъ перваго министра участвовалъ въ выгодной покупкѣ облигацій тунисскаго государственнаго долга незадолго до занятія Туниса, и что цѣнность этихъ бумагъ искусственно повышалась благодаря политикѣ правительства, для увеличенія барышей Шарля Ферри и его компаньоновъ. Что многіе республиканскіе депутаты пользуются своимъ положеніемъ для финансовыхъ цѣлей— это несомнѣнно; многіе обогащаются неизвѣстными путями, въ качествѣ негласныхъ участниковъ сомнительныхъ предпріятій; многіе занимаютъ видныя мѣста въ правленіяхъ банковъ и желѣзныхъ дорогъ. Противъ этихъ злоупотребленій не придуманы еще надлежащія мѣры; страсть къ наживѣ не знаетъ партій,—она одинаково присуща людямъ различныхъ лагерей и наименѣе развивается при всеобщемъ свободномъ контролѣ, разоблачающемъ всякій сомнительный шагъ общественнаго дѣятеля. Если французы склонны снисходительно смотрѣть на дѣла, несогласныя съ предписаніями строгой морали, то отвѣтственность за это падаетъ на промышленный строй французской жизни, а не на существующую форму правленія. Республика не принимала девиза, возвѣщеннаго іюльскою монархіею и унаслѣдованнаго второю имперіею—девиза, выражающагося въ одномъ откровенномъ словѣ: „обогащайтесь!“ (Enrichissez-vous!). По крайней мѣрѣ обогащеніе не ставится уже какъ идеалъ политическаго благополучія, и виновные въ незаконныхъ спекуляціяхъ клеймятся общественнымъ презрѣніемъ. Нѣсколько депутатовъ должно было выйти изъ состава палаты и отказаться отъ парламентской карьеры вслѣдствіе оправдавшихся газетныхъ указаній; такія указанія исходятъ бо́льшею частью отъ радикальной прессы и рѣдко отличаются безпристрастіемъ. Депутатъ Лэзанъ, ближайшій другъ и сотрудникъ военнаго министра Тибодэна, обвиняетъ большинство палаты въ продажности, на томъ основаніи, что оно не раздѣляетъ его взгляда на предложенную правительствомъ сдѣлку съ большими желѣзнодорожными компаніями относительно устройства новыхъ дополнительныхъ линій, начатыхъ казною. По тому же поводу депутатъ Мадье де-Монжо произнесъ пламенную филиппику противъ „плутократіи, ведущей демократію на убой“, противъ уступокъ „финансовому феодализму“, развращающему совѣсть націи, и противъ „прислужниковъ, подкупленныхъ компаніями“. Никто, однако, не придавалъ серьёзнаго значенія подобнымъ намёкамъ, дѣлаемымъ въ пылу

газетной или парламентской полемики. Слишкомъ общія и неопредѣленныя обвиненія, не задѣвая никого въ частности, теряются безцѣльно въ пространствѣ; но общественное довѣріе все-таки колеблется отчасти, въ виду безспорнаго факта—разстройства богатѣйшихъ въ Европѣ французскихъ финансовъ.

Чѣмъ объяснить это разстройство, составляющее нынѣ любимую тэму враговъ республики? Произошло ли оно по винѣ правительства, вслѣдствіе бестолковости и небрежности министровъ, какъ полагаетъ публицистъ „Revue des deux Mondes", Шарль де-Мазадъ? Или оно имѣетъ источникъ болѣе глубокій, дѣйствующій независимо отъ воли того или другого кабинета? Эти вопросы разрѣшаются очень просто. Французскіе депутаты дорожатъ мнѣніемъ своихъ избирателей и стараются доставить своимъ округамъ всевозможныя выгоды, въ видѣ казенныхъ субсидій на сооруженіе мѣстныхъ дорогъ, каналовъ, публичныхъ зданій и т. п. Французы до сихъ поръ смотрятъ на правительство, какъ на неистощимый рогъ изобилія, и добиваются отъ него всякихъ льготъ и благъ, не задумываясь надъ тѣмъ, кто долженъ въ концѣ концовъ расплачиваться за эти государственныя щедроты. Вѣковая привычка къ административной опекѣ, къ вездѣсущей и всепоглощающей дѣятельности государства, отражается еще на всѣхъ отношеніяхъ французскаго народа къ власти. Отъ центральнаго правительства, изъ Парижа, ожидается удовлетвореніе всѣхъ общественныхъ потребностей провинцій, требуется помощь или разрѣшеніе во всякомъ предпріятіи, и на каждомъ шагу сознается зависимость отъ мѣстныхъ органовъ министерства, префектовъ и ихъ помощниковъ. Самоуправленіе существуетъ въ крайне слабой степени; „генеральные совѣты" не имѣютъ и десятой доли тѣхъ правъ, которыми снабжены по закону наши земскія учрежденія. Департаменты и округи, на которые раздѣлена территорія Франціи, не составляютъ хозяйственныхъ единицъ, съ самостоятельнымъ кругомъ дѣлъ и интересовъ; это — единицы только административныя, лишенныя внутренней живой организаціи и цѣльности. Населеніе не рѣшаетъ мѣстныхъ вопросовъ и не распоряжается мѣстными финансами, а можетъ лишь ходатайствовать предъ начальствомъ о своихъ нуждахъ и желаніяхъ, хотя бы самыхъ скромныхъ, касающихся постройки какого-нибудь моста или проведенія новой дороги. Отдѣльныя мѣстности не знаютъ и не могутъ знать, соотвѣтствуютъ ли требуемые расходы общимъ средствамъ бюджета; каждый округъ хочетъ имѣть какъ можно больше льготъ и выгодъ, не заботясь объ интересахъ казначейства или о потребностяхъ сосѣднихъ мѣстъ. Со всѣхъ сторонъ дѣлаются усиленныя систематическія попытки съ цѣлью вырвать согласіе правительства на тѣ или другія финансовыя

затраты; кандидаты въ члены парламента должны обѣщать многое для обезпеченія своего избранія,—они становятся повѣренными своихъ округовъ и обязательными ходатаями предъ правительствомъ по всѣмъ мѣстнымъ дѣламъ. Правительство съ своей стороны вынуждено считаться съ этимъ напоромъ желаній и просьбъ; оно не можетъ отклонять ихъ не только изъ опасенія потерять популярность, но еще и потому, что финансовыя требованія провинціи энергически поддерживаются заинтересованными депутатами, съ которыми министры должны быть въ мирѣ непремѣнно. Что же выходитъ отсюда? Государственныя средства все болѣе и болѣе втягиваются въ сферу крайне растяжимыхъ мѣстныхъ нуждъ; министрамъ все труднѣе справляться съ щедростью депутатовъ и палаты; все болѣе теряется нить въ правильномъ веденіи финансовъ, и наконецъ наступаетъ разстройство, съ обычными его спутниками—хроническимъ дефицитомъ и колебаніями государственнаго кредита. Въ палатѣ депутатовъ и въ печати все чаще раздаются голоса въ пользу коренного поворота финансовой политики; но поворотъ безполезенъ и неосуществимъ, пока главная въ республикѣ сила—народное представительство—состоитъ изъ людей, обязанныхъ хлопотать прежде всего объ интересахъ своихъ округовъ и не могущихъ безъ явнаго риска жертвовать притязаніями мѣстности ради сохраненія равновѣсія въ бюджетѣ. Каждый найдетъ вычеркнуть изъ бюджета что-нибудь другое, кромѣ потребованнаго имъ самимъ расхода; а такъ какъ всѣ одинаково желали бы облегчить казну на чужой счетъ, безъ всякихъ личныхъ уступокъ, то положеніе финансовъ не улучшается, и кризисъ усиливается по мѣрѣ уменьшенія довѣрія общества и самого правительства къ правильному ходу государственнаго хозяйства. Причина зла заключается меньше всего въ правительствѣ; она коренится очевидно гораздо глубже и не можетъ быть устранена или ослаблена личными перемѣнами въ составѣ кабинета. Еслибы государство не являлось единственнымъ хозяиномъ и распорядителемъ всѣхъ финансовыхъ средствъ страны, еслибы мѣстнымъ учрежденіямъ предоставлено было самостоятельно удовлетворять мѣстныя нужды при помощи мѣстныхъ же средствъ и сборовъ, еслибъ вообще система чрезмѣрной централизаціи уступила мѣсто свободному самоуправленію областей, округовъ и общинъ, — то не могло бы возникнуть нынѣшнее ненормальное отношеніе избирателей и ихъ депутатовъ къ государственному казначейству; люди относились бы съ бо́льшею бережливостью къ затратамъ изъ мѣстныхъ источниковъ, сообразовали бы расходы съ доходами и не предпринимали бы такихъ убыточныхъ и дорогихъ сооруженій, какихъ считаютъ себя вправѣ требо-

вать въ настоящее время, когда общественныя средства находятся исключительно въ рукахъ центральной правительственной власти.

Республика пока еще почти не коснулась общественнаго и административнаго строя Франціи. Принципъ „народнаго верховенства" не сошелъ еще съ государственныхъ высотъ въ глубь народной мѣстной жизни; онъ выражается главнымъ образомъ въ направленіи общихъ политическихъ дѣлъ страны, касаясь очень слабо ближайшихъ интересовъ народа и его насущныхъ житейскихъ задачъ. Республиканскій префектъ замѣнилъ императорскаго и королевскаго; но опека надъ населеніемъ осталась прежняя, съ тою только разницею, что граждане могутъ черезъ депутатовъ вліять на личный составъ администраціи. Верховенство народа исчерпывается въ сущности избраніемъ представителей въ центральную палату, засѣдающую въ Парижѣ; назначивъ своихъ довѣренныхъ лицъ, народъ возвращается подъ опеку чиновничества и остается въ томъ же зависимомъ безправномъ положеніи въ области мѣстныхъ общественныхъ вопросовъ. Будучи въ теоріи единственнымъ источникомъ власти и закона, народъ на практикѣ не можетъ осуществить ни одного общеполезнаго предпріятія безъ разрѣшенія и поддержки префектуры. Вся власть сосредоточивается въ центрѣ, какъ это было и при монархіи; въ рукахъ министерства и его органовъ находится весь сложный механизмъ бюрократіи, дѣйствующій по традиціоннымъ правиламъ, въ духѣ канцелярской рутины. Чрезмѣрная централизація, созданная королями, сохранилась при республикѣ; въ этомъ—главная опасность для новаго политическаго устройства. Республика останется болѣе номинальною, чѣмъ дѣйствительною, пока начало самоуправленія не будетъ вполнѣ примѣнено къ мѣстной жизни.

Республиканцы старой школы обращали все свое вниманіе на перестройку центральныхъ учрежденій и смотрѣли на централизацію какъ на могучее оружіе, котораго не слѣдуетъ выпускать изъ рукъ. И въ самомъ дѣлѣ, что̀ можетъ быть заманчивѣе того стройнаго бюрократическаго единства, при которомъ центральная министерская пружина мгновенно приводитъ въ движеніе всѣ государственныя и административныя силы цѣлой страны? Многимъ кажется, что власть поступила бы безразсудно, еслибы добровольно лишила себя такого чудодѣйственнаго оружія, доведеннаго до нынѣшняго совершенства предшествовавшими правительствами. Многіе вѣрятъ еще, что централизація придаетъ власти исключительную крѣпость и силу, забывая обоюдуострое значеніе этой силы. Если достаточно завладѣть центромъ, чтобы получить въ свое распоряженіе все государство, то можно говорить объ единствѣ, а не о прочности даннаго политическаго строя. Государственные перево-

роты значительно облегчаются этимъ могучимъ единствомъ, помѣщающимъ всю Францію въ Парижѣ. Республика нѣсколько разъ дѣлалась жертвою этой системы, отъ которой однако не хотятъ отказаться современные французскіе республиканцы. Они слѣдуютъ въ этомъ отношеніи принципамъ якобинцевъ первой революціи; но тогдашніе якобинцы были наказаны за свою ошибку событіемъ 18 брюмера, какъ преемники ихъ въ 1848 году были наказаны переворотомъ 2 декабря. Приверженцы централизаціи во Франціи какъ бы желаютъ сохранить открытою ту дверь, черезъ которую не разъ приходила насильственная узурпація. Большинство населенія относится равнодушно къ перемѣнамъ, не затрогивающимъ внутренней жизни народа и не измѣняющимъ ни его фактическихъ правъ, ни его повинностей. Если кто-нибудь предложитъ теперь массѣ французскихъ обывателей широкое мѣстное самоуправленіе, цѣною монархическихъ передѣлокъ въ центрѣ, то прочность республики можетъ легко подвергнуться серьёзному испытанію. Люди всегда предпочтутъ близкую пользу—отдаленной и общей; осязательныя выгоды обладаютъ гораздо бо́льшею силою убѣжденія, чѣмъ отвлеченные, не всѣмъ доступные мотивы.

Бюрократія во Франціи разростается и крѣпнетъ при республикѣ; число служащихъ въ министерствахъ увеличивается непрерывно, канцеляріи и вѣдомства размножаются вслѣдствіе присущей чиновничеству экспансивной силы, безъ всякаго отношенія къ потребностямъ общества. Содержаніе всѣхъ вообще служащихъ обходится теперь на 600 милліоновъ дороже, чѣмъ въ 1869 году. Пенсіи чиновникамъ возрасли съ 41 до 55 милліоновъ, въ теченіе пятилѣтняго срока, съ 1877 по 1882 годъ. Цѣлая армія въ 263 тысячъ человѣкъ существуетъ насчетъ государственнаго казначейства, въ качествѣ бывшихъ чиновниковъ, — тогда какъ въ 1869 году ихъ было только 174 тысячи. На каждую должность въ администраціи приходится нѣсколько получателей жалованья: во-первыхъ, человѣкъ, занимающій нынѣ данное мѣсто, во-вторыхъ, его предмѣстникъ, дослужившійся до пенсіи; въ-третьихъ, еще болѣе ранній предшественникъ, снабженный полною пожизненною пенсіею и т. д. Такимъ образомъ расходы на чиновничество вдвое или втрое превышаютъ дѣйствительную надобность. Искателей мѣстъ бываетъ всегда несравненно больше, чѣмъ вакансій. Положеніе чиновника считается издавна самымъ почетнымъ и привлекательнымъ въ среднемъ классѣ французскаго общества. Множество людей добиваются чести занимать какую бы то ни было оффиціальную должность; правительство или, вѣрнѣе сказать, чиновничество часто проникается жалостью къ этимъ просителямъ и создаетъ для нихъ новыя мѣста посредствомъ искусствен-

наго расширенія существующихъ вѣдомствъ. Въ статьѣ журнала „Nouvelle Revue", откуда мы заимствуемъ приведенныя свѣдѣнія, это болѣзненное развитіе бюрократизма („maladie du fonctionnarisme") справедливо выставляется какъ первостепенное зло французской администраціи. Ослабить это зло и устранить его вредныя послѣдствія возможно только путемъ кореннаго преобразованія правительственной системы на началахъ полнаго мѣстнаго самоуправленія. Централизованная власть, какъ бы совершенна она ни была, можетъ приносить хорошіе плоды только въ томъ случаѣ, если подъ ея законною охраною свободно развивается самостоятельная жизнь областей, округовъ и общинъ. Безъ этихъ условій республика не представляетъ народу никакихъ непосредственныхъ преимуществъ, сравнительно съ предшествовавшими государственными формами.

Какъ это ни странно, но народное представительство во Франціи обнаруживало до сихъ поръ какую-то беззаботную расточительность относительно государственныхъ финансовъ, подъ вліяніемъ убѣжденія въ неисчерпаемомъ богатствѣ страны. Министру финансовъ приходится доказывать предъ палатою депутатовъ, что финансы разстроены, что средствъ не хватаетъ на удовлетвореніе всѣхъ предлагаемыхъ требованій, что нужно подумать о бережливости, а не о новыхъ затратахъ;—палата выслушиваетъ все это какъ бы съ видомъ недовѣрія, и даже депутаты, раздѣляющіе пессимистическій взглядъ министра, склонны допускать исключеніе для своихъ избирательныхъ округовъ, уполномочившихъ ихъ хлопотать о какомъ-нибудь полезномъ расходѣ на мѣстныя надобности. Каждый въ отдѣльности старается о выгодахъ своей мѣстности, а въ общемъ результатѣ выходитъ крайне невыгодное положеніе цѣлаго. Узкая заботливость депутатовъ объ интересахъ своихъ околотковъ приводитъ къ обремененію государственнаго бюджета и къ общей финансовой путаницѣ. Зависимость мѣстныхъ дѣлъ отъ центральной власти отражается явнымъ вредомъ для государства; недостатокъ полнаго самоуправленія мститъ за себя республиканскому правительству, вызывая хозяйственные недуги, способные подрывать вѣру въ долговѣчность республики.

Вопросъ о финансахъ составляетъ наиболѣе сильную опору для стремленій умѣренныхъ монархистовъ, такъ какъ высшій финансовый міръ Парижа питаетъ скрытыя симпатіи къ орлеанскимъ принцамъ и находится въ разладѣ съ республикою. Самыя энергическія и преувеличенныя жалобы на разстройство финансовъ исходятъ изъ лагеря крупныхъ биржевыхъ тузовъ и акціонерныхъ компаній, имѣющихъ свои „независимые" органы печати, въ родѣ „Temps", и своихъ авторитетныхъ защитниковъ, въ родѣ Леона Сэя. Рядомъ съ финансовымъ вопросомъ, дѣйствуетъ въ томъ же направленіи другой источникъ

недовольства—неудачная иностранная политика. Французы никогда не отличались правильнымъ пониманіемъ чувствъ и стремленій чужихъ народовъ, даже сосѣднихъ; а взаимное непониманіе чаще всего ведетъ къ недоразумѣніямъ и къ враждѣ. Со времени паденія второй имперіи, французскіе публицисты и политическіе дѣятели стали болѣе прежняго интересоваться внутренними дѣлами другихъ государствъ; но и теперь они значительно отстаютъ въ этомъ отношеніи отъ англичанъ и нѣмцевъ, которые привыкли аккуратно слѣдить за всѣми подробностями въ состояніи Европы и отдѣльныхъ ея государствъ.

Во Франціи существуютъ журналы, въ которыхъ помѣщаются по временамъ обстоятельныя разсужденія о Россіи, Германіи или Англіи; въ числѣ такихъ журналовъ видное мѣсто занимаетъ „Nouvelle Revue". Редакція этого изданія съ особеннымъ вниманіемъ относится къ русскимъ дѣламъ и къ русской литературѣ; произведенія Тургенева и Льва Толстого находятъ здѣсь восторженную оцѣнку. Въ отдѣлѣ иностранной хроники всегда обсуждается положеніе и политика Россіи; словомъ, журналъ вполнѣ заслуживаетъ названія „руссофильскаго", какимъ онъ былъ съ самаго начала по мысли издательницы, г-жи Жюльеты Ламберъ. Чтó-же видимъ мы въ этомъ руссофильскомъ журналѣ? Въ сужденіяхъ о русской политикѣ бросается намъ въ глаза цѣлый рядъ несообразностей; между прочимъ, намъ преподаются совѣты и пожеланія, до того наивныя, что читателю остается только недоумѣвать. Въ послѣдней книжкѣ (отъ 15 іюля) редакція, повидимому, не съумѣла отличить министра отъ знаменитаго писателя, о которомъ еще недавно напечатанъ былъ пространный этюдъ въ томъ-же журналѣ. Если такіе промахи дѣлаются относительно Россіи, съ которою редакція желаетъ спеціально знакомить французскую публику, то можно себѣ представить характеръ свѣдѣній журнала о другихъ менѣе симпатичныхъ ему странахъ. Насчетъ Германіи проводится старая система рѣзкой отрицательной критики, въ духѣ односторонняго національнаго шовинизма, казавшагося уже достаточно опровергнутымъ Седанскою катастрофою. „Nouvelle Revue" берется, напримѣръ, доказать, что нѣмцамъ недоступны возвышенные порывы, что имъ присущи лишь грубые животные инстинкты, уживающіеся какъ-то съ холоднымъ кабинетнымъ философствованіемъ, и что великіе нѣмецкіе классики, какъ Гёте и Шиллеръ, только по недоразумѣнію признаны великими. Безъ сомнѣнія, патріотизмъ читателей долженъ быть польщенъ сознаніемъ, что Шиллеру и Гёте неизмѣримо далеко до Корнеля и Расина; но полезно-ли такое патріотическое ослѣпленіе—это вопросъ, на который не можетъ быть двухъ отвѣтовъ.

Подобное поверхностное и полу-презрительное отношеніе къ чу-

жимъ народамъ всегда служило причиною роковыхъ ошибокъ и неудачъ въ иностранной политикѣ Франціи. Незнаніе или невѣрное пониманіе мнѣній и чувствъ дружественнаго государства неизбѣжно ведетъ къ недоразумѣніямъ, могущимъ надолго разстроить важный международный союзъ; такъ было съ Италіею, которую французская дипломатія безсознательно толкнула на путь тѣснаго сближенія съ Австріею и Германіей. Отчасти такъ случилось и относительно Англіи въ послѣднее время.

Французскіе государственные люди, съ Гамбеттою во главѣ, стояли горою за союзъ съ Англіею; они старались укрѣпить дружбу, выгодную для обѣихъ сторонъ. И однако они дѣлали все, что отъ нихъ зависѣло, для уничтоженія этой естественной и необходимой по ихъ мнѣнію комбинаціи; во время переговоровъ о торговомъ трактатѣ они какъ-бы умышленно раздражали англичанъ своими необъяснимыми отсрочками и своею странною неуступчивостью въ мелочахъ; газетная полемика затрогивала безъ нужды самыя чувствительныя струны англійскаго національнаго характера, такъ что охлажденіе было замѣтно еще ранѣе египетскаго кризиса. Колебанія министерства Фрейсинэ въ вопросѣ о совмѣстномъ дѣйствіи въ Египтѣ подготовили разладъ, выражавшійся съ достаточною ясностью послѣ успѣшнаго окончанія египетской кампаніи. Отказавшись отъ участія въ экспедиціи, французская дипломатія заявила потомъ притязаніе на участіе въ ея результатахъ и этимъ только усилила раздраженіе, безъ всякой для себя пользы. Англія стала въ свою очередь третировать Францію свысока; тонъ лондонской печати сдѣлался прямо враждебнымъ, вызывая соотвѣтственное настроеніе въ печати парижской. Идея англо-французскаго союза окончательно похоронена, по крайней мѣрѣ въ настоящее время. Выступившій на сцену вопросъ о постройкѣ второго Суэзскаго канала доставилъ, правда, кажущееся торжество французамъ; но это торжество должно быть отнесено всецѣло къ личному искусству и энергіи знаменитаго Лессепса. Англійское правительство вынуждено было, подъ напоромъ общественнаго мнѣнія страны, отказаться отъ сдѣлки съ Лессепсомъ объ условіяхъ проведенія новаго канала, параллельно съ прежнимъ; но англійскіе министры успѣли косвенно подтвердить исключительное право Лессепса на прорытіе Суэзскаго перешейка, такъ что положеніе французской кампаніи упрочилось и сооруженіе второго канала осталось въ ея рукахъ. Англичане не скрываютъ намѣренія при первомъ удобномъ случаѣ присвоить себѣ власть надъ каналомъ, построеннымъ французами вопреки противодѣйствію Англіи; но попытка насильственно осуществить тотъ планъ вызвала бы прямое столкновеніе съ Франціею, котораго конечно не желаетъ миролюбивый кабинетъ Гладстона.

Неудовольствіе противъ французской республики проявилось въ Англіи съ особеннымъ шумомъ по поводу слуховъ объ оскорбленіи британскаго консула, которое будто бы позволилъ себѣ французскій адмиралъ въ Мадагаскарѣ. Слухи не оправдались, но произведенное ими впечатлѣніе осталось и росло, придавая непріятный воинственный отпечатокъ всѣмъ англійскимъ разсужденіямъ о Франціи. Въ этомъ послѣдовательномъ развитіи международнаго спора виноваты далеко не одни французы; но они могли бы во многомъ предупредить охлажденіе, еслибы лучше слѣдили за общественнымъ мнѣніемъ Англіи. Теперь противники республики винятъ во всемъ правительство и лицемѣрно оплакиваютъ упадокъ французскаго вліянія въ Европѣ, намекая на призваніе монархіи возстановить утраченный авторитетъ страны въ дѣлахъ внѣшней политики.

Неудачный ходъ внѣшнихъ дѣлъ даетъ сторонникамъ графа Парижскаго новый поводъ надѣяться и ждать. Между тѣмъ министерство Жюля Ферри принимаетъ энергическія мѣры для успѣшнаго веденія предпринятыхъ колоніальныхъ кампаній и для улучшенія испортившихся отношеній съ Англіею. Въ этомъ послѣднемъ смыслѣ особенно удачною мѣрою признается назначеніе бывшаго министра Ваддингтона, англичанина по фамиліи и по симпатіямъ, на важный нынѣ постъ французскаго посланника въ Лондонѣ. Можетъ быть, надежды монархистовъ окажутся въ концѣ концовъ напрасными и Франція не потерпитъ ущерба въ сферѣ международныхъ интересовъ. Еще болѣе неловкимъ будетъ положеніе орлеанской партіи, если графъ Шамборъ, несмотря на свои 63 года, счастливо выдержитъ кризисъ и этимъ положитъ конецъ всякимъ монархическимъ комбинаціямъ, которыми преждевременно увлеклись дѣятели консервативной оппозиціи во Франціи.

Величайшее въ мірѣ республиканское государство—сѣверо-американскіе Соединенные Штаты,—также не свободны отъ золъ и недостатковъ, которыми страдаютъ европейскія державы вообще и французская республика въ частности. Американское чиновничество довело до грандіозныхъ размѣровъ обычныя слабости бюрократизма, сообщивъ имъ только направленіе спеціально-коммерческое. При общемъ лихорадочномъ движеніи промышленности и при колоссальномъ богатствѣ страны, государственная служба также получила значеніе особой отрасли предпріимчивости, со всѣми признаками и свойствами торговаго промысла. Казнокрадство и продажность являются тамъ въ видѣ крупныхъ организованныхъ аферъ, которыя только въ послѣдніе годы стали подвергаться публичному преслѣдо-

ванію и наказанію. Но американскіе судьи, какъ люди практическіе, нерѣдко оправдываютъ обвиняемыхъ по такого рода дѣламъ; они полагаютъ, что способный чиновникъ не можетъ довольствоваться получаемымъ жалованьемъ и что побочные доходы по службѣ только тогда должны признаваться преступными, если они связаны съ прямымъ нарушеніемъ законовъ или наносятъ явный ущербъ государству. Недавно окончился громкій процессъ, въ которомъ замѣшаны были высшіе чиновники почтоваго вѣдомства, въ союзѣ съ однимъ сенаторомъ. Дѣло шло о милліонныхъ суммахъ, взятыхъ за коммиссію при заключеніи контрактовъ на перевозку кладей въ предѣлахъ малонаселенныхъ штатовъ и территорій „далекаго запада". Слѣдствіе производилось долго и тщательно; казна затратила на веденіе дѣла около двухсотъ тысячъ долларовъ, изъ которыхъ полтораста тысячъ досталось пяти адвокатамъ, защищавшимъ интересы государства. Присяжные, однако, оправдали подсудимыхъ.

Разсказывая объ этомъ дѣлѣ въ „Journal des Débats", Гюставъ де-Молинари предается меланхолическимъ размышленіямъ о печальномъ характерѣ чиновничества въ великой американской республикѣ, въ связи съ излишествами избирательнаго принципа въ примѣненіи къ замѣщенію второстепенныхъ оффиціальныхъ должностей. Публицистъ академической газеты косвенно какъ бы утѣшаетъ пессимистовъ, жалующихся на развитіе бюрократіи во Франціи;—каковы бы ни были французскіе чиновники и администраторы, никто не заподозритъ ихъ однако въ казнокрадствѣ или взяточничествѣ. Но дѣло въ томъ, что грѣхи американскаго чиновничества не имѣютъ особеннаго вліянія на насущные интересы населенія, ибо послѣднее само управляетъ своими мѣстными дѣлами и ни въ чемъ не зависитъ отъ представителей администраціи. Оттого и публика съ сравнительнымъ равнодушіемъ относится къ злоупотребленіямъ, касающимся государственнаго казначейства, тѣмъ болѣе, что американскіе финансы страдаютъ непонятною намъ болѣзнью — чрезмѣрнымъ обиліемъ средствъ, которыхъ дѣвать некуда.

Соединенные Штаты не имѣютъ тяжелаго военнаго бюджета, какъ европейскія державы, они не обязаны тратить цѣлую треть всѣхъ государственныхъ доходовъ на содержаніе милліонной арміи, и самые эти доходы достаются легко, безъ того обремененія народа, которое составляетъ неизбѣжную принадлежность податной системы въ государствахъ Европы. Между прочимъ, правительство поставлено теперь въ затрудненіе громадными излишками казенныхъ рессурсовъ, накопляющихся вслѣдствіе взиманія пошлинъ съ привозимыхъ товаровъ. Это странное неудобство явилось неожиданнымъ доводомъ противъ покровительственнаго тарифа, которымъ Соединен-

ные Штаты охраняли свою промышленность отъ конкурренціи Англіи. Высокія пошлины отчасти уже понижены, и дальнѣйшее пониженіе будетъ тѣмъ болѣе естественно, что американцамъ нечего уже опасаться англійскаго соперничества, такъ какъ они сами становятся опасными англичанамъ и успѣшно вытѣсняютъ ихъ съ европейскихъ рынковъ, забираясь съ своими продуктами даже въ самую Англію.

Американцы не имѣютъ основанія раздѣлять пессимистическія воззрѣнія, господствующія въ старой Европѣ; они живутъ и дѣйствуютъ, распоряжаясь настоящимъ и вырабатывая свое будущее. Въ скоромъ времени предстоитъ торжественное празднованіе столѣтней годовщины подписанія парижскаго мира, которымъ завершилась борьба за независимость. Миръ съ Англіею заключенъ былъ въ Парижѣ 3 сентября 1783 года, такъ что въ торжествѣ будетъ оффиціально участвовать и тогдашняя посредница, Франція. Въ Бостонѣ откроется всемірная выставка, которая будетъ продолжаться съ 1 сентября по 30 ноября (н. ст.); рядомъ съ всемірною, организуется выставка національная, для всѣхъ штатовъ Союза. Французы готовятся занять на выставкѣ подобающее имъ мѣсто, въ Парижѣ образовалась по этому поводу особая коммиссія, почетнымъ предсѣдателемъ которой состоитъ Фердинандъ Лессепсъ. Въ послѣдніе годы американцамъ приходилось уже два раза праздновать юбилей своего самостоятельнаго государственнаго существованія, сообразно главнымъ моментамъ войны за освобожденіе. Въ іюнѣ 1876 года открылась всемірная выставка въ Филадельфіи въ память декларацін независимости 4 іюня 1776 года. Въ 1881 году состоялось торжество въ воспоминіе о взятіи Іоркъ-тоуна американцами и французами въ октябрѣ 1781 года. Теперь очередь дошла до заключительнаго акта—мирнаго трактата, и программа столѣтнихъ воспоминаній этимъ закончится.

Соединенные Штаты дѣлаются все болѣе могучимъ факторомъ всемірной политики; роль и значеніе ихъ возрастаютъ непрерывно, и въ будущемъ вліяніе ихъ на ходъ дѣлъ въ Европѣ должно получить первостепенную важность. Соединенные Штаты поддерживаютъ близкую дружбу съ Франціею, которая нѣкогда помогала имъ въ борьбѣ за независимость; имена Лафайета и Рошамбо неразрывно связаны съ именемъ Вашингтона, и эта общность воспоминаній, въ связи съ недружелюбными чувствами американцевъ къ Англіи, можетъ послужить цементомъ для будущаго прочнаго союза между двумя великими республиками.

Иностранная печать внимательно слѣдила за происходившими въ Римѣ переговорами между папскою куріею и уполномоченнымъ рус-

скаго правительства относительно положенія католической церкви въ Россіи. Особенный интересъ представляли эти переговоры для нѣмцевъ, которые сами съ нетерпѣніемъ ожидаютъ еще результата усилій прусской дипломатіи, направленныхъ къ возстановленію религіознаго мира въ католическихъ земляхъ Германіи.

Состоявшееся недавно формальное соглашеніе между Россіею и Ватиканомъ встрѣчено было за границею сочувственно; всѣ находили вполнѣ естественнымъ, что исключительныя условія, вызванныя польскимъ возстаніемъ 1863 года, уступили мѣсто нормальному порядку вещей, и что послѣ двадцатилѣтняго перерыва вновь установились правильныя сношенія между папскою куріею и русскимъ правительствомъ. Нѣкоторыя изъ русскихъ газетъ нашли, однако, нѣчто обидное для чести Россіи въ оффиціальномъ признаніи правъ русскихъ католиковъ на свободное удовлетвореніе религіозныхъ потребностей, согласно догматамъ католической церкви. Московскимъ патріотамъ показалось, что польскіе епископы, освобожденные изъ долголѣтней ссылки съ назначеніемъ имъ обычнаго содержанія, должны почувствовать себя награжденными за участіе въ польскомъ возстаніи и что духовныя лица изъ поляковъ, остававшіяся вѣрными Россіи, напрасно выданы головою папѣ, въ назиданіе другимъ приверженцамъ русскаго правительства въ средѣ католическаго духовенства. Молодой московскій философъ, г. В. С., довольно мѣтко охарактеризовалъ эти оригинальныя возраженія и указалъ на очевидную нелѣпость патріотическихъ возгласовъ, основанныхъ на непониманіи или извращеніи вопроса. Держава, имѣющая подъ своею властью около восьми милліоновъ католическаго населенія, должна поневолѣ считаться съ римско-католическою церковью и съ ея „непогрѣшимымъ" главою, насколько это необходимо для правильнаго отправленія духовныхъ обрядовъ и требъ, — если только вообще не предполагается насиловать религіозную совѣсть вѣрующихъ.

До послѣдняго польскаго возстанія у насъ существовалъ конкордатъ съ Ватиканомъ, заключенный въ 1847 году императоромъ Николаемъ I послѣ двухлѣтнихъ переговоровъ, которымъ предшествовало личное свиданіе съ папою во время пребыванія императора въ Римѣ. Конкордатомъ были подробно опредѣлены права римско-католической церкви въ Россіи и Польшѣ, — участіе ея въ назначеніи епископовъ, отношеніе къ народному образованію и пр. Вслѣдствіе событій 1863 года, конкордатъ былъ отмѣненъ, и затѣмъ установленъ новый порядокъ церковнаго управленія русскихъ католиковъ.

Ранѣе царствованія Николая I политика Россіи по отношенію къ римской куріи отличалась вообще уклончивостью и неясностью. При Екатеринѣ II курія неоднократно выражала желаніе имѣть въ

Россіи такія же права, какими пользовался папа въ католическихъ государствахъ и особенно въ Австріи; но всѣ предложенія о заключеніи конкордата были отклонены императрицею на томъ основаніи, что католическіе подданные не должны отличаться отъ другихъ русскихъ гражданъ и что только отечественные законы могутъ опредѣлять ихъ обязанности и права. Русское правительство отказывалось также принять къ себѣ папскаго нунція, въ качествѣ представителя куріи. Но въ то же время оно интересовалось дѣлами римской церкви настолько, что даже считало возможнымъ вліять на избраніе новаго папы. Такъ, напримѣръ, императоръ Павелъ I, „озабочиваясь избраніемъ въ папы такого лица, которое было бы пріятно Россіи", предписываетъ посланнику при вѣнскомъ дворѣ, графу Разумовскому, „объясниться съ австрійскимъ кабинетомъ, какъ могли бы быть устроены выборы такого лица и какую особу предпочтительнѣе было бы назначить въ интересахъ обоихъ государствъ". (См. проф. Мартенса, „Современное международное право", т. II, стр. 108—110).

Подобныя заботы о кандидатурѣ на папскій престолъ были бы, конечно, немыслимы со стороны современной Россіи; но не слѣдуетъ впадать и въ противоположную крайность, предлагая совершенно игнорировать значеніе римской церкви, — какъ это дѣлаютъ нѣкоторые изъ нашихъ публицистовъ. Папа все-таки признается духовнымъ главою католиковъ, которыхъ въ одной Европѣ насчитывается болѣе 140 милліоновъ; этотъ фактъ можетъ намъ нравиться или не нравиться, но считаться съ нимъ необходимо.

ВОСПОМИНАНІЯ О ШЕВЧЕНКѢ.

Недавно вышла въ свѣтъ біографія Шевченка, изданная г. Чалымъ,—біографія, написанная тепло, какъ видно, почитателемъ Шевченка. Она, конечно, не исчерпываетъ всего, что̀ можно сказать о нашемъ великомъ поэтѣ и его произведеніяхъ, но, какъ самъ авторъ ея говоритъ, это скорѣе матерьялъ для біографіи. Сдѣлать критическую оцѣнку произведеній Шевченка и опредѣлить его мѣсто въ нашей литературѣ предстоитъ еще будущему. Въ монографіи Чалаго болѣе всего обращено вниманія на личность самого Шевченка, и личность эта, сколько мнѣ кажется, очерчена не совсѣмъ вѣрно. Познакомившись съ этой монографіей, читатель, не знавшій Шевченка, долженъ представить его себѣ человѣкомъ, хотя и прекраснымъ въ сущности, но, по своимъ внѣшнимъ манерамъ,—циничнымъ и невозможнымъ въ обществѣ; читатель неминуемо долженъ сказать себѣ: „восхищаться стихами Шевченка я готовъ, но принять его у себя въ домѣ не желалъ бы". Между тѣмъ даже изъ книги г. Чалаго видно, что Шевченко былъ принятъ въ аристократическихъ домахъ. Былъ ли Шевченко въ кругу своихъ земляковъ и друзей такимъ, какъ его описываетъ г. Чалый, или увлекло послѣдняго патріотическое чувство и онъ желая, къ тому духовному единству съ своимъ народомъ, которое составляетъ высокое достоинство Шевченка, прибавить еще и внѣшнее сходство его съ мужикомъ-хохломъ, прибавилъ слишкомъ много яркихъ красокъ—не берусь судить. Но и я близко знала Тараса Григорьевича и на меня онъ производилъ совсѣмъ другое впечатлѣніе.

Считая, что такая историческая личность, какъ Шевченко, требуетъ освѣщенія со всѣхъ сторонъ и что самыя мелочи, касающіяся такого человѣка, могутъ быть важны, я рѣшаюсь предать гласности мои воспоминанія о Шевченкѣ или скорѣе впечатлѣніе, которое оставилъ во мнѣ тотъ, чья душа всегда казалась мнѣ еще прекраснѣе его поэмъ. Да проститъ мнѣ читатель неумѣлость моего пера и то, что я принуждена буду говорить и о себѣ въ этомъ разсказѣ.

Я прочла гдѣ-то, что отецъ мой, графъ Ѳедоръ Петровичъ Толстой, способствовалъ освобожденію Шевченка изъ крѣпостной зависимости. Можетъ быть, отецъ и былъ участникомъ въ этомъ дѣлѣ, такъ какъ онъ былъ горячій ненавистникъ крѣпостничества, живо сочувствовалъ начинаніямъ молодого поэта и художника, и былъ друженъ

съ Жуковскимъ, но я ничего объ этомъ не знаю; отецъ мой былъ человѣкъ очень скромный и вообще мало говорилъ о себѣ. Поэтому я начну съ того, что̀ сама помню.

Въ зиму съ 1855—1856 года въ семьѣ нашей чувствовалось большое возбужденіе: отецъ ѣздилъ къ министру двора, къ великой княгинѣ Маріи Николаевнѣ, стараясь выхлопотать прощеніе Шевченкѣ, который былъ, какъ говорили тогда, самимъ Государемъ вычеркнутъ изъ списка политическихъ преступниковъ, помилованныхъ по случаю восшествія на престолъ. Повсюду отецъ получилъ отказъ. Тогда онъ рѣшился дѣйствовать на свой страхъ и подать прошеніе ко времени коронаціи.

Моя мать переписывалась съ Шевченкомъ; получались отъ него письма, часто на клочкахъ сѣрой оберточной бумаги, сначала длинныя, съ надсаждающей сердце тоской, потомъ короткія, полныя благодарности и надеждъ. Дѣтскія души чутки къ добру и всей своей неиспорченной силой стоятъ за правду; мы, сестра и я, своимъ переполненнымъ состраданія сердцемъ полюбили Шевченка, прежде чѣмъ увидали его. Съ трепетомъ ожидали мы отвѣта на прошеніе отца. И вотъ осенью 1857-го года въ одинъ вечеръ насъ, уже спавшихъ крѣпкимъ сномъ, будятъ словами: „вставайте, дѣти! большая радость!“ Мы, одѣвшись наскоро, выбѣгаемъ въ залу, а тамъ—отецъ, мать, художникъ Осиповъ, всѣ домашніе; на столѣ разлитые, шипящіе бокалы шампанскаго... „Шевченко освобожденъ!“ говорятъ намъ, цѣлуя насъ (какъ въ свѣтлое воскресенье) и мы съ неистовымъ крикомъ восторга скачемъ и кружимся по комнатѣ...

Всѣ затрудненія и проволочки, которыя испыталъ Шевченко, пока добрался до Петербурга, извѣстны читателямъ. Наконецъ наступилъ желанный день, когда мы должны были увидѣть его. Мы съ матерью не поѣхали на желѣзную дорогу, мы хотѣли встрѣтить его *дома*. Съ замираніемъ сердца ждали мы. Раздался звонокъ, вошелъ *онъ*, съ длинной бородой, съ добродушной улыбкой, съ полными любви и слёзъ глазами. „Серденьки мои, други мои, родные мои!“ Ужъ и не знаю, что тутъ было: всѣ цѣловались, всѣ плакали, всѣ говорили за разъ...

По предписанію, Шевченко долженъ былъ жить у отца, такъ какъ былъ у него на порукахъ; но за неимѣніемъ мѣста въ нашей квартирѣ, онъ получилъ тутъ же въ зданіи академіи художествъ двѣ комнаты, мастерскую и спальню. Здѣсь онъ со всею страстью своей пылкой натуры принялся за работу, за свои офорты, о серьёзныхъ достоинствахъ которыхъ я говорить не буду, такъ какъ это не входитъ въ мою задачу. Каждый удачный оттискъ приводилъ Тараса Григорьевича въ восторгъ.

Жизнь Шевченка потекла хорошо и радостно. Окруженный теплой дружбой и тѣми интеллектуальными наслажденіями, которыхъ онъ такъ долго былъ лишенъ, онъ какъ-будто ожилъ и своимъ ласковымъ обращеніемъ оживлялъ всѣхъ окружающихъ. Нашъ домъ онъ считалъ своимъ и потому почти всѣ его друзья и пріятели малороссы бывали у насъ. Къ нимъ присоединялся нашъ интимный кружокъ, состоявшій изъ поэтовъ, литераторовъ и ученыхъ; быстро проходили вечера въ интересныхъ бесѣдахъ и спорахъ; незамѣтно засиживались до свѣта. Шевченко сильно горячился въ спорѣ, но горячность его была не злостная или заносчивая, а только пылкая и какая-то милая, какъ все въ немъ. Онъ былъ замѣчательно ласковый, мягкій и наивно довѣрчивый въ отношеніи къ людямъ; онъ во всѣхъ находилъ что-нибудь хорошее и увлекался людьми, которые часто того не стоили. Самъ же онъ дѣйствовалъ какъ-то обаятельно, всѣ любили его, не исключая даже и прислуги.

Никто не былъ такъ чутокъ къ красотамъ природы какъ Шевченко. Иногда онъ неожиданно являлся какъ-нибудь послѣ обѣда. „Серденько мое, берите карандашъ, идемъ скорѣй!"—Куда это позвольте узнать?—„Да я тутъ дерево открылъ, да еще какое дерево?"—Господи, гдѣ это такое чудо?—„Недалеко, на Среднемъ проспектѣ. Да ну идемъ же!" И мы, стоя, зарисовывали въ альбомы дерево на Среднемъ проспектѣ, а тамъ проходили и на набережную, любовались закатомъ солнца, переливами тоновъ и, не знаю, кто больше восторгался—14-ти лѣтняя дѣвочка или онъ, сохранившій въ своей многострадальной душѣ столько дѣтски-свѣжаго. Незабвенными останутся для меня наши поѣздки въ свѣтлыя сѣверныя ночи на тоню, на взморье. Тутъ и пили, и пѣли, но еслибы Шевченко позволилъ себѣ какое-нибудь излишество или неприличіе, то это несомнѣнно коробило бы и меня и мать мою, такъ какъ тогда существовалъ иной взглядъ на воспитаніе дѣвушки. Въ продолженіе двухъ лѣтъ, какъ я видалась съ Шевченкомъ, за рѣдкими исключеніями, каждый день—я ни разу не видѣла его пьянымъ, не слышала отъ него ни одного неприличнаго слова и не замѣчала, чтобъ онъ въ обращеніи чѣмъ-либо отличался отъ прочихъ благовоспитанныхъ людей. Мы знали, конечно, объ его слабости къ крѣпкимъ напиткамъ и старались удерживать его отъ этого, но единственно изъ опасеній вреда его здоровью, опасеній, которыя къ несчастью и оправдались потомъ. „Только, смотрите, не ромъ съ чаемъ, а чай съ ромомъ", говорила я, смѣясь, ставя передъ нимъ граненый графинчикъ.

Раза два пріѣзжалъ навѣстить своего друга Щепкинъ. Онъ превосходно читалъ поэмы Шевченка; но самымъ выдающимся событіемъ этого времени былъ пріѣздъ въ столицу африканскаго трагика

Айра Ольдриджа. Шевченко не могъ не сойтиться съ нимъ, въ нихъ обоихъ было слишкомъ много общаго: оба — чистыя, честныя души, оба—настоящіе художники, оба имѣли въ воспоминаніяхъ юности тяжелыя страницы угнетенія. Одинъ, чтобы попасть въ страстно любимый театръ, входъ куда былъ запрещенъ „собакамъ и неграмъ", нанялся въ лакеи къ актеру, — другой былъ высѣченъ за сожженый за рисованіемъ огарокъ... Они не могли объясняться иначе какъ съ переводчикомъ, но они пѣли другъ другу пѣсни своей родины и понимали другъ друга. Ольдриджъ, затруднявшійся произносить русскія имена, не иначе называлъ Тараса Григорьевича какъ „the artist". Часто присоединялся къ нимъ Ант. Гр. Контскій, аккомпанировалъ Шевченкѣ малороссійскія пѣсни, наводилъ тихую грусть торжественными звуками Моцартовскаго Requiem'а и вновь оживлялъ присутствующихъ мазуркой Шопена. Иногда всѣ гости наши хоромъ пѣли „Внизъ по матушкѣ". Музыка приводила Ольдриджа въ восторгъ, русскія пѣсни и особенно малороссійскія нравились ему.

Г-нъ Чалый говоритъ по поводу посѣщеній Ольдриджемъ мастерской Шевченка, который рисовалъ его портретъ: „являлся Ольдриджъ, комната запиралась на ключь и Богъ ихъ знаетъ, о чемъ они тамъ говорили". Впрочемъ, знаю нѣсколько и я, такъ какъ всегда присутствовала при этомъ, и охотно дѣлюсь съ читателями. Приходили мы къ Шевченкѣ втроемъ: Ольдриджъ, моя десятилѣтняя сестра, которую Ольдриджъ, послѣ того, какъ она заявила, что хотя онъ и негръ, но она сейчасъ пошла бы за него замужъ, называлъ своей „little wife" — и я. Трагикъ серьёзно садился на приготовленное мѣсто и сидѣлъ нѣсколько времени торжественно и тихо, но живая натура его не выдерживала, онъ начиналъ гримасничать, шутить съ нами, принималъ комически-испуганный видъ, когда Шевченко смотрѣлъ на него. Мы все время хохотали. Ольдриджъ получалъ позволеніе пѣть и затягивалъ меланхолическія, оригинальныя негритянскія мелодіи или поэтическіе старинные англійскіе романсы, совсѣмъ у насъ неизвѣстные. Тарасъ слушалъ и заслушивался, а карандашъ праздно опускался на колѣни. Наконецъ, Ольдриджъ вскакивалъ и пускался плясать какую-нибудь „gig", къ вящшему восторгу моей сестрёнки. Потомъ мы всѣ отправлялись къ намъ пить чай. Несмотря на оригинальность такихъ сеансовъ, портретъ былъ скоро оконченъ, подписанъ художникомъ и моделью находится теперь у меня.

Въ 1859 году пріѣхалъ въ Петербургъ Н. И. Костомаровъ и тоже сдѣлался нашимъ постояннымъ гостемъ. Какія были отношенія между имъ и Шевченкомъ, лучше всего показываетъ маленькій анекдотъ, разсказанный самимъ Тарасомъ Григорьевичемъ: „Прихожу я вчера къ Костомарову, звоню, онъ самъ открываетъ; „чортъ, го-

воритъ, тебя принесъ мнѣ мѣшать заниматься!“ — Да, мнѣ, говорю, тебя, пожалуй, и не надо, я къ твоему Ѳомѣ пришелъ, хочу поклонъ твоей матери послать, до тебя мнѣ и дѣла нѣтъ. — И просидѣли мы съ нимъ послѣ такой встрѣчи до глубокой ночи, я уходить хочу, а онъ не пускаетъ“.

Весною 1860 года Шевченко и Костомаровъ по обыкновенью встрѣчали у насъ Пасху, послѣднюю въ жизни Шевченка. За чашкой кофе Тарасъ Григорьевичъ съ Костомаровымъ затѣяли одинъ изъ тѣхъ горячихъ споровъ, гдѣ высказывалась разность взглядовъ этихъ двухъ людей на нѣкоторые вопросы, но гдѣ, въ самой живости преній, въ нападеніяхъ одного, въ ласковомъ подтруниваніи другого, просвѣчивали ихъ взаимное довѣріе и дружба. Разговоръ затянулся такъ долго, что взошла заря и всѣ мы отправились смотрѣть восходъ солнца. Шевченко любилъ набережную, сфинксовъ передъ академіею и видъ, открывающійся съ площадки передъ биржей. Туда направились мы, весело болтая и не думая, что никогда уже не встрѣтимъ свѣтлаго праздника всѣ вмѣстѣ.

Одно облако было на небосклонѣ кобзаря: его тянуло въ дорогую его Украину! Какъ часто говорилъ онъ мнѣ о своей милой родинѣ, говорилъ такъ много, такъ хорошо! Онъ описывалъ и степи съ ихъ одинокими курганами, и хуторки, утопающіе въ черешневыхъ садахъ, и старыя вербы, склоняющіяся надъ тихимъ Днѣпромъ, и легкія душегубки, скользящія по его поверхности, и крутые берега Кіева, съ его златоглавыми монастырями: „вотъ бы гдѣ намъ пожить съ вами, вотъ бы гдѣ умереть!“ И слушая восторженную, поэтическую рѣчь, я полюбила незнакомый мнѣ край...

Но мягкая и добрая душа Шевченка, была слишкомъ чувствительна ко всякой ласкѣ; онъ такъ согрѣлся въ дружественной и сочувственной ему обстановкѣ, что не могъ на долго предаваться меланхоліи и искренно говорилъ: „я такъ счастливъ теперь, что вполнѣ вознагражденъ за всѣ мои страданія и всѣмъ простилъ“.

Осенью того года мы уѣхали за-границу и имѣли свѣдѣнія о Шевченкѣ черезъ Н. И. Костомарова и мою тётку, сестру моей матери, Ек. Ив. Иванову. Отъ нихъ узнали мы объ его несчастномъ сватовствѣ. Тетушка моя писала, что онъ послѣднее время сталъ очень раздражителенъ, упрямо шелъ противъ друзей, отклонявшихъ его отъ этой женитьбы, и, послѣ разрушенія его воображеніемъ созданнаго кумира, сталъ сильно пить.

Повторяя, что, по моему мнѣнію, даже мелочи, касающіяся людей, выходящихъ изъ ряду, могутъ быть важны, я считаю нелишнимъ замѣтить, что: во-первыхъ, нареченная невѣста Шевченка, Лукерья, никогда не жила у моей тетушки. Правда, что Тарасъ Григорьевичъ умолялъ

ее взять къ себѣ Лукерью, но, зная нравъ сей послѣдней и не предвидя добра отъ этого сватовства, она побоялась какихъ-нибудь непріятностей и на отрѣзъ отказалась хотя бы на одну ночь пріютить Лукерью. Но она помогла найти квартиру неподалеку, куда и была помѣщена невѣста, которую Шевченко ежедневно посѣщалъ, никогда не оставаясь у нея позже девяти часовъ вечера. Во-вторыхъ, приведенное г. Чалымъ стихотвореніе: „Посажу коло хатині", посланное, по словамъ послѣдняго осенью 1860 года къ Варѳоломею Григорьевичу на особомъ лоскуткѣ бумаги съ надписью: „тилько що спечене, ще й не прохолонуло", находится у меня въ альбомѣ, написанное рукой Шевченка и подписанное 6-го дек. 1859 г.; стало быть, не могло относиться къ Лукерьѣ, которую онъ тогда еще не зналъ.

Какъ громомъ поразила насъ нежданная вѣсть о смерти Шевченка. На чужбинѣ отслужили мы по немъ панихиду, но мысленно были вмѣстѣ съ друзьями, около его гроба, сливаясь сердцемъ съ ихъ скорбью. Было что-то безконечно горькое, трагическое въ этой смерти, случившейся именно въ тотъ моментъ, когда всѣ мечты поэта, всѣ желанія, для которыхъ онъ жилъ, такъ свѣтло и радостно исполнялись. Освобожденіе крестьянъ всходило надъ Россіей новою зарею, его пѣвцу позволено было свить желанное гнѣздо на любимой родинѣ, а судьба съ злою насмѣшкой подкосила его жизнь. Шелъ онъ тернистымъ и мрачнымъ путемъ къ мерцавшему его вѣщей душѣ свѣту и вотъ почти дошелъ, уже озаряло его сіяньемъ, уже охватывало его теплыми лучами, а онъ палъ холоднымъ трупомъ, не насладившись, не упившись новымъ счастьемъ.

Надо надѣяться, что найдется даровитый писатель, который достойно передастъ потомству поэму жизни украинскаго кобзаря, этого печальника народнаго, который въ послѣдній мигъ увидѣлъ, какъ открывалась для народа обѣтованная земля, увидѣлъ — и закрылъ глаза на вѣки, какъ будто ему, борцу и страдальцу, не оставалось болѣе дѣла на землѣ! Не дается, видно, личное счастье людямъ, призваннымъ служить человѣчеству. Не далось оно и нашему Тарасу Григорьевичу, за то память о немъ осталась жива и свѣтла въ душѣ его друзей и поклонниковъ и, какъ живой, встанетъ его прекрасный образъ передъ всякимъ, кто когда-либо прочтетъ его жгучія и нѣжныя, полныя любви творенія, такъ ярко рисующія его личность.

Екатерина Юнгъ.

Кіевъ. 1883.

НОВЫЙ ПЛАНЪ УСТРОЙСТВА НАРОДНОЙ ШКОЛЫ.

— *Замѣтки о сельскихъ школахъ*, *С. Рачинскаго*. Печатано въ синодальной типографіи, по распоряженію г. оберъ-прокурора святѣйшаго синода. Спб. 1883.

Въ послѣдніе годы появляется въ нашей литературѣ множество писаній, гдѣ очень легко и категорически разрѣшаются различные, въ дѣйствительности трудные вопросы общественной и народной жизни, —рѣшаются вкривь и вкось, съ большой самонадѣянностью, но всего чаще съ очень малой правдой. Къ этой литературѣ прибавляется книжка г. Рачинскаго, которая требуетъ бо̀льшаго вниманія по имени автора. Г. Рачинскій — нѣкогда извѣстный профессоръ-натуралистъ московскаго университета, теперь преданный сельской дѣятельности и сельской школѣ, которой, какъ слышно было, посвящаетъ много усерднаго труда. Книжкѣ надо впрочемъ отдать справедливость. Въ ней не одни шатанія ума, возбужденнаго современною сумятицей понятій; авторъ не только прорицаетъ, но многое знаетъ и пишетъ искренно. По его заявленію, онъ, какъ сельскій учитель, цѣлые дни работаетъ для своей школы и могъ собрать не мало фактовъ, касающихся какъ сельскихъ дѣтей, такъ и вообще народа. Этихъ наблюденій, хотя и окрашенныхъ въ особый, цвѣтъ, мы не отрицаемъ въ брошюрѣ г-на Рачинскаго. Что касается выводовъ, то тутъ приходится нерѣдко только изумляться логикѣ автора. Но обратимся къ дѣлу.

Постараемся прослѣдить всю нить мыслей г. Рачинскаго, хотя это и нѣсколько затруднительно. Наша интеллигенція, по его словамъ, ничего не дѣлаетъ для образованія народа, а если и дѣлаетъ, то безъ всякаго вниманія къ его потребностямъ. Она толкуетъ о школѣ вообще, но совершенно не знаетъ *русской* школы (стр. 2). Допуская въ школѣ религіозный элементъ „лишь ради соблюденія какихъ-то консервативныхъ приличій, или какъ уступку невѣжественнымъ требованіямъ простонародья", она, своимъ позорнымъ равнодушіемъ къ церкви, сама готовитъ себѣ гибель, и „спасти" ее „могутъ только дружныя усилія людей вѣрующихъ" (стр. 4, 36). „Медлить невозможно; предостереженій было довольно!" восклицаетъ авторъ. Выйти изъ тысячи противорѣчій, въ которыхъ мы погрязли, можно лишь чрезъ единеніе съ народомъ на почвѣ церкви и сельской школы (стр. 89, 90).

Итакъ наша интеллигенція можетъ только вредить сельской

школѣ. Подъ ея вліяніемъ, и министерство народнаго просвѣщенія, по словамъ автора, дѣлаетъ не то, что̀ слѣдовало бы дѣлать. Его невниманіе къ народу простирается до того, что въ сельской школѣ не разрѣшены къ употребленію такія книги, какъ часословъ, псалтырь и ветхій завѣтъ (стр. 5). Инспектора народныхъ училищъ всю зиму заняты лишь писаніемъ „многосложныхъ отчетовъ“ съ „дутыми цифрами“ и, при всемъ ихъ добромъ желаніи, не могутъ принести никакой пользы (стр. 3). Одноклассныя и двуклассныя министерскія школы не соотвѣтствуютъ своему назначенію и ни въ какомъ случаѣ нельзя ихъ считать образцовыми: ихъ польза лишь въ томъ, что онѣ указываютъ, „какъ не слѣдуетъ устраивать сельскую школу“ (стр. 37, 38, 74). Учителя, приготовляемые въ учительскихъ семинаріяхъ, пріобрѣтаютъ съ множествомъ поверхностныхъ знаній лишь нѣкоторый внѣшній лоскъ и совершенно отпадаютъ отъ крестьянской среды, думая, какъ бы примкнуть къ *господамъ* и избавиться отъ непригляднаго званія деревенскаго учителя (стр. 27, 28). Вотъ результаты дѣятельности министерства народнаго просвѣщенія, какъ представляетъ ихъ г. Рачинскій. Что касается земствъ, то они удѣляютъ для школъ лишь крохи изъ своего скуднаго бюджета, и этимъ ограничивается ихъ дѣятельность. Духовенство, по причинѣ своей забитости и бѣдности, также очень мало принимало у насъ участія въ устройствѣ сельской школы. И несмотря на все это, школы открываются; народъ все съ бо́льшимъ рвеніемъ стремится къ обученію грамотѣ; но эта грамота особенная, какой желаетъ народъ. Направленіе нашей сельской школы можетъ быть лишь одно: лишь то, какое дадутъ ей родители дѣтей, то-есть, народъ подъ своимъ контролемъ (стр. 2). Авторъ особенно налегаетъ на то обстоятельство, что наша сельская школа, въ отличіе отъ западной, устраивается самимъ народомъ, безъ участія духовенства, и при всемъ томъ направленіе въ ней чисто церковное, клерикальное. Народъ прежде всего желаетъ, чтобы учащіеся знали церковно-славянскій языкъ, умѣли читать часословъ, псалтырь и другія богослужебныя книги; церковное пѣніе въ школѣ также пользуется большимъ его сочувствіемъ (стр. 4, 6). У народа, бо́льшею частію, единственнымъ упражненіемъ въ грамотѣ послѣ школы служитъ чтеніе по покойникамъ, да участіе въ богослуженіи. Это поддерживаетъ въ крестьянинѣ „способность къ тому серьёзному чтенію, которое одно полезно и желательно“ (стр. 7). Указывая на глубокое содержаніе однихъ паремій, апостоловъ и каноновъ страстной седьмицы, авторъ говоритъ: „можно ли сомнѣваться, что тому, кто это понялъ, будетъ доступно и по содержанію и по формѣ все, что̀ представляетъ прочнаго, истинно цѣннаго наша свѣтская литература?“ (стр. .96)

Поступая въ духовныя училища, крестьянскія дѣти могли бы со временемъ образовать новый разрядъ священниковъ, вышедшихъ изъ народа и потому понимающихъ его нужды. Всѣ эти ученики, съ такимъ усердіемъ трудящіеся въ школѣ, прежде всего ищутъ духовной пищи, божественнаго поученія. По разсказу автора, когда въ Парижѣ ученикамъ элементарныхъ школъ задана была тэма: какъ каждый изъ нихъ думалъ бы устроить свою жизнь, большинство поставило себѣ идеаломъ честный трудъ. Когда авторъ ту же тэму задалъ въ своей школѣ, то ученики также избрали тѣ или другіе образцы трудовой жизни, но для многихъ высшимъ идеаломъ казалось *идти въ монастырь*, хотя многіе монастырей и вовсе не видали. Въ школѣ г. Рачинскаго принятъ былъ одинъ сирота, 20-лѣтній юноша. Онъ принялся заниматься съ необычайнымъ рвеніемъ и скоро сталъ самымъ полезнымъ помощникомъ въ школѣ. Но вотъ, во время восточной войны, ему выпалъ жребій идти въ солдаты. Онъ этому безъ мѣры обрадовался, говоря, что теперь можетъ „омыть грѣхи своею кровью" и дѣйствительно искалъ смерти (стр. 20, 21).

Изъ всего этого слѣдуетъ, какое значеніе, по мнѣнію автора, имѣетъ учитель въ сельской школѣ, и лучшими учителями въ ней могутъ быть лишь семинаристы, готовящіеся въ духовное званіе и основательно знающіе богослуженіе. Но настоящій хозяинъ школы только священникъ. „Онъ завязываетъ съ своею паствою тѣ неразрывныя связи, которыя однѣ даютъ прочность и дѣйствительную силу его школьнымъ поученіямъ. Хорошій священникъ—душа школы; школа — якорь спасенія для священника" (стр. 33). Школа должна быть въ приходѣ и неразрывно связана съ церковью (стр. 70).

Въ разныхъ мѣстахъ книги авторъ какъ будто выражаетъ сочувствіе тому, что лица разныхъ сословій принимаютъ участіе въ сельской школѣ, и не прочь допустить въ ней учителей свѣтскаго званія, лишь бы эти учителя не преподавали закона Божія. Но въ послѣдней главѣ онъ заявляетъ, что всѣ сельскія школы безраздѣльно должны быть отданы въ вѣдѣніе духовенства, безъ всякаго контроля со стороны министерства народнаго просвѣщенія. Священникъ получаетъ добавочное жалованье, обязываясь, вмѣстѣ съ исполненіемъ церковныхъ требъ, и учить дѣтей. Помощникомъ ему служитъ иподьяконъ, окончившій курсъ въ духовной семинаріи. Создавать же особыхъ народныхъ учителей значитъ создавать „новый классъ людей, презирающихъ народъ и ненавидимыхъ народомъ" (стр. 114). Но это обязательство священника учить, и родителей—отдавать ему дѣтей въ обученье, какъ оно вяжется съ тѣмъ положеніемъ, что народъ совершенно независимо, помимо всякихъ вліяній, создаетъ свою школу, и никто въ этомъ не долженъ ему препятствовать? „Свобода

образованія", говоритъ авторъ, „есть начало истинное и неоспоримое". Но въ Россіи она ненужна, потому что у насъ весь народъ живетъ одною жизнію, стоитъ на одномъ просвѣтительномъ началѣ. „Свобода образованія у насъ и требуетъ, чтобы обученіе народа ввѣрено было духовенству" . (стр. 115, 116). Въ заключеніе авторъ говоритъ, что „все будущее Россіи зависитъ отъ рѣшенія вопроса: дадимъ ли мы народу такихъ проводниковъ, которые помогутъ ему сознательно утвердиться въ преданіяхъ и обычаяхъ, до сихъ поръ признаваемыхъ имъ слѣпо, или предоставимъ общественному меньшинству, колеблемому всякимъ вѣтромъ ученія и въ настоящую минуту случайно настроенному противуположно исконнимъ русскимъ началамъ, вывести народъ на совершенно новую дорогу, которой и конца не видно?" (стр. 122, 123).

Вотъ сущность мыслей автора. Мы привели ихъ въ нѣкоторой послѣдовательности, такъ что тутъ есть какъ будто и логическій выводъ. На дѣлѣ самъ авторъ безпощадно разрываетъ всѣ эти логическія звенья. Онъ не находитъ довольно краснорѣчивыхъ словъ для доказательства, что священникъ, и только священникъ можетъ быть учителемъ и руководителемъ въ сельской школѣ,—но вотъ что между прочимъ онъ *самъ* говоритъ о нашемъ духовенствѣ. О контролѣ его надъ школою автору напрасно было толковать; контроль этотъ въ извѣстной степени и теперь существуетъ; но „благочинные и спеціальные надзиратели за преподаваніемъ Закона Божія посѣщаютъ школы нехотя и только для исполненія формальности" (стр. 3). Отъ преподаванія Закона Божія, „въ большинствѣ случаевъ", священники „упорно отказываются" (стр. 4). Тутъ ужъ дѣло идетъ не о всемъ веденіи школы, а только о Законѣ Божьемъ. Упрекъ, дѣлаемый нашему духовенству въ равнодушіи къ школѣ, по мнѣнію автора, справедливъ. „Священники наши плохи; наше духовенство чахнетъ и гибнетъ, гибнетъ медленною, позорною смертью, похожею на самоубійство" (стр. 33, 34). Дѣятельность въ школѣ могла бы возвысить и упрочить положеніе священника въ приходѣ; а теперь наши батюшки зимою разъѣзжаютъ по гостямъ, заняты игрою въ карты, „пошлыми общественными развлеченіями", подчасъ предаются пьянству и разврату (стр. 44, 45). Наше духовное сословіе является „сословіемъ запуганнымъ, но вмѣстѣ жаднымъ и завистливымъ, униженнымъ, но притязательнымъ, лѣнивымъ и равнодушнымъ къ своему высшему призванію, а вслѣдствіе того и не весьма безукоризненнымъ въ образѣ жизни" (стр. 118). Вотъ сужденія автора о тѣхъ, кому онъ хочетъ отдать сельскія школы для спасенія Россіи!.. Правда, г. Рачинскій упоминаетъ и объ исключеніяхъ; онъ скорбитъ о жалкомъ положеніи духовенства и указываетъ причины этого поло-

женія въ равнодушіи образованныхъ классовъ къ церкви, въ жалкой исторической судьбѣ сельскаго духовенства, доведшей его до крайней приниженности. Что касается приниженности, замѣчанія автора вѣрны, и причиною этого былъ не столько правительственный гнетъ, сколько старинная крѣпостная зависимость отъ епархіальной власти; сельскихъ поповъ обвинять нельзя: они всегда несли одну лямку съ народомъ. Но каковы бы ни были исключенія и причины, не въ этомъ дѣло: фактъ, указанный г. Рачинскимъ, все-таки остается въ своей силѣ. Но вѣдь есть и выходъ. Школа возвыситъ наше сельское духовенство; народъ, съ его, не нуждающимся въ свободѣ, высокимъ просвѣтительнымъ началомъ, приведетъ его къ пониманію своего призванія. Народъ, по словамъ автора, желаетъ „не житейскаго, а возвышеннаго ученія"... Однако погодите, не торопитесь. Вотъ, что между прочимъ высказываетъ тотъ же авторъ о набожности народа. „И если въ настоящее время, въ минуту пробужденія въ нашемъ народѣ сознательнаго христіанства, *соперникомъ* церкви является кабакъ; если пьяный разгулъ *слишкомъ часто* заглушаетъ въ немъ всякое движеніе духа; если въ этой борьбѣ не произойдетъ скорый, рѣшительный поворотъ,—то вѣчный позоръ всѣмъ намъ, людямъ досуга и достатка, мысли и знанія, печатнаго слова и правительственной власти (стр. 94, 95). Вотъ видите-ли: сознательное христіанство—и тутъ же кабакъ—соперникъ (!) церкви, и притомъ пьяный разгулъ не какой-либо случайный, а постоянный, такъ что нужны скорыя и рѣшительныя средства противъ недуга! И кто-же долженъ спасать? Все та же интеллигенція, на главу которой авторъ сыплетъ всевозможныя обвиненія въ безбожіи, въ верхоглядствѣ, въ непониманіи народа! Поистинѣ изумительно: народъ ищетъ спасенія у священниковъ, но священники плохи, и народъ самъ долженъ спасать ихъ; но и народъ плохъ и ждетъ спасенія отъ интеллигенціи, которая тоже плоха и можетъ быть спасена лишь народомъ! Словомъ, всѣ другъ друга спасаютъ; но кто спасетъ логику?

Объяснимся, въ чемъ дѣло. Никто не отрицаетъ религіозности въ нашемъ народѣ, но надо различать то, что̀ дѣйствительно составляетъ сущность христіанскаго ученія, и что̀ внесено обычаемъ, условіями жизни, историческимъ ея ходомъ, который постоянно движется и измѣняется. Если считать незыблемымъ *все,* во что вѣритъ народъ, то надо не забывать также его вѣру въ лѣшихъ, вѣдьмъ, во всякія нашептыванія и примѣты. Христіанство въ народѣ, какъ извѣстно, издавна не осталось чистымъ отъ языческихъ примѣсей. Рядомъ съ православіемъ сохранялась естественная религія, основанная на обожаніи силъ природы, и народъ слишкомъ

часто переносилъ свои чувственныя воззрѣнія на предметы христіанской религіи, видя во внѣшнихъ предметахъ, въ книжной буквѣ, особую, чародѣйскую силу. Не понимая смысла молитвы, онъ часто твердилъ въ искаженномъ видѣ слова ея, употреблялъ ихъ наравнѣ съ другими пособіями въ своемъ домашнемъ обиходѣ и часто въ дѣлѣ, далеко не христіанскомъ. Такъ, бывало, разбойники, награбивъ много чужого добра, служили благодарственные молебны и давали богатые вклады церквамъ, да и нынѣ какой-нибудь барышникъ усердно зажигаетъ лампады передъ образами и при каждомъ новомъ плутовствѣ творитъ крестное знаменіе. Этимъ ли восхищаться? Намъ кажется, что слѣдуетъ же отличать религіозную внѣшность и истинную религіозность. Мы упомянули о естественной религіи народа. Чтобы эти суевѣрныя воззрѣнія отпали отъ его чисто-христіанскихъ вѣрованій, нужно уяснить ему значеніе силъ природы. Только съ наукою о природѣ, христіанство можетъ явиться для него во всей идеальной чистотѣ. Съ другой стороны та же наука о природѣ, давая человѣку реальную помощь въ жизни, вмѣстѣ съ литературою и исторіею, объясняющими общественныя отношенія, способствуютъ къ дальнѣйшему развитію и осуществленію христіанскихъ идей, которыя религія предлагаетъ въ болѣе отвлеченной формѣ. Такимъ образомъ почва науки есть такая почва, на которой и ученіе религіи окажется еще болѣе плодотворнымъ.

Г-нъ Рачинскій несправедливо говоритъ, что сельская школа создавалась у насъ безъ содѣйствія духовенства. Въ древней Руси, конечно, кое-гдѣ уже существовали школы при церквахъ и монастыряхъ. Въ то время духовныя лица были почти единственными грамотѣями и все обученіе ограничивалось чтеніемъ часослова, а для высшаго курса — псалтыри. Но уже въ древней письменности является множество азбуковниковъ, гдѣ сообщались и нѣкоторыя свѣдѣнія о природѣ, изъ географіи и изъ исторіи. Ограничивая курсъ народной школы обученіемъ грамотѣ, преимущественно по церковнымъ книгамъ, да ариѳметикѣ, г. Рачинскій отводитъ нашу современную школу въ глухую старину, къ временамъ Нестора. Кстати онъ одобряетъ и уставное письмо съ печатными, церковнославянскими буквами. Но съ развитіемъ образованія, школа, какъ въ *цѣломъ мірѣ*, такъ и у насъ, все болѣе становилась свѣтскою. Такъ со временъ Петра Великаго устроились свѣтскія заведенія для высшаго и средняго класса общества. Народъ же надолго остался со своей старинной школой, руководимой причетниками. Только со времени освобожденія крестьянъ стали устроивать для него сколько-нибудь правильныя школы. Неужели же и теперь не удѣлимъ ему хоть крохи того образованія, выгодами котораго пользуемся сами, а

оставимъ его съ прежнею до-петровскою наукою? Что преданія старой школы остались въ народѣ, нѣтъ ничего удивительнаго. Странно было бы, чтобы онъ желалъ другихъ книгъ, кромѣ псалтыря, тамъ, гдѣ и о существованіи ихъ не знаетъ. Богослуженіе освятило для него церковно-славянскій языкъ; но и тутъ, не всегда понимая смыслъ, онъ, по недостатку школьнаго обученія, часто вѣритъ только въ букву и даже наполняется самомнѣніемъ, думая, что уже обладаетъ тайнами божественнаго слова. Извѣстно, сколько этого самомнѣнія въ цѣлой громадной массѣ русскаго народа, проходящей такую исключительную школу, — въ раскольникахъ. Точно также трудно найти какую-нибудь самостоятельную мысль въ рѣшеніи: „идти въ монастырь", какое высказывали ученики въ сочиненіяхъ, заданныхъ г. Рачинскимъ. Они писали, что́ слышали, и въ томъ, что, кромѣ монашескаго, никакого другого идеала они не знали, выражается лишь недостатокъ ихъ пониманія. Если же подобное направленіе уже въ дѣтяхъ было бы серьезнымъ, то фактъ вышелъ бы очень печальный: значитъ, жизнь такъ бѣдна, горька и постыла, что остается только бѣжать отъ нея въ пустыню! И могъ ли бы авторъ дождаться своихъ священниковъ и учителей для народа изъ народа, если бы лучшіе ученики его ушли въ монастырь? Или его предположеніе отдать сельскія школы въ вѣдѣніе бѣлаго духовенства — мѣра только временная, а при дальнѣйшемъ развитіи онѣ должны поступить подъ надзоръ монаховъ? Не восхищаемся мы также рѣшимостью изображаемаго авторомъ юноши: „омыть грѣхи своею кровью". Именно такъ: не горделивая мысль „умереть для славы отечества", а „омыть грѣхи своею кровью". Какъ безъисходно печальна та жизнь, гдѣ у юноши являются подобные идеалы! И что въ нихъ христіанскаго? По христіански было бы: „искупить грѣхи свои дѣлами любви и милосердія". Но неужели существуетъ въ народѣ одно описываемое авторомъ настроеніе? Можно бы привести многочисленные факты, доказывающіе противное, но ограничимся тѣми, какіе укажетъ самъ авторъ въ опроверженіе самого себя. Онъ представляетъ, съ какимъ рвеніемъ ученики его занимаются счетомъ, какъ любятъ сложныя выкладки, и готовъ признать за сельскими дѣтьми преимущественно математическія способности; онъ говоритъ, что они зачитываются Пушкинымъ, страстно увлекаются даже Шекспиромъ и Гомеромъ. О чтеніяхъ на деревенскихъ посидѣлкахъ онъ замѣчаетъ: „старики заставляютъ читать себѣ преимущественно Священное писаніе Новаго и Ветхаго Завѣта *на русскомъ языкѣ*, Житія Святыхъ въ переложеніи А. Н. Бахметевой и другія книги духовно-назидательнаго содержанія. Молодежь безпрестанно требуетъ чтенія сказокъ изъ сборника

Аѳанасьева, разсказовъ изъ книги для чтенія графа Л. Н. Толстого, но болѣе всего сказокъ Пушкина". Мы не сочли бы достаточнымъ и особливо полезнымъ, что молодежь болѣе всего любитъ сказки хотя бы Пушкина и Толстого; желательно, чтобы она интересовалась и чѣмъ нибудь еще, напр. изъ путешествій, изъ книгъ естественно-историческаго и историческаго содержанія (такія книги нужно, во первыхъ, доставить школамъ, а во вторыхъ, къ чтенію ихъ подготовить); но какъ бы то ни было, а выходитъ, что въ народѣ есть не одно церковное или монашеское направленіе. Потребность знанія, безъ сомнѣнія, въ немъ растетъ и, только удовлетворяя ей, мы даемъ прочную основу народному развитію. Безъ этого и религіозность народа, какъ свидѣтельствуетъ и авторъ, не спасаетъ его отъ кабака и всѣхъ другихъ пороковъ невѣжества. Церковь остается церковью съ ея нравственно-религіознымъ вліяніемъ, и представитель ея, священникъ, самъ ли онъ преподаетъ Законъ Божій или только завѣдуетъ его преподаваніемъ, всегда довольно имѣетъ средствъ, при обученіи одному этому предмету, развить религіозное чувство дѣтей и дать ему должное направленіе. Поученія священника еще гораздо болѣе имѣли бы значенія внѣ школы, когда они обращены ко всей паствѣ. Но школа должна быть свѣтскою даже въ томъ случаѣ, если бы въ ней преподавалъ и священникъ, потому что она готовитъ не къ религіозному созерцанію, а къ дѣятельной жизни. Между священниками, безъ сомнѣнія, есть превосходные люди и отличные педагоги, но такой пастырь, беззавѣтно преданный дѣлу обученія, самъ скажетъ вамъ, что его званіе лишь мѣшаетъ его педагогическимъ успѣхамъ, уже потому только, что онъ постоянно долженъ отрываться отъ своего любимаго дѣла для исполненія требъ. Съ другой стороны, какое ручательство въ томъ, что каждый священникъ будетъ и хорошимъ педагогомъ? Не имѣя къ этому дѣлу призванія, онъ внушитъ только отвращеніе къ школѣ. Повторяемъ, что школа есть свѣтское учрежденіе, и г. Рачинскій очень наивно думаетъ, что министерство народнаго просвѣщенія когда-нибудь откажется отъ контроля надъ нею... Наша забота должна состоять въ томъ, чтобы поставить и учителя въ болѣе независимое и обезпеченное положеніе. Когда онъ, дѣйствительно, почувствуетъ свой авторитетъ на избранномъ имъ поприщѣ, когда ему будетъ осязательна приносимая имъ польза, то онъ будетъ гордиться своимъ званіемъ, а не бѣгать отъ него. Но и теперь есть народные учителя, которые, при всемъ своемъ незавидномъ положеніи, безкорыстно трудятся для пользы народной и являются истинными мучениками учительскаго дѣла, — еще болѣе: есть учительницы, успѣвшія снискать расположеніе народа одной своей

искреннею преданностію дѣлу, безъ всякихъ поддѣлокъ подъ его вкусъ и нравы. И въ народѣ есть смыслъ, чтобы оцѣнивать успѣхъ грамотности въ школѣ, хотя бы онъ достигался совсѣмъ не тѣмъ путемъ, какой ему кажется необходимымъ. Что наше духовенство отказывается отъ надзора за школою, въ этомъ нельзя видѣть только лѣнь и равнодушіе къ школѣ; въ этомъ есть и своя доля здраваго смысла. Въ самомъ дѣлѣ, какъ священнику, обремененному очень сложными обязанностями, взять на себя еще другія, не менѣе сложныя? И зачѣмъ ему еще нужна школа, когда и безъ того онъ всегда можетъ обращаться съ поученіями и къ родителямъ, и къ дѣтямъ? Овладѣть школой духовенство стремилось лишь тамъ, гдѣ оно искало свѣтской власти. Клерикальный строй старинной католической да и протестантской школъ слишкомъ хорошо извѣстенъ. И вотъ наши ревнители народа, осуждая западъ и отыскивая исконныхъ русскихъ началъ, хотятъ навязать народу то, чего, по ихъ же словамъ, у насъ нѣтъ и что̀ въ сильнѣйшей степени господствовало на западѣ, т.-е. полное подчиненіе школы духовенству. Но авторъ сильно ошибается, когда думаетъ, что этого требуетъ духъ православія. Православные пастыри всегда скромно ограничивали свою дѣятельность чисто религіозною сферой и если пытливо занимались какою-либо свѣтскою наукой, то не думали вносить въ нее клерикальныя воззрѣнія. Нашихъ клерикаловъ надо искать никакъ не въ духовенствѣ.

Въ заключеніе коснемся преподаванія отдѣльныхъ предметовъ, какъ рекомендуетъ его авторъ. Г. Рачинскій, какъ самобытникъ, разумѣется, не считаетъ полезными для школы какіе-либо нѣмецкіе методы; объ ученыхъ педагогахъ онъ отзывается съ насмѣшкою. Съ легкой руки графа Льва Толстого это у насъ вошло въ моду. Не учиться никакимъ методамъ,—чего же лучше! Этого намъ только и надо: мы все отлично производимъ сами изъ себя, безъ помощи скучной науки. Безъ сомнѣнія гр. Толстой былъ очень правъ въ отдѣльныхъ случаяхъ, много было смѣшныхъ и нелѣпыхъ крайностей въ примѣненіи методовъ. Но и въ этихъ крайностяхъ все таки былъ же какой-нибудь смыслъ, а наши самобытники допускаютъ полный произволъ, и въ концѣ концовъ слѣдуютъ такимъ же „нѣмецкимъ“ методамъ, но которые зашли къ намъ лѣтъ 60 тому назадъ и потому считаются русскими. Такъ и г. Рачинскій, въ курсѣ грамматики, излагаетъ все по Гречу: сначала имя существительное, прилагательное, глаголъ, потомъ уже на третій годъ въ связи всю этимологію и лишь на четвертый годъ синтаксисъ. Онъ говоритъ: „модныя выраженія: предметъ, качество, дѣйствіе ни на волосъ не понятнѣе крестьянскимъ ребятамъ, чѣмъ выраженія: имя существительное, прилагательное, глаголъ, безъ которыхъ въ концѣ концовъ

не обойдешься" (стр. 53, 54). Такимъ образомъ онъ даже не знаетъ различія между терминами логическими и грамматическими, какъ будто это одно и тоже. Занятія ариѳметикой, сколько мы могли понять, у автора тоже по старинному способу, чисто отвлеченныя.

При большемъ времени для занятій, при болѣе правильномъ посѣщеніи школы и при двухъ учителяхъ, г. Рачинскій допускаетъ расширеніе програмы для сельской школы, вводя въ нее, кромѣ ариѳметики, геометрію, физику, отчасти географію и исторію. Той педагогической системы, которая, при элементарной формѣ, вводила бы по частямъ всѣ эти знанія въ тѣсномъ объемѣ, удобномъ и для обыкновенной, существующей у насъ школы, г. Рачинскій не знаетъ и не признаетъ. Но расширеніе программы, при предполагаемыхъ имъ условіяхъ, можетъ осуществиться изъ тысячи развѣ въ одномъ случаѣ, слѣдовательно, объ этомъ не стоитъ и говорить. Важнѣе замѣчанія автора о земледѣльческихъ и ремесленныхъ школахъ, которыя, по его мнѣнію, нужно совершенно отдѣлить отъ школъ грамотности, такъ чтобы учащіеся поступали въ нихъ уже окончивъ элементарное образованіе. Это мнѣніе совершенно справедливо. Но остановимся подробнѣе на обученіи русскому языку, гдѣ опять высказываются своеобразныя воззрѣнія автора.

Г. Рачинскій довольно милостиво назначаетъ кругъ писателей для чтенія въ народной школѣ. Сюда, по его мнѣнію, могли бы войти: драмы Шекспира, Иліада и Одиссея Гомера въ русскомъ переводѣ, Потерянный Рай Мильтона, Ундина Жуковскаго, Семейная Хроника Аксакова, нѣкоторыя произведенія Лажечникова, Загоскина, Даля, „Князь Серебряный", А. Толстого. Но больше всего подходитъ къ народной школѣ Пушкинъ и гр. Л. Толстой съ его книгами для народнаго чтенія: этихъ книгъ, по его мнѣнію, могли будто бы не оцѣнить развѣ только ослѣпленные поклонники Виктора Гюго (стр. 57). Зато г. Рачинскій чрезвычайно немилостивъ ко всѣмъ остальнымъ писателямъ Гоголевскаго періода: Гоголь, Тургеневъ, Гончаровъ, Островскій, Некрасовъ,—всѣ они, по его словамъ, претятъ учащимся въ народной школѣ; народъ минуетъ ихъ, какъ писателей непонятнаго ему переходнаго времени, и они очень удобно могли бы быть вычеркнуты изъ русской литературы. Мы не будемъ доказывать г. Рачинскому, что Гоголь, Тургеневъ, Островскій, Некрасовъ тоже заслуживаютъ нѣкотораго вниманія рядомъ съ Загоскинымъ, Лажечниковымъ и Аксаковымъ. Противъ рѣшенія народа что же подѣлаешь? Насъ только беретъ одно сомнѣніе. Намъ кажется, что если бы г. Рачинскій жилъ 50 лѣтъ тому назадъ, то сказалъ бы: „Лишь Ломоносовъ, Сумароковъ и отчасти Державинъ могутъ быть воспитательны для народа, а Пушкинъ—это язва переходнаго времени, которой

всячески надо избѣгать", а черезъ 50 лѣтъ послѣ насъ явится другой подобный педагогъ, который скажетъ: „Лишь писатели Гоголевскаго періода могутъ быть образцами для народа, какъ выразители пробудившагося общественнаго движенія, а вся послѣдующая литература представляетъ только плодъ болѣзненной тенденціи". И сколько бы ни являлось такихъ педагоговъ, они иначе судить не могутъ. Только зачѣмъ все сваливать на народъ? Можетъ быть, въ другой школѣ другой учитель съумѣетъ такъ объяснить Гоголя, Островскаго, Некрасова, что болѣе развитые изъ сельскихъ юношей именно этими писателями и заинтересуются, и, даже съ точки зрѣнія г. Рачинскаго, не худо бы попытаться это сдѣлать. По его предположенію, народъ долженъ спасать интеллигенцію; какъ же онъ будетъ спасать, не зная, чѣмъ грѣшила наша интеллигенція въ это переходное время?

Все-таки мы были бы благодарны г. Рачинскому, что онъ вводитъ въ народную школу Гомера, Шекспира, Пушкина и Жуковскаго, если бы не одно обстоятельство. Оказывается, что на долю этихъ писателей врядъ ли найдется много досуга. Авторъ предполагаетъ въ основаніе преподаванія русскаго языка ввести языкъ церковно-славянскій со всѣми его грамматическими формами, прочесть въ школѣ на этомъ языкѣ, параллельно съ русскимъ переводомъ, всѣ евангелія, псалтырь и другія богослужебныя книги;—по мнѣнію г. Рачинскаго требуется, чтобы съ этого языка начинать, а русскій языкъ уже послѣ приложится самъ собою. Итакъ совсѣмъ неразвитыя дѣти, поступая въ школу, должны изучать церковно-славянскую грамоту, трудную и для гимназистовъ IV-го класса. И кто будетъ учить? Мы опасаемся, что и воспитанники духовныхъ семинарій не довольно знакомы съ церковно-славянскимъ языкомъ, чтобы объяснять всѣ его трудности. Другое дѣло на второй или на третій годъ обученія, когда дѣти утвердятся въ русскомъ языкѣ, познакомить ихъ со славянскимъ текстомъ нѣкоторыхъ молитвъ и того, что относится къ богослуженію. Это въ состояніи сдѣлать всякій учитель; но есть ли въ школѣ какое-нибудь мѣсто для славянской филологіи? Послушайте, что говоритъ самъ авторъ по поводу объясненія псалтыри: „если въ евангеліи попадаются кое-гдѣ выраженія необъяснимыя безъ обращенія къ греческому тексту, то въ псалтыри на каждомъ шагу встрѣчаются такія, которыя могутъ быть объяснены лишь сличеніемъ и съ текстомъ греческимъ, и съ еврейскимъ" (стр. 58). И къ чему все это, когда по свидѣтельству самого г. Рачинскаго, народъ уже читаетъ теперь богослужебныя книги на русскомъ языкѣ? Развѣ для догматическихъ преній, какія авторъ допускаетъ въ школѣ? Онъ утверждаетъ, что при такомъ направленіи образованія народъ будетъ привязанъ къ церкви и

никогда не совратится въ расколъ. Мы же думаемъ совершенно противное: между другими историческими причинами, одна изъ видныхъ причинъ распространенія раскола была та, что народъ, не имѣвшій правильной школы, могъ только произвольно толковать писаніе. Если авторъ осуждаетъ поверхностное знаніе въ предметахъ, относящихся къ ознакомленію съ природою, и потому не допускаетъ ихъ въ школу, то какъ же онъ вводитъ и защищаетъ такое знаніе въ предметѣ, столь важномъ по его же убѣжденію. Выводъ тутъ одинъ: не довольно питать прекрасныя намѣренія, надо и понимать что-нибудь. Но оставимъ вопросъ о расколѣ: мы надѣемся, что никто изъ учениковъ г-на Рачинскаго въ него не совратится; но и безъ этого любопытно было бы знать, что происходитъ въ головѣ юноши, который затвердилъ сказку Пушкина о царѣ Салтанѣ, толкованія на псалтырь и прочелъ одну изъ драмъ Шекспира, не получивъ при этомъ совершенно ни о чемъ никакихъ другихъ свѣдѣній?..

М. Ш.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

1-е августа, 1883.

—Современное международное право цивилизованныхъ народовъ, *Ф. Мартенса*, профессора Спб. университета и члена института международнаго права. Томы I и II. Спб. 1882—83.

Профессоръ Мартенсъ составилъ себѣ европейское имя, не только какъ ученый теоретикъ международнаго права, но и какъ авторитетный русскій публицистъ, защищающій интересы и воззрѣнія русской дипломатіи въ наиболѣе важныхъ текущихъ вопросахъ внѣшней политики. Въ этомъ отношеніи г. Мартенсъ отличается рѣдкою у насъ отзывчивостью и необыкновеннымъ трудолюбіемъ: онъ всегда успѣваетъ своевременно высказать научный взглядъ по каждому вопросу или усложненію, возникающему въ Европѣ и имѣющему какое-либо отношеніе къ международнымъ задачамъ Россіи. Во время брюссельской конференціи 1874 года онъ былъ дѣятельнымъ проповѣдникомъ улучшенія и кодификаціи военныхъ обычаевъ; во время восточныхъ замѣшательствъ онъ написалъ „историческій этюдъ о русской политикѣ" на Востокѣ; послѣ турецкой войны онъ издалъ книгу о „восточной войнѣ и брюссельской конференціи"; въ отвѣтъ на шумные толки о средне-азіатскихъ дѣлахъ, при министерствѣ лорда Биконсфильда, онъ напечаталъ разсужденіе о „Россіи и Англіи въ Средней Азіи"; позднѣе, когда казалось неизбѣжнымъ столкновеніе съ Китаемъ, изъ-за Кульджи, появилась брошюра о „конфликтѣ между Россіею и Китаемъ, объ его причинахъ, его развитіи и его всемірномъ значеніи"; наконецъ, въ виду прошлогоднихъ событій въ Египтѣ, авторъ обнародовалъ свое мнѣніе объ „египетскомъ вопросѣ и международномъ правѣ". Г. Мартенсъ велъ также энергическую полемику по вопросу о выдачѣ политическихъ преступниковъ, защищая точку зрѣнія петербургскаго кабинета противъ англійскихъ и французскихъ публицистовъ. Въ европейской спеціальной литературѣ привыкли смотрѣть

на г. Мартенса какъ на призваннаго истолкователя русскихъ дипломатическихъ взглядовъ и стремленій; это обстоятельство значительно усиливало значеніе его научныхъ трудовъ. Работы и статьи автора, предназначавшіяся для иностранной публики, издавались на французскомъ языкѣ, а иногда одновременно на нѣсколькихъ языкахъ, въ томъ числѣ и на русскомъ. Въ то же время авторъ, по порученію нашего министерства иностранныхъ дѣлъ, предпринялъ весьма полезное изданіе — „Собраніе трактатовъ и конвенцій, заключенныхъ Россіею съ иностранными державами", съ историческими комментаріями (вышло уже семь томовъ). Все это, въ связи съ близкимъ участіемъ г. Мартенса въ занятіяхъ гентскаго „института международнаго права", создало автору такое положеніе, какое достается весьма немногимъ изъ русскихъ ученыхъ.

Новый обширный трудъ, о которомъ мы намѣрены теперь сказать нѣсколько словъ, завершаетъ собою прежнюю дѣятельность автора, какъ профессора и писателя: въ сжатомъ и полномъ изложеніи представлены, какъ выражается самъ г. Мартенсъ, результаты „пятнадцатилѣтняго спеціальнаго изученія науки международнаго права". Составленіе цѣльнаго систематическаго курса по какой-либо наукѣ считается обыкновенно самымъ труднымъ и важнымъ дѣломъ,—какъ бы вѣнцомъ ученой репутаціи. Отдѣльныя изслѣдованія, касающіяся различныхъ частей предмета, приводятся при этомъ къ единству; идеи автора выражаются съ наибольшею объективностью и опредѣленностью; критика и полемика уступаютъ мѣсто положительному творчеству. Трудъ г. Мартенса есть не только университетскій курсъ, удовлетворяющій всѣмъ условіямъ научнаго руководства, но и самостоятельная попытка установить новую систему, которую, по мнѣнію автора, должна усвоить наука международнаго права въ ближайшемъ будущемъ. Неудивительно поэтому, что сочиненіе г. Мартенса издается также на нѣмецкомъ и французскомъ языкахъ, въ качествѣ цѣннаго вклада въ литературу „современнаго международнаго права цивилизованныхъ народовъ". Въ книгѣ собранъ чрезвычайно богатый фактическій и литературный матеріалъ; многіе факты почерпнуты изъ архивовъ, которыми авторъ пользовался впервые для выясненія русской международной политики въ прежнія времена.

Г. Мартенсъ различаетъ три періода въ развитіи международнаго права въ Европѣ: первый періодъ, до Вестфальскаго мира, характеризуется господствомъ физической силы; второй, до вѣнскаго конгресса, воплощаетъ въ себѣ идею политическаго равновѣсія, а третій, до настоящаго времени, соотвѣтствуетъ преобладанію принципа національностей. Въ будущемъ же предстоитъ господство „идеи права въ самомъ обширномъ смыслѣ этого слова". Изложивъ въ главныхъ

чертахъ исторію международныхъ отношеній отъ древности до берлинскаго конгресса, авторъ переходитъ къ исторіи международнаго права, какъ науки, отъ Гуго Гроція и до новѣйшихъ работъ гентскаго института. Послѣ такого значительнаго введенія, начинается „часть общая", занимающая собою весь первый томъ (въ 418 стр.). Во второмъ томѣ или въ „особенной части" излагается „право международнаго управленія" во всѣхъ различныхъ сферахъ жизни народовъ,—включая и право войны, и международное частное и уголовное право. Война разсматривается авторомъ подъ сложною рубрикою, скрывающею нѣсколько ея истинный характеръ; — въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, трезвый практическій взглядъ соединяется съ научнымъ оптимизмомъ.

При всемъ уваженіи къ капитальному труду профессора Мартенса, нельзя согласиться съ нѣкоторыми изъ основныхъ теоретическихъ его воззрѣній. Авторъ неоднократно высказываетъ мысль, что „внутренняя жизнь и порядокъ государства обнаруживаютъ роковымъ образомъ свое дѣйствіе на международныя его отношенія и политику". „Международныя отношенія всегда представляютъ зеркало, точно отражающее внутреннее состояніе государственныхъ обществъ въ извѣстную эпоху ихъ существованія, равно и принциповъ, которые лежатъ въ основаніи соціальнаго и политическаго ихъ строя... Стоитъ только опредѣлить крѣпость внутренняго государственнаго порядка и степень общественнаго развитія даннаго народа, чтобы опредѣлить, *помимо его внѣшней физической силы*, степень его вліянія и значенія въ области международныхъ отношеній... Если въ государствѣ человѣческая личность, какъ таковая, признается источникомъ гражданскихъ и политическихъ правъ, то и международная жизнь представляетъ высокую степень развитія, порядка и права" (т. I, стр. II—III предисл.). „Чѣмъ болѣе государства сознаютъ свои обязанности въ отношеніи своихъ подданныхъ,—говорится въ другомъ мѣстѣ (стр. 20), —чѣмъ болѣе относятся съ уваженіемъ къ ихъ правамъ и законнымъ интересамъ, тѣмъ менѣе будетъ произвола во взаимныхъ отношеніяхъ государствъ, тѣмъ лучше будетъ обезпечено мирное и правомѣрное теченіе международной жизни".

Логически это кажется совершенно вѣрнымъ; но если мѣрку, предлагаемую авторомъ, примѣнить къ политикѣ отдѣльныхъ государствъ, напримѣръ Англіи и Россіи, то обнаружится нѣкоторая несообразность. Внѣшняя политика англичанъ носитъ на себѣ характеръ насилія, произвола и неразборчивости въ средствахъ; самому г. Мартенсу приходилось не разъ доказывать несправедливость дипломатическихъ предпріятій и притязаній Англіи,—а между тѣмъ станетъ ли онъ утверждать, что такимъ же характеромъ отличается

внутренняя политическая жизнь англичанъ, что у нихъ не укоренилась идея права, что англійское правительство плохо сознаетъ свои обязанности въ отношеніи подданныхъ и не относится съ подобающимъ уваженіемъ къ ихъ правамъ и законнымъ интересамъ? Международная роль Россіи имѣла часто руководящее значеніе въ Европѣ; она постоянно усиливалась съ конца прошлаго столѣтія, проявляясь въ самыхъ великодушныхъ и безкорыстныхъ формахъ,—то въ видѣ далекихъ походовъ на защиту Австріи или Пруссіи, то въ видѣ спасенія Европы отъ Наполеона. Скажетъ ли г. Мартенсъ, что эта дѣятельная, энергическая, самоотверженная роль русской политики вытекала изъ высокаго развитія внутренней жизни Россіи въ эпоху крѣпостного права? Русская дипломатія издавна славится своею гуманностью, уступчивостью и великодушіемъ; она руководится принципами, болѣе возвышенными, чѣмъ тѣ, которыми проникнута политика Англіи,—а по теоріи г. Мартенса, „международныя отношенія всегда представляютъ зеркало, точно отражающее внутреннее состояніе государственныхъ обществъ, равно и принциповъ, которые лежатъ въ основаніи соціальнаго и политическаго ихъ строя“. Выходитъ, что общественный бытъ крѣпостной Россіи былъ выше и богаче политическаго строя Англіи,—если считать вѣрнымъ „зеркало“ г. Мартенса. Очевидно, авторъ имѣетъ въ виду не реальную историческую дѣйствительность, а такой порядокъ вещей, при которомъ настоящіе интересы, потребности и средства страны служили бы единственнымъ мѣриломъ внѣшней политики государства. Въ исторіи бываетъ наоборотъ: при самомъ скудномъ и несостоятельномъ порядкѣ внутри, можетъ существовать самая щедрая и блестящая дѣятельность извнѣ, предназначенная именно къ тому, чтобы внутреннюю бѣдность прикрыть заманчивымъ ореоломъ славы.

Авторъ, вслѣдъ за нѣмецкими теоретиками, приписываетъ государству идеальную цѣль—„всестороннее развитіе силъ и способностей подданныхъ“ (т. II, стр. 2 и др.), а основаніе международной дѣятельности онъ видитъ только въ „недостаточности силъ и средствъ отдѣльнаго народа въ достиженіи своей жизненной цѣли“. Не трудно замѣтить, что этою „недостаточностью“ далеко не объясняется большинство политическихъ дѣлъ и плановъ государственныхъ людей въ области международной предпріимчивости. Взглядъ автора на государство грѣшитъ чрезмѣрною отвлеченностью, которая отражается и въ общихъ разсужденіяхъ его о международномъ правѣ. Иногда эта отвлеченность доходитъ до туманности. Такъ, напримѣръ, по мнѣнію г. Мартенса, „тамъ, гдѣ общество неограниченно господствуетъ надъ государствомъ, тамъ гдѣ государство поглощается обществомъ и верховная власть есть слѣпое орудіе въ рукахъ какого-

нибудь отдѣльнаго общественнаго класса, индійской касты или современной клики (?), тамъ международные обороты могутъ быть только или запрещены подъ угрозою жестокихъ наказаній, или эксплуатируемы для чисто-эгоистическихъ или корыстолюбивыхъ цѣлей. Наоборотъ, при правильной постановкѣ отношеній общества къ государству, когда государственная власть содѣйствуетъ нормальному развитію общественныхъ интересовъ въ предѣлахъ, ею поставленныхъ, соціальныя стремленія теряютъ въ области международныхъ отношеній ту національную рѣзкость, тотъ узкій антагонизмъ, который имъ свойственъ внутри государства" (т. I, стр. 22). Изъ словъ автора невидно, почему преобладаніе общества надъ государствомъ должно выражаться въ низведеніи верховной власти на степень „слѣпого орудія" и въ извращеніи международныхъ интересовъ. Государство несомнѣнно поглощается обществомъ въ сѣверо-американскихъ Соединенныхъ Штатахъ и отчасти въ Англіи;—однако ни у англичанъ, ни у американцевъ власть не сдѣлалась орудіемъ одного какого-нибудь класса или „клики" и не мѣшала самому широкому развитію международныхъ отношеній. Неправдоподобнымъ оказывается также приведенное выше замѣчаніе автора, что международное вліяніе и значеніе государства зависитъ отъ степени общественнаго развитія даннаго народа, помимо его внѣшней физической силы; — стоитъ только вспомнить положеніе нѣмцевъ до и послѣ прусскихъ побѣдъ, или сопоставить нынѣшнюю Францію съ Россіею временъ императора Николая.

Г. Мартенсъ, впрочемъ, признаетъ важность физической силы въ международныхъ дѣлахъ; онъ вводитъ силу въ составъ своей системы, какъ необходимый способъ „международнаго принужденія" и „возстановленія нарушеннаго юридическаго порядка". Онъ не раздѣляетъ надеждъ на предотвращеніе войнъ посредствомъ примѣненія началъ третейскаго суда или арбитража. „Для будущности самого третейскаго суда необходимо,—какъ полагаетъ г. Мартенсъ,—избѣгать иллюзій въ этомъ вопросѣ. Во всѣхъ международныхъ спорахъ, въ которыхъ на первомъ планѣ стоитъ политическій элементъ, третейское разбирательство невозможно. Оно приложимо только къ такимъ, по большей части, не существеннымъ разногласіямъ государствъ, въ которыхъ замѣшаны главнымъ образомъ интересы юридическаго свойства, когда надо выяснить права, принадлежащія сторонамъ" (т. II, стр. 451). Какъ средство международнаго управленія (?), — продолжаетъ авторъ,—„*война подчиняется праву.* Непосредственная цѣль войны— возстановленіе права и мира"... (тамъ же, стр. 461—2).

Эта теорія кажется намъ слишкомъ смѣлою. Въ спорѣ между Даніею и Пруссіею право могло быть вполнѣ на сторонѣ датчанъ;

но право Даніи должно было подчиниться прусской военной силѣ. Можно ли говорить о возстановленіи права путемъ войны, когда результатъ зависитъ исключительно отъ превосходства силы, которое рѣдко совпадаетъ съ превосходствомъ права? Для слабаго государства самыя безспорныя права и справедливѣйшія требованія остаются безъ всякой охраны, если ихъ отрицаетъ сильный противникъ; а могущественная держава свободно нарушаетъ юридическій порядокъ и игнорируетъ соображенія справедливости, не опасаясь ни „принужденія", ни „возстановленія". Если сила и право—синонимы, то можно говорить и о правѣ войны; но зачѣмъ маскировать грубый фактъ господства силы натянутыми фразами объ идеѣ права? Нужно называть вещи настоящими именами, не прибѣгая къ натяжкамъ, спутывающимъ разнородныя понятія въ ущербъ истинѣ. „Право и оружіе чаще всего противоположны между собою", по признанію Гуго Гроція. Это положеніе имѣетъ силу теперь, какъ и двѣсти лѣтъ тому назадъ. Никакое право, хотя бы самое священное, не устоитъ противъ милліонной арміи, направляемой честолюбивыми и безразборчивыми патріотами. Нынѣшняя Германія всегда будетъ права противъ такихъ сосѣдей, какъ Данія; Англія всегда считаетъ себя въ правѣ распоряжаться по своему въ Египтѣ и вездѣ, гдѣ она не предвидитъ серьёзнаго сопротивленія, не стѣсняясь вовсе вопросомъ о правѣ. Г. Мартенсъ находитъ сходство между принужденіемъ, охраняющимъ законы внутри государства, и употребленіемъ силы въ международныхъ дѣлахъ; но онъ упустилъ изъ виду существенную разницу, уничтожающую всякую возможность параллели между обѣими категоріями фактовъ. Въ спорахъ между отдѣльными лицами принужденіе употребляется только послѣ того, какъ рѣшенъ вопросъ о правѣ посредствомъ суда, на основаніи законовъ; сила дѣйствуетъ противъ стороны, признанной уже неправою,—тогда какъ между государствами война рѣшаетъ дѣло въ пользу сильнѣйшаго, независимо отъ того, кто правъ и кто виноватъ.

Переименовать войну въ „международное принужденіе" или даже въ „средство международнаго управленія",—не значитъ еще смягчить существующее понынѣ господство физической силы, которое, по автору, отличало собою эпоху, предшествовавшую вестфальскому миру. Въ средніе вѣка избіеніе человѣческихъ массъ не было еще доведено до такого совершенства и до такихъ колоссальныхъ размѣровъ, какъ въ новѣйшее время; средневѣковыя битвы могутъ считаться дѣтскими забавами сравнительно съ сраженіями при Садовой, при Гравелоттѣ или Марсъ-Латурѣ, гдѣ десятки тысячъ людей умерщвлялись въ одинъ день; рыцарскія осады крѣпостей и замковъ кажутся пустяками въ сравненіи съ осадою Парижа нѣмцами или

даже съ стоянкою русскихъ войскъ подъ Плевною. Почему же это грандіозное развитіе орудій борьбы и военнаго искусства должно называться мягче и скромнѣе, чѣмъ мелкое „кулачное право" средневѣковой старины? Очевидно, что нѣтъ никакого основанія помѣщать господство физической силы въ какой-нибудь отдаленный отъ насъ періодъ международныхъ отношеній; это господство, въ болѣе широкихъ и усовершенствованныхъ формахъ, продолжается доселѣ,—оно сопутствуетъ принципу національностей, какъ прежде проявлялось въ теоріи политическаго равновѣсія, оставаясь неизмѣнною основою внѣшней политики государствъ. Такимъ образомъ, признаки, по которымъ проф. Мартенсъ дѣлитъ исторію развитія международнаго права на періоды, нуждаются въ соотвѣтственной поправкѣ.

Благодаря отчасти своему взгляду на войну, какъ на нормальный способъ „международнаго принужденія", авторъ придаетъ особенное значеніе вопросу о кодификаціи военныхъ правилъ и обычаевъ. Извѣстно, что брюссельская конференція 1874 года, занимавшаяся этимъ вопросомъ, была созвана оффиціально по предложенію Россіи, но что въ самомъ дѣлѣ починъ принадлежалъ прусскому правительству, выступившему горячо въ пользу ограниченія правъ народной обороны, подъ предлогомъ гуманности. На конференціи ясно опредѣлилось различіе между стремленіями военныхъ державъ и интересами слабыхъ народовъ: представители послѣднихъ были всѣ противъ прусскаго проекта, защищаемаго нѣмецкими генералами и русскими дипломатами. Г. Мартенсъ не упоминаетъ объ этомъ раздвоеніи, послужившемъ главною причиною неудачнаго исхода конференціи; онъ утверждаетъ даже, что „брюссельская конференція была одушевлена желаніемъ не стѣснить ни въ чемъ законнаго права народной обороны и обезпечить права добровольныхъ защитниковъ родины", хотя оппозиція мелкихъ государствъ была именно направлена противъ этихъ предположенныхъ стѣсненій. Авторъ съ своей стороны полагаетъ, что „борьба совершенно неорганизованными массами никогда не достигала большихъ результатовъ и даже чаще въ итогѣ приносила больше вреда, чѣмъ пользы. Возбудить народъ къ сопротивленію непріятелю нетрудно, но нелегко управлять его возбужденными силами и заставить подчиниться распоряженіямъ правительства. Въ большинствѣ случаевъ народныя войны приводятъ къ полной анархіи, одинаково нежелательной ни для нападающаго, ни для обороняющагося государства" (т. II, стр. 481). Повидимому, такое мнѣніе не совсѣмъ согласно съ историческими фактами—напр. съ успѣхомъ партизанскихъ дѣйствій испанцевъ противъ французовъ при Наполеонѣ, съ судьбою французской арміи въ Россіи и, наконецъ, съ исторіею французской національной обороны 1870—71 годовъ.

Послѣ Седана, во Франціи, фактически наступила анархія вслѣдствіе взятія императора въ плѣнъ и полнаго разгрома его армій; эта анархія была предотвращена только при помощи энергическаго продолженія борьбы республиканскимъ правительствомъ. Военныя потрясенія и неудачи неизбѣжно приводятъ къ послѣдствіямъ, противъ которыхъ безсильна предусмотрительность правителей. Для того, чтобы народъ не возбуждался ходомъ войны и оставался спокойнымъ зрителемъ катастрофъ,—для этого нужно было превратить народъ въ безличную, пассивную массу рабовъ, неспособныхъ отдаваться человѣческимъ чувствамъ и порывамъ. Такого результата нигдѣ и никогда не достигали вполнѣ; а еслибъ возможно было достигнуть, то стремиться къ этому было бы по меньшей мѣрѣ опасно, на случай внѣшнихъ пораженій. Ни одно правительство не заинтересовано въ томъ, чтобы гарантировать себя отъ появленія Мининыхъ и Пожарскихъ въ трудные историческіе моменты. Если Пруссія возставала противъ неудобствъ народной обороны, то только потому, что увѣрена въ достаточности своихъ военныхъ силъ и разсчитываетъ вести успѣшныя наступательныя войны, а не оборонительныя. По поводу брюссельской конференціи можно сказать только одно: человѣческая рѣзня можетъ существовать только какъ грубый, возмутительный традиціонный фактъ, къ которому непримѣнимы какія бы то ни было правила. Устанавливать систематическій регламентъ, по которому люди будутъ правильно истреблять другъ друга во время войны,—противно здравому человѣческому инстинкту. Когда лучшія здоровыя силы населенія обрекаются на гибель въ составѣ арміи, то хлопоты о неприкосновенности мирныхъ жителей звучатъ лицемѣріемъ. Народная армія не можетъ уже такъ рѣзко отдѣляться отъ остальныхъ гражданъ, какъ прежнія военныя касты и сословія; да и несправедливо обращать всѣ удары и бѣдствія войны на одну лишь часть населенія, одѣтую въ мундиры.

Пусть ужасы войны будутъ чувствительны для всѣхъ и каждаго, не исключая и журнальныхъ патріотовъ, готовыхъ расточать чужую кровь во имя своего патріотизма; пусть будетъ установлено правило, что всякій сторонникъ и проповѣдникъ войны долженъ обязательно идти лично въ ряды войска; пусть кровавый бичъ войны остается въ своемъ настоящемъ видѣ, не прячась въ лживую маску какого-то подобія права,—и война будетъ все болѣе терять своихъ адептовъ, сдѣлается все болѣе ненавистною большинству людей и будетъ все менѣе нуждаться въ истолкованіи со стороны такихъ авторитетныхъ ученыхъ, какъ профессоръ Мартенсъ. Тогда, быть можетъ, идея права дѣйствительно послужитъ основою отношеній между государствами

и внесетъ новый смыслъ въ темную область международной политики.—Л.

— Чтеніе для народа. Выпускъ I. А. С. Пушкинъ. Вып. II. Н. А. Некрасовъ. Вып. III. В. А. Жуковскій. Вып. IV. Я. П. Полонскій. Составилъ и издалъ *Н. Ѳ. Сумцовъ*. Харьковъ, 1882—83. Цѣна выпуску 5 коп.

— Стихотворенія Ник. Ал. Некрасова. Рисунки Н. Н. Каразина. Изданіе Спб. комитета грамотности, состоящаго при Импер. В. Эконом. Обществѣ. Спб. 1882. Ц. 10 коп.

— И. С. Тургеневъ. «Муму». Отрывокъ. Изданіе кіевскаго отдѣла россійскаго общества покровительства животнымъ. Кіевъ, 1883.

— Московскій крестьянинъ Иванъ Тихоновичъ Посошковъ. Соч. *И. Ремезова*. Спб. 1883. 110 стр. Ц. 10 коп.

Литература для народа значительно распространилась за послѣднія десятилѣтія, и растетъ до сихъ поръ; между прочимъ, въ ней появляется значительное число изданій изъ сочиненій лучшихъ нашихъ писателей, сочиненій, которыя не разсчитывали на народную публику, но теперь вводятся въ эту среду ревнителями народной литературы. Таковы были изданія комитета грамотности, изданія Н. Ѳ. Фанъ-деръ-Флита, московскаго общества распространенія полезныхъ книгъ, и т. д.; къ нимъ присоединяется названный выше родъ книжекъ, изданныхъ г. Сумцовымъ. Факты этого рода считаются обыкновенно пріятными и „отрадными“,—и они, дѣйствительно, отрадны въ томъ смыслѣ, что по нимъ можно заключать объ извѣстныхъ успѣхахъ народной грамотности, о заботахъ относительно ея распространенія; но съ другой стороны эти факты способны навести и на мысли вовсе неотрадныя. Нѣтъ сомнѣнія, что лучшія произведенія русской литературы, тѣ, въ которыхъ высказались даровитѣйшіе ея дѣятели и гдѣ отразилось умственное и художественное развитіе русскаго общества, въ сущности все-таки остаются по содержанію и формѣ недоступны народному читателю—за очень рѣдкими исключеніями. Новѣйшіе самобытники не преминутъ сказать, что де это объясняется очень просто — литература остается чужда народу именно потому, что выросла подъ вліяніемъ западной цивилизаціи и осталась чуждой народнымъ интересамъ; но это несправедливо: ни одна изъ европейскихъ литературъ не выросла внѣ чужихъ вліяній; сама древняя русская письменность преисполнена такими вліяніями и сами знаменитые герои народной литературы, Бова Королевичъ, Петръ Златые-Ключи, Францыль Венеціянъ, Милордъ Георгъ—явнаго западнаго происхожденія, какъ Еруланъ Лазаревичъ — восточнаго не оставалась наша литература чуждой и народнымъ интересамъ,—напротивъ, она въ первый разъ дала имъ большое мѣсто въ своемъ

содержанія, и чѣмъ ближе къ нашему времени, тѣмъ больше. Причина — гораздо ближе. Литература, которая служитъ выраженіемъ умственныхъ и художественныхъ стремленій народа, достигая извѣстной ступени сложныхъ понятій философскихъ и извѣстной высоты эстетическаго вкуса, по необходимости требуетъ такого уровня образованности, который до сихъ поръ оставался удѣломъ лишь наиболѣе просвѣщенной (и матеріально обезпеченной) части народа, удѣломъ такъ-называемаго „общества". „Народъ" точно также не можетъ читать, напр., Бѣлинскаго, какъ и философіи Хомякова, хотя бы первый считался у самобытниковъ наиболѣе зараженнымъ западными идеями, а послѣдній — самымъ чистѣйшимъ русскимъ мыслителемъ и писателемъ. Для болѣе высокихъ областей мысли и поэтическаго творчества необходимъ бóльшій запасъ знаній, и этого запаса народная масса не имѣетъ. Въ литературахъ западныхъ, гдѣ не жалуются на „оторванность" отъ народа, высшая область литературы также недоступна для массы, — но далеко не въ той степени какъ у насъ, потому что тамъ народная школа несравненно выше нашей, въ народной массѣ гораздо больше знаній, и политическая жизнь даетъ гораздо бóльшій уровень общественнаго пониманія, т.-е. знанія общественныхъ дѣлъ и отношеній — отъ болѣе близкаго участія въ этихъ дѣлахъ и отношеніяхъ. Какъ вообще число читателей тамъ неизмѣримо больше нашего, такъ и первостепенные писатели гораздо больше извѣстны и понятны народу, — Шиллеръ несравненно извѣстнѣе и популярнѣе у нѣмцевъ, чѣмъ Пушкинъ у насъ.

Такимъ образомъ, пока народная школа находится у насъ въ томъ же ничтожномъ количественнымъ отношеніи къ народной массѣ, выборъ „чтенія для народа" изъ большихъ писателей соединяется съ великими трудностями. Уровень понятій предполагаемыхъ читателей, — съ которымъ надо сообразоваться при этомъ, — очень неопредѣленный, и во всякомъ случаѣ невысокій.

Цѣль подобныхъ изданій понятна — дать народнымъ читателямъ возможность хотя въ нѣкоторой степени знакомиться съ лучшими произведеніями литературы, съ поэтическими изображеніями русской жизни, съ тѣми понятіями, какія внушаются болѣе сложными отношеніями общественности и ходомъ образованія. Г. Сумцовъ поставилъ своимъ изданіямъ иную цѣль. „Въ послѣднія два-три десятилѣтія, — говоритъ онъ, — безъискусственная народная поэзія почти повсемѣстно пришла въ упадокъ. Художественный и нравственный элементы народныхъ пѣсенъ понизились. Въ селахъ стали появляться грубыя и пошлыя городскія трактирныя пѣсни. Съ усиленіемъ въ большихъ городахъ торговли и промышленности, съ размноженіемъ фабрикъ, заводовъ и желѣзныхъ дорогъ, разгульныя и пьяницкія

пѣсни городского общественнаго отребья нашли множество дорогъ въ села и деревни. Исходя изъ той мысли, что для поддержанія и развитія художественнаго творчества въ народѣ необходимо, между прочимъ, ознакомить сельскихъ грамотѣевъ съ лучшими произведеніями новѣйшихъ русскихъ поэтовъ", — г. Сумцовъ предпринялъ изданіе „Чтеній для народа". Можно усомниться въ томъ, чтобы знакомство сельскихъ грамотѣевъ съ лучшими произведеніями новѣйшихъ писателей помогло „безъискусственной народной поэзіи"; ея упадокъ, отмѣчаемый авторомъ, имѣетъ столь широкія причины, что его едва ли можно предотвратить какимъ бы ни было (возможнымъ по нашему времени) распространеніемъ книгъ въ родѣ „чтенія для народа, — микроскопическій (въ настоящее время) объемъ книгъ этого рода потонетъ въ массѣ вліяній, извращающихъ народные нравы, а съ ними и поэзію; но распространеніе этой новой народной литературы тѣмъ не менѣе остается, конечно, весьма желательнымъ для успѣховъ народной сознательной грамотности. — Выборки, сдѣланныя г. Сумцовымъ изъ названныхъ писателей, вообще говоря, довольно удачны, — но напр., въ изданіи комитета грамотности выборъ изъ стихотвореній Некрасова лучше. Г. Сумцовъ справедливо нашелъ нужнымъ прибавлять о каждомъ писателѣ краткія біографическія свѣдѣнія, и объяснительныя замѣтки къ самымъ пьесамъ; онъ видимо хотѣлъ приноровляться къ понятіямъ читателей изъ народа, — но нельзя сказать, чтобы дѣлалъ это вполнѣ удачно. Въ біографіи Некрасова надѣланы даже грубыя ошибки: Некрасовъ не учился и не умиралъ въ Москвѣ. Одна изъ этихъ ошибокъ замѣчена г. Сумцовымъ на оберткѣ 4-го выпуска; другая такъ и осталась неисправленной.

Нельзя не отнестись съ полнымъ сочувствіемъ къ трудамъ для народной литературы въ родѣ книжки г. Ремезова. Авторъ уже давно работаетъ на этомъ поприщѣ; имъ изданъ былъ цѣлый рядъ популярныхъ книжекъ по древней русской исторіи и біографій народныхъ историческихъ лицъ (какъ Сусанинъ) и новѣйшихъ простолюдиновъ-самоучекъ (какъ механикъ Кулибинъ, иконописецъ Ступинъ, стихотворецъ Слѣпушкинъ, астрономъ-самоучка Семеновъ). Понятно, почему авторъ выбиралъ эти лица предметомъ своихъ біографическихъ очерковъ, къ которымъ присоединяется и жизнеописаніе Посошкова, — напечатанное сначала въ журналѣ „Народная школа" и теперь изданное отдѣльно, въ дополненномъ видѣ. Если авторъ хотѣлъ дать біографіи людей изъ народа, увлекавшихся любовью къ знанію и стремленіемъ къ общей пользѣ, то Посошковъ заслуживалъ, конечно, особеннаго вниманія, и эта біографія есть одна изъ лучшихъ въ числѣ книжекъ г. Ремезова. Такъ какъ главные труды По-

сошкова относились къ государственному хозяйству, то значительную долю книжки г. Ремезовъ посвятилъ объясненію основныхъ политико-экономическихъ понятій, и вообще съумѣлъ хорошо соединить точность и доступность изложенія. Лишь въ нѣкоторыхъ мѣстахъ авторъ не сохранилъ послѣдовательности, употребляя середи общедоступнаго и народнаго языка выраженія искусственно-книжныя. Біографія Посошкова изложена весьма точно и занимательно.

Г. Ремезовъ—одинъ изъ лучшихъ дѣятелей новѣйшей литературы для народа. Надо пожелать, чтобы онъ примѣнилъ свое умѣнье разсказывать не къ одной древности и не къ одному исключительному ряду народныхъ лицъ, но и къ основнымъ, крупнымъ фактамъ и дѣятелямъ исторіи.

Укажемъ еще одну особенность изданій г. Ремезова—ихъ рѣдкую дешевизну. Круглая цѣна его брошюръ—10 коп., и, напр., книжка о Посошковѣ, въ 12°, заключаетъ 112 страницъ компактной печати. Авторъ видимо думалъ не о выгодахъ, а о томъ, чтобы сдѣлать свои книжки сколько можно доступными для народныхъ читателей. Для тѣхъ, кто поинтересовался бы знать практическій результатъ трудовъ почтеннаго автора по изданію народныхъ книгъ, укажемъ письмо г. Ремезова къ издателю „Русской Старины“ (1882, № 8), гдѣ приведенъ подробный отчетъ объ этихъ трудахъ за двадцать лѣтъ (1862—82): здѣсь найдутся характерныя черты для исторіи изданія народныхъ книгъ и отношенія къ нему иныхъ „общественныхъ дѣятелей“.—Н.

— Третье путешествіе въ Центральной Азіи.—Изъ Зайсана черезъ Хами въ Тибетъ и на верховья Желтой рѣки.—*Н. М. Пржевальскаго.* Съ 2 картами, 108 рисунками и 10 политипажами въ текстѣ. Изданіе Имп. Русскаго Географическаго Общества на Высочайше дарованныя средства. Спб. 1883. Большой томъ, 4°.

Въ числѣ именъ русскихъ дѣятелей науки, пріобрѣвшихъ себѣ почетную извѣстность не только дома, но и въ европейскомъ ученомъ мірѣ, одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ принадлежитъ г. Пржевальскому. Его первые труды уже обратили на себя вниманіе въ англійской, нѣмецкой, французской литературѣ и частью были переведены на эти языки. Европейскій Западъ въ послѣднее время начинаетъ ближе знакомиться съ русской литературой, но знаетъ ее все еще мало, и усиленное вниманіе къ трудамъ г. Пржевальскаго даетъ мѣру ихъ значенія въ современной географической наукѣ.

Авторъ уже издавна посвящаетъ свою дѣятельность изученію Центральной Азіи и азіатскаго востока. Въ 1870 году вышло его „Путешествіе въ Уссурійскомъ краѣ“; въ 1875—76 его главный трудъ—

„Монголія и страна Тангутовъ“ (два тома), описаніе перваго путешествія въ Центральную Азію, совершеннаго въ 1871 — 73 годахъ; въ 1878 вышелъ краткій отчетъ о путешествіи — „Отъ Кульджи за Тянъ-шань и на Лобъ-норъ“; въ 1879 – 80 годахъ онъ совершилъ третье путешествіе въ глубь азіатскаго материка, описанное въ настоящей книгѣ.

Свои экспедиціи г. Пржевальскій характеризуетъ какъ „научную рекогнисцировку“ Центральной Азіи. „Въ настоящей книгѣ,—говоритъ онъ,—рядомъ съ послѣдовательнымъ, нерѣдко сжатымъ описаніемъ пройденныхъ нами странъ, ведется разсказъ о ходѣ экспедиціи и передаются личныя наши впечатлѣнія; словомъ, вмѣстѣ съ объективными описаніями вносится и элементъ субъективный. Такая форма изложенія казалась для меня удобнѣе потому, что даетъ возможность читателю прослѣдить шагъ за шагомъ все путешествіе и представить себѣ болѣе или менѣе полную картину описываемыхъ мѣстностей. Насколько эта цѣль достигнута—судить не мнѣ. Скажу лишь, что многіе пробѣлы, какъ въ самыхъ описаніяхъ, такъ и въ изслѣдованіяхъ нашихъ вообще, обусловливались съ одной стороны немалыми пробѣлами личной нашей подготовки, а съ другой—исключительностью тѣхъ условій, въ которыхъ находилась экспедиція: не ковромъ постлана была намъ дорога въ глубь Азіи, не одинъ разъ приходилось, скрѣпя сердце, жертвовать меньшимъ бо̀льшему и вообще исполнять то, что̀ *возможно*, а не то, что̀ *желательно* было сдѣлать“. Въ концѣ книги авторъ говоритъ опять о результахъ своего путешествія, какъ рекогносцировки: „Иного результата наши странствія имѣть и не могли, разъ по многимъ пробѣламъ личной нашей подготовки, а затѣмъ по самому характеру пройденныхъ странъ, гдѣ противъ путешественника нерѣдко встаютъ и люди, и природа, гдѣ иногда съ винтовкою въ рукахъ приходится прокладывать себѣ путь, а сплошь и къ ряду сначала заботиться, чтобы не погибнуть отъ жажды или голода и затѣмъ уже справлять научныя работы. Но утѣшительно для меня подумать, что эти быстролетныя изслѣдованія, въ будущемъ, послужатъ руководящими нитями, которыя поведутъ въ глубь Азіи болѣе подготовленныхъ, болѣе спеціальныхъ наблюдателей. Тогда, конечно, землевѣдѣніе и естествознаніе, въ своихъ различныхъ отрасляхъ, обогатятся сторицею противъ того, что̀ имъ дали нынѣшнія наши путешествія“.

Г. Пржевальскій, въ общемъ счетѣ своихъ трехъ путешествій въ Центральной Азіи, прошелъ по мѣстностямъ бо̀льшею частью малоизвѣстнымъ, а нерѣдко и вовсе неизвѣстнымъ—22,000 съ лишнимъ верстъ, изъ которыхъ половина сняты глазомѣрно; опредѣлена астрономически широта 48 пунктовъ, абсолютная высота 212 точекъ;

ежедневно три раза производились метеорологическія наблюденія, иногда измѣрялась температура почвы и воды, влажность воздуха; составлены обширныя зоологическія и ботаническія коллекціи (напр. птицъ 400 видовъ въ 3,425 экземплярахъ; растеній до 1,500 видовъ въ 12,000 экз.), коллекціи минералогическія. Этотъ естественно-историческій матеріалъ частью уже описанъ спеціалистами, частью остается необработаннымъ. Г. Пржевальскій отдаетъ всю справедливость энергіи своихъ спутниковъ, которой приписываетъ въ большой степени успѣхъ экспедицій. „Ихъ не пугали ни страшные жары и бури пустыни, ни тысячеверстные переходы, ни громадныя, уходящія за облака, горы Тибета, ни леденящіе тамъ холода, ни орды дикарей, готовыя растерзать насъ... Отчужденные на цѣлые годы отъ своей родины, отъ всего близкаго и дорогого, среди многоразличныхъ невзгодъ и опасностей, являвшихся непрерывною чредою—мои спутники свято исполняли свой долгъ, никогда не падали духомъ и вели себя, по истинѣ, героями"...

Книга г. Пржевальскаго есть именно точный дневникъ путешествія, съ подробнымъ описаніемъ пути, проходимой мѣстности, рѣкъ, горъ, холмовъ, пустынь, оазисовъ и т. д., съ указаніемъ флоры и фауны, опредѣленіемъ астрономическихъ положеній, температуры и проч.; съ описаніемъ мѣстнаго населенія, его быта и характера, встрѣчъ и столкновеній съ нимъ; съ картиной явленій природы и т. д. Это конечно не книга для обыкновеннаго читателя, котораго затруднитъ обиліе спеціальныхъ подробностей; каждая страница—исполнена новыми фактами для географіи и естествознанія, но среди частныхъ подробностей есть множество описаній, картинъ природы, нравовъ, приключеній экспедиціи, которыя представятъ богатый интересъ для всякаго образованнаго читателя и не-спеціалиста. Если путешествіе вообще привлекаетъ насъ изображеніемъ чуждой намъ природы и людей, анекдотическимъ интересомъ приключеній, то особую своеобразную занимательность имѣютъ странствія, подобныя экспедиціямъ г. Пржевальскаго,—странствія въ полуизвѣстные или совсѣмъ невѣдомые края, странствія, окруженныя всякими трудностями, рискомъ и завѣдомой опасностью; научная цѣль придаетъ новую цѣну трудамъ путешественника, которому приходится достигать ея въ этихъ условіяхъ. Указавши предположенную имъ себѣ задачу, авторъ вводитъ читателя во всѣ подробности снаряженія своей экспедиціи—какіе запасы она должна была взять на свой долгій путь, запасы продовольственные, боевые, охотничьи; одежду, обувь, *жилище*; какіе взять деньги и подарки для туземцевъ; какъ уложить багажъ; какихъ животныхъ взять съ собой (кромѣ верблюдовъ и лошадей для ѣзды и транспорта, экспедиція гнала съ собой стадо

барановъ). Группа людей, въ тринадцать человѣкъ, — г. Пржевальскій не имѣлъ предразсудка относительно „чортовой дюжины",— должна была надолго впередъ разсчитать все, что могло быть ей необходимымъ,—она пускалась въ страны, гдѣ была совсѣмъ отрѣзана отъ послѣднихъ крайнихъ пунктовъ нашей азіатской границы и отъ всего цивилизованнаго міра, должна была приготовиться проходить безлюдныя и безводныя пустыни, переносить зной и холодъ, пожалуй и голодъ, встрѣчаться съ хищниками и врагами. Г. Пржевальскій разсказываетъ свое странствіе съ величайшей простотой — выступленіе каравана, переходы по горамъ и доламъ, встрѣчи съ туземцами, дружескія и враждебныя, столкновенія съ недовѣрчивыми и недружелюбными властями, борьбу съ климатомъ, бурями и непогодами и т. д.; среди всего этого, экспедиція неизмѣнно ведетъ свой дневникъ, описываетъ мѣстность, собираетъ коллекціи, дѣлаетъ физическія и астрономическія наблюденія. Какъ мы замѣтили, все это разсказывается очень просто, иной разъ даже сухо, — но отдавши себѣ нѣкоторый отчетъ въ этой массѣ труда, предпринятаго по доброй волѣ, совершеннаго съ великой преданностью дѣлу, чувствуешь къ нему глубокое уваженіе.

„Завѣтной цѣли" своего путешествія, священной столицы Тибета, Лхассы, г. Пржевальскій недостигъ и на этотъ разъ. Теперь это была уже четвертая попытка его пробраться въ городъ Далай-Ламы. Онъ былъ уже близокъ къ этой цѣли, но суевѣрная подозрительность и страхъ тибетцевъ и китайцевъ закрыли ему дальнѣйшій путь. Онъ могъ собрать о Лхассѣ нѣкоторыя свѣдѣнія только по распросамъ живавшихъ тамъ монголовъ. — Но и безъ того книга исполнена любопытнаго матеріала. Было бы долго указывать въ книгѣ г. Пржевальскаго интересные эпизоды этнографическіе—разсказы о характерѣ и бытѣ различныхъ мѣстныхъ племенъ, наблюденія надъ кочевыми народами Средней Азіи, соображенія объ ихъ культурной и исторической судьбѣ и т. д. Къ сожалѣнію,—которое и авторъ высказываетъ,—много мѣшало экспедиціи незнаніе мѣстныхъ языковъ, и постоянная необходимость говорить черезъ переводчиковъ.

Такія предпріятія, какъ многолѣтнія и все повторяемыя странствія г. Пржевальскаго въ Средней Азіи, могъ совершать только страстный путешественникъ. Такимъ и является авторъ въ послѣднихъ заключительныхъ словахъ своей книги: „Грустное, тоскливое чувство, — говоритъ г. Пржевальскій,—всегда овладѣваетъ мною, лишь только пройдутъ первые порывы радостей по возвращеніи на родину. И чѣмъ далѣе бѣжитъ время среди обыденной жизни, тѣмъ болѣе и болѣе растетъ эта тоска, словно въ далекихъ пусты-

нияхъ Азіи покинуто что-либо незабвенное, дорогое, чего не найти въ Европѣ. Да, въ тѣхъ пустыняхъ, дѣйствительно, имѣется исключительное благо—свобода, правда, дикая, но за то ничѣмъ не стѣсняемая, чуть не абсолютная. Путешественникъ становится тамъ цивилизованнымъ дикаремъ и пользуется лучшими сторонами крайнихъ стадій человѣческаго развитія: простотою и широкимъ привольемъ жизни дикой, наукою и знаньемъ изъ жизни цивилизованной. Притомъ самое дѣло путешествія для человѣка, искренно ему преданнаго, представляетъ величайшую заманчивость, ежедневною смѣною впечатлѣній, обиліемъ новизны, сознаніемъ пользы для науки. Трудности же физическія, разъ онѣ миновали, легко забываются и только еще сильнѣе оттѣняютъ въ воспоминаніяхъ радостныя минуты удачъ и счастія.—Вотъ почему истому путешественнику невозможно позабыть о своихъ странствованіяхъ, даже при самыхъ лучшихъ условіяхъ дальнѣйшаго существованія. День и ночь неминуемо будутъ ему грезиться картины счастливаго прошлаго и манить—промѣнять вновь удобства и покой цивилизованной обстановки на трудовую, по временамъ непривѣтливую, но за то свободную и славную странническую жизнь"...—Н.

НЕКРОЛОГЪ.

Валентинъ Өедоровичъ Коршъ.

Неожиданная смерть В. Ө. Корша тяжело поразила не только многочисленныхъ друзей, не только бывшихъ сотрудниковъ его, но и всѣхъ тѣхъ, кто близко принимаетъ къ сердцу судьбы русской литературы. Въ исторіи русской печати имя покойнаго не будетъ забыто; онъ принадлежалъ ей вполнѣ, посвятилъ ей всю свою жизнь. Тяжела профессія литератора вообще, русскаго литератора—въ особенности; но всего тяжелѣе положеніе редактора русской ежедневной газеты, когда онъ видитъ въ ея изданіи не ремесло, не источникъ дохода, когда онъ плыветъ не по вѣтру, а къ заранѣе намѣченной, свободно выбранной цѣли. Ко всѣмъ затрудненіямъ хлопотливаго, сложнаго, лихорадочно-спѣшнаго, отвѣтственнаго дѣла присоединяется безконечный рядъ мелкихъ и крупныхъ опасностей и столкновеній, съ которыми вовсе или почти вовсе незнакомы западно-европейскіе журналисты; да и у насъ они понятны вполнѣ только прошедшему чрезъ ихъ горнило. Немного найдется родовъ дѣятельности, въ которой такъ часто и такъ болѣзненно раздражались бы нервы, такъ скоро тратилось бы здоровье и спокойствіе духа. Подъ дамокловымъ мечемъ можно было по крайней мѣрѣ сидѣть смирно; здѣсь нужно постоянно двигаться, хотя бы это движеніе и напоминало иногда вращеніе бѣлки въ колесѣ. Нужно быть въ одно и то же время осторожнымъ и торопливымъ, сдержаннымъ и рѣшительнымъ; нельзя быть робкимъ, но нельзя быть и смѣлымъ. Нужно обладать громадною памятью—или терять много времени на справки съ спискомъ запретныхъ вопросовъ; нужно быть не только внимательнымъ къ настоящему, но и предусмотрительнымъ по отношенію къ будущему, не подчиненному никакимъ законамъ и потому неуловимому. Нужно держаться средняго пути между двумя крайностями—угодливостью публикѣ и совершеннымъ игнорированіемъ ея потребностей и привычекъ; нужно поднимать массу читателей все выше и выше, не ожидая отъ нея непосильныхъ скачковъ и не спускаясь на ея уровень. Лѣтъ двадцать тому назадъ ко всему этому прибавлялась еще одна трудность, и теперь устраненная только отчасти: мало было лицъ, способныхъ и готовыхъ отдать себя все-

цѣло одной газетной работѣ. Раздѣленіе труда на правильныхъ началахъ было немыслимо; редакторъ — конечно редакторъ дѣйствительный, а не номинальный—долженъ былъ брать на себя слишкомъ многое, почти разрываться на части. Обѣщанныя статьи запаздывали или не появлялись вовсе, пробѣлы, созданные красными цензорскими чернилами, не всегда легко было пополнить. А между тѣмъ, требованія отъ газеты росли, возвышаемыя именно ея усиліями раздвинуть старинную, тѣсную рамку; редакторъ и ближайшіе его сотрудники должны были въ одно и то же время работать и учиться, вызывать новыя потребности и находить способы къ ихъ удовлетворенію.

Все сказанное нами примѣнимо вполнѣ къ „С.-Петербургскимъ Вѣдомостямъ", въ первое время редактированія ихъ В. Ѳ. Коршемъ (съ 1863 г.). До тѣхъ поръ, по справедливому замѣчанію одного изъ бывшихъ сотрудниковъ покойнаго, газетъ, въ современномъ, европейскомъ смыслѣ этого слова, у насъ не существовало. Изъ числа немногихъ изданій, выходившихъ ежедневно, или по нѣскольку разъ въ недѣлю, одни находились какъ бы въ казенномъ управленіи, редактировались должностными лицами; другія, обезпеченныя монополіей объявленій, влачились по пробитой колеѣ, вяло и рутинно, не заботясь объ улучшеніяхъ. Журналы давно уже сдѣлались живою силой, газеты отставали отъ нихъ чуть не на цѣлое поколѣніе. А между тѣмъ, ряды читающей публики раздвигались все шире и шире, интересъ къ текущимъ событіямъ увеличивался быстро и постоянно. Телеграфы и желѣзныя дороги приблизили насъ къ Европѣ; еще важнѣе было то, что сама Россія стала немного больше походить на Европу, что жизнь смѣнила въ ней застой и сдѣлалась до извѣстной степени доступной для обсужденія. Одни ежемѣсячные журналы не могли удовлетворить вновь нарождавшихся потребностей; появлялся запросъ не только на новости дня, но и на анализъ, идущій рука объ руку съ фактами. Попытки реформы въ ежедневной журналистикѣ встрѣчаются вслѣдъ за измѣненіемъ общихъ и спеціально-цензурныхъ условій (назовемъ, для примѣра, „Русскій Дневникъ" Мельникова, преобразованную „Сѣверную Пчелу", „Современное Слово" г. Писаревскаго),—но по тѣмъ или другимъ причинамъ онѣ не имѣли прочнаго успѣха, и рѣзкій поворотъ на новый путь совершился не раньше 1863 г., когда „Московскія Вѣдомости" сданы были въ аренду г. Каткову, „С.-Петербургскія Вѣдомости"— В. Ѳ. Коршу, и въ то же время основанъ „Голосъ" г. Краевскаго. Начиная съ формата, все измѣнилось въ газетахъ; это было для нихъ такимъ же критическимъ моментомъ, какимъ было для тол-

стыхъ журналовъ, за четверть вѣка передъ тѣмъ, появленіе обновленныхъ „Отечественныхъ Записокъ". Небывалое прежде обиліе иностранныхъ и въ особенности внутреннихъ корреспонденцій, внимательное отношеніе къ провинціальной жизни, выдающаяся роль передовыхъ статей—всѣ эти наружныя отличительныя черты современной газеты вырабатывались въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ", при обстановкѣ сравнительно неблагопріятной, ничуть не меньше, чѣмъ въ органахъ гг. Краевскаго и Каткова. Новой редакціи „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей" предстояло изгладить впечатлѣніе, произведенное на читателей намѣренною безсодержательностью и безцвѣтностью газеты за послѣдніе полгода до перехода ея въ руки В. Ѳ. Корша. Ея матеріальное положеніе было стѣснено и высокимъ, относительно, размѣромъ арендной платы, и обязательнымъ печатаніемъ въ казенной типографіи [1]). Хорошимъ администраторомъ и хозяиномъ В. Ѳ. никогда не былъ: ошибки, сдѣланныя имъ вслѣдствіе этого въ самомъ началѣ изданія, давали себя чувствовать очень долго. Мы упоминаемъ объ этомъ только для того, чтобы напомнить объ одной изъ заботъ, непрерывно тяготѣвшихъ надъ В. Ѳ. Коршемъ. Борьба за существованіе газеты часто была для него борьбой за личное существованіе—но на способѣ веденія первой горечь второй никогда не отражалась. Въ выборѣ путей В. Ѳ. никогда не руководствовался ихъ выгодностью — ни тою, которая обусловливается безопасностью изданія, ни тою, которая зависитъ отъ степени распространенія его въ публикѣ.

Увеличеніе объема, расширеніе содержанія газетъ, бо́льшая полнота и большее разнообразіе газетныхъ извѣстій, ускоренное ихъ сообщеніе—все это составляло только часть задачи, поставленной на очередь двадцать лѣтъ тому назадъ. Гораздо важнѣе и гораздо труднѣе было дать газетѣ строго выдержанное направленіе, опредѣленную политическую физіономію. Предварительная цензура не только существовала еще въ полной силѣ, но вступала именно въ то время въ новый фазисъ, неблагопріятный для литературы 1862 годъ былъ ознаменованъ первыми крупными мѣрами строгости противъ журналовъ; „Современникъ" и „Русское Слово" подверглись временному запрещенію. Снисходительные, просвѣщенные цензора конца пятидесятыхъ годовъ сошли или сходили со сцены; мѣсяцъ спустя послѣ перехода „Спб. Вѣдомостей" подъ редакцію В. Ѳ. Корша цензурное вѣдомство было подчинено министерству внутреннихъ дѣлъ,

---

[1]) Монополія частныхъ объявленій прекратилась весьма скоро послѣ того, какъ В. Ѳ. сдѣлался редакторомъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей".

т.-е. П. А. Валуеву (вмѣсто А. В. Головнина). Если прибавить къ этому, что необходимость особо-бдительнаго наблюденія за газетами успѣла уже тогда сдѣлаться руководящимъ принципомъ цензурнаго управленія, то мы получимъ ясное понятіе о подводныхъ камняхъ, посреди которыхъ сразу очутилась новая редакція. Уже въ концѣ перваго мѣсяца, если не измѣняетъ намъ память [1]), В. Ѳ. получилъ отъ тогдашняго президента академіи наукъ негласное предостереженіе о неудовольствіи, вызываемомъ газетою. Положеніе дѣлъ усложнилось еще больше, когда въ томъ же мѣсяцѣ вспыхнулъ мятежъ въ Царствѣ Польскомъ. Мало того, что для всѣхъ сообщеній и статей, относившихся къ этому предмету, была установлена особая цензура, газетѣ стали вмѣнять въ вину самое ея молчаніе, отъ нея стали ожидать, почти требовать, чтобы она говорила въ извѣстномъ смыслѣ и извѣстномъ тонѣ. Пассивное противодѣйствіе этимъ требованіямъ—объ активномъ скоро нельзя было и думать—заставляло опасаться каждую минуту за существованіе редакціи. Чѣмъ сдержаннѣе она, по необходимости, относилась къ жгучему вопросу минуты, тѣмъ больше овладѣвалъ вниманіемъ читателей громкій, торжествующій голосъ „Московскихъ Вѣдомостей". Одна часть публики, увлекаясь теченіемъ, начинала упрекать петербургскую газету въ недостаткѣ патріотизма; другая досадовала на ея недомолвки, на ея кажущуюся безцвѣтность, не вникая въ причины, вслѣдствіе которыхъ ей приходилось дѣйствовать именно такъ, а не иначе. Будущему историку этой эпохи предстоитъ сдѣлать сравнительную оцѣнку тѣхъ противоположныхъ направленій, выраженіемъ которыхъ явились, въ половинѣ шестидесятыхъ годовъ, органы В. Ѳ. Корша и г. Каткова. Онъ приметъ, конечно, въ соображеніе крайнее неравенство условій, въ которыя они были поставлены; онъ не забудетъ, что на категорическія утвержденія и безцеремонный крикъ одного, другой могъ отвѣчать только шопотомъ, намеками, полу-словами. Такіе факты, какъ запрещеніе „Времени" за статью г. Страхова (!), помогутъ ему понять, до чего была доведена тогда свобода мнѣній по „роковому вопросу". Взвѣсивъ все это, онъ найдетъ, быть можетъ, что умѣрять разгорѣвшуюся страсть было дѣломъ болѣе полезнымъ и почтеннымъ, чѣмъ разжигать ее, что въ подливаніи масла на огонь не предстояло никакой надобности, что положеніе вещей не требовало бранныхъ пѣсенъ Тиртея. Онъ скажетъ, быть можетъ, что образъ дѣйствій В. Ѳ. Корша въ 1863 г.—или, лучше сказать про-

[1]) Пишущій эти строки принималъ постоянное участіе въ трудахъ редакціи «Спб. Вѣдомостей» съ 1863 по 1865 г.

глядывающая, сквозь искусственный туманъ, основная мысль редактора—напоминаетъ, mutatis mutandis и въ сильно уменьшенныхъ размѣрахъ, отношеніе Кобдена и Брайта къ восточной войнѣ въ 1854—55 г. И ихъ называли измѣнниками, людьми безъ чести и сердца—до тѣхъ поръ, пока не прошла воинственная горячка, пока не была отдана справедливость чистотѣ ихъ побужденій и даже ихъ политическому такту. Роль „Московскихъ Вѣдомостей" представляетъ, на оборотъ, съ тою же оговоркой, какая сдѣлана нами выше—большое сходство съ ролью „Times", какъ глашатая войны противъ Россіи. Газета, подхватившая господствующую ноту и повторяющая ее съ настойчивостью и искусствомъ, часто воображаетъ себя—и довольно легко признается другими—истинною внушительницею тѣхъ чувствъ, которыхъ, въ сущности, она служитъ только отголоскомъ. Происходитъ нѣчто въ родѣ оптическаго обмана, болѣе или менѣе продолжительнаго, смотря по степени ясности атмосферы; слагаются легенды, тѣмъ болѣе прочныя, чѣмъ менѣе удобно критическое отношеніе къ ихъ источникамъ. Ореолъ подобной легенды до сихъ поръ освѣщаетъ еще, хоть и слабо, редактора „Московскихъ Вѣдомостей"; наивные или близорукіе люди до сихъ поръ готовы считать г. Каткова чуть не спасителемъ Россіи [1]). Способствуетъ живучести этого взгляда и то обстоятельство, что онъ какъ будто бы говоритъ за могущество печати, даже русской; русское общественное мнѣніе—такова общепринятая на этотъ счетъ фраза—въ первый разъ высказалось рѣшительно и громко въ 1863 г., и ораторомъ его выступилъ г. Катковъ, создавшій, такимъ образомъ, въ новѣйшей русской исторіи роль народнаго трибуна. Отчего же, спрашивается, никто не заступилъ его въ этой роли, отчего печать только одинъ разъ выступила рѣшительницей нашихъ историческихъ судебъ?... Не ясно ли, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ одной изъ тѣхъ фантасмагорій, которыя такъ легко возникаютъ и такъ упорно держатся въ полу-мракѣ? Не ясно ли, что въ подавленіи возстанія, въ отклоненіи иностраннаго вмѣшательства русская печать, да и русское общественное мнѣніе играли роль немногимъ бо́льшую, чѣмъ муха на рогахъ пашущаго вола? Апрѣльскія депеши кн. Горчакова были продолженіемъ вѣковой политики нашего правительства; заявленія печати и адресовъ не могли придать имъ много

---

[1]) Припомнимъ, например̀ъ, что по словамъ г. Шарапова (въ предисловіи къ его книгѣ: «Будущность крестьянскаго хозяйства»; см. В. Евр. 1882 г. № 7, «Изъ общественной хроники»), разрыву г. Аксакова съ г. Катковымъ долго мѣшало, а можетъ быть, мѣшаетъ и до сихъ поръ, благодарное воспоминаніе перваго о такъ называемыхъ заслугахъ послѣдняго по польскому вопросу.

вѣса уже потому, что Европа не привыкла вѣрить ни въ самостоятельность подцензурныхъ газетъ и журналовъ, ни во внутреннюю силу демонстрацій, требующихъ предварительнаго разрѣшенія. Если намъ укажутъ на длинный рядъ мѣръ, принятыхъ правительствомъ въ интересахъ крестьянскаго населенія западныхъ губерній и Царства Польскаго, то мы отвѣтимъ, что за нихъ одинаково стояли, въ мірѣ печати, приверженцы, и противники крайней репрессіи; вся разница заключалась въ томъ, что со стороны „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей" защита Н. А. Милютина и его системы была послѣдовательна, со стороны „Московскихъ Вѣдомостей"—явно непослѣдовательна. Первыя стояли за льготы польскимъ крестьянамъ по убѣжденію въ ихъ справедливости, послѣднія—по убѣжденію въ ихъ практической пригодности. Ненадежна та политика, которая держится однихъ началъ на востокѣ, другихъ—на западѣ, однихъ—въ центрѣ, другихъ—въ пограничныхъ областяхъ государства. Если многое, предпринятое въ западныхъ губерніахъ на пользу массы, не удалось или не было доведено до конца, то главную причину этого прискорбнаго факта слѣдуетъ искать именно въ побѣдѣ воззрѣній, пользовавшихся поддержкой „Московскихъ Вѣдомостей", надъ взглядами, которымъ никогда не измѣнялъ ихъ менѣе счастливый соперникъ. Противорѣчіе между общимъ политическимъ настроеніемъ и характеромъ управленія въ одной изъ окраинъ было возможно только до тѣхъ поръ, пока продолжалось возстаніе или была свѣжа о немъ память. Въ послѣднемъ счетѣ сдѣланное одной рукой оказалось подточеннымъ другою. Если бы активъ „Московскихъ Вѣдомостей", за время съ 1863 по 1865 г., и былъ настолько великъ, какъ это думаютъ, по старой памяти, слѣпые поклонники ихъ и рутинеры однажды установившейся традиціи, то онъ во всякомъ случаѣ далеко перевѣшивался бы ихъ пассивомъ, уже тогда достигшимъ громадныхъ размѣровъ.

Мы упомянули о взглядахъ, которыхъ неуклонно держался В. Ѳ. Коршъ. Краткая ихъ формула слѣдующая: служеніе принципамъ, лежащимъ въ основаніи великихъ реформъ прошедшаго царствованія, логическое и всестороннее проведеніе ихъ въ жизнь, безостановочное и широкое ихъ развитіе. Чтобы понять, какимъ образомъ подобная программа могла сдѣлаться для газеты источникомъ неисчислимыхъ затрудненій, достаточно припомнить, что реакція противъ реформъ слѣдовала за ними почти непосредственно и продолжалась, съ большей или меньшей силой, въ теченіе всей двѣнадцатилѣтней дѣятельности В. Ѳ. Корша, какъ редактора „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей" (1863—74). При составленіи новаго закона о печати предполагалось

ограничить примѣненіе административныхъ каръ случаями „явно-вреднаго направленія“ газетъ или журналовъ; не прошло, однако, и мѣсяца со времени введенія въ дѣйствіе закона, какъ „С.-Петербургскія Вѣдомости“ (въ сентябрѣ 1865 г.) получили уже первое предостереженіе—*первое* не только для нихъ, но и для всей русской печати—за статью, обсуждавшую отдѣльный, частный вопросъ (о продажѣ государственныхъ имуществъ) и никакого общаго направленія не обнаруживавшую. Сочувствіе земству сдѣлалось небезопаснымъ уже на второй годъ дѣятельности земскихъ учрежденій, въ особенности послѣ закрытія ихъ въ петербургской губерніи; сочувствіе новому суду могло быть понято какъ признакъ неблагонамѣренности уже послѣ первыхъ приговоровъ петербургскаго окружнаго суда по дѣламъ печати. Сочувствіе основнымъ началамъ крестьянской реформы вело къ протесту противъ искаженія ихъ въ дѣйствительности, къ указанію пробѣловъ, требовавшихъ пополненія; между тѣмъ, оффиціальнымъ лозунгомъ эпохи было *несуществованіе крестьянскаго вопроса*, по крайней мѣрѣ какъ вопроса объ улучшеніи быта крестьянъ. Въ этомъ смыслѣ онъ считался окончательно и навсегда порѣшеннымъ и практикою, и закономъ. Допускалось, за то, и очень охотно, существованіе вопросовъ сельско-хозяйственнаго и сельско-административнаго—другими словами, допускалась возможность и, можетъ быть, даже необходимость наложить руку на крестьянское самоуправленіе, на крестьянскую поземельную общину. Защита реформъ становилась, такимъ образомъ, чѣмъ-то въ родѣ оппозиціи, даже тогда, когда она стояла на почвѣ совершившихся уже фактовъ. Постоянно оставаться на этой почвѣ она не могла уже потому, что нужно же было дать себѣ отчетъ въ причинахъ реакціи, нужно же было обобщить и объяснить длинный рядъ событій, приведшихъ къ полной перемѣнѣ фронта. Каждый шагъ на этомъ пути былъ обставленъ почти непреодолимыми преградами; газетѣ не удавалась даже ясная и опредѣленная постановка вопроса—но уже самыя попытки его поставить давали поводъ къ обвиненіямъ, подъ тяжестью которыхъ рано или поздно должна была пасть редакція.

Incidit in Scyllam, qui vult vitare Charibdin. Харибду, которой старался избѣжать и въ концѣ концовъ все-таки не избѣжалъ В. Ѳ. Коршъ, мы уже указали; Сциллой для него было осужденіе со стороны тѣхъ, кто не понимаетъ лавированія. Мы видѣли уже, что въ самый разгаръ польскаго вопроса, нападенія противъ „Спб. Вѣдомостей“ исходили изъ двухъ источниковъ, совершенно разнородныхъ; тоже самое слѣдуетъ сказать и о позднѣйшемъ періодѣ ихъ исторіи—томъ періодѣ, когда сложилась въ нашей сатирѣ знаменитая формула: „должно

сознаться, но съ другой стороны нельзя не признаться". Мы не станемъ утверждать, что для появленія этой формулы не было рѣшительно никакихъ основаній. Мягкій, гуманный отъ природы, умѣренный по убѣжденію, В. Ѳ. не былъ и не могъ быть однимъ изъ тѣхъ бойцовъ, въ которыхъ типично выражается духъ эпохи; какъ всѣмъ приверженцамъ средины, ему суждено было возбуждать неудовольствіе и направо и налѣво. Справедливо ли было рѣзкое выраженіе этого неудовольствія, доходившее до упрека въ „пѣнкоснимательствѣ"—это другой вопросъ, въ разсмотрѣніе котораго мы здѣсь не входимъ. Напомнить о спорѣ, давно затихшемъ, мы нашли нужнымъ только для того, чтобы обрисовать всю непригладность положенія, много лѣтъ сряду тяготѣвшаго надъ В. Ѳ. Коршемъ. Быть обвиняемымъ, въ одно и тоже время, въ дерзости и въ трусости, въ „потрясеніи основъ" и въ бережномъ обращеніи съ рутиной—это судьба почти трагическая, испытаніе, почти превышающее человѣческія силы. Удивляться нужно не тому, что „С.-Петербургскія Вѣдомости", подъ редакціей В. Ѳ. Корша, не всегда держались на одной и той же высотѣ, а тому, что онѣ до самаго конца оставались лучшей русской газетой.

Разсказывать подробности катастрофы, постигшей В. Ѳ. Корша въ концѣ 1874 г., теперь еще не время. Извѣстно, что главной ея причиной было отношеніе „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей" къ вопросу объ учебной реформѣ; извѣстна также дальнѣйшая судьба газеты, сразу утратившей все то, что было дано ей трудами В. Ѳ. Корша. Характеристична для личности покойнаго та любовь, которую онъ сохранилъ, несмотря на всѣ разочарованія, къ газетному дѣлу. Всѣ мечты, всѣ усилія его были направлены къ тому, чтобы возвратиться къ истощающей, неблагодарной, но дорогой его сердцу работѣ. Благопріятный, повидимому, случай представился довольно скоро, въ началѣ 1877 г.; кружокъ литераторовъ и лицъ, интересующихся литературой, далъ средства на преобразованіе спеціально-юридическаго „Судебнаго Вѣстника" въ политическую ежедневную газету: „Сѣверный Вѣстникъ". Во главѣ предпріятія сталъ, неоффиціально, В. Ѳ. Коршъ. Мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что главнымъ побужденіемъ всѣхъ или по крайней мѣрѣ многихъ вкладчиковъ было желаніе открыть ему вновь доступъ къ прежней дѣятельности и пополнить пробѣлъ, образовавшійся въ нашей журналистикѣ вслѣдствіе разрушенія прежней редакціи „Спб. Вѣдомостей". Обстоятельства, при которыхъ началось изданіе „Сѣвернаго Вѣстника", оказались, однако, рѣшительно неблагопріятными для новой газеты—а для того, чтобы поправиться и стать на ноги, ей не хва-

тило существенно-важнаго условія: времени. Восточная война выдвинула на первый планъ телеграммы и корреспонденціи съ театра военныхъ дѣйствій; въ развитіи этого отдѣла газета, только-что основанная и бѣдная средствами, не могла соперничать съ другими, крѣпко ставшими на ноги и богатыми органами ежедневной печати. В. Ѳ. Коршъ, по всему своему умственному складу, былъ по преимуществу журналистомъ мирнаго, нормальнаго времени. Это время не наступило и по окончаніи войны; начало внутренней смуты послужило смертнымъ приговоромъ для „Сѣвернаго Вѣстника", запрещеннаго черезъ нѣсколько дней послѣ оправданія Вѣры Засуличъ. Мѣсто, которое занимали въ нашей печати „Спб. Вѣдомости" 1863—74 г., къ занятію котораго былъ близокъ „Сѣверный Вѣстникъ", остается пустымъ до сихъ поръ; въ попыткахъ замѣстить его не было недостатка, но онѣ постоянно разбивались о внѣшнія преграды. Руководящаго участія въ этихъ попыткахъ В. Ѳ. не принималъ, хотя и стоялъ къ нимъ болѣе или менѣе близко. Послѣднимъ журнальнымъ предпріятіемъ его было редактированіе „Заграничнаго Вѣстника". Журналъ, въ которомъ наукѣ отводилось столько же мѣста, сколько и беллетристикѣ, а выборъ беллетристическихъ произведеній производился съ строгимъ разборомъ, оказался безсильнымъ конкуррировать съ заурядными поставщиками переводныхъ повѣстей и романовъ.

В. Ѳ. Коршъ былъ не только воинствующимъ публицистомъ, но и широко-образованнымъ знатокомъ политическихъ наукъ и литературы. Читателямъ „Вѣстника Европы" безъ сомнѣнія памятны еще его періодическіе обзоры иностранныхъ книгъ (1876 г.), его критическія статьи о Вольтерѣ, о Мирабо-отцѣ, объ эпохѣ Фридриха-Вильгельма II-го и многія другія, появлявшіяся въ нашемъ журналѣ до 1881 г.—всегда основательныя, изящно изложенныя, полныя мысли и интереса. Тѣми же качествами отличается и все написанное имъ для предпринятой, подъ его редакціею, „Всеобщей исторіи литературы". Еслибы газетная, редакціонная работа не захватила его съ самаго начала въ свои тиски [1]), изъ него могъ бы выработаться замѣчательный критикъ или историкъ. Его жизнь протекла бы тогда, по всей вѣроятности, болѣе спокойно и болѣе счастливо, окончилась бы, можетъ быть, не такъ рано; написанному имъ была бы суждена, быть можетъ, бóльшая долговѣчность—но едва ли увеличилась бы сумма принесенной имъ пользы. Газетныя статьи рѣдко переживаютъ

---

[1]) Въ помощники редактора „Московскихъ Вѣдомостей" В. Ѳ. поступилъ чуть ли не прямо съ университетской скамьи; затѣмъ онъ сдѣлался редакторомъ ихъ и сохранялъ эту должность до взятія въ аренду „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей".

минуту—но это еще не значитъ, чтобы онѣ проходили безслѣдно. Впечатлѣніе ихъ неуловимо, но какъ нельзя болѣе реально. Ежедневная бесѣда съ массой читателей, руководимая честною, свободною мыслью—это своего рода проповѣдь, освѣщающая путь, бросающая сѣмена, укрѣпляющая отростки. Для русской печати, какъ и для русскаго общества, далеко не безразлично, что въ ея средѣ много лѣтъ сряду дѣйствовалъ В. Ѳ. Коршъ. Онъ оставилъ преданія, могущія служить точкой опоры—и вмѣстѣ съ тѣмъ масштабомъ для измѣренія уклоненій съ настоящей дороги. Образъ добросовѣстнаго, глубоко убѣжденнаго человѣка, справедливаго даже къ своимъ противникамъ, разборчиваго въ выборѣ оружій, враждебнаго всему грубому, пошлому, циническому, чуждаго погони за легкой наживой, долго сохранитъ свое обаяніе для всѣхъ тѣхъ, кто видитъ въ печати не одно лишь средство къ достиженію мелкихъ, личныхъ цѣлей.

А.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1-е августа, 1883.

Мало освѣщенныя стороны нашей общественной жизни; свѣтъ, бросаемый на нихъ двумя недавними процессами.—Средства борьбы, умѣстныя въ духовной области; условія, затрудняющія пользованіе этими средствами.—Печальная страница въ исторіи нашей печати.—Комическій призывъ по поводу трагическаго событія.

Человѣкъ вообще, а русскій человѣкъ въ особенности обладаетъ способностью забывать о томъ, что̀ не бросается ему въ глаза, не повторяется сплошь и рядомъ, не напоминаетъ, рѣзко и ярко, о своемъ существованіи. Эта способность имѣетъ свою хорошую сторону: иной разъ слишкомъ тяжело было бы находиться постоянно подъ бременемъ цѣлой массы гнетущихъ впечатлѣній, постоянно видѣть передъ собою, какъ бы въ живой картинѣ, печальныя черты современной дѣйствительности. Жаль только, что состояніе покоя, въ большинствѣ случаевъ, слишкомъ легко входитъ въ привычку, слишкомъ ревниво оберегается отъ всякихъ нарушеній. Мы знаемъ, напримѣръ, что наше уголовное уложеніе установляетъ весьма тяжкія наказанія за порицаніе православной церкви, за совращеніе православныхъ въ другое вѣроисповѣданіе; мы понимаемъ, говоря отвлеченно, всю чрезмѣрную строгость подобныхъ постановленій, — но значитъ ли это, что мы представляемъ себѣ, опредѣленно и ясно, ихъ практическое значеніе? Когда наша мысль случайно останавливается на этомъ вопросѣ, намъ тотчасъ же приходятъ въ голову разныя успокоительныя соображенія, уменьшающія ея тягость. Суровый законъ, думается намъ, часто бываетъ мертвою буквой; суровые законы есть и въ Англіи, но ихъ не отмѣняютъ тамъ именно потому, что никто не опасается ихъ примѣненія. Эпоха гоненій за вѣру миновала и у насъ; не даромъ же превозносятъ русскую вѣротерпимость. О процессахъ, предметомъ которыхъ служили бы такъ называемыя преступленія противъ вѣры, почти не слышно; ихъ, должно быть, или очень мало, или они оканчиваются весьма благопріятно для подсудимыхъ. Существуютъ, правда, уголовно-ститистическія таблицы, изъ которыхъ можно убѣдиться въ противномъ; но многіе ли знакомятся у насъ съ этими таблицами въ подлинникѣ, или хотя бы по газетнымъ или журнальнымъ о нихъ замѣткамъ? Со времени изданія послѣдняго выпуска этихъ таблицъ (за 1877 г.) прошло

притомъ, уже три года—періодъ времени, достаточный для полнаго забвенія. Статистическія цифры весьма краснорѣчивы, но не для всѣхъ; нужно привыкнуть къ ихъ языку, чтобы понимать и *чувствовать* ихъ. Конкретные факты, лежащіе въ основаніи этихъ цифръ, произвели бы совсѣмъ иное впечатлѣніе; но они обыкновенно остаются подъ спудомъ. Главнымъ театромъ процессовъ, о которыхъ идетъ рѣчь, служитъ провинція, иногда отдаленная, глухая. Судебная гласность существуетъ здѣсь часто лишь in potentia; ничто не мѣшаетъ стенографированію судебныхъ преній, кромѣ отсутствія стенографа. Рѣдко, рѣдко находится досужій и грамотный человѣкъ, способный не только заинтересоваться процессомъ, но и написать корреспонденцію о немъ для одной изъ столичныхъ или провинціальныхъ газетъ (послѣднія, впрочемъ не всегда могутъ воспользоваться сообщенными извѣстіями, потому что подчинены предварительной цензурѣ). Чѣмъ меньше, такимъ образомъ, число процессовъ, доходящихъ до всеобщаго свѣдѣнія, тѣмъ легче оптимистическое отношеніе къ нимъ, тѣмъ больше мѣста для предположенія, что преслѣдованіе и въ особенности осужденіе за преступленіе противъ вѣры—явленіе исключительное, незаслуживающее большого вниманія. Фикція вѣротерпимости не выдержала бы, можетъ быть, дружнаго напора многочисленныхъ и разнообразныхъ данныхъ—но выдерживаетъ прикосновеніе единичныхъ фактовъ, плохо освѣщенныхъ и раздѣленныхъ большими промежутками времени [1]). А между тѣмъ, пересмотръ уложенія о наказаніяхъ подвигается впередъ; приближается минута, отъ которой будетъ зависѣть уничтоженіе или неуничтоженіе одного изъ самыхъ крупныхъ недостатковъ нашего законодательства. Составители новаго уложенія не раздѣляютъ, конечно, иллюзій, распространенныхъ въ средѣ общества; они знакомы съ числомъ и свойствомъ, равно какъ и съ послѣдствіями преступленій противъ вѣры. Слѣдуетъ ли отсюда, что обществу остается лишь спокойно ожидать исхода преобразовательной работы? Безъ сомнѣнія, нѣтъ. Какъ бы мало ни значило у насъ общественное мнѣніе, оно можетъ иногда способствовать наклоненію вѣсовъ на ту или другую сторону; оно не имѣетъ права пассивно относиться къ вопросу, затрогивающему самыя чувствительныя струны народной души, и индивидуальной умственной жизни. Чтобы опредѣлить направленіе пути въ ближайшемъ будущемъ, нужно прежде всего знать и понимать настоящее.

---

[1]) Лѣтъ тридцать тому назадъ, когда у насъ меньше всего можно было говорить о вѣротерпимости, обычнымъ аргументомъ въ пользу существованія ея въ Россіи служило... разрѣшеніе спектаклей для иновѣрцевъ въ первые два дня великаго поста! Стóитъ только твердо держаться предвзятой мысли — за доказательствами ея дѣло никогда не станетъ.

Бѣдность матеріаловъ можетъ быть пополнена, до извѣстной степени, тщательнымъ ихъ изученіемъ.

Въ казанскомъ окружномъ судѣ производилось, мѣсяца полтора тому назадъ, весьма характеристичное дѣло о восьми крестьянахъ села Апазова, обвинявшихся въ публичномъ порицаніи православной вѣры и въ совращеніи своихъ односельцевъ изъ православія въ магометанство. Сами обвиняемые, по бумагамъ числившіеся православными, отрицали взводимыя на нихъ преступленія, но признавали себя магометанами. Нѣкоторые изъ числа свидѣтелей, совращенные, будто бы, подсудимыми, заявили на судѣ, что они считаютъ себя магометанами отъ рожденія и православными никогда не были, хотя и записаны въ православныхъ метрическихъ книгахъ. Другіе свидѣтели давали отвѣты, менѣе благопріятные для подсудимыхъ; но замѣчательно, что и они внѣшностью своею почти всѣ напоминали магометанъ: головы стрижены, часть бороды выбрита, костюмъ татарскій. По-русски никто изъ подсудимыхъ и почти никто изъ свидѣтелей говорить не умѣлъ. Давнишняя принадлежность многихъ жителей села Апазова къ магометанству обнаружилась на судѣ съ полною ясностью; между тѣмъ, по словамъ мѣстнаго священника, заявленіе котораго послужило поводомъ къ возбужденію дѣла, отпаденіе отъ православія началось въ Апазовѣ лишь съ 1881 г. Чтобы понять это противорѣчіе, стоитъ только припомнить нѣкоторые факты изъ исторіи нашего раскола. Цѣлыя семейства, чуть не цѣлыя деревни числятся, въ продолженіе нѣсколькихъ десятилѣтій, православными, принадлежа на самомъ дѣлѣ къ расколу. Случайное обстоятельство — назначеніе новаго, болѣе усерднаго и строгаго священника, размолвка прежняго съ номинальными его прихожанами, неосторожный поступокъ одного изъ послѣднихъ — приподнимаетъ завѣсу съ давно совершившихся фактовъ. Постороннему зрителю легко увѣрить себя и другихъ, что они только-что совершились или еще совершаются — а изъ числа лицъ, знающихъ настоящее положеніе дѣла, одни не пользуются довѣріемъ въ оффиціальномъ мірѣ, другіе пользуются имъ слишкомъ безусловно и употребляютъ его во зло, скрывая или искажая истину. Внезапное появленіе раскольниковъ, въ значительномъ числѣ, тамъ, гдѣ имъ до тѣхъ поръ быть не полагалось, естественно возбуждаетъ догадку о пропагандѣ, о совращеніи и совратителяхъ. Между „вновь объявившимися" раскольниками всегда найдется одинъ или нѣсколько сравнительно выдающихся; имъ приписывается роль, которая, въ сущности, никому не принадлежала или принадлежала другимъ, можетъ быть, давно умершимъ лицамъ. Нѣчто аналогич-

ное произошло, очевидно, и въ селѣ Апазовѣ, только не между раскольниками, а между магометанами. Мнимое отпаденіе отъ православія было здѣсь, повидимому, не чѣмъ другимъ, какъ нарушеніемъ безмолвнаго соглашенія, долго прикрывавшаго принадлежность нѣкоторыхъ крестьянъ къ магометанству. Кѣмъ было нарушено соглашеніе — обѣими ли сторонами, или только одною изъ нихъ, и какою именно—это вопросъ второстепенный; важно только то, что положеніе дѣлъ, продолжавшееся нѣсколько десятилѣтій, — а можетъ быть, и столѣтій,—получило характеръ новизны и вмѣстѣ съ тѣмъ уголовнаго преступленія. Въ основаніи апазовскаго процесса, какъ и многихъ другихъ, лежитъ неподвижность закона, непримиримая съ подвижностью и измѣнчивостью жизни. Въ глазахъ закона всякій, записанный православнымъ, есть православный на самомъ дѣлѣ; факты на каждомъ шагу говорятъ другое. За этотъ разладъ отдѣльныя лица расплачиваются иногда всей своей жизнью (изъ восьми апазовскихъ подсудимыхъ пятеро присуждено къ каторжной работѣ, трое къ ссылкѣ на поселеніе), общество и государство— развитіемъ лицемѣрія, увеличеніемъ числа фальшивыхъ, обоюдуострыхъ положеній.

Другой процессъ, рѣшенный недавно орловскимъ окружнымъ судомъ, любопытенъ какъ признакъ поступательнаго движенія штундизма. До сихъ поръ можно было думать, что ученіе штундистовъ не коснулось еще великороссійскихъ губерній. Извѣстія о немъ приходили только изъ мѣстъ, близкихъ къ его нарожденію—изъ губерніи херсонской, кіевской, полтавской. Оказывается, однако, что оно проникло уже въ трубчевскій уѣздъ орловской губерніи. Штундистами признали себя не только подсудимые, обвинившіеся въ распространеніи ереси, но и многіе свидѣтели, вызванные для изобличенія подсудимыхъ. Отсылаемъ читателя къ разсказу очевидца, въ газетѣ „Недѣля" (№ 25),—что обвинительный приговоръ „произвелъ на подсудимыхъ необыкновенное впечатлѣніе; они искренно обрадовались"... Въ быстромъ распространеніи штундизма нельзя не видѣть признака времени. Онъ удовлетворяетъ, очевидно, потребности, существующей въ воображеніяхъ или сердцахъ—потребности, не ограничиваемой ни опредѣленною мѣстностью, ни племенемъ, ни сословіемъ, ни степенью образованія. Параллельно съ штундизмомъ, подвигающимся съ юга на сѣверъ въ средѣ крестьянъ, идетъ ученіе пашковцевъ или редстокистовъ, спускающееся съ сѣвера на югъ и захватывающее преимущественно высшіе общественные классы. Обѣ доктрины состоятъ въ связи, прямой или косвенной, съ религіозными теченіями на западѣ Европы. Исторія послѣдняго полу-столѣтія даетъ поводъ пред-

полагать, что широкому, крупному перевороту въ религіозной области условія современной жизни неблагопріятны; столь же мало, однако, благопріятствуютъ они и застою или возвращенію къ единству. Нѣмецкіе католики, старо-католики, дарбисты, ирвингіане, свободныя протестантскія общины не могли достигнуть хотя бы той степени вліянія, какая выпала въ прошломъ вѣкѣ на долю методизма; но всѣ они, даже въ безсиліи своемъ, свидѣтельствуютъ о томъ, что волканъ не потухъ и не близокъ къ потуханію. Причины, поддерживающія подземный огонь, коренятся въ безконечномъ разнообразіи темпераментовъ, характеровъ и взглядовъ. Консерватизмъ массъ не допускаетъ радикальной общей перемѣны; никогда не прерывающееся броженіе личной мысли и личнаго чувства не допускаетъ безусловнаго единогласія, поголовной преданности унаслѣдованнымъ вѣрованіямъ. Внѣшніе регуляторы оказываются не въ силахъ остановить движеніе, но внутренніе регуляторы не даютъ ему разростись до колоссальныхъ размѣровъ. Индифферентизмъ правительственной власти столь же мало исключаетъ возможность религіознаго новаторства, какъ и стѣсненія, установляемыя въ интересахъ господствующей церкви. Піэтизмъ, напримѣръ, вербуетъ себѣ приверженцевъ и тамъ, гдѣ ему противопоставляется только насмѣшка, и тамъ, гдѣ онъ преслѣдуется полиціей. Одновременное развитіе его во Франціи и Швейцаріи, въ Англіи и Россіи—явленіе чрезвычайно знаменательное. Оно доказываетъ съ полною ясностью, что извнѣ піэтизмъ неуязвимъ, что поразить его можно только оружіемъ нематеріальнымъ. Подъ именемъ *пораженія* мы понимаемъ, конечно, не уничтоженіе его съ корнями, не отреченіе отъ него всѣхъ, безъ изъятія, его адептовъ, а только заключеніе его въ тѣсные предѣлы, устройство надлежащихъ по отношенію къ нему громоотводовъ и противовѣсовъ.

Тщета принудительныхъ и карательныхъ мѣръ, направленныхъ къ охраненію господствующей религіи, нигдѣ, можетъ быть, не выступаетъ на видъ съ такою яркостью, какъ именно у насъ въ Россіи. Религіозное новшество, въ тѣхъ, по крайней мѣрѣ, его формахъ, которыя не имѣютъ ничего общаго съ старообрядствомъ—должно бороться у насъ съ противникомъ еще болѣе сильнымъ, чѣмъ полиція и судъ: съ враждебнымъ настроеніемъ массъ, долго не уступающимъ мѣста равнодушію. Извѣстно, какъ былъ встрѣченъ штундизмъ на югѣ Россіи, сколько угрозъ, обидъ, побоевъ штундистамъ пришлось вынести отъ своихъ односельцевъ, какъ трудно и теперь еще (напр. въ Кіевѣ) сдерживать толпу во время публичныхъ диспутовъ православныхъ миссіонеровъ съ представителями штундизма.

Тоже самое явленіе мы видимъ и въ трубчевскомъ уѣздѣ; и здѣсь, по словамъ цитированной нами уже корреспонденціи, крестьяне преслѣдовали штундистовъ „разными домашними способами, проклиная ихъ и называя богоотступниками". Такое „домашнее преслѣдованіе" хуже оффиціальнаго; неразборчивое въ выборѣ средствъ, оно повторяется ежедневно и ежечасно, отравляетъ жизнь преслѣдуемыхъ и приводитъ, въ концѣ концовъ, къ вмѣшательству полиціи и суда, вопреки правилу: non bis in idem. Если послѣдователи новаго ученія не только выносятъ домашнее преслѣдованіе своихъ односельцевъ, но и находятъ новыхъ приверженцевъ, не устрашаемыхъ печальнымъ примѣромъ, то можно ли предполагать, что укрѣпленію и росту ереси помѣшаютъ уголовныя кары? Можно ли, далѣе, вѣрить въ дѣйствительность этихъ каръ, въ виду такихъ фактовъ, какіе представляетъ тотъ же трубчевскій процессъ—въ виду радости, возбуждаемой въ подсудимыхъ обвинительнымъ приговоромъ, въ виду самообличенія не привлеченныхъ къ дѣлу лицъ, желающихъ раздѣлить участь осужденныхъ? Мы не думаемъ, чтобы единственнымъ объясненіемъ этихъ фактовъ служило бѣдственное положеніе трубчевскихъ крестьянъ, страдающихъ отъ малоземелья. Много значатъ, безъ сомнѣнія, и тѣ „притѣсненія", о которыхъ мы только-что упоминали, тѣ „домашніе способы", которыми ведется борьба противъ штундизма; весьма вѣроятно и то, что подсудимыми, какъ и лицами имъ сочувствующими, руководитъ желаніе пострадать за вѣру—желаніе, играющее столь важную роль въ исторіи ересей и расколовъ. Достаточный запасъ данныхъ, убѣждающихъ въ безплодности преслѣдованій, эта исторія выработала уже давно; но факты, совершающіеся на нашихъ глазахъ, всегда дѣйствуютъ на насъ сильнѣе, чѣмъ факты давно совершившіеся. Отсюда глубоко-поучительное значеніе такихъ процессовъ, какъ трубчевскій; остается только желать, чтобы они не проходили незамѣченными или непонятыми.

Церковь, опирающаяся на громадное большинство народа, располагающая цѣлой арміей служителей, имѣетъ сама въ себѣ всѣ средства, необходимыя для ея охраны. Чѣмъ меньше внѣшнія стѣсненія мысли, тѣмъ успѣшнѣе можетъ быть борьба, веденная исключительно духовнымъ оружіемъ. Если проповѣдь, направленная противъ раскола, оставалась до сихъ поръ почти безъ результатовъ,—мы едва ли ошибемся, предположивъ, что число возвращающихся въ православіе не превышало числа отпадающихъ отъ него,—то это зависѣло отчасти отъ преобладанія другихъ способовъ борьбы, освященныхъ вѣковой привычкой. Эта привычка отражалась, до извѣстной степени, на самой обстановкѣ, на самомъ ходѣ диспутовъ, устраиваемыхъ съ

цѣлью укрѣпленія колеблющихся и обращенія отпадшихъ. Не говоримъ уже о тѣхъ диспутахъ съ штундистами, которые были какъ бы предисловіемъ къ уголовнымъ противъ нихъ процессамъ; другимъ публичнымъ спорамъ, свободнымъ отъ этого характера, также слишкомъ часто недостаетъ условій, необходимыхъ для успѣха. Серьезнымъ и плодотворнымъ диспутъ можетъ быть только тогда, когда спорящія стороны представляются равноправными, когда ни одна изъ нихъ не опирается на внѣшній авторитетъ (все равно не признаваемый другою), когда онѣ воздерживаются отъ взаимныхъ обвиненій и оскорбленій. Въ особенности обязательны эти правила именно для той стороны, къ которой другая привыкла относиться съ нѣкоторымъ недовѣріемъ и страхомъ. Ничто, въ веденіи диспута, не должно напоминать о другомъ пути, на которомъ слишкомъ часто встрѣчались стороны—о пути полицейскихъ и судебныхъ преслѣдованій. Нужно надѣяться, что теперь, послѣ изданія закона 3-го мая, диспуты съ раскольниками чаще будутъ удовлетворять этимъ условіямъ, чѣмъ удовлетворяли имъ до сихъ поръ. Беремъ, на удачу, описаніе одного изъ публичныхъ споровъ, происходившихъ въ Москвѣ нынѣшней весною; вотъ отрывки изъ рѣчей, съ которыми обращался къ раскольникамъ главный руководитель диспута со стороны православной [1]): „Это все увертки, не распространяйтесь... Не волнуйте собравшихся самовосхваленіемъ и неправдой... Почему самъ не принесъ Номоканона, если на него ссылаешься? Зачѣмъ криво толкуешь?.. Много гнили мы отъ тебя сегодня скушали, скушаемъ и это; отвѣчу тебѣ на твой вопросъ, несмотря на его вздорность... ты кривотолкъ!“ Правда, рѣчи раскольническихъ начетчиковъ также сдержанностью не отличались; но вѣдь они не получили того образованія, которое досталось на долю ихъ противниковъ, да и продолжительное, вынужденное молчаніе не могло развить въ нихъ искусства спорить безъ рѣзкихъ выходокъ и выраженій. Спокойствіе одной стороны скоро отразилось бы и на другой; теперь раздраженіе сталкивается съ раздраженіемъ, и возможность пользы отъ диспута устраняется уже самою его формой.

Есть еще одно условіе, необходимое для успѣшной борьбы противъ раскола посредствомъ устнаго и печатнаго слова: это привычка къ самостоятельности, сознаніе собственнаго достоинства, отсутствіе той рѣзкости и нетерпимости по отношенію къ безпомощнымъ и низшимъ, которую развиваетъ излишняя подчиненность по отношенію къ высшимъ. Существуетъ ли у насъ, въ настоящее время, это

---

[1]) См. «Московскія Вѣдомости», № 102.

условіе—объ этомъ можно судить, между прочимъ, по слѣдующему факту, сообщаемому „Церковно-общественнымъ Вѣстникомъ" (№ 74). Въ началѣ нынѣшняго года въ одной изъ западныхъ епархій назначенъ былъ епархіальный съѣздъ, безъ извѣщенія духовенства о предметахъ занятій съѣзда. Вопросы, подлежавшіе его обсужденію, были сообщены депутатамъ самимъ преосвященнымъ, наканунѣ открытія съѣзда; по каждому вопросу преосвященный заранѣе высказалъ свое мнѣніе. „Когда начался съѣздъ, каждый рѣшенный депутатами вопросъ предсѣдатель представлялъ на усмотрѣніе преосвященнаго, вслѣдствіе чего нѣкоторые вопросы были перевершаемы по два и по три раза, пока рѣшеніе съѣзда не приближалось къ мнѣнію преосвященнаго... Конечно, при такомъ отношеніи къ дѣйствіямъ съѣзда, постановленія послѣдняго не могли имѣть силы, и депутаты не шутя говорили, что лучше было бы, еслибы преосвященный, порѣшивши всѣ вопросы своею властью, разослалъ чрезъ благочинныхъ духовенству къ исполненію... Отъ подобнаго распоряженія вышла бы большая выгода: депутаты находились бы при своихъ мѣстахъ, занимались бы своимъ дѣломъ по приходу и хозяйству, и духовенство не потратило бы непроизводительно до 1400 рублей". Не трудно понять, насколько подобные порядки благопріятствуютъ воспитанію сильныхъ натуръ, способныхъ обойтись безъ внѣшнихъ точекъ опоры, безъ содѣйствія полиціи, больше чѣмъ неумѣстнаго въ области чисто-духовной.

Въ такомъ дѣлѣ, какъ воспитаніе человѣка — воспитаніе его не школою, а жизнью—частныя причины всегда, впрочемъ, уступаютъ общимъ, т. е. во многомъ отъ нихъ зависятъ. Увеличеніе числа самостоятельныхъ дѣятелей въ средѣ духовенства сдѣлается вполнѣ возможнымъ только тогда, когда ихъ будетъ больше въ другихъ классахъ общества. Для этого, въ свою очередь, необходимо появленіе многихъ новыхъ и исчезновеніе многихъ старыхъ условій, необходимо бо̀льшее уваженіе къ мысли, уменьшеніе страха передъ каждымъ сколько-нибудь свободнымъ и независимымъ словомъ. До тѣхъ поръ, пока никакая благонамѣренность въ прошедшемъ не служитъ гарантіей противъ подозрѣній и обвиненій, до тѣхъ поръ, пока возможна такая газетная травля, предметомъ которой недавно былъ г. Чичеринъ—до тѣхъ поръ трудно помышлять о новомъ, высшемъ уровнѣ общественнаго характера. Рѣчь, произнесенная московскимъ городскимъ головою на товарищескомъ обѣдѣ, послужила началомъ одной изъ самыхъ печальныхъ страницъ въ исторіи нашей печати. Первая половина этой страницы—пустое, бѣлое пространство, открывавшее широкій просторъ всяческимъ слухамъ и сплетнямъ. Если

бы оно было наполнено съ самаго начала,—наполнено подлиннымъ текстомъ рѣчи г. Чичерина, — для недоразумѣній, намѣренныхъ и непамѣренныхъ, осталось бы немного мѣста; молчаніе печати вызвало, наоборотъ, массу произвольныхъ и разнорѣчивыхъ догадокъ. Дѣло усложнилось еще больше, когда заговорили иностранныя газеты. Русскому журналисту, уважающему свое призваніе, оставалось, очевидно, одно изъ двухъ: или игнорировать этотъ говоръ, или объяснить, на основаніи достовѣрныхъ данныхъ (какъ это сдѣлалъ г. Аксаковъ), чтó въ немъ вымышлено, чтò—справедливо. „Московскія Вѣдомости" поступаютъ иначе; всегда недовѣрчивыя къ иностраннымъ извѣстіямъ, высокомѣрно-презрительныя къ иностраннымъ мнѣніямъ о Россіи, онѣ придаютъ, на этотъ разъ, полную вѣру австрійскимъ газетамъ и продолжаютъ настаивать на своемъ даже послѣ опроверженія, напечатаннаго въ „Руси". Можно себѣ представить, чтò сказали бы, чтó сдѣлали бы онѣ, если бы авторомъ „ужасной" рѣчи былъ не г. Чичеринъ, недавній ихъ союзникъ, а другой человѣкъ, болѣе „опасный"—т.-е. не имѣющій и никогда не имѣвшій съ ними рѣшительно ничего общаго! Сколько небылицъ можно было бы взвести на оратора, консерватизмъ котораго не былъ бы такой высокой пробы!.. Самыя элементарныя приличія запрещаютъ приписывать общественному дѣятелю слова, произнесеніе которыхъ — имъ отвергаемое и ничѣмъ не доказанное—могло бы имѣть для него неблагопріятныя послѣдствія. Забывать это правило у насъ менѣе позволительно, чѣмъ гдѣ бы то ни было; нагляднымъ напоминаніемъ о немъ должны были служить тѣ вымышленныя въ данномъ случаѣ, но вполнѣ правдоподобныя, по своему характеру, вѣсти, которыми сопровождался въ иностранныхъ газетахъ искаженный ими текстъ рѣчи г. Чичерина. „Московскія Вѣдомости" доказали еще разъ, что для обвинительнаго усердія ихъ не существуетъ никакой нравственно-обязательной границы. Г. Чичеринъ не раздѣляетъ всѣхъ восторговъ и всѣхъ страстей г. Каткова—этого довольно, чтобы объявить его hors la loi и дѣйствовать противъ него по законамъ военнаго времени (не настоящимъ, а давно вышедшимъ изъ употребленія).

Нѣтъ худа безъ добра, говоритъ пословица; походъ противъ г. Чичерина, возмутительный самъ по себѣ, имѣлъ ту хорошую сторону, что выставилъ на видъ полнѣйшую изолированность „Московскихъ Вѣдомостей". Не дальше, какъ годъ тому назадъ, онѣ шли рука объ руку съ „Русью", сочувственно относились къ г. Чичерину; теперь òрганъ г. Аксакова ведетъ рѣчь о нашихъ „полоумныхъ консерваторахъ", а г. Чичеринъ возстаетъ противъ „враговъ свободныхъ учрежденій". „Свободныя учрежденія,—читаемъ мы въ за-

явленіи г. Чичерина, вызванномъ полемикою о его застольной рѣчи, —это—учрежденія, дарованныя императоромъ Александромъ II, а кто ихъ враги—всѣ мы знаемъ; это тѣ, которые ежедневно и неустанно изливаютъ свою злобу на все, что̀ вызвано къ жизни Царемъ-Освободителемъ и что̀ дорого русскому человѣку: на независимый судъ, на земскія учрежденія, на городовое положеніе". Поднимая брошенную имъ перчатку, „Московскія Вѣдомости" зачисляютъ г. Чичерина въ ряды „либеральныхъ охранителей", лжецовъ, агитаторовъ противъ всякаго патріотическаго и полезнаго дѣла; „пора", восклицаютъ онѣ, „положить конецъ грубому и безсовѣстному злоупотребленію именемъ покойнаго Монарха!..." „Развѣ покойный Государь,—читаемъ мы въ той же статьѣ,—своею судебною реформой имѣлъ въ виду создать какое-то *свободное учрежденіе*, а не просто-на-просто обезпечить правосудіе? Всякое учрежденіе свободно въ сферѣ своей компетенціи и своихъ обязанностей. Въ какомъ же смыслѣ придается судамъ этотъ титулъ? Развѣ въ томъ, что они должны быть свободны отъ закона и подлежать безотвѣтственному произволу господъ правовѣдовъ?... Чтить память законодателя, значитъ чтить не букву, а духъ его законовъ". Въ послѣднихъ словахъ „Московскихъ Вѣдомостей" заключается приговоръ не ихъ противникамъ, а имъ самимъ. Учрежденія, связанныя съ именемъ Александра II, представляются *свободными* именно не по буквѣ своей, а по духу. Свободными учрежденіями могутъ быть названы не только тѣ, которыя прямо обезпечиваютъ пользованіе политической свободой, но и тѣ, которыя воспитываютъ народъ для свободы, дѣлаютъ его къ ней способнымъ. Непосредственною цѣлью судебной реформы конечно было обезпеченіе правосудія; но достигая этой цѣли, она устраняла одно изъ главныхъ препятствій къ общему развитію народа. Зависимость судей, нравственная ихъ распущенность, всеобщее къ нимъ недовѣріе, выразившееся въ извѣстной формулѣ: „съ сильнымъ не борись, съ богатымъ не тягайся"—все это устраняло возможность здороваго роста націи, развращало однихъ, угнетало другихъ; поддерживаемые всеобщею безправностью, старые суды въ свою очередь служили непослѣднею ея поддержкой. Уѣздный судъ прежняго устройства былъ, можетъ быть, „свободенъ въ сферѣ своей компетенціи и своихъ обязанностей" (хотя въ сущности этого о немъ сказать нельзя, въ виду отношеній къ нему губернатора и губернскаго правленія); но это была во всякомъ случаѣ „свобода" особаго сорта, похожая на ту свободу повиноваться и молчать, которую такъ великодушно октроируетъ русскимъ гражданамъ о̀рганъ г. Каткова. Консерваторы стараго закала были послѣдовательнѣе—или искреннѣе,—чѣмъ совре-

менный ихъ продолжатель и подражатель; понимая какъ нельзя лучше воспитательное значеніе судебныхъ преній, гласности, суда присяжныхъ, они доказывали непримѣнимость этихъ порядковъ къ Россіи именно указаніемъ на политическій строй нашего государства. Право земскихъ собраній и обновленныхъ городскихъ думъ на титулъ „свободныхъ учрежденій" представляется еще менѣе спорнымъ: общество является здѣсь уже непосредственно дѣйствующимъ, не только пріучающимся къ самоуправленію, но до извѣстной степени облеченнымъ свойственною ему властью. Недостатки положеній земскаго и городового весьма велики, это несомнѣнно; но вѣдь „либеральные охранители" и другіе „противники" патріотическаго, полезнаго дѣла отстаиваютъ не букву, а только духъ обоихъ положеній. Охраняя начало, служащее краеугольнымъ камнемъ земскаго и городского самоуправленія, они имѣютъ въ виду именно возможность и необходимость дальнѣйшаго его развитія. На сторонѣ „охраны", такимъ образомъ понимаемой, стоятъ, повидимому, представители самыхъ различныхъ мнѣній; нападенія „Московскихъ Вѣдомостей" противъ г. Чичерина нашли сочувственный отголосокъ только въ такихъ органахъ печати, которыхъ почти никто не читаетъ и съ которыми рѣшительно никто не споритъ. Можно расходиться въ выборѣ средствъ, которыми должно быть довершено начатое дѣло — и все-таки признавать, что оно начато правильно, что оно требуетъ не урѣзокъ, а усовершенствованій и дополненій, что истина впереди, а не позади насъ. Упрекъ въ лицемѣріи менѣе всего примѣнимъ именно къ тѣмъ, въ кого онъ брошенъ „Московскими Вѣдомостями". Они никогда не считали, не считаютъ и теперь реформы минувшаго царствованія послѣднимъ словомъ государственной мудрости, они указывали и указываютъ въ нихъ многочисленные пробѣлы, крупныя ошибки, и высоко цѣнятъ только общій ихъ смыслъ, служащій источникомъ и залогомъ новыхъ, еще болѣе глубокихъ преобразованій.

Среди неутѣшительныхъ мотивовъ, которыми такъ богата наша дѣйствительность, звучитъ, отъ времени до времени комическая нота —особенно комическая тогда, когда она берется съ серьёзной миной и патетическими тѣлодвиженіями. Образецъ такого комизма мы видѣли недавно въ сто-первой варіаціи на тэму: перенесеніе столицы изъ Петербурга въ Москву; на этотъ разъ мы находимъ его въ открытомъ письмѣ г. В. Ламанскаго, написанномъ по поводу большого гутуевскаго пожара. Комиченъ, безъ сомнѣнія, не призывъ къ помощи погорѣльцамъ; комична попытка связать этотъ призывъ съ вопросомъ о нашихъ политическихъ партіяхъ. „Охранители", восклицаетъ г. Ламанскій, „ропщутъ и негодуютъ на либераловъ, что все-де они имъ

тамъ напортили. Либералы, посмѣиваясь и негодуя, что ни о чемъ-то ихъ не спрашиваютъ, увѣряютъ, что они на все махнули рукой: ничего-де не подѣлаешь. Ну кто же вамъ, россійскіе тори и виги, тутъ-то и теперь-то мѣшаетъ показать себя?.. Дѣлайте же что-нибудь, покажите хоть на маломъ дѣлѣ, что вы дѣйствительно живые люди, а не охранительные и не либеральные только Подколесины и Обломовы, одинаково ничего не дѣлающіе въ видахъ ли либеральныхъ или въ консервативныхъ, по-маниловски вздыхая или по-собакевичевски ругаясь, смотря по темпераменту... Всѣ и всюду у насъ скучаютъ. Все это, повѣрьте, отъ праздности, либеральной и консервативной. Дѣла у насъ всѣмъ много. Перестанемъ хоть на время скучать и злословить, негодовать на прошлое или дуться на настоящее. Худо не въ томъ или другомъ, а вся бѣда въ насъ самихъ, въ нашей тупой, равнодушной лѣни, въ нашемъ неумѣньѣ прочно и прямо, толково и дѣльно относиться къ живымъ запросамъ жизни и къ настоящей злобѣ дня". „Короткій смыслъ" этой „длинной рѣчи" заключается... въ сборѣ пожертвованій для погорѣльцевъ, посредствомъ церковныхъ кружекъ и газетныхъ приглашеній! Прочитавъ письмо г. Ламанскаго, мы вспомнили воззваніе гр. Л. Н. Толстого, напечатанное имъ полтора года тому назадъ, во время производства народной переписи въ Москвѣ, и вспомнили также французскую поговорку: „отъ высокаго до смѣшного только шагъ". Гр. Толстой также призывалъ общество къ дѣятельности—но въ его призывѣ не было ничего банальнаго, ничего легковѣснаго, ничего комическаго; онъ проникалъ прямо въ душу и оставлялъ глубокое впечатлѣніе. Письмо г. Ламанскаго написано по поводу одного изъ тѣхъ выдающихся событій, которыя всегда вызывали и вызываютъ общественную благотворительность; статья гр. Толстого показала намъ, во всей ея ужасной наготѣ, такую рану на общественномъ тѣлѣ, которая существуетъ постоянно и именно потому мало обращаетъ на себя вниманіе. Г. Ламанскій совѣтуетъ только то, что̀ дѣлается на каждомъ шагу, безъ всякаго совѣта; онъ проповѣдуетъ благотворительность въ самой легкой, самой дешевой, самой рутинной ея формѣ. Гр. Толстой доводилъ отрицаніе этой формы до крайности, можетъ быть, непрактичной—но сколько свѣжести, сколько любви и силы было въ его протестѣ противъ денежной помощи, какъ правдиво онъ выставлялъ на видъ всю недостаточность ея и сухость! Послушаться г. Ламанскаго—значитъ купить себѣ душевное спокойствіе цѣною нѣсколькихъ рублей или, въ лучшемъ случаѣ, цѣною хлопотливой бѣготни, сопряженной съ сборомъ пожертвованій и учрежденіемъ ad hoc коммиссій или комитетовъ; послѣдовать за гр. Толстымъ—значило вступить на безконечно-длинный и трудный путь

дѣятельнаго служенія нуждающимся и обремененнымъ. Даже на этомъ пути невозможно *общее* отрѣшеніе отъ политической злобы дня, невозможно полное сліяніе „охранителей“ съ „либералами“; на пути, рекомендуемомъ г. Ламанскимъ, говорить о чемъ-либо подобномъ можно только въ видѣ шутки, не особенно забавной. Америка, куда зоветъ насъ г. Ламанскій, давно открыта; благотворительность, въ ея обычномъ видѣ, процвѣтала у насъ довольно широко и въ голодные годы (1867—68, 1873—74, 1880—81), и во время сербской кампаніи, и во время восточной войны, и послѣ такихъ пожаровъ, какъ моршанскій, оренбургскій и др. Участвовали въ ней, конечно, и охранители, и либералы. Для ближайшихъ ея цѣлей она не прошла безслѣдно; но привела ли она къ тому, о чемъ такъ наивно мечтаетъ и съ такими претензіями говоритъ г. Ламанскій? Восполнила ли она пустоту нашей общественной жизни, удовлетворила ли жажду дѣятельности однихъ, исцѣлила ли другихъ отъ лѣни, праздности и скуки? Гдѣ основаніе думать, что повтореніе, въ сравнительно-миніатюрныхъ размѣрахъ, много разъ продѣланнаго процесса приведетъ теперь къ небывалымъ, крупнымъ результатамъ? Участіе въ благотворительной суетѣ — настолько же суррогатъ другихъ видовъ публичной дѣятельности, насколько камень — суррогатъ хлѣба. Рѣчь гр. Толстого была или по крайней мѣрѣ могла быть крупнымъ событіемъ въ нашей общественной жизни; письмо г. Ламанскаго разыграло въ ней роль маленькаго интермеццо, подходящимъ названіемъ которому было бы: „много шуму изъ ничего“.

ИЗВѢСТІЯ

ОТЪ РЕДАКЦІИ. На постановку бюста Жуковскаго прислано въ редакцію учителемъ духовнаго училища Михаиломъ Платоновичемъ Мощенко, изъ Ставрополя-Кавказскаго 31 рубль, собранные имъ отъ В. Л.—2 р., А. К.—1 р., М. М.—2 р., П. Ш.—2 р., К. В.—1 р., Н. Д.—1 р., А. С.—1 р., Р. Г.—1 р., К. К.—1 р., А. С.—2 р., Г. Т.—1 р., И. П.—1 р., К. Е.—2 р., Ѳ. С.—1 р., Г. М.—2 р., А. П.—2 р., М. О.—1 р., П. Б.—2 р., М. И.—1 р., П. З.—1 р., И. С.—1 р. и Г. В.—2 р. Деньги переданы въ С.-Петербургскую Городскую Управу 13 іюля 1883 г. за № 4151.

Издатель и редакторъ: М. Стасюлевичъ.

СОДЕРЖАНІЕ

ЧЕТВЕРТАГО ТОМА.

ІЮЛЬ—АВГУСТЪ, 1883.

Книга седьмая. — Іюль.

Книга восьмая,—Августъ.

стр.

JUL 10 '57 H